Ширер Уильям

Взлет и падение третьего рейха

Том I

ПРЕДИСЛОВИЕ

На одном из советско-американских симпозиумов по второй мировой войне, которые вот уже несколько лет проводятся поочередно в СССР и США, руководитель американской делегации, видный историк и знаток архивных документов профессор У. Кимболл заметил, что всем, кто интересуется историей гитлеровской Германии, событиями, потрясшими Европу и мир в 30-е и первую половину 40-х годов, следует прежде всего рекомендовать книгу У. Ширера «Взлет и падение третьего рейха». Учитывая, что на эту тему написаны тысячи книг и число их продолжает расти, такая оценка сама по себе примечательна. Во всяком случае, эта книга весьма полезна для читателей с любым уровнем знаний. Она неоднократно переиздавалась в США, переводилась во многих странах мира. Ныне стала возможной ее публикация и в СССР.

Уильям Ширер, родившийся в 1904 году, — известный американский историк и журналист. Был корреспондентом в Париже, Лондоне и Риме. С 1926 года по декабрь 1941-го находился в Германии, представляя «Чикаго трибюн», а затем «Коламбиа бродкастинг сервис». В дальнейшем с осени 1945-го вновь работал в Германии. Присутствовал на Нюрнбергском процессе. Является автором ряда книг, из которых наибольшую известность получила «Взлет и падение третьего рейха».

Уникальность книги — в ее документальности, обогащенной личным восприятием многих событии, их оценок непосредственными участниками, в глубоком анализе многих исторических явлений. Наибольшего накала при изложении исторического материала, что вполне закономерно, Ширер достигает именно при сочетании перечисленных факторов; там же, где личные наблюдения автора отсутствуют, книга грешит некоторым схематизмом. В указанном смысле первые книги, на мой взгляд, более обстоятельны, нежели последующие.

Труд представляет собой историю германского фашизма, начиная с возникновения нацистской партии и кончая разгромом гитлеровского рейха во второй мировой войне. Широко используя секретные документы государственных учреждений и различных ведомств Германии, материалы конференций и совещаний, записи доверительных переговоров нацистского руководства, дневники дипломатов, политиков и генералов, архивы МИДа, Германии, штабов верховного командования вермахта (ОКВ), сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных (ОКЛ) и военно-морских (ОКМ), воспоминания лиц из окружения Гитлера, показания обвиняемых и свидетелей на Нюрнбергском процессе, автор освещает узловые проблемы возникновения, становления,

развития и крушения нацистской Германии и фашизма как общественного явления в целом. Лишь в нескольких местах, по словам Ширера, он прибегает к догадкам — там, где не оказалось документов. Но такие случаи автор старается оговаривать.

Книга выдержана в традициях умеренно-консервативной западной историографии с ее неприятием многих реалий советского общества. Вместе с тем объективная позиция автора способствует яркому и убедительному раскрытию фашизма как порождения империализма, смертельной угрозы существованию цивилизованного человечества, связей фашизма с монополиями и реакционной военщиной.

Рассматривая историю рейха, автор уделяет большое внимание довольно слабо освещенному в советской исторической литературе вопросу возникновения и становления нацистской партии, появления ее вождей. Подробно освещается биография Гитлера до первой мировой войны, когда он еще не определился как личность, и после принятия рокового для него и для мира решения посвятить свою жизнь политике завоевания для Германии «жизненного пространства», достижения мирового господства и уничтожения большевизма. При этом «угроза большевизма» неизменно использовалась в обоснование как внешней, так и внутренней политики Германии (например, при расправах с соперниками внутри нацистской партии — с Ремом и другими). Автор рисует обстановку, сложившуюся в Германии после ее поражения в первой мировой войне, становление Веймарской республики, исследует расстановку сил, причины возникновения нацистской партии как реакцию финансово-промышленных кругов на крепнущее рабочее движение. Эти круги не допускали гитлеровцев к штурвалу государственной машины до тех пор, пока могли управлять массами с помощью методов, присущих буржуазной демократии. Однако, как хорошо показано в книге, когда германский империализм утратил возможность бороться с рабочим движением испытанными методами, он обратился к нацистской партии и способствовал ее приходу к власти. Этого требовала и жажда реванша за проигранную войну, которой соответствовала агрессивная внешнеполитическая программа нацистов.

Анализируя мировоззренческие взгляды самого фюрера и его приспешников, в частности книгу Гитлера «Майн кампф», справедливо получившую в свое время название «библии людоедов», автор приходит к выводу, что основные постулаты нацистов представляли собой смесь вульгарного дарвинизма, фантазий садистов, мегаломании, философии традиционного германского милитаризма и пруссачества одновременно. «Нацизм и третий рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории», — констатирует Ширер. В фашизации Германии, по его мнению, были виноваты и сами немцы, которые, не ведая, что творят, надели на себя ярмо нацистской тирании.

В книге подробно рассматриваются процесс передачи власти правящими кругами Веймарской республики фашистской клике, поджог рейхстага, междоусобная борьба в стане гитлеровцев в первые месяцы нацистского режима. Отдельная глава отводится описанию жизни населения Германии в годы фашистского правления. Освещается деятельность правительственных органов, система пропаганды, принудительного труда, отношение нацистов к церкви, нацификация культуры и просвещения, состояние промышленности, сельского хозяйства и других областей жизнедеятельности государства в условиях «нового порядка».

Раскрывая корни чудовищных преступлений нацистов, поддержку широкими массами населения их агрессивной программы, Ширер отмечает, что германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия. Он показывает, что псевдореволюционная риторика и обработка общественного мнения, тотальные репрессии против инакомыслящих, прежде всего коммунистов и социал-демократов, явились для нацистов главными средствами достижения цели. Социалистические лозунги Гитлера, по мысли Ширера, были лишь «средством пропаганды, завоевания на свою сторону масс в период продвижения к власти».

Нельзя не согласиться с автором в том, что отсутствие единства в рабочем движении Германии, раскол между коммунистами и социал-демократами способствовали приходу гитлеровцев к власти. В книге убедительно показано, что существовала реальная возможность, особенно на выборах в ноябре 1932 года, когда гитлеровцы потеряли 2 миллиона голосов, не допустить их прихода к власти (нацисты получили 196 мест в рейхстаге, социал-демократы — 121, коммунисты — 100). Однако обстановка, сложившаяся к тому времени в рабочем движении Германии (политика предательства и террора, проводившаяся лидерами правой социал-демократии в период Ноябрьской революции 1918 года, в последующем привела к зарождению на этой основе не без помощи Сталина и Коминтерна теории «социал-фашизма»), исключала такую возможность.

Внешняя политика рейха в первые годы его существования представляла собой, по мнению автора, смесь псевдомиролюбивой демагогии и проводимой втайне подготовки к войне. Все это имело одну цель — усыпить бдительность союзных держав и не дать им повода применить санкции против Германии.

В книге подробно разбираются нарушение третьим рейхом Версальского договора, занятие гитлеровцами демилитаризованной Рейнской зоны, усиленная подготовка к войне, обновление руководства вооруженными силами. Отдельная глава повествует о захвате Австрии, две главы отведены истории Мюнхенского соглашения и оккупации Чехословакии.

Надо отметить, что предыстория второй мировой войны освещена в книге достаточно широко и интересно. В ряде случаев ход событий ставит автора в тупик: если главы правительств Англии и Франции знали, что захват Чехословакии посредством военной силы нереален, что это приведет Германию к поражению, то как случилось, что они принесли в жертву жизненные интересы своих стран? В поисках ответа на эти вопросы читатель, по замечанию Ширера, сталкивается с тайной Мюнхена. Какой? Прямого ответа автор не дает, но из книги следует, что мюнхенский сговор явился одним из промежуточных результатов противоборства, развернувшегося в середине 30-х годов между двумя еще окончательно не оформившимися группировками империалистических держав: Германией, Италией и Японией с одной стороны и Великобританией, Францией и США — с другой. Первая представляла собой, выражаясь словами В. И. Ленина, буржуазию «алчущую», стремящуюся к захвату мирового господства, вторая — буржуазию «сытую», целью которой являлось удержать и укрепить свои доминирующие позиции в мире[1].

Обе группировки объединяли антисоветские тенденции, стремление разрешить противоречия за счет СССР.

В 1931 году милитаристская Япония развязала на Дальнем Востоке захватническую войну против Китая. С приходом к власти в Германии в январе 1933 года нацистов, дорогу которым вымостили немецкие финансово-промышленные и военные круги, резко возросла опасность войны в Европе.

Советский Союз, заинтересованный в предотвращении войны, опираясь на свою растущую мощь, стремление к защите государств, которым угрожала агрессия, и поддержку антивоенного движения, выступил в декабре 1933 года с программой создания системы коллективной безопасности. К середине 30-х годов в активе советской внешней политики имелся ряд существенных достижений. Общепризнанным был положительный вклад СССР в деятельность Лиги Наций, направленный на укрепление ее как органа коллективной безопасности. СССР заключил договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, конвенцию об определении агрессии, выступил с предложением заключить региональный оборонительный пакт с участием СССР, Франции, Польши, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Литвы и Бельгии (Восточный пакт), а также соглашение о ненападении с участием СССР, США, Великобритании, Франции, Японии и Китая (Тихоокеанский пакт), оказывал самоотверженную помощь, в том числе военную, жертвам агрессии. Однако создание системы коллективной безопасности в том виде, в каком предлагал Советский Союз, оказалось невозможным. Не были заключены ни Восточный, ни Тихоокеанский пакт. Основной причиной этого явилась политика так называемого «умиротворения» (уступок агрессору), которую проводили западные демократии, что и привело к мюнхенскому сговору.

Агрессоры, используя сложившуюся обстановку, действовали быстро и нагло. В 1935 году фашистская Италия захватила Абиссинию; в 1936 году Германия ввела войска в демилитаризованную согласно Версальскому договору Рейнскую зону, итало-немецкие вооруженные силы начали военную интервенцию против республиканской Испании; в 1937 году развернулся новый широкомасштабный этап японской агрессии в Китае; в марте 1938 года германские войска вступили в Австрию, ликвидировав ее независимость.

Мюнхенское соглашение явилось переломным рубежом, изменившим всю политическую и стратегическую обстановку в Европе, оно нанесло сокрушительный удар по политике коллективной безопасности, обесценило договоры СССР с Францией и Чехословакией о взаимопомощи, открыло путь фашистской агрессии в общеевропейском масштабе. СССР, выступивший в защиту Чехословакии, оказался в международной изоляции. Давая оценку мюнхенскому сговору, Ширер резко осуждает политику глав правительств Англии и Франции, высказывая предположение, что Чемберлен еще до возникновения чехословацкого кризиса дал понять Гитлеру: Англия не выступит в защиту Чехословакии. Это, кстати, подтверждается дальнейшим ходом событий и документами дипломатической переписки.

Последствия не заставили себя ждать. 14 марта 1939 года немецкие войска вступили на территорию Чехии. На следующий день Чехословакия как самостоятельное государство перестало существовать. 22 марта войска вермахта оккупировали литовский порт Клайпеда (Мемель). 3 апреля Гитлер утвердил план операции «Вайс» (агрессия против Польши). 7 апреля итальянские войска захватили Албанию. Европа оказалась охвачена политическим кризисом.

Скрупулезно исследуя события 1939 года, главное место автор отводит подготовке германской агрессии против Польши, англо-франко-советским и советско-германским переговорам, а также поискам возможности заключить германо-английское соглашение о разделе сфер влияния.

Многосторонние переговоры к середине августа вступили в решающую фазу. От их исхода зависела не только реализация последней возможности предотвратить нападение Германии на Польшу и вовлечение в войну целого ряда других государств, но и общая расстановка сил в войне. Каждая из сторон преследовала свои цели. Германия стремилась обеспечить наиболее благоприятные внешнеполитические условия для нападения на Польшу, воспрепятствовать созданию англо-франко-советской коалиции («не допустить союза Англии и Франции с Россией»), вовлечению в войну на стороне Польши Советского Союза; Англия и Франция — избежать войны с Германией и направить ее агрессивные устремления против СССР, а при определенных условиях достигнуть нового сговора с Германией, решив «польскую проблему» путем компромисса с рейхом; СССР — воспрепятствовать сговору Англии и Франции с Германией и Италией на антисоветской и антипольской основе, не допустить в случае возникновения германо-польской войны выхода вермахта к советским границам, добиться заключения военно-политического союза с Англией и Францией для пресечения новых актов фашистской агрессии.

Эти переговоры, казалось, призванные решить «польскую проблему», а в действительности определявшие судьбы войны и мира в глобальном масштабе, отличались рядом особенностей. Во-первых, все они были взаимосвязаны: положение на одних переговорах во многом определяло движение вперед или вспять на других. Во-вторых, несмотря на секретный характер британо-германских и германо-советских переговоров, об основном их содержании знали соответственно в Москве и в Лондоне. Все это превращало их в запутанный клубок, ситуация менялась стремительно, порой с непредсказуемыми последствиями. Чтобы уяснить некоторые связанные с переговорами в изложении автора книги обстоятельства, уточним общую картину на последнем их этапе.

К 19 августа англо-франко-советские переговоры зашли в тупик. Советское правительство дало согласие на приезд Риббентропа в Москву 26-27 августа. В то же время было принято решение оставить двери для переговоров с Англией и Францией открытыми. В ночь на 20 августа в Берлине состоялось подписание советско-германского кредитного соглашения, о чем было сообщено в печати. В тот же день Гитлер обратился к И. В. Сталину с личным посланием, настаивая на приезде Риббентропа в Москву 22 августа, самое позднее 23-го.

О напряженности этих дней свидетельствует хотя бы такой факт. На 23 августа одновременно была намечена встреча Геринга с Чемберленом в Англии. На один из немецких аэродромов за именитым гостем уже прибыл самолет «Локхид А-12» английских секретных служб. Содержание условий сговора хранят в тайне британские архивы. Утром 21 августа на переговорах в Москве началось последнее заседание советской, британской и французской военных делегаций, закончившееся безрезультатно. Вечером Сталин отправил Гитлеру телеграмму с согласием на приезд Риббентропа 23 августа. Полет Геринга в Англию был отменен.

22 августа советская печать сообщила о предстоящем приезде Риббентропа. Готовясь к его приему, в Москве ожидали положительного сдвига на переговорах с Великобританией и Францией. Глава французской военной делегации генерал Ж. Думенк посетил в тот день К. Е. Ворошилова и сообщил, что получил от своего правительства положительный ответ на «основной кардинальный вопрос» (согласие на пропуск советских войск через территории Польши и Румынии в случае наступления германских армий) и полномочия подписать военную конвенцию. Однако он признал, что о позиции английского, румынского и польского правительств ему ничего не известно. Иными словами, подписание военной конвенции и предотвращение совместными усилиями нападения Германии на Польшу оказалось невозможным. У. Ширер считает, что Чемберлен, отвергнув соглашение с СССР, впоследствии «вернулся к этой мысли». Если все обстояло именно так, то английский премьер пошел на это лишь с целью оказать давление на Германию, вернуть ее политику в «разумные рамки» мюнхенского сговора. Анализ доступных в настоящее время английских дипломатических документов показывает, что правительство Великобритании стремилось избежать войны с Германией, но не желало заключать соглашения с СССР на основе обеспечения равной безопасности, да, пожалуй, и вообще какой-либо договоренности с СССР, направленной против Германии, хотя необходимость именно такого соглашения диктовалась угрозой фашистской агрессии, нависшей над Европой. Впрочем, это всего лишь частное замечание. В целом же автор довольно объективно раскрывает политику Англии и Франции, подчеркивая: «В любом случае Сталин, по-моему, не принимал окончательного решения (о заключении пакта о ненападении с Германией. — О. Р.) до вечера 19 августа».

Разгром Польши представлен автором как результат сговора между Гитлером и Сталиным. Советско-германский договор о ненападении и взаимоотношения между СССР и Германией анализируются в мельчайших подробностях и трактуются как отношения между двумя родственными по духу тоталитарными державами. Приводятся выдержки из секретных протоколов к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года, фрагменты ответа Молотова Шуленбургу от 26 ноября 1940 года о согласии СССР на вступление в тройственный пакт на определенных условиях. Требование Сталина о выделении сфер влияния для СССР в Европе и на Среднем Востоке, по мысли автора, привело к принятию Гитлером окончательного решения начать войну против СССР, подготовка к которой велась с середины 1940 года. Отдельные главы посвящены «странной войне», захвату Дании и Норвегии, падению Франции, битве за Англию и операции «Морской лев», захвату гитлеровцами Балканских государств.

В этой связи необходимо, на наш взгляд, прояснить вопрос о советско-германских договорах от 23 августа и 28 сентября 1939 года. Как следует из дипломатических документов, договоренность, достигнутая между СССР и Германией в августе и сентябре 1939 года, четко определяла сферы интересов двух государств, что было необходимо для безопасности СССР и максимально возможной в тех условиях защиты от нацистской оккупации приграничных стран и территорий. Конкретно к сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Западная Белоруссия, Западная Украина и Бессарабия.

Сегодня можно констатировать, что Советское правительство, заключая 23 августа 1939 года пакт о ненападении с Германией, учитывало последствия неизбежного разгрома Польши, лишенной правительствами Англии и Франции, а

также собственными правителями советской помощи, и считало необходимым при таком развитии событий любой ценой предотвратить выход вермахта к советским границам, вовлечение СССР в войну.

Это решение давало СССР определенные гарантии национальной безопасности и защиты западных границ, временный нейтралитет в надвигавшейся войне, но содержало и неизбежные последствия компромисса с разбойным гитлеровским режимом — негативные явления политического, идеологического и военного характера. Эти явления усугубили демонстрация некой «дружбы» с Германией и ряд противоправных действий, допущенных при освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, а позднее в Прибалтийских странах в обстановке стремительно нараставшей угрозы войны Германии против СССР.

Нельзя не учитывать также, что летом и осенью 1939 года СССР и МНР отражали агрессию японских захватчиков на Дальнем Востоке. Словом, угроза войны на два фронта, а в наихудшем варианте и против других империалистических государств являлась суровой реальностью. Вопрос стоял о жизни и смерти Советского государства. У. Черчилль, современник рассматриваемых событий, говорил в этой связи 1 октября 1939 года, выступая по радио:

«То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было, без всякого сомнения, необходимо для безопасности России перед немецкой угрозой. Во всяком случае, была занята позиция и создан Восточный фронт, который немецкая армия не осмелилась атаковать».

Подсчеты, кто в итоге выиграл от германо-советских договоренностей, представляются гипотетичными. Для Германии к июню 1941 года сложились наиболее благоприятные условия для нападения на СССР — главной программной цели нацизма. СССР, заключив пакт с Германией и договор о нейтралитете с Японией, обеспечил себе почти два года для укрепления обороны страны, что сыграло важнейшую роль в первый, наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Экономическими соглашениями, заключенными в 1939–1940 годах, каждая из сторон также преследовала свои цели.

Известные историки из ФРГ Ф. Форстмайер и Х. Фолькман пишут: «В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое мнение о «существенной поддержке» германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывают того объема и ассортимента поставок, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 года СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10 процентов, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне недоставало ей самой. В ответ же на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений».

Одной из причин затянувшихся дискуссий о советско-германских договоренностях 1939 года являлось наше длительное молчание по поводу публикаций на Западе еще в 1948 году относящихся к ним секретных протоколов, что многие десятилетия использовалось реакционной пропагандой в антисоветских целях. Между тем взятые в совокупности документы и факты

многое проясняют, позволяют дать советско-германским договоренностям более объективную оценку, не причислять СССР к «невоюющим союзникам» Германии, как это начали утверждать отдельные историки. Все обстояло значительно сложнее. Исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в документах II съезда народных депутатов СССР (1989 год).

Реализация достигнутых в 1939 году договоренностей между Германией и СССР отражала обстановку вынужденного с обеих сторон, хотя и по разным причинам, временного компромисса, в котором определяющим фактором являлись стремительно нараставшие противоречия, вызванные усиливавшейся подготовкой Германии к агрессии против СССР.

Что касается переговоров В. Молотова в Берлине в конце 1940 года и согласия СССР на вступление в тройственный пакт, то как предложение, сделанное Советскому правительству, так и его ответ необходимо, на наш взгляд, рассматривать в контексте сложившейся военно-политической обстановки, которая диктовалась уже принятым к этому времени решением гитлеровского руководства о войне против СССР, о подготовке к которой было известно в Москве. На переговорах в Берлине Германия стремилась дезориентировать СССР относительно своих планов (отсюда и предложение о новом разделе сфер влияния), а СССР — дезориентировать Германию, якобы приняв ее предложение как реальное, и таким образом отдалить еще на какое-то время войну, укрепить оборону страны, в первую очередь Вооруженные Силы, которые, как показала война в Финляндии, явно не были готовы к отражению агрессии. Думается, что ни та, ни другая сторона своих целей не достигли. Гитлеровцы продолжали наращивать масштабы подготовки к агрессии. Отсутствие немецкого ответа на советское письмо от 26 ноября 1940 года лишний раз подтверждало неизбежность войны. Не оставалось, видимо, у гитлеровцев сомнений и в том, что скрыть свои планы от СССР не удастся, о чем свидетельствовала достаточно жесткая позиция, занятая В. М. Молотовым на переговорах в Берлине, на что указывают и приводимые в книге фрагменты.

Довольно обстоятельно рассматривая агрессию Германии против Польши, вступление в войну Англии и Франции, сражение за скандинавский плацдарм, поражение Франции, автор затем отводит немалое место битве за Англию, высказываясь в том смысле, что «какой-то десяток английских летчиков» сорвал гитлеровские планы вторжения на Британские острова и устремления Гитлера «волей-неволей» развернулись в другом направлении. Позволю возразить: ситуация была несколько иной. Упорная оборона Англии, самоотверженная защита ее территории от угрозы вторжения морского десанта противника, умелые действия британских средств ПВО и особенно истребительной авиации явились существенным фактором в срыве планов Гитлера «выбомбить Англию из войны». При этом следует учитывать, что в тот период Великобритания и ее вооруженные силы вели единоборство с фашистской Германией, значение которого для будущих событий войны еще не получило в советских исследованиях должной оценки.

Вместе с тем, как свидетельствуют документы, задача вывести Англию из войны являлась важной, но подчиненной целью германского руководства. Основные его усилия после разгрома Франции сосредоточивались на непосредственной подготовке войны против СССР. 30 июня 1940 года, то есть на пятый день после прекращения огня во Франции, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер записал в

своем дневнике: «Основное внимание — на Восток… Англии мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на Востоке». Разработка плана нападения на СССР началась, судя по документам, 25 июня. Через месяц она развернулась ускоренными темпами и завершилась в первом варианте 31 июня 1940 года. В этот день в Бергхофе состоялось совещание руководящего состава вооруженных сил, на котором были уточнены цели и замыслы войны, намечены ее сроки. Гитлер обосновывал необходимость разгрома Советского Союза стремлением завоевать господство в Европе. «В соответствии с этим, — заявил он, — Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года». По мнению У. Ширера, в конце мая 1940 года Гитлер мог нанести сокрушительный, даже фатальный удар по Великобритании. С таким мнением трудно согласиться. Для подготовки форсирования Ла-Манша и вторжения на Британские острова требовалось время. Немецкая авиация господствовала в воздухе, однако на море господствовал британский флот и английский народ был полон решимости не допустить вторжения. Кроме того, в это время все активнее включаются в поддержку Англии Соединенные Штаты Америки. Не остался бы, по-видимому, в стороне (это уже из области предположений) и Советский Союз.

Решение немецко-фашистского руководства о нападении на СССР, подписание Гитлером 18 декабря 1940 года плана «Барбаросса» оцениваются в книге как «самое роковое из всех его решений». Еще ранее Ширер отметил: «Британское верховное командование, как впоследствии и немецкое верховное командование, сильно недооценило мощь Красной Армии».

События на советско-германском фронте рассматриваются в общем-то довольно бегло, тем не менее читателю дается возможность представить картину развернувшейся гигантской по масштабам и напряжению вооруженной борьбы. Однако ряд оценок, прежде всего касающихся первых месяцев войны и коренного перелома, следует отнести к разряду дискуссионных. Например, автор считает, что коренной перелом во второй мировой войне произошел в 1942 году, что его решающими событиями являлись Сталинградская битва и сражение под Эль-Аламейном в Северной Африке. Хочется высказать по этому поводу следующие соображения.

Освещение коренного перелома предполагает, на наш взгляд, рассмотрение военных, экономических, политических и других факторов, обусловивших его достижение силами антигитлеровской коалиции в результате длительной и тяжелой борьбы с противником.

Стратегическая инициатива — важнейший показатель коренного перелома впервые в войне была вырвана у противника в битве под Москвой, правда, как свидетельствовал дальнейший ход событий, временно. В битве же под Сталинградом — окончательно и бесповоротно. Битва под Москвой (30 сентября 1941 года–20 апреля 1942 года) имела в ходе войны особое значение. Напомним кратко сложившуюся к тому времени обстановку. К июню 1941 года, когда фашистская Германия напала на СССР, 12 стран Европейского континента Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Франция, Югославия и Греция были захвачены агрессорами, их население подвергалось всяческим гонениям, террору, а в некоторых странах находилось под угрозой полного уничтожения. Смертельная опасность нацистского

вторжения нависла над Англией. Итало-немецкие войска развернули наступление в Северной Африке. Наиболее мощный союзник Германии — Япония, оккупировав обширные районы Китая и Индокитая, готовилась к захвату тихоокеанских владений США и угрожала СССР. Ключевые позиции для порабощения мира, как представлялось тогда агрессорам, давал молниеносный поход против СССР.

Историческое место битвы под Москвой в ходе войны нельзя уяснить, не учитывая той драматической обстановки, которая сложилась к осени 1941 года непосредственно на советско-германском фронте. Готовя внезапное нападение на Советский Союз, нацистское руководство делало ставку на мощные удары вермахта, которые в считанные недели и месяцы должны были сокрушить сопротивление Красной Армии, уничтожить ее основные силы, парализовать волю советского народа, сделать его неспособным к дальнейшей борьбе. Гитлеровские генералы собирались повторить опыт летней кампании 1940 года, когда они довольно быстро добились полной победы над Францией. Учитывали они и преимущества, которые давало им ведение основных операций на одном фронте, позволявшее сосредоточить против Советского Союза максимум военной мощи рейха и его союзников. Центр вооруженной борьбы во второй мировой войне переместился на советско-германский фронт.

Первоначальному успеху врага способствовал ряд факторов, включая вероломство его нападения. Фашистская Германия обрушила на Советский Союз внезапный удар невиданной в истории армии вторжения — 190 дивизий, свыше 4 тысяч танков, около 5 тысяч самолетов, около 200 кораблей. Для ведения войны против СССР была создана коалиция, основой которой стал Берлинский (тройственный) пакт, заключенный в 1940 году между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии были привлечены Румыния, Финляндия и Венгрия. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные правящие круги Болгарии, а также марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. В целях военно-экономического обеспечения «восточного похода» использовались ресурсы европейских государств — как прямых союзников Германии, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, общая численность населения которых превышала 300 миллионов человек.

Война поставила Советскую страну перед необходимостью вести борьбу с фашистской Германией в неравных условиях. Красная Армия оказалась неподготовленной к борьбе с таким мощным противником. Ее кадры были ослаблены сталинскими репрессиями. Первые пять месяцев войны стали самыми трудными для Советского Союза. Немецко-фашистские орды вторглись в его пределы на глубину от 850 до 1200 километров, блокировали Ленинград, находились в опасной близости к Москве, захватили Харьков, большую часть Донбасса и Крыма. Гитлеровцами были оккупированы Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, почти вся Украина, ряд областей Российской Федерации и часть Карелии. Территория, занятая врагом, превышала 1,5 миллиона квадратных километров. На ней перед войной проживало 74,5 миллиона человек. Миллионы советских людей погибли в боях, оказались в оккупации, в плену, в гитлеровских концлагерях.

Гитлеровское руководство было настолько уверено в успешном осуществлении плана «Барбаросса», что еще весной 1941 года приступило к детальной разработке дальнейших замыслов завоевания мирового господства. В служебном дневнике верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17

февраля 1941 года излагалось требование Гитлера: «После окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию». Исходя из этих указаний, штаб ОКВ начал планирование операций вермахта на будущее. Эти операции намечалось провести поздней осенью 1941 года и зимой 1941/42 года. Замысел их был изложен в проекте директивы э 32 («Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса»), направленной в сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы 11 июня 1941 года.

Проект предусматривал после разгрома Советских Вооруженных Сил захват английских колониальных владений и некоторых независимых стран в бассейне Средиземного моря, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, вторжение на Британские острова, развертывание военных действий против Америки. Германские стратеги рассчитывали уже осенью 1941 года приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где планировалось соединиться с японскими войсками. Немецко-фашистское руководство надеялось, присоединив к Германии Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Англию от ее сырьевых источников и предпринять осаду островов. Разработка директивы э 32 и других документов свидетельствует, что после разгрома СССР и решения «английской проблемы» гитлеровцы намеревались в союзе с Японией «устранить влияние англосаксов в Северной Америке».

Захват Канады и Соединенных Штатов Америки предполагалось осуществить при помощи крупных морских десантов, высаженных с баз в Гренландии, Исландии, на Азорских островах и в Бразилии на восточное побережье Северной Америки и с Алеутских и Гавайских островов — на западное. Командующий объединенным флотом Японии адмирал И. Ямамото, конкретизируя эти замыслы, заявил: «Для нас недостаточно захватить Гуам и Филиппины или даже Гаваи и Сан-Франциско. Мы должны вступить в Вашингтон и подписать договор в Белом доме».

В ходе битвы под Москвой сложилось крайне тяжелое положение и для других стран антигитлеровской коалиции. В результате вероломного нападения на главную базу Тихоокеанского флота США в Перл-Харборе (7 декабря 1941 года) и последующего наступления японских вооруженных сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии агрессоры захватили к весне 1942 года огромную территорию — 4,2 миллиона квадратных километров с населением более 200 миллионов человек, вышли на подступы к Аляске, Индии и Австралии. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур незадолго до капитуляции своего гарнизона на Филиппинах, обращаясь к войскам, констатировал: «Сложившаяся международная обстановка показывает, что ныне надежды цивилизации неразрывно связаны с действиями Красной Армии, ее доблестными знаменами».

Военный фактор дает основание считать битву под Москвой началом коренного перелома в войне. В ходе контрнаступления советских войск под Москвой фашистской группе армий «Центр» был нанесен сокрушительный удар: подверглись разгрому 38 гитлеровских дивизий. Особенно большие потери понесли танковые соединения врага, которым отводилась в войне решающая роль. К концу марта 1942 года в 16 танковых дивизиях, сражавшихся на Восточном фронте, осталось всего 140 боеспособных машин. Потери личного состава группы армий «Центр», действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 772 тысячи человек.

В результате краха «блицкрига» и поражения под Москвой фашистская Германия оказалась вынужденной перейти к стратегии затяжной войны, к которой она не была готова ни в военном, ни в экономическом, ни в политическом отношении. Западногерманский историк К. Рейнгардт в обстоятельном исследовании о битве под Москвой приходит к выводу, что «несгибаемое упорство советского командования и его вооруженных сил, их умение использовать климатические условия, а также своевременная переброска резервов из восточных районов страны и создание новых формирований окончательно перечеркнули стратегические планы Гитлера»[2].

Второй фактор — экономический. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой и его последствия нанесли сильнейший удар по военной экономике рейха. Дело не только в том, что пришлось восполнить огромные потери в средствах ведения борьбы. Потери на фронте потребовали мобилизации в вооруженные силы наиболее дееспособной части населения. Это породило острый недостаток рабочей силы. К весне на заводах не хватало около 800 тысяч рабочих. Еще более серьезным фактором явилось то, что для ведения длительной войны требовались тотальная мобилизация экономики, реорганизация управления промышленностью, перераспределение рабочей силы и стратегического сырья, нужды в котором не покрывались имевшимися запасами. Зимой 1941/42 года экономическое положение Германии ухудшилось.

Соотношение основных видов вооружения на советско-германском фронте в декабре 1941 года было еще в пользу Германии. Победа над противником, превосходившим нас в силах и средствах ведения войны, при отсутствии возможности полностью использовать оборонный потенциал страны была достигнута в результате беспримерного героизма войск, самоотверженной поддержки защитников Москвы населением столицы и всей Советской страны. В декабре 1941 года выпуск военной продукции начал возрастать, а к середине 1942 года утраченные мощности военной промышленности были не только восстановлены, но и значительно превзойдены. В целом военный фактор в ходе битвы под Москвой явился опережающим по отношению к фактору экономическому.

Что касается политического фактора, то именно в период битвы под Москвой в значительной степени сформировалась антигитлеровская коалиция союз народов и государств, боровшихся во второй мировой войне против агрессивного блока Германии, Италии, Японии и их сателлитов. Объединились силы трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

В это же время заметно ухудшилось внешнеполитическое положение Германии. Агрессивные круги Японии и Турции, намеревавшиеся вступить в войну на стороне рейха, после поражения вермахта под Москвой отказались двинуть войска против СССР. Политический престиж гитлеровской Германии оказался подорван и в глазах правителей Венгрии, Румынии, Финляндии и других ее союзников.

Четвертый фактор — идеологический. Битва под Москвой началась в то время, когда фашистская Германия не знала поражений. Миф о ее непобедимости настойчиво распространялся нацистской пропагандой, и на Западе многие находились под его гипнозом. Однако события на советско-германском фронте показали, что сопротивление Красной Армии, героизм жителей столицы и

бойцов народного ополчения, самоотверженная поддержка фронта советским тылом непреодолимы для агрессора. Народы мира поверили, что есть сила, способная избавить человечество от угрозы фашистской тирании. Международный авторитет СССР резко возрос.

Очевидно и то, что для окружения и полного уничтожения группы армий «Центр» имевшихся в то время у нашей страны сил оказалось недостаточно. Общее наступление Красной Армии в январе — апреле 1942 года принесло лишь частичные результаты. Впоследствии стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. Однако понятие «коренной перелом» не предполагает, что процесс развивается неизменно по восходящей. По мере его развития возможны временные спады, что и произошло летом 1942 года. В ноябре того же года Красная Армия вновь овладела стратегической инициативой, на этот раз окончательно и бесповоротно. Таким образом, в результате разгрома немецко-фашистских войск под Москвой произошли необратимые для фашистской Германии и ее союзников изменения, потерпел крах весь план войны против СССР, на который делало ставку гитлеровское руководство.

Решающим вкладов в коренной перелом в войне явилась победа Советских Вооруженных Сил в великой Сталинградской битве. Победы в битвах под Курском и за Днепр завершили коренной перелом в Великой Отечественной войне.

Изгнание итало-немецких войск из Северной Африки (май 1943 года), стабилизация обстановки на Атлантическом и Тихом океанах, а также в Юго-Восточной Азии свидетельствовали, что происходит коренной перелом и во второй мировой войне в целом. Определяющим фактором в этом процессе стали события на советско-германском фронте — главном фронте борьбы с фашизмом.

В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 года), которое являлось важной частью Северо-Африканской кампании западных союзников 1940–1943 годов, перед английской 8-й армией под командованием Б. Монтгомери стояла задача разгромить итало-немецкую танковую армию «Африка» под командованием Э. Роммеля. В ходе операции, которую Д. Эйзенхауэр впоследствии назвал «блестящим тактическим успехом», английская 8-я армия (1500 самолетов) нанесла поражение армии «Африка» (около 80 тысяч человек, 540 танков, 1219 орудий, 350 самолетов). Итало-немецкие войска потеряли 55 тысяч человек, 320 танков, около тысячи орудий. Победа под Эль-Аламейном, достигнутая в трудных условиях Североафриканского театра военных действий, явилась первым крупным успехом британской армии в 1942 году и знаменовала собой начало разгрома противника в Северной Африке. В Советском Союзе по достоинству оценили ее значение, тем не менее нет оснований ставить ее в ряд с победой Красной Армии в Сталинградской битве.

Более обстоятельно освещаемые автором события, связанные с открытием второго фронта, также требуют ряда уточнений. Наиболее существенные из них касаются контрнаступления немецко-фашистских войск в Арденнах (декабрь 1944 года — январь 1945 года).

Немецко-фашистское руководство решило нанести удар в Арденнах, рассчитывая внести раскол в антигитлеровскую коалицию, демонстрацией силы склонить США и Англию к заключению сепаратного мира и даже совместно с ними повернуть оружие против Красной Армии. При этом ставка делалась на

разжигание противоречий между СССР, США и Англией, на возможный отказ западных держав от совместного с СССР требования безоговорочной капитуляции фашистской Германии в целях сохранения сил главного противника Советского Союза в Европе.

Англо-американское командование до самого начала немецкого наступления оставалось в неведении относительно замыслов противника, считало, что он неспособен провести крупную операцию. Район Арденн оценивался союзниками как наиболее безопасный участок. Здесь на 120-километровом фронте скрытно сосредоточенной немецкой группировке противостояло лишь пять дивизий американской 1-й армии из состава 12-й группы армий генерала О. Брэдли.

Немецкие войска нанесли удар в Арденнах на рассвете 16 декабря 1944 года, преследуя цель разгромить англо-американские войска к северу от линии Антверпен, Брюссель, Люксембург. Танки с фашистской свастикой на броне прорвали фронт и, сея панику в рядах противника и дезорганизуя его оборону, устремились по территории Бельгии и Люксембурга на северо-запад.

Застигнутые врасплох американские дивизии отступили. К 25 декабря фронт американских войск был прорван на 80-километровом участке на глубину до 100 километров. Не располагая подготовленными резервами, командование союзников спешно перебросило в Арденны крупные силы с других участков фронта и нанесло контрудар по наступавшим войскам противника с юга, создав угрозу прорыва его южного фланга. Немецкое командование приостановило продвижение на запад, произвело перегруппировку и перенесло направление главного удара на юг. Атаки немецко-фашистских войск были столь яростны, а потери союзников столь велики, что американский генерал Д. Паттон 4 января 1945 года записал в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну».

В начале января положение американских войск на Западном фронте осложнилось в связи с тем, что немецкие войска нанесли удар в Эльзасе. Кроме того, 1 января 1945 года более тысячи самолетов немецкого авиационного командования «Запад» обрушили внезапный удар по 27 прифронтовым аэродромам, складам и скоплениям боевой техники, причинив им немалый урон.

Союзники считали, что со стороны противника могут последовать новые удары. 6 января 1945 года У. Черчилль обратился к И. В. Сталину с просьбой как можно скорее начать новое наступление советских войск, чтобы разрядить напряженную обстановку на Западном фронте. В свою очередь Д. Эйзенхауэр сообщил в Вашингтон, что отсутствие помощи со стороны Красной Армии поставило бы американские войска «в самое тяжелое положение».

12 января 1945 года Красная Армия на восемь дней ранее запланированного срока перешла в наступление от Балтийского моря до Карпат. В результате совместных ударов гитлеровское командование вынуждено было признать бесперспективность наступательных действий на Западном фронте и отдало приказ об отступлении из Арденн. 28 января последние немецкие части, преследуемые войсками союзников, откатились на ранее занимаемые позиции и перешли к обороне.

И последнее. Книга создавалась в период острой конфронтации между СССР и США, когда мир не раз стоял на пороге ядерной катастрофы. Ныне в результате советско-американских и других договоренностей, достигнутых в последние годы, международная безопасность укрепилась. Но угроза войны остается. Поэтому весьма своевременно звучит предупреждение автора о том, что «большая агрессивная война, если дойдет до этого, может быть развязана ничтожными самоубийцами, в припадке безумия нажавшими на электронную кнопку. Такая война продлится недолго и окажется последней. На планете не останется ни победителей, ни побежденных, а лишь одни обугленные трупы». Думается, эта понятная каждому здравомыслящему человеку позиция автора, последовательного противника войны и фашизма, является важным фактором неослабевающего к его содержательному и поучительному труду читательского интереса.

У. Ширер, несмотря на свой почтенный возраст, внимательно следит за происходящими в мире, особенно в Германии, событиями. Объединение этой страны он прокомментировал следующим образом: «Немцы по своей натуре экстремисты. У меня в тридцатые годы были в Германии два друга-либерала, и оба стали нацистами». Но сейчас — другие времена.

Профессор О. А. РЖЕШЕВСКИЙ

К ЧИТАТЕЛЮ

Хотя, живя и работая в Германии в первую половину недолгого существования третьего рейха, я имел возможность наблюдать, как Адольф Гитлер, диктатор великой и загадочной нации, консолидировал силы, а затем вверг страну в пучину войн, личный опыт не заставил бы меня взяться за перо и написать эту книгу, если бы в конце второй мировой войны не произошло событие, не имеющее аналогов в истории.

Я имею в виду захват секретных государственных архивов Германии и всех их филиалов, включая архивы министерства иностранных дел, сухопутных войск и военно-морских сил, национал-социалистской партии и тайной полиции Генриха Гиммлера. Думаю, в истории не было прецедентов, когда столь ценные материалы попадали в руки современных исследователей. До сих пор архивы великих держав — даже после поражения в войне и революционного свержения правительства, как это имело место в России в 1917 году и в Германии в 1918 году, — охранялись государством. Полностью публиковались лишь те документы, которые служили интересам правительства, пришедшего к власти.

Стремительный крах третьего рейха весной 1945 года привел к тому, что в результате капитуляции были обнародованы не только многочисленные секретные документы, но и такие бесценные материалы, как личные дневники, строго засекреченные выступления, отчеты конференций, переписка и даже

телефонные разговоры нацистских главарей, по распоряжению Германа Геринга записанные специальной службой, размещавшейся в министерстве военно-воздушных сил.

Генерал Франц Гальдер, например, вел дневник, делая стенографические записи по нескольку раз на дню. Записи генерала — уникальный источник краткой информации за период с 14 августа 1939 по 24 сентября 1942 года, когда он занимал пост начальника генерального штаба сухопутных войск и ежедневно встречался с Гитлером и другими главарями нацистской Германии. Среди дневников это наиболее показательные записи, но есть и другие, также представляющие большую ценность. Сюда относятся дневники доктора Йозефа Геббельса, министра пропаганды, близкого соратника Гитлера по партии, и генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ). Существуют также записи самого ОКВ и штаба военно-морских сил. Действительно, в шестидесяти тысячах досье военно-морских архивов Германии, захваченных в замке Тамбах под Кобургом, приводятся практически все сигналы связи, судовые журналы, дневники, меморандумы и другие документы немецкого военно-морского флота, датированные апрелем 1945 года, когда они были найдены, и более ранние, начиная с 1868 года-года создания военно-морских сил Германии.

485 тонн материалов министерства иностранных дел Германии, захваченные 1-й американской армией в различных замках и шахтах Гарца в тот момент, когда по приказу из Берлина их должны были уничтожить, охватывают не только период третьего рейха, но и Веймарскую республику и начинаются со времени правления Бисмарка — второго рейха.

Долгие годы по окончании войны тонны нацистских документов лежали опечатанными на большом военном складе в американском городе Александрия, штат Виргиния. Правительство США не высказывало желания хотя бы вскрыть ящики и посмотреть, какие материалы представят интерес для историков. Наконец в 1955 году, десять лет спустя после того, как они были захвачены, по инициативе Американской исторической ассоциации и благодаря финансовой поддержке нескольких частных фондов материалы были открыты. Небольшая группа ученых, не располагавшая достаточным оборудованием, приступила к работе анализу и фотографированию документов, прежде чем правительство поспешно передало их Германии. Материалы оказались настоящей находкой.

Большую ценность представляют и такие документы, как 51 частично застенографированное «выступление» фюрера о военном положении, которое ежедневно обсуждалось в ставке Гитлера, и полный текст бесед нацистского главаря со старыми товарищами по партии и секретарями во время войны. Первые удалось обнаружить среди обугленных бумаг, оставшихся после Гитлера в Берхтесгадене, офицеру-разведчику 101-й воздушно-десантной дивизии США, вторые были найдены в материалах Мартина Бормана.

Сотни тысяч захваченных нацистских документов были спешно отправлены в Нюрнберг на судебный процесс и фигурировали в качестве улик против главных нацистских военных преступников. Освещая в газете первую половину Нюрнбергского процесса, я собрал кипу мимеографических копий, а позднее опубликованные в сорока двух томах свидетельские показания и документы, дополненные десятью томами переводов важных материалов на английском языке. Тексты других документов, собранные в пятнадцатитомных сериях по

материалам следующих двенадцати судебных процессов в Нюрнберге, также представляют определенную ценность, хотя многие свидетельские показания и факты не приведены.

И наконец, помимо этих объемистых материалов имелись подробные записи допросов немецких военных, партийных и государственных служащих, их свидетельские показания, данные под присягой на различных послевоенных судебных процессах, что обеспечивало исследователей информацией, на мой взгляд, ранее им неизвестной.

Естественно, я не мог прочесть документацию в полном объеме — это не по силам одному человеку, однако я тщательно проанализировал значительную часть материалов. Работа замедлялась из-за отсутствия подходящих ориентиров, как и у других исследователей, трудившихся над таким же обилием информации.

Весьма знаменательно, как мало находившиеся в Германии во времена нацизма журналисты и дипломаты знали о том, что происходило за фасадом третьего рейха. Тоталитарная диктатура в силу своей природы действовала в строжайшей тайне и умела оградить эту тайну от посторонних взглядов. Довольно просто было выделять и описывать неприкрашенные, волнующие и часто вызывающие отвращение события, происходившие в третьем рейхе: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, кровавую расправу над Ремом, аншлюс Австрии, капитуляцию Чемберлена в Мюнхене, оккупацию Чехословакии, нападение на Польшу, Скандинавию, Западную Европу, Балканы и Россию, ужасы нацистской оккупации и концентрационных лагерей, ликвидацию евреев.

Но втайне принятые роковые решения, интриги, измены, мотивы и заблуждения, приведшие к этому, сцены, сыгранные главными актерами за опущенным занавесом, размах осуществляемого ими террора и техника его организации — все это и многое другое в значительной степени было нам неведомо, пока не всплыли на свет секретные документы нацистской Германии.

Кое-кто, возможно, полагает, что слишком рано писать историю третьего рейха, что такую задачу надо оставить потомкам, у которых появится временная перспектива. Я обнаружил, что подобный взгляд особенно распространен во Франции, когда приехал туда, чтобы провести определенную исследовательскую работу. Мне говорили, что историку нужно заниматься эпохой Наполеона, но никак не более поздним периодом.

В таком подходе есть свои плюсы. Историки ждали пятьдесят, сто или больше лет, прежде чем описать какую-либо страну, империю или эпоху. Но не происходило ли это главным образом потому, что требовалось много времени, чтобы разыскать подходящие документы и представить подлинный материал? И, несмотря на все преимущества временной перспективы, не терялось ли что-то, поскольку у авторов отсутствовало личное знание эпохи, атмосферы того времени и исторических фигур, которых они описывали?

В случае с третьим рейхом — а он поистине уникален — в момент его падения имелись почти все документальные материалы, которые были дополнены свидетельскими показаниями военных и государственных деятелей, оставшихся в живых или позднее понесших самое суровое наказание. Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии,

внешний облик, поведение и характер лиц, находившихся у власти, в первую очередь Гитлера, я решил, чего бы мне это ни стоило, изложить историю взлета и падения третьего рейха.

«Я прожил всю войну, — заметил Фукидид в «Истории Пелопонесской войны» — величайшем историческом труде, когда-либо написанном, — с годами постигая события и уделяя им внимание, чтобы познать их истинный смысл».

Мне было довольно трудно (и не всегда удавалось) познать истинный смысл событий, происходивших в гитлеровской Германии. Лавина фактического материала помогала в поисках истины, что, вероятно, было возможно и двадцать лет назад, но его обилие часто вводило в заблуждение. Во всех записях и свидетельских показаниях непременно встречались загадочные противоречия.

Несомненно, что мои собственные предубеждения, тесно связанные с личным жизненным опытом и поведением, время от времени проникают на страницы этой книги. Я в принципе не приемлю тоталитарную диктатуру, но стал испытывать еще большее отвращение к ней, живя в Германии и наблюдая, как гнусно оскорбляют человеческую личность. И все же в этой работе я постарался быть предельно объективным, заставляя говорить вместо себя факты и каждый раз ссылаясь на источники. В книге нет вымышленных ситуаций, сцен или цитат, все основано на документах, свидетельских показаниях или личных наблюдениях. Примерно в шести случаях, когда вместо фактов выдвигаются предположения, этому даются соответствующие объяснения.

Не сомневаюсь, что моя трактовка событий многими будет оспорена. Это неизбежно, поскольку ошибаться может каждый. Я решился изложить свои взгляды, чтобы сделать повествование более ясным и обоснованным, выбрав самое бесспорное из свидетельских показаний и используя собственный жизненный опыт и знания.

Адольф Гитлер, вероятно, последний из великих авантюристов-завоевателей, действовавший в духе Александра Македонского, Юлия Цезаря и Наполеона, а третий рейх — последняя из империй, решившая вступить на путь, пройденный ранее Францией, Древним Римом и Македонией. Занавес был наконец опущен на данной исторической стадии в результате создания водородной бомбы, баллистических ракет и ракет, способных достигнуть Луны.

В наше время, когда смертоносные игрушки пришли на смену прежним видам вооружений, большая агрессивная война, если дойдет до этого, может быть развязана ничтожными самоубийцами, в припадке безумия нажавшими на электронную кнопку. Такая война продлится недолго и окажется последней. На планете не останется ни победителей, ни побежденных; а лишь одни обугленные трупы.

КНИГА ПЕРВАЯ — ПРИХОД ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В канун рождения третьего рейха Берлин лихорадило. Веймарской республике — это было ясно чуть ли не каждому — пришел конец. Агония республики длилась уже более года. Генерала Курта фон Шлейхера, как и его предшественника Франца фон Папена, мало волновала судьба республики и меньше того судьба демократии. Генерал, как и фон Папен, назначенный президентским указом канцлером и руководивший страной, не согласуя своих действий с парламентом, находился у власти пятьдесят семь дней.

28 января 1933 года, в субботу, он был внезапно смещен престарелым президентом республики фельдмаршалом фон Гинденбургом. Адольф Гитлер, главарь национал-социалистской партии — самой крупной политической партии Германии, потребовал назначить его канцлером демократической республики, которую он поклялся уничтожить.

В те роковые дни в столице распространялись самые невероятные слухи о предстоящих событиях и даже наиболее тревожные из них, как, впрочем, и случилось, имели под собой основание. Поговаривали, что Шлейхер вместе с генералом Куртом фон Хаммерштейном, командующим сухопутными войсками, при поддержке Потсдамского гарнизона готовят путч и собираются арестовать президента и установить военную диктатуру. Не исключали также вероятности нацистского путча. Берлинские штурмовики при содействии полицейских, симпатизировавших нацистам, намеревались захватить Вильгельм-штрассе, где находились президентский дворец и большинство государственных учреждений.

Поговаривали и о всеобщей забастовке. В воскресенье 29 января около ста тысяч рабочих собрались в Лустгартене в центре Берлина, чтобы протестовать против назначения Гитлера канцлером. Один из руководителей пытался связаться с генералом фон Хаммерштейном и предложить армии поддержку рабочих отрядов в случае, если Гитлера назначат главой нового правительства. Однажды, во времена Капповского путча в 1920 году, посредством всеобщей забастовки удалось спасти республику, когда правительство бежало из столицы.

Большую часть ночи с воскресенья на понедельник Гитлер не спал, прохаживаясь взад-вперед по номеру отеля «Кайзерхоф», расположенного на Рейхсканцлерплац, неподалеку от резиденции канцлера. Несмотря на некоторую нервозность, он был абсолютно уверен, что его час пробил. Почти месяц он вел секретные переговоры с Папеном и другими лидерами правого крыла консерваторов. Пришлось пойти на компромисс. Ему бы не позволили сформировать правительство, состоящее только из нацистов. Но он мог стать главой коалиционного правительства, члены которого (восемь из одиннадцати не принадлежали к национал-социалистской партии) разделяли бы его взгляды о необходимости ликвидировать демократический веймарский режим. Лишь старый упрямый президент, похоже, стоял на его пути. 26 января, за два дня до решающих событий, убеленный сединами фельдмаршал заявил генералу фон Хаммерштейну, что «не намерен назначать этого австрийского капрала ни министром обороны, ни рейхсканцлером».

Тем не менее под давлением сына, майора Оскара фон Гинденбурга, статс-секретаря президента Отто фон Мейснера, Папена и других членов придворной клики президент в конце концов сдался. Ему было восемьдесят шесть лет, и возраст давал о себе знать. В воскресенье 29 января, после обеда, когда Гитлер с Геббельсом и другими подручными сидели за чашкой кофе, в комнату ворвался Герман Геринг, председатель рейхстага и второй человек после Гитлера в нацистской партии, и решительно заявил, что утром Гитлер будет назначен канцлером.

В понедельник 30 января 1933 года, около полудня, Гитлер отправился в рейхсканцелярию на беседу с Гинденбургом, которая имела роковые последствия для самого Гитлера, для Германии и для всего человечества. Из окон «Кайзерхофа» Геббельс, Рем и другие нацистские главари с нетерпением наблюдали за дверями канцелярии, откуда вскоре должен был появиться фюрер. «По его лицу мы узнаем, удалось добиться успеха или нет», — заметил Геббельс. Даже тогда они не были до конца уверены в успехе. «Сердца наши переполняли сомнения, надежды, радость, уныние… — записал впоследствии в своем дневнике Геббельс. — Мы так часто разочаровывались, что непросто было всей душой уверовать, что великое чудо свершилось».

Несколько минут спустя они стали свидетелями этого чуда. Человек с усиками Чарли Чаплина, едва сводивший в юности концы с концами, никому не известный солдат первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главарь «пивного путча», оратор, владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был только что приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии.

Проехав сотню метров до «Кайзерхофа», он оказался в компании своих закадычных друзей — Геббельса, Геринга, Рема и других «коричневых», которые помогли ему расчистить тернистый путь к власти. «Он ничего не сказал, и никто из нас ничего не произнес, — отметил Геббельс, — но глаза его были полны слез».

До поздней ночи штурмовые отряды нацистов исступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они появились из глубины Тиргартена и прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот вниз по Вильгельм-штрассе. Духовые оркестры громко трубили военные марши под оглушающий бой барабанов, нацисты распевали новый гимн «Хорст Вессель» и старинные немецкие песни, энергично отбивая каблуками ритм по мостовой. Факелы, которые они держали высоко над головами, напоминали в темноте огненную ленту, и это вызывало восторженные возгласы людей, толпившихся на тротуарах.

Гинденбург наблюдал за марширующими из окна дворца, тростью отбивая ритм, видимо довольный тем, что наконец-то нашел на пост канцлера человека, способного пробудить в народе истинно немецкие чувства. Сомнительно, что у старика, впавшего в детство, существовали какие-либо подозрения на тот счет, какого зверя спустил он сегодня с цепи. Вскоре по Берлину пополз слух, возможно недостоверный, что в разгар парада Гинденбург обернулся к одному старому генералу и заметил: «А я и не знал, что мы взяли в плен так много русских».

Чуть дальше по Вильгельмштрассе у открытого окна рейхсканцелярии стоял радостный и возбужденный Адольф Гитлер, он пританцовывал, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии и весело смеялся, пока на глаза вновь не навернулись слезы.

Происходящие в тот вечер события вызвали у одного иностранного наблюдателя иные чувства. «Факельное шествие проплыло мимо французского посольства, — писал посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе, — и я смотрел вслед ему с тяжелым сердцем и тревогой».

Усталый, но счастливый Геббельс вернулся домой в три часа ночи. Прежде чем отойти ко сну, он записал в дневнике: «Похоже на сон… на сказку… рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

«Третий рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, хвастался Гитлер, — просуществует тысячу лет». И впредь нацистская пропаганда будет часто называть его «тысячелетним» рейхом. Он просуществует двенадцать лет и четыре месяца, но за этот мимолетный с точки зрения истории период вызовет на земле потрясения более мощные и разрушительные, чем любая из существовавших ранее империй, вознеся немцев к таким высотам власти, какие им были неведомы более тысячи лет, сделав их хозяевами Европы от Атлантики до Волги, от Северного моря до Средиземноморья и ввергнув в пучину разрухи и отчаяния в конце второй мировой войны, которую хладнокровно спровоцировала немецкая нация и в ходе которой на оккупированных территориях царили террор и страх, по масштабам истребления народов и уничтожения человеческой личности превзошедшие самые дикие тирании предшествующих веков.

Человек, создавший третий рейх, правивший страной с необычайной жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное провидение и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило материалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей несгибаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и — вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, — удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и третьего рейха.

Как заметил выдающийся немецкий историк Фридрих Майнеке: «Это один из известных примеров необычной силы личности в истории».

Некоторым немцам и, безусловно, многим иностранцам казалось, что в Берлине к власти пришел какой-то шарлатан. Большинство же немцев считали Гитлера (или вскоре стали считать) по-настоящему обаятельным лидером. Они слепо шли за ним в течение двенадцати последующих лет, словно он обладал неким пророческим даром.

Зная его происхождение и юность, трудно представить более неподходящую кандидатуру на роль продолжателя дела Бисмарка, династии Гогенцоллернов и

президента Гинденбурга, чем этот странный мужлан-австрияк, родившийся в половине седьмого вечера 20 апреля 1889 года в скромной гостинице «Цум Поммер» в городе Браунау-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией.

Месту рождения на австро-германской границе придавалось большое значение, поскольку в юности Гитлер был одержим идеей, согласно которой два германоязычных народа принадлежат одному рейху и не могут быть разделены границей. Его чувства были настолько сильны и глубоки, что в тридцать пять лет, сидя в немецкой тюрьме и диктуя книгу, которая стала для третьего рейха руководством к действию, Гитлер в первой же строке подчеркнул, что видит определенную символику в том, что родился именно там:

«То, что судьба выбрала Браунау-ам-Инн местом моего рождения, кажется мне сейчас знаком божьим. Этот маленький городок находится на границе двух немецких государств, объединению которых мы, более молодое поколение, решили посвятить свою жизнь, чего бы это нам ни стоило… Небольшой городок видится мне символом высокого предназначения»[3] .

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до тридцати девяти лет носившего фамилию своей матери Шикльгрубер. Фамилия Гитлер встречалась как по материнской, так и по отцовской линии. И бабушка Гитлера по матери, и дед его по отцу носили фамилию Гитлер или ее варианты — Гидлер, Гютлер, Гюттлер. Мать Адольфа доводилась его отцу двоюродной сестрой, и на брак потребовалось разрешение епископа.

Предки будущего немецкого фюрера на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле — районе Нижней Австрии, расположенном между Дунаем, Богемией и Моравией. Направляясь из Вены в Прагу или Германию, я неоднократно проезжал мимо этого места. Холмистое, лесное, с крестьянскими деревеньками и небольшими фермами, находящееся от Вены в каких-нибудь пятидесяти километрах, оно казалось убогим и заброшенным, словно события австрийской истории не коснулись его. Жители отличались суровым нравом, как и чешские крестьяне, проживавшие чуть севернее. Родственные браки были делом привычным, как в случае с родителями Гитлера, и дети, рожденные вне брака, не были редким явлением.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью. Четыре поколения семьи Клары Пельцль жили в деревне Шпиталь, в доме под номером тридцать семь. История предков Гитлера по отцовской линии совершенно иная. Как мы заметили, произношение фамилии менялось, менялось и местожительство семьи. Гитлерам было свойственно непостоянство, вечная тяга к переездам из деревни в деревню. Они брались то за одну работу, то за другую, не желая связывать себя прочными узами, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие.

Иоганн Георг Гидлер, дед Адольфа, был бродячим мельником, подрабатывая то в одной, то в другой деревушке Нижней Австрии. В 1824 году через пять месяцев после свадьбы у него родился сын, но жена с ребенком умерли. Он женился вторично восемнадцать лет спустя в Дюрентале на сорокасемилетней крестьянке Марии Анне Шикльгрубер из деревни Штронес. За пять лет до замужества, 7 июня 1837 года, она родила внебрачного сына, будущего отца Адольфа Гитлера, которого назвала Алоисом. Вполне вероятно, что Иоганн

Гидлер приходился ребенку отцом, но данных, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, Иоганн в конце концов женился на ней, однако усыновить после свадьбы мальчика не удосужился, и ребенку дали фамилию матери Шикльгрубер.

Мария умерла в 1847 году. После ее кончины Иоганн Гидлер исчез, и о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет.

8 возрасте восьмидесяти четырех лет он объявился в городе Вейтра в Вальдфиртеле, заменив в своей фамилии букву «д» на «т» (Гитлер), чтобы заверить у нотариуса в присутствии трех свидетелей, что он — отец Алоиса Шикльгрубера. Почему старику потребовалось столько времени, чтобы сделать этот шаг, и почему он его в конце концов сделал, из имеющихся источников неясно. Согласно версии Хайдена, Алоис впоследствии признался приятелю, что это было необходимо для получения наследства от дяди — брата мельника, вырастившего юношу в своей семье. Запоздалое признание отцовства было, таким образом, зафиксировано 6 июня 1876 года, а 23 ноября приходский священник в Деллершейме, получив письменное извещение нотариуса, зачеркнул в церковной книге фамилию Шикльгрубер и записал: «Гитлер».

С этого момента отец Адольфа на законном основании носил фамилию Гитлер, которая, естественно, перешла к его сыну. Лишь в 30-е годы предприимчивые журналисты, порывшись в архивах приходской церкви, раскопали факты происхождения Гитлера и, несмотря на запоздалое признание старым Иоганном Георгом Гидлером своего внебрачного сына, пытались называть нацистского фюрера Адольфом Шикльгрубером.

В странной жизни Адольфа Гитлера, полной необъяснимых превратностей судьбы, этот случай, имевший место за тринадцать лет до его рождения, кажется самым необъяснимым. Если бы восьмидесятичетырехлетний бродячий мельник не объявился, чтобы признать свое отцовство по отношению к тридцатидевятилетнему сыну спустя тридцать лет после смерти его матери, Адольфа Гитлера звали бы Адольфом Шикльгрубером.

Факт сам по себе, может быть, малозначащий, однако я слышал, как немцы строили догадки по поводу того, удалось бы Гитлеру стать хозяином Германии, если бы он остался Шикльгрубером. Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить толпу, неистово выкрикивающую: «Хайль! Хайль, Шикльгрубер!»? «Хайль, Гитлер!» не только напоминало вагнеровскую музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена третьего рейха как обязательная форма приветствия, заменявшее даже привычное «алло». «Хайль, Шикльгрубер!» — это представить гораздо труднее[4].

Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, произносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистского фюрера к чехам — нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать несколько слов об этом славянском имени. Непомук был национальным святым чешского

народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

Алоис Шикльгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но, будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласл-Херер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиса повысился — обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Но брак этот оказался несчастливым. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Прожив шестнадцать лет, они расстались, и через три года, в 1883 году, она умерла.

До разрыва с женой Алоис, теперь уже на законном основании именовавшийся Гитлером, сошелся с молодой кухаркой при гостинице Франциской Матцельсбергер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиса. Через месяц после смерти жены он женился на кухарке, а через три месяца она родила ему дочь Ангелу. И второй брак Алоиса оказался недолговечным. Год спустя Франциска скончалась от туберкулеза. А через шесть месяцев Алоис Гитлер женился в третий — и последний — раз.

Новой невесте Кларе Пельцль, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять, ее мужу — сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из Шпиталя — деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоис Шикльгрубер — Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоис доводился Кларе двоюродным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикльгруберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиса часто болела, и у него, по-видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоисом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоис тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, — Франциска в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоис Гитлер и Клара Пельцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер во младенчестве, как и вторая малышка Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок — дочь Паула родилась в 1896 году и пережила своего брата.

Сводный брат Адольфа Алоис и сводная сестра Ангела — дети Франциски Матцельсбергер выросли и стали взрослыми. Ангела, хорошенькая молодая

женщина, вышла замуж за служащего налогового управления по фамилии Раубал, после его смерти работала в Вене экономкой, а одно время, если верить сведениям Хайдена, кухаркой в еврейской благотворительной общине. В 1928 году она переехала к Гитлеру в Берхтесгаден для ведения хозяйства, и в нацистских кругах много говорили о вкусной венской сдобе и сладких блюдах на десерт, приготовленных Ангелой, которые Гитлер поглощал с волчьим аппетитом. Она уехала от него в 1936 году, чтобы выйти замуж за профессора архитектуры в Дрездене, и Гитлер, будучи уже рейхсканцлером и диктатором, не простил ей этого и даже отказался сделать свадебный подарок. Она была единственной родственницей, с кем Гитлер в зрелом возрасте поддерживал тесные отношения. А впрочем, было еще одно исключение. У Ангелы была дочь — тоже Ангела (Гели) Раубал, красивая блондинка, к которой Гитлер, как мы убедимся, питал по-настоящему глубокое чувство.

Адольфу Гитлеру не нравилось, когда при нем упоминали имя сводного брата. Алоис Матцельсбергер, в дальнейшем по праву именовавшийся Алоисом Гитлером, стал официантом и на протяжении долгих лет был не в ладах с законом. Хайден писал, что в восемнадцать лет его приговорили за кражу к пяти месяцам тюрьмы, а в двадцать (тоже за кражу) — к восьми месяцам. В конце концов он переехал в Германию, но тут же впутался в новую историю. В 1924 году, когда Адольф Гитлер томился в тюрьме за организацию бунта в Мюнхене, гамбургский суд приговорил Алоиса Гитлера к шестимесячному заключению за двоеженство. Затем, как рассказывает Хайден, он поселился в Англии, женился, но вскоре бросил семью.

С приходом к власти национал-социалистов для Алоиса Гитлера настали счастливые времена. Он открыл небольшую пивную в предместье Берлина, а незадолго до окончания войны перенес ее на Виттенбергерплац, в фешенебельный квартал на западе столицы. Пивную часто посещали нацисты, и в первые годы войны, когда с продуктами было плохо, в ней всегда царило изобилие. В те дни я тоже иногда заглядывал туда. Шестидесятилетний Алоис, тучный, простоватый и добродушный, внешне мало походил на знаменитого сводного брата и ничем не отличался от многочисленных владельцев небольших питейных заведений, разбросанных по Германии и Австрии. Дела у него шли хорошо, и он, предав забвению небезупречное прошлое, наслаждался обеспеченной жизнью.

Боялся он лишь одного — чтобы сводный брат в припадке раздражения не отнял лицензию. В пивной поговаривали, что фюрер сожалел о существовании сводного брата, напоминавшего ему о скромном происхождении их семьи. Помнится, Алоис отказывался участвовать в каких бы то ни было разговорах о сводном брате, — разумная мера предосторожности, правда, разочаровавшая тех, кто пытался узнать как можно больше о прошлом человека, уже к тому времени приступившего к завоеванию Европы.

За исключением «Майн кампф», на страницах которой дается скудный биографический материал, что нередко вводит исследователей в заблуждение, и имеются большие временные пробелы, Гитлер не обсуждал и не позволял обсуждать в его присутствии свою родословную, детские и юношеские годы. С прошлым семьи мы познакомились. Какими же были детство и юность фюрера?

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну исполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз местожительство, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честолюбии — сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому.

«Мне едва исполнилось одиннадцать, — рассказывал впоследствии Гитлер, когда я впервые был вынужден сказать «нет» собственному отцу… Я не хотел быть чиновником».

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом — один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в «Майн кампф».

Этот конфликт стал по существу первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми препятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня… тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров…

В один прекрасный день я понял, что стану художником… Отец мой лишился дара речи.

? Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял, Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать…

? Художником? Нет! Никогда, пока я жив!.. Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не менее настаивал…»

Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. «Я подумал, — объяснял Гитлер, — что, как только отец убедится, насколько неблагополучно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет».

Эти слова, написанные тридцать четыре года спустя, в какой-то мере могут служить оправданием школьных неудач Гитлера. Его оценки в начальной школе были в целом хорошими. Но в средней школе в Линце Гитлер учился весьма посредственно и в итоге, не получив аттестата, вынужден был перевестись в школу в Штейре. Там он занимался недолго и, не доучившись, бросил школу.

Школьные неудачи не давали покоя Гитлеру и в более зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Даже последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной тактики, стратегии и командования, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми дружками по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, преподававших ему в юности. Некоторые высказывания этого безумного гения, в то время верховного главнокомандующего, лично руководившего огромными армиями на пространствах от Волги до Ла-Манша, дошли до наших дней.

«Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой. Те же, кого можно считать хорошими преподавателями, являлись исключением. Печально думать, что такие люди способны были преградить молодому человеку дорогу в жизнь.

3 марта 1942 года.

Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички всегда казались несвежими… Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их отличало крайнее невежество, и они прекрасно подходили для того, чтобы стать винтиками деградирующей системы правления, которая — слава всевышнему! — теперь уже в прошлом.

12 апреля 1942 года.

Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными… Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старикам и женщинам. Однако мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев… Особенно не везло с учителями мне. Совершенно не проявились мои способности к иностранным языкам, хотя все могло сложиться иначе, не будь преподаватель полным идиотом. Я просто не выносил его.

29 августа 1942 года.

Наши учителя были настоящими тиранами. К молодежи они не испытывали никакой симпатии. Их единственная цель состояла в том, чтобы вбить нам в голову разную чепуху и превратить в таких же ученых обезьян, какими были они сами. Стоило кому-то проявить малейшие признаки самостоятельного мышления, его начинали систематически преследовать. А примерные ученики, которых мне довелось знать, во взрослой жизни оказались неудачниками.

7 сентября 1942 года».

Совершенно очевидно, что до последних дней своей жизни Гитлер не забывал о преподавателях, ставивших ему когда-то плохие оценки, и постарался представить прошлые события в виде фарса.

Впечатления преподавателей о молодом Гитлере были записаны после того, как он стал известен всему миру. Одним из немногих учителей, которого, похоже, жаловал Гитлер, был профессор Теодор Гиссингер, пытавшийся привить ему любовь к естественным наукам. Гиссингер впоследствии вспоминал: «Лично у меня от Гитлера в Линце не осталось никакого впечатления — ни хорошего, ни плохого. Его ни в коей мере нельзя было назвать лидером класса. Худощавый, державшийся прямо юноша, с бледным, вытянутым, как у чахоточного, лицом… Открытый взгляд… Глаза блестят».

Профессор Эдуард Хюмер, принадлежавший, очевидно, к числу тех «полных идиотов», о которых высказывался Гитлер, поскольку преподавал французский язык, приезжал в 1923 году в Мюнхен давать свидетельские показания по делу своего бывшего ученика, обвиненного в измене за участие в «пивном путче». Разделяя взгляды Гитлера, он заявил, что от всей души желает осуществления его идей, и набросал портрет своего бывшего ученика;

«Гитлер, безусловно, был способным учеником, хотя способности его проявлялись лишь по отдельным предметам. Ему не хватало самоконтроля, поэтому, мягко говоря, его считали спорщиком, деспотичным, самонадеянным, невыдержанным, не подчиняющимся школьной дисциплине. Усердием он также не отличался, иначе добился бы лучших результатов, принимая во внимание его способности»,

Один из учителей средней школы в Линце оказал сильное и, как выяснилось, роковое влияние на молодого Адольфа Гитлера. Это был преподаватель истории доктор Леопольд Петч — выходец с юга, где проходила граница с южными славянами. Региональные конфликты на расовой почве превратили Петча в фанатичного немецкого националиста. До приезда в Линц он преподавал в Марбурге, который позднее, когда данная область после первой мировой войны отошла к Югославии, был переименован в Марибор.

Несмотря на то что доктор Петч ставил своему ученику лишь «удовлетворительно», он единственный из учителей, о ком фюрер тепло отозвался в «Майн кампф».

«Для всей моей последующей жизни определяющим моментом, пожалуй, явилось то, что судьба ниспослала мне такого преподавателя истории, который, как никто другой, понимал принцип… сохранения главного и отбрасывания в сторону всего несущественного… В моем учителе средней школы в Линце докторе Леопольде Петче это требование сочеталось идеальным образом. Пожилой человек, добрый и одновременно твердый, он умел не только

привлекать наше внимание своим поразительным красноречием, но и вести за собой. Даже теперь я с трепетом вспоминаю этого седого человека, который своей страстной речью иногда заставлял нас забывать настоящее, который словно по мановению волшебной палочки переносил нас в прошлое и превращал сухие исторические факты вековой давности в живую реальность. Мы внимали, зачастую обуреваемые энтузиазмом, растроганные до слез… Он использовал зарождавшийся в нас национальный фанатизм как средство воспитания, нередко обращаясь к чувству нашего национального достоинства.

Благодаря стараниям педагога история стала моим любимым предметом.

И действительно, хотя у него и не было такого намерения, именно тогда я сделался молодым революционером».

Тридцать пять лет спустя, в 1938 году, в ходе триумфального визита в Австрию после ее присоединения к третьему рейху рейхсканцлер Гитлер ненадолго остановился в Клагенфурте, чтобы навестить своего старого учителя, уже вышедшего на пенсию. Он с удовлетворением узнал, что Петч являлся членом нацистской организации СС, которая в независимой Австрии была запрещена.

Гитлер беседовал с ним наедине в течение часа и позднее признался товарищам по партии: «Вы представить себе не можете, как я обязан этому старому человеку».

Алоис Гитлер умер от легочного кровотечения 3 января 1903 года в возрасте шестидесяти пяти лет. Приступ застал его во время утреннего моциона, и он скончался в расположенной поблизости гостинице на руках у соседа. Когда тринадцатилетний сын увидел тело отца, он не выдержал и разрыдался.

Его мать, которой было тогда сорок два года, переехала в скромную квартирку в Урфаре — пригороде Линца, где вместе с двумя оставшимися в живых детьми — Адольфом и Паулой перебивалась на скромные сбережения и выделенную ей пенсию. Она считала себя обязанной, как заметил Гитлер в «Майн кампф», согласно воле отца заботиться о его дальнейшем образовании. «Другими словами, — уточнял фюрер, — заставить меня учиться на государственного служащего».

Хотя молодая вдова потворствовала прихотям сына и он, похоже, тоже искренне любил ее, мальчик «более, чем когда-либо, был уверен, что не станет чиновником». Таким образом, несмотря на нежные чувства матери и сына, между ними возникли трения, потому что Адольф по-прежнему пренебрегал занятиями в школе.

«Неожиданно мне помогла болезнь, несколько недель определили мое будущее и положили конец извечным домашним ссорам».

Когда Гитлеру было почти шестнадцать, обнаружили, что он болен легочным заболеванием, и юноша вынужден был прервать учебу по крайней мере на год. На какое-то время его отослали в деревушку Шпиталь к родственникам. В доме у тетки по матери, крестьянки Терезы Шмидт, Адольф быстро поправился. После выздоровления он ненадолго вернулся в среднюю школу. В последнем отчете об успеваемости от 16 сентября 1905 года Гитлеру выставлены оценки «хорошо» по немецкому языку, химии, физике, геометрии.

По географии и истории он имел «удовлетворительно», а по рисованию на свободные темы «отлично». Его настолько воодушевила перспектива навсегда распроститься со школой, что он напился в первый и последний раз в жизни. Позднее он вспоминал, что на рассвете где-то на проселочной дороге под Штейром его подобрала молочница и помогла добраться до города. И он тогда же поклялся, что такое больше не повторится[5]. В данном случае Гитлер сдержал слово — он стал трезвенником, воздерживался от курения, был вегетарианцем сначала в силу обстоятельств, когда без гроша в кармане бродяжничал в Вене и Мюнхене, потом — по убеждению.

Последующие два-три года Гитлер считал самыми счастливыми в своей жизни[6]. Несмотря на просьбу матери и настойчивые призывы родственников пойти работать и приобрести профессию, он довольствовался мечтами о том, что в будущем станет художником, и предавался развлечениям на берегах Дуная. Гитлеру навсегда запомнилась безоблачная пора юности, когда он, будучи любимцем матери, наслаждался «прелестями праздной жизни».

Хотя болезненной вдове было нелегко сводить концы с концами, располагая довольно скудными средствами, молодой Адольф категорически не желал искать работу, чтобы помочь семье. Сама мысль о необходимости зарабатывать себе на хлеб уже тогда претила ему, и он не изменил своего отношения к этому на протяжении всей жизни.

Последние годы юности перед вступлением во взрослую жизнь Гитлер считал счастливыми, очевидно, потому, что был свободен, мог строить любые планы на будущее, мечтать и проводить дни в шатании по городу или деревне, втолковывая приятелю, что мир устроен несправедливо и это надо исправить. Вечерами он мог уткнуться в книгу либо, проникнув с черного хода в оперный театр Линца или Вены, восхищенно вслушиваться в таинственные мелодии Рихарда Вагнера.

Позднее один из друзей детства отзывался о Гитлере как о болезненном, бледном и худощавом юноше, обычно робком и скрытном, с которым мог внезапно случиться истерический припадок, если кто-либо с ним не соглашался. Четыре года Адольфу казалось, что он по-настоящему влюблен в хорошенькую блондинку по имени Штефания. Часто провожая ее влюбленным взглядом, когда она вместе с матерью прогуливалась по Ландштрассе в Линце, Гитлер ни разу не попытался познакомиться с девушкой, предпочитая, чтобы она, как и многие другие объекты его почитания, оставалась в скрытом от посторонних мире его буйных фантазий. Действительно, во многих лирических стихах, посвященных Штефании (одно из стихотворений называлось «Гимн любимой»), которые он упорно читал своему терпеливому другу Августу Кубичеку[7], она представлялась ему девой из «Валькирии», облаченной в темно-синюю развевающуюся бархатную мантию и скачущей на белом коне по цветущим полям.

Хотя Гитлер намеревался посвятить себя искусству — стать художником или по крайней мере архитектором, в возрасте шестнадцати лет его уже захватила политика. К тому моменту он пропитался ярой ненавистью к Габсбургской монархии и всем ненемецким народностям многонациональной Австро-Венгерской империи, которой они правили, и столь же пылкой любовью ко всему немецкому. В шестнадцать лет Гитлер стал тем, кем оставался всю жизнь вплоть до последнего вздоха — фанатичным немецким националистом.

Вероятно, он не так легкомысленно воспринимал происходящее, как можно было ожидать от праздношатающегося. Мировые проблемы уже тогда давили на него тяжким грузом. Кубичек впоследствии вспоминал; «Повсюду он замечал одни лишь препятствия и враждебность… Он вечно против чего-то возражал и был недоволен окружающим… Я замечал, что он воспринимал происходящее очень серьезно…»

Именно в то время молодого человека, который терпеть не мог школу, обуяла страсть к чтению. Он записывается в публичную библиотеку в Линце и вступает в музейное общество, где берет книги в большом количестве. Знакомый Гитлера тех лет вспоминает, что его всегда окружали книги, любимыми же являлись книги по истории Германии и немецкой мифологии.

Линц был провинциальным городом, и вскоре внимание юноши, которого переполняли амбиции и фантазии, привлекла Вена — блистательная столица империи, славившаяся архитектурой барокко. В 1906 году, как только ему исполнилось семнадцать, Гитлер, взяв денег у матери и родственников, отправился на два месяца в столицу.

Хотя именно здесь позднее пройдут самые мрачные годы его жизни, когда ему в буквальном смысле придется нищенствовать, во время первой встречи Вена очаровала его. Адольф целыми днями бродил по улицам, с восхищением рассматривая фасады домов на Ринге, постоянно пребывая в состоянии возбуждения от того, что видел в музеях, слышал в опере.

Юноша навел справки относительно поступления в Венскую академию изящных искусств и через год, в октябре 1907-го, вновь вернулся в столицу. Первым практическим шагом в осуществлении мечты стать художником явились вступительные экзамены. Тогда, в восемнадцать лет, он был полон надежд, но они не сбылись. Подробно об этом рассказывает запись в экзаменационном протоколе академии:

«В ходе экзаменов следующие лица не добрали баллов и не были приняты… Адольф Гитлер, уроженец Браунау-ам-Инн, родился 20 апреля 1889 года, немец, католик, отец — государственный служащий, окончил четыре класса средней школы. Несколько рисунков головы оценены неудовлетворительно».

На следующий год Гитлер предпринял еще одну попытку поступить в академию, но на этот раз его рисунки оказались настолько плохи, что его не допустили до экзаменов. На молодого человека с большими амбициями, как писал он впоследствии, неудача обрушилась как гром среди ясного неба. Он был твердо уверен, что добьется успеха. Описывая этот эпизод в «Майн кампф», Гитлер упоминает, что потребовал объяснения от ректора академии.

«Этот господин заверил меня в том, что представленные работы со всей очевидностью свидетельствуют, что у меня нет склонности к рисованию и мне лучше попробовать себя в архитектуре. Он заявил, что о моем поступлении в художественную школу академии и речи быть не может и мне надо учиться в архитектурном институте».

Молодой Адольф хотел было последовать этому совету, но вскоре с горечью понял, что отсутствие аттестата не позволит ему поступить в архитектурный институт.

Тем временем его мать умирала от рака груди, и Адольф вынужден был вернуться в Линц. После того как он бросил школу, Клара Гитлер и ее родственники помогали молодому человеку в течение трех лет, однако результатов не видели. 21 декабря 1908 года, когда город оделся в рождественский наряд, мать скончалась. Два дня спустя ее похоронили на кладбище в Леондинге рядом с отцом.

Для девятнадцатилетнего юноши это был страшный удар. «…Я уважал отца и любил мать… Ее внезапная кончина положила конец всем моим далеко идущим планам… Бедность и суровая действительность вынудили меня незамедлительно принять решение… Я столкнулся с проблемой как-нибудь зарабатывать себе на жизнь».

«Как-нибудь»! У него не было профессии. Он с презрением относился к физическому труду и никогда не пытался что-либо заработать. Но трудности не страшили Гитлера. Прощаясь с родственниками, он громогласно заявил, что не вернется сюда, пока не устроит свою судьбу.

«С набитым чемоданом и непоколебимой верой в сердце я отправился в Вену. Я, как и мой отец пятьдесят лет назад, надеялся, что судьба мне улыбнется и я стану кем-то, но только не государственным служащим».

Самый мрачный период жизни Гитлера 1909–1913 годы ознаменованы полной нищетой и крушением надежд тщеславного молодого человека из Линца. В эти последние годы процветания династии Габсбургов, предшествовавшие ее краху, после чего город уже перестал быть столицей пятидесятидвухмиллионной империи, расположенной в самом сердце Европы, в Вене царила атмосфера веселья и очарования, которая всегда выделяла ее среди других столиц мира. Ни один из городов Запада не мог сравниться с ней не только своим архитектурным богатством, но и добродушием, весельем и утонченностью жителей, воспитанных на барокко и рококо.

Место, расположенное на берегу голубого Дуная, в окрестностях Венского леса, среди холмов, покрытых золотисто-зелеными виноградниками, представлялось чудом природы, захватывало воображение приезжих, а венцев заставляло поверить в то, что всевышний к ним особенно благосклонен. Отовсюду лилась изумительная по проникновенности музыка Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шуберта — гениальнейших композиторов, которых когда-либо знала Европа, а последние годы в разгар бабьего лета постоянно звучали пленительные вальсы любимца Вены Иоганна Штрауса.

Людям, которым выпало счастье с детских лет любоваться пышным барокко, сама жизнь представлялась неким сном. Жители Вены дни и ночи беззаботно кружились в вальсе и потягивали вино, мило болтали в уютных кафе, слушая музыку и пребывая в мире грез, посещали драмтеатр, оперу, оперетту, предавались любви — другими словами, большую часть своей жизни посвящали удовольствиям и мечтам о них.

Конечно, кому-то надо было управлять империей, руководить армией и флотом, прокладывать коммуникации, заниматься бизнесом и просто трудиться. Однако немногие из венцев работали сверхурочно и даже полный рабочий день.

Безусловно, и здесь существовала так называемая изнанка жизни. В Вене, как и в других городах, имелись бедняки, которые жили в трущобах, недоедали и плохо одевались. Однако, будучи самым крупным промышленным городом Центральной Европы и столицей Австро-Венгерской империи, Вена процветала, и жители в полной мере пользовались благами этого процветания. Политическую жизнь города контролировала большей частью мелкая буржуазия; рабочие создали не только свои профсоюзы, но и мощную политическую партию социал-демократическую. Население города, насчитывавшее в то время два миллиона человек, начинало проявлять активность.

Демократия приходила на смену существовавшему века самодержавию Габсбургов, народные массы получали доступ к образованию и культуре. К тому времени, когда Гитлер, молодой человек без гроша за душой, перебрался в Вену, перед ним открылась перспектива получить высшее образование либо довольно прилично зарабатывать себе на жизнь, влившись в миллионную армию тружеников, и наслаждаться благами цивилизации, которые столица предоставляла своим жителям. Ведь не кто иной, как его единственный друг Кубичек, такой же бедный и неизвестный, как сам Гитлер, уже успел заявить о себе в музыкальной академии.

Но молодой Адольф, позабыв о своих амбициях, решил не поступать в архитектурный институт, хотя такая возможность, несмотря на отсутствие аттестата об окончании средней школы, у него была, поскольку молодых людей, отличавшихся «особым талантом», принимали и без него. Однако, насколько известно, он не подавал заявления о приеме. Его мало заботило и то, что надо приобрести какую-то профессию или поступить на постоянную работу.

Гитлер предпочел перебиваться случайными заработками: убирал снег, выбивал ковры, служил носильщиком на Западном вокзале, а иногда нанимался на несколько дней строительным рабочим. В ноябре 1909 года, почти год спустя после приезда в Вену «в надежде на лучшую судьбу», он был вынужден съехать из меблированной комнаты, которую снимал по Симон-Денк-гассе, и четыре года обитал в ночлежках или в таких убогих местах, как мужское общежитие в доме номер двадцать семь по Мельдеманнштрассе в двадцатом районе Вены, на берегу Дуная. Голод он утолял похлебкой, которую раздавали в городе благотворительные кухни.

Неудивительно, что почти два десятилетия спустя Гитлер писал:

«С Веной — городом, который для многих является воплощением беспечных радостей, излюбленным местом развлечений, у меня, к сожалению, связаны воспоминания о самом печальном периоде моей жизни.

Даже сегодня этот город не вызывает у меня ничего, кроме мрачных мыслей. Вена ассоциируется в моем воображении с пятью годами невзгод и лишений. Пять лет я был вынужден зарабатывать себе на жизнь сначала в качестве поденного рабочего, затем — скромного художника; скудного заработка не хватало даже на то, чтобы каждый день утолять голод».

Рассказывая о том периоде своей жизни, Гитлер подчеркивал, что постоянно недоедал:

«Голод в те годы был со мной неразлучен, словно преданный охранник, ни на минуту не оставляя меня и поглощая все, что у меня было… Жизнь представляла собой вечную борьбу с этим безжалостным другом».

Голод, однако, не заставил его искать постоянное место работы. В «Майн кампф» Гитлер поясняет, что им владел мучительный страх мелкого буржуа скатиться до уровня пролетария, выполняющего физическую работу. Впоследствии при создании национал-социалистской партии Гитлер использовал этот страх, опираясь в основном на плохо оплачиваемый, неприкаянный, не имеющий своего лидера класс «белых воротничков», миллионы представителей которого питали иллюзии, что в социальном отношении они в любом случае стоят выше рабочих.

Хотя Гитлер и говорит, что кое-как перебивался, работая «скромным художником», в своей автобиографии он подробно на этом не останавливается, а лишь упоминает: в 1909-1910 годах его материальное положение настолько улучшилось, что ему уже не надо было трудиться простым рабочим.

«В то время, — пишет он, — я был независимым скромным чертежником и рисовал акварели».

Утверждение это отчасти вводит в заблуждение, как и многое из того, что связано с биографией фюрера, изложенной в «Майн кампф». Хотя высказывания тех, кто знал Гитлера в те годы, не намного достовернее, все-таки удалось воссоздать более точную и наверняка более полную картину[8].

То, что Адольф Гитлер никогда не рисовал дома, в чем язвительно упрекали его политические оппоненты, совершенно очевидно. По крайней мере, нет никаких фактов, подтверждающих, что он этим занимался. Он рисовал маленькие аляповатые картинки с видами Вены, известные всем достопримечательности столицы, такие, как собор святого Стефана, оперу, Бургтеатр, дворец в Шенбрунне или римские развалины в парке Шенбруниа. Знакомые уверяли, что Адольф копировал виды с картин старых мастеров, с натуры он, по-видимому, рисовать не умел. Рисунки его ходульны и безжизненны, словно черновые наброски начинающего архитектора, а человеческие фигуры, которые он иногда изображал на фоне зданий, настолько плохи, что напоминают персонажи комиксов. Я нашел записи, сделанные мной после просмотра папки с оригинальными рисунками Гитлера: «Мало лиц. Аляповато. Ужасное лицо». Хайден высказался следующим образом: «…Они стояли как крошечные набитые мешки и не вписывались в торжественно-праздничное убранство дворцов».

Гитлер, возможно, продал сотни таких жалких картинок мелким торговцам для украшения стен, продавцам для заполнения рам на выставках, мебельщикам, которые, следуя моде тех дней, иногда прибивали их гвоздиками к спинкам дешевых диванов и кресел. Гитлер не пренебрегал и чисто коммерческими заказами, часто рисовал рекламные плакаты для лавочников. На одном из плакатов Дед Мороз продавал ярко раскрашенные свечки, очевидно, чтобы немного заработать на рождество, на другом — готический шпиль собора святого Стефана, который Гитлер не уставал копировать, возвышался над грудой кусков мыла.

Это было для него верхом «художественности», тем не менее до последних дней он считал себя художником.

В годы своей скитальческой жизни в Вене он походил на человека богемы. Те, кто знал в то время Гитлера, впоследствии вспоминали, что он носил длинное, до пят, потертое пальто черного цвета, похожее на кафтан, подаренное ему венгерским евреем, торговавшим подержанными вещами, вместе с которым Гитлер влачил тоскливые дни в мужском общежитии. Рассказывали, что Адольф круглый год не снимал с головы черную же грязную жокейскую кепочку. Спутанные волосы, зачесанные на лоб, как в более поздние годы, лохмами спадали сзади на несвежий воротничок. Гитлер, очевидно, редко стригся и брился, поэтому черная щетина проступала обычно на щеках и подбородке. Если верить Ханишу, который впоследствии стал чем-то наподобие художника, «внешне Гитлер выглядел довольно неординарно».

В отличие от окружавших его отчаявшихся молодых людей Гитлер не был подвержен порокам юности. Он не курил и не употреблял спиртного, женщинами не увлекался — не из-за какой-то аномалии, как утверждали, а просто из-за врожденной робости.

«Мне кажется, — заметил Гитлер впоследствии в «Майн кампф» с известной долей юмора, проблески которого были у него столь редки, — что мои знакомые того времени считали меня эксцентричным».

Как и его учителя, они запомнили у Гитлера вызывающе пристальный взгляд, выражающий нечто присущее сильной личности и никак не вязавшийся с жалким обликом немытого бродяги. Они вспоминали, что молодой человек, несмотря на всю свою леность, когда дело касалось физического труда, был ненасытным книгочеем и проводил за чтением большую часть времени.

«В то время я читал много и основательно. Все свободное от работы время я отдавал этому занятию. Таким образом, за несколько лет я накопил основательные знания, которыми пользуюсь и сегодня».

В «Майн кампф» Гитлер подробно обсуждает искусство чтения:

«Под «чтением», правда, я подразумеваю нечто иное, нежели средний представитель нашей так называемой интеллигенции.

Я знаю тех, кто «читает» очень много… но я с трудом мог бы назвать их людьми «начитанными». Естественно, они накопили массу информации, однако их способности не позволяют надлежащим образом расположить и зафиксировать получаемый материал… С другой стороны, человек, владеющий искусством правильного чтения… тотчас же подсознательно отбирает все, что, по его мнению, заслуживает твердого запоминания, поскольку это либо соответствует его цели, либо содержит полезные сведения… Искусство чтения, так же как и самого процесса обучения, состоит в следующем: запомнить главное и забыть все лишнее…

Лишь такое чтение можно считать осмысленным и целесообразным… С этой точки зрения мой венский период особенно плодотворен и ценен».

Ценен для чего? Гитлер отвечает, что, вращаясь среди бедных и бесправных обитателей Вены, он посредством чтения приобрел все те знания, которые потребовались ему в дальнейшей жизни.

«Вена была и остается для меня самой трудной и одновременно самой основательной школой жизни. Я вступил в этот город почти ребенком, а покинул его взрослым человеком, молчаливым и угрюмым.

Именно в ту пору сформировалось мое мироощущение и философия, которые послужили краеугольным камнем для всех моих будущих действий. И впоследствии мне не надо было учиться многому, что-либо менять коренным образом в дополнение к тому, что я создал».

Какие же знания приобрел Гитлер во время тяжких испытаний, столь щедро выпадавших на его долю в Вене? Каковы те идеи, которые он почерпнул из книг и выработал на основании собственного опыта и которым, по словам самого Гитлера, следовал практически до конца дней своих? Даже при самом поверхностном рассмотрении ясно, что идеи эти не отличались глубиной и всесторонностью, зачастую носили гротесковый и нелепый характер и явно окрашены предрассудками. Однако столь же очевидно, что анализ этих идей весьма важен для данного исторического исследования, как и для мировой истории в целом, поскольку они сыграли не последнюю роль в формировании основ третьего рейха, которые вскоре предстояло заложить этому начитанному бродяге.

Идейные воззрения Адольфа Гитлера

Эти воззрения, за малым исключением, не отличались особой оригинальностью и были почерпнуты как они есть из бурлящего водоворота австрийской политической жизни начала двадцатого века. Дунайская монархия разваливалась под бременем собственных противоречий. Германо-австрийское меньшинство на протяжении столетий правило многоязычной империей, в состав которой входило более десятка разных национальностей, навязывая им свой язык и свою культуру. Но с 1848 года позиции монархии пошатнулись. Образно выражаясь, Австрия перестала быть котлом, переваривающим противоречия национальных меньшинств. В 60-е годы прошлого столетия от империи откололась Италия, а в 1867 году венгры добились равенства с немцами в рамках так называемой двуединой монархии.

Теперь же, в начале двадцатого века, потребовали равенства или по крайней мере национальной самостоятельности славянские народы — чехи, словаки, сербы, хорваты и другие. В политической жизни Австрии доминирующее место заняла острая национальная борьба.

Но это было еще не все. Назревал также социальный протест, зачастую превосходивший по своим масштабам расовые волнения. Низшие классы, лишенные избирательного права, добивались участия в выборах, а рабочие боролись за право создавать профсоюзы и проводить забастовки, выдвигая требования не только о повышении заработной платы и улучшении условий труда, но и о предоставлении политических свобод. И действительно, всеобщая забастовка в итоге привела к предоставлению избирательного права мужчинам, что по существу положило конец политическому доминированию

германо-австрийцев, составлявших треть населения австрийской части империи.

Гитлер, этот молодой германо-австрийский националист из Линца, был ярым противником подобных перемен. Он считал, что империя стала скатываться в «зловонное болото». Спасти ее можно лишь при условии, если высшая раса немцы сохранят за собой абсолютную власть. Негерманские расы, особенно славяне, а прежде всего чехи, считались низшими. И поэтому ими должны править немцы железной рукой. Следовало распустить парламент и вообще покончить со всякой демократической ерундой.

Хотя Гитлер не занимался политикой, он живо интересовался деятельностью трех основных политических партий старой Австрии: социал-демократической, христианско-социалистической и пангерманских националистов. И вот у этого неопрятного завсегдатая благотворительных кухонь проклюнулись первые ростки политической проницательности, позволившие ему с удивительной ясностью увидеть всю силу и слабость современных политических течений. Дальнейшее развитие этого качества способствовало его превращению в ведущего политического деятеля Германии.

Гитлер с первого взгляда лютой ненавистью возненавидел социал-демократическую партию. «Наибольшую неприязнь во мне, — заявлял он, вызывало их враждебное отношение к борьбе за сохранение германизма и постыдное заигрывание с «товарищами» славянами… За несколько месяцев я получил то, на что в другие времена требовались десятилетия: понимание заразной шлюхи[9], прикрывающейся общественной добродетелью и братской любовью».

И все же он был достаточно умен и погасил в себе чувство ненависти, которое испытывал к партии рабочего класса, чтобы внимательно изучить причины ее популярности. Он пришел к выводу, что таких мотивов несколько, и спустя годы припомнил их и использовал при создании национал-социалистской партии Германии.

Однажды, говорится в «Майн кампф», он явился свидетелем массовой демонстрации венских рабочих. «Почти два часа я стоял и, затаив дыхание, наблюдал, как огромная грозная толпа проплывала мимо. Затем в подавленном состоянии я не спеша направился домой».

Дома он занялся чтением социал-демократической прессы, изучением речей их лидеров и самой организации, анализом психологии и политических методов и подведением итогов. Гитлер пришел к выводу, что социал-демократы добились успехов, во-первых, потому, что знали, как сделать движение массовым, без чего существование любой политической партии не имеет смысла; во-вторых, потому, что научились вести пропагандистскую работу в массах; в-третьих, потому, что хорошо понимали силу «внутреннего и физического страха».

Третий вывод, хотя и основывался на ошибочных представлениях и предубеждениях самого Гитлера, заинтересовал его. Через десять лет он использовал этот принцип в собственных целях.

«Я понял, какой постыдный внутренний страх это движение наводит, в частности, на буржуазию, которая ни морально, ни психически не готова к подобным нападкам; в заданный момент самая настоящая лавина оскорблений и

лжи может обрушиться на любого противника, который представляется наиболее опасным, пока у лиц, подвергающихся нападкам, не сдадут нервы… Подобная тактика основывается на точном учете всех человеческих слабостей, и с ее помощью почти с математической точностью можно добиться успеха…

Я пришел также к пониманию того, что такое значение физический страх имеет как в отношении отдельного человека, так и масс в целом… В то время как в рядах сторонников этого движения достигнутые успехи рассматриваются как подтверждение правильности выбранного ими пути, противник, потерпевший поражение, в большинстве случаев понимает всю бессмысленность какого-либо дальнейшего сопротивления».

Более точного анализа нацистской тактики, разработкой которой впоследствии занимался Гитлер, никто никогда не давал.

Пристальное внимание начинающего осознавать себя в Вене Гитлера привлекли две политические партии. Деятельность обеих он подверг беспристрастному скрупулезному анализу. Поначалу, как указывал Гитлер, его симпатии принадлежали пангерманской националистической партии, созданной Георгом Риттером фон Шенерером, выходцем из Нижней Австрии, как и семья Гитлера.

В то время пангерманская партия вела непримиримую борьбу за германское превосходство в многонациональной империи. И хотя Гитлер считал Шенерера «глубоким мыслителем» и с энтузиазмом поддерживал его основополагающую программу воинствующего национализма, антисемитизма, антисоциализма, союза с Германией, оппозиции Габсбургам и Ватикану, он вскоре понял причины неудач этой партии.

«Пангерманское движение в недостаточной мере оценило важность социальных проблем, и это стоило ему того, что оно потеряло поддержку по-настоящему активных народных масс. Участие, партии в парламенте лишило движение мощной притягательной силы и одновременно выявило изъяны, свойственные ему. Борьба против католической церкви… оттолкнула от движения многих передовых людей, которые составляют гордость нации».

Хотя Гитлер забыл об этом, придя к власти в Германии, одним из уроков, извлеченных им в венский период жизни, о котором фюрер довольно подробно пишет в «Майн кампф», явилось понимание тщетности усилий какой-либо политической партии противопоставить себя церкви.

«Независимо от того, насколько вескими были основания для критики того или иного направления, — пишет Гитлер, объясняя, почему тезис Шенерера «отдельно от Рима» был тактической ошиб-кой, — политическая партия ни на минуту не должна упускать из вида тот факт, что за всю предшествующую историю партия, преследующая чисто политические цели, ни разу не добилась успеха в проведении реформации церкви».

Однако Гитлер полагал, что самой большой ошибкой пангерманской партии оказалась ее неспособность вести за собой массы, ее нежелание попытаться понять психологию простого народа. По оценке Гитлером идей, которые начали у него формироваться, едва ему исполнился двадцать один год, очевидно, что такую позицию пангерманистов он считал в корне ошибочной.

Гитлер был не намерен повторять подобных просчетов, создавая свое собственное политическое движение.

Не имел он права и на другую ошибку, допущенную пангерманской партией. Пангерманцам не удалось добиться поддержки от мощных институтов страны церкви, военных, кабинета министров или главы правительства. До тех пор пока политическое движение не заручится подобной поддержкой, по мысли молодого Гитлера, ему будет трудно, а то и невозможно прийти к власти. В решающие дни января 1933 года Гитлеру удалось изловчиться и получить в Берлине такую поддержку, что и позволило ему и национал-социалистской партии прийти к власти.

В бытность Гитлера в Вене один политический лидер хорошо понимал это, а также необходимость создания партии, опирающейся на массы. Это был доктор Карл Люгер, бургомистр Вены и лидер христианско-социалистической партии, который в большей, чем кто-либо другой, степени являлся политическим наставником Гитлера, хотя они ни разу не встречались. Гитлер всегда считал его «величайшим германским мэром всех времен… государственным деятелем более важным, чем все так называемые дипломаты того времени… Если бы доктор Карл Люгер проживал в Германии, его с полным основанием можно было бы отнести к великим представителям нашего народа».

Правда, надо заметить, что между Гитлером, каким он потом станет, и Люгером, этим добродушным кумиром мелкой венской буржуазии, было мало общего. Люгер действительно слыл самым влиятельным политическим деятелем Австрии, будучи председателем партии, состоящей из представителей недовольной мелкой буржуазии, нажив политический капитал, как позднее и сам Гитлер, на яром антисемитизме.

Однако Люгер, который не отличался знатным происхождением, учился в университете и был человеком высокообразованным. Даже его оппоненты, включая евреев, соглашались с тем, что он был порядочным, галантным, по-рыцарски щедрым и вполне терпимым. Стефан Цвейг, известный австрийский писатель, еврей по национальности, живший тогда в Вене, подтвердил, что официальный антисемитизм никогда не мешал Люгеру помогать евреям и проявлять дружеские чувства к ним. «При нем, — вспоминает Цвейг, — городом управляли довольно справедливо и даже в типично демократической манере… Евреи, которых привела в ужас победа антисемитской партии, как и раньше, пользовались теми же правами и уважением».

Это не нравилось молодому Гитлеру. Он считал, что Люгер был слишком терпим и не понимал всей значимости расовой проблемы евреев. Гитлер возмущался неудачными попытками бургомистра принять пангерманизм, скептически воспринимал его католический клерикализм и лояльность по отношению к Габсбургам. Разве не престарелый император Франц Иосиф дважды отказывался санкционировать избрание Люгера на пост бургомистра?

Однако в конце концов Гитлер был вынужден признать гениальность этого человека, человека, который знал, каким образом можно добиться поддержки масс, хорошо разбирался в современных социальных проблемах и понимал, какое значение пропаганда и ораторское искусство имеют для воздействия на сознание масс. Гитлер не мог не восхищаться тем, как Люгер контактировал с влиятельной церковью: «политику он проводил с большой проницательностью». И наконец, тот же Люгер «умел эффективно использовать

все имеющиеся средства для завоевания поддержки традиционных институтов власти, с тем чтобы получать максимальные преимущества для своей партии со стороны этих влиятельных сил».

Таковы вкратце идеи и методы, которыми позже воспользовался Гитлер для создания своей собственной политической партии и завоевания этой партией власти в Германии. Исключительная изобретательность Гитлера состояла в том, что он оказался единственным правым политическим деятелем, который применил эти идеи и методы в Германии после окончания первой мировой войны. Именно в тот период нацистскому движению — единственному среди прочих националистических и консервативных партий — удалось привлечь на свою сторону широкие массы и благодаря этому добиться поддержки армии, президента республики и представителей большого бизнеса — другими словами, трех традиционных институтов верховной власти, которые помогли Гитлеру найти пути к посту рейхсканцлера Германии. Уроки, полученные в Вене, действительно не прошли даром.

Доктор Карл Люгер был блестящим оратором, а пангерманская партия испытывала недостаток в людях, умеющих хорошо говорить. Гитлер обратил на это внимание и впоследствии в «Майн кампф» не преминул порассуждать о значении ораторского искусства в политике.

«Истоки той силы, которая с незапамятных времен лежала в основе крупнейших религиозных и политических преобразований, скрываются в магическом притяжении сказанного слова, и в нем одном.

Недаром массы можно всколыхнуть лишь силой слова. Все крупные движения — это популярные движения, сгусток человеческих страстей и эмоциональных всплесков, подогретых либо жестокой богиней горя и лишений, либо зажигательными призывами, произнесенными перед массами; такие движения нельзя взрастить слащавыми речами литературных эстетов и салонных героев».

Несмотря на то что молодой Гитлер воздерживался от непосредственного участия в политической жизни Австрии, он уже тогда начал совершенствовать свое ораторское искусство в общедоступных аудиториях Вены, выступая то в ночлежках, то в благотворительных кухнях, то на углу улицы. Позднее он развил эти данные, что я могу подтвердить лично, поскольку присутствовал на его наиболее важных выступлениях. Мало кто из политических деятелей Германии периода между двумя мировыми войнами мог сравниться по ораторскому таланту с фюрером, именно это мастерство в значительной степени содействовало его поразительному успеху.

И наконец, Гитлером были накоплены в Вене определенные знания по еврейскому вопросу. В Линце, как позднее вспоминал он, проживало немного евреев.

«Я не помню, чтобы дома отец когда-либо говорил о них. В средней школе учился один еврейский мальчик, но мы не придавали этому никакого значения… Я даже принимал их (евреев) за немцев».

Однако друг юности Гитлера писал впоследствии, что это не соответствовало действительности. «Когда я впервые встретился с Адольфом Гитлером, — отмечал Август Кубичек, вспоминая о днях, проведенных вместе с другом в

Линце, — у него уже тогда были заметны антисемитские настроения… Гитлер отправился в Вену убежденным антисемитом. И хотя жизненный опыт, накопленный им в Вене, мог усугубить эти чувства, они зародились в юноше задолго до этого».

«Затем я переехал в Вену. Растерявшись от обилия впечатлений… собственной неустроенности, я первое время еще не осознавал всего многообразия социального расслоения обитателей этого огромного города. Несмотря на то что в двухмиллионной Вене еврейское население составляло около двухсот тысяч, я не обращал на них никакого внимания… В ту пору еврей по-прежнему казался мне не кем иным, как человеком другого вероисповедания, поэтому просто из человеческой терпимости я в данном случае, как и во всех других, оставался противником каких-либо религиозных нападок. Стало быть, тональность антисемитской прессы Вены казалась мне недостойной культурных традиций великой державы».

Однажды Гитлер отправился погулять в центр города. «Я вдруг увидел мужчину в черном кафтане и с темными пейсами. «Это, наверное, еврей», подумал вдруг я. Но в Линце они выглядели совсем иначе. Исподтишка я стал пристально наблюдать за незнакомцем, и, чем внимательнее я всматривался в лицо этого человека, изучал его черты, тем назойливее терзала меня мысль: «И это немец?»

Нетрудно догадаться, к какому выводу пришел Гитлер. Однако сам он утверждает, что прежде он решил, чтобы попытаться рассеять свои сомнения, поискать ответа в книгах. Он с головой ушел в изучение антисемитской литературы, которая в те времена довольно широко продавалась в Вене. Затем перенес свои наблюдения на улицы города, чтобы непосредственно проследить за этим «феноменом».

«Куда бы я ни шел, я везде теперь встречал евреев, и, чем чаще я их видел, тем более четко выделял среди остальной части населения… Позднее мне нередко становилось дурно до тошноты от одного только запаха, исходившего от людей, облаченных в кафтаны».

Впоследствии Гитлер писал, что понял «всю моральную нечистоплотность этих «избранников божьих»… Разве порок или разврат, особенно в сфере культурной жизни, не встречаются там, где действует хотя бы один еврей? Если вы более внимательно попробуете подойти к рассмотрению подобных порочных явлений, то обнаружите, что и тут, стоит только направить свет на разлагающийся труп, который гложут черви, имеется еврей!»

Евреи в значительной степени, по убеждению Гитлера, были ответственны за расцвет проституции и работорговлю белыми людьми. «Когда впервые, говорит в этой связи Гитлер, — я до конца осознал суть евреев как хладнокровных, бесстыжих и расчетливых организаторов, этих отвратительных поставщиков разврата среди отребья большого города, меня в буквальном смысле холодный пот прошиб».

В пространных высказываниях Гитлера по поводу евреев просматривается явно болезненная сексуальность. Это было характерно для антисемитской прессы Вены того времени, впрочем, как впоследствии и для сомнительного еженедельника «Дер штюрмер», издававшегося в Нюрнберге одним из любимцев фюрера Юлиусом Штрейхером, нацистским вождем Франконии, известным извращением, прославившимся в третьем рейхе своей дурной репутацией.

«Майн кампф» изобилует намеками на нечистоплотных евреев, которые соблазняют невинных христианских девушек, что самым неблагоприятным образом сказывается на последующих поколениях. Гитлер часто пишет о том, что «представлял себе кошмарные сцены совращения сотен тысяч девушек отвратительными кривоногими евреями-ублюдками».

Как указывает Рудольф Олден, антисемитизм Гитлера мог быть порожден его болезненным воображением. Хотя Адольфу к тому моменту, когда он проживал в Вене, уже исполнилось двадцать лет, он, насколько известно, не состоял в каких-либо отношениях с женщинами.

«Так постепенно, — констатирует Гитлер, — я возненавидел их… Именно тогда наступил период высочайшего духовного подъема, когда-либо испытанного мною. Я покончил с малодушным космополитизмом и стал антисемитом».

Таким слепым и ярым фанатиком Гитлер оставался до конца своих дней. В последнем завещании, написанном за несколько часов до смерти, Гитлер не удержался от того, чтобы снова не обрушиться на евреев, ответственных за войну, которую сам развязал и которая теперь должна была покончить с ним и созданным им третьим рейхом. Лютая ненависть, поразившая столь многих немцев в рейхе, в конечном счете привела к массовому уничтожению народов и оставила страшный след в истории цивилизации, который сохранится до тех пор, пока на земле будет существовать человечество.

Весной 1913 года Гитлер решил распрощаться с Веной и переехать в Германию, которой, как он писал, всегда принадлежало его сердце. Молодому человеку было двадцать четыре года, и всем, не считая, разумеется, его самого, он казался полным неудачником. Он не стал ни художником, ни архитектором. Для многих он был не кем иным, как бродягой, правда довольно эксцентричным и начитанным. У Гитлера не было ни друзей, ни семьи, ни работы, ни дома. Тем не менее его отличала непоколебимая уверенность в себе и своем предназначении.

Не следует исключать, что Гитлер покинул Австрию, чтобы избежать военной службы[10] .

Но так произошло не из-за трусости Гитлера. Просто он и мысли не допускал о том, чтобы служить бок о бок с евреями, славянами и представителями других национальных меньшинств, населявших империю. В «Майн кампф» Гитлер указывает, что переехал в Мюнхен весной 1912 года, однако сведения эти не соответствуют действительности. В документах венской полиции значится, что он проживал в Вене по май 1913 года.

Собственное объяснение Гитлером причин его отъезда из Австрии звучит довольно высокопарно:

«Постепенно во мне нарастало внутреннее неприятие государства Габсбургов… конгломерата различных этнических рас, заполнивших столицу… Меня выворачивало наизнанку это смешение чехов, поляков, венгров, русинов, сербов, хорватов, и везде было полно этих выскочек — евреев. Огромный город стал для меня олицетворением расового осквернения… Чем дольше я жил в этом городе, тем сильнее крепла во мне ненависть к чужеродному смешению людей, из-за него стал разлагаться древний центр германской культуры… Все это пробудило во мне жгучее желание отправиться наконец туда, куда с самого детства меня влекли тайные устремления и скрытая любовь».

Судьба Гитлера в стране, которая была ему столь дорога, сложилась так, как не представлялось даже в самом безумном сне. Живя в германском рейхе, Гитлер формально был иностранцем, австрийцем, и оставался им вплоть до своего назначения на пост канцлера. Чтобы понять его до конца, необходимо подходить к нему как к австрийцу, который достиг совершеннолетия незадолго до краха империи Габсбургов, но не смог пустить корни в просвещенной столице этого государства. Он впитал в себя все самые нелепые предрассудки и ненависть, распространенные в ту пору среди германо-язычных экстремистов, но не понял, что большинство окружавших его были людьми порядочными, честными и благородными независимо от их национальности и социального положения, то есть будь они чехи, евреи или немцы, бедные или богатые, художники или ремесленники. Сомневаюсь, чтобы какой-либо немец, проживающий на севере страны или на западе, в Рейнской области, в Восточной Пруссии или в Баварии, мог сочетать в себе, опираясь на имеющийся жизненный опыт, такие качества, которые выдвинули Адольфа Гитлера на те высоты, которых ему в итоге удалось достичь. Правда, сюда следует добавить ярко выраженную непредсказуемость гения.

Однако весной 1913 года его гениальность еще не проявилась. В Мюнхене, как и в Вене, Гитлер жил без средств, без друзей и постоянной работы. Летом 1914 года началась война, взявшая его вместе с миллионами других людей в свои безжалостные тиски. 3 августа Гитлер подал прошение королю Баварии Людвигу III разрешить ему вступить добровольцем в полк, формировавшийся в Баварии, и его просьба была удовлетворена.

Гитлеру представилась благоприятная возможность. Теперь молодой бродяга мог не только удовлетворить свое желание служить вновь обретенному отечеству, что, по словам Гитлера, выливалось в борьбу за будущее Германии, когда встал вопрос «быть или не быть», но и избежать неудач и неприятностей в личной жизни.

«Эти несколько часов, — писал Гитлер в «Майн кампф», — будто освободили меня от бремени, висевшего надо мной на протяжении всей моей юности. Мне вовсе не стыдно признаться в том, что меня охватил восторг и, упав на колени, я от всего сердца возблагодарил всевышнего за то, что он ниспослал мне великое счастье жить в такое время… Для меня, как и для всех немцев, начался самый памятный период жизни. На фоне событий той гигантской борьбы все мое прошлое кануло в небытие».

Таким образом, прошлому Гитлера со всеми его разочарованиями, убогостью и одиночеством суждено было остаться в тени, хотя именно прошлое сформировало сознание и характер фюрера. Война, принесшая смерть многим миллионам, для Гитлера, которому тогда было двадцать пять лет, знаменовала начало новой жизни.

РОЖДЕНИЕ НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

10 ноября 1918 года, в пасмурное осеннее воскресенье, Адольф Гитлер пережил событие, которое, пребывая в состоянии озлобленности и отчаяния, назвал величайшим злодеянием века[11]. Это невероятное известие раненым солдатам, находящимся на излечении в военном госпитале в Пасевалке, небольшом городке Померании, расположенном к северо-востоку от Берлина, принес пастор. Гитлер поправлялся в госпитале после временной потери зрения, явившейся. следствием контузии, полученной во время газовой атаки, предпринятой англичанами под Ипром месяц назад.

Пастор сообщил им, что кайзер отрекся от престола и бежал в Голландию. За день до этого в Берлине была провозглашена республика. На рассвете 11 ноября во Франции, в местечке Компьен, должно состояться подписание мирного договора. Война проиграна. Германии остается уповать на милость победивших союзников. Пастор всхлипывал.

«Я не мог этого вынести, — пишет Гитлер, вспоминая этот эпизод. — Снова все потемнело и поплыло перед глазами. Шатаясь и спотыкаясь, я добрался до палаты, упал на койку и уткнулся в подушку… Голова раскалывалась. Итак, все оказалось напрасно. Напрасны все эти жертвы и страдания… когда, преодолевая смертельный страх в душе, мы, несмотря ни на что, выполняли свой долг… Напрасна гибель двух миллионов человек… Разве за это они отдали свои жизни?.. Неужели это было нужно лишь для того, чтобы горстка презренных преступников смогла прибрать к рукам наше отечество?»

Впервые, после того как он стоял у могилы матери, Гитлер, по его словам, не выдержал и разрыдался: «Я не мог ничего с собой поделать». Подобно миллионам соотечественников, он в тот момент не мог признать и никогда не признавал очевидный ошеломляющий факт, что Германия потерпела поражение на поле битвы.

Как миллионы других немцев, Гитлер был храбрым и отважным солдатом. Позднее кое-кто из политических противников фюрера станет обвинять его в трусости, проявленной во время боя, но, если говорить честно, следует заметить, что никаких порочащих его доказательств нет. После трехмесячной подготовки Гитлер в конце октября 1914 года попал на фронт в качестве связного первой роты 16-го баварского резервного пехотного полка, а через четыре дня тяжелых боев его часть понесла серьезные потери в первом сражении под Ипром, где англичанам удалось приостановить продвижение немцев к Ла-Маншу. Хозяину дома, у которого Гитлер проживал в Мюнхене, портному по фамилии Попп, он писал, что за эти четыре дня численный состав полка сократился с трех с половиной тысяч до шестисот человек, что в живых осталось только тридцать офицеров, а четыре роты пришлось расформировать.

На войне Гитлер был дважды ранен. Первый раз, 7 октября 1916 года, в битве на Сомме его ранило в ногу. После госпитализации он в марте 1917 года возвращается в полк Листа, названный так по фамилии первого командира. Гитлера повысили в звании — теперь он уже ефрейтор и летом участвует в битве за французский город Аррас и в третьем сражении под Ипром. Полк, в котором он служил, оказался в центре последнего, отчаянного наступления германской армии весной и летом 1918 года. В ночь на 13 октября в ходе сражения под Ипром Гитлер стал жертвой массированной газовой атаки англичан в районе южнее Вервика.

«Я попятился назад, чувствуя, как обожгло глаза, — пишет он, запоминая последнюю картину войны. Через несколько часов мои глаза превратились в пылающие угли и окружающее померкло».

Гитлера дважды награждали за храбрость: в декабре 1914 года — Железным крестом второй степени, а в августе 1918 года — Железным крестом первой степени, которым редко награждали простых солдат в имперской армии. Один из бывших друзей по военной службе заверяет, что Гитлер удостоился этой желанной награды за то, что взял в плен пятнадцать англичан, другой утверждает, что это были французы. В официальных же архивах полка Листа по поводу его геройского поступка ничего не сказано, там вообще нет каких-либо сведений о том, за что присуждались награды. Как бы то ни было, несомненно одно — ефрейтор Гитлер получил

Железный крест первой степени и с гордостью носил его до конца жизни.

Однако, с точки зрения рядовых солдат, Гитлер был странным типом. Это отмечают многие его сослуживцы. Он не получал, как другие, ни писем, ни подарков из дома. Никогда не просился в увольнение и в отличие от других военнослужащих не проявлял интереса к женщинам. Никогда не сетовал (не в пример самым храбрым) на грязь, на вшей, на смрад и слякоть передовой, был равнодушен к невзгодам, с предельной серьезностью воспринимал суть войны и судьбу, уготованную Германии.

«Мы все ругали его и считали невыносимым, — вспоминал впоследствии один из его боевых товарищей. — Он был среди нас белой вороной и отмалчивался, когда все проклинали войну». Другой описывает, что Гитлер любил сидеть «в углу солдатской кухни, глубоко задумавшись и обхватив голову руками. Он мог вдруг вскочить и, возбужденно бегая, заговорить о том, что, несмотря на нашу тяжелую артиллерию, нам не дадут одержать победу, поскольку невидимые враги немецкого народа намного страшнее самых мощных его орудий».

Время от времени Гитлер яростно обрушивался на этих «невидимых врагов» — евреев и марксистов. Но разве не усвоил он еще в Вене, что именно они являются источником всех бед?

И действительно, разве Гитлер не убедился в этом, находясь в родной Германии после ранения в ногу? Выписавшись из госпиталя, расположенного в Беелитце под Берлином, он какое-то время провел в столице, а затем отправился в Мюнхен. Везде он сталкивался с тем, что всякие «негодяи» вовсю склоняли войну и хотели, чтобы она поскорее закончилась. Повсюду было полно бездельников, а кто они, как не евреи?

«Конторы, — писал Гитлер, — переполнены евреями. Почти все служащие были евреями и почти все евреи — служащими… В период с 1916 по 1917 год все производство контролировалось еврейскими финансовыми кругами… Евреи обкрадывали целую нацию и подчиняли ее себе… С ужасом наблюдал я за тем, как надвигается катастрофа…» Гитлер не мог вынести этого и был рад, по его словам, вернуться на фронт.

Еще более нетерпимо отнесся он к бедствию, которое постигло любимое отечество в ноябре 1918 года. Ему, как и большинству немцев, это представлялось ужасным и несправедливым. Германская армия потерпела поражение не на поле боя. Удар в спину нанесли предатели, находившиеся дома, в тылу.

Гитлер так же, как и многие немцы, поверил в миф об «ударе в спину», который больше, чем что-либо другое, подрывал авторитет Веймарской республики и прокладывал путь к его собственному триумфу, хотя миф на поверку оказался несостоятельным.

Генерал Людендорф, фактически возглавлявший штаб верховного командования, 28 сентября 1918 года настаивал на немедленном перемирии, а его номинальный начальник — фельдмаршал фон Гинденбург поддерживал действия генерала. На состоявшемся 2 октября в Берлине заседании имперского совета, на котором председательствовал кайзер Вильгельм II, Гинденбург повторил требование штаба верховного командования о немедленном перемирии. «Армия, говорил он, — не может ждать сорок восемь часов».

В письме, написанном в тот же день, Гинденбург прямо заявил, что военное положение настоятельно требует «прекращения военных действий». Об «ударе в спину» не было сказано ни слова. Лишь позднее знаменитый герой войны подписался под мифом. Выступая в слушаниях перед следственным комитетом Национального собрания 18 ноября 1919 года, через год после окончания войны, Гинденбург сказал: «Как справедливо заметил один английский генерал, германской армии нанесли удар в спину»[12].

Гражданское правительство, возглавляемое принцем Баденским Максом, не было информировано об ухудшении военного положения штабом верховного командования вплоть до конца сентября 1918 года и на протяжении нескольких недель отклоняло требование Людендорфа о перемирии.

Надо было жить в Германии в период между двумя войнами, чтобы до конца понять, насколько широко этот миф распространился среди немецкого населения. Убедительные факты опровергали этот миф, однако правые старались их не замечать. Они по-прежнему разглагольствовали о том, что виновниками всему были «преступники Ноября». Гитлер настойчиво вдалбливал данный тезис в сознание масс. При этом предавалось забвению то обстоятельство, что именно германская армия ловко подвела республиканское правительство к подписанию перемирия, на котором настаивали немецкие военачальники, а впоследствии рекомендовала правительству принять условия Версальского мирного договора.

Сбрасывался со счетов и тот факт, что социал-демократическая партия без особого энтузиазма пришла к власти в 1918 году лишь для того, чтобы уберечь страну от хаоса и угрозы большевизма. Она не несла

ответственности за крах Германии. Вина за это лежит на прежнем правительстве, находившемся у власти[13].

Однако миллионы немцев не желали согласиться с такой постановкой вопроса. Нужно было найти козлов отпущения, повинных в поражении Германии, в унижении и лишениях, которые ей пришлось испытать. Поэтому они легко дали убедить себя в том, что во всем виноваты «преступники Ноября», которые подписали капитуляцию и сформировали демократическое правительство, свергнув старую монархию. В «Майн кампф» Гитлер довольно часто упоминает о легковерии немцев. В самое ближайшее время ему с максимальной для себя выгодой удастся воспользоваться этой чертой своего народа.

Когда вечером 10 ноября 1918 года пастор ушел из военного госпиталя в Пасевалке, для Адольфа Гитлера «наступили страшные дни и еще более страшные ночи».

«Я знал, — писал он, — что все потеряно. Лишь глупцы, лжецы и преступники могли надеяться на снисходительность противника. В эти ночи во мне пробудилась ненависть, ненависть к тем, кто был ответствен за все это… Жалкие и ничтожные преступники! Чем более четко я пытался представить себе весь ужас происшедшего, тем сильнее нарастало во мне чувство возмущения и стыда. Могла ли физическая боль в глазах сравниться с этим стыдом?»

Затем следовали такие строки: «И тогда я понял, чему должен посвятить себя. Я решил заняться политикой».

Это решение, как известно, стало роковым как для самого Гитлера, так и для всего мира.

Образование нацистской партии

Перспективы сделать политическую карьеру в Германии для тридцатидвухлетнего австрийца без средств, без друзей, не имеющего ни специальной подготовки, ни профессии, ни постоянной работы, не имеющего какого-либо опыта политической деятельности, были малоутешительными, и поначалу Гитлер, казалось, понимал это.

«Целыми днями, — писал он, — я думал, что мне делать. Но все мои размышления неизбежно сводились к тому, что, будучи никому не известен, я не располагал какой-либо серьезной базой для занятий полезной деятельностью».

В конце ноября 1918 года Гитлер вернулся в Мюнхен. Он с трудом узнал этот ставший для него родным город. Здесь также произошла революция. Король Виттельсбах отрекся от престола. Баварией управляли социал-демократы, которые создали баварское «народное государство». Его возглавил Курт Эйснер, популярный еврейский писатель, родившийся в Берлине.

7 ноября Эйснер, привлекавший внимание мюнхенцев импозантной седой бородой, пенсне, огромной черной шляпой и небольшим ростом, проследовал по улицам города в сопровождении нескольких сот жителей, без единого

выстрела занял здание парламента и правительства и провозгласил республику. Три месяца спустя он был убит молодым офицером, придерживавшимся правых взглядов, графом Антоном Арко-Валле.

Рабочие создали советскую республику, которая, однако, просуществовала недолго. 1 мая 1919 года войска регулярной армии из Берлина вместе с баварскими добровольцами, так называемым добровольческим корпусом, вошли в Мюнхен и свергли коммунистическое правительство. Они убили несколько сот человек, многие из которых не являлись членами коммунистической партии, мстя за то, что с ведома предыдущего правительства было расстреляно более десяти заложников. Несмотря на то что на время была формально восстановлена власть умеренных социал-демократов и правительство возглавил Иоганнес Хофман, бразды правления в Баварии практически перешли к правым.

Что же представляли собой правые Баварии в это смутное время? К ним принадлежали кадровые военные рейхсвера, монархисты, мечтавшие о возвращении Виттельсбахов. Сюда же примыкали консерваторы, которые ненавидели демократическую республику, образованную в Берлине. Со временем ряды правых пополнила армия демобилизованных солдат, для которых 1918 год стал провозвестником краха надежд; будучи вырванными из мирной жизни в 1914 году, они не могли найти работу и место в современном обществе, война закалила и в то же время ожесточила их, но невозможно было избавиться от укоренившихся привычек и изменить себя. К числу таких людей одно время принадлежал и Гитлер. «Они, — как впоследствии напишет он, — стали революционерами, которые по-своему приветствовали революцию и стремились к тому, чтобы революция сделалась условием их существования».

Вооруженные отряды добровольческого корпуса возникали по всей Германии и тайно вооружались рейхсвером. Поначалу они использовались главным образом для усмирения поляков и прибалтов в районе спорных пограничных восточных территорий, однако вскоре их начали привлекать к участию в заговорах, направленных на свержение республиканского строя. В марте 1920 года один из таких отрядов, возглавляемый капитаном Эрхардтом, — печально известная бригада Эрхардта — занял Берлин и содействовал провозглашению канцлером доктора Вольфганга Каппа, заурядного политика, придерживавшегося крайне правых взглядов. Войска регулярной армии под командованием генерала фон Секта были приведены в состояние боевой готовности, а тем временем президент республики и правительство поспешно бежали в западную часть Германии. Лишь благодаря всеобщей забастовке, организованной профсоюзами, удалось восстановить власть республиканского правительства.

Одновременно произошел военный переворот в Мюнхене, который оказался более удачным. 14 марта 1920 года при содействии рейхсвера было низложено социалистическое правительство Хофмана и власть захватили правые во главе с Густавом фон Каром. Баварская столица, словно магнит, притягивала теперь к себе все существующие в Германии силы, не признававшие условий Версальского договора и стремившиеся покончить с республикой и восстановить авторитарную власть.

Нередко здесь находили прибежище и теплый прием кондотьеры[14] свободного корпуса, включая тех, кто входил в бригаду Эрхардта. Генерал Людендорф также обосновался здесь вместе с горсткой бывших офицеров, недовольных своей судьбой[15]. В Мюнхене замышлялись политические убийства, в том

числе убийство Маттиаса Эрцбергера, умеренного политического деятеля, католика, у которого хватило мужества подписать от имени Германии перемирие, когда генералы уклонились от этого, а также покушение на Вальтера Ратенау, блестяще образованного министра иностранных дел, которого экстремисты ненавидели, поскольку он был евреем и, проводя политику германского правительства, старался выполнить некоторые условия Версальского договора.

Именно здесь, на благодатной почве Мюнхена, Адольф Гитлер стал развивать активную деятельность.

Когда Гитлер в конце ноября 1918 года вернулся в Мюнхен, он узнал, что его батальоном заправляют советы солдатских уполномоченных. Это его так возмутило, что он решил «уехать сразу же и как можно быстрее». Зиму Гитлер провел в лагере для военнопленных в Траунштейне, недалеко от австрийской границы. В Мюнхен он вернулся весной.

В «Майн кампф» он вспоминает, что своим поведением вызвал недовольство левого правительства, и утверждает, будто ему удалось избежать ареста только благодаря тому, что у него хватило смелости наставить карабин на трех «негодяев», которые пришли брать его. Сразу после свержения власти коммунистов Гитлер стал, как он сам об этом пишет, «впервые в большей или меньшей степени приобщаться к политической деятельности». Деятельность эта, по существу, сводилась к тому, что он информировал следственную комиссию, созданную во 2-м пехотном полку для рассмотрения дел тех, кто нес ответственность за непродолжительное пребывание у власти в Мюнхене советов народных уполномоченных.

По всей вероятности, услуги, оказанные Гитлером, сочли весьма ценными, и армейское руководство подыскало для него новую работу. Его определили на службу в пресс-бюро политического отдела окружного командования армии. Германская армия вопреки традициям в то время активно участвовала в политической жизни страны, особенно в Баварии, где военным удалось наконец привести к власти угодное им правительство.

В целях пропаганды консервативных взглядов для солдат были организованы курсы «политического инструктажа», которые, в частности, прилежно посещал Адольф Гитлер. Однажды, как явствует из его рассказов, он тоже выступил на занятии, когда кто-то из присутствовавших хорошо отозвался о евреях. Антисемитские разглагольствования Гитлера, очевидно, настолько понравились начальству, что вскоре он был назначен в один из полков, дислоцированных в Мюнхене, офицером по общеобразовательной подготовке. Основной задачей указанной подготовки являлась борьба с опасными идеями: пацифизмом, социализмом, демократией — так военные представляли себе свою роль в демократической республике, которой присягнули на верность.

Это назначение стало в жизни Гитлера важным событием, первым признанием его заслуг на политическом поприще, где ему так хотелось отличиться. Прежде всего появилась возможность опробовать свои ораторские способности, которые, как он всегда подчеркивал, служили главной предпосылкой успешной политической карьеры.

«Так мне предоставили возможность, — пишет Гитлер, — выступать перед более многочисленной аудиторией. И ощущение собственной силы, которое

подспудно давно зрело во мне, получило теперь практическое подтверждение: я мог говорить».

Это открытие очень льстило Гитлеру, хотя и было воспринято как само собой разумеющееся. Он опасался, как бы не сел голос в результате многочисленных газовых атак на фронте. Однако теперь убедился, что голос окреп и его слышно «по меньшей мере во всех углах казармы». Гитлер стал развивать в себе ораторские способности, благодаря чему сравнительно легко превратился в самого красноречивого оратора Германии, который, выступая по радио, магической силой голоса был в состоянии всколыхнуть миллионы людей.

Однажды, в сентябре 1919 года, Гитлер получил приказ политического отдела армии присмотреться к деятельности небольшой политической группы, которая именовала себя рабочей партией Германии. Военные подозрительно относились к рабочим партиям, поскольку они придерживались в основном социалистической либо коммунистической ориентации, но эта группа, по их мнению, была иной. Гитлер заметил, что «совершенно ничего не слышал о ней». И все же он знал одного из тех, кто должен был выступать на собрании партии, в деятельности которой ему поручили разобраться.

За несколько недель до этого на одном из занятий по общеобразовательной подготовке Гитлер прослушал лекцию Готфрида Федера, инженера-строителя, фанатично увлекавшегося экономикой. Лектор был одержим идеей, что большинство экономических проблем Германии коренится в так называемом «спекулятивном» капитале в противовес «созидательному и продуктивному» капиталу. Федер ратовал за устранение капитала первого типа и с этой целью создал в 1917 году организацию «Германская лига борцов за искоренение процентного рабства». На Гитлера, не разбиравшегося в экономике, выступление инженера произвело сильное впечатление. В требовании Федера «искоренить процентное рабство» Гитлер узрел «важную предпосылку создания новой партии». «На лекции Федера, — писал он, — я ощутил мощный призыв к предстоящей борьбе».

Тем не менее вначале он не придал особого значения деятельности рабочей партии Германии. Он пошел на собрание, выполняя приказ. Собрание, по его мнению, было скучным — в темноватом зале пивного бара «Штернекерброй» сидело человек двадцать пять.

«Это была, — писал Гитлер, — новая организация, похожая на другие. В то время многие, кого не удовлетворяло происходящее, считали, что надо создать новую партию. Повсюду, как грибы, стали расти новые организации, чтобы по прошествии какого-то времени незаметно исчезнуть. Именно так я и подходил тогда к рабочей партии Германии».

Когда Федер закончил выступление и Гитлер хотел было уйти, вскочил некий профессор и стал оспаривать аргументы Федера, ратуя за то, чтобы Бавария отделилась от Пруссии и вместе с Австрией образовала новое Южно-Германское государство. Подобные идеи были тогда популярны в Мюнхене, но высказанное предложение взбесило Гитлера и он взял слово, чтобы изложить «ученому мужу», как он заметил впоследствии, свою точку зрения. Гитлер говорил, вероятно, так резко, что профессор покинул собрание «мокрый, как пудель», а присутствующие с удивлением разглядывали незнакомого молодого

оратора. Кто-то — Гитлер не запомнил фамилии, — прихрамывая, подошел к нему и сунул в руки небольшую брошюру.

Это был Антон Дрекслер, слесарь по специальности, которого, пожалуй, можно считать основателем национал-социализма. Болезненный и неказистый Дрекслер, не получивший надлежащего образования, имеющий пусть неглубокие и противоречивые, однако самостоятельные суждения, плохой писатель и никудышный оратор, работал в ту пору в железнодорожных мастерских Мюнхена.

7 марта 1918 года он создал «комитет независимых рабочих» для борьбы с марксизмом свободных профсоюзов и агитации за «справедливый» мир для Германии. Комитет фактически был ответвлением более широкого движения, возникшего на севере Германии под названием «Ассоциация по поддержанию мира среди рабочих». (В Германии вплоть до 1933 года существовало очень много инициативных групп, имевших весьма претенциозные названия.)

Дрекслер никогда не собирал под свои знамена более сорока человек, поэтому в январе 1919 года он объединил комитет с аналогичной группой политическим кружком рабочих, который возглавлял журналист Карл Харрер. Новая организация, насчитывавшая менее ста членов, именовала себя рабочей партией Германии. Первым ее председателем стал Харрер. В «Майн кампф» Гитлер мало говорит о своих бывших соратниках, чьи имена уже забыты, однако воздает должное Харреру, называя его «честным и, несомненно, широко образованным» человеком, сожалея, правда, что тот не обладал ораторским искусством. Своей мимолетной славой Харрер обязан, должно быть, тому, что упрямо твердил: «Гитлер был плохим оратором». Это утверждение впоследствии часто выводило нацистского главаря из себя, как недвусмысленно следует из его автобиографии. Так или иначе, похоже, именно Дрекслер являлся главной движущей силой малочисленной, никому не известной рабочей партии Германии.

На следующее утро Гитлер внимательно изучил брошюру, которую всучил ему Дрекслер. Этот эпизод он подробно описывает в «Майн кампф».

Было пять часов утра. Гитлер проснулся и, как обычно, чуть приподнявшись на койке в казарме 2-го пехотного полка, наблюдал за тем, как мыши подбирали крошки хлеба, специально разбросанные им по полу накануне. «Мне в своей жизни довелось испытать такую нищету, — замечает Гитлер, — что я хорошо представлял себе голод и то удовольствие, которое получали эти маленькие создания». Он вспомнил о брошюре и принялся за чтение. Брошюра называлась «Мое политическое пробуждение». К немалому удивлению Гитлера, в ней содержались идеи, над которыми он задумывался в последние годы.

Главную задачу Дрекслер видел в создании такой политической партии, которая опиралась бы на широкие массы рабочего класса, но в отличие от социал-демократов носила бы националистический характер. В свое время он являлся членом Патриотического отечественного фронта, однако вскоре мелкобуржуазные настроения, преобладавшие в партии, которая, по-видимому, вообще не имела связи с народными массами, разочаровали его. В Вене, как мы уже отмечали ранее, Гитлер стал с презрением относиться к буржуазии по той же причине — из-за ее полного безразличия к интересам рабочего класса и их семей и социальным проблемам. Таким образом, идеи Дрекслера определенно привлекли внимание Гитлера.

В тот же день он получил почтовую открытку, из которой с удивлением узнал, что принят в рабочую партию Германии.

«Я не знал, смеяться мне или сердиться, — вспоминал позднее Гитлер, — У меня не было никакого желания вступать в уже существующую партию, поскольку я хотел создать свою собственную. Поэтому это предложение я расценил как самоуверенное и неподходящее».

Гитлер собрался было ответить письмом, но «любопытство взяло верх» и он решил пойти на заседание комитета, куда его пригласили, и лично объяснить причины, почему он не хочет вступать в эту нелепую малочисленную организацию.

«Пивная, где должно было проходить собрание, носившая название «Цумальтен-розенбад», находилась на Херренштрассе и представляла собой крайне запущенное заведение… Я миновал плохо освещенный зал, в котором не было ни души, и, открыв дверь в конце зала, очутился лицом к лицу с членами комитета. За столом при слабом свете газовой лампы сидели четыре молодых человека. Среди них находился автор брошюры, который самым радушным образом поздоровался со мной и поздравил с принятием в члены рабочей партии Германии.

Я был действительно несколько обескуражен. Затем зачитали протокол последнего собрания и выразили секретарю вотум доверия, заслушали отчет казначея — в общей сложности ассоциация располагала суммой в семь марок пятьдесят пфеннигов — и утвердили его. Все соответствующим образом было занесено в протокол. Первый председатель партии ознакомил собравшихся с ответами на письма из Киля, Дюссельдорфа и Берлина, которые были одобрены единогласно. Потом сделали сообщение о поступившей почте…

Какой ужас! Клуб самого низкого пошиба… Стоило ли вступать в эту организацию?»

И все же эти потрепанные жизнью, жалкие люди, собравшиеся в плохо освещенной комнате, чем-то привлекли Гитлера — «желанием создать новое движение, более мощное, чем партия в привычном смысле этого слова».

В тот вечер Гитлер вернулся в казарму, размышляя «над труднейшим вопросом своей жизни: «Следует ли вступать в партию?» Разум подсказывал ему, что лучше отклонить предложение, но в то же время… Даже незначительная организация в состоянии предоставить молодому человеку, полному энергии и идей, возможность «по-настоящему проявить свою активность». Гитлер задумался над тем, что он может сделать «для достижения данной цели»;

«Меньше всего меня смущало то, что я беден и не имею средств к существованию, больше беспокоило, что я принадлежал к безымянной толпе, был одним из миллиона, чья жизнь или смерть оставляет совершенно равнодушными даже их ближайших соседей. Помимо всего неизбежно возникали проблемы, связанные с отсутствием надлежащего образования.

После двух дней волнений и размышлений я в конце концов пришел к выводу, что мне надо сделать этот шаг.

Это было самое важное решение, которое я принял в своей жизни. С этого момента для меня не было и не могло быть пути назад».

Адольфа Гитлера тут же приняли седьмым членом комитета рабочей партии Германии.

Следует здесь упомянуть о двух членах данной малочисленной партии, которые сыграли важную роль в становлении Гитлера. Капитан Эрнст Рем, служивший в штабе 7-го окружного командования армии в Мюнхене, вступил в партию раньше Гитлера. Коренастый, с бычьей шеей и маленькими глазками, со шрамами на лице, типичными для кадрового офицера, — часть носа ему оторвало пулей в 1914 году, — Рем увлекался политикой и от природы был неплохим организатором. Как и Гитлер, он испытывал жгучую ненависть к демократической республике и «преступникам Ноября», приложившим руку к ее провозглашению.

Рем мечтал восстановить сильную националистическую Германию и, как Гитлер, считал, что это в состоянии сделать только партия, опирающаяся на поддержку низших классов, выходцем из которых (в отличие от большинства офицеров) он был. Решительный, неистовый, подобно большинству основателей нацистской партии, являвшийся гомосексуалистом, он помог сформировать первый нацистский взвод головорезов, вскоре превратившийся в армию штурмовиков, которой командовал вплоть до 1934 года, когда был расстрелян с санкции Гитлера.

Рем не только привел в быстро растущую партию многих бывших военных и добровольцев свободного корпуса, которые образовали костяк организации в первые годы ее существования, но и, находясь на действительной службе, обеспечивал защиту Гитлеру и его движению, а иногда и поддержку властей. Без содействия Рема Гитлеру вряд ли удалось бы развернуть широкую кампанию по подстрекательству населения к свержению республиканского режима. Гитлер, безусловно, не смог бы столь безнаказанно прибегать к террору и запугиванию, если бы не терпимость баварского правительства и полиции.

Дитриха Экарта, который на двадцать один год был старше Гитлера, часто называли духовным отцом национал-социализма. Остроумный журналист, посредственный поэт и драматург, он перевел «Пер Гюнта» Ибсена на немецкий язык и написал несколько пьес, которым не суждено было увидеть света рампы. Экарт в Берлине, подобно Гитлеру в Вене, вел богемный образ жизни и пристрастился к спиртному и морфию. Как пишет Хайден, какое-то время он находился в психиатрической лечебнице, где ему удалось наконец поставить свои драмы, используя в качестве актеров содержавшихся там больных.

В конце войны Экарт вернулся в Баварию. Там, в винном погребке «Бреннесель», расположенном в Швабинге — артистическом квартале Мюнхена, он во всеуслышание разглагольствовал о превосходстве арийцев и призывал к уничтожению евреев и свержению «свиней», правящих в Берлине.

Хайден, работавший в ту пору журналистом в Мюнхене, приводит высказывание Экарта, с пафосом обратившегося к завсегдатаям винного погребка «Бреннесель» в 1919 году:

«Возглавить нашу организацию должен человек, который бы не испугался пулеметной очереди. Надо нагнать страха на всю эту чернь. Нам не следует использовать военных, поскольку народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы какой-нибудь рабочий, умеющий говорить… Он не должен быть слишком умным… Лучше, если это будет холостяк, тогда нам легче подыскать ему женщин».

Вполне естественно, что поэт и большой любитель спиртного в лице Адольфа Гитлера нашел именно того человека, которого искал. Экарт стал близким другом и советчиком молодого человека, быстро идущего в гору в рядах рабочей партии Германии, снабжал его книгами, помогал улучшить как стиль письма, так и разговорный немецкий. Он ввел его в круг своих знакомых, в число которых входили не только состоятельные люди, с готовностью вносившие деньги в фонды партии и материально поддерживавшие самого Гитлера, но и такие будущие помощники фюрера, как Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Гитлер сохранил уважение к Экарту[16] и в последних словах «Майн кампф» выразил признательность своему эксцентричному наставнику, назвав «одним из лучших, кто посвятил жизнь пробуждению нашего народа своим творчеством, помыслами и, наконец, своими делами».

Так выглядело странное сборище неудачников, стоявших у истоков национал-социализма, создавших, не отдавая себе в том отчета, движение, которое за тринадцать лет охватит самую мощную страну в Европе и приведет к установлению в Германии третьего рейха.

Недалекий слесарь Дрекслер заложил основы движения, пьяный поэт Экарт развил определенные «духовные» ценности, чудаковатый экономист Федер сформировал то, что считалось идеологией, гомосексуалист Рем обеспечил движению поддержку военных и ветеранов войны.

Однако задачу по превращению скромного дискуссионного клуба в то, что вскоре станет мощной политической партией, взял на себя на данном этапе не кто иной, как бывший бродяга Адольф Гитлер, которому в то время было тридцать лет и которого еще никто не знал.

Все идеи, которые Гитлер вынашивал со времени голодного одиночества в Вене, теперь можно было осуществить на практике, и внутренняя энергия, скрытая от посторонних глаз, прорвалась наружу. Он подтолкнул свой скромный комитет к организации многочисленных митингов. Гитлер сам печатал на машинке и распространял приглашения. Впоследствии он вспоминал, как однажды, раздав восемьдесят таких приглашений, они «сидели и ждали приглашенных». Через час «председатель» должен был открыть «митинг». Нас снова было семеро, семеро старых друзей».

Но Гитлер не терял надежды. Он увеличил количество приглашений, печатая их на ротаторе, чтобы собрать средства, дал объявление в местной газете. Успех, по его словам, был просто поразительный — на митинг пришло сто одиннадцать человек. Гитлер впервые должен был выступить публично после приветствия «мюнхенского профессора». Харрер, который в то время формально возглавлял партию, возражал.

«Этот господин, в честности которого в принципе нет оснований сомневаться, — писал позднее Гитлер, — был твердо уверен, что я в состоянии выполнять отдельные поручения, но никоим образом не выступать с

речами. Я говорил в течение получаса, и то, что я раньше лишь интуитивно ощущал в себе, сейчас воплотилось в реальность: я действительно мог выступать».

По утверждению Гитлера, аудитория была буквально наэлектризована его пламенной речью, энтузиазм присутствовавших вылился в пожертвования в размере трехсот марок, которые на какое-то время помогли решить финансовые проблемы партии.

В начале 1920 года Гитлер занялся пропагандистской работой, то есть деятельностью, о которой подумывал еще в Вене, осознав всю ее важность для социалистической и христианско-социальной партий. Гитлер сразу же приступил к организации крупнейшего митинга, о котором столь малочисленная партия раньше и не мечтала.

Он должен был состояться 24 февраля 1920 года в известном пивном заведении «Хофбройхаус», имевшем две тысячи посадочных мест. Коллеги Гитлера по партии сочли его сумасшедшим. Харрер в знак протеста сложил с себя полномочия председателя и был заменен Дрекслером, который довольно скептически отнесся к планам Гитлера[17].

Впоследствии Гитлер подчеркивал, что руководил подготовкой митинга лично. И действительно, это событие так много значило для него, что первый том «Майн кампф» он закончил подробным описанием митинга, поскольку именно тогда «партия, выйдя за рамки небольшого клуба, впервые оказала определяющее влияние на наиболее существенный фактор нашего времени — общественное мнение».

Гитлер не был даже запланирован в программе митинга в качестве основного докладчика. Эта роль была уготована некоему доктору Иоганнесу Дингфельдеру, врачу-гомеопату, известному пустозвону. Дингфельдер писал статьи по вопросам экономики под псевдонимом Германус Агрикола, о котором в скором времени вообще забудут. Аудитория на его выступление не отреагировала. Затем слово взял Гитлер. Вот как он сам пишет об этом:

«В зале стоял шум, то тут, то там вспыхивали потасовки. Группа наиболее верных боевых товарищей и наших сторонников пыталась урезонить хулиганствующие элементы… коммунистов и социалистов… Потребовалось время, пока в зале навели порядок. Тогда только я начал говорить. Через полчаса аплодисменты заглушили отдельные вопли и крики… Когда четыре часа спустя зал опустел, я осознал, что теперь основные цели нашего движения уже не останутся без внимания, поскольку они завладели умами немецкого народа».

В ходе выступления Гитлер впервые огласил двадцать пять пунктов программы рабочей партии Германии. Программа эта была на скорую руку составлена Дрекслером, Федером и Гитлером. Большинство каверзных вопросов, которые задавали Гитлеру, в действительности были направлены против отдельных положений программы, но сам Гитлер считал, что ее приняли полностью, С 1 апреля 1920 года она стала официальной программой теперь уже национал-социалистской рабочей партии Германии. Правда, исходя из тактических соображений, Гитлер в 1926 году объявил положения программы «незыблемыми».

Это, безусловно, сборная солянка, приготовленная для рабочих, мелкой буржуазии и крестьян. Большинство положений к моменту прихода партии к власти были забыты. Многие авторы, пишущие о Германии, насмехались над этим и нацистский вождь впоследствии приходил в смущение, когда ему напоминали о некоторых положениях программы. И все же, как в случае с основными принципами, изложенными в «Майн кампф», наиболее важные ее положения в третьем рейхе были выполнены, что имело страшные последствия для миллионов людей как в самой Германии, так и за ее пределами.

В первом же пункте программы содержится требование об объединении всех немцев в единую великую Германию. Разве не на этом настаивал рейхсканцлер Гитлер, когда присоединил Австрию с шестью миллионами немцев и захватил Судеты, где проживало три миллиона немцев? И разве не требование фюрера вернуть Германии Данциг и другие области Польши, в которых большую часть населения составляли немцы, привело к нападению на нее и развязыванию второй мировой войны? И разве не кроется одна из причин мировой трагедии в том, что в период между войнами многие либо игнорировали, либо высмеивали нацистские цели, которые пытался изложить в программе Гитлер?

Безусловно, антисемитские положения программы, обнародованной 24 февраля 1920 года в мюнхенской пивной, явились довольно тревожным сигналом. Евреев нельзя принимать на службу, допускать в прессу, надо отказывать им в получении гражданства в Германии. Приехавшие в рейх после 2 августа 1914 года должны были покинуть страну.

Многие пункты партийной программы своей демагогической направленностью, несомненно, отвечали настроениям низших классов, в тяжелые для них времена с симпатией относившихся к радикальным и даже социалистическим лозунгам. Одиннадцатый пункт, например, предусматривал отмену нетрудовых доходов; двенадцатый пункт — национализацию трестов; тринадцатый — дележ прибыли крупных промышленных предприятий с государством; четырнадцатый — ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей. В восемнадцатом пункте содержалось требование карать смертью изменников, ростовщиков и спекулянтов. Шестнадцатый пункт, призывая к сохранению «здоровой буржуазии», настаивал на передаче универмагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене.

Данные требования были включены в программу по настоянию Дрекслера и Федера, которые, очевидно, по-настоящему верили в «социализм» национал-социалистской партии. Именно эти идеи приводили Гитлера в замешательство, когда крупные промышленники и землевладельцы начали довольно основательно пополнять партийную кассу, в результате чего ни одно из этих требований, естественно, не было осуществлено.

Наконец, следует отметить два положения программы, которые Гитлер выполнил, как только стал канцлером. Второй пункт содержал требование отменить Версальский и Сен-Жерменский мирные договора, а последний, двадцать пятый пункт предусматривал «создание сильной централизованной государственной власти». Эти положения так же, как пункты, требующие объединения всех немцев в рейхе, были включены в программу партии по настоянию Гитлера и свидетельствуют о том, что даже тогда, когда партия была едва известна а пределами Мюнхена, Гитлер смотрел далеко вперед.

В тот период сепаратистские настроения в Баварии были очень сильны, и баварцы, постоянно конфликтовавшие с центральным правительством в Берлине, выступали за меньшую, а не за большую централизацию, требуя предоставления Баварии самостоятельности.

На практике все так и выглядело: указания из Берлина не имели; на местах почти никакой силы. В перспективе Гитлер хотел прийти к власти не только в Баварии, но и во всем рейхе и придать этой власти характер диктатуры, необходимой, судя по его предыдущим высказываниям, сильному централизованному органу управления, способному покончить с полуавтономией земель, которые во времена Веймарской республики и империи Гогенцоллернов имели собственные парламенты и правительства.

Одним из первых демаршей Гитлера после прихода к власти 30 января 1933 года явилась незамедлительная реализация вышеупомянутого положения программы партии, замеченного и всерьез воспринятого в свое время немногими. И никто уже не смог обвинить Гитлера в том, что он заранее не поставил об этом в известность общественность.

Зажигательных речей, а также радикальной программы при всей их важности для партии, делавшей свои первые шаги, было бы недостаточно, чтобы привлечь внимание и обеспечить поддержку широких масс. Поэтому Гитлер направил усилия на достижение большего, гораздо большего. Именно тогда начали проявляться его незаурядные способности. Он считал, что массам нужны не только идеи несколько простых идей, которые можно внушать им постоянно, — но и символы, которые всколыхнули бы их веру. Нарядность и красочность должны были привлечь массы, как и акты насилия и террора, которые в случае успешной реализации способствовали бы пополнению партийных рядов (разве не сила всегда импонировала немцам?) и вселяли в них уверенность в своем превосходстве над слабыми.

В Вене Гитлера привлекал, по его собственному выражению, «постыдный внутренний и физический страх», который использовали, по его мнению, социал-демократы в борьбе со своими политическими противниками. Теперь этим страхом он решил воспользоваться для укрепления позиций собственной антисоциалистической партии. Поначалу на митинги приглашали бывших военных, чтобы они следили за порядком и в случае необходимости выставляли крикунов за дверь.

Летом 1920 года, вскоре после того, как к названию «рабочая партия Германии» добавили «национал-социалистская» и она стала именоваться национал-социалистской рабочей партией Германии (сокращенно НСДАП), Гитлер сколотил из числа отъявленных головорезов и ветеранов войны «группы порядка», которые возглавил часовщик Эмиль Морис, в прошлом судимый. Чтобы избежать репрессий со стороны берлинского правительства, группы какое-то время скрывали свою деятельность под вывеской «гимнастической и спортивной секции» партии.

5 октября 1921 года они официально были переименованы в штурмовые отряды. Штурмовиков, одетых в коричневую униформу, набирали в основном из числа преступных элементов добровольческого корпуса. Командование штурмовыми отрядами вверили Иоганну Ульриху Клинциху, подручному пресловутого капитана Эрхардта, который привлекался по делу об убийстве Эрцбергера и лишь недавно был освобожден из тюрьмы.

Эти отъявленные негодяи в униформе, не довольствуясь поддержанием порядка на митингах нацистской партии, начали разгонять митинги, организуемые другими партиями. Однажды в 1921 году штурмовики, возглавляемые Гитлером, пришли на митинг, где должен был выступать баварский федералист по фамилии Баллерштедт, и избили его. По приговору суда Гитлер провел месяц в заключении. Выйдя из тюрьмы, он предстал перед согражданами в ореоле мученика, пострадавшего якобы за общее дело, приобретя еще большую популярность.

«Прекрасно, — хвастался Гитлер перед полицейскими. — Мы добились того, чего хотели: Баллерштедт так и не получил слова».

За несколько месяцев до случившегося Гитлер, выступая в одной из аудиторий, сказал: «Национал-социалистское движение будет и впредь безжалостно пресекать — в случае необходимости силой — попытки провести митинги или выступления, которые могут неблагоприятно повлиять на сознание наших соотечественников».

Летом 1920 года Гитлер, в прошлом неудавшийся художник, а теперь набирающий силу пропагандист, выдвинул идею, которую можно назвать гениальной. По его мнению, партии не хватало эмблемы, флага, символа, то есть того, что четко отражало бы цели новой организации и завладело воображением масс. Массам, считал Гитлер, нужно некое развевающееся знамя, чтобы, устремляясь за ним, сражаться под его сенью. После длительных раздумий и бесчисленных прикидок он остановил свой выбор на флаге красного цвета с белым кругом посередине, на фоне которого была вытеснена черная свастика. Кресту с загнутыми под прямым углом концами, хотя и заимствованному из древности, суждено было стать устрашающим символом нацистской партии и в конечном счете нацистской Германии. Каким образом у него возникла идея использовать данный символ для флага и для эмблемы партии — Гитлер обходит в «Майн кампф» молчанием.

Крест с загнутыми концами — явление не новое, он встречается с момента появления человека на земле. Его изображение находили во время раскопок на развалинах Трои, Египта, Китая. Я лично видел его в древних индуистских и буддистских храмах. В период новой истории символ служил официальной эмблемой таких прибалтийских государств, как Эстония и Финляндия, где встречался немцам, воевавшим в добровольческом корпусе в 1918–1919 годах. Крест изображался и на железных касках бойцов бригады Эрхардта, вошедших в Берлин во время Капповского путча в 1920 году. Не подлежит сомнению, что Гитлер встречал его в Австрии на эмблемах некоторых антисемитских партий и на касках солдат бригады Эрхардта, вступивших в Мюнхен.

Гитлер отмечал, что среди многочисленных проектов, предложенных ему членами партии, практически везде присутствовала свастика а некий зубной врач из Штернберга представил эскиз флага, который «был весьма недурен и довольно близок к моему собственному».

Что касается цвета флага, то Гитлер, естественно, отверг черный с красным и золотым, символизирующие независимую Веймарскую республику. Он отклонил также предложение об использовании старого имперского флага, где сочетались красный, белый и черный цвета. Но само цветовое сочетание Гитлеру нравилось — не только потому, что «это была самая лучшая из существующих гармоний», но и потому, что это были цвета Германии, за которую он воевал. Однако необходимы были какие-то изменения, поэтому и появилась свастика.

Гитлер упивался своим «уникальным творением». В «Майн кампф» он провозглашал:

«Это был настоящий символ! Красный цвет олицетворял социальную идею движения, белый — националистическую, свастика — цель борьбы за победу арийской расы».

Вскоре штурмовики и члены партии стали носить на рукаве повязку с изображением свастики. Через два года появилось знамя нацистской партии, которое несли во время публичных шествий и которое украшало трибуны во время массовых митингов. Эмблема, заимствованная у древних римлян, состояла из черной металлической свастики, обрамленной серебряным венком, над которым возвышался орел, а внизу фигурировало сокращенное название партии — НСДАП на металлической прямоугольной основе, украшенной бахромой и кистями, и флаг со свастикой, на котором красовался лозунг: «Германия, пробудись!»

Эти символы, разумеется, не принадлежали к атрибутам высокого искусства, однако отменно служили целям пропаганды. Нацисты имели теперь символ, которого не было ни у одной партии. Крест с загнутыми прямоугольными концами, похоже, сам по себе обладал некой мистической силой, он как бы побуждал действовать мелкую буржуазию, еще недавно пребывавшую в неуверенности и неопределенности. Мелкая буржуазия начала сплачиваться под знаменем этой партии.

Восхождение «фюрера»

Летом 1921 года молодой, многообещающий активист партии, проявивший свои удивительные способности не только как оратор, но и как организатор и пропагандист, стал бесспорным лидером партии. Таким образом, он преподал своим соратникам по партии первый урок беспощадности и тактической изворотливости, благодаря чему впоследствии добился больших успехов в важных кризисных ситуациях.

В начале лета Гитлер отправился в Берлин, чтобы установить связи с националистскими элементами на севере Германии и выступить в клубе, являвшемся духовным центром националистов. Гитлер хотел выяснить возможности распространения нацистского движения за пределами Баварии. Ему казалось, что для достижения этой цели необходимо установить полезные контакты.

Его отсутствие члены комитета нацистской партии сочли вполне подходящим для смены руководства. Стиль работы Гитлера был, по их мнению, диктаторским. Они предлагали объединиться с аналогично настроенными группами на юге Германии, в частности с социалистической партией

Германии, которую создавал в Нюрнберге Юлиус Штрейхер, печально известный гонениями на евреев, смертельный враг и соперник Гитлера. Члены комитета считали, что, если удастся объединить эти возглавляемые честолюбивыми лидерами группы с нацистской партией, влияние Гитлера ослабнет.

Почувствовав угрозу своему положению в партии, Гитлер поспешил вернуться в Мюнхен, чтобы расстроить интриги этих «глупых безумцев», как он назвал их в «Майн кампф». Он заявил, что готов выйти из партии. Но этого, как быстро сообразили члены комитета, не могла себе позволить партия. Гитлер был не только наиболее сильным оратором, но и лучшим организатором и пропагандистом. Кроме того, именно ему удавалось собрать для организации значительные финансовые средства. Члены комитета полагали, что, если Гитлер выйдет из партии, набирающая силу нацистская партия, безусловно, распадется. Поэтому отставка его не была принята. Гитлер же, убедившись в прочности занимаемых им позиций, добился полной капитуляции остальных главарей партии. Он потребовал предоставления ему диктаторских полномочий, претендуя на роль единственного лидера партии, настаивал на роспуске самого комитета и прекращении заигрываний с группой Штрейхера.

По мнению членов комитета, Гитлер зашел слишком далеко. Подстрекаемые основателем партии Антоном Дрекслером, они составили обличительный документ против Гитлера, претендовавшего на роль диктатора, и распространили его. В нем содержались самые страшные обвинения, когда-либо предъявленные Гитлеру его товарищами по партии — теми, кто хорошо его знал.

«Жажда власти и личные амбиции заставили господина Адольфа Гитлера вернуться и занять свой прежний пост после шестинедельного пребывания в Берлине, цель которого до сих пор не ясна. Он считал, что пришло время внести в наши ряды сумятицу и раскол, опираясь на смутьянов, стоящих за его спиной, и играя тем самым на руку евреям и их друзьям. С каждым днем становилось все более очевидно, что цель его проста — использовать национал-социалистскую партию как трамплин для достижения собственных сомнительных целей, захватить лидерство, с тем чтобы вынудить партию пойти по другому пути…

Особенно наглядно свидетельствует об этом ультиматум, посланный руководителям партии несколько дней назад, в котором Гитлер среди прочего требует сделать его единственным лидером партии и распустить членов комитета, включая слесаря Антона Дрекслера, ее основателя и вождя…

А как он вел себя во время этой кампании? По-еврейски! Искажал и извращал факты… Национал-социалисты, задумайтесь! Не совершайте непоправимых ошибок! Гитлер — самый настоящий демагог… Он считает, что сможет и впредь предлагать вам всякого рода истории, в которых есть все что угодно, кроме правды».

Хотя выдвинутые обвинения несколько ослаблены глупым антисемитизмом (Гитлер вел себя «по-еврейски»!), в целом они справедливы. Однако публикация документа не дала противникам Гитлера желаемых результатов. Он сразу подал в суд, обвинив авторов в клевете и Дрекслер вынужден был публично отказаться от обвинений. На двух специальных собраниях партии Гитлер выдвинул условия перемирия: в устав партии необходимо внести

изменения о роспуске комитета и предоставлении ему диктаторских полномочий председателя.

Оскорбленного Дрекслера сделали почетным председателем, и вскоре он перестал интересоваться делами партии[18]. «То была победа рыцаря над круглоголовыми», — писал позднее Хайден. Но это было нечто большее. Тогда же, в июле 1921 года, провозгласили «принцип вождя», который вначале был узаконен в нацистской партии, а затем и в третьем рейхе. На германской сцене появился «фюрер».

«Фюрер» приступил к реорганизации партии. От полутемного пивного зала «Штернекерброй», который, по словам Гитлера, больше походил на мрачный склеп, пришлось отказаться. Партия заняла более светлое и просторное помещение на Корнелиусштрассе. В рассрочку купили подержанную пишущую машинку «Адлер», приобрели сейф, шкафы для картотеки, мебель, установили телефон и наняли постоянного секретаря.

В партию начали поступать средства. Почти год назад, в декабре 1920 года, партия приобрела газету «Фелькишер беобахтер», тираж которой упал. Газета безнадежно увязла в долгах, выходила два раза в неделю и публиковала светскую хронику антисемитского содержания. Откуда поступили шестьдесят тысяч марок для покупки газеты, Гитлер держал в тайне, однако доподлинно известно, что Экарт и Рем убедили генерал-майора Риттера фон Эппа, члена нацистской партии и начальника Рема в рейхсвере, раздобыть денег.

Вполне вероятно, что средства поступили из засекреченных военных фондов.

С начала 1923 года «Фелькишер беобахтер» стала выходить ежедневно, проповедуя идеи и взгляды партии, — таким образом, партия Гитлера получила превосходство над всеми остальными политическими партиями Германии. Однако, для того чтобы ежедневно выпускать политическую газету, требовались дополнительные ассигнования, и они поступали из довольно странных источников, как считал кое-кто из «грубых, неотесанных членов партии пролетарского происхождения». Например, от фрау Елены Бехштайн, жены состоятельного фабриканта музыкальных инструментов. Бехштайн с первой встречи понравился молодой смутьян, и она приглашала Гитлера останавливаться в их доме, когда он наведывался в Берлин, устраивала приемы, на которых он мог встретить богачей, и выделяла большие суммы на развитие движения. Часть денег, необходимых для финансирования новой ежедневной газеты, поступала от фрау Гертруды фон Зайдлиц, уроженки Прибалтики, которая владела несколькими процветающими бумажными фабриками в Финляндии.

В марте 1923 года выпускник Гарвардского университета Эрнст (Путци) Ханфштенгль, американец по матери, чья образованная и состоятельная семья владела в Мюнхене издательством, выпускающим книги по искусству, дал партии взаймы тысячу долларов для погашения закладной на «Фелькишер беобахтер»[19].

В период инфляции это была в переводе на марки огромная сумма. И партия, и ее газета получили колоссальную финансовую поддержку. Однако дружеское расположение семьи Ханфштенгль выходило за рамки предоставления финансовой помощи. Это было одно из первых состоятельных семейств Мюнхена, которое открыло двери своего дома крикливому молодому политику.

Путци стал приятелем Гитлера и со временем при содействии фюрера возглавил управление зарубежной информации нацистской партии.

Эксцентричный, неуклюжий, обладавший едким юмором, который в какой-то степени компенсировал ему узость кругозора, Ханфштенгль виртуозно играл на пианино. Даже после того, как его друг пришел к власти в Берлине, он нередко, принеся извинения, покидал нашу компанию по непредвиденному вызову фюрера. Говорили, что игра на пианино — а Ханфштенгль славился темпераментным исполнением — и дурачества успокаивали и даже веселили Гитлера после утомительного дня. Впоследствии этому чудаковатому, но талантливому выпускнику Гарварда, как и многим другим дружкам юности Гитлера, пришлось покинуть Германию, чтобы спасти собственную жизнь[20].

Большинство тех, кому было суждено стать ближайшими сподвижниками Гитлера, в то время уже являлись членами партии или вскоре вступят в нее. Рудольф Гесс состоял в партии с 1920 года. Сын немецкого оптового торговца, проживавшего в Египте, Гесс провел там первые четырнадцать лет своей жизни, а затем переехал в Рейнскую область, чтобы продолжить учебу. В годы войны он некоторое время служил вместе с Гитлером в полку Листа, хотя тогда они еще не были знакомы, а после второго ранения стал летчиком. По окончании войны Гесс поступил в Мюнхенский университет на экономический факультет, однако большую часть времени тратил на распространение антисемитских листовок и участие в стычках с разными вооруженными бандами, которых было в тот период в Баварии предостаточно. Гесс оказался в самой гуще перестрелки, когда 1 мая 1919 года в Мюнхене свергали правительство советов. Его даже ранило в ногу.

В один из вечеров год спустя Гесс отправился на митинг, где; выступал Гитлер, увлекся его красноречием и решил вступить в нацистскую партию. Вскоре он стал близким другом Гитлера, его преданным последователем и секретарем. Именно Гесс познакомил Гитлера с геополитическими взглядами генерала Карла Хаусхофера, в ту пору профессора геополитики Мюнхенского университета.

Гитлера взволновало эссе Гесса на тему «Что должен представлять собой человек, которому суждено вернуть Германии ее прошлое величие?», отмеченное премией.

«Когда от бывшего правительства не останется и следа, новую власть сможет установить лишь человек, вышедший из недр народа…

Чем глубже корни диктатора в широких массах, тем лучше он понимает, как обходиться с ними в психологическом плане. Чем больше будут доверять ему рабочие, тем больше сторонников завоюет он среди этих наиболее энергичных слоев населения. Сам же он с массами ничего общего иметь не будет, поскольку, как любой великий деятель, он — прежде всего личность… В случае необходимости он не содрогнется перед кровопролитием. Серьезные вопросы всегда решаются кровью и железом… Для достижения своей цели он готов пожертвовать самыми близкими друзьями… Законодатель обязан обладать неумолимой решительностью и твердостью… Если понадобится он должен топтать их… солдатскими сапогами…»

Это был словесный портрет лидера, каким Гитлер в тот момент еще не являлся, однако хотел стать и стал. Вполне естественно, что он

заинтересовался молодым человеком. При всей своей серьезности и усердии Гесс был заурядным исполнителем, с готовностью и фанатизмом воспринимавшим любые безумные идеи. До самых последних дней он оставался одним из наиболее лояльных последователей Гитлера и принадлежал к числу тех немногих, кого не снедали личные амбиции.

Альфред Розенберг, хотя его зачастую называли «интеллектуальным вождем» нацистской партии и «философом», также был человеком весьма средних способностей. С некоторым основанием его можно считать русским. Подобно многим русским интеллектуалам, он был выходцем из немецкой Прибалтики. Родился Розенберг в семье башмачника 12 января 1893 года в Эстонии, которая с 1721 года входила в состав Российской империи, в Ревеле (ныне Таллинн). Он предпочел продолжить учебу не в Германии, а в России и получил диплом архитектора, окончив в 1917 году Московский университет. Розенберг жил в Москве, когда большевики совершили революцию, и не исключено, как впоследствии заявляли его противники по нацистской партии, что он подумывал стать молодым революционером-большевиком. Однако в феврале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель и хотел вступить добровольцем в германскую армию, когда немцы заняли город. Но в армию его не взяли как «русского», и в конце 1918 года Розенберг перебрался в Мюнхен, где первое время, вращаясь в кругах белых эмигрантов, проявлял большую активность,

В тот период Розенберг познакомился с Дитрихом Экартом, а через него с Гитлером и в конце 1919 года вступил в партию. Совершенно очевидно, что человек, имеющий диплом архитектора, мог произвести впечатление на того, кому не удалось даже поступить в архитектурный институт. Эрудиция Розенберга также поразила Гитлера, и ему понравилась в молодом человеке ненависть, которую тот питал по отношению к евреям и большевикам. Незадолго до смерти Экарта, в конце 1923 года, Гитлер назначил Розенберга редактором «Фелькишер беобахтер» и в течение многих лет продолжал подерживать этого тупицу, сделав мнимого философа идеологом нацистского движения и одним из главных авторитетов в области внешней политики.

Как и Рудольф Гесс, Герман. Геринг приехал в Мюнхен по окончании войны, чтобы изучать экономику в университете, и подпал под влияние Адольфа Гитлера. Один из национальных героев, последний командир прославленной истребительной эскадрильи «Рихтхофен», Герман Геринг труднее, чем другие ветераны войны, приспосабливался к будням мирной жизни.

Какое-то время он работал пилотом на транспортных самолетах в Дании, потом в Швеции. Однажды Геринг перевозил графа Эрика фон Розена в его поместье, расположенное под Стокгольмом, и, остановившись там в качестве гостя, влюбился в сестру графа Карин фон Кантцов, урожденную баронессу Фок, признанную красавицу Швеции. Однако возникли кое-какие осложнения. Карин страдала эпилепсией, была замужем и имела восьмилетнего сына. Тем не менее ей удалось расторгнуть брак и выйти замуж за галантного молодого летчика. Весьма состоятельная особа вместе с новым супругом перебралась в Мюнхен, где они жили ни в чем себе не отказывая и где Геринг начал посещать занятия в университете.

Это продолжалось недолго. В 1921 году Геринг встретился с Гитлером и вступил в нацистскую партию. Он делал щедрые взносы в казну партии,

субсидировал самого Гитлера, энергично помогал Рему организовывать штурмовые отряды, а через год стал руководить ими.

Множество менее известных лиц, в большинстве своем с весьма сомнительной репутацией, объединились вокруг партийного диктатора. Макс Аманн, в прошлом унтер-офицер и начальник Гитлера, когда тот служил в полку Листа, несмотря на неотесанность и дубоватость, оказался довольно способным организатором. Его назначили управляющим делами партии и газеты «Фелькишер беобахтер», и Аманну довольно быстро удалось навести порядок в финансовых средствах партии и газеты.

Своим личным телохранителем Гитлер выбрал Ульриха Графа, борца-любителя, ученика мясника и известного дебошира. Придворным фотографом, который на протяжении долгих лет один снимал фюрера, Гитлер сделал хромого Генриха Гофмана, по-собачьи преданного ему, благодаря чему Гофман стал миллионером.

Другим приближенным Гитлера был скандалист по фамилии Кристиан Вебер, торговец лошадьми, в прошлом вышибала в одном из дешевых мюнхенских ресторанов, большой любитель пива и спиртного. В те дни близким к Гитлеру человеком считался и Герман Эссер, который, как фюрер, славился ораторским искусством и антисемитскими статьями, занимавшими видное место на страницах «Фелькишер беобахтер». Эссер не делал секрета из того, что какое-то время жил на средства своих любовниц. Пресловутый мастер шантажа, он прибегал к угрозам «разоблачения» даже по отношению к товарищам по партии, которые в чем-то перешли ему дорогу. Некоторые более порядочные члены партии настолько не переносили Эссера, что потребовали его исключения.

«Я знаю, что Эссер — негодяй, — публично заявил Гитлер. — Однако я буду держать его до тех пор, пока он мне нужен». Так относился Гитлер почти ко всем своим соратникам, независимо от того, каким бы темным ни было их прошлое, да и настоящее. Для Гитлера не имело значения, являлись ли они убийцами, сутенерами, извращенцами, наркоманами или просто дебоширами, пока они служили достижению его целей.

Так, например, Гитлер почти до самого конца держал при себе Юлиуса Штрейхера. Этому развращенному садисту, в прошлом преподавателю начальной школы, в период с 1922 по 1939 год, когда наконец закатилась его звезда, сопутствовала дурная слава среди окружения фюрера.

Известный развратник, похвалявшийся любовными похождениями и шантажировавший даже мужей своих бывших любовниц, прославился и разбогател на том, что был отъявленным фанатиком-антисемитом. Его пресловутый еженедельник «Дерштюрмер» преуспевал, публикуя сенсационные, сомнительного толка истории о преступлениях, совершенных сексуально озабоченными евреями, и еврейских «ритуальных убийствах». Непристойные статьи еженедельника вызывали отвращение у многих нацистов. Штрейхер был также печально известен своим увлечением порнографией.

Штрейхер прославился в качестве некоронованного короля Франконии со штаб-квартирой в Нюрнберге, где его слово было законом и где всякий, кто вставал на его пути или вызывал его недовольство, мог оказаться за решеткой и подвергнуться пыткам. Только на скамье подсудимых в Нюрнберге,

где проходил суд над военными преступниками, я увидел Штрейхера без хлыста, обычно же он держал его в руке или за поясом и, посмеиваясь, хвастался, как порол неугодных.

Таким было окружение Гитлера в первые годы кампании, направленной на установление диктаторской власти в Германии — стране, подарившей человечеству Лютера, Канта, Гете и Шиллера, Баха, Бетховена и Брамса.

1 апреля 1920 года, в день, когда рабочая партия Германии была переименована в национал-социалистскую рабочую партию, Гитлер навсегда оставил службу в армии. Впоследствии он все свое свободное время посвятит работе в нацистской партии, хотя ни тогда, ни позже не будет получать за это зарплату.

На что же в таком случае жил Гитлер? Члены партии иногда сами задавали этот вопрос. В обвинении, составленном в июле 1921 года членами партийного комитета, не согласными с Гитлером, этот вопрос был сформулирован со всей прямотой: «Если кто-то из членов партии спрашивал Гитлера о том, на какие средства он живет или чем он занимался в прошлом, он раздражался и возмущался. До сих пор на эти вопросы не получено определенного ответа. Таким образом, его совесть не может быть чиста, особенно если учитывать, что многочисленные знакомства с дамами, в присутствии которых он нередко называл себя «королем Мюнхена», стоят немалых денег».

Гитлер ответил на эти вопросы в ходе судебного разбирательства по делу о клевете, которое он возбудил против авторов обвинения. На вопрос, заданный в суде относительно средств его существования, он ответил следующим образом: «Я выступаю на митингах национал-социалистской партии бесплатно. Но мне также приходится выступать и в других организациях… и тогда, разумеется, я получаю гонорар. Обедаю я поочередно с различными товарищами по партии.

Кроме того, мне оказывают скромную помощь несколько друзей по партии».

Подобное утверждение, вероятно, было недалеко от истины. Такие весьма состоятельные друзья Гитлера, как Дитрих Экарт, Геринг и Ханфштенгль, несомненно, «давали деньги в долг» для оплаты квартиры, покупки одежды и продуктов питания. Потребности же Гитлера были весьма скромными. До 1929 года он занимал двухкомнатную квартиру на Тирштрассе в районе рядом с рекой Изар, где проживала мелкая буржуазия. Зимой Гитлер носил старый плащ, хорошо известный впоследствии по многочисленным фотографиям. Летом его часто можно было встретить в кожаных шортах, которые так любят баварцы.

В 1923 году Экарт и Эссер случайно натолкнулись на постоялый двор «Платтерхоф» под Берхтесгаденом и превратили в летнюю резиденцию Гитлера и его друзей. Гитлеру очень понравилось живописное местечко в горах; впоследствии он построил здесь себе большую виллу — «Бергхоф», ставшую ему родным домом, где в предвоенные годы фюрер проводил большую часть времени.

Однако в те бурные годы (1921–1923) у Гитлера оставалось мало времени для отдыха и развлечений. Нужно было создавать партию и контролировать

ситуацию в ней вопреки завистливым соперникам, столь же беспринципным, как и сам Гитлер. НСДАП являлась в то время не единственной партией среди многих движений правых в Баварии, которая боролась за общественное признание и поддержку.

В обязанность любого политического деятеля входит рассмотрение, анализ и использование в своих целях стремительного хода событий и постоянно меняющихся ситуаций. В апреле 1923 года союзники представили Германии счет по репарациям на огромную сумму в размере 132 миллиардов золотых марок, то есть 33 миллиардов американских долларов, что буквально всколыхнуло страну, поскольку она, естественно, не могла выплатить такие деньги.

Курс марки (обычно за четыре немецкие марки давали один доллар) начал падать. К лету 1921 года он упал до соотношения 75:1, а через год — 400:1.

В августе 1921 года был убит Эрцбергер, в июне 1922 года совершено покушение на Филипа Шейдемана — социалиста, провозгласившего Веймарскую республику. 24 июня был застрелен на улице министр иностранных дел Ратенау. Во всех трех убийствах оказались замешаны представители крайне правых. Непрочное правительство страны, находящееся в Берлине, наконец ответило на этот вызов, приняв специальный закон по охране республики, предусматривавший суровые наказания за политические акты насилия. Берлин потребовал роспуска многочисленных военных формирований, а также прекращения политического гангстеризма.

Баварскому правительству, которое возглавлял граф Лерхенфельд, известный умеренными взглядами и заменивший на этом посту в 1921 году экстремиста Кара, трудно было придерживаться линии общенационального правительства. Когда оно попыталось провести в жизнь закон против терроризма, правые, к числу которых принадлежал теперь и Гитлер, организовали заговор по низвержению Лерхенфельда и марш протеста в Берлин, чтобы свергнуть республику.

Демократическая Веймарская республика оказалась в тяжелом положении, самому ее существованию постоянно угрожали не только правые, но и левые экстремисты.

ВЕРСАЛЬ, ВЕЙМАР И «ПИВНОЙ ПУТЧ»

Большинство населения стран-союзниц, победивших в войне, расценивало провозглашение 9 ноября 1918 года республики в Берлине как начало новой эры для немецкой нации. Вудро Вильсон в посланиях, предшествовавших подписанию перемирия, настаивал на свержении милитаристской автократии Гогенцоллернов, и немцы, пусть неохотно, похоже, подчинились этому требованию. Кайзер вынужден был отречься от престола и спастись бегством;

монархия оказалась низложена, все существующие в Германии династии лишены власти, провозглашено республиканское правительство.

Однако провозглашено по воле случая 9 ноября, после обеда, так называемые социал-демократы большинства, возглавляемые Фридрихом Эбертом и Филипом Шейдеманом, собрались в Берлине, в рейхстаге, сразу после ухода в отставку канцлера принца Макса Баденского. Социал-демократы гадали, как им поступить. Принц Макс только что сделал заявление об отречении кайзера от престола.

Эберт, шорник по профессии, ратуя за установление конституционной монархии британского типа, считал, что власть должна перейти к одному из сыновей Вильгельма (за исключением, пожалуй, распутного кронпринца). Эберт, хотя и являлся лидером социалистов, питал отвращение к революционным преобразованиям общества. «Я ненавижу революцию как грех», — однажды заявил он.

Однако революционные настроения витали в воздухе. Столица была охвачена всеобщей забастовкой. В нескольких кварталах от Рейхстага, вниз по улице Унтер-ден-Линден, члены «Союза Спартака» под руководством левых социалистов Розы Люксембург и Карла Либкнехта заседали в императорском дворце, готовясь про возгласить советскую республику[21]. Когда об этом узнали социал-демократы, находившиеся в здании рейхстага, они пришли в ужас. Необходимо было незамедлительно принять меры, чтобы упредить спартаковцев

У Шейдемана созрел план. Не посоветовавшись с товарищами он бросился к окну, выходившему на Кенигсплац, где в тот момент собралась большая толпа, и, высунувшись, как бы в порыве вдохновения от собственного имени провозгласил республику. Эберт был разгневан. Он все еще надеялся каким-то образом спасти монархию.

Именно так, вроде по счастливой случайности, и возникла германская республика. Если сами социалисты и не были убежденными сторонниками республиканского строя, то довольно трудно ожидать этого от консерваторов. Последние, однако, сняли с себя ответственность за случившееся. Вместе с военачальниками Людендорфом и Гинденбургом они навязали политическую власть колеблющимся социал-демократам.

Таким образом, им удалось переложить на плечи лидеров рабочего класса[22] бремя ответственности за подписание договора о капитуляции, а впоследствии и мирного договора, тем самым поставив им в вину поражение Германии и все лишения и страдания, выпавшие на долю немецкого народа в результате проигранной войны и навязанного победителями мира. Дешевый трюк, распознать смысл которого не составило бы труда даже для ребенка, однако в Германии он удался. Республику с самых первых шагов обрекли на гибель.

Но это, очевидно, не было неизбежно. В ноябре 1918 года социал-демократы, обладая всей полнотой власти, могли быстро заложить основы стабильной демократии, но для этого им требовалось подавить или по крайней мере нейтрализовать сопротивление сил, поддерживающих империю Гогенцоллернов и не проявляющих лояльность по отношению к демократической Германии. К ним относились феодальные землевладельцы-юнкеры и другие представители высшей

знати, магнаты, управлявшие крупными промышленными картелями, воинствующие кондотьеры добровольческого корпуса, высокопоставленные чиновники имперской гражданской службы и прежде всего военные и члены генерального штаба.

Социал-демократам предстояло положить конец существованию многих крупных поместий, которые превратились в убыточные и неэкономичные, ликвидировать промышленные монополии и картели, очистить чиновничий аппарат, судебные и полицейские органы, университеты и армию от всех, кто не желал честно служить новому, демократическому строю.

Однако социал-демократам, в большинстве своем оставшимся наивными профсоюзными деятелями, которые привыкли повиноваться старым органам власти, что, кстати, вошло в плоть и кровь немцев выходцев из различных классов, это оказалось не по плечу. Они начали передавать свои полномочия той силе, которая являлась доминирующей в современной Германии, а именно армии. Потерпев поражение на полях сражений, военные все еще надеялись сохранить свои позиции внутри страны и покончить с революцией. Во имя достижения этих целей руководство армии действовало быстро и решительно.

В ночь на 9 ноября 1918 года, через несколько часов после провозглашения республики, в кабинете Эберта в рейхсканцелярии в Берлине раздался телефонный звонок. Это был особый телефон — специальная секретная линия связи со ставкой верховного главнокомандующего в Спа. Эберт находился в кабинете один. Он поднял трубку.

? Говорит Гренер, — раздался властный голос.

Услышанное поразило шорника, который все еще находился под впечатлением событий минувшего дня: неожиданно и без согласия с его стороны на Эберта возложили политические полномочия.

Генерал Вильгельм Гренер сменил Людендорфа на посту первого генерал-квартирмейстера. Еще раньше, в тот самый день, когда фельдмаршал фон Гинденбург колебался, именно генерал информировал кайзера о том, что войска ему больше не подчиняются и он вынужден подать в отставку, — смелый поступок, который военная элита ему так и не простила. Эберт и Гренер относились друг к другу с взаимным уважением — генерал, отвечавший с 1916 года за военное производство, работал с лидером социалистов в тесном контакте. В начале ноября, за несколько дней до описываемых событий, они обсуждали в Берлине, как спасти монархию и отечество.

И вот в критический для отечества момент их связала секретная телефонная линия. И именно тогда руководитель социалистов и второй по положению в германской армии человек заключили соглашение, которому, несмотря на то что оно в течение многих лет оставалось для общественности тайной, суждено было определить судьбы нации. Эберт согласился покончить с анархией и большевизмом и сохранить традиционную роль армии. Гренер со своей стороны заверил его в поддержке военных, которые будут содействовать укреплению нового правительства и реализации его цели.

? Останется фельдмаршал Гинденбург на посту командующего? поинтересовался Эберт.

Генерал Гренер заверил, что останется.

? Передайте фельдмаршалу благодарность от имени правительства, попросил Эберт.

Германская армия была спасена, зато республика с первых дней существования обречена на гибель. Генералы, за исключением самого Гренера и еще нескольких военных, никогда не относились к республике лояльно. В конце концов, предводительствуемые Гинденбургом, они предали ее и содействовали приходу к власти нацистов.

Тогда же Эберт и его коллеги-социалисты наверняка опасались повторения того, что совсем недавно произошло в России. Они не хотели становиться германскими керенскими. Они не желали уступать власть большевикам. По всей Германии возникали Советы солдатских и рабочих депутатов, которые, как в России, начали брать, власть в свои руки.

10 ноября эти группы избрали Совет народных уполномоченных с Эбертом во главе, который в течение некоторого времени находился у власти. В декабре в Берлине собрался Первый съезд Советов Германии. На съезде были представлены делегаты Советов солдатских и рабочих депутатов, которые потребовали отставки Гинденбурга, роспуска регулярной армии и замены ее гражданской гвардией, в которой офицеры избирались бы рядовыми солдатами, осуществления контроля над гвардией силами Советов.

Гинденбург и Гренер сочли эти требования неприемлемыми и отказались признать полномочия съезда Советов, а сам Эберт ничего не предпринял для выполнения этих требований. Однако армия, борясь за свое существование, настаивала на принятии правительством, которое она согласилась поддерживать, более решительных мер.

За два дня до рождества народная дивизия морской пехоты, находившаяся в тот момент под контролем коммунистов из «Союза Спартака», заняла Вильгельмштрассе, захватила рейхсканцелярию и нарушила телефонную связь. Но секретная телефонная линия, связывающая рейхсканцелярию с генеральным штабом, продолжала действовать, и Эберт, воспользовавшись ею, обратился за помощью. Военные пообещали освободить их силами Потсдамского гарнизона, однако моряки, поднявшие мятеж, не стали этого дожидаться и вернулись в казармы, размещавшиеся на конном дворе императорского дворца, который по-прежнему удерживали спартаковцы.

«Союз Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург подталкивал к созданию советской республики. Нарастала и военная мощь спартаковцев в Берлине. В сочельник дивизия морской пехоты довольно легко отразила попытку регулярных войск выбить ее из императорских конюшен.

Гинденбург и Гренер оказывали на Эберта давление, требуя, чтобы тот, соблюдая условия соглашения, подавил сопротивление большевиков. Лидер социал-демократов только этого и ждал. На третий день рождества он назначил Густава Носке министром обороны Германии, и с этого момента события развивались в такой логической последовательности, какой ожидали от действий нового министра.

Носке, мясник по профессии, проложивший себе путь в профсоюзное движение и социал-демократическую партию, в 1906 году стал депутатом рейхстага, где был признан экспертом партии по военным вопросам. Его по праву считали ярым националистом и человеком сильной воли. Принц Макс Баденский воспользовался его помощью, чтобы подавить мятеж на флоте в Киле в первые дни Ноябрьской революции, с чем Носке успешно справился. Коренастый, с тяжелой челюстью, обладавший завидной физической силой и энергией, но весьма ограниченным умом, по мнению противников, типичный представитель своей профессии, Носке, получив назначение на пост министра обороны, заявил, что «кто-то же должен быть ищейкой».

В начале января 1919 года он нанес решительный удар. Во время «кровавой недели» (с 10 по 17 января), как ее называли в Берлине, войска регулярной армии и добровольческого корпуса под руководством Носке и под командованием генерала фон Лютвица[23] разгромили спартаковцев. Роза Люксембург и Карл Либкнехт были захвачены и убиты офицерами гвардейской кавалерийской дивизии.

Как только в Берлине стихли бои, по всей Германии прошли выборы в Учредительное национальное собрание, которое должно было подготовить новую конституцию. Выборы, состоявшиеся 19 января 1919 года, показали, что средние и высшие слои общества осмелели за два с небольшим месяца, прошедшие после революции. Социал-демократы (социал-демократы большинства и независимые социалисты), единолично правившие страной, поскольку ни одна из партий не желала разделить с ними бремя забот, набрали 13 миллионов 800 тысяч голосов из 30 миллионов и получили в Национальном собрании 185 мест из 421, что составляло значительно меньше необходимого большинства. Стало очевидно, что новую Германию нельзя построить лишь с помощью рабочего класса.

Две буржуазные партии — партия «Центр», представлявшая собой политическое движение римской католической церкви, и демократическая партия, возникшая в декабре в результате слияния старой прогрессивной партии и левых национал-либералов, набрали 11,5 миллиона голосов и получили 165 мест в Национальном собрании. Обе партии открыто заявили о своей поддержке умеренной демократической республики, хотя раздавалось немало призывов возвратиться к монархическому правлению.

Консерваторы, лидеры которых во время Ноябрьской революции затаились или, подобно графу фон Вестарпу, обратились за защитой к Эберту, несмотря на сокращение численного состава, доказали, что с ними вовсе не покончено. Переименовав себя в немецкую национальную народную партию, они набрали свыше 3 миллионов голосов и получили 44 депутатских места. Союзники правых консерваторов, национал-либералы, именовавшиеся теперь немецкой народной партией, получили почти 1,5 миллиона голосов и 19 мест в собрании. Обе консервативные партии, хотя и находились в меньшинстве, набрали в Национальном собрании достаточно голосов, чтобы их услышали.

Действительно, не успели депутаты Национального собрания собраться 6 февраля 1919 года на заседание в Веймаре, как лидеры этих двух группировок вскочили со своих мест, чтобы защитить кайзера Вильгельма II и действия его генералов во время войны. Густав Штреземан, лидер немецкой народной партии, еще не успел пережить то, что позднее многие расценили как полное преображение. В 1919 году его, долгое время считавшегося

глашатаем верховного командования в рейхстаге и человеком Людендорфа, по-прежнему называли ярым приверженцем политики аннексии, фанатиком беспощадной подводной войны.

Конституция, принятая Национальным собранием 31 июля 1919 года после шестимесячного обсуждения и ратифицированная президентом 31 августа, на бумаге являлась самым либеральным и демократичным документом XX века, в техническом отношении почти совершенным, полным оригинальных и достойных восхищения приемов, которые, казалось, гарантировали почти совершенную демократию. Идея создания правительственного кабинета была заимствована у Англии и Франции, образ наделенного большими полномочиями президента родился под влиянием опыта США, представление о референдуме — из опыта Швейцарии. Разработали замысловатую систему пропорционального представительства и голосования списком, с тем чтобы предотвратить напрасную потерю голосов избирателей и обеспечить право быть представленными в парламенте национальным меньшинствам[24].

Формулировки статей Веймарской конституции для любого демократически настроенного человека звучали свежо и многозначительно. Народ объявлялся суверенным: «Политическая власть исходит от народа». Избирательное право предоставлялось мужчинам и женщинам в возрасте более двадцати лет. «Все граждане Германии равны перед законом… Свобода личности неприкосновенна… Каждый вправе свободно выражать собственное мнение… Все в Германии имеют право создавать ассоциации или общества… Все жители рейха пользуются полной свободой совести и вероисповедания…»

Казалось, нет в мире людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократичного и либерального, чем нынешнее. Так выглядело, по крайней мере, на бумаге.

Теневая сторона Версальского договора

До завершения работы над Веймарской конституцией произошло событие, имевшее гибельные последствия для конституции и республики, которую собрались создать. Этим событием явилось заключение Версальского договора. В первые мирные дни, исполненные хаоса и беспокойства, и даже после обсуждения в Веймаре Национальным собранием проекта конституции народ, вероятно, мало волновали последствия поражения Германии в войне. А если и волновали, то немцы, видимо, самодовольно верили, да и союзники убеждали их в этом, что, свергнув династию Гогенцоллернов, избавившись от большевиков и приступив к формированию демократического республиканского правительства, они вправе рассчитывать на заключение справедливого мирного договора, в котором точкой отсчета являлось бы не поражение Германии в войне, а знаменитые «четырнадцать пунктов» президента Вильсона.

Похоже, немцы не хотели вспоминать о том, что произошло год назад, 3 марта 1918 года, когда празднующее в ту пору свою победу верховное командование Германии навязало потерпевшей поражение России в Брест-Литовске мирный договор. По мнению английского историка, описавшего данные события двадцать лет спустя, когда улеглись военные страсти, данный договор являлся «унизительным, не имеющим прецедента, равного которому не было в современной истории».

По условиям договора Россия лишалась территории, примерно равной территории Австро-Венгрии и Турции, вместе взятых, на которой проживало 56 миллионов человек, или 32 процента всего населения; лишалась трети всех железных дорог, 73 процентов залежей железной руды, 89 процентов общего производства угля, более 5 тысяч заводов и промышленных предприятий. Кроме того, Россия обязана была выплатить Германии контрибуцию в размере 6 миллиардов марок.

Час расплаты наступил для немцев в конце весны 1919 года. Условия Версальского договора, составленные союзниками без какого-либо обсуждения с немецкой стороной, были опубликованы в Берлине 7 мая. Договор явился сокрушительным ударом для народа, который не желал отказываться от иллюзий до последнего момента. По всей стране были организованы массовые митинги, на которых выступающие протестовали против условий договора и требовали, чтобы Германия отказалась ставить под ним свою подпись.

Шейдеман, ставший рейхсканцлером на Веймарском учредительном собрании, гневно воскликнул: «Да отсохнет рука у подписавшего этот договор!»

8 мая, Эберт, президент временного правительства, и члены правительства публично назвали условия договора «неосуществимыми и невыносимыми». На следующий день германская делегация в Версале направила несгибаемому Клемансо послание, в котором объявляла, что данный договор является «неприемлемым для любой нации».

Что же неприемлемого было в этом договоре? Согласно условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии — часть территории, Дании — часть Шлезвига (после плебисцита), которую в прошлом веке, одержав победу в войне, отобрал у нее Бисмарк. Польше возвращались земли (часть из них только после плебисцита), которые были захвачены Германией при ее разделе. Этот пункт договора больше всего выводил из себя немцев не только потому, что они возражали против отделения части Восточной Пруссии от Германии коридором, который давал Польше выход к морю, но и потому, что они презирали поляков, считая их низшей расой. Не меньше злило немцев и то обстоятельство, что по условиям договора ответственность за развязывание войны ложилась на Германию и им надлежало выдать союзникам кайзера Вильгельма II и 800 других военных преступников.

Размер репараций предстояло определить позднее, однако первый взнос — 5 миллиардов долларов золотом необходимо было внести в период с 1919 по 1921 год. Кроме того, вместо выплаты репараций наличными предусматривалось, что некоторые суммы будут погашены натурой — углем, судами, лесом, скотом и так далее.

Однако самое обидное в Версальском договоре, по мнению немцев, состояло в том, что Германию практически разоружили[25], а это лишало ее гегемонии в Европе. Тем не менее ненавистный Версальский договор в отличие от договора, навязанного Германией России, позволял рейху сохранить в целом свой географический и экономический статус, а также политическое единство и потенциальную мощь великой державы.

Временное правительство в Веймаре, не считая Эрцбергера, который настаивал на принятии договора на том основании, что условия его в скором времени можно будет легко обойти, решительным образом возражало против

Версальского «диктата», как его теперь называли. Подобная позиция правительства опиралась на мнение подавляющего большинства населения, придерживающегося как правых, так и левых взглядов.

Как же обстояло дело с вооруженными силами Германии? В случае если условия договора будут отклонены, сможет ли армия противостоять нападению союзников с запада? Эберт задал этот вопрос верховному главнокомандованию, штаб-квартира которого находилась теперь в Кольберге в Померании. 17 июня фельдмаршал фон Гинденбург с подачи генерала Гренера, по мнению которого военное сопротивление Германии было бы бессмысленным, ответил следующим образом: «В случае начала военных действии мы могли бы захватить область Позен (в Польше) и занять оборону на наших восточных рубежах. Что касается военных действий на западе, нам вряд ли следует рассчитывать на то, что мы в состоянии противостоять серьезному наступлению противника, исходя из численного превосходства стран Антанты и возможности окружить нас с флангов.

Таким образом, успех подобной операции весьма сомнителен. Однако, как солдат, я не могу не заметить, что лучше с честью погибнуть, чем принять позорный мир».

Заявление достопочтенного главнокомандующего было выдержано в лучших традициях германской военщины, однако о его искренности следует, очевидно, судить по тому факту, который не стал достоянием немецкой общественности. Дело в том, что Гинденбург разделял точку зрения Гренера: попытка оказать сопротивление союзникам не только безнадежна, но и может привести к уничтожению цвета армейского офицерства, столь высоко ценимого ими, а по существу, и самой Германии.

Союзники же требовали в тот момент от Германии однозначного ответа. 16 июня, накануне письменного послания Гинденбурга Эберту, они поставили немцам ультиматум: либо условия договора принимаются к 24 июня, либо соглашение о перемирии теряет силу, и тогда союзники «предпримут шаги, которые они сочтут целесообразными для соблюдения положений договора».

И вновь Эберт обратился за советом к Гренеру. Если, по мнению верховного командования, существует хоть какая-то возможность оказать успешное военное сопротивление союзникам, Эберт обещает попытаться обеспечить отклонение договора Национальным собранием. Но ответ президент должен получить незамедлительно. Настал последний день ультиматума — 24 июня. Кабинет министров собрался в половине пятого вечера для принятия окончательного решения. Гренер испросил мнение Гинденбурга.

«Вам не хуже меня известно, что военное сопротивление невозможно», заявил престарелый фельдмаршал. И снова, как 9 ноября 1918 года в Спа, когда у Гинденбурга не хватило сил сказать кайзеру горькую правду и он поручил эту неприятную миссию Гренеру, фельдмаршал отказался сообщить реальное положение дел президенту временного правительства республики. «Вы, как и я, в состоянии ответить президенту», — заявил он Гренеру.

И вновь генерал осмелился взять на себя бремя ответственности, возложенное на фельдмаршала, хотя, очевидно, отдавал себе отчет в том, что в итоге может стать козлом отпущения для военной элиты. Тем не менее Гренер позвонил президенту и сообщил ему мнение верховного командования.

С облегчением узнав, что руководство армии взяло ответственность на себя, о чем, правда, вскоре забыли, Национальное собрание значительным большинством голосов одобрило подписание мирного договора. Решение собрания было передано Клемансо лишь за девятнадцать минут до истечения срока ультиматума союзников. Через четыре дня, 28 июня 1919 года, мирный договор был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца.

Разделенный дом

С этого дня Германия напоминала разделенный дом. Консерваторы не приняли ни мирный договор, ни республику, которая ратифицировала его. Военные, за исключением генерала Гренера, в конечном счете тоже не одобрили этих шагов, хотя и дали присягу поддерживать новый демократический строй и окончательное решение о подписании Версальского мирного договора исходило от них. Вне зависимости от Ноябрьской революции консерваторы по-прежнему управляли экономикой страны. Они владели промышленными предприятиями, крупными земельными участками и большей частью германского капитала. Их богатство могло быть использовано — и практически использовалось — для финансовой поддержки политических партий и политической прессы, которая с этого дня направила свои усилия на подрыв республики.

Военные начали обходить положения мирного договора, связанные с ограничением вооружений, еще до того, как на нем высохли чернила. Робость и близорукость лидеров социалистов позволили кадровым офицерам не только сохранить в армии старые прусские порядки, как отмечалось выше, но и стать фактическим центром политической власти новой Германии.

Армия практически до последних дней недолго просуществовавшей республики не делала ставку на какое-либо политическое движение. Но под командованием генерала Ганса фон Секта, талантливого военачальника, создателя стотысячного германского рейхсвера, армия, хотя и немногочисленная по составу, стала государством в государстве, оказывая все возрастающее влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, пока не наступил момент, когда дальнейшее существование республики перестало зависеть от воли и желания военного командования.

Являясь государством в государстве, армия сохраняла свою независимость от правительства страны. В соответствии с положением Веймарской конституции армию можно было подчинить кабинету министров и парламенту, как это имело место в отношении военных ведомств в других западных странах. Однако она не желала подчиняться. В то же самое время командный состав не был свободен от монархистских, антиреспубликанских настроений.

Некоторые лидеры социал-демократов, такие, как Шейдеман и Гжезински, выступали за демократизацию вооруженных сил. Они усматривали опасность в том, что армией снова будут руководить офицеры, придерживающиеся старых, авторитарных, имперских традиций. Однако им весьма успешно противостояли не только генералы, но и их соратники по партии во главе с министром обороны Носке. Этот министр пролетарской республики открыто хвалился, что хочет возродить «счастливые воспоминания солдат, воевавших в первой мировой войне».

То обстоятельство, что законно избранное правительство не смогло создать новую армию, верную демократическому духу и подчиняющуюся кабинету министров и рейхстагу, стало для республики роковым, как показало время.

Неспособность провести чистку правовых органов явилась еще одним просчетом правительства. Отправители правосудия сделались одним из центров контрреволюции, используя судебную власть в реакционных политических целях. «Нельзя не прийти к выводу, — заявлял историк Франц Нойман, — что использование судебных органов в политических целях стало самой позорной страницей в жизни германской республики».

После Капповского путча 1920 года правительство предъявило 705 лицам обвинение в государственной измене, но лишь один из них — начальник берлинской полиции был приговорен к пяти годам почетного заключения. Когда власти Пруссии лишили его пенсии, верховный суд принял решение о ее восстановлении. В декабре 1926 года германский суд постановил выплатить генералу фон Лютвицу, военному главарю Капповского путча, пенсию, причитающуюся ему за тот период, когда он открыто выступал против правительства, и за те пять лет, в течение которых он скрывался от правосудия в Венгрии.

В то же самое время сотни немецких либералов были приговорены к длительным срокам тюремного заключения по обвинению в измене, поскольку в своих выступлениях в печати или на митингах раскрывали и осуждали постоянные нарушения Версальского договора со стороны армии. Обвинения в предательстве безжалостно предъявлялись сторонникам республики.

Представителей же правых взглядов, которые пытались свергнуть республику, как в этом вскоре смог убедиться Адольф Гитлер, вообще не лишали свободы либо они отделывались легкими приговорами. Даже в отношении уголовников, если они принадлежали к правым, а их жертвами оказывались демократы, судебные инстанции были довольно снисходительны или, как часто случалось, им удавалось бежать из мест заключения при помощи армейских офицеров и правых экстремистов.

Таким образом, умеренным социалистам, поддерживаемым демократами и католиками-центристами, пришлось возглавить республику, устои которой расшатывались с самых первых ее шагов. Им приходилось сносить ненависть, нападки, а иногда и служить мишенью для противников, число и решимость которых постоянно возрастали.

«В душе народа. — заявлял Освальд Шпенглер, прославившийся после выхода своей книги «Падение Запада», — Веймарская КОНСТИТУЦИЯ уже обречена».

Тем временем в Баварии молодой смутьян Адольф Гитлер осознавал силу нового националистического движения, которое впоследствии использовал и возглавил. этому в значительной степени содействовал естественный ход событий, в частности падение курса немецкой марки и оккупация французами Рурской области. Курс марки, как уже отмечалось, падал начиная с 1921 года, когда соотношение марки к американскому доллару составляло 75: 1, на следующий год — 400:1, а к началу 1923 года — 7 000:1. Уже осенью 1922 года правительство Германии обратилось к союзникам с просьбой о предоставлении моратория на выплату репараций. Просьба была отвергнута французским правительством Пуанкаре. Когда Германия не произвела поставки

леса, твердолобый французский премьер-министр, являвшийся в годы войны президентом, отдал войскам приказ оккупировать Рурскую область. Рур промышленный центр Германии, после передачи Верхней Силезии Польше обеспечивавший четыре пятых добычи угля и производства стали для рейха, оказался отрезан от остальной страны.

Удар, парализовавший экономику Германии, способствовал такому сплочению населения, какого оно не знало с 1914 года. Рабочие Рура объявили всеобщую забастовку и получили финансовую помощь от берлинского правительства, которое призвало бастующих к пассивному сопротивлению. При поддержке армии развернулись партизанские действия и саботаж. Французы ответили на это арестами, депортациями и даже смертными приговорами. Но в Руре ничего не изменилось.

Бедственное положение германской экономики ускорило окончательную девальвацию марки. К моменту оккупации Рурской области в январе 1923 года курс марки упал до 18 тысяч за один доллар, к 1 июля — до 165 тысяч, к 1 августа — до миллиона. К ноябрю, когда, по мнению Гитлера, пробил его час, за один доллар давали уже 4 миллиарда марок, а впоследствии эти суммы исчислялись триллионами. Германская валюта практически полностью обесценилась.

Покупательная способность заработной платы была сведена к нулю. Сбережений буржуазии и рабочего класса больше не существовало. Но было потеряно нечто более важное — вера народа в экономическую структуру германского общества. Чего стоили устои и деятельность такого общества, которое поощряло сбережения и вклады и торжественно провозглашало их гарантированный возврат владельцам, а затем отказывалось от выплат? Не являлось ли это простым обманом населения?

И разве не демократическая республика, которая сдалась врагу и приняла на себя ответственность за бремя репараций, повинна во всех бедствиях? К несчастью, что ставило под вопрос ее существование, республика действительно несла определенную ответственность. Инфляцию можно было приостановить простым сбалансированием бюджета — трудной, но вполне выполнимой операцией. Это могло бы обеспечить адекватное налогообложение, однако новое правительство не решалось установить его. В конечном счете стоимость войны 164 миллиарда немецких марок — не была погашена хотя бы частично прямым налогообложением, 93 миллиарда марок были получены за счет военных займов, 29 миллиардов — за счет ценных бумаг казначейства, а остальная сумма — за счет увеличения выпуска бумажных денежных знаков. Вместо резкого повышения налогов для тех, кто мог их платить, республиканское правительство в 1921 году фактически сократило налоги.

С этого момента правительство, подстегиваемое крупными промышленниками и землевладельцами, которые лишь выигрывали от того что народные массы терпели финансовый крах, умышленно шло на понижение курса марки, чтобы освободить государство от долгов, избежать выплаты репараций и саботировать действия французов в Рурской области. Более того, валютный кризис позволил тяжелой промышленности Германии погасить задолженность путем превращения своих финансовых обязательств в обесцененные марки.

Генеральный штаб, прикрываясь названием «Управление войсками», чтобы обойти условия мирного договора, отдавал себе отчет в том, что падение

курса марки ликвидировало военные долги и предоставляло, таким образом, Германии финансовые средства для подготовки к новой войне.

Широкие народные массы не осознавали, что промышленные воротилы, армия и государство в результате валютного кризиса остались в выигрыше. Им было известно, что даже крупный банковский счет не позволял купить жалкого пучка моркови, полпакета картофеля, несколько унций сахара и полкилограмма лука. Они знали, что каждый из них стал банкротом. Они поняли, что такое голод, ежедневно сталкиваясь с ним. И они в отчаянии обвиняли во всем случившемся республику.

Такие времена были ниспосланы Адольфу Гитлеру самим всевышним.

Переворот в Баварии

«Правительство преспокойно продолжает печатать жалкие денежные знаки, поскольку прекращение этого процесса означало бы конец правительства, кричал Гитлер. — Приостанови оно печатание, а именно в этом залог стабилизации марки, и мошенничество сразу станет достоянием гласности… Поверьте мне, наши страдания и нищета только усугубляются. А негодяи выйдут сухими из воды. Причина простая: само государство стало крупнейшим мошенником и проходимцем. Государство грабителей!.. Когда потрясенный народ узнает, что ему придется голодать, имея миллиарды, он неминуемо сделает следующий вывод: мы не станем больше подчиняться государству, которое зиждется на обманной идее большинства. Нам нужна диктатура…»

Безусловно, невзгоды и сомнения, связанные с безумной инфляцией, подтолкнули миллионы немцев к такому выводу, а Гитлер был готов вести массы за собой. По существу он уверовал в то, что обстановка хаоса, имевшая место в 1923 году, предоставила неповторимую возможность свергнуть республику. Но определенные трудности встали бы на пути Гитлера, возглавь он контрреволюцию, в чем он был заинтересован постольку, поскольку жаждал власти.

Прежде всего нацистская партия, несмотря на то что численность; ее членов росла с каждым днем, являлась далеко не самым влиятельным политическим движением Баварии, а за пределами данной земли вообще была не известна. Разве столь незначительная партия в состоянии совершить переворот и свергнуть республику? Гитлер которого не очень смущали подобные трудности, считал, что нашел выход из создавшейся ситуации. Он мог бы объединить под своим. руководством все антиреспубликанские националистические силы Баварии. Затем при поддержке баварского правительства, вооруженных формирований и частей рейхсвера, дислоцированных в Баварии, он мог возглавить марш на Берлин — подобно Муссолини, вошедшему, год назад в Рим, — и свергнуть Веймарскую республику. Легкая победа Муссолини, очевидно, дала ему пищу для размышлений.

Оккупация французами Рурской области, хотя и подогрела ненависть немцев к своему традиционному врагу и, таким образом, содействовала возрождению националистических настроений, усложняла задачу Гитлера. Эти события способствовали объединению германской нации вокруг республиканского

правительства в Берлине, которое решило дать отпор Франции. Гитлер меньше всего хотел этого. Целью его было свержение республики. А Францией он, очевидно, намеревался заняться после того, как в Германии произойдет националистическая революция и будет установлен диктаторский режим.

Вопреки бытовавшему в ту пору общественному мнению Гитлер решил занять непопулярную позицию: «Нет! Покончить надо не с Францией, а с предателями отечества. Долой преступников Ноября! — таков должен быть наш лозунг».

Первые месяцы 1923 года Гитлер посвятил распространению данного лозунга. В феврале в значительной степени благодаря организаторскому таланту Рема четыре вооруженных «патриотически настроенных формирования» Баварии слились с нацистами и образовали так называемое «Рабочее объединение союзов борьбы за отечество» под политическим руководством Гитлера. В сентябре была создана более мощная группа под названием «Немецкий союз борьбы», одним из трех главарей которой являлся Гитлер.

Эта организация возникла во время крупного массового митинга, состоявшегося в Нюрнберге 2 сентября, в годовщину победы, одержанной Германией в 1870 году под Седаном. На митинге присутствовали большинство профашистски настроенных групп из Южной Германии, и Гитлеру даже похлопали, когда он произнес гневную речь против национального правительства. Открыто были провозглашены цели «Немецкого союза борьбы»: свержение республики и отказ от Версальского договора.

На нюрнбергском сборище Гитлер стоял на трибуне рядом с генералом Людендорфом. И это было не случайно. Молодой нацистский вождь уже некоторое время обхаживал героя войны, который однажды позволил использовать его славное имя организаторам Капповского путча и, поскольку он по-прежнему поддерживал контрреволюцию, мог не устоять перед соблазном и одобрить план зарождавшийся в голове Гитлера. Старый генерал не обладал тонким политическим чутьем и, проживая в настоящее время не Мюнхене, не скрывал своего презрения к баварцам, кронпринцу Рупрехту, баварскому самозванцу и католической церкви, влияние которой здесь по сравнению с другими землями Германии было наиболее сильным.

Все это знал Гитлер, но это не противоречило его задачам. Он не стремился к тому, чтобы Людендорф стал политическим лидером националистической контрреволюции, — роль, на которую, как известно, претендовал герой войны. Гитлер добивался, чтобы эту роль отвели ему самому. Однако имя Людендорфа, его авторитет в военных кругах и в среде консерваторов всей Германии могли оказаться весьма полезными для провинциального политика, пока еще не известного за пределами Баварии. Поэтому Гитлер и предусмотрел Людендорфа в своем плане действий.

Осенью 1923 года в Германской республике и в земле Бавария сложилась кризисная ситуация. 26 сентября канцлер Густав Штреземан объявил о прекращении пассивного сопротивления в Рурской области и возобновлении выплаты Германией репараций. Этот бывший глашатай Гинденбурга и Людендорфа, стойкий консерватор, а в душе монархист, пришел к выводу, что для спасения Германии, объединения и восстановления ее былой мощи необходимо хотя бы на какое-то время признать республику, договориться с союзниками и в период затишья возродить экономический потенциал страны.

Дальнейшее движение по нынешнему пути приведет лишь к развязыванию гражданской войны, а возможно, и к полному истреблению германской нации.

Отказ от сопротивления французам в Рурской области и взятие на себя бремени выплаты репараций вызвали волну гнева и истерии среди германских националистов. Коммунисты, также набиравшие силу, присоединились к ним в яростных нападках на республику. Штреземан столкнулся с серьезной оппозицией в лице как крайне правых, так и крайне левых. Предвидя это, он добился введения президентом Эбертом чрезвычайного положения в стране в тот день, когда было объявлено об изменении политического курса в отношении Рурской области и вопроса о репарациях. С 26 сентября 1923 года по февраль 1924 года исключительными полномочиями в Германии в соответствии с чрезвычайным положением оказались наделены министр обороны Отто Гесслер и начальник управления сухопутными силами рейхсвера генерал фон Сект. Эти полномочия на практике сделали генерала и армию диктаторами рейха.

Бавария же не изъявляла желания следовать такому решению. Баварский кабинет министров, возглавляемый Ойгеном фон Книллингом, 26 сентября объявил о введении на территории земли чрезвычайного положения и назначил правого монархиста и бывшего премьер-министра Густава фон Кара комиссаром земли Бавария, наделив его диктаторской властью.

В Берлине опасались отделения Баварии от рейха, восстановления монархии Виттельсбахов, а также образования совместно с Австрией Южно-Германского государства. Президент Эберт поспешно собрал заседание кабинета министров и пригласил на него генерала фон Секта. Эберт хотел выяснить, какую позицию занимают военные. Сект откровенно заявил ему: «Армия, господин президент, поддерживает меня».

Слова начальника управления сухопутных сил, произнесенные ледяным тоном и с каменным выражением лица, не смутили, как можно было предположить, президента Германии и рейхсканцлера. Они уже признали за армией статус государства в государстве, ведь тремя годами ранее, как уже отмечалось, когда войска Каппа заняли Берлин и к Секту обратились с аналогичным предложением, армия поддержала не республику, а генерала. Теперь, в 1923 году, вопрос состоял лишь в том, какую позицию займет сам генерал фон Сект.

К счастью для республики, он предпочел поддержать ее, но не потому, что верил в республиканский строй и его демократические принципы, а потому, что считал: в данный момент поддержка существующего режима необходима для сохранения армии, которой угрожали перевороты в Баварии и на севере страны, и для спасения Германии от гибельной гражданской войны. Секту было известно, что часть командного состава армейской дивизии в Мюнхене приняла сторону баварских сепаратистов. Знал он и о заговоре «черного рейхсвера» во главе с майором Бухрукером, бывшим офицером генерального штаба. Цель заговора состояла в захвате Берлина и свержении республиканского правительства. Таким образом, генерал руководствовался холодным расчетом, намереваясь довести армию до нужной кондиции и ликвидировать угрозу гражданской войны.

В ночь на 30 сентября 1923 года войска «черного рейхсвера» под командованием майора Бухрукера захватили три форта восточнее Берлина.

Сект отдал приказ силам регулярной армии окружить заговорщиков, и после двухдневного сопротивления Бухрукер сдался. Его судили по обвинению в государственной измене и приговорили к десяти годам заключения в крепости. «Черный рейхсвер», созданный самим Сектом под кодовым названием «Трудовые отряды» в целях скрытого увеличения численности стотысячного рейхсвера, был распущен[26] .

Затем Сект все свое внимание уделил угрозе коммунистических выступлений в Саксонии, Тюрингии, Гамбурге и Руре. Что касается подавления левых сил, то здесь в лояльности армии сомневаться не приходилось. В Саксонии местный командующий силами рейхсвера арестовал правительство, в которое наряду с коммунистами входили социалисты, и власть была передана рейхскомиссару. В Гамбурге и других районах выступления коммунистов подавлялись быстро и жестоко.

В Берлине в то время полагали: сравнительно легкая расправа над большевиками лишила баварских заговорщиков оснований заявлять, будто они действительно стремятся спасти республику от коммунизма, и теперь они готовы признать полномочия национального правительства. Однако на деле этого не произошло.

Бавария по-прежнему враждебно относилась к Берлину. В тот период она находилась под диктаторской властью триумвирата: комиссара Баварии Кара, командующего силами рейхсвера в Баварии генерала Отто фон Лоссова и начальника полиции полковника Ганса фон Сейсера. Кар отказался признать, что введенное в Германии президентом Эбертом чрезвычайное положение действительно и в отношении Баварии. Он отказался выполнять какие-либо приказы, исходящие из Берлина. Когда национальное правительство потребовало закрыть гитлеровскую газету «Фелькишер беобахтер» в связи с яростными нападками на республику в целом и на Сека, Штреземана и Гесслера в частности, Кар с презрением отклонил это требование.

Второе распоряжение из Берлина относительно ареста трех главарей действующих на территории Баварии вооруженных банд — капитана Хайса, капитана Эрхардта («героя» Капповского путча) и лейтенанта Россбаха (гомосексуалиста, приятеля Рема) — также было оставлено Каром без внимания. Сект, терпению которого пришел конец, приказал генералу фон Лоссову закрыть нацистскую газету и арестовать трех военных добровольческого корпуса. Однако генерал, будучи баварцем по рождению и нерешительным политиком, под влиянием красноречия Гитлера и настойчивости Кара заколебался.

24 октября Сект отстранил Лоссова от командования и назначил на его место генерала Кресса фон Крессенштейна. Кар, однако, не захотел согласиться с подобным диктатом Берлина. Он объявил, что Лоссов останется командующим силами рейхсвера в Баварии и, не только бросив вызов Секту, но и пренебрегая положениями статей конституции, потребовал от офицеров и рядовых специальной присяги на верность баварскому правительству.

В Берлине это расценили не только как политический акт, но и как военный бунт. Генерал фон Сект был теперь полон решимости положить конец подобным выступлениям. Он направил недвусмысленное предупреждение баварскому триумвирату, Гитлеру и вооруженным отрядам, что любое их выступление будет подавлено силой. Но отступать нацистскому главарю было слишком

поздно. Его оголтелые сторонники требовали решительных действий. Лейтенант Вильгельм Брюкнер, один из начальников штурмовых отрядов СА, призвал Гитлера немедленно выступить. «Настал день, — предупреждал он, — когда я уже не в состоянии сдерживать своих людей. Если сейчас ничего не произойдет, они просто уйдут от нас».

Гитлер тоже понимал, что, если Штреземану удастся выиграть время и приступить к осуществлению мероприятий по восстановлению спокойствия в стране, шансы будут упущены. Он обратился к Кару и Лоссову с предложением предпринять марш на Берлин до того, как Берлин пойдет на Мюнхен. Кроме того, Гитлер начал подозревать, что триумвират либо утратил решимость, либо планирует сепаратистский переворот без его участия в целях отделения Баварии от рейха. Против этого Гитлер, одержимый идеями создания сильного рейха, объединенного под эгидой национализма, категорически возражал.

Кар, Лоссов и Сейсер после предостережения Секта заколебались. Они не были заинтересованы в проведении бессмысленной акции, которая могла подорвать их собственные позиции. 6 ноября они проинформировали «Немецкий союз борьбы», в котором Гитлер был ведущей политической фигурой, что не намерены втягиваться в поспешные действия и сами примут решение о том, когда и как действовать. Это решение Гитлер расценил как сигнал, что пора брать инициативу в свои руки. Однако он не располагал поддержкой, чтобы осуществить путч собственными силами. Ему требовалось заручиться помощью со стороны баварского правительства, армии и полиции — урок, который фюрер вынес за годы лишений, проведенные в Вене.

Гитлеру было необходимо каким-то образом заставить Кара, Лоссова и Сейсера действовать заодно с ним, когда уже нельзя будет повернуть назад. Требовалась смелость, даже некоторая опрометчивость, и Гитлер к тому времени мог доказать, что обладает этими качествами. Фюрер решил захватить тройку в качестве заложников и вынудить их использовать свою власть для удовлетворения его требований.

Эту мысль подсказали Гитлеру два беженца из России — Розенберг и Шейбнер-Рихтер. Последний, взяв титул и фамилию жены, величал теперь себя не иначе как Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер. Этот весьма сомнительный тип, как и Розенберг, провел большую часть жизни в прибалтийских провинциях России. После войны вместе с другими беженцами он переехал в Мюнхен, где вступил в нацистскую партию и сделался одним из приближенных Гитлера.

4 ноября, в день поминовения павших, в центре Мюнхена должен был состояться военный парад. В прессе объявили, что не только кронпринц Рупрехт, но и Кар, Лоссов и Сейсер примут парад на трибуне, которая будет установлена на узкой улице, идущей от Фельдхернхалле. Шейбнер-Рихтер и Розенберг предложили Гитлеру следующий план действий: несколько сот штурмовиков с пулеметами, доставленные на грузовиках, перекрывают узкую улочку до появления участвующих в параде войск. Гитлер поднимается на трибуну, провозглашает революцию и под дулом пистолета вынуждает почетных гостей принять революцию и содействовать тому, чтобы он стал ее вождем. План Гитлер с восторгом одобрил.

Однако в назначенный день, когда Розенберг прибыл на место планируемой акции с целью провести рекогносцировку, то, к своему величайшему сожалению, обнаружил, что узкая улочка охраняется хорошо вооруженным отрядом полиции. От заговора, а фактически и от революции пришлось отказаться.

На самом деле было изменено лишь время проведения акции. Разработали новый план, осуществлению которого не могло помешать присутствие полицейского отряда, занявшего стратегически правильную позицию. В ночь на 11 ноября штурмовые отряды СА и другие военные формирования «Немецкого союза борьбы» сосредоточиваются на пустоши Фреттманингер, к северу от Мюнхена, и утром — в годовщину ненавистного и позорного перемирия — входят в город, занимают стратегически важные объекты, провозглашают национальную революцию и ставят нерешительных Кара, Лоссова и Сейсера перед свершившимся фактом.

Лишь одно, на первый взгляд не столь существенное, объявление заставило Гитлера отказаться от этого плана и приступить к разработке нового. В прессе появилось краткое сообщение, что по просьбе ряда деловых организаций Мюнхена Кар выступит на митинге в «Бюргербройкеллер», огромном пивном зале на юго-востоке города. Эта встреча должна была состояться вечером 8 ноября.

В заметке указывалось, что выступление комиссара будет посвящено программе баварского правительства. На митинге предполагалось также присутствие генерала Лоссова, полковника Сейсера и других известных деятелей.

Гитлер поспешно принял решение, исходя из следующих двух соображений: во-первых, он подозревал, что Кар может использовать встречу для провозглашения независимости Баварии и возведения на баварский престол династии Виттельсбахов (8 ноября Гитлер потратил весь день, чтобы увидеться с Каром, но все было напрасно. Это лишь усилило подозрения нацистского фюрера. Надо было опередить Кара.); во-вторых, встреча в «Бюргербройкеллер» предоставляла возможность, которая не была использована 4 ноября, захватить всех членов триумвирата и под дулом пистолета вынудить их перейти на сторону нацистов и совершить революционный переворот.

Гитлер решил действовать без промедления. Планы по мобилизации 10 ноября были отложены; штурмовые отряды приведены в боевую готовность для выполнения операции в огромном пивном зале.

«Пивной путч»

8 ноября 1923 года, примерно без четверти девять вечера, после того как Кар уже полчаса говорил перед трехтысячной оравой бюргеров, сидящих за нетесаными столами и попивающих пиво из больших глиняных кружек, штурмовики СА окружили «Бюргербройкеллер» и Гитлер стремительно вошел в зал. Пока его люди устанавливали пулемет у входа, он вскочил на стол и, чтобы привлечь внимание, выстрелил в воздух. Кар прервал свое выступление. Собравшиеся обернулись узнать, в чем дело.

Гитлер при помощи Гесса и Ульриха Графа, в прошлом мясника, борца и скандалиста, а ныне телохранителя фюрера, стал пробираться к трибуне. Майор полиции попытался остановить его, но Гитлер пригрозил ему пистолетом и прошел вперед. Кар, по словам очевидцев, выглядел «бледным и растерянным». Он сошел с трибуны, и Гитлер занял его место.

? Началась национальная революция! — провозгласил фюрер. — Здание занято шестьюстами хорошо вооруженными бойцами. Никому не разрешается покидать зал. Если вы немедленно не успокоитесь, я прикажу установить на балконе пулемет. Правительство Баварии и правительство рейха низложены и сформировано временное правительство страны. Казармы рейхсвера и полиции заняты. Отряды армии и полиции вступают в город под знаменем со свастикой.

Последнее утверждение не соответствовало истинному положению дел Гитлер просто блефовал. Однако в замешательстве никто ничего толком не понимал. Пистолет у Гитлера был настоящий, и он из него стрелял. Штурмовики с винтовками и пулеметами были вполне реальны. Гитлер отдал распоряжение Кару, Лоссову и Сейсеру следовать за ним в помещение, расположенное рядом со сценой. Подталкиваемые штурмовиками три высших должностных лица Баварии под удивленными взорами толпы подчинились требованию Гитлера.

Но одновременно в зале нарастало недовольство. Многие бизнесмены по-прежнему считали Гитлера выскочкой. Кто-то из присутствующих крикнул полиции:

? Не будьте трусами, как в 1918 году! Стреляйте! Однако полицейские, видя, как покорно подчинилось их начальство и как штурмовики СА заняли зал, не оказывали какого-либо сопротивления. Гитлер устроил так, что Вильгельм Фрик, нацистский доносчик, служивший в полицейском управлении, позвонил по телефону в пивную дежурному полицейскому и распорядился, чтобы полицейские не вмешивались, а только информировали о происходящих событиях. Обстановка в зале накалялась, и Геринг счел необходимым подняться на трибуну, чтобы успокоить собравшихся.

? Вам нечего бояться! — прокричал он. — У нас самые дружелюбные намерения, поэтому вам нечего беспокоиться! Пейте на здоровье свое пиво!

Геринг сообщил также присутствующим, что в соседней комнате в данное время формируется новое правительство. Формирование проходило под дулом пистолета Адольфа Гитлера.

Как только фюрер собрал заложников в соседней комнате, он заявил:

? Никто не выйдет отсюда живым без моего разрешения.

Затем он сообщил, что все займут ключевые посты либо в правительстве Баварии, либо в правительстве рейха, которое он сформирует вместе с Людендорфом. С Людендорфом? В тот же вечер Гитлер отправил Шейбнера-Рихтера в Людвигсхее, чтобы незамедлительно доставить в пивной зал прославленного генерала, который понятия де имел о нацистском заговоре.

Трое заложников вначале вообще отказывались говорить с Гитлером. Он же продолжал их уговаривать: надо примкнуть к нацистскому движению,

провозгласить революцию и новое правительство; все трое получат назначения, санкционированные Гитлером, либо в случае отказа «лишатся права на жизнь». Кару было предложено стать регентом Баварии, Лоссову — министром национальной армии, Сейсеру — министром внутренних дел рейха. Однако перспектива получить столь высокие назначения не прельстила тройку — никто ничего не ответил.

Затянувшееся молчание вывело Гитлера из себя — он стал размахивать перед ними пистолетом:

? У меня тут четыре патрона: три пули — для моих соратников в случае их предательства, последняя — для меня самого! — Приставив пистолет к виску, Гитлер кричал: — Если я не одержу победу до завтрашнего вечера, я покончу с собой!

Кар не был яркой личностью, но был сильным человеком.

? Господин Гитлер, — ответил он, — вы можете застрелить меня или дать распоряжение о моем убийстве. Умру я или нет, не столь важно…

Сейсер упрекал Гитлера в том, что фюрер нарушил данное им честное слово не поднимать путч против полиции.

? Да, это так, — заметил Гитлер. — Прошу меня простить, но я вынужден был поступить таким образом в интересах отечества.

Генерал фон Лоссов хранил презрительное молчание. Когда Кар стал что-то тихонько нашептывать ему на ухо, Гитлер возмутился:

? Прекратите! Запрещаю переговариваться без моего разрешения!

Однако он немногого достиг своими уговорами. Никто из трех власть имущих Баварии не согласился встать на его сторону даже под дулом пистолета. Развитие путча шло явно не по плану. Тогда Гитлер решил действовать экспромтом. Не произнося ни слова, он устремился в зал, вскарабкался на трибуну и, представ перед угрюмой толпой, объявил, что члены триумвирата, находящиеся в соседней комнате, согласились образовать вместе с ним новое правительство.

? Правительственный кабинет Баварии, — прокричал Гитлер, — Распущен… Правительство преступников Ноября и президент объявляются низложенными. Сегодня здесь, в Мюнхене, будет провозглашено новое национальное правительство. Сразу будет создана германская национальная армия… Предлагаю, пока не будут сведены четы с преступниками Ноября, доверить мне руководство политикой национального правительства. Людендорф возглавит командование германской национальной армии… В задачу временного национального правительства Германии входит организация марша на Берлин, этот грешный Вавилон, во имя спасения немецкого народа… Завтрашний день станет свидетелем торжества национального правительства Германии либо нашего поражения и гибели!

Не в первый и, безусловно, не в последний раз Гитлер мастерски прибег ко лжи, и это сработало. Когда присутствующие услышали о том, что Кар, генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Сейсер встали на его сторону,

настроение зала быстро изменилось. Послышались громкие одобрительные возгласы, которые подействовали на трех заложников, по-прежнему запертых в маленькой комнате рядом со сценой. Шейбнер-Рихтер в этот момент, словно по мановению волшебной палочки, представил на всеобщее обозрение генерала Людендорфа. Герой войны был разгневан, поскольку Гитлер ни о чем не предупредил его заранее, а когда, находясь в комнате рядом со сценой, узнал, что не он, а бывший ефрейтор должен стать диктатором Германии, его возмущению не было предела. Он проигнорировал наглого молодого человека.

Но это не очень смутило Гитлера. Людендорф поддержал своим авторитетом безрассудное начинание и помог перетянуть на сторону нацистов трех несговорчивых баварских руководителей, которые до настоящего времени отказывались подчиниться его домогательствам и угрозам. Это и попытался сделать Людендорф. Генерал заявил, что на карту поставлены интересы нации, ив призвал трех господ к сотрудничеству. Под влиянием генерала тройка поддалась уговорам, хотя Лоссов впоследствии отрицал, будто дал согласие подчиниться Людендорфу.

Кар какое-то время настаивал на восстановлении столь дорогой его сердцу монархии Виттельсбахов. В конце концов он заявил, что согласен сотрудничать в качестве «представителя короля».

Своевременное появление Людендорфа спасло Гитлера. Окрыленный счастливой развязкой, он вывел на трибуну остальных руководителей, и каждый обратился к собравшимся с краткой речью и дал присягу на верность новому режиму. Присутствующие в приступе восторга взобрались на стулья и столы. Гитлер сиял от удовольствия «Лицо его выражало детскую, неподдельную радость, которую трудно забыть», — писал впоследствии известный историк, присутствовавший при этом.

Вновь взойдя на трибуну, Гитлер обратился к залу с заключительной речью:

? Я хочу выполнить сейчас клятву, данную пять лет назад, когда я находился на лечении в госпитале, ослепший после контузии: изо всех сил бороться за низвержение преступников Ноября, пока на руинах ныне несчастной Германии не будет восстановлена сильная, великая, свободная и совершенная Германия.

Собравшиеся стали расходиться. У выхода Гесс при помощи штурмовиков задержал ряд членов бывшего баварского правительства и других видных деятелей, пытавшихся скрыться в толпе. Гитлер присматривал за Каром, Лоссовом и Сейсером. Тогда же пришло сообщение о стычке штурмовиков одного из боевых подразделений «Бунд Оберланд» с регулярными формированиями в казармах инженерно-саперных войск. Гитлер принял решение отправиться на место событий и лично урегулировать проблему, оставив Людендорфа главным в пивном зале.

Это решение оказалось для Гитлера роковым. Первым удалось улизнуть Лоссову. Он сообщил Людендорфу, что ему срочно надо попасть в свой кабинет в штабе армии и дать необходимые распоряжения. Когда Шейбнер-Рихтер начал возражать, Людендорф резко прервал его:

? Я запрещаю вам ставить под сомнение слово, данное германским офицером.

Кару и Сейсеру также удалось скрыться.

Когда Гитлер в хорошем настроении вернулся в «Бюргерброй-келлер», то обнаружил, что высокопоставленные пташки упорхнули. Это был первый удар за вечер, ошеломивший фюрера. Гитлер искренне надеялся, что «министры» его правительства активно принялись за работу, а Людендорф вместе с Лоссовом готовят план похода на Берлин.

Оказалось, ничего не было сделано. Вооруженным силам не удалось занять даже Мюнхен. Рем, возглавлявший отряд штурмовиков боевого подразделения «Военное знамя рейха», занял здание штаб-квартиры сухопутных сил в военном министерстве на Шенфельд-штрассе, однако другие объекты стратегического назначения захвачены не были, в том числе и здание телеграфа, откуда сообщение о перевороте ушло в Берлин. Генерал фон Сект передал в ответ по телефону приказ баварской армии подавить путч.

Не считая нескольких случаев дезертирства среди младших офицеров и рядовых, симпатизировавших Гитлеру и Рему, высший офицерский состав во главе с генералом фон Даннером, командующим Мюнхенским гарнизоном, был не только готов выполнить распоряжение Секта, но и сильно возмущен подобным обращением с генералом фон Лоссовом. По неписаным армейским законам гражданское лицо, угрожавшее генералу оружием, заслуживало расправы на месте. Из штаба, расположенного в казармах 19-го пехотного полка, где Лоссов присоединился к Даннеру, полетели приказы другим гарнизонам о направлении в город подкреплений. К рассвету войска регулярной армии окружили плотным кольцом силы Рема в здании министерства обороны.

Перед этим Гитлер и Людендорф встретились с Ремом в здании министерства, чтобы оценить сложившуюся ситуацию. Рем очень удивился, узнав, что, кроме него, никто не предпринял действий с целью занять ключевые объекты в городе. Гитлер безуспешно пытался восстановить связь с Лоссовом, Каром и Сейсером. В казармы 19-го пехотного полка по поручению Людендорфа были посланы связные, но они не вернулись. Пенера, бывшего начальника мюнхенской полиции, а теперь сторонника Гитлера, вместе с, майором Хюнлейном и группой штурмовиков СА направили занять штаб полиции. Там их сразу арестовали.

А что в это время думал Густав фон Кар — глава баварского правительства? Покинув зал «Бюргербройкеллер», он быстро пришел в себя и осмелел. Не желая вновь подвергаться опасности и становиться заложником Гитлера, Кар перевел правительство в Регенсбург. Однако перед этим он приказал развесить по всему Мюнхену плакаты следующего содержания:

Предательство и вероломство честолюбцев превратили демонстрацию, призванную содействовать пробуждению национального самосознания, в разгул отвратительного насилия. Признания, вырванные у меня, генерала фон Лоссова и полковника Сейсера под дулом пистолета, не имеют законной силы. Национал-социалистскую рабочую партию Германии, а также боевые отряды «Оберланд» и «Военное знамя рейха» считать распущенными.

фон Кар, главный комиссар земли Бавария

С наступлением ночи стало ясно, что триумф, который накануне вечером казался Гитлеру столь близким и столь легкодостижимым, не состоялся. Исчезли предпосылки успешного осуществления политической революции, на чем всегда настаивал Гитлер, — поддержка действующих институтов власти, таких, как армия, полиция, политическая группа, находящаяся у власти. Даже магическое имя Людендорфа, как выяснилось, не могло привлечь на их сторону вооруженные силы Баварии. Гитлер высказал предположение, что ситуацию, вероятно, можно исправить в том случае, если они с генералом Людендорфом переберутся в сельскую местность под Розенхайм и сумеют сплотить крестьян в вооруженные отряды, чтобы предпринять наступление на Мюнхен. Однако Людендорф категорически возражал против такого решения.

Существовал и иной способ, посредством которого можно было предотвратить катастрофу. Впервые услышав о путче, кронпринц Рупрехт, ярый враг Людендорфа, сделал краткое заявление, призвав к его немедленному подавлению. Гитлер решил обратиться к кронпринцу, с тем чтобы тот переговорил с Лоссовом и Каром и помог мирному урегулированию вопроса на почетных условиях. С этой деликатной миссией в замок Виттельсбахов, расположенный под Берхтесгаденом, отправили на рассвете лейтенанта Нейнцерта, друга Гитлера и Рупрехта. Не найдя машины, лейтенант вынужден был дожидаться поезда и добрался к месту назначения только после полудня. К этому моменту события приняли такой оборот, которого не ожидали ни Гитлер, ни Людендорф.

Гитлер планировал путч, а не гражданскую войну. Несмотря на сильное возбуждение, он в достаточной степени контролировал себя, чтобы понять, что у него нет сил справиться с полицией и армией. Он хотел делать революцию вместе с армией, а не против нее. Хотя Гитлер и предстал кровожадным в своих последних выступлениях и в эпизоде, когда угрожал баварской тройке револьвером, его отпугивала мысль, что люди, объединенные ненавистью к республике, начнут пускать кровь друг другу.

Такой же позиции придерживался и Людендорф. Своей жене генерал рассказывал, что с удовольствием вздернул бы президента Эберта и компанию и наблюдал бы, как они будут болтаться на виселице. Однако он был против того, чтобы убивать полицейских и солдат, которые, по крайней мере в Мюнхене, верили, как и он, в национальную контрреволюцию.

Людендорф предложил отчаявшемуся молодому главарю нацистской партии свой собственный план, который позволил бы им добиться победы и в то же время избежать кровопролития. Он был уверен, что германские солдаты и даже германские полицейские, в прошлом в основном солдаты, никогда не посмеют открыть огонь по легендарному командиру, которому они обязаны крупными победами как на восточном, так и на западном фронте. При поддержке сторонников они с Гитлером направятся в центр города и займут его. Людендорф считал, что полиция и армия не станут оказывать сопротивления, перейдут на его сторону и будут выполнять его приказы.

Хотя Гитлер несколько скептически оценивал план генерала, он дал согласие на его осуществление. Очевидно, другого выхода не было. Кронпринц, как отметил Гитлер, так и не откликнулся на его просьбу выступить в качестве посредника.

Около одиннадцати часов утра 9 ноября, в день провозглашения Германской республики, Гитлер и Людендорф вывели трехтысячную колонну штурмовиков из парка в районе «Бюргербройкеллер» и направили ее в центр Мюнхена. Рядом с ними в первом ряду маршировали руководитель СА Геринг, Шейбнер-Рихтер, Розенберг, телохранитель Гитлера Ульрих Граф и с десяток других нацистских вожаков и главарей «Немецкого союза борьбы». Впереди колонны развевались знамя со свастикой и знамя «Бунд Оберланд».

Чуть поодаль от первых рядов демонстрантов двигался грузовик с пулеметчиками. Штурмовики несли на плече карабины с примкнутыми штыками. Гитлер размахивал револьвером. Войско, безусловно, было не самым грозным, но Людендорф, имевший большой опыт командования миллионами отборных германских частей, видимо, считал, что для выполнения его плана этого вполне достаточно.

Пройдя несколько сот метров, бунтовщики встретили на своем пути первое препятствие. На мосту Людвига, проложенном через Реку Изар, который вел в центр города, дорогу им преградил отряд вооруженной полиции. Геринг устремился вперед и, обращаясь к начальнику полицейского отряда, стал угрожать расстрелом заложников, которые, по его словам, находились в хвосте колонны, если полицейские откроют огонь по его людям. В течение ночи Гессу с подручным удалось захватить на всякий случай нескольких заложников, в том числе двух членов правительства. Начальник полицейского отряда, вероятно, поверил Герингу и пропустил колонну через мост.

На Мариенплац колонна нацистов наткнулась на большую толпу, слушавшую разглагольствования Юлиуса Штрейхера — ярого антисемита из Нюрнберга, который направился в Мюнхен, как только услышал о путче. Не желая оставаться в стороне от революции, он быстро закончил свою речь и присоединился к бунтовщикам, встав в колонну за Гитлером.

После полудня демонстранты достигли своей цели — здания министерства обороны, где Рема и его штурмовиков окружали солдаты рейхсвера. До сих пор ни осаждавшие, ни осажденные не произвели ни единого выстрела. Рем и его люди служили в прошлом в армии, и многие из их боевых товарищей находились по другую сторону колючей проволоки. Ни у кого не было желания прибегать к кровопролитию.

Чтобы добраться до здания министерства обороны и освободить Рема, Гитлер и Людендорф повели колонну по узкой улице Резиденцштрассе, которая сразу за Фельдхернхалле, выходила на просторную площадь Одеонплац. В конце улицы путь им преградил отряд полицейских численностью около ста человек, вооруженных карабинами. Полицейские заняли выгодную позицию и на этот раз не были намерены уступать.

Нацисты вновь попытались добиться своего уговорами. Телохранитель Гитлера Ульрих Граф сделал шаг вперед и прокричал начальнику полицейского отряда:

? Не стреляйте! Идет его превосходительство Людендорф! Даже в этот критический момент германский революционер, в прошлом борец-любитель и профессиональный вышибала, не забыл назвать дворянский титул знаменитого военачальника. Гитлер тоже не молчал.

? Сдавайтесь! Сдавайтесь! — призывал он.

Однако неизвестный полицейский офицер и не думал сдаваться. Имя Людендорфа, по всей вероятности, не произвело на него магического действия: он служил в полиции, а не в армии.

Какая из сторон выстрелила первой — впоследствии так и не было установлено. Каждая обвиняла противников. Один из свидетелей утверждал, что первым выстрелил из своего револьвера Гитлер, другой считал, что это был Штрейхер. Многие нацисты позднее уверяли автора данной книги, что именно этот поступок побудил их стать сторонниками Гитлера[27] .

Так или иначе, выстрел был сделан, и сразу вспыхнула перестрелка и надежды Гитлера вмиг развеялись. Упал на мостовую смертельно раненный Шейбнер-Рихтер. Геринг получил серьезную рану в бедро. Через минуту пальба прекратилась, но мостовую усеяли тела — шестнадцать нацистов и трое полицейских были убиты и смертельно ранены, насчитывалось много раненых, остальные, включая самого Гитлера, спасая собственную жизнь, припали к мостовой.

Но один человек являлся исключением, и если бы его примеру последовали другие, все могло бы сложиться по-иному. Генерал Людендорф не бросился на землю. Он гордо выпрямился, как предписывали лучшие военные традиции, а затем вместе со своим адъютантом майором Штреком спокойно прошел под дулами винтовок полицейских на Одеонплац. Людендорф, видимо, производил впечатление одинокого странника, потому что никто из нацистов не последовал за ним, даже их вожак Адольф Гитлер.

Будущий канцлер третьего рейха первым попытался скрыться. Когда колонна приближалась к полицейскому кордону, Гитлер левой рукой сжимал правую руку Шейбнера-Рихтера (несколько странный, однако показательный жест), и когда тот упал, то потянул за собой и фюрера. Гитлер, очевидно, считал, что ранен: он почувствовал резкую боль, как потом выяснилось, из-за того, что вывихнул плечо. Но факт остается фактом, по свидетельству одного из нацистов, находившегося в колонне, доктора Вальтера Шульца, и по свидетельству некоторых других очевидцев, Гитлер «первым вскочил и бросился наутек», оставив на улице убитых и раненых товарищей. Он прыгнул в ожидавшую его машину и помчался в загородный дом семьи Ханфштенгль в Уффинге, где жена хозяина и его сестра ухаживали за Гитлером до его ареста, который был произведен спустя два дня.

Людендорфа арестовали на месте событий. Он презирал бунтовщиков, у которых не хватило мужества пойти за ним, а разочарование в военных, не вставших на его сторону, было столь велико, что генерал поклялся впредь никогда не отвечать на приветствие германских офицеров и никогда не носить военную форму.

Раненому Герингу первую помощь оказал еврей — владелец расположенного поблизости банка, куда его отнесли. Затем жена переправила его через австрийскую границу и поместила в госпиталь в Инсбруке. Гесс также бежал в Австрию. Рем сдался в здании министерства обороны спустя два часа после поражения у Фельдхернхалле.

В течение нескольких дней все главари бунтовщиков, за исключением Геринга и Гесса, были задержаны и посажены в тюрьму. Нацистский путч потерпел

фиаско. Партию распустили. Национализму, судя по всему, пришел конец. Властолюбивый главарь движения, бросившийся бежать при первых же выстрелах, казалось, полностью дискредитировал себя, а его сногсшибательная карьера завершилась.

Суд за измену

Однако, как показали последующие события, карьера Гитлера просто прервалась, причем ненадолго. Гитлер обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что данный процесс отнюдь не положит конец его карьере, а предоставит ему платформу, с которой он сможет не только развенчать скомпрометированные органы власти, арестовавшие его, но и — что еще важнее прославить свое имя далеко за пределами Баварии, а практически и самой Германии.

Гитлеру было хорошо известно, что зарубежные корреспонденты а также журналисты ведущих германских газет съехались в Мюнхен, чтобы освещать судебный процесс, который начался 26 февраля 1924 года. Специальное судебное разбирательство проходило в здании старого пехотного училища на Блютенбургштрассе.

Когда судебный процесс через двадцать четыре дня закончился, Гитлеру удалось обратить поражение в победу и перед лицом общественности переложить вину на Кара, Лоссова и Сейсера. Гитлер поражал немцев своим красноречием и страстной верой в национализм, его фамилия не сходила со страниц газет всего мира.

Хотя Людендорф был, очевидно, самым известным из десяти подсудимых, Гитлеру сразу удалось привлечь к себе всеобщее внимание. До самого конца процесса он занимал в зале суда доминирующее положение. Франц Гюртнер, баварский министр юстиции, старый друг и покровитель нацистского главаря, позаботился о том, чтобы судебные чиновники относились к его выходкам снисходительно. Гитлеру разрешалось прерывать выступающих так часто, как он того хотел, вести перекрестный допрос свидетелей и выступать в любое время и как угодно долго. Его вступительная речь продолжалась четыре часа, но это было лишь начало его длительных разглагольствований.

Гитлер не был намерен, как он утверждал впоследствии, повторять ошибки тех, кто в ходе судебного процесса по делу о Капповском путче заявляли, что «они ничего не знали и ничего не хотели предпринять. Это и погубило мир буржуазии — отсутствие мужества отстоять свои действия… сказать судье: «Да, мы хотели именно этого — хотели уничтожить государство».

Теперь же, выступая перед судьями и представителями мировой прессы, Гитлер провозглашал:

? Я один несу за все ответственность. Но это вовсе не означает, что я преступник. Если меня судят здесь как революционера, то я и являюсь революционером, борющимся против революции 1918 года. А по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене.

В противном случае тройка, возглавляющая правительство, армию и полицию Баварии и готовившая вместе с ним, Гитлером, заговор против национального правительства, виновна в не меньшей степени, чем он, и должна находиться рядом с ним на скамье подсудимых, а не выступать в качестве главных свидетелей обвинения. Довольно ловко Гитлер направил обвинение против членов триумвирата, которые, чувствуя вину, держались неуверенно.

«Одно доподлинно известно: Лоссов, Кар и Сейсер преследовали же цели, что и мы, — покончить с правительством рейха… Если наши действия классифицировать как государственную измену, сие означает, что все это время Лоссов, Кар и Сейсер вместе с нами совершали государственную измену, поскольку в течение прошедших недель мы ни о чем другом не говорили, кроме как о выполнении тех поставленных задач, в которых нас теперь обвиняют».

Тройка вряд ли могла опровергнуть это утверждение, потому что так оно и было на самом деле. Кар и Сейсер не смогли парировать язвительных нападок Гитлера. Лишь генерал фон Лоссов стойко защищался.

? Я не был их подручным, — заявил он в суде. — Я занимал высокий государственный пост.

Затем генерал с презрением, на какое только был способен кадровый военный, обрушился на бывшего ефрейтора, этого безработного выскочку, чьи далеко идущие амбициозные планы привели к тому, что он попытался диктовать свои условия армии и государству. «До чего докатился этот беспринципный демагог, — возмущался генерал, — хотя не так давно он заявлял, что хотел бы быть «барабанщиком» патриотического движения».

Барабанщиком? Гитлер знал, что ответить на это.

«Сколь низменны мысли маленьких людей! Поверьте, я не рассматриваю получение министерского портфеля как нечто желанное. Я не считаю достойным великого деятеля пытаться войти в историю, став каким-то министром. Существует опасность быть захороненным рядом с другими министрами. С самого начала моя цель в тысячу раз превосходила желание сделаться просто министром. Я хотел стать искоренителем марксизма. Я намерен достичь этой цели, и, если я добьюсь ее, должность министра применительно ко мне будет нелепой».

В качестве примера Гитлер сослался на Вагнера:

«Когда я впервые стоял у могилы Рихарда Вагнера, мое сердце переполняла гордость за человека, который запретил делать на своем надгробии какие-либо надписи в духе «Здесь покоится тайный советник, дирижер, его превосходительство барон Рихард фон Вагнер». Я буду горд тем, что это имя, как и многие другие, вошло в историю без титулов. Я хотел стать барабанщиком в те дни не из скромности. В этом было мое высочайшее предназначение, остальное не имело смысла».

Гитлера обвиняли в том, что он из барабанщика хотел сразу делаться диктатором. Он этого и не отрицал. Так распорядилась Судьба.

«Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им! — Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам!. — Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему браться за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбами народа, не вправе говорить: «Если вы позовете меня, я буду с вами». Нет! Долг его в том, чтобы самостоятельно сделать первый шаг».

Несмотря на то что Гитлеру грозило длительное тюремное заключение за государственную измену, его уверенность в себе, в призвании «вершить судьбами народа» оставалась непреклонной. В ожидании судебного процесса Гитлер проанализировал причины поражения путча и поклялся, что в будущем не допустит подобных ошибок. Вспоминая об этом тринадцать лет спустя, когда он добился цели, Гитлер говорил своим старым соратникам, собравшимся в «Бюргер-бройкеллер», чтобы отметить годовщину путча:

«Я твердо могу сказать, что это было самое поспешное решение, принятое мною в жизни. Когда я сегодня думаю о случившемся, у меня голова идет кругом… Если взглянуть на отряды, маршировавшие в 1923 году, с нынешних позиций, вы бы спросили: «Из какой исправительной тюрьмы они сбежали?..»

Однако судьба отнеслась к нам благосклонно. Она не позволила увенчаться успехом нашему начинанию, которое в случае победы в конце концов неизбежно провалилось бы из-за внутренней незрелости нашего движения тех дней и его слабой организации и идеологической платформы… Мы признали, что недостаточно свергнуть старое государство, необходимо предварительно подготовить создание государства нового, которое могло бы взять власть…

В 1933 году вопрос заключался уже не в насильственном свержении государства; к тому времени было создано новое государство, и надо было лишь разрушить то, что оставалось от старого строя. На это потребовалось всего несколько часов».

В ходе судебного процесса, полемизируя с судьями и обвинителями, Гитлер воображал, как надо строить новое нацистское государство. Прежде всего необходимо, чтобы на этот раз германская армия была заодно с ними, а не против. В своей заключительной речи Гитлер постарался обыграть идею примирения с вооруженными силами, ни словом не упрекнув военных.

«Я верю, что придет час, когда люди, стоящие сегодня на улице под нашим знаменем со свастикой, объединятся с теми, кто стрелял в них… Когда я узнал о том, что в нас стреляли «зеленые» полицейские, я с удовлетворением отметил, что кровью запятнали себя не вооруженные силы рейхсвера. Честь рейхсвера безупречна, как и прежде. Однако пробьет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону».

Предсказание было довольно верным, но в этот момент Гитлера прервал председатель суда:

? Господин Гитлер, вы утверждаете, что «зеленая» полиция запятнала себя. Я возражаю.

Подсудимый не обратил ни малейшего внимания на это замечание. Заключительную речь, которую собравшиеся слушали затаив дыхание, Гитлер закончил такими словами:

«Созданная нами армия растет изо дня в день… Я с гордостью надеждой вынашиваю планы, что наступит час, когда эти, еще и несформированные роты станут батальонами, батальоны — полками, н полки — дивизиями, когда старые кокарды извлекут из грязи и старые знамена будут развеваться на ветру, тогда и произойдет примирение наших рядов на фоне посланного нам всевышним последнего испытания, которое мы с готовностью встретим».

Обратив свой горячечный взор на судей, Гитлер заявил:

«Господа, не вам предстоит вынести нам приговор. Этот вердикт вынесет вечный суд истории. Приговор, который вынесете вы, мне известен. Однако тот, другой суд не будет задавать нам вопросов: совершили вы государственную измену или нет? Тот суд будет судить нас, генерал-квартирмейстера старой армии[28], его офицеров и солдат как немцев, которые желали только блага своему народу и отечеству, хотели сражаться и умереть. Вы вправе признать нас тысячу раз виновными, однако богиня вечного суда истории лишь улыбнется и в клочья разорвет постановление государственного прокурора и решение вашего суда. Она оправдает нас».

Однако решения — их трудно назвать приговором — судей, вершивших в то время правосудие, по мнению Конрада Хайдена, мало чем отличались от вердикта истории. Людендорфа оправдали. Гитлера и других подсудимых признали виновными. Но, несмотря на положение закона (статья 81 Уголовного кодекса Германии, в которой говорилось, что «любое лицо, пытающееся силой изменить конституцию германского рейха или одной из земель Германии, наказуемо и приговаривается к пожизненному заключению»), Гитлера приговорили к пяти годам лишения свободы в старой крепости Ландсберг.

Даже неопытные судьи возражали против суровости данного приговора, но председательствующий заверил их в том, что узника освободят на поруки после того, как он отбудет в крепости шесть месяцев. Попытки полиции добиться депортации Гитлера как иностранца — он по-прежнему имел австрийское гражданство — ни к чему не привели. Решение суда было вынесено 1 апреля 1924 года. А через девять месяцев, 20 декабря, Гитлера выпустили из тюрьмы и он смог возобновить борьбу за свержение демократического строя. Наказание за государственную измену, если речь шла о крайне правых, не являлось чрезмерно строгим, несмотря на положения закона, и это понимали многие враги республики.

Благодаря путчу, хотя он и потерпел фиаско, Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел патриотом и героем. Нацистская пропаганда вскоре заговорила о путче как о великом этапе развития нацистского движения. Ежегодно после прихода к власти, даже после начала второй мировой войны, фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед старыми борцами, то есть теми, кто бросился вслед за ним в авантюру, обернувшуюся позднее ужасной катастрофой. В 1935 году Гитлер, будучи уже рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить их в саркофаги в Фельдхерн-халле,

ставшем национальной святыней. Открывая этот мемориал Гитлер сказал: «Отныне они обрели бессмертие… Они олицетворяют Германию и стоят на страже нашего народа. Они покоятся здесь как истинные рыцари нашего движения».

Фюрер не вспомнил, и никто из присутствующих, видимо, не захотел вспоминать о том, что именно этих боевых товарищей Гитлер оставил умирать на улице, в то время как сам поднялся с тротуара и предпочел спастись бегством.

Летом 1924 года в старой крепости Ландсберг, расположенной в верховьях реки Лех, Адольф Гитлер, с которым обходились как с почетным гостем, предоставив ему отдельную комнату с прекрасным видом, освободившись от многочисленных посетителей, приходивших выразить ему свое почтение и преподнести подарки, вызвал к себе преданного Рудольфа Гесса, вернувшегося наконец в Мюнхен и получившего срок, и начал диктовать ему главы своей книги[29].

ВОЗЗРЕНИЯ ГИТЛЕРА И ИСТОКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и трусостью», но Макс Аманн, практичный директор нацистского издательства, который должен был издавать ее, возражал против столь тяжеловесного и малопривлекательного заголовка и урезал его. Книга получила название «Моя борьба» («Майн кампф»). Содержание ее разочаровало Аманна: он надеялся заполучить страстную исповедь Гитлера, где описывалось бы, как он из безвестного венского «рабочего» превратился в известную всему миру фигуру. Как уже отмечалось, в книге немного автобиографического материала.

Нацистский издатель рассчитывал также на то, что Гитлер даст свою трактовку «пивного путча», драматизм и двойственность которого, по его убеждению, заинтересовали бы читателя. Однако Гитлер в этом вопросе проявил чрезмерную осторожность и не стал ворошить прошлое в тот момент, когда влияние партии упало.[30]

Поэтому в «Майн кампф» практически не упоминается о неудачном путче.

Первый том «Майн кампф» был опубликован осенью 1925 года. Книга объемом четыреста страниц стоила двенадцать марок (или три доллара) — почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Она не сразу стала бестселлером. Аманн, правда, хвастался, что в первый год после выхода книги в свет было подано 23 тысячи экземпляров и что в последующие годы доходы возросли. Однако данное заявление было воспринято в антинацистских кругах скептически.

На основании захваченной союзниками в 1945 году документации о выплате гонораров нацистским издательством «Эйер ферлаг» можно привести

фактические данные о продаже «Майн кампф». В 1925 году было продано 9 тысяч 473 экземпляра, затем в течение трех лет количество проданных книг ежегодно сокращалось. В 1926 году оно упало до 6 тысяч 913 экземпляров, в 1927 году до 5 тысяч 607, а в 1928 году составило лишь 3 тысячи 15 экземпляров, учитывая оба тома. В 1929 году число проданных книг несколько возросло — до 7 тысяч 664 экземпляров. С увеличением фондов нацистской партии в 1930 году, когда на прилавках появилось недорогое однотомное издание «Майн кампф» за восемь марок, продажа книг возросла до 54 тысяч 86 экземпляров. На следующий год количество проданных книг несколько сократилось (50 тысяч 807) и в 1932 году достигло 90 тысяч 351 экземпляра.

Гонорары Гитлера — основной источник его доходов — начиная с 1925 года и во все последующие годы составляли значительную сумму, если учесть средние ставки за эти семь лет. Однако их трудно сравнивать с гонорарами, полученными в 1933 году, когда Гитлер стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров «Майн кампф», и доходы фюрера от гонораров, которые с 1 января 1933 года возросли с 10 до 15 процентов, превысили миллион марок (примерно 300 тысяч долларов). Гитлер сделался самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером[31].

За исключением Библии, ни одна книга не продавалась в таких количествах в период нацистского правления, когда немногие семьи чувствовали себя в безопасности, не выставив книгу на почетное место у себя в доме. Считалось почти обязательным — и, безусловно, разумным — дарить «Майн кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьнику по окончании школы любого профиля. К 1940 году, спустя год после начала второй мировой войны, в Германии было продано 6 миллионов экземпляров этой нацистской библии.

Вовсе не обязательно, что каждый немец, купивший «Майн кампф», прочел ее. Я слышал от многих убежденных нацистов, что им было трудно читать эту книгу, и не так уж мало немцев в частной беседе признавались, что не смогли осилить до конца высокопарный опус в 782 страницы. Можно, по всей вероятности, утверждать что если бы большее число немцев, не являвшихся членами нацистской партии, прочли эту книгу до 1933 года и если бы государственные деятели разных стран внимательно изучили ее, пока еще не было поздно, то и Германию, и весь мир удалось бы спасти от катастрофы.

Какие бы обвинения ни предъявлялись Адольфу Гитлеру, никто не может обвинить его в том, что он не описал подробно ту Германию, которую намеревался создать в случае прихода к власти и тот мировой порядок, который собирался установить благодаря завоеваниям германской армии. Наметки третьего рейха, более того варварского «нового порядка», насаждаемого Гитлером в покоренной Европе в годы его триумфа со всей вопиющей жестокостью, пространно и подробно излагаются на страницах этой откровенной книги.

Как отмечалось ранее, основные воззрения сформировались у Гитлера в двадцатилетнем возрасте в Вене, и впоследствии, как он сам признавался, ему не пришлось многому учиться и коренным образом менять что-либо.

Когда в 1913 году Гитлер в возрасте 24 лет уехал из Австрии в Германию, он испытывал страстное влечение к германскому национализму и ненависть к

демократии, марксизму и евреям; он был убежден, что само провидение избрало арийцев, прежде всего немцев, высшей расой.

В «Майн кампф» Гитлер изложил свои взгляды применительно к конкретной проблеме — возвращение побежденной и расчлененной Германии места под солнцем, какое ей не доводилось занимать во все предшествующие периоды своей истории, и создание государства нового типа. Такое государство, по мнению Гитлера, должно зиждиться на расовом принципе и объединять всех немцев, в том числе проживающих за пределами рейха, устанавливать диктаторскую власть фюрера, то есть власть самого Гитлера, подкрепляя ее системой руководителей меньшего ранга, получающих распоряжения сверху и передающих их низшему звену.

В книге, таким образом, во-первых, даются наметки будущего германского государства и методы, благодаря которым оно в один прекрасный день станет «хозяином всей земли», как пишет об этом автор на последней странице; во-вторых, излагаются взгляды, жизненная концепция, Weltanschanung (мировоззрение), если пользоваться любимым выражением Гитлера.

Разумеется, любой нормальный человек XX века воспримет такой взгляд на мир как нелепую мешанину, состряпанную неискушенным, необразованным неврастеником. Но важно отметить, что данное мировоззрение было фанатично подхвачено миллионами немцев и привело страну к полному краху. В нем кроется также причина гибели миллионов ни в чем не повинных, порядочных людей как в самой Германии, так и за ее пределами.

Каким же образом новому рейху предстояло восстановить свое сложение мировой державы и затем покорить мир? Гитлер размышляет над этим вопросом в первом томе «Майн кампф», большая часть которого была написана им в крепости в 1924 году, а затем довольно подробно останавливается на данных проблемах во втором томе, законченном в 1926 году.

Прежде всего, полагал Гитлер, необходимо свести счеты с Францией «этим безжалостным, смертельным врагом немецкого народа». Франция, по мнению Гитлера, всегда видит свою задачу в том, чтобы расчленить и расшатать Германию, разбить ее на отдельные мелкие земли. Это настолько очевидно, добавлял он, что «если бы я был французом… я не мог бы и не хотел поступить иначе, чем Клемансо». Таким образом, надлежало «энергично и окончательно рассчитаться с Францией… провести последний решающий бой… только тогда мы сможем положить конец этой вечной и в сущности такой бесплодной борьбе между нами и Францией, разумеется, допуская, что Германия фактически рассматривает поражение Франции лишь в качестве одного из средств, с помощью которого немецкий народ впоследствии сможет значительно расширить владения в других районах».

Расширить владения в других районах? Где? Таким образом Гитлер вплотную подходит к главной концепции внешней политики Германии, которую столь добросовестно проводил в жизнь, став правителем рейха.

«Германия, — откровенно заявлял он, — должна увеличить свою территорию на Востоке — в основном за счет России».

В первом томе «Майн кампф» Гитлер много внимания уделил рассмотрению вопроса о жизненном пространстве. Данная тема занимала его до самых

последних дней. Империя Гогенцоллернов, по его убеждению, допустила ошибку, стремясь завоевать колонии в Африке: «Территориальную политику нельзя проводить за счет разных камерунов, в настоящее время она должна решаться главным образом в Европе». Однако все земли в Европе к тому моменту были уже заняты. Верно, признавал Гитлер, однако природа не зарезервировала эти земли для будущего владения какой-либо определенной нацией или расой; напротив, эти земли предназначаются тому народу, который сможет захватить их силой.

А что делать, если возражают нынешние владельцы? Тогда вступает в силу закон самосохранения: чего нельзя достичь мирным путем, надо получить с помощью кулаков.

Объясняя недальновидность предвоенной внешней политики Германии, Гитлер заявлял, что приобретение новых земель «возможно лишь на Востоке… Желание получить земли в Европе может быть реализовано главным образом за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насущный для нации».

Словно усомнившись, что недостаточно четко изложил свои мысли в первом томе, Гитлер возвращается к этому вопросу в томе втором:

«Лишь достаточно большое пространство на земле предоставляет и нации свободу существования… Невзирая на «традиции» и предрассудки, национал-социалистское движение должно найти в себе мужество объединить наш народ и свои силы для продвижения по пути, который поможет вывести нацию из существующих ограниченных рамок жизненного пространства на новые просторы и земли… Национал-социалистское движение должно стремиться покончить с диспропорцией между численностью нашего населения и нашей территорией, рассматривая последнюю в качестве источника пропитания и основы для политики с позиции силы… Нам надо неуклонно придерживаться нашей цели… чтобы обеспечить германский народ жизненным пространством и землей, на что он имеет полное право».

На какое, собственно, пространство мог претендовать германский народ? Гитлер презрительно отмечал, что буржуазия, «которая полностью лишена творческого политического видения будущего», разглагольствовала о восстановлении Германии в границах 1914 года.

«Требование о восстановлении границ 1914 года — это политический абсурд таких размеров, последствия которого делают его равным преступлению. Данное требование совершенно не учитывает того факта, что границы рейха 1914 года отнюдь не соответствовали исторической логике. В действительности они не могли считаться ни всеобъемлющими с точки зрения объединения немецкой нации, ни разумными с позиций военной целесообразности. Границы не являлись результатом взвешенных политических актов, а сложились на момент политической борьбы, которая далеко не окончена… С не меньшим, а во многих случаях и с большим основанием в качестве примера можно взять любой другой год в истории Германии и провозгласить восстановление границ того времени целью внешней политики».

«Исходный год» Гитлера относится к XIII веку, когда германцы оттеснили славян на восток. Подобное продвижение на восток следовало возобновить.

«В настоящее время в Европе проживает восемьдесят миллионов немцев! Текущую внешнеполитическую деятельность можно признать правильной лишь в том случае, если через сто лет на земле будут проживать двести пятьдесят миллионов немцев».

Все они будут жить в новых границах большого рейха. Очевидно, каким-то народам придется потесниться, чтобы разместить так много немцев. Что это за народы?

«Таким образом, мы, национал-социалисты… начинаем там, где закончили битву шесть веков назад. Мы приостановим бесконечную миграцию немцев на юг и запад и обратим наш взор на земли, расположенные на востоке.

Говоря сегодня о жизненном пространстве в Европе, мы в основном можем иметь в виду лишь Россию и ее вассальные пограничные государства».

Судьба, как отмечал Гитлер, в данном случае благосклонна к Германии. Россия оказалась в руках большевиков, что, по его словам, фактически означало ее передачу евреям. «Огромная империя на Востоке, — ликовал Гитлер, — близка к краху. Свержение еврейского правления в России положит в свою очередь конец России как государству».

Обширные степи на Востоке, подчеркивал Гитлер, можно захватить сравнительно легко после поражения России, которое немцам будет стоить не так много крови.

Мог ли кто-либо утверждать, что эти наметки будущих планов Гитлера не отличались ясностью и точностью? Франция будет сокрушена, однако это имеет второстепенное значение по сравнению с устремлением Германии на Восток. В первую очередь будут захвачены земли на Востоке, непосредственно прилегающие к Германии, где преобладало немецкое население. Какие земли имелись в виду? Разумеется, Австрия, Судетская область в Чехословакии и западная часть Польши, включая Данциг. После этого настанет черед и самой России.

Почему же все в мире были так удивлены, когда рейхсканцлер Гитлер спустя несколько лет приступил к осуществлению этих задач?

Идеи Гитлера, изложенные в «Майн кампф», относительно структуры будущего нацистского государства носят менее конкретный характер. Он достаточно ясно дал понять: в будущем нет места для разной «демократической чепухи» и третий рейх будет руководствоваться принципом фюрера, что означало установление диктатуры. В книге Гитлера почти ничего не сказано об экономике. Она нагоняла на Гитлера тоску, и он никогда не пытался углубить свои познания в этой области, ограничиваясь лишь обыгрыванием сумасбродных идей чудаковатого Готфрида Федера, выступавшего против «принудительного налогообложения».

Гитлера интересовала лишь политическая власть. Экономика сама о себе как-нибудь позаботится.

«Государство не имеет ничего общего с конкретной экономической концепцией или развитием… Государство является расовым организмом, а не

экономической организацией… Внутренняя сила государства лишь в редких случаях совпадает с так называемым экономическим процветанием; последнее, как свидетельствуют бесчисленные примеры, очевидно, указывает на приближающийся крах государства… Пруссия с исключительной наглядностью подтверждает, что не материальные средства, а лишь идейные ценности позволяют создать государство. Только при их наличии может благоприятно развиваться экономическая жизнь. Всегда, когда в Германии отмечался политический подъем, экономические условия начинали улучшаться, и всегда, когда экономические условия становились первостепенной заботой народа, а идейные ценности отходили на второй план, государство разваливалось и вскоре возникали экономические трудности… До сих пор никогда в основе государства не лежали мирные экономические средства…»

Поэтому, заявил Гитлер, выступая в 1923 году в Мюнхене «никакая экономическая политика невозможна без меча, никакая индустриализация невозможна без применения силы».

Не считая этих туманных, незрелых философских воззрений и отдельных ссылок в «Майн кампф» на «экономические палаты» «палаты землевладельцев» и «центральный экономический парламент», которые «позволят функционировать национальной экономике», Гитлер воздерживается от высказываний относительно экономических основ третьего рейха.

Несмотря на то что нацистская партия провозглашалась «социалистской», Гитлер еще более туманно писал о «социализме», каким он представлял его себе в новой Германии. И это неудивительно если учесть данное Гитлером определение «социалиста» в выступлении 28 июля 1922 года:

«Тот, кто готов рассматривать цели нации как свои собственные в той мере, когда для него нет более высокого идеала, чем благосостояние нации; тот, кто понимает наш государственный гимн «Германия превыше всего» в том смысле, что для него нет в мире ничего выше его Германии, народа и земли, тот является социалистом».

Значительная помощь по редактированию и даже доработке текста со стороны не менее трех советников отнюдь не исключала того, что Гитлер перескакивал в «Майн кампф» с одного вопроса на другой. Рудольф Гесс, который записал большую часть книги под диктовку сначала в тюрьме крепости Ландсберг, а затем в «Хаус Вахенфельде» под Берхтесгаденом, делал все возможное, чтобы улучшить рукопись, но был не в состоянии противостоять фюреру. Больше повезло в этом отношении отцу Бернхарду Штемпфле, бывшему члену ордена Святого Иеронима, журналисту-антисемиту, пользовавшемуся дурной славой в Баварии. Этот странный священнослужитель, о котором мы расскажем позднее, исправил грамматические ошибки, допущенные Гитлером, отредактировал рукопись и убрал отдельные места, убедив автора, что они нежелательны с политической точки зрения. Третьим советником был Йозеф Черны, чех по происхождению, сотрудник нацистской газеты «Фелькишер беобахтер», чья поэзия, направленная против евреев, привлекала Гитлера. Черны оказался полезен в редактировании первого тома «Майн кампф» для второго издания, в котором были сняты или изменены некоторые щекотливые выражения и фразы, внимательно работал он и с корректурой второго тома «Майн кампф».

Тем не менее в книге осталось немало пространных отступлений. Гитлер настаивал на импровизационном изложении своих мыслей практически по любому вопросу, включая культуру, образование, театр, кино, сатиру, искусство, литературу, историю, секс, семью, проституцию и сифилис.

Так, проблеме сифилиса Гитлер посвятил десять напыщенных страниц, провозгласив, что главной задачей партии, а не просто одной из задач, является искоренение его. Для борьбы с этой страшной болезнью Гитлер потребовал мобилизации всех пропагандистских ресурсов страны. «Все, говорил Гитлер, — зависит от решения этого вопроса». Он подчеркивал, что проблема сифилиса и проституции может быть решена путем упрощения процедуры вступления в брак в более раннем возрасте. При этом Гитлер предвосхищает евгенику третьего рейха, уповая на то, что «семья не является самоцелью, а служит более высокой задаче: увеличению и сохранению человеческого рода и расы. Именно в этом состоит смысл семьи и ее задача».

Ссылки на сохранение рода человеческого и расы в «Майн кампф» подводят нас к рассмотрению второй основополагающей концепции — мировоззрения Гитлера, которое многие историки, особенно в Англии, считали примитивной формой дарвинизма. На самом же деле, как мы убедимся, истоки его коренятся в истории и философии Германии. Подобно Дарвину, но как и многие немецкие философы, историки, короли, генералы и государственные деятели, Гитлер рассматривал жизнь как вечную борьбу, а мир — как джунгли, где выживает самый выносливый и правит самый сильный, «где одно существо кормится за счет другого и где гибель более слабого предполагает выживание более сильного».

«Майн кампф» изобилует высказываниями подобного рода: «В конечном счете верх может одержать лишь жажда самосохранения… Человечество достигло своего величия в вечной борьбе, а погибнет от вечного мира… Природа… создает живые существа на земле и наблюдает за произвольной силовой игрой. Затем вверяет бразды правления своему любимому дитяти, самому сильному, мужественному и трудолюбивому… Сильнейший занимает господствующее положение и не допускает смешения с более слабым, что может повредить его собственному величию. Только слабый от рождения считает такой подход жестоким…»

По мнению Гитлера, сохранение культуры «обусловлено строгим законом необходимости, право на победу имеют самые лучшие и самые сильные мира сего. Пусть те, кто хочет жить, вступают в борьбу, а те, кто не хочет бороться в этом мире вечной борьбы, не заслуживают права на жизнь. Хотя это жестоко, но это жизнь!»

А кто же это «любимое дитя природы, самое сильное, мужественное и трудолюбивое», которому провидение вверило «бразды правления»? Арийцы. Тут мы подходим к самой сути нацистской идеи о расовом превосходстве, нашедшей отражение в «Майн кампф», к концепции о высшей расе, на которой основывался третий рейх и «новый порядок» Гитлера в Европе.

«Вся человеческая культура, все достижения искусства, науки и техники, свидетелями которых мы сегодня являемся, почти исключительно — плоды творчества арийцев. Один лишь этот факт вполне (Обоснованно подтверждает вывод о том, что именно ариец — родоначальник высшего гуманизма, а

следовательно, и прообраз всего того, что мы понимаем под словом «человек». Он — Прометей человечества, со светлого чела которого во все времена слетали искры гениальности, всегда заново разжигающие огонь знаний, освещающий мглу мрачного невежества, что позволило человеку возвыситься над всеми другими существами Земли. Именно он заложил основы и воздвиг стены всех великих сооружений человеческой культуры»

Каким же образом ариец достиг столь многого и добился такого превосходства? Гитлер ответил на этот вопрос следующим образом: растоптав других. Подобно многим немецким мыслителям XIX века Гитлер упивался садизмом (и его противоположностью — мазохизмом), который всегда был довольно труден для понимания иностранным исследователям, занимающимся изучением немецкого духа.

«Следовательно, для формирования более высоких культур одной из самых главных предпосылок является наличие людей низшего типа… Несомненно, первые человеческие цивилизации в меньшей степени основывались на укрощении животных, нежели на использовании человеческих существ низшего типа. Только после порабощения низших рас та же участь постигла животных. Поэтому вначале в плуг впрягли поверженного противника, а потом уже лошадь. Таким образом, неудивительно, что первые культуры возникали там, где арийцы, сталкиваясь с людьми низшего типа, покоряли и подчиняли их своей воле… До тех пор пока ариец будет сохранять господствующее положение, он останется не только властелином, но и хранителем и созидателем культуры».

Затем в историческом развитии общества произошли изменения, о которых Гитлер счел нужным предупредить германцев.

«По мере того как покоренные народы поднимали голову и достигали уровня своих поработителей (на том этапе, видимо, переняв их язык), грань между хозяином и слугой стала стираться».

Но то, что они овладели языком господина, было еще не самое худшее.

«Ариец перестал следить за чистотой своей крови и тем самым лишился рая, который для себя создал. Ариец погряз в кровосмешении с другими расами и постепенно потерял свои творческие задатки».

По мнению молодого нацистского главаря, именно в этом заключалась кардинальная ошибка.

«Кровосмешение и соответствующее понижение расового уровня является единственной причиной вымирания древних цивилизаций; люди гибнут не в результате проигранных войн, а из-за утраты сопротивляемости организма, которая присутствует лишь в чистокровной личности. Все, кто не принадлежит к высшей расе, составляют отбросы».

Такими отбросами были евреи и славяне. Со времени, когда Гитлер станет диктатором и победителем, он запретит браки немцев с представителями других рас, хотя даже четвероклассник мог без труда объяснить фюреру, что в самих германцах течет немало славянской крови, особенно в выходцах из восточных провинций Германии. Следует еще раз подчеркнуть, что в претворении расовых идей Гитлер оставался верен себе. Согласно «новому

порядку», который в ходе второй мировой войны стал насаждаться среди славянских народов, чехи, поляки и русские являлись — и таковыми им суждено было оставаться навсегда в случае, если пресловутый «новый порядок» продолжал бы функционировать и дальше, — подневольными чернорабочими у своих германских господ.

Человеку, столь слабо разбиравшемуся в истории и антропологии, как Гитлер, ничего не стоило сделать из немцев современных арийцев и таким образом превратить их в высшую расу. Для Гитлера германцы являлись «высшей человеческой расой на Земле» и таковыми останутся при условии, если не только «приложат усилия к тому, чтобы выводить новые породы собак, лошадей и кошек, но и позаботятся о чистоте своей крови».

Одержимость расовыми проблемами привела Гитлера к отстаиванию идеи «народного» государства. Какое, в сущности, государство имелось в виду или предполагалось создать — мне так и не удалось понять, несмотря на неоднократное чтение «Майн кампф» и присутствие на многочисленных выступлениях самого фюрера, посвященных данному вопросу, где я не раз слышал, как диктатор заявлял, что именно эта мысль является главной в его философии.

Немецкое слово «фольк» не поддается точному переводу. Обычно его переводят как «нация» или «народ», однако в немецком языке данное слово имеет несколько иной, более глубокий смысл и означает скорее примитивное родовое сообщество людей, объединившихся по кровному и земельному признаку. В «Майн кампф» Гитлер, преодолевая трудности, пытается дать определение народного государства, заявляя, например, что он постарается объяснить «народную» концепцию, чтобы покончить со всеми прочими трактовками, а затем пускается в разглагольствования на другие темы. Наконец, он пытается дать такое определение:

«В отличие от буржуазного и марксистско-еврейского мировоззрения народная философия рассматривает значение человечества в его базовых расовых элементах. В государстве она видит лишь одно из средств для достижения конечной цели, считая, что эта цель состоит в сохранении расового существования человека. Следовательно, данная философия никоим образом не исходит из равноправия рас, а наряду с их различием признает высшие либо низшие Расовые ценности и считает себя обязанной содействовать торжеству лучших и более сильных рас. Она предполагает подчинение низших и более слабых рас в соответствии с вечным порядком, господствующим во Вселенной. Таким образом, постоянная философия в принципе отвечает основной идее аристократической натуры и исходит из обязательности данного закона для всех, а также учитывает не только различную ценность рас, но и различную ценность отдельных лиц. Согласно этой философии из масс важно выдвигать индивидуальность и таким образом… создавать некое организующее начало. Она верит в необходимость идеализации человечества, в которой видит лишь предпосылку существования рода человеческого. Однако она не может дать право на существование какой-либо этической идеи, если эта идея представляет угрозу расовому существованию жителей более высокой этики. Ибо в мире, населенном неполноценными особями и черномазыми, любые гуманные воззрения, какими бы прекрасными и величественными они ни были, а также любые идеи относительно идеального будущего нашего человечества утрачены раз и навсегда…

Следовательно, немецкая жизненная философия соответствует исконному желанию природы, поскольку воссоздает свободную игру сил, которые способны привести к постоянному взаимному улучшению рода, пока наконец лучшие представители человечества, добившись господства на нашей планете, не станут располагать полной свободой действий в тех владениях, которые частично выходят за ее пределы.

Мы все ощущаем, что в отдаленном будущем человечество столкнется с проблемами, решить которые будет под силу лишь высшей расе — властителям всей планеты».

«Таким образом, — заявляет далее Гитлер, — высшей целью народного государства является забота о сохранении тех первоначальных расовых элементов, которые наследуют культуру и закладывают основы красоты и достоинства высшей человеческой расы». Гитлер снова подходит к рассмотрению проблемы евгеники.

«Народное государство… ставит расовый вопрос в центр своего внимания. Оно прилагает усилия к тому, чтобы сохранять чистоту расы — следит за тем, чтобы детей рожали лишь здоровые люди, ибо страшный позор производить на свет детей больными и немощными родителями и большая честь — отказаться от этого. И наоборот, предосудительным следует считать нежелание производить здоровых детей для нации. В этом случае (народное) государство выступает в роли гаранта грядущих поколений, перед лицом которых желания и эгоизм отдельного лица надо отбрасывать в сторону и подавлять… Народное государство, таким образом, начинается с повышения роли семьи с целью покончить с постоянным загрязнением расы и превратить ее в институт, призванный производить на свет божественные создания, а не уродов, нечто среднее между человеком и обезьяной».

Фантастичная концепция Гитлера относительно народного государства повлекла за собой довольно много прочих пространных высказываний, которые, по мнению фюрера, были призваны содействовать тому, чтобы немцы стали хозяевами земли, — он был одержим идеей доминирующей роли Германии. В одном из подобных высказываний Гитлер утверждает, что неспособность немцев сохранить свою расовую исключительность лишила их «мирового господства. Если бы германский народ обладал родовым единством, присущим другим народам, то в настоящее время германский рейх, несомненно, владел бы миром».

Поскольку народное государство основывается на расовом признаке, «германский рейх включает всех немцев» — основное положение концепции Гитлера, которое он не забыл, придя к власти, а напротив, сразу стал проводить в жизнь.

Так как народное государство строится на идее «аристократической натуры», для демократии в данной концепции нет места и ее должен заменить «принцип фюрера». Третьему рейху необходимо взять на вооружение авторитаризм прусской армии: «власть начальника над подчиненными и подчинение нижестоящих вышестоящим».

«Решения большинством не предусмотрены, решения принимаются только ответственными лицами… Разумеется, каждый руководитель своем распоряжении будет иметь штат советников, но решение принимается им единолично… только

он один располагает полномочиями и правом отдавать распоряжения… Невозможно обойтись без парламента, однако парламентарии фактически станут давать советы… Ни в одной из палат не будет иметь место голосование. Палаты являются рабочими органами, а не орудиями голосования. Данный принцип — абсолютное подчинение, безоговорочно слитое с полной властью, — постепенно сформирует элиту руководителей, создание которой в нынешних условиях, в эпоху безответственного парламентаризма, совершенно немыслимо».

Таковы были идеи Адольфа Гитлера, откровенно и грубо изложенные им в дни пребывания в крепости Ландсберг, когда он смотрел на цветущие фруктовые сады в верховьях реки Лех[32], или позднее, в 1925–1926 годах, когда, отдыхая на балконе комфортабельной гостиницы в Берхтесгадене, взирал на гористые Альпы, за которыми лежала его родная Австрия. Он диктовал свои тирады преданному Рудольфу Гессу и мечтал о третьем рейхе, который создаст, взяв за основу свои идеи — примитивные, дешевые идеи, уже рассмотренные нами, и которым будет править железной рукой. Что в один прекрасный день он построит свой рейх и будет управлять им — не вызывало у Гитлера сомнений. Им овладело неистовое чувство осознания своей миссии, хорошо знакомое столь многим талантливым людям, которые всегда существовали на протяжении веков и появлялись вроде бы неизвестно откуда. Гитлер объединит избранную нацию, которая до этого никогда не была политически единой. Он очистит расу, сделает сильной, и она станет господствовать на земле.

Что это? Незрелый дарвинизм? Садистская фантазия? Безответственный эгоизм? Мания величия? Да, тут всего понемногу. Но было и нечто большее. Мысли и страсти Гитлера, заблуждения, овладевшие его воспаленным сознанием, — все уходит своими корнями в глубь истории и философии Германии. Нацизм и третий рейх по существу были не чем иным, как логическим продолжением германской истории.

Исторические корни третьего рейха

В начале сентября, в разгар ежегодных сборищ членов нацистской партии в Нюрнберге, я часто видел лоточников, торгующих почтовыми открытками с изображением Фридриха Великого Бисмарка, Гинденбурга и Гитлера. Надпись на открытках гласила: «Что завоевал король, укрепил принц, защитил фельдмаршал, спас и объединил солдат». Таким образом, Гитлер-солдат изображался не только человеком, спасшим и объединившим Германию, но и преемником этих известных деятелей, возвеличивших нацию.

Подразумеваемая преемственность германской истории, достигшая кульминации во времена правления Гитлера, воспринималась широкими массами как нормальное явление. Само название «третий рейх» призвано было подчеркнуть эту мысль. Первым рейхом считалась средневековая Священная Римская империя; вторым — империя, созданная Бисмарком в 1871 году после победы Пруссии над Францией. Оба рейха прославили Германию. Как заявляла нацистская пропаганда, Веймарская республика смешала это доброе имя с грязью, а Гитлер обещал, что третий рейх восстановит былую славу нации. Таким образом, гитлеровская Германия изображалась как логическое продолжение всей предыдущей истории или по крайней мере всего того, чем можно было гордиться.

Но бывший венский бродяга, какими бы бессистемными ни были его знания, достаточно хорошо знал историю, чтобы понимать, что Германия терпела в прошлом и поражения, поражения, которые рассматривались как победы Франции и Англии. Гитлер никогда не забывал о том, что в конце средних веков, в период, когда Англия и Франция завершали объединение нации, Германия оставалась странным конгломератом примерно из трехсот отдельных государств. Национальная раздробленность в значительной степени сказалась на ходе развития Германии с конца средних веков до середины XIX столетия, что сильно отличало ее от других крупных стран Западной Европы.

В XVI и XVII веках в результате введения Реформации к отсутствию политического и династического единства добавились ожесточенные религиозные распри. В этой книге не хватит места, чтобы должным образом поведать об огромном влиянии на немцев и всю последующую историю Германии Мартина Лютера — саксонского крестьянина, ставшего августинским монахом и положившего начало Реформации в стране.

Попутно все же надо заметить, что этот великий, но сумасбродный гений, ярый антисемит и противник римской католической церкви, в буйном характере которого нашли отражение лучшие и худшие черты германской нации — грубость, резкость, фанатизм, нетерпимость, жажда насилия и вместе с тем честность, простота, сдержанность, страсть к знаниям, любовь к музыке и поэзии, стремление к праведности, оставил в сознании немцев — как во благо, так и во вред — след более неизгладимый и роковой, чем любой другой деятель до и после него.

Своими проповедями и прекрасным переводом библии Лютер обогатил современный немецкий язык, пробудил в народе не только новое протестантское видение христианства, но и пламенный немецкий национализм, внушил немцам, по крайней мере относительно религии, мысль о свободе совести каждого.

Однако трагедия состояла в том, что в крестьянских восстаниях в значительной степени инспирированных самим Лютером, Он занимал сторону князей. Все это (как и страсть Лютера к политической автократии) содействовало появлению бездумного провинциального политического абсолютизма, в результате чего большая часть немецкой нации была разорена и впала в состояние страшной спячки и унижающего человеческое достоинство раболепия. Но самое ужасное, видимо, состояло в том, что это помогло увековечить бессмысленное разделение не только между классами, но и между различными династическими и политическими группировками германской нации. Возможность объединения Германии была отодвинута на века.

Тридцатилетняя война и Вестфальский мир 1648 года, завершивший ее, нанесли стране такой сокрушительный удар, от которого ей так никогда и не удалось оправиться. Тридцатилетняя война была последней крупной религиозной войной в Европе, которая еще до своего окончания из конфликта между протестантами и католиками переросла в запутанную борьбу династий — между австрийскими Габсбургами (католиками) с одной стороны и французскими Бурбонами (католиками) и шведской монархией (протестантами) с другой. В результате жестоких боев Германия оказалась опустошенной, города и деревни были разрушены и разграблены, население истреблено. По подсчетам, в ходе этой варварской войны погибла треть германской нации.

Вестфальский мир для будущего Германии явился таким же гибельным, как и сама война. Германские князья, вставшие на сторону Франции и Швеции, были признаны абсолютными правителями своих небольших владений, число которых достигло примерно 350, а император оставался формальным главой государства лишь в том, что касалось германских земель. Стремление к проведению реформ и жажда просвещения, охватившие Германию в конце XV — начале XVI веков, были задушены.

В этот период подлинной независимостью пользовались вольные города; феодализм отошел в прошлое, процветали искусство и торговля. Даже в сельской местности немецкие крестьяне пользовались большей свободой, чем крестьяне в Англии и Франции. Действительно, в начале XVI века Германия по праву считалась одним из оплотов европейской цивилизации.

После Вестфальского мира Германия была обречена на варварство Московии[33] . Вновь ввели крепостное право, которое распространилось даже на те районы, где о нем раньше не имели понятия.

Города утратили самоуправление. Крестьян, рабочих и бюргеров нещадно эксплуатировали князья, которые держали их в унизительном рабстве. Полностью приостановился процесс образования и развития искусств. Алчные правители без понимания относились к германскому национализму и патриотизму, подавляли любые проявления этих чувств у своих подданных. Развитие цивилизации в Германии застопорилось. Рейх, как заметил один историк, «искусственно стабилизировался на средневековом уровне беспорядков и слабости».

Германии не было суждено оправиться от этого удара. Принятие автократии, слепое повиновение правителям–мелким тиранам глубоко укоренились в сознании немцев. Идеи демократии и парламентаризма, получившие столь быстрое развитие в Англии в XVII–XVIII веках и всколыхнувшие Францию в 1789 году, не затронули Германию. Политическая незрелость страны, ее раздробленность на множество мелких государств и изолированность немцев от бурных течений европейской мысли привели к отставанию Германии от других стран Запада. Естественное развитие нации тормозилось.

Это надо иметь в виду, чтобы понять тот гибельный путь, по которому впоследствии пошла страна, и то ущербное состояние духа, которым она пропиталась. В конечном счете германскую нацию выковала грубая сила и сплотила неприкрытая агрессия.

К востоку от Эльбы простиралась Пруссия. Во второй половине XIX века века, ставшего свидетелем жалких попыток нерешительных либералов создать в 1848–1849 годах во Франкфурте некое подобие демократической объединенной Германии, — Пруссия взяла судьбу Германии в свои руки. На протяжении столетий это германское государство находилось в стороне от основного направления развития истории и культуры Германии. Пруссия являлась как бы ошибкой истории. Возникла она как окраинное, пограничное государство Бранденбург на песчаных землях к востоку от Эльбы, с которых начиная с XI века силой оружия немцы постепенно оттесняли славян. В период правления бранденбургских князей Гогенцоллернов, которые мало чем отличались от военных авантюристов тех времен, славян, большей частью поляков, вытесняли в сторону Балтики. Население, оказывавшее

сопротивление, либо уничтожали, либо превращали в безземельных крепостных.

Согласно императорскому указу в Германской империи князьям не разрешалось присваивать себе королевские титулы, но в 1701 году император согласился на избрание Фридриха III прусским королем в Кенигсберге.

К тому времени Пруссия благодаря своим военным усилиям превратилась в одно из ведущих государств Европы. Однако у нее не было ресурсов, которыми располагали другие страны, — земли Пруссии были неплодородны, лишены природных ископаемых, а население немногочисленно. Крупных городов и промышленности не Было, культура развивалась медленно. Даже знатные люди не считались состоятельными, а безземельные крестьяне жили просто в скотских условиях.

Тем не менее Гогенцоллернам благодаря огромной силе воли и организаторскому таланту удалось создать спартанское военное государство, чья хорошо обученная армия одерживала одну победу за другой и чья макиавеллевская дипломатия временных союзов с любым более сильным в данный момент партнером способствовала неуклонному расширению территории Пруссии.

Так, искусственно возникло государство, которое не было порождено ни движением народных масс, ни какой-либо идеологией, не считая жажды завоеваний. Абсолютная власть правителя, бюрократический аппарат с его ограниченными взглядами и армия с жестокой дисциплиной сплотили это государство. Две трети, а иногда и пять шестых государственного бюджета ежегодно шли на военные нужды, и армия при короле стала государством в государстве. «Пруссия, — заметил Мирабо, — это не государство с армией, а армия с государством».

И это государство, которое управляло с фабричной деловитостью и безжалостностью, стало всем. Люди значили в нем немного больше, чем винтики налаженного механизма. Не только короли и сержанты, обучавшие муштре, но и философы давали наставления и поучали, что смысл жизни состоит в послушании, работе, самопожертвовании и долге.

Даже Кант проповедовал, что долг предполагает подавление человеческих чувств; прусский поэт Виллибальд Алексис прославлял порабощение народа в эпоху правления Гогенцоллернов. Лессинг, который не разделял таких взглядов, писал: «Пруссия — самая рабская страна Европы».

Юнкерство, которому суждено было сыграть существенную роль в современной Германии, также являлось уникальным производным Пруссии. Юнкеры считали себя высшей расой. Именно они заняли захваченные у славян земли и создали на них крупные поместья, где работали ставшие безземельными крепостными славяне, положение которых не шло ни в какое сравнение с положением крестьянства Запада.

Аграрная система Пруссии коренным образом отличалась от аграрной системы западной части Германии и Западной Европы. На Западе дворяне, владевшие большей частью земли, получали от крестьян арендную плату или феодальные сборы. Причем крестьяне, хотя часто и являлись крепостными, имели определенные права и привилегии и могли (и в целом ряде случаев им это

удавалось) со временем получить собственную землю и гражданскую свободу. На Западе крестьянство составляло значительную часть населения и землевладельцы при всех их недостатках на досуге заводили знакомства и развивали культуру, что отражалось на их образе жизни и способствовало утонченности манер, развитию мысли и искусств.

Прусское юнкерство пренебрегало праздным образом жизни.

Юнкер сам усердно трудился и управлял своим большим поместьем под стать нынешнему директору фабрики. К безземельным крепостным он относился в сущности как к рабам и в своих огромных владениях считался полновластным хозяином. В Пруссии не было крупных городов и значительной буржуазной прослойки, как на Западе, поэтому юнкерство мало преуспело в культурном развитии.

В противоположность просвещенным господам Запада в юнкере получили развитие грубость, властность, высокомерие мужлана, необразованного и некультурного, которого отличали агрессивность самодовольство, беспощадность, узость мышления, а также жажда мелочной наживы — другими словами, то, что некоторые немецкие историки отмечали в характере самого преуспевающего представителя юнкерства Отто фон Бисмарка.

Этому талантливому политику, апостолу «железа и крови», удалось в период с 1866 по 1871 год покончить с раздробленностью Германии, существовавшей почти тысячу лет, и насильно заменить ее Великой Пруссией, или, если можно так выразиться, прусской Германией. Уникальное создание Бисмарка — Германия, которую мы еще застали, почти целое столетие считалась трудным ребенком в европейской и мировой семье. Это нация одаренных, трудолюбивых людей, в которой сначала знаменитому Бисмарку, а затем кайзеру Вильгельму II и, наконец, Гитлеру при помощи военной элиты и безвестных интеллектуалов удалось привить жажду власти и владычества, страсть к безудержному милитаризму, презрение к демократии и свободе личности и стремление к автократии и деспотизму. В порыве вдохновения нация достигала больших высот, терпела поражения и возрождалась вновь, пока с разгромом Гитлера весной 1945 года, похоже, не потерпела крах, хотя, очевидно, слишком рано говорить об этом с полной уверенностью.

«Великие проблемы, стоящие перед нами сегодня, — заявил Бисмарк, став премьер-министром Пруссии в 1862 году, — нельзя решать принятием резолюций большинством, в чем состояла ошибка тех, кто находился у власти в 1848–1849 годах, а лишь «железом и кровью». Именно таким образом Бисмарк и пытался решать важные проблемы, хотя надо отметить, что он привнес в эту тактику определенный дипломатический лоск, зачастую, правда, весьма обманчивый. Целью Бисмарка было сокрушить либералов, поддержать власть консерваторов иными словами, юнкерства, армии и государства — и превратить Пруссию в противовес Австрии в государство, играющее доминирующую роль не только в Германии, но и по возможности во всей Европе.

«Германию прельщает не прусский либерализм, — заметил Бисмарк депутатам прусского парламента, — а ее сила».

Прежде всего он создал прусскую армию и, когда парламент отказался проголосовать за выделение дополнительных ассигновании, сам нашел

необходимые средства и в конечном счете распустил парламент. Усилив армию, Бисмарк провел одну за другой три войны. В результате первой — Датской войны 1864 года-герцогства Шлезвиг и Гольштейн отошли к Германии. Вторая австро-прусская война 1864 года — имела далеко идущие последствия. Австрия, которая на протяжении веков занимала ведущее место среди германских государств, оказалась отстраненной от германских дел. Ей было отказано во вступлении в Северо-Германский Союз, к созданию которого приступил Бисмарк.

«В 1869 году, — писал известный немецкий ученый-политолог Вильгельм Репке, — Германия прекратила свое существование». Пруссия одним махом аннексировала все германские государства северу от реки Майн, за исключением Саксонии, воевавшие против нее, в том числе герцогства Ганновер, Гессен, Нассау, Франкфурт и герцогства по Эльбе. Все другие германские государства к северу от Майна были насильно включены в Северо-Германский Союз. Пруссия простиралась теперь от Рейна до Кенигсберга и играла в союзе ведущую роль. В течение пяти лет после победы над французским императором Наполеоном III южные германские государства во главе с королевством Бавария вошли в прусскую Германию.

Венцом успехов Бисмарка явилось создание второго рейха

18 января 1871 года, когда прусского короля Вильгельма I объявили германским императором в Зеркальном зале Версальского дворца, Германия была объединена прусской военщиной и стала самой мощной державой континента, противостоять которой в Европе могла лишь Англия.

Но это оказалось роковым заблуждением. Германская империя, по словам Трейчке, была по существу не чем иным, как продолжением Пруссии. «Пруссия, подчеркивал этот автор, — является решающим фактором… Воля империи есть не что иное, как воля прусского государства». Это соответствовало действительности и имело гибельные последствия для самих немцев. Ход истории Германии с 1871 по 1933 год и, разумеется, вплоть до поражения Гитлера в 1945 году, за исключением периода Веймарской республики, — это результат бездумного бега по прямой.

Несмотря на демократический фасад, появившийся благодаря созданию рейхстага, члены которого избирались лицами мужского пола путем всеобщих выборов, Германская империя представляла собой милитаристскую автократию во главе с королем Пруссии, одновременно являвшимся германским императором. Рейхстаг обладал небольшими полномочиями, мало чем отличаясь от дискуссионного клуба, где депутаты излагали свои проблемы и вымаливали нудные подачки для тех слоев населения, интересы которых они представляли.

Находившийся у престола обладал правами помазанника божьего. Не далее как в 1910 году Вильгельм II провозгласил, что королевская корона «дарована милостью божьей, а не разными парламентами, национальными собраниями и решениями народа». «Рассматривая себя проводником воли всевышнего, — добавил он, — я буду поступать по своему усмотрению».

Парламент не являлся для него препятствием. Назначенный Вильгельмом II канцлер подчинялся королю, а не рейхстагу. Национальное собрание не могло ни свергнуть, ни отставить канцлера. Этой прерогативой обладал лишь монарх. Таким образом, в отличие от других западных стран идеи демократии, независимого народа верховной власти парламента не нашли своего развития в Германии даже с наступлением XX века.

И все же к 1912 году социал-демократы после многолетних преследований со стороны Бисмарка и императора стали крупнейшей партией в рейхстаге. Они во всеуслышание требовали установления парламентской демократии. Однако они оказались недееспособными. Несмотря на численное превосходство партии, социал-демократы по-прежнему были в меньшинстве.

Буржуазия, разбогатевшая на запоздалом и неравномерном развитии промышленной революции и ослепленная успехом милитаристской политики Бисмарка, предпочла материальный достаток любым устремлениям к политическим свободам, которые у нее, возможно, и имелись[34].

Буржуазия приняла автократию Гогенцоллернов. Она с радостью склонилась перед бюрократией юнкерства и страстно приветствовала прусский милитаризм. Звезда Германии взошла, и немцы — почти все население — жаждали сделать все, что требовали от них хозяева, чтобы она не закатилась.

В конечном счете Гитлер, этот нищий австриец, оказался в их числе. Второй рейх Бисмарка, несмотря на имеющиеся ошибки и «страшное разлагающее влияние», был для него величественным творением, в котором немцы наконец осознали самих себя.

«Разве не Германия, первая среди других стран, являет собой замечательный пример империи, которая создана исключительно на основе политики силы? Пруссия, положившая начало становлению империи, возникла в результате блистательного героизма, а не финансовых операций и коммерческих сделок. Рейх, в свою очередь, являлся лишь великолепной наградой активному политическому руководству и безграничному мужеству его солдат…

Сам факт создания [второго] рейха был словно освещен торжественностью события, которое всколыхнуло всю нацию. После целого ряда ни с чем не сравнимых побед во имя детей и внуков был создан рейх как награда за бессмертный героизм… Рейх не был обязан Своим появлением мошенничеству парламентских фракций, он поднялся над другими государствами по велению свыше, ибо это естественное событие произошло не в трескотне парламентских разглагольствований, а в яростных сражениях под Парижем. Было разглашено, что немцы — князья и простые люди — полны решимости создать в будущем рейх и вновь поднять корону империи на должную высоту… Государство Бисмарка создали не дезертиры на бездельники, а полки, сражавшиеся на фронтах.

Это замечательное явление и заряд внутренней энергии создали вокруг рейха ореол исторической славы, которым могли гордиться — и то в редких случаях — только самые древние государства.

А свидетелями какого национального подъема мы теперь явились.

Внешняя свобода гарантировала ежедневный достаток внутри страны. Нация обогатилась не только численно, но и материально. Честь государства и честь всего народа защищала и охраняла армия, что говорит о весьма существенном отличии рейха от бывшего рейха «Германского союза».

Именно такую Германию Гитлер намеревался воссоздать. В «Майн кампф» он довольно подробно останавливается на причинах падения рейха: терпимость по отношению к евреям и марксистам, грубый материализм и эгоизм буржуазии, бесчестное влияние «низкопоклонников и льстецов», окружавших престол Гогенцоллернов, «безрассудная союзническая политика Германии», которая связала ее с деградирующими Габсбургами и ненадежными итальянцами вместо Англии, а также отсутствие основополагающей социальной и расовой политики.

И Гитлер обещал, что эти недостатки устранит национал-социализм.

Интеллектуальные корни третьего рейха

Откуда, помимо истории, черпал Гитлер свои идеи? Противники Гитлера как в самой Германии, так и за ее пределами были люди слишком занятые или слишком легкомысленные, чтобы всерьез обратить внимание, пока не поздно, на то, что он, подобно многим своим соотечественникам, каким-то образом впитал в себя странную мешанину безответственных, пропитанных манией величия идей германских мыслителей XIX века. А Гитлер, зачастую знакомясь с такими учениями из вторых рук — скажем, слышал о них от такого бестолкового псевдофилософа, как Альфред Розенберг, и от своего друга, пьяного поэта Дитриха Экарта, — подхватывал эти воззрения с лихорадочным восторгом неофита[35]. Однако хуже всего было то, что он решил применить эти идеи на практике, если когда-либо представится такая возможность.

Мы уже знаем, какие мысли обуревали его: прославление войны и завоеваний и абсолютная власть авторитарного государства; вера в германцев как в высшую расу и ненависть к евреям и славянам; презрение к демократии и гуманизму. Эти взгляды не новы и не принадлежали Гитлеру, хотя впоследствии способы применения их были разработаны именно им. Подобные воззрения исходили от довольно странной плеяды образованных, но непоследовательных философов, историков и просветителей, которые владели умами немцев в прошлом веке. Это, как оказалось, имело гибельные последствия не только для самих немцев, но и для большой части всего человечества.

К числу просвещенных немцев, разумеется, принадлежали наиболее выдающиеся выразители взглядов и идеалов западного мира Лейбниц, Кант, Гердер, Гумбольдт, Лессинг, Гете, Шиллер, Бах, Бетховен, внесшие уникальный вклад в развитие западной цивилизации. Однако германская культура, господствовавшая в XIX веке, что совпало с расцветом прусской Германии, начиная с Бисмарка и кончая Гитлером, опирается в первую очередь на учения Фихте и Гегеля, затем на учения Трейчке, Ницше и Рихарда Вагнера.

Немецкая культура испытала влияние и звезд меньшей величины не последнее место среди которых по непонятным причинам заняла довольно странный

француз и эксцентричный англичанин. Им удалось добиться духовного разрыва с Западом, который не восстановлен и сегодня.

В 1807 году, после унизительного поражения, которое понесла Пруссия от французской армии Наполеона I в сражении под Йеной, Иоганн Готлиб Фихте стал читать свои знаменитые «Речи к немецкой нации» в Берлинском университете, где он возглавлял кафедру философии. Его «Речи» пробудили от спячки и воодушевили разрозненную, побежденную нацию, и отголоски этих лекций можно было слышать даже во времена третьего рейха. Учение Фихте оказалось пьянящим вином для разуверившегося в своих силах народа. Согласно этому учению, романские народности, в особенности французы, и евреи являются упадочническими расами. Только германской нации дарована способность возродиться.

Немецкий язык Фихте считал самым чистым и наиболее самобытным. Под руководством немцев начинается расцвет новой исторической эпохи. Такова воля всевышнего. Всем будет руководить многочисленная элита, свободная от каких-либо моральных ограничений, свойственных индивидуумам. Некоторые из этих идей, как мы видели, изложены Гитлером в «Майн кампф».

После смерти Фихте в 1814 году его преемником в Берлинском университете стал Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Диалектика утонченной, доходящей до самой сути философии Гегеля вдохновляла Маркса и Ленина и способствовала таким образом развитию коммунистического мировоззрения. Вместе с тем возвеличивание Гегелем государства как верховной власти в жизни человека проложило дорогу второму рейху Бисмарка и третьему рейху Гитлера.

По Гегелю, государство есть все или почти все. Он утверждал что государство — высшее проявление «мирового духа», «мораль вселенной»; оно олицетворяет актуальность этической идеи, этической мысли как формы самосознания; государство безраздельно властвует над индивидуумом, высший долг которого состоит в том, чтобы быть членом государства, ибо право мирового духа выше всех особых привилегий…

Как же тогда следовало рассматривать счастье отдельного человека на земле? Гегель отвечает, что «мировая история — это не империя счастья». Периоды счастья, по заявлению философа, пустые страницы истории, поскольку они отражают периоды согласия, когда отсутствуют конфликты. Война является великим чистилищем. По мнению Гегеля, она содействует этическому здоровью народов, развращенных долгой жизнью в мире, подобно тому, как порывы ветра освобождают море от нечистот, накопившихся за время затянувшегося штиля.

Традиционные понятия морали и этики не должны препятствовать ни высшему государству, ни «героям», которые возглавляют его. Согласно учению Гегеля, мировая история возвышается над всем остальным… Неуместные моральные устои не следует противопоставлять деяниям и свершениям, имеющим историческое значение. Раболепие перед личной добродетелью — скромностью, смирением, филантропией и терпением — не должно мешать им… Такая мощная сила [государство] растопчет множество невинных цветков — сотрет в порошок многих, вставших на его пути.

Гегель предсказывал, что такое государство будет создано в Германии, когда она вновь обретет дарованную ей всевышним силу. Он предвидел, что «час Германии» пробьет и ее великой миссией станет возрождение мира.

Читая Гегеля, понимаешь, какое вдохновение черпал Гитлер (впрочем, как и Маркс) в трудах философа, хотя был знаком с этими учениями лишь понаслышке. Следует особо подчеркнуть, что Гегель своей теорией «героев» этих великих личностей, которым таинственное провидение вверило исполнение «воли мирового Духа», вселил в Гитлера, как мы узнаем в конце данной главы, всепоглощающую уверенность в собственной миссии.

Генрих фон Трейчке появился в Берлинском университете позднее. С 1874 года вплоть до своей кончины в 1896 году Трейчке был профессором истории и пользовался огромной популярностью. Его лекции собирали множество восторженных поклонников, в число которых входили не только студенты, но и офицеры генерального Штаба и представители юнкерской бюрократии.

Влияние Трейчке на мировоззрение немцев в последней четверти прошлого века было велико и сохранялось во времена правления Вильгельма II, а фактически и Гитлера. Хотя Трейчке был выходцем из Саксонии, он стал ярым поклонником Пруссии, причем более истовым, нежели коренные жители Пруссии. Подобно Гегелю, восхвалял государство и рассматривал его как высшую власть, однако формулировал свои взгляды более однозначно: народу, отдельным субъектам в стране отводилось места не больше, чем рабам «Неважно, что вы думаете, — заявлял философ, — до тех пор, пока вы подчиняетесь».

Трейчке превзошел Гегеля, провозгласив войну высочайшим проявлением человеческой личности. В его представлении военная слава является основой всех политических достоинств; в богатой событиями памяти Германии военная слава Пруссии — это сокровище не менее драгоценное, чем лучшие творения поэтов и мыслителей. Трейчке утверждал, что проповедь мира в наши дни позорна и аморальна.

«Война есть не только политическая необходимость, но и теоретическая неизбежность, логический вывод. Концепция государства предопределяет концепцию войны, ибо суть государства — в его власти… Надежда на то, что война навсегда будет запрещена в мире является не только абсурдной, но и глубоко безнравственной. Это привело бы к искоренению многих важных и возвышенных порывов человеческой души… Народ, оказавшийся во власти химеры — неосуществимой мечты о вечном мире, неизбежно будет деградировать и останется в полном одиночестве…»

Ницше, подобно Гете, не очень лестно отзывался о немецком народе[36]. В других случаях воззрения этого гения, страдавшего манией величия, также отличаются от шовинистических взглядов немецких мыслителей XIX века. Действительно, Ницше считал большинство немецких философов, в том числе Фихте и Гегеля, «неумышленными мошенниками». Высмеивал он и «тартюфство старого Канта».

Немцы, писал Ницше в «Эссе о человеке», «не представляют, насколько они отвратительны», и он делал вывод, что, «куда бы ни вторгалась Германия, она разрушает культуру». Он считал, что христиане в той же мере, что и евреи, ответственны за «рабскую мораль», господствующую в мире. Ницше

никогда не был антисемитом. Он высказывал иногда опасения по поводу будущего Пруссии, а в последние годы жизни, пока не лишился рассудка, тешил себя идеей создания всеевропейского союза и мирового правления.

Мне кажется все же, что тот, кто жил во времена третьего рейха, не может отрицать влияния Ницше на рейх. Его произведения полны, как отмечал Сантаяна, «гениального слабоумия» и «детского богохульства». Тем не менее нацистские писаки без устали превозносили Ницше. Гитлер часто посещал музей Ницше в Веймаре; свое благоговение перед философом он выражал в том, что позировал фотографам, с восторгом взирая на бюст великого мыслителя.

Имелись некоторые основания считать Ницше одним из родоначальников нацистского мировоззрения. Не этот ли философ обрушивался на демократию и парламенты, проповедовал культ власти, превозносил войну, провозглашал появление высшей расы и сверхчеловека? И не стало ли большинство высказанных им мыслей афоризмами? Всякий нацист с гордостью цитировал Ницше практически по любому мыслимому поводу.

По вопросам христианства:

Великое богохульство, чудовищное и глубочайшее извращение… рассматриваю его, как вечное проклятие человечества… Христианство значит не больше типичного учения социалистов».

По вопросам государства, власти и внутреннего мира человека:

«Общество никогда не понимало под добродетелью ничего иного, кроме стремления к власти, силе и порядку… Государство являет собой безнравственно слитое воедино… стремление к завоеваниям и мести… Общество не должно существовать ради самого себя, а лишь в качестве фундамента и опоры, с помощью которых избранная раса в состоянии возвыситься до более высоких задач… Не существует таких понятий, как право на жизнь, право на труд, право на счастье: в этом отношении человек ничем не отличается от самых ничтожных рабов»[37].

Ницше пошел в своих рассуждениях дальше и в сочинении «Так говорил Заратустра» писал: «Ты идешь к женщине? Не забудь захватить с собой хлыст!»[38]

Ницше воспевал сверхчеловека, «великолепную белокурую бестию, алчно жаждущую добычи и побед».

А что он думал по поводу войны? В этом вопросе Ницше разделял взгляды большинства других немецких философов XIX века. В своем наиболее известном труде «Так говорил Заратустра» Ницше громогласно провозглашал:

«Ты должен возлюбить мир как средство для новой войны, и краткий мир больше, нежели длительный. Я благословляю тебя не трудиться, а сражаться. Я благословляю тебя не на мир, а на войну… Ты говоришь, справедливо ли оправдывать войну? Я же говорю тебе: справедливая война освящает любую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, нежели милосердие».

Наконец, в произведениях Ницше содержалось пророчество о появлении элиты, которая станет править миром и дарует нам сверхчеловека. В «Воле к власти» Ницше утверждал: «Набирает силу отважная раса будущих правителей… Задачей будет подготовка… к появлению сверхчеловека, отмеченного особым интеллектом и силой воли. Этот человек и окружающая его элита станут «правителями земли».

Подобные рассуждения одного из самых самобытных мыслителей Германии не могли не оставить следа в мировоззрении Гитлера, в основном сумбурном. Во всяком случае, он стал приписывав себе не только мысли Ницше, но и пристрастие философа к преувеличениям, а зачастую и просто его высказывания. Выражение «правители земли» часто встречается в «Майн кампф». Не вызывает сомнений и то, что в конечном счете Гитлер считал себя тем самым сверхчеловеком, появление которого предсказывал Ницше.

«Тот, кто хочет понять национал-социалистскую Германию должен знать Вагнера», — любил повторять Гитлер[39].

Это утверждение частично основано на неправильном толковании жизни великого композитора. Хотя Рихард Вагнер, как и сам Гитлер, испытывал фанатичную ненависть к евреям, которые, как он считал, стремятся владеть миром с помощью своих капиталов, а также с презрением относился к парламентам, демократии, материализму и посредственности буржуазии, он в то же время страстно надеялся, что немцы, учитывая «их особый дар», будут «не править миром, а прославят его».

Однако не политические сочинения Вагнера, а его романтические оперы, столь ярко оживившие прошлое Германии, ее героические мифы, схватки языческих богов с героями, демонами и драконами, сцены кровной мести и первобытные обычаи, ощущение предопределенности судьбы, величие любви и жизни и благородство смерти, — все это питало легенды о совершенной Германии и легло в основу мировоззрения, которое Гитлер и нацисты, имея для этого веские основания, восприняли как свое собственное.

Гитлер с раннего детства почитал Вагнера и даже на закате жизни, находясь в сыром и мрачном бункере в штабе армии на Русском фронте и чувствуя, что созданный им миф изрядно скомпрометирован, а мечты на грани провала, любил вспоминать времена, когда слушал творения великого композитора, так много для него значившие. Гитлер черпал вдохновение в Байрейтских театральных фестивалях и многочисленных посещениях дома композитора («Хаус Ванфрид»), где в ту пору жил сын композитора Зигфрид Вагнер с женой Винифред, англичанкой по рождению, которая одно время являлась близким другом Гитлера.

«Какую радость вселяло в меня каждое творение Вагнера!» — воскликнул, обращаясь к своим генералам и соратникам по партии, среди которых находился и Гиммлер, Гитлер в ночь на 25 января 1942 года вскоре после первого сокрушительного поражения в России, пребывая в подземном укрытии «Вольфшанце» в Растенбурге.

Кругом, как на Севере, лежал снег и было холодно. Гитлер ненавидел холод и снег, именно этого он опасался и этим объяснял первое поражение Германии в войне. Однако в тепле бункера в ту мысли его были сосредоточены на одном из самых приятных воспоминаний жизни. «Я помню, —

говорил он, свое состояние, впервые вступил в «Ванфрид». Сказать «Я был поражен» значит не раскрыть охватившие меня чувства. В самые тяжелые моменты жизни они не переставали поддерживать меня, в том числе Зигфрид Вагнер. Я был с ними на ты. И я любил их всех и очень любил «Ванфрид»… Десять дней Байрейтского фестиваля всегда являлись для меня блаженством. Я готов ликовать при мысли о том что однажды снова смогу побывать там! …На следующий лень после завершения Байрейтского фестиваля… мне очень грустно, словно с рождественской елки сняли игрушки».

Хотя Гитлер тем зимним вечером неоднократно повторял, что считает оперу «Тристан и Изольда» шедевром Вагнера, именно непревзойденное «Кольцо нибелунга» — оперный цикл, состоящий из четырех частей, созданный на основе великого германского эпоса «Песнь о Нибелунгах», над которым композитор работал почти четверть века, — возвратило Германии, в частности третьему рейху, так много популярных германских легенд.

Народные легенды нередко выражают духовную и культурную суть нации. Особенно справедливо данное утверждение в отношении Германии. Шеллинг даже заявлял, что «нация начинает существовать одновременно со своими легендами… Общность мышления, являющаяся выражением коллективной философии, присутствует в народных легендах; таким образом мифология олицетворяет судьбу нации».

Макс Мелл, поэт, создавший современную версию «Песни о Нибелунгах», заявлял: «До нашего времени лишь немногое дошло от греческих богов, от того гуманизма, который они так глубоко хотели внедрить в нашу культуру… Но Зигфрид и Кримхильда навсегда останутся в душе народа!»

Зигфрид и Кримхильда, Брунхильда и Хаген — герои и героини древнего эпоса, на которых так стремились походить современные немецкие юноши и девушки. Походить на них и постигать языческий мир нибелунгов иррациональный, полный героизма, таинственности, коварства и насилия, залитый кровью, существование которого завершается «гибелью богов» и уничтожением вальхаллы, подожженной Вотаном, что захватывало воображение любого немца и компенсировало его тягу к жестокости.

Эти герои первобытного демонического мира всегда, по словам Мелла, жили в душе народа. Именно в душе немецкого народа Можно ощутить борьбу между духом цивилизации и духом нибелунгов, и в тот исторический период, которому посвящена данная работа, верх, видимо, одержал последний. Поэтому совсем неудивительно, что Гитлер, следуя примеру Вотана, в 1945 году мечтал о гибели Германии в пламени пожара.

Вагнер, человек исключительно талантливый, звезда первой величины, придерживался гораздо более широких взглядов, чем изложенные выше. При постановках в Венской опере конфликты зачастую сводились к борьбе за золото, что, по мнению самого композитора, являлось «трагедией современного капитализма», поскольку, к его ужасу, золото вытеснило добродетель, унаследованную от прошлого. Однако вопреки своей любви к языческим героям Вагнер в отличие от Ницше не до конца разочаровался в христианстве. Он с большим сочувствием относился к заблуждающемуся, мечущемуся в поисках выхода человечеству. И все-таки Гитлер был не так уж не прав, когда заявлял, что для понимания нацизма надо прежде всего знать Вагнера.

Вагнер был хорошо знаком с Шопенгауэром и Ницше и находился под влиянием их идей, хотя последний и ссорился с ним, поскольку считал, что в операх Вагнера, в частности в «Парсифале», слишком акцентируется христианское самопожертвование.

На протяжении своей долгой и бурной жизни Вагнер сблизился еще с двумя людьми — французом и англичанином. О них важно упомянуть не столько из-за того, что они оказали влияние на Вагнера, хотя влияние одного из них было весьма существенным, сколько из-за того, что они повлияли на мировоззрение немцев и тем самым как бы подготовили возникновение третьего рейха.

Этими людьми являлись французский дипломат граф Жозеф Артюр де Гобино и писатель Хьюстон Стюарт Чемберлен, пожалуй, один из самых чудаковатых английских подданных, когда-либо живших на Земле.

Следует сразу отметить, что ни один из них не был шарлатаном. Оба отличались широкой эрудицией, большой культурой, много поездили по свету. В то же время они стали родоначальниками расовых доктрин, настолько противоестественных, что никто, даже их собственные сограждане, не воспринимал их всерьез, за исключением немцев.

Нацисты же восприняли их весьма спорные теории как откровение. Не будет преувеличением утверждение — сам я слышал это от многих сторонников Гитлера, — что Чемберлен стал духовным отцом третьего рейха. Этот чудаковатый англичанин, видевший в немцах представителей высшей расы и надежду будущего, боготворил Рихарда Вагнера и в итоге женился на одной из его дочерей. Он почитал сначала Вильгельма II, а затем Гитлера и был духовным наставником обоих.

На закате своей странной жизни Чемберлен приветствовал австрийского ефрейтора — задолго до того, как Гитлер пришел к власти или заручился для этого какими-нибудь шансами, — как посланца божьего, чтобы вывести германский народ из пустыни. Гитлер, разумеется, почитал Чемберлена пророком, каковым он, по сути, и оказался.

Что же содержалось в их учении такого, что заставило немцев буквально сходить с ума по расовому вопросу и вопросу, связанному с судьбой Германии?

Главным трудом Гобино стало четырехтомное сочинение, опубликованное в Париже в период с 1853 по 1855 год и озаглавленное «Эссе о неравенстве человеческих рас». Этот французский аристократ после службы в королевской гвардии в качестве офицера начал государственную карьеру, возглавив секретариат Алексиса Токвиля, прославленный автор книги «О демократии в Америке» на продолжительное время (в 1849 году) стал министром иностранных дел Франции. Затем Гобино находился на дипломатической работе в Ганновере и Франкфурте. Его контакты с немцами, а не совместная работа с Токвилем содействовали тому, что он создал свою теорию о расовом неравенстве, хотя однажды он признался, что писал свой труд частично для того, чтобы доказать превосходство собственного аристократического рода.

Гобино считал — и об этом он писал в посвящении королю Ганновера, — что раса является ключом к пониманию истории и цивилизации. «Расовый вопрос занимает ведущее место среди прочих исторических проблем… Неравенство рас в достаточной мере объясняет все процессы, определившие судьбу народов…» Существует три основных вида расы — белая, желтая и черная, причем белая раса считается высшей. «История, — писал Гобино, — указывает на то, что все цивилизации берут начало от белой расы и ни одна цивилизация не может развиваться без вклада белой расы».

Подлинное сокровище белой расы, по мнению Гобино, составляют арийцы «эти трудолюбивые представители рода человеческого, благороднейшие среди белой расы», восходящие своими корнями к Центральной Азии. К сожалению, отмечает французский дипломат, современные арийцы смешались с низшими расами, примером чего в наше время могут служить народности Южной Европы. Однако на северо-западе, чуть выше течения Сены, и к востоку от Швейцарии арийцы, пусть далеко не в первозданном виде, сохранились как представители высшей расы. К их числу Гобино относил часть населения Франции, население Англии, Ирландии и Нидерландов, немцев, проживающих по Рейну и в Ганновере, а также скандинавов.

Гобино, по-видимому, исключил из числа чистых арийцев основную массу немцев, проживавших к востоку и юго-востоку от проведенной им линии. Однако этот факт нацисты старались обходить молчанием, принимая его учение в целом.

И все же Гобино считал немцев, по крайней мере немцев, проживавших на западе Германии, лучшими представителями всех арийцев, и этот вывод нацисты, естественно, не замалчивали. Где бы ни появлялись немцы, по мнению Гобино, они везде содействовали прогрессу. Это утверждение относится и к Римской империи. Так называемые варварские германские племена, покорившие римлян и окрутившие их империю, оказали явную услугу всей цивилизации, поскольку римляне к началу VI века немногим отличались От выродившихся метисов, в то время как германцы являлись представителями чистой арийской расы.

Германцы арийского типа, — заявлял Гобино, — олицетворяют собой величественное создание природы… Поэтому все их мысли, слова и действия чрезвычайно важны».

Идеи Гобино были быстро подхвачены в Германии. Вагнер, который встретил французского социолога в 1876 году, уже на склоне лет (он умер в 1883 году), также с восторгом воспринял их, и вскоре общества Гобино распространились по всей Германии[40].

Необычайная жизнь и творчество Х. С. Чемберлена

К числу горячих сторонников обществ Гобино в Германии принадлежал Хьюстон Стюарт Чемберлен, на жизни и творчестве которого отразились превратности исторического процесса, приведшие к взлету и падению третьего рейха.

Чемберлен, сын английского адмирала и племянник фельдмаршала Великобритании сэра Невилла Чемберлена и двух английских генералов, зять

Рихарда Вагнера, родился в 1855 году в Портсмуте. Ему была уготована военная карьера — служба в британской армии или на флоте, однако слабое здоровье помешало этому и молодой человек получил образование во Франции и Женеве, где овладел французским языком, как родным.

В молодости судьба столкнула его с двумя немцами, а впоследствии его неумолимо притягивала к себе Германия, гражданином которой и одним из наиболее крупных мыслителей он в итоге стал.

Все свои многочисленные работы Чемберлен писал на немецком языке. Некоторые из них буквально ошеломили Вильгельма II, Адольфа Гитлера и многих менее известных немцев.

В 1870 году, когда Чемберлену было пятнадцать лет, его наставником стал Отто Кунц родом из Пруссии. На протяжении четырех лет он прививал восприимчивому, чувствительному мальчику почтительное отношение к воинствующей Пруссии и, умышленно играя на контрастах, воспитывал у него любовь к таким музыкантам и поэтам, как Бетховен, Гете, Шиллер и Вагнер. В девятнадцатилетнем возрасте Чемберлен влюбился в Анну Хорст, уроженку Пруссии, которая была старше его на десять лет и, подобно ему, отличалась повышенной экзальтированностью.

В 1882 году в возрасте двадцати семи лет Чемберлен переехал из Женевы, где в течение трех лет изучал философию, естествознание, физику, химию и медицину, в Байрейт. Там он познакомился с Вагнером, который, по словам Чемберлена, стал солнцем в его жизни, и женой композитора Козимой. Страстную и раболепную привязанность к Козиме Чемберлен сохранил до самых последних дней своей жизни.

В 1885 году вместе с Анной Хорст, ставшей его женой, Чемберлен переселился в Дрезден, где прожил четыре года. С этого времени Чемберлен заделался настоящим немцем, мыслил и говорил только по-немецки.

1889 году семья переехала в Вену и прожила там десять лет. ей в 1909 году Чемберлен вернулся в Байрейт, где прожил до самой смерти, последовавшей в 1927 году.

В 1905 году он развелся со своей прусской женой, которую боготворил всю жизнь. Анне исполнилось тогда шестьдесят; умственное и физическое состояние ее было намного хуже, чем состояние мужа. Расставание с женой Чемберлен пережил так болезненно, что, по его словам, чуть не сошел с ума. Спустя три года он женился на Еве Вагнер и поселился недалеко от «Ванфрида», чтобы быть ближе к матери своей жены, достопочтенной Козиме.

Будучи натурой сверхчувствительной и неврастеничной, склонной к частым срывам, Чемберлен утверждал, что иногда ему являются «демоны», которые, как он считал, подталкивают его к постоянному поиску новых сфер деятельности и побуждают к написанию новых работ. Одно видение сменялось другим, что заставляло Чемберлена бросать занятия биологией и переключаться на ботанику, изящные искусства, музыку, философию, историю, браться за написание автобиографии.

Однажды в 1896 году, когда Чемберлен возвращался из Италии, демонические силы так подействовали на него, что он сошел с поезда в Гардоне, заперся

в гостинице и восемь дней не выходил из номера. Он забросил работу над музыкальным сочинением, которым в тот момент занимался, и с присущей ему страстностью приступил к исследованиям в области биологии, пока не выяснил суть взволновавшей его проблемы, которая стала главной во всех его последующих работах: связь расы с историей.

Несмотря на все свои недостатки, Чемберлен обладал разносторонними познаниями в литературе, музыке, биологии, ботанике, религии, истории и политике. Как отмечалось, во всех опубликованных работах Чемберлена прослеживается некое глубинное единство, их характеризует исключительная целостность. Сам Чемберлен считал, что к написанию книг, посвященных исследованию творчества Вагнера, Гете, Канта, вопросам христианства и расовым проблемам его побуждают «демоны», по сути же, они создавались в состоянии настоящего транса и опьянения, вызванного переутомлением. Как отмечает Чемберлен в автобиографии «Жизненные пути», он зачастую не признавал эти работы своими, поскольку они превосходили его ожидания.

Впоследствии более уравновешенные по сравнению с Чемберленом исследователи опровергли его расовую теорию и большую часть исторических трудов, а такой крупный специалист в области германистики, как французский ученый Эдмонд Вермейл, считал идеи Чемберлена обыкновенным шарлатанством. Однако, по мнению биографа Гитлера, немецкого антифашиста Конрада Хайдена, который сожалел о воздействии расовой теории Чемберлена на массы, последний являл собой пример «одного из наиболее удивительных дарований в истории немецкого мировоззрения, кладезь знаний и серьезных мыслей».

Произведением, которое оказало наиболее сильное влияние на мировоззрение немцев, привело Вильгельма II буквально в восторг и позволило нацистам сформулировать свои расовые взгляды, стали «Основы девятнадцатого века». Эту работу, насчитывающую примерно 1200 страниц, Чемберлен, вновь оказавшись во власти «демонов», написал в Вене за полтора года (с 1 апреля 1897 года по 31 октября 1898 года) и опубликовал в 1899 году.

Как и Гобино, работы которого Чемберлен высоко ценил, он пришел к выводу, что ключом к пониманию истории, а по существу основой цивилизации, является расовый подход. Для объяснения сути XIX века, то есть современного мира, прежде всего требовалось установить, что было заимствовано из древности. Чемберлен утверждал, что заимствованы были три следующих явления: греческая философия и искусство, римское право и личность Иисуса Христа. Наследовали это достояние евреи, германцы («две чистые расы») и полукровки романского происхождения, жившие в районе Средиземноморья, которых Чемберлен называл «пародией на людей». Одни лишь германцы были достойны этого прекрасного наследия. Правда, в историю они вошли с некоторым опозданием, только в XIII веке. Но в предыдущую эпоху, разбив Римскую империю, они доказали свою значимость.

«Неправильно полагать, — писал Чемберлен, — что тевтонские варвары стали причиной так называемого средневекового заката, он наступил скорее в результате интеллектуального и морального банкротства, полного расового хаоса, порожденного умирающей Римской империей; однако благодаря тевтонам-германцам миру удалось избежать вечной мглы».

В момент написания этой работы Чемберлен видел в тевтонах единственную надежду на спасение человечества. В понятие «тевтоны» Чемберлен включал кельтов и славян, хотя главной составной частью рассматривал собственно тевтонов. Однако его определения довольно расплывчаты, а в одном месте он заявляет, что «тот, кто ведет себя как тевтон, является тевтоном независимо от своего расового происхождения». Вероятно, здесь он имел в виду собственное происхождение.

Кем бы ни являлись тевтоны, утверждал Чемберлен, они «душа нашей культуры». Значимость каждой нации, проживающей в настоящее время в рамках существующих держав, находится в прямой зависимости от наличия в ней подлинно тевтонской крови. Настоящая история началась в тот момент, когда тевтон властно положил свою руку на античное наследие.

А каково же отношение Чемберлена к евреям? В своих «Основах» он посвящает им самую большую главу. Как уже отмечалось, Чемберлен считал евреев и тевтонов единственно чистыми расами, оставшимися на Западе. В этой главе он осуждает «глупый и отвратительный антисемитизм». Евреи, по Чемберлену, не являются «низшей» расой по отношению к тевтонам, они просто «отличаются» от них. Им присуще собственное величие, они признают «святую обязанность» человека сохранять чистоту своей расы. И все же по мере рассмотрения Чемберленом еврейской проблемы он скатился на позиции вульгарного антисемитизма, который осуждает у других исследователей. Этот антисемитизм в итоге вылился в позорные карикатуры на евреев, которые публиковались нацистской газетой Юлиуса Штрейхера «Дер штюрмер» во времена Гитлера. По существу, большую часть «философского» обоснования антисемитизма нацисты почерпнули из этой главы книги Чемберлена.

Нелепость взглядов Чемберлена очевидна. Он заявлял, что личность Иисуса Христа — одно из трех великих достояний, унаследованных современной цивилизацией. Затем Чемберлен пытался «показать», что Иисус Христос не был евреем. То, что Иисус происходил из Галилеи и неправильно произносил гортанные звуки арамейского языка, служило для Чемберлена «неоспоримым доказательством», что в жилах Иисуса Христа «довольно много несемитской крови». Свой вывод Чемберлен подкреплял характерным безапелляционным заявлением: «Тот, кто утверждает, что Иисус Христос — еврей, либо просто глуп, либо говорит заведомую ложь… Иисус Христос — не еврей».

Кто же он в таком случае? Чемберлен отвечает: по всей вероятности, ариец! Если не по крови, то, несомненно, по интеллектуальности своего этического и религиозного учения, столь отличающегося от «материализма и абстрактного формализма» еврейской религии. Тогда вполне естественно, по крайней мере для Чемберлена, что Иисус Христос стал «богом молодых индоевропейских народностей, полных жажды жизни», и прежде всего богом тевтонов, поскольку именно «тевтонский народ, как никто другой, был готов внимать гласу всевышнего».

Затем Чемберлен подробно излагает свою версию возникновения еврейской расы, начиная со смешения семитов или обитавших в пустыне бедуинов с круглоголовыми хеттами, отличавшимися типичным еврейским носом, и кончая смешением с аморитами, которые были арийцами. К сожалению, смешение с аморитами, которые, по утверждению Чемберлена, были высокими, белокурыми красавцами, произошло слишком поздно, чтобы улучшить «подпорченную» наследственность евреев. Тут англичанин, как бы вступая в противоречие с

собственной теорией чистоты еврейской расы, делает вывод, что евреи превратились в «низшую» расу, что дало арийцам полное основание для «отрицания» Израиля. По существу, Чемберлен осуждает арийцев за то, что они породили у евреев «ощущение ложного величия». Затем он обнаруживает, что у евреев, «к сожалению, нет истинной религии».

В заключение Чемберлен усматривает путь к спасению в тевтонах и их культуре, причем наиболее одаренные из тевтонов — это германцы, поскольку они унаследовали лучшие качества греков и арийцев. Это дает им право править миром. «Господь бог полагается ныне только на одних немцев, — писал Чемберлен. — Эта уверенность, эта несомненная истина на протяжении многих лет питали мою душу».

«Основы девятнадцатого века» стали своего рода сенсацией и принесли странному англичанину пожизненную известность в Германии.

Несмотря на незаурядное красноречие и изощренный стиль — Чемберлен творил самозабвенно, — книга была нелегкой для чтения Однако вскоре ею заинтересовались высшие классы общества, которые, похоже, нашли в ней то, во что им хотелось верить. В течение десяти лет книга выдержала восемь изданий тиражом 60 тысяч экземпляров; к началу первой мировой войны было продано 100 тысяч экземпляров.

Во времена нацизма книга снова стала пользоваться популярностью, и я помню, как в 1938 году объявляли о двадцать четвертом издании «Основ», К тому моменту было продано уже более четверти миллиона экземпляров.

Среди первых и самых восторженных почитателей книги был кайзер Вильгельм II. Он пригласил Чемберлена к себе в Потсдамский замок; буквально с первой встречи у них завязались дружеские отношения, сохранившиеся до кончины Чемберлена. Они часто обменивались письмами. Чемберлен направил императору сорок три послания, Вильгельм ответил на двадцать три из них, а некоторые, представлявшие собой пространные эссе, частично использовал в своих высокопарных речах и заявлениях.

«Всевышний послал Вашу книгу германскому народу, а Вас лично мне», писал кайзер в одном из своих первых писем.

Раболепие Чемберлена, его непомерная лесть в этой переписке не могут не вызвать отвращения. «Вы, Ваше Величество, и Ваши подданные, — писал он, родились в святом храме». Далее Чемберлен сообщал Вильгельму II, что повесил его портрет в своем рабочем кабинете прямо против картины Леонардо да Винчи, на которой изображен Иисус Христос, поскольку, работая, имел обыкновение прохаживаться по кабинету и смотреть на лики спасителя и своего монарха.

Однако раболепие не мешало Чемберлену постоянно давать советы упрямому, любившему покрасоваться монарху. В 1908 году оппозиция Вильгельму II со стороны общественности достигла таких размеров, что рейхстаг неодобрительно высказался по поводу его пагубного вмешательства в международные дела. Но Чемберлен успокоил императора, заявив, что общественное мнение формируют дураки и предатели и на него не следует обращать внимания, на что Вильгельм II ответил, что отныне они станут

действовать вместе: «Вы сражайтесь своим пером, я — словом и сокрушающим мечом».

Англичанин всегда старался напомнить императору о высоком предназначении Германий. «Когда Германия завоюет власть, — писал Чемберлен после начала первой мировой войны, — а мы с полным основанием можем надеяться на это, — она немедленно приступит к проведению научно обоснованной гениальной политики. Император Август произвел систематичное преобразование мира, Германия призвана поступить также… располагая оружием наступления и обороны, будучи всесторонне и безупречно организована, подобно армии, опередившая всех в области искусства, науки, техники, промышленности, торговли и финансов — короче говоря, в любой области; когда каждый учитель, кормчий и первопроходец, каждый человек на своем посту отдаст всего себя святому делу, тогда Германия покорит весь мир своим внутренним превосходством». За пропаганду столь славной миссии, уготованной его вновь обретенной родине (Чемберлен стал гражданином Германии в 1916 году, с самый разгар войны), кайзер наградил его Железным крестом.

Однако самое большое влияние учение англичанина оказало на третий рейх, возникший через шесть лет после его смерти, но предсказанный им гораздо раньше. Его теории расового подхода и страстная вера в особое предназначение немцев и Германии были подхвачены нацистами, которые провозгласили Чемберлена одним из своих пророков. Во времена гитлеровского режима лавиной хлынули книги, памфлеты и статьи, прославляющие «духовного отца» национал-социалистской Германии. Розенберг, являвшийся одним из наставников Гитлера, часто изливал фюреру свои восторги по поводу учения английского философа.

Вполне вероятно, что Гитлер впервые услышал о работах Чемберлена еще в Вене, поскольку взгляды англичанина пользовались популярностью в пангерманских и антисемитских кругах, литературу которых с такой жадностью в ту пору поглощал Гитлер. Не исключено также, что он читал некоторые из шовинистических статей Чемберлена и во время войны. В «Майн кампф» Гитлер выразил сожаление по поводу того, что наблюдения Чемберлена не получили широкого развития во времена второго рейха.

Чемберлен был одним из первых интеллектуалов Германии, кто предсказал Гитлеру большое будущее, а также новые перспективы для немцев, если они последуют за ним. Гитлер познакомился с Чемберленом в Байрейте в 1923 году. Хотя философ был болен и наполовину парализован, к тому же разочарован поражением Германии и крахом империи Гогенцоллернов, — крушение всех его надежд и прогнозов! — его буквально потрясло красноречие молодого австрийца.

«Вам предстоят великие свершения, — написал он Гитлеру на следующий день. — …Моя вера в германизм не поколебалась ни на минуту, хотя мои надежды, признаюсь, почти разбились. В одно мгновение Вам удалось перевернуть мне душу. То, что в суровый час испытаний Германия произвела на свет Гитлера, свидетельствует о ее жизнеспособности; это же подтверждает исходящее от Вас влияние; ибо эти два явления — личность и влияние неразделимы… Да благословит Вас господь!»

В то время большинство немцев по-прежнему не воспринимали всерьез Адольфа Гитлера с его усиками, наподобие Чарли Чаплина, с грубыми манерами и оголтелым экстремизмом.

У него было немного последователей. Но гипнотическая притягательность личности Гитлера очаровала престарелого философа И вновь вселила в него веру в нацию, избранную и прославляемую им.

Чемберлен вступил в нацистскую партию, которая неуклонно росла, и по мере сил и возможностей стал писать для пока малоизвестных печатных партийных органов.

В одной из своих статей, опубликованных в 1924 году восхвалял Гитлера, который находился тогда в тюрьме, называя его избранником божьим, призванным повести за собой германскую нацию. Судьба благоволила к Вильгельму II, но он не оправдал надежд, и вот теперь на арене истории появился Адольф Гитлер.

Семидесятилетие незаурядного англичанина 5 сентября 1925 года было отмечено многословным панегириком, напечатанным в нацистской газете «Фелькишер беобахтер», где «Основы» Чемберлена приравнивались к «евангелию нацистского движения». Спустя почти полтора года, 11 января 1927 года, Чемберлен скончался, искренне веря в осуществление того, что он проповедовал, под мудрым руководством новоявленного германского мессии.

Помимо наследного принца, представлявшего Вильгельма II который не мог вернуться на немецкую землю, Гитлер был единственным общественным деятелем на похоронах Чемберлена. Сообщая о кончине английского философа, «Фелькишер беобахтер» писала, что германский народ потерял «одного из великих мастеров оружейного дела, чье оружие в наши дни не нашло пока своего применения».

Ни наполовину парализованный, умирающий старец, ни Гитлер, никто другой в Германии не мог предположить в тот холодный день января 1927 года, когда нацистская партия переживала свой самый трудный период, как скоро, очень скоро оружие, выкованное бывшим англичанином, будет применено в полной мере и к каким страшным последствиям это приведет.

Тем не менее в те дни, а может, и раньше Адольф Гитлер начал таинственным образом постигать свое предназначение на земле. «Из миллионов… — писал он в «Майн кампф», — шаг вперед должен сделать один-единственный… кто силой убеждения из зыбкого идеализма широких масс сформулирует твердые принципы и возглавит борьбу во имя торжества правого дела, пока из набегающих волн праздного мира не появится гранитный утес, отлитый из нерушимого единства веры и воли».

Гитлер со всей определенностью давал понять своим читателям, что всегда рассматривал себя в качестве этого единственного человека. «Майн кампф» изобилует отступлениями о роли гения, которому само провидение доверяет

повести за собой великий народ, хотя сначала не все из-за своих мелочных забот смогут понять этого человека и осознать выпавшую ему роль великого лидера. Читатель отдает себе отчет в том, что Гитлер писал о себе и о нынешнем своем положении. Он не получил пока всемирного признания в качестве того, кем на самом деле являлся; однако так обычно и складывается поначалу судьба гениев.

«Всегда необходим определенный стимул, чтобы талантливый обрел себя, писал Гитлер. — Весь мир сопротивляется этому и не хочет верить, что незаурядная личность вдруг стала именно такой; подобный процесс повторяется с каждым выдающимся сыном человечества… Искры гениальности присутствуют в подлинно творческой личности с момента ее появления на свет. Подлинный творец всегда таков от природы, его никогда нельзя искусственно взрастить, тем более нельзя обучить этому».

Великие люди, творцы истории, в частности, по мнению Гитлера, объединяют в себе качества политиков-практиков и мыслителей. На долгую историю человечества политики лишь изредка обладали паром теоретиков. Чем глубже было это внутреннее единство, тем больше препятствий вставало на пути политического деятеля. Он уже не просто добивался того, что было без труда понятно простому лавочнику, а шел к достижению целей, которые могли понять лишь немногие. Поэтому в жизни он разрывался между любовью и ненавистью. Настоящее, не способное понять его, боролось против будущего, ради которого он трудился. Чем больше деяний совершает человек ради будущего, тем меньше настоящее способно оценить их, тем тяжелее борьба…»

Эти строки написаны в 1924 году, когда немногие понимали, что намеревался осуществить человек, находившийся в тюрьме и покрывший себя позором после провала марионеточного путча. Гитлер же в себе не сомневался. Можно спорить, читал он труды Гегеля или нет. Однако из работ Гитлера и его выступлений ясно, что с идеями философа он был знаком, возможно, правда, из бесед со своими первыми наставниками Розенбергом, Экартом и Гессом. Так или иначе, знаменитые лекции Гегеля в Берлинском университете привлекли внимание Гитлера, впрочем, как и многие афоризмы Ницше. Мы вкратце уже упоминали о том, что Гегель развил теорию «героя» (личности), которая весьма импонировала немецкому духу. В одной из своих берлинских лекций Гегель рассматривал, как «воля мирового духа» воплощается в жизнь «отдельными историческими личностями».

Гегель считал, что их можно именовать героями в той же мере, в какой они избирают свои цели и определяют свое назначение не в тихом заурядном бытии, а отыскивают их в скрытых резервах с помощью внутреннего духа, скрытого от внешнего взора, который обрушивается на внешний мир, как на некую скорлупу, и разбивает его на мелкие осколки. К таким личностям относятся Александр Македонский, Цезарь, Наполеон. Они были практичными политиками. В то же время они являлись мыслителями, хорошо понимающими требования времени — необходимость изменений. В этом подлинная правда их века, их мира… Им дано понять зарождавшиеся принципы, потребные в то время для преодоления последующей ступени развития; определить это в качестве своей главной цели и направить всю свою энергию на ее достижение. Исторические личности мирового масштаба — героев эпохи — надо поэтому рассматривать как ясновидцев, их поступки, их мысли полнее всего олицетворяют то время.

Невольно возникает аналогия между приведенным высказыванием Гегеля и упоминавшейся выше цитатой из «Майн кампф» Единство политика и мыслителя вот что создает героя, «историческую личность мирового масштаба»: македонских, цезарей, наполеонов. Если в себе самом, как уверовал теперь Гитлер, он нашел такое единство, разве не мог он встать в один ряд с ними?

В высказываниях Гитлера сквозит мысль, что лидер, наделенный высшей властью, выше морали ординарной личности. Тех же взглядов придерживались Гегель и Ницше. Мы приводили уже довод Гегеля, что «личная добродетель» и «неуместные моральные устои» не должны стоять на пути великих правителей и никого не должно коробить, если герои, выполняя свой долг, сомнут или «раздавят» множество невинных цветков. Ницше с присущим ему выразительным преувеличением идет дальше: «Сильных людей, владык в душе обуревают чувства хищных зверей; радость переполняет чудовище, когда приходится сталкиваться с убийством, поджогом, насилием и пытками, и это вселяет в сердца не меньшую радость, а в души — не меньшее удовлетворение, чем обычная студенческая шутка… Если человек способен командовать, если он от природы «хозяин и владыка», если он неистов в своих поступках и жестах, что значат для него писаные законы?.. Чтобы правильно оценить мораль, ее надо заменить двумя понятиями, заимствованными из зоологии: укрощение животного и выведение особой породы».

Подобные учения, доведенные до крайности Ницше и восторженно встреченные многими немцами, судя по всему, оказали сильное влияние на Гитлера. Гений, выполняющий предназначенную ему миссию, выше закона; его не может связывать «буржуазная» мораль. Таким образом, когда настало время активных действий, Гитлер уже знал, чем оправдать такие жестокие, леденящие кровь деяния, как подавление свободы личности, грубая практика рабского труда, ужасы концентрационных лагерей, кровавая расправа над своими сторонниками в июне 1934 года, убийства военнопленных и массовое истребление евреев.

Когда Гитлер вышел из тюрьмы в крепости Ландсберг за пять дней до рождества 1924 года, он оказался в ситуации, которая заставила бы любого другого навсегда отойти от политики. Нацистская партия и ее печатные органы были запрещены; бывшие лидеры погрязли в междоусобных распрях или вообще отошли от дел. Гитлеру не разрешалось выступать публично. Но самым страшным было то, что ему грозила депортация в родную Австрию. Баварская полиция настоятельно рекомендовала поступить таким образом в своем отчете, направленном в министерство внутренних дел.

Даже многие из старых товарищей придерживались мнения, что Гитлер не состоялся как лидер и о нем скоро забудут, как забывали многих провинциальных политически деятелей, которым удавалось на какое-то время привлечь к себе внимание общественности в те бурные годы, когда казалось, что республика вот-вот пошатнется[41].

Однако республика, выдержав все невзгоды, процветала. В то время когда Гитлер находился в тюрьме, в целях стабилизации валютного положения Германии был приглашен финансовый гений др. Яльмар Шахт, которому удалось добиться определенных успехов. Гибельная инфляция была приостановлена. Бремя репараций смягчено посредством плана Дауэса. Начался приток капиталов 0 Америки. Экономика быстро возрождалась.

Штреземану удавалось проводить политику примирения с союзниками. Французские войска постепенно выводились из Рурской области. Правительства приступили к обсуждению гарантийного пакта, который призван был проложить путь к общеевропейскому соглашению (Локарнские договоры) и вступлению Германии в Лигу Наций. Впервые со времени поражения в войне после шести лет напряженности, беспорядков и депрессии германский народ зажил нормальной жизнью.

За две недели до выхода Гитлера из тюрьмы социал-демократы, названные им преступниками Ноября, в ходе всеобщих выборов, на которых республике была оказана поддержка, укрепили свои позиции — за них проголосовало на 30 процентов больше избирателей, то есть почти восемь миллионов человек. Число голосов, отданных за нацистов, которые объединились с расистскими группировками Севера в «национал-социалистское движение за свободу Германии», значительно сократилось (почти два миллиона в мае 1924 года и менее миллиона в декабре того же года). Казалось, нацизму пришел конец. Нацистское движение достигло успехов в период, когда на страну сыпались несчастья, теперь же, когда перспективы развития нации резко улучшились, оно теряло авторитет. По крайней мере, так считали большинство немцев и иностранных наблюдателей.

Адольф Гитлер думал по-иному. Его не так легко было заставить разувериться, и он умел ждать. Размышляя над своей жизнью в зимние месяцы 1925 года в небольшой двухкомнатной квартире на верхнем этаже дома номер 45 по Тирштрассе в Мюнхене и позднее, когда наступило лето и он жил в разных гостиницах в окрестностях Оберзальцберга под Берхтесгаденом, Гитлер пришел к выводу, что неудачи недалекого прошлого и превратности настоящего лишь укрепили его решимость.

В тюрьме у Гитлера было достаточно времени, чтобы не только разложить по полочкам свое прошлое, свои победы и ошибки, но и хорошенько поразмыслить о бурном прошлом германской нации, ее триумфах и поражениях. Теперь он имел более ясное представление об этом.

У Гитлера вновь появилось острое ощущение как собственного предназначения, так и предназначения Германии в целом, и здесь у него не было ни малейшего сомнения.

Находясь в состоянии душевного подъема, он закончил диктовку первого тома «Майн кампф» и сразу же приступил к работе над вторым томом. Предначертания того, к чему всевышний призвал Гитлера в полном катастроф мире, и мировоззрение, на которое он опирался, были изложены им на бумаге, увидели свет и могли по достоинству быть оценены всеми. Эта философия, какой бы сумасбродной она ни казалась, уходила, как уже отмечалось, глубокими корнями в историю Германии. Большинству современников живших в XX веке, даже немцам, изложенная Гитлером программа представлялась нелепой. Однако в ней прослеживалась определенная последовательность, были намечены четкие перспективы. Программа предлагала, хотя лишь немногие в ту пору понимали это, продолжение германской истории. Она предсказывала Германии славное будущее.

КНИГА ВТОРАЯ — ТРИУМФ И КОНСОЛИДАЦИЯ СИЛ

ПУТЬ К ВЛАСТИ: 1925–1931 ГОДЫ

Период между 1925 годом и началом экономического кризиса 1929 года оказался неблагоприятным для нацистского движения и Адольфа Гитлера, но он хотел проявить себя человеком, который никогда не отчаивается и не теряет уверенности. Несмотря на повышенную возбудимость, нередко приводившую к припадкам истерии, он умел терпеливо ждать и был достаточно умен, чтобы понимать, что политический климат, сложившийся в те годы в Германии вследствие экономического подъема и ослабления напряженности, не способствует достижению поставленных им целей.

Он был убежден, что хорошие времена для Германии рано или поздно кончатся. Ее благополучие, как говорил он, зависело не от ее собственной силы, а от силы других, прежде всего Америки, из переполненной казны которой текли займы, призванные обеспечить Германии стабильное процветание. За период с 1924 по 1930 год она получила в виде займов около семи миллиардов долларов — по большей части от американских финансистов, мало задумывавшихся над тем, каким образом она сумеет расплатиться с долгами. Сами же немцы думали об этом и того меньше.

Займы, получаемые республикой, шли на платежи по репарациям и на расширение дорогостоящей социальной сферы, служившей образцом для всего мира. Правители земель, муниципалитеты расхватывали занятые деньги не только на благоустройство городов, но и на строительство аэродромов, театров, стадионов и модных плавательных бассейнов. Промышленность, долги которой обесценивались вследствие инфляции, получала миллиардные кредиты на замену оборудования и модернизацию производства. Объем промышленной продукции, составлявший в 1923 году 55 процентов Уровня 1913 года, к 1927 году возрос до 122 процентов. Впервые за послевоенное время уровень безработицы опустился ниже миллионной черты, и в 1928 году число безработных составляло 650 тысяч человек. Розничный товарооборот увеличился в том же году на 20 процентов по сравнению с 1925 годом, а реальная заработная плата спустя год возросла по сравнению с четырьмя предшествующими годами на 10 процентов. Плодами экономического подъема отчасти пользовались и низшие слои общества многомиллионная масса лавочников и мелких служащих, на поддержку которых Гитлер рассчитывал.

Как раз в эти годы и состоялось мое знакомство с Германией. Париж, где я проживал в то время, и Лондон, куда периодически наведывался, способны были очаровать такого молодого американца, как я, которому посчастливилось вырваться из затхлой, бездуховной атмосферы, господствовавшей в Америке в годы президентства Калвина Кулиджа, и все же впечатление от этих столиц тускнело, когда я приезжал в Берлин или

Мюнхен. Казалось, в Германии действует какой-то чудесный фермент. Люди жили там более свободной, более современной, более увлекательной жизнью, чем в любой другой из знакомых мне стран. Нигде искусства, интеллектуальная жизнь не были столь активны, как в Германии. В литературе живописи, архитектуре, музыке, театре возникали новые школы, рождались талантливые произведения. И в центре всего находилась молодежь.

Бывало, целые ночи проходили в нескончаемых беседах о жизни в кругу моих ровесников, собиравшихся в кафе, в фешенебельных барах, в местах отдыха, на палубах пароходов в Рейнской области или в прокуренных мастерских художников. Пышущие здоровьем, беззаботные солнцепоклонники, они жаждали полнокровной жизни в условиях полной свободы. Гнетущий дух пруссачества, казалось, исчез без следа. Большинство немцев — политики, писатели, редакторы, художники, профессора, студенты, деловые люди, рабочие лидеры поражали своим демократизмом, либеральными или пацифистскими взглядами. О Гитлере, о нацистах почти не вспоминали, разве что в шутку, когда речь заходила о «пивном путче». На выборах 20 мая 1928 года нацистская партия набрала всего 810 тысяч голосов из 31 миллиона и получила в рейхстаге около десятка мест из общего числа 491. Консервативные националисты тоже понесли большие потери: если в 1924 году за них голосовало шесть миллионов избирателей, то в 1928 году только четыре миллиона, а число мест в парламенте сократилось со 103 до 73. Социал-демократы, напротив, получили на миллион с четвертью голосов больше (всего за них проголосовало более девяти миллионов человек), обеспечив себе 153 места в рейхстаге. Таким образом, социал-демократическая партия оказалась самой влиятельной партией в Германии. Наконец-то, спустя десять лет после окончания войны, Германская республика прочно встала на ноги.

В том юбилейном, 1928 году национал-социалистская партия насчитывала 108 тысяч членов. Число небольшое, и росло оно медленно. В конце 1924 года, через две недели после выхода из тюрьмы, Гитлер добился аудиенции у Генриха Хольда — министра-президента и руководителя католической народной партии Баварии. В ответ на клятвенное обещание Гитлера вести себя прилично Хольд снял запрет с нацистской партии и ее печатного органа. «Бестия обуздана, сообщил он министру юстиции Гюртнеру, — теперь можно ослабить путы». Баварский министр-президент был до отнюдь не последним среди германских политиков, допустивших роковой просчет.

26 февраля февраля 1925 года вышел первый после снятия запрета номер «Фелькишер беобахтер» с редакционной статьей (автором ее был Гитлер) «Новое начало». На следующий день фюрер выступил на собрании возрожденной нацистской партии, состоявшемся в той самой пивной «Бюргербройкеллер», откуда он и его приспешники сам 9 ноября полтора года назад начали свой злосчастный марш. На этот раз многие из верных друзей отсутствовали. Экарта и Шейбнера-Рихтера уже не было в живых. Геринг находился в эмиграции. Людендорф и Рем порвали со своим шефом. Розенберг, враждовавший со Штрейхером и Эссером, считал себя обиженным и держался в стороне. Грегор Штрассер, пока Гитлер сидел за решеткой, а нацистская партия находилась под запретом, возглавлял вместе с Людендорфом «национал-социалистское движение за свободу Германии». Когда Гитлер попросил Антона Дрекслера председательствовать на собрании, старый слесарь, основатель партии, послал его к черту. Тем не менее в пивной собралось около четырех тысяч приверженцев, пожелавших снова послушать Гитлера, и он не обманул их ожиданий. Его красноречие, как всегда,

зажигало. В конце двухчасовой речи толпа разразилась аплодисментами. Несмотря на то что многие приспешники покинули его и перспективы движения не радовали, Гитлер ясно дал понять, что считает себя единоличным вождем партии. «Я один руковожу движением, и никто не может навязать мне свои условия, ибо я, только я несу ответственность, заявил он и добавил: — На мне снова лежит ответственность за все, что происходит в движении».

Идя на это собрание, Гитлер ставил перед собой две задачи: одна из них состояла в том, чтобы сосредоточить в своих руках всю полноту власти, другая — в том, чтобы возродить нацистскую партию как политическую организацию, которая добивалась бы власти исключительно конституционными средствами. Смысл этой тактики он изложил Карлу Людекке — одному из своих приспешников, в то время все еще отбывавшему тюремное заключение:

«Когда я снова начну действовать, то прибегну к новой тактике. Вместо того чтобы добиваться власти путем военного переворота, мы проникнем в рейхстаг и там развернем борьбу с католическими и марксистскими депутатами. Конечно, перестрелять противников быстрее, чем победить их на выборах, зато гарантом нашей власти станет их же конституция. Всякий юридический процесс требует времени. Но рано или поздно мы все же завоюем большинство сначала в рейхстаге, а потом и в Германии».

Вот почему после освобождения из тюрьмы он заверил министра-президента Баварии, что нацистская партия впредь будет действовать в рамках конституции.

Но 27 февраля, выступая в пивной «Бюргербройкеллер», Гитлер, поддавшись энтузиазму толпы, обрушился на земельные власти с плохо скрытыми угрозами. Врагами были названы и республиканце министры, и марксисты, и евреи. В заключительной части своей речи он воскликнул: «В нашей борьбе возможен только один исход: либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его!»

Первое же публичное выступление Гитлера после выхода тюрьмы показало, что «бестия» вовсе не обуздана. Несмотря обещание вести себя прилично, он снова угрожал властям насилием. Правительство Баварии тотчас запретило ему публичные выступления на два года. Примеру Баварии последовали другие земли. Это был тяжелый удар для человека, столь преуспевшего благодаря своему ораторскому искусству. Умолкший Гитлер равнозначен Гитлеру побежденному. Он так же беспомощен, как боксер выпущенный на ринг в наручниках. Так, во всяком случае, думали большинство людей.

Но они ошиблись и на этот раз. Они забыли, что Гитлер не только оратор, но и организатор. Лишенный права выступать публично, он, стиснув зубы, развернул лихорадочную деятельность по реорганизации «национал-социалистского немецкого рабочего союза», намереваясь превратить его в такую партию, какой Германия еще не знала. Он имел в виду создать структуру, похожую на армейскую, — некое государство в государстве. В качестве первоочередной задачи выдвигалась вербовка новых членов, которые платили бы взносы. В конце 1925 года в партии насчитывалось всего 27 тысяч членов. Дело двигалось медленно, но с каждым годом организация росла: в 1926 году в ней уже насчитывалось 49 тысяч членов, в 1927 — 72 тысячи, в 1928 108 тысяч, в 1929 — 178 тысяч.

Вторая, и более важная, задача состояла в том, чтобы создать разветвленную партийную структуру по аналогии с существующей системой государственной власти и общественными институтами. Страна была поделена на области, или «гау», приблизительно соответствовавшие 34 избирательным округам по выборам в рейхстаг, во главе которых стояли назначенные Гитлером гауляйтеры. Было учреждено также семь дополнительных «гау» за пределами Германии: в Австрии, Данциге, Саарской и Судетской областях. «Гау» в свою очередь были поделены на «крайсы» (округа) во главе с крайслейтерами. В округа входили «ортсгруппы», то есть местные организации, которые делились на уличные ячейки, а последние — на квартальные блоки.

Политическая организация нацистской партии состояла из двух отделов: ПО-1 — предназначался для дискредитации и подрыва республиканского строя, ПО-2 — занимался строительством государства в государстве. Ко второму отделу относились подотделы сельского хозяйства, юстиции, экономики, внутренних дел, трудовых ресурсов, а в будущем подотделы расовых отношений, культуры и техники. ПО-1 состоял из подотделов внешних сношений, профсоюзов и печати рейха. Кроме двух ПО существовал особый отдел пропаганды со своей разветвленной структурой.

Часть нацистских головорезов, зачинщиков уличных драк и пьяных дебошей, была против вовлечения женщин и детей в нацистскую партию, но Гитлер и для них создал специальные организации

«Гитлерюгенд», например, объединяла юношей в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет и имела свои секции (культуры, школьного образования, печати, пропаганды, оборонительных видов спорта и другие), а подростки в возрасте от десяти до пятнадцати с вовлекались в организацию под названием «Немецкая молодежь». Для девочек существовала Лига немецких девушек, а для женщин — национал-социалистские союзы женщин. Студенты, преподаватели, служащие учреждений, врачи, адвокаты имели свои организации, а для художников и других деятелей культуры был учрежден «Национальный культурный бунд».

Потребовалось немало усилий, чтобы преобразовать организацию под названием СА (боевые отряды) в вооруженное формирование, насчитывавшее несколько тысяч человек и призванное охранять нацистские сборища, разгонять рабочие митинги и вообще терроризировать тех, кто выступал против Гитлера. Некоторые руководители СА рассчитывали, что с приходом фюрера к власти она заменит регулярную армию. Для начала был создан специальный военно-политический центр во главе с генералом Францем Риттером фон Эппом. По идее, пять его отделов должны были ведать такими вопросами, как внешняя и внутренняя безопасность, силы обороны, оборонный потенциал. Однако на деле СА, состоявшая из молодчиков в коричневых рубашках, как была, так и осталась сбродом крикунов и громил. Многие из ее высших чинов, начиная с главаря Рема, были известны как гомосексуалисты, а лейтенант Эдмунд Хайнес, возглавлявший мюнхенские отряды СА, был судим за убийство. Как десятки им подобных, они ссорились и враждовали между собой, как могут враждовать лишь те, кто обременен противоестественными сексуальными наклонностями и кого мучает не свойственное нормальным людям чувство ревности.

Желая иметь в своем распоряжении более надежную опору, Гитлер создал СС; эсэсовцам выдали форму черного цвета (по примеру итальянских фашистов), и они должны были присягать на верность лично фюреру. Сначала отряд СС предназначался только для его личной охраны. Первым начальником СС стал сотрудник «Фелькишер беобахтер» Берхтольд, но он счел себя более пригодным для сравнительно спокойной редакционной работы, чем для роли полицейского и солдата, поэтому вскоре был заменен неким Эрхар-Дом Хайденом, в прошлом подвизавшимся в незавидной роли полицейского осведомителя. Лишь в 1929 году Гитлер подобрал наконец идеальную кандидатуру на пост начальника СС: ею оказался владелец птицефермы в деревне Вальдтрудеринг близ Мюнхена — тихий, вежливый человек, которого люди, впервые его видевшие, в том числе и автор этих строк, ошибочно принимали за учителя провинциальной школы. Когда Гиммлер занял этот пост, в охранных отрядах СС насчитывалось около двухсот человек, а когда заканчивал службу, они занимали в Германии господствующее положение. Одно упоминание СС наводило ужас на оккупированную Европу.

На вершине партийной пирамиды стоял Адольф Гитлер, носивший пышный титул «верховный фюрер партии и СА, председатель национал-социалистской немецкой рабочей организации». При секретариате действовал директорат рейха в составе высших должностных лиц партии и таких деятелей, как «казначей рейха» и «управляющий деловой жизнью рейха». У того, кто посещал помпезный «коричневый дом» в Мюнхене, являвшийся всегерманским центром партии в последние годы существования республики, складывалось впечатление, что именно здесь и размещается государство в государстве. На такое впечатление Гитлер, без сомнения, и рассчитывал, ибо стремился подорвать доверие к существующему республиканскому строю как внутри страны, так и за ее пределами, — строю который он замышлял свергнуть.

Однако в намерения Гитлера входило нечто более важное, чем просто произвести впечатление. Через три года после прихода к власти, 9 ноября 1936 года, выступая в пивной «Бюргерброй-келлер» на юбилейном собрании перед старыми борцами, он объяснил, какую, в частности, цель преследовал, преобразуя партию в столь грозную и всеобъемлющую организацию. «Мы понимаем, — сказал он, вспоминая те дни, когда партия реорганизовывалась после путча, — что мало свергнуть старую власть — требуется заблаговременно создать и держать наготове новую… В 1933 году речь шла не о свержении старой власти, а об укреплении новой, ибо новое правительство практически уже существовало. Оставалось лишь уничтожить обломки старой, на что потребовалось всего несколько часов».

Ни одна организация при всей ее слаженности и действенности не обходится без внутренних распрей, и Гитлер, создавая нацистскую партию, призванную решать судьбу Германии, имел массу хлопот со своими приспешниками, которые постоянно враждовали не только друг с другом, но и с ним. Однако вот что странно: будучи по натуре крайне нетерпим ко всяким проявлениям инакомыслия, он терпимо относился к фактам аморального поведения своих людей. Ни одна другая партия в Германии не вовлекала в свои ряды такого множества темных личностей. Как мы знаем, в партию толпами шли сутенеры, убийцы, гомосексуалисты, алкоголики и шантажисты, как если бы она была для них землей обетованной. Но Гитлер смотрел на это сквозь пальцы, поскольку считал, что они могут быть полезны. Выйдя из тюрьмы, он обнаружил, что его приспешники перегрызлись между собой; более того, некоторые «добропорядочные» и строгие представители руководящей верхушки

(такие, как Розенберг и Людендорф) требовали исключения преступных элементов и извращенцев из движения. Гитлер без обиняков отклонил это требование. «Я не считаю, что в задачу политического руководителя, — заявил он в статье «Новое начало», — входит улучшение, а тем более перековка человеческого материала, которым он располагает».

Однако к 1926 году обвинения и контробвинения, выдвигаемые нацистскими лидерами, приняли настолько скандальный характер, что Гитлер учредил партийный суд, который призван был улаживать конфликты и не позволять соратникам копаться в грязном белье друг друга. Этот суд получил название УШЛА — «Комиссия по расследованию и улаживанию». Его первым председателем стал отставной генерал Хейнеман, но он оказался неспособен уяснить истинную цель суда, которая заключалась не в том, чтобы выносить приговоры лицам, обвиняемым в уголовных преступлениях, а в том, чтобы замять то или иное дело, не допускать огласки, которая могла привести к ослаблению партийной дисциплины и подрыву авторитета фюрера. Поэтому на место генерала назначили более сообразительного отставного майора Вальтера Буха, придав ему с двух помощников. Один из них — Ульрих Граф, бывший мясник, ранее служил в личной охране Гитлера, другой — Ганс Франк, молодой нацист, был юристом. О нем мы расскажем подробнее, когда речь пойдет о его кровавых злодеяниях в оккупированной Польше, где он служил генерал-губернатором, — злодеяниях, за которые он поплатился жизнью на виселице Нюрнберга. Такой судейский триумвират вполне устраивал Гитлера. Если кого-либо из видных нацистов обвиняли в тяжком преступлении, Бух неизменно вопрошал: «Ну и что из этого?» Для него важно было одно: не причинило ли это преступление ущерба партии и не запятнало ли репутацию фюрера?

Во многих случаях партийный суд оказывал нужное воздействие, однако и ему не всегда удавалось держать в узде честолюбивых и агрессивных нацистских бонз. Нередко Гитлеру приходилось вмешиваться лично, дабы не только сохранить видимость единства, но и уберечь себя.

Пока Гитлер томился в заключении в Ландсберге, в нацистском движении выдвинулся молодой человек по имени Грегор Штрассер — аптекарь по профессии, уроженец Баварии, на три года моложе Гитлера. Он также был награжден Железным крестом первой степени. Начав военную службу рядовым, он дослужился до лейтенанта. В 1920 году вступил в нацистскую партию, а некоторое время спустя стал гауляйтером Нижней Баварии. Рослый, крепкого сложения, излучающий энергию, этакий бонвиван, он вырос в крупного деятеля скорее благодаря своей внешности, чем ораторскому искусству, которым владел Гитлер. Однако он был прирожденный организатор. Будучи по характеру человеком независимым, Штрассер отказывался раболепствовать перед Гитлером и не был склонен всерьез относиться к притязаниям австрийца на роль абсолютного диктатора нацистского движения. Это его позиция, равно как и искренняя приверженность «социализму» национал-социалистского движения, в конечном счете имели для него пагубные последствия.

Вопреки воле Гитлера, сидевшего тогда в тюрьме, Штрассер в блоке с Людендорфом и Розенбергом создал «народное движение»" с целью баллотироваться на предстоящих весной 1924 года земельных и общегерманских выборах. В Баварии этот блок набрал достаточно голосов, чтобы стать второй по влиятельности партией; В Германии, как мы уже

знаем, эта партия набрала два миллиона голосов и получила 32 места в рейхстаге. Одно из этих мест досталось Штрассеру. Гитлер с завистью наблюдал за деятельностью молодого человека, успех которого его отнюдь не радовал. Штрассер в свою очередь не проявлял желания признавать Гитлера хозяином и демонстративно не явился на состоявшееся 27 февраля 1925 года в Мюнхене сборище, которое возродило нацистскую партию.

Гитлер понимал, что подлинно общегерманский размах его движение сможет обрести лишь в том случае, если найдет опору в Северной Германии, то есть в Пруссии, и прежде всего в цитадели врага — Берлине. На выборах 1924 года Штрассер баллотировался на севере и заключил союз с местными крайне националистическими группами во главе с Альбрехтом фон Графе и графом Эрнстом фон Ревентлов. Это помогло ему завязать личные знакомства и заручиться поддержкой региона; кроме него, ни один нацистский лидер такой поддержкой в тех краях не пользовался. Через две недели после собрания Гитлер, смирившись с успехом Штрассера, позвал его к себе и предложил заняться организацией нацистской партии в Северной Германии. Штрассер согласился. Он считал, что ему представился подходящий случай показать свои способности, не ощущая стоящего над душой завистливого и надменного фюрера.

Несколько месяцев спустя он основал в столице газету «Берлинер арбайтерцайтунг», редактором которой стал его брат Отто, и информационный бюллетень «Национал-социалистише брифе», призванный держать нацистскую верхушку в курсе партийной политики. Он же заложил основы политической организации с отделениями в Пруссии, Саксонии, Ганновере и индустриальной Рейнской области. Живой, неутомимый, настоящий генератор идей, Штрассер разъезжал по Северной Германии, выступая на собраниях, назначая областных фюреров, сколачивая партийный аппарат. Положение депутата рейхстага давало ему два преимущества перед Гитлером: право бесплатного проезда по железной дороге, благодаря которому разъезды по стране ни ему, ни партии ничего не стоили, и парламентскую неприкосновенность. Ни один орган власти не мог запретить ему выступать публично; никакой суд не мог привлечь его к ответственности за клевету на тех, кого он избирал своими жертвами. Хайден по этому поводу с сарказмом писал: «Даровой проезд плюс даровая клевета — в этом и состоит крупное преимущество Штрассера перед фюрером».

Своим секретарем и редактором «Национал-социалистише брифе» Грегор Штрассер назначил двадцативосьмилетнего уроженца Рейнской области Пауля Йочефа Геббельса.

Появление Пауля Йозефа Геббельса

Этот смуглый, напоминавший карлика молодой человек с покалеченной ногой, обладавший гибким умом и сложным неврастеничным характером, не был новичком в нацистском движении. Это движение Геббельс открыл для себя еще в 1922 году, когда услышал речь Гитлера в Мюнхене, принял нацистскую веру и вступил в партию. Но самого его нацистское движение открыло тремя годами позднее, когда Грегор Штрассер, послушав одно из его выступлений, нашел, что этот безусловно небездарный молодой человек может быть ему полезен.

В свои двадцать восемь лет Геббельс был страстным оратором, фанатичным националистом, обладал, насколько было известно Штрассеру, острым пером и редкий случай в среде нацистских Лидеров — имел солидное университетское образование. Генрих Гиммлер, занимавший должность секретаря Штрассера, только что подал в отставку, отдав предпочтение разведению кур, и на его место Штрассер пригласил Геббельса. Как оказалось, выбор этот имел для него роковые последствия.

Родился Пауль Йозеф Геббельс 29 октября 1897 года в Рейдте — центре текстильной промышленности, насчитывавшем около 30 тысяч жителей. Его отец, Фриц Геббельс, работал мастером на ткацкой фабрике. Мать, Мария Катарина Оденхаузен, была дочерью кузнеца. Оба были набожные католики, и потому образование Йозеф Геббельс получил у католиков. Окончив приходскую школу, он поступил в гимназию города Рейдта. Потом по стипендии католического общества имени Альберта Магнуса учился в университете, вернее, в восьми университетах. Прежде чем получить степень доктора философских наук в 1921 году в Гейдельберге (ему тогда было 24 года), он посещал занятия в университетах Бонна, Фрейбурга, Вюрцбурга, Кельна, Франкфурта, Мюнхена и Берлина. В этих прославленных учебных заведениях Геббельс изучал философию, историю, литературу и искусство, не прекращая занятий латинским и греческим языками.

Он хотел стать писателем. В год защиты докторской он написал роман «Михель», который не заинтересовал ни одного издателя, а еще через два года — две пьесы: «Скиталец» (об Иисусе Христе) и «Одинокий гость». Обе пьесы были написаны в стихах, так что ни один режиссер не взялся их ставить[42]. Не больше повезло ему и в журналистике. «Берлинер тагеблатт», крупная ежедневная газета либерального толка, отклонила десятки предложенных им статей и отказалась принять его на работу в качестве репортера.

Его личная жизнь с ранней молодости тоже складывалась неудачно. Будучи калекой, он не воевал на фронте и поэтому не имел того опыта, который казался, по крайней мере в начале войны, столь престижным для молодых людей его поколения и наличие которого считалось обязательным условием для продвижения по иерахической лестнице нацистской партии. Многие утверждали, что Геббельс родился с изуродованной ступней. На самом деле это не так. Семилетним ребенком он заболел остеомиелитом воспалением костного мозга. Ему оперировали левое бедро, но операция прошла неудачно, в результате левая нога усохла и стала короче правой. Это увечье, из-за которого он заметно хромал, с детства отравляло ему существование. Отчаяние Геббельса было столь велико, что в студенческие годы и в тот короткий период времени, когда он участвовал в агитационной антифранцузской кампании в Руре, он часто выдавал себя за раненого ветерана войны.

Не везло ему и в любви, хотя он всю жизнь обманывал себя, принимая донжуанские приключения, ставшие общеизвестными в годы его могущества, за настоящие романы. Его дневниковые записи за 1925–1926 годы, когда ему было двадцать восемь лет и когда Штрассер только что привлек его к деятельности в нацистской партии, изобилуют выражениями любви к женщинам, коих у него бывало по нескольку одновременно.

14 августа 1925 года. Альма прислала мне из Бад-Гарцбурга почтовую открытку. Ее первая после той ночи весточка. Эта игривая очаровательная Альма!

Пришло первое письмо от Эльзи из Швейцарии. Одна милая Эльзи умеет так писать… Скоро я отправлюсь на Рейн, поживу там с неделю в одиночестве. Потом приедет Эльзи… С какой радостью я жду этой встречи!

15 августа. В эти дни я часто вспоминаю об Анке… Как замечательно было с ней путешествовать! Чудесная девушка!

Тоскую по Эльзи. Когда же я обниму тебя, милая Эльзи? Когда мы снова увидимся?

Альма, милая моя былинка! Анке, я никогда тебя не забуду!

27 августа. Эти дни на Рейне… От Эльзи — ни весточки… Или она обиделась на меня? Как я жажду ее! Живу в той самой комнате, где жил с ней тогда, на троицу. Какие мысли! Какие чувства! Почему она не едет?

3 сентября. Эльзи здесь! Во вторник приехала из Швейцарии — такая пышная, миловидная, здоровая, веселая, чуть-чуть загоревшая. Очень счастлива и в прекрасном настроении. Добра ко мне и доставляет много радости.

14 октября. Почему Анке ушла от меня?.. Не надо думать об этом.

21 декабря. Проклятие надо мной и над женщинами. Горе тому, кто меня любит!

29 декабря. Вечер провел в Крефельде с Гессом. Праздновали рождество. Восхитительная, прекрасная девушка из Франконии. В моем вкусе. Домой возвращались с ней в дождь и бурю. Аи revoir![43] Приехала Эльзи.

26 февраля 1926 года. Жажду милых женщин! О, такая мучительная боль!

Анке, первая любовь Геббельса, которую он никогда не забывал, — это Анке Гельгорн. С ней Йозеф познакомился, будучи студентом Фрейбургского университета. В его дневнике множество записей, в которых он сперва превозносит красоту ее русых волос, а потом, когда она его бросила, пишет, что разочаровался в ней. Позже, став министром пропаганды, он с присущим ему тщеславием и цинизмом объяснял своим друзьям, почему она ушла от него: «Она изменила потому, что у другого парня оказалось больше денег, так что он имел возможность водить ее по ресторанам и театрам. Как это глупо!.. А ведь могла стать женой министра пропаганды! Теперь-то уж, конечно, кусает локти».

Анке, вышедшая замуж за другого парня, позднее развелась с ним и в 1934 году приехала в Берлин, где Геббельс помог ей получить место в одном из журналов.

Радикализм Штрассера, его вера в «социализм» национал-социалистского движения — вот что привлекало Геббельса. Оба они хотели построить партию пролетарского типа. В дневниках Геббельса много говорилось о его тогдашних симпатиях к коммунизму. «В конечном счете, — записал он 23

октября 1925 года, — уж лучше нам прекратить свое существование под властью большевизма, чем обратиться в рабов капитала». 1 января 1926 года он признался себе: «По-моему, ужасно, что мы (нацисты) и коммунисты колотим друг друга… Где и когда мы сойдемся с руководителями коммунистов?»

Как раз в это время он опубликовал открытое письмо одному из руководителей коммунистов, в котором заявлял, что между нацизмом и коммунизмом нет разницы. «Между нами идет борьба, — отмечал он, — но ведь мы, в сущности, не враги».

В глазах Адольфа Гитлера это была сущая ересь. Он с растущим беспокойством следил за успешной деятельностью братьев Штрассеров и Геббельса по созданию в Северной Германии жизнеспособного, радикального пролетарского крыла партии и думал, что, дай этим людям волю, они приберут к рукам всю партию, причем во имя целей, которые он, Гитлер, категорически отвергает. Конфронтация была неизбежна, и она произошла осенью 1925 — зимой 1926 года. Спор начался по инициативе Грегора Штрассера и Геббельса. Его предметом явилась проблема, чрезвычайно волновавшая в то время жителей Германии. Речь шла о предложении социал-демократов и коммунистов экспроприировать в пользу республики крупные поместья бывших королевских и княжеских семейств. Вопрос этот предлагалось решить путем референдума в соответствии с Веймарской конституцией. Штрассер и Геббельс рекомендовали нацистской партии присоединиться к коммунистам и социалистам и принять участие в кампании за отчуждение собственности дворянской знати.

Гитлер был вне себя от ярости. Некоторые из бывших правителей Германии сотрудничали с партией. Более того, ряд крупных промышленников оказывали финансовую поддержку возрожденному Гитлером движению именно потому, что видели в нем действенное средство борьбы с коммунистами, социалистами и профсоюзами.

Если бы Штрассер сумел осуществить свои планы, Гитлер немедленно лишился бы источников финансирования.

Но не успел фюрер что-либо предпринять, как Штрассер созвал 22 ноября 1925 года в Ганновере конференцию партийных руководителей Северной Германии. Цель конференции заключалась не только в том, чтобы склонить северогерманскую секцию нацистской партии к поддержке идеи экспроприации, но и в том, чтобы принять новую экономическую программу, которая заменила бы «реакционные» двадцать пять пунктов, принятые в 1920 году. Штрассер и Геббельс предложили национализировать крупные отрасли промышленности и обширные помещичьи владения, а также заменить рейхстаг палатой корпораций по примеру итальянских фашистов. Гитлер отказался присутствовать на конференции и послал своего представителя Готфрида Федера, которому поручил угомонить мятежников. Геббельс потребовал удалить Федера с конференции. «Мы не желаем терпеть здесь доносчиков!» — воскликнул он. На конференции присутствовали ряд членов нацистской верхушки, ставших потом заметными фигурами в третьем рейхе (Бернхард Руст, Эрих Кох, Ганс Керрль, Роберт Лей), однако никто из них, кроме алкоголика Лея, гауляйтера Кельна, не поддержал Гитлера. Когда Лей и Федер заявили, что конференция неправомочна что-либо решать в отсутствие Гитлера, верховного фюрера,

Геббельс, по словам присутствовавшего там Отто Штрассера, крикнул: «Я требую исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из нацистской партии!»

Злоязычный Геббельс сильно переменился с тех пор, как три года назад поддался обаянию Гитлера, — во всяком случае, так полагал Грегор Штрассер. «В ту минуту я будто заново родился, — вспоминал Геббельс, рассказывая о впечатлении от речи Гитлера, впервые услышанной им в июне 1922 года в Мюнхене, в цирке Крона. — Теперь я знаю, по какому пути мне следовать… Это был приказ!»

Еще большее восхищение вызвало у него поведение Гитлера на процессе по делу о мюнхенском путче. После суда Геббельс писал фюреру:

«Словно восходящая звезда Вы предстали нашим удивленным взорам, Вы сотворили чудо, прояснив наш разум и вселив веру, столь нужную в этом мире скепсиса и отчаяния. Вы возвышались над массами, исполненный уверенности в будущем и решимости раскрепостить массы своей беспредельной любовью к тем, кто верит в новый рейх. Впервые мы смотрели сияющими глазами на человека, сорвавшего маски с лиц, искаженных алчностью, с лиц суетливых парламентских посредственностей… В мюнхенском суде Вы предстали перед нами во всем величии Фюрера. То, что Вы сказали, были величайшие слова, каких в Германии не слышали со времен Бисмарка. Вы выразили не только собственную боль… Вы выразили боль целого поколения людей, блуждающих в потемках в поисках цели. То, что Вы сказали, — это катехизис новой политической веры, рожденной из отчаяния гибнущего безбожного мира… Мы благодарны Вам. Когда-нибудь и вся Германия будет благодарить Вас,..»

И вот теперь, полтора года спустя, кумир Геббельса померк, превратился в «мелкого буржуа», которого следует выгнать из партии. Ганноверская конференция, которой противостояли лишь Лей и Федер, приняла выдвинутую Штрассером новую программу партии и одобрила решение поддержать предложение марксистов провести референдум по вопросу о конфискации земель бывших королевских и княжеских семейств.

Гитлер выждал немного и 14 февраля 1926 года нанес ответный удар, созвав конференцию в Бамберге, на юге Германии. Он нарочно выбрал будничный день в расчете на то, что северным нацистским лидерам нелегко будет в течение рабочей недели сняться с места. Его расчет оправдался: на конференции смогли присутствовать только Грегор Штрассер и Геббельс. Тщательно отобрав верных ему людей, Гитлер обеспечил себе численное превосходство. Такие немецкие историки, как Хайден и Олден, а также авторы из других стран, пользовавшиеся их трудами, утверждают, что на Бамбергской конференции Геббельс открыто порвал со Штрассером и перешел на сторону Гитлера. Но дневники Геббельса, обнаруженные после того, как Хайден и Олден написали свои книги, свидетельствуют, что его измена Штрассеру в то время еще не выявилась. Они показывают, что, хотя Геббельс, подобно Штрассеру, и подчинился Гитлеру, фюрера он считал абсолютно неправым и не имел намерения перейти на его сторону. 15 февраля, на другой день после конференции в Бамберге, он доверил свои мысли дневнику:

«Гитлер говорил два часа. Чувствую себя так, словно меня избили. Что за человек этот Гитлер? Реакционер? Крайне несуразен и непостоянен. Совершенно неправ в русском вопросе. Италия и Англия — наши естественные союзники! Ужас!.. Мы должны уничтожить Россию!.. Проблемы собственности

дворянской знати нельзя даже касаться! Ну и ну, не нахожу слов. Чувствую себя так, будто меня ударили по голове.

Безусловно, одно из величайших разочарований в моей жизни. Я уже не вполне верю в Гитлера. Это ужасно: я теряю под ногами почву».

Чтобы продемонстрировать Штрассеру свою лояльность, Геббельс отправился на вокзал вместе с ним. Стал его успокаивать. Неделей позже, 23 февраля, он запишет: «Долгая беседа со Штрассером. Итог: не надо завидовать пирровой победе мюнхенской группы. Будем продолжать борьбу за социализм».

Но Гитлер лучше Штрассера оценил этого велеречивого парня из Рейнской области. Уже 29 марта Геббельс записал: «Сегодня утром — письмо от Гитлера. Выступаю 8 апреля в Мюнхене».

Прибыл он туда 7 апреля. «Меня ждет автомобиль Гитлера. Королевский прием! Я выступаю в исторической «Бюргербройкеллер».

На следующий день он действительно выступал с той самой трибуны, с которой выступал фюрер. 8 апреля в его дневнике появилась запись:

«Гитлер мне звонит… Его доброта, несмотря на Бамберг, приводит нас в смущение… В два часа мы едем в «Бюргербройкеллер» — Гитлер уже там. Сердце у меня так сильно колотится, что вот-вот разорвется. Я вхожу в зал. Бурные приветствия… Я говорил два с половиной часа. В зале рев и восклицания. Когда я кончил говорить, Гитлер обнял меня. Я счастлив… Гитлер все время со мной».

Через несколько дней Геббельс сдался окончательно. Запись 13 апреля:

«Гитлер говорил три часа. Блестяще. Он может заставить усомниться в собственных убеждениях. Италия и Англия — наши союзники. Россия вознамерилась проглотить нас… Я люблю его. Он все продумал. Его идеал: справедливый коллективизм и индивидуализм. Что касается земли, все принадлежит народу. Производство должно быть творческим и индивидуальным. Тресты, транспорт и т. д. должны быть обобществлены… Теперь я за него спокоен… Склоняю голову перед великим человеком, перед политическим гением…»

Ко времени отъезда из Мюнхена 17 апреля он стал уже убежденным приверженцем Гитлера и с тех пор был им до конца своей жизни, до последнего вздоха. 20 апреля он писал фюреру по случаю дня его рождения: «Дорогой, обожаемый Адольф Гитлер! Я многому у Вас научился. Это Вы помогли мне наконец-то прозреть…» А вот запись в дневнике, сделанная вечером того же дня: «Ему тридцать семь лет. Адольф Гитлер, я люблю тебя за то, что ты велик и прост. Таким и должен быть гений».

Большую часть лета Геббельс провел с Гитлером в Берхтесгадене, и его дневник полон панегириков в адрес фюрера. В августе он публично объявил о разрыве со Штрассером в статье, опубликованной в «Фелькишер беобахтер»:

«Лишь теперь я понял, кто вы такие: на словах вы (братья Штрассер и их последователи) революционеры, а на деле — нет… Бросьте болтать об идеалах и не внушайте себе, будто вы открыли какие-то идеалы и защищаете их… Мы

не налагаем на себя епитимью, оказывая решительную поддержку фюреру. Мы… склоняем перед ним головы… мужественные и не сломленные духом, как древние скандинавы, честно смотрящие в глаза своему германскому феодальному повелителю. Мы убеждены, что он выше, чем вы и я. Он — исполнитель промысла божьего, творящий историю в новом, созидательном порыве».

В конце октября 1926 года Гитлер назначил Геббельса гауляйтером Берлина. Он поручил ему навести порядок в среде драчливых головорезов в коричневых рубашках, которые отпугивали местное население от движения, и завоевать столицу Германии для национал-социалистов. Берлин считался «красным», поскольку большинство избирателей в этом городе составляли социалисты и коммунисты. И Геббельс, которому только что исполнилось двадцать девять лет и который, начав с нуля, всего за год с небольшим превратился в одну из знаменитостей нацистской партии, бесстрашно приступил к исполнению своих обязанностей в этом великом Вавилоне.

Интермедия Адольфа Гитлера: отдых и любовные истории

Годы, бедные политическими событиями, были для Гитлера, как он потом рассказывал, по-настоящему счастливейшим периодом. Выступать с речами он пока не мог — запрет действовал до 1927 года, оставалось только работать над завершением книги «Майн кампф» и размышлять о будущем нацистской партии и собственном будущем. Большую часть времени он проводил в Баварских Альпах, в местечке Оберзальцберг, возвышавшемся над селением Берхтесгаден. Рай для отдыха и развлечений.

Монологи Гитлера в его ставке во время войны, когда он поздно вечером мог рассеяться в кругу старых товарищей по партии и верных секретарей, предавшись воспоминаниям о былых временах, полны ностальгических рассуждений о том, как много для него значила отшельническая жизнь в горах единственном месте, где он создал себе подобие домашнего очага. «Да, воскликнул он в одной из таких бесед в ночь на 17 января 1942 года, — с Оберзальцбергом меня многое связывает. Много там родилось идей. То были счастливейшие дни моей жизни… Там родились и созрели все мои великие замыслы. И было много часов досуга, много очаровательных друзей».

В первые три года по освобождении из тюрьмы Гитлер проживал в разных гостиницах в Оберзальцберге, о чем и рассказывал в ту зимнюю ночь 1942 года. Потом перебрался в «Дойче хаус», где прожил без малого два года. За это время он кончил диктовать «Майн кампф».

По словам Гитлера, он и его партийные друзья любили посещать «Драймедерльхаус», где можно было встретить хорошеньких девушек. «Это доставляло мне огромное удовольствие, — вспоминал он. — Особенно одна из них — настоящая красавица».

В тот вечер на Русском фронте, в штабном блиндаже, Гитлер сделал признание, которое наводит на мысль, что годы приятного времяпрепровождения в Берхтесгадене омрачали два обстоятельства.

«В этот период (в период пребывания в Баварских Альпах) я знал многих женщин. Некоторые чувствовали привязанность ко мне. Почему же тогда я не женился? Чтобы оставить жену одну? — Ведь за малейший проступок я мог снова угодить на шесть месяцев за решетку. Потому я и не позволял себе пользоваться случаями, которые мне представлялись».

Опасение Гитлера, что он может снова оказаться в тюрьме или быть высланным за пределы страны, не было лишено оснований.

Он по-прежнему находился на положении освобожденного под честное слово. Достаточно было ему в нарушение запрета выступить публично, как баварское правительство отправило бы его за решетку или выдворило в родную Австрию. Он и Оберзальцберг-то избрал своим прибежищем отчасти из-за его близости к австрийской границе: в любой момент можно было перебраться на ту сторону и избежать ареста немецкой полицией.

Но возвращаться в Австрию добровольно или в принудительном порядке значило расстроить планы на будущее. Чтобы уменьшить угрозу депортации, Гитлер 7 апреля 1925 года официально отказался от австрийского гражданства. Австрийские власти не замедлили ответить согласием. Но в результате Гитлер превратился в человека без родины. Отказавшись от австрийского гражданства, он не обрел немецкого. Это крайне затрудняло положение политического деятеля в рейхе хотя бы потому, что он был лишен права избираться в какой-либо орган управления. Гитлер во всеуслышание заявил, что не намерен вымаливать себе немецкое гражданство у правительства республики, поскольку право на такое гражданство гарантируется самим фактом его участия в войне на стороне Германской империи. На самом же деле он скрытно обращался к баварскому правительству с просьбой о получении гражданства, но безуспешно.

В том, что Гитлер говорил вечером 1942 года о женщинах и браке, была доля истины. Вопреки распространенному мнению ему нравилось общество женщин, в особенности красивых. Во время войны в застольных беседах в ставке верховного командования он неоднократно возвращался к этой теме. «Какие прелестные бывают женщины!» — воскликнул он в разговоре с друзьями в ночь на 26 января 1942 года и, приведя несколько примеров из собственной практики, хвастливо добавил: «В юности, живя в Вене, я знал многих женщин».

Хайден приводит имена некоторых его пассий прежних лет: Гении Гауг, брат которой служил у Гитлера шофером (по слухам, она была любовницей фюрера в 1923 году), высокая статная Эрна Ханфштенгль (сестра Путци), Винифред Вагнер (невестка Рихарда Вагнера). Но с кем у Адольфа Гитлера действительно был серьезный роман — так это с его племянницей.

Летом 1928 года Гитлер снял в Оберзальцберге у вдовы гамбургского промышленника виллу «Вахенфельд» за сто марок (25 долларов) в месяц и выписал из Вены овдовевшую сводную сестру Ангелу Раубал для ведения хозяйства в доме, который он впервые в жизни мог назвать своим[44]. Фрау Раубал привезла с собой двух дочерей — Гели и Фридл. Гели было двадцать лет. Пышноволосая, белокурая, миловидная, с приятным голосом и жизнерадостным характером, она привлекала внимание мужчин.

Вскоре Гитлер влюбился в нее. Он водил ее всюду: на собрания и конференции, в кафе и театры Мюнхена; совершал вместе с ней продолжительные прогулки в горы. В 1929 году он снял на Принц-регентштрассе, одной из самых фешенебельных улиц Мюнхена, роскошную девятикомнатную квартиру. Одну из комнат в этой квартире он предоставил в распоряжение Гели. Разумеется, по городу и в нацистских кругах поползли сплетни о фюрере и его прекрасной светловолосой племяннице. Кое-кто из наиболее строгих — или завистливых лидеров потребовал, чтобы Гитлер перестал показываться со своей возлюбленной на людях либо женился на ней. Услышав такие речи, Гитлер пришел в ярость и после очередной ссоры уволил гауляйтера Вюртемберга.

Похоже, Гитлер намеревался жениться на племяннице. Позже его бывшие товарищи по партии рассказывали автору этих строк, что тогда казалось, брак неминуем. Они не сомневались, что Гитлер по уши влюблен в Гели. О ее чувствах можно только гадать. Однако всем было ясно, что ей льстило внимание человека с большим будущим. Отвечала ли она взаимностью на любовь дяди неизвестно. Думается, вряд ли, даже в самом начале; на поздней же стадии их связи — определенно нет. В отношениях между ними образовалась большая трещина, происхождение и характер которой так и не были установлены. Предположений высказывалось много, а фактов не было. Возможно, определенную роль тут сыграла взаимная ревность. Ее раздражало то, что он оказывал внимание другим женщинам — Винифред Вагнер, например. Он в свою очередь подозревал ее в тайной связи с собственным телохранителем, бывшим заключенным Эмилем Морисом. Гели же не терпела деспотизма дяди, требовавшего, чтобы она избегала общества других мужчин. Он запретил ей ездить в Вену, где она брала уроки пения, желая помешать ей стать солисткой оперы. Он хотел, чтобы она посвятила себя только ему.

Делались также намеки на то, что Гели питала отвращение к мазохистским наклонностям своего любовника. Сущий тиран в политической жизни, он испытывал острую потребность в рабском подчинении любимой женщине. Как считают сексологи, подобные наклонности — не столь редкое явление у мужчин этого типа. Хайден ссылается на письмо Гитлера, посланное племяннице в 1929 году, в котором фюрер признается, что желание такого рода у него действительно есть. Письмо попало в руки сына хозяйки дома, что привело к трагическим последствиям, причем не один он поплатился жизнью.

Так или иначе, роман дяди с племянницей был чем-то омрачен, Между ними происходили яростные перепалки. 17 сентября 1931 года Гели объявила, что возвращается в Вену, где продолжит занятия пением. Гитлер был против. Разразился скандал, свидетелями которого стали соседи. Они слышали, как Гели, высунувшись из окна мюнхенской квартиры, крикнула Гитлеру, садившемуся в автомобиль (он собрался ехать в Гамбург): «Значит, ты запрещаешь мне ехать в Вену?» «Да!» — ответил он.

На следующее утро Гели Раубал обнаружили в ее комнате с простреленной грудью. Следователь после тщательного дознания пришел к заключению, что имело место самоубийство. Пуля проникла в грудь ниже левой ключицы и

поразила сердце. Следователю представлялось очевидным, что выстрел произвела сама Гели. И все же на протяжении нескольких лет по Мюнхену ходили слухи, будто убил ее либо сам Гитлер в припадке гнева, либо Гиммлер, пожелавший покончить с ситуацией, вредившей авторитету партии.

Гитлер был вне себя от горя. Грегор Штрассер вспоминал потом, что ему пришлось двое суток пробыть при фюрере: он боялся, как бы тот не наложил на себя руки. Похороны Гели состоялись в Вене. Неделю спустя австрийское правительство разрешило Гитлеру туда съездить. Весь вечер он провел на могиле. И скорбел потом еще не один месяц.

Через три недели после смерти Гели Гитлер впервые встретился с Гинденбургом. Это была его первая заявка на пост рейхсканцлера. Плохое впечатление, сложившееся у Гинденбурга о лидере нацистов во время этой важной встречи, некоторые друзья Гитлера объясняли тем, что он не сумел в полной мере раскрыть свои способности. Другие, знавшие его, считали, что причиной тому было подавленное настроение Гитлера, вызванное потерей любимой племянницы.

Одним из последствий понесенной утраты явился, на мой взгляд, отказ Гитлера от мясной пищи — так, по крайней мере, объясняли этот акт самоотречения некоторые его приближенные. Он не переставал уверять их, что Гели Раубал была его единственной любовью. Он всегда вспоминал о ней с благоговением, причем нередко со слезами на глазах. Слуги отмечали, что комната Гели на вилле в Оберзальцберге оставалась в том же виде, как и при ее жизни, даже после того, как Гитлер, став рейхсканцлером, реконструировал и достроил здание. В его кабинете на вилле и в здании правительства в Берлине постоянно висели портреты молодой женщины[45]. Каждый год в день рождения Гели и в день ее смерти портреты украшали цветами.

Зная Гитлера как бессердечного циника, неспособного любить никого, кроме себя, трудно поверить в его страсть к юной Гели Раубал. Это — одна из тайн его странной жизни. Как и всякая тайна, она не поддается разумному объяснению, ее можно лишь констатировать. В течение всей последующей жизни это можно подтвердить почти с полной уверенностью — Адольф Гитлер ни разу не задумался всерьез о браке. Вплоть до того дня, когда спустя четырнадцать лет решил покончить с собственной жизнью.

Письмо Гитлера племяннице, компрометировавшее его, было возвращено хозяйским сыном при содействии патера Бернхарда Штемпфле, члена католического ордена святого Иеронима и журналиста-антисемита, в свое время помогавшего готовить для печати «Майн кампф». Деньги для выкупа письма, по сведениям Хайдена, предоставил казначей партии Франц Ксавьер Шварц. Таким образом, патер Штемпфле оказался одним из тех, кому стали известны некоторые интимные подробности романа Гитлера с Гели Раубал. По-видимому, он не очень строго держал эти сведения при себе, за что и поплатился жизнью, когда автор «Майн кампф» стал диктатором Германии и в один прекрасный день начал сводить счеты со старыми друзьями.

Источник доходов Гитлера в те годы, когда он приобрел виллу в горах и роскошную квартиру в Мюнхене и разъезжал с шофером в элегантном автомобиле, за который заплатил 20 тысяч марок, не был установлен. Но материалы о подоходных налогах, обнаруженные после войны, проливают

некоторый свет на этот предмет. До того как стать канцлером и объявить себя свободным от налогообложения, он постоянно конфликтовал с налоговым управлением. За период с 1925 по 1933 год в финансовом ведомстве Мюнхена накопилось немало сведений на этот счет.

Названное ведомство напомнило ему 1 мая 1925 года, что он не представил сведения о своих доходах за 1924 год и первый квартал 1925 года. Гитлер ответил: «Ни в 1924 году, ни в первом квартале 1925 года я никаких доходов не получал [в этот период он находился в тюрьме]. Прожиточные расходы покрывал займами, которые брал в банке». «А откуда взялись деньги на покупку автомобиля?» — парировал сборщик налогов. Гитлер ответил, что занял их в банке. Во всех своих налоговых декларациях в графе «Профессия» он указывал: «Писатель». В качестве такового он пытался доказать, что значительная доля его заработка шла на расходы, не облагаемые налогом. О том, что у писателей, где бы они ни находились, расходы такого рода бывают, он безусловно знал. Согласно первой налоговой декларации за третий квартал 1925 года, общая сумма его доходов составила 11231 марку, профессиональные расходы — 6540 марок, проценты по займам — 2245 марок. Таким образом, облагаемый налогом доход составил 2446 марок.

В трехстраничной объяснительной записке, напечатанной на машинке, Гитлер оправдывал крупные профессиональные издержки следующим образом: хотя значительная часть расходов была связана с политической деятельностью, эта деятельность, во-первых, помогала ему как писателю-публицисту собрать нужный материал, а во-вторых, способствовала более широкой распродаже книги.

«Если бы я не занимался политической деятельностью, мое имя осталось бы неизвестным и мне не хватило бы материала для политической книги… Следовательно, мои расходы, связанные с политической деятельностью, которая является необходимым условием для профессионального творчества и в то же время гарантией финансового успеха, не могут служить объектом налогообложения…

Финансовому ведомству следует знать, что лишь малая доля выручки за книгу пошла на мои личные нужды; я не располагаю ни недвижимостью, ни капиталовложениями, которые мог бы назвать своей собственностью. Свои личные потребности я ограничиваю самым необходимым, совершенно не употребляя алкоголя и табака, питаясь в самых скромных ресторанах, и, если не считать минимальной квартирной платы, не несу никаких затрат за счет расходов писателя-публициста… Это относится и к автомобилю, являющемуся для меня средством существования. Без него я бы не смог выполнять свою повседневную работу».

Финансовое ведомство пошло только на половину удержаний, и, когда Гитлер обратился в кассационную коллегию, последняя подтвердила первоначальное обложение. Налоговое управление согласилось не взимать налог лишь с половины его расходов. Он протестовал, но все же платил.

Суммы валового дохода нацистского лидера, указанные в налоговых декларациях, довольно точно соответствовали его гонорарам за «Майн кампф»: 19843 марки в 1925 году, 15903 — в 1926-м, 11494-в 1927-м, 11818-в 1928-м и 15448 — в 1929-м. Поскольку бухгалтерские документы издательств подлежали проверке налоговым управлением, Гитлер не мог

указывать меньшие суммы доходов, чем те, которые получал в виде гонорара. А как насчет других источников? О них ничего не сообщалось. Между тем было известно, что он требовал — и получал — крупные гонорары за статьи, которые писал в те годы для нацистской прессы, располагавшей весьма скудными средствами. В партийных кругах роптали: мол, Гитлер очень дорого им обходится. Эти статьи дохода в его декларациях отсутствуют. К концу 20-х годов деньги полились в кассу нацистской партии от ряда крупных баварских и рейнских промышленников, которых устраивала антимарксистская и антипрофсоюзная линия Гитлера. Крупные суммы предоставляли, в частности, Фриц Тиссен — глава стального концерна «Ферайнигте штальверке» и Эмиль Кирдорф — рурский угольный король. Нередко деньги вручались непосредственно Гитлеру. Какую часть этих сумм он утаивал для себя — никто, очевидно, никогда не узнает. Но, судя по тому, с каким размахом он жил перед приходом к власти, в партийную кассу он вносил не все, что получал от своих сторонников.

Разумеется, в период с 1925 по 1928 год Гитлер жаловался на тяготы подоходного налога; постоянно опаздывая с погашением задолженности, просил о новых и новых отсрочках. В сентябре 1926 года он писал финансовому ведомству: «В настоящее время я не в состоянии уплатить налог; чтобы добыть себе средства на жизнь, я был вынужден брать деньги взаймы». Вспоминая потом эти годы, он утверждал: «Долгое время я питался одними тирольскими яблоками. Невероятно, какую экономию мы тогда наводили. Каждая сбереженная марка отдавалась партии». А сборщику налогов он неоднократно заявлял, что все больше и больше залезает в долги. В 1926 году он доложил, что его расходы составили 31 209 марок, а доходы — 15 903. Превышение расходов над доходами, по его утверждению, компенсировалось новым «банковским займом».

И вдруг, в 1929 году, из его налоговой декларации каким-то чудом исчезла, причем исчезла навсегда, статья «Проценты по займам», хотя доход в том году, по его словам, был гораздо меньше, чем в 1928-м. Как отметил профессор Гале, данные которого приведены выше, «произошло финансовое чудо, и он перестал быть должником».

Справедливости ради надо сказать, что Гитлер никогда не придавал значения деньгам, если их было достаточно, чтобы жить с комфортом, и если они поступали к нему не в виде платы за тяжелый труд и не в виде простого жалованья. Во всяком случае, уже в 1930 году гонорары за его книгу утроились, составив около 12 тысяч долларов, и когда потекли деньги от крупного бизнеса, с личными финансовыми проблемами было навсегда покончено. Теперь он мог всю свою неистовую энергию, все способности посвятить осуществлению поставленной цели. Пришло время решительной борьбы за власть, за господство над великой нацией.

Возможности, предоставленные экономическим кризисом

Экономический кризис, разразившийся в конце 1929 года и охвативший, словно огромное пламя, весь мир, предоставил Адольфу Гитлеру шанс, которым он не преминул воспользоваться. Он рассчитывал на успех лишь в период всеобщего бедствия: сначала — когда надвинулись массовая безработица, голод и отчаяние, потом — когда сознание людей оказалось

отравлено войной. Но Гитлер был в некотором роде уникален: в отличие от революционеров прошлого он пожелал совершить переворот не до, а после обретения политической власти. Чтобы подчинить себе государство, необязательна революция. Этой цели можно достичь волею избирателей или с согласия правителей нации — иными словами, конституционными средствами. Чтобы набрать голоса избирателей, Гитлеру достаточно было воспользоваться обстановкой начала 30-х годов, когда немецкий народ находился в отчаянном положении; чтобы заручиться поддержкой влиятельных сил, надо было убедить их, что только он может спасти Германию от катастрофы. В то бурное время, с 1930 по 1933 год, хитрый и дерзкий нацистский лидер с удвоенной энергией взялся сразу и за то, и за другое. Сегодня, бросив ретроспективный взгляд на прошлое, легко увидеть, что на руку Гитлеру играло все: и сами события, и слабость горстки растерянных людей, связанных клятвой верности демократической республике, которой они управляли. Но тогда, в начале 1930 года, это не было столь очевидно.

3 октября 1929 года скончался Густав Штреземан. Будучи министром иностранных дел в течение шести предшествовавших лет, он исчерпал свои силы в неустанных трудах, направленных на то, чтобы вернуть побежденную Германию в Лигу Наций, успешно завершил переговоры о планах Дауэса и Юнга, добившись таким образом сокращения репараций до посильных для Германии размеров, а в 1925 году явился одним из главных творцов Локарнского пакта, принесшего Западной Европе успокоение, которого не знало целое поколение народов, уставших от войны и раздоров.

24 октября, через три недели после смерти Штреземана, потерпела крах фондовая биржа Уолл-стрита. Его последствия быстро сказались, причем катастрофически, и на Германии. Основу процветания страны составляли иностранные займы и внешняя торговля. С прекращением новых кредитов и наступлением срока платежей по старым выяснилось, что германская финансовая система не способна выдержать напряжение. Вследствие общего кризиса сократился объем внешней торговли Германии, она уже не могла вывозить за границу достаточное количество товаров, чтобы оплачивать ввоз нужного ей сырья и продовольствия. Без экспорта промышленность страны не могла загрузить свои предприятия, в результате чего объем производства в период с 1929 по 1933 год сократился почти наполовину. Миллионы людей лишились работы, тысячи мелких предприятий разорились. В мае 1931 года лопнул «Кредитанштальт» — крупнейший банк Австрии, за ним 13 июля потерпел крах «Дармштадтер унд Национальбанк» — один из основных немецких банков, что вынудило правительство временно закрыть все остальные банки. Даже введенный по инициативе президента Гувера и вступивший в силу 6 июля мораторий на все долги Германии, включая долги по репарациям, не помог остановить надвигавшуюся беду. Весь западный мир оказался во власти силы, которую не могли постичь его заправилы и которая, как они считали, не поддавалась контролю. Как могло случиться, что в условиях изобилия вдруг наступила такая нищета, образовалось целое море человеческого страдания?

Гитлер предвидел катастрофу, однако не лучше других политиков понимал ее причины, а точнее, понимал хуже большинства других политиков, поскольку в экономических вопросах не разбирался, да они его и не интересовали. Но что вызвало у него интерес и о чем он имел представление — так это благоприятные возможности, появлению которых способствовал экономический кризис. Бедственное положение немецкого народа, жизнь которого все еще омрачалась гибельными последствиями катастрофы, имевшей место десяток лет

назад, не вызывало у него сочувствия. Напротив, в самые мрачные дни, когда замерли заводы и фабрики, когда число зарегистрированных безработных превысило шесть миллионов, а очереди за хлебом во всех городах страны протянулись на несколько кварталов, он счел возможным на страницах нацистской газеты заявить: «Никогда еще я не был так хорошо настроен и внутренне удовлетворен, как в эти дни. Жестокая реальность открыла миллионам немцев глаза на беспрецедентное надувательство, на вранье и предательство марксистских мошенников». Страдающие немецкие сограждане не заслуживали, чтобы им выражали сочувствие; важнее было хладнокровно и незамедлительно преобразовать свои личные амбиции в политическую платформу. К этому он и приступил в конце лета 1930 года.

Герман Мюллер, последний канцлер, член социал-демократической партии и глава коалиционного правительства, составленного из представителей демократических партий и служившего опорой Веймарской республике, в марте 1930 года подал в отставку вследствие межпартийных разногласий по вопросу о фонде страхования безработных. Его место занял Генрих Брюнинг, лидер парламентской фракции католической партии «Центр», бывший во время войны капитаном пулеметной роты и удостоенный Железного креста. Консервативные речи в рейхстаге снискали ему расположение армии, в особенности некоего генерала Курта фон Шлейхера, в то время еще малоизвестного в Германии. Именно Шлейхер, этот кичливый и честолюбивый «кабинетный офицер», успевший зарекомендовать себя среди военных как изворотливый, беззастенчивый интриган, предложил президенту фон Гинденбургу кандидатуру Брюнинга. Таким образом, новый канцлер оказался ставленником армии, хотя, может быть, и не вполне отдавал себе в этом отчет. Человек безупречной репутации, бескорыстный, скромный, честный, самоотверженный, в некотором смысле аскетичный, Брюнинг надеялся восстановить устойчивое парламентское государство и вывести страну из углубляющегося экономического кризиса и политического хаоса. Трагедия этого благонамеренного и демократично настроенного патриота заключалась в том, что, стремясь к своей цели, он, сам того не желая, рыл яму немецкой демократии и расчищал дорогу Адольфу Гитлеру.

Брюнинг не сумел добиться одобрения большинством рейхстага ряда мер, предусмотренных его финансовой программой. Тогда он обратился к Гинденбургу с просьбой применить статью 48 конституции о чрезвычайном положении и утвердить финансовый законопроект президентским декретом. Палата представителей опротестовала этот декрет и потребовала его отмены. Таким образом, парламентское государство начало рушиться как раз в тот момент, когда в условиях экономического кризиса особенно ощущалась необходимость сильной власти. В поисках выхода из тупика Брюнинг в июле 1930 года попросил президента распустить рейхстаг. На 14 сентября были назначены новые выборы. Каким образом Брюнинг предполагал обеспечить угодное ему устойчивое большинство в парламенте — до сих пор неизвестно. Но Гитлеру стало ясно, что его звезда взошла даже раньше, чем он ожидал.

Народ, задавленный нуждой, жаждал выхода из бедственного положения. Миллионы людей требовали работы. Владельцы магазинов ждали помощи. Около четырех миллионов молодых избирателей, получивших впервые после предыдущих выборов право голоса, хотели иметь какую-то надежду на сносное существование в будущем. Всем этим миллионам недовольных Гитлер, развернувший бурную предвыборную кампанию, предлагал то, что казалось им при их жалкой доле в какой-то мере обнадеживающим. Он обещал вновь

сделать Германию сильной, отказаться от уплаты по репарациям, отменить Версальский договор, покончить с коррупцией, умерить аппетиты денежных баронов (особенно если они евреи) и позаботиться о том, чтобы каждый немец имел работу и кусок хлеба. На людей отчаявшихся, голодных, требующих не только утешения, но и новой веры и новых кумиров, такие речи не могли не подействовать.

Как ни велики были шансы Гитлера на успех, но даже он удивился объявленным 14 сентября 1930 года результатам голосования. Два года назад его партия набрала всего 810 тысяч голосов и получила 12 мандатов в рейхстаг. Теперь он рассчитывал на четырехкратное увеличение числа голосов и примерно на 50 мест в парламенте. Фактически же за нацистов проголосовало 6 миллионов 409 тысяч человек, в результате чего они получили 107 мандатов. Таким образом, если прежде НСДАП стояла на девятом, последнем, месте по числу мандатов, то теперь вышла на второе.

Однако и коммунисты продвинулись вперед: если в 1928 году за них было подано 3 миллиона 265 тысяч голосов, то теперь — 4 миллиона 592 тысячи, а число их представителей в рейхстаге увеличилось с 54 до 77. Партии умеренных, представлявших среднее сословие, за исключением католического «Центра», потеряли миллион голосов. Как, впрочем, и социал-демократы, несмотря на то, что ряды их сторонников пополнились 4 миллионами молодых избирателей. Число голосов, поданных за националистов Гугенберга, сократилось с четырех до двух миллионов. Было очевидно, что нацисты отвоевали у партий среднего сословия миллионы приверженцев. Бесспорно также, что с этого момента Брюнингу стало труднее, чем когда-либо кому-либо, влиять на парламентское большинство. А могла ли Веймарская республика выжить, не имея большинства? Вопрос этот возник сразу после выборов 1930 года, в условиях возрастающего интереса к двум главным силам, лидеры которых воспринимали республику не иначе как мрачный эпизод в истории Германии: к армии и крупным промышленникам и финансистам.

Окрыленный успехом на выборах, Гитлер обратил свой взор на эти две мощные силы, задавшись целью завоевать их. Как известно, в давние времена, живя в Вене, он усвоил тактику мэра Карла Люгера, который придавал большое значение завоеванию «существующих мощных институтов».

Еще в марте 1929 года Гитлер, выступая в Мюнхене с речью, призвал военных пересмотреть враждебную по отношению к национал-социализму позицию и перестать поддерживать Веймарскую республику.

«Будущее принадлежит не партиям разрушения, а партиям, несущим в себе силу народа, которые готовы и желают связать себя с армией, чтобы помочь ей, когда придет время, защитить интересы народа. А между тем в нашей армии еще есть офицеры, мучающиеся вопросом: как далеко они могут пойти с социал-демократами? Но, уважаемые господа, неужели вы действительно думаете, что у вас есть что-то общее с идеологией, которая ставит условием ликвидацию всего того, что составляет основу существования армии?»

Это была хитроумная речь, нацеленная на то, чтобы заручиться поддержкой армии. Как считали большинство офицеров и как многократно повторял Гитлер, армия получила удар в спину, стала жертвой предательства

поддерживаемой ими республики, которая не питала любви к военной касте и ко всему тому, на чем эта каста зиждилась.

Далее идут слова, которые теперь звучат пророчески: он предсказывал то, что в один прекрасный день совершил сам. Он предупреждал офицеров, какая судьба их постигнет, если марксисты одержат верх над нацистами. Если это случится, то, как предрекал он, «можете сделать надпись: «Конец немецкой армии». Ибо, господа, вам наверняка придется стать политиками… а может, и палачами на службе у режима и его политических комиссаров. А если будете плохо себя вести, то ваших жен и детей упрячут за решетку. А если и дальше будете так же себя вести, то вас просто вышвырнут, а то и к стенке поставят…»

Речь Гитлера слышали сравнительно немногие, но «Фелькишер беобахтер» опубликовала ее в стенографической записи в целях рекламы в специальном военном выпуске. Кроме того, ее подробно обсуждали на страницах «Дойчер вергайст», нового нацистского журнала, посвященного военной тематике.

В 1927 году армейское командование запрещало вербовку нацистов в рейхсвер, насчитывавший 100 тысяч человек, и не разрешало брать их в качестве вольнонаемных на склады оружия и военного снаряжения. Но к началу 1930 года стало очевидно, что нацистская пропаганда добилась в армии немалых успехов, особенно в среде молодых офицеров. Многих из них привлекал не только фанатичный патриотизм Гитлера, но и открытые им перспективы возвращения армии былого почета и былых размеров, что давало шанс получить повышение в чине, поскольку в тогдашних малочисленных вооруженных силах подобных шансов не было.

Воздействие нацистов на вооруженные силы стало настолько ощутимым, что побудило генерала Тренера, бывшего в то время министром обороны, издать 22 января 1930 года приказ, содержавший предостережение, аналогичное тому, с которым обращался к армии семь лет назад, в канун «пивного путча», генерал фон Сект. Он указывал, что нацисты рвутся к власти, «поэтому они и обхаживают вермахт. Стремясь использовать его в политических интересах своей партии, хотят заставить нас верить, что только национал-социалисты представляют подлинно национальную силу». Генерал Гренер призвал солдат держаться вне политики и «служить государству», не вмешиваясь в борьбу партий.

То, что молодые офицеры вермахта не захотели держаться вне политики, по крайней мере вне нацистской политики, обнаружилось очень скоро. Это наделало много шума, внеся раздор в высшие эшелоны офицерского корпуса и вызвав ликование в нацистском лагере.

Весной 1930 года трое молодых лейтенантов из Ульмского гарнизона Лудин, Шерингер и Вендт были арестованы за попытку вовлечь сослуживцев в сговор: не стрелять в мятежников в случае вооруженного нацистского восстания. Эти действия квалифицировались как государственная измена, но генерал Гренер, не желая предавать огласке факт государственной измены, решил отдать лейтенантов под трибунал якобы за нарушение дисциплины. Однако вызывающее поведение лейтенанта Шерингера, тайно переславшего в газету «Фелькишер беобахтер» крамольную статью, обрекло этот маневр на неудачу. Через неделю после успешных для нацистов сентябрьских выборов 1930 года трое младших офицеров предстали перед верховным судом в Лейпциге по обвинению

в государственной измене. В числе их защитников были многообещающие адвокаты-нацисты Ганс Франк и Карл Зак[46]. Но не адвокаты и не обвиняемые, а Адольф Гитлер оказался в центре внимания на процессе. Он был вызван в суд по просьбе Франка в качестве свидетеля. Отрекаться от подсудимых лейтенантов ему представлялось невыгодным, поскольку сам факт их деятельности подтверждал наличие пронацистских настроений, значение которых он не хотел умалять. Нацистов компрометировало и то обстоятельство, что были разоблачены их попытки подорвать армию изнутри. Тактике Гитлера вредило и то, что обвинение рассматривало нацистскую партию как революционную организацию, целью которой является насильственное свержение правительства. Чтобы отвести это обвинение, Гитлер обещал Франку дать показания, которых требовала защита. Но в действительности он ставил перед собой более важную задачу: как лидер партии, только что добившейся ошеломляющего успеха на всеобщих выборах, он хотел убедить армию, особенно ее высших чинов, что национал-социализм вопреки выдвинутым против пацифистски настроенных младших офицеров обвинениям не представляет угрозы для рейхсвера. Напротив, национал-социализм несет спасение и рейхсверу, и Германии.

Превратив скамью свидетеля в трибуну, Гитлер сполна использовал свой ораторский талант, продемонстрировав тонкое чутье политического стратега, и хотя его словесная эквилибристика была насквозь лживой, в этом мало кто отдавал себе отчет. Гитлер клятвенно заверил суд и армейских офицеров, что ни СА, ни партия не являются противниками армии. «Я всегда придерживался мнения, — заявил он, — что всякая попытка упразднить армию есть безумие. Никто из нас не заинтересован в ликвидации армии. Когда мы придем к власти, то позаботимся о том, чтобы на базе нынешнего рейхсвера возродилась великая армия германского народа».

И он повторял и повторял суду (и генералам), что нацистская партия будет добиваться власти исключительно конституционным путем, а если молодые офицеры думают, что произойдет вооруженное восстание, то они ошибаются. «Наше движение не нуждается в насилии. Придет время, и немецкая нация узнает наши идеи, и тогда меня поддержат тридцать пять миллионов немцев… Когда мы получим конституционное право, мы сформируем такое государство, каким оно, по нашему мнению, должно быть». Председатель суда поинтересовался: «Это вы тоже сделаете конституционным путем?» «Да», — ответил Гитлер.

Но хотя фюрер обращался главным образом к военным и другим консервативным элементам, он не мог не учитывать революционного пыла приверженцев своей партии. Не мог подвести их, как подвел троих подсудимых. Поэтому, когда председатель суда напомнил ему о заявлении, сделанном им в 1923 году, за месяц до неудавшегося путча, в котором Гитлер употребил выражение «головы покатятся по песку», и спросил, отрекается ли теперь лидер нацистов от своих слов, тот, пользуясь случаем, сказал:

«Могу вас заверить, что когда национал-социалистское движение одержит победу в этой борьбе, то появится и национал-социалистский суд. И тогда покатятся головы тех, с кого спросят за Ноябрьскую революцию 1918 года».

Никто не может утверждать, что Гитлер не предупредил, каковы его намерения в случае прихода к власти, и тем не менее аудитория, перед которой он выступал на суде, очевидно, ничего не имела против этой

угрозы: она долго и шумно аплодировала. Хотя председательствующий и выразил неудовольствие по поводу нарушения порядка, но ни он, ни государственный обвинитель не возразили оратору по существу. По этому поводу во всех газетах Германии и во многих за ее пределами появились сенсационные заголовки. Возбуждение, вызванное речью Гитлера, было столь велико, что о судебном процессе, как таковом, забыли.

Троих молодых офицеров, чья преданность идеям национал-социализма была отвергнута самим верховным вождем национал-социализма, суд признал виновными в заговоре с целью совершить государственную измену, но вынес мягкий приговор — восемнадцать месяцев заключения в крепости. Суровые приговоры по таким делам в республиканской Германии приберегались для тех, кто поддерживал Веймарскую республику[47].

Сентябрь 1930 года стал поворотным в жизни немцев, неумолимо вовлекаемых в созидание третьего рейха. Неожиданный успех нацистской партии на общегерманских выборах убедил не только миллионы рядовых граждан, но и ведущих представителей делового мира и армии в том, что появилась сила, которую невозможно одолеть. Им могла не нравиться нацистская демагогия, ее грубость, но она способствовала подъему у немцев патриотических и националистических чувств, ослабленных в первые десять лет существования республики. Она сулила немецкой нации избавление от коммунизма, социализма, тред-юнионизма и бесплодной демократии. К тому же ее влияние распространилось на весь рейх. Успех был очевиден.

Учитывая это, а также обращенное к военным заверение Гитлера на Лейпцигском процессе, некоторые генералы задумались: а не является ли национал-социализм движением, призванным сплотить народ, восстановить старую Германию, вернуть армии ее величие и помочь стране сбросить оковы унизительного Версальского договора? Им пришелся по душе дерзкий ответ Гитлера председателю верховного суда, когда тот спросил фюрера, что он имел в виду под словами «немецкая национальная революция».

«Единственное, что я имел в виду, — сказал фюрер, — это избавление немецкой нации от рабства, в котором она сегодня находится. Германия по рукам и ногам опутана мирными договорами… Национал-социалисты не считают законными договоры, навязанные Германии силой. Мы не миримся с тем фактом, что будущие поколения ни в чем не повинных людей обречены жить под их бременем. Если мы будем сопротивляться любыми доступными нам средствами, то, значит, станем на путь революции».

Таких же взглядов придерживался и офицерский корпус. Некоторые его виднейшие представители резко критиковали министра обороны генерала Тренера за то, что он передал дело трех лейтенантов в верховный суд. Генерал Ганс фон Сект, общепризнанный послевоенный гений немецкой армии, достойный преемник Шарнхорста и Гнейзенау, смещенный незадолго до этого с поста главнокомандующего, упрекнул Тренера за то, что его акция привела к ослаблению солидарности в офицерском корпусе. Полковник Людвиг Бек, ставший спустя короткое время начальником штаба, а впоследствии еще более заметной фигурой, сыгравшей важную роль в истории (в 1930 году он был командиром артиллерийского полка в Ульме, том самом городе, где служили трое лейтенантов), не только заявил начальству резкий протест по поводу ареста молодых офицеров, но и выступил в Лейпциге в их защиту.

Однако после суда, на котором выступил Гитлер, генералы стали более благосклонно относиться к нацистскому движению, в котором прежде они усматривали угрозу армии. Генерал Альфред Йодль, занимавший в годы второй мировой войны пост начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами, показал на Нюрнбергском процессе, какое значение имела для офицерского корпуса речь нацистского лидера в Лейпциге. До этого, по его словам, старшие офицеры полагали, что Гитлер задался целью разложить армию, но потом убедились в обратном. Сам генерал фон Сект, став в 1930 году депутатом рейхстага, в течение некоторого времени открыто выступал на стороне Гитлера, а в 1932 году, во время президентских выборов, настоял на том, чтобы и его сестра голосовала за Гитлера, а не за Гинденбурга.

Уже тогда давала о себе знать, причем во все возрастающей степени, политическая слепота офицеров немецкой армии — слепота, приведшая к столь плачевному концу.

Не меньшую политическую недальновидность проявили промышленные и финансовые магнаты, ошибочно считавшие, что, если они предоставят Гитлеру достаточные средства, он почувствует себя обязанным и, придя к власти, станет выполнять их желания, а вероятность того, что после сенсационного успеха на выборах 1930 года этот австрийский выскочка, как называли его в 20-е годы, способен захватить контроль над Германией, влиятельные представители деловых кругов вполне допускали.

Вальтер Функ показал на Нюрнбергском процессе: «…Мои друзья-промышленники и я были убеждены, что приход нацистской партии к власти — дело не столь отдаленного будущего».

Летом того же года Функ, этот пузатенький человечек с вкрадчивым голосом и плутоватыми глазками, физиономия которого всегда напоминала мне лягушку, ушел с доходного места редактора немецкой финансовой газеты «Берлинер берзенцайтунг», вступил в нацистскую партию и стал посредником между партией и рядом крупных предпринимателей. На Нюрнбергском процессе он показал, что некоторые его друзья из делового мира, прежде всего занимавшие руководящее положение в угольных концернах Рейнской области, уговорили его примкнуть к нацистскому движению «с целью убедить партию следовать курсом частного предпринимательства».

«В то время руководство партии высказывало самые противоречивые, путаные взгляды на экономическую политику. Выполняя свою миссию, я пытался лично воздействовать на фюрера и партию, убедить их, что частная инициатива, уверенность деловых людей в своих силах, творческие возможности свободного предпринимательства и так далее должны быть признаны фундаментом экономической политики партии. В беседах со мной и с ведущими промышленниками, которых я ему представлял, фюрер неоднократно подчеркивал, что он — враг государственной экономики и так называемой плановой экономики, что свободное предпринимательство и конкуренцию он считает абсолютно необходимыми для достижения максимально возможного уровня производства».

Как свидетельствовал будущий президент Рейхсбанка и министр экономики, с тех пор Гитлер, встречаясь с денежными баронами Германии, говорил им то, что они хотели услышать. Партия нуждалась в крупных суммах для

финансирования предвыборных кампаний, широкой пропаганды, оплаты профессиональных функционеров и содержания отрядов СА и СС, которые в конце 1930 года насчитывали свыше 100 тысяч человек — больше, чем рейхсвер. Промышленники и банкиры были не единственным источником денежных поступлений. Солидная часть бюджета складывалась из членских взносов, единовременных пожертвований, выручки от продажи книг, газет и журналов, но главным источником все-таки были промышленники и банкиры. И чем больше средств передавали они нацистам, тем меньше становилась их помощь другим консервативным партиям.

«Летом 1931 года, — пишет Отто Дитрих, шеф гитлеровского отдела печати сначала в партии, потом в рейхе, — фюрер решил сосредоточиться на систематической обработке влиятельных промышленных магнатов». Кто же эти магнаты? Их имена хранились в тайне, они были известны лишь узкому кругу приближенных фюрера. Партия должна была вести двойную игру. С одной стороны, она не мешала Штрассеру, Геббельсу и хилому Федеру обманывать массы разглагольствованиями об «истинном социализме» национал-социалистов, будто бы являющихся врагами денежных баронов, а с другой — стремилась добывать нужные ей средства где только можно. В течение второй половины 1931 года, по словам Дитриха, Гитлер «изъездил Германию вдоль и поперек и имел частные беседы с видными [деловыми] людьми». Некоторые встречи так засекречивались, что их назначали в лесу, «на уединенных полянах». «Конспирация была абсолютно необходима, поэтому, чтобы не навредить делу, представителей прессы лишали всякого доступа к информации. Успех венчал дело».

Почти до смешного противоречивой была политика нацистов и в других вопросах. Например, осенью 1931 года Штрассер, Федер и Фрик внесли в рейхстаг от имени партии законопроект о 4-процентном потолке по всем займам, об отчуждении без всякой компенсации владений «банковских и биржевых магнатов» и всех «восточных евреев» и о национализации крупных банков. Гитлер пришел в ужас: это же не только большевизм, это финансовое самоубийство партии! Он категорически потребовал от партийной фракции отозвать законопроект. Тогда его внесли коммунисты, слово в слово повторив текст. Гитлер призвал свою партию голосовать против.

Из показаний Функа в нюрнбергской тюрьме мы знаем о некоторых «влиятельных промышленных магнатах», чьей благосклонности домогался Гитлер. Лютого врага профсоюзов Эмиля Кирдорфа, угольного барона, председателя фонда, предназначенного для подкупа руководящих политических деятелей, который именовали «Рурским казначейством» (создан угольным концерном Западной Германии), Гитлер обольстил на партийном съезде в 1929 году. Глава стального треста Фриц Тиссен, которому пришлось потом пожалеть о допущенной глупости и признаться в этом в книге под заглавием «Я платил Гитлеру», начал оказывать финансовую помощь нацистам еще раньше. Он познакомился с фюрером в 1923 году в Мюнхене, увлекся его красноречием, после чего через Людендорфа пожертвовал тогда еще малоизвестной нацистской партии первые 100 тысяч золотых марок. К Тиссену присоединился Альберт Феглер, влиятельное лицо в «Объединенных сталелитейных заводах». Иными словами, угольные и стальные магнаты возглавляли список промышленников, которые помогали в 1930–1931 годах Гитлеру преодолевать последние барьеры, преграждавшие ему путь к власти. Но Функ назвал и другие промышленные предприятия и концерны, директора которых боялись, как бы не остаться в одиночестве, если Гитлер в конце

концов окажется у власти. Список получился длинный, хотя далеко не полный, ибо к тому времени, когда Функа доставили на Нюрнбергский процесс, его стала подводить память. В нем числятся Георг фон Шницлер, главный директор «И. Г. Фарбениндустри» — гигантского химического треста; Август Ростерг и Август Диен из компании по производству углекислого калия; Куно из пароходной компании «Гамбург — Америка»; владельцы шахт по добыче бурого угля в Центральной Германии; Конти — резиновый магнат; Отто Вольф — крупный промышленник из Кельна; барон Курт фон Шредер — банкир из Кельна, которому суждено было сыграть ведущую роль в заключительной акции прихода Гитлера к власти; несколько банков, в том числе «Дойче банк», «Коммерц унд приват банк», «Дрезденер банк», «Дойче кредит гезельшафт», крупнейшая страховая компания Германии «Аллианц».

Вильгельм Кепплер, один из экономических советников Гитлера, привлек ряд южногерманских промышленников, сформировав из них некое общество деловых людей под названием «Кружок друзей экономики», подчиненное шефу СС Гиммлеру. В дальнейшем эта организация приобрела известность как «Кружок друзей рейхсфюрера СС», то есть Гиммлера. «Кружок» передал этому гангстеру миллионы марок на «исследования» в области происхождения арийской расы.

С самого начала своей политической карьеры Гитлер пользовался финансовой и иной поддержкой Гуго Брукмана, богатого мюнхенского издателя, и Карла Бехштайна, владельца фабрик по изготовлению роялей (жены обоих богачей испытывали трогательную симпатию к растущему молодому шефу нацистов). Именно в особняке Бехштайна в Берлине Гитлер впервые встретился с ведущими представителями деловых и военных кругов, и именно там тайно велись решающие переговоры, в результате которых он в конечном счете стал канцлером.

Не все германские монополисты после успеха нацистов на выборах 1930 года поспешили в лагерь Гитлера. Функ показал, что крупные электротехнические корпорации «Сименс» и «А. Т. Г.» оставались в стороне, как и король оружия, глава корпорации «Крупп фон Болен унд Гальбах». Фриц Тиссен в своих «покаяниях» пишет, что Крупп был ярым противником Гитлера и что еще за день до его назначения канцлером настойчиво отговаривал старого, фельдмаршала Гинденбурга от столь безрассудного шага. Однако вскоре понял, что к чему, и быстро превратился, выражаясь словами Тиссена, в «супернациста».

Из всего сказанного следует, что на завершающей стадии борьбы Гитлера за власть его щедро финансировал достаточно широкий круг представителей германского делового мира. Сколько денег предоставили нацистской партии банкиры и промышленники за период 1930–1933 годов — до конца не выяснено. Функ заявлял, что не более «пары миллионов марок». Тиссен же пишет, что нацисты получали по два миллиона в год; по его утверждению, он сам пожертвовал миллион марок. Но, судя по тому, что в те дни партия располагала огромными средствами (хотя Геббельс и жаловался, что денег постоянно не хватает), общая сумма пособий, выдававшихся промышленниками и банкирами, во много раз превосходила сумму, названную Тиссеном. Какие выгоды из своей благотворительной деятельности извлекли эти политические недоумки из делового мира, мы покажем ниже.

Одним из тех, кто активнее других восторгался Гитлером, а потом громче всех выражал разочарование, был д-р Шахт. В 1930 году он из-за несогласия с планом Юнга оставил пост президента рейхс-банка и, познакомившись сначала с Герингом, а в 1931 году — с Гитлером, в течение последующих двух лет все свои недюжинные способности направил на сближение фюрера с промышленными и финансовыми кругами и достижение им великой цели — поста канцлера. В конце 1931 года этот гений экономики, на совести которого лежит громадная ответственность за рождение и первоначальные успехи третьего рейха, писал Гитлеру: «Не сомневаюсь, что нынешний ход событий неизбежно приведет Вас к власти и Вы станете канцлером… Ваше движение таит в себе такую силу правды и необходимости, что победа не заставит себя ждать… Куда бы ни привела меня моя деятельность в ближайшем будущем, пусть даже в один прекрасный день я окажусь заключенным в крепость, Вы можете рассчитывать на меня как на своего верного сторонника». Одно из двух писем, которые я здесь цитирую, заканчивается словами: «С восторгом приветствую Вас. Хайль!» «Сила правды» нацистского движения состояла, между прочим, в том, что партия в случае прихода к власти в Германии отнимет личную свободу у немцев, в том числе у Шахта и его друзей — банкиров и промышленников. До того как прозреют добродушный Шахт, вернувшийся при Гитлере на пост президента Рейхсбанка, и его партнеры, промышленники и банкиры, пройдет известное время. А поскольку история третьего рейха, как история вообще, исполнена великой иронии, то д-р Шахт в не столь отдаленном будущем докажет, что он был неплохим пророком и в части, касающейся его личной судьбы: он действительно оказался заключенным, но не в крепость, а в концентрационный лагерь (что похуже крепости), и не как «верный сторонник» Гитлера (тут он ошибся), а совсем в ином качестве.

К началу 1931 года Гитлер сколотил небольшую группу фанатиков-авантюристов, которые помогали ему на завершающей стадии борьбы за власть, а потом все, за исключением одного, помогали удерживать эту власть в течение всего периода существования третьего рейха; впрочем, еще один член группы, самый близкий к фюреру и, пожалуй, самый способный и жестокий, долго не протянул — он поплатился жизнью уже на втором году существования нацистского правительства. Из приближенных Гитлера выделились пять человек, стоявшие выше остальных: Грегор Штрассер, Рем, Геринг, Геббельс и Фрик.

Геринг возвратился в Германию в конце 1927 года после всеобщей политической амнистии, которой правые партии добились от рейхстага при поддержке коммунистов. Годы эмиграции (со времени путча 1923 года) он провел в основном в Швеции, где лечился от наркомании в психиатрической клинике Лангбро, а когда поправился, то поступил на службу в шведскую авиакомпанию.

Бывший летчик-ас, живой, внешне привлекательный, он располнел после войны, но не утратил энергии и жизнелюбия. Поселился он в небольшой, но роскошной холостяцкой квартирке на Бадише-штрассе в Берлине (страдавшая эпилепсией жена, которую он страстно любил, заболела туберкулезом и осталась в Швеции) и начал зарабатывать себе на жизнь в качестве советника авиакомпании «Люфтганза». Завязывал светские знакомства. Среди его знакомых были разные знаменитости, начиная с наследника престола и принца Филипа Гессенского, женатого на принцессе Мафаль-де — дочери

итальянского короля, и кончая Фрицем Тиссеном и другими промышленными магнатами. В круг его знакомых входили и известные армейские офицеры.

Это были те самые связи, которыми не располагал, но в которых нуждался Гитлер, и Геринг не замедлил ввести фюрера в круг своих знакомых, стараясь опровергнуть дурную репутацию, которой пользовались в высшем свете головорезы в коричневых рубашках. В 1928 году Гитлер включил Геринга в состав двенадцати депутатов, призванных представлять в рейхстаге нацистскую партию, а в 1932 году, когда эта партия стала крупнейшей в стране, выдвинул его в председатели рейхстага. Именно официальная резиденция председателя рейхстага явилась местом совещаний, на которых замышлялись интриги, приведшие партию к конечной победе, именно там (тут мы забежим немного вперед) был задуман план поджога рейхстага — план, который помог Гитлеру укрепить власть, после того как он стал канцлером.

Эрнст Рем в 1925 году порвал с Гитлером и вскоре уехал, вступив в ряды боливийской армии в чине подполковника. В конце 1930 года Гитлер попросил его вернуться и снова возглавить отряды СА, с которыми стало трудно справляться. Члены этой организации и даже ее руководители, считавшие, очевидно, что грядущий нацистский переворот должен быть совершен насильственным путем, все чаще выходили на улицы и расправлялись с политическими противниками. Ни одна избирательная кампания — общегерманская, земельная или городская — не проходила без кровавых стычек. Об одной из таких стычек уместно упомянуть, ибо она подарила национал-социализму великомученика. Речь идет о Хорсте Весселе, командире отряда СА в Берлине. Сын протестантского священника, он оставил дом, бросил учебу и, поселившись в трущобах у бывшей проститутки, посвятил себя борьбе за идеи нацизма. Многие противники нацизма утверждали, что средства к существованию он добывал сутенерством, хотя, возможно, они преувеличивали. Но то, что он вращался в кругу сутенеров и проституток, не подлежит сомнению. Его якобы убил кто-то из коммунистов в феврале 1930 года, и о нем забыли бы, как забыли о других потерях, понесенных обеими сторонами в уличных схватках, если бы не тот факт, что после гибели Весселя сохранилась сочиненная им песня, которая впоследствии стала вторым после «Германия превыше всего» гимном третьего рейха. Сам же Хорст Вессель благодаря искусной пропаганде Геббельса превратился в легендарного героя, в «чистого идеалиста», отдавшего жизнь за дело партии.

В то время как Рем взял на себя руководство СА, Грегор Штрассер являлся, без сомнения, вторым человеком в нацистской партии. Страстный оратор, блестящий организатор, он возглавлял важнейший орган партии политическую организацию, что позволяло ему оказывать огромное влияние на партийных лидеров в землях и городах, которые он курировал. Этот добродушный по натуре баварец был самым популярным после Гитлера партийным вожаком и в отличие от фюрера пользовался уважением и даже симпатией большинства политических противников. В те времена и внутри партии и вне ее было немало людей, которые полагали, что Штрассер заменит когда-нибудь

эксцентричного, непредсказуемого австрийца. Такая точка зрения была особенно популярна в рейхсвере и в президентском дворце.

Отто, брат Грегора Штрассера, со счетов был сброшен. К несчастью для него, в официальном названии «национал-социалистская немецкая рабочая партия» он всерьез воспринял не только слово «социалистская», но и слово «рабочая». Он поддержал несколько стачек, организованных социалистическими профсоюзами, и призвал партию выступать за национализацию промышленности. Разумеется, Гитлеру такие призывы представлялись ересью, и он обвинил Отто Штрассера в пропаганде «демократии и либерализма». 21 и 22 мая 1930 года фюрер провел открытую дискуссию с взбунтовавшимся подчиненным и потребовал от него полного раскаяния. Когда Отто отказался, его изгнали из партии. Отто попытался организовать подлинно национальное «социалистическое» движение, дав ему название «Союз революционных национал-социалистов» (его окрестили впоследствии «черным фронтом»), но на сентябрьских выборах эта организация провалилась, не сумев отвоевать у Гитлера сколько-нибудь значительного числа голосов.

Геббельс, четвертый член большой пятерки, окружавшей Гитлера, был противником Грегора Штрассера со дня их разрыва в 1926 году. Двумя годами позже, когда Штрассера назначили руководителем Политической организации, Геббельс занял его место на посту шефа пропаганды. При этом он оставался и гауляйтером Берлина, и так как его успехи в области реорганизации партии произвели на фюрера не меньшее впечатление, чем пропагандистские таланты. Его бойкий и острый язык, его живой ум не вызывали восторга у остальных приближенных Гитлера, ибо они не доверяли ему. Но фюрера вполне устраивали раздоры среди его подручных, устраивали хотя бы потому, что гарантировали от их совместных посягательств на его руководящую роль. Штрассеру он никогда полностью не доверял, но в лояльности Геббельса не сомневался; более того, маленький хромой фанатик был полон полезных идей. Наконец, таланты Геббельса как беспринципного газетчика (он уже располагал в Берлине газетой «Дер Ангрифф», в которой мог печатать все, что ему заблагорассудится) и как оратора, умевшего возбуждать толпу, приносили партии неоценимую пользу.

Один лишь Вильгельм Фрик, пятый член группы, представлял собой личность бесцветную. Это был типичный немецкий чиновник. До 1923 года он, тогда молодой еще человек, служил офицером мюнхенской полиции, одновременно являясь тайным осведомителем Гитлера, за что фюрер остался навсегда благодарен ему. Нередко на него возлагались неблагодарные миссии. По настоянию Гитлера он стал первым нацистом, возглавившим земельный центр в Тюрингии, а затем — председателем нацистского большинства в рейхстаге. Он был по-собачьи предан фюреру, деловит и внешне скромен, обходителен, что помогало ему в общении с колеблющимися деятелями правительства республики.

Некоторые лица, являвшиеся в начале 30-х годов менее значительными фигурами в партии, впоследствии обрели известность и стали в третьем рейхе людьми, обладающими устрашающей властью. К ним относится Генрих Гиммлер, владелец птицефермы, агроном с дипломом, человек в пенсне, придававшем ему сходство с заурядным директором провинциальной школы. Он исподволь создавал преторианскую гвардию — одетые в черную форму отряды СС, но действовал от имени Рема, командовавшего СА и СС одновременно,

поэтому за пределами родной Баварии был мало известен даже в партийных кругах. К ним относятся также д-р Роберт Лей — гауляйтер Кельна; Ганс Франк — шеф юридического отдела партии; Вальтер Дарре, 1895 года рождения, уроженец Аргентины, вовлеченный в партию Гессом, способный агроном, чья книга «Крестьянство как источник жизни нордической расы» привлекла внимание Гитлера, назначившего его шефом сельскохозяйственного управления партии; сам Рудольф Гесс, лишенный личных амбиций и беззаветно преданный Гитлеру (он являлся всего лишь секретарем фюрера); Мартин Борман — второй личный секретарь фюрера, похожий на хорька, предпочитавший, прячась за кулисами партийной жизни, плести всякого рода интриги, отсидевший год в тюрьме за соучастие в политическом убийстве; Бальдур фон Ширах — шеф молодежи рейха, романтически настроенный парень и энергичный организатор, американец по матери, который, находясь в Нюрнбергской тюрьме, заявил американским надзирателям, что антисемитом стал в семнадцать лет, после того как прочел книгу «Вечный жид» Генри Форда.

К этому ряду относится и Альфред Розенберг, тучный туповатый прибалт, псевдофилософ, который, как мы уже знаем, был одним из первых наставников Гитлера и который после путча 1923 года стал выпускать одну за другой весьма путаные по содержанию и форме книги и брошюры. Апогеем его сочинительства явился 700-страничный труд, озаглавленный «Миф двадцатого века». Книга эта являла собой нелепое нагромождение незрелых идей о превосходстве нордической расы — идей, выдававшихся в нацистских кругах за ученость. Гитлер часто в шутку говаривал, что пытался прочесть ее, а Ширах, воображавший себя писателем заметил однажды, что Розенберг «продал больше экземпляров книги, которую никто не читает, чем какой-либо другой автор». (За десять лет после выхода книги в свет было продано свыше полумиллиона экземпляров.) Гитлер питал неизменную слабость к этому скучному, глупому, нескладному человеку, выдвигая его на разные ответственные должности: в частности, назначил его редактором «Фелькишер беобахтер» и ряда других изданий, а в 1930 году сделал депутатом рейхстага, где он состоял в комиссии по иностранным делам.

Таково было окружение лидера национал-социалистов. Разумеется, в нормальном обществе такой подбор выглядел бы просто абсурдным. Но в последние дни республики, когда в стране царил хаос, эти люди предстали перед взорами оболваненных немцев как спасители нации. К тому же у них было два преимущества перед противниками: ими руководил человек, точно знавший, чего он хочет, и им хватало жестокости и изворотливости, чтобы любыми средствами помогать ему в достижении поставленной цели.

Шел трудный, неспокойный 1931 год. В стране насчитывалось пять миллионов безработных, среднее сословие стояло на грани разорения, бауэры не знали, чем платить кредиторам по закладным, парламент был парализован, правительство беспомощно барахталось, восьмидесятичетырехлетний президент дряхлел на глазах, а у нацистских вожаков росла уверенность, что ждать им осталось недолго. Недаром Грегор Штрассер хвастливо заявлял: «…Все, что приближает катастрофу… хорошо, очень хорошо для нас и для германской революции».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ: 1931–1933 ГОДЫ

Среди неразберихи тогдашней Германии появилась любопытная и противоречивая личность, которой суждено было вырыть могилу республике. Этот человек станет на короткое время ее последним канцлером и по иронии судьбы на одном из последних виражей своей удивительной карьеры предпримет отчаянную попытку спасти ее, когда спасать уже будет поздно. Этот человек Курт фон Шлейхер, фамилия которого в переводе с немецкого означает «проныра», «лицемер».

В 1931 году он служил в армии в чине генерал-лейтенанта. Родился в 1882 году, в восемнадцатилетнем возрасте поступил младшим офицером в 3-й гвардейский пехотный полк, где близко сошелся с Оскаром фон Гинденбургом сыном фельдмаршала и президента. Вторым человеком, чье расположение оказалось почти столь же полезным ему, был генерал Гренер, у которого сложилось хорошее мнение о способностях Шлейхера в бытность его курсантом военной академии и который, став в 1918 году преемником Людендорфа в ставке верховного командования, взял молодого офицера к себе в адъютанты. Сделавшись с самого начала «кабинетным офицером» — на Русском фронте он пробыл совсем недолго, — Шлейхер сумел сохранить близость к руководителям армии и Веймарской республики; его живой ум, его учтивые манеры и политическое чутье нравились и генералам, и политикам. Под руководством генерала фон Секта он стал играть все возрастающую роль в формировании нелегального корпуса и строго засекреченного «черного рейхсвера». Он же являлся основной фигурой в тайных переговорах с Москвой, в итоге которых немецкие танкисты и летчики тайно проходили обучение в Советской России и там же были размещены немецкие военные заводы. Блестящий комбинатор, страстный любитель интриги, Шлейхер предпочитал действовать под покровом секретности. До начала 30-х годов его имя не было известно широкой публике, но на Бендлерштрассе, где размещалось военное министерство, и Вилыельмштрассе, где были расположены другие министерства, к нему давно приглядывались с нескрываемым интересом.

В январе 1928 года, пользуясь растущим влиянием на президента Гинденбурга, с которым он довольно близко сошелся благодаря дружбе с Оскаром, Шлейхер добился назначения своего бывшего шефа генерала Гренера министром обороны — первый случай в истории Веймарской республики, когда на этом посту оказался не штатский человек, а военный. Гренер в свою очередь сделал Шлейхера своей правой рукой в министерстве, назначив руководителем нового отдела, так называемого Министерского бюро, где он должен был ведать делами армии и флота в области политики и прессы. «Мой главный политик», назвал своего помощника Гренер и возложил на него вопросы связи армии с другими министерствами и руководящими политическими деятелями. Заняв такое положение, Шлейхер стал не только влиятельной фигурой в офицерском корпусе, но и авторитетом в политике. В армии он имел возможность влиять на назначение и увольнение высших чинов и однажды — это случилось в 1930 году воспользовался такой возможностью, добившись с помощью ловкой интриги смещения генерала фон Бломберга с поста заместителя командующего армией и назначения на его место своего старого приятеля по 3-му гвардейскому пехотному полку генерала Хаммерштейна. Весной того же года, как мы уже знаем, он сам предпринял первую попытку

выбрать канцлера и при поддержке армии уговорил Гинденбурга назначить на этот пост Генриха Брюнинга.

Добившись этой политической победы, Шлейхер, по его собственному мнению, сделал первый шаг в осуществлении грандиозного плана переделки республики — плана, который он довольно долго вынашивал в своей светлой голове. Он достаточно хорошо понимал — да и кто этого не понимал? — причины слабости Веймарской республики. Слишком много насчитывалось политических партий (десять из них в 1930 году собрали больше миллиона голосов каждая), слишком несогласованно они действовали, слишком озабочены были экономическими интересами социальных групп, которые представляли, и поэтому не могли прекратить междоусобицу и создать прочное большинство в рейхстаге большинство, которое гарантировало бы стабильное правительство, способное справиться с глубоким кризисом, поразившим страну в начале 30-х годов. Парламентская система превратилась в нечто такое, что немцы называли Kuhhandel (скотный рынок), где депутаты от разных партий торгуются из-за особых привилегий в пользу групп, которые их выбирали, в то время как национальные интересы полностью игнорируются. Надо ли удивляться, что для Брюнинга, ставшего 28 марта 1930 года канцлером, оказалось невозможно склонить парламентское большинство к поддержке какой-либо определенной программы, кто бы ее ни предлагал: левые, правые или центр. Для того чтобы правительство могло хоть что-то предпринять в поисках выхода из экономического тупика, оставалось прибегнуть к статье 48 конституции, позволявшей объявить с согласия президента чрезвычайное положение и управлять страной с помощью чрезвычайных декретов.

Именно так, по мнению Шлейхера, и должен был править канцлер. Такой метод гарантировал наличие сильного правительства, опирающегося на твердую власть президента. В конце концов, рассуждал Шлейхер, президент, как народный избранник, выражает волю народа и пользуется поддержкой армии. Если демократически избранный рейхстаг не в состоянии обеспечить устойчивую власть, то это обязан сделать демократически избранный президент. Шлейхер был убежден, что большинство немцев хотят, чтобы правительство заняло твердую позицию и вывело страну из безнадежного положения. На самом же деле, как показали выборы, состоявшиеся по инициативе Брюнинга в сентябре, большинство немцев хотели не этого. Или, во всяком случае, они не хотели, чтобы из беды их вызволяло правительство того сорта, на каком остановили свой выбор в президентском дворце Шлейхер и его армейские друзья.

В сущности, Шлейхер допустил две фатальные ошибки. Выдвинув Брюнинга в канцлеры и подтолкнув его к правлению с помощью президентских декретов, он подорвал тот фундамент, на котором зиждился авторитет армии, — ее положение силы, стоящей вне политики. Отказ от этой традиции означал катастрофу и для нее, и для Германии в целом. Кроме того, он допустил грубый просчет в оценке возможных результатов голосования. Когда выяснилось, что за нацистскую партию проголосовали 14 сентября 1930 года 6,5 миллиона человек против 810 тысяч, проголосовавших за нее два года назад, он понял, что надо менять ориентацию. В конце года он встретился с Ремом, только что возвратившимся из Боливии, и с Грегором Штрассером. Это была первая серьезная встреча нацистов с представителем тех, кто стоял тогда у власти в республике. А всего два года спустя связь эта укрепилась настолько, что Адольфа Гитлера привела к цели, а генерала фон Шлейхера — к падению и в конечном счете к насильственной смерти.

10 октября 1931 года, через три недели после самоубийства Гели Раубал, племянницы и возлюбленной Гитлера, он был впервые принят президентом Гинденбургом. Встречу эту устроил Шлейхер, занявшийся плетением новой сложной интриги. До этого он сам беседовал с Гитлером, после чего и помог ему встретиться с канцлером и с президентом. С одной стороны, его, как и Брюнинга, подсознательно беспокоила мысль: что предпринять, когда истечет семилетний срок президентства Гинденбурга, то есть весной 1932 года? К тому времени фельдмаршалу исполнится восемьдесят пять лет, периоды ясного сознания у него будут сокращаться. С другой стороны, все понимали, что если не будет найдено приемлемой замены Гинденбургу, то этим может воспользоваться Гитлер. Правда, юридически он не является гражданином Германии, но может найти способ стать таковым, выдвинуть свою кандидатуру, набрать нужное число голосов и сделаться президентом.

В течение лета канцлер, всесторонне образованный человек, провел немало часов в раздумьях о бедственном положении Германии. Он ясно сознавал, что его кабинет оказался самым непопулярным в истории республики. Чтобы справиться с кризисом, он издал декрет о снижении заработной платы рабочим и служащим, об ограничениях в деловой и финансовой сферах и в области социальных услуг. Канцлер Голод — так прозвали его и нацисты, и коммунисты. Но он верил, что выход есть, что в конце концов ему удастся восстановить сильную, свободную, процветающую Германию. Он попробует договориться с союзниками об отмене репараций, платежи по которым прекратились в соответствии с мораторием, объявленным Гувером[48]. На конференции по разоружению, созыв которой намечен на следующий год, он попытается добиться, чтобы союзники либо выполнили взятое на себя обязательство, зафиксированное в Версальском договоре, касательно снижения собственных вооружений до уровня Германии, либо разрешили Германии узаконить ее умеренную программу перевооружения, осуществление которой в сущности уже началось с его молчаливого согласия. Таким образом, будут сняты последние запреты и ограничения, предусмотренные мирным договором, и Германия станет равной среди крупных держав. Это не только благотворно скажется на ней, но и, как полагал Брюнинг, придаст западному миру уверенности, которая положит конец экономическому упадку, принесшему столько бед немецкому народу, и «выбьет почву из-под ног нацистов.

Брюнинг намеревался действовать открыто и на внутреннем фронте, надеясь прийти к соглашению со всеми главными партиями, исключая коммунистов, о внесении поправки в конституцию страны. В его планы входило восстановить монархию Гогенцоллернов. Даже если удастся, рассуждал он, уговорить Гинденбурга снова выставить свою кандидатуру на выборах, нельзя рассчитывать, что старый человек протянет весь семилетний срок. Если же он умрет через год-два, то дорога к президентству останется для Гитлера открытой. Чтобы этому помешать и гарантировать непрерывность и стабильность власти главы государства, Брюнинг придумал такой план: отменить, если на то будет согласие двух третей депутатов обеих палат парламента (рейхстага и рейхсрата), президентские выборы, намеченные на 1932 год, и тем самым автоматически продлить срок полномочий Гинденбурга. Как только этот замысел осуществится, Брюнинг внесет в парламент предложение провозгласить монархию, а президенту отвести роль регента. После его смерти один из сыновей наследного принца взойдет на трон. Этот акт тоже был призван выбить почву из-под ног нацистов; более того,

Брюнинг был убежден, что он будет означать конец нацизма как политической силы.

Но престарелый президент не проявил интереса к его плану. Человек, на которого как на командующего императорской армией в памятный ноябрьский день 1918 года была возложена обязанность объявить кайзеру, что монархия низложена и он должен уйти, Гинденбург и слышать не хотел о возможности воцарения на престоле кого-либо из Гогенциллернов, кроме самого кайзера, находившегося в то время в изгнании в Доорне (Голландия). Брюнинг объяснил ему, что социал-демократы и профсоюзы, весьма неохотно согласившиеся с его планом, да и то лишь потому, что видели в нем последнюю ничтожную возможность остановить Гитлера, не хотят видеть на престоле ни Вильгельма II, ни его старшего сына и, более того, выразили пожелание, чтобы монархия, если она будет восстановлена в Германии, по образцу британской стала конституционной и демократической. Выслушав канцлера, седовласый президент пришел в такую ярость, что тотчас попросил его удалиться. Неделю спустя он вызвал Брюнинга и объявил, что не намерен бороться за свое переизбрание.

Тем временем сначала Брюнинг, а потом Гинденбург встретились с Адольфом Гитлером. Обе встречи завершились для нацистского лидера неудачей. Он еще не оправился от потрясения, вызванного самоубийством Гели Раубал; мысли его блуждали, и он чувствовал себя неуверенно. На вопрос Брюнинга, поддержат ли нацисты идею оставления Гинденбурга у власти, Гитлер разразился тирадой, направленной против Веймарской республики, дав ясно понять, что не приемлет планов канцлера. На встрече с Гинденбургом ему было не по себе. Он пытался произвести на старого господина впечатление долгими разглагольствованиями, но из этого ничего не получилось. Президенту не понравился этот «богемский ефрейтор», как он назвал фюрера, и он заявил Шлейхеру, что такой человек годится разве что в министры почтовой связи, но никак не в канцлеры. От этих слов ему пришлось потом отказаться.

Разгневанный Гитлер спешно отправился в Бад-Гарцбург, где на следующий день, 11 октября, принял участие в массовом митинге «национальной оппозиции» правительствам Германии и Пруссии. Большинство собравшихся составляли не крайне правые, представленные национал-социалистами, а более старые, консервативные силы реакции: немецкая национальная партия Гугенберга, правое крыло организации ветеранов под названием «Стальной шлем», так называемая «Молодежь Бисмарка», «Юнкерская аграрная лига» и разрозненные группы отставных генералов. Но лидеру нацистов митинг не пришелся по душе. Он презирал этих увешанных медалями «последышей старого режима» в сюртуках и шлемах, с которыми опасно связывать «революционное», то есть нацистское, движение. Он произнес скороговоркой довольно невнятную речь и ушел с митинга, не дождавшись парада отрядов «Стального шлема», численность которых, к его огорчению, превосходила численность отрядов СА. Таким образом, «гарцбургский фронт», который был создан в тот день и в который консерваторы — сторонники прежнего курса надеялись втянуть нацистов для совместного окончательного наступления на республику (он требовал немедленной отставки Брюнинга), оказался мертворожденным. Гитлера не устраивала роль второй скрипки, которую отводили ему эти господа; их помыслы были обращены исключительно в прошлое, а он был уверен, что к прошлому возврата нет. Он не противился временному союзу с ними, если такой союз поможет ослабить веймарский режим и откроет — а он

действительно открыл ему доступ к дополнительным источникам финансирования, однако использовать себя он им не позволит. «Гарцбургский фронт», раздираемый внутренними распрями, оказался под угрозой развала.

Но в одном вопросе они сошлись: и Гугенберг, и Гитлер отклонили предложение Брюнинга согласиться на продление срока полномочий президента Гинденбурга. Однако канцлер в начале 1932 года предпринял еще одну попытку убедить их. С громадным трудом он уговорил Гинденбурга не уходить в отставку, если парламент решит продлить срок его президентства и тем самым избавит от необходимости обременять себя новой предвыборной кампанией, после чего пригласил Гитлера в Берлин для возобновления переговоров. Его телеграмма застала фюрера в Мюнхене, в редакции «Фелькишер беобахтер», где он беседовал с Гессом и Розенбергом. Размахивая перед ними бумажкой, Гитлер воскликнул: «Вот теперь они в моих руках! Признали-таки меня партнером в переговорах!»

Гитлер встретился с Брюнингом и Шлейхером 7 января, а 10 января беседа была продолжена. Брюнинг повторил свое предложение: если срок президентства Гинденбурга будет продлен, то сам он уйдет в отставку, как только добьется отмены репараций и установления паритета в вооружениях. По свидетельству некоторых источников, хотя оно и представляется спорным, Брюнинг бросил еще одну приманку, заявив, что на свое место предложит президенту его, Гитлера, кандидатуру.

Гитлер не сразу дал окончательный ответ. Он отправился в отдел «Кайзерхоф» и спросил мнение своих советников. Грегор Штрассер высказался в пользу плана Брюнинга, объяснив свою позицию тем, что если нацисты настоят на проведении выборов, то Гинденбург победит. Геббельс и Рем высказались за категорический отказ 7 января Геббельс записал в своем дневнике: «Дело не в президентстве. Брюнинг всего-навсего хочет укрепить свое положение на неопределенное время. Начинается шахматная борьба за власть… Главное, мы по-прежнему сильны и не идем на компромиссы». А накануне вечером он сделал отметку: «Среди нас есть человек которому никто не доверяет… Это — Грегор Штрассер».

Гитлер и сам не видел резона укреплять позиции Брюнинга и тем продлевать жизнь республики, но в отличие от тупицы Гугенберга, который 12 января без колебаний отклонил предложение Брюнинга, действовал хитрее. Он ответил не канцлеру, а через его голову президенту, заявив, что считает план Брюнинга противоречащим конституции и что выступит за переизбрание Гинденбурга, если фельдмаршал этот план отвергнет. Отто Мейснеру, ловкому статс-секретарю канцелярии президента, который преданно служил сначала социал-демократу Эберту, а потом консерватору Гинденбургу и который начал подумывать, как бы уцелеть на этом посту при новом президенте, кто бы им ни стал, пусть даже Гитлер, фюрер нацистов обещал на тайной встрече в «Кайзерхофе» поддержать Гинденбурга на выборах, если тот предварительно уберет Брюнинга, сформирует «национальное» правительство и издаст декрет о новых выборах в рейхстаг и прусский парламент.

Но Гинденбург на это не пошел. Уязвленный тем, что ни нацисты, ни националисты (а среди последних были его друзья и предполагаемые союзники) не пожелали избавить его от изнурительной предвыборной борьбы, он решился вновь выдвинуть свою кандидатуру. Однако его возмутили не только партии националистов, но и сам Брюнинг, испортивший, как считал

президент, все дело и втянувший его в острый конфликт с теми самыми националистическими силами, которые помогли ему в 1925 году одержать верх над либерально-марксистскими кандидатами. Его отношение к канцлеру, которого он не так давно называл «лучшим после Бисмарка», стало заметно прохладнее.

Охладел к Брюнингу и генерал, выдвинувший его в свое время в канцлеры. Этот аскетического склада католический лидер не оправдал ожиданий Шлейхера, оказавшись самым непопулярным в истории республики главой правительства. Он не смог заручиться поддержкой большинства населения страны; не сумел ни обуздать нацистов, ни привлечь их на свою сторону; не решил вопроса об оставлении Гинденбурга на посту президента. Поэтому он должен уйти, а с ним вместе, пожалуй, и обожаемый Шлейхером шеф — генерал Гренер, потерявший, судя по всему, перспективу, перспективу, которая рисовалась Шлейхеру. Впрочем, этот интриган в генеральском мундире не торопился. Во всяком случае, пока Гинденбурга не переизбрали, эти двое сильных людей в правительстве должны оставаться на своих местах. Без их помощи старому фельдмаршалу не победить. Ну а после выборов надобность в них отпадет.

Гитлер против Гинденбурга

В жизни Адольфа Гитлера бывали моменты, когда, оказавшись перед трудным выбором, он как будто не мог ни на что решиться. Именно так обстояло дело сейчас. Вопрос стоял так: выставлять или не выставлять свою кандидатуру в президенты? Победить Гинденбурга, казалось, невозможно. Этого легендарного героя поддерживали не только многие правые элементы, но и демократические партии, которые в 1925 году выступали против него, а теперь видели в нем спасителя республики. Противостоять кандидатуре фельдмаршала и почти наверняка, как полагал Гитлер, потерпеть поражение значило рисковать репутацией партии, окружившей себя ореолом непобедимости. Добившись столь эффектной победы на всегерманских выборах 1930 года, нацисты начали шаг за шагом завоевывать популярность и на последующих земельных выборах. А если отказаться от борьбы, не будет ли это истолковано как признак слабости, отсутствия веры в то, что национал-социализм стоит на пороге власти? Было и еще одно обстоятельство:

Гитлер не имел в то время юридического права выставлять свою кандидатуру — он не был гражданином Германии.

Йозеф Геббельс тем не менее советовал ему баллотироваться. 19 января они вместе отправились в Мюнхен, и в тот же вечер Геббельс записал в своем дневнике: «Обсуждался вопрос о президентстве фюрера. Решение еще не принято. Я настойчиво рекомендовал ему выставить свою кандидатуру». На протяжении последующего месяца дневник Геббельса показывает, как резко менялось настроение Гитлера. 31 января: «Решение будет принято в среду. Дольше уже нельзя колебаться». 2 февраля казалось, что он окончательно решился: «Он склонен баллотироваться». Но тут же Геббельс добавил, что решение не будет обнародовано до тех пор, пока не выяснятся намерения социал-демократов. На следующий день лидеры партии съехались в Мюнхен, чтобы узнать, что же решил Гитлер. «Они ждут, а ответа все нет, — жаловался Геббельс. — Все нервничают и устали от напряжения». В тот вечер

маленький шеф пропаганды в поисках отдохновения незаметно исчезает, чтобы посмотреть кинофильм с участием Греты Гарбо. «Я взволнован и потрясен, — записывает он, — величайшей из ныне живущих актрис». А поздним вечером к нему «пришли некоторые товарищи по партии. Они в унынии от того, что решения до сих пор нет. Сетуют, что фюрер слишком долго выжидает».

Возможно, ждали они действительно слишком долго, но это не значило, что Гитлер стал меньше верить в свою окончательную победу. В одной из дневниковых записей говорится, что однажды вечером фюрер долго обсуждал с Геббельсом вопрос о том, какой пост ему, Геббельсу, лучше всего занять в третьем рейхе. По словам Геббельса, фюрер имел в виду назначить его «министром народного образования, который будет ведать кино, радио, изобразительным искусством, культурой и пропагандой». Продолжительную беседу имел Гитлер и со своим архитектором профессором Трестом о «грандиозной реконструкции германской столицы». А Геббельс добавляет: «Планы фюрера сложились окончательно. Он говорит, действует чувствует себя так, словно уже у власти».

Однако в словах Гитлера нет намека на то, что он жаждет сразиться с Гинденбургом на выборах. 9 февраля Геббельс записывает: «Фюрер снова в Берлине. Опять дискуссии в «Кайзерхофе» о президентских выборах. Еще ничего не решено». Тремя днями позже Геббельс вместе с фюрером прикинул возможное соотношение голосов и пришел к выводу: «Риск есть, но на него надо идти». Гитлер, пообещав еще раз подумать, возвращается в Мюнхен.

Вопрос этот в конце концов решил за него Гинденбург. 15 февраля престарелый президент объявил о своем намерении баллотироваться. Геббельс торжествует: «Теперь у нас развязаны руки. Мы можем уже не скрывать своего решения». Но Гитлер продолжал скрывать его. Лишь 22 февраля на совещании в «Кайзерхофе» фюрер, к радости Геббельса, разрешил объявить вечером во Дворце спорта, что он выставляет свою кандидатуру.

Это была крикливая, сумбурная кампания. В рейхстаге Геббельс обозвал Гинденбурга «кандидатом партии дезертиров» и был удален из зала за оскорбление президента. Берлинская националистическая газета «Дойче цайтунг», выступавшая на выборах 1925 года в поддержку Гинденбурга, теперь злобно обрушилась на него, заявив: «Вопрос нынче в том, удастся ли международным предателям и пацифистским свиньям, поощряемым Гинденбургом, довести Германию до окончательного развала».

В суматохе и в пылу предвыборной борьбы смешались все классовые и партийные пристрастия. У Гинденбурга, протестанта, пруссака, консерватора и монархиста, нашлись союзники из среды социалистов, профсоюзных деятелей, католиков из партии «Центр» во главе с Брюнингом и остатков либеральных, демократических партий среднего сословия. Вокруг Гитлера, католика, австрийца, бывшего босяка, национал-социалиста, лидера мелкобуржуазных масс, сплотились кроме его ближайших приспешников протестанты — представители крупной буржуазии Севера, консервативные юнкера-аграрии и некоторые монархисты, в том числе сам бывший наследный принц (он присоединился в последнюю минуту). Сумбур усугубило вступление в борьбу еще двух кандидатов; ни тот, ни другой не могли рассчитывать на победу, но не исключалось, что за обоих проголосует достаточно избирателей, чтобы помешать любому из главных соперников собрать необходимое большинство голосов. Националисты выдвинули Теодора

Дюстерберга — бывшего подполковника, заместителя командира «Стального шлема» (почетным командиром был Гинденбург) и заурядного политика, которого нацисты к великой их радости, вскоре «разоблачили» как праправнука еврея. Коммунисты, громогласно обвинившие социал-демократов в том, что своей поддержкой Гинденбурга они «предают рабочих», выдвинули кандидатуру лидера партии Эрнста Тельмана. Это был не первый и не последний случай, когда коммунисты по приказу из Москвы рискованно играли на руку нацистам.

Перед началом предвыборной кампании Гитлер решил проблему своего гражданства. 25 февраля было объявлено, что нацистский министр внутренних дел Брауншвейга назначил герра Гитлера атташе при представительстве Брауншвейга в Берлине. С помощью этого сомнительного, уместного разве что в комической опере, маневра фюрер нацистов автоматически становился гражданином Брауншвейга, а следовательно, и Германии и потому получал юридическое право баллотироваться в президенты германского рейха. С легкостью преодолев это маленькое препятствие, Гитлер рьяно включился в кампанию, колеся по стране, выступая на многочисленных массовых сборищах, доводя до неистовства толпу. Не отставали от него и два других трибуна партии — Геббельс и Штрассер. Но это было не все. Они развернули небывалую по масштабам пропагандистскую кампанию; расклеили в больших и малых городах множество крикливых цветных плакатов, распространили восемь миллионов брошюр, двенадцать миллионов экземпляров дополнительного тиража партийных газет. По три тысячи митингов в день — больше, чем когда-либо, — проводили они, сопровождая речи показом кинофильмов, передавали грамзаписи с помощью громкоговорителей, установленных на грузовиках.

Брюнинг в свою очередь не уставал трудиться во имя победы престарелого президента. На этот раз он не был столь щепетилен в выборе средств, поэтому предоставил своим сторонникам, к неудовольствию Гитлера, все контролируемое правительством время на радио. Сам Гинденбург выступил всего один раз — его речь была предварительно записана и передана по радио 10 марта, в самый канун выборов. Это было впечатляющее выступление, подобных ему во время кампании было немного.

«Избрание партийного деятеля, крайние, односторонние взгляды которого восстановили бы против него большинство народа, ввергнет нашу родину в беспорядки с непредсказуемыми последствиями. Чувство долга повелевает мне этому помешать… Если я потерплю поражение, то по крайней мере не навлеку на себя упреков, что в час кризиса добровольно оставил свой пост… Я не выпрашиваю голоса у тех, кто не хотел бы за меня голосовать».

Тех, кто голосовал за него, оказалось на 0,4 процента меньше необходимого абсолютного большинства. 13 марта 1932 года, когда избирательные пункты закрылись, результаты были следующие:

Гинденбург 18 651 497 49,6 процента

Гитлер 11 339 446 30,1 процента

Тельман 4 983 341 13,2 процента

Дюстерберг 2 557 729 6,8 процента

Результаты выборов разочаровали обе стороны. Хотя старый президент и определил нацистского демагога на семь с лишним миллионов голосов, добиться абсолютного большинства он не сумел; требовалось повторное голосование, в результате которого избранным будет считаться кандидат, набравший относительное большинство голосов.

За Гитлера было подано по сравнению с 1930 годом почти на пять миллионов голосов (приблизительно на 86 процентов) больше, но и это число было намного меньше, чем у Гинденбурга. В доме Геббельса в Берлине, где поздно вечером собрались у радиоприемника многие партийные главари, чтобы узнать результаты голосования, царило уныние. «Нас побили, — записал Геббельс в тот вечер в дневнике. — Перспективы мрачные. Партийные круги сильно разочарованы и удручены… Спасти нас может лишь какой-нибудь ловкий ход».

Но на следующее утро Гитлер заявил в «Фелькишер беобахтер»! «Первая избирательная кампания закончилась. Сегодня началась вторая. Я ее поведу». И он действительно включился в нее с прежней энергией. Наняв пассажирский самолет «юнкерс», он летал из одного конца Германии в другой — в то время такой способ передвижения кандидатов считался новшеством — и выступал на массовых собраниях по три-четыре раза в день, по разу в каждом городе. Чтобы собрать побольше голосов, он применил хитрую тактику. Если перед первым голосованием он упирал в своих речах на бедственное положение народа и на беспомощность республики, то теперь обещал, если его изберут президентом, счастливое будущее для всех немцев: рабочим — работу, крестьянам — более высокие доходы, дельцам — большую деловую активность, военным — большую армию. А выступая в Берлине, в Люстгартене, заверял: «В третьем рейхе каждая девушка найдет себе жениха».

Националисты вывели Дюстерберга из борьбы и призвали своих сторонников отдать голоса Гитлеру. Даже беспутный наследный принц Фридрих Вильгельм занял прежнюю позицию и объявил:

«Я буду голосовать за Гитлера».

Погода 10 апреля 1932 года, в день повторного голосования, выдалась пасмурная, дождливая, и на избирательные пункты пришло людей на миллион меньше. Результаты, объявленные поздно вечером, были следующие:

Гинденбург 19 359 983 53,0 процента

Гитлер 13 418 547 36,8 процента

Тельман 3 706 759 10,2 процента

Несмотря на то что Гитлер получил дополнительно два миллиона голосов, а Гинденбург только миллион, было ясно, что на стороне президента абсолютное большинство. Таким образом, более половины населения Германии подтвердило свою веру в демократическую республику; народ решительно отверг как правых, так и левых. Или так ему казалось.

Гитлеру было над чем задуматься. С одной стороны, он добился впечатляющего успеха: за два года число избирателей, голосовавших за нацистов, удвоилось. С другой — рушились его надежды на поддержку

большинства населения и на обретение политической власти. Следовательно, путь, избранный им, ни к чему не привел? Во время партийных дискуссий, последовавших за выборами 10 апреля, Штрассер откровенно доказывал, что Гитлер именно так и считал. Штрассер настоятельно советовал пойти на сделку с людьми, стоявшими у власти: с президентом, с правительством Брюнинга, с генералом Гренером, с армией. Гитлер не доверял своему главному сподвижнику, но его совет без внимания не оставил. Он не забыл об одном из уроков, усвоенных в годы жизни в Вене: если хочешь добиться власти, ищи поддержки у существующих «могущественных институтов».

Но не успел он решиться на следующий шаг, как один из этих «могущественных институтов» — правительство республики — нанес ему удар.

Более года правительство рейха и правительства ряда земель собирали документы, доказывавшие, что несколько нацистских главарей, в первую очередь из СА, готовились силой захватить власть и обрушить террор на страну. В канун первого этапа голосования отряды СА, насчитывавшие к тому времени 400 тысяч человек, были полностью мобилизованы и взяли Берлин в кольцо. Хотя капитан Рем, шеф СА, и заверил генерала фон Шлейхера, что это всего лишь мера предосторожности, прусская полиция обнаружила в берлинской штаб-квартире нацистов документы, ясно свидетельствовавшие, что СА намеревались в случае избрания Гитлера президентом совершить вечером следующего дня государственный переворот. Таково было нетерпение Рема. Дневниковая запись Геббельса, сделанная вечером 11 марта, подтверждает, что какие-то приготовления действительно велись: «Разговаривал с командирами СА и СС об инструкциях. Всюду глубокое брожение. Слово «путч» носится в воздухе».

Как общегерманское, так и земельные правительства были встревожены. 5 апреля делегация нескольких земель во главе с представителями Пруссии и Баварии (крупнейших в стране земель) потребовала от центральной власти пресечь деятельность СА, пригрозив, что в противном случае местные власти сделают это сами. Канцлер Брюнинг находился в предвыборной агитационной поездке, но Гренер, министр обороны, встречавшийся с делегацией, обещал принять меры, как только вернется в Берлин Брюнинг, то есть 10 апреля, в день повторного голосования. Брюнинг и Гренер считали, что имеют полное основание запретить СА. Эта мера помогла бы ликвидировать угрозу гражданской войны и послужила бы прелюдией к устранению Гитлера с авансцены политической жизни Германии. Они не сомневались, что на этот раз за Гинденбурга проголосует абсолютное большинство избирателей, предоставив, таким образом, правительству полномочия на защиту республики от угрозы насильственного захвата власти нацистами, поэтому пришли к выводу, что настало время применить силу против силы. Если действовать нерешительно, полагали они, то можно потерять поддержку социал-демократов и профсоюзов, то есть тех самых сил, которые представляли основную часть избирателей, отдавших свои голоса Гинденбургу, и которые служили основной гарантией того, что правительство Брюнинга останется у власти.

10 апреля, в самый разгар выборов, состоялось заседание кабинета министров, на котором было решено немедленно распустить личные военные формирования Гитлера. Однако Гинденбург не сразу подписал этот декрет. Затруднение возникло из-за Шлейхера, который сперва выступил за принятие декрета, а потом вдруг начал шептаться с президентом, высказывая ему

какие-то возражения. Но в конце концов 13 апреля Гинденбург поставил-таки свою подпись, а 14 апреля декрет был обнародован.

Удар по нацистам был ошеломляющим. Рем и некоторые другие горячие головы в партии призвали к сопротивлению, но Гитлер предусмотрительно распорядился подчиниться. Время вооруженного выступления еще не настало. Кроме того, стали известны любопытные сведения о Шлейхере. В тот самый день, 14 апреля, Геббельс записал в дневнике: «Нам сообщили, что Шлейхер не одобряв действий генерала… Телефонный звонок от одной известной дамы близкого друга Шлейхера сообщает, что генерал намерен подан в отставку».

Геббельс отнесся к этой информации с интересом, но недоверчиво. «Допускаю, — заключил он, — что это лишь маневр». Ни он, ни Гитлер, ни кто-либо еще, не говоря уже о Брюнинге и Гренере, которому Шлейхер был обязан своей стремительной карьерой в армии и положением в государственных ведомствах, не знали о невероятной склонности этого генерала от политики к предательству. Но скоро они об этом узнают.

Еще до объявления о санкциях против СА Шлейхер, пользуясь попустительством туповатого генерала фон Хаммерштейна, командующего рейхсвером, конфиденциально информировал начальников семи военных округов, что руководство армии не одобряет декрет. Затем 16 апреля по его наущению Гинденбург послал Гренеру колючее письмо, потребовав объяснить, почему тот, наложив запрет на СА, не поступил также в отношении рейхсбаннера полувоенной организации социал-демократов. Шлейхер пошел и еще на один шаг в целях дискредитации своего шефа: спровоцировал злобную клеветническую кампанию, пустив слух, будто генерал Гренер по состоянию здоровья не может занимать свою должность, будто он начал исповедовать марксизм и даже пацифизм и опозорил армию тем, что у него родился ребенок через пять месяцев после женитьбы. В кругу военных, как он доложил Гинденбургу, этого ребенка прозвали Нурми — по имени знаменитого финского бегуна, победителя Олимпийских игр.

Одновременно Шлейхер возобновил контакты с СА и имел беседы с Ремом и шефом СА в Берлине графом фон Гелльдорфом.

26 апреля Геббельс записал, что в беседе с Гелльдорфом Шлейхер заявил о намерении «изменить курс». А спустя два дня состоялась беседа Шлейхера с Гитлером и Геббельс отмечал: «Встреча прошла хорошо».

Даже на этой стадии игры было ясно, что Рем и Шлейхер сговариваются за спиной Гитлера, найдя общий язык в вопросе включения СА на правах милиции в состав армии. Но именно против такого шага неизменно возражал фюрер. На этой почве у Гитлера часто возникали споры с начальником штаба СА, который рассматривал отряды штурмовиков как потенциальный военный оплот страны, в то время как Гитлер считал их чисто политической силой, призванной терроризировать политических противников с помощью уличных беспорядков и вообще поддерживать боевой дух в рядах нацистов. Шлейхер, ведя переговоры с нацистскими лидерами, преследовал свои цели. Он хотел присоединить отряды СА к армии, чтобы держать их под своим контролем. Второй его целью было вовлечь Гитлера, единственного консервативного националиста, пользующегося поддержкой масс, в состав правительства, тем самым и его подчинив своему контролю. Достижению и той и другой цели препятствовал орган СА «Фербот».

К концу недели интриги Шлейхера достигли кульминации. 4 мая Геббельс констатирует, что мины, заложенные Гитлером, приводятся в действие. Сначала должен уйти Гренер, за ним — Брюнинг. 8 мая Геббельс пишет в дневнике, что у Гитлера состоялась «решающая встреча с генералом Шлейхером и некоторыми другими господами из близкого окружения президента. Все идет хорошо. Брюнинг через несколько дней уходит. Президент откажет ему в доверии». Далее он излагает план, который наметили Шлейхер и президентская камарилья совместно с Гитлером: распустить рейхстаг, учредить президентский кабинет, снять все запреты с СА и нацистской партии. Чтобы не вызвать у Брюнинга подозрений в связи с этими приготовлениями, добавляет Геббельс, Гитлеру рекомендовано держаться подальше от Берлина. Поздно вечером того же дня Геббельс тайно отправляет своего шефа в Мекленбург, где тот фактически скрывается.

Нацисты рассматривают будущий президентский кабинет, пишет на следующий день Геббельс, как некий промежуточный орган. Такое «бесцветное» переходное правительство, отмечает он, «расчистит нам путь. Чем слабее оно, тем легче его свалить». Разумеется, иной точки зрения придерживается Шлейхер, уже мечтающий о новом правительстве, которое до пересмотра конституции будет обходиться без парламента и в котором он, Шлейхер, займет господствующее положение. Было ясно, что каждый из них — и Шлейхер и Гитлер — рассчитывает одержать победу. Но Шлейхер мог использовать в этой игре свой лучший козырь. Он предложит старому президенту то, чего не может предложить Брюнинг: правительство, поддерживаемое Гитлером и в то же время не скомпрометированное присутствием в нем этого фанатика и демагога.

Итак, все было готово. 10 мая, через два дня после встречи с Гитлером и приближенными Гинденбурга, Шлейхер нанес удар. Это произошло в рейхстаге. Едва генерал Гренер взял слово в защиту декрета о запрещении СА, как на него яростно обрушился Геринг. Больной диабетом, потрясенный ставшей теперь уже очевидной предательской ролью Шлейхера, министр обороны пытался как мог, защищаться, но поток брани, хлынувший со стороны нацистов, заглушил его. Измученный, оскорбленный, он направился вон из зала, однако у выхода его остановил генерал фон Шлейхер и ледяным тоном объявил, что Гренер «уже не пользуется доверием армии и должен уйти в отставку». Гренер апеллировал к Гинденбургу, которому всегда служил верно, принимая в решающие моменты истории удар на себя: в 1918 году — когда предложил кайзеру отречься от престола, в 1919-м — когда посоветовал правительству республики подписать Версальский договор. Но старый фельдмаршал, которого переполняло чувство досады из-за того, что он остался в долгу у младшего чина, ответил, что, к сожалению, ничего не может для него сделать. 13 мая Гренер, исполненный горечи и разочарования, подал в отставку[49]. В тот вечер Геббельс записал в дневнике: «Получили известие от генерала Шлейхера. Все идет по плану».

Согласно плану теперь очередь была за Брюнингом. Оставалось не так уж много времени до того, как смиренный генерал положит голову на плаху. Отставка Гренера нанесла слабеющей республике тяжелый урон; он был едва ли не единственным военным, служившим ей умело и преданно, и не было в армии человека, столь же авторитетного и порядочного, кто мог бы его заменить. Однако у власти все еще стоял волевой, трудолюбивый Брюнинг. Это он помог Гинденбургу добиться поддержки большинства избирателей, он

продлил (надеялся, что продлил) жизнь республике. Его внешняя политика тоже, казалось, начала приносить плоды: ожидалась отмена платежей по репарациям, готовилось соглашение о паритете рейха в области вооружений. Однако престарелый президент и к нему отнесся удивительно холодно — такова была награда канцлеру за то, что он ценой нечеловеческих усилий добился продления срока пребывания Гинденбурга у власти. Его неприязнь к Брюнингу усилилась, когда тот предложил национализировать за солидную компенсацию несколько разорившихся юнкерских поместий в Восточной Пруссии и передать их безземельным крестьянам. В середине мая Гинденбург поехал на время пасхи в Нейдек — восточно-прусское поместье, которое юнкеры при финансовой помощи промышленников приобрели для него в виде подарка по случаю восьмидесятилетия, и там наслушался от соседей-аристократов разговоров об этом «аграрном большевике» Брюнинге, которого пора, дескать, сместить с должности канцлера.

Нацисты прежде самого Брюнинга узнали (через Шлейхера, конечно), что дни его канцлерства сочтены. 18 мая Геббельс возвратился из Мюнхена в Берлин и, отметив про себя, что «восточный дух» все еще держится, записал в дневнике: «Кажется, на одного Брюнинга пахнуло зимним холодом. Забавно, что он этого не понимает. Не может найти людей для своего кабинета. Они бегут, как крысы с тонущего корабля». Точнее было бы сказать, что главная крыса, далекая от мысли покинуть тонущий корабль, готовилась назначить нового капитана. На следующий день Геббельс записал:

«Генерал Шлейхер отказался принять пост министра обороны». Дело обстояло не совсем так. В действительности, когда Брюнинг, упрекнув Шлейхера в кознях против Гренера, спросил, не согласится ли он занять его место, Шлейхер ответил: «Соглашусь, но не в вашем кабинете».

«Донесение Шлейхера: список министров готов, — записывает Геббельс 19 мая. — Для переходного периода сойдет». Из этого следует, что нацисты на неделю раньше Брюнинга знали, что его песенка спета. В воскресенье 29 мая Гинденбург вызвал Брюнинга к себе и в резкой форме предложил ему подать в отставку, что Брюнинг и сделал на другой же день.

Шлейхер торжествовал. Однако свергнут был не только Брюнинг; с ним вместе гибла демократическая республика, хотя ее предсмертной агонии суждено было длиться еще восемь месяцев, пока не совершится окончательный coup de grace[50]. Немалая доля вины за ее кончину лежит на самом Брюнинге. Будучи в душе демократом, он в то же время позволил поставить себя в положение человека, который волей-неволей правит страной главным образом с помощью президентских декретов, то есть не спрашивая мнения парламента. Правда, для таких действий имелись веские основания слепота политиков сделала их практически неизбежными. 12 мая ему удалось получить вотум доверия в рейхстаге в связи с законопроектом по финансовому вопросу. Но в тех случаях, когда он не мог рассчитывать на поддержку парламента, он действовал от имени президента. Теперь его этой власти лишили, передав ее двоим более слабым людям (они правили с июня 1932 по январь 1933 года), которые, не будучи нацистами, в то же время не испытывали желания поддерживать демократическую республику — по крайней мере, в ее нынешнем виде.

Политическая власть, находившаяся со дня рождения республики в руках германского народа и выразителя его воли — рейхстага, отныне им не

принадлежала. Пока что она сосредоточилась в руках дряхлого восьмидесятипятилетнего президента и тех нескольких близких к нему мелких честолюбцев, которые влияли на его слабеющий ум, ускользающее сознание. Гитлер прекрасно понимал сложившуюся ситуацию, и она была ему на руку. Поскольку завоевание большинства мест в парламенте представлялось весьма маловероятным, новый курс Гинденбурга открывал перед ним единственно возможный путь к власти. Не в данный момент, понятно, но в ближайшем будущем. Из Ольденбурга, где на состоявшихся 29 мая местных выборах нацисты собрали абсолютное большинство голосов он спешно выехал в Берлин. На следующий день его принял Гинденбург, который одобрил пункты соглашения, достигнутого лидером нацистов со Шлейхером 8 мая: снять запрет с СА; сформировать президентский кабинет из лиц, намеченных Гинденбургом; распустить рейхстаг. Гинденбург спросил, будет ли Гитлер поддерживать новое правительство. И Гитлер сказал, что будет. Вечером 30 мая Геббельс записывает: «Переговоры Гитлера с президентом прошли хорошо… Ф. Папен упоминался в качестве будущего канцлера. Но это нас мало волнует. Важно то, что распустят рейхстаг. Выборы! Выборы! Прямо к народу! Мы все очень счастливы».

Фиаско Франца фон Папена

И вот на политической арене мелькнула нелепая фигура. Человеком, которого генерал фон Шлейхер навязал старому президенту и который 1 июня 1932 года стал канцлером Германии, был пятидесятитрехлетний Франц фон Папен — выходец из вестфальской обедневшей дворянской семьи, бывший офицер генерального штаба, великолепный наездник, незадачливый, неискушенный политик из католического «Центра», зять богатого промышленника. Известностью в общественных кругах он пользовался разве что как бывший военный атташе в Вашингтоне, выдворенный из страны (в то время США еще придерживались нейтралитета) за соучастие в планировании диверсий, таких, как взрывы мостов и железных дорог. «…Выбор президента был встречен с недоумением, — писал о фон Папене посол Франции в Берлине. — Ничего, кроме улыбки или усмешки, он ни у кого не вызывал, ибо характерной чертой этого человека было то, что ни друзья, ни враги не принимали его всерьез… Он слыл человеком поверхностным, недалеким, вероломным, претенциозным, тщеславным, хитрым и кляузным». И такому человеку — Франсуа-Понсе ничуть не преувеличивал Гинденбург вверял с подсказки Шлейхера судьбу агонизирующей республики.

В политических кругах Папен не имел никакого веса. Он не был даже депутатом рейхстага. Самое большее, чего он достиг в политике, — место в ландтаге Пруссии. Партия «Центр», в которой Папен состоял, узнав о его назначении канцлером, до того возмутилась этим актом предательства в отношении Брюнинга, руководителя партии, что единогласно исключила его из своих рядов. Тем не менее президент предложил ему сформировать правительство без участия партий, что, впрочем, не составляло труда, поскольку у Шлейхера уже был заготовлен список министров. Так образовался кабинет, ставший известным как «кабинет баронов». Пятеро его членов были

дворяне, двое директора корпораций и один, Франц Гюртнер, назначенный министром юстиции, в дни до и после «пивного путча» представлял интересы Гитлера в баварском правительстве. Генерала Шлейхера Гинденбург вытащил из-за кулис политической жизни, хотя подобное положение его вполне устраивало, и назначил министром обороны. «Кабинет баронов» воспринимался в стране в основном как шутка, и тем не менее некоторые его члены, такие, как барон фон Нейрат, барон фон Эльц-Рубенах, граф Шверин фон Крозиг и д-р Гюртнер, ухитрились удержаться на своих постах даже при третьем рейхе.

Первым шагом Папена было выполнение условий сделки Шлейхера с Гитлером. 4 июня он распустил рейхстаг и назначил на 31 июня новые выборы. А 15 июня под нажимом недоверчивых нацистов снял запрет на СА. После этого Германию сразу охватила невиданная по своим масштабам волна политических беспорядков. Улицы кишели штурмовиками, жаждущими кровавых схваток, и их вызов часто не оставался без ответа, особенно со стороны коммунистов. В одной лишь Пруссии с 1 по 20 июня произошло 461 заранее подготовленное уличное сражение, стоившее 82 убитых и 400 тяжелораненых. В боях, происходивших в июле, погибло 86 человек, в том числе 38 нацистов и 30 коммунистов. В воскресенье 10 июля в уличных боях погибло 18 человек, а через неделю, когда нацисты устроили в сопровождении полиции шествие по улицам Альтоны — рабочей окраины Гамбурга, было убито 19 человек и ранено 285. Гражданская война, которую «кабинет баронов» должен был прекратить, неуклонно разгоралась. Все партии, кроме нацистской и коммунистической, требовали от правительства восстановления порядка.

Папен реагировал на это двояко. Он запретил все политические демонстрации на две недели, предшествовавшие выборам 31 июля, а потом предпринял шаг, имевший целью не только умиротворить нацистов, но и подрубить одну из немногих оставшихся опор демократической республики. 20 июля Папен сместил прусское правительство и объявил себя рейхскомиссаром Пруссии. Это был крутой поворот в сторону авторитарной системы, которую он хотел распространить на всю Германию. Мера эта была предпринята под тем предлогом, что побоища в Альтоне продемонстрировали неспособность прусского правительства блюсти закон и порядок. Кроме того, на основании «свидетельств», спешно собранных для него Шлейхером, Папен обвинил прусские власти в сговоре с коммунистами. Когда министры-социалисты заявили, что убрать их с занимаемых постов можно только силой, Папен без колебания применил ее.

В Берлине было объявлено военное положение, и генерал фон Рундштедт, командующий местными силами рейхсвера, приказал наряду солдат под командой лейтенанта произвести необходимые аресты. Эту акцию не оставили без внимания правые, взявшие в свои руки федеральную власть. Не мог не оценить ее и Гитлер. Уже не было основания опасаться, что левые силы или даже демократический «центр» окажут серьезное сопротивление атакам на демократическую систему. В 1920 году республику спасла от крушения всеобщая забастовка. Идея проведения такой забастовки дебатировалась лидерами профсоюзов и социалистов и на этот раз, но была отклонена как слишком опасная. Таким образом, ликвидировав конституционное прусское правительство, Папен вбил еще один гвоздь в гроб Веймарской республики. Для этого потребовался, как он хвастливо заметил, всего лишь отряд солдат.

Гитлер и его подручные со своей стороны задались целью свергнуть не только республику, но и Папена с его баронами. Об этом говорится в дневниковой записи Геббельса от 5 июня: «Мы должны как можно скорее отделаться от этого переходного буржуазного кабинета». 9 июня на встрече с Папеном Гитлер заявил: «Я рассматриваю ваш кабинет лишь как временное решение и буду предпринимать все необходимое, чтобы сделать свою партию самой сильной в стране. И тогда канцлерство перейдет ко мне».

Выборы в рейхстаг 31 июля были третьими по счету на протяжении пяти месяцев, однако нацисты отнюдь не проявляли признаков усталости; наоборот, они с небывалой энергией и фанатическим рвением включились в очередную кампанию. Несмотря на обещание, данное Гитлером Гинденбургу, что нацисты будут поддерживать правительство Папена, Геббельс злобно обрушился на министра внутренних дел, а Гитлер встретился 9 июля со Шлейхером и в резкой форме выразил недовольство политикой правительства.

Между тем было очевидно, что нацисты делают успехи; об этом можно было судить по тому, какие толпы народа собирались посмотреть и послушать Гитлера. 27 июля, например, он выступил в Бранденбурге перед 60 тысячами слушателей, и приблизительно такая же аудитория собралась в Потсдаме. А на огромном Груневальдском стадионе в Берлине, где он выступил вечером того же дня, собралось 120 тысяч, еще 100 тысяч человек, так как стадион не мог вместить всех желающих, слушали речь фюрера на прилегающей к нему улице, где был установлен громкоговоритель.

Выборы в рейхстаг 31 июля принесли национал-социалистской партии внушительную победу. Набрав 13 745 тысяч голосов, она получила 230 мандатов — больше, чем любая другая партия, хотя до завоевания абсолютного большинства мест в парламенте, насчитывавшем 608 членов, было еще далеко. Социал-демократы получили 133 места, то есть на десять мест меньше прежнего, — вне всякого сомнения, в результате робости, проявленной их руководителями в Пруссии. Рабочий класс склонялся на сторону коммунистов, которые получили дополнительно 12 мандатов и, имея 89 мест, стали третьей партией в рейхстаге. Католический «Центр» несколько укрепил свои позиции, получил 73 места вместо 68, но все другие партии среднего сословия, даже немецкая национальная партия Гугенберга (единственная партия, поддержавшая Папена), остались в незначительном меньшинстве. Было очевидно, что все зажиточные и богатые слои населения, кроме католиков, перешли на сторону нацистов.

2 августа Гитлер провел в Тегернзе, близ Мюнхена, совещание лидеров партии, чтобы критически осмыслить свою победу. Со времени последних парламентских выборов, имевших место два года назад, национал-социалисты получили дополнительно семь миллионов голосов и добились увеличения числа мест в рейхстаге со 107 до 230. За четыре года, прошедшие после выборов 1928 года, нацисты завоевали тринадцать миллионов новых избирателей. И все же большинства, которое привело бы Гитлера к власти, у партии не было. Она получила лишь 37 процентов общего числа голосов. Большая часть немцев по-прежнему была настроена против Гитлера.

Наступила ночь, когда он отпустил своих приспешников. Об итогах совещания Геббельс 2 августа записал: «Фюрер стоит перед трудным вопросом. Легально? В блоке с «Центром»?» Вместе с «Центром» нацисты могли бы рассчитывать на большинство в рейхстаге, но Геббельс считал такой блок

немыслимым. Однако, отметил он, «фюрер еще не принял окончательного решения. Требуется время, чтобы такой момент наступил».

Однако Гитлер не хотел ждать долго. Окрыленный успехом, хотя и не решающим, он горел нетерпением. 4 августа он срочно выехал в Берлин, где предполагал встретиться не с канцлером фон Папеном, а с генералом фон Шлейхером, чтобы «предъявить свои требования», как выразился Геббельс. «И требования будут не такими уж скромными», — добавил он.

5 августа, выступая в Фюрстенбергских казармах близ Берлина, Гитлер сообщил, какие условия он предъявил генералу фон Шлейхеру: для себя лично пост рейхсканцлера, для других представителей партии — пост премьер-министра Пруссии, посты глав министерств внутренних дел рейха и Пруссии, центральных министерств юстиции, экономики и авиации, для Геббельса — создание нового министерства просвещения и пропаганды. Самому Шлейхеру Гитлер посулил в качестве подачки должность министра обороны. Далее он заявил, что потребует от рейхстага законодательного акта о предоставлении ему на определенный срок чрезвычайных полномочий, и пригрозил, что если ему откажут, то рейхстаг «будет распущен по домам».

Уезжая от Шлейхера, Гитлер был уверен, что ему удалось склонить генерала в пользу своей программы; обрадованный, он с легким сердцем отправился на юг, в свое горное прибежище. Но Геббельс, известный своим цинизмом в отношении оппозиции и недоверием к генералу от политики, не вполне разделял его оптимизм. «Хорошо быть скептиком, предугадывая события», — записал он в дневнике 6 августа, выслушав рассказ фюрера о его беседе со Шлейхером. В одном Геббельс был уверен: «Придя к власти, мы уж никогда ее не уступим. Живыми они нас из министерств не вытащат».

Не все шло так гладко, как, возможно, думал Гитлер. 8 августа Геббельс записал: «Телефонный звонок из Берлина. Город полнится слухами. Вся партия готова к захвату власти. Штурмовики СА покидают рабочие места, чтобы готовиться. Руководители партии ждут, когда пробьет час. Если все пойдет гладко — прекрасно. Если нет случится нечто ужасное». На следующий день Штрассер, Фрик и Функ привезли Гитлеру весть, которую нельзя было назвать вполне обнадеживающей: Шлейхер снова извернулся, как червь. Поставил условие: став канцлером, Гитлер должен будет действовать с согласия рейхстага. Функ сообщил, что его друзья из делового мира обеспокоены возможностью сформирования нацистского правительства. В подтверждение этого он привел слова Шахта. В добавление ко всему названная троица уведомила Гитлера, что на Вильгельм-штрассе опасаются нацистского путча.

Опасения эти не были лишены оснований. 10 августа Геббельсу стало известно, что отряды СА в Берлине находятся «в состоянии боевой готовности… СА охватывают Берлин еще более тесным кольцом. На Вильгельмштрассе сильно обеспокоены».

На следующий день фюрер понял, что не может ждать дольше. Сел в машину и помчался в Берлин. Там он постарается «не мозолить глаза», но все же будет где-то рядом, если вдруг понадобится. Однако он никому не понадобился. Тогда он сам попросил аудиенции у президента, решив предварительно переговорить со Шлейхером и Папеном.

Беседа состоялась в полдень 13 августа. Она прошла бурно. Шлейхер ловко изменил свою позицию, которую занимал неделю назад. Теперь он согласен с Папеном, который считает, что Гитлер может претендовать, самое большее, на пост вице-канцлера. Гитлер пришел в ярость: либо канцлером, либо никем. Папен прервал разговор, заявив, что оставляет «окончательное решение» за Гинденбургом[51].

Разгневанный фюрер отбыл в отель «Кайзерхоф», расположенный неподалеку от места встречи. А в 3 часа пополудни в его номер позвонили из приемной президента. Кто-то (видимо, Геббельс, если судить по его дневниковой записи) спросил звонившего: «А что, решение уже принято? Если да, то нет смысла ехать». На это последовал ответ: «Президент хочет сначала побеседовать с Гитлером».

Престарелый фельдмаршал принял лидера нацистов в своем кабинете стоя, опершись на трость, как бы подчеркивая этим свою недоброжелательность. Гинденбург в свои восемьдесят пять лет, учитывая, что всего десять месяцев назад он перенес огромное нервное напряжение, длившееся более недели, на удивление не утратил ясности ума. Он терпеливо слушал Гитлера, пока тот снова и снова требовал предоставления ему поста канцлера и полноты власти. Кроме Отто Мейснера, статс-секретаря канцелярии президента, и Геринга, сопровождавшего Гитлера, на беседе никто не присутствовал, и хотя Мейснер не столь уж надежный источник, его показания в Нюрнберге оказались единственным подлинным свидетельством того, что произошло дальше. И звучит оно вполне правдоподобно.

Гинденбург ответил, что ввиду напряженного положения он не может с чистой совестью рисковать передачей власти новой партии, каковой является партия национал-социалистов, которая не располагает большинством и которая так нетерпима, криклива и недисциплинированна. Далее Гинденбург — его голос выдавал волнение — сослался на ряд недавних событий: столкновения нацистов с полицией, акты насилия со стороны последователей Гитлера против тех, кто придерживается иных взглядов, хулиганские выходки в отношении евреев и другие действия. Все эти инциденты укрепили его во мнении, что в рядах партии много людей распущенных, не поддающихся контролю…

После долгих пререканий Гинденбург заявил: пусть Гитлер скажет во всеуслышание, что готов сотрудничать с другими партиями, в частности с правыми и с «Центром», и откажется от необоснованного требования неограниченной власти. Сотрудничая с другими партиями, он получит возможность доказать, чего может достичь и что улучшить. При наличии положительных результатов ему и в составе коалиционного правительства нетрудно будет добиться не только ощутимого, но и решающего влияния. Это лучший способ рассеять распространенное опасение, что правительство национал-социалистов, злоупотребив властью, начало бы преследовать инакомыслящих и в конце концов уничтожило бы их. Он готов пойти на включение Гитлера и представителей его движения в состав коалиционного правительства, взять же на себя ответственность за предоставление Гитлеру исключительных прав не может… Однако Гитлер стоял на своем. Он заявил, что не желает ставить себя в положение человека, вынужденного торговаться с лидерами других партий из-за состава коалиционного правительства.

Итак, переговоры не привели к соглашению. Но перед тем как прервать аудиенцию, президент, по-прежнему стоя, прочел нацистскому лидеру строгую нотацию. По выражению официального коммюнике, переданного в печать сразу по окончании встречи, Гинденбург «выразил сожаление, что господин Гитлер не счел для себя возможным поддержать идею сформирования национального правительства, пользующегося доверием президента страны, вопреки обещанию, данному им перед выборами в рейхстаг». На глазах у почтенного президента Гитлер нарушил данное им слово, но это не должно повториться в будущем. «Президент, — говорилось далее в коммюнике, — решительно потребовал, чтобы национал-социалистская оппозиция вела себя по-рыцарски, и указал Гитлеру на его ответственность перед родиной и немецким народом».

Коммюнике об этой встрече, переданное в редакции Гинденбурга и утверждавшее, что Гитлер требовал «полноты государственной власти», было опубликовано с такой поспешностью, что застало пропагандистский аппарат Геббельса врасплох и сильно уронило авторитет Гитлера в глазах не только широкой публики, но и самих нацистов. Как ни старался Гитлер уверить, что он требовал не «полноты власти», а только пост канцлера и несколько министерских портфелей, словам Гинденбурга верили больше.

А между тем мобилизованные штурмовики рвались в бой. В тот же вечер Гитлер созвал их командиров и объяснил ситуацию. «Задача не из легких, записал Геббельс. — Кто знает, удастся ли удержать их в узде. Нет ничего труднее, чем сказать воодушевленным успехом войскам, что победа упущена». Поздно вечером маленький доктор искал утешения в чтении писем Фридриха Великого, а наутро спешно отправился отдыхать на Балтийское побережье. «Унылая атмосфера царит в среде товарищей по партии, — писал он. — Надо хоть на неделю избавиться от разговоров о политике. Хочу только солнца, света, воздуха и покоя».

Отбыл в свой Оберзальцберг и Гитлер — тоже подышать воздухом и поразмыслить о ближайшем будущем. Верно заметил Геббельс, что «первый большой шанс упущен». Герман Раушнинг, тогдашний лидер нацистов в Данциге, навестивший Гитлера, застал его в мрачном настроении. «Мы должны быть беспощадными», — сказал ему Гитлер и разразился бранью в адрес Папена. Но надежды он не терял. Временами заговаривал таким тоном, словно он уже канцлер. «Моя задача сложнее, чем у Бисмарка, — говорил он. — Мне сначала предстоит создать нацию, а уж потом двинуться к поставленной цели». А что будет, если Папен и Шлейхер установят военную диктатуру и запретят нацистскую партию? Гитлер вдруг спросил Раушнинга: имеет ли вольный город Данциг (в то время им управляла Лига Наций) договор с Германией о выдаче преступников? Тогда Раушнинг не понял вопроса. Однако очевидно, что фюрера интересовало место, которое могло служить политическим убежищем. Недаром в одной из записей Геббельса говорится о «слухах, будто Гитлер арестован». И все же даже теперь, после провала переговоров с рейхспрезидентом и правительством Папена и Шлейхера, несмотря на опасение, что его партия будет объявлена вне закона, он упорно стоял за легальный путь прихода к власти. Он принял меры к тому, чтобы прекратить всякие разговоры о путче. Если исключить случаи, когда его одолевали приступы ипохондрии, он не терял уверенности, что достигнет цели. Не с помощью силы, не посредством завоевания парламентского большинства, что вряд ли было возможно, а тем же путем, каким шли к

власти Шлейхер и Папен: путем закулисных интриг. Вот игра, в которую он будет играть.

Прошло немного времени, и он показал, как это делается. 25 августа Геббельс беседовал с Гитлером, после чего записал:

«Мы связались с партией «Центр» хотя бы для того, чтобы припугнуть наших противников». Вернувшись на другой день в Берлин, он обнаружил, что Шлейхер уже осведомлен о пущенных нацистами «пробных шарах в партии «Центр». А потом встретился и с самим генералом, чтобы убедиться в этом окончательно. У него сложилось впечатление, что Шлейхер обеспокоен перспективой альянса Гитлера с католическим «Центром», ибо в этом случае они составили бы абсолютное парламентское большинство. Говоря о личности Шлейхера Геббельс записал: «Не знаю, где кончается его искренность, а где начинается фальшь».

Контакты с партией «Центр», не рассчитанные, по словам Геббельса, на большее, чем оказание давления на правительство Папена, привели, однако же, к фарсовой ситуации, жертвой которой в конечном счете стал этот канцлер-кавалерист. 30 августа состоялось заседание палаты, на котором центристы вместе с нацистами проголосовали за избрание Геринга председателем рейхстага. 12 сентября, когда рейхстаг вновь собрался на заседание, председательское место на нем занял представитель национал-социалистов, и надо признать, что Геринг сполна воспользовался своим положением. Папен, готовясь к заседанию, заручился президентским декретом на право роспуска парламента, и это был тоже первый случай, когда рейхстагу подписывали смертный приговор еще до того, как он приступил к выполнению своих обязанностей. Но Папен не позаботился захватить этот документ с собой, полагая, что на первом рабочем заседании он ему не понадобится. При нем был лишь текст речи, посвященной программе деятельности правительства. Папена предупреждали, что если коммунисты предложат вынести вотум недоверия правительству (такое предложение ожидалось), то кто-нибудь из депутатов-националистов по согласованию с другими партиями выступит против. Возражения одного из более чем 600 депутатов было бы достаточно, чтобы голосование по этому вопросу отложили на более позднее время. Однако, когда Эрнст Торглер, лидер коммунистов, внес свое предложение как дополнение к повестке дня, ни представитель националистов, ни представитель какой-либо другой партии не встал и не возразил. Фрик от имени депутатов-нацистов попросил объявить получасовой перерыв.

Папен срочно послал в канцелярию курьера, приказав принести текст декрета. «Ситуация сложилась серьезная, — писал он потом в своих мемуарах. Меня застигли врасплох».

Тем временем Гитлер посовещался со своей парламентской фракцией, собравшейся через улицу во дворце председателя рейхстага. Нацисты оказались в затруднении, перед ними встала дилемма. Националисты подвели их, не внеся предложения перенести голосование на другое время. Теперь, чтобы свалить правительство Папена, гитлеровской партии придется вместе с коммунистами голосовать за их предложение. Как ни неприятно было выступать заодно с коммунистами, Гитлер решил проглотить эту горькую пилюлю. Он приказал своим депутатам голосовать за поправку коммунистов и свергнуть Папена до того, как тот распустит рейхстаг. Разумеется, чтобы

осуществить это, Геринг, как председатель, должен будет проделать несколько хитроумных трюков с парламентской процедурой. Бывший ас, человек смелый и не лишенный способностей (это он докажет и на более широком поле деятельности), он успешно справился с поставленной задачей.

Получасовой перерыв кончился, и в зале появился Пален со знакомой красной папкой, в которой по традиции хранился декрет о роспуске парламента. Но когда он попросил слова, чтобы зачитать текст, председатель рейхстага ухитрился не заметить его, хотя Папен с покрасневшим лицом размахивал листом бумаги на виду у собравшихся. Это видели все, кроме Геринга. А тот с ухмылкой, глядя в другую сторону, предложил немедленно приступить к голосованию. К этому времени лицо Папена из красного сделалось белым — так он негодовал. Он подошел к председателю и бросил лист бумаги ему на стол. Геринг, не глядя на него, снова предложил голосовать. Папен в сопровождении министров (ни один из них не был депутатом рейхстага) демонстративно покинул зал. Депутаты проголосовали: 513 голосов против правительства, 32 — за. Лишь после этого Геринг заметил наконец лежавший перед ним лист. Он огласил текст и объявил декрет, на котором стояла подпись канцлера, уже смещенного конституционным большинством, недействительным.

Кто в Германии выиграл от этого фарсового представления и как много выиграл — тогда трудно было сказать. Но то, что щеголя Папена сделали посмешищем, не вызывало никаких сомнений; однако он, как заметил в разговоре с другом посол Франсуа-Понсе, и всегда-то был посмешищем. Своим голосованием рейхстаг достаточно красноречиво показал, что подавляющее большинство немцев настроено против специально подобранного состава президентского кабинета министров. Однако не отразила ли эта правительственная неразбериха дальнейшее ослабление веры общественности в парламентскую систему? А нацисты? Не показали ли они себя людьми: не только безответственными, но и способными ради достижения, корыстных целей пойти даже на союз с коммунистами? И не устали ли граждане от выборных кампаний и не окажутся ли нацисты , перед фактом потери голосов в результате неизбежных новых выборов? Грегор Штрассер и даже Фрик считали, что окажутся и что и такая потеря может обернуться катастрофой для партии. Но, как и записал в тот же вечер Геббельс, фюрер «был весьма доволен случившимся. Он снова принял четкое, безошибочное решение».

Рейхстаг быстро признал декрет о роспуске действительным, и на 6 ноября были назначены новые выборы. Нацистам они сулили определенные трудности. Как писал Геббельс, народ устал от политических речей и пропаганды. В дневнике 15 октября он отметил, что даже партийные функционеры «стали очень раздражительны из-за нескончаемых выборов. Они перетрудились…» Возникли и финансовые осложнения. Крупные промышленники и финансисты стали поворачиваться в сторону Палена, сделавшего им ряд уступок. Их возрастающее недоверие, напоминал Фрик, вызывали и отказ Гитлера от сотрудничества с Гинденбургом, и его усиливающийся, как им казалось, крен в сторону крайностей в политике, и его стремление, как показал известный эпизод в рейхстаге, действовать даже заодно с коммунистами. Геббельс также не преминул отметить в своем дневнике: «Добывать деньги неимоверно трудно. Все господа из «Собственности и образования» на стороне правительства».

За несколько дней до выборов нацисты примкнули к коммунистам при проведении забастовки транспортных рабочих в Берлине — забастовки, не поддержанной профсоюзами и социалистами. Это повлекло за собой дальнейшее сокращение притока финансовых средств со стороны деловых кругов как раз в тот момент, когда нацистская партия больше всего нуждалась в деньгах для успешного проведения кампании. 1 ноября Геббельс с грустью констатировал:

«Нехватка средств стала нашей хронической болезнью. Их слишком мало, чтобы как следует провести кампанию. Многие представители буржуазных кругов напуганы нашим участием в стачке. Даже в партии нашлось немало товарищей, которые заколебались». 5 ноября, в канун выборов: «Последний приступ. Отчаянные попытки партии избежать поражения. В последний момент нам удалось наскрести 10 тысяч марок. В субботу днем они будут брошены на нужды кампании. Мы сделали все, что могли. Теперь пусть решает судьба».

6 ноября судьба и избиратели решили ряд вопросов, но не настолько основательно, чтобы определить будущее слабеющей республики. Нацисты потеряли два миллиона голосов и 34 места в рейхстаге, сохранив за собой 196 мест. За коммунистов проголосовало на три четверти миллиона больше, чем на предыдущих выборах, а за социал-демократов — на столько же меньше. В результате коммунисты получили 100 мест (было 89), а социалисты 121 (было 133). Немецкая национальная партия — единственная оставшаяся на стороне правительства — получила дополнительно около миллиона голосов (очевидно, за счет нацистов) и имела теперь 52 места (было 37). Хотя национал-социалисты и продолжали оставаться крупнейшей партией в стране, потеря двух миллионов голосов была весьма ощутимой. Впервые огромный прилив нацизма пошел на убыль, причем от точки, далеко не достигшей уровня требуемого большинства. Легенда о ее непобедимости рассеялась как дым. Позиции Гитлера ослабели после июля и уже не позволяли торговаться с кем-либо за власть.

Понимая это, Папен отбросил, как он выразился, «личную неприязнь» к Гитлеру и 13 ноября послал ему письмо, приглашая «обсудить обстановку». Но Гитлер выдвинул в своем ответе такие условия, что Папен оставил всякую надежду на взаимопонимание с ним. Непримиримость нацистского лидера не удивила ветреного, недалекого канцлера, но что его озадачило, так это новый курс его друга и наставника Шлейхера. Ибо этот скользкий махинатор решил, что Папен, подобно его предшественнику Брюнингу, больше ему не нужен. В его деятельном мозгу родились новые планы. Его добрый друг Папен должен уйти. Надо развязать президенту руки, чтобы он мог вести дело с политическими партиями, особенно с крупнейшими. По настоянию Гинденбурга 17 ноября Папен и его министры подали в отставку, и президент немедленно послал за Гитлером.

Их встреча, состоявшаяся 19 ноября, проходила в более теплой атмосфере, чем та, что имела место 13 августа. На этот раз президент предложил Гитлеру кресло и провел с ним более часа. Гинденбург предоставил ему выбор: либо пост канцлера, если он сможет склонить реальное большинство депутатов рейхстага в пользу определенной программы, либо пост вице-канцлера в новом президентском кабинете под руководством Папена, который будет управлять посредством чрезвычайных декретов. 21 ноября Гитлер встретился с президентом еще раз, а потом обменялся несколькими письмами с Мейснером. Но к согласию они не пришли. Гитлер заявил, что не сможет обеспечить реальное большинство в парламенте. Хотя партия «Центр» и

согласилась поддерживать его при условии, что он не будет домогаться диктаторских полномочий, от Гинденбурга как выразителя воли националистов таких заверений не поступило. Тогда Гитлер потребовал поста главы президентского кабинета на прежних условиях. Гинденбург не пошел на это. Уж если кабинету министров и дальше придется править посредством чрезвычайных декретов, то президент предпочтет видеть на посту канцлера своего друга Папена. В письме, посланном от его имени Мейснером, Гитлеру было заявлено, что он не может рассчитывать на этот пост, ибо «в этом случае кабинет министров непременно превратится в орудие партийной диктатуры… Я не могу взять на себя за это ответственность, нарушив присягу и идя против совести». А что же Гитлер? Постучался еще раз в дверь — она чуть-чуть приоткрылась и тотчас снова захлопнулась.

Такого исхода и ожидал Папен. Направляясь вечером 1 декабря вместе со Шлейхером на прием к Гинденбургу, он был уверен, что его вновь назначат канцлером. Он и не подозревал, какие планы вынашивал интриган Шлейхер. А тот, встретившись со Штрассером, высказал предложение: если нацисты не желают входить в правительство Папена, то, может, захотят войти в его, Шлейхера, кабинет, если он станет канцлером? После этого разговора Гитлера пригласили в Берлин для консультаций с генералом. Согласно одной из версий, широко распространенной немецкой печатью и впоследствии признанной большинством историков, фюрер отправился вечерним поездом из Мюнхена в Берлин, но по дороге, в Йене, уже глубокой ночью был задержан Герингом и тайно препровожден в Веймар на совещание нацистской верхушки. Однако более вероятной, как ни странно, нам представляется другая версия, исходящая из самих нацистских источников. Дневниковая запись Геббельса за 30 ноября свидетельствует, что Гитлер действительно получил телеграмму с просьбой срочно прибыть в Берлин, но решил не торопиться. Пусть Шлейхер подождет, а он пока посоветуется со своими сподвижниками в Веймаре, где ему предстоит выступить в связи с началом кампании по выборам в ландтаг Тюрингии.

На этом совещании, состоявшемся 1 декабря (в нем участвовала «большая пятерка»: Геринг, Геббельс, Штрассер, Фрик и Гитлер), выявились серьезные разногласия. Штрассер и поддержавший его Фрик считали, что нацисты должны отнестись к правительству Шлейхера по крайней мере терпимо, хотя лично Штрассер предпочел бы войти в его состав. Геринг и Геббельс решительно возражали против такого курса. Гитлер взял сторону последних. На другой день он встретился с посланным Шлейхером человеком, неким майором Оттом, и попросил посоветовать генералу не принимать пост канцлера. Но было уже поздно.

Папен и не догадывался об интриге, которую плел за его спиной Шлейхер. 1 декабря в начале совещания у президента он бойко изложил свои планы на будущее, полагая, что останется на посту канцлера и будет править с помощью чрезвычайных декретов, а рейхстаг пусть остается как есть, пока он, Папен, «не исправит конституцию». Суть поправок, которые он хотел внести, сводилась к тому, чтобы вернуть страну к временам империи и восстановить власть консервативных классов. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе и в мемуарах он признал, как признавался фельдмаршалу, что его предложения о поправках предусматривали «нарушение президентом действующей конституции». Но он заверил Гинденбурга, что «его совесть будет чиста, поскольку он ставит благополучие нации выше клятвы

верности конституции». Точно так же, добавил он, поступил в свое время Бисмарк, когда дело коснулось «интересов страны».

К великому удивлению Папена, Шлейхер прервал его и стал возражать. Играя на явном нежелании президента нарушать клятву верности конституции, если этого можно избежать (а избежать, считал генерал, можно), он заявил, что поверит в реальность существования правительства, способного завоевать на свою сторону большинство депутатов рейхстага, если во главе этого правительства поставят его, Шлейхера, Он убежден, что ему удастся отколоть от Гитлера по крайней мере 60 нацистских депутатов, в том числе Штрассера. К этой группе нацистов он сможет добавить представителей мелкобуржуазных партий, а также социал-демократов. Он даже считает, что его поддержат и профсоюзы.

Возмущенный такой идеей, Гинденбург повернулся лицом к Папену и предложил ему немедленно приступить к формированию кабинета. «Шлейхер, свидетельствовал потом Папен, — был явно ошеломлен». После ухода от президента они долго спорили, но ни до чего не договорились. Расставаясь с Папеном, Шлейхер повторил знаменитые слова, которыми напутствовали когда-то Лютера, отправлявшегося в Вормс: «Маленький инок, ты избрал тяжелый путь».

В том, насколько этот путь тяжел, Папен убедился на следующий день, в девять часов утра, на созванном им заседании кабинета.

«Шлейхер встал, — говорит Папен, — и объявил, что нет никакой возможности выполнить директиву, данную мне президентом. Всякая попытка выполнить ее ввергнет страну в хаос. В случае гражданской войны ни полиция, ни вооруженные силы не смогут обеспечить бесперебойную работу транспорта и системы снабжения. Генеральный штаб тщательно изучил этот вопрос, подготовил доклад и поручил майору Отту (его автору) представить этот доклад кабинету министров».

Вслед за тем генерал пригласил в зал заседаний майора Ойгена Отта (позднее он станет гитлеровским послом в Токио) и попросил представить доклад. Если сказанное Шлейхером потрясло Папена, то появление Отта с таким докладом повергло в ужас. А Отт просто сказал, что «защита границ и поддержание порядка, нарушаемого нацистами и коммунистами, не под силу военным частям, имеющимся в распоряжении федерального и земельных правительств. В связи с этим правительству рейха рекомендуется воздержаться от объявления чрезвычайного положения».

К великому удивлению и огорчению Папена, немецкая армия, некогда спровадившая кайзера, а совсем недавно устранившая по подсказке Шлейхера генерала Гренера и канцлера Брюнинга, избавлялась теперь от него. С этой вестью он немедленно отправился к Гинденбургу, надеясь, что президент, вняв его совету, сместит Шлейхера с должности министра обороны и утвердит его, Папена, в должности канцлера.

«Мой дорогой Папен, — отвечал президент, — вы плохого обо мне мнения, если полагаете, что я изменю свое решение. Я слишком стар и слишком много пережил, чтобы брать на себя ответственность за гражданскую войну. Наша единственная надежда — Шлейхер. Пусть он попытает счастья».

«По щекам Гинденбурга скатились две крупные слезы», — вспоминает Папен. Через несколько часов, когда уволенный канцлер собирал со своего письменного стола бумаги, ему принесли фотографию президента с надписью: «Ich hatt' einen Kameraden!»[52] На, следующий день Гинденбург прислал ему записку, написанную собственной рукой, в которой извещал, что с тяжелым сердцем освобождает его от должности, и еще раз заверил в «неизменном доверии» к нему. Президент писал правду и в скором времени сумел это доказать.

2 декабря Курт фон Шлейхер стал канцлером — первым генералом, занявшим этот пост после генерала графа Георга Лео фон Каприви де Капрара де Монтекукколи, заменившего Бисмарка в 1890 году. Многосложные интриги возвели наконец Шлейхера на высшую должность как раз в тот момент, когда экономический спад, о котором он не имел понятия, достиг наивысшей точки, когда рушилась Веймарская республика, которой он причинил так много вреда, когда никто ему уже не верил — не верил даже президент, которым он так долго манипулировал. Дни его пребывания на вершине власти были сочтены — это знали почти все, кроме него. И нацисты в этом не сомневались. В дневнике Геббельса за 2 декабря имеется запись: «Шлейхера назначили канцлером. Долго он не протянет».

Так же думал и Папен. Он страдал от уязвленного самолюбия и жаждал отомстить «другу и преемнику», как он именует его в своих мемуарах. Чтобы убрать Папена с дороги, Шлейхер предложил ему должность посла в Париже, но тот отказался. Президент, как указывает Папен, хотел, чтобы он оставался в Берлине «в пределах досягаемости». Берлин служил ему самым удобным местом для плетения интриг против главного интригана. Живой, энергичный Папен взялся за дело. К концу 1932 года, прошедшего в атмосфере раздоров и междоусобиц, Берлин погряз в заговорах и контрзаговорах. Кроме интриг, которые плели друг против друга Папен и Шлейхер, не затихала возня и в президентском дворце вокруг президента, активную роль в которой играли сын Гинденбурга Оскар и статс-секретарь Мейснер. Кишел заговорами и отель «Кайзерхоф», где Гитлер и его окружение не только замышляли захват власти, но и строили взаимные козни. В конце концов сети интриг настолько переплелись, что к началу 1933 года никто из заговорщиков не мог сказать точно, кто кого предает. Но пройдет немного времени, и все выяснится.

Шлейхер — последний канцлер республики

«Я находился у власти всего пятьдесят семь дней, — сказал как-то Шлейхер в беседе с тактичным французским послом, — и не проходило дня без того, чтобы меня кто-нибудь не предавал. Так что не толкуйте вы мне о «немецкой порядочности»!» Лучшим подтверждением его слов были собственная карьера Шлейхера и его практические дела.

Свою деятельность в качестве канцлера Шлейхер начал с того, что, не сумев заполучить в свой кабинет Гитлера, предложил посты вице-канцлера и министра-президента Пруссии Грегору Штрассеру, надеясь тем самым внести раскол в ряды нацистов. Имелось основание полагать, что расчет его оправдается. Штрассер являлся вторым человеком в партии, а в ее левом крыле, искренне верившем в национал-социализм, пользовался даже большим влиянием, чем Гитлер. В качестве руководителя Политической организации он был непосредственно связан со всеми нацистскими лидерами в землях и

городах и мог, казалось, рассчитывать на их преданность. К этому времени он укрепился в мысли, что Гитлер завел движение в тупик. Сторонники более радикальной политики стали переходить на сторону коммунистов. Опустела партийная касса. Фрицу Тиссену было строго рекомендовано прекратить выдачу субсидий движению. Не было даже денег на выплату жалованья тысячам партийных функционеров и на содержание отрядов СА (одни эти отряды обходились партии в два с половиной миллиона марок в неделю). Типографии, печатавшие обширную нацистскую прессу, грозились остановить машины, если им не заплатят по просроченным счетам.

11 ноября Геббельс записал в дневнике: «Финансовое положение берлинской организации безнадежно. Ничего, кроме долгов и обязательств». А в феврале он пожаловался, что придется сократить жалованье партийным функционерам. В довершение всего земельные выборы в Тюрингии, состоявшиеся 3 декабря, в тот день, когда Шлейхер вызвал к себе Штрассера, показали, что нацисты потеряли 40 процентов голосов. Стало очевидно, по крайней мере Штрассеру, что посредством голосования нацистам прийти к власти не удастся. Посему он настаивал, чтобы Гитлер отказался от девиза «Все или ничего» и брал то, что дают, то есть вошел бы в коалиционное правительство Шлейхера. В противном случае, предостерегал он, партия развалится. Эту мысль он высказывал на протяжении нескольких месяцев, и дневниковые записи Геббельса за период с середины лета до декабря полны горьких сетований на «нелояльность» Штрассера по отношению к Гитлеру.

5 декабря на совещании нацистской верхушки в «Кайзерхофе» произошли открытые дебаты. Штрассер потребовал, чтобы нацисты терпимо отнеслись к правительству Шлейхера. Его поддержал Фрик — глава нацистской парламентской фракции, многие члены которой боялись лишиться депутатского жалованья, если Гитлер спровоцирует новые выборы. Геринг и Геббельс резко выступили против Штрассера и склонили на свою сторону Гитлера. Тот не пожелал «терпеть» режим Шлейхера, хотя, оказывается, по-прежнему готов был «вести с ним переговоры». И миссию эту он возлагает на Геринга (он уже был осведомлен, что за два дня до этого у Штрассера состоялась доверительная беседа с канцлером). 7 декабря Гитлер и Штрассер снова встретились в «Кайзерхофе» для откровенного разговора. Встреча закончилась громким скандалом. Гитлер обвинил своего главного сподвижника в том, что тот пытается нанести ему удар в спину, отстранить от руководства партией и расколоть нацистское движение. Штрассер гневно отверг все обвинения, уверяя, что никогда не занимался двурушничеством, и в свою очередь обвинил Гитлера в том, что тот ведет партию к гибели. Видимо, во время той перепалки он высказал Гитлеру не все, что у него накипело после событий 1925 года. Вернувшись в номер отеля «Эксельсиор», где он остановился, Штрассер изложил все это в письме к Гитлеру, закончив просьбой освободить его от всех занимаемых в партии постов.

Это письмо, доставленное Гитлеру 8 декабря, произвело, как ; сказано в дневнике Геббельса, впечатление «разорвавшейся бомбы». В «Кайзерхофе» воцарилась кладбищенская тишина. «Все мы удручены и подавлены», — признался Геббельс. Это был жестокий удар.

Таких ударов Гитлер не испытывал на себе с 1925 года — с тех пор, как реорганизовал партию. Именно сейчас, когда он стоит, можно сказать, в преддверии власти, его главный соратник бежит от него, грозя уничтожить все то, что он создал за последние семь лет.

«Вечером, — записал Геббельс, — к нам домой пришел фюрер. Трудно казаться веселым. Все мы угнетены еще и потому, что существует опасность полного развала партии. Все наши усилия оказались напрасными… Телефонный звонок от д-ра Лея. Положение в партии ухудшается с каждым часом. Фюрер должен немедленно вернуться в «Кайзерхоф».

В два часа ночи Геббельса вызвали к Гитлеру. Штрассер успел передать информацию утренним газетам, которые уже появились на улицах. Вот реакция Гитлера, воспроизведенная Геббельсом: «Измена! Измена! Измена! Несколько часов кряду фюрер метался по гостиничному номеру. Акт предательства ожесточил его и глубоко ранил. Наконец он остановился и сказал: «Если партия распадется, то один лишь выстрел — и через три минуты все кончено».

Но партия не распалась, и Гитлер не застрелился. Возможно, Штрассер и достиг бы своей цели, что коренным образом изменило бы ход истории, однако в решающий момент он сдал позиции. С согласия Гитлера Фрик разыскивал его по всему Берлину, чтобы попытаться как-то уладить конфликт и тем спасти партию от катастрофы. Но Штрассеру надоела вся эта история, и он, сев в поезд, отправился отдыхать в солнечную Италию. Гитлер же, оказывавшийся на высоте всякий раз, когда обнаруживал слабинку у своих противников, действовал быстро и решительно. Политическую организацию — детище Штрассера — он возглавил лично, а начальником штаба назначил д-ра Лея, гауляйтера Кельна. Приближенные Штрассера были изгнаны, а все лидеры партии приглашены в Берлин подписать новую декларацию верности Адольфу Гитлеру, что они и сделали.

И снова коварный австриец вывернулся из положения, которое могло стать для него роковым. А Грегор Штрассер, которого многие считали фигурой покрупнее Гитлера, быстро сошел со сцены. В дневниковой записи Геббельса за 9 декабря он значился «мертвецом». Два года спустя, когда Гитлер начал сводить старые счеты, он стал мертвецом уже не в переносном, а в буквальном смысле.

10 декабря, через неделю после того, как генерал фон Шлейхер дал ему подножку, Франц фон Папен начал плести собственную интригу. Вечером того же дня он выступил в закрытом клубе «Геррен-клуб», объединявшем представителей аристократических и крупных финансовых кругов (из них он сформировал свой недолговечный кабинет), после чего имел частную беседу с бароном Куртом фон Шредером — кельнским банкиром, оказывавшим финансовую помощь национал-социалистской партии. В этой беседе он попросил названного финансиста устроить ему тайную встречу с Гитлером. В своих мемуарах Папен утверждает, что Шредер сам подсказал ему мысль о такой встрече, а он, дескать, согласился. По странному совпадению мысль о встрече высказал ему от имени нацистского лидера и Вильгельм Кепплер, экономический советник Гитлера и один из посредников между ним и деловыми кругами. И вот два человека, бывшие всего несколько недель назад в столь неприязненных отношениях, съехались утром 4 января в Кельн, в дом Шредера, чтобы побеседовать, как они надеялись, в обстановке строжайшей секретности. К удивлению Папена, еще у входа его встретил какой-то человек и сфотографировал, однако он тотчас забыл о нем. Но наутро ему об этом напомнили. Гитлер явился в сопровождении Гесса, Гиммлера и Кепплера. Он оставил их в гостиной, сам же прошел в кабинет Шредера, где и провел

два часа наедине с Папеном и хозяином Дома. Сперва беседа не налаживалась, так как Гитлер начал упрекать Папена за плохое отношение к нацистам в бытность его канцлером, но скоро переключилась на то главное, что определило потом судьбу обоих собеседников и страны в целом.

Момент для шефа нацистов был решающий. После бегства Штрассера он лишь ценой нечеловеческих усилий сохранил целостность партии. Исколесил всю страну, выступая по три-четыре раза в день на собраниях, призывая лидеров партии держаться вместе, следовать его курсу. Но настроение у нацистов по-прежнему было подавленное, финансовое положение партии — бедственное. Многие предрекали ей скорый конец. Настроение в партии нашло отражение в дневниковых записях Геббельса за последние недели года: «1932 год принес нам сплошные несчастья… Прошлое было трудным, будущее выглядит мрачным и унылым; не видно перспективы, пропала надежда». Из этого следует, что положение Гитлера было далеко не такое выгодное, как прошлым летом и осенью, чтобы торговаться, однако не в лучшем положении находился и Папен, лишенный должности канцлера. И они, как друзья по несчастью, сошлись во мнениях.

Условия, на которых они встретились, являются предметом споров. Папен утверждал на Нюрнбергском процессе и в своих мемуарах, что не стремился действовать во вред Шлейхеру, а лишь рекомендовал Гитлеру войти в состав кабинета, формируемого генералом. Но, зная по опыту, как часто Папен делал лживые заявления и учитывая его естественное желание выставить себя в лучшем свете что нашло подтверждение в дальнейших событиях, более достоверной представляется картина, нарисованная на том же процесс(Шредером. Этот банкир показал, что в действительности Папен предлагал заменить кабинет Шлейхера кабинетом Гитлера — Папена, которым они руководили бы на равных.

Однако «Гитлер… сказал: если он станет канцлером, то будет подлинным главой правительства. Сторонники же Папена могут участвовать в нем в качестве министров, если захотят следовать его курсу многих перемен. Эти перемены включают устранение с руководящих постов социал-демократов, коммунистов и евреев и восстановление общественного порядка в Германии. Фон Папен и Гитлер в принципе договорились… Они согласились разработать дальнейшие детали в Берлине или в другом удобном месте».

Переговоры, разумеется, велись в обстановке строжайшей секретности. Однако 5 января, к ужасу Папена и Гитлера, утренние берлинские газеты вышли с громадными заголовками, сообщавшими о встрече в Кельне, с ругательными редакционными статьями в адрес Папена за его предательство в отношении Шлейхера. Хитрый генерал, будучи человеком догадливым, послал в Кельн своих людей; в их числе, как потом понял Папен, был и тот самый фотограф, который снимал его возле дома Шредера.

Помимо договоренности с Папеном Гитлер извлек из кельнской встречи два весьма ценных для него урока. Во-первых, он узнал от бывшего канцлера, что Гинденбург не сохранил за Шлейхером права на роспуск рейхстага. Это означало, что нацисты, сблокировавшись с коммунистами, могут, когда

захотят, легко сместить Шлейхера. Во-вторых, во время беседы ему дали понять, что деловые круги западной части Германии намерены взять на себя долги нацистской партии. Через два дня после кельнских переговоров Геббельс упоминал о «приятных событиях в политической жизни», но все еще жаловался на «скверное финансовое положение». А уже через десять дней, 16 января, отметил, что финансовое положение партии «за две недели коренным образом улучшилось».

Тем временем канцлер Шлейхер, не теряя оптимизма — близорукого, если не сказать больше, — продолжал попытки создать жизнеспособное правительство. 15 декабря он выступил по радио с неофициальным обращением к нации, призывая забыть, что он генерал, и уверяя слушателей, что он не поддерживает «ни капитализм, ни социализм» и что его уже не приводят в ужас «такие понятия, как частная и плановая экономика». Основная задача Шлейхера, по его словам, состоит в том, чтобы дать работу безработным и вернуть устойчивость экономике государства. Налоги повышаться не будут, зарплата понижаться тоже не будет. Он даже идет на то, чтобы отменить последнее решение Папена о сокращении зарплаты и пособий. Кроме того, он отменяет квоты сельскохозяйственного производства, введенные в угоду крупным землевладельцам, и приступает к осуществлению планов, предусматривающих отчуждение у разорившихся юнкеров восточной части страны 800 тысяч акров земли и раздачу ее 25 тысячам крестьянских семей. Цены на такие предметы первой необходимости, как уголь и мясо, подлежат строгому контролю.

Это была попытка заручиться поддержкой тех самых масс, которым он доселе противопоставлял себя и интересы которых игнорировал. За выступлением по радио последовали беседы Шлейхера с лидерами профсоюзов, у которых создалось впечатление, что в организованных рабочих и в армии он видит две главные будущие опоры нации. Однако рабочие профсоюзы не захотели сотрудничать с человеком, к которому не питали никакого доверия. Что касается промышленников и крупных землевладельцев, то они ополчились на нового канцлера за его программу, которую называли не иначе как большевистской, а дружеские жесты Шлейхера в адрес профсоюзов привели их в смятение. Владельцы крупных поместий негодовали по поводу его решения уменьшить государственные субсидии помещикам и приступить к экспроприации разорившихся поместий в Восточной Германии. 12 января «Ландбунд», объединение крупных помещиков, выступил с яростными нападками на правительство, а его руководство, в состав которого входили двое нацистов, заявило протест президенту. Гинденбург, сам ставший юнкером-землевладельцем, призвал канцлера к ответу. Тогда Шлейхер пригрозил опубликовать секретный доклад рейхстага об афере «Восточная помощь». В этом скандальном деле, о котором все знали, были замешаны сотни юнкерских семейств, разжиревших на безвозмездных государственных «займах», а также косвенно сам президент, поскольку восточно-прусское поместье, подаренное ему было незаконно зарегистрировано на имя его сына, что освобождало последнего от налога на наследство.

Невзирая на шум, поднятый промышленниками и землевладельцами, невзирая на прохладное отношение профсоюзов, Шлейхер почему-то уверовал, что все идет гладко. По случаю праздника нового, 1933 года он и его министры нанесли визит президенту и тот обласкал их, сказав: «…Самые большие трудности позади, перед нами дорога к лучшему».

4 января, в тот день, когда Папен и Гитлер совещались в Кельне, канцлер устроил Штрассеру, возвратившемуся к тому времени из Италии, встречу с Гинденбургом. В беседе с президентом, имевшей место два дня спустя, Штрассер дал согласие войти в кабинет Шлейхера. Этот шаг внес смятение в стан нацистов, размещавшийся в тот момент на маленькой земле Липпе, где Гитлер и его главные подручные отчаянно бились за успех на местных выборах, чтобы укрепить позиции фюрера в дальнейших переговорах с Папеном. Геббельс сообщает в дневнике о появлении там в ночь на 13 января Геринга с дурными новостями о Штрассере. Главари партии, рассказывает Геббельс, всю ночь обсуждали случившееся. Все были того мнения, что если Штрассер действительно примет предложение Шлейхера, то партия окажется в весьма затруднительном положении.

Так думал и Шлейхер. 15 января в беседе с Куртом фон Шушнигом, тогдашним австрийским министром юстиции, он безапелляционно заявил, что «герр Гитлер уже не проблема, его движение больше не представляет политической угрозы, судьба его решена, он канул в прошлое».

Но Штрассер не вошел в кабинет; не вошел в него и Гугенберг, лидер националистической партии. Оба решили вернуться к Гитлеру. Штрассера без обиняков отвергли, к Гугенбергу же отнеслись радушнее. 15 января, в тот самый день, когда Шлейхер злорадно доказывал Шушнигу, что с Гитлером покончено, нацисты добились успеха на местных выборах в Липпе. Успех, правда, был не столь уж значителен. Из 90 тысяч избирателей за нацистов проголосовало 38 тысяч, или 39 процентов, — на 17 процентов больше, чем на прошлых выборах. Но Геббельс и его компания подняли такой шум вокруг этой «победы», что произвели впечатление на ряд консерваторов, включая приближенных Гинденбурга, и прежде всего статс-секретаря Мейснера и сына президента Оскара.

Вечером 22 января эти господа тайно вышли из президентского дворца, поймали такси, чтобы не бросаться в глаза посторонним, как выразился Мейснер, и отправились в пригородный дом доселе неизвестного нациста по имени Иоахим Риббентроп, являвшегося другом Папена (во время войны они вместе служили на Турецком фронте). Там их встретили Папен, Гитлер, Геринг и Фрик. По словам Мейснера, до этого рокового вечера Оскар фон Гинденбург был против каких-либо контактов с нацистами. Возможно, Гитлер об этом знал; во всяком случае, он предложил поговорить с Оскаром «с глазу на глаз». К удивлению Мейснера, Гинденбург-младший согласился. Они уединились в соседней комнате и провели там около часа. О том, что сказал Гитлер сыну президента, не отличавшемуся ни блестящим интеллектом, ни твердостью характера, никогда не писалось. В кругу нацистов имели хождение разговоры, будто фюрер обещал и угрожал одновременно. Угрожал, в частности, обнародовать сведения о причастности Оскара к афере «Восточная помощь» и о том, каким образом ему удалось избежать уплаты налогов на поместье отца. Что касается обещаний, то о них можно судить по тому факту, что спустя несколько месяцев семья Гинденбургов присоединила к своим владениям 5 тысяч акров необлагаемой налогом земли, а Оскару, дотоле полковнику, в августе 1934 года присвоили звание генерал-майор.

Как бы то ни было, нет сомнения в том, что Гитлер произвел на сына президента сильное впечатление. «Всю дорогу, пока мы ехали обратно в такси, — показал Мейснер на процессе в Нюрнберге, — Оскар фон Гинденбург молчал. Сказал лишь, что делать нечего, надо пускать нацистов в

правительство. Мне показалось, что Гитлеру удалось подчинить его своему обаянию».

Гитлеру оставалось расположить к себе отца. Сделать это, по общему признанию, было трудно: как ни ослаблены были мыслительные способности старого фельдмаршала, годы не смягчили его крутого нрава. Трудно, но не невозможно. Деятельный, как бобр, Папен не переставал обрабатывать старика. И становилось все очевиднее, что Шлейхер, несмотря на свою изворотливость, теряет почву под ногами. Не удалось ему ни привлечь нацистов на свою сторону, ни расколоть их. Не сумел он и заручиться поддержкой националистов, партии «Центр» и социал-демократов.

23 января Шлейхер посетил президента. Он признал, что не может добиться поддержки парламентского большинства, и потребовал распустить рейхстаг, чтобы править страной с помощью президентских декретов, как это предусмотрено статьей 48 конституции. По словам Мейснера, генерал просил, кроме того, «временно упразднить» рейхстаг и откровенно признался, что вынужден будете установить «военную диктатуру». Таким образом, сколько бы Шлейхер ни хитрил и ни лавировал, он все равно оказался в том же положении, в каком находился в начале декабря Папен, только теперь они поменялись ролями. Прежде Папен требовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, а Шлейхер возражал, заявляя, что мог бы, став канцлером, обеспечить поддерживаемое нацистами парламентское большинство. Теперь сам Шлейхер настаивал на установлении диктаторского режима, в то время как Папен, хитрая лиса, заверял фельдмаршала, что сможет склонить Гитлера на сторону правительства, которое получит поддержку парламентского большинства. Вот чем могут обернуться каверзы и интриги!

Гинденбург напомнил Шлейхеру, почему он 2 декабря сместил Папена, и указал, что с тех пор ничего нового не произошло. Поэтому он просит генерала и дальше добиваться парламентского большинства. Шлейхер понял, что дело его проиграно. Поняли это и те, кто был посвящен в его тайну. Геббельс, один из немногих посвященных, на следующий день записал: «Шлейхера свалят в любой момент — так же, как он свалил многих других».

Официальный конец карьеры генерала наступил 29 января, когда он подал президенту прошение об отставке своего кабинета. «Я уже одной ногой в могиле, — заявил Гинденбург обозленному Шлейхеру, — и надеюсь, что мне не придется потом, на небесах, сожалеть о своем решении». «После такой несправедливости, господин президент, я не уверен, что вы действительно попадете на небеса», — парировал Шлейхер и удалился с исторической сцены Германии.

В полдень того же дня президент поручил Папену выяснить, нельзя ли сформировать правительство во главе с Гитлером «на условиях, предусмотренных конституцией». В течение недели этот хитрый, честолюбивый человек тешил себя мыслью: а не предать ли ему Гитлера и не стать ли снова канцлером при поддержке Гугенберга? 27 января Геббельс записал: «До сих пор не исключено, что Папен снова станет канцлером». За день до этого Шлейхер послал главнокомандующего армией генерала фон Хаммерштейна к президенту с поручением предостеречь его от назначения Папена. В обстановке сложных интриг, опутавших Берлин, Шлейхер в последнюю минуту стал настойчиво ратовать за назначение на свое место Гитлера. В ответ на

это Гинденбург сказал главнокомандующему, что не намерен назначать австрийского ефрейтора канцлером.

Воскресный день 29 января стал решающим. Заговорщики раскрыли свои последние карты и наводнили столицу самыми тревожными и противоречивыми слухами, причем многие из них не были беспочвенными. Шлейхер снова отправил верного Хаммерштейна мутить воду. На этот раз тот встретился с Гитлером и предупредил, что Папен может оставить его в дураках, поэтому будет лучше, если фюрер пойдет на союз со смещенным канцлером и военными. Но Гитлер не проявил к этому большого интереса. Возвратившись в «Кайзерхоф», он созвал своих приспешников и заказал кофе с пирожными. За этой трапезой их и застал Геринг, прибывший с известием, что на следующий день фюрера назначат канцлером.

В тот вечер, когда нацистские главари, собравшиеся в квартире Геббельса на Рейхсканцлерплац, радовались этой важной вести, к ним явился эмиссар Шлейхера Вернер фон Альвенслебен и сообщил еще одну потрясающую новость. Этот человек помешался на заговорах — они виделись ему даже там, где их не было. Он донес нацистам, что Шлейхер и Хаммерштейн объявили тревогу в Потсдамском гарнизоне, готовят выслать президента в Нейдек и установить военную диктатуру. Эмиссар сильно преувеличивал. Можно допустить, что названные генералы действительно вынашивали такую идею, однако до практических шагов было, по-видимому, далеко. Тем не менее нацисты не на шутку встревожились. Геринг быстро, насколько позволяла его тучность, направился через площадь во дворец, чтобы предупредить Гинденбурга и Папена об опасности. О том, какие шаги предпринял Гитлер, позднее расскажет он сам:

«Моей немедленной контрмерой в отношении планируемого [военного] путча было вызвать командира СА в Берлине графа фон Гелльдорфа и через него поднять по тревоге все берлинские отряды СА. Одновременно я поручил майору полиции Веке, который, как я знал, заслуживал моего доверия, подготовиться к внезапному захвату здания на Вильгельмштрассе шестью батальонами полицейских… Наконец, я поручил генералу Бломбергу, которого намечали в министры рейхсвера, по прибытии в Берлин в 8 утра 30 января немедленно явиться к Старому Господину и официально вступить в должность, с тем чтобы иметь возможность уже в качестве главы рейхсвера подавлять всякие попытки переворота».

За спиной Шлейхера и главнокомандующего — в то сумасшедшее время все делалось за чьей-то спиной — генерал Вернер фон Бломберг был вызван (не Гитлером, который еще не стоял у власти, а Гинденбургом и Папеном) из Женевы, где он представлял Германию на конференции по разоружению, чтобы стать министром обороны в кабинете Гитлера — Папена. Этот человек, как подтвердил потом сам Гитлер, уже пользовался доверием фюрера, поскольку находился под влиянием полковника Вальтера фон Рейхенау, начальника его штаба в Восточной Пруссии, известного своими симпатиями к нацистам. Когда Бломберг прибыл в Берлин — это произошло 30 января, рано утром, — на вокзале его встретили два армейских офицера с двумя противоречивыми приказами. Некий майор фон Кунтцен, адъютант Хаммерштейна, предложил ему явиться к главнокомандующему, а полковник Оскар фон Гинденбург, адъютант своего отца, — к президенту республики. Смущенный Бломберг поехал к президенту, который немедленно привел его к присяге в качестве министра обороны, уполномочив не только пресекать любые попытки мятежа в армии, но

и подкреплять военной силой новое правительство, которое будет сформировано через несколько часов. Гитлер навсегда остался благодарен военным за поддержку, оказанную ему в тот решающий момент. Выступая вскоре после этих событий на партийном митинге, он сказал: «Если бы в те дни нашей революции армия не пришла к нам на помощь, мы бы сегодня здесь не стояли». Таким образом, военные взяли на себя тяжкую ответственность, о чем им в дальнейшем придется горько пожалеть.

В то ветреное утро 30 января 1933 года трагедия Веймарской республики, длившаяся четырнадцать тягостных лет и состоявшая из неуклюжих попыток немцев заставить демократию действовать, приближалась к концу. Но завершилась она не сразу. В тот самый момент, когда казалось, что занавес вот-вот опустится в последний раз, на сцене разыгрался маленький фарс с участием разношерстной группы заговорщиков, собравшихся на похороны республиканского строя. Вот как описал его позднее Папен:

«Около половины одиннадцатого члены предполагаемого кабинета, собравшись в моем доме, прошли потом садом в президентский дворец и стали ждать в канцелярии Мейснера. Гитлер тут же повторил свои жалобы, что его не назначили комиссаром по делам Пруссии. Он считал, что это серьезно ограничивает его права. Я сказал ему… к вопросу о его прусском назначении можно будет вернуться позже. На это Гитлер ответил, что при таком ограничении власти он вынужден будет потребовать новых выборов в рейхстаг.

Создалась совершенно новая ситуация, спор ожесточился. Гугенберг, в частности, высказался против идеи новых выборов. Гитлер попробовал успокоить его, заверив, что независимо от результатов выборов кабинет будет сохранен в том же составе… Одиннадцать часов, когда должна была начаться беседа с президентом, давно уже пробило, поэтому Мейснер попросил меня прервать дискуссию: Гинденбург не мог ждать дольше.

Эта стычка произошла так внезапно, что я испугался, как бы наша коалиция не распалась еще до появления на свет… Наконец нас пригласили к президенту и я сделал необходимые официальные представления. Гинденбург произнес небольшую речь о необходимости всемерно сотрудничать в интересах нации и привел нас к присяге. Кабинет Гитлера стал фактом».

Вот таким путем — с черного хода, посредством бесчестной сделки с махровыми реакционерами, которых он в душе презирал, — бывший венский босяк, фактический дезертир во время первой мировой войны, сделался канцлером великой страны.

Правда, национал-социалисты составляли в правительстве несомненное меньшинство; на их долю в кабинете пришлось только три министерские должности из одиннадцати, да и те, если не считать поста канцлера, не были ключевыми. Фрика назначили министром внутренних дел, но полиция ему не подчинялась (в Германии в отличие от других европейских стран она входила в ведение отдельных земель). Третьим нацистом в правительстве был Геринг, но для него не нашлось министерства; его пока назвали министром без портфеля, имея в виду в дальнейшем, когда Германия будет располагать военно-воздушными силами, поставить во главе министерства авиации. Кроме того, он являлся министром внутренних дел Пруссии (там в его ведение входила и полиция), но эта должность была не столь заметна, поскольку все

внимание общественности сосредоточилось на правительстве рейха. Имя Геббельса, к удивлению многих, в списке кабинета не фигурировало — на этом этапе он остался ни с чем.

Важнейшие же министерства отошли к консерваторам, убедившимся в том, что им удалось подчинить нацистов своим интересам: Нейрат как был, так и остался министром иностранных дел; Бломберга назначили министром обороны; Гугенберг взял себе объединенное министерство продовольствия и сельского хозяйства; Зельдт, шеф «Стального шлема», стал министром труда; другие министерства Папен еще восемь месяцев назад отдал беспартийным «экспертам». Сам Папен стал не только вице-канцлером, но и президентом-министром Пруссии. Гинденбург дал ему обещание принимать канцлера не иначе как в его присутствии, и Папен уверовал, что исключительное положение, которое он занял, позволит ему держать экспансивного нацистского лидера в рамках. Более того, такой состав кабинета отвечал замыслам Папена, был его детищем. Папен не сомневался, что благодаря стойкости старого президента, являвшегося его другом, почитателем и опекуном, и умелой поддержке со стороны коллег-консерваторов, численно превосходивших буйных нацистов в соотношении восемь к трем, он займет в правительстве руководящее положение.

Но этот легкомысленный, слабохарактерный политик не знал Гитлера (его вообще никто не знал) и не представлял, какие силы его породили. Ни Папен, ни кто-либо другой, кроме Гитлера, не отдавал себе полного отчета в необъяснимой податливости тогдашних институтов — армии, церкви, профсоюзов, политических партий, а также широких средних слоев, настроенных не в пользу нацистов, и высокоорганизованного пролетариата, которые, как мрачно констатировал много позднее Папен, «сдались без боя».

Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объединились для борьбы с ним. Даже в июле 1932 года, находясь на гребне популярности, национал-социалисты собрали только 37 процентов голосов. Остальные 63 процента немцев, придерживавшихся антигитлеровской ориентации, были слишком разрозненны, слишком недальновидны, чтобы сообща действовать против общей опасности, которая в противном случае — а они не могли этого не предвидеть — сокрушит их. Коммунисты до конца следовали своей сомнительной идее: сначала покончить с социал-демократами, социалистическими профсоюзами и остатками демократически настроенных средних слоев населения (они руководствовались весьма спорной теорией: даже если подобная тактика приведет к временной победе нацизма, за этим последует неизбежное крушение капитализма), а потом взять власть в свои руки и установить диктатуру пролетариата. Фашизм, с точки зрения большевиков-марксистов, есть последняя стадия умирающего капитализма, после него — торжество коммунизма во всем мире!

Социал-демократы за четырнадцать лет пребывания у власти, которую им приходилось делить с другими партиями, и попыток сохранить с помощью всякого рода компромиссов коалиционные правительства истощили свои силы, ослабили энтузиазм до такой степени, что низвели свою партию едва ли не до уровня соглашательско-оппозиционной организации. Вся ее деятельность свелась к выторговыванию уступок в пользу профсоюзов, на которые социал-

демократы в значительной мере опирались. То, что говорили некоторые социалисты, могло быть правдой: что им не улыбнулось счастье; что коммунисты раскололи рабочий класс; что экономический кризис усугубил трудное положение социал-демократов, ослабил профсоюзы, отторгнул от них миллион безработных, которые, впав в отчаяние, стали возлагать надежды либо на коммунистов, либо на нацистов. Но трагедию социал-демократов не объяснить одним лишь невезением. В ноябре 1918 года они имели возможность создать государство, основанное на их же идеалах — идеалах социал-демократии. Однако им не хватило решимости. И вот на заре третьего десятилетия они превратились в усталую, поверженную партию возглавляемую благонамеренными, но в большинстве своем посредственными старыми людьми, которые до конца остались верны республике, однако были слишком растерянны, слишком робки, чтобы идти на большой риск. Без риска же невозможно было думать о сохранении республики. Поэтому, когда Папен снарядил отряд солдат, чтобы ликвидировать конституционное правительство Пруссии, они ничего не смогли ему противопоставить.

Германии недоставало политически сильного среднего сословия, которое стояло бы между левыми и правыми. В других странах — во Франции, Англии, Соединенных Штатах оно составляло основу демократии. В первый год республики демократы, народная партия и «Центр» собрали все вместе 12 миллионов голосов, лишь на два миллиона меньше, чем две социалистические группы. Но впоследствии их влияние ослабело, их приверженцы начали тяготеть к Гитлеру и к националистам. В 1919 году демократы получили 74 места в рейхстаге; к 1932 году они сохранили за собой всего два места. Число мест у народной партии сократилось с 62 в 1920 году до 11 в 1932-м. Лишь католический «Центр» не терял своих избирателей. После выборов 1919 года он имел 71 место, а после выборов 1932 года — 70. Но еще со времен Бисмарка эта партия придерживалась оппортунистической политики (даже в большей степени, чем социал-демократы) и вставала на сторону любого правительства, лишь бы оно шло на уступки ее корыстным интересам. Сохраняя на словах верность республике и ее демократическим основам, руководители этой партии, как мы убедились, вели переговоры с нацистами .о передаче власти Гитлеру. Перещеголяли их только Папен и партия националистов.

Будучи лишена политической силы в лице среднего сословия, Германская республика не имела и того запаса прочности, которым располагали многие другие государства благодаря наличию в них подлинно консервативных партий. Немецкие националисты, находясь на вершине популярности, собрали в 1924 году шесть миллионов голосов и получили в рейхстаге 103 места, став второй по величине партией. Тем не менее, как это происходило почти на всех последующих этапах существования Веймарской республики, они уклонялись от ведущей роли в правительстве или в оппозиции. Лишь в двух случаях — это было в 20-е годы — они на короткое время вошли в состав правительства. Правые, чьи сторонники по большей части голосовали за партию националистов, хотели одного — гибели республики и восстановления империалистической Германии, которая вернула бы им прежние привилегии. А между тем республика относилась к правым — как к отдельным лицам, так и к классу в целом — исключительно терпимо. Как известно, она позволяла армии быть «государством в государстве», промышленникам и банкирам извлекать высокие прибыли, юнкерам удерживать за собой убыточные поместья посредством государственных кредитов, которые они никогда не погашали и которые редко использовали для повышения плодородия земли. Но этим своим

великодушием республика не добилась от правых ни выражения благодарности, ни лояльного отношения. С присущей им узостью взглядов, предубеждением, слепотой, которые автору этих строк кажутся теперь, в ретроспекции, непостижимыми, они наносили республике удар за ударом, пока в союзе с Гитлером не добили ее окончательно. В этом бывшем австрийском босяке консервативные силы видели человека, который, оставаясь их невольником, поможет достичь желанной цели. Уничтожение республики — это лишь первый шаг. За ним должно было последовать создание авторитарной Германии, внутренняя политика которой заключалась бы в том, чтобы покончить с «демократической ерундой» и с влиянием профсоюзов, а внешняя — в том, чтобы отменить условия перемирия 1918 года, порвать то, что осталось от Версальского договора, воссоздать великую армию и вернуть стране при помощи военной силы «ее место под солнцем». Эти же цели преследовал и Гитлер. И хотя он располагал тем, чего не хватало консерваторам, — поддержкой масс, правые не сомневались, что он в их руках. Разве не на их стороне численное превосходство (восемь к трем) в кабинете рейха? Консерваторы полагали, что господствующее положение в правительстве позволит им осуществить свою задачу и без помощи варварского, оголтелого нацизма. Всеми ведь признано, рассуждали правые, что они порядочные, богобоязненные люди.

Империя Гогенцоллернов зиждилась на военных захватах Пруссии, Веймарская республика — на потерях после поражения в великой войне. Но третий рейх не обязан своим появлением ни ратным победам, ни воздействию извне. Он создан в мирное время мирными средствами, то есть руками самих немцев, сильными и слабыми одновременно. Никто, кроме них самих, нацистскую тиранию им не навязывал. Многие из них, вероятно даже большинство, не совсем понимали, что произошло в тот полуденный час 30 января 1933 года, когда президент Гинденбург, действуя в рамках конституции, вверил пост канцлера Адольфу Гитлеру. Но пройдет немного времени, и они поймут.

ФАШИЗАЦИЯ ГЕРМАНИИ: 1933–1934 ГОДЫ

Урок, который Гитлер усвоил в период бродяжничества в Вене и который никогда не забывал (что путь к победе движения лежит через союз с влиятельными силами в государстве), нашел теперь, как он и рассчитывал, достаточно полное практическое воплощение. Президент, опираясь на армию и консерваторов, назначил Гитлера канцлером. Однако, как ни велика была его политическая власть, она оставалась неполной. Ее приходилось делить с теми тремя силами, которые поставили его во главе правительства и которые, находясь вне нацистского движения, относились к нему с долей недоверия.

Следовательно, первейшая задача Гитлера состояла в том, чтобы как можно быстрее отстранить эти силы от кормила власти, сделать свою партию единственным хозяином в государстве, после чего, используя политическую и военную мощь авторитарного правления осуществить нацистский переворот. Едва минули сутки после назначения Гитлера главой кабинета, как он уже

предпринял первый решающий шаг: захлопнул ловушку, в которую угодили легковерные консерваторы, возомнившие себя хозяевами, а его — невольником, и дал толчок целой цепи событий, которые либо спровоцировал, либо подчинил своему контролю, что и привело на исходе шести месяцев к полной фашизации Германии и к превращению его самого в диктатора объединенного, дефедерализованного третьего рейха, какого еще не знала история Германии.

Вечером 30 января 1933 года, через пять часов после вступления в должность, Гитлер созвал первое заседание кабинета. Протокол заседания[53], обнаруженный во время Нюрнбергского процесса среди сотен тонн захваченных секретных документов, показывает, как быстро и ловко Гитлер при помощи изобретательного Геринга начал водить консерваторов за нос. Гинденбург назначил Гитлера главой не президентского кабинета, а кабинета, опирающегося на парламентское большинство. Однако нацисты и националисты, единственные партии, представленные в правительстве, имели в рейхстаге всего 247 мест из 583, а потому не располагали большинством. Чтобы обеспечить такое большинство, они должны были заручиться поддержкой партии «Центр», имевшей 70 мест. В первые же часы существования нового правительства Гитлер поручил Герингу вступить в переговоры с лидерами «Центра». Тот доложил кабинету, что они требуют «определенных уступок», и предложил распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гитлер согласился. Гугенберг, человек не очень далекий, сколь бы велики ни были его успехи в коммерческих делах, выступил против участия «Центра» в правительстве, но в то же время возражал против проведения новых выборов, хорошо понимая, что нацисты, использовав государственные рычаги, могут обеспечить себе абсолютное большинство, после чего попробуют обойтись без его услуг и без услуг его друзей-консерваторов. Он предложил простой выход — запретить коммунистическую партию; ликвидировав таким образом 100 депутатских мест, нацисты и националисты окажутся в большинстве. Но Гитлер счел эту акцию несвоевременной, поэтому было условлено, что утром следующего дня он сам переговорит с лидерами партии «Центр»; если переговоры ни к чему не приведут, то правительство обратится с просьбой назначить новые выборы.

Сорвать переговоры Гитлеру не составило труда. По его просьбе монсеньор Каас, руководитель партии «Центр», представил в качестве основы для переговоров список пунктов, дополнивших требование к Гитлеру управлять конституционными методами. Но Гитлер и не думал обсуждать вопросы, поставленные Каасом; он пошел на обман, заявив членам своего кабинета, что партия «Центр» выдвинула невыполнимые требования и что соглашение с ней невозможно. Поэтому он предложил обратиться к президенту с просьбой распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Гугенберг и Папен оказались в западне. Они согласились с предложением нацистского лидера, тем более что он торжественно заверил их: независимо от исхода выборов состав кабинета останется прежним. Новые выборы были назначены на 5 марта.

Впервые — для Германии это были последние свободные выборы — нацистская партия получила доступ ко всем материальным ресурсам правительства, обеспечивающим голоса избирателей. Геббельс ликовал. «Теперь будет легко вести борьбу, — записал он в дневнике 3 февраля, — ибо мы сможем мобилизовать все государственные средства. В нашем распоряжении и радио, и печать. Мы развернем отличную пропаганду. И денег у нас теперь будет предостаточно».

Крупных предпринимателей, довольных тем, что новое правительство собирается поставить организованных рабочих на место, а им дать возможность хозяйствовать по собственному усмотрению, попросили раскошелиться. Они не возражали. 20 февраля во дворце Геринга, председателя рейхстага, собрались по инициативе Шахта десятка два крупнейших магнатов, в том числе Крупп фон Болен, неожиданно сделавшийся горячим сторонником нацистов, Бош и Шницлер из «И. Г. Фарбениндустри» и Феглер, глава Объединенного стального концерна. Там Геринг и Гитлер и раскрыли свои планы. Записи этого совещания сохранились.

Свою длинную речь Гитлер начал с льстивых слов в адрес промышленников. «Частное предприятие, — сказал он, — нельзя вести в условиях демократии; оно мыслимо, только если народ привержен авторитету личности… Всеми жизненными благами, которыми пользуемся, мы обязаны усилиям избранных… Мы не должны забывать, что преимущества культуры надо внедрять в известной мере силой железного кулака». Он обещал предпринимателям устранить марксистов и восстановить вермахт (последний являлся предметом особого интереса для таких промышленных гигантов, как Крупп, Объединенный стальной концерн, «И. Г. Фарбениндустри», которые рассчитывали умножить свои капиталы с помощью производства оружия.

«Сегодня мы стоим в преддверии последних выборов», — продолжал Гитлер, пообещав своим слушателям «не отступать, чем бы они ни кончились». Он заверил их, что в случае поражения все равно удержит в своих руках власть, только «иными средствами… с помощью иного оружия». Геринг, касаясь практической стороны дела, подчеркнул важность «финансовых жертв», которые деловым людям «гораздо легче будет нести, если они учтут, что выборы 5 марта могут стать последними, — других выборов, конечно, не будет в ближайшие десять, а может, и сто лет».

Все эти разъяснения промышленники сочли достаточно убедительными и с энтузиазмом восприняли обещание покончить с надоевшими выборами, с демократией и с разговорами о разоружении. Крупп, король военной промышленности, совсем недавно, точнее, 20 января уговаривавший Гинденбурга не назначать Гитлера канцлером, встал и выразил от имени деловых кругов благодарность за «ясное изложение позиции». Затем д-р Шахт пустил по кругу шляпу. «Я собрал три миллиона марок», — показал он на Нюрнбергском процессе.

31 января 1933 года, на следующий после назначения Гитлера канцлером день, Геббельс записал в своем дневнике: «На совещании у фюрера мы разработали план борьбы с красным террором. В данный момент мы воздержимся от прямых контрмер. Из попытки большевистской революции сначала должно возгореться пламя. В нужный момент мы нанесем удар».

Несмотря на все усиливавшиеся в ходе избирательной кампании провокации нацистских властей, ни малейшего намека на «революцию» (коммунистическую или социалистическую), да еще на «возгорание пламени», не было. Тем не менее в начале февраля правительство Гитлера запретило коммунистам проводить собрания и закрыло коммунистические газеты и журналы. Собрания социал-демократов тоже либо запрещались официально, либо разгонялись головорезами из СА, выпуск социалистических газет то и дело приостанавливался. Не могла избежать нацистского террора даже партия

католического «Центра». Лидера католических профсоюзов Штегервальде молодчики в коричневых рубашках избили, когда он попытался выступить на митинге, а на другом собрании Брюнинг был вынужден искать защиты у полиции, когда отряды СА нанесли ранения некоторым его сторонникам. Общее число противников нацизма, убитых во время избирательной кампании, составило 51 человек, а число нацистов — 18, согласно нацистским источникам.

Ведущая роль Геринга как министра внутренних дел Пруссии становилась все заметнее. Не считаясь с умеренной позицией Папена, которому как министру-президенту Пруссии Геринг должен был подчиняться, он уволил сотни республиканских чиновников, заменив их нацистами, по большей части офицерами СА и СС. По его приказу полиция должна была, с одной стороны, «любой ценой» избегать враждебных акций в отношении СА, СС и «Стального шлема», а с Другой — не щадить «врагов государства». Он потребовал, чтобы полиция «пускала в ход огнестрельное оружие», предупредив, что полицейские, отказавшиеся подчиниться, будут наказаны. Это был откровенный призыв к полиции земли Пруссия, распространявшей свое влияние на две трети территории Германии, расстреливать каждого, кто выступит против Гитлера. Чтобы обеспечить неукоснительное выполнение поставленной задачи, Геринг объявил 22 февраля о сформировании дополнительных полицейских частей численностью 50 тысяч человек; из них 40 тысяч человек были мобилизованы из рядов СА и СС, а остальные — из рядов «Стального шлема». Отсюда следует, что полицейские функции в Пруссии осуществлялись в большой мере руками нацистских громил. Крайне несерьезно было бы поэтому ожидать, что такая полиция защитит немцев от нацистских террористов.

Несмотря на террор, «большевистская революция», которую ждали Геббельс, Гитлер и Геринг, не привела к «возгоранию пламени». Но если такую «революцию» не удалось спровоцировать, нельзя ли ее выдумать?

24 февраля полиция Геринга устроила налет на «Карл-Либкнехт-хаус», штаб-квартиру коммунистов в Берлине. Руководство коммунистов покинуло это помещение еще за несколько недель до налета. Часть его ушла в подполье, а часть нелегально перебралась в Россию. Но в подвале осталось много пропагандистских брошюр. Этого оказалось достаточно, чтобы Геринг заявил в официальном коммюнике, будто захваченные документы свидетельствуют о намерении коммунистов совершить переворот. Общественность и даже некоторые консерваторы — члены правительства отнеслись к этому, заявлению скептически. Было очевидно, что, пока не начались выборы, требуется найти более сильное средство воздействия на публику.

Пожар в рейхстаге

Вечером 27 февраля в двух разных местах Берлина собрались на ужин самые могущественные люди Германии. На Фос-штрассе, в закрытом «Герренклубе», вице-канцлер фон Папен принимал президента фон Гинденбурга. В доме Геббельса, в кругу его семьи, ужинал канцлер Гитлер. По словам Геббельса, они отдыхали, слушали пластинки и рассказывали разные истории. «Вдруг, записал он потом в дневнике, — телефонный звонок от д-ра Ханфштенгля: «Горит рейхстаг!» Я был уверен, что он говорит ерунду, и даже не сказал ничего фюреру».

Но те, кто ужинал в «Герренклубе», находились совсем рядом с рейхстагом.

«Вдруг, — записал Папен, — мы заметили, что окна осветились красным заревом, а с улицы донеслись крики. Ко мне быстро подошел слуга и шепнул: «Горит рейхстаг!» Эти слова я передал президенту. Он встал, и мы, подойдя к окну, посмотрели на здание рейхстага: его купол был словно освещен изнутри прожекторами. Время от времени из него вырывалось пламя, клубы дыма застилали силуэт».

Отправив престарелого президента домой в своем автомобиле, вице-канцлер поспешил к горящему зданию. Тем временем Геббельс, еще раз поразмыслив, согласно его записи, над «ерундой», сказанной Путци Ханфштенглем, позвонил в несколько мест и убедился, что рейхстаг действительно в огне. Несколько мгновений спустя он и фюрер уже неслись со скоростью шестьдесят миль в час по шоссе Шарлоттенбергер «к месту преступления».

О том, что это — преступление, содеянное коммунистами, они заявили тотчас по прибытии на пожар. Геринг, потный, запыхавшийся, крайне возбужденный, был уже там и, как вспоминал впоследствии Папен, клялся, что это «преступление коммунистов против нового правительства». Обращаясь к новому шефу прусского гестапо Рудольфу Дильсу, он крикнул: «Это начало восстания коммунистов! Нельзя ждать ни минуты. Мы будем беспощадны. Всех коммунистов расстреливать на месте. Всех коммунистических депутатов сегодня же вздернуть!»

Вся правда о пожаре в рейхстаге, видимо, так и останется невыясненной. Практически никто из тех, кто эту правду знал, не остался в живых большинство из них Гитлер уничтожил в последующие несколько месяцев. Даже на процессе в Нюрнберге тайна не была до конца раскрыта, хотя имеется достаточно улик, свидетельствующих, что нацисты спланировали и осуществили поджог в своих политических целях.

Дворец Геринга и здание рейхстага соединял подземный туннель, проложенный для труб центрального отопления. По этому туннелю вечером 27 февраля Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный, ставший потом шефом СА в Берлине, провел небольшой отряд штурмовиков в рейхстаг. Там они расплескали бензин и самовоспламеняющуюся смесь, после чего тем же путем ретировались. Одновременно с ними в это огромное полутемное и незнакомое ему помещение проник некто по имени Маринус ван дер Люббе. Он тоже устроил несколько очагов пожара. Этот пироманьяк явился для нацистов счастливой находкой. Они обнаружили его несколькими днями раньше в баре. Кто-то из штурмовиков подслушал, как Люббе хвастал, будто пробовал устроить пожар в ряде правительственных зданий, а теперь собирается поджечь рейхстаг. То, что нацисты обнаружили сумасшедшего поджигателя, который был коммунистом и собирался сделать то же, что и они, кажется невероятным, и тем не менее это подтверждается фактами. Можно почти не сомневаться, что идея поджога принадлежала Геббельсу и Герингу. Ганс Гизевиус, в то время чиновник министерства внутренних дел Пруссии, показал на процессе в Нюрнберге, что «именно Геббельс первым предложил поджечь рейхстаг», а Рудольф Дильс, шеф гестапо, добавил, что «Геринг во всех подробностях знал о плане поджога» и приказал ему «заранее подготовить список лиц, подлежащих аресту сразу после пожара». Генерал Франц Гальдер, бывший в начале второй мировой войны начальником генерального штаба, заявил на суде, что однажды Геринг сам похвастался, будто пожар его рук дело:

«В 1942 году на завтраке по случаю дня рождения фюрера разговор коснулся здания рейхстага и его архитектурной ценности. Я собственными ушами слышал, как Геринг, прервав беседу, громко сказал: «Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его!» При этом он шлепнул себя ладонью по ляжке»[54].

Представляется очевидным, что ван дер Люббе был использован нацистами как подставная фигура. Да, его толкнули на поджог. Но основная часть «работы» возлагалась — разумеется, без ведома Люббе — на штурмовиков. И действительно, на последовавшем в Лейпциге судебном разбирательстве было установлено, что этот полоумный голландец не мог так быстро поджечь громадное здание. Прошло всего две с половиной минуты, как он туда проник, а в центральном зале уже вовсю бушевало пламя. Как выяснилось, для растопки он располагал лишь собственной рубашкой. А по заключению судебных экспертов, чтобы развести такое громадное пламя, требовалось немало химикатов и бензина. Одному человеку было бы не под силу принести все это в здание и в короткое время устроить множество очагов пожара.

Ван дер Люббе задержали прямо в горящем здании. Геринг, согласно его собственным показаниям, хотел немедленно его повесить. На следующий день Эрнст Торглер, лидер коммунистической фракции в парламенте, узнав, что Геринг объявил его соучастником преступления, отдался в руки полиции, а через несколько дней полиция схватила Георгия Димитрова, будущего главу правительства Болгарии, и еще двоих болгарских коммунистов — Попова и Танева.

Разбирательство их дела в верховном суде в Лейпциге закончилось провалом для нацистов, и в первую очередь для Геринга, которого Димитров, выступая и в роли собственного адвоката, без труда поставил в дурацкое положение, умело используя перекрестные допросы. Дошло до того, что Геринг, не выдержав, крикнул болгарину: «Вон отсюда, негодяй!»

Судья (полицейскому офицеру): Уведите его.

Димитров (направляясь в сопровождении полицейских к выходу): Испугались моих вопросов, герр министр-президент?

Геринг: Только выйди из зала суда, негодяй!

Торглера и троих болгар оправдали, хотя немецкого коммуниста тотчас взяли под стражу в целях его собственной безопасности, где он находился до самой смерти, наступившей в годы второй мировой войны. Ван дер Люббе признали виновным, и он был обезглавлен.

Оправдательный приговор, вынесенный судом, несмотря на его рабскую зависимость от нацистских властей, сильно подпортил репутацию Геринга и нацистов, однако никаких практических результатов это уже не могло дать. Гитлер не терял времени и максимально использовал пожар в рейхстаге в своих целях.

28 февраля, на следующий после пожара день, Гитлер представил на подпись президенту Гинденбургу проект декрета «Об охране народа и государства», приостанавливавшего действие семи статей конституции, которые

гарантировали свободу личности и права граждан. Назвав этот проект «защитной мерой против насильственных действий коммунистов, представляющих угрозу для государства», Гитлер требовал права: ограничивать свободу личности и свободу мнений, включая свободу печати, а также свободу собраний и союзов; нарушать тайну переписки, телеграфной и телефонной связи; устраивать домашние обыски, конфисковывать имущество.

Все это считалось допустимым, даже если выходило за рамки закона. Декрет предоставлял также правительству рейха право пользоваться полнотой власти в землях, когда это вызывалось необходимостью, и вводил смертную казнь за ряд преступлений, таких, как «серьезные нарушения спокойствия» со стороны вооруженных лиц.

Таким образом, с помощью одного юридического акта Гитлер получил возможность не только затыкать рты оппонентам и бросать их по своей прихоти за решетку, но и придать пресловутой коммунистической опасности, так сказать, «официальный» характер, дабы нагнать побольше страху на миллионы сограждан из среднего сословия и крестьянства, внушить им, что если они не проголосуют через неделю за национал-социалистов, то власть могут захватить коммунисты. Было арестовано около четырех тысяч функционеров коммунистической партии и большое число социал-демократических и либеральных лидеров, в том числе депутатов рейхстага, которые по закону должны были пользоваться неприкосновенностью. Это был первый случай, когда немцы стали свидетелями нацистского террора, благословляемого правительством. По улицам страны с ревом носились грузовики, полные штурмовиков, которые вламывались в дома, устраивали облавы, сгоняли свои жертвы в казармы СА, подвергая их пыткам и избиениям. Печать и политические собрания коммунистов были запрещены, выпуск социал-демократических газет и многих либеральных изданий приостановлен, а собрания демократических партий либо запрещались в официальном порядке, либо разгонялись. Беспрепятственно вести избирательную кампанию могли только нацисты и их союзники из национальной партии.

Располагая всеми материальными ресурсами центрального и прусского правительств и получая огромные суммы денег от крупного бизнеса, нацисты развернули такую пропагандистскую шумиху, какой Германия еще не знала. Впервые по радио, контролируемому правительством, передавались на всю страну речи Гитлера, Геринга и Геббельса. Улицы, украшенные флагами со свастикой, оглашались топотом штурмовиков. Проводились массовые митинги, факельные шествия, на площадях ревели громкоговорители. На щитах были расклеены красочные плакаты с нацистскими призывами, холмы по ночам освещались кострами. Избирателям, которые были напуганы коричневым террором и «разоблачениями» о «коммунистической революции», обещали немецкий рай. На другой день после пожара в рейхстаге прусское правительство выпустило многословное воззвание, в котором будто бы излагалось содержание найденных коммунистических «документов»:

«Правительственные здания, музеи, особняки и важные промышленные предприятия должны быть сожжены. Женщины и дети должны быть поставлены в качестве заслонов впереди террористических отрядов… Поджог рейхстага — это сигнал к кровавому воскресенью и гражданской войне… Установлено, что сегодня по всей Германии должны произойти террористические акты в

отношении отдельных лиц, частной собственности и жизни мирного населения, а также должна начаться всеобщая гражданская война».

В воззвании содержалось обещание опубликовать документы, подтверждающие наличие коммунистического заговора, но оно не было выполнено. Тем не менее, поскольку прусское правительство официально объявило, что такие документы имеются, многие немцы этому поверили. Известное впечатление на колеблющихся произвели также угрозы Геринга. В своей речи во Франкфурте 3 марта он громогласно заявил:

«Граждане немцы, юридические препоны моим делам не помеха. Правосудие меня не тревожит; все, к чему я стремлюсь, это — уничтожать, искоренять, и ничего больше!.. И будьте уверены, мои дорогие коммунисты, что я сполна воспользуюсь правом, данным мне правительством земли, и силой полиции, так что не стройте никаких иллюзий; в этой смертельной схватке я возьму вас за горло и поведу за собой вон тех людей в коричневых рубашках».

Голос Брюнинга, бывшего канцлера, был мало кем услышан, хотя в тот самый день он тоже выступил с речью, заявив, что партия «Центр» будет бороться против отмены конституции, потребовав расследовать подозрительное дело о поджоге рейхстага и призвав президента Гинденбурга «защитить угнетенных от угнетателей». Тщетная попытка! Старый президент молчал. Пришло время, когда должен был сказать свое слово народ.

5 марта 1933 года, в день последних демократических и последних в жизни Гитлера выборов, этот народ выразил свою волю на избирательных участках. Несмотря на террор и запугивание, большая его часть отвергла Гитлера. Правда, нацисты набрали больше всех голосов — 17 277 180 (рост на 5,5 миллиона), но это составило всего 44 процента общего числа проголосовавших. Большинство было настроено явно против Гитлера. Партия «Центр», как ни мешали ей преследования и запреты, набрала на этих выборах больше голосов, чем на предыдущих (4424900 против 4230600), а вместе с католической народной партией Баварии за нее проголосовали 5,5 миллиона человек. Даже социал-демократы сохранили свое положение второй по численности партии, набрав 7 181 629 голосов (уменьшение на 70 тысяч). Коммунисты потеряли миллион сторонников, и все же за них проголосовали 4 848 058 избирателей. Националисты во главе с Папеном и Гугенбергом сильно обманулись в своих ожиданиях, набрав только 3 136 760 голосов (рост меньше чем на 200 тысяч), или 8 процентов общего числа голосовавших.

Тем не менее 52 депутатских места националистов плюс 288 мест нацистов давали правительству парламентское большинство (перевес в 16 мест). Этого, наверное, было достаточно для осуществления повседневных функций правительства, но далеко не достаточно для того, чтобы Гитлер мог провести в жизнь свой новый дерзкий план — установить при поддержке парламента личную диктатуру.

Унификация рейха

План этот был обманчиво прост; его преимущество состояло в том, что он позволял захватить абсолютную власть как бы законным порядком. Суть его такова: канцлер просит рейхстаг принять «акт о предоставлении

чрезвычайных полномочий», предусматривающий передачу кабинету Гитлера исключительного права издавать законы сроком на четыре года. Проще говоря, парламент Германии вручает Гитлеру свои конституционные права, а сам уходит в длительный отпуск. Но такая мера требовала внесения поправки в конституцию, а эту поправку должно было одобрить большинство в две трети голосов.

Как добиться такого большинства — вот главное, чем был занят кабинет на своем заседании 15 марта 1933 года (протокол этого заседания был оглашен на Нюрнбергском процессе). Этого можно добиться, во-первых, с помощью «неявки» на заседание парламента восьмидесяти одного депутата-коммуниста и, во-вторых, путем «недопущения нескольких социал-демократов», что, по мнению Геринга, не составляло труда.

Гитлер в тот день был весел и чувствовал себя уверенно. Еще бы! У него был декрет от 28 февраля, подписанный по его настоянию Гинденбургом на следующий день после пожара в рейхстаге, который давал ему право бросить за решетку столько депутатов, сколько необходимо для обеспечения большинства в две трети голосов. Оставалась еще проблема католического «Центра», требовавшего каких-то гарантий, но канцлер не сомневался, что эта партия в конце концов окажется на его стороне. Гугенберг, лидер националистов, не желавший отдавать всю власть Гитлеру, потребовал оставить за президентом право участвовать в выработке законов, даже если эта функция будет передана в соответствии с «актом о чрезвычайных полномочиях» кабинету министров. Однако д-р Мейснер, статс-секретарь президентской канцелярии, уже связавший свою судьбу с нацистами, ответил: «Сотрудничество президента не вызывается необходимостью». Он быстро сообразил, что Гитлер не испытывает никакого желания ставить себя в зависимость от строптивого президента, как это было в период существования республиканских кабинетов.

Однако канцлер решил, что на этой стадии лучше сделать красивый жест в отношении престарелого фельдмаршала, армии и консерваторов-националистов, тем более что таким способом он как бы связывал свой разбойничий («революционный») режим с почтенным именем Гинденбурга и со славным военным прошлым Пруссии. Для этого он и Геббельс, назначенный 13 марта министром пропаганды, придумали ловкий ход: Гитлер сам откроет заседание нового рейхстага, который он собирался упразднить, в гарнизонной церкви в Потсдаме — великой святыне пруссачества, напоминавшей столь многим немцам об имперской славе и величии Пруссии, ибо здесь покоились останки Фридриха Великого, здесь молились короли из династии Гогенцоллернов, сюда в 1866 году, еще будучи молодым гвардейским офицером, совершил свое первое паломничество Гинденбург, вернувшись с австро-прусской войны, положившей начало объединению Германии. Дата торжественного открытия нового парламента третьего рейха — 21 марта — тоже была выбрана не случайно, поскольку совпадала с годовщиной открытия Бисмарком первого рейхстага второго рейха в 1871 году. Когда в церковь проследовали старые фельдмаршалы, генералы, адмиралы в блестящих мундирах времен империи и возглавлявшие эту компанию бывший наследный принц и фельдмаршал Макензен во внушительных гусарских мундирах и в головных уборах с изображением черепа, собравшимся показалось, что над ними витают тени Фридриха Великого и «железного канцлера».

Гинденбург был явно растроган. Геббельс, дирижировавший этим спектаклем и наблюдавший за работой радио, вещавшего из церкви на всю страну, заметил и не преминул записать об этом в дневнике — на глазах у старого фельдмаршала слезы. Рядом с ним находился Гитлер; было заметно, что в официальном костюме-визитке он чувствует себя стесненно. Президент, в полевой форме серого цвета, при ордене Черного орла на широкой ленте, обхватив одной рукой каску с шишаком наверху, а в другой держа маршальский жезл, медленно проследовал по проходу, задержался в императорской галерее, чтобы отдать честь пустующему креслу кайзера Вильгельма II, а затем подошел к алтарю и зачитал короткий текст речи со словами доброго напутствия новому правительству Гитлера:

«Да проникнется нынешнее поколение древним духом, этой прославленной святыни! Да избавит он нас от эгоизма и межпартийной вражды и да объединит в национальном самосознании на благо гордой, свободной и неделимой Германии!»

Ответное слово Гитлера было составлено с хитрым расчетом на то, чтобы сыграть на личных симпатиях и заручиться доверием столь блестяще представленного здесь старого порядка.

«Ни кайзер, ни правительство, ни нация не хотели войны. Лишь крушение нации вынудило ослабленный народ возложить на себя, вопреки его святым, убеждениям, ответственность за эту войну».

Повернувшись к Гинденбургу, сидевшему в позе окаменело в нескольких шагах от него, Гитлер продолжал:

«В едином порыве мы за несколько недель отстояли свою национальную честь. Благодаря взаимопониманию с вами, господин фельдмаршал, символы былого величия и новые силы соединились в единое целое. Мы выражаем вам наше почтение. Хранившее вас провидение возвысило вас над новыми силами нашей нации».

Демонстрируя глубокое почтение к президенту, которого он еще до конца недели намеревался лишить политической власти, Гитлер сошел с трибуны, низко поклонился Гинденбургу и взял его руку в свою. При вспышках блицев и под жужжание кинокамер, расставленных Геббельсом наряду с микрофонами в удобных местах, их торжественное рукопожатие — символ союза новой Германии со старым порядком — было запечатлено для нации и мировой общественности.

«После столь пылких заверений Гитлера в Потсдаме, — писал впоследствии присутствовавший на этом собрании французский посол, — разве могли эти люди, Гинденбург и его друзья — юнкеры и бароны-монархисты, Гугенберг и его национальная партия, офицеры рейхсвера, не предать забвению эксцессы и бесчинства его партии, хотя они и являлись их очевидцами? И не побояться полностью довериться ему, удовлетворить все его требования, предоставить неограниченную власть, которой он домогался?»

Ответ был дан через два дня, 23 марта, в зале берлинского оперного театра Кролла, где состоялось заседание парламента. На рассмотрение был представлен акт о предоставлении чрезвычайных полномочий, официально названный «Законом о ликвидации бедственного положения народа и

государства». Пять коротких параграфов предусматривали изъятие законодательных функций, включая контроль за расходованием бюджета рейха, утверждение договоров с иностранными государствами и внесение поправок в конституцию, из юрисдикции парламента и передачу их сроком на четыре года в ведение кабинета министров рейха. Более того, в акте оговаривалось, что законы, принимаемые кабинетом, разрабатываются канцлером и «могут допускать отклонения от конституции». Никакие законы не будут «затрагивать положение рейхстага» (грубее этой шутки ничего нельзя было придумать), а права президента останутся «нерушимы».

Гитлер несколько раз повторил эти фразы в своей необычайно сдержанной речи перед депутатами, собравшимися в нарядном зале оперного театра, в стенах которого привыкли к спектаклям более легкого жанра. Теперь проходы зала заполнили штурмовики в коричневых рубашках; разбойничьи, покрытые шрамами лица этих людей как бы говорили, что никаких вольностей со стороны народных избранников они не потерпят.

«Правительство, — обещал Гитлер, — будет пользоваться этими полномочиями лишь при возникновении необходимости принять жизненно важные меры. Существованию рейхстага или рейхсрата это не угрожает. Положение и права президента остаются неприкосновенными… Автономия федеральных земель сохранится. Права церкви не будут ущемляться, ее отношения с государством не изменятся. Число случаев, когда будет возникать потребность применения этого закона, ограничено».

Вспыльчивый лидер нацистов держался на этот раз спокойно, почти скромно, и в тот момент — в момент зарождения третьего рейха — даже члены оппозиции не представляли в полной мере, чего стоят его обещания. И все же один из них — Отто Вельс, председатель социал-демократической партии, часть депутатов от которой (человек десять) были «задержаны» полицией, встал и под рев штурмовиков, доносившийся с улицы («Даешь закон, не то смерть!» — орали они), бросил диктатору вызов. Спокойно, с большим достоинством Вельс заявил: правительство может отнять у социал-демократов права, но не может лишить их чести.

«В этот исторический момент мы, немецкие социал-демократы, торжественно клянемся в верности принципам человечности и справедливости, свободы и социализма. Никакой закон о чрезвычайных полномочиях не даст вам права уничтожать идеалы, которые вечны и нерушимы».

Тут разъяренный Гитлер вскочил с места и предстал перед законодательным собранием в своем настоящем обличье:

«Вы опоздали, но вы пришли… — закричал он. — Вы уже не нужны… Звезда Германии взойдет, а ваша закатится. Ваш предсмертный час пробил… Мне не нужны ваши голоса. Германия будет свободна, но не благодаря вам!» (Бурные аплодисменты.)

Хорошо, что социал-демократы, на которых лежит тяжкая ответственность за ослабление республики, уходили с политической сцены с поднятой головой, не изменив своим убеждениям. Не так поступила партия католического «Центра». Если во времена «железного канцлера» она не побоялась открыто противостоять «культур-кампфу», то теперь монсеньор Каас, председатель партии, лишь потребовал от Гитлера письменного заверения, что он будет

уважать право президента на вето. До начала голосования Гитлер обещал выполнять это требование, но письменно его не подтвердил. И тем не менее Каас встал и объявил, что депутаты его партии будут голосовать за принятие законопроекта. Брюнинг промолчал, после чего приступили к голосованию. За проект проголосовал 441 человек, против — 84 (все — социал-демократы). Нацистские депутаты повскакали с мест и огласили зал истошными криками. Затем запели песню «Хорст Вессель», ставшую позднее вторым после «Германия превыше всего» национальным гимном:

Выше знамена! Сомкните ряды! Поступью чеканной идут штурмовики…

Вот так было покончено с парламентской демократией в Германии. Если не считать того, что депутатов-коммунистов и некоторых социал-демократов предварительно упрятали за решетку, все выглядело вполне законно, хотя и сопровождалось террором. Уступив свои конституционные права Гитлеру, парламент совершил самоубийство, хотя его забальзамированное тело и продолжало оставаться на виду вплоть до заката третьего рейха, изредка выполняя роль резонатора грозных «пронунсиаменто»[55] Гитлера; поскольку выборов больше не проводилось, места в рейхстаге занимали лица, специально подобранные нацистской партией. Акт о чрезвычайных полномочиях был единственным легальным обоснованием диктатуры Гитлера. Начиная с 23 марта 1933 года Гитлер действовал как диктатор, свободный от каких-либо ограничений как со стороны парламента, так и со стороны престарелого, немощного президента. Правда, многое еще предстояло сделать, прежде чем вся нация, все ее институты оказались под нацистской пятой, однако и это, как мы убедимся позднее, было достигнуто одним махом посредством грубых махинаций, вероломства и жестокости.

Контроль над ресурсами великого государства, по выражению Алана Буллока, захватили уличные банды. К власти пришли отбросы общества. Но, как не переставал хвастать Гитлер, «законно», по воле подавляющего большинства парламента. И винить за это немцы могли только самих себя.

Самые могущественные правовые институты Германии начали один за другим капитулировать перед Гитлером и тихо, без борьбы, умирать.

Земли, которые на протяжении всей германской истории упорно отстаивали свою автономию, оказались в ряду первых поверженных. Вечером 9 марта, за две недели до принятия акта о чрезвычайных полномочиях, генерал фон Эпп по приказу Гитлера и Фрика и при помощи нескольких штурмовиков разогнал правительство Баварии и установил там нацистский режим. А в остальные земли (кроме Пруссии, где уже прочно восседал Геринг) через неделю были назначены рейхскомиссары. 31 марта Гитлер и Фрик, впервые воспользовавшись данными им чрезвычайными полномочиями, обнародовали закон о роспуске парламентов во всех землях, кроме Пруссии, приказав переформировать их состав в соответствии с распределением голосов на последних выборах в рейхстаг. Депутатские места, занимаемые прежде коммунистами, решено было не заполнять. Но и этого канцлеру показалось мало. Действуя с лихорадочной поспешностью, он уже через неделю, 7 апреля, издал декрет об учреждении во всех землях новой должности — губернатора рейха, которому предоставлялось право формировать и смещать местное правительство, распускать парламент, назначать и увольнять чиновников и судей. Все вновь назначенные губернаторы были нацистами, ото всех требовалось проводить «генеральную политику, разработанную

рейхсканцлером». Так, через две недели после обретения полноты власти, Гитлер достиг того, на что Бисмарк, Вильгельм II и Веймарская республика не могли и рассчитывать: он лишил земли автономии и подчинил их центральной власти рейха, то есть своей личной власти. Впервые в истории он по-настоящему объединил Германию, ликвидировав давнюю федеральную структуру.

30 января 1934 года, в первую годовщину пребывания в должности канцлера, Гитлер официально завершил выполнение поставленной задачи принятием декрета о реорганизации рейха. Народные ассамблеи в землях были упразднены, суверенные права земель переданы рейху, все их правительства подчинены центру, а губернаторы — непосредственно рейхсминистру внутренних дел. Как объяснил министр внутренних дел Фрик, «отныне земельные власти становятся всего лишь административными единицами рейха». В преамбуле декрета от 30 января 1933 года говорилось, что он принят рейхстагом единогласно. Это соответствует действительности, потому что к тому времени все политические партии Германии, кроме нацистской, перестали существовать. И процесс этот протекал без борьбы. 19 мая 1933 года социал-демократы (те, кто остался на свободе и не эмигрировал) без единого возражения проголосовали в рейхстаге за одобрение внешней политики Гитлера. За девять дней до этого полиция захватила помещения социал-демократической партии и редакций газет, конфисковала их имущество. Тем не менее социалисты, продолжая потакать Гитлеру, выступили с осуждением своих товарищей, находившихся в эмиграции, за их нападки на фюрера. 19 июня они избрали новый партийный комитет. Но Фрик три дня спустя лишил их всякой надежды на компромисс, запретив социал-демократическую партию как «подрывную и враждебную государству». Пауль Лобе, уцелевший руководитель, и несколько членов партии — депутатов рейхстага были арестованы. Что касается коммунистов, то их, естественно, репрессировали давно.

Сохранились, хотя и ненадолго, партии среднего сословия. Католическая народная партия Баварии, правительство которой было свергнуто в результате нацистского переворота 9 марта, объявила 4 июля о самороспуске; ее союзница, партия «Центр», так упорно сопротивлявшаяся Бисмарку и являвшаяся опорой республики, последовала ее примеру, впервые оставив Германию без партии католиков. Впрочем, это обстоятельство не помешало Ватикану спустя две недели подписать конкордат с гитлеровским правительством. Старая партия Штреземана (народная партия) совершила над собой харакири 4 июля; демократы сделали то же самое неделей раньше.

А что сталось с партнершей Гитлера по совместному участию в правительстве — национальной партией Германии, без поддержки которой бывший австрийский ефрейтор не смог бы легально прийти к власти? Увы, несмотря на ее близость к Гинденбургу, к армии, к юнкерам и крупному капиталу и несмотря на то, что Гитлер пребывал у нее в должниках, она так же, как другие партии, безропотно сошла со сцены. 21 июня полиция и штурмовики оккупировали штабы 9ТОЙ партии на всей территории страны, а 29 июня Гугенберг, ее Разгневанный председатель, всего полгода назад помогавший Гитлеру сделаться канцлером, вышел из состава правительства, после чего его помощники «добровольно» ее распустили.

Осталась лишь одна нацистская партия. Декрет от 14 июля гласил:

«Национал-социалистская немецкая рабочая партия является единственной партией в Германии. Всякий, кто предпримет шаги к сохранению организационной структуры какой-либо другой политической партии или к созданию новой политической партии, будет подвергнут наказанию в виде каторжных работ сроком до трех лет или тюремному заключению сроком от шести месяцев до трех лет, если его деяния не потребуют более тяжкого наказания в соответствии с другими предписаниями».

Прошло четыре месяца с тех пор, как рейхстаг отрекся от своих демократических прав и обязанностей, и вот появилось однопартийное тоталитарное государство, не встретив почти никакого сопротивления, не говоря об активной оппозиции.

С независимыми профсоюзами, которые, как мы знаем, когда-то ликвидировали капповский фашистский путч посредством объявления всеобщей забастовки, было покончено так же легко, как с политическими партиями и органами самоуправления в землях, только на этот раз нацисты решили прибегнуть к хитроумному маневру.

Минуло полвека, как день 1 мая стал традиционным праздником рабочих Германии и других европейских стран. С целью усыпить бдительность рабочих и их вожаков нацистское правительство, перед тем как нанести удар, объявило 1 мая 1933 года национальным праздником, дав ему официальное название «День национального труда» и распорядившись провести его с небывалой помпой. Поддавшись на столь неожиданное проявление дружелюбия к рабочему классу со стороны нацистов, профсоюзные лидеры с энтузиазмом помогли правительству и партии в организации празднества. Собрали в Берлине рабочих лидеров со всех концов страны, увешали улицы тысячами лозунгов, провозглашавших солидарность нацистского режима с рабочими, а Геббельс тем временем вел приготовления на огромном поле в Темпельхофе к демонстрации, которая по своим масштабам должна была превзойти все массовые манифестации, когда-либо проводившиеся в Германии. До начала демонстрации Гитлер принял рабочую делегацию и заявил: «Вы сами увидите, как неверно и несправедливо утверждение, будто наша революция направлена против немецких рабочих. Совсем наоборот». Выступая с речью перед 100 тысячами рабочих, собравшихся на демонстрацию, он бросил лозунг:

«Почитайте труд и уважайте рабочего!» Тогда же он обещал, что день 1 мая будет праздноваться во славу немецких тружеников на протяжении веков.

В тот же день, поздно вечером, Геббельс, изобразив в красочных тонах энтузиазм, проявленный рабочими на первомайских торжествах, которые с таким мастерством организовал, сделал в своем дневнике любопытную приписку: «Завтра мы захватим здания профсоюзов. Сопротивления фактически не будет».

Так оно и случилось[56]. 2 мая центры профсоюзов были закрыты, профсоюзные фонды конфискованы, сами профсоюзы запрещены, а их руководители арестованы. Многих избили и бросили в концентрационные лагеря. Теодор Лейпарт и Петер Грассман, председатели Всеобщего немецкого объединения профсоюзов, открыто заявили о согласии сотрудничать с нацистским режимом. Но их все равно арестовали. «Пусть все эти лейпарты и грассманы лицемерно болтают, сколько им влезет, о своей преданности фюреру, — заявил нацистский лидер из Кельна, алкоголик д-р Роберт Лей,

которому Гитлер поручил разогнать профсоюзы и учредить «Немецкий трудовой фронт», — а все же лучше, если они сядут в тюрьму». Там они и оказались.

А ведь вначале и Гитлер, и Лей заверяли рабочих, что их права не будут ущемляться. Лей в своем первом обращении говорил: «Рабочие! Ваши права для нацистской партии священны. Я сам родом из семьи бедного крестьянина и знаю, что такое нищета… Я испытал на себе капиталистическую эксплуатацию. Рабочие! Клянусь вам, мы не только сохраним все, что вы имеете, но и расширим ваши права».

Что обещания нацистов ничего не стоили — выяснилось через три недели, когда Гитлер издал декрет, отменявший практику переговоров профсоюзов с предпринимателями и возлагавший «регулирование коллективных договоров» и соблюдение «трудового мира» на «доверенных уполномоченных по труду», которых будет назначать сам фюрер. А поскольку решениям этих доверенных лиц придавалась сила закона, то это означало, что декрет Гитлера, по существу, объявлял забастовки незаконными. Лей в свою очередь обещал «вернуть абсолютное господство на предприятии его естественному руководителю, то есть работодателю… Многие предприниматели в течение ряда лет спрашивали: кто хозяин дома? Теперь они знают, что снова становятся «хозяевами дома».

Предприниматели могли быть довольны: щедрые вложения, которые многие из них делали в кассу национал-социалистской немецкой рабочей партии, начали окупаться. Но для полного преуспеяния капиталу требовалась определенная стабильность общества, а ее не было, потому что весной и в начале лета в Германии царил беспорядок: по улицам слонялись оголтелые банды в коричневых рубашках, арестовывая, избивая, а иногда и убивая кого им вздумается, в то время как полиция равнодушно наблюдала за происходящим. Однако уличный террор не являлся нарушением предписаний государственной власти, как это имело место во время Французской революции; напротив, акты терроризма совершались с одобрения, а нередко и по приказу власти, авторитет и централизация которой никогда еще не были так велики, как в тогдашней Германии. Судьи были запуганы, им приходилось опасаться за собственную жизнь, если они выносили приговоры штурмовикам даже за хладнокровное преднамеренное убийство. Как говорил Геринг, фюрер — это и есть закон. В мае — июне 1933 года Гитлер заявлял, что «национал-социалистская революция еще не завершена» и «победоносно закончится лишь после того, как завершится работа по воспитанию нового немецкого народа». На языке нацистов слово «воспитание» означало устрашение людей до такой степени, что они безропотно принимали нацистскую диктатуру и нацистское варварство. С точки зрения Гитлера, как много раз заявлял он публично, евреи не являлись немецкими гражданами; и хотя он не решился на немедленное их истребление (в первые месяцы было ограблено, избито и умерщвлено сравнительно немного евреев, то есть всего несколько тысяч), но издал ряд законов, требовавших изгнания их с государственной службы, из университетов, отстранения от занятий свободными профессиями. А 1 апреля 1933 года он объявил всенародный бойкот магазинов, владельцами которых были евреи.

Деловые круги, с таким восторгом приветствовавшие разгром несговорчивых профсоюзов, обнаружили, что представители левого нацистского крыла, искренне верившие в «социализм» их партии, стремятся занять главенствующее положение в сообществе работодателей, ликвидировать крупные универсальные магазины и национализировать промышленность. Тысячи алчных функционеров нацистской партии насели на управляющих фирм, которые не помогали Гитлеру. В одних случаях они угрожали им конфискацией имущества, в других — домогались теплых мест в директорате. Д-р Готфрид Федер, дока по части экономики, настаивал на проведении в жизнь партийной программы, требуя национализации крупного капитала, участия в прибылях, а также отмены рентных доходов и «кабальных процентных ставок». Словно желая постращать и без того достаточно напуганных банкиров, Вальтер Дарре, новый министр сельского хозяйства, пригрозил им значительным сокращением капитальных долгов фермеров и уменьшением ставок до двух процентов на а то, что они оставались должны. А почему бы и нет? К середине лета 1933 года Гитлер стал хозяином Германии. Теперь он мог приступить к осуществлению своих замыслов. Папен при всей его ловкости остался ни с чем; все его расчеты на то, что, имея в кабинете численное превосходство над нацистами (восемь к трем), он вместе с Гугенбергом и другими сторонниками старого порядка сможет держать Гитлера под контролем и использовать в своих интересах, рухнули у него на глазах. С поста министра-президента Пруссии его прогнали, заменив Герингом. Правда, он еще оставался вице-канцлером рейха, но должность эта, как с грустью признавался потом Папен, со временем утратила свое значение. Гугенберг, этот удачливый коммерсант и финансист, с государственной службы ушел, а его партию распустили. Зато в правительство выдвинули Геббельса, третьего человека в нацистской партии. Его назначили министром народного образования и пропаганды. Дарре, считавшийся, как и Геббельс, радикалом, 13 марта стал министром сельского хозяйства.

Д-ра Ганса Лютера, консерватора, президента Рейхсбанка (ключевой пост в экономической системе Германии), Гитлер сместил, отправив послом в Вашингтон. На его место 17 марта был вновь назначен энергичный д-р Шахт, приверженец Гитлера, считавший нацизм, «оправданным и необходимым». Не было в Германии человека, который столько бы сделал для Гитлера в области укрепления финансовой мощи третьего рейха и осуществления программы перевооружения в годы, предшествовавшие второй мировой войне, сколько сделал Шахт, ставший позднее министром экономики и генеральным уполномоченным по делам военной экономики. Правда, незадолго до войны он начал отворачиваться от своего кумира и в конце концов ушел (либо его попросили уйти) со всех постов и даже примкнул к тем, кто замышлял покушение на Гитлера. Но к этому времени было уже поздно пытаться изменить курс нацистского главаря, которому он так долго и верно служил.

«Второй революции не будет!»

Гитлер подчинил себе Германию без малейшего труда, но перед ним еще стояли нерешенные проблемы. Главных проблем было пять: как предотвратить вторую революцию; как уладить напряженные отношения между СА и армией; как вытянуть из трясины экономику страны и обеспечить работой шесть миллионов человек; как добиться на Женевской конференции права на паритет Германии в области вооружений и ускорить тайное перевооружение рейха,

начатое в последние годы существования республики; кто будет президентом страны, когда умрет Гинденбург.

Рем, шеф СА, первым употребил выражение «вторая революция» и призвал приступить к ее свершению. Так же думал и Геббельс. В его дневниковой записи от 18 апреля читаем: «В народе все говорят о неизбежности второй революции. Это значит, что революция не кончилась. Нам надо еще разделаться с реакцией. Революцию надо продолжать повсеместно».

Левых нацисты уничтожили, зато сохранили правых: крупный промышленный и финансовый капитал, аристократию, юнкеров-землевладельцев и прусских генералов, прочно державших армию в своих руках. Рем, Геббельс и другие «радикалы» движения хотели и их ликвидировать. Рем, отряды которого насчитывали теперь около двух миллионов (в двадцать раз больше, чем солдат регулярной армии), так прямо и заявил:

«Первая победа на пути германской революции одержана… СА и СС, на которых возложена великая миссия продолжателей германской революции, не допустят, чтобы ее предали, остановив на полпути… Если филистеры полагают, что национальная революция слишком затянулась… и в самом деле настало время кончать ее, превратив в национал-социалистскую… Мы должны продолжать борьбу с ними или без них, а если потребуется — и против них… Мы неподкупные гаранты окончательной победы германской революции».

А в речи, произнесенной в августе, он добавил: «И до сего дня находятся лица, которые никакого понятия не имеют о революционном духе. Мы не колеблясь избавимся от них, если они осмелятся реализовать свои реакционные идеи на практике».

Но Гитлер рассуждал иначе. Он рассматривал социалистические лозунги нацистов лишь как средство пропаганды, завоевания масс на свою сторону в период продвижения к власти. Теперь, когда он уже оказался у власти, эти лозунги его больше не интересовали. Чтобы укрепить его положение и положение страны, требовалось время. С правыми (предприниматели, военные, президент), по крайней мере в данный момент, надо было ладить. Он не намеревался доводить Германию до банкротства и подвергать тем самым опасности само существование режима. Второй революции не должно быть.

Это он дал ясно понять 1 июля в речи, обращенной к главарям СА и СС. «Чего сегодня не хватает Германии, — сказал он, — так это порядка… Я буду беспощадно пресекать любые посягательства на существующий порядок и всякие разговоры о второй революции, которая привела бы только к хаосу». А 6 июля, выступая перед имперскими наместниками, собравшимися в здании правительства, он снова напомнил:

«Революция не есть наше перманентное состояние, и нельзя допускать, чтобы она стала состоянием постоянным. Революционный поток, вызванный к жизни, следует направить в безопасное русло эволюции… Поэтому мы не должны отталкивать предпринимателя, который хорошо ведет дело, даже если он и не стал еще национал-социалистом; тем более это важно, если национал-социалист, пожелавший занять его место, ничего не смыслит в коммерции. В коммерции единственным критерием является умение человека вести дело…

История будет судить о нас не по тому, много ли экономистов мы отстранили или посадили в тюрьмы, а по тому, сумели ли мы обеспечить людей работой… Идеи, заложенные в нашей программе, заключаются не в том, чтобы действовать по-глупому и создавать вселенский хаос, а в том, чтобы вести дело разумно и правильно. В конечном счете наша политическая власть будет тем прочнее, чем больше мы преуспеем в подведении под нашу экономику твердого фундамента. Имперские наместники поэтому должны позаботиться о том, чтобы ни одна партийная организация не брала на себя функций правительства, увольняя или назначая должностных лиц, поскольку функции такого рода являются компетенцией правительства рейха, а в хозяйственной области рейхсминистра экономики».

Как видно, в этом заявлении с предельной ясностью указывалось, что нацистская революция — процесс политический, а не экономический. Чтобы доказать, что он не бросает слов на ветер, Гитлер сместил с занимаемых постов ряд нацистских «радикалов», попытавшихся захватить контроль над объединениями предпринимателей. Он вернул Круппу фон Болену и Фрицу Тиссену главенствующее положение в деловом мире, запретил «Боевую лигу коммерсантов среднего сословия», устраивавшую погромы в крупных универсальных магазинах, и назначил д-ра Карла Шмидта министром экономики (вместо ушедшего в отставку Гугенберга). Шмидт, прожженный делец, директор крупнейшей в Германии страховой компании «Аллианц», не терял времени даром: принял все меры к тому, чтобы воспрепятствовать замыслам тех национал-социалистов, которые по наивности всерьез восприняли программу нацистской партии.

Велико было разочарование рядовых нацистов, особенно штурмовиков, составлявших главную силу гитлеровского массового движения. Большинство из них принадлежали к армии обедневших, обездоленных, недовольных элементов. Эти люди на личном опыте убедились, что не могут не быть противниками капитализма, и видели в революции, которая приобрела форму уличных потасовок, возможность поживиться добычей и получить выгодные места в мире коммерции или в органах управления. И вот теперь, после бурных весенних эксцессов, их надежды рушились. Старая клика — партийная или беспартийная не только не оставляла своих позиций, но и укрепляла их.

Это обстоятельство не было единственной причиной брожения в рядах СА. Снова дали о себе знать давние разногласия между Гитлером и Ремом из-за статуса и целей СА. Гитлер с самого зарождения нацистского движения требовал, чтобы штурмовые отряды выполняли функции политической, а не военной силы; их назначение — насилием и террором прокладывать путь к политической власти. С точки зрения Рема, СА являлись не только ведущей силой нацистской революции, но и костяком будущей армии, которая для Гитлера была бы тем же, чем для Наполеона — армия, созданная после Французской революции на основе воинской повинности. Он считал, что пора избавляться от реакционных прусских генералов — этих старых болванов, как презрительно он их называл, — и формировать боевое революционное войско, народную армию, руководимую им и его крепкими парнями.

Совсем иначе рассуждал Гитлер. Он лучше Рема и лучше любого Другого нациста понимал, что не смог бы прийти к власти без поддержки или хотя бы терпимого отношения к нему армейских генералов и что в данный момент отчасти от них зависит его дальнейшее пребывание у кормила власти, поскольку они, располагая реальными средствами, могли убрать его, если бы

захотели. Гитлер предвидел, что личное расположение к нему военных будет особенно необходимо в тот критический момент — и его не так уж долго ждать, — когда главнокомандующий, 86-летний Гинденбург, покинет сей мир. К тому же фюрер был убежден, что только офицерский корпус с его традициями и его выучкой способен за короткое время создать сильную, Дисциплинированную армию. Что касается СА, то они представляли собой толпу, пригодную разве что для уличных драк, и не могли считаться современной армией. Свою службу они сослужили, и теперь их надо было постепенно выводить из игры. Взгляды Гитлера и Рема на этот счет оказались непримиримыми, и в период с лета 1933 года по 30 июня 1934 года между этими ветеранами нацистского движения, к тому же близкими друзьями (Эрнст Рем был единственным человеком, кому Гитлер говорил «ты»), шла в буквальном смысле смертельная борьба.

Выступая 5 ноября 1933 года в берлинском Шпортпаласте перед 15 тысячами командиров СА, Рем отметил, что в рядах штурмовиков царит глубокое разочарование. «Часто приходится слышать… что надобность в СА уже отпала», — заявил он и добавил, что такое суждение ошибочно. Однако Гитлер был непреклонен. «СА должны относиться к армии точно так же, как относится к ней политическое руководство», — заявил он в речи, произнесенной 19 августа в Бад-Годесберге.

А 23 сентября в Нюрнберге он высказался еще яснее: «Особенно не должны мы забывать сегодня о том, какую роль сыграла наша армия, ибо всем хорошо известно, что если бы в дни революции она была не с нами, то мы бы сейчас перед вами не стояли. Мы можем заверить армию, что всегда будем это помнить, что видим в ней носительницу славных боевых традиций и что от всего сердца и всеми силами будем поддерживать ее дух».

Незадолго перед этим Гитлер дал вооруженным силам тайное обещание, чем снискал расположение многих высших чинов. 2 февраля 1933 года, через три дня после вступления в должность, он произнес двухчасовую речь на встрече с генералами и адмиралами, состоявшейся в доме командующего армией генерала фон Хаммерштейна. Цель этой первой встречи нацистского канцлера с офицерским корпусом была раскрыта в Нюрнберге адмиралом Эрихом Редером. Гитлер, по его словам, рассеял опасения военной элиты относительно того, что вооруженным силам придется участвовать в гражданской войне, и заверил, что армия и флот получат возможность целиком посвятить себя решению главной задачи — быстрому перевооружению Германии. Адмирал Редер признал, что он остался чрезвычайно доволен перспективой строительства военно-морского флота, а генерал фон Бломберг, поспешивший 30 января 1933 года принять пост министра обороны, чем помог предотвратить попытки военных выступить против назначения Гитлера канцлером, указал позднее в своих неопубликованных мемуарах, что фюрер открыл «поле деятельности, таившее в себе огромные возможности на будущее».

Чтобы еще больше воодушевить военную верхушку, Гитлер объявил 4 апреля о создании Совета обороны рейха, призванного разработать новую секретную программу перевооружения. А спустя три месяца, 20 июля, канцлер издал новый закон об армии, освобождавший военнослужащих из-под юрисдикции гражданских судов и упразднявший выборные солдатские представительства, вернув таким образом офицерскому корпусу его исконные привилегии. В результате генералам и адмиралам нацистская революция начала представляться в ином, более благоприятном свете.

Желая задобрить Рема, Гитлер ввел его 1 декабря в состав кабинета (наряду с Рудольфом Гессом, бывшим тогда заместителем председателя партии), а в канун Нового года послал ему теплое дружеское письмо. В нем подчеркивалось, что «армия должна гарантировать безопасность нации от внешнего мира», в то время как задача СА — обеспечить победу национал-социалистской революции и блюсти национал-социалистское государство, что своими успехами СА всецело обязаны ему, Рему. Письмо заканчивалось словами:

«Считаю своим долгом в годовщину национал-социалистской революции поблагодарить тебя, мой дорогой друг Эрнст Рем, за неоценимые услуги, оказанные национал-социалистскому движению и немецкому народу, и заверить, что я благодарен судьбе, давшей мне возможность называть людей, подобных тебе, своими друзьями и соратниками.

С искренним чувством дружбы и признательности твой Адольф

Гитлер»

Письмо это, выдержанное в самых дружеских тонах, было напечатано 2 января 1934 года в центральном органе нацистской партии «фелькишер беобахтер». Оно заметно рассеяло недовольство, царившее в рядах СА. В атмосфере благодушия, последовавшего в дни рождественских и новогодних праздников, соперничество между СА и армией на время притупилось, громкие призывы нацистских «радикалов» ко «второй революции» стихли.

Истоки нацистской внешней политики

«Нет никакой победы, ибо некого было побеждать», — заметил Освальд Шпенглер, говоря о том, как легко Гитлер покорил и нацифицировал в 1933 году Германию. «Я с чувством глубокого скепсиса наблюдал, — пишет автор в вышедшей в начале 1934 года книге «Упадок Запада», — как громко изо дня в день восторгались фактом захвата власти. Лучше бы придержать эти восторги до того дня, когда появятся реальные, осязаемые успехи в области внешней политики. Только о них и можно говорить всерьез».

Этот философ и историк, которого нацисты одно время считали своим кумиром (до того, как произошло взаимное охлаждение), поторопился с выводами. Перед тем как приступить к покорению мира, Гитлер должен был подчинить себе Германию. Но как только он покончил с немецкими противниками, то, не теряя времени, занялся тем, что его интересовало больше всего, иностранными делами.

Международное положение Германии весной 1933 года было хуже некуда. Третий рейх находился в изоляции от внешнего мира, в военном отношении он был бессилен. Весь мир содрогался от безобразий, чинимых нацистами, особенно от гонений на евреев. Соседи Германии, в первую очередь Франция и Польша, относились к ней враждебно и настороженно. Еще в марте 1933 года, после Демонстрации Польшей своей военной силы в Данциге, маршал Пилсудский высказал французам мысль о желательности совместной превентивной войны против Германии. Даже Муссолини, внешне довольный появлением нового фашистского государства, на деле не очень радовался приходу Гитлера к власти. Фюрер государства обладавшего гораздо большим

экономическим и военным потенциалом, чем Италия, мог быстро отодвинуть дуче на второй план. Одержимый идеей пангерманизма, рейх посягал на Австрию и Балканы где итальянский диктатор уже успел заявить о своих правах. Враждебно отнесся к нацистской Германии и Советский Союз, который начиная с 1921 года поддерживал дружественные отношения с Германской республикой[57]. Да, друзей у третьего рейха фактически не было. К тому же он был безоружен по сравнению с соседями, обладавшими хорошо оснащенными вооруженными силами.

Как следствие, внешнеполитическая стратегия и тактика Гитлера на ближайшую перспективу диктовалась суровой реальностью — слабостью и изолированностью Германии. Но так уж получилось, что сложившаяся обстановка породила также естественные цели, отвечавшие как его собственному горячему желанию, так и чаяниям огромного большинства немецкого народа: избавиться от оков Версаля, не вызвав при этом ответных санкций, и вооружиться, не рискуя оказаться в состоянии войны. Лишь по достижении этих двух целей он будет располагать свободой действий и военной силой, чтобы начать проводить в жизнь внешнюю политику, задачи и методы которой он столь откровенно и детально изложил в «Майн кампф».

Прежде всего надо было сделать то, что само собой напрашивалось, спутать карты противников Германии разговорами о мире и разоружении, одновременно выискивая слабые места в их коллективной обороне. 17 мая 1933 года Гитлер выступил в рейхстаге с «мирной речью» — одной из самых эффектных за все годы его деятельности; это был шедевр лживой пропаганды, глубоко взволновавший немецкий народ и сплотивший его вокруг фюрера. Большое впечатление произвела эта речь и за рубежом. Она была произнесена через день после того, как президент Рузвельт обратился к главам сорока четырех государств с сенсационным посланием, выразив в нем стремление Соединенных Штатов к разоружению и миру и призвав запретить всякое наступательное оружие — бомбардировщики, танки, подвижную тяжелую артиллерию. Гитлер не замедлил подхватить этот призыв и использовать его наилучшим образом.

«Предложение, внесенное президентом Рузвельтом, о котором я узнал вчера вечером, заслуживает самых теплых слов благодарности германского правительства. Оно готово одобрить такой способ преодоления международного кризиса… Предложение президента — это луч надежды для каждого, кто желает сотрудничать в деле сохранения мира… Германия целиком и полностью за запрещение всякого наступательного оружия, если вооруженные страны в свою очередь уничтожат наступательное оружие… Германия также готова ликвидировать все свои вооруженные силы и уничтожить те небольшие запасы оружия, которые у нас еще имеются, если также поступят соседние государства… Германия готова пойти на любой торжественный договор о ненападении, ибо думает она не о нападении, с о собственной безопасности».

Вежливая речь Гитлера, полная заверений в любви к миру, приятно удивила встревоженное человечество. Германия не хочет войны. Война — это «безграничное безумие». Она «приведет к крушению социального и политического порядка». Нацистская Германия не испытывает желания «онемечивать» другие народы. «Нам чужд образ мыслей, характерный для людей прошлого столетия, которые полагали, что из поляка или француза можно сделать немца… Французы, поляки и другие народы — наши соседи, и мы

осознаем, что никакие исторически мыслимые обстоятельства не могут изменить эту реальность».

Но в речи прозвучало одно предупреждение. Германия требует равенства с другими странами и прежде всего — в области вооружений. Если равенства не будет, она предпочтет уйти с конференции по разоружению и выйти из Лиги Наций.

Среди всеобщего ликования, вызванного в западном мире столь неожиданным проявлением благоразумия со стороны Гитлера, это предупреждение осталось незамеченным. Лондонская «Таймс» сочла требование Гитлера о равенстве «неоспоримым». Другая лондонская газета, «Дейли геральд», официальный орган лейбористской партии, рекомендовала поверить Гитлеру на слово. Консервативный еженедельник «Спектейтор», также выходящий в Лондоне, заключил, что Гитлер сделал дружеский жест в отношении Рузвельта и что это вселяет в многострадальное человечество новую надежду. Официальное германское бюро информации в Вашингтоне, ссылаясь на помощника президента, сообщило: «Президент доволен, что Гитлер принял его предложение».

Вопреки ожиданиям многих в словах неистового нацистского Диктатора прозвучали не дикие угрозы, а учтивость и деликатность. Человечество было очаровано. В рейхстаге даже депутаты-социалисты, находившиеся не в тюрьмах и не в эмиграции, не высказали никаких возражений, в результате чего внешнеполитическая программа Гитлера была принята единогласно.

Но предупреждение фюрера не было пустой фразой. Узнав в начале октября, что союзники выдвигают требование предоставить им восьмилетний срок, чтобы они могли сократить свои вооружения до уровня германских, он объявил 14-го числа того же месяца, что, поскольку другие участники женевских переговоров отказываются предоставить Германии равные права, она немедленно отзывает своих представителей с конференции по разоружению и из Лиги Наций. Одновременно он принял и другие меры: распустил рейхстаг, объявив, что решение отозвать своих представителей из Женевы вынесет на референдум, и приказал министру обороны генералу фон Бломбергу издать секретную директиву вооруженным силам — оказать вооруженное сопротивление, если Лига Наций прибегнет к санкциям. Этот поспешный шаг показал, что за весенней миролюбивой речью Гитлера не стояло ничего реального. В международных делах это была его первая рискованная игра в открытую. Она означала, что отныне нацистская Германия начнет перевооружение вопреки всем существующим соглашениям о разоружении и вопреки Версальскому договору. Это был осознанный риск — секретная директива Бломберга армии и флоту, ставшая известной на процессе в Нюрнберге, показала не только то, что Гитлер рисковал подвергнуть страну санкциям, но и то, что положение Германии в случае применения таких санкций оказалось бы безнадежным[58]. Директива четко обозначала оборонительные рубежи на западе, на границе с Францией, и на востоке, на границе с Польшей и Чехословакией, которые германским вооруженным силам предписывалось «удерживать как можно дольше». Из самого текста приказа Бломберга было видно, что немецкие генералы, по крайней мере, не питали никаких иллюзий относительно способности рейха держать оборону хотя бы короткое время.

Это был первый критический момент. За ним в течение трех лет последует множество других, пока немцы не оккупируют демилитаризованную зону вдоль левого берега Рейна (это произойдет в 1936 году); тогда союзники могли применить санкции — не за то, что Гитлер ушел с конференции по разоружению и из Лиги Наций, а за нарушения условий Версальского договора относительно разоружения — условий, которые Германия начала нарушать уже два года назад, еще до прихода Гитлера к власти. В то время союзники легко могли одолеть Германию; это так же верно, как то, что своими действиями они способны были покончить с третьим рейхом в первый же год его существования. Но в том отчасти и заключалась одаренность бывшего австрийского босяка, что он давно постиг природу своих иностранных противников — постиг с таким же искусством и прозорливостью, с какими оценил характер оппонентов в собственном доме. В этой кризисной обстановке так же, как и в еще более серьезных ситуациях, которые будут следовать быстрой чередой вплоть до 1939 года, союзные государства-победители не предприняли никакие действий; слишком разобщены они были, слишком инертны, слишком слепы, чтобы понять характер и направленность того, что происходило за Рейном. Таким образом, расчет Гитлера оказался удивительно точен — так же точен, как и в отношении немецкого народа. Он прекрасно знал, что скажут немцы во время референдума, который он решил провести одновременно с выборами в рейхстаг (на них был представлен лишь список кандидатов от нацистской партии). И референдум и выборы должны были состояться 12 ноября 1933 года, другой день после годовщины перемирия 1918 года. День перемирия, продолжавший бередить душу немцев, считался в Германии черным днем.

«Надо сделать так, — сказал Гитлер 4 ноября на предвыборном собрании в Бреслау, — чтобы этот день был отмечен в истории нашего народа как день спасения, чтобы можно было потом сказать: 11 ноября немецкий народ формально потерял свою честь, но вот прошло пятнадцать лет, наступил день 12 ноября, и немецкий народ вернул себе честь».

В канун выборов, 11 ноября, в обращении к народу по радио почтенный Гинденбург тоже призывал: «Проявите завтра стремление к национальному единству и солидарности с правительством. Отстаивайте вместе со мной и рейхсканцлером принципы равноправия и почетного мира и покажите всему миру, что мы оправились от болезни и с божьей помощью сохраняем единство немецкого народа!»

Реакция немецкого народа, прожившего пятнадцать лет в обстановке отчаяния и недовольства в результате поражения в войне, была почти однозначной. В референдуме участвовали 96 процентов зарегистрированных избирателей; 95 процентов этого числа одобрили решение об уходе из Женевы. На выборах в рейхстаг за список нацистской партии (в него вошли также Гинденбург и шестеро ненацистов) отдали свои голоса 92 процента избирателей. Даже в концлагере Дахау 2154 заключенных из 2242 проголосовали за правительство, по вине которого они там оказались! Правда, во многих населенных пунктах раздавались угрозы в адрес тех, кто уклонялся от голосования или кто голосовал «неправильно»; были случаи, когда избиратели боялись, что власти узнают, кто из них голосовал против режима, и подвергнут их наказаниям. Но даже с этой оговоркой итоги голосования (а их-то, во всяком случае, подводили честно) свидетельствовали о потрясающем успехе Адольфа Гитлера. Не оставалось сомнений, что вызов, брошенный им внешнему миру, поддержало подавляющее большинство немецкого народа.

Через три дня после референдума и выборов Гитлер вызвал к себе польского посла Юзефа Липского. Об итогах их беседы было опубликовано совместное коммюнике, удивившее не только немецкую, но и мировую общественность. Правительства Польши и Германии договорились «рассматривать вопросы, касающиеся обеих сторон, путем прямых переговоров и отказаться от всякого применения силы во взаимных отношениях ради укрепления мира в Европе».

К Польше немцы относились с большей ненавистью и презрением, чем даже к Франции. С их точки зрения, тягчайшим преступлением версальских миротворцев было то, что они отделили Восточную Пруссию от рейха Польским коридором с целью отторгнуть Данциг и передали полякам Познанскую провинцию и часть Силезии; хотя там и преобладало польское население, территории эти принадлежали Германии со времен раздела Польши. Никто из немецких государственных деятелей в годы существования республики не считал эти приобретения Польши узаконенными навсегда. Штреземан и слышать не хотел о переговорах с Польшей относительно «восточного Локарно» как дополнения к Локарнским договорам[59] о западных границах Германии. А генерал фон Сект, отец рейхсвера и вдохновитель внешней политики республики в первые годы после ее основания, в 1922 году заявил правительству: «Существование Польши невозможно терпеть, оно несовместимо с самой сутью образа жизни Германии. Польша должна исчезнуть с лица земли, и она исчезнет». А еще он добавил, что ее уничтожение «должно быть одной из основных целей политики Германии… С исчезновением Польци рухнет одна из главных опор Версальского мира гегемония Франции».

Пока Польша не стерта с лица земли, рассуждал Гитлер, ее надо оторвать от союзной Франции. Курс, который он избрал, сулил кроме достижения конечной цели ряд непосредственных выгод. Декларируя отказ от применения силы к Польше, он мог еще громче кричать о мире, чтобы рассеять подозрения, вызванные в Западной и Восточной Европе его поспешным уходом из Женевы. Склонив поляков к прямым переговорам, он мог действовать в обход Лиги Наций и тем ослабить ее влияние. При этом он не только наносил удар по концепции коллективной безопасности, но и подрывал союзнические отношения Франции с Восточной Европой, оплотом которой являлась Польша. Немецкий народ, традиционно ненавидевший поляков, мог этого не понимать, но ведь в том и состояло, по мнению Гитлера, одно из преимуществ диктатуры перед демократией, что при ней можно, не вызывая шума внутри страны, какое-то время проводить в жизнь политику, не пользующуюся поддержкой народа, однако обещающую важные конечные результаты.

26 января 1934 года, за четыре дня до встречи Гитлера с депутатами рейхстага по случаю первой годовщины его прихода к власти, было объявлено о подписании сроком на десять лет польско-германского договора о ненападении. С тех пор Польша, уничтожившая под руководством диктатуры маршала Пилсудского остатки собственной парламентской демократии, начала постепенно отходить от Франции, на помощь которой она опиралась с момента своего возрождения в 1919 году, и все теснее сближаться с нацистской Германией. Этот путь и привел ее к гибели задолго до того, как истек срок договора о «дружбе и ненападении».

Выступая 30 января 1934 года в рейхстаге, Гитлер мог взглянуть на истекший год как на год свершений, не имевших аналогов в истории Германии. За какие-то двенадцать месяцев он низверг Веймарскую

республику, заменил демократию личной диктатурой, ликвидировал политические партии, кроме собственной, разгромил органы самоуправления земель и их парламенты, разрушил федерацию, объединил рейх, уничтожил профсоюзы и всякого рода демократические организации, изгнал евреев с государственной службы, запретил врачам и адвокатам еврейской национальности заниматься частной практикой, отменил свободу слова и печати, лишил суды независимости и «унифицировал» под властью нацистов политическую, экономическую, культурную и общественную жизнь народа древней цивилизации.

Всеми этими «достижениями» и решительными действиями на международной арене, приведшими к выходу Германии из сообщества наций в Женеве и продемонстрировавшими ее упорное стремление добиться равенства с великими державами, Гитлер снискал себе, как показали результаты референдума и выборов, поддержку подавляющего большинства немецкого народа. Однако с наступлением второго года его господства над нацистами начали сгущаться тучи.

«Кровавая чистка» 30 июня 1934 года

То, что на небосклоне сгущались тучи, объяснялось наличием трех нерешенных взаимосвязанных проблем: продолжающиеся громкие призывы лидеров радикального крыла партии и СА ко «второй революции», соперничество между СА и армией и вопрос о преемнике президента Гинденбурга, которому, как это выяснилось уже в начале весны, жить оставалось недолго.

Рема, начальника штаба СА, численность которых выросла к этому времени до 2,5 миллиона, не удалось нейтрализовать ни с помощью жеста, который сделал Гитлер, назначив его членом кабинета, ни с помощью дружеского письма, посланного ему лично фюрером по случаю новогоднего праздника. В феврале он представил кабинету пространный меморандум, в котором предлагал рассматривать СА как основу новой народной армии, в которую кроме СА вошли бы части СС, рейхсвера и объединения бывших фронтовиков. Все эти формирования, согласно проекту, должны были подчиняться единому министерству обороны, главой которого, как легко догадаться, рассчитывал стать Рем.

Ничего более отвратительного, чем эта идея, офицерский корпус не мог себе представить. Его старшие чины не только единодушно отвергли это предложение, но и обратились за поддержкой к Гин-Денбургу. Рухнули бы все традиции военной касты, если бы армия вдруг оказалась под контролем хулигана Рема и его неотесанных коричневорубашечников. В добавление ко всему генералов потрясли слухи, получившие широкую огласку, о коррупции и оргиях гомосексуалистов, практиковавшихся среди окружения шефа СА. Как показал впоследствии генерал фон Браухич, «перевооружение было слишком серьезным и сложным делом, чтобы подпускать к нему казнокрадов, пьяниц и гомосексуалистов».

В то время Гитлер не мог позволить себе обидеть верхушку армии поэтому он не поддержал проект Рема. 21 февраля он доверительно сообщил Антони Идену, приезжавшему в Берлин обсудить тупиковую ситуацию, сложившуюся в

связи с проблемой разоружения, что готов сократить численность СА на одну треть и допустить инспекторов, которые могли бы проверить, не получают ли остальные две трети оружия и не проходят ли военное обучение. Когда сведения об этом обещании Гитлера стали известны Рему и другим главарям СА, они ожесточились еще сильнее. С приближением лета 1934 года отношения между начальником штаба СА и высшим командованием армии значительно ухудшились. На заседаниях кабинета происходили громкие скандалы. В марте министр обороны заявил Гитлеру протест по поводу того, что СА, не имея на то права, вооружают тяжелыми пулеметами многочисленный отряд специальной штабной охраны. Фон Бломберг добавил, что это представляет угрозу не только армии, но и осуществляемой под руководством рейхсвера тайной программе перевооружения Германии, поскольку командование СА действует открыто.

Очевидно, что в этих условиях Гитлер в отличие от своевольного Рема и его подручных не мог не думать о близком конце слабеющего Гинденбурга. Он знал, что престарелый президент, армия и другие консервативные силы Германии настроены в пользу восстановления монархии Гогенцоллернов. У него же были другие планы, и в начале апреля, когда ему и Бломбергу сообщили из неофициальных, но надежных источников в Нейдеке, что дни президента сочтены, он понял: приближается момент решительных действий. Для успеха предприятия ему требовалась поддержка офицерского корпуса; ради этой поддержки он готов был пойти на все.

Вскоре случай для секретных переговоров с военными представился. 11 апреля канцлер в сопровождении генерала фон Бломберга, командующего армией генерала фон Фрича и командующего военно-морскими силами адмирала Редера отправился на крейсере «Дойчланд» из Киля в Кенигсберг на маневры у берегов Восточной Пруссии. Сообщив командующим армией и флотом об ухудшающемся состоянии Гинденбурга, Гитлер с согласия Бломберга без обиняков предложил на пост нового президента себя, если на то будет благословение рейхсвера. В обмен на поддержку военных Гитлер обещал отклонить претензии Рема, резко сократить численность СА и гарантировать рейхсверу положение единственной вооруженной силы в третьем рейхе. Кроме того, как полагают, он заверил Фрича и Редера, что в случае их поддержки развернет обширную программу развития армии и флота. Разумеется, Редер, склонный к угодничеству, тотчас согласился. Что касается Фрича, то он, как человек менее сговорчивый, пожелал сначала посоветоваться со старшими генералами.

Совещание старших генералов состоялось 16 мая в Бад-Наугейме. Высшие чины немецкой армии, после того как им объяснили суть пакта на борту крейсера «Дойчланд», единодушно одобрили кандидатуру Гитлера на пост нового президента. Для армии это политическое решение приобретало историческое значение. Добровольно подчинившись неограниченной власти диктатора, одержимого манией величия, она предрешила свою судьбу. Гитлер же в результате этого сговора получил права верховного правителя. Теперь, когда на 3 пути уже не стоял строптивый фельдмаршал, когда миновала опасность реставрации монархии Гогенцоллернов, когда он становится главой государства, а не только правительства, ничто не стесняло свободы его действий. Цена, которую он заплатил за свое восхождение на вершину власти, оказалась ничтожной: он жертвовал СА. Не нужна ему была больше эта организация, ибо теперь он стал полновластным хозяином. От этого дикого сброда одни лишь неприятности. В ту весну его презрение к

узколобым генералам резко усилилось, очевидно, потому, что переманить их на свою сторону оказалось на удивление легко. Это мнение о генералах он не изменил до самого конца, за исключением одного трудного момента в июне.

Но с наступлением лета забот у Гитлера не убавилось. Обстановка в Берлине накалялась. Призывы ко «второй революции» раздавались все громче. Они звучали не только в выступлениях Рема и других главарей штурмовиков, но и в речах самого Геббельса, а также в прессе, которую он контролировал. Правые консерваторы, юнкеры и крупные промышленники из окружения Папена и Гинденбурга требовали остановить «революцию», прекратить произвольные аресты, преследование евреев, нападки на церковь, наглые выходки штурмовиков, положить конец всеохватывающему террору, организованному нацистами.

Внутри самой нацистской партии с новой силой вспыхнула ожесточенная борьба за власть. Против Рема объединились два сильнейших противника Геринг и Гиммлер, 1 апреля Геринг назначил Гиммлера, шефа СС, которые тогда еще входили в состав СА и подчинялись Рему, шефом прусского гестапо, после чего Гиммлер немедленно приступил к созданию тайной полицейской империи. Геринг, которого Гинденбург произвел в августе 1933 года в генералы от инфантерии, хотя тот был министром авиации, с радостью сменил неказистую коричневую форму СА на более элегантный мундир нового ведомства. Перемена формы была символична: как генерал и выходец из семьи военных, в борьбе с Ремом и СА он быстро принял сторону армии. Чтобы обезопасить себя в этой «войне джунглей», Геринг, кроме того, сформировал личные полицейские силы численностью несколько тысяч человек, выгодно расквартировав их с точки зрения стратегии возможной борьбы в Лихтерфельде, на окраине Берлина, в казармах бывшего кадетского училища, где когда-то началась его военная карьера.

Напряженность в Берлине усиливалась еще и вследствие распространявшихся слухов о заговорах и контрзаговорах. Генерал фон Шлейхер, не привыкший пребывать в скромной безвестности и забывший, что он уже не пользуется доверием Гинденбурга, генералов и консерваторов и поэтому не имеет какого-либо веса, снова начал вмешиваться в политику. Он был связан с Ремом и Грегором Штрассером; до Гитлера дошли сведения, что Плейхер вынашивает план в случае осуществления которого он станет вице-канцлером, заняв место своего старого врага Папена, Рем — министром обороны а СА сольются с армией. По Берлину распространялись десятки списков будущего кабинета; в некоторых из них Брюнинг фигурировал как министр иностранных дел, а Штрассер — как министр экономики. Разговоры эти были по большей части беспочвенны, но они лили воду на мельницу Геринга и Гиммлера, жаждавших покончить с Ремом и СА, а заодно свести счеты со Шлейхером и недовольными консерваторами. Намеренно сгущая краски, они передавали эти разговоры Гитлеру, возбудить подозрительность которого особого труда не составляло. Геринг и шеф гестапо преследовали цель не только перетрясти СА, но и ликвидировать левую и правую оппозицию, включая лиц, в прошлом выступавших против Гитлера, но потом прекративших активную политическую деятельность. В конце мая Брюнинга и Шлейхера предупредили, что их хотят убить. Первый тайно покинул страну, а второй отправился на отдых в Баварию, но в конце июня возвратился в Берлин.

В первой половине июня Гитлер имел с Ремом объяснение; беседа, как потом рассказал он в рейхстаге, длилась почти пять часов и затянулась до полуночи. Это была, по словам Гитлера, «последняя попытка» достичь взаимопонимания с ближайшим товарищем по движению: «Я сообщил ему, что из бесчисленных слухов и множества заявлений старых верных партийцев и руководителей СА вынес впечатление, что несознательные элементы готовят всегерманскую большевистскую акцию, которая не принесет ничего, кроме неслыханных бедствий… Я умолял его в последний раз добровольно отказаться от безумия и использовать свое влияние, чтобы предотвратить события, которые в любом случае закончатся только катастрофой».

По словам Гитлера, Рем, уходя, «заверил, что сделает все возможное, чтобы поправить положение». На деле же, как утверждал впоследствии фюрер, он начал вести приготовления к его (Гитлера) ликвидации, В этих словах было мало правды. Хотя история с чисткой, подобно истории с поджогом рейхстага, очевидно, так и останется невыясненной, все говорит за то, что шеф СА и не помышлял

Об устранении Гитлера. К сожалению, захваченные архивы содержат сведений о чистке не больше, чем о поджоге рейхстага. Похоже, что и в том и в другом случае компрометирующие документы были уничтожены по приказу Геринга.

Каким бы ни был характер долгой беседы ветеранов нацистского движения, фактом является то, что через день-два после нее Гитлер приказал отпустить штурмовиков на весь июль в отпуск, запретив им на это время носить форму, а также устраивать парады и учения.

7 июня Рем объявил, что берет отпуск по болезни, однако не преминул выступить с резким предупреждением: «Если враги СА надеются, что после отпуска штурмовики не вернутся в строй или вернутся лишь частично, то мы позволим им немного помечтать. Ответ им будет дан в тот момент и в той форме, какие будут сочтены необходимыми. СА были и остаются уделом Германии».

Перед отъездом из Берлина Рем пригласил Гитлера на совещание с руководителями СА, намеченное на 30 июня в курортном городке Бад-Висзе, близ Мюнхена. Гитлер охотно согласился, и встреча действительно состоялась, только не при тех обстоятельствах, на которые, возможно, рассчитывал Рем. Да и Гитлер, пожалуй, этого не предвидел. Ибо, как признал потом фюрер в своей речи в рейхстаге, он «долго колебался, перед тем как принять окончательное решение… Я все еще лелеял тайную надежду, что смогу избавить движение и СА от позора разногласий и, может быть, отвратить беду без серьезных конфликтов».

Он добавил: «Надо признать, что в последние дни мая стали выявляться все более и более тревожные факты». Но так ли это? Позже Гитлер утверждал, что Рем и его сообщники готовились захватить Берлин и взять его под стражу. Но если это правда, то зачем понадобилось руководителям СА всем скопом уезжать из Берлина и, что еще важнее, зачем сам Гитлер покинул Германию в столь критический момент, предоставив, таким образом, верхушке СА возможность в его отсутствие взять власть в свои руки? Дело в том, что 14 июня Гитлер вылетел в Вену на первую встречу (за ней последовало много других) со своим коллегой — фашистским диктатором Муссолини. Встреча,

кстати, прошла неважно: Гитлер, в грязном плаще и помятой шляпе, чувствовал себя неловко рядом с искушенным дуче, облаченным в великолепную, увешанную орденами черную фашистскую форму, и посматривавшим на фюрера покровительственно-высокомерно. Гитлер возвратился в сильном, раздражении. 17 июня, в воскресенье, он созвал в городке Гера (Тюрингия) совещание руководителей партии, чтобы рассказать о встрече с Муссолини и обсудить ухудшающуюся обстановку в стране. Так совпало, что в то же воскресенье в старом университетском городе Марбурге состоялось еще одно совещание, которое привлекло к себе гораздо большее внимание и способствовало тому, что критическая ситуация достигла апогея.

Дилетант Папен, которого Гитлер и Геринг грубо столкнули на обочину политической жизни, но который формально все еще оставался вице-канилером и пользовался доверием Гинденбурга, набравшись мужества, выступил с публичным осуждением крайностей режима — того самого режима, который он так усиленно навязывал Германии. В мае он провожал больного президента в Нейдек (в передний раз он видел своего защитника живым). Озабоченный, но Уже слабый фельдмаршал проговорил тогда: «Плохи дела, Папен. Постарайтесь их поправить».

Ободренный этими словами, Папен принял приглашение выступить 17 июня в Марбургском университете. Текст речи был практически составлен его личным консультантом Эдгаром Юнгом, блестящим мюнхенским адвокатом и писателем, протестантом по вероисповеданию, хотя некоторые идеи были подсказаны Гербертом Фон Бозе, одним из секретарей вице-канцлера, и Эрихом Клаузнером, руководителем организации «Католическое действие» (за это сотрудничество все трое вскоре поплатились жизнью). Это было смелое и благодаря Юнгу выразительное по языку и сдержанной» по тону выступление. В нем прозвучал призыв к окончанию революции, прекращению нацистского террора, восстановлению элементарных норм поведения, предоставлению хоть каких-то свобод, в первую очередь свободы печати. Обращаясь к д-ру Геббельсу, министра пропаганды, Папен сказал:

«Откровенные, открытые дискуссии сослужили бы немецкому народу большую службу, чем печать в ее нынешнем положении. Правительство должно помнить известный афоризм «Только слабые не терпят критики»… Не пропаганда делает человека великим… Тот кто хочет иметь тесную связь и единство с народом, не может не считаться с его мнением. Нельзя бесконечно держать его в узде.., Никакая организация, никакая пропаганда, как бы хорошо она не была поставлена, не может сама по себе гарантировать доверие. Не подстрекательством… и не угрозами в адрес беззащитной части нации, а только советуясь с народом можно заслужить его доверие и преданность. Люди же, которых третируют как слабоумных, доверия не окажут… Пришло время всем нашим соотечественникам объединиться во имя братской дружбы и взаимного уважения, дабы не мешать работе серьезных людей и заставить фанатиков замолчать».

Весть об этом выступлении, едва оно закончилось, разнеслась по всей Германии; на кучку нацистских главарей, собравшихся в Гере, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Геббельс принял экстренные меры с целью

замолчать, насколько это возможно, содержание речи: запретил намеченные на вечер того же дня радиопередачи с ее записью, запретил упоминание о ней в печати, приказал полиции конфисковать уже вышедший номер газеты «Франкфурте цайтунг», в котором приводились выдержки из нее. Но и усилий всемогущего министра пропаганды оказалось недостаточно, чтобы помешать немецкому народу и внешнему миру узнать содержание дерзкой речи. Папен предусмотрительно разослал текст своего выступления иностранным корреспондентам и дипломатам в Берлине; кроме того, несколько тысяч экземпляров, отпечатанных в типографии газеты Папена под названием «Германия», было распространено тайно.

Гитлер, узнав о речи Папена в Марбурге, пришел в ярость. Выступив в тот же день в Гере, он осудил «пигмея, который воображает, что может несколькими фразами остановить гигантское обновление жизни народа». Папен в свою очередь разозлился, что на его речь наложен запрет. 20 июня он спешно приехал к Гитлеру и заявил, что не потерпит запрета, наложенного «младшим министром» на речь которую он произнес как «доверенное лицо президента», и тут же подал в отставку, добавив, что «немедленно доложит обо всем Гинденбургу».

Эта угроза обеспокоила Гитлера; фюрер знал, что президент недоволен сложившейся ситуацией и подумывает об объявлении чрезвычайного положения и передаче власти военным. Чтобы выяснить нить насколько она велика, он на следующий же день, 21 июня, вылетел в Нейдек для встречи с Гинденбургом. Прием, который был ему там оказан, лишь усилил его тревогу. Взглянув на встречавшего его генерала фон Бломберга, фюрер сразу заметил, что с лица министра обороны исчезло привычное выражение подобострастия. Бломберг преобразившийся вдруг в сурового прусского генерала, резким тоном информировал Гитлера, что фельдмаршал поручил ему заявить: если нынешняя напряженная обстановка в стране не будет в ближайшее время ликвидирована, то президент объявит военное положение и передаст власть армии. Гитлеру разрешили пройти к Гинденбургу на несколько минут. В присутствии Бломберга президент повторил свой ультиматум.

Для нацистского канцлера дело принимало скверный оборот. Под угрозой оказались не только его расчеты занять президентский пост; передача власти в руки военных означала бы конец его, фюрера, и конец нацистского правительства. Возвращаясь в тот же день в Берлин, он, должно быть, думал: если хочешь выжить, то выбор всего лишь один. Он должен выполнить обещание, данное армии: запретить СА, приостановить революцию, продолжения которой требовали штурмовики. Было ясно, что на меньшее армия, поддерживаемая почтенным президентом, не согласится.

И тем не менее в ту последнюю неделю июня Гитлер все еще колебался, надо ли ему столь круто поступать с руководителями СА, перед которыми он был в большом долгу. Но Геринг и Гиммлер помогли ему отбросить сомнения. Они уже наметили, с кем свести счеты, и составили длинный список настоящих и бывших врагов, подлежащих, по их мнению, ликвидации. Оставалось убедить фюрера в том, что против него готовится «широчайший заговор» и что действовать надо быстро и решительно. Как явствует из показаний Вильгельма Фрика, в то время министра внутренних дел и одного из самых ярых приверженцев Гитлера, не кто иной, как Гиммлер, сумел в конце концов убедить Гитлера, что «Рем хочет поднять мятеж». Гиммлеру, добавил Фрик в Нюрнберге, было поручено подавить мятеж в Баварии, а Герингу — в Берлине.

Военные в свою очередь тоже подстрекали Гитлера и, таким образом, брали на себя часть ответственности за варварские действия, которые предстояло предпринять чуть позже. 25 июня главнокомандующий генерал фон Фрич привел армию в состояние боевой готовности, отменив отпуска и запретив войскам покидать казармы. 28 июня Рема исключили из немецкой офицерской лиги прямое свидетельство того, что начальнику штаба СА грозили неприятности. И чтобы ни у кого, тем более у Рема, не оставалось никаких иллюзий относительно позиции армии, Бломберг предпринял беспрецедентный шаг опубликовал 29 июня за своей подписью статью в «Фелькишер беобахтер», подчеркнув, что «армия… на стороне Адольфа Гитлера… который остается с нами».

Таким образом, военные требовали чистки, но не хотели пачкать руки. Это дело возлагалось на Гитлера, Геринга и Гиммлера, на отряды СС, а также на специальные полицейские силы Геринга.

28 июня, в четверг, Гитлер отправился из Берлина в Эссен на свадьбу местного гауляйтера Йозефа Тербовена. Само это путешествие и цель, ради которой оно совершалось, едва ли давали повод думать, что он считал драматические события неминуемыми. В тот же день Геринг и Гиммлер приказали отрядам специального назначения СС и полиции Геринга быть наготове. Поскольку Гитлер был в отъезде, они считали возможным действовать по своему усмотрению. На следующий день, 29 июня, фюрер совершил поездку по трудовым лагерям Вестфалии, а во второй половине дня поехал в Годесберг на Рейне, где остановился в прибрежной гостинице, владельцем которой был его старый товарищ по партии Дризен. В тот же вечер в Годесберг прибыл Геббельс, который прежде колебался не зная, к какому лагерю примкнуть (он тайно поддерживал связь с Ремом), но теперь наконец сделал выбор. Он привез вести, которые Гитлер впоследствии назвал «тревожной разведывательной информацией» из Берлина: Карл Эрнст, бывший гостиничный посыльный и бывший вышибала в кафе, часто посещаемом гомосексуалистами (Рем назначил его начальником СА в Берлине), привел штурмовиков в состояние боевой готовности. Молодой человек привлекательной наружности, но небольшого ума, Эрнст был и тогда, и в последующие двадцать четыре часа своего земного существования искренне убежден, что мятеж готовят правые. Уже умирая, он гордо воскликнул: «Хайль Гитлер!»

Позже Гитлер скажет, что до этого времени, то есть до 29 июня, в его планы входило всего лишь «освободить начальника штаба (Рема) от его обязанностей и подержать какое-то время под стражей, а также арестовать ряд руководителей СА, преступность которых не вызывает сомнений… и обратиться к остальным с горячим призывом вернуться к своим делам».

«Однако, — заявил он в рейхстаге 13 июля, — в час ночи я получил… два срочных сообщения относительно боевых тревог: одно — из Берлина, где сбор был назначен на четыре часа дня… а в пять часов должно было начаться внезапное нападение; предполагалось оккупировать правительственные здания… другое — из Мюнхена, где сбор частей уже объявили; им было приказано собраться в девять часов вечера… Это был мятеж!.. В данных условиях мне оставалось принять только одно решение… Лишь беспощадное и кровавое вмешательство могло предотвратить расширение восстания… В два часа ночи я вылетел в Мюнхен».

Гитлер ни тогда, ни после не упомянул, от кого получил эти «срочные сообщения», но предполагают, что их прислали Геринг и Гиммлер. С уверенностью можно утверждать лишь то, что в них содержалось сильное преувеличение. Эрнст же не придумал ничего лучшего, как в ту субботу отправиться на автомобиле в Бремен, чтобы там пересесть на пароход и отплыть на Мадеру, где он собирался провести медовый месяц.

В ночь на 30 июня, в два часа, когда Гитлер, прихватив с собой Геббельса, вылетел с аэродрома «Хангелар» (близ Бонна) в Мюнхен, капитан Рем и его приближенные мирно спали на своих кроватях в гостинице «Ганзльбауэр» в Бад-Висзе, на берегу озера Тегернзе. Эдмунд Хайнес, обергруппенфюрер СА в Силезии, судимый за убийство известный гомосексуалист с бабьим лицом и могучим торсом грузчика, лежал в постели с каким-то парнем. По всей вероятности, главари СА были весьма далеки от мысли о мятеже: Рем даже оставил штабную охрану в Мюнхене. Было очевидно, что эти люди всю ночь предавались пьяному разгулу, а не занимались подготовкой заговора.

Гитлер и небольшая группа сопровождающих, к которой присоединились Отто Дитрих, начальник отдела печати, и Виктор Лютце, шеф СА в Ганновере, личность бесцветная, но зарекомендовавшая себя верным сподвижником фюрера, прибыв в субботу 30 июня, в 4 часа утра, в Мюнхен, обнаружили, что акция против «заговорщиков» уже началась. Майор Вальтер Бух, председатель партийного суда УШЛА, и Адольф Вагнер, министр внутренних дел Баварии, при помощи таких давних подручных Гитлера, как Эмиль Морис, бывший уголовник и соперник Гитлера в любовной истории с Гели Раубал, и Кристиан Вебер, торговец лошадьми, когда-то служивший вышибалой в кабаре, арестовали мюнхенское руководство СА, включая обергруппенфюрера Шнайдхубера, являвшегося одновременно начальником полиции города. Гитлер, начавший взвинчивать себя до буйной истерики, обнаружил арестованных в здании министерства внутренних дел. Стремительно подойдя к Шнайдхуберу (бывшему полковнику армии), он сорвал с него нацистские знаки различия и осыпал бранью за «измену».

С рассветом длинная вереница автомобилей, в которых сидели Гитлер и сопровождавшие его лица, помчалась в Бад-Висзе. Рем и его друзья по-прежнему находились в гостинице и крепко спали. Их грубо разбудили. Хайнеса и его молодого партнера стащили с кровати и выволокли на улицу, где по приказу Гитлера немедленно расстреляли. В номер Рема, как рассказывал потом Отто Дитрих, фюрер вошел один. Он бросил Рему одежду и велел встать. Потом приказал отвезти его в Мюнхен и поместить в тюрьму Штадельхайм, где шеф СА однажды уже отбывал наказание за соучастие в «пивном путче» 1923 года. Минуло четырнадцать бурных лет, и разошлись пути двух соратников, более, чем кто-либо еще, ответственных за рождение третьего рейха, за его террор и деградацию, остававшихся, несмотря на часто возникавшие разногласия, вместе в моменты кризиса, неудач и разочарований; подошла к концу буйная жизнь отчаянного, с лицом, покрытым шрамами, борца за фюрера и нацизм.

Гитлер сделал то, что считал, очевидно, последним актом милосердия: распорядился оставить Рему пистолет на столе. Но тот отказался стреляться, будто бы заявив: «Если решено убить меня, пусть это сделает сам Адольф Гитлер». После чего, по словам лейтенанта полиции, выступавшего свидетелем на судебном процессе в Мюнхене в мае 1957 года, в

камеру вошли двое эсэсовцев и в упор расстреляли Рема. «Рем хотел что-то сказать, — показал очевидец, — но эсэсовец знаком приказал ему замолчать. Тогда Рем, голый по пояс, встал по стойке «смирно», его лицо выражало презрение»[60].

Так его жизнь, переполненная насилием, насилием и оборвалась. Он умер, испытывая чувство презрения к другу, которому помог достигнуть высот, коих не достигал еще ни один немец. Подобно сотням других умерщвленных в тот день (подобно Шнайдхуберу, который, по словам свидетелей, воскликнул: «Господа, я не знаю в чем дело, но стреляйте метко!»), он не понимал, что случилось и объяснял происходящее только предательством, попустительствуя которому он так долго жил и которое сам часто совершал, — предательством, которого от Адольфа Гитлера, конечно, никак не ожидал.

В Берлине в это время действовали Геринг и Гиммлер. Было арестовано около 150 руководителей СА. Их расстреляли у стен казарм кадетского училища в Лихтерфельде специальные наряды полиции Геринга и СС Гиммлера.

В числе расстрелянных оказался и Карл Эрнст. Его свадебное путешествие прервали эсэсовцы, настигшие автомобиль с новобрачными недалеко от Бремена. Молодая жена и шофер получили ранения, самого Эрнста в бессознательном состоянии доставили на самолете в Берлин, где и казнили.

В те кровавые дни погибли не только руководители СА. Утром 30 июня группа эсэсовцев, переодетых в штатское, подъехала к вилле генерала фон Шлейхера, расположенной в предместье Берлина, и позвонила в дверь. Вышедший им навстречу генерал был тут же застрелен. Его жену, с которой Шлейхер сочетался браком всего полтора года назад, прикончили тем же способом. Та же участь постигла вечером того же дня генерала Курта фон Бредова, близкого друга Шлейхера. Грегора Штрассера взяли по распоряжению Геринга в его берлинской квартире и через несколько часов препроводили в камеру гестаповской тюрьмы на Принц-Альбрехт-штрассе.

Папену повезло больше: он уцелел, но в его служебных помещениях эсэсовцы учинили обыск. Бозе, одного из его секретарей, застрелили прямо за письменным столом; Эдгара Юнга, его личного консультанта, арестованного гестаповцами несколькими днями раньше, убили в тюрьме; другого сотрудника, руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузенера, убили в его кабинете в министерстве связи; остальной персонал Папена, включая его личного секретаря баронессу Штоцинген, отправили в концентрационный лагерь. Когда же Папен обратился к Герингу с протестом, тот, не желая тратить времени на болтовню, попросту вышвырнул его вон и посадил под домашний арест. Вооруженные до зубов эсэсовцы окружили его виллу, отрезали телефон и запретили общение с внешним миром — еще одно унижение, которое, однако, вице-канцлер Германии перенес исключительно легко. Не прошло и месяца, как он опозорил себя, приняв от нацистских убийц, уничтоживших его друзей, назначение посланником в Вену, где местные фашисты только что убили канцлера Дольфуса.

Сколько людей было погублено в период чистки — до сих пор точно не установлено. Выступая 13 июля в рейхстаге, Гитлер заявил, что расстрелян шестьдесят один человек, в том числе девятнадцать высших руководителей СА, еще тринадцать человек погибло «при сопротивлении аресту» и трое «покончили с собой» — всего семьдесят семь человек. А «Белая книга о

чистке», изданная эмигрантами в Париже, указывала, что был убит 401 человек, однако поименно были названы только 116. На Мюнхенском процессе 1957 года говорилось, что погибших было «более чем 1000».

Многие были убиты просто из мести за былую оппозицию к Гитлеру, другие, очевидно, за то, что слишком много знали, а один — потому, что его приняли за кого-то другого. Тело Густава фон Кара, о котором мы рассказывали ранее как об одном из участников подавления «пивного путча» 1923 года и который давно уже отошел от политики, нашли в болоте близ Дахау; его, судя по характеру ран, закололи кирками. Гитлер не забыл и не простил его. Тело патера Бернхарда Штемпфле из ордена святого Иеронима, того самого, который, как уже упоминалось, помогал редактировать «Майн кампф», а потом навлек на себя немилость тем, что слишком много знал и, вероятно, выбалтывал о причинах самоубийства возлюбленной Гитлера — Гели Раубал, нашли в лесу Гарлахинг близ Мюнхена с раздробленным черепом и тремя пулевыми ранами в груди. Хайден утверждает, что группу убийц возглавлял Эмиль Морис, бывший уголовник, крутивший любовь с Гели Раубал. В число других «слишком много знавших» входили и трое членов СА, известных как соучастники Эрнста по поджогу рейхстага. Их, как и Эрнста, тоже отправили на тот свет.

Внимания заслуживает еще одно убийство. 30 июня, в семь часов двадцать минут вечера, д-р Вилли Шмид, известный музыкальный критик, сотрудничавший в ведущей мюнхенской ежедневной газете «Мюнхенер нойесте нахрихтен», музицировал у себя в кабинете на виолончели. Его жена готовила ужин, а трое детей в возрасте девяти, восьми и двух лет играли в гостиной их квартиры на Шакштрассе. Раздался звонок — и в дом ворвались четверо эсэсовцев; без каких-либо объяснений они арестовали Шмида и увели с собой. Четыре дня спустя его труп в закрытом гробу доставили домой. Представитель гестапо приказал ни при каких обстоятельствах гроб не открывать. Как потом выяснилось, д-ра Вилли Шмида приняли за его однофамильца, местного руководителя СА, который также был арестован отрядом СС и расстрелян на месте[61].

А существовал ли вообще заговор против Гитлера? Если верить фюреру существовал. Об этом говорится в официальном коммюнике и в его речи в рейхстаге 13 июля. Но он не привел никаких доказательств. Рем не делал тайны из того, что хотел превратить СА в ядро новой армии и лично возглавить военное ведомство. Да, он посвящал Шлейхера в эти планы; беседы на эту тему они вели еще в бытность генерала рейхсканцлером. Возможно, Гитлер не лгал, заявляя, что к обсуждению проекта привлекали Грегора Штрассера. Но такие обсуждения, конечно, никак нельзя назвать изменой. Гитлер и сам общался со Штрассером, а в начале июня даже предложил ему, по словам Отто Штрассера, пост министра экономики. И хотя Гитлер, выступая в рейхстаге, повторил свои обвинения, помянув заодно встречи Шлейхера и Рема с «неким иностранным дипломатом» (имея в виду, разумеется, французского посла Франсуа-Понсе), имевшие, как он язвительно выразился, «совершенно невинный характер», подкрепить свои слова фактами не смог. Преступно уже то, неубедительно доказывал он, что какой-либо гражданин третьего рейха общается с иностранными дипломатами без его, фюрера, ведома.

«Когда трое предателей в Германии организуют… встречу с официальным иностранным представителем… и приказывают ничего не говорить мне, то я

отдам приказ расстрелять их, даже если потом окажется, что беседа, которую они от меня скрыли, касалась погоды, коллекционирования монет и тому подобных тем». Франсуа-Понсе заявил решительный протест против инсинуации относительно его участия в «заговоре» Рема, в связи с чем министерство иностранных дел Германии официально уведомило французское правительство: какие-либо обвинения в адрес посла лишены оснований, и правительство рейха надеется, что Франсуа-Понсе останется на своем посту. И он остался. Автор этих строк может подтвердить, что ни с одним послом демократического государства у Гитлера не было таких хороших отношений, как с Франсуа-Понсе.

И в первом коммюнике, и в леденящем душу публичном заявлении Отто Дитриха, начальника отдела печати фюрера, и даже в речи Гитлера в рейхстаге особое внимание обращалось на аморальное поведение Рема и других казненных руководителей СА. Дитрих сказал, что сцена ареста Хайнеса, застигнутого в Бад-Висзе в постели с молодым парнем, не поддается описанию, а Гитлер, выступивший в полдень 30 июня перед оставшимися в живых командирами штурмовиков Мюнхена, утверждал: эти люди заслужили смерть уже тем, что деградировали морально. Но ведь Гитлер с первых дней существования партии знал, что среди его ближайших и самых влиятельных сторонников немало половых извращенцев и лиц с уголовным прошлым. Не было ни для кого тайной, что Хайнес, например, заставлял своих людей из СА рыскать по всей Германии и подыскивать для него подходящих партнеров. И этих типов Гитлер не только терпел, но и защищал; он не раз говорил товарищам по партии, что не следует слишком строго относиться к порочным наклонностям людей, если они беззаветно преданы движению. Теперь же он делал вид, что потрясен фактами моральной деградации некоторых своих сподвижников.

На исходе воскресенья 1 июля, когда вакханалия убийств в основном завершилась, Гитлер, возвратившись из Мюнхена в Берлин, устроил в саду при доме правительства званый чай. В понедельник президент Гинденбург поблагодарил его за «решительное и доблестное личное вмешательство, которое помогло удушить измену в зародыше и отвратить от немецкого народа великую опасность», а Геринга он поздравил с принятием «энергичных и действенных мер» по пресечению «государственной измены». Во вторник генерал Бломберг передал Гитлеру поздравление кабинета министров, решившего «узаконить» расправу как вынужденную меру в интересах «защиты государства». Кроме того, Бломберг издал приказ по армии, выразив удовлетворение высшего командования новым поворотом событий и пообещав установить «добрые отношения с новым руководством СА». Понятно, почему военные были довольны тем, что избавились от соперника в лице СА. Но вот вопрос: куда девалось их понятие чести, не говоря о порядочности? Ведь офицерский корпус не только оправдал, но и похвалил правительство за беспрецедентную в истории Германии резню, в ходе которой двух его видных представителей, генерала фон Шлейхера и генерала фон Бредова, заклеймили как предателей и хладнокровно умертвили. Лишь восьмидесятипятилетний фельдмаршал фон Макензен и генерал фон Хаммерштейн, бывший командующий армией, подняли голоса протеста против расправы с их коллегами — расправы, оправданием которой послужило голословное обвинение в измене[62]. Позиция офицерского корпуса сильно запятнала честь армии и продемонстрировала ее невероятную близорукость.

Попустительствуя беззаконным, по существу бандитским, действиям Гитлера 30 июня 1934 года, генералы поставили себя в положение людей, не способных и в будущем противостоять актам нацистского террора не только на территории страны, но и за ее пределами, даже когда эти акты были направлены против самих военных. Армия поддерживала притязания Гитлера на роль самодержца, ведь в речи, произнесенной в рейхстаге 13 июля, он заявил: «…Если меня упрекнут и спросят, почему я не прибег к услугам обычных судов, я могу лишь ответить: в этот час я считал себя ответственным за судьбу немецкого народа и потому сам стал его верховным судьей». Для вящей убедительности Гитлер добавил: «Пусть все учтут на будущее, что всякого, кто поднимет руку на государство, ждет неминуемая смерть». Ровно через десять лет, почти день в день, эта угроза стала реальностью для генералов, когда самые отчаянные из них решились наконец поднять руку на своего «верховного судью». Члены офицерского корпуса заблуждались, полагая, что 30 июня они навсегда обезопасили себя от посягательств нацистского движения на их традиционные права и привилегии: место СА теперь заняли СС. 26 июля в награду за учиненные расправы ей предоставили независимый от СА статус. Во главе СС стал рейхсфюрер Гиммлер, подчиненный лично Гитлеру. Вскоре эта гораздо более дисциплинированная и управляемая организация превратилась и в более влиятельную силу, что позволило ей как сопернице армии добиться успеха там, где неотесанные коричневорубашечники Рема потерпели неудачу.

Но пока что генералы не теряли надменной самоуверенности. Ведь сказал же Гитлер 13 июля в рейхстаге, что армия останется «единственной обладательницей оружия»! Не иначе как по требованию высшего командования канцлер разделался с руководителями СА, осмелившимися оспорить это авторитетное заявление. Теперь пришло время, коuда армия выполнит свою часть обязательств по пакту на борту «Дойчланд».

Смерть Гинденбурга

Почти все лето состояние здоровья Гинденбурга, до этого казавшегося несокрушимым, непрерывно ухудшалось, и 2 августа, в девять часов утра, на восемьдесят седьмом году жизни он скончался. Спустя три часа было объявлено, что в соответствии с законом, принятым кабинетом министров за день до смерти фельдмаршала, функции канцлера и президента совмещаются в одном лице и что Адольф Гитлер принял на себя полномочия главы государства и главнокомандующего вооруженными силами. Титул президента упразднялся; отныне Гитлера следовало называть фюрером и рейхсканцлером. Его диктатура становилась всеобъемлющей. Чтобы ни у кого не оставалось на этот счет сомнений, Гитлер потребовал от всего личного состава вооруженных сил присягнуть в верности не Германии, не конституции, которую он нарушил, отказавшись назначить выборы преемника Гинденбурга, а лично ему. Текст присяги гласил:

«Клянусь богом, что буду беспрекословно подчиняться Адольфу Гитлеру, фюреру германского рейха и народа, верховному главнокомандующему вооруженными силами, и никогда не нарушу данную клятву даже если это будет связано с риском для собственной жизни».

Итак, генералы, которые могли бы при желании без особого труда свергнуть нацистский режим, теперь, после августа 1934 года, связали себя с таким человеком, как Адольф Гитлер, признав его высочайшей законной властью в стране и принеся ему клятву верности, клятву, которую считали долгом чести не нарушать ни при каких обстоятельствах, сколь унизительным ни было бы это для них и для родины. Это была клятва, беспокоившая совесть довольно большого числа офицеров, с тех пор как признанный ими руководитель стал на путь, по их мнению, не суливший стране ничего, кроме катастрофы, и потому вызывавший у них чувство протеста. Но еще большему числу офицеров та же клятва позволяла считать себя свободными от ответственности за неслыханные злодеяния, совершавшиеся ими по приказу верховного главнокомандующего, истинное лицо которого они не могли не увидеть во время резни 30 июня. Одно из ужасных заблуждений германского офицерского корпуса заключалось в превратном истолковании слова «честь» — слова, которое, как известно автору этих строк из личного опыта, часто звучало в устах офицеров. Чтя данную им клятву, они часто позорили себя как личности и втаптывали в грязь моральный кодекс своего корпуса.

После смерти Гинденбурга д-р Геббельс, министр пропаганды, официально заявил, что никакого завещания фельдмаршала не обнаружено, исходя из чего следует полагать, что его вообще не существует. Но 15 августа, за четыре дня до референдума, во время которого немецкий народ призывали одобрить решение Гитлера занять место президента, политическое завещание Гинденбурга вдруг обнаружилось — его доставил Гитлеру не кто иной, как Папен. Содержавшиеся в нем лестные эпитеты в адрес Гитлера сослужили Геббельсу хорошую службу во время кампании по подготовке к проведению референдума, а в канун голосования были подкреплены выступлением полковника Оскара фон Гинденбурга по радио:

«Мой отец видел в Адольфе Гитлере своего прямого преемника на посту главы Германского государства, и я, руководствуясь желанием отца, призываю всех немцев — мужчин и женщин — голосовать за передачу его полномочий фюреру и рейхсканцлеру».

Можно почти не сомневаться, что он сказал неправду. Ибо все данные, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что Гинденбург, выражая свою последнюю волю, советовал, когда он умрет, восстановить монархию. Но об этой части завещания Адольф Гитлер умолчал. Хранившаяся в тайне правда о завещании старого президента отчасти, если не полностью, открылась после войны, во время допроса Папена в Нюрнберге, а позднее в его мемуарах. И хотя Папен не вполне надежный источник, да и рассказал он, наверное, не все, что знал, но игнорировать его показания нельзя. Он сам составлял первоначальный текст завещания и делал это, по его словам, по просьбе фельдмаршала.

«Мой проект, — пишет он в мемуарах, — предусматривал установление после его смерти конституционной монархии; при этом я особо подчеркнул нежелательность сосредоточения в одних руках власти президента и канцлера. Чтобы не давать Гитлеру повода для обиды, в текст завещания были включены некоторые лестные слова по поводу позитивных сторон деятельности нацистского режима».

Этот проект, по словам Папена, он передал Гинденбургу 1 апреля 1934 года.

«Через несколько дней он пригласил меня снова и сказал, что решил не принимать документ в том виде, в каком предложил его я. Он считал… что народ сам должен решить, какая форма правления для него желательна. Поэтому пусть его завещанием будет память о служении народу, а пожелание восстановить монархию он выскажет как проявление последней воли в личном письме Гитлеру. Понятно, это означало, что главная суть моего предложения из проекта выпала, поскольку рекомендация касательно восстановления монархии не адресовалась народу. Этим обстоятельством Гитлер сполна воспользовался».

Ни один немец не мог лучше Папена знать, как именно он этим обстоятельством воспользовался.

«Когда я возвратился из Танненбурга, где хоронили президента, мне позвонил Гитлер и спросил, оставил ли Гинденбург политическое завещание и знаю ли я, где оно находится. Я ответил, что справлюсь у Оскара фон Гинденбурга. «Я вам буду очень обязан, — сказал Гитлер, — если вы позаботитесь о том, чтобы этот документ как можно скорее доставили мне». Тогда я поручил Кагенеку, моему личному секретарю, поехать в Нейдек и спросить сына Гинденбурга, сохранился ли текст завещания и могу ли я его получить для передачи Гитлеру. Поскольку я не виделся с Гинденбургом с тех пор, как в конце мая уехал из Берлина, мне не было известно, уничтожил он текст завещания или нет».

Сразу после смерти отца Оскар не смог обнаружить этот важный документ, а тут вдруг обнаружил. То, что это не составило для него большого труда, подтвердил в своих показаниях помощник Гинденбурга граф фон Шуленбург, выступавший свидетелем по делу Папена на суде по денацификации. Он сообщил, что 11 мая президент подписал два документа: один из них был адресован немецкому народу, другой — рейхсканцлеру. Когда Гинденбург покидал в последний раз Берлин, Шуленбург прихватил их с собой. Папен пишет, что в то время он этого не знал. И вот теперь его секретарь привез из Нейдека два запечатанных конверта, врученных ему Оскаром фон Гинденбургом.

15 августа Папен доставил их Гитлеру в Берхтесгаден.

«Гитлер очень внимательно прочел оба документа и обсудила с нами их содержание. Рекомендации Гинденбурга явно противоречили его планам, поэтому он и воспользовался тем, что на конверте стояла надпись: «Рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру». «Эти рекомендации покойного президента, — сказал он, предназначены лично мне. Я потом сам решу, когда их опубликовать .и надо ли публиковать вообще». Тщетно упрашивал я его обнародовать оба документа. Начальнику отдела печати был передан лишь тот, в котором подводились итоги деятельности Гинденбурга и говорились лестные слова в адрес Гитлера».

Куда девался второй документ, рекомендовавший не Гитлера, а одного из Гогенцоллернов на пост главы государства, Папен не указывает, да, наверное, и не знает этого. Поскольку среди сотен тонн захваченных нацистских архивов он не был обнаружен, похоже, Гитлер не замедлил его уничтожить.

Пожалуй, вряд ли что-либо изменилось бы, даже если бы Гитлер, проявив достаточно мужества и честности, обнародовал его. Еще при жизни Гинденбурга он заставил кабинет министров издать закон, предоставлявший ему полномочия президента. Произошло это 1 августа, за день до смерти фельдмаршала. То, что этот закон является актом беззакония, тоже не имело никакого значения для Германии, где законом стало слово бывшего австрийского ефрейтора. Каждому ясно, что это был незаконный акт. 17 декабря 1932 года, когда правительство возглавлял Шлейхер, рейхстаг большинством в две трети голосов принял поправку к конституции, согласно которой не канцлер, а председатель верховного суда исполнял функции президента, пока не состоялись новые выборы. И хотя акт о чрезвычайных полномочиях, подводивший «законную» основу под диктатуру Гитлера, давал канцлеру право издавать законы в нарушение конституции, в нем специально оговаривалось, что он не может самовольно решать вопросы президентства.

Но что теперь значил закон? До него не было дела Папену, с легким сердцем отправившемуся в Вену в качестве посланника Гитлера и занявшемуся там улаживанием сумятицы, вызванной убийством нацистами канцлера Дольфуса. Не было до него дела и генералам, рьяно взявшимся за строительство гитлеровской армии, и промышленникам, с восторгом занявшимся прибыльным делом перевооружения. Не ушли в отставку консерваторы старой школы «порядочные» немцы вроде барона фон Нейрата из министерства иностранных дел и д-ра Шахта из Рейхсбанка. Никто не ушел. Более того, д-р Шахт стал еще и министром экономики. Это случилось 2 августа — в тот самый день, когда Гитлер узурпировал права президента.

А что же немецкий народ? 19 августа около 95 процентов зарегистрировавшихся избирателей явились в пункты голосования; 90 процентов из них, или более 38 миллионов человек, одобрили узурпацию Гитлером неограниченной власти. Лишь 4,25 миллиона немцев имели мужество голосовать против.

Неудивительно, что, когда в Нюрнберге 4 сентября открылся съезд нацистской партии, Гитлер чувствовал себя так уверенно. Утром следующего дня я наблюдал, как он с видом императора-завоевателя шествует под рев оркестра, исполнявшего марш «Баденвайлер», по главному проходу огромного, увешанного флагами зала Лютпольд, а в это время тридцать тысяч рук вскинулись в нацистском приветствии. Спустя минуту он с гордым видом уселся в центре большой эстрады и, скрестив на груди руки, с блестящими глазами слушал, как гауляйтер Баварии Адольф Вагнер читает текст его послания:

«Немецкий порядок жизни бесспорно предопределен на тысячелетие вперед. Эпоха нервозности девятнадцатого столетия нашла свое завершение в наше время. Никакой другой революции в Германии не будет тысячу лет!»

Ему, смертному, тысячу лет не прожить, но, сколько бы он прожил, он будет править этим великим народом как самый могущественный и беспощадный самодержец, каких еще не знала история страны. Гинденбург, уйдя в мир иной, уже не мог оспорить его власти — армия, связавшая себя присягой, которую ни один немецкий солдат не решится нарушить с легким сердцем, стала его послушным орудием. Теперь, когда его последние противники либо уничтожены либо бесследно исчезли, вся Германия и все немцы, по существу оказались в его обагренных кровью руках.

«Это замечательно!» — воскликнул он на встрече с иностранными корреспондентами в Нюрнберге после недели изнурительных парадов, речей, язычески-помпезных представлений и такого безудержного идолопоклонства, какое автору этих строк никогда не приходилось наблюдать. Много воды утекло с тех пор, как Адольф Гитлер покинул трущобы Вены, а он еще не стар — ему лишь сорок пять лет. Все впереди. Даже тот, кто впервые после падения Веймарской республики возвращался в Германию, не мог не видеть, что Гитлер, каковы бы ни были его преступления против человечности, дал выход неисчерпаемым движущим силам, долгое время сдерживавшимся в недрах немецкого народа. Какую цель он преследовал? Ответ легко найти на страницах его книги «Майн кампф» и в сотне речей, которые многие, а лучше сказать, почти все как в самом третьем рейхе, так и за границей, либо вообще не читали, либо воспринимали как абсурд.

ЖИЗНЬ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ: 1933-1937 ГОДЫ

Как раз в это время, в середине лета 1934 года, я и приехал в третий рейх на постоянную работу. И обнаружил в новой Германии много такого, что впечатляло, озадачивало, тревожило иностранного наблюдателя. Подавляющее большинство немецкого народа, казалось, ничего не имело против того, что его лишили личной свободы, что уничтожили много культурных ценностей, предложив взамен бессмысленное варварство, что его жизнь и работу подвергли такой регламентации, какой не знал даже он, приученный за много поколений к строгому порядку,

Правда, за всем этим скрывались страх перед гестапо, боязнь попасть в концентрационный лагерь, если ты вышел за рамки дозволенного если ты разделяешь взгляды коммунистов или социалистов, если ты слишком либерально или пацифистски настроен или если ты еврей. «Кровавая чистка» 30 июня 1934 года показала, какими беспощадными могут быть новые правители. Однако на первых порах нацистский террор коснулся сравнительно немногих немцев. Стороннего наблюдателя, только что прибывшего в страну, несколько удивляло, что немцы, очевидно, не сознавали себя жертвами запугивания и притеснений со стороны бессовестной и жестокой диктатуры и наоборот, они с неподдельным энтузиазмом поддерживали эту диктатуру. Некоторым образом нацизм вселял в них надежду, новый стимул и поразительную веру в будущее страны.

Гитлер разделывался с прошлым, принесшим столько бед и разочарований. Шаг за шагом, не теряя времени, о чем мы подробно расскажем позднее, освобождал он Германию от последних обязательств по Версальскому договору, чем ставил в тупик страны-победительницы, и восстанавливал военное могущество Германии. Этого хотело большинство немцев и готово было идти на жертвы, которые требовал фюрер: отказ от личной свободы, скудное питание («пушки вместо масла») и тяжкий труд. К осени 1936 года с проблемой безработицы было в значительной мере покончено: почти каждый трудоспособный имел работу[63]. Приходилось слышать, как рабочие,

лишенные права создавать профсоюзы, после сытного обеда шутили: «При Гитлере право на голод отменено. Девиз нацистов «Общие интересы выше личных» получил в те дни широкое распространение, и хотя многие представители партийной верхушки, в первую очередь Геринг, тайно обогащались, а прибыли предпринимателей росли, не оставалось сомнений, что массы поверили в «национальный социализм» который будто бы ставит общественное благосостояние выше чей-либо личной выгоды. Расовые законы, превращавшие евреев в изгоев германского общества, представлялись потрясенному иностранному наблюдателю как возврат к первобытным временам; но поскольку нацистские теории превозносили немцев как соль земли и как высшую расу, то население страны относилось к этим законам далеко не отрицательно. Кое-кто из немцев (бывшие социалисты, либералы или истинные христиане из старых консервативных слоев), с кем приходилось беседовать, возмущались и даже негодовали по поводу гонений на евреев, но, хотя в ряде случаев они и помогали отдельным пострадавшим, остановить кампанию преследований не пытались. «А что мы можем сделать?» — часто спрашивали они. Ответить на этот вопрос было нелегко.

Печать и радио, несмотря на цензуру, давали немцам кое-какое представление о том, насколько критически настроена мировая общественность, однако это обстоятельство, как они могли убедиться не мешало иностранцам толпами наводнять третий рейх и с удовольствием пользоваться его гостеприимством. В то время въезд в нацистскую Германию был намного свободнее, чем въезд в Советскую Россию[64]. В стране процветал туризм, принося ей большое количество столь необходимой иностранной валюты. Казалось, нацистскому руководству нечего скрывать. Иностранец, будь он каким угодно противником нацизма, мог приехать в Германию и смотреть, изучать все, что он хотел, за исключением концлагерей и, как во всех других странах, военных объектов. И многие приезжали. И если, возвратясь оттуда, не становились приверженцами нацизма то по крайней мере, начинали терпимо относиться к «новой Германии», считая, что обнаружили там, как они выражались, «позитивные сдвиги». Даже такой проницательный человек, как Ллойд Джордж, который привел Англию к победе над Германией в 1918 году и который проводил свою предвыборную кампанию в том же году под девизом «Кайзера — на виселицу!», счел возможным побывать в 1936 году у Гитлера в Оберзальцберге, после чего публично провозгласил его «великим человеком», проявившим достаточно прозорливости и воли чтобы решить социальные проблемы современного государства, прежде всего — проблему безработицы, от которой, как от незаживающей раны, все еще страдала Англия; предложенная этим выдающимся руководителем либеральной партии программа под названием «Мы можем победить безработицу» не нашла поддержки внутри страны.

Олимпийские игры, состоявшиеся в августе 1936 года в Берлине, предоставили нацистам прекрасную возможность удивить мир достижениями третьего рейха, и те не преминули этой возможностью воспользоваться. Надписи со словами «Евреи нежелательны», висевшие в магазинах, гостиницах, пивных, увеселительных заведениях, потихоньку убрали, гонения на евреев и на две христианские церкви временно прекратили, страна обрела вполне респектабельный облик.

Ни одна предшествующая Олимпиада не была так великолепно организована, не сопровождалась такими впечатляющими зрелищами, как эта. Геринг, Риббентроп и Геббельс устраивали в честь иностранных гостей пышные

приемы. Более тысячи приглашенных собралось на ужин у министра пропаганды на острове Пфауенинзель на Ваннзе, где состоялся грандиозный спектакль, названный «Итальянская ночь», который напоминал сцены из «Тысячи и одной ночи». Иностранные гости, особенно из Англии и Америки, были поражены: вид внешне счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера, далеко не соответствовал их представлениям о Берлине, почерпнутым из газет.

Но за великолепием летних Олимпийских игр сторонний наблюдатель, по крайней мере иностранец, не мог не увидеть то, что скрывалось от туристов и что сами немцы перестали замечать либо восприняли от должное: ухудшение нравственного климата германского общества. Ведь никто же не скрывал принятых Гитлером антиеврейских, так называемых Нюрнбергских, законов от 15 сентября 1935 года, которые лишали лиц этой национальности германского гражданства. Законы запрещали браки и внебрачные связи евреев с арийцами, евреи лишались права нанимать домашнюю прислугу из числа женщин арийского происхождения моложе тридцати пяти лет. В течении последующих нескольких лет было издано еще тринадцать декретов, которые ставили евреев, по существу, вне закона. Причем де летом 1936 года, то есть как раз в то время, когда Германия как устроитель Олимпийских игр старалась пленить воображение прибывших с Запада гостей, евреям либо в законодательном порядке, ибо с помощью нацистского террора начали ставить так много рогаток при поступлении на службу в государственные и частные учреждения что по крайней мере половина из них остались без каких-либо средств к существованию. В 1933 году, первом году существования третьего рейха, их отстранили от службы в государственных учреждениях и от работы в печати и на радио, не разрешали заниматься сельским хозяйством, преподаванием и работать в области театра и кино; в 1934 году их изгнали с фондовой биржи. Что касается запрета на медицинскую и юридическую практику, а также занятие торговлей, то хотя в законодательном порядке он был наложен только в 1938 году, фактически же начал действовать уже в конце четвертого года правления нацистов.

Мало того, евреям отказывали не только в жизненных благах, но и в самом необходимом. Во многих городах евреям стало трудно, если не невозможно, покупать продукты питания. Над дверьми бакалейных, мясных и молочных магазинов и булочных висели надписи: «Евреям вход воспрещен». Часто они не могли обеспечить своих детей молоком. Аптеки не отпускали им лекарств. Гостиницы не предоставляли ночлега. И всюду, куда бы они ни пошли, их ждали издевательские надписи: «Въезд евреям в этот город строго запрещен» или «Евреи могут входить сюда только на свой страх и риск». На крутой извилине дороги близ Людвигсхафена стоял указатель: «Осторожно — крутой поворот! Евреям — ехать со скоростью 120 километров в час!»[65]

Такова была участь евреев в период проведения Олимпийских игр, — то было начало пути, вскоре приведшего их к физической гибели.

Преследование христианских церквей

Борьба нацистов против христианских церквей вначале носила умеренный характер. Хотя Гитлер, будучи католиком, и нападал в своей книге «Майн кампф» как на политизированный католицизм, так и на обе христианские

церкви за неприятие расовой теории, он в той же книге подчеркивал: «…Политическая партия ни в коем случае не должна… терять из виду, что, как показывает весь предшествующий исторический опыт, ни одной чисто политической партии еще не удавалось осуществить религиозную реформацию». Статья 24 партийной программы предусматривала «свободу для всех религиозных верований постольку, поскольку они не угрожают… национальным чувствам немецкой расы. Партия выступает за позитивное христианство». В речи, произнесенной 23 марта 1933 года в рейхстаге, когда законодательный орган Германии уступил свои функции диктатору, Гитлер, воздав должное христианским церквам как «важным элементам сохранения души немецкого народа», обещал уважать их права. Он заявил также, что цель его правительства — достижение согласия между церковью и государством, и в расчете на голоса членов партии католического «Центра», которые он таки получил, добавил: «Мы надеемся укрепить дружеские отношения со святейшим престолом».

Не прошло и четырех месяцев, а нацистское правительство уже заключило 20 июня конкордат с Ватиканом, гарантировавший свободу католической веры и право церкви самостоятельно «регулировать свои внутренние дела». Со стороны Германии договор подписал Папен, со стороны Ватикана — его государственный секретарь монсеньор Пачелли, ставший потом папой Пием XII. Нацистское правительство начало нарушать условия договора едва ли не раньше, чем его текст был изложен на бумаге; но, будучи заключен в то время, когда по всему миру прокатилась волна возмущения первыми эксцессами нового режима Германии, конкордат, без сомнения, способствовал росту престижа правительства Гитлера, в чем оно очень нуждалось[66].

25 июля, через пять дней после ратификации конкордата, германское правительство приняло закон о стерилизации, особенно оскорбивший католическую церковь. А еще через пять дней были предприняты первые шаги по роспуску Лиги католической молодежи. В последующие годы подверглись аресту тысячи католических священников, монахов и деятелей недуховного звания, причем часто по сфабрикованным обвинениям в «безнравственности» и в «контрабанде иностранной валюты». Руководителя организации «Католическое действие» Эриха Клаузенера, как мы уже знаем, умертвили во время чистки 30 июня 1934 года. Были запрещены десятки католических изданий. Под давлением гестаповской агентуры даже нарушалась тайна исповеди. К весне 1937 года католическая иерархия в Германии, которая, подобно большинству протестантских священников, поначалу стремилась сотрудничать с новым режимом, утратила все иллюзии. 14 марта 1937 года папа Пий XI издал энциклику, озаглавленную «С глубокой скорбью», обвинив нацистское правительство в «отклонении» от положений конкордата, в его нарушении и в распространении «плевел подозрительности, раздора, ненависти, клеветы, тайной и открытой враждебности ко Христу и святой церкви». На «горизонте Германии» папа увидел «надвигающиеся грозовые тучи разрушительных религиозных войн… которые не преследуют никакой другой цели, кроме… истребления».

Преподобный Мартин Нимеллер в 1933 году приветствовал приход нацистов к власти. Тогда вышла его автобиографическая книга под названием «От подводной лодки до кафедры проповедника». История о том, как этот человек, служивший в годы первой мировой войны командиром подводной лодки, стал известным пастором протестантской церкви, заслужила особенно много похвал нацистской печати и имела большой коммерческий успех.

Пастору Нимеллеру, как и многим другим протестантским священникам, четырнадцать лет существования республики представляются, как он выразился, «годами мрака». В конце своей автобиографии он с удовлетворением отмечает, что нацистская революция наконец победила и привела к «национальному возрождению», за что он сам так долго боролся, причем некоторое время в рядах «свободного корпуса», откуда вышли многие нацистские руководители.

Вскоре, однако, его постигло жестокое разочарование.

В Германии, как и в Соединенных Штатах, протестантизм делится на разные исповедания и церкви. Лишь очень немногие протестанты — около 150 тысяч из 45 миллионов — принадлежали к различным нонконформистским церквам, таким, как баптистская и методистская. Остальные входили в двадцать восемь лютеранских и реформистских церквей, крупнейшей из которых являлась церковь Северо-Германского Союза, объединявшая 18 миллионов прихожан. С появлением движения национал-социализма произошло дальнейшее разделение протестантов. Более фанатично настроенные нацисты этого вероисповедания организовали в 1932 году «движение немецких христиан», самым неистовым лидером которого стал некий Людвиг Мюллер, капеллан из восточно-прусского военного округа, горячий сторонник Гитлера; это он впервые свел Гитлера с генералом фон Бломбергом, бывшим тогда командующим этим округом. «Немецкие христиане» активно проповедовали нацистские идеи расового превосходства, стремясь привить их церкви рейха и тем способствовать вовлечению всех протестантов в единую конгрегацию. В 1933 году из 17 тысяч протестантских пасторов около трех тысяч приходилось на долю «немецких христиан», хотя, возможно, эти последние располагали непропорционально большим числом прихожан.

Противником «немецких христиан» была другая группа, называвшая себя «исповедальной церковью». В ней состояло примерно столько же пасторов, и во главе ее со временем стал Нимеллер. Она выступила против нацификации протестантских церквей, отвергла расовые теории нацистов и осудила антихристианские идеи Розенберга и других нацистских главарей. Большинство же протестантов заняли промежуточное положение. Очевидно, опасаясь присоединиться к какой-либо из противоборствующих групп, они предпочли роль наблюдателей и в конце концов оказались по большей части в руках Гитлера, приняв как должное его право вторгаться в дела церкви и подчинившись его приказам. Трудно понять поведение большинства протестантов Германии в первые годы нацизма без учета двух вещей: истории протестантизма и влияния Мартина Лютера[67]. Этот великий основатель протестантизма был и ярым антисемитом, и рьяным поборником идеи безусловного подчинения политической власти. Он хотел, чтобы Германия избавилась от евреев, и советовал при их изгнании отбирать «все наличные деньги, драгоценные камни серебро и золото… предавать огню их синагоги и школы, разрушать их жилища… сгонять их, как цыган, в шатры или хлева… и пусть они погрязнут в нищете и неволе, непрестанно стеная и жалуясь на нас господу богу». Этому совету и последовали через четыреста лет Гитлер, Геринг и Гиммлер.

Во время крестьянской войны 1525 года — пожалуй, единственного в истории Германии массового выступления — Лютер призывал князей беспощадно расправляться с «бешеными собаками», как называл он угнетенных, доведенных до отчаяния крестьян. И здесь, как и в выпадах против евреев,

Лютер прибегал к таким грубым, ригористичным выражениям, каких история не знала вплоть до появления нацистов. Влияние этой выдающейся личности испытали на себе многие поколения немцев, особенно протестантов. Другим следствием этого влияния была та легкость, с которой протестантизм в Германии превратился в орудие абсолютизма королей и князей, начиная с XVI века и кончая 1918 годом, когда королей и князей свергли. Наследные монархи и мелкие правители становились на своих землях архиепископами протестантской церкви. Так, в Пруссии главой церкви стал король из династии Гогенцоллернов. По сложившейся традиции, ни в одной другой стране, кроме царской России, служители церкви не раболепствовали так перед государственной политической властью, как в Германии. Все они, за редкими исключениями, твердо стояли за короля, юнкеров и армию. В течение всего XIX века они неизменно выступали против либеральных и демократических движений. Даже Веймарскую республику большинство протестантских пасторов предавали анафеме, и не только потому, что она свергла королей и князей, но и потому, что в основном опиралась на католиков и социалистов. Во время выборов в рейхстаг нельзя было не заметить, что протестантское духовенство, типичным представителем которого являлся тот же Нимеллер, достаточно открыто поддерживало националистов и нацистов — врагов республики. Подобно Нимеллеру, большинство пасторов приветствовали занятие Адольфом Гитлером канцлерского кресла в 1933 году.

Вскоре они узнали, что такое силовая тактика нацистов, приведшая Гитлера к власти. В июле 1933 года представители протестантских церквей составили текст устава новой церкви рейха, который 14 июля был официально признан рейхстагом. Сразу после этого развернулась ожесточенная борьба в связи с выборами первого епископа рейха. Гитлер потребовал посвятить в этот самый высокий сан своего друга капеллана Мюллера, служившего у него советником по делам протестантской церкви. Руководители федерации церквей предложили на этот пост известного богослова пастора Фридриха фон Бодельшвинга. Это был наивный расчет. Вмешалось нацистское правительство: распустило несколько провинциальных церковных организаций, отстранило от должностей в протестантских церквах ряд ведущих сановных лиц, напустило на непокорных священников СА и гестапо — в сущности, терроризировало всех, кто поддерживал Бодельшвинга. В канун выборов делегатов на синод, которому надлежало избрать епископа рейха, Гитлер «призвал» по радио протестантов проголосовать за «немецких христиан», выдвинувших Мюллера своим кандидатом. Тактика запугивания сработала отлично. Бодельшвинга вынудили снять свою кандидатуру, после чего большинство голосов на выборах было отдано «немецким христианам»; они и избрали Мюллера епископом рейха на синоде, состоявшемся в сентябре в Виттенберге, где Лютер впервые бросил вызов Риму.

Однако новый глава церкви, по натуре человек деспотичный, не сумел ни создать единую церковь, ни полностью нацифицировать конгрегацию протестантов. 13 ноября 1933 года, на другой день после того, как подавляющее большинство немецкого народа поддержало Гитлера на общегерманском референдуме, «немецкие христиане» провели в берлинском Шпортпаласте массовый митинг. Некий д-р Рейнхардт Краузе, глава секты в Берлинском округе, предложил отменить Старый завет «с его торговцами скотом и сводниками» и пересмотреть Новый завет с целью привести учение Христа в «полное соответствие с требованиями национал-социализма». Были подготовлены тексты резолюций под девизом «Один народ, один рейх, одна

вера», требовавших, чтобы все пасторы дали клятву верности Гитлеру и чтобы все церкви приняли пункты, касающиеся арийцев и исключения новообращенных евреев. Но это было слишком Даже для смиренных протестантов, отказавшихся принимать какое-либо участие в войне церквей, поэтому епископ Мюллер вынужден был дезавуировать д-ра Краузе.

В сущности, борьба между нацистским правительством и церквами носила тот же характер, что и извечный спор о том, что есть кесарево, а что богово. Гитлер заявил: если пронацистски настроенные «немецкие христиане» не в силах подчинить евангелические церкви епископу рейха Мюллеру, то правительство подчинит их себе. Он всегда питал неприязнь к протестантам, которые в его родной католической Австрии составляли ничтожное меньшинство, а в Германии — две трети населения. «Ими можно крутить как угодно, похвастался он однажды своим подручным. — Они подчиняются… Мелкие людишки, слушаются, как собаки, и потеют от смущения, когда с ними заговариваешь». Гитлер отлично знал, что против нацификации протестантских церквей выступает лишь малое число пасторов и еще меньшее число верующих.

К началу 1934 года разочарованный пастор Нимеллер стал душой оппозиции меньшинства в «исповедальной церкви» и в «чрезвычайной пасторской лиге». На генеральном синоде, состоявшемся в BBL мене в мае 1934 года, и на специальном совещании, состоявшемся в ноябре в возглавляемой Нимеллером церкви Иисуса Христа, что в Далеме, предместье Берлина, «исповедальная церковь» объявила себя законной протестантской церковью Германии и учредила временное церковное управление. Таким образом, образовались две группы: одна — во главе с епископом рейха Мюллером, другая — во главе с Нимеллером, и каждая претендовала на звание законной церкви Германии.

Стало очевидно, что бывший армейский капеллан, несмотря на близость к Гитлеру, не сумел объединить протестантские церкви, и в конце 1935 года, когда гестапо арестовало семьсот пасторов «исповедальной церкви», он подал в отставку и сошел со сцены. Уже в июле 1935 года Шитлер назначил своего друга нацистского юриста Ганса Керрля министром по делам церкви, поручив ему предпринять еще одну попытку объединить протестантов. Сначала Керрль, являвшийся одним из умеренных нацистов, добился значительного успеха. Ему удалось не только склонить на свою сторону консервативное духовенство, составлявшее большинство, но и учредить комитет церквей во главе с почтенным доктором Цельнером, пользовавшимся авторитетом во всех фракциях, для выработки общей платформы. Но группа Нимеллера, не отказываясь сотрудничать с комитетом, продолжала считать себя единственной законной церковью. В мае 1936 года, когда она подала Гитлеру меморандум, выдержанный в вежливом, но решительном тоне, протестуя против антихристианских тенденций нового режима, осуждая его антисемитизм и требуя прекратить вмешательство государства в дела церкви, министр внутренних дел Фрик ответил жестокими репрессиями. Сотни пасторов «исповедальной церкви» были арестованы, а д-ра Вейсслера, одного из подписавших меморандум, убили в концентрационном лагере Заксенхаузен. Кассу «исповедальной церкви» конфисковали, сбор пожертвований запретили.

12 февраля 1937 года д-р Цельнер ушел с поста председателя комитета церквей (гестапо запретило ему посетить Любек, где находились в заключении девять протестантских пасторов), пожаловавшись на препятствия, чинимые министром по делам церкви. Д-Р Керрль ответил ему в речи,

произнесенной на следующий день перед группой покорных священников. Он в свою очередь обвинил Цельнера в неспособности по достоинству оценить нацистскую теорию «расы крови и земли» и ясно продемонстрировал враждебное отношение правительства как к протестантской, так и к католической церкви.

«Партия, — сказал Керр ль, — стоит на платформе позитивного христианства, а позитивное христианство есть национал-социализм… Национал-социализм есть волеизъявление господа бога… Воля божия воплотилась в немецкой крови… Доктор Цельнер и граф Гален, католический епископ Мюнстера, попытались внушить мне, что христианство подразумевает веру в Христа как в сына божьего. Мне стало смешно… Нет, христианство не зависит от апостольского вероучения… Истинным олицетворением христианства является партия, а партия, и в первую очередь фюрер, призывает немецкий народ поддерживать истинное христианство… Фюрер — выразитель новой божественной воли».

1 июля 1937 года д-ра Нимеллера арестовали и заключили в берлинскую тюрьму Моабит. 27 июня он, как всегда, читал в переполненной далемской церкви членам своей конгрегации проповедь, ставшую для него последней в третьем рейхе. Словно предчувствуя, что с ним произойдет, он сказал: «Мы не больше древних апостолов помышляем о применении силы для спасения от руки властей. И не больше их готовы молчать по приказу человека, когда сам господь повелевает нам говорить. Ибо нашим долгом было и остается исполнение воли бога, а не человека».

2 марта 1938 года, после восьми месяцев пребывания в тюрьме, его судили в «специальном суде», учрежденном нацистами для государственных преступников; по главному пункту обвинения («тайная подрывная деятельность против государства») суд оправдал его, однако признал виновным в «злоупотреблении кафедрой» и в сборе пожертвований в здании церкви, за что наложил на него штраф в размере двух тысяч марок и приговорил к семи месяцам тюремного заключения. Поскольку Нимеллер и без того уже отсидел больше положенного срока, суд постановил освободить его, но при выходе из зала суда он был схвачен гестапо, заключен под стражу и отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен. Оттуда его переправили в лагерь Дахау, где он пробыл семь лет, пока его не освободили союзные войска.

Кроме Нимеллера, в 1937 году было арестовано 807 пасторов и мирян активных приверженцев «исповедальной церкви», а в последующие один-два года — сотни других. Если сопротивление нимеллеровского крыла и не было окончательно сломлено, то, во всяком случае, смято. Что касается большинства протестантских пасторов, то они, как почти все граждане Германии, подчинились нацистскому террору. В конце 1937 года д-р Керрль заставил весьма почтенного епископа Мараренса из Ганновера сделать публичное заявление, которое не могло не показаться особенно унизительным таким стойким людям, как Нимеллер: «Национал-социалистское мировоззрение, опирающееся на национальное и политическое учение, определяет и характеризует немецкую зрелость. Как таковое, оно обязательно и для «немецких христиан». А весной 1938 года епископ Мараренс предпринял последний, завершающий шаг, повелев всем пасторам своей епархии дать личную клятву верности фюреру. В скором времени этой клятвой связали себя

большинство протестантских священников, тем самым и юридически и морально обязавшись выполнять приказы диктатора.

Было бы ошибкой считать, будто преследования протестантов и католиков со стороны нацистского государства травмировали немецкий народ или очень уж взволновали его широкие слои. Ничего подобного. Народ, который легко отказался от свобод в других областях жизни — политической, культурной, экономической, не собирался, за сравнительно редким исключением, идти на смерть или хотя бы подвергать себя опасности ареста во имя свободы вероисповедания. Что действительно трогало немцев в тридцатые годы — так это впечатляющие успехи Гитлера в ликвидации безработицы, повышении экономического уровня, восстановлении военного могущества, а также следовавшие одна за другой победы в сфере внешней политики. Мало кто из немцев лишился сна из-за ареста нескольких тысяч священников или из-за ссор между различными сектами протестантов. Еще меньшее их число задумывалось о том, что нацистский режим вознамерился под руководством Розенберга, Бормана и Гиммлера и при поддержке Гитлера искоренить христианское вероисповедание, заменив его старой, дохристианской религией германских племен в сочетании с новым язычеством нацистских экстремистов. Как открыто заявил в 1941 году Борман, один из ближайших сподвижников Гитлера, «национал-социализм и христианство несовместимы».

То, что гитлеровское руководство уготовило Германии, было четко сформулировано в программе из тридцати пунктов «национальной церкви рейха», составленной во время войны Розенбергом, откровенным идеологом язычества. Наряду с другими обязанностями Розенберг выполнял функции «представителя фюрера в системе полного интеллектуального и философского воспитания и образования в духе национал-социалистской партии».

Приведем некоторые наиболее существенные пункты этой программы:

«1. Национальная церковь германского рейха категорически требует исключительного права и исключительных полномочий контролировать все церкви, находящиеся в пределах рейха. Она объявляет их национальными церквами германского рейха…

5. Национальная церковь полна решимости полностью искоренить… чуждые и инородные христианские исповедания, завезенные в Германию в злополучном 800 году…

7. Национальная церковь не имеет проповедников, пасторов, капелланов и других священников, а имеет только национальных ораторов рейха…

13. Национальная церковь требует немедленно прекратить издание и распространение в стране библии.

14. Национальная церковь заявляет… немецкой нации, что «Майи кампф» есть величайший документ. Эта книга… олицетворяет самую чистую и самую истинную этику жизни нашей нации в настоящее время и в будущем…

18. Национальная церковь уберет из своих алтарей все распятия, библии и изображения святых.

19. В алтарях не должно быть ничего, кроме «Майи кампф» (для немецкой нации и, следовательно, для бога это самая священная книга) и… меча…

30. В день основания национальной церкви христианский крест должен быть снят со всех церквей, соборов и часовен… и заменен единственным непобедимым символом — свастикой».

Нацификация культуры

Вечером 10 мая 1933 года, примерно через четыре с половиной месяца после того, как Гитлер стал канцлером, в Берлине произошло событие, свидетелем которого западный мир не был со времен позднего средневековья. Около полуночи в сквере на Унтер-ден-Линден, напротив Берлинского университета, завершилось факельное шествие, в котором приняли участие тысячи студентов. Свои факелы они побросали в собранную здесь огромную гору книг, а когда их охватило пламя, в костер полетели новые кипы. Всего подверглось сожжению около 20 тысяч книг. Подобные сцены можно было наблюдать еще в нескольких городах — так началось массовое сожжение книг.

Многие брошенные в ту ночь в костер с одобрения д-ра Геббельса ликующими берлинскими студентами книги были написаны всемирно известными авторами. Из немецких авторов, чьи книги попали в костер, можно назвать Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Якоба Вассермана, Арнольда и Стефана Цвейгов, Эриха Марию Ремарка, Вальтера Ратенау, Альберта Эйнштейна, Альфреда Керра и Гуго Пройса. Последний — немецкий ученый, составивший в свое время проект Веймарской конституции. Сжигались книги и многих иностранных авторов, таких, как Джек Лондон, Эптон Синклер, Хелен Келлер, Маргарет Сангер, Герберт Уэллс, Хевлок Эллис, Артур Шницлер, Зигмунд Фрейд, Андре Жид, Эмиль Золя, Марсель Пруст. Согласно студенческой прокламации, огню предавалась любая книга, «которая подрывает наше будущее или наносит удар по основам немецкой мысли, немецкой семьи и движущим силам нашего народа». В то время как книги превращались в пепел, к студентам обратился с речью новый министр пропаганды д-р Геббельс, который считал своей основной задачей надеть на немецкую культуру нацистскую смирительную рубашку. «Душа немецкого народа вновь сумеет выразить себя, — провозгласил он. — Этот огонь призван осветить не только окончательный закат старой эры. Он высвечивает и наступление эры новой».

Начало новой, нацистской эры немецкой культуры ознаменовалось не только кострами из книг и более эффективной, хотя и менее символичной, мерой запретом на продажу и выдачу в библиотеках сотен книг, на издание многих новых книг, но и регламентацией всей культурной жизни в масштабах, не известных до той поры ни одному из западных государств. Еще 22 сентября 1933 года была законодательно учреждена Палата культуры рейха во главе с д-ром Геббельсом. Ее назначение закон определил следующим образом «С целью осуществления немецкой культурной политики необходимо собрать творческих работников во всех сферах в единую организацию под руководством рейха. Рейх должен не только определить направление интеллектуального и духовного прогресса, но и организовать деятельность работников различных сфер культуры и руководить ею».

Для руководства и контроля за каждой сферой культурной жизни было создано семь палат: изобразительных искусств, музыки, театра, литературы, прессы, радиовещания и кино. Все лица, работавшие в этих сферах, были обязаны вступить в соответствующие палаты, решения и указания которых имели силу закона. Кроме иных прав палатам было предоставлено право исключать из своего состава лиц ввиду их политической неблагонадежности или не принимать их туда. Это означало, что те, кто без особого восторга воспринимал национал-социализм, могли лишиться права заниматься своей профессиональной деятельностью в искусстве и тем самым лишиться средств существования. Среди тех, кто в 30-е годы проживал в Германии и искренне беспокоился о судьбах ее культуры, не нашлось ни одного деятеля, который не отметил бы ее ужасающего упадка. Естественно, этот упадок стал неизбежен, как только нацистские главари решили, что изобразительное искусство, литература, радио и кино должны служить исключительно целям пропаганды нового режима и его нелепой философии. Ни один из здравствовавших тогда немецких писателей, за исключением Эрнста Юнгера и раннего Эрнста Вихерта, не был издан в нацистской Германии. Почти все писатели во главе с Томасом Манном эмигрировали, а те немногие, кто остался, молчали или их вынуждали молчать. Рукопись любой книги или пьесы необходимо было представлять в министерство пропаганды, чтобы получить разрешение на публикацию или постановку.

Музыка находилась в более выгодном положении, поскольку это искусство наиболее далекое от политики да и немецкая музыкальная сокровищница была наполнена выдающимися произведениями, от Баха, Бетховена и Моцарта до Брамса. Но исполнять музыку Мендельсона, еврея по национальности, было, например, запрещено, так же как и музыку ведущего современного немецкого композитора Пауля Хиндемита. Евреев быстро отстранили от работы в ведущих симфонических оркестрах и оперных театрах. В отличие от писателей большинство выдающихся деятелей немецкого музыкального искусства решили остаться в нацистской Германии и по существу отдать свои имена и свой талант на службу «новому порядку». Не покинул страну и один из самых выдающихся дирижеров века Вильгельм Фуртвенглер. Около года он находился в опале за то, что выступил в защиту Хиндемита, но затем вернулся к активной музыкальной деятельности, которую вел все последующие годы гитлеровского правления. Остался и Рихард Штраус, ведущий из современных немецких композиторов. Некоторое время он являлся президентом музыкальной палаты, связав свое имя с геббельсовским проституированием культуры. Известный пианист Вальтер Гизекинг с одобрения Геббельса гастролировал преимущественно за рубежом, пропагандируя немецкую культуру. Благодаря тому, что музыканты не эмигрировали, а также благодаря огромному классическому наследию в годы третьего рейха можно было наслаждаться превосходным исполнением оперной и симфонической музыки. Непревзойденными в этом смысле считались оркестры берлинской филармонии и берлинской государственной оперы. Великолепная музыка помогала людям забывать об упадке других искусств и о многих тяготах жизни при нацизме.

Следует отметить, что и театр сохранял традиции, однако лишь в постановках классического репертуара. Конечно, Макс Рейнхардт эмигрировал, как и другие режиссеры, директора театров и актеры еврейской национальности. Пьесы нацистских драматургов были до смешного слабы, и широкая публика старалась их не посещать. Сценическая жизнь таких пьес оказывалась весьма недолговечной. Президентом театральной палаты являлся некто Ганс Йост, драматург-неудачник, который однажды публично

прихвастнул, что когда кто-нибудь употребляет при нем слово «культура», его рука непроизвольно тянется к пистолету. Но даже Йост и Геббельс, определявшие, кто должен играть и кто ставить, были не в состоянии помешать немецким театрам осуществлять постановку драматических произведений Гете, Шиллера, Шекспира.

Как ни странно, в нацистской Германии разрешалось ставить некоторые пьесы Бернарда Шоу — вероятно, потому, что он высмеивал в них нравы англичан и язвительно отзывался о демократии, а также потому, что его остроумие и левые политические высказывания не доходили до сознания нацистов.

Еще более странной оказалась судьба великого немецкого драматурга Герхарда Гауптмана. Во времена кайзера Вильгельма II его пьесы запрещались к постановке в имперских театрах, поскольку он являлся ревностным сторонником социализма. В период Веймарской республики он стал самым популярным драматургом Германии и сумел сохранить это положение в третьем рейхе, где его пьесы продолжали ставиться. Никогда не забуду сцену по окончании премьеры его последней пьесы «Дочь собора», когда Гауптман, почтенный старец с развевающимися седыми волосами, ниспадавшими на его черную накидку, вышел из театра под руку с д-ром Геббельсом и Йостом. Подобно многим другим известным людям Германии, он смирился с гитлеровским режимом, а хитрый Геббельс извлек из этого пропагандистский эффект, не уставая напоминать немецкому народу и всему миру, что крупнейший современный немецкий драматург, бывший социалист и защитник простых тружеников, не только остался в третьем рейхе, но и продолжает писать пьесы, которые идут на сценах театров.

Насколько искренним или приспосабливающимся или просто непостоянным был этот престарелый драматург, можно заключить и того, что произошло после войны. Американские власти, считая, что Гауптман слишком ревностно служил нацистам, запретили его пьесы в своем секторе Западного Берлина. Русские же пригласили его в Восточный Берлин и устроили ему прием как герою, организовав фестиваль его пьес. А в октябре 1945 года Гауптман направил письмо в возглавляемый коммунистами «Союз культуры во имя демократического возрождения Германии», пожелав ему успеха и выразив надежду, что союз сумеет обеспечить «духовное возрождение» немецкого народа.

Германия, давшая миру Дюрера и Кранаха, не смогла выдвинуть ни одного выдающегося мастера в области современного изобразительного искусства, хотя немецкий экспрессионизм в живописи и мюнхенская градостроительная школа в архитектуре представляли собой интересные и оригинальные направления, а немецкие художники отразили в своем творчестве все эволюции и взлеты, которые были характерны для импрессионизма, кубизма и дадаизма.

Для Гитлера, считавшего себя настоящим художником, несмотря на то, что в Вене его так и не признали, все современное искусство несло на себе печать вырождения и бессмысленности. В «Майн кампф» он разразился на этот счет длинной тирадой, а после прихода к власти одной из его первых мер стало «очищение» Германии от декадентского искусства и попытка заменить его новым искусством. Почти 6500 полотен современных художников, таких, как Кокошка и Грос, а также Сезанн, Ван Гог, Гоген, Матисс, Пикассо и многие другие, были изъяты из немецких музеев.

То, что пришло им на смену, было показано летом 1937 года, когда Гитлер официально открыл «Дом немецкого искусства» в Мюнхене, в желто-коричневом здании, построенном в псевдоклассическом стиле. Он сам помогал проектировать это здание и назвал его «бесподобным и непревзойденным». На эту первую выставку нацистского искусства втиснули около 900 работ, отобранных из 15 000 представленных. Более нелепого подбора автору этих строк не приводилось видеть ни в одной стране. Гитлер лично произвел окончательный отбор и, как свидетельствовали его товарищи по партии, присутствовавшие при этом, вышел из себя при виде некоторых картин, отобранных для показа нацистским жюри под председательством посредственного живописца Адольфа Циглера[68]. Он не только приказал немедленно их вышвырнуть, но и ударом армейского ботинка продырявил несколько из них.

«Я всегда был настроен, — заявил он в длинной речи на открытии выставки, — если судьба приведет нас к власти, не вдаваться в обсуждение этих вопросов (оценка произведений искусства), а действовать». Он и действовал.

В речи, произнесенной 18 июля 1937 года, он так изложил нацистскую линию в отношении немецкого искусства:

«Произведения искусства, которые невозможно понять и которые требуют целого ряда пояснений, чтобы доказать свое право на существование и найти свой путь к неврастеникам, воспринимающим такую глупую и наглую чушь, отныне не будут находиться в открытом доступе. И пусть ни у кого не остается иллюзий на этот счет! Национал-социализм преисполнен решимости очистить германский рейх и наш народ от всех этих влияний, угрожающих его существованию и духу… С открытием этой выставки безумию в искусстве положен конец, а вместе с ним и развращению таким искусством нашего народа…»

И все же некоторые немцы, особенно в таком центре искусства, как Мюнхен, предпочитали оставаться художественно «развращенными». В противоположном конце города, в ветхой галерее, попасть в которую можно было лишь по узкой лестнице, размещалась выставка «вырожденческого» искусства, которую д-р Геббельс организовал, чтобы показать народу, от чего Гитлер его спасает. На ней была представлена блестящая коллекция современной живописи Кокошка, Шагал, работы экспрессионистов и импрессионистов. В день, когда я побывал там, предварительно обойдя бесчисленные залы «Дома немецкого искусства», галерея была полна народу. Длинная очередь, выстроившаяся по скрипучей лестнице, заканчивалась на улице. Осаждавшие галерею толпы стали столь многочисленны, что д-р Геббельс, разгневанный и смущенный, вскоре закрыл выставку.

Контроль над прессой, радио и кино

Каждое утро издатели ежедневных берлинских газет и корреспонденты газет, издававшихся в других городах рейха, собирались в министерстве пропаганды, чтобы выслушать наставления д-ра Геббельса или одного из его заместителей, какие новости печатать, а какие нет, как подавать материал

и озаглавливать его, какие кампании свернуть, а какие развернуть, каковы на сегодняшний день наиболее актуальные темы для передовиц. Во избежание каких-либо недоразумений издавалась письменная директива на день, а также давались устные указания. Для небольших сельских газет и периодических изданий директивы передавались по телеграфу или отправлялись по почте.

Для того чтобы быть издателем в третьем рейхе, надлежало прежде всего иметь чистую в политическом и расовом отношении анкету. Закон рейха о прессе от 4 октября 1933 года провозгласил журналистику общественной профессией; в соответствии с этим предусматривалось, что издатели должны иметь немецкое гражданство, арийское происхождение и не состоять в браке с лицами еврейской национальности. Раздел 14 закона о прессе предписывал издателям «не публиковать в газетах того, что так или иначе вводит в заблуждение читателя, смешивает эгоистические цели с общественными и ведет к ослаблению мощи немецкого рейха изнутри или извне, к подрыву воли немецкого народа, обороны Германии, ее культуры и экономики, а также всего того, что оскорбляет честь и достоинство Германии». Подобный закон, будь он введен в действие до 1933 года, означал бы запрещение деятельности всех нацистских издателей и публикации в стране всех изданий нацистского толка. Теперь же он привел к закрытию тех журналов и изгнанию с работы тех журналистов которые не желали находиться в услужении у нацистов.

Одной из первых была вынуждена прекратить свое существование газета «Фоссише цайтунг». Основанная в 1704 году и гордившаяся в прошлом поддержкой таких людей, как Фридрих Великий, Лессинг и Ратенау, она стала ведущей газетой Германии, сопоставимо с такими изданиями, как английская «Таймс» или американская, «Нью-Йорк таймс». Но она была либеральной и владело ею семейств Ульштейн, евреи по происхождению. Закрылась она 1 апреля 1934 года после 230 лет непрерывного существования. Другая всемирно известная либеральная газета «Берлинер тагеблатт» продержалась несколько дольше, до 1937 года, хотя ее владелец Ганс Лакмага Моссе, тоже еврей, был вынужден отказаться от своей доли капитала еще весной 1933 года. Третья немецкая либеральная газета, выходившая большим тиражом, «Франкфуртер цайтунг» также продолжала выходить после того, как рассталась со своим владельцем издателями, евреями по национальности. Ее издателем стал Рудоль Кирхер. Подобно Карлу Зилексу, издателю консервативной «Доиче альгемайне цайтунг», издававшейся в Берлине, он был корреспондентом своей газеты в Лондоне. Последователь Родса, страстный англофил и либерал, Кирхер верно служил нацистам. При этом по словам Отто Дитриха, шефа прессы рейха, он, как и бывшие «оппозиционные» газеты, был «большим католиком, чем сам папа римский».

Тот факт, что указанные газеты уцелели, частично объясняется вмешательством германского министерства иностранных дел, которое хотело, чтобы эти известные во всем мире газеты являлись чем-то вроде витрины нацистской Германии за рубежом и в то же время служили средством пропаганды. Поскольку все газеты Германии получали указания, что публиковать и как преподносить эти публикации, немецкая пресса неминуемо оказалась в тисках удушающего конформизма. Даже у народа, привыкшего к регламентации и приученного подчиняться властям, газеты стали вызывать скуку. В результате даже ведущие нацистские газеты, такие, как утренняя «Фелькишер беобахтер» и вечерняя «Дер Ангрифф», были вынуждены сократить тираж. Падал и общий тираж немецких газет по мере усиления контроля над

ними и перехода в руки нацистских издателей. За первые четыре года существования третьего рейха число ежедневных газет сократилось с 3607 до 2671.

Однако утрата страной свободной и разнообразной прессы ущемляла финансовые интересы партии. Начальник Гитлера в годы первой мировой войны, бывший сержант Макс Аманн, теперь глава партийного издательства нацистов «Эйер Ферлаг», превратился в финансового диктатора немецкой прессы. В качестве главного руководителя прессы рейха и президента палаты печати он имел право запретить по своему усмотрению любое издание, чтобы затем приобрести его за бесценок. За короткое время «Эйер Ферлаг» превратилось в гигантскую издательскую империю, пожалуй, самую обширную и богатую в мире[69]. Несмотря на падение спроса на многие нацистские издания, тираж ежедневных газет, являвшихся собственностью партии или находившихся под контролем партии и отдельных нацистов, накануне второй мировой войны составлял две трети ежедневного общего тиража — 25 миллионов экземпляров. В своих показаниях Нюрнбергскому трибуналу Аманн рассказал, как он действовал: «После того как партия пришла в 1933 году к власти, владельцы многих издательских концернов, таких, как издательство семейства Ульштейн, или тех, которые находились под контролем евреев и служили политическим и религиозным интересам, враждебным нацистской партии, сочли целесообразным продать свои газеты или активы концерну «Эйер». Свободного рынка для продажи таких видов собственности не было, поэтому «Эйер Ферлаг», как правило, оказывался единственным покупателем. В этих условиях «Эйер Ферлаг» совместно с издательскими концернами, которыми он владел или которые контролировал, превратился в монопольный газетный трест Германии. Вложения партии в эти издательские предприятия оказались очень доходными в финансовом отношении. Будет справедливо упомянуть, что основная цель нацистской программы в области прессы состояла в том, чтобы упразднить любую прессу, стоявшую в оппозиции к партии».

В 1934 году Аманн и Геббельс обратились с просьбой к раболепствующим издателям сделать свои газеты менее однообразными. Аманн заявил, что сожалеет о поразившем нынешнюю прессу однообразии, которое не является итогом государственных мер и не отвечает воле правительства. Один опрометчивый издатель, Эм Вель-ке из еженедельника «Грюне пост», допустил просчет, всерьез восприняв заявление Аманна и Геббельса. Он упрекнул министра пропаганды в ущемлении свободы прессы и в давлении на нее, в результате чего она и стала такой нудной. Издание «Грюне пост» сразу же было закрыто на три месяца, а самого издателя Геббельс распорядился отправить в концлагерь.

Радио и кино, как и пресса, были быстро поставлены на службу нацистскому государству. Геббельс всегда рассматривал радио (телевидения в то время еще не было) как главное орудие пропаганды в современном обществе. Через отдел радио своего министерства и через палату радиовещания он установил полный контроль за радиопередачами, приспосабливая их содержание для достижения собственных целей. Его задача облегчалась тем, что в Германии, как и в других странах Европы, радиовещание являлось монополией

государства. В 1933 году нацистское правительство автоматически стало владельцем Радиовещательной корпорации рейха.

Кино оставалось в руках частных компаний, но министерство пропаганды и палата кино контролировали все стороны кинопроизводства. Их задачей являлось, как это было официально объявлено «вывести киноиндустрию из сферы либерально-экономических идей и тем самым позволить ей осуществлять задачи, возложенные на нее национал-социалистским государством».

В обоих случаях был достигнут одинаковый результат — немецкому народу предлагались радиопрограммы и кинофильмы такие же бессодержательные и навевающие скуку, как и ежедневные газеты и периодические издания. Даже та публика, которая безропотно воспринимала все, что ей внушалось как полезное и необходимое и та воспротивилась. В большинстве своем люди предпочитали нацистским фильмам те немногие иностранные ленты (в основном второсортные голливудские), показ которых на немецких экранах разрешил Геббельс. Одно время, в середине 30-х годов, освистывание немецких фильмов стало столь обычным явлением, что министр внутренних дел Вильгельм Фрик издал строгое предупреждение против «изменнического поведения со стороны кинозрителей». Подобным же образом критиковались и радиопрограммы, причем критика была настолько резкой, что президент палаты радиовещания некий Хорст Дресслер-Андресс заявил: подобные придирки представляют собой «оскорбление германской культуры» и далее терпеть их нельзя. В те дни немецкий радиослушатель мог настроиться на десяток зарубежных радиостанций, не рискуя, как это было в период войны, своей головой. И многие, наверное, так и поступали, хотя у автора этих строк сложилось впечатление, что д-р Геббельс оказался прав и с годами радио, безусловно, стало самым эффективным средством пропаганды, содействуя более, чем любое другое средство связи, формированию взглядов немецкого народа в гитлеровском духе.

Мне на собственном опыте довелось убедиться, насколько легко овладевают умами лживая пресса и радио в тоталитарном государстве. Хотя в отличие от большинства немцев я имел постоянный доступ к иностранным газетам, особенно к лондонским, парижским и цюрихским, которые поступали на следующий день после выхода, и хотя я регулярно слушал Би-би-си и другие радиостанции, моя работа требовала ежедневной многочасовой сверки сообщений немецкой прессы и радио с сообщениями прессы и радио других стран, а также встреч с нацистскими лидерами и посещений партийных митингов. Удивляло, а подчас ужасало, что, несмотря на возможность получать информацию о происходящих событиях из иностранных источников и вполне обоснованное недоверие к информации, поступавшей из нацистских источников, постоянное в течение ряда лет навязывание фальсификаций и искажений все же оказывало на меня определенное воздействие и нередко вводило в заблуждение. Тот, кто не жил годами в тоталитарном государстве, просто не в состоянии представить, насколько трудно избежать страшных последствий продуманной и систематической пропаганды господствующего режима. Часто в доме знакомого немца, в конторе или во время случайного разговора с незнакомым человеком в ресторане, в пивной или в кафе я слышал довольно странные утверждения от, казалось бы, интеллигентных людей. Было очевидно, что они, как попугаи, повторяют разные нелепости, услышанные по радио или вычитанные из газет. Иногда я торопился высказать им это, но в таких случаях наталкивался на такой недоверчивый взгляд или на такую реакцию, будто допустил в их присутствии страшное богохульство.

И тогда я отдавал себе отчет, насколько тщетны попытки установить контакт с человеком с деформированным сознанием, для которого реальностью было лишь то, что внушили ему Гитлер и Геббельс — эти циничные фальсификаторы правды.

Образование в третьем рейхе

30 апреля 1934 года обергруппенфюрер СС Бернхард Руст, некогда гауляйтер Ганновера, член нацистской партии и друг Гитлера с начала 20-х годов, был назначен рейхсминистром науки, образования и народной культуры. В нелепом суматошном мире национал-социализма Рус как нельзя лучше подходил на этот пост. Провинциальный учитель, в 1930 году он стал безработным, поскольку местные власти уволили его ввиду некоторых отклонений психики. Впрочем, увольнением он был отчасти обязан своей фанатичной приверженности нацизму, ибо нацистской доктрине д-р Руст поклонялся с усердием Геббельса, помноженным на путаницу в мозгах Розенберга. Заняв в феврале 1933 года пост министра науки, искусств и образования Пруссии, он похвалялся тем, что ему одним махом удалось ликвидировать школу как «пристанище интеллектуальной акробатики». И такому человеку, лишенному здравого смысла, был вверен контроль над немецкой наукой, системой образования и молодежными организациями.

Образование в третьем рейхе, как представлял его себе Гитлер, не должно было сводиться к занятиям в душных учебных классах: его следовало дополнить спартанским, политическим и военным обучением в соответствии с определенными возрастными группами. Оно должно было достигать своей вершины не в университетах или технических вузах, где обучалось незначительное число молодежи, а начиная с 18 лет в процессе принудительного отбывания трудовой, а затем и воинской повинности. Страницы «Майн кампф» буквально испещрены примерами презрительного отношения автора к «профессорам» и интеллектуальной жизни в учебных заведениях. Излагая некоторые свои идеи относительно образования, Гитлер писал: «Все образование, осуществляемое национальным государством, должно быть прежде всего нацелено не на то, чтобы забивать головы учащихся знаниями, а на то, чтобы формировать здоровое тело». Но еще более важным, по мысли автора, является привлечение молодежи на службу «новому национальному государству» — предмет, к которому он часто возвращался и после того, как стал диктатором. «Когда противник говорит «Я не перейду на вашу сторону», — заявил Гитлер в своей речи 6 ноября 1933 года, — я спокойно отвечаю: «Ваш ребенок уже принадлежит нам… А кто вы такой? Вы уйдете. Вас не станет. А ваши потомки уже на нашей стороне. И скоро они не будут знать ничего, кроме своей принадлежности к новому сообществу». А 1 мая 1937 года он сказал: «Наш новый рейх никому не отдаст свою молодежь, он привлечет ее к себе и даст ей свое образование и свое воспитание». Это не было пустой похвальбой — именно это и реализовывалось на практике.

Немецкая школа от первого класса до университета включительно быстро нацифицировалась. Поспешно переписывались учебники, менялись учебные программы. По выражению «Дер дойче эрциер», официального органа работников образования, «Майн кампф» стала «педагогической путеводной звездой». Учителей, которые не смогли разглядеть ее света, увольняли.

Большинство преподавателей были в большей или меньшей степени нацистами по духу, а то и активными членами нацистской партии. Для идеологической закалки их направляли на специальные курсы, где они интенсивно постигали основы национал-социалистского учения, при этом особый упор делался на штудирование расистской доктрины Гитлера.

Каждый работающий в системе образования — от детского сада до университета — был обязан вступить в Лигу национал-социалистских учителей, на которую законом возлагалась задача координа ции идеологической и политической деятельности всех учителе и преподавателей в соответствии с национал-социалистской доктриной. Закон 1937 года о гражданской службе обязывал преподавателей быть «исполнителями воли поддерживаемого партией государства» и быть готовыми «в любое время беззаветно защищав национал-социалистское государство». В принятом ранее декрете они квалифицировались как государственные служащие — таким образом, на них распространялось действие законов о расах. Евреям разумеется, преподавать запрещалось. Все преподаватели принимая присягу «на верность и повиновение Адольфу Гитлеру». Позднее было запрещено преподавать всякому, кто ранее не служил в СС, не отбывал трудовую повинность или не состоял в «Гитлерюгенд» Кандидаты на должность преподавателей в университетах должна были пройти шестинедельные сборы в лагерях, где нацистские специалисты изучали их взгляды и характеры, а затем обобщали свои выводы и представляли их в министерство образования. Последнее в зависимости от политической благонадежности выдавало им свидетельство на право преподавать.

До 1933 года средние учебные заведения в Германии находились в юрисдикции местных властей, а университеты подчинялись властям соответствующих земель. Теперь все они были переданы в ведение рейхсминистра образования, который управлял ими железной рукой. Отныне университетских ректоров и деканов, которых ранее избирали штатные профессора факультетов, назначал только он. Назначал он также и руководителей Союза студентов, в который входили все учащиеся, а также руководителей Союза преподавателей университетов, членами которого надлежало быть всем преподавателям. Национал-социалистская ассоциация университетских преподавателей, руководимая старыми нацистскими функционерами, играла решающую роль в отборе тех, кому доверялось обучение, и контролировала, чтобы обучение велось в соответствии с нацистскими теориями. Результаты такой нацификации образования и науки оказались катастрофическими. В учебниках и лекциях история фальсифицировалась до нелепости. Расовые науки, провозглашавшие немцев высшей расой и клеймившие евреев как источник всех зол на земле, были еще более смехотворны. В одном только Берлинском университете, где в прошлом преподавало столько выдающихся ученых, новый ректор, в прошлом штурмовик, по профессии ветеринар, учредил двадцать пять новых курсов по расовой науке, а ко времени, когда он по существу развалил университет, в нем велось преподавание восьмидесяти шести курсов, связанных с его собственной профессией.

Преподавание естественных наук, чем в течение многих поколений славилась Германия, быстро приходило в упадок. Уволили или заставили уйти в отставку таких ученых, как физики Эйнштейн и франк, химики Габер, Вильштеттер и Варбург. Из тех, кто остался, многие были заражены бредовой нацистской идеологией и пытались приложить ее к чистой науке. Они стремились преподавать, как сами выражались, «немецкую физику», «немецкую

химию» и «немецкую математику». В 1937 году вышел в свет первый номер журнала под названием «Немецкая математика». В редакционной статье провозглашалось: любая идея, утверждающая, что математика может рассматриваться вне расовой теории, «несет в себе зародыш гибели немецкой науки». Даже непосвященным идеи этих нацистских ученых представлялись бредовыми. «Немецкая физика? вопрошал профессор Филип Ленард из Гейдельбергского университета, один из наиболее известных ученых третьего рейха. — И вам тут же ответят: «Наука всегда была и остается интернациональной». Это ложное утверждение. На деле наука является расовой, как любое другое творение человека, что обусловлено текущей в его жилах кровью».

Директор института физики в Дрездене Рудольф Томашек пошел еще дальше. «Современная физика, — писал он, — есть орудие мирового еврейства, призванное уничтожить нордическую науку… Истинная физика есть создание немецкого духа… По существу, вся европейская наука есть плод арийской или, точнее, германской мысли». Профессор Иоганнес Штарк, глава Немецкого национального института физической науки, думал точно так же. «Нетрудно обнаружить, — отмечал он, — что основоположники научных исследований в физике и великие первооткрыватели в ней от Галилея и Ньютона До ведущих физиков нашего времени — почти все без исключения были арийцами преимущественно нордической расы».

А некий профессор Вильгельм Мюллер из технического вуза в Ахене обнаружил всемирный заговор евреев с целью осквернить науку и тем самым уничтожить цивилизацию, о чем он поведал в своей книге под названием «Еврейство и наука». Эйнштейна с его теорией относительности он считал архинегодяем. Теорию Эйнштейна, на которой зиждется вся современная физика, этот неподражаемый в своем роде нацистский профессор считал не только теорией, направленной «с самого начала и до конца на преобразование существующего, то есть нееврейского, мира, всего живого, порожденного матерью землей и с ней связанного кровными узами, но и колдовством способным превращать все живое в призрачную абстракцию, где все индивидуальные черты народов и наций и все внутренние границы рас размываются и остаются лишь незначительные различия которые объясняют происхождение всех событий насильственным безбожным подчинением их законам». Всемирное признание теории относительности Эйнштейна, по мнению профессора Мюллера, явилось, по существу, «взрывом радости в предвкушении еврейского правления миром, которое необратимо подавит и навечно низведет дух немецкого мужества до уровня бессильного рабства».

Для профессора Людвига Бибербака из Берлинского университета Эйнштейн был «иностранным шарлатаном». Даже в представлении профессора Ленарда «еврею заметно недостает понимания истины… В этом смысле он отличается от арийского исследователя, которого характеризует тщательность и настойчивость в поисках истины… Таким образом, еврейская физика представляет собой мираж и явление дегенеративного распада основ немецкой физики». Тем не менее с 1905 по 1931 год десяти немецким евреям была присуждена Нобелевская премия за вклад в науку. В период второго рейха университетские профессора, подобно протестантскому духовенству Германии, слепо поддерживали консервативное правительство и его экспансионистскую политику. Лекционные залы в те годы стали рассадником ярого национализма и антисемитизма. Веймарская республика настаивала на обеспечении полной свободы преподавания, но одним из результатов такой свободы стало то, что

подавляющее большинство преподавателей университетов, настроенных, как правило, антилиберально, антидемократически и антисемитски, способствовали подрыву демократического режима. В большинстве своем профессора были фанатичными националистами, жаждавшими возрождения консервативной монархической Германии. И хотя до 1933 года многим из них нацисты представлялись слишком буйными и жестокими, чтобы они могли питать к ним симпатии, своими поучениями они создавали почву для прихода нацистов к власти. К 1932 году большинство студентов с энтузиазмом относились к Гитлеру. У некоторых вызывало удивление число преподавателей университетов, которые после 1933 года смирились с пацификацией высшего образования. Хотя, по официальным данным, число уволенных профессоров и преподавателей за первые пять лет существования режима составило 2800 человек (около четверти их общего числа), число потерявших работу из-за неприятия национал-социализма, по данным профессора Репке, которого самого уволили из Марбургского университета в 1933 году, совсем невелико. Правда, среди этого небольшого числа были такие известные ученые, как Карл Ясперс, Е. И. Гумбель, Теодор Литт, Карл Барт, Юлиус Эббингхаус, и десятки других. Большинство их них эмигрировали сначала в Швейцарию»

Голландию и Англию, а затем в Америку. Одного из них, профессора Теодора Лессинга, который бежал в Чехословакию, выследили с убили фашистские головорезы. Это произошло в Мариенбаде 31 августа 1933 года.

Однако большая часть профессоров остались на своих постах, я к осени 1933 года около 960 человек, возглавляемые такими светилами, как хирург Зауэрбрух, философ-экзистенциалист Хейдегер, искусствовед Пиндер, публично присягнули на верность Гитлеру и национал-социалистскому режиму.

«Это была сцена проституирования убеждений, — писал позднее профессор Репке, — запятнавшая славную историю немецкой науки». А профессор Юлиус Эббингхаус, оглядываясь в 1945 году на прожитое, сказал: «Немецкие университеты не смогли, когда еще было время, открыто, в полную силу выступить против уничтожения науки и демократического государства. Они не сумели поднять факел свободы и права во мраке тирании».

За это пришлось заплатить дорогой ценой. После шести лет нацификации число студентов университетов сократилось более чем наполовину — с 127 920 до 58 325. Набор студентов в технические институты, готовившие для Германии ученых и инженеров, сократился еще разительнее — с 20 474 до 9554. Качество подготовки выпускников снизилось ужасно. К 1937 году ощущалась не только нехватка молодежи в научной и технической областях, но и падение уровня ее квалификации. Задолго до начала войны представители химической промышленности, старательно обеспечивавшие перевооружение нацистской Германии, жаловались в своем журнале «Кемише индустри», что Германия теряет свою ведущую роль в химии. «Под угрозой оказались не только национальная экономика, но и сама национальная оборона», — сетовал этот журнал, видя причину такого положения в недостатке молодых ученых и посредственном уровне их подготовки в технических вузах.

Как оказалось, потери нацистской Германии обернулись выигрышем для свободного мира, особенно в гонке за создание атомной бомбы. Рассказ об успешных попытках нацистских лидеров во главе с Гиммлером подорвать собственную программу развития атомной энергии слишком долгий и

запутанный, чтобы приводить его здесь. По иронии судьбы созданием атомной бомбы США оказались обязаны двум ученым, изгнанным по расовому признаку из Германии и Италии, — Эйнштейну и Ферми.

В деле подготовки молодежи к осуществлению намеченных им планов Адольф Гитлер делал ставку не столько на общеобразовательные учебные заведения, откуда сам вылетел так скоро, сколько на «Гитлерюгенд». В годы борьбы нацистской партии за власть движение гитлеровской молодежи не играло большой роли. В 1932 году, последнем году республики, оно насчитывало всего 107 956 человек, в то время как в другие организации, объединенные под началом рейхскомитета ассоциаций немецкой молодежи, входило приблизительно 10 миллионов юношей и девушек. Ни в одной стране не было такого деятельного и многочисленного молодежного движения, как в Германии времен Веймарской республики. Сознавая это, Гитлер твердо решил подчинить себе это движение и нацифицировать его. Главным исполнителем этой задачи стал молодой человек привлекательной наружности, с заурядными способностями, но с большой напористостью, Бальдур фон Ширах, который под влиянием Гитлера вступил в партию еще в 1925 году в возрасте 18 лет, а в 1931 году был назначен молодежным лидером нацистской партии. Молодой и неискушенный, среди задиристых, изборожденных шрамами коричневорубашечников он выделялся своим необычным видом студента американского колледжа. Это, очевидно, явилось результатом того, что его предками были американцы (включая двоих, подписавших Декларацию независимости).

В июне 1933 года он был провозглашен молодежным лидеров германского рейха. Подражая тактике старших партийных наставников, он поначалу поручил вооруженной банде из полусотни крепких молодчиков, членов «Гитлерюгенд», захватить здание рейхскомитета» ассоциаций германской молодежи, а затем обратил в бегство председателя комитета — престарелого прусского генерала по фамилии Фогт. После этого Ширах взялся за одного из самых известных героев германского флота адмирала фон Трота, который в первую мировую войну являлся начальником штаба военно-морских сил, а теперь президентом молодежных ассоциаций. Почтенный адмирал также был вынужден бежать, а его пост и сама организация были упразднены. Одновременно была захвачена собственность организаций, оценивавшаяся в миллионы долларов, главным образом в виде молодежных турбаз и лагерей, разбросанных по всей Германии.

Конкордат от 20 июля 1933 года специально предусматривал беспрепятственную деятельность Ассоциации католической молодежи. 1 декабря 1936 года Гитлер издал закон, запрещающий деятельность этой ассоциации и других ненацистских организаций молодежи. «…Вся немецкая молодежь рейха организуется в рамках «Гитлерюгенд». Германская молодежь помимо воспитания в семье и школе будет получать физическую, интеллектуальную и моральную закалку в духе национал-социализма… через «Гитлерюгенд».

Ширах, деятельность которого ранее направляло министерство образования, отныне стал подчиняться непосредственно Гитлеру. Этот инфантильный молодой человек двадцати девяти лет, писавший сентиментальные стихи, в которых воспевал Гитлера («сей гений, касающийся звезд»), являвшийся последователем Розенберга в его странном язычестве и Штрейхера — в его яром антисемитизме, стал в третьем рейхе фюрером молодежи.

Молодежь в возрасте от 6 до 18 лет обязана была вступать в различные организации, существовавшие в гитлеровском рейхе. Родителей, обвиненных в попытке удержать своих детей от вступления в эти организации, приговаривали к длительным срокам тюремного заключения, хотя иногда они возражали просто против участия своих дочерей в деятельности объединений, получивших скандальную известность из-за случаев ранней беременности.

До вступления в «Гитлерюгенд» мальчики в возрасте от 6 до 10 лет проходили что-то вроде курса ученичества в «Пимпфе». На каждого подростка заводилась «книга деятельности», в которой делались записи о его успехах, включая идеологический рост, в течение всего периода пребывания в рядах нацистского молодежного движения. В десять лет после сдачи соответствующих зачетов по физкультуре, навыкам жизни в полевых условиях и по истории, препарированной 0 нацистском духе, он вступал в «Юнгфольк», предварительно приняв следующую присягу:

«Перед лицом этого стяга цвета крови, который олицетворяет нашего фюрера, я клянусь посвятить всю свою энергию и все мои силы спасителю нашей страны Адольфу Гитлеру. Я стремлюсь и готов отдать мою жизнь за него. Да поможет мне бог!»

В 14 лет юноша вступал в «Гитлерюгенд» и оставался ее членом до 18 лет, когда призывался для отбывания трудовой или воинской повинности. «Гитлерюгенд» представляла собой организацию военизированного типа, подобно СА. Подростки вплоть до совершеннолетия получали здесь систематизированную подготовку — овладевали навыками жизни в полевых условиях, занимались спортом, приобщались к нацистской идеологии в преддверии военной службы. Не раз в выходные дни мой отдых на природе в окрестностях Берлина прерывали шумные подростки из «Гитлерюгенд», пробиравшиеся сквозь заросли или перебегавшие через пустошь с винтовками наперевес и с тяжеленными армейскими ранцами за спиной.

Иногда в военных играх принимали участие и девушки — это тоже предусматривалось движением гитлеровской молодежи. Немецкие девочки в возрасте от 10 до 14 лет зачислялись в организацию «Юнгмедель». Они носили одинаковую форму, состоявшую из белой блузки и длинной синей юбки, носков и тяжелых, отнюдь не женских военных ботинок. Их обучение во многом было таким же, как у мальчиков того же возраста, и включало продолжительные походы с тяжелыми рюкзаками по выходным дням, во время которых их обычно приобщали к нацистской философии. Но упор делался все же на роль женщины в третьем рейхе — быть здоровой матерью здоровых детей. Это подчеркивалось еще настойчивей, когда по достижении 14-летнего возраста девушки вступали в Лигу немецких девушек.

По достижении 18 лет несколько тысяч девушек из лиги (они состояли в ней до 21 года) были обязаны отработать год на фермах. Это был так называемый сельхозгод, который соответствовал году трудовой повинности для юношей. Задачей девушек было помогать во дому и в поле. Их размещали на фермах, но чаще в небольших лагерях в сельской местности, откуда каждое утро на грузовиках Отвозили на фермы. Однако вскоре возникли проблемы морального порядка. Присутствие молодых миловидных девушек в сельских домах подчас вносило разлад в семьи. Стали поступать жалобы от раздраженных родителей, чьи дочери забеременели на фермах. Но это было не единственной проблемой.

Обычно женский лагерь располагался неподалеку от лагеря, где проходили трудовую повинность юноши. Столь опасное соседство также не способствовало укреплению морали. Недаром подпись под карикатурой на движение «Сила через радость» обошла всю Германию, поскольку она очень удачно ассоциировалась с сельхозгодом молодых девиц:

На полях и в лачугах

Я теряю силу через радость…

Аналогичные моральные проблемы возникали и во время «года домашнего хозяйства», когда девушки обязаны были трудиться домработницами в городских семьях. По правде говоря, более откровенные нацисты вовсе не считали это проблемой — я сам не однажды слышал, как наставницы из лиги, как правило малопривлекательные и незамужние, просвещали своих молоденьких подопечных относительно их морального и патриотического долга — рожать детей для гитлеровского рейха в браке, если это возможно, но коль скоро невозможно, то и вне оного.

К концу 1938 года в «Гитлерюгенд» насчитывалось 7 728 259 человек. Как ни велико это число, все же около 4 миллионов юношей и девушек остались вне этой организации. Поэтому в марте 1939 года правительство издало закон о призыве всей молодежи в «Гитлерюгенд» на тех же основаниях, что и в армию. Родителей, противившихся этой мере, предупредили, что если их дети не вступят в «Гитлерюгенд», то будут направлены в сиротские или другие дома.

Система образования была окончательно подорвана учреждением трех типов школ для подготовки элиты: школ Адольфа Гитлера под попечительством «Гитлерюгенд», институтов национал-политического образования и замков рыцарского ордена. Школы двух последних типов находились под эгидой нацистской партии. В школы Адольфа Гитлера направлялась наиболее перспективная молодежь из «Юнгфольк» в возрасте 12 лет. Здесь она в течение 6 лет проходила курс обучения в целях дальнейшего использования на руководящих постах в партии и на государственной службе. Ученики жили при школах в условиях спартанской дисциплины и имели право по окончании учебы поступать в университет. Всего после 1937 года было учреждено десять таких школ, главной из них считалась академия в Брауншвейге.

Задачей институтов национал-политического образования было восстановление такого образования, которое давали старые прусские военные академии. Согласно одному официальному разъяснению они культивировали «солдатский дух с его атрибутами доблести, долга и простого образа жизни». К этому добавлялся специальный курс обучения нацистским принципам. Институты курировала служба СС, которая назначала ректоров и большую часть преподавателей. Три подобных вуза открылись в 1933 году, а к началу войны их число достигло 31, причем 3 из них предназначались для женщин.

На самом верху пирамиды находились так называемые замки рыцарского ордена. В этих учебных заведениях с характерной для них атмосферой замков

рыцарей Тевтонского ордена XIV–XV веков готовилась нацистская элита из элиты. Рыцари Тевтонского орден беспрекословно. подчинялись своему магистру, а основной целы ордена являлось завоевание славянских земель на Востоке и порабощение местного населения. Нацистские замки ордена держались на принципах такой же дисциплины и преследовали те же цели. Сюда отбирали наиболее фанатичных молодых национал-социалистов, как правило из числа выпускников школ Адольфа Гитлера и национал-политических институтов. Было учреждено четыре орденских замка, в которых обучаемые проходили один из курсов, а затем переходили в другой. Первый год из шести отводился «расовым наукам» и другим аспектам нацистской идеологии. Упор здесь делался на развитие умственных способностей и на строгое соблюдение дисциплины, а физической подготовке отводилось второстепенное место. Второй год обучения проходил в другом замке, где, наоборот, на первом месте стояла атлетическая подготовка и различные виды спорта, включая альпинизм и прыжки с парашютом. В третьем замке в течение последующих полутора лет велось обучение политическим и военным наукам. На четвертом, последнем, этапе обучения слушателей направляли на полтора года в замок, находившийся в Мариенбурге (Восточная Пруссия) близ польской границы. Здесь, в стенах того самого замка, который был оплотом Тевтонского ордена пять веков назад, основное внимание в политическом и военном образовании уделялось «восточному вопросу» — «праву» Германии расширять свое жизненное пространство за счет славянских земель. Для событий 1939 года и последующих лет эта подготовка, как и предполагалось, сыграла отличную службу.

Вот так готовил третий рейх свою молодежь к жизни, работе и смерти. Хотя ее сознание и отравлялось умышленно, регулярные занятия прерывались, а место обучения неоднократно менялось, юноши и девушки, молодые мужчины и женщины, казалось, были необыкновенно счастливы, полны энтузиазма и готовности жить жизнью члена «Гитлерюгенд». И, несомненно, такая практика, объединявшая детей всех классов и сословий, бедняков и богачей, рабочих и крестьян, предпринимателей и аристократов, которые стремились к общей цели, сама по себе была здоровой и полезной. В большинстве случаев обязательный труд в течение шести месяцев не наносил вреда городскому юноше или девушке. Все это время они жили вдали от дома, узнавали цену физического труда и учились общаться с молодыми людьми разных социальных групп. Все, кто в те дни путешествовал по Германии, беседовал с молодежью, наблюдал, как она трудится и веселится в своих лагерях, не мог не заметить, что, несмотря на зловещий характер нацистского воспитания, в стране существовало необычайно активное молодежное движение.

Молодое поколение третьего рейха росло сильным и здоровым, исполненным веры в будущее своей страны и в самих себя, в дружбу и товарищество, способным сокрушить все классовые, экономические и социальные барьеры. Я не раз задумывался об этом позднее, в майские дни 1940 года, когда на дороге между Ахеном и Брюсселем встречал немецких солдат, бронзовых от загара, хорошо сложенных и закаленных благодаря тому, что в юности они много времени проводили на солнце и хорошо питались. Я сравнивал их с первыми английскими военнопленными, сутулыми, бледными, со впалой грудью и плохими зубами, трагический пример того, как в период между двумя мировыми войнами правители Англии безответственно пренебрегали молодежью.

Земледелец в третьем рейхе

Когда в 1933 году Гитлер пришел к власти, земледельцы в Германии, как и в большинстве других стран, находились в отчаянной нужде. По данным одной статьи, опубликованной во «Франкфуртер цайтунг», их положение было хуже, чем когда-либо со времен Крестьянской войны 1524–1525 годов, разорившей немецкую землю. Доходы от сельского хозяйства в 1932/33 финансовом году снизились на один миллиард марок по сравнению с послевоенным 1924/25 годом. Общий долг земледельцев достиг 12 миллиардов (он образовался за последние восемь лет). Выплаты по этому долгу составляли 14 процентов всего дохода ферм. К этому добавлялась примерно такая же сумма в виде налогов и поборов на социальные нужды. «Мои товарищи по партии, у вас должна быть полная ясность по одному вопросу: у немецкого крестьянства остался лишь один, последний и единственный, шанс выжить», — предупреждал Гитлер сразу после вступления на пост канцлера, а в октябре 1933 года он объявил, что «крах немецкого крестьянства станет крахом немецкого народа».

В течение ряда лет нацистская партия проводила политику поддержки земледельцев. Пункт 17 «не подлежащей изменениям» партийной программы обещал им «земельную реформу… закон о конфискации земли без компенсации, отмену процентов на займы, выдаваемые земледельцам, недопущение любых спекуляций землей». Подобно обещаниям, содержавшимся в других пунктах программы, обещания, данные земледельцам, не были выполнены, за исключением последнего, направленного против спекуляций землей. В 1938 году, после пяти лет нацистского правления, распределение земли в Германии оставалось более неравномерным, чем в любой другой стране Запада. Цифры, опубликованные в официальном статистическом ежегоднике за тот год, показывают, что на долю 2,5 миллиона мельчайших ферм земли приходилось меньше, чем на долю землевладельческой верхушки, составлявшей 0,1 процента всего населения Германии. Нацистская диктатура, подобно социалистическо-буржуазным правительствам Веймарской республики, не осмеливалась произвести раздел огромных феодальных владений юнкеров, которые простирались к востоку от Эльбы.

Тем не менее нацистский режим все же провозгласил новую аграрную программу, сопровождавшуюся громкой сентиментальной пропагандой, суть которой сводилась к тому, что крестьянство — это соль земли и главная опора третьего рейха. Руководить ее осуществлением Гитлер назначил Вальтера Дарре, который, хотя и подписывался под большинством нацистских мифов, был одним из не многих партийных лидеров, профессионально знавших область своей деятельности. Являясь незаурядным специалистом-аграрником с соответствующим университетским образованием, Дарре служил в министерстве сельского хозяйства Пруссии и рейха. Вынужденный в 1929 году уйти со своего поста в результате конфликтов с руководством, он поселился в Рейнской области, где написал книгу под названием «Крестьянство как источник жизни нордической расы». Такой заголовок должен был непременно обратить на себя внимание нацистов. Рудольф Гесс представил Дарре Гитлеру, на которого тот произвел такое впечатление, что фюрер поручил ему разработать соответствующую аграрную программу партии. После отстранения в июне 1933 года Гугенберга министром продовольствия и сельского хозяйства стал Дарре. К сентябрю он подготовил планы преобразования немецкого сельского хозяйства. Два основных закона, принятые в том же месяце, были направлены на реорганизацию всей структуры

производства и сбыта сельскохозяйственной продукции с целью обеспечения роста цен на нее в интересах земледельцев. Одновременно немецкий крестьянин обретал новый статус, что достигалось, как это ни парадоксально, возвращением к феодальным временам, когда земледелец и его наследники в принудительном порядке пожизненно закреплялись за своим наделом земли (при условии, что они являлись немцами арийского происхождения).

Закон о наследовании земли от 29 сентября 1933 года представлял собой причудливую смесь положений: с одной стороны, согласно этому закону крестьянство отбрасывалось в средневековье, с другой — закон защищал крестьян от злоупотреблений. Все фермы с земельными угодьями размером до 308 акров (125 гектаров), которые могли обеспечить семье землевладельца приличное существование, были объявлены наследственными владениями, подпадающими под юрисдикцию древних законов о наследовании земли без права отчуждения. Их нельзя было продать, разделить, заложить или передать в уплату за долги. После смерти владельца они должны были передаваться по наследству старшему или младшему сыну в зависимости от местных обычаев или ближайшему родственнику по мужской линии, который обязан был предоставлять средства на содержание и образование своих братьев и сестер до их совершеннолетия. Владеть такими угодьями мог лишь немецкий гражданин арийского происхождения, доказавший чистоту своей крови вплоть до 1800 года. Лишь такой человек, как определил закон, мог носить «почетный титул» бауэра, или крестьянина, которого он мог лишиться в случае, если нарушал «крестьянский кодекс чести» или прекращал активно вести хозяйство из-за физического состояния или по какой-либо другой причине. Таким образом, в начале существования третьего рейха увязший в долгах немецкий земледелец был избавлен от угрозы потерять свой надел, скажем, в результате просрочивания уплаты по закладной, или от постепенного его сокращения (теперь не было необходимости продавать часть его для уплаты долга). Но в то же время он был привязан к земле так же нерасторжимо, как крепостной в феодальную эпоху.

Любая сторона его жизни и работы теперь строго регламентировалась продовольственным управлением рейха, которое Дарре учредил на основании закона от 13 сентября 1933 года. Это была большая организация, распоряжавшаяся любым видом сельскохозяйственного производства, переработки и сбыта продукции. В качестве лидера крестьянства в рейхе Дарре лично возглавлял это управление. Он преследовал две главные цели — установить для земледельцев твердые и выгодные цены и превратить Германию в страну, которая полностью обеспечивала бы себя продовольствием.

Насколько это удалось? Вначале земледелец, интересами которого так долго пренебрегало государство, занятое предпринимателями и рабочими, разумеется, был польщен таким вниманием к себе — как к «национальному герою и уважаемому гражданину». Еще больше остался он доволен повышением цен на сельскохозяйственную продукцию, которое Дарре осуществил путем простой волевой фиксации их на уровне, обеспечивающем крестьянину прибыль. В первые два года нацистского правления оптовые цены ни сельхозпродукцию выросли на 20 процентов (на овощи, молочные продукты и скот цены повысились даже немного больше). Но эта выгода была частично сведена на нет ростом цен на предметы, которые земледелец вынужден был покупать, прежде всего на машины и удобрения.

Что касается второй цели — самообеспечения продовольствием, то нацистские лидеры считали ее достижение крайне важным, поскольку, как мы увидим, уже тогда замышляли войну. Но решит продовольственный вопрос они так и не смогли из-за количеств и качества производительной земли по сравнению с населением. Несмотря на все призывы нацистов, содержавшиеся в широко раз рекламированной программе «Битва за сельхозпродукцию», страна смогла обеспечить себя продовольствием на 83 процента. Лишь за счет захвата чужих земель немцы стали получать столько продовольствия, что смогли продержаться всю вторую мировую войну.

Экономика третьего рейха

Успех Гитлера в первые годы его правления опирался только на достижения внешней политики, которая обеспечила бескровные завоевания, но и на экономическое возрождение Германий, которое в партийных кругах и даже среди некоторых зарубежных экономистов превозносилось как чудо. Очень многим так и могло показаться. Безработица — это проклятие 20 — начала 30-х годов сократилась, как мы видели, с шести миллионов в 1932 году до менее одного миллиона спустя четыре года. За период с 1932 по 1937 год национальное промышленное производство возросло на 102 процента, а национальный доход удвоился. Стороннему наблюдателю Германия середины 30-х годов могла показаться огромным пчелиным ульем. Колеса индустрии вращались все быстрее, и каждый трудился изо всех сил.

В течение первого года экономическая политика нацистов, которая в значительной мере определялась д-ром Шахтом (на Гитлера она наводила тоску, поскольку в экономических вопросах он был почти полным невеждой), сводилась к усилиям трудоустроить всех безработных путем резкого увеличения фронта общественных работ и стимулирования частного предпринимательства. Безработным был предоставлен правительственный кредит в виде специальных векселей. Значительно снизились налоги для тех компаний, которые расширяли капитальные вложения и обеспечивали рост занятости.

Но истинной основой возрождения Германии было перевооружение, на которое начиная с 1934 года нацистский режим направил все усилия предпринимателей и рабочих наряду с усилиями военных.

Вся экономика Германии, которая на нацистском жаргоне именовалась военной экономикой, была намеренно организована так, чтобы функционировать не только во время войны, но и в мирное время, также ориентированное на войну. В своей опубликованной в Германии в 1935 году книге «Тотальная война», название которой было неверно переведено на английский как «Нация во время войны», генерал Людендорф подчеркивал необходимость тотальной мобилизации экономики страны, как и всего остального, чтобы надлежащим образом подготовиться к тотальной войне. Эта идея была не нова для нацистов. В течение XVIII-XIX веков Пруссия, как мы убедились, направляла около 5/7 государственного дохода на армию и вся ее экономика всегда рассматривалась в первую очередь как орудие обеспечения военной политики, а не народного благосостояния. Теперь нацистскому режиму оставалось лишь реализовать идею военной экономики с поправкой на третье десятилетие XX века. Результаты косвенно подытожил начальник военно-экономического штаба

генерал-майор Георг Томас: «Истории известны лишь несколько случаев, когда страна даже в мирное время намеренно и систематически направляла весь свой экономический потенциал на нужды войны, как это имеет место в случае с Германией, которая была вынуждена поступить так в период между двумя мировыми войнами».

Германия, конечно, не была «вынуждена» готовиться к войне в таких масштабах — это было преднамеренным решением Гитлера. В секретном Законе об обороне от 21 мая 1935 года он назначил Шахта полномочным генералом военной экономики, обязав его «начать свою работу еще в мирное время» и предоставив ему власть для руководства «экономической подготовкой к войне». Несравненный д-р Шахт не стал ждать наступления весны 1935 года, чтобы начать расширенное строительство немецкой военной экономики. 30 сентября 1934 года, менее чем через два месяца после своего назначения министром экономики, он представил на рассмотрение фюрера «Доклад о ходе работы по экономической мобилизации по состоянию на 30 сентября 1934 года», в котором с гордостью подчеркивал, что на министерство «возложена экономическая подготовка к войне». 3 мая 1935 года, за четыре недели[70] до своего назначения полномочным генералом военной экономики, Шахт вручил Гитлеру составленную им лично памятную записку, которая начиналась с утверждения, что «осуществление программы вооружения в надлежащем темпе и в необходимых масштабах есть прямая (подчеркнуто им. — Авт.) задача немецкой политики, поэтому все остальное должно быть подчинено этой цели». Шахт пояснил Гитлеру, что, поскольку вооружения приходилось маскировать вплоть до 16 марта 1935 года (когда Гитлер объявил о призыве в армию для формирования 36 дивизий), на первом этапе необходимо использовать печатный станок для изготовления денег на финансирование вооружений. Он отметил также с ухмылкой, что средства, конфискованные у врагов государства (в основном у евреев) или снятые, например, с замороженных иностранных счетов, позволили оплатить пушки. И похвастался: «Таким образом, расходы на наши вооружения частично покрывались за счет кредитов наших политических врагов».

Хотя во время суда на Нюрнбергском процессе он, набросив; на себя личину невинности, протестовал против предъявленных. ему обвинений в участии в нацистском заговоре в целях подготовки агрессивной войны и заявил, что действовал как раз наоборот, — правда заключается в том, что никто иной не нес большей ответственности за экономическую подготовку войны, спровоцированную Гитлером в 1939 году, чем Шахт. Это полностью признавало и командование немецкой армии. По случаю 60-летия Шахта армейский журнал «Милитервохенблатт» в номере от 22 января 1937 года превозносил его как «человека, который сделал экономически возможным восстановление вермахта». И далее читаем: «Силы обороны обязаны огромным способностям Шахта тем, что, несмотря на все финансовые трудности, они смогли из армии, насчитывавшей 100 тысяч человек, вырасти до уровня их современной мощи».

Присущее Шахту умение виртуозно устраивать финансовые дела было направлено на оплату подготовки третьего рейха к войне. Печатание банкнотов было лишь одной из его уловок. Он проворачивал махинации с

валютой так ловко, что, как подсчитали иностранные экономисты, немецкая марка одно время обладала 237 различными курсами сразу. Он заключал поразительно выгодные для Германии товарообменные сделки с десятками стран и, к удивлению ортодоксальных экономистов, успешно демонстрировал, что, чем больше ты должен стране, тем шире можешь развернуть с ней бизнес. Создание им системы кредита в стране, у которой мало ликвидного (легко реализуемого) капитала и почти нет финансовых резервов, стало находкой гения или, как говорили некоторые, ловкого манипулятора. Изобретение им так называемых векселей «мефо» может служить тому примером. Это были векселя, выдаваемые Рейхсбанком и гарантируемые государством. Использовались они для выплат компаниям по производству вооружений. Векселя принимались всеми немецкими банками, а затем учитывались немецким Рейхсбанком. Они не фигурировали ни в бюллетенях национального банка, ни в государственном бюджете, что позволяло сохранить в секрете масштабы перевооружения Германии. С 1935 по 1938 год они использовались исключительно для финансирования перевооружения и оценивались в 12 миллиардов марок. Разъясняя однажды их функцию Гитлеру, министр финансов граф Шверин фон Крозиг робко заметил, что они были всего лишь способом «печатать деньги».

В сентябре 1936 года в связи с передачей четырехлетнего плана под жесткий контроль Геринга, который стал вместо Шахта диктатором экономики, хотя был в этой области почти таким же невеждой, как Гитлер, Германия перешла к системе тотальной военной экономики. Целью четырехлетнего плана было превратить за четыре года Германию в страну, которая сама обеспечивала бы себя всем необходимым, чтобы в случае войны ее не смогла удушить военная блокада. Импорт был сокращен до минимума, был введен жесткий контроль за ценами и размером заработной платы, дивиденды ограничивались 6 процентами годовых, строились огромные заводы по производству синтетического каучука, тканей, горючего и другой продукции из собственного сырья. Были также построены гигантские заводы Германа Геринга, производившие сталь из местной низкосортной руды. Короче говоря, немецкая экономика была мобилизована на нужды войны, а промышленники, доходы которых резко подскочили, превратились в винтики военной машины. Их деятельность была скована такими ограничениями, такой огромной отчетностью, что д-р Функ, сменивший Шахта в 1937 году на посту министра экономики, а в 1939 году на посту президента Рейхсбанка, был вынужден с сожалением признать, что «официальная отчетность теперь составляет более половины всей деловой переписки предпринимателей» и что ведение «немецкой внешней торговли предполагает заключение 40 тысяч отдельных сделок ежедневно и на каждую из них необходимо заполнить 40 различных документов».

Заваленные горами бумаг, постоянно получающие указания от государства, что, сколько и по какой цене производить, отягощенные растущими налогами, облагаемые нескончаемыми крупными «специальными отчислениями» на партию, промышленники и коммерсанты, которые с таким энтузиазмом приветствовали установление гитлеровского режима, поскольку рассчитывали, что он уничтожит профсоюзы и позволит им беспрепятственно заниматься свободным предпринимательством, теперь ощутили глубокое разочарование. Одним из них был Фриц Тиссен, который в числе первых сделал наиболее щедрые отчисления в кассу партии. Бежав из Германии накануне войны, он признал, что «нацистский режим разрушил немецкую промышленность», и всем, кого встречал за рубежом, говорил: «Ну и дурак же я был!»

Поначалу, однако, бизнесмены тешили себя надеждами, что нацистское правление ниспослано им в ответ на все их молитвы. Бесспорно, «неизменная» партийная программа провозглашала зловещие призывы национализировать тресты, справедливо делить доходы в оптовой торговле, «коммунилизировать универмаги, сдавая торговые места в них за невысокую плату внаем мелким торговцам» (пункт 16 программы), провести земельную реформу и отменить проценты на закладные, но промышленники и финансисты вскоре поняли, что в намерения Гитлера не входило считаться с каким бы то ни было ее пунктом, что радикальные обещания были включены в нее лишь для того, чтобы получить голоса избирателей В течение первых нескольких месяцев 1933 года ряд партийных радикалов попытались было установить контроль над ассоциациями предпринимателей, взять на себя управление крупнейшими универмагами и учредить корпоративное (с местным самоуправлением) государство по примеру того, какое пытался создать Муссолини, однако Гитлер быстро добился их замены консервативными предпринимателями. Один из них, Готфрид Федер, бывший в числе первых наставников Гитлера в области экономики, человек со странностями, стремившийся упразднить «процентное рабство», получил пост помощника министра экономики. Но его шеф, д-р Карл Шмидт, страховой магнат, всю жизнь занимавшийся выдачей ссуд и получением на них процентов, не давал ему никакой работы, а когда позднее министерство возглавил Шахт, он и вовсе освободился от услуг Федера.

Мелкие предприниматели, первоначально являвшиеся одной из главных опор партии и многого ожидавшие от канцлера Гитлера, по меньшей мере многие из них, вскоре обнаружили, что их постепенно ликвидируют и вынуждают вновь влиться в ряды тех, кто живет на зарплату. После принятия законов в октябре 1937 года все корпорации с капиталом менее 40 тысяч долларов просто распустили, запретив создавать новые с капиталом менее 200 тысяч долларов. Это сразу привело к сокращению числа мелких фирм на одну пятую. Но крупные картели, которым покровительствовала даже Веймарская республика, получили со стороны нацистов дополнительную поддержку. По закону от 15 июля 1933 года их создание фактически было признано обязательным. Министерству экономики предоставлялось право принудительно создавать новые картели и предписывать фирмам объединяться с существующими. Нацисты сохранили систему промышленных и торговых ассоциаций, образованных во времена республики в огромном количестве. Однако в соответствии с основополагающим законом от 27 февраля 1934 года они были реорганизованы на четких принципах подчиненности и поставлены под контроль государства. Все предприятия были обязаны входить в соответствующие ассоциации. Во главе этой невероятно сложной структуры стояла Экономическая палата рейха, президентом которой назначался государством. Ей подчинялись семь национальных экономических групп, двадцать три экономические палаты, сто палат промышленности и торговли и семьдесят палат кустарных ремесел. В этой запутанной, как лабиринт, системе, среди бесчисленного количества отделов и агентств министерства экономики и управлений четырехлетнего плана, среди похожей на ниагарский водопад лавины специальных законов и указаний часто терялся даже опытный бизнесмен, поэтому, чтобы обеспечить деятельность фирме приходилось нанимать специальных адвокатов. Неудивительно, что взятки за то, чтобы найти путь к нужному высокопоставленному виновнику, принимавшему решения, от которых зависело размещение заказов, взятки за то, чтобы обойти бесчисленные правила и инструкции, изданные правительством и торговыми ассоциациями, достигли в третьем рейхе астрономических цифр.

«Экономической необходимостью» назвал эту систему в беседе с автором книги один бизнесмен.

Однако, несмотря на столь беспокойную жизнь, предприниматель извлекал немалую прибыль. Доходы от перевооружения получала главным образом тяжелая промышленность. С 2 процентов в удачном 1926 году, году промышленного бума, они выросли до 6,5 процента в 1938 году. Даже закон, ограничивавший прибыль 6 процентами, не создавал трудностей компаниям, скорее наоборот. В теории согласно закону вся прибыль сверх 6 процентов шла на приобретение облигаций правительственных займов, об изъятии ее не могло быть и речи. На практике же большинство фирм вкладывали эту невыплаченную прибыль в собственное дело. Со 175 миллионов марок в 1932 году она возросла до 5 миллиардов марок в 1938 году, когда общие накопления в сберегательном банке достигли лишь 2 миллиардов марок, или менее половины суммы невыплаченных прибылей. Общая сумма выплаченной прибыли в виде дивидендов составила лишь 1,2 миллиарда марок. Помимо чувства удовлетворения от получения повышенных барышей, предприниматель был доволен также тем, что Гитлер поставил рабочих на место. Отныне не раздавались неоправданные требования повысить заработную плату. В действительности она была даже несколько урезана, несмотря на рост стоимости жизни на 25 процентов. Главное — не было так дорого обходившихся забастовок. Практически же их не было вообще — проявления подобных беспорядков в третьем рейхе были запрещены.

Подневольный труд

Лишенный профсоюзов, коллективных договоров и права на забастовки, немецкий рабочий стал в третьем рейхе промышленным рабом, зависимым от своего хозяина-предпринимателя в такой же степени, как средневековые крепостные от феодала. Так называемый Рабочий фронт, который теоретически заменил профсоюзы, не являлся представительным органом рабочих. Согласно закону от 24 октября 1934 года, которым он был учрежден, Рабочий фронт представлял собой «организацию творчески настроенных немцев, имеющих голову и кулаки». Он включал не только рабочих и служащих, но и предпринимателей и лиц других профессий. По существу, это была широкая пропагандистская организация — «гигантская фальшивка», как называли ее некоторые рабочие. Его целью, как формулировал это закон, была не защита рабочих, а «создание истинно социального и производительного сообщества всех немцев». Его задачей было следить за тем, чтобы каждый индивидуум «был способен… выполнять максимум работы». Рабочий фронт не был самостоятельной административной организацией, а подобно любой другой организации в нацистской Германии, кроме армии, являлся составной частью НСДАП, или, по определению Тиссена, «инструментом партии». Закон от 24 октября действительно предусматривал, что руководители Рабочего фронта должны выдвигаться из партийных рядов, из членов нацистских союзов, СА и СС, что и осуществлялось на практике.

Ранее закон от 20 января 1934 года о регулировании использования национальных трудовых ресурсов, известный под названием «Рабочая хартия», поставил рабочего на место, а предпринимателя поднял до его прежнего положения абсолютного хозяина. В его исполнение, разумеется, могло вмешиваться всемогущее государство. Предприниматель теперь становился

главой предприятия, а рабочие и служащие людьми, «руководимыми» им. Статья 2 закона определяла, что «глава предприятия принимает решения в отношении служащих и рабочих по всем вопросам, касающимся предприятия». И подобно тому, как в древнейшие времена землевладелец считался ответственным за благополучие своих подданных, так по нацистскому закону предприниматель нес ответственность за благополучие своих служащих и рабочих. Как предусматривал закон, «в свою очередь служащие и рабочие должны платить ему верностью», то есть должны были работать напряженно и много, не вступать в спор и не проявлять недовольства, в том числе размером зарплаты.

Зарплата устанавливалась так называемыми рабочими опекунами, которые назначались Рабочим фронтом. На самом же деле они определяли размер зарплаты по указанию предпринимателя, даже совещания с рабочими по этому вопросу закон не предусматривал. Хотя после 1936 года в военной промышленности недоставало рабочих рук и некоторые предприниматели попытались поднять зарплату, чтобы привлечь людей, государство понизило тарифы, и зарплата осталась на прежнем уровне. Гитлер не скрывал причин, по которым зарплата умышленно сохранялась на низком уровне. «Национал-социалистское руководство всегда придерживалось железного принципа, — заявил он в первые годы существования режима, — не допускать повышения уровня почасовой оплаты, а поощрять увеличение заработка только за счет увеличения интенсивности труда». В стране, где большинство тарифов заработной платы основывалось на сдельщине, это означало, что рабочий мог заработать больше только путем повышения интенсивности труда и увеличения продолжительности рабочего дня.

По сравнению с Соединенными Штатами, если сделать скидку на разницу в уровне жизни и социальных услуг, средний уровень зарплаты в Германии всегда был на низком уровне. При нацистском же режиме он еще больше понизился. Согласно данным статистического управления рейха, заработная плата квалифицированных рабочих сократилась с 20,4 цента в час в 1932 году, в пору наибольшей депрессии, до 19,5 цента в середине 1936 года. Почасовая заработная плата неквалифицированных рабочих понизилась с 16,1 до 13 центов. В 1936 году на партийном съезде в Нюрнберге д-р Лей заявил, что среди членов Рабочего фронта средний заработок рабочего при полной занятости составляет 6,95 доллара в неделю. Средний же заработок немецкого рабочего по всей стране, согласно данным статистического управления, составлял 6,29 доллара.

Хотя в стране появились миллионы новых рабочих мест, доля всех немецких рабочих в национальном доходе упала с 56,9 процента в 1932 году (время депрессии) до 53,6 процента в 1938 году (время экономического бума). Одновременно доля прибыли с капитала и прибыли торгово-промышленных фирм в национальном доходе возросла с 17,4 до 26,6 процента. Верно, что вследствие значительно возросшей занятости населения поступления от налогов с заработной платы рабочих и служащих в общий доход выросли с 25 до 42 миллиардов марок, то есть на 66 процентов. Однако прибыли с капитала и прибыли торгово-промышленных фирм выросли еще больше — на 146 процентов. Все пропагандисты третьего рейха, начиная с Гитлера, в своих публичных выступлениях обычно разражались тирадами против буржуазии и капиталистов и ратовали за солидарность с рабочими, но трезвые подсчеты официальной статистики, которыми, вероятно, мало кто занимался в

Германии, показывали, что именно капиталисты, а не рабочие больше всего выиграли от нацистской политики.

Наконец, упал и чистый заработок немецкого рабочего. Помимо значительного подоходного налога, обязательных отчислений на случай болезни, страховых взносов на случай потери работы или трудоспособности, взносов в Рабочий фронт, каждого рабочего, занятого ручным трудом, как и всякого другого рабочего в нацистской Германии, постоянно принуждали выплачивать возрастающие поборы различные нацистские благотворительные общества, главным из которых было общество «Зимняя помощь». Многие рабочие потеряли работу потому, что не смогли сделать взносы в эту организацию, или потому, что их взносы оценили как слишком скромные. Такие факты, по определению одного «рабочего суда», поддерживавшего увольнение рабочего без предупреждения, «являют собой поведение, враждебное человеческому сообществу… и должны быть строго осуждены». По подсчетам, проведенным в середине 30-х годов, налоги и взносы составляли от 15 до 35 процентов общего заработка рабочего. После вычетов из суммы 6,95 доллара в неделю не слишком много оставалось на оплату жилья, питания, одежду и отдых.

Подобно средневековым крепостным, рабочие гитлеровской Германии оказывались все более привязаны к своему рабочему месту, хотя привязывал их к нему не столько предприниматель, сколько государство. Мы уже видели, как законом о наследовании земли был прикреплен к земле крестьянин в третьем рейхе. Подобным образом прикреплялся к земле и не имел права оставить ее ради работы в городе и сельскохозяйственный рабочий. Следует сказать, что это был единственный нацистский закон, которому практически не подчинялись, — между 1933 и 1939 годом более одного миллиона (1 миллион 300 тысяч) сельскохозяйственных рабочих перешли на работу в промышленность и торговлю. Но промышленным рабочим этому закону пришлось подчиниться. Различные правительственные декреты, начиная с закона от 15 мая 1934 года, резко ограничили свободу перехода рабочих с одной работы на другую. С июня 1935 года государственные ведомства по учету занятости получили особые права. Теперь они решали, кого на какую работу следует нанимать и куда направлять.

В феврале 1935 года были введены «трудовые книжки», и ни один рабочий не мог быть принят на работу, если у него ее не было. В книжке велся учет его трудоустройства и роста квалификации. Трудовые книжки не только давали государству и предпринимателю все самые свежие данные о каждом работнике в стране, но и использовались для того, чтобы удерживать его на рабочем месте. Если он хотел перейти на другую работу, его хозяин мог задержать трудовую книжку, что не позволяло устроиться на другую работу. Наконец, 22 июня 1938 года управление четырехлетнего плана приняло специальное постановление, которое обязывало каждого немца отбывать трудовую повинность там, куда его направляло государство. Рабочие, уклонявшиеся от работы без уважительной причины, подвергались штрафу и тюремному заключению. Ясно, что у этой медали была и обратная сторона. Рабочий, отбывавший трудовую повинность, не мог быть уволен предпринимателем без согласия правительственного ведомства по учету занятости. Таким образом, у него была гарантия сохранения работы, что было редким явлением даже во времена республики.

Связанные по рукам и ногам жестким контролем, получавшие заработную плату немногим выше прожиточного минимума, немецкие рабочие, как и римские

пролетарии, получили возможность посещать увеселительные представления, устраиваемые правителями, чтобы отвлечь их внимание от своего жалкого существования. «Нам нужно было переключить внимание масс с материальных ценностей на моральные, — разъяснил однажды д-р Лей. — Гораздо важнее утолить духовный голод людей, чем заполнить их желудки».

И Лей выступил с идеей создания организации под названием «Сила через радость». Она обеспечивала то, что можно было назвать унифицированным досугом. При тоталитарной диктатуре XX века, пожалуй, как и при более ранних, необходимо было держать под контролем не только рабочее, но и свободное время каждого индивидуума. Этим и занималась «Сила через радость». Во времена нацизма в Германии насчитывалось несколько десятков тысяч клубов, занимавшихся буквально всем, начиная с шахмат и футбола и кончая певчими птицами. При нацистах не разрешалось существовать ни одной группе, будь она общественная, спортивная или развлекательная, иначе как под контролем организации «Сила через радость».

Рядовой немец третьего рейха, конечно, предпочитал эту всеобъемлющую организацию по обеспечению отдыха и досуга, чтобы не оказаться предоставленным самому себе. Она, например, организовала для членов Рабочего фронта очень дешевые туристские поездки и морские путешествия. Для «Силы через радость» д-р Лей построил два парохода водоизмещением по 25 тысяч тонн, один из которых назвал в свою честь, а также зафрахтовал десять судов для океанских круизов. Автору этой книги однажды довелось побывать в таком круизе, и, хотя жизнь на пароходах была заорганизована нацистскими лидерами до изнурения (по крайней мере, так мне показалось), немецкие рабочие были довольны тем, как хорошо провели они время. И по бросовой цене! Например, круиз на остров Мадейру стоил всего 25 долларов, включая проезд по железной дороге до немецкого порта и обратно. Так же недорого обходились и прочие увеселительные поездки. Организация заполучила пляжи на морском побережье и около озер, предоставляя их тысячам отдыхающих в летнее время. Одним из них был пляж на острове Рюген на Балтийском море, оборудование которого не успели закончить до войны и который был рассчитан на размещение в близлежащих отелях 20 тысяч человек. В зимнее время устраивались специальные поездки на лыжные базы в Баварских Альпах, и стоило это 11 долларов в неделю, включая проезд на автобусе, жилье, питание, прокат лыж и занятия с инструктором. Массовые занятия различными видами спорта организовывались исключительно через посредство «Силы через радость». По официальным данным, они охватывали ежегодно до 7 миллионов человек.

Организация распространяла по дешевой цене билеты в театры, оперу и на концерты, делая эти культурные развлечения для избранных доступными для простых трудящихся, чем часто хвастались нацистские деятели. «Сила через радость» имела свой собственный симфонический оркестр в составе девяноста человек, который постоянно гастролировал по стране, часто давая концерты в небольших городах и селениях, где хорошая музыка была, как правило, недоступна. Наконец, эта организация прибрала к рукам более 200 учебных заведений для взрослых. Зародившись в Скандинавии, эти заведения получили распространение и в Германии, особенно широко во времена республики. «Сила через радость» продолжала курировать их, включив в программы солидную порцию нацистской идеологии.

В конечном счете рабочим пришлось расплачиваться и за посещение увеселительных представлений. Годовой доход от выплаты взносов в Рабочий фронт достиг, по данным д-ра Лея, в 1937 году 160 миллионов долларов, а к началу войны превысил 200 миллионов. Правда, здесь не было точной отчетности (ее контролировало не государство, а финансовый отдел партии, который никогда не публиковал своих отчетов). 10 процентов поступлений предназначалось Для «Силы через радость». Оплата же отдыхающими стоимости туристических поездок и увеселительных мероприятий, как ни мизерна она была, принесла в год, предшествовавший войне, 1,25 миллиарда долларов. И еще один вид поборов лежал на тех, кто жил на зарплату. Рабочий фронт, как крупнейшая и единственная в стране Рабочая партийная организация численностью 25 миллионов членов, обладал раздутым бюрократическим аппаратом, насчитывавшим десятки тысяч служащих, занятых полный рабочий день. По проверенным подсчетам, фактически 20–25 процентов поступлений шли на содержание этого аппарата.

Здесь следует упомянуть хотя бы об одной мошеннической уловке Гитлера в отношении немецких рабочих. Она связана с «фольксвагеном» — бредовой идеей самого фюрера, который заявил, что каждый немец или, по меньшей мере, каждый немецкий рабочий должен иметь собственный автомобиль, как, скажем, рабочий Соединенных Штатов. В стране, где до сего времени один автомобиль приходился на пятьдесят человек (для сравнения — в США один автомобиль приходился на пять человек) и где трудящиеся пользовались велосипедом либо общественным транспортом, Гитлер распорядился создать автомобиль стоимостью всего 990 марок, то есть 396 долларов по официальному обменному курсу. Он лично, по его словам, приложил руку к конструированию автомобиля, которое осуществлялось под руководством австрийского конструктора д-ра Фердинанда Порше.

Поскольку частное производство не способно выпускать автомобили по цене 396 долларов, Гитлер распорядился, чтобы его выпуском занялось государство, и возложил эту задачу на Рабочий фронт. Организация д-ра Лея тогда же, в 1938 году, рьяно взялась за строительство в Фаллерслебене, близ Брауншвейга, «крупнейшего автомобильного завода в мире» производительностью 1,5 миллиона машин в год — «больше, чем у Форда», как заявляли нацистские пропагандисты. Рабочий фронт выделил капитал в размере 50 миллионов марок, но это не было основной частью финансирования. Хитроумный план Лея состоял в том, чтобы сами рабочие вложили необходимые средства, выплачивая денежные взносы в счет будущей покупки в размере 5 марок в неделю, а то и 10 или даже 15, если это им по карману. План этот стал известен под названием «Выплати, прежде чем получить». Уплатив 750 марок, будущий покупатель получал номерной ордер, позволявший получить машину, как только она сойдет с конвейера. К сожалению для рабочих, ни один автомобиль с конвейера не сошел и не был приобретен за все время существования третьего рейха. Немецкие же трудящиеся выплатили десятки миллионов марок, из которых им не возместили ни пфеннига. К началу войны заводы «Фольксваген» были переоборудованы на выпуск более необходимой для армии продукции.

И хотя немецкий рабочий, одурачиваемый как в вышеприведенном случае, так и во многих других, был низведен, как мы убедились, до уровня промышленного крепостного, получающего зарплату, которая обеспечивала лишь прожиточный минимум, и хотя он менее, чем представитель любого другого класса, был склонен поддерживать нацизм или поддаваться его

назойливой пропаганде, он, по-видимому, не так уж сильно сетовал на свое униженное положение в третьем рейхе. Колоссальная немецкая военная машина, обрушившая свою мощь на Польшу на рассвете 1 сентября 1939 года, никогда бы не была создана, если бы не исключительный вклад немецкого рабочего, жившего и трудившегося в соответствии со строжайшей регламентацией, а подчас и подвергавшегося террору — в таком положении оказались и все остальные немецкие трудящиеся, приученные за столетие к беспрекословному подчинению. Возможно, это не слишком умные обобщения, однако личное мнение автора этой книги о рабочих Берлина и Рура таково: хотя они и относились подчас скептически к обещаниям нацистских властей, они не больше, чем кто-либо другой в третьем рейхе, стремились восстать против него. Впрочем, рабочие часто задавались вопросом: что могли они, лишенные организации и руководства, предпринять.

Но основная причина того, что рабочий класс примирился с этой ролью в нацистской Германии, без малейшего сомнения, коренилась в наличии у него работы и гарантии, что он ее не потеряет. Очевидцы, знающие об опасном и трудном положении, в котором пребывали рабочие в период Веймарской республики, могут понять, почему они не очень забеспокоились по поводу утраты политической свободы и даже собственных профсоюзов, пока были заняты полную рабочую неделю. В прошлом для многих, точнее, для 6 миллионов человек и их семей политические свободы в Германии сводились, по выражению рабочих, к свободе голодать. Лишив рабочих этой последней свободы, Гитлер заручился поддержкой класса, пожалуй, самого квалифицированного, трудолюбивого и дисциплинированного в западном мире, и поддержку свою этот класс оказал не надуманной идеологии или чудовищным намерениям Гитлера, а фактически производству военной продукции.

Правосудие в третьем рейхе

С первых дней 1933 года, когда по стране, оказавшейся под пятой национал-социализма, с одобрения властей прокатилась волна массовых арестов, избиений и убийств, национал-социалистская Германия перестала быть обществом, в котором соблюдалась законность. «Гитлер — вот закон!» — гордо провозгласили юридические светила нацистской Германии, а Геринг в беседе с прусскими прокурорами 12 июля 1934 года особо подчеркнул это: «Закон и воля фюрера неразделимы». И это соответствовало действительности. Законом стало то, что сказал диктатор, а в моменты кризиса, например во время «кровавой чистки», о чем стало известно из речи в рейхстаге, произнесенной им сразу же после кровавого злодеяния, он сам будет, как он заявил, «верховным судьей» германского народа, во власти которого казнить или миловать любого сообразно его желанию.

В период республики подавляющее число судей, подобно большинству протестантского духовенства и университетских профессоров, искренне недолюбливали веймарский режим и своими действиями, как считали многие, вписали самые мрачные страницы в историю Германской республики, приблизив тем самым ее конец. Но по веймарской конституции судьи были независимы, подчиняясь лишь закону. Они были гарантированы от отстранения от должности по воле вышестоящих властей и призваны, по крайней мере теоретически, в соответствии со статьей 109 конституции обеспечивать все общее равенство перед законом. Большинство из них симпатизировали

национал-социализму, но едва ли были готовы к тому обращению, которому они подверглись, едва Гитлер пришел к власти Закон о государственной службе от 7 апреля 1933 года был распространен на все магистраты и предписывал немедленно изгнать из судов не только евреев, но и тех, кто ставил под сомнение нацистскую идеологию, или, как это было записано в законе, тех, «кто давал повод считать, что он не готов постоянно содействовать национал-социалистскому государству». Разумеется, немногих судей уволили по этому закону, но им дали ясно понять, в чем отныне состоял их служебный долг. Чтобы удостовериться, что они это поняли, комиссар юстиции и глава правосудия в рейхе д-р Ганс Франк заявил юристам в 1936 году: «Фундамент всех основных законов — это национал-социалистская идеология, в особенности же ее истолкование в партийной программе и речах фюрера».

И далее д-р Франк разъяснил, как он это понимает: «При национал-социализме не существует независимости закона. Вынося любое решение, спросите самих себя: «А как бы фюрер поступил на моем месте? Согласуется ли это решение с национал-социалистской совестью германского народа?» Только в этом случае вы получите твердое, прочное как сталь основание, которое в сочетании с единством национал-социалистского народного государства и наряду с признанием вами вечной сущности и бессмертия воли Адольфа Гитлера наделит ваше решение авторитетом третьего рейха, и так будет всегда».

Смысл сказанного был достаточно ясен, как и принятый в следующем году новый закон о государственной службе (закон от 26 января 1937 года), требовавший увольнения любого государственного служащего, в том числе и судьи, который был «политически неблагонадежен». Более того, всем юристам предписывалось вступить в Лигу национал-социалистских немецких юристов, где им часто делали внушения в духе Франка.

Однако некоторые судьи, хотя они, возможно, и были настроены антиреспубликански, не слишком горячо восприняли партийную линию. В своей практике они пытались опираться на закон. Примером этого может служить принятое верховным судом Германии решение оправдать на основе свидетельских показаний троих из четырех коммунистов, обвиненных в поджоге рейхстага. Суд над ними состоялся в марте 1934 года (лишь Ван дер Люббе, полусумасшедший голландец, сознался и был признан виновным). Это настолько распалило Гитлера и Геринга, что месяц спустя, 24 апреля 1934 года, право вести судебные дела о государственной измене, которые до тех пор подпадали под юрисдикцию верховного суда, было отобрано у этого внушающего благоговейный страх органа и передано народному суду, ставшему вскоре самым страшным в стране трибуналом. Он состоял из двух профессиональных судей и пяти судей из числа партийных деятелей, службы СС и вооруженных сил. Этой части суда давалось право принимать решения большинством голосов. Апелляции на вынесенные им решения и приговоры подавать запрещалось, заседания проходили, как правило, при закрытых дверях. Однако иногда в пропагандистских целях, когда ожидалось вынесение относительно мягких приговоров, на его заседаниях разрешалось присутствовать иностранным корреспондентам.

Так, в 1935 году автору этой книги довелось однажды присутствовать на заседании народного суда. Меня поразила царившая там обстановка военно-полевого трибунала, мало похожая на заседание обычного гражданского суда.

Разбирательство велось в течение одного дня, представить суду свидетелей защиты было практически невозможно (да разве нашелся бы тот, кто отважился выступить в защиту обвиняемого в «государственной измене»?), а доводы защитников, являвшихся «квалифицированными специалистами» из числа нацистов, были до смешного слабы. При чтении газет, публиковавших лишь приговоры, создавалось впечатление, что большинство несчастных обвиняемых приговаривались к смерти. Число смертных приговоров никогда не объявлялось, хотя в декабре 1940 года наводивший ужас председатель народного суда Роланд Фрейслер (убитый во время войны американской бомбой, попавшей в здание суда во время заседания) заявил, что смертные приговоры были вынесены лишь 4 процентам обвиняемых.

Еще раньше (до зловещего народного суда) существовал специальный суд, который принимал к рассмотрению от обычных судов дела по политическим преступлениям или дела «о вероломных нападках на правительство», как определил закон от 21 марта 1933 года. Специальный суд состоял из трех судей, которым неизменно являлись испытанные члены нацистской партии, причем суд заседал без присяжных. Нацистский прокурор обладал правом выбора направлять дело в обычный или в специальный суд. По вполне понятным причинам он неизменно выбирал последний. Кандидатуры защитников для этого суда, так же как для народного суда, всякий раз утверждались нацистским начальством. Иногда, даже будучи утвержденными, защитники страшно боялись поступить опрометчиво. Так, защитники, пытавшиеся отстоять интересы вдовы д-ра Клаузенера, лидера организации «Католическое действие», убитого во время кровавой чистки, предъявившей государству иск о возмещении ущерба, были брошены в концлагерь Заксенхаузен, где их держали до тех пор, пока они официально не прекратили дело.

Гитлер, а некоторое время и Геринг имели право отменять судебное разбирательство. В документах Нюрнбергского трибунала всплыло дело, по которому министр юстиции настойчиво рекомендовал привлечь к суду высокопоставленного гестаповца и группу лиц из СС, против которых, как он считал, имелись улики, доказывавшие их вину, — применение пыток к заключенным концлагеря. Он направил материалы Гитлеру. Фюрер приказал дело прекратить. Геринг поначалу имел такие же полномочия. Однажды в апреле 1934 года он приостановил судебное разбирательство против одного промышленника. Вскоре обнаружилось, что обвиняемый заплатил ему около трех миллионов марок. Известный в то время в Берлине адвокат Герхард Крамер прокомментировал это следующим образом: «Шантажировал ли Геринг промышленника или промышленник подкупил прусского премьер-министра — установить невозможно». Установить удалось лишь то, что Геринг прекратил дело.

Заместитель Гитлера Рудольф Гесс обладал правом прибегать «к беспощадным мерам» против обвиняемых, в отношении которых, по его мнению, был вынесен слишком мягкий приговор. Ему направлялись судебные приговоры на всех лиц, осужденных за нападки на партию, фюрера или государство, и если наказание не удовлетворяло его, то он назначал «беспощадные меры», которые обычно заключались в том, что осужденного бросали в концлагерь или убивали.

Следует сказать, что иногда судьи специального суда все же проявляли некоторую независимость и даже приверженность букве закона. В этих случаях вмешивались Гесс или гестапо. Так, когда специальный суд снял с пастора Нимеллера основные обвинения и приговорил его лишь к небольшому

сроку тюремного заключения, который он фактически уже отбыл за время следствия, гестапо схватило его на выходе из зала, где заседал суд, и отправило в концлагерь, ибо оно, как и Гитлер, тоже воплощало закон.

Первоначально гестапо было учреждено 26 апреля 1933 года для Пруссии по инициативе Геринга вместо прежнего управления разведки старой прусской политической полиции. Он намеревался назвать его тайным политическим управлением, но никому не известный почтовый служащий, которого попросили подсказать сокращение для нового отдела, предложил назвать его тайной государственной полицией — сокращенно гестапо. Таким образом, сам того не ведая, он придумал название, которое вселяло ужас сначала в Германии, а затем и за ее пределами.

Первоначально гестапо служило средством расправы с противниками режима для Геринга. Лишь в апреле 1934 года, когда он назначил Гиммлера заместителем начальника прусской тайной полиции, гестапо, как орган СС, стало расширяться и под неусыпным оком нового шефа, человека с мягкими манерами, но садистскими наклонностями, бывшего владельца куриной фермы, а также под началом Рейнхарда Гейдриха, молодого человека из «дьявольской касты», ставшего главой службы безопасности — СД, постепенно превратилось в карающий орган, в чьей власти находилась жизнь и смерть любого немца.

Еще в 1935 году прусский верховный административный суд под давлением нацистов принял постановление, в соответствии с которым приказы и действия гестапо не могли быть предметом разбирательства в судах (не подлежали пересмотру в судах?). Основной закон о гестапо, принятый правительством 10 февраля 1936 года, поставил эту тайную полицейскую организацию над законом. Судам запрещалось вмешиваться в действия гестапо в какой-либо форме. Как разъяснил д-р Вернер Бест, один из ближайших подручных Гиммлера, «до тех пор, пока полиция осуществляет волю руководства, она действует в рамках закона».

Покров «законности» был призван скрывать произвол гестапо при арестах и заточении жертв в концлагеря. Обозначалось это термином «охранный арест», а его применение определялось законом от 28 февраля 1933 года, который, как мы убедились отменял временно положения конституции, гарантировавшие гражданские права. Но «охранный арест» не ограждал человека от нанесения ему вреда, как это делается в более цивилизованных странах. Напротив, его наказывали, бросив за колючую проволоку.

В первый же год правления Гитлера концентрационные лагеря стали расти как грибы после дождя. К концу 1933 года их насчитывалось уже около пятидесяти, в основном созданных усилиями СА для избиения своих жертв и последующего вымогательства у их родственников и друзей приличного выкупа. В основном такие действия являлись грубой формой шантажа, впрочем, иногда узников убивали просто из садизма и жестокости. На Нюрнбергском процессе всплыло четыре таких случая, которые произошли весной 1933 года в концлагере СС Дахау, близ Мюнхена. В каждом из этих случаев заключенные были зверски убиты: кого забили насмерть кнутом, кого повесили. Протест заявил даже мюнхенский государственный прокурор. После «кровавой чистки» в июне 1934 года с открытым сопротивлением нацистскому режиму было покончено. Многие немцы посчитали, что отныне не будет ни массового террора с целью «охранного ареста», ни отправки в концлагеря. В канун рождества 1933 года Гитлер объявил об амнистии для 27 тысяч

заключенных концлагерей, но Геринг и Гиммлер проигнорировали его приказ и в действительности были освобождены лишь немногие. Примерно тогда же, в апреле 1934 года, министр внутренних дел Фрик, заскорузлый бюрократ, попытался ограничить случаи злоупотреблений со стороны нацистских головорезов, отдав секретные распоряжения, которые имели целью сдержать волну «охранных арестов» и сократить число направляемых в концлагеря. Однако Гиммлер убедил его отказаться от этой затеи. Эсэсовский фюрер более четко, чем министр, представлял себе цель концлагерей — не только наказывать врагов режима, но и терроризировать население одним фактом их существования, удерживать его даже от мысли о возможности сопротивления нацистскому правлению.

Вскоре после «кровавой чистки» Гитлер передал концлагеря под начало СС, которая решительно и беспощадно взялась за их реорганизацию, что, кстати сказать, всегда отличало действия этой привилегированной службы. Их охрана была возложена исключительно на подразделения СС «Мертвая голова», в состав которых набирали наиболее жестоких нацистов, призывавшихся на обязательную службу на 12 лет. На своих черных мундирах они носили отличительный знак в виде черепа со скрещенными костями. Начальником всех концентрационных лагерей был назначен командир первого охранного отряда СС «Мертвая голова» и первый комендант концлагеря Дахау Теодор Эйке. Плохо приспособленные для жизни лагеря снесли, а вместо них построили обширные, четко распланированные, наиболее известными из которых до войны (когда она началась, их стали создавать и на оккупационных территориях) были Бухенвальд около Веймара, Заксенхаузен, заменивший печально известный лагерь Ораниенбург под Берлином, Равенсбрюк в Мекленбурге (женский) и созданный после оккупации Австрии в 1938 году Маутхаузен, близ Линца. Названия эти, включая созданные позднее в Польше Аушвиц, Бельзек и Треблинку, теперь хорошо известны во всем мире.

В этих лагерях вплоть до того, когда наступала милосердная смерть, томились миллионы обреченных, а миллионы других подвергались издевательствам и пыткам, настолько ужасным, что мало кто способен представить их себе. Но вначале — в 30-е годы — численность узников нацистских концлагерей в Германии, по-видимому, не превышала 20–30 тысяч человек, а ужасные истязания и способы убийства, изобретенные и испытанные позднее палачами Гиммлера, еще не были в ту пору известны. Лагерям смерти, каторжным лагерям, лагерям, где узников использовали в качестве подопытных животных для нацистских «медицинских» экспериментов, предстояло появиться только в годы войны.

Но и первые лагеря отнюдь не славились гуманностью. Передо мной экземпляр правил поведения, разработанных для концлагеря Дахау и утвержденных 1 ноября 1933 года его первым начальником Теодором Эйке, который позднее стал начальником всех лагерей и распространил эти правила повсеместно.

«Статья 11. Нарушители нижеследующих правил считаются агитаторами и подлежат повешению, а именно:

? всякий, кто… занимается политикой, произносит агитационные речи, проводит собрания, организует группировки, слоняется без дела и отвлекает других;

? всякий, кто сообщает подлинные или лживые сведения о концлагере, а также распространяет россказни о зверствах для передачи врагам в целях ведения пропаганды, кто получает подобную информацию, хранит ее, разбалтывает другим, незаконно переправляет ее из лагеря иностранцам и т. п.

Статья 12. Нарушители нижеследующих правил считаются бунтовщиками и подлежат расстрелу на месте либо позднее повешению:

? каждый, кто нападает на охранника или офицера службы СС;

? каждый, кто отказывается повиноваться или работать по наряду;

? каждый, кто кричит, говорит громким голосом, подстрекает, выступает с речами во время движения в строю или во время работы».

Более мягкие наказания в виде двухнедельного одиночного заключения или в виде двадцати пяти ударов плетьми назначались «каждому, кто высказывает в письмах или других документах осуждающие замечания в адрес национал-социалистских вождей, государства или правительства… или кто восхваляет марксистских или либеральных лидеров старых демократических партий».

Заодно с гестапо действовала и служба безопасности. Аббревиатура СД вызывала страх в душе каждого немца, а позднее и у населения оккупированных стран. Созданная в 1932 году Гиммлером в качестве разведслужбы СС и переданная им под начало Рейнхарда Гейдриха, ставшего позднее известным как «вешатель Гейдрих», она вначале ставила своей целью следить за членами партии и докладывать начальству о любой их деятельности, вызывающей подозрения. В 1934 году она превратилась в разведывательный отдел тайной полиции, а законом от 1938 года ее деятельность распространилась на весь рейх.

Под опытной рукой Гейдриха, бывшего офицера разведки военно-морских сил, которого адмирал Редер уволил в 1931 году в возрасте двадцати шести лет за недостойное поведение, так как он, скомпрометировав дочь одного судостроителя, отказался жениться на ней, служба СД вскоре раскинула свои сети по всей стране. Около 100 тысяч осведомителей по совместительству, которые привлекались к слежке за каждым гражданином страны, должны были сообщать о любом его высказывании или деятельности, представлявшейся враждебной нацистскому режиму. Никто, если он только не был глупцом, никогда не позволял себе высказываний или действий, которые могли быть истолкованы как антинацистские, не убедившись сначала, что его не записывают тайно установленные магнитофоны и не подслушивают агенты СД. Осведомителем организации Гейдриха могли оказаться ваш сын, ваш отец, ваша жена, племянник или племянница, ваш близкий друг, ваш начальник или ваш секретарь. Ни в ком нельзя было быть уверенным, и, если вы были достаточно умны, ничего не следовало принимать на веру. В 30-е годы число профессиональных сыщиков СД, по-видимому, не превышало трех тысяч человек, причем большинство из них вербовались из рядов выбитых из колеи молодых интеллектуалов — выпускников университетов, которые не сумели

подыскать подходящей работы или хотя бы занять место в нормальном обществе. И среди этих профессиональных ищеек всегда царила странная атмосфера педантизма. Их отличал гипертрофированный интерес к таким побочным отраслям «науки», как тевтонская археология, изучение формы черепов низших рас, евгеника расы господ. Однако постороннему человеку было нелегко установить контакт с этими странными людьми, хотя самого Гейдриха, человека высокомерного, холодного и безжалостного, можно было встретить иногда в берлинском ночном клубе в окружении молодых белокурых головорезов. Они старались не привлекать к себе внимания не только в силу характера своей работы. Известно, что по меньшей мере в 1934–1935 годах те из них, кто следил за Ремом и его сообщниками из СА, были убиты тайной бандой, именовавшей себя «Мстители за Рема». Эту надпись они всегда прикалывали к трупам убитых. Одной из интересных, хотя и второстепенных, задач СД стало выяснение, кто голосовал «против» на плебисцитах, организованных Гитлером. Среди многочисленных документов, фигурировавших на Нюрнбергском процессе, имеется секретный Доклад СД из Кохема в связи с плебисцитом, проведенным 10 апреля 1938 года:

«При сем прилагается список лиц, проголосовавших «против», и тех, чьи бюллетени были признаны недействительными. Контроль был осуществлен следующим образом: члены избирательной комиссии проставили номера на всех бюллетенях. В ходе голосована был составлен список избирателей. Бюллетени раздавались в порядке очередности номеров, поэтому впоследствии оказалось возможным… выявить лиц, которые проголосовали «против», лиц, чьи бюллетени оказались недействительными. Номер проставлялся на обратной стороне бюллетеня симпатическими чернилами. При сем прилагается также бюллетень протестантского священника Альфреда Вольтерса».

16 июня 1936 года впервые в немецкой истории была учреждена объединенная полиция для всего рейха. Первоначально каждая земля формировала для себя полицию отдельно. Когда же начальником германской полиции назначили Гиммлера, это было равносильно передаче полиции в руки службы СС, власть которой с момента подавления «мятежа» Рема в 1934 году быстро усиливалась. Она стала не только преторианской гвардией, не только единственным вооруженным формированием партии, не только элитой, из рядов которой избирались впоследствии будущие вожди новой Германии, но и органом, обладавшим и политической властью. Третий рейх, что неизбежно в ходе развития тоталитарных диктатур, превратился в полицейское государство.

Правительство в третьем рейхе

Хотя Веймарская республика была ликвидирована, официально Гитлер не отменял ее конституцию. Поэтому «законность» его правления — и это нельзя воспринимать без иронии — зиждилась на презираемой им конституции республики. Тем самым тысячи принятых ею законов — а других в третьем рейхе не было — были полностью основаны на чрезвычайном президентском декрете от 28 февраля 1933 года «О защите народа и государства», подписанном Гинденбургом в соответствии со статьей 48 конституции. Хочется напомнить, что именно Гитлер обманом вынудил престарелого президента подписать этот декрет. Это произошло на следующий день после пожара рейхстага, когда Гитлер сумел убедить Гинденбурга в существовании реальной угрозы коммунистической революции. Декрет, который временно отменял все гражданские права, продолжал действовать в течение всех лет

существования третьего рейха и позволял фюреру править в условиях своего рода непрерывного чрезвычайного положения.

«Правовой акт», за который рейхстаг проголосовал 24 марта 1933 года и посредством которого он передал свои законодательные функции нацистскому правительству, явился вторым оплотом «конституционности» гитлеровского правления. С тех пор формально существовавший рейхстаг пунктуально продлевал действие «правового акта» на очередные четыре года, а диктатору так ни разу и не пришло в голову упразднить этот, в свое время демократический, институт власти. Он лишил его демократических основ. До войны рейхстаг собирался около десяти раз и принял всего четыре закона[71], не прибегнув ни разу ни к дебатам, ни к голосованию и не услышав ни одного выступления, за исключением речей Гитлера.

После нескольких месяцев, в начале 1933 года, серьезные дебаты в рейхстаге прекратились, затем после смерти Гинденбурга, в августе 1934 года, заседания его проводились все реже и реже, а после февраля 1938 года рейхстаг уже не собирался. Однако отдельные члены правительства сохраняли значительную власть, обладая правом подготавливать законопроекты, которые после утверждения фюрером автоматически обретали силу закона. Учрежденный с большой помпой в 1938 году тайный совет кабинета министров, по-видимому, чтобы произвести впечатление на тогдашнего премьер-министра Великобритании Чемберлена, существовал только на бумаге, поскольку так ни разу и не собрался. Совет обороны рейха, учрежденный в начале существования режима как орган военного планирования под председательством Гитлера, официально провел всего два заседания, хотя некоторые из его рабочих комитетов проявляли исключительную активность.

Многие функции кабинета министров были переданы специальным органам, таким, как управление заместителя фюрера (Гесс, а позднее Мартин Борман), полномочных представителей по военной экономике (Шахт), администрации (Фрик) и уполномоченного по четырехлетнему плану (Геринг). Кроме того, были созданы органы, известные как «высшие правительственные учреждения» и «национальные административные учреждения», многие из которых существовали со времен республики. Всего насчитывалось 42 исполнительных учреждения национального правительства, непосредственно подчинявшихся фюреру.

Парламенты и правительства отдельных земель Германии, как мы убедились, были упразднены в первый же год нацистского режима, когда страна стала единой, а губернаторы земель, преобразованных в провинции (области), теперь назначались Гитлером. Местное самоуправление — единственная сфера, в которой немцы, кажется, действительно сделали шаг вперед в демократическом развитии, — было также ликвидировано. Ряд законов, изданных в период между 1933 и 1935 годом, лишили муниципалитеты их местной автономии и подчинили непосредственно рейхсминистру внутренних дел, который назначал в города бургомистров, если их население превышало 100 тысяч человек, или преобразовывал муниципалитеты, назначая Руководящих лиц. В городах с населением менее 100 тысяч человек бургомистров назначали губернаторы провинций. Право назначать губернаторов в Берлин, Гамбург и Вену (после 1938 года, когда Австрия была оккупирована) Гитлер сохранил за собой.

Органы управления, через которые Гитлер осуществлял свою Диктаторскую власть, состояли из четырех канцелярий; президента (хотя после 1934 года этот титул перестал существовать), канцлера (титул был ликвидирован в 1939 году), партии и фюрера, которая контролировала исполнение личных распоряжений Гитлера и выполняла специальные задачи.

На деле же Гитлер тяготился повседневными управленческими делами и, когда после смерти Гинденбурга укрепил свое положение, переложил их на своих помощников. У его старых товарищей по партии — Геринга, Геббельса, Гиммлера, Лея и Шираха оказались развязаны руки в создании своих собственных империй власти и как правило, в накоплении доходов. Шахт стремился обрести свободу для того, чтобы добывать деньги на растущие правительственные расходы с помощью любых махинаций, на какие только он был способен. Когда приспешники не могли поделить власть или государственные должности, вмешивался Гитлер. Он ничего не имел против ссор и, по существу, часто поощрял их, так как они способствовали укреплению его положения как верховного арбитра и предотвращали возможность сговора против него. Так, например, казалось, что ему доставляло удовольствие наблюдать, как три человека конкурируют друг с другом в области внешней политики: министр иностранных дел Нейрат, глава управления внешних сношений в партии Розенберг и Риббентроп, который возглавил собственное бюро, подвизавшееся около внешней политики. Все трое находились в натянутых отношениях, и Гитлер немало способствовал этому, сохраняя соперничающие ведомства, пока в конце концов не избрал в качестве министра иностранных дел туповатого Риббентропа, выполнявшего его указания в международных делах.

Таково было правительство третьего рейха, руководимое широко разрастающейся бюрократией на основе так называемого «принципа руководящих лиц», малоэффективное, что несвойственно немцам, парализованное взяточничеством и постоянной неразберихой, а также беспощадным соперничеством, обострявшимся в результате невежественного вмешательства партийных бонз и террора СС — гестапо.

На вершине же пирамиды, к которой все лезли, давя друг друга, восседал бывший австрийский бродяга, ставший самым могущественным после Сталина диктатором на земле. Об этом напомнил весной 1936 года собравшимся на съезд юристам д-р Ганс Франк: «Сегодня в Германии есть лишь одна власть, и это власть фюрера».

Силой этой власти Гитлер быстро уничтожил тех, кто противостоял ему, объединил и нацифицировал государство, осуществил регламентацию государственных институтов и культуры, подавил личные свободы, ликвидировал безработицу, раскрутил на полные обороты промышленность и торговлю — немалые достижения за три-четыре года пребывания у власти. Теперь можно было обратиться — в действительности он уже давно обратился — к двум великим страстям своей жизни: проведению внешней политики Германии, направленной на подготовку войны и завоеваний, и созданию мощной военной машины, которая позволила бы ему достичь этой цели.

Итак, пришло время перейти к рассказу — и это будет наиболее документированный рассказ из всех, посвященных современной истории, — о том, как этот неординарный человек, встав во главе столь великой и могущественной нации, приступил к достижению своих целей.

КНИГА ТРЕТЬЯ — ПУТЬ К ВОЙНЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ: 1934–1937 ГОДЫ

Говорить о мире, тайно готовиться к войне, выработать осторожную внешнюю политику, скрытно провести перевооружение, избежать превентивных военных действий против Германии со стороны стран-победительниц — такова была тактика Гитлера в течение первых двух лет пребывания у власти.

Убийство австрийского канцлера Дольфуса в Вене 25 июля 1934 года было его большой ошибкой. Вечером того дня 154 человека из 89-го штандарта СС, переодетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию и с расстояния два фута прострелили Дольфусу шею. В нескольких кварталах от канцелярии нацисты захватили радиостанцию и передали в эфир сообщение, что Дольфус подал в отставку. Гитлер узнал обо всем на ежегодном Вагнеровском фестивале в Байрейте, где слушал «Золото Рейна». Новость необычайно взволновала его. Фриделинд Вагнер, внучка великого композитора, сидела в фамильной ложе по соседству и была свидетельницей происходящего. Два адъютанта — Шауб и Брюкнер, рассказывала она позднее, получали новости из Вены по телефону, который стоял в ее ложе, а потом шепотом докладывали о них Гитлеру.

«После спектакля фюрер казался очень взволнованным. Волнение его возрастало по мере того, как он пересказывал нам страшные новости… Он с трудом прогнал со своего лица выражение довольства и намеренно заказал, как обычно, обед в ресторане. «Я должен выйти показаться, — сказал он, — иначе люди подумают, что я к этому причастен».

И они были бы недалеки от истины. Еще в первом разделе «Майн кампф» Гитлер писал, что объединение Германии и Австрии — «задача, решить которую надо любыми средствами». Вскоре после того как Гитлер стал канцлером, он назначил депутата рейхстага Теодора Хабихта инспектором австрийской нацистской партии, а чуть позже помог обосноваться в Мюнхене Альфреду Фрауен-фельду — лидеру австрийской нацистской партии, добровольно переехавшему в Германию. Отсюда он каждую ночь выступал по радио, подстрекая своих соратников в Вене к убийству канцлера Дольфуса. За несколько месяцев до июля 1934 года австрийские нацисты с помощью оружия и динамита, предоставленных Германией, раз вязали в стране настоящий террор. Они взрывали железные дороги, электростанции, правительственные здания, убивали сторонников клерикально-фашистского режима Дольфуса. В конце концов Гитлер согласился создать австрийский легион численностью несколько тысяч человек, который расположился на

границе Австрии и Баварии, готовый в удобный момент перейти ее и оккупировать страну.

В 6 вечера Дольфус умер от ран, но фашистский путч из-за несогласованности действий заговорщиков провалился. Правительственные силы, руководимые доктором Куртом фон Шушнигом, быстро взяли ситуацию под контроль. Мятежников, несмотря на то, что при содействии германского посла им был обещан свободный выезд в Германию, подвергли аресту, причем тринадцать из них позднее повесили. В это время Муссолини, которому Гитлер на последней встрече в Венеции за месяц до описываемых событий обещал оставить Австрию в покое, вызвал смятение в Берлине, приведя в боевую готовность четыре дивизии и подтянув их к Бреннерскому перевалу.

Гитлер быстро отступил. Подготовленное официальным германским агентством ДНБ сообщение, где выражалась радость по поводу падения Дольфуса и провозглашалась Великая Германия, образование которой неизбежно, в полночь было срочно изъято и заменено другим, в котором выражалась скорбь по поводу «жестокого убийства» и все дело представлялось как чисто австрийское. Хабихт был смещен, германский посол в Вене отозван и уволен, а Папен, который едва избежал участи Дольфуса месяц назад во время «кровавой чистки», был в срочном порядке направлен в Вену для восстановления, как заявил Гитлер, «нормальных дружественных отношений» с Австрией.

Чувство радости сменилось у Гитлера страхом. «Мы стоим перед новым Сараево![72]" — вскричал он, по словам Папена, когда они вдвоем обсуждали, как лучше выйти из кризиса. Фюрер извлек из этого урок. Нацистский путч в Вене, так же как «пивной путч» в Мюнхене в 1923 году, оказался преждевременным. Германия была еще недостаточно сильна в военном отношении, чтобы поддержать такую авантюру. К тому же она находилась в политической изоляции. Даже фашистская Италия присоединилась к Великобритании и Франции, требуя независимости для Австрии. Более того, Советский Союз впервые выразил желание присоединиться к странам-победительницам в «восточном Локарно», чтобы воспрепятствовать продвижению Германии на Восток. Осенью Советский Союз стал членом Лиги Наций. Надежды на раскол среди великих держав еще более уменьшились, чем в трудный 1934 год. Гитлеру оставалось только произносить проповеди о мире и, продолжая тайно перевооружаться, ждать случая.

Кроме рейхстага у него был еще один способ донести свою мирную пропаганду до внешнего мира — иностранные корреспонденты, редакторы и издатели постоянно искали возможность взять у него интервью. Среди них были англичанин с моноклем Уорд Прайс. Его газета — лондонская «Дейли мейл» и ее читатели всегда были к услугам германского диктатора. Так, в августе 1934 года в очередном интервью, которые Гитлер давал Прайсу вплоть до начала войны, он заявил, что «война не вернется», что Германия «лучше других знает, какие бедствия она несет», что «германские проблемы не могут быть решены военным путем». Осенью он повторил эти высокие слова Жану Гою, лидеру французских ветеранов войны, члену палаты депутатов, который в свою очередь привел их в статье, опубликованной в парижской газете «Матэн».

Нарушения Версальского договора

Одновременно Гитлер с неослабевающей энергией работал над программой создания армии и снабжения ее оружием. К 1 октября 1934 года численность армии должна была утроиться (триста тысяч вместо ста). В апреле того же года начальнику генерального штаба генералу Людвигу Беку дали понять, что 1 апреля следующего года фюрер объявит о введении воинской повинности и отказе соблюдать условия Версальского договора, касающиеся ограничений в отношении армии. Геббельсу строго-настрого наказали не допускать появления в прессе словосочетания «генеральный штаб», поскольку Версальский договор запретил возрождение этого органа. Ежегодные официальные списки германской армии после 1932 года перестали публиковаться, чтобы число фигурирующих там офицеров не навело иностранные разведки на нехорошие мысли. Уже 22 мая 1933 года генерал Кейтель, председатель Рабочего комитета Совета обороны рейха инструктировал своих помощников: «Ни один документ не может быть утерян, иначе вражеская пропаганда воспользуется этим в своих целях. Устные заявления всегда можно опровергнуть».

Военно-морским силам тоже было предписано держать рот на замке. В июне 1934 года Редер имел продолжительную беседу с Гитлером, после которой сделал следующую запись:

«Инструкции фюрера: ни в коем случае не следует упоминать о кораблях водоизмещением 25-26 тысяч тонн, допустимо лишь сообщать о модернизированных кораблях водоизмещением 10 тысяч тонн. Фюрер требует, чтобы строительство подводных лодок велось в строжайшей тайне».

Все это делалось потому, что военно-морской флот начал строительство двух тяжелых крейсеров водоизмещением 26 тысяч тонн (на 16 тысяч тонн больше, чем было предусмотрено Версальским договором), которые впоследствии получили названия «Шарн-хорст» и «Гнейзенау». Строительство подводных лодок по Версальскому договору было вообще запрещено, но они строились тайно в Финляндии, Голландии и Испании и к описываемому времени Редер имел на складах в Киле с десяток подводных лодок в разобранном виде. На встрече с Гитлером в ноябре 1934 года он испросил разрешения собрать шесть подводных лодок, «чтобы они были готовы к моменту критической ситуации в первом квартале 1935 год. (вероятно, ему было известно о планах Гитлера на этот период. Гитлер ответил ему, что сообщит, «когда ситуация потребует собрать лодки».

Во время этой же встречи Редер указал, что строительств новых кораблей (не считая увеличения численности личного состава ВМС втрое) потребует больших денег, которых у него нет. Гитлер рассеял его беспокойство: «Если понадобится, мы уговорим доктора Лея предоставить флоту 120-150 миллионов из средств Рабочего фронта, ведь от этого выиграют сами рабочие». Так деньги немецких рабочих пошли на финансирование военно-морской программы.

Геринг в первые два года пребывания нацистов у власти активно занимался созданием военной авиации. Как министр авиации (считалось, что она гражданская), он давал компаниям заказы на разработку боевых самолетов. Обучение военных летчиков проходило под прикрытием общества летчиков-спортсменов.

Человек, случайно попавший в то время в индустриальные районы Рура или Рейнской области, был бы поражен размахом работ в области вооружения, особенно на заводах Крупна, крупнейшего производителя оружия в Германии в течение последних семидесяти пяти лет, и на заводах ведущего химического концерна «И. Г. Фарбениндустри». Хотя по решению Версальского договора Круппу было запрещено заниматься производством оружия, компания времени даром не теряла. В 1942 году, когда германская армия завоевала почти всю Европу, Крупп хвастался, что «основные принципы вооружения для танков и устройство башни были разработаны еще в 1926 году… Из орудий, использовавшихся в 1939–1941 годах, наиболее совершенные были полностью разработаны еще в 1933 году». Ученые компании «И. Г. Фарбениндустри» спасли Германию от преждевременной катастрофы во время первой мировой войны, изобретя способ производства синтетических нитратов из воздуха, после того как поставки селитры из Чили прекратились из-за английской блокады. Теперь, при Гитлере, перед компанией поставили цель полностью обеспечить Германию горючим и каучуком, без которых ведение войны было немыслимо и которые ранее импортировались. Способ добычи синтетического топлива из каменного угля был разработан учеными еще в середине 20-х годов. После 1933 года нацистское правительство дало «добро» на увеличение производства концерном синтетических масел, с тем чтобы довести его до 300 тысяч тонн к 1937 году. К тому времени в компании уже был разработан способ производства искусственного каучука из каменного угля и других материалов, которые в Германии добывались в больших количествах. В Шкопау открылись первые четыре завода по выпуску «буна» — так назвали искусственный каучук. К началу 1934 года Рабочим комитетом Совета обороны рейха был принят план, по которому 240 тысяч заводов переводились на выполнение военных заказов.

К концу года перевооружение на всех фазах приобрело такой размах, стало настолько заметно, что скрывать его от озабоченных и подозрительных стран-победительниц было уже невозможно.

Эти страны во главе с Великобританией вынашивали идею признать перевооружение Германии, которое, по мнению Гитлера, не было таким уж большим секретом, как свершившийся факт. Они готовы были признать паритет Германии в вооружении в обмен на общеевропейское соглашение, включающее и «восточное Локарно». Это гарантировало бы восточным странам, особенно России, Польше и Чехословакии, такую же безопасность, какую получили после заключения договора в Локарно западные страны. Германии, конечно, тоже были бы даны гарантии безопасности. В мае 1934 года британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон, предшественник Невилла Чемберлена, столь же неспособный понять Адольфа Гитлера, предложил Германии паритет в вооружении. Франция такую идею резко отклонила.

Однако предложение об общеевропейском соглашении, включающем вопрос о паритете вооружений и «восточном Локарно», было выдвинуто Великобританией и Францией повторно в начале февраля 1935 года. За месяц до этого, 13 января, жители Саара подавляющим большинством (477 тысяч против 48 тысяч) проголосовали за возвращение в состав рейха небольшой территории, богатой месторождениями каменного угля. Гитлер воспользовался этим, чтобы объявить, что Германия не имеет больше территориальных претензий к Франции. Это означало отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии. В обстановке оптимизма и доброй воли, сложившейся в результате мирного

присоединения Саара и заявлений Гитлера, англо-французское предложение было в начале февраля 1935 года официально передано фюреру.

Ответ Гитлера от 14 февраля был по вполне понятным, с его точки зрения, причинам уклончивым. Он приветствовал план, по которому Германия могла открыто перевооружаться, но всячески обходил пункт о ее готовности подписать соглашение о «восточном Локарно». Это связало бы Гитлеру руки в его устремлениях на Восток в целях завоевания жизненного пространства для Германии. Можно ли было в этом вопросе оторвать Великобританию от Франции, которая заключила договоры о взаимной помощи с Польшей, Чехословакией и Румынией и была больше заинтересована в безопасности Запада? Вероятно, об этом думал Гитлер, когда в своем осторожном ответе предложил перед общими переговорами провести Двусторонние консультации. Для таких консультации он пригласил в Берлин англичан. Сэр Джон Саймон с готовностью согласился. Было решено встретиться б марта. За два дня до назначенной Даты публикация в Англии Белой книги вызвала притворный гнев на Вильгельмштрассе. Белая книга была воспринята многими иностранными наблюдателями, находившимися в Берлине, как документ, содержащий объективную констатацию тайного перевооружения Германии, что вынуждало Великобританию к умеренному перевооружению. Но Гитлер, рассказывают, был вне себя. А буквально накануне предполагаемого вылета Саймона в Берлин Нейрат сообщил ему что фюрер «простудился» и встречу придется отложить.

На самом ли деле простудился Гитлер или нет — неизвестно но поразмыслить ему было над чем. Если он решился на такой смелый шаг, то ему не нужны ни Саймон, ни Иден. Он считал, что нашел предлог для смертельного удара по Версальскому диктату. Буквально накануне во Франции обсуждался закон о продлении срока воинской службы с восемнадцати месяцев до двух лет ввиду снижения уровня рождаемости во время первой мировой войны. 10 марта Гитлер запустил пробный шар с целью проверить решимость союзников. Призвали услужливого Уорда Прайса. Ему было обещано интервью с Герингом, который официально заявил, что Германия располагает военно-воздушными силами, о чем уже знал весь мир. Гитлер мог с уверенностью предполагать, что реакция Лондона на самовольную отмену Версальского договора будет именно такой, какой он ждал. Сэр Джон Саймон заявил в палате общин, что не потерял надежды поехать в Берлин.

Субботний сюрприз

В субботу 16 марта (большинство сюрпризов Гитлер преподносил по субботам) канцлер издал закон о всеобщей воинской повинности и создании армии, состоящей из 12 корпусов и 36 дивизий — около полумиллиона человек. Это означало конец ограничениям, установленным для армии по Версальскому договору, и только Англия и Франция могли предпринять какие-то шаги. Как и ожидал Гитлер, они протестовали, но никаких шагов не предприняли. Правда, британское правительство поинтересовалось, примет ли Гитлер британского министра иностранных дел. На этот вопрос диктатор любезно дал утвердительный ответ.

Воскресенье, 17 марта, стало для Германии праздником. Были сброшены версальские кандалы — символ ее позора и унижения. Рядовой немец мог как угодно относиться к Гитлеру и его разбойному правлению, но должен был

признать, что ему удалось то, о чем не помышляло ни одно правительство республики. Для большинства немцев это символизировало восстановление немецкой чести. В это воскресенье был как раз День Памяти героев. Вечером я пошел на официальную церемонию, которая состоялась в опере, и увидел там картину, которой Германия не наблюдала с 1914 года. Партер представлял собой море военных мундиров. Среди серых кителей и остроконечных шлемов императорской армии попадалась небесно-голубая форма люфтваффе, до того мало кому известная. Рядом с Гитлером сидел фельдмаршал фон Макензен — последний живой фельдмаршал кайзеровской армии. На нем был красочный мундир дивизии «Мертвая голова». Прожектора были направлены на сцену. Там, подобно мраморным статуям, застыли молодые офицеры, гордо державшие боевые знамена нации. За ними висел огромный черно-серебряный Железный крест, прикрепленный к занавесу. Так День Памяти героев, погибших в войне, вылился в празднование похорон Версальского договора и возрождения немецкой армии.

Генералы испытывали необычайное довольство, что было заметно по их лицам. Для них, как и для всех остальных, это был сюрприз, поскольку Гитлер, проведя перед тем несколько дней в горах в резиденции Берхтесгаден, не считал нужным делиться с ними своими соображениями. Генерал Манштейн[73], давая показания на Нюрнбергском процессе, заявил, что о решении Гитлера он и начальник третьего военного района Берлина генерал фон Вицлебен впервые услышали по радио 16 марта. Генеральный штаб предпочел бы начать с армии меньшей численности.

«Если бы спросили мнение генерального штаба, — свидетельствовал Манштейн, — то мы бы предложили двадцать одну дивизию. Тридцать шесть дивизий — это решение Гитлера».

За этим последовал ряд ничего не значащих предупреждений со стороны других держав. 11 апреля представители Британии, Франции и Италии встретились в Стрезе. Они осудили действия Германии и подтвердили свою готовность поддержать независимость Австрии и заверили друг друга в верности Локарнскому договору. Совет Лиги Наций в Женеве также выразил свое недовольство поведением Гитлера и назначил комиссию, которой надлежало выработать меры, способные сдерживать его в будущем. Франция, понимая, что Германия никогда не присоединится к «восточному Локарно», срочно подписала договор о взаимной помощи с Россией, а Россия — аналогичный договор с Чехословакией.

В газетных заголовках такое сплочение рядов против Германии выглядело чем-то зловещим и даже смутило кое-кого в министерстве иностранных дел Германии и в германской армии, но только не Гитлера. В конце концов, ему все сошло с рук, однако он понимал, что почивать на лаврах еще не время, поэтому решил снова вернуться к речам о мире и посмотреть, насколько крепки ряды противников и нельзя ли их расколоть, пробить в них брешь.

Вечером 21 мая[74] он выступил в рейхстаге с очередной «мирной» речью. Это была, вероятно, самая умная и изощренная речь из всех, которые произнес в рейхстаге Гитлер и которые довелось слышать автору этих строк. Гитлер казался расслабленным. Он излучал не только спокойствие, но и, к удивлению аудитории, терпимость и умиротворение. В его речи не содержалось никаких выпадов против стран, осудивших нарушение Германией условий Версальского договора. Вместо этого следовали уверения, что

Германия хочет только мира, основанного на всеобщей справедливости. Гитлер отвергал саму идею войны. Война бессмысленна, война бесполезна, война, в конце концов, ужасна!

«Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией. К чему привели династический эгоизм, слепой патриотизм и политические страсти, к чему привела кровь, пролитая для достижения якобы далеко идущих политических перемен, — это было только прикосновение к коже нации, если говорить о национальных чувствах. Фундамент характера наций не поколебался. Если бы лишь часть жертв была принесена этими государствами во имя более высоких целей, успех был бы значительнее и долговечнее».

Далее Гитлер заявил:

«Германия и не мыслит завоевывать другие народы. Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ним, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению. В Европе не осталось незавоеванных территорий, так что… любая победа приведет в лучшем случае к количественным изменениям населения. Но если нация считает эту цель столь важной, то достичь ее можно без слез, более простым и естественным способом — надо проводить такую социальную политику, чтобы нация горела желанием иметь детей.

Нет! Национал-социалистская Германия не хочет войны в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации…

Германии нужен мир, она жаждет мира!»

Он все время возвращался к этой мысли. В конце речи он выдвинул тринадцать предложений, которые помогли бы сохранить мир. Эти предложения произвели благоприятное впечатление не только в Германии, но и во всей Европе. Перед тем как высказать их, он сделал следующее напоминание:

«Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение. — Таким образом, мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны… Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно… Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием».

Касательно Австрии:

«Германия не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее».

Тринадцать предложений Гитлера казались весьма исчерпывающими. Германия не может вернуться в Женеву, пока Лига Нации не отменит Версальский договор. Когда это будет сделано и будет признано равенство всех наций,

говорил Гитлер, тогда Германия присоединится к Лиге Наций. Тем не менее она будет неукоснительно соблюдать невоенные положения Версальского договора, «включая территориальные. В частности, она поддержит и будет выполнять все требования договора в Локарно». Гитлер также поклялся, что Германия будет стоять на позициях демилитаризации Рейнской области, что она готова в «любое время» присоединиться к системе коллективной безопасности, но предпочла бы двусторонние соглашения и подписание пактов о ненападении с соседними государствами. Она также готова согласиться с предложением Англии и Франции дополнить Локарнский договор неофициальным соглашением по авиации.

Что касается разоружения, то Гитлер был готов идти до конца:

«Правительство Германии готово к любым ограничениям, которые ведут к отмене тяжелого вооружения, особенно наступательного характера, таких, как тяжелая артиллерия и тяжелые танки.

…Германия заявляет о своей готовности пойти на любые ограничения в калибрах артиллерии, классов броненосцев, крейсеров и торпедных катеров. Точно так же правительство Германии готово согласиться с любыми ограничениями водоизмещения подводных лодок или с их полным запрещением…»

В этой связи Гитлер подбросил наживку для Великобритании. Он соглашался с тем, чтобы новый германский флот составлял 35 процентов британского, и добавлял при этом, что это все равно на 15 процентов меньше, чем общий тоннаж французского флота. За границей стали поговаривать, что это лишь начало требований Гитлера, на что он отвечал: «Это последнее требование Германии».

В начале одиннадцатого Гитлер перешел к последней части выступления:

«Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы тем не менее живем с твердой уверенностью в том, что наше время будет ознаменовано возрождением Запада, а не его упадком. Германия могла бы внести в это дело бессмертный вклад, она на это надеется и непоколебимо в это верит».

Это были сладкие слова о свободе, мудрости и примирении. В странах Западной Европы, правительства и народы которых отчаянно пытались сохранить мир на любых разумных началах, этими словами просто упивались. Лондонская «Таймс», наиболее влиятельная на Британских островах газета, встретила их почти с исступленной радостью.

«…Это мудрая, откровенная и всеобъемлющая речь. Кто бы ни прочитал ее, обладая непредвзятым умом, он не может сомневаться в том, что направления политики, изложенные господином Гитлером, составляют основу для полного урегулирования всех спорных вопросов с Германией — свободной, равноправной и сильной, а не поверженной Германией с навязанным шестнадцать лет назад миром…

Остается надеяться, что речь эта будет повсюду воспринята как искренняя, хорошо взвешенная и правдивая».

Эта известная газета, флагман британской журналистики, сыграет вместе с правительством Чемберлена сомнительную роль в умиротворении Великобританией Гитлера, приведшем к катастрофе. У автора данной статьи оправданий еще меньше, чем у правительства. Дело в том, что берлинский корреспондент газеты Норман Эббат был прекрасно информирован о деятельности Гитлера. Это продолжалось до тех пор, пока 16 августа 1937 года его не выслали из страны. Причем информация его была более точной и ценной, чем та, которую передавали другие иностранные корреспонденты и дипломаты, в том числе и британские. Многое из того, что он писал в те дни для «Таймс», не было опубликовано[75]. Он часто жаловался по этому поводу. Как потом подтвердилось, редакторы «Таймс» читали все его материалы и, следовательно, прекрасно знали, что в действительности происходило в нацистской Германии и насколько пустыми были пышные обещания Гитлера.

Британское правительство в не меньшей степени, чем «Таймс», было готово расценивать предложения Гитлера как «искренние» и «хорошо взвешенные», особенно в той части, где Германия соглашалась иметь флот, тоннаж которого составлял бы 35 процентов тоннажа британского флота.

Гитлер подбросил хитрую приманку Джону Саймону, когда министр иностранных дел вместе с Иденом приехал в конце марта в Германию с визитом, который так долго откладывался. Гитлер заявил, что соглашение по ВМС между Англией и Германией может быть достигнуто без особых проблем, причем превосходство английского флота будет гарантировано. 21 мая он объявил о том, что тоннаж германского флота будет составлять 35 процентов английского, произнеся при этом теплые слова в адрес Англии. «Германия, — сказал он, — не имеет ни необходимости, ни желания, ни средств, чтобы снова соперничать на море». Это был намек, прекрасно понятый англичанами, на времена, предшествующие 1914 году, когда Тирпиц, яростно поддерживаемый Вильгельмом II, готовил сильный флот для борьбы с англичанами на море. «Правительство Германии, — продолжал он, — понимает жизненную необходимость, а следовательно, справедливость и оправданность защиты Британской империи с моря… Правительство Германии хочет установить и поддерживать с правительством и народом Великобритании такие отношения, которые исключат возможность повторения той единственной войны, которая однажды велась между нашими народами». Примерно такие же мысли есть и в книге Гитлера «Майн кампф», где он говорит, что одной из величайших ошибок кайзера была его вражда с англичанами и бессмысленное стремление соперничать с Британией на море.

Англичане проглотили наживку с необычайной легкостью и быстротой. Риббентроп, который состоял при Гитлере мальчиком на побегушках, когда надо было решать дела за рубежом, получил приглашение приехать в июне в Лондон для переговоров по военно-морскому флоту. Самодовольный и нетактичный, Риббентроп ответил, что предложение Гитлера не подлежит обсуждению: его можно принять или отклонить. Англичане предложение приняли. Приняли, не посоветовавшись со своими союзниками по Стрезе — Францией и Италией, также морскими державами, обеспокоенными перевооружением Германии и нарушением ею военных параграфов Версальского договора; приняли, не поставив в известность Лигу Наций, которая должна была бы поддержать соблюдение мирного договора 1919 года. Англичане посчитали, что отмена военных пунктов Версальского договора служит их интересам.

Любому здравомыслящему человеку в Берлине было ясно, что, позволяя Германии строить флот тоннажем в треть британского флота, Лондон открыл Гитлеру «зеленую улицу» для скорейшего создания собственного флота. У него появилась возможность полностью обеспечить работой немецкие верфи и сталелитейные заводы лет на десять. Это было не ограничение вооружения Германии, а согласие распространить его на флот, причем сроки реализации программы зависели от возможностей страны.

Франции было нанесено еще одно оскорбление. Британское правительство, выполняя обещание, данное Гитлеру, отказалось сообщить своему ближайшему союзнику, сколько и каких кораблей позволено в соответствии с соглашением строить Германии. Было только заявлено, что тоннаж немецких подводных лодок, строительство которых запрещалось Версальским договором, может достигать 60 процентов британских, а в исключительных обстоятельствах — 100 процентов. На самом деле по англо-германскому соглашению Германии разрешалось построить пять линкоров, каждый из которых водоизмещением и вооружением превосходил английские корабли, а официальные цифры — 21 крейсер и 64 эскадренных миноносца — были простой подтасовкой с целью обмануть Лондон, хотя к началу войны не все они были построены, но и построенные вместе с подводными лодками нанесли англичанам огромные потери уже в первые годы второй мировой войны.

Муссолини отметил «коварство Альбиона». Играть в умиротворение Гитлера, считал он, можно и вдвоем. Более того, такое циничное отношение англичан к Версальскому договору натолкнуло его на мысль, что не особенно серьезно воспримут они и нарушение Устава Лиги Наций. 3 октября 1935 года армии Муссолини в нарушение Устава вторглись в древнее горное королевство Абиссинию. Лига Наций, возглавляемая Англией и поддерживаемая Францией, понимавшей, что Германия — более серьезный противник в будущем, быстро проголосовала за принятие санкций. Но это были полумеры, и предпринимались они весьма робко. Они не препятствовали завоеванию Абиссинии войсками Муссолини, но послужили поводом для разрыва дружественных отношений между фашистской Италией с одной стороны и Англией и Францией — с другой. Иными словами, они развалили образованный в Стрезе единый фронт против нацистской Германии.

Кто выиграл в результате этих событий, кроме Гитлера? 4 октября, следующий после вторжения итальянских войск в Абиссинию день я провел на Вильгельмштрассе, беседуя с официальными лицами и членами партийного руководства. Из записи в дневнике, сделанной) вечером того же дня, видно, как быстро оценили ситуацию немцы:

«На Вильгельмштрассе все очень довольны. Или Муссолини застрянет в Африке, что ослабит его положение в Европе и позволит Гитлеру захватить Австрию, находящуюся пока под защитой дуче или он быстро победит, что явится вызовом для Англии и Франции. Тогда можно считать, что он созрел для союза с Гитлером против Западных демократий. В любом случае выигрывает Гитлер».

Это вскоре и подтвердилось.

Оккупация Рейнской зоны

В своей «мирной» речи в рейхстаге 21 мая 1935 года, поразившей весь мир, а более прочих Англию, Гитлер упомянул об «элементе юридической опасности», привнесенном в Локарнский договор. По его утверждению, это произошло из-за того, что Россия и Франция подписали договор о взаимопомощи (2 марта в Париже и 14 марта в Москве), который до конца года не был ратифицирован французским парламентом. Министерство иностранных дел Германии обратило внимание Парижа на этот «элемент» в официальной ноте французскому правительству.

21 ноября посол Франции в Берлине Франсуа-Понсе имел беседу с Гитлером, во время которой фюрер разразился длинной тирадой, направленной против франко-советского пакта. Франсуа-Понсе сообщил в Париж, что убежден в намерении Гитлера использовать пакт в качестве предлога для вторжения в демилитаризованную Рейнскую зону. «Гитлер ждет одного, — говорил он, удобного момента».

Франсуа-Понсе был, вероятно, самым информированным из всех послов в Берлине, он знал, о чем говорил, но наверняка не знал, что в начале прошлой весны, 2 мая, за девятнадцать дней до того, как Гитлер уверял в рейхстаге, что будет соблюдать Локарнский договор и уважать территориальные параграфы Версальского договора, генерал фон Бломберг издал свою первую директиву трем видам вооруженных сил — готовить планы повторной оккупации демилитаризованной Рейнской зоны. Операции было дано кодовое название «Шулунг», и планировалась она как внезапный и молниеносный удар. Об операции знало лишь небольшое число офицеров.

В целях соблюдения секретности генерал Бломберг написал приказ от руки.

16 июня на десятом заседании Рабочего комитета Совета обороны рейха проходило дальнейшее обсуждение продвижения в Рейнскую зону. На этом заседании полковник Альфред Йодль, ставший к тому времени главой Совета обороны рейха, доложил о планах и еще раз предупредил о соблюдении строжайшей секретности. Запрещалось делать какие-либо записи без крайней необходимости, а все без исключения материалы предписывалось хранить в сейфах.

Всю зиму 1935/36 года Гитлер выжидал. Он не мог не отметить, что Англия и Франция заняты борьбой, направленной на предотвращение дальнейшего продвижения Италии в Абиссинию. Но Муссолини, казалось, все сходило с рук. Несмотря на широко разрекламированные санкции, Лига Наций на деле оказалась бессильна остановить агрессора. Французский парламент ратифицировать пакт с Советским Союзом не торопился: против ратификации выступали правые силы в стране. Гитлер, очевидно, полагал, что вероятность разрыва с Москвой достаточно велика. Если это случится, то придется искать другой предлог для «Шулунга». 11 февраля пакт был представлен в палату депутатов, а 12 февраля ратифицирован 353 голосами против 164. Через два дня, 1 марта, Гитлер сообщил о своем решении группе генералов, многие из которых были уверены, что Франция и мокрого места не оставит от немногочисленных немецких частей, предназначенных для похода в Рейнскую зону. Несмотря на это, на следующий день, 2 марта 1936 года, Бломберг в соответствии с указаниями своего хозяина отдал официальный приказ оккупировать Рейнскую зону. Командующим родами войск он говорил,

что это должен быть «неожиданный бросок». Бломберг полагал, что это будет «мирная операция», в противном случае, то есть если французы окажут сопротивление, главнокомандующий оставил за собой право принимать решение о возможных боевых контрмерах. Через шесть дней я узнал, а позже это подтвердилось показаниями генералов в Нюрнберге, что это были за контрмеры: стремительное отступление за Рейн!

Но ни французское правительство, уже парализованное внутренними раздорами, ни сами французы, среди которых преобладали пораженческие настроения, ничего этого не знали, когда небольшие отряды немецких войск на заре 7 марта перешли через Рейн и вступили в демилитаризованную зону[76]. В 10 часов утра угодничавший Нейрат, министр иностранных дел, созвал послов Франции, Англии и Италии, сообщил им новости из Рейнской зоны и вручил официальные ноты, из которых явствовало, что Германия не признает Локарнского договора, который Гитлер только что нарушил, после чего предложил новый план сохранения мира. «Гитлер ударил соперника в лицо, — сухо заметил Франсуа-Понсе, приговаривая при этом: «Я принес предложение мира!»

И действительно, двумя часами позднее Гитлер, стоя на трибуне рейхстага, распространялся перед многочисленной аудиторией о своем желании сохранить мир и о том, как это сделать. Я пошел в оперный театр, где наблюдал картину, которую никогда не забуду. Картина эта была захватывающая и ужасающая. После разглагольствований о зле Версаля и угрозе большевизма Гитлер спокойно заявил, что советско-французский пакт ослабил Локарнский договор, который в отличие от Версальского Германия подписала без принуждения. Сцену, последовавшую за этим, я описал вечером в своем дневнике.

«Германия более не связана Локарнским договором, — говорил Гитлер. — В интересах права своего народа на безопасность границ и для охраны границ правительство Германии восстановило с сегодняшнего дня абсолютный контроль в районе демилитаризованной зоны!»

И тут же шестьсот депутатов, каждого из которых назначил сам Гитлер, маленькие люди с грузными телами и бычьими шеями, коротко стриженные, с большими животами, одетые в коричневую форму и тяжелые сапоги, вскочили и, словно автоматы, выбросили правую руку в нацистском приветствии и стали орать: «Хайль!» Гитлер поднимает руку, просит тишины. Он говорит негромко: «Члены германского рейхстага!» Абсолютная тишина.

«В этот исторический час, когда в западных областях рейха германские войска идут навстречу своему мирному будущему, нас всех должны соединить две священные клятвы».

Больше он говорить не может. Для парламентской толпы сообщение о том, что немецкие войска вступили в Рейнскую зону, является новостью. Милитаризм, бродивший в их крови, теперь ударяет им в голову. Они с воплями вскакивают, по инерции вскидывая в приветствии руки. Их лица искажены, рты широко открыты. И они истерически кричат, кричат… Их горящие фанатизмом глаза прикованы к новому богу, к мессии. Сам мессия играет свою роль великолепно. Опустив, будто в смирении, голову, он терпеливо ждет тишины. Потом голосом все еще тихим, но переполненным эмоциями, выкрикивает две клятвы: «Во-первых, мы клянемся не прибегать к силе для

восстановления чести нашего народа… Во-вторых, мы клянемся, что теперь, как никогда ранее, будем стремиться к взаимопониманию с европейскими народами, особенно с западными соседями… У нас нет территориальных притязаний в Европе! Германия никогда не нарушит мира!»

Еще долго звучали приветственные возгласы… Некоторые генералы протискивались к выходу. За их улыбками легко угадывалась нервозность… Я столкнулся с генералом Бломбергом… Лицо у него было бледное, щеки подергивались.

И было отчего. Военный министр, всего пять дней назад собственноручно составивший приказ о вторжении, явно нервничал. На следующий день я узнал, что войскам был отдан приказ отступить за Рейн, если французы окажут сопротивление. Но французы не предприняли никаких шагов. Франсуа-Понсе уверял, будто после его предупреждения в ноябре минувшего года французское верховное командование запросило правительство, что оно намерено предпринять, если посол окажется прав. Ответ, по его словам, был таков: правительство поднимет вопрос в Лиге Наций. На самом деле, когда удар был нанесен[77], именно правительство Франции призывало к действиям, а генеральный штаб противился. «Генерал Гамелен, — пишет Франсуа-Понсе, заявил, что боевые действия, даже в малом масштабе, влекут за собой непредсказуемый риск и не могут быть начаты без объявления всеобщей мобилизации». Генерал Гамелен, начальник генерального штаба, счел необходимым предпринять одно — сконцентрировать тринадцать дивизий на границе с Германией, и то для усиления линии Мажино. Даже этого оказалось достаточно, чтобы повергнуть в панику германское высшее командование. Бломберг, поддерживаемый Йодлем и другими старшими офицерами, хотел отозвать три батальона, перешедшие Рейн. Как показывал на Нюрнбергском процессе Йодль, «учитывая положение, в котором мы оказались, французская армия могла разорвать нас на куски».

Бесспорно, разорвала бы, что, конечно же, явилось бы концом Гитлера и история могла бы пойти совсем по другому, более светлому пути, — диктатор не пережил бы такого фиаско, в этом позднее признавался и сам Гитлер: «Наше отступление кончилось бы полным крушением». Только железные нервы Гитлера спасли положение, как и во многих последующих кризисах, ставя в тупик оппозиционно настроенных генералов. Но это был тяжелый для Гитлера момент.

Переводчик Гитлера Пауль Шмидт слышал, как тот говорил:

«Сорок восемь часов после марша в Рейнскую зону были самыми драматическими в моей жизни. Если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, нам пришлось бы удирать, поджав хвост, так как военные ресурсы наши были недостаточны для того, чтобы оказать даже слабое сопротивление».

Будучи уверен в том, что Франция не пошлет свои войска, он резко отклонил предложение колебавшегося армейского командования вернуть войска. Генерал Бек просил фюрера смягчить удар, объявив, что территория к западу от Рейна не будет укрепляться. Как сообщал в своих показаниях Йодль, это предложение «фюрер отверг с особой резкостью» — и не без оснований, как мы потом убедимся. Генералу фон Рундштедту Гитлер позднее заявил, что это был акт трусости.

«Что случилось бы, — говорил Гитлер в кругу приближенных вечером 27 марта 1942 года в своей штаб-квартире, вспоминая дни переворота в Рейнской зоне, — если бы не я, а кто-то другой стоял во главе рейха! У всех, кого бы вы ни назвали, сдали бы нервы. Я был вынужден лгать, а спасло нас мое непоколебимое упрямство и моя удивительная самоуверенность».

Все верно, но нельзя забывать, что ему помогли колебания Франции и бездеятельность ее союзника — Великобритании. Министр иностранных дел Франции Пьер Этьен Фланден 11 марта вылетел в Лондон, где умолял британское правительство поддержать Францию в военных действиях против Германии в Рейнской зоне. Просьбы его были напрасны. Англия не рискнула воевать, несмотря на подавляющее превосходство союзных сил над немецкими. Как заметил лорд Лотиан: «Германия в конце концов просто вышла в свой собственный палисадник». Даже до прибытия французов в Лондон Антони Иден, ставший в декабре минувшего года министром иностранных дел, говорил в палате общин: «Оккупация рейхсвером Рейнской зоны нанесла серьезный удар по принципу соблюдения договоров. К счастью, — добавил он, — у нас нет оснований полагать, что настоящие действия Германии представляют для нас угрозу».

И тем не менее Франция по Локарнскому договору имела право предпринять военные действия против германских войск в демилитаризованной зоне, а Англия была обязана по этому же договору поддержать ее своими вооруженными силами. Пустые разговоры в Лондоне дали Гитлеру повод считать, что авантюра сошла ему с рук.

Великобритания не только постаралась избежать риска войны, но и в очередной раз серьезно восприняла «мирные» заверения Гитлера. В нотах, переданных трем послам 7 марта, и в своей речи в рейхстаге Гитлер предлагал подписать пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет с Бельгией и Францией, гарантированный Англией и Италией; заключить аналогичные пакты о ненападении с соседями Германии на Востоке; согласиться на демилитаризацию франко-германской границы; и наконец, вернуться в Лигу Наций. Об искренности Гитлера можно судить по его предложению о демилитаризации границы, так как это привело бы к тому, что Франции пришлось бы пустить на слом линию Мажино — последнюю защиту от внезапного нападения Германии.

Лондонская «Таймс», сокрушаясь по поводу стремительного вторжения Германии в Рейнскую зону, озаглавила передовую статью «Возможность перестройки».

Теперь, в ретроспективе, очевидно, что победа Гитлера в Рейнской зоне привела к таким роковым последствиям, которые в то время было трудно предугадать. В Германии популярность Гитлера резко возросла[78], поставив его на высоту, которой не достигал в прошлом ни один правитель Германии. Это обеспечило ему власть над генералами, которые в кризисных ситуациях проявляли нерешительность, в то время как Гитлер оставался непреклонным. Это приучило генералов к мысли, что в иностранных и военных делах его мнение неоспоримо. Они боялись, что французы окажут сопротивление; Гитлер оказался умнее. Наконец, оккупация Рейнской зоны совсем незначительная военная операция — открывала, как понимал Гитлер, а кроме него только Черчилль, новые возможности в потрясенной Европе, поскольку

стратегическая обстановка коренным образом изменилась после того, как три немецких батальона перешли через Рейн.

Теперь понятно, что пассивность Франции и отказ Англии поддержать ее хотя бы действиями, которые носили бы чисто полицейский характер, обернулись для Запада катастрофой, положившей начало серии других катастроф, более масштабных. В марте 1936 года две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили.

Для Франции это явилось началом конца. Ее восточные союзники — Россия, Польша, Чехословакия, Румыния и Югославия были поставлены перед фактом: Франция не будет воевать против Германии в случае агрессии, не будет придерживаться системы безопасности, над созданием которой она так кропотливо трудилась. Но и это не все. Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что даже если Франция не останется столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих молодых солдат проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток. Даже если это и произойдет, то успехи окажутся ничтожными. Франция могла оттянуть на Запад лишь небольшую часть растущей немецкой армии. Остальные войска могли быть использованы для ведения боевых действий против восточных соседей.

О значении укреплений, возводимых в Рейнской области, для гитлеровской стратегии было сказано Уильяму С. Буллиту, американскому послу в Берлине, при посещении им министерства иностранных дел Германии 18 мая 1936 года.

Фон Нейрат, как позднее докладывал Буллит госдепартаменту, заявил, что в области внешней политики Германия не будет предпринимать каких-то активных шагов, прежде чем не улягутся страсти вокруг захвата Рейнской зоны. Он пояснил, что до тех пор, пока не закончится возведение оборонительных укреплений на французской и бельгийской границах, правительство Германии будет делать все возможное для предотвращения, а не для поощрения нацистского мятежа в Австрии и проводить взвешенную политику в отношении Чехословакии. «Как только укрепления будут построены и страны Центральной Европы осознают, что Франция не сможет! беспрепятственно вторгнуться на территорию Германии, они пересмотрят свою внешнюю политику и появятся новые союзы», — сказал он.

События начали разворачиваться.

«Стоя возле могилы моего предшественника (убитого Дольфуса), — пишет в своих мемуарах д-р Шушниг, — я понял: чтобы спасти независимость Австрии, я должен стать приверженцем курса умиротворения… Нужно было делать все,

чтобы не дать Гитлеру повода для интервенции, все, чтобы вынудить его соблюдать статус-кво».

Нового австрийского канцлера воодушевило заявление Гитлера, сделанное в рейхстаге 21 марта 1935 года, о том, что «Германия не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее». Не менее обнадеживающим представлялось ему сделанное в Стрезе заявление Италии, Франции и Англии о готовности помочь отстоять независимость Австрии. Однако вскоре главный защитник Австрии Муссолини завяз в Абиссинии и порвал с Англией и Францией. Когда немцы заняли Рейнскую зону и принялись укреплять ее, д-р Шушниг понял, что настало время для умиротворения. Он начал переговоры о новом договоре с коварным немецким послом Папеном, который прибыл в Вену в конце лета, вскоре после убийства Дольфуса, чтобы завоевать для Гитлера его родину. «Национал-социализм должен превзойти и превзойдет новую австрийскую идеологию», — писал Папен 27 июля 1935 года Гитлеру в отчете о первом годе своей работы.

Австро-германское соглашение, подписанное 11 июля 1936 года, казалось, свидетельствовало о необычайной щедрости и терпимости Гитлера. Германия еще раз подтверждала признание суверенитета Австрии, обещание не вмешиваться во внутренние дела соседа. Взамен Австрия обязалась строить свою внешнюю политику с учетом того, что является «немецким государством».

Но в договоре содержались и секретные пункты. Именно в них Шушниг пошел на уступки, вследствие которых он и его маленькая страна были обречены. Он согласился тайно амнистировать австрийских политических заключенных-нацистов и назначить представителей так называемой национальной оппозиции, то есть нацистов и симпатизирующих им, на политически ответственные посты. Это помогло Гитлеру ввести в Австрию троянского коня. Именно туда перебрался вскоре венский адвокат Зейсс-Инкварт, с которым мы еще встретимся.

Хотя Гитлер и высказал Папену свое одобрение в отношении текста договора, для чего он специально приезжал в Берлин в начале июля, тем не менее фюрер пришел в ярость, узнав, что соглашение подписано, о чем Папен сообщил ему по телефону 16 июля.

«Реакция Гитлера меня удивила, — писал позднее Папен. — Вместо благодарности он обрушил на меня поток оскорблений: я ввел его в заблуждение, он пошел на слишком большие уступки… а вся эта затея была ловушкой».

Как выяснилось, то оказалась ловушка для Шушнига, но не для Гитлера.

Подписание австро-германского договора доказало, что позиции Муссолини в Австрии ослабли. Можно было ожидать, что это соглашение испортит отношения между двумя фашистскими диктаторами, но случилось обратное — из-за событий, произошедших тогда же, в 1936 году, и сыгравших на руку Гитлеру.

2 мая 1936 года итальянские войска захватили столицу Абиссинии Аддис-Абебу, а 4 июля Лига Наций капитулировала, отменив санкции против Италии.

Через две недели Франко поднял военный мятеж в Испании — началась гражданская война.

По давней привычке Гитлер находился в это время на Вагнеровском фестивале в Байрейте. Вечером 22 июля, после того как он вернулся со спектакля, к нему явился немецкий бизнесмен из Марокко в сопровождении тамошнего лидера нацистов. Они прибыли в Байрейт со срочным письмом от Франко — предводителю мятежников нужны были самолеты и другая помощь. Гитлер немедленно вызвал Геринга я генерала фон Бломберга, которые тоже находились в Байрейте. В тот же вечер было принято решение помочь испанским мятежникам.

Хотя помощь Германии Франко не может сравниться с помощью Италии, которая направила в Испанию от 60 до 70 тысяч солдат и большое количество самолетов и оружия, она все же представляется значительной. Позднее немцы подсчитали, что на это предприятие они потратили полмиллиарда марок, не считая поставок самолетов, танков, отправки технического персонала и легиона «Кондор» — авиационного соединения, печально знаменитого тем, что оно уничтожило город Гернику со всем его населением. По сравнению с перевооружением самой Германии это было не так много, но это принесло Гитлеру солидные дивиденды.

В результате на границах Франции появилось третье враждебно настроенное фашистское государство. Внутри Франции это породило новые споры между правыми и левыми силами, что ослабило основного соперника Германии на Западе. Кроме того, это исключило сближение Франции и Англии с Италией, на которое надеялись Париж и Лондон после завершения войны в Абиссинии. Это же толкнуло Муссолини в объятия Гитлера.

Политика фюрера по отношению к Испании с самого начала отличалась расчетливостью. При внимательном прочтении захваченных немецких документов становится ясно, что одной из целей Гитлера было продление гражданской войны в Испании, чтобы и дальше держать в состоянии ссоры Италию и западные державы и одновременно привлечь на свою сторону Муссолини[79]. Еще в декабре 1936 года Ульрих фон Хассель, посол Германии в Риме, тогда еще не осознавший целей и методов нацизма, к чему он пришел позднее, что стоило ему жизни, докладывал на Вильгельмштрассе:

«Роль Испанского конфликта с точки зрения отношений Италии» с Англией и Францией похожа на роль Абиссинского конфликта. Она наглядно демонстрирует различие интересов держав и таким образом препятствует вовлечению Италии в сеть западных государств и использованию ее для их махинаций. Борьба за политическое влияние в Испании обнажает природу разногласий между Италией и Францией; в то же время позиция Италии как державы Западного Средиземноморья вступает в конфликт с позицией Англии. Все это даст Италии понять желательность тесного союза с Германией против западных держав».

В результате этих обстоятельств образовалась ось Берлин — Рим. 24 октября после встречи с Нейратом в Берлине граф Галеаццо Чиано, зять Муссолини и министр иностранных дел, совершил свое первое паломничество в Берхтесгаден. Германского диктатора он застал в хорошем настроении. Гитлер дружелюбно заявил, что Муссолини — «государственный деятель мирового масштаба, с которым никто не может сравниться». Италия и

Германия вместе могут победить не только большевизм, но и всю Европу, включая Англию! Англия, как полагал Гитлер, вероятно, будет искать союза с Италией и Германией. Если этого не случится, то две державы в состоянии от нее избавиться. «Перевооружение в Италии и Германии, — говорил Гитлер Чиано, идет гораздо быстрее, чем оно может идти в Англии… Через три года Германия будет готова». Установление этого срока весьма симптоматично — через три года наступит осень 1939-го.

21 октября в Берлине Чиано и Нейрат подписали секретный протокол, определивший общую для Италии и Германии внешнюю политику. Через несколько дней, точнее, 1 ноября Муссолини, не вдаваясь в подробности, говорил об этом соглашении как об образовавшем «ось», вокруг которой будут вращаться другие европейские государства. Впоследствии этот термин станет широко известным, а для дуче роковым.

Имея Муссолини в качестве союзника, Гитлер стал расширять сферу своих интересов. В августе 1936 года он назначил Риббентропа послом в Лондоне, поручив ему прозондировать возможность заключения договора с Англией, естественно, на своих условиях. Как заметил Геринг, ленивый и некомпетентный, тщеславный как павлин, высокомерный и не обладавший чувством юмора Риббентроп был самой неподходящей кандидатурой на этот пост. «Когда я стал критиковать кандидатуру Риббентропа, заявляя, что он не справится с английскими делами, — говорил позднее Геринг, — фюрер сказал мне, что Риббентроп знает лорда такого-то и министра такого-то. На это я ответил: «Вся беда в том, что и они знают Риббентропа».

Действительно, Риббентроп при всей своей непривлекательности имел влиятельных друзей в Лондоне. Одним из них, как считали в Берлине, была миссис Симпсон, друг короля. Но первые же шаги Риббентропа на новом поприще не внушили надежд, поэтому в ноябре он вернулся в Берлин, чтобы довести до конца не имеющие отношения к Англии дела, в которых он к тому времени погряз. 25 ноября он подписал Антикоминтерновский пакт с Японией, согласно которому, как он не моргнув глазом заявил иностранным корреспондентам, в том числе и автору этих строк, Германия и Япония объединились, чтобы защитить западную цивилизацию. Это могло показаться пропагандистским трюком, с помощью которого Германия и Япония, играя на ненависти к коммунизму и недоверии к Коминтерну, намеревались завоевать поддержку во всем мире, если бы не секретный протокол, направленный против России. В случае неспровоцированного нападения Советского Союза на Германию или Японию две державы договорились провести консультации для определения мер, предусматривающих «защиту общих интересов», а также «не предпринимать каких-либо шагов, способных облегчить положение Советского Союза». Была также достигнута договоренность о том, что ни одна из сторон не будет без согласия другой стороны заключать с Советским Союзом договоров, противоречащих духу достигнутого соглашения. На следующий год пакт подписала и Италия.

30 января 1937 года в своем выступлении в рейхстаге Гитлер заявил, что «Германия убирает свою подпись с Версальского договора» — ничего не значащий жест, так как договор к тому времени уже был похоронен. Гитлер с гордостью подводил итоги своего четырехлетнего правления. Гордость была вполне оправданна, ибо успехи во внутренней и внешней политике были весьма ощутимы. Как мы видели, он покончил с безработицей, создал бум в деловом мире, создал мощную армию, авиацию и флот, снабдив их

значительным количеством оружия и обещая дать еще больше. Он единолично порвал цепи Версаля, занял Рейнскую зону. Пребывая в начале своего правления в полной изоляции, теперь он имел надежных союзников в лице Муссолини и Франко. Он оторвал Польшу от Франции. Но самое главное заключалось, вероятно, в том, что он пробудил энергию в немцах, возродил их веру в нацию, укрепил мысль о роли нации как величайшей в мире.

Разница между процветающей, воинственной Германией, ведущей смелую политику, и западными увядающими демократиями, которые колебались и терпели провал за провалом, была очевидна. Несмотря на охватившую их тревогу, ни Англия, ни Франция и пальцем не пошевелили, чтобы помешать Гитлеру нарушить мирный договор и оккупировать Рейнскую зону; не смогли они остановить и Муссолини в Абиссинии. Теперь, в 1937 году, они предпринимали жалкие попытки остановить Германию и Италию в их стремлении предрешить исход гражданской войны в Испании. Всем было прекрасно известно, что предпринимают Италия и Германия для обеспечения победы Франко. Тем не менее правительства Лондона и Парижа годами вели бесплодные политические дебаты с Берлином и Римом, дабы гарантировать их «невмешательство» в испанские дела. Эта игра очевидно, забавляла германского диктатора. И еще больше увеличила его презрение к нерешительным правителям Франции и Англии _ этим «ничтожным червякам», которых он вскоре назвал так и унизил с величайшей легкостью.

Ни правительства Франции и Великобритании, ни их народы, ни сами немцы в начале 1937 года, казалось, не понимали, что в течение четырех предшествовавших лет Гитлер занимался одним — подготовкой к войне. Автор этих строк по собственным наблюдениям знает, что до 1 сентября 1939 года немцы были убеждены, что Гитлер достигнет того, чего хочет и чего хотят они, не прибегая к войне. Но среди элиты, правящей Германией и занимающей ключевые посты, сомнений относительно целей Гитлера быть не могло. Четырехлетний «испытательный», как называл его Гитлер, период нацистского правления подходил к концу. Геринг, которому в сентябре 1936 года было поручено следить за осуществлением четырехлетнего плана, открыто заявил об этом в речи, произнесенной им на закрытом собрании промышленных тузов и высоких официальных лиц в Берлине:

«Мы приближаемся к сражению, которое потребует от нас наивысшей производительности труда. Предела перевооружения пока не предвидится. Альтернатива одна — победа или уничтожение… Мы живем в такое время, когда последнее, решительное сражение не за горами. Мы находимся на пороге мобилизации и войны. Не хватает разве что выстрелов».

Это предупреждение Геринга прозвучало 17 декабря 1936 года. А через одиннадцать месяцев, как мы убедимся, Гитлер сделал роковой и окончательный выбор в пользу войны.

1937 год: никаких сюрпризов

30 января, обращаясь к марионеткам в рейхстаге, Гитлер провозгласил: «Время так называемых сюрпризов кончилось». И действительно, в течение 1937 года субботних сюрпризов он не устраивал[80]. Весь год Германия накапливала силы для осуществления замыслов, о которых в конце концов

Гитлер объявил в ноябре горстке своих генералов. Этот год был посвящен организации армии, учениям войск, испытаниям новых ВВС в Испании[81], расширению производства эрзац-горючего и искусственного каучука, укреплению оси Берлин — Рим, выискиванию новых слабых мест в политике Парижа, Лондона и Вены.

В течение первых месяцев 1937 года Гитлер посылал в Рим влиятельных эмиссаров для обработки Муссолини. Германию несколько смущало заигрывание Италии с Англией. 2 января Чиано подписал «джентльменское соглашение» с британским правительством, в котором обе стороны признавали жизненные интересы друг друга в Средиземноморье. Германия сознавала, что вопрос об Австрии оставался для Рима весьма щекотливым. 15 января Геринг встретился с дуче и напрямик заявил ему о неизбежности аншлюса Австрии. По словам немецкого переводчика Пауля Шмидта, легко возбудимый итальянский диктатор яростно замотал головой. Посол фон Хассель сообщал в Берлин, что заявление Геринга по поводу Австрии «было встречено прохладно». В июне Нейрат поспешил заверить дуче, что Германия останется верна пакту, подписанному с Австрией 11 июля, что она предпримет решительные шаги только в случае попытки реставрации Габсбургов.

Успокоенный таким образом насчет Австрии и испытывавший сопротивление со стороны Франции и Англии во всех своих устремлениях — в Эфиопии, Испании и на Средиземном море, Муссолини принял приглашение Гитлера посетить Германию. 25 сентября 1937 года в новой униформе, сшитой специально для этого визита, Муссолини перевалил через Альпы и прибыл в третий рейх. Гитлер и его окружение принимали Муссолини как героя-завоевателя. И дуче не сумел тогда предугадать, как пагубно повлияет это путешествие на его судьбу приведет к ослаблению его собственного положения и в итоге к печальному концу. В намерения Гитлера не входило продолжать дипломатические переговоры. Он хотел поразить Муссолини мощью Германии и сыграть на его стремлении быть на стороне победителя. Дуче возили по всей стране, ему показывали парады СС, армейские маневры в Мекленбурге, грохочущие военные заводы в Руре.

Кульминацией визита явилось празднество, состоявшееся в Берлине 28 сентября, которое произвело на дуче сильное впечатление. Миллионная толпа собралась на Майфельде, чтобы послушать выступление двух фашистских диктаторов. Муссолини, выступавший на немецком, был необычайно польщен неумолкающими аплодисментами и речами Гитлера. Дуче сказал о фюрере, что это «один из редких людей, на которых не проверяется история, но которые сами творят историю». Я помню, что Муссолини еще не закончил свое выступление, когда разразилась гроза. Многочисленная толпа прорвала заграждение войск СС, и насквозь промокший и озлобленный Муссолини был вынужден в одиночестве изо всех сил протискиваться через нее, чтобы отбыть в свою резиденцию. Однако это неприятное происшествие не охладило его желания стать партнером новой, сильной Германии, и на следующий день после парада частей армии, авиации и флота он вернулся в Рим, убежденный в том, что в будущем его место рядом с Гитлером.

Неудивительно, что через месяц, когда Риббентроп отправился в Рим, чтобы получить подпись Муссолини под Антикоминтерновским пактом, дуче во время приема 6 ноября сообщил ему, что Италия утратила интерес к независимости Австрии. «Пусть события (в Австрии) развиваются своим чередом», — сказал Муссолини. Это был сигнал к действию, которого так ждал Гитлер.

И еще на одного правителя растущая мощь Германии произвела впечатление. Когда Гитлер нарушил Локарнский договор, занял Рейнскую зону и направил войска к границе с Бельгией, король Леопольд денонсировал Локарнский пакт, разорвал союз с Францией и Англией и объявил, что впредь Бельгия будет строго придерживаться нейтралитета. Это был серьезный удар по коллективной обороне на Западе, но Англия и Франция в апреле 1937 года примирились с этим, за что вскоре, так же как и Бельгия, дорого заплатили.

В конце мая на Вильгельмштрассе с интересом наблюдали, как Стэнли Болдуин ушел с поста премьер-министра Великобритании и как его место занял Невилл Чемберлен. Немцы остались довольны сообщением о том, что новый премьер будет заниматься внешней политикой активнее, чем его предшественник, и что он намерен достичь, если это возможно, взаимопонимания с Германией. Какое именно взаимопонимание устроило бы Гитлера — было ясно изложено в секретном меморандуме от 10 ноября, составленном бароном фон Вайцзекером, который был тогда статс-секретарем министерства иностранных дел Германии.

«От Британии нам нужны колонии и свобода действий на Востоке.

…Британии спокойствие крайне необходимо. Было бы уместно узнать, чем за это спокойствие она готова заплатить».

Возможность выяснить, чем готова заплатить Англия, появилась в ноябре, когда лорд Галифакс с одобрения Чемберлена совершил паломничество в Берхтесгаден для встречи с Гитлером. 19 ноября они имели продолжительную беседу. В пространном секретном меморандуме, составленном германским министерством иностранных дел, выделяются три момента: Чемберлен, всеми силами стремясь установить отношения с Германией, предложил провести переговоры на уровне глав правительств; Англия желает добиться общего умиротворения в Европе, за это она готова пойти на уступки Гитлеру в вопросе о колониях и действиях в Восточной Европе; Гитлер не очень заинтересован в настоящее время в англо-германском союзе.

Несмотря на в общем-то неудачный итог переговоров, англичане, к удивлению немцев, остались довольны[82]. Правительство Великобритании удивилось бы гораздо сильнее, если бы узнало о сверхсекретном совещании, которое Гитлер провел с высшими военными чинами и министром иностранных дел за две недели до встречи с лордом Галифаксом.

Роковое решение 5 ноября 1937 года

24 июня 1937 года фельдмаршал фон Бломберг издал директиву с грифом «Совершенно секретно», с которой было сделано всего четыре копии. Она предназначалась командующим тремя видами вооруженных сил, и в ней указывалось, как будут развиваться события и какие приготовления к ним необходимо сделать. «Общая политическая обстановка, — писал военный министр и главнокомандующий вооруженными силами командующим, — дает право предполагать, что Германии не приходится ожидать нападения с какой-либо стороны». И далее он указывал, что ни западные державы, ни Россия не имеют намерения воевать и не готовы к войне.

«Несмотря на эти факты, — указывалось далее в директиве, — неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне… чтобы быть в состоянии использовать военным путем политически благоприятные условия, если таковые возникнут. Подготовка вооруженных сил к возможной войне должна вестись в течение мобилизационного периода 1937/38 г. в соответствии с изложенными соображениями».

Что за возможная война, если Германия не ждет нападения «с какой-либо стороны»? Бломберг далее пояснял, что существует два варианта развития событий, для которых разрабатываются планы:

«I. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Западе (развертывание по варианту «Рот»).

II. Война на два фронта при сосредоточении главных усилий на Юго-Востоке (развертывание по варианту «Грюн»)».

Первый вариант предусматривал, что Франция могла внезапно напасть на Германию, тогда основные боевые действия велись бы на Западе. Эта операция получила кодовое название «Рот»[83].

Сам Галифакс, казалось, был обманут Гитлером. В письменном отчете в министерство иностранных дел он докладывал: «Германский канцлер и другие производят впечатление людей, которые не пустятся в авантюры с применением силы и не развяжут войну». По словам Чарльза С. Тэнзилла, Галифакс говорил Чемберлену, что Гитлер «не намерен действовать в ближайшем будущем частично из-за невыгодности таких действий, частично из-за того, что занят внутригерманскими делами… Геринг уверил его, что ни одна капля немецкой крови не прольется в Европе, если Германию к этому не принудят. Ему (Галифаксу) показалось, что немцы намерены достичь своих целей мирным путем» (Тензилл Ч. Черный ход к войне, с. 365–366). — Прим. авт.

В соответствии со вторым вариантом война на Востоке могла начаться с внезапной операции против Чехословакии с целью упредить нападение превосходящих сил вражеской коалиции. Условия, необходимые для того, чтобы оправдать эту акцию с точки зрения международного права, предстояло создать заранее.

Чехословакию, как указывалось в директиве, необходимо было «сразу уничтожить» и оккупировать.

Еще в трех случаях надо было провести «особые меры подготовки»:

«I. Вооруженная интервенция против Австрии (операция «Отто»),

II. Военные конфликты с красной Испанией (операция «Рихард»).

III. В войне против нас участвуют Англия, Польша, Литва (расширение вариантов «Рот» и «Грюн»)».

Вариант «Отто» будет часто встречаться на страницах этой книги. «Отто» — это Отто Габсбург, молодой претендент на австрийский престол, проживавший

тогда в Бельгии. В июньской директиве Бломберга вариант «Отто» сводился к следующему:

«Целью интервенции будет: силой оружия вынудить Австрию отказаться от реставрации монархии.

Для этого придется, используя внутриполитическую раздробленность австрийского народа, бросить войска в общем направлении на Вену и сломить всякое сопротивление».

В конце этого разоблачительного документа содержится предостережение, проникнутое отчаянием. Оно отражает отсутствие иллюзий в отношении Англии. «Англия, — говорится в нем, — бросит против нас все имеющиеся в ее распоряжении экономические и военные средства». Если она объединится с Польшей и Литвой, указывается в директиве, то положение Германии «ухудшилось бы в критической мере, могло бы даже стать безнадежным. Поэтому политическое руководство приложит все усилия, чтобы сохранить нейтралитет этих стран, в первую очередь Англии и Польши».

Хотя директива и была подписана Бломбергом, очевидно, что исходила она от рейхсканцелярии. В этот мозговой центр третьего рейха для получения дальнейших инструкций от Гитлера вечером 5 ноября 1937 года пришли шесть человек: фельдмаршал фон Бломберг, военный министр и главнокомандующий вооруженными силами; генерал-полковник барон фон Фрич, главнокомандующий сухопутными войсками; адмирал доктор Редер, главнокомандующий ВМС; генерал-полковник Геринг, главнокомандующий ВВС; барон фон Нейрат, министр иностранных дел; полковник Хоссбах, адъютант фюрера. Имя Хоссбаха в книге ранее не встречалось и впредь не встретится, но, когда на Берлин опускался тот ноябрьский вечер, молодой полковник играл довольно важную роль. Он записывал все, что говорил Гитлер, а через пять дней воплотил все сказанное в сверхсекретный меморандум, зафиксировав для истории (этот отчет фигурировал на Нюрнбергском процессе в числе других трофейных документов) поворотный пункт в судьбах третьего рейха.

Встреча началась в 16.15 и закончилась в 20.30. Говорил в основном Гитлер. То, что он скажет, начал он, является плодом «долгих размышлений и пребывания в течение четырех с половиной дет у власти». Он объяснил: это настолько важно, что в случае его смерти все сказанное им следует считать его последней волей и завещанием.

«Цель германской политики, — заявил он, — охранять и сохранять расу, приумножать ее. Стало быть, это вопрос пространства (жизненного пространства)». Немцы, пояснил он, имеют право на большее жизненное пространство, чем другие народы. Значит, будущее Германии полностью зависит от решения этого вопроса. И не где-нибудь в далеких африканских или азиатских колониях, а в сердце Европы, в «непосредственной близости от рейха». Для Германии вопрос стоял так: где она может достичь наибольшего успеха наименьшей ценой?

«История всех веков — от Римской империи до Британской империи доказала, что экспансию можно проводить только подавляя сопротивление и идя на риск; при этом неудачи неизбежны. Никогда еще не было земель без хозяина, и сейчас их нет; завоеватель всегда вступает в борьбу с владельцем».

Две «дышащие ненавистью» страны, заявил Гитлер, стоят на пути Германии — Англия и Франция. Обе эти страны выступают против «дальнейшего усиления позиций Германии». Он, фюрер, не верит, что Британская империя несокрушима. Подтверждая свою мысль, он указал на слабости Англии: проблемы с Ирландией и Индией, соперничество с Японией на Дальнем Востоке и с Италией в Средиземноморье. Позиция Франции, полагал Гитлер, «выигрышнее, чем позиция Англии… но Франции предстояло столкнуться с внутренними политическими трудностями». Тем не менее Англия, Франция и Россия «должны быть учтены в наших политических расчетах как важные факторы».

Следовательно:

«Германские проблемы могут быть решены только силой, а это влечет неминуемый риск… Если принять за основу установку на силу с сопутствующим этому риском, то остается ответить на, вопросы: когда и где? Тут возможны три варианта:

Вариант 1: 1943–1945 годы

После этого периода, по нашему мнению, возможны перемены только к худшему. Вооружение армии, военного флота и авиации… следует считать более или менее законченным. Вооружение и оборудование находится на современном уровне, а в случае дальнейшего выжидания возникнет угроза его устаревания. В частности, секрет «особого оружия» не может вечно оставаться секретом… Наша относительная мощь будет уменьшаться в соответствии… с перевооружением… остального мира. К тому же мир ожидал нашего нападения и принимал контрмеры в течение ряда лет. Пока весь мир укреплял свою оборону, мы были вынуждены занять наступательные позиции.

Никто не знает, как сложится обстановка к 1943–1945 годам. Одно ясно: ждать мы больше не можем.

Если фюрер еще будет жив, то не позже 1943–1945 годов он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии.

Необходимость действовать ранее 1943–1945 годов может появиться в вариантах 2 и 3.

Вариант 2

Если внутренний кризис во Франции разрастется так широко, что затронет армию и сделает ее неспособной воевать против Германии, тогда настанет время действовать против чехов.

Вариант 3

Если Франция будет находиться в состоянии войны с другим государством, то она не сможет выступить против Германии.

Наша первая задача… опрокинуть Чехословакию и Австрию одновременно, чтобы устранить угрозу на флангах в случае возможных операций на Западе… Если Чехословакия будет разгромлена и будет создана общая германо-венгерская

граница, то с большой долей определенности можно рассчитывать на нейтралитет Польши в случае франко-германского конфликта».

Но как поступят Франция, Англия, Италия и Россия? На этот вопрос Гитлер ответил довольно обстоятельно. Он полагал, «что Англия почти наверняка, а Франция предположительно уже списали чехов со счетов. Трудности в империи и перспектива снова оказаться втянутой в долгую европейскую войну являлись решающими факторами против ее участия в войне с Германией. Позиция Англии несомненно окажет влияние на позицию Франции. Нападение Франции без поддержки Англии мало вероятно, поскольку существует угроза быть остановленной на наших западных укрепленных границах. Точно так же вряд ли следует ожидать марша французских войск через Бельгию и Голландию без поддержки Англии… Конечно, необходимо будет держать крупные силы на наших западных границах во время нападения на Чехословакию и Австрию».

После этого Гитлер перечислил преимущества, связанные с аннексией Чехословакии и Австрии: лучшее стратегическое положение Германии, высвобождение войск «для других целей», дополнительное продовольствие для шести миллионов немцев рейха и людские резервы (приблизительно 12 миллионов «немцев»), из которых можно формировать двенадцать армейских дивизий.

Он забыл упомянуть о том, как могут повести себя в данном случае Италия и Россия, и вернулся к этому вопросу. Он подверг сомнению возможность вмешательства Советского Союза, «учитывая позицию Японии». Италия не будет возражать «против уничтожения чехов», но было неясно, как она отнесется к захвату Австрии. Это зависело главным образом «от того, останется ли у власти дуче».

Вариант 3 предусматривал, что Франция будет находиться в состоянии войны с Италией, — на этот конфликт Гитлер очень рассчитывал. Именно поэтому, объяснял он, его политика и направлена на затягивание гражданской войны в Испании; эта война ссорила Италию с Англией и Францией. Он видел, «что война между ними приближалась». В общем, Гитлер был преисполнен решимости использовать указанное преимущество, даже если это случится в начале 1938 года, — до начала 1938 года оставалось два месяца. Он был уверен, что Италия, если ей будет оказана небольшая помощь сырьем, сможет противостоять Англии и Франции.

«Если Германия воспользуется этой войной, чтобы решить вопрос Чехословакии и Австрии, то можно предположить, что Англия, втянутая в войну с Италией, не решится предпринимать действия против Германии. А без поддержки Англии вряд ли можно ожидать военных действий против Германии со стороны Франции.

Время нашего нападения на Чехословакию и Австрию должно определяться ходом англо-франко-итальянской войны… Такая выгодная ситуация… больше не повторится… Захват Чехословакии должен быть произведен молниеносно».

5 ноября 1937 года, в половине девятого, когда на Берлин опустился вечер, встреча закончилась. Жребий был брошен. Гитлер объявил о своем окончательном решении встать на путь войны. У горстки людей, которым предстояло вести эту войну, не осталось никаких сомнений. Десять лет, начиная с появления «Майн кампф», 'диктатор твердил, что «жизненное

пространство» Германия обретет на Востоке и нужно быть готовым отобрать его силой; но тогда, десять лет назад, он был мало кому известным агитатором, а книга его, по свидетельству фельдмаршала фон Бломберга, считалась среди солдат, да и не только среди солдат, «обыкновенной пропагандой» и «продавалась чуть ли не насильно».

Но теперь шефам вермахта и министру иностранных дел был представлен план с конкретными сроками агрессии против двух соседних государств, что должно было привести к войне в Европе. Им предстояло закончить подготовку к 1938 году, самое позднее — к 1943–1945 годам.

Осознание этого факта ошеломило их. Не то чтобы, согласно записи Хоссбаха, их поразила безнравственность планов фюрера, нет. Их волновали более практические моменты: Германия еще не готова к большой войне; начало войны в настоящее время означало бы катастрофу.

С этих позиций Бломберг, Фрич и Нейрат осмелились подвергнуть сомнению сказанное фюрером. В течение трех последующих месяцев всех троих вынудили покинуть свои посты. Гитлер избавился от оппозиции, которую они собой представляли, — это была единственная оппозиция за все время его нахождения у власти в третьем рейхе — и открыто встал на путь завоеваний, чтобы исполнить свое предназначение. Первые шаги на этом пути дались очень легко, чего не предвидел ни Гитлер, ни его приспешники.

СТРАННАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ: ПАДЕНИЕ БЛОМБЕРГА, ФРИЧА, НЕЙРАТА И ШАХТА

Решение использовать вооруженные силы против Австрии и Чехословакии даже в том случае, если это вовлечет Германию в войну с Англией и Францией, изложенное Гитлером 5 ноября, явилось таким ударом для министра иностранных дел барона фон

Нейрата, что он, человек мягкий, слабовольный, перенес несколько сердечных приступов.

«Речь Гитлера меня очень огорчила, — говорил он на Нюрнбергском процессе, — потому что она подорвала основы той внешней политики, которую я настойчиво проводил в жизнь». Занятый такими мыслями, несмотря на сердечные приступы, он через два дня пригласил генерала фон Фрича и начальника генерального штаба генерала Бека обсудить, что можно предпринять, «чтобы заставить Гитлера отказаться от своих идей». На Бека речь фюрера, по словам полковника Хоссбаха, сообщившего о ней генералу, произвела впечатление ошеломляющее. Решили, что Фрич во время ближайшей встречи с фюрером доложит ему о нежелательности такой акции с военной точки зрения, а Нейрат будет говорить о том, какие опасные политические последствия она может повлечь. Что касается Бека, то он немедленно раскритиковал планы Гитлера на бумаге впрочем, записей этих он никому не показал. Это было первым признаком прозрения, имевшего роковые

последствия для уважаемого генерала, который вначале приветствовал приход нацизма, а после неудавшейся попытки покончить с ним расстался с жизнью.

Генерал фон Фрич и Гитлер встретились 9 ноября. Записи их беседы не сохранилось, но можно предположить, что главнокомандующий сухопутными войсками повторил свои доводы, направленные против планов Гитлера, и ничего не добился. Гитлер не намеревался терпеть оппозицию со стороны своих генералов и министра иностранных дел. Он отказался принять Нейрата и отправился на длительный отдых в свою резиденцию в горах Берхтесгаден. Только в середине января потрясенный Нейрат смог добиться аудиенции у фюрера.

«Я постарался дать понять ему, — говорил Нейрат в Нюрнберге, — что его политика приведет к мировой войне и что я не желаю быть к этому причастным. Я обращал его внимание на угрозу возникновения войны и на серьезные возражения генералов… Когда, несмотря на мои доводы, он остался при своем мнении, я заявил, что ему придется поискать себе другого министра иностранных дел…»

Именно этого и добивался Гитлер, хотя Нейрат о его намерениях не догадывался. Через две недели фюреру предстояло отметить пятую годовщину прихода к власти. Он намеревался ознаменовать это событие чисткой не только в министерстве иностранных дел. но и в армии. Втайне он не доверял этим цитаделям «реакционных высших классов», которые никогда полностью не принимали его, не понимали его идей. Бломберг, Фрич и Нейрат вечером 5 ноября показали, что они стоят на пути достижения его целей. Последним двум господам, как, впрочем, и услужливому Бломбергу, которому Гитлер был многим обязан, предстояло уйти в отставку вслед за доктором Шахтом, изворотливым финансистом, одним из первых поддержавшим Гитлера.

Шахт, как мы видели, не жалел энергии и умения для скорейшего перевооружения Германии. Будучи министром экономики, он любыми путями, даже используя печать, изыскивал средства для новой армии, флота и авиации. Он же оплачивал счета за оружие. Но существовал предел, переступив который государство становилось банкротом. По мнению Шахта, в 1936 году Германия подошла к этому пределу. Он предупредил об этом Гитлера, Геринга и Бломберга — все безрезультатно, хотя военный министр некоторое время был на его стороне. После назначения Геринга в сентябре 1936 года ответственным за четырехлетний план, ставящий целью, которую Шахт считал невыполнимой, в течение четырех лет сделать Германию экономически самостоятельным государством, шеф люфтваффе практически превратился в диктатора в области экономики. Шахт был человеком честолюбивым[84] , к тому же он прекрасно знал, насколько невежествен Геринг в экономике. Попав в столь невыгодное положение, Шахт после ряда ожесточенных стычек с Герингом попросил Гитлера передать бразды правления экономикой в руки соперника, а ему, Шахту, разрешить уйти в отставку. К его разочарованию, представители крупных деловых кругов, как он вспоминал впоследствии, «толпились в приемной Геринга в надежде получить заказы», в то время как он делал все возможное, чтобы голос разума был услышан.

Заставить кого-либо прислушаться к голосу разума в атмосфере нацистского безумия в Германии 1937 года было задачей невыполнимой. Шахт осознал это после очередных столкновений с Герингом в течение лета, назвав неразумной валютную политику рейха, политику в области производства и финансов. В

августе он отправился в Оберзальцберг, чтобы официально объявить Гитлеру о своей отставке. Фюрер противился его отставке, полагая, что это приведет к нежелательной реакции в стране и за рубежом, но министр был непреклонен, и Гитлер в конце концов согласился отпустить его через два месяца. 5 сентября Шахт ушел в отпуск, а 8 декабря его отставка была официально принята.

По настоянию Гитлера Шахт остался в кабинете как министр без портфеля и сохранил за собой пост президента Рейхсбанка. Таким образом, приличия были соблюдены, а удар, нанесенный общественности Германии и всего мира, был несколько смягчен. Влияние Шахта как тормоза на пути лихорадочной милитаризации Германии сошло на нет, но, оставаясь членом кабинета и руководя Рейхсбанком, он использовал свое имя и свою репутацию для оказания помощи Гитлеру. Очень скоро он с энтузиазмом публично поддержал первый акт неприкрытой агрессии фюрера, ибо, подобно генералам и другим консервативным силам, сыгравшим главную роль в приходе нацизма к власти, он очень медленно шел к пониманию истинного положения вещей.

Геринг был временно назначен министром экономики, а однажды вечером в середине января 1938 года Гитлер, встретив в опере Вальтера Функа, между делом объявил ему, что он станет преемником Шахта. Официальное назначение этого елейного, исполненного раболепия ничтожества, которое, как мы помним, сыграло известную роль в начале 30-х годов, сумев привлечь к Гитлеру внимание деловых кругов, все же состоялось. К этому времени в армии третьего рейха обозначился кризис, вызванный многими причинами, в том числе и проблемой сексуальных отношений — нормальных и ненормальных, что сыграло на руку Гитлеру, дав ему возможность обрушить удар на старую военную аристократию. От этого удара она так и не оправилась, что привело к страшным последствиям не только для армии, утратившей остатки своей независимости, которую она столь яростно защищала во времена империи Гогенцоллернов и Веймарской республики, но и для Германии и всего мира.

Падение фельдмаршала фон Бломберга

«Какое влияние может оказать женщина, даже не сознавая того, на историю страны, а следовательно, и всего мира!» — такую запись сделал 26 января 1938 года в своем дневнике полковник

Альфред Йодль. И далее: «Может показаться, что мы живем в роковое для немцев время».

Женщиной, которую имел в виду этот блестящий штабной офицер, была фрейлейн Эрна Грюн. Тогда, в конце 1937 года, она была последним человеком в Германии, который, по заявлению Йодля, мог ввергнуть немецкий народ в роковой кризис и оказать влияние на его историю. Наверное, только в той обстановке безумия, в которой жили правящие круги третьего рейха, подобное было возможно.

Фрейлейн Грюн была секретаршей Бломберга. К концу 1937 года генерал настолько потерял голову, что предложил ей выйти за него замуж. Его первая жена, дочь отставного армейского офицера, на которой он женился в 1904 году, скончалась еще в 1932 году. Пятеро его детей к тому времени были уже взрослыми (его младшая дочь в 1937 году вышла замуж за старшего сына генерала Кейтеля). Устав от вдовства, Бломберг решил, что настало

время жениться еще раз. Понимая, что брак высшего военачальника германской армии с простой девушкой вызовет толки в чопорном офицерском корпусе, он обратился за советом к Герингу, и тот не нашел препятствий для этого брака — разве сам он не женился после смерти супруги на разведенной актрисе? В третьем рейхе нет места нелепым армейским предрассудкам. Геринг одобрил намерение Бломберга, более того, он вызвался уладить, если в том возникнет необходимость, это дело с Гитлером и, вообще, оказать фельдмаршалу всяческую помощь. Как выяснилось, его помощь оказалась совсем иной. Фельдмаршал признался, что в деле замешан соперник. Для Геринга это не составляло проблемы: соперника всегда можно было упрятать в концентрационный лагерь. Однако, вероятно, памятуя о старомодной морали фельдмаршала, Геринг все-таки предложил отправить соперника в Южную Америку, что и было сделано.

Тем не менее Бломберг чувствовал себя неуверенно. 15 декабря 1937 года Йодль сделал в своем дневнике любопытную запись: «Генерал-фельдмаршал очень взволнован. Причины неясны. Вероятно, что-то личное. Восьмые сутки он скрывается неизвестно где».

22 декабря Бломберг появился в Мюнхене, где должен был произнести речь на похоронах генерала Людендорфа в Фельдхерн-халле. Гитлер тоже там присутствовал, но говорить отказался, поскольку герой первой мировой войны, после того как фюрер сбежал во время «пивного путча», даже слышать о нем не хотел. После похорон Бломберг рассказал Гитлеру о своем намерении вступить в брак. К радости фельдмаршала, фюрер дал свое согласие.

Свадьба состоялась 12 января 1938 года, Гитлер и Геринг были свидетелями. Но едва молодая чета отбыла в свадебное путешествие в Италию, как разразился скандал. Офицеры еще могли смириться с тем, что их фельдмаршал женился на своей стенографистке, однако они не желали смотреть сквозь пальцы на ее прошлое, которое начало открываться с самой неприглядной стороны.

Сначала поползли слухи. Потом высокомерным генералам начали названивать какие-то хихикающие девицы, вероятно из ночных клубов и кафе с сомнительной репутацией. Они поздравляли армию с тем, что «одна из их товарок попала в круг военной знати». В штабе полиции в Берлине полицейский инспектор, который проверял слухи, обнаружил досье, озаглавленное «Эрна Грюн». Охваченный ужасом, он отвез его начальнику полиции графу фон Хельдорфу.

Графа, видавшего виды ветерана добровольческого корпуса и СА, охватил неменьший ужас. Из досье явствовало, что жена фельдмаршала и главнокомандующего прежде состояла на учете в полиции как проститутка и однажды была осуждена за позирование для порнографических открыток. Юная фельдмаршальша, как выяснилось, выросла в берлинском борделе, который содержала ее мать под вывеской массажного салона.

Прямым долгом Хельдорфа было незамедлительно передать разоблачающее досье своему руководству, шефу германской полиции Гиммлеру. Но, даже превратившись в ярого нациста, он остался верен армейским традициям, памятуя о том времени, когда сам был офицером. Он знал, что Гиммлер, не ладивший в последнее время с верховным командованием, которое в свою

очередь видело в нем более страшную угрозу, чем в недавнем прошлом Рем, использует досье, чтобы шантажировать фельдмаршала и бороться против консервативных генералов. Вместо этого Хельдорф отнес документы полиции генералу Кейтелю. Он, вероятно, считал, что Кейтель, обязанный своей армейской карьерой Бломбергу, с которым состоял в родстве, устроит так, чтобы это дело разбирал офицерский суд, и предупредит своего начальника о грозящей опасности. Однако Кейтель, высокомерный, тщеславный и в то же время безвольный и недалекий, не имел ни малейшего желания рисковать собственной карьерой и вступать в конфликт с партией и СС. Вместо того чтобы передать документы командующему сухопутными войсками генералу фон Фричу, он вернул их Хельдорфу и посоветовал показать Герингу.

Трудно передать, как обрадовался Геринг, заполучив такие документы, ведь это означало, что Бломбергу придется уйти и тогда пост главнокомандующего достанется ему, Герингу. А он так давно поставил себе эту цель. Бломберг, прервав медовый месяц в Италии, вернулся в Германию, чтобы похоронить мать. 20 января, не имея представления о том, какая каша вокруг него заварилась, он пришел в свой кабинет в военном министерстве и занялся делами.

Но заниматься ими долго ему не пришлось. 25 января Геринг представил взрывоопасный документ Гитлеру, который только что вернулся из Берхтесгадена. Фюрер пришел в бешенство — фельдмаршал обманул его! Он был свидетелем на свадьбе фельдмаршала, а теперь оказался в дурацком положении. Геринг быстро согласился с фюрером и вечером нанес Бломбергу визит и выложил все новости. Разоблачения прошлого его жены ошеломили фельдмаршала, и он готов был немедленно развестись с ней. Но Геринг вежливо пояснил, что этого недостаточно. Командование армии требовало отставки фельдмаршала. Как следует из дневниковой записи Йодля, сделанной двумя днями позднее, начальник генерального штаба генерал Бек сказал Кейтелю: «Непозволительно, когда главнокомандующий женится на проститутке». 25 января Йодль узнал от Кейтеля, что фюрер уволил фельдмаршала. Через два дня шестидесятилетний опальный военачальник покинул Берлин и отправился на Капри, чтобы завершить свой медовый месяц.

Следом за ним на идиллический остров прибыл его морской адъютант, что добавило еще один гротескный штрих к этой трагикомедии. Адмирал Редер, напутствуя лейтенанта фон Вангенхайма, распорядился потребовать от Бломберга развестись с женой во имя спасения чести офицерского корпуса. Молодой морской офицер, будучи самонадеянным и необычайно ревностным служакой, по прибытии на остров предстал перед фельдмаршалом и сразу вышел за рамки инструкции: вместо того чтобы предложить своему бывшему начальнику развод, он призвал его поступить в соответствии с кодексом чести и стал совать ему в руку револьвер. Несмотря на опалу, жизнь фельдмаршалу не опротивела вероятно, он все еще был влюблен в жену, невзирая на ее прошлое. Он не принял предложенного ему оружия, заметив, что у них с молодым морским офицером «различные взгляды на жизнь», о чем немедленно написал Кейтелю.

В конце концов, фюрер ведь пообещал вернуть его на высокую должность, едва скандал уляжется. Согласно дневнику Йодля, Гитлер сказал Бломбергу при его увольнении: «Как только пробьет час Германии, вы опять будете рядом со мной и все, что было раньше, забудется». Действительно, Бломберг писал в своих неопубликованных мемуарах, что во время их последней

встречи Гитлер неоднократно подчеркивал, что в случае войны его снова назначат верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Однако, как многие другие обещания Гитлера, оно осталось невыполненным. Имя фельдмаршала Бломберга оказалось навсегда вычеркнуто из армейских списков. Даже когда во время войны он предложил свои услуги, они не были приняты и он не был призван на службу ни в каком качестве. По возвращении в Германию Бломберг с женой поселился в небольшой баварской деревушке Бад-Висзе, где в полном забвении прожил до конца войны. Подобно бывшему английскому королю, он сохранил верность своей жене, явившейся причиной его падения. Умер он 13 марта 1946 года в нюрнбергской тюрьме, где, жалкий и измученный, ждал очереди, чтобы дать показания на суде.

Падение генерала Вернера фон Фрича

Барон Вернер фон Фрич, генерал-полковник, главнокомандующий сухопутными войсками, способный и несгибаемо стойкий офицер старой школы (типичный генштабист, по мнению адмирала Редера), считался самым вероятным преемником Бломберга на посту военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Но на этот пост, как нам известно, имел виды и сам Геринг. Полагали, что он, чтобы расчистить себе путь, намеренно толкнул Бломберга на брак с женщиной, чье сомнительное прошлое ему, Герингу, было хорошо известно. Даже если это правда, то сам Бломберг об этом не догадывался, так как во время своей последней встречи с Гитлером 27 января предложил назначить Геринга вместо себя. Гитлер, однако, знал своего старого товарища по партии лучше, чем кто-либо: Геринг, говорил он, слишком любит исполнять свои желания, кроме того, ему недостает прилежания и терпения. Но Гитлер не любил и генерала фон Фрича. Ему не понравились высказывания, сделанные им 5 ноября относительно его грандиозных планов, и он этого не забыл. Более того, фон Фрич никогда не скрывал своей неприязни к нацистам, особенно к СС. Это обстоятельство не ускользнуло от Гитлера, а у Генриха Гиммлера, шефа СС и полиции, всегда вызывало сильное желание устранить грозного конкурента, который стоял во главе армии[85].

Теперь представился случай Гиммлеру. Вернее, он сам себе его создал, состряпав столь наглую клевету, что трудно было поверить, как такое вообще могло произойти в 1938 году, хотя в СС и нацистской партии и ранее господствовали уголовные нравы. Трудно также поверить в то, что армия, имевшая все-таки свои традиции, смирилась с этим. Еще не утих скандал вокруг Бломберга, когда Гиммлер спровоцировал еще более грандиозный скандал, который потряс офицерский корпус до основания, решив тем самым его судьбу.

25 января Геринг показал Гитлеру полицейское досье на жену Бломберга. Но он припас еще один, более компрометирующий документ, кстати, представленный Гиммлером и его главным помощником Гейдрихом, шефом СД секретной службы СС, в котором утверждалось, что генерал фон Фрич несет ответственность по статье 175, Уголовного кодекса Германии (склонение к гомосексуализму) и что начиная с 1935 года он платил шантажировавшему его бывшему заключенному, чтобы замять дело. Документы, представленные гестапо, казались настолько убедительными, что Гитлер готов был поверить

в правдивость предъявленных Фричу обвинений. Бломберг не пытался его разубедить — свое негодование он излил на Фрича, вероятно, в отместку за реакцию армии на его женитьбу. Он лишь заметил, что Фрич не принадлежал к числу дамских угодников и, будучи старым холостяком, «вполне мог поддаться слабостям».

Полковник Хоссбах, адъютант фюрера, присутствовал при чтении гестаповского документа. Он был сражен услышанным и в нарушение приказа Гитлера ни о чем не говорить Фричу немедленно поехал на квартиру главнокомандующего сухопутными силами, чтобы сообщить о том, какие ему собираются предъявить обвинения и какая ему грозит беда[86]. Неразговорчивый прусский аристократ был крайне изумлен. «Это грязная ложь!» — взорвался он, а немного успокоившись, дал офицеру честное слово, что эти обвинения не имеют под собой оснований. Ранним утром следующего дня Хоссбах, не задумываясь о последствиях, доложил Гитлеру о своем визите к генералу, о том, что тот категорически отверг предъявляемые ему обвинения. Он убеждал Гитлера принять Фрича, чтобы тот мог лично оправдаться перед фюрером.

К удивлению Хоссбаха, Гитлер согласился с его предложением и поздним вечером того же дня Фрич был вызван в рейхсканцелярию. Там его ждало такое испытание, к которому он, будучи аристократом, офицером и джентльменом, был вряд ли готов. Встреча произошла в библиотеке канцелярии в присутствии Гиммлера и Геринга. После того как Гитлер перечислил Фричу предъявляемые ему обвинения, генерал дал честное слово офицера, что они ложны. Но в третьем рейхе такие заверения не имели силы. И вот Гиммлер, три года ждавший этого случая, провел через боковую дверь невзрачного маленького человечка дегенеративной наружности. Это был самый странный, если не самый отвратительный посетитель, когда-либо заходивший в здание рейхсканцелярии. Звали его Ганс Шмидт, и у него был длинный «послужной список» пребывания в тюрьмах, начиная с исправительного заведения для малолетних. Его слабостью, как выяснилось, было шпионить за гомосексуалистами, чтобы впоследствии шантажировать их. Теперь он во всеуслашание заявил, что узнает в генерале фон Фриче того армейского офицера, которого он застукал в темном переулке возле Потсдамского вокзала в Берлине в то время, когда тот совершал противоестественный акт с человеком, известным в преступном мире под кличкой Баварец Джо[87]. Многие годы, уверял Шмидт трех могущественнейших людей Германии, этот офицер платил ему за его молчание. Платежи прекращались только тогда, когда шантажист в очередной раз попадал за решетку.

Генерал Фрич был настолько возмущен и оскорблен, что потерял дар речи. Сам факт, что глава германского государства, наследник Гинденбурга и Гогенцоллернов, пригласил такую темную личность в такое место для такой цели, сразил его. Молчание Фрича Гитлер расценил как подтверждение правдивости обвинения и стал настаивать на его отставке. Фрич не согласился с решением фюрера и потребовал офицерского суда чести, но в планы Гитлера не входило передавать это дело в руки военных, по крайней мере в тот момент. Это был ниспосланный небесами случай расправиться с оппозицией в генеральской среде, которая не желала преклоняться перед его, Гитлера, гением, и он не намерен был этот случай упускать. Там же, в рейхсканцелярии, он приказал Фричу отправляться в отпуск на неограниченный срок, что означало отстранение от поста главнокомандующего сухопутными войсками. На следующий день Гитлер обсуждал с Кейтелем

кандидатуру преемника не только Бломберга, но и Фрича. В дневнике Йодля, для которого главным источником информации был Кейтель, появились записи, из которых можно заключить, что предстоит ряд перемещений не только среди армейского командования, но и в самой армии.

Отдадут ли генералы свою власть, не абсолютную власть, но ту, которую Гитлер еще не захватил, или нет? После тяжелейшего испытания, которому подвергся Фрич в библиотеке канцелярии, он вернулся в свой дом на Бендлерштрассе, где имел беседу с генералом Беком, начальником генерального штаба. Некоторые английские историки утверждают, что Бек убеждал Фрича немедленно организовать военный путч, но тот отклонил его предложение. Однако Вольфганг Ферстер, биограф Бека, имевший доступ к документам, утверждает, что в тот роковой вечер Бек встретился сначала с Гитлером, который указал ему на серьезность обвинения, потом с Фричем, который их отверг, а поздним вечером снова с Гитлером. Во время повторной встречи Бек потребовал от Гитлера, чтобы главнокомандующему сухопутными войсками была предоставлена возможность оправдаться перед военным судом чести. Из записей биографа Бека ясно, что последний не понимал в то время замыслов правителей третьего рейха, а когда понял, было поздно. Через несколько дней, когда уже были смещены со своих постов не только Бломберг и Фрич, но и еще шестнадцать высших генералов, а сорок четыре понижены в должности, Фрич и его сторонники, одним из которых был Бек, серьезно задумались о вооруженных контрмерах, однако быстро отказались от этой опасной затеи. «Этим людям было ясно, — указывает Ферстер, — что военный путч неминуемо приведет к гражданской войне, исход которой трудно предсказать». Немецкие генералы, как всегда, хотели удостовериться в успехе, прежде чем рисковать. Далее немецкий автор утверждает, что сторонники Фрича опасались, что им будут противостоять не только авиация Геринга и флот Редера — эти командующие были полностью преданы Гитлеру; они опасались, что не вся армия пойдет за своим свергнутым главнокомандующим.

Тем не менее у армии оставался шанс нанести удар Гитлеру. Предварительное расследование, проведенное представителями армии! совместно с министерством юстиции, показало, что Фрич был ни в чем не виновен, что он явился жертвой гестаповской провокации, подстроенной по указке Гиммлера и Гейдриха. Выяснилось, что уголовник Шмидт действительно застал в затененном месте возле Потсдамского вокзала армейского офицера за противоестественным актом, после чего успешно на протяжении многих лет его шантажировал. Но фамилия того офицера была Фриш, а не Фрич. Это был прикованный к постели отставной кавалерист, который в армейских списках значился как ротмистр фон Фриш, гестапо знало об этом, но арестовало Шмидта и, угрожая ему расправой, вынудило указать на главнокомандующего сухопутными войсками. Больной ротмистр был также взят под стражу секретной полицией, чтобы не смог сделать никакого заявления. Однако и Шмидт, и Фриш были вырваны армией из цепких лап гестапо и содержались в тайном месте, дожидаясь своего часа, чтобы выступить в оправдание Фрича на военном суде.

Ветераны армейского командования ликовали. И не только потому, что их главнокомандующий будет оправдан и восстановлен в должности, но и потому, что будут разоблачены махинации СС и гестапо, возглавляемых этими беспринципными Гиммлером и Гейдрихом, захватившими такую большую власть в стране, и их вместе с СС постигнет такая же судьба, какая постигла Рема и

СА четыре года назад. Это будет также ударом по партии и по Гитлеру. Это настолько сильно потрясет третий рейх, что Гитлер может не удержаться. Если он попробует скрыть правду, то армия, которой она известна, возьмет это дело в свои руки. Но в который раз, что за последние пять лет случалось нередко, бывший австрийский ефрейтор перехитрил генералов, ставших жертвами рокового стечения обстоятельств. Вождь нации в отличие от них знал, как распорядиться представившейся возможностью в своих интересах.

В последнюю неделю января 1938 года обстановка в Берлине по напряженности напоминала положение конца июня 1934 года. По столице опять поползли слухи. Гитлер по непонятным причинам отстранил двух высших военачальников. В генеральской среде начались волнения. Генералы замышляли военный переворот. До посла Франсуа-Понсе дошли слухи, что Фрич, пригласивший его 2 февраля на обед, а затем отменивший приглашение, арестован. Поговаривали, что армия планирует окружить рейхстаг 30 января, когда Гитлер будет там произносить речь по случаю пятилетия пребывания у власти, и арестовать нацистское правительство вместе с марионетками-депутатами. Правдоподобность этих слухов возросла, когда было объявлено, что заседание рейхстага откладывается на неопределенный срок. Немецкий диктатор определенно испытывал трудности. Наконец-то он встретил достойного соперника в лице германского генералитета. Так, вероятно, рассуждали генералы, но они ошибались.

4 февраля 1938 года состоялось заседание кабинета министров. Если Гитлер и столкнулся с трудностями, то он решил их таким образом, чтобы избавиться от неугодных ему людей не только в армии, но и в министерстве иностранных дел. В этот день он поспешно провел через кабинет декрет, который вскоре после полуночи был объявлен нации и всему миру. Декрет начинался словами:

«С этого момента я принимаю на себя командование над всеми видами вооруженных сил».

Будучи главой государства, Гитлер и так был верховным главнокомандующим вооруженными силами, но, убрав Бломберга, он упразднил и военное министерство, главой которого также был злосчастный молодожен. Вместо военного министерства было создано верховное командование вермахта (ОКВ), ставшее известным всему миру в годы второй мировой войны. Под его началом находились армия, ВВС и ВМС. Гитлер стал верховным главнокомандующим, в числе его подчиненных находился человек, занимавший пост с длинным названием — начальник штаба верховного главнокомандования. Этот пост сразу же занял подхалим Кейтель, которому удалось удержаться на нем до конца.

Для того чтобы подсластить пилюлю Герингу, который не сомневался в том, что станет преемником Бломберга, Гитлер присвоил ему звание фельдмаршала, что поставило его в один ряд с высшими военными руководителями рейха и, очевидно, чрезвычайно обрадовало. Затем было объявлено, что Бломберг и Фрич ушли в отставку по состоянию здоровья. Таким образом Гитлер избавился от Фрича до того, как состоялся военный суд чести, который, как ему было известно, оправдал бы генерала. Это возмутило генералов, но сделать они ничего не могли, потому что их постигла такая же участь: шестнадцать из них, включая генералов фон Рундштедта, фон Лееба, фон

Вицлебена, фон Клюге и фон Клейста, были отстранены от командования, сорок четыре других, чья преданность нацизму не внушала доверия, смещены со своих постов.

В качестве преемника Фрича на посту главнокомандующего сухопутными войсками Гитлер после некоторых колебаний утвердил Вальтера фон Браухича, который пользовался авторитетом среди генералов и который, как и Бломберг, оказался безвольным и уступал всякий раз, когда приходилось противостоять фюреру с его неустойчивым темпераментом. Несколько дней во время кризиса казалось, что секс сыграет с фон Браухичем ту же шутку, что с Бломбергом и Фричем. Дело в том, что в тот момент генерал фон Браухич собирался разводиться, что всегда осуждалось в среде; военной аристократии. Заинтересованный Йодль отметил это обстоятельство в своем дневнике. В воскресенье 30 января он записал, что Кейтель вызвал сына Браухича и предложил тому переговорить со своей матерью и добиться от нее согласия на развод. Через пару дней появилась запись о встрече Браухича и Кейтеля с Герингом «в целях обсуждения семейных проблем». Геринг, который к тому времени заделался арбитром в сексуальных делах генералов, обещал рассмотреть этот вопрос. В этот же день Йодль записал, что сын Браухича возвратился с письмом от матери, написанным с чувством достоинства. Суть его сводилась к тому, что она не будет стоять на пути у мужа. Ни Гитлер, ни Геринг не высказали осуждения по поводу развода, который новый главнокомандующий получил через несколько месяцев после вступления в должность. Оба знали, что фрау Шарлотта Шмидт, на которой Браухич собирался жениться, была, по словам Ульриха фон Хасселя, «стопроцентная наци». Свадьба состоялась осенью следующего года. Она еще раз показала — Йодль мог бы отметить в своем дневнике, — как женщина может влиять на ход истории[88].

Домашняя чистка, устроенная Гитлером 4 февраля, коснулась не только генералов. Он убрал также Нейрата из министерства иностранных дел, заменив его недалеким и сговорчивым Риббентропом[89]. Ветераны дипломатической службы — Ульрих фон Хассель, посол в Риме, и Герберт фон Дирксен, посол в Токио, были отстранены от работы так же, как Папен в Вене. Слабовольного Функа формально назначили вместо Шахта на пост министра экономики.

На следующий день, 5 февраля, «Фелькишер беобахтер» вышла с кричащими заголовками: «КОНЦЕНТРАЦИЯ ВСЕЙ ПОЛНОТЫ ВЛАСТИ В РУКАХ ФЮРЕРА!» На этот раз ведущая ежедневная нацистская газета не преувеличивала.

4 февраля 1938 года является поворотным пунктом в истории третьего рейха, заметной вехой на пути к войне. Можно сказать, что в этот день завершилась «нацистская революция». Гитлер устранил последних противников на том пути, по которому давно хотел повести Германию, как только она будет достаточно хорошо вооружена. Бломберг, Фрич и Нейрат были поставлены на свои посты Гинденбургом и консерваторами старой школы, чтобы не допускать эксцессов нацизма. К ним присоединился и Шахт. Но в борьбе за власть в области внешней политики, экономики и милитаризации Германии им было трудно тягаться с Гитлером. Они не обладали ни моральной силой, ни достаточной проницательностью, чтобы противостоять ему, не говоря уже о том, чтобы одержать над ним верх, Шахт отошел от дел. Нейрат отступил. Бломберг подал в отставку под давлением своих же генералов. Фрич, ставший жертвой подлой провокации, безропотно подал в отставку. И

шестнадцать высших генералов покорно ее приняли. Среди офицеров велись разговоры о военном путче, но это были только разговоры. Презрение Гитлера к прусской офицерской касте, которое он сохранил до самого конца, оказалось оправданным. Она смирилась с официально преданным забвению убийством генералов фон Шлейхера и фон Бредова. Она молча сносила травлю высших офицеров. Разве не полон Берлин молодых генералов, желающих занять их место, готовых служить ему? Где же хваленая солидарность армейских офицеров? Или это миф?

Все пять лет до 4 февраля 1938 года армия обладала реальной силой, чтобы сбросить Гитлера и покончить с третьим рейхом. Почему же она не сделала этого, когда 5 ноября 1937 года узнала, куда намерен повести ее и страну Гитлер? На этот вопрос ответил сам Фрич после своего падения. 18 декабря 1938 года он принимал бывшего посла фон Хасселя в своем поместье в Ахтерберге, недалеко от Золтау, которое армия передала в его распоряжение после его отставки. В своем дневнике фон Хассель обобщил его взгляды:

«Этот человек (Гитлер) послан Германии судьбой для добра и зла. Если он шагнет в пропасть, а Фрич полагает, что так оно и случится, то увлечет в нее всех нас. Мы ничего не может поделать».

Сосредоточив в своих руках политическую, экономическую и военную власть, подчинив себе все вооруженные силы, Гитлер шагал по избранному им пути. Избавившись от Фрича, не дав ему возможности реабилитировать себя, фюрер с некоторым опозданием позволил созвать военный суд чести для слушания его дела. Председательствовал в суде фельдмаршал Геринг, рядом с ним сидели главнокомандующие сухопутными войсками и ВМС — генерал фон Браухич и адмирал Редер, а также двое профессиональных судей из высшего военного трибунала.

Суд, на который не были допущены ни пресса, ни публика, начался в Берлине 10 марта 1938 года, но неожиданно заседание было прервано в первый же день. Накануне, поздно вечером, были получены новости из Вены, которые вызвали у фюрера один из припадков бешенства[90]. Фельдмаршал Геринг и генерал фон Браухич срочно понадобились в другом месте.

АНШЛЮС: НАСИЛИЕ НАД АВСТРИЕЙ

К концу 1937 года я переквалифицировался из газетного корреспондента в корреспондента радио и моя штаб-квартира переместилась из Берлина в Вену, с которой я познакомился десятью годами ранее, когда приехал туда молодым корреспондентом. Хотя в последующие три года большую часть времени я провел в Германии и мое новое задание — репортажи из континентальной Европы — дало мне возможность быть в курсе событий, происходящих в третьем рейхе, я подолгу жил в соседних странах, которым предстояло стать жертвами гитлеровской агрессии. Я бывал там перед агрессией и непосредственно во время ее. Я метался между Германией и страной, на которую в тот момент готов был обрушить свой гнев Гитлер, и собирал

информацию из первых рук о событиях, описанных далее и приведших к величайшей и кровопролитнейшей из войн в истории человечества. Мы хоть и были их очевидцами, но удивительно мало знали о том, что происходило в действительности. Заговоры и махинации, предательство, роковые решения и моменты неуверенности, драматические встречи основных участников — все это происходило в обстановке секретности, все это было скрыто от любопытных глаз иностранных дипломатов, журналистов и шпионов. В течение многих лет об этих событиях знали лишь их непосредственные участники.

Нам пришлось ждать опубликования секретных документов и показаний уцелевших участников этой драмы, которые долгое время не могли ничего сказать, так как находились в нацистских концентрационных лагерях. Все, что излагается далее, основано на фактах, собранных в течение 1945 года. Конечно, при написании этой книги мне помогало то обстоятельство, что я находился в гуще событий. Случилось так, что я был в Вене и в памятную ночь на 12 марта 1938 года, когда Австрия перестала существовать как государство.

Почти месяц в прекрасной столице на Дунае, отстроенной в стиле барокко, жители которой более, чем жители какого-либо другого города, умели наслаждаться жизнью, царило беспокойство. Доктор Курт фон Шушниг, австрийский канцлер, позднее вспоминал о периоде с 12 февраля по 11 марта как о «четырехнедельной агонии». С момента подписания 11 июля 1936 года австро-германского соглашения, в секретном дополнении к которому Шушниг пошел на большие уступки австрийским нацистам, Франц фон Папен, специальный посол в Вене, неустанно содействовал подрыву независимости Австрии и ее поглощению Германией. В объемном докладе фюреру, составленном в конце 1936 года, он указывал о достигнутых в этом направлении успехах. Об этом же он сообщал в своем докладе годом позже, замечая, что «дальнейшие успехи в этом деле могут быть достигнуты только путем сильнейшего давления на федерального канцлера Шушнига». Этот совет, в котором вряд ли кто нуждался, был вскоре претворен в жизнь, причем настолько буквально, что даже Папен не мог этого предположить.

В течение 1937 года австрийские нацисты, подстрекаемые и финансируемые из Берлина, усилили кампанию террора в стране. Почти каждый день рвались бомбы, в горных районах многочисленные и часто буйные нацистские демонстрации ослабляли положение правительства. Были раскрыты заговоры, ставящие целью свержение Шушнига. Наконец 25 января 1938 года австрийская полиция произвела обыск в штаб-квартире так называемого «комитета семи», который официально занимался выработкой условий перемирия между нацистами и австрийским правительством, а на самом деле являлся центром нацистского подполья. Там были найдены документы, подписанные Рудольфом Гессом, заместителем фюрера, из которых становилось ясно, что австрийские нацисты весной должны поднять восстание, а когда Шушниг попытается его подавить, германская армия войдет на территорию Австрии, чтобы «немцы не проливали немецкую кровь». По словам Папена, там был и документ, в котором планировалось его убийство (или военного атташе генерал-лейтенанта Муффа) местными нацистами, чтобы создать повод для германской интервенции.

Если жизнерадостный Папен не пришел в восторг, узнав, что приказом из Берлина он был во второй раз намечен в качестве жертвы нацистских головорезов, то телефонный звонок, раздавшийся в дипломатической миссии 4 февраля, окончательно его расстроил. Звонил из берлинской канцелярии

статс-секретарь Ганс Ламмерс, который уведомил Папена, что его специальная миссия в Вене закончилась. Он был уволен, как Нейрат, Фрич и некоторые другие.

«Я был поражен и чуть не лишился дара речи», — вспоминал позднее Папен. Оправившись после такой новости, он решил, что Гитлер, вероятно, намерен принять более серьезные меры против Австрии, избавившись от Нейрата, Бломберга и Фрича. На самом деле Папен настолько свыкся с создавшейся ситуацией, что решил сделать нечто «нетипичное для дипломата» — так он сам выразился. Он вознамерился спрятать копии своей переписки с Гитлером в «надежном месте» — таким местом оказалась Швейцария. «Мне были слишком хорошо известны все клеветнические кампании третьего рейха», — говорил он. Как мы видели, это чуть было не стоило ему жизни в июне 1934 года.

Увольнение Папена явилось одновременно и предупреждением Шушнигу. Шушниг не доверял бывшему кавалеристу, но быстро понял, что у Гитлера на уме нечто похуже, чем навязать ему общество лукавого посла, который по крайней мере был ревностным католиком, как сам канцлер, и джентльменом. В последние месяцы европейская дипломатия не баловала Австрию. После образования оси Берлин — Рим Муссолини сблизился с Гитлером и не проявлял прежней заинтересованности в независимости маленькой страны, как после убийства Дольфуса, когда он послал на Бреннерский перевал четыре свои дивизии, чтобы напугать фюрера. Ни Англия, проводившая под руководством Чемберлена политику умиротворения Гитлера, ни Франция, пораженная глубоким внутренним политическим кризисом, не выражали желания защищать Австрию в случае нападения на нее Гитлера. Теперь вместе с Папеном ушли с арены и консервативные начальники германской армии и министерства иностранных дел, которые прежде являлись силой, сдерживавшей непомерные амбиции Гитлера. Шушниг не отличался широтой мышления, но считался человеком довольно неглупым. Кроме того, он был достаточно хорошо информирован и не питал иллюзий относительно собственного все ухудшающегося положения. Он понял, что настало время — как после убийства Дольфуса — политики умиротворения немецкого диктатора.

Папен, хоть и изгнанный со службы, предложил свой вариант. Будучи человеком, всегда готовым примириться с пощечиной от вышестоящего начальника, он на следующий после увольнения день поспешил к Гитлеру, «чтобы выяснить, что же происходит». 5 февраля он застал фюрера в Берхтесгадене «рассеянным и измученным» после борьбы с генералами. Но Гитлер обладал способностью быстро восстанавливать силы, и разжалованный посол попытался заинтересовать его идеей, которую уже предлагал две недели назад во время их встречи в Берлине: почему бы не уладить это дело с самим Шушнигом? Почему бы не пригласить его в Берхтесгаден для личной беседы? Гитлера эта идея заинтересовала. Забыв о том, что только что сам выгнал Палена со службы, он велел ему возвращаться в Вену и организовать встречу.

Шушниг быстро согласился на встречу, но, несмотря на то что находился в невыгодном положении, выдвинул ряд условий. Он должен заранее знать, какие вопросы хочет обсудить Гитлер, и ему должны быть даны гарантии, что соглашение от 11 июля 1936 года, по которому Германия обязалась уважать независимость Австрии и не вмешиваться в ее внутренние дела, останется в силе. Более того, после встречи должно быть подписано совместное коммюнике, в котором обе стороны выразят готовность соблюдать соглашение

1936 года. Шушниг не имел ни малейшего намерения лезть в логово зверя. Папен поспешил в Оберзальцберг посоветоваться с Гитлером и вернулся оттуда с заверениями фюрера, что соглашение 1936 года останется неизменным и что он просто хочет обсудить «недоразумения и трения», возникшие после его подписания. Это было не совсем то, чего хотел австрийский канцлер, но он заявил, что доволен ответом. Встреча была назначена на утро 12 февраля[91].

Вечером 11 февраля Шушниг и сопровождавший его заместитель министра иностранных дел Гвидо Шмидт отправились в специальном поезде в обстановке повышенной секретности в Зальцбург, откуда им на следующее утро предстояло выехать на автомобиле в горную резиденцию Гитлера. Этому путешествию суждено было стать роковым.

Встреча в Берхтесгадене: 12 февраля 1938 года

Папен приехал на границу, чтобы приветствовать гостей из Австрии, и был в то морозное утро, как показалось Шушнигу, в прекрасном настроении. Он заверил австрийских гостей, что и Гитлер великолепно настроен. И тут последовало первое предупреждение. Папен добродушно сообщил: Гитлер надеется, что доктор Шушниг не будет возражать против присутствия в Бергхофе трех генералов, оказавшихся там совершенно случайно, — Кейтеля, нового начальника штаба ОКВ, Рейхенау, командовавшего войсками на баварско-австрийской границе, и Шперле, командовавшего ВВС в этом же районе.

Папен позднее вспоминал, что гостям «такая новость не понравилась». Шушниг ответил послу, что не возражает, так как «выбора все равно нет», однако, будучи воспитанником иезуитов, насторожился. Но то, что последовало дальше, все равно ошеломило его.

Гитлер, в коричневой рубашке штурмовика и черных брюках, встретил австрийского канцлера и его помощника возле входа. Слова приветствия показались Шушнигу чересчур официальными. Через несколько минут он остался наедине с Гитлером в просторном кабинете на втором этаже. За окнами разворачивалась величественная панорама: Альпы в снежных шапках и Австрия родина обоих собеседников.

Курту фон Шушнигу исполнилось сорок один год. Все, кто знал его, согласятся, что это был человек с безупречными манерами австрийского аристократа, поэтому неудивительно, что разговор он начал с красивых слов о великолепном виде из окна, отменной погоде, сказал несколько лестных слов о кабинете, который, несомненно, был свидетелем многих встреч, оказавших огромное влияние на развитие событий. Гитлер перебил его: «Мы встретились здесь не для того, чтобы обсуждать вид из окна или беседовать о погоде». И тут разразилась буря. Как вспоминал позднее австрийский канцлер, последовавший затем двухчасовой разговор походил в некотором роде на монолог»[92].

«Вы сделали все, чтобы не проводить дружественную политику, — кипел Гитлер. — Вся история Австрии — это непрекращающаяся государственная измена. Так было в прошлом, и сейчас не лучше. Этому историческому

парадоксу пора положить конец. И я могу сказать вам прямо сейчас, герр Шушниг, что твердо намерен положить этому конец. Германский рейх — одна из великих держав, и никто не повысит голоса, если она решит свои пограничные проблемы».

Шокированный вспышкой Гитлера, обходительный австрийский канцлер старался казаться спокойным, но отстаивал свою точку зрения. Он заметил, что имеет несколько иной, чем у хозяина, взгляд на роль Австрии в германской истории. «Вклад Австрии в этом отношении, — настаивал он, — весьма велик».

Гитлер: Ноль. Я говорю вам, абсолютный ноль! На протяжении всей истории Австрия саботировала любую национальную идею.

Габсбурги и католическая церковь только тем и занимались, что саботировали[93].

Шушниг: Все равно, герр рейхсканцлер, вклад Австрии нельзя отделить от общей картины германской культуры. Возьмите, например, Бетховена…

Гитлер: Ах, Бетховена? Позвольте вам заметить, что Бетховен родился в низовьях Рейна.

Шушниг: Но жить он пожелал в Австрии, как и многие другие…

Гитлер: Очень может быть. Но я еще раз повторяю, что так больше продолжаться не может. На меня возложена историческая миссия, и я эту миссию выполню, потому что судьба избрала для этой цели именно меня… Кто не со мной, тот будет уничтожен… Я направил Германию по самому трудному за всю ее историю пути; я добился того, чего не добивался никакой другой немец. И не с помощью силы, позвольте вам заметить. Меня питает любовь моего народа…

Шушниг: Герр рейхсканцлер, я охотно верю этому. После часового разговора Шушниг попросил своего противника изложить жалобы. «Мы сделаем все, — сказал он, — чтобы устранить препятствия, стоящие на пути взаимопонимания, насколько это возможно».

Гитлер: Это вы так говорите, герр Шушниг. Но я вам говорю, что намерен решить так называемый австрийский вопрос тем или иным способом.

Потом он пустился в пространные рассуждения, обвиняя Австрию в том, что она укрепляет границу с Германией. Это обвинение Шушниг отверг.

Гитлер: Послушайте, неужели вы думаете, что можете передвинуть камень в Австрии, чтобы я не узнал об этом уже на следующий день? …Мне достаточно приказать, и вся ваша нелепая система обороны в одну ночь разлетится на мелкие кусочки. Вы же не думаете, что сможете задержать меня хотя бы на полчаса, верно?.. Мне бы очень хотелось уберечь Австрию от этого, потому что такая мера приведет к кровопролитию. Вслед за армией двинутся отряды СА и австрийский легион. И никто не сможет остановить их справедливого гнева, даже я!

После этих угроз Гитлер грубо напомнил Шушнигу, называя его по фамилии, не упоминая его ранга, как того требует дипломатический этикет, об изоляции Австрии и, следовательно, ее беспомощности.

Гитлер: И не думайте, что кто-нибудь сможет помешать мне. Италия? У меня полное взаимопонимание с Муссолини… Англия? Англия и пальцем не пошевельнет ради Австрии… Франция?

Он заметил, что Франция могла бы остановить Германию в Рейнской области, и тогда ей «пришлось бы отступить. А теперь поздно».

И наконец Гитлер заявил: «Я даю вам еще одну возможность, последнюю, прийти к соглашению, герр Шушниг. Или мы с вами находим решение, или события будут развиваться своим чередом. Подумайте, герр Шушниг, хорошенько подумайте. Я могу ждать только до сегодняшнего вечера…»

Шушниг поинтересовался, какие конкретные условия ставит германский канцлер.

«Мы можем обсудить их после полудня», — сказал Гитлер.

Во время обеда Гитлер, что с удивлением отметил Шушниг, пребывал в отличном настроении. Он говорил о лошадях и домах. Он собирался строить самые высокие в мире небоскребы. «Американцы увидят, — говорил он Шушнигу, что в Германии дома строят выше и лучше, чем в Соединенных Штатах». Что касается измотанного австрийского канцлера, то он, как заметил Папен, «был взволнован и озабочен». Шушниг слыл заядлым курильщиком, но в присутствии Гитлера курить ему не разрешили. Правда, после кофе, когда все перешли в соседнюю комнату, Гитлер извинился и вышел, и Шушнигу удалось покурить. Тогда же у него появилась возможность сообщить заместителю министра иностранных дел Гвидо Шмидту о плохих новостях. Однако вскоре положение еще больше ухудшилось.

После того как австрийцы прождали два часа в небольшой приемной, их провели в комнату, в которой находились Риббентроп, новый немецкий министр иностранных дел, и Папен. Риббентроп протянул им два машинописных листка проекта «соглашения» и добавил, что это окончательные требования Гитлера и обсуждать их он не намерен. Австрийцы просто должны их подписать. Шушниг вспоминал, что почувствовал облегчение, получив наконец-то от Гитлера нечто определенное. Но стоило ему прочесть документ, как облегчение испарилось. Фактически это был немецкий ультиматум Австрии, согласно которому от Шушнига требовали передать власть нацистам в течение одной недели.

В ультиматуме содержались также требования снять запрет на австрийскую нацистскую партию, амнистировать нацистов, находившихся в тюрьме, пронацистского венского адвоката доктора Зейсс-Инкварта сделать министром внутренних дел, причем в его ведении должны были находиться полиция и служба безопасности. Для другого нациста — Глайзе-Хорстенау предназначался пост военного министра. Германская и австрийская армии должны были установить более тесные связи, для чего намечался ряд мер, в том числе обмен офицерами в количестве ста человек. «Будет проведена подготовка, — гласило последнее требование, — включения Австрии в

экономическую систему Германии. Для этого доктор Фишбек (тоже нацист) будет назначен на пост министра финансов».

Шушниг вспоминал позднее, что сразу понял: подпиши он такой ультиматум, это будет означать конец независимости Австрии.

«Риббентроп советовал мне принять требования сразу. Я возражал и ссылался на предшествующие соглашения, подписанные с фон Папеном перед приездом в Берхтесгаден. Я дал понять Риббентропу, что не ожидал таких необоснованных требований…»

Но был ли Шушниг готов принять их? Что он не одобрял их — было понятно всем, даже Риббентропу. Вопрос заключался в том, подпишет ли он их. И в этот решающий момент молодой австрийский канцлер дрогнул. Он робко осведомился, может ли рассчитывать на добрую волю со стороны Германии — иными словами, намерено ли правительство рейха соблюдать условия соглашения. Он уверяет, что получил «утвердительный» ответ.

Потом его принялся обрабатывать Папен. Изворотливый посол выразил «удивление», прочитав ультиматум: «Это же незаконное посягательство на суверенитет Австрии!» Шушниг вспоминает, что Папен долго извинялся и выражал недоумение по поводу условий ультиматума, и тем не менее он посоветовал австрийскому канцлеру принять условия фюрера.

«Потом он стал убеждать меня, что я могу быть уверен в том, что если соглашусь на эти условия, то Гитлер позаботится, чтобы

Германия соблюдала условия договора, а у Австрии в дальнейшем не возникало никаких трудностей».

Шушниг, как следует из его заявлений, в том числе сделанных письменно в Нюрнберге, стал поддаваться, пав жертвой собственной наивности.

У него оставался последний шанс. Его снова позвали к Гитлеру. Когда Шушниг вошел, фюрер ходил взад-вперед по кабинету.

Гитлер: Герр Шушниг… вот проект документа. Обсуждать тут нечего. Я не отступлю от своих требований ни на йоту. Или вы подпишете его и выполните мои требования в течение трех дней, или я отдаю приказ войскам вступить на территорию Австрии.

Шушниг сдался. Он заявил Гитлеру, что готов подписать документ, но напомнил, что по австрийской конституции только президент республики имеет право подписывать такой документ и отвечать за соблюдение условий. Он, конечно, постарается убедить президента принять условия фюрера, но гарантировать ничего не может.

«Вы должны гарантировать это!» — закричал Гитлер.

«Но как же я могу, герр рейхсканцлер?» — именно так, по утверждению Шушнига, он ответил.

Услышав его ответ, Гитлер, по словам Шушнига, казалось, потерял контроль над собой. Он подбежал к двери, открыл ее и громко крикнул: «Генерала

Кейтеля!» Потом повернулся к австрийскому канцлеру и сказал: «Вас позовут позже».

Это был чистый блеф, но встревоженный австрийский канцлер, видя вокруг себя столько генералов, мог этого и не знать. Папен пишет, что Кейтель позднее рассказал ему, как Гитлер встретил его широкой улыбкой, а когда он спросил, какие будут приказы, ответил: «Никаких. Просто я хочу, чтобы вы были здесь».

Но на Шушнига и доктора Шмидта, ожидавших в приемной, это произвело впечатление. Шмидт, прошептал, что он не удивится, если их через пять минут арестуют. Через полчаса Шушнига снова проводили к Гитлеру.

«Я решил изменить свое решение — впервые в жизни, — сказал Гитлер. — Но предупреждаю вас, что это ваш последний шанс. Даю вам еще три дня на выполнение условий соглашения».

Германский диктатор пошел на уступки. Формулировки в окончательном варианте соглашения были немного сглажены, но суть условий, как показал в дальнейшем Шушниг, почти не изменилась. Шушниг подписал соглашение, что явилось смертным приговором для Австрии.

Поведение людей, на которых оказывается сильное давление, зависит от их характера и часто непредсказуемо. То, что Шушниг, ветеран политической арены, несмотря на свой относительно молодой возраст, видевший убийство своего предшественника нацистами, был человеком смелым, вряд ли кто возьмется оспаривать, однако его капитуляция перед Гитлером 11 февраля 1938 года под угрозой военного нападения на страну посеяла сомнение в душах его соотечественников и тех, кто наблюдал за тем, как разворачивались события в тот мрачный период, в том числе и историков. Была ли капитуляция неизбежна? Существовала ли альтернатива? Только сгоряча можно утверждать, что Англия и Франция согласились бы прийти на помощь Австрии, нападi на нее тогда Гитлер, особенно если вспомнить, как они реагировали на последующие акты его агрессии. Но Гитлер до сих пор не пересекал границ Германии, он не подготовил ни немцев, ни весь мир к возможности открытой агрессии. Германская армия была не настолько отмобилизована, чтобы вести войну против Франции и Англии в случае их вмешательства. Через несколько недель в результате берхтесгаденского соглашения Австрия уже будет приведена собственными нацистами и махинациями Гитлера в такое состояние, что он с гораздо меньшим, чем 11 февраля, риском сможет захватить страну, не вызывая при этом вмешательства других государств. Сам Шушниг позднее вспоминал, что именно тогда он понял: принятие условий Гитлера означало «полную потерю австрийским правительством своей независимости».

Может, тяжелое испытание сломило его. После того как он буквально под дулом пистолета поставил свою подпись под соглашением, лишив тем самым свою страну независимости, он имел странный разговор с Гитлером, который позднее изложил в своей книге. «Полагает ли герр рейхсканцлер, — спросил Шушниг, что различные кризисы в современном мире возможно разрешить мирным путем?» На это фюрер глупо ответил, что да, и добавил: «Если следовать моим советам». И тут Шушниг сказал без малейшего сарказма: «Вы не считаете, что в настоящий момент положение в мире обнадеживающее?»

Подобный вопрос в тот момент кажется невероятным, но именно это произнес поверженный австрийский канцлер. Однако у Гитлера было припасено еще одно унижение, через которое должен был пройти Шушниг. Когда он предложил вставить в газетный репортаж мысль о том, что во время встречи было подтверждено желание 1 соблюдать договор от июля 1936 года, Гитлер воскликнул: «О нет! Сначала вы должны выполнить условия нашего соглашения. А пресса напишет вот что: «Сегодня фюрер и рейхсканцлер встретился в Бергхофе с австрийским канцлером.» И все».

Отклонив приглашение Гитлера остаться на обед, Шушниг и Шмидт поехали по горной дороге обратно в Зальцбург. Вечер был тусклый и мглистый. Вездесущий Папен провожал их до границы. Атмосфера была напряженной. Папен вспоминает о «гнетущей тишине». Он не мог удержаться от того, чтобы не подбодрить австрийских друзей:

«Ну что вы! Вы же видели, каким иногда бывает фюрер, хотя через минуту он может быть совершенно другим. А иногда, знаете , ли, он просто очарователен!»[94]

Четырехнедельная агония: 12 февраля–11 марта 1938 года

Гитлер дал Шушнигу четыре дня — до вторника 15 февраля, в течение которых последний обязан был дать «ответ», гласящий, что ультиматум принят, и еще три дополнительных дня — до 18 февраля, чтобы выполнить требования ультиматума. Шушниг вернулся в Вену утром 12 февраля и немедленно встретился с президентом Микласом. Вильгельм Миклас был посредственным политическим деятелем, про которого венцы говорили, что его главное достижение в жизни многочисленное потомство. Но была в нем некая крестьянская твердость, и теперь, в кризисной ситуации, ему, прослужившему пятьдесят два года на государственных постах, требовалось больше мужества, чем любому другому австрийцу. Он был готов пойти на уступки Гитлеру, например объявить амнистию нацистам, сидящим в тюрьмах, но что касается назначения Зейсс-Инкварта начальником над полицией и армией, то он выступал против. Обо всем этом Папен поспешно доложил в Берлин вечером 14 февраля. Он сообщил, что Шушниг надеется «сломить сопротивление президента к завтрашнему утру».

В тот же вечер, в 19.30, Гитлер одобрил составленный Кейтелем приказ о военном нажиме на Австрию.

«Распространите правдоподобные слухи, из которых можно было бы сделать вывод, что готовится военное вторжение в Австрию»,

И в самом деле, как только Шушниг покинул Берхтесгаден, фюрер начал имитировать военные приготовления, чтобы австрийский канцлер поступил так, как ему было ведено. Йодль отразил все это в своем дневнике:

«13 февраля. Во второй половине дня генерал Кейтель просит адмирала Канариса[95] и меня прибыть к нему на квартиру. Он сообщает нам, что фюрер приказал продолжать военный нажим на Австрию путем ложных приготовлений к вторжению до 15-го числа. Составлять планы таких операций и передавать фюреру по телефону для рассмотрения.

14 февраля. Эффект получился быстрый и весьма ощутимый. В Австрии создалось мнение, что Германия серьезно готовится к военным действиям».

Генерал Йодль не преувеличивал. Перед угрозой вооруженного вторжения президент Миклас дрогнул. В последний день отсрочки — 15 февраля — Шушниг официально уведомил посла Папена, что требования берхтесгаденского соглашения будут выполнены до 18 февраля. 16 февраля австрийское правительство объявило всеобщую амнистию нацистам, в том числе и тем, кто участвовал в убийстве Дольфуса, и опубликовало список нового кабинета, в котором Артур Зейсс-Инкварт значился министром государственной безопасности. На следующий же день этот нацистский ставленник поспешил в Берлин к Гитлеру за приказаниями.

Зейсс-Инкварт, первый предатель, был умным, хорошо воспитанным венским адвокатом. С 1918 года он был одержим желанием видеть Австрию в составе Германии. В первые годы после войны эта идея пользовалась популярностью. 12 ноября 1918 года, на следующий после перемирия день, Временное Национальное собрание в Вене, только что сбросившее монархию Габсбургов и провозгласившее Австрийскую республику, хотело произвести аншлюс, утверждая, будто немецкая Австрия является частью Германской республики. Победители-союзники не допустили этого, а к 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, не оставалось сомнений, что большинство австрийцев настроены против присоединения их маленькой страны к нацистской Германии. Но Зейсс-Инкварт, как следует из его показаний на суде в Нюрнберге, поддерживал нацистов, потому что они твердо стояли за аншлюс. Он не вступал в партию, не принимал участия в скандальных выступлениях нацистов, являясь, так сказать, респектабельным представителем австрийских нацистов. После заключения соглашения в июле 1936 года он был назначен государственным советником и сосредоточил свои усилия, поддержанные Папеном и другими немецкими официальными лицами, на размывании границ изнутри. Странно, но Шушниг и Миклас, казалось, верили ему почти до самого конца. Позднее Миклас, как и Шушниг, ревностный католик, сознался, что его приятно удивило, что Зейсс-Инкварт был «прилежным прихожанином». Приверженность католической вере и тот факт, что Зейсс-Инкварт, как и Шушниг, служил во время войны в тирольском императорском полку, где был тяжело ранен, явились основой доверия, которое испытывал австрийский канцлер к этому человеку. Шушниг, к сожалению, никогда не был способен оценить человека с более серьезных позиций. Вероятно, он полагал, что сможет держать нового нацистского министра в руках посредством обыкновенных подачек. В своей книге он указывает, какое магическое воздействие произвела на Зейсс-Инкварта сумма в пятьсот американских долларов, предложенная ему за год до описываемых событий, когда он грозился покинуть пост государственного советника. Получив эту ничтожную сумму, он передумал. Но Гитлер смог предложить молодому тщеславному адвокату больше, в чем Шушниг скоро убедился.

20 февраля Гитлер наконец произнес в рейхстаге речь, которой от него ждали с 30 января, но она все откладывалась — то в связи с делом Бломберга Фрича, то из-за его собственных маневров против Австрии. Гитлер, хотя и говорил очень тепло о «понимании» Шушнига и своем «сердечном желании» добиться большего взаимопонимания между Австрией и Германией — такое откровенное лицемерие произвело впечатление на премьер-

министра Чемберлена, — вместе с тем обронил предупреждение, на которое не обратил внимания Лондон, но которое хорошо расслышали в Вене и Праге.

«Более десяти миллионов немцев живут в двух государствах, расположенных возле наших границ… Не может быть сомнений, что политическое отделение от рейха не должно привести к лишению их прав, точнее, основного права — на самоопределение. Для мировой державы нестерпимо сознавать, что братья по расе, поддерживающие ее, подвергаются жесточайшим преследованиям и мучениям за свое стремление быть вместе с нацией, разделить ее судьбу. В интересы германского рейха входит защита этих немцев, которые живут вдоль наших границ, но не могут самостоятельно отстоять свою политическую и духовную свободу».

Так было откровенно заявлено, что отныне третий рейх считает себя вправе определять будущее семи миллионов австрийцев и трех миллионов судетских немцев, проживавших в Чехословакии.

Шушниг ответил Гитлеру через четыре дня — 24 февраля. В этот день он произнес речь в австрийском бундестаге, депутаты которого, как и депутаты германского рейхстага, были тщательно подобраны однопартийным диктаторским режимом. Он хоть и занимал по отношению к Германии примиренческую позицию, но подчеркнул, что Австрия в своих уступках дошла до предела и что пора остановиться и сказать: «Все! Хватит!» Австрия, отметил он, никогда не отдаст добровольно своей независимости. Речь он закончил пламенным призывом в рифму (по-немецки): «Красный, белый, красный! Так будет, пока мы живы!»

«День 24 февраля, — писал Шушниг после войны, — стал для меня решающим». Он с волнением ждал реакции Гитлера на свое дерзкое выступление. Папен на следующий день телеграфировал в Берлин, в министерство иностранных дел, что не следует воспринимать речь канцлера всерьез. По его мнению, Шушниг выразил свои достаточно сильные националистические настроения, чтобы укрепить собственное положение внутри страны, — в Вене были раскрыты заговоры, имеющие целью сбросить его из-за уступок, сделанных им в Берхтесгадене. В то же время Папен сообщал в Берлин, что «работа Зейсс-Инкварта… идет по плану». Назавтра Папен нанес прощальный визит австрийскому канцлеру и уехал в Киц-бюэль кататься на лыжах. Его продолжительная, скрытая от посторонних глаз деятельность в Австрии вот-вот должна была принести плоды.

Речь Гитлера, произнесенная 20 февраля, передавалась по Австрийскому радио. Вслед за тем по стране прокатилась волна нацистских демонстраций. 24 февраля во время трансляции ответной речи Шушнига озверевшая двадцатитысячная толпа нацистов в Граце ворвалась на городскую площадь, сбила громкоговорители, сорвала австрийские флаги и водрузила немецкий флаг со свастикой. Полицией командовал лично Зейсс-Инкварт, так что попыток остановить разбушевавшихся нацистов не предпринималось. Правительство Шушнига разваливалось. Хаос царил не только в политике, но и в экономике. Вкладчики стали изымать вклады из банков, причем не только иностранцы, но и сами австрийцы. В Вену все чаще поступали отмены заказов. Приток иностранных туристов, приносивших немалый доход австрийской казне, сократился. Тосканини прислал из Нью-Йорка телеграмму, в которой сообщал, что не приедет на фестиваль в Зальцбурге, обычно привлекавший тысячи туристов, «ввиду политических событий». Ситуация в

Австрии становилась настолько безнадежной, что Отто Габсбург — молодой претендент на престол, проживавший в Бельгии, прислал Шушнигу письмо. Позднее канцлер вспоминал, что принц умолял его как бывшего офицера императорской армии остаться верным присяге и назначить канцлером его, принца, если такой шаг смог бы спасти Австрию.

В отчаянии Шушниг обратил свой взор в сторону австрийских рабочих. После жестоких репрессий, предпринятых Дольфусом против рабочих в 1934 году, их профсоюзы и политическая партия (социал-демократическая) подвергались гонениям, в том числе и со стороны Шушнига. Рабочий класс составлял 42 процента избирателей Австрии. Если бы в течение последних четырех лет канцлер проявил широту взглядов, а не ограничивался клерикально-фашистской диктатурой, и обратился к рабочим за поддержкой при создании умеренной антинацистской коалиции, то с относительно немногочисленными нацистами можно было бы легко справиться. Но Шушниг не обладал качествами, необходимыми для подобного шага. Прямой и честный, он был одержим идеей авторитарного однопартийного правления и презирал западную демократию.

Рабочие и социал-демократы, недавно вышедшие из тюрем вместе с нацистами, 4 марта откликнулись на призыв канцлера. Несмотря ни на что, они готовы были помочь правительству защитить демократию в стране, но просили канцлера сделать им такую же уступку, какую он уже сделал нацистам, разрешить их политическую партию. Шушниг согласился, однако было слишком поздно.

3 марта хорошо информированный Йодль записал в своем дневнике:

«Австрийский вопрос начинает обостряться. Туда следует направить сто офицеров. Фюрер желает встретиться с ними лично. Они должны постараться устроить так, чтобы австрийская армия против нас не только плохо воевала, но и вообще не воевала».

В этот критический момент Шушниг предпринял последний отчаянный шаг, о котором подумывал с конца февраля, когда нацисты начали захватывать власть в провинциях. Он решился на плебисцит — выяснить, хочет ли народ иметь «свободную, независимую, христианскую и единую Австрию»[96].

«Я чувствовал, что наступил момент принять четкое решение, — писал он позднее. — Ответственность перед страной обязывала не ждать, когда тебе через несколько недель заткнут рот… Ставки в игре настолько повысились, что требовалось приложить максимум усилий».

По возвращении из Берхтесгадена Шушниг сообщил Муссолини, защитнику Австрии, об угрозах со стороны Гитлера. Ответ дуче пришел незамедлительно: позиция Италии в отношении Австрии остается неизменной. 7 марта Шушниг отправил в Рим военного атташе с сообщением, что ввиду развития событий ему, «вероятно, придется прибегнуть к плебисциту». Итальянский диктатор ответил, что эта идея ошибочна. Он посоветовал канцлеру придерживаться прежнего курса. Дела идут на поправку, улучшение отношений между Римом и Лондоном помогут ослабить напряженность. Это было последнее, что услышал Шушниг от Муссолини.

Вечером 9 марта в Инсбруке канцлер объявил, что плебисцит состоится в воскресенье 13 марта. Неожиданная весть привела Адольфа Гитлера в ярость. В дневнике Йодля за 10 марта описывается первая реакция Берлина:

«Совершенно неожиданно, не посоветовавшись со своими министрами, Шушниг объявил, что плебисцит состоится в воскресенье 13 марта…

Фюрер не намерен этого терпеть. В ночь на 10 марта он вызывает Геринга. Генерала Рейхенау вызывают из Каира с заседаний Олимпийского комитета, генерал Шоберт (командующий Мюнхенским военным округом на границе с Австрией) тоже получает приказание прибыть, как и (австрийский) министр Глайзе-Хорстенау. Риббентроп задерживается в Лондоне. Министерство иностранных дел возглавляет Нейрат».

На следующий день, 10 марта, в Берлине царил переполох. Гитлер решился на военную оккупацию Австрии, чем, несомненно, поразил своих генералов. Чтобы предотвратить плебисцит, назначенный Шушнигом на воскресенье, армии предстояло войти в Австрию в субботу. Планом такая скоротечная операция не была предусмотрена. Гитлер вызвал Кейтеля на 10 утра, но тот, прежде чем поспешить к фюреру, встретился с Йодлем и генералом Максом фон Фибаном, начальником оперативного штаба ОКБ. Находчивый Йодль вспомнил о плане «Отто», который был разработан на случай предотвращения попытки посадить на австрийский престол Отто Габсбурга. Поскольку это был единственный реально существующий план военных действий против Австрии, Гитлер согласился довольствоваться им. «Приготовьте план «Отто», — приказал он.

Кейтель помчался на Бендлерштрассе, в штаб ОКБ, чтобы посоветоваться с начальником генерального штаба генералом Беком. Когда он попросил Бека ознакомить его с деталями плана «Отто», тот ответил: «Мы ничего не готовили. Ничего не делалось, абсолютно ничего». Бека вызвали в рейхсканцелярию. На встречу с Гитлером он взял с собой генерала фон Манштейна, который собирался покинуть Берлин, чтобы занять пост командира дивизии. Гитлер сказал им, что к субботе армия должна быть готова вступить на территорию Австрии. Никто из генералов против военной агрессии не возразил. Смущало их лишь то, что за столь короткий срок трудно подготовиться к военным действиям. Вернувшись на Бендлерштрассе, Манштейн принялся за работу — надо было подготовить Проекты необходимых приказов. Работу он закончил через пять часов — в 6 вечера. Согласно дневнику Йодля, в 6.30 мобилизационные приказы были направлены в три армейских корпуса и в ВВС. 11 марта, в 2 часа ночи, Гитлер издал Директиву ОКБ э 1 по плану «Отто». Он так торопился, что даже не подписал ее. Его подпись на директиве появилась только в час дня.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

1. Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением.

2. Командование всей операцией в целом я принимаю на себя…

4. Выделенным для операции соединениям сухопутных войск и военно-воздушных сил находиться в походной и боевой готовности не позднее 12.00 12 марта 1938 г.

5. Войскам действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия.

Через несколько часов Йодль разослал особое распоряжение с грифом «Совершенно секретно» от имени верховного главнокомандования вооруженных сил:

1. В случае встречи с чехословацкими регулярными войсками или милиционными частями на территории Австрии рассматривать их как противника.

2. Итальянцев повсеместно приветствовать как друзей, тем более что Муссолини объявил о своем невмешательстве в решение австрийского вопроса.

Позиция Муссолини волновала Гитлера. Вечером 10 марта он послал на специальном самолете принца Филипа Гессенского к дуче с письмом, датированным 11 марта. В письме Гитлер сообщал о том, что он собирался предпринять, и просил итальянского диктатора отнестись к его действиям с пониманием. Письмо было нагромождением лжи о договоренности с Шушнигом, о положении в Австрии, которое, по уверению Гитлера, «приближалось к анархии». Письмо начиналось со вздорного вымысла, будто при публикации текста письма в Германии первый абзац пришлось опустить[97]. Далее фюрер утверждал, что Австрия и Чехословакия вступили на путь заговора с целью реставрировать династию Габсбургов «и настроить против Германии по меньшей мере 20 миллионов человек». Он изложил суть своих требований, предъявленных Шушнигу, убеждая Муссолини, что они «более чем скромные», но Шушниг не выполнил их. Плебисцит, назначенный австрийским канцлером, фюрер назвал пародией.

Сознавая свой долг как фюрер и канцлер Германии, а также являясь сыном этой земли, я не могу оставаться безучастным перед лицом развивающихся событий. Теперь я намерен восстановить закон и порядок на своей родине, дать людям возможность определить свою судьбу наверняка, открыто и четко…

Как бы ни проводился этот плебисцит, я хочу заверить Ваше превосходительство как дуче фашистской Италии:

1. Этот шаг следует рассматривать как национальную самооборону. Такой шаг предпринял бы любой сильный человек, окажись он на моем месте. Вы, Ваше превосходительство, не смогли бы поступить по-другому, если бы на карту была поставлена судьба итальянцев…

2. В критический для Италии момент я доказал Вам искренность своих симпатий. Можете не сомневаться, что и в будущем мое отношение не изменится.

3. К каким бы последствиям ни привели надвигающиеся события, я провел четкую границу между Германией и Францией. Теперь я провожу такую же четкую границу между Италией и нами. Это Бреннер[98]…

Ваш друг навечно

Адольф Гитлер

Падение Шушнига

Не подозревая, какие лихорадочные приготовления велись по ту сторону границы третьего рейха, доктор Шушниг вечером 10 марта спокойно лег спать, твердо убежденный в том, что плебисцит окажется успешным для Австрии и что «нацисты не станут серьезным препятствием»[99]. В самом деле, в тот вечер доктор Зейсс-Инкварт заверил его, что поддержит плебисцит и даже произнесет по этому поводу речь.

В половине пятого утра, уже 11 марта, австрийского канцлера разбудил звонок телефона, стоявшего возле кровати. Доктор Скубл, начальник австрийской полиции, сообщил, что немцы закрыли границу в Зальцбурге и движение поездов между двумя странами прекратилось. Поступили сведения о концентрации немецких войск у австрийской границы.

В 6.15 Шушниг уже направлялся в свой кабинет на Баллхаус-плац, но по дороге решил зайти в собор Святого Стефана. В соборе царил полумрак, шла утренняя месса. Шушниг занял свое обычное место и задумался о зловещей новости, услышанной от начальника полиции. «Я не до конца понимал, что это значило, — вспоминал он позднее, — но знал, что за этим последуют перемены». Он посмотрел на свечи перед образом богоматери-заступницы, потом украдкой огляделся по сторонам и осенил себя крестным знамением — так поступало в трудные времена не одно поколение венцев.

В канцелярии было все спокойно. Даже тревожных сообщений от австрийских дипломатов в других странах не поступало. Шушниг позвонил в штаб полиции и попросил, чтобы в качестве меры предосторожности были высланы полицейские патрули в центр города и во все правительственные учреждения. Кроме того, он созвал заседание кабинета. Не явился только Зейсс-Инкварт, которого не могли нигде найти. В действительности нацистский министр находился в венском аэропорту. Папен, вызванный ночью ненадолго в Берлин, улетал специальным самолетом в 6 утра, и Зейсс-Инкварт провожал его. Теперь предатель номер один ждал предателя номер два — Глайзе-Хорстенау, тоже министра кабинета Шушнига. Глайзе-Хорстенау должен был возвратиться из Берлина с указаниями Гитлера, какие действия предпринимать им в отношении плебисцита.

Последовал приказ отменить плебисцит, о чем оба господина уведомили Шушнига в десять утра, добавив при этом, что Гитлер просто взбешен. Просовещавшись несколько часов с президентом Микласом, министрами и доктором Скублом, Шушниг согласился отменить плебисцит. Шеф полиции сообщил, что на полицию, в которой нацисты снова заняли многие командные должности, правительству рассчитывать не следует. В то же время Шушниг полагал, что армия и милиция Патриотического фронта (официальной

авторитарной партии) будут драться. В этот критический момент он решил (в воспоминаниях он пишет, что вообще-то давно так решил), что не будет оказывать сопротивление Гитлеру, если это повлечет пролитие немецкой крови. Гитлер был готов пролить кровь, Шушнига же бросало в дрожь при мысли об этом.

В два часа пополудни он вызвал Зейсс-Инкварта и сообщил ему, что отменил плебисцит. Воспитанный предатель тут же бросился к телефону и позвонил в Берлин Герингу. Но по немецкой схеме зажатый в угол противник, пойдя на одну уступку, должен немедленно сделать и другую. Гитлер и Геринг стали поднимать ставки. Сохранилась поминутная запись того, как это делалось, запись всех угроз и обманов. Запись эту, как бы иронично это ни звучало, вел личный «исследовательский институт» Геринга. Им были записаны двадцать семь телефонных разговоров фельдмаршала начиная с 2.45 утра 11 марта. Эти документы были обнаружены после войны в министерстве авиации Германии. Из них хорошо видно, как за несколько часов телефонных переговоров между Берлином и Веной была решена судьба Австрии.

Впервые Зейсс-Инкварт позвонил фельдмаршалу в 2.45 утра. Геринг сказал ему, что отмены плебисцита недостаточно, что после совещания с Гитлером он перезвонит. Он сделал это в 3.05. Шушниг, заявил он, должен уйти в отставку, а на его место в течение двух часов должен быть назначен Зейсс-Инкварт. Геринг велел также Зейсс-Инкварту «послать телеграмму фюреру в соответствии с договоренностью». Это первое упоминание о телеграмме, о которой в течение последующих нескольких часов будут вспоминать не раз и на основании которой Гитлер состряпал ложь, оправдывающую агрессию против Австрии в глазах немцев и всего мира.

Вильгельм Кепплер, специальный агент Гитлера в Австрии, прибыл вечером из Берлина, чтобы заняться делами Папена в его отсутствие. Он передал Зейсс-Инкварту текст телеграммы, которую тот должен был отправить фюреру. В ней содержалась просьба ввести в страну германские войска для ликвидации беспорядков. В Нюрнберге Зейсс-Инкварт заявил, что отказался посылать такую телеграмму, поскольку никаких беспорядков не происходило. Кепплер, настаивая на том, что это сделать необходимо, поспешил в австрийскую канцелярию, где обнаглел настолько, что занял кабинет рядом с кабинетами Зейсс-Инкварта и Глайзе-Хорстенау. Непонятно, как допустил Шушниг, чтобы эти проходимцы и предатели в столь критический момент обосновались в резиденции австрийского правительства, однако он это допустил. Позднее он вспоминал, что канцелярия походила на «растревоженный улей»: Зейсс-Инкварт и Глайзе-Хорстенау обосновались в углу со своим «двором», куда то и дело «приходили личности странного вида». Вероятно, вежливому, но подавленному канцлеру просто не пришло в голову выкинуть их вон. Он решил уступить давлению со стороны Гитлера и подать в отставку. Посоветовавшись с Зейсс-Инквартом, позвонил по телефону Муссолини, но дуче не оказалось на месте и он отменил звонок. Просить Муссолини о помощи, решил он, «значит, терять время». Даже давний защитник Австрии предал ее в трудную минуту. Через несколько минут, когда Шушниг пытался уговорить президента Микласа принять его отставку, из министерства иностранных дел пришло сообщение: «Итальянское правительство заявляет, что при сложившихся

обстоятельствах оно не сможет дать совета, если к нему за таковым обратятся».

Президент Вильгельм Миклас не был великим человеком, но он был человеком прямым и упрямым. Он неохотно принял отставку Шушнига, а назначить Зейсс-Инкварта его преемником и вовсе отказался. «Это совершенно немыслимо, — заявил он. — Они не смогут нас заставить». И он приказал Шушнигу передать немцам, что их ультиматум не принят.

Зейсс-Инкварт сообщил об этом Герингу в 5.30 утра.

Зейсс-Инкварт: Президент принял отставку Шушнига… Я предложил возложить обязанности канцлера на меня… но он предпочитает человека типа Эндера…

Геринг: Так не пойдет! Ни в коем случае! Президенту нужно немедленно сказать, что он должен передать полномочия федерального канцлера вам и одобрить предложенный состав кабинета.

В этом месте разговор ненадолго прервался. Зейсс-Инкварт позвал к телефону доктора Мюльмана, ничем не примечательного австрийского нациста (Шушниг видел его издалека в Берхтесгадене), однако личного друга Геринга.

Мюльман: Президент никак не соглашается. Мы, трое национал-социалистов, хотели поговорить с ним лично… Он просто не пустил нас. Судя по всему, сдаваться он не собирается.

Геринг: Дайте мне Зейсса. Зейссу-Инкварту: Запомните, вы вместе с генерал-лейтенантом Муффом (германский военный атташе) немедленно пойдете к президенту и скажете ему, что если он не примет поставленные условия, то войска, которые уже направляются к границе, этой ночью перейдут ее по всей протяженности и Австрия перестанет существовать… Скажите ему, что шутить не время. Положение таково, что этой ночью начнется вторжение в Австрию со всех сторон. Оно прекратится и войска останутся по эту сторону границы только в том случае, если к 7.30 мы получим сообщение, что вам передана власть федерального канцлера… Потом обратитесь к национал-социалистам страны. Они уже должны быть на улицах. Запомните, сообщение должно поступить не позднее 7.30. Если Миклас не понял этого за четыре часа, мы заставим его понять все за четыре минуты.

Но президент не сдавался. В 6.30 Геринг снова разговаривал по телефону с Кепплером и Зейсс-Инквартом. Оба сообщали, что президент Миклас не желает их слушать.

Геринг: Что ж, тогда Зейсс-Инкварту придется его просто уволить! Пойдите к нему и прямо заявите, что Зейсс-Инкварт поднимет гвардию национал-социалистов, а я через пять минут отдам войскам приказ войти в страну.

После этого приказа генерал Муфф и Кепплер предъявили президенту второй военный ультиматум: если он не подчинится требованиям до 7.30, то германские войска войдут в Австрию. «Я заявил этим господам, — рассказывал потом Миклас, — что отклоняю их ультиматум… что Австрия сама выберет главу своего правительства».

К этому времени австрийские нацисты уже хозяйничали на улицах и в канцелярии. В тот вечер, около шести часов, я возвращался из больницы, где моя жена боролась за жизнь после трудных родов, которые в конце концов закончились кесаревым сечением. Я вышел из метро на Карлсплац и оказался в истерически настроенной, вопящей толпе нацистов, которая направлялась в сторону центра. Такие озверелые лица я уже видел раньше — на партийных сборищах в Нюрнберге. Нацисты кричали: «Зиг хайль! Зиг хайль! Хайль Гитлер! Повесим Шушнига!» А полицейские, которые всего несколько часов назад на моих глазах без труда разогнали небольшую толпу нацистов, теперь стояли в стороне и усмехались.

Шушниг слышал угрозы толпы, и они на него подействовали.

Он поспешил к президенту, чтобы поговорить с ним в последний раз, но

«…президент Миклас был непреклонен. Он не хотел назначать нациста на пост австрийского канцлера. Когда я стал настаивать на назначении на этот пост Зейсс-Инкварта, он опять воскликнул:

«Вы все предали меня! Все!» Но я не видел, кого можно было бы назначить, кроме Зейсс-Инкварта. Мне оставалось только поверить всем тем обещаниям, которые он мне дал, поверить ему как истинному христианину и честному человеку».

До самого конца Шушниг оставался в плену иллюзий. Бывший канцлер предложил выступить с речью по радио, чтобы объяснить, почему он уходит в отставку. Он утверждает, что президент Миклас согласился, хотя позднее президент опроверг это. Это было самое волнующее выступление из всех, которые я когда-либо слышал.

Микрофон был установлен всего в пяти шагах от того места, где нацисты застрелили Дольфуса.

«…Сегодня германское правительство, — говорил Шушниг, — вручило президенту Миклосу ультиматум. В течение короткого времени он должен назначить на пост канцлера человека, которого назовет германское правительство… в противном случае германские войска войдут в Австрию.

Я говорю всему миру, что сообщения, распространяемые в Германии о беспорядках в рабочих кварталах, о проливаемых потоках крови, о неспособности австрийского правительства контролировать положение являются ложью от начала до конца. Президент Миклас просил меня сказать народу Австрии, что мы подчиняемся силе, что даже в такой тяжелый час мы не хотим кровопролития. Мы решили дать войскам приказ не оказывать сопротивления[100].

Я прощаюсь с народом Австрии и от всего сердца прошу: «Боже, защити Австрию!»

Канцлер уже попрощался с народом, а упрямый президент все медлил. Геринг узнал об этом, когда вскоре после выступления Шушнига позвонил генералу Муффу.

«Лучше всего, если Миклас уйдет в отставку», — сказал ему Геринг.

«Конечно! Но он не хочет, — ответил Муфф. — Все очень сложно. Я говорил с ним минут пятнадцать. Он заявил, что ни при каких условиях не подчинится силе».

«Вот как? Не подчинится силе?» — Геринг не мог в это поверить.

«Он не подчинится силе», — повторил генерал.

«Значит, он хочет, чтобы его вышвырнули?»

«Да, — сказал Муфф. — Он остается на прежних позициях».

«Что ж, имея четырнадцать детей, менять ее уже не стоит, — засмеялся Геринг. — Все равно, скажите Зейссу, чтобы брал все в свои руки».

Оставался все еще нерешенным вопрос о телеграмме, которая нужна была Гитлеру, чтобы оправдать вторжение. По словам Папена, который находился в канцелярии фюрера, последний был «на грани истерики». Упрямый австрийский президент спутал все его планы.

Зейсс-Инкварт тоже ломал планы, так как до сих пор не отправил телеграммы с просьбой к Гитлеру прислать войска для ликвидации беспорядков. Вне себя от ярости Гитлер подписал приказ о вторжении в 8.45 вечера 11 марта[101]. Через три минуты, в 8.48, Геринг разговаривал по телефону с Кепплером, который находился в Вене.

Геринг: Слушайте внимательно. Зейсс-Инкварт должен послать телеграмму следующего содержания. Запишите! «Временное правительство Австрии, пришедшее к власти после отставки правительства Шушнига, считает своей неотложной задачей установление мира в Австрии и потому обращается к германскому правительству с просьбой о помощи в предотвращении кровопролития. Для этой цели оно просит германское правительство как можно скорее прислать войска».

Кепплер заверил фельдмаршала, что немедленно покажет текст телеграммы Зейсс-Инкварту.

«Хорошо, — сказал Геринг, — ему даже не нужно посылать телеграмму. Пусть просто скажет: «Согласен».

Через час Кепплер звонил в Берлин: «Передайте фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен»[102].

На следующий день берлинская «Фелькишер беобахтер» пестрела заголовками: «НЕМЕЦКАЯ АВСТРИЯ СПАСЕНА ОТ ХАОСА». В ней были помещены сочиненные Геббельсом невероятные рассказы о «красных» беспорядках в Вене стрельба и грабежи прямо на улицах. Там же был помещен и текст телеграммы, опубликованный ДНБ — официальным агентством новостей Германии. Сообщалось, что эта телеграмма была послана Зейсс-Инквартом Гитлеру предыдущей ночью. Две копии этой «телеграммы» — именно с текстом, продиктованным Герингом, были обнаружены после войны в архивах министерства иностранных дел Германии. Папен объяснил, как они туда

попали: германский министр почты и телеграфа состряпал их задним числом и сдал в государственный архив.

В тот вечер Гитлер очень нервничал. Он с волнением ждал не только момента, когда сдастся австрийский президент. Он ждал вестей от Муссолини. Молчание защитника Австрии казалось ему зловещим. В 10.25 в канцелярию позвонил из Рима принц Филип Гессенский. Гитлер сам схватил телефонную трубку. Люди Геринга записали на пленку этот разговор:

Принц: Я только что вернулся из Палаццо Венеция. Дуче воспринял все очень дружелюбно. Он шлет вам свои наилучшие пожелания… Шушниг рассказал ему обо всем… Муссолини сказал, что австрийский вопрос для него не существен.

Гитлер сразу испытал облегчение и пришел в неописуемый восторг.

Гитлер: Тогда, пожалуйста, передайте Муссолини, что я этого никогда не забуду.

Принц: Слушаюсь.

Гитлер: Никогда! Никогда! Что бы ни случилось! Я готов заключить с ним совсем другое соглашение. Принц: Я сказал ему об этом.

Гитлер: Как только вопрос с Австрией будет решен, я готов идти с ним в огонь и в воду, куда угодно! Принц: Да, мой фюрер.

Гитлер: Слушайте! Я договорюсь с ним о чем угодно. Я уже осознаю всю опасность положения с военной точки зрения, в котором мы оказались бы, если бы были вовлечены в конфликт. Передайте ему, что я благодарю его от всего сердца. Никогда, никогда я не забуду этого!

Принц: Слушаюсь, мой фюрер.

Гитлер: Я никогда не забуду этого, что бы ни случилось! Если ему понадобится моя помощь, если он попадет в беду, он может быть уверен, что я буду рядом с ним, что бы ни случилось! Даже если весь мир ополчится против него. Принц: Слушаюсь, мой фюрер.

Какие же шаги предприняли Англия, Франция и Лига Наций в этот критический момент, чтобы остановить агрессию Германии против мирной соседней страны? Да никаких. Франция в тот момент опять осталась без правительства. В четверг 10 марта Шотан и его кабинет подали в отставку. В пятницу 11 марта, когда Геринг диктовал Вене свои ультиматумы, в Париже не оказалось силы, способной предпринять какие-либо шаги. Французское правительство во главе с Леоном Блюмом было сформировано уже после объявления об аншлюсе.

А что же Англия? 20 февраля, через неделю после того, как Шушниг капитулировал в Берхтесгадене, министр иностранных дел Великобритании Антони Иден подал в отставку в основном из-за того, что выступал против политики умиротворения Муссолини, проводимой премьером Чемберленом. Его место занял лорд Галифакс. Эту смену приветствовали в Берлине. Чемберлен заявил об этом в палате общин после берхтесгаденского ультиматума. Посольство Германии в Лондоне обстоятельно доложило об этом 4 марта. В докладе сообщалось, что Чемберлен заявил: «…То, что случилось (в

Берхтесгадене), было только встречей двух государственных деятелей, которые договорились об определенных мерах, направленных на улучшение отношений между их странами….Вряд ли можно утверждать, что только потому, что два государственных деятеля договорились об изменениях в одной из стран, — изменениях, проводимых в интересах улучшения отношений между ними, — эта страна лишилась своей независимости. Напротив, речь федерального канцлера, произнесенная 24 февраля, не содержит ничего, что могло бы навести на мысль, будто сам федеральный канцлер Шушниг верит в потерю его страной независимости».

Ввиду того что британская миссия в Вене, как стало известно, сообщила Чемберлену подробности берхтесгаденского ультиматума, предъявленного Гитлером Шушнигу, его речь в палате общин 2 марта может показаться просто поразительной[103]. Но Гитлеру это было на руку. Теперь он знал, что может вступить в Австрию и это не приведет к осложнениям с Англией. 9 марта в Лондон прибыл Риббентроп — новый министр иностранных дел Германии, чтобы передать дела в посольстве, где он был прежде послом. Он имел продолжительные беседы с Чемберленом, Галифаксом, королем и архиепископом Кентерберийским. В Берлин он докладывал, что впечатления о премьер-министре и министре иностранных дел у него складываются очень хорошие. 10 марта, после продолжительной беседы с лордом Галифаксом, Риббентроп доложил в Берлин непосредственно Гитлеру о том, что предпримет Англия, «если австрийский вопрос не удастся решить мирным путем». По завершении встреч в Лондоне он был твердо убежден, что «Англия останется безучастной в отношении Австрии».

11 марта Риббентроп обедал на Даунинг-стрит с премьер-министром и членами его кабинета, когда посыльный министерства иностранных дел доставил Чемберлену срочные депеши о событиях в Вене. За несколько минут перед этим Чемберлен просил Риббентропа довести до Гитлера его «искреннее желание и твердое намерение улучшить германо-британские отношения». После получения тревожных новостей из Вены премьер удалился в свой кабинет, где прочитал германскому министру иностранных дел две телеграммы от британской миссии в Вене, в которых сообщалось об ультиматуме Гитлера. «Обсуждение, — докладывал Риббентроп Гитлеру, — проходило в напряженной атмосфере. Обычно спокойный лорд Галифакс был взволнован сильнее, чем Чемберлен, который внешне остался хладнокровным». Риббентроп выразил сомнение «в правдивости доклада». Это, казалось, вполне устроило английских хозяев, потому что «прощание было совершенно дружеским, даже Галифакс успокоился»[104].

Чемберлен прореагировал на сообщение из Вены: он поручил послу в Берлине Гендерсону направить исполняющему обязанности министра иностранных дел Нейрату ноту, предупреждающую, что если сообщения о германском ультиматуме правдивы, то «правительство его величества будет считать вправе выразить протест в самой резкой форме». Но формальный дипломатический протест, сделанный с таким опозданием, меньше всего беспокоил Гитлера. На следующий день, 12 марта, в то время, когда германские войска входили в Австрию, Нейрат послал высокомерный ответ, в котором заявлял, что австро-германские отношения касаются исключительно немецкого народа, а не британского правительства, и повторил ложь о том, что никакого ультиматума Австрии не предъявлялось, а войска были посланы в ответ на просьбу вновь сформированного австрийского правительства о

«неотложной» помощи. Он обратил внимание британского посла на телеграмму, «которая уже опубликована в германской прессе»[105].

По-настоящему вечером 11 марта Гитлера волновало одно — реакция Муссолини[106]. Некоторое беспокойство вызывали также возможные шаги Чехословакии. Однако неутомимый Геринг быстро выяснил этот вопрос. Несмотря на то что он был очень занят, руководя по телефону переворотом в Вене, он нашел время съездить в «Хаус дер флигер»[107], где около тысячи высокопоставленных официальных лиц и дипломатов приятно проводили время, слушая оркестр и солистов государственной оперы, созерцая выступление балета. Когда прибыл чешский министр доктор Войтех Мастны, фельдмаршал немедленно отвел его в сторону и дал честное слово, что Чехословакии нечего опасаться Германии и что вступление войск рейха в Австрию — «не более чем семейное дело». Он сообщил также, что Гитлер намерен добиваться улучшения отношений с Прагой. В обмен на эти новости он просил гарантий, что чехи не проведут мобилизации. Доктор Мастны покинул прием, связался по телефону с министром иностранных дел, находившимся в Праге, после чего вернулся и объявил Герингу, что его страна не прибегнет к мобилизации, что она не намерена вмешиваться в события в Австрии. Герингу вздохнул с облегчением и повторил свои обещания, подкрепив их честным словом фюрера.

Вероятно, даже проницательному чешскому президенту Эдуарду Бенешу не хватило в тот вечер времени осознать, что конец Австрии означает и конец Чехословакии. Были в ту роковую субботу в Европе люди, которые полагали, что чешскому правительству не хватает дальновидности. Они отстаивали свою точку зрения: стратегическое положение Чехословакии ухудшится после оккупации нацистами Австрии — она окажется окруженной с трех сторон германскими войсками. Они считали также, что действия Чехословакии, предусматривающие оказание помощи Австрии, могут вовлечь в события Россию, Францию, Англию и Лигу Наций, а противостоять им Германия не в состоянии. Из этого следовало, что Чехословакии вечером 11 марта надо было действовать. Дальнейшие события, к описанию которых мы вскоре перейдем, полностью развенчивают эту точку зрения. Немного позднее двум крупным странам, являвшимся оплотом западной демократии, и Лиге Наций представилась лучшая возможность остановить Гитлера, но они ею не воспользовались. Как бы то ни было, в тот вечер Шушниг без промедления направил воззвание в Лондон, Париж, Прагу и Женеву. В своих мемуарах он пишет, что считал это пустой тратой времени. Президент Миклас в свою очередь полагал, как он рассказывал позднее, что австрийское правительство, которое незамедлительно информировало Париж и Лондон о германском ультиматуме, в течение всего вечера «вело разговоры» с французским и британским правительствами с целью выяснить их настроение.

Когда ближе к полуночи выяснилось, что они «не настроены» что-либо предпринимать, кроме как направлять пустые протесты, президент сдался. Он назначил Зейсс-Инкварта канцлером и принял представленный им список министров. «Меня предали и дома и за границей», — с горечью комментировал он.

В полдень 12 марта Геббельс прочитал по Германскому и Австрийскому радио напыщенное воззвание Гитлера. В нем фюрер оправдывал агрессию, как всегда, не говоря ни слова правды, и обещал, что народ Австрии выберет свое будущее путем «настоящего плебисцита». После этого Гитлер отправился на родину. Встречали его всюду торжественно. В каждой деревне, наспех

украшенной по случаю его приезда, его ждали ликующие толпы. После полудня фюрер достиг первой цели своего путешествия — Линца, где он провел школьные годы. Здесь ему устроили восторженный прием, и Гитлер был глубоко тронут. На следующий день, после того как он послал Муссолини телеграмму со словами: «Я никогда этого не забуду!», он возложил венок на могилу своих родителей в Леондинге и вернулся в Линц, чтобы произнести речь:

«Когда много лет назад я покидал этот город, у меня была одна мечта, которая и сейчас в моем сердце. Вы можете представить, что я чувствую, если эта мечта по истечении многих лет осуществилась. И если однажды судьба принудила меня покинуть этот город, чтобы стать вождем рейха, то она же возложила на меня миссию. Этой миссией могло быть только присоединение моей любимой родины к германскому рейху. Я верил в это, я жил и боролся ради этого, и я считаю, что теперь эту миссию выполнил».

Вечером 12 марта Зейсс-Инкварт вместе с Гиммлером прилетел в Линц на встречу с Гитлером. На встрече Зейсс-Инкварт гордо заявил, что статья 88 Сен-Жерменского договора, закрепляющая независимость Австрии и делающая Лигу Наций гарантом этой независимости, отменена. Но Гитлеру, упивавшемуся восторгами толпы, этого казалось мало. Он срочно вызвал в Линц доктора Вильгельма Штукарта, заместителя министра внутренних дел Германии, в задачу которого, по словам его начальника — министра Фрика, входило составить проект закона о назначении Гитлера президентом Австрии. К удивлению искушенного юриста, Гитлер поручил ему, как он позднее показывал в Нюрнберге, «составить проект закона о полном аншлюсе».

Этот проект Штукарт представил новому австрийскому правительству в воскресенье 13 марта, когда должен был состояться плебисцит, назначенный Шушнигом. Президент Миклас, как мы знаем, отказался подписать его, но Зейсс-Инкварт, взявший на себя президентские полномочия, поставил свою подпись и поздно вечером вылетел в Линц, чтобы показать проект фюреру. Закон провозглашал конец Австрии. «Австрия — так начинался этот документ, — есть провинция германского рейха». Как вспоминал впоследствии Зейсс-Инкварт, Гитлер лил слезы умиления. В тот же день так называемый закон об аншлюсе был опубликован и подписан от имени германского правительства Гитлером, Герингом, Риббентропом, Фриком и Гессом. В соответствии с законом 10 апреля предстояло провести «свободный плебисцит с тайным голосованием», во время которого австрийцам предлагалось решить вопрос о «воссоединении Австрии с германским рейхом». Немцам рейха Гитлер 18 марта тоже объявил о плебисците по вопросу аншлюса. Он должен был пройти параллельно с новыми выборами в рейхстаг.

Гитлер отложил свое триумфальное появление в Вене, где он много лет жил как бродяга, до понедельника 14 марта. Сделать это пришлось по двум непредвиденным обстоятельствам. Несмотря на восторг австрийцев от перспективы увидеть Гитлера в своей столице, Гиммлер попросил еще один день для обеспечения необходимой безопасности. Он уже вплотную занялся арестами «неблагонадежных» — за несколько недель только в Вене их число достигло 79 тысяч. Кроме того, хваленые немецкие танки вышли из строя еще до того, как подошли к Вене. Йодль считал, что около 70 процентов машин застряло на дорогах от Зальцбурга и Пассау до Вены, хотя генерал Гудериан, командующий танковыми войсками, утверждал, что вышли из строя только 30 процентов машин. Как бы то ни было, Гитлер был взбешен. Он

провел в Вене всего одну ночь, остановившись в гостинице «Империал». И все-таки триумфальное возвращение в бывшую имперскую столицу, которая обрекла его в молодые года на нищенское существование, которая не поняла и не оценила его тогда и которая пышно встречала его теперь, не могло не поднять его настроения. Вездесущий Папен прилетел из Берлина в Вену на самолете, чтобы принять участие в торжествах. Он застал Гитлера на площадке напротив Хофбурга, древнего дворца Габсбургов. «Могу только сказать, — писал позднее Папен, — что он был в экстазе»[108].

В таком состоянии Гитлер пребывал в течение последующих четырех недель, колеся вдоль и поперек по Германии и Австрии и призывая население голосовать за аншлюс. В своих бесконечных речах он не забывал обливать грязью Шушнига и повторять затасканную ложь о том, как был произведен аншлюс. В своем выступлении в рейхстаге 18 марта он заявил, что Шушниг «нарушил слово», устроив «шумиху с плебисцитом», и добавил, что так мог вести себя «только ослепленный глупец». 25 марта во время выступления в Кенигсберге «шумиха с плебисцитом» превратилась в «нелепую комедию». Гитлер уверял, что были найдены письма, из которых ясно, что Шушниг намеренно затягивал, выдвигая все новые предложения, претворение в жизнь берхтесгаденского соглашения, пока не настанет «более благоприятный момент для того, чтобы настроить против Германии другие страны».

Кроме того, в Кенигсберге Гитлер ответил на нападки иностранных журналистов, обвинявших его в том, что он, использовав силу и обман, добился аншлюса, не дожидаясь плебисцита:

«Некоторые иностранные газеты заявляют, что мы коварно напали на Австрию. На это я могу сказать одно: даже умирая, они не перестанут лгать. За время своей политической борьбы я завоевал любовь своего народа. Но когда я пересек бывшую границу (с Австрией), я был встречен с такой любовью, какой раньше нигде не встречал. Мы пришли не как тираны, а как освободители…

Находясь под впечатлением от всего этого, я решил не ждать fjo 10 апреля, а осуществить объединение сразу…»

Иностранцам это казалось не слишком логичным, но на немцев произвело сильное впечатление. Заканчивая свою речь в рейхстаге, Гитлер дрожащим от волнения голосом сказал: «Народ Германии, дай мне еще четыре года, чтобы я смог использовать наше единство для всеобщего блага!» Эти слова были встречены такой овацией, которая не шла ни в какое сравнение с предыдущими триумфами Гитлера на этой трибуне.

9 апреля, накануне плебисцита, он завершил предвыборную кампанию в Вене. Человек, который когда-то бродил по этим улицам голодный и грязный, за четыре года завоевал в Германии власть, равную власти Гогенцоллернов, и теперь присоединил к ней власть Габсбургов. Его распирало от сознания своей божественной миссии.

«Я верю, что по воле бога юношей покинул эту страну и уехал в рейх, который воспитал меня, сделал вождем нации и позволил вернуть свою родину в лоно рейха.

Существует высший порядок, а мы только его слуги. Когда 9 марта Шушниг нарушил свое слово, я вмиг понял, что это судьба. То, что произошло в последующие три дня, является воплощением предначертания провидения.

В три дня господь бог сразил их!.. В день предательства на меня снизошла милость, которая позволила объединить мою родину с рейхом…

Я возношу хвалу всевышнему, позволившему мне вернуться на родину, с тем чтобы я мог ввести ее в состав рейха. Пусть завтра каждый немец вспомнит об этом и смиренно преклонит голову перед богом всемогущим, который за три недели сотворил для нас чудо!»

Было ясно, что большинство австрийцев, которые 13 марта сказали бы «да» Шушнигу, 10 апреля скажут «да» Гитлеру. Многие из них искренне верили, что прочный союз с Германией, даже нацистской, желателен и неизбежен для Австрии, что Австрия, от которой в 1918 году отошли обширные славянские и венгерские территории, не сможет долго существовать сама по себе, что она способна выжить лишь в составе германского рейха. Кроме приверженцев подобной точки зрения были еще и ярые нацисты — безработные и имеющие работу, число которых в стране непрерывно росло. Их привлекала возможность поправить свое положение. Многие католики в этой преимущественно католической стране были привлечены широко публиковавшимся заявлением кардинала Иннитцера, в котором он приветствовал приход нацистов в Австрию и призывал голосовать за аншлюс[109].

В такой обстановке только очень смелый человек мог проголосовать «против». Как и в Германии, избиратели не без оснований опасались, что их нежелание голосовать за аншлюс будет замечено, На избирательном участке, который я посетил в то воскресенье, нацистская избирательная комиссия сидела в нескольких футах от кабины с раздвинутыми шторами, и ей было хорошо видно, кто и как голосовал. По всей стране мало кто пожелал, точнее, осмелился голосовать тайно в кабине; все голосовали открыто, чтобы другие видели, за что они голосуют. В 7.30 вечера, через полчаса после того, как закрылись избирательные участки, я проводил передачу. Подсчет голосов заканчивался. Перед началом передачи официальные лица из числа нацистов заверили меня, что 99 процентов австрийцев проголосовали за аншлюс. Официальные данные были опубликованы позднее: в Германии «за» проголосовало 99,08 процента жителей, в Австрии — 99,75 процента.

Итак, Австрия на время ушла с исторической арены. Мстительный австриец, присоединивший ее к Германии, изменил даже название страны. Древнее немецкое название Австрии — Остеррайх он заменил новым — Остмарк, но чиновники в Берлине вскоре перестали его использовать. Их больше устраивало слово «Gaue» (земля), что приблизительно соответствует историческому «Laender», таким, как Тироль, Зальцбург, Штирия и Каринтия. Вена стала просто одним из городов рейха, провинциальным центром. Бывший австрийский бродяжка, став диктатором, стер свою родину с политической карты, лишил ее некогда блистательную столицу последних остатков славы. Настроения разочарования охватили австрийцев.

В течение первых недель поведение нацистов в Вене превзошло все, что я видел в Германии. Это была оргия садистов. Множество евреев ежедневно сдирали на улицах плакаты, которые так или иначе напоминали о Шушниге,

чистили сточные канавы. В то время как они работали под присмотром ухмылявшихся штурмовиков, вокруг собиралась толпа, из которой постоянно слышались насмешки и издевательства. Евреев — и мужчин и женщин — хватали прямо на улицах и заставляли чистить общественные туалеты и отхожие места в казармах СА и СС. Десятки тысяч представителей этой национальности были брошены в тюрьмы. Их имущество оказалось конфисковано или разграблено. Из окна своей квартиры на Плосслгассе я видел, как эсэсовцы выносили серебро, гобелены, картины и другие ценности из особняка Ротшильда. Сам барон Луи де Ротшильд заплатил большой выкуп, чтобы покинуть Австрию, — его сталелитейные заводы были присоединены к заводам Германа Геринга. К началу войны приблизительно половина из 180 тысяч евреев, проживавших в Вене, смогла покинуть Австрию, оставив нацистам свое состояние.

Эту торговлю человеческой свободой контролировала специальная; организация, созданная Гейдрихом под эгидой СС. Она носила название «Комиссия по еврейской эмиграции». Это было единственное учреждение, в котором евреи могли получить разрешение на выезд из страны. С момента возникновения комиссии ею руководил австрийский нацист, земляк Гитлера, Карл Адольф Эйхман. Из органа, занимающегося эмиграцией, комиссия в конце концов превратилась в орган, занимающийся их уничтожением. Ею было ликвидировано в общей сложности около четырех миллионов человек.

Гиммлер и Гейдрих, находясь в Австрии, тоже не теряли времени даром. В первые же недели после аншлюса ими был организован крупный концентрационный лагерь Маутхаузен, на левом берегу Дуная, недалеко от Энса, поскольку перевозить тысячи австрийцев в концентрационные лагеря Германии было довольно хлопотно. К моменту крушения третьего рейха в лагере содержались заключенные в основном неавстрийской национальности. Маутхаузену принадлежит сомнительный рекорд среди немецких концентрационных лагерей (за исключением лагерей смерти в Восточной Европе) по количеству официально зарегистрированных смертных казней — 35 318 за шесть с половиной лет существования.

Несмотря на гестаповский террор, который Гиммлер и Гейдрих учинили в Австрии после аншлюса, туда хлынули сотни тысяч немцев. Здесь они могли за марки заказать роскошный обед, что давно уже было недоступно в Германии, здесь можно было за весьма умеренную плату прекрасно отдохнуть среди живописных гор и озер. Немецкие промышленники и банкиры просто наводнили страну, за бесценок скупая заводы и фабрики, конфискованные у евреев или антифашистски настроенных лиц. Среди этой улыбающейся публики оказался и вездесущий доктор Шахт. Несмотря на разногласия с Гитлером, он все еще оставался министром без портфеля в кабинете и президентом Рейхсбанка. Он всемерно одобрял аншлюс, а в Австрию прибыл, чтобы от имени Рейхсбанка еще до плебисцита присоединить национальный банк. 21 марта он обратился с речью к служащим австрийского банка, в которой высмеял иностранную прессу, осуждавшую гитлеровские методы объединения. Шахту эти методы нравились. По его словам, аншлюс явился следствием бесчисленных предательств и актов жестокого насилия, которое другие государства применяли против Германии.

«Слава богу!.. Адольф Гитлер соединил воедино германскую волю и германскую мысль! Он подкрепил это единство новым сильным вермахтом и придал внешнюю законченность внутреннему единству Австрии и Германии…

Никто из нас не увидит светлого будущего, если не будет всей душой стоять на стороне Адольфа Гитлера… Рейхсбанк всегда будет только национал-социалистским, иначе я отказываюсь им управлять».

После этого Шахт заставил сотрудников австрийского банка принести «клятву верности и повиновения фюреру».

«Мерзавцем будет тот, кто нарушит эту клятву!» — воскликнул доктор Шахт, на что аудитория отозвалась троекратным «Зиг хайль!».

Доктор Шушниг был арестован и подвергался настолько унизительному обращению, что трудно поверить, будто приказ об этом не был подписан самим Гитлером. С 12 марта по 28 мая Шушнига содержали под домашним арестом. В течение всего этого времени гестапо заботилось о том, чтобы он не спал, причем делало это самыми подлыми методами. Потом его перевели в штаб-квартиру гестапо, размещавшуюся в венской гостинице «Метрополь». Там его поместили в маленькую комнатушку на пятом этаже. В ней он провел последующие семнадцать месяцев. Его заставляли с помощью полотенца, выданного для личного пользования, наводить чистоту в комнатах эсэсовских охранников, мыть раковины, помойные ведра, унитазы. Он подвергался всякого рода глумлениям, которые придумывали гестаповцы. К 11 марта — первой годовщине своего падения — Шушниг потерял пятьдесят восемь фунтов веса, но эсэсовский врач докладывал, что он в отличном состоянии. О годах одиночного заключения, о жизни «среди живых мертвецов» в самых страшных немецких концлагерях — Дахау и Заксенхаузене, куда его перевели позднее, доктор Шушниг рассказал в своей книге «Реквием по Австрии».

Вскоре после ареста ему разрешили по доверенности вступить в брак с бывшей графиней Верой Чернин, чей брак был аннулирован церковным судом[110]. В последний год войны ей позволили жить в концентрационном лагере вместе с Шушнигом и их сыном, родившимся в 1941 году. Просто чудо, как они сумели пережить кошмар концлагеря. К концу войны вместе с ними сидели и другие высокопоставленные жертвы гнева Гитлера: бывший премьер-министр Франции Леон Блюм с мадам Блюм, пастор Нимеллер, большое число генералов, принц Филип Гессенский, жену которого принцессу Мафальду, дочь короля Италии, эсэсовцы замучили в Бухенвальде в 1944 году так Гитлер отомстил Виктору Эммануилу за то, что тот перешел на сторону союзников.

1 мая 1945 года группа высокопоставленных пленников была спешно вывезена из Дахау и отправлена на юг, в одну из деревень Тироля, расположенную высоко в горах, где их не могли освободить американцы, приближавшиеся с запада. Гестаповские офицеры показали Шушнигу список лиц, от которых по приказанию Гиммлера надлежало избавиться до того, как они попадут в руки союзников. Шушниг увидел свое аккуратно отпечатанное имя и имя своей жены. Душевные силы чуть не покинули его — столько пережить, чтобы погибнуть в последнюю минуту!

Тем не менее 4 мая Шушниг смог записать в своем дневнике:

«Сегодня днем, в два часа, тревога! Американцы!

Американцы заняли гостиницу!

Мы свободны!»

Без единого выстрела, пользуясь невмешательством Англии, Франции и России, чьи вооруженные силы могли одолеть Гитлера, он увеличил население рейха на семь миллионов человек и занял выгодную стратегическую позицию, необычайно важную для реализации его будущих планов. Он не только окружил Чехословакию своими войсками с трех сторон, но и получил возможность выйти в Юго-Восточную Европу через Вену. В качестве столицы Австро-Венгерской империи Вена являлась центром в системе торговли и коммуникаций Центральной и Юго-Восточной Европы. Теперь этот центр находился в его руках.

Вероятно, самым важным для Гитлера было убедиться, что Англия и Франция и пальцем не пошевелят, чтобы остановить его. 14 марта Чемберлен выступал в палате общин по поводу событий в Австрии. Германское посольство в Лондоне направляло в Берлин срочные телеграммы о ходе дебатов. Гитлеру особенно бояться было нечего. «Очевидно, — говорил Чемберлен, — что никто не смог бы предотвратить случившегося в Австрии, разве что наша страна вместе с другими странами была бы готова применить силу».

Гитлеру стало ясно, что британский премьер не хотел не только применять силу, но и договариваться с другими ведущими державами о сдерживании действий Германии в будущем. 17 марта Советское правительство предложило созвать международную конференцию под эгидой Лиги Наций или вне ее для обсуждения мер, которые могли бы предотвратить дальнейшую агрессию Гитлера. Чемберлен воспринял перспективу подобной встречи довольно холодно и 24 марта в палате общин публично отклонил это предложение. «Такие действия, — заявил он, — неизбежно приведут к тому, что усилится тенденция к образованию групп государств… что само по себе враждебно перспективам мира в Европе». Очевидно, он не придал значения оси Берлин — Рим и трехстороннему Антикоминтерновскому пакту (Германия, Италия и Япония) или не захотел его придавать.

В этом же выступлении Чемберлен огласил решение своего правительства, услышать которое Гитлеру было еще приятнее. Он не только резко отклонил предложение, по которому Британия гарантировала бы помощь Чехословакии в случае нападения на нее, но и отказался помогать Франции, если последней придется выполнить свои обязательства по франко-чешскому пакту. Такой прямолинейный ответ значительно упрощал задачу Гитлера. Теперь он знал, что Англия предпочтет наблюдать со стороны, как он будет расправляться с очередной жертвой. Если Англия отступила, не отступит ли и Франция? Из секретных бумаг, отражающих события последующих нескольких месяцев, видно, что он был в этом уверен. Он знал, что по условиям пактов, заключенных с Францией и Чехословакией, Советский Союз не обязан приходить на помощь Чехословакии, пока Франция первой не окажет этой помощи. Именно этого ему и недоставало, чтобы немедленно приступить к осуществлению своих планов.

После успешного аншлюса Гитлер не сомневался, что его генералы не станут ему мешать. Если какие-то сомнения у него и оставались, то они рассеялись после завершения дела Фрича.

Как известно, суд чести над генералом Фричем по обвинению его в гомосексуализме был внезапно приостановлен в день открытия 10 марта, когда фельдмаршал Геринг и командующие сухопутными войсками и ВМС были

срочно отозваны Гитлером для решения австрийского вопроса. Суд возобновил работу 17 марта, но в свете происшедших событий острой борьбы не ожидалось. Несколькими неделями ранее, когда военный суд выявил невероятные махинации Гиммлера и Гейдриха против Фрича, генералы были уверены, что не только добьются восстановления Фрича на его посту, но и так потрясут третий рейх, что это приведет к падению Адольфа Гитлера. Тщетные надежды! Как мы уже писали, 4 февраля Гитлер разбил эти надежды вдребезги, приняв на себя командование вооруженными силами, уволив Фрича и большинство генералов из его окружения. Теперь, после такого головокружительного успеха, когда он завоевал Австрию без единого выстрела, никто в Германии, даже старые генералы, не вспоминал о Фриче.

Надо отметить, что Фрича быстро оправдали. После угроз со стороны Геринга, который мог теперь выступать в роли справедливого судьи, шантажист Шмидт во всем признался и рассказал, что гестапо угрожало ему смертью (угроза эта через несколько дней была приведена в исполнение), если он не укажет на генерала фон Фрича, и что только схожесть имен Фрича и ротмистра фон Фриша, которого он, собственно говоря, и шантажировал на почве его пристрастия к гомосексуализму, позволила выдвинуть такое обвинение против генерала. Ни со стороны Фрича, ни со стороны армии не было предпринято попыток выявить истинную роль гестапо и лично Гиммлера и Гейдриха в фабрикации ложных обвинений. На второй день работы, 18 марта, суд пришел к единому мнению и вынес приговор: «Признать невиновным и оправдать».

Фрича оправдали, но на посту главнокомандующего не восстановили, а армия не вернула себе прежнюю относительную независимость. Поскольку суд проходил при закрытых дверях, широкая публика ничего о нем не знала, как не знала она и предмета обсуждения. 25 марта Гитлер послал Фричу телеграмму, в которой поздравил его «с выздоровлением», и все.

Отставленный генерал, отказавшийся публично обвинить Гиммлера, сделал теперь последний, и бесполезный, жест — он вызвал шефа гестапо на дуэль. Вызов, составленный по всем правилам офицерского кодекса чести генералом Беком, был передан генералу фон Рундштедту как самому старшему генералу в армии, чтобы он передал его главе СС. Рундштедт побоялся это сделать, проносил письмо в кармане несколько недель, пока не забыл о нем.

А еще через некоторое время никто в Германии уже не вспоминал о генерале фон Фриче и его военно-политической программе. Так чего же он хотел? В декабре он написал письмо своему старому другу, баронессе Маргот фон Шутцбар. Письмо свидетельствует о достойной сожаления путанице в мыслях, свойственной и многим другим генералам.

«Право странно, почему многие смотрят в будущее с таким страхом, несмотря на неоспоримые успехи фюрера в течение последних лет…

Вскоре после войны я пришел к выводу, что мы должны победить в трех битвах, чтобы Германия снова стала сильной:

1) в битве с рабочим классом — Гитлер ее выиграл;

2) в битве против католической церкви, или, лучше сказать, против улътрамонтанизма;

3) и в битве против евреев.

Мы сейчас в самой гуще этих битв, причем битва с евреями самая трудная. Полагаю, что все понимают сложность этой кампании!»

7 августа 1939 года, когда тучи войны уже сгущались, он писал баронессе: «Для меня нет места в Германии господина Гитлера — ни во время войны, ни во время мира. Я буду сопровождать свой полк, пусть даже в качестве мишени, потому что не могу оставаться дома».

Так он и поступил. 11 августа 1938 года ему было присвоено почетное звание полковника в его старом полку — 12-м артиллерийском. А 22 сентября он стал мишенью для польского пулеметчика в пригороде осажденной Варшавы. Через четыре дня его со всеми почестями похоронили в Берлине. Было холодно, шел дождь. Если верить моему дневнику, это был самый мрачный день из всех прожитых мною в Берлине.

Уволив Фрича с поста главнокомандующего вооруженными силами двадцать месяцев назад, Гитлер, как мы убедились, одержал победу над последней цитаделью возможной оппозиции — старой офицерской кастой. Теперь, весной 1938 года, организовав переворот в Австрии, он еще больше укрепил свою власть над армией, подчеркивая, что только он принимает решения в области внешней политики, а армия существует, чтобы поддержать эти решения силой оружия. Более того, он обеспечил армии, не потеряв при этом ни одного солдата, стратегическую позицию, которая делала Чехословакию практически беззащитной. Необходимо было воспользоваться этим обстоятельством, не теряя времени.

21 апреля, через одиннадцать дней после нацистского плебисцита в Австрии, Гитлер вызвал генерала Кейтеля, начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил, чтобы обсудить с ним операцию «Грюн».

ДОРОГА НА МЮНХЕН

Операция «Грюн» — кодовое название плана внезапного нападения на Чехословакию. Как мы имели возможность убедиться, этот план был впервые представлен фельдмаршалом фон Бломбергом 24 июня 1937 года. Гитлер проработал его, выступая перед генералами 5 ноября. Он предупреждал тогда, что «обрушиться на чехов» следует «молниеносно» и что произойти это может уже в 1938 году.

Очевидно, легкий захват Австрии сделал операцию «Грюн» делом срочным. Однако план нужно было привести в соответствие с современными требованиями. Именно для этого Гитлер и вызвал 21 апреля 1938 года Кейтеля. На следующий день майор Рудольф Шмундт, новый адъютант Гитлера, подготовил запись обсуждения. Она была разделена на три части: «политические аспекты», «военные выводы», «пропаганда».

Гитлер отвергал «стратегическое нападение при отсутствии какого-либо повода к нему или возможности доказать его правомерность» из-за враждебного отношения мирового сообщества, что могло привести к критической ситуации. Нежелательным считал он и другой вариант — «военные действия после некоторого периода дипломатической напряженности, которая постепенно приведет к обострению отношений и к войне», так как полагал, что «чехи смогут предпринять меры для обеспечения безопасности». Фюрер склонялся в тот момент к третьему варианту: «внезапные действия на основе какого-либо инцидента (убийство германского посла в связи с антигерманской демонстрацией)». Такой «инцидент», как мы помним, уже однажды планировался, чтобы оправдать вторжение немецких войск в Австрию. Тогда в качестве жертвы был намечен Папен. В мире Гитлера, где господствовали бандитские нравы, не жалели посланников.

Германский «бог войны», а именно им и стал фюрер после того, как принял на себя верховное главнокомандование, указал генералу Кейтелю на необходимость ускорить операцию.

«В политическом отношении первые четыре дня военных действий имеют решающее значение. Если в течение этого времени не будут достигнуты решающие военные успехи, то вероятно возникновение европейского кризиса. Совершившиеся факты должны убедительно продемонстрировать бесперспективность внешнего военного вмешательства…»

Что касается пропаганды войны, то подключать к делу доктора Геббельса он счел преждевременным. Сам же Гитлер обсуждал проект листовки относительно поведения немцев в Чехословакии и листовок «угрожающего характера» с целью запугать чехов.

Республика Чехословакия, которую Гитлер наметил в качестве очередной жертвы, была образована после подписания ряда мирных договоров по окончании первой мировой войны — договоров, ненавистных Германии. Она была плодом деятельности двух выдающихся умов Чехословакии — Томаша Масарика, сына кучера, известного ученого и в дальнейшем первого президента страны, и Эдуарда Бенеша, крестьянского сына, закончившего Пражский университет и три высших учебных заведения Франции, проработавшего много лет на посту министра иностранных дел и ставшего вторым президентом Чехословакии после отставки Масарика в 1935 году. Чехословакия была «выкроена» из империи Габсбургов, которая еще в XVI веке присоединила к себе королевство Богемию. После создания Республики Чехословакии в 1918 году она стала самым демократичным, просвещенным и процветающим государством Центральной Европы.

Тот факт, что страну населяло несколько национальностей, создавал определенную проблему внутреннего характера, которую Чехословакия на протяжении двадцати лет так и не смогла решить полностью. Это был вопрос о национальных меньшинствах. В стране проживали миллион венгров, полмиллиона русинов и 3,25 миллиона судетских немцев. Эти люди тянулись к своей «родине» — соответственно к Венгрии, России и Германии, хотя судетские немцы никогда не входили в состав рейха, разве что во времена Священной Римской империи. В общем, эти меньшинства требовали большей автономии.

Даже словаки, составлявшие четверть десятимиллионного населения Чехословакии, требовали автономии. Близкие по расовым признакам и языку к чехам, они прошли иной исторический, культурный и экономический путь развития — вероятно, в результате многовекового господства Венгрии. По соглашению, подписанному чешскими и словацкими эмигрантами 30 мая 1918 года в Питтсбурге, словаки могли иметь свое правительство, парламент и систему судов. Но пражское правительство не считало для себя это соглашение обязательным и не выполняло его.

Несомненно, по сравнению с положением национальных меньшинств в странах Запада, даже в Америке, положение их в Чехословакии было не столь плохим. Они имели полные демократические и гражданские права, включая право голоса, у них были свои школы, свои культурные учреждения. Лидеры их политических партий нередко занимали министерские посты в центральном правительстве. Тем не менее Чехословакии, так долго находившейся под австрийским гнетом, предстояло решить еще много проблем в области национальной политики. Нередки были случаи проявления шовинизма и бестактности. Помнится, как во время одного из посещений Чехословакии я стал свидетелем кампании протеста, проводимой словаками против осуждения к пятнадцати годам тюремного заключения по обвинению «в измене» доктора Войтеха Туки, уважаемого профессора, которого можно было обвинить разве что в том, что он добивался автономии для словаков. Кроме того, национальные меньшинства видели, что правительство не выполняет обещаний, данных Масариком и Бенешем на Парижской мирной конференции в 1919 году, и не создает в стране кантональной системы, наподобие швейцарской.

Это прозвучит достаточно иронично, особенно в свете того, о чем речь пойдет дальше, но судетские немцы жили в Чехословакии совсем неплохо лучше, чем любое другое меньшинство в стране и немецкое меньшинство в Польше или в фашистской Италии. Их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные меры, принимаемые иногда против них в Праге. Им трудно было примириться с потерей такого господства в Богемии и Моравии, как во времена правления Габсбургов. Населяя компактными группами северо-западные и юго-западные районы страны, где сосредотачивалась большая часть промышленности, судетские немцы процветал и в конце концов достигли относительной гармонии в отношениях с чехами, продолжая при этом требовать большей автономии и уважения к своему языку и культуре. До прихода к власти Гитлера; там не было политических течений, боровшихся за что-то большее. На выборах большинство голосов получали социал-демократическая и другие демократические партии.

В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти, судетских немцев поразил вирус национал-социализма. В том же году образовалась судето-немецкая партия (СНП). Возглавил ее учитель физкультуры по имени Конрад Генлейн. Уже в 1935 году партию тайно финансировало министерство иностранных дел Германии, причем субсидии , составляли 15 тысяч марок в месяц. Через пару лет под влияние партии попало почти все население Судетов, исключая социал-демократов и коммунистов. К моменту аншлюса партия Генлейна, три года исполнявшая приказы из Берлина, была готова выполнить любой приказ Гитлера.

Для получения этих приказов Генлейн через две недели после аншлюса поспешил в Берлин, где 28 марта имел трехчасовую беседу с Гитлером при закрытых дверях. На беседе присутствовали также Гесс и Риббентроп. Как

следует из меморандума министерства иностранных дел, приказ Гитлера состоял в том, что «судето-немецкая партия должна выдвигать требования, неприемлемые для правительства Чехословакии». Сам Генлейн потом сформулировал приказ Гитлера так: «Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить».

Таким образом, положение немецкого меньшинства в Чехословакии послужило для Гитлера только предлогом, чтобы захватить страну, — таким же, как через год Данциг для захвата Польши.

Об истинных целях он поведал военному руководству 5 ноября, когда обрисовывал операцию «Грюн»: уничтожить чехословацкое государство, присоединить его территорию и население к третьему рейху. Лидеры Англии и Франции так и не поняли, что произошло в Австрии. Всю весну и почти все лето Чемберлен и Даладье — и не только они, а почти весь мир — искренне верили, что Гитлер добивается лишь справедливости для своих соотечественников в Чехословакии.

К концу весны правительства Англии и Франции стали оказывать нажим на правительство Чехословакии, добиваясь от него серьезных уступок судетским немцам. 3 мая германский посол в Лондоне Герберт фон Дирксен докладывал в Берлин, что лорд Галифакс уведомил его о демарше, который британское правительство намерено вскоре предпринять в Праге, «чтобы убедить Бенеша удовлетворить максимум требований судетских немцев». Через четыре дня, 7 мая, английский и французский министры в Праге предприняли демарши, вынуждая правительство Чехословакии «пойти на крайние уступки», как докладывал германский посол в Берлин, в деле удовлетворения требований судетских немцев. Гитлер и Риббентроп могли быть довольны, что правительства Англии и Франции так старательно им помогают.

Сокрытие истинных целей Германии на этой стадии было более чем необходимо. 12 мая Генлейн тайно побывал на Вильгельмштрассе, где получил инструкции Риббентропа. Риббентроп поучал его, как обманывать англичан, вечером того же дня Генлейн должен был встретиться в Лондоне с сэром Робертом Ванситтартом, главным дипломатическим советником министерства иностранных дел, и другими официальными лицами Англии. В меморандуме, составленном Вайцзекером, изложена линия поведения, которой следовало придерживаться; «В Лондоне Генлейн будет отрицать, что действует по приказу из Берлина… Наконец, Генлейн заведет разговор о прогрессирующем разложении политической структуры Чехословакии, чтобы охладить те круги, которые считают, что их вмешательство от имени этой структуры может оказаться полезным». В тот же день германский посол в Праге отправил Риббентропу телеграмму, в которой указывал на необходимость принять меры предосторожности, дабы скрыть участие его миссии в деле финансирования и инструктирования судето-немецкой партии.

Хью Р. Вильсон, американский посол в Берлине, 14 мая встретился с Вайцзекером, чтобы обсудить судетский кризис. Во время встречи ему были высказаны опасения немецкой стороны, что чехословацкие власти намеренно провоцируют европейский кризис, чтобы предотвратить «разделение Чехословакии». Через два дня, 16 мая, майор Шмундт послал срочную «сверхсекретную» телеграмму от имени Гитлера, отдыхавшего в Оберзальцберге, в штаб ОКВ. В ней он спрашивал, сколько дивизий из числа стоящих на чешской границе «готовы выступить в течение двенадцати часов в

случае мобилизации». Представитель ОКВ подполковник Цейцлер немедленно ответил: «Двенадцать». Это не удовлетворило Гитлера. «Сообщите, пожалуйста, номера дивизий», — попросил он. Последовал ответ, в котором перечислялись номера десяти пехотных дивизий, одной танковой и одной горно-пехотной.

Гитлеру не терпелось приступить к действиям. На следующий день, 17 мая, он запросил точную информацию об оборонительных сооружениях, построенных чехами на границе, в Судетских горах. Они были известны под названием «чешской линии Мажино». Цейцлер ответил в тот же день. Это была длинная «сверхсекретная» телеграмма, подробно рассказывающая Гитлеру о чешской обороне. Цейцлер ясно дал понять, что укрепления весьма внушительны.

Первый кризис: май 1938 года

Конец недели ознаменовался кризисом, который впоследствии назвали «майским». На протяжении сорока восьми часов Лондон, Париж, Прага и Москва пребывали в сильном беспокойстве, поскольку считали, что впервые после 1914 года Европа так близка к войне. Это случилось, вероятно, потому, что произошла утечка информации о новом плане нападения Германии на Чехословакию, разработанном ОКВ и представленном Гитлеру в пятницу 20 мая. Во всяком случае, в Праге и в Лондоне пришли к выводу, что Гитлер готовится к агрессии против Чехословакии. В качестве ответного шага Чехословакия объявила мобилизацию, а Великобритания, Франция и Россия продемонстрировали твердость и единство перед лицом германской угрозы. В дальнейшем они не проявляли такого единства до тех пор, пока вторая мировая война едва их не уничтожила.

В пятницу 20 мая генерал Кейтель представил Гитлеру, отдыхавшему в Оберзальцберге, новый вариант операции «Грюн», над которым он и его люди работали с тех пор, как Гитлер изложил его в общих чертах на совещании 21 апреля. В подобострастном письме, сопровождавшем план, Кейтель разъяснял, что была учтена «ситуация, создавшаяся в результате включения Австрии в состав германского рейха», и что план не будет обсуждаться с главнокомандующим трех видов вооруженных сил, пока фюрер лично не одобрит его и не подпишет.

Новая директива по операции «Грюн», подписанная в Берлине 20 мая 1938 года, — документ интересный и важный. Это модель плана агрессии, с которой мир впоследствии познакомился.

«В мои намерения — так начинался этот документ, — не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время и без наличия повода с чехословацкой стороны, если только меня не вынудит к этому неизбежное развитие внутриполитической обстановки в самой Чехословакии или если политические события в Европе не создадут для выступления особенно благоприятные и, может быть, неповторимые возможности».

Далее рассматриваются три «политические возможности для начала акции». Нападение «без подходящего внешнего повода или без удовлетворительного оправдания его с политической точки зрения» отвергается.

«Акция скорее всего начнется:

а) после некоторого периода нарастающих дипломатических столкновений и напряженности, связанных с военными приготовлениями и используемых для того, чтобы обвинить противника в развязывании войны…

б) или молниеносными действиями на основе серьезного инцидента, вследствие которого Германия будет недопустимым образом спровоцирована и получит моральное право на военные мероприятия в глазах хотя бы части мирового общественного мнения.

С военной и политической точки зрения более благоприятен вариант «б».

Что касается непосредственно военных действий, то по плану они должны были увенчаться успехом через четыре дня и показать враждебным государствам, которые захотят вмешаться, безнадежность положения Чехословакии с военной точки зрения. В то же время такие действия должны побудить государства, имеющие территориальные претензии к Чехословакии, немедленно присоединиться к Германии. Этими государствами были Венгрия и Польша. План строился в расчете на вмешательство с их стороны. Выполнение Францией союзнических обязательств по отношению к Чехословакии ставилось под сомнение, однако следовало ожидать «попыток со стороны России оказать помощь».

Германское верховное командование, по крайней мере Кейтель и Гитлер, было уверено в невмешательстве Франции, поэтому считало, что «для прикрытия тылов с запада потребуются только малые силы». Упор делался на то, что «основная масса вооруженных сил должна быть использована при вторжении в Чехословакию». «Задача основной части армии», поддерживаемой люфтваффе, состояла в том, чтобы «разбить чехословацкую армию и оккупировать Богемию и Моравию в кратчайшие сроки».

Это стало бы тотальной войной. Впервые был сделан упор на то, что директива называет «пропагандистской войной» и «экономической войной». Это включалось в общий план нападения.

«Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой — дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном нам направлении.

…Экономическая война имеет целью привести в действие все имеющиеся в распоряжении экономические средства, чтобы ускорить окончательный развал Чехословакии.

…В период операций в интересах скорейшего повышения общего военно-экономического потенциала необходимо быстрое выявление и восстановление важных предприятий.

По этой причине для нас имеет решающее значение обеспечить сохранность чешских заводов и промышленных сооружений, насколько это возможно в ходе военных операций».

Эта модель нацистской агрессии практически не менялась и использовалась с большим успехом, пока рейх не пришел к своему концу.

20 мая, после полудня, германский посол в Праге отправил в Берлин «срочную и строго секретную» телеграмму, в которой сообщал о телефонном звонке чешского министра иностранных дел. Последний известил его, что чешское правительство «обеспокоено донесениями о концентрации немецких войск в Саксонии». Посол, по его словам, ответил, что «для беспокойства нет оснований», но просил Берлин разъяснить, что происходит, если что-то в самом деле происходит.

Это была первая ласточка в той лихорадочной дипломатической переписке, в которую оказалась вовлечена вся Европа, испугавшаяся, что Гитлер предпримет очередную агрессию, способную привести ко всеобщей войне. Откуда британская и чешская разведки получили данные о концентрации немецких войск на границе с Чехословакией, насколько мне известно, так и осталось невыясненным. Но Европа, пребывавшая в шоке после военной оккупации Австрии, все же получила несколько предупреждений. 19 мая одна из лейпцигских газет опубликовала данные о передислокации немецких войск. Генлейн, — судетский фюрер, объявил 9 мая о прекращении переговоров своей партии с правительством Чехословакии. Стало известно, что, покинув Лондон 14 мая, он приехал в Берхтесгаден к Гитлеру за инструкциями и все еще находился там. В Судетской области начались волнения с применением оружия. В течение всего мая геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о «чешском терроре» против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела.

Хотя некоторые передвижения немецких войск действительно имели место, проводились они в рамках весенних военных учений, в основном в восточных районах страны. В захваченных немецких документах нет прямых указаний о значительной концентрации войск на границе с Чехословакией в этот период. Напротив, два документа, датированные 21 мая и отправленные полковником Йодлем из ОКВ на Вильгельмштрассе, содержат заверения, что концентрации войск ни в Силезии, ни в Нижней Австрии нет. Как отмечал в документах, не предназначенных для прочтения иностранцами, Йодль, это не что иное, как «мирные маневры». Нельзя сказать, что на чешской границе вообще не было немецких войск. Как известно, 16 мая ОКВ докладывало Гитлеру в ответ на его запрос, что 12 дивизий, стоящих на границе с Чехословакией, готовы «выступить через двенадцать часов».

Могла ли чешская или английская разведка перехватить эти телеграммы и обменяться информацией? Знали ли они о новой директиве по операции «Грюн», представленной Кейтелем на рассмотрение Гитлеру 20 мая? На следующий день начальник чехословацкого генерального штаба генерал Крейчи указывал германскому военному атташе в Праге полковнику Туссену, что у него имеются «неопровержимые доказательства того, что в Саксонии стоит от восьми до десяти немецких дивизий». Цифра была почти верна, хотя район дислокации назван не совсем точно. Во всяком случае, на следующий вечер, 20 мая, состоялось экстренное заседание кабинета во дворце Градчаны под председательством президента Бенеша. На заседании было решено провести частичную мобилизацию. Были призваны первая категория запаса и некоторые резервисты из технических родов войск. Правительство Чехословакии в

отличие от австрийского правительства, столкнувшегося с такой же проблемой двумя месяцами ранее, не собиралось сдаваться без боя.

Чешская мобилизация, хотя и частичная, повергла Гитлера в ярость. Его гнев не могли смягчить даже депеши, присланные в Оберзальцберг из министерства иностранных дел, в которых сообщалось о настойчивых телефонных звонках из английского и французского посольств, — послы обеих стран предупреждали Германию, что агрессия против Чехословакии приведет к европейской войне.

Немцы никогда не подвергались такому политическому давлению, какое оказывали на них в эти дни англичане. Сэр Невилл Гендерсон, посол Великобритании, уполномоченный премьер-министром Чемберленом умиротворить Гитлера, использовав для этого все свое дипломатическое искусство, постоянно наведывался в германское министерство иностранных дел, чтобы узнать о передислокации немецких войск и посоветовать немцам проявлять осторожность. Несомненно, к этому его побуждали лорд Галифакс и британское министерство иностранных дел, поскольку сам Гендерсон, вежливый и всегда улыбающийся, отнюдь не сочувствовал Чехословакии, о чем знали все его берлинские знакомые. Он дважды встретился с Риббентропом 21 мая, а на следующий день, несмотря на то что было воскресенье, имел встречу с государственным секретарем Вайцзекером, так как Риббентропа срочно вызвали в Оберзальцберг к Гитлеру, чтобы передать ему личное послание от Галифакса, в котором подчеркивалась серьезность сложившейся ситуации. В Лондоне британский министр иностранных дел также вызвал посла Германии и указал ему на напряженность момента.

Во всем этом немцы не могли не заметить одной вещи: посол фон Дирксен сообщал в Берлин после встречи с Галифаксом, что британское правительство, уверенное, что Франция придет на помощь Чехословакии, не подтвердило своего желания поступить так же. По словам Дирксена, лорд Галифакс заявил, что дальше предупреждений Англия не пойдет, что «в случае европейского конфликта трудно сказать, будет ли вовлечена в него Англия». По существу, это была линия, которой придерживалось правительство Чемберлена до той поры, когда остановить Гитлера было уже невозможно. Мне в Берлине тогда казалось, заяви Чемберлен Гитлеру, что Британия поступит так, как она в конце концов поступила перед лицом нацистской агрессии, Гитлер никогда бы не пустился в авантюру; приведшую в итоге ко второй мировой войне. Впечатление усиливалось по мере того, как я занимался изучением секретных немецких документов. Это была роковая ошибка премьер-министра.

В Берхтесгадене, своей горной резиденции, Адольф Гитлер лихорадочно размышлял. Действия Чехословакии, считал он, унизили его. Чехословакия пользовалась поддержкой Лондона, Парижа и даже Москвы — не было на свете вещи, которая могла бы повергнуть диктатора в более мрачное настроение. Негодование его усиливалось потому, что его публично обвинили в планировании агрессии, которую он действительно планировал. В те дни он как раз рассматривал новый план операции «Грюн», представленный Кейтелем. Однако приступить к его реализации было невозможно. И он, отбросив собственную гордость, приказал министерству иностранных дел сообщить чешскому послу в понедельник 23 мая, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии и что сообщения о концентрации войск на чешской границе не имеют под собой оснований. В Праге, Лондоне, Париже

и Москве главы правительств вздохнули с облегчением. Кризис был преодолен. Гитлеру преподали урок. Теперь он должен понимать, что его агрессии не пройдут ему даром, как в Австрии.

Плохо эти государственные деятели знали нацистского диктатора. Проведя несколько дней в Оберзальцберге в дурном настроении, распаляясь от гнева, вынашивая мысли рассчитаться с Чехословакией и особенно с президентом Бенешем, который, по мнению Гитлера, намеренно его унизил, 28 мая он неожиданно появился в Берлине и созвал высших офицеров вермахта в канцелярию, чтобы огласить им свое решение. Через восемь месяцев он сам рассказывал об этом в речи, произнесенной в рейхстаге:

«Я решил раз и навсегда покончить с судетским вопросом. 28 мая я приказал:

1. Ко 2 октября должны быть закончены военные приготовления для действий против Чехословакии.

2. Строительство оборонительных укреплений на западе должно быть расширено и ускорена.

Была запланирована немедленная мобилизация 96 дивизий для начала…»

Своим ближайшим соратникам — Герингу, Кейтелю, Браухичу, Беку, адмиралу Редеру, Риббентропу и Нейрату Гитлер громогласно заявил: «Стереть Чехословакию с карты — мое непоколебимое решение!» Снова на повестку дня был вынесен план операции «Грюн» с целью его пересмотра.

В дневнике Йодля сохранились записи о том, над чем лихорадочно бился ум Гитлера:

«Намерение фюрера не активизировать решение чешской проблемы изменилось в связи с концентрацией чешских войск, проведенной 21 мая при отсутствии угрозы со стороны Германии и без видимых причин. Сдержанность Германии может привести к потере фюрером престижа, чего он не желает допускать. Поэтому 30 мая издается новая директива по операции «Грюн».

Новая директива по операции «Грюн», подписанная Гитлером 30 мая, мало чем отличается от варианта, предложенного ему за девять дней до этого. Однако в ней имеются два значительных изменения. Вместо первой фразы директивы от 21 мая, гласящей:

«В мои намерения не входит военный разгром Чехословакии уже в ближайшее время» — директиву от 30 мая открывает другая фраза:

«Моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании».

Что такое «ближайшее будущее», Кейтель объясняет в сопроводительном письме: «Исполнение директивы необходимо обеспечить не позднее чем 1.10 1938 г.» Этой даты Гитлер придерживался неотступно, несмотря ни на какие трудности, балансируя на грани войны.

Колебания генералов

Отметив в своем дневнике тот факт, что 30 мая Гитлер подписал новую директиву по операции «Грюн» с требованием «немедленно прорваться в Чехословакию в день X… в связи с чем должна быть значительно пересмотрена роль армии», Йодль сделал следующую запись:

«Выявляются достаточно резкие противоречия между интуицией фюрера, подсказывающей, что мы должны сделать это в текущем году, и армией, которая считает, что мы не в состоянии этого сделать, так как западные державы наверняка вмешаются, а мы еще не можем с ними равняться».

Проницательный штабной офицер вермахта подметил трещину в отношениях между Гитлером и некоторыми генералами самого высокого ранга. Оппозицию грандиозным агрессивным планам фюрера против Чехословакии возглавил генерал Людвиг Бек, начальник генерального штаба сухопутных войск. Позднее этот восприимчивый, образованный, порядочный, но не очень решительный генерал повел борьбу против нацистского диктатора более широко. Весной же 1938 года его оппозиция, имевшая узкопрофессиональный характер, заключалась в том, что он уверял фюрера в неспособности Германии противостоять западным державам и, возможно, России.

Как известно, генерал Бек приветствовал приход Гитлера к власти и восстановление германской армии в нарушение условий Версальского договора. Еще в 1930 году Бек, тогда безвестный командир полка, о чем рассказывалось ранее, защитил трех своих подчиненных на суде по обвинению в измене и пропаганде нацизма в армии. Он выступил с показаниями в их пользу после того, как на трибуну поднялся Гитлер и заявил: когда он придет к власти, «покатятся головы». Не захват Австрии — его Бек приветствовал и поддерживал, — а тот факт, что покатилась голова генерала Фрича в результате провокаций гестапо, казалось, несколько просветлил его разум. Он начал осознавать, что политика Гитлера, проводимая вопреки советам высшего генералитета на грани риска войны с Англией, Францией и Россией, приведет Германию к гибели.

Бек узнал о встрече Гитлера с Кейтелем 21 апреля, во время которой вермахту было дано указание ускорить разработку плана нападения на Чехословакию. 5 мая он написал первый из серии меморандумов генералу фон Браухичу, новому главнокомандующему сухопутными войсками, в котором настойчиво предостерегал от подобных действий. Это примечательные документы, в которых открыто излагаются нелицеприятные факты, а аргументация построена на логических выкладках. Хотя он переоценил силу воли Англии и Франции, политическую изворотливость их лидеров, силу французской армии и неверно предсказал решение чехословацкой проблемы, его долгосрочный прогноз относительно будущего Германии оправдался полностью.

Он был убежден, о чем записано в меморандуме от 5 мая, что нападение Германии на Чехословакию повлечет за собой европейскую войну, в которой Германии будут противостоять Англия, Франция и Россия, а Соединенные Штаты послужат для западных демократий арсеналом. Германия просто не в состоянии, по его мнению, выиграть такую войну. Одна нехватка сырья и то делала победу невозможной. Военно-экономическое состояние Германии, как

писал он, фактически было хуже, чем в 1917–1918 годах, когда начался развал кайзеровских армий.

28 мая, после «майского кризиса», Бек в числе других генералов был приглашен в канцелярию. Им предстояло выслушать бурное выступление Гитлера, в котором он клялся стереть Чехословакию с карты ближайшей осенью. Бек аккуратно записывал разглагольствования Гитлера, а через двое суток, в тот самый день, когда фюрер подписал новую директиву по операции «Грюн», определяющую дату нападения на Чехословакию — 1 октября, написал другой, более острый меморандум Браухичу, в котором критиковал план Гитлера по пунктам. Чтобы убедиться, что главнокомандующий поймет его правильно, Бек сам прочел Браухичу меморандум. Под конец он заострил свое внимание на том, что в «верхушке военной иерархии» развивается кризис, который уже привел к анархии. Если этот кризис не преодолеть, то армию, да и самое Германию, ждет, по его словам, мрачное будущее. Через несколько дней, 3 июня, он послал Браухичу еще один меморандум, в котором заявил, что «новая директива по операции «Грюн» является несостоятельной с военной точки зрения» и что генеральный штаб сухопутных войск ее отклонил.

Но Гитлер продолжал настаивать на своем. Трофейные документы, касающиеся операции «Грюн», свидетельствуют, как возрастала напряженность в течение лета. Плановые осенние маневры по приказу Гитлера должны были проводиться таким образом, чтобы армия всегда была готова к нападению. Надлежало ввести тренировку «по внезапному овладению укреплениями». До сведения генерала Кей-теля доводилось, что Гитлер постоянно «напоминает о необходимости ускорить работу по строительству укреплений на Западе». 9 июня Гитлер снова запрашивает сведения о вооружении Чехословакии и незамедлительно получает доклад обо всех имеющихся видах вооружения, причем с мельчайшими подробностями. В тот же день он спрашивает: «По-прежнему ли чешские укрепления укомплектованы гарнизонами неполного состава?» Он проводит время в своей резиденции в горах в окружении соратников. В ходе «игры в войну» его настроение то улучшается, то ухудшается. 18 июня он издает новую «основополагающую» директиву по операции «Грюн».

«Угрозы превентивной войны других государств против Германии не существует… Однако я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден… что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии».

Тем не менее 7 июля Гитлер излагает свои соображения по поводу того, что следует делать, если Франция и Англия все же вмешаются. Первое соображение фюрера состояло в том, что следует удерживать западные укрепления до тех пор, пока Чехословакия не будет разгромлена. Тогда войска можно будет перебросить на Западный фронт. В его разгоряченную голову не приходит, что войск для обороны укреплений на Западе просто нет. Далее он сообщает, что «Россия скорее всего вмешается» и что Польша может последовать ее примеру. Указывает, что это приходится учитывать, но не уточняет каким образом.

Вероятно, находясь в Оберзальцберге в своего рода изоляции, Гитлер не знал о том, что высшие генералы из генерального штаба сухопутных войск не одобряют его намерений. Бек засыпал Браухича меморандумами, но к середине

лета начал осознавать, что главнокомандующий не докладывает его мнения фюреру. Тогда Бек решил любым способом довести свою точку зрения до него. 16 июля он послал последний меморандум Браухичу, в котором требовал, чтобы армия обратилась к Гитлеру с просьбой остановить приготовления к войне:

«…Считаю себя в настоящее время обязанным — сознавая значение подобного шага, но учитывая огромную ответственность, возложенную на меня в связи с данным мне по службе указанием о подготовке и развязывании войны, высказать настоятельную просьбу — побудить верховного главнокомандующего вооруженными силами приостановить военные приготовления, которые он приказал проводить, и отложить решение чешского вопроса насильственным путем до того времени, пока существенно не изменятся необходимые для этого военные предпосылки. В настоящее время я считаю их бесперспективными, и это мое мнение разделяется всеми подчиненными мне оберквартирмейстерами и начальниками отделов генерального штаба, которые во исполнение своих служебных обязанностей заняты вопросами подготовки и осуществления войны против Чехословакии».

Бек лично отвез меморандум Браухичу и, вручая, высказал предложение армейским генералам действовать совместно, если у Гитлера будут возражения. В частности, он предложил всем высшим генералам в этом случае одновременно подать в отставку. Так впервые в истории существования третьего рейха был поднят вопрос: должен ли офицер руководствоваться более высокими соображениями, чем преданность фюреру? Этот вопрос задавался и на Нюрнбергском процессе. Там десятки генералов, пытаясь снять с себя вину за военные преступления, ответили на него отрицательно. Они заявили, что обязаны были подчиняться приказам фюрера.

С 16 июля Бек стал придерживаться иной точки зрения, которую отстаивал до конца, правда не всегда успешно. Он говорил, что есть «предел» подчинения верховному главнокомандующему, когда совесть, знания и ответственность запрещают выполнять приказ. Он чувствовал, что генералы дошли до этого «предела», а в таком случае, настаивал он, война просто невозможна, потому что некому командовать армиями.

Начальнику генерального штаба сухопутных войск положение вещей представлялось, как никогда, ясным. Завеса упала с его глаз. Германия, нация были не просто ставкой в игре истеричного главы государства, злобно планирующего нападение на маленькую соседнюю страну, рискуя развязать большую войну. Безумие третьего рейха заключалось в терроре, тирании, коррупции, презрении к христианским заповедям. Это пришло в голову генералу, некогда поддерживавшему нацистов. Через три дня, 19 июля, он снова отправился к Браухичу, чтобы поведать ему о своем открытии.

Он настаивал на том, что генералы должны не только объявить забастовку во избежание войны, но и очистить третий рейх. Германский народ и сам фюрер должны избавиться от террора СС и партийных бонз. Необходимо воссоздать законность в государстве. Сам Бек так излагал программу реформы:

«За фюрера, против войны, против правления партийных бонз, за мир с церковью, за свободу мнений. Положить конец террору служб безопасности, восстановить справедливость, сократить наполовину пожертвования для

партии, прекратить строительство дворцов, больше строить жилья для простых людей, больше прусской простоты».

Бек был слишком наивен политически, чтобы понять, что Гитлер, как никто другой, повинен в создавшемся в Германии положении, Которое так возмущало генерала. Основной задачей Бека было убедить колеблющегося Браухича передать от имени сухопутных войск ультиматум с требованием прекратить приготовления к войне. Для этой цели 4 августа он созвал на секретное совещание генералов, занимающих командные посты. Он заготовил пламенную речь, с которой должен был выступить главнокомандующий сухопутными войсками. Речь была призвана объединить генералов в их стремлении не дать нацистской авантюре перерасти в войну. К сожалению, у Браухича не хватило смелости произнести эту речь, Беку пришлось довольствоваться тем, что он зачитал свой меморандум от 16 июля, который произвел на большинство генералов сильное впечатление. Однако решительных мер принято не было и встреча верхушки германской армии ни к чему не привела. У генералов не хватило смелости поступить с Гитлером так, как поступили однажды их предшественники с Гогенцоллернами и рейхсканцлером, то есть они побоялись призвать Гитлера к ответу.

Набравшись храбрости, Браухич передал Гитлеру меморандум Бека от 16 июля. Но фюрер, вместо того чтобы вызвать мятежных генералов, причастных к составлению меморандума, вызвал их непосредственных подчиненных — военных более молодого поколения. Ему казалось, что он сможет на них рассчитывать после того, как они выслушают его аргументированную речь. 10 августа в Бергхофе — Гитлер почти все лето не покидал этой резиденции — они слушали речь фюрера, которая, согласно записи в дневнике Йодля, длилась около трех часов. Однако в данном случае разглагольствования Гитлера не прозвучали так убедительно, как ему хотелось бы. Йодль и Манштейн, присутствовавшие на встрече, свидетельствуют, что произошла «серьезная и неприятная стычка» между генералом фон Витерсгеймом и Гитлером. Витерсгейм, назначенный начальником штаба западной армии, которой командовал генерал Вильгельм Адам, осмелился затронуть проблему разногласий между Гитлером и ОКВ: если бросить все войска против Чехословакии, то Германия окажется беззащитной на Западе и не сможет противостоять Франции — Западный вал более трех недель не устоит.

«Гитлер приходит в ярость, — записал в своем дневнике Йодль, взрывается и говорит, что в таком случае вся армия никуда не годится. «Я говорю вам, господин генерал, — кричал фюрер, — что позиции будут удерживаться не то что три недели, а целых три года!»

Какими силами они будут удерживаться — он не пояснил. 4 августа генерал Адам на совещании высшего генералитета докладывал, что на Западе в его распоряжении будет всего пять дивизий, что французы превосходят их по силам. Витерсгейм, вероятно, называл Гитлеру те же цифры, но фюрер его не слушал. Йодль, опытный штабной офицер, находился под большим влиянием Гитлера, поэтому он покинул встречу крайне расстроенный тем, что генералы не поняли гения фюрера.

«Эти пораженческие настроения (например, Витерсгейма), охватившие, к сожалению, значительную часть генерального штаба, вызваны следующими причинами.

Во-первых, там (в генеральном штабе) еще живут воспоминаниями о былом; там чувствуют себя ответственными за политические решения, вместо того чтобы просто подчиняться и заниматься чисто военными делами. Там имеет место традиционная преданность, но нет силы духа; там просто не верят в гений фюрера. Некоторые даже сравнивают его с Карлом XII.

Совершенно очевидно, как дважды два, что такие настроения не только наносят огромный политический вред, но и опасно влияют на моральное состояние войск, так как все говорят о разногласиях между генералами и фюрером. Но я не сомневаюсь, что фюрер сможет поднять дух, когда это будет необходимо».

Йодлю следовало бы также добавить, что Гитлер, кроме того, сможет подавить мятеж генералов. В 1946 году в Нюрнберге Манштейн показал, что это было последнее совещание, на котором фюрер позволил военным задавать вопросы и вести обсуждение. 15 августа на совещании военных в Ютербоге Гитлер заявил, что намерен «решить чешский вопрос с помощью силы», и ни один офицер не осмелился хоть словом возразить ему.

Бек видел, что побежден из-за беспринципности своих же соратников-офицеров. 18 августа он подал в отставку с поста начальника генерального штаба сухопутных войск. Он попытался склонить к такому же поступку Браухича, но командующий уже находился во власти гипнотической силы Гитлера, в чем не последнюю роль сыграла женщина, которая вскоре должна была стать его второй женой[111]. Хассель так сказал о нем: «Браухич поправляет воротник кителя и говорит: «Я — солдат! Мой долг подчиняться!»

В другое время отставка начальника генерального штаба сухопутных войск, да еще такого уважаемого, как Бек, вызвала бы бурю в военных кругах и, вероятно, получила бы отклик за рубежом. Но Гитлер и здесь проявил изобретательность. Он с удовольствием принял отставку Бека, но запретил упоминать об этом в прессе, а также в военных и правительственных бюллетенях. Генералу и его окружению он также посоветовал не распространяться об этом, что позволило скрыть от Лондона и Парижа разногласия, возникшие в военной верхушке в критический момент. Возможно, что во Франции и Англии об отставке Бека не знали до октября, когда о ней было Объявлено официально. Если бы об этом стало известно раньше, то вполне вероятно, что события развивались бы в дальнейшем по-другому. Политика умиротворения Гитлера могла бы проводиться не столь откровенно.

Бек из чувства патриотизма и лояльности к армии не заявлял публично о своем уходе с поста, хотя его несколько разочаровало, что ни один офицер из числа поддерживавших его выступление против войны не последовал его примеру и не подал в отставку. Сам же он не старался убедить их. Хассель позже сказал про него, что «это чистый Клаузевиц, в нем нет ничего от Блюхера или Йорка», — человек думающий, человек принципа, но не действия. Он сознавал, что Браухич, как главнокомандующий сухопутными войсками, предал его в решающий момент немецкой истории. Это очень разочаровало его. Друзья Бека и его биограф отмечали через много лет, что в речах генерала, когда он говорил о своем главнокомандующем, всегда сквозила горечь. В такие моменты его захлестывали эмоции: «Браухич бросил меня в беде».

Преемником Бека на посту начальника генерального штаба сухопутных войск стал пятидесятичетырехлетний Франц Гальдер, хотя это держалось Гитлером в тайне в течение нескольких недель до окончания кризиса. Гальдер родился в Баварии, в семье военного — его отец был генералом. Гальдер был артиллеристом, во время первой мировой войны, будучи молодым офицером, он служил в штабе кронпринца Рупрехта. По окончании войны в Мюнхене он сдружился с Ремом, что могло породить чувство недоверия к нему в Берлине, однако он быстро поднимался вверх по военной иерархической лестнице и в последние годы был заместителем Бека. Собственно говоря, Бек и рекомендовал его Браухичу в качестве своего преемника, так как считал, что Гальдер разделяет его взгляды.

Гальдер стал первым баварцем и католиком, получившим должность начальника генерального штаба в германской армии, что явилось серьезным отступлением от традиций прусского офицерского корпуса, опиравшихся на протестантизм. Гальдер слыл интеллектуалом, имел склонность к математике и ботанике — при первом знакомстве он показался мне похожим на университетского профессора математики или естественных наук. Кроме того, он был ревностным католиком. Вне всякого сомнения, такой человек мог быть достойным преемником Бека. Вопрос состоял в том, сможет ли он, подобно его бывшему начальнику, предпринять решительные действия в нужный момент. И если сможет, то хватит ли у него мужества нарушить клятву верности фюреру и смело пойти против него. Дело в том, что Гальдер, как и Бек, знал о заговоре против Гитлера и был готов — опять же, как и Бек, — присоединиться к нему. Будучи начальником генерального штаба, он стал ключевой фигурой первого серьезного заговора, направленного на свержение диктатора третьего рейха.

Зарождение заговора против Гитлера

После пяти с половиной лет правления национал-социалистов в Германии его противникам стало ясно, что только армия является реальной силой, способной свергнуть Гитлера. Рабочие, представители средних и высших классов, даже если бы хотели его свергнуть, не располагали возможностями для этого. У них не было своей организации, кроме того, они были безоружны. Хотя в дальнейшем много будет написано о движении Сопротивления в Германии, с самого начала до самого конца это было слабое движение, руководимое горсткой безусловно отважных и бескорыстных людей, но не имевшее последователей. Само существование такого движения в полицейском государстве, где царили террор и шпионаж, было затруднительно. Более того, как могла маленькая группа — и даже большая — противостоять автоматам, танкам, огнеметам СС?

Первоначально оппозиционные настроения распространились в основном среди гражданского населения. Генералы, как известно, были вполне довольны системой управления, которая позволила разбить оковы Версальского договора и заняться привычным для них делом — созданием новой мощной армии. Может показаться забавным, но гражданские лица, первоначально настроенные против Гитлера, потом занимали высокие посты в его правительстве и были ревностными защитниками нацизма вплоть до 1937 года, когда им стало ясно, что Гитлер ведет Германию к войне, которую она почти наверняка проиграет.

Одним из первых, кто оценил истинное положение, был Карл Герделер, бургомистр Лейпцига. Брюнинг назначил его в комиссию по контролю за ценами. Три года он проработал на этом посту при Гитлере. Оставаясь в душе консерватором и монархистом, ревностным протестантом, человеком энергичным и образованным, хитрым и упрямым, он порвал с нацизмом в 1936 году из-за его антисемитизма и политики лихорадочного перевооружения. Он покинул оба поста и примкнул к оппозиционерам. Первое, что он сделал, — это совершил в 1937 году поездку в Англию, Францию и Соединенные Штаты, где предупреждал об угрозе со стороны нацистской Германии.

Немного позднее прозрели два других участника заговора — Иоганнес Попиц, прусский министр финансов, и доктор Шахт. За перевод германской экономики на военные рельсы оба были удостоены высшей награды нацистской партии — почетного Золотого Значка. В 1938 году оба начали понимать, к чему стремится Гитлер. В кругу заговорщиков они, кажется, так и не завоевали полного доверия — из-за своего прошлого и характеров. Шахт был готов соглашаться со всем. Как заметил в своем дневнике Хассель, президент рейхс-банка отличался способностью «говорить одно, а делать другое». Такого же мнения, по словам Хасселя, придерживались о нем генералы Бек и фон Фрич. Попиц же обладал неустойчивым характером. Этот знаток античной Греции и блестящий экономист вместе с Хасселем и генералом Беком входил в состав клуба «Среда». Членами клуба были шестнадцать человек, собиравшиеся раз в неделю, чтобы побеседовать о философии, истории, искусстве, науке, литературе. По мере того как время шло — или уходило, — они образовали один из центров оппозиции.

Ульрих фон Хассель стал у оппозиционеров кем-то вроде советника по иностранным делам. Как известно, будучи послом в Риме в период войны в Абиссинии и гражданской войны в Испании, он советовал Берлину, как сохранить напряженность между Италией с одной стороны и Англией и Францией с другой, то есть как удерживать Италию на стороне Германии. Позднее он стал опасаться, что война с Францией и Англией окажется для Германии такой же роковой, как и союз с Италией. Будучи человеком эрудированным, он не мог не испытывать ничего, кроме презрения, к вульгарному нацизму, однако служил режиму до тех пор, пока не был вышвырнут с дипломатического поста. Это произошло 4 февраля 1938 года, когда Гитлер учинил большой разгон военным, политикам и дипломатам. Хассель был выходцем из родовитой ганноверской семьи, женат на дочери гросс-адмирала Тирпица, основателя военно-морского флота Германии. Словом, Хассель был аристократом с головы до ног. Ему, как и многим другим представителям его класса, потребовалась такая встряска, как изгнание, чтобы попытаться сделать что-нибудь, что способствовало бы свержению нацизма. Когда же это произошло, он остался верен поставленной цели до конца, приняв ради нее мученическую смерть.

Были и другие, более молодые и менее известные, которые с самого начала противостояли нацизму и постепенно объединялись в различные группы Сопротивления. Одну из таких групп возглавлял Эвальд фон Клейст, потомок всемирно известного писателя. Он работал в тесном контакте с Эрнстом

Никишем, бывшим социал-демократом и издателем «Сопротивления», и Фабианом фон Шлабрендорфом, молодым юристом, правнуком барона фон Штокмара, личного врача и советника королевы Виктории. Среди его соратников были профсоюзные лидеры, в том числе Юлиус Лебер, Якоб Кайзер и Вильгельм Лейшнер. Большую помощь заговорщикам оказывали два сотрудника гестапо — Артур Небе, начальник криминальной полиции, и Бернд Гизевиус, молодой перспективный офицер этого ведомства. Последний стал любимцем американцев, входивших в состав суда в Нюрнберге. После войны он написал книгу, которая пролила свет на многие заговоры против Гитлера, но историки отнеслись как к книге, так и к ее автору с недоверием.

Среди заговорщиков были представители известных немецких фамилий: граф Гельмут, состоявший в родстве с Мольтке, знаменитым фельдмаршалом, сколотивший впоследствии группу молодых идеалистов, известную как кружок Крейсау; граф Альбрехт Берн-шторф, племянник посла Германии в Вашингтоне во время первой мировой войны; барон Карл Людвиг фон Гуттенберг, издатель ежемесячного католического журнала; пастор Дитрих Бонхеффер, потомок выдающихся клерикалов-протестантов по обеим линиям, считавший Гитлера антихристом и полагавший, что уничтожить его — долг каждого христианина.

Почти все эти смельчаки действовали до тех пор, пока не были схвачены, подвергнуты пыткам и казнены — повешены или обезглавлены — или просто убиты эсэсовцами.

В течение долгого времени это маленькое ядро гражданского Сопротивления не могло заинтересовать армейские круги в их деятельности. Фельдмаршал Бломберг говорил в Нюрнберге: «До 1938–1939 годов немецкие генералы не были настроены против Гитлера. Не имело смысла выступать против него, он позволил генералам достичь того, к чему они стремились». Существовали контакты между Герделером и генералом Хаммерштейном, но бывший главнокомандующий германской армией находился в отставке с 1934 года и не имел влияния на генералов. В первые годы режима Шлабрен-дорф вошел в контакт с полковником Гансом Остером, старшим помощником адмирала Канариса, главы абвера. Выяснилось, что Остер не только убежденный антинацист, но и готов навести мосты между военными и гражданскими оппозиционерами. Лишь в 1937–1938 годах генералы поняли, какую опасность представляет для Германии нацистский диктатор. Но ранее они должны были пережить ряд потрясений: решение Гитлера встать на путь войны, чистку среди военного командования, которой он сам и руководил, грязное дело генерала фон Фрича. Отставка генерала Бека в 1938 году, когда чешский кризис принимал все более угрожающий характер, заставила многих военных пересмотреть свое отношение к Гитлеру. И хотя никто не последовал примеру Бека и не подал в отставку, выяснилось, что генерал Бек — тот человек, вокруг которого могут сплотиться мятежные генералы и лидеры гражданской оппозиции. И те и другие уважали Бека и верили ему.

И те и другие убедились: чтобы остановить Гитлера, нужна сила. Такой силой обладала только армия. Но кто в армии возьмет на себя руководство этой силой? Не Хаммерштейн и не Бек, поскольку оба в отставке. Необходимо было привлечь к делу генералов, которые непосредственно командовали войсками, расположенными в Берлине и его окрестностях, и, следовательно, могли действовать быстро и эффективно. Генерал Гальдер, новый начальник генерального штаба сухопутных войск, не имел войск в непосредственном подчинении. Генералу Браухичу подчинялись все сухопутные войска, но ему

не доверяли. Его власть могла пригодиться, однако, как считали заговорщики, его можно было привлечь только в самую последнюю минуту.

Нужные генералы, которые согласны были помочь, быстро нашлись и присоединились к заговору. Трое из них занимали посты, которые были жизненно необходимы для успеха заговора: генерал Эрвин фон Вицлебен — командующий третьим военным округом, включавшим Берлин и прилегающие территории; генерал граф Эрих фон Брокдорф-Алефельд — начальник Потсдамского гарнизона, в состав которого входила 23-я пехотная дивизия; генерал Эрих Гепнер — командир танковой дивизии, расположенной в Тюрингии. Эта дивизия могла противостоять войскам СС, если бы они попытались оказать помощь Берлину.

К концу августа у заговорщиков созрел план, согласно которому, надлежало захватить Гитлера сразу после того, как он издаст приказ о нападении на Чехословакию, после чего он должен будет предстать перед учрежденным им же народным судом по обвинению в безрассудной попытке вовлечь Германию в европейскую войну. Там он будет объявлен несостоятельным как глава государства. В течение некоторого периода в стране будет существовать военная диктатура, после чего будет сформировано временное правительство во главе с известным и уважаемым гражданским лицом. Со временем в стране будет избрано консервативное демократическое правительство.

Успех заговора зависел от двух факторов и от участия в нем двух человек — генерала Гальдера и генерала Бека. Первый фактор — время. Гальдер договорился с ОКБ, что ему лично сообщат об окончательном решении Гитлера напасть на Чехословакию за сорок восемь часов до нападения. Это позволит ему привести в действие силы заговорщиков до перехода германскими войсками границы Чехословакии. Таким образом, у него будет время не только для того, чтобы арестовать Гитлера, но и для того, чтобы предотвратить роковой шаг, который может привести к войне.

Второй фактор — Бек должен убедить сначала генералов, а потом и немецкий народ (во время предполагаемого суда над Гитлером) в том, что нападение на Чехословакию повлечет за собой вмешательство Франции и Англии, что приведет к европейской войне, к которой Германия не готова и которую неминуемо проиграет. Эта мысль, изложенная в упомянутом меморандуме, мучила его все лето; исходя из этого, он и собирался действовать — свергнуть Гитлера и таким образом уберечь Германию от европейского конфликта, который, по убеждению Бека, уничтожил бы ее.

К несчастью для Бека и для будущего большинства стран мира, не отставной начальник генерального штаба, а Гитлер доказал, что лучше ориентируется в возможностях возникновения большой войны. Бек, всесторонне образованный европеец, разбирающийся в истории, не мог даже предположить, что Англия и Франция поступятся собственными интересами и не вмешаются в случае нападения Германии на Чехословакию. Он был знатоком истории, но не разбирался в современной политике. А Гитлер разбирался. Он уже давно укрепился в мысли, что премьер-министр Чемберлен скорее принесет Чехословакию в жертву, чем вступит в войну, а в таком случае и Франция не выполнит своих союзнических обязательств перед Прагой.

Мимо внимания Вильгельмштрассе не прошли публикации нью-йоркских газет за 14 мая, в которых лондонские корреспонденты излагали неофициально

содержание беседы с Чемберленом на ленче в отеле «Леди Астор». По сообщениям журналистов, премьер-министр заявил, что ни Британия, ни Франция, ни, вероятно, Россия не придут на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, что Чехословакия не может долее существовать как государство в нынешнем виде и что Англия считает целесообразным в интересах сохранения мира передать Судетскую область Германии. На Вильгельмштрассе отметили также, что, несмотря на сердитые запросы палаты общин, Чемберлен не опроверг американских публикаций.

1 июля премьер-министр имел полуофициальную беседу с английскими журналистами. Через два дня в «Таймс» появилась первая редакционная статья, подрывающая позицию Чехословакии. В ней правительству республики предлагалось предоставить право «на самоопределение» национальным меньшинствам, «даже если это приведет к их отделению от Чехословакии». В статье впервые высказывалось предложение о плебисците как средстве выяснения пожеланий судетских немцев и других национальных меньшинств. Через несколько дней германское посольство в Лондоне сообщило в Берлин, что статья основана на идеях Чемберлена, высказанных им во время неофициальной беседы, и отражает его личные взгляды. 8 июня посол фон Дирксен сообщил на Вильгельмштрассе, что правительство Чемберлена будет радо видеть Судетскую область отделенной от Чехословакии, но только по результатам плебисцита и «без применения силы со стороны Германии».

Все это было приятно слышать Гитлеру. Из Москвы тоже поступали неплохие новости. В конце июня граф Фридрих Вернер фон Шуленбург, посол Германии в России, сообщал в Берлин, что Советский Союз «вряд ли придет на помощь капиталистическому государству», то есть Чехословакии. 3 августа Риббентроп оповестил все крупные германские дипломатические миссии, что не следует чересчур опасаться интервенции в Чехословакию со стороны Англии, Франции или России.

В тот же день Чемберлен отправил в Чехословакию лорда Рен-симена с миссией заинтересованного посредника в решении судетского кризиса. Я был в Праге в день его приезда и после пресс-конференции и разговоров с членами немецкой делегации сделал в дневнике запись, гласящую, что «вся миссия Ренсимена дурно попахивает». Сообщая о ней в палате общин, Чемберлен уклонился от прямых ответов — уникальный случай в истории британского парламента. Премьер-министр заявил, что посылает Ренсимена «в ответ на просьбу правительства Чехословакии». На самом же деле Ренсимен был навязан чешскому правительству. Но за всем этим крылась еще большая ложь. Все, в том числе и Чемберлен, понимали, что посредничество Ренсимена между чешским правительством и судетскими лидерами невозможно и немыслимо. Они знали, что Генлейн, лидер судетских нацистов, не волен вести переговоры и что дело сводится к переговорам между Берлином и Прагой. Из записей, сделанных в моем дневнике в первый и последующие дни визита Ренсимена в Чехословакию, явствует, что чехам миссия Ренсимена была предельно ясна — Чемберлен послал его, чтобы подготовить передачу Судетской области Германии. Это был нечистоплотный дипломатический прием.

Кончалось лето 1938 года. Ренсимен разъезжал между Судетской областью и Прагой, делая все более дружественные жесты в отношении судетских немцев и оказывая все более сильный нажим на чешское правительство, чтобы оно предоставило судетским немцам все, чего те пожелают. Гитлер, его генералы и министр иностранных дел были необычайно заняты. 23 августа на борту

лайнера «Патриа» в Кильском заливе, где проходили маневры флота, Гитлер развлекал регента Венгрии адмирала Хорти и членов венгерского правительства. Если они хотят поспеть на «чешский праздник», уверял их Гитлер, то должны поторапливаться. «Тот, кто хочет сидеть за столом, — говорил он, — должен помогать и на кухне». Среди гостей находился итальянский посол Бернардо Аттолико. Он стал выпытывать у Риббентропа точную дату, «когда Германия двинется на Чехословакию», чтобы Муссолини был к этому готов, но министр иностранных дел Германии дал уклончивый ответ. Очевидно, Германия не до конца доверяла своему фашистскому союзнику. С Польшей все было предельно ясно. В течение лета фон Мольтке, посол в Варшаве, сообщал в Берлин, что Польша не только откажется помогать Чехословакии и пропустить через свою территорию и воздушное пространство советские войска и советскую авиацию, но и будет претендовать на часть чешской территории — Тешин, о чем уже заявил министр иностранных дел Польши полковник Юзеф Бек. Бек проявлял недальновидность, которой в то лето страдала вся Европа и которая привела к таким тяжелым последствиям, каких он не мог себе представить.

В ОКВ (верховное командование вооруженных сил) и ОКХ (верховное командование сухопутных войск) кипела работа. Составлялись окончательные планы, согласно которым войска должны были быть готовы к вторжению в Чехословакию к 1 октября. 24 августа полковник Йодль из ОКВ подготовил Гитлеру срочный меморандум, в котором подчеркивал, что «установление дня и часа, когда произойдет инцидент, необычайно важно». Он подчеркивал, что от этого зависит назначение дня Х.

«…До наступления дня «Х–I» нельзя осуществлять предварительные меры, которым невозможно дать безобидного объяснения, иначе инцидент будет выглядеть как инспирированный нами… Если по техническим причинам организация инцидента желательна в вечерние часы, то днем «Х» может стать не следующий день, а лишь второй день после инцидента… Целью вышеизложенного является обратить внимание на то, насколько сильно вооруженные силы заинтересованы в инциденте и как им необходимо своевременно узнать о намерениях фюрера, если к тому же организация инцидента будет поручена органам разведки и контрразведки».

К концу лета приготовления к нападению на Чехословакию шли полным ходом. А как обстояли дела с обороной на западе? Вдруг Франция, выполняя свои обязательства перед Чехословакией, совершит нападение на Германию? 26 августа Гитлер отправился инспектировать западные оборонительные сооружения. Его сопровождали Йодль, доктор Тодт, инженер, начальник строительства Западного вала, Гиммлер и несколько партийных функционеров. 27 августа к ним присоединился генерал Вильгельм Адам, прямолинейный, способный баварец, командовавший войсками на западных границах. В течение нескольких дней он наблюдал, как Гитлер упивался приемом, который оказывали ему жители Рейнской области. На самого Адама это впечатления не производило. Более того, он казался крайне обеспокоенным. В результате 29 августа в личном автомобиле Гитлера произошла удивительная сцена, когда Адам заявил, что хотел бы поговорить с ним наедине. Не без некоторой издевки, как вспоминал впоследствии сам генерал, Гитлер попросил Гиммлера и соратников по партии выйти из машины. Адам без лишних слов заявил, что, несмотря на шумиху, поднятую вокруг Западного вала, он не сможет удержать его с теми войсками, которые находятся в его распоряжении. С Гитлером случилась истерика, и он пустился в разглагольствования о том, как сделал

Германию более сильной, чем Англия и Франция, вместе взятые. «Человек, который не удержит укреплений, кричал Гитлер, — мерзавец!»[112]

Мысли, подобные мыслям Адама, возникали и у других генералов. 3 сентября Гитлер вызвал Кейтеля и Браухича в Бергхоф. Договорились, что соединения будут выдвинуты к чешской границе 28 сентября. Но ОКВ должно знать о дне «Х» к полудню 27 сентября. Гитлер не был удовлетворен оперативным планом операции «Грюн» и приказал изменить его в нескольких пунктах. Из записи этой беседы, сделанной майором Шмундтом, видно, что Браухич (Кейтель, будучи лизоблюдом, выступить не осмелился) снова поднял вопрос об обороне западных рубежей. Гитлер заверил его, что распорядился ускорить строительство укреплений.

8 сентября генерал Генрих фон Штюльпнагель встретился с Йодлем, после чего последний сделал в дневнике запись о пессимизме генерала по поводу военного положения на Западе. Оба они понимали, что Гитлер, воодушевленный фанатизмом партийного съезда, только что открывшегося в Нюрнберге, готов начать вторжение в Чехословакию, не задумываясь о том, вмешается Франция или нет. «Должен признать, — писал обычно оптимистично настроенный Йодль, — что я тоже обеспокоен».

9 сентября Гитлер вызвал Кейтеля, Браухича и Гальдера в Нюрнберг на совещание, которое началось в 10 часов вечера, а закончилось в 4 часа следующего утра. Кейтель позже поведал Йодлю, а тот в свою очередь дневнику, что совещание прошло очень бурно. Гальдер оказался в щекотливом положении. Ему, главному заговорщику, собиравшемуся свергнуть Гитлера, как только тот прикажет напасть на Чехословакию, приходилось теперь в деталях излагать план генерального штаба о нападении. Он оказался в еще более затруднительном положении, поскольку Гитлер обрушился на него и на Браухича с обвинениями в трусости и неспособности руководить боевыми действиями. 13 сентября Йодль записал в дневнике, что Кейтель был «потрясен услышанным в Нюрнберге» и тем, что верхушка германской армии заражена пораженческими настроениями.

«Фюреру представляются доказательства пораженческих настроений высшего командования армии… Кейтель заявляет, что не потерпит в ОКБ ни одного офицера, склонного к критике, неуверенности и пораженчеству… Фюрер знает, что командующий сухопутными войсками (Браухич) просил своих-генералов поддержать его, когда он попытается открыть фюреру глаза на ту авантюру, на которую он решился. Сам он не имеет более влияния на фюрера.

Таким образом, атмосфера в Нюрнберге была холодной. Это большое несчастье, что фюрера поддерживает вся нация, кроме высшего генералитета».

Все это очень расстроило молодого честолюбивого Йодля, который связал с Гитлером свою судьбу.

«Только своими действиями могут эти генералы с честью восполнить тот ущерб, который они нанесли отсутствием твердости в мыслях и неповиновением. Здесь то же положение, что и в 1914 году. Единственный случай неповиновения в армии — генералы. Это происходит от их самоуверенности. Они не могут более верить, не могут повиноваться, потому что не признают гения фюрера. Многие из них видят в нем ефрейтора времен

мировой войны, а не величайшего политического деятеля, начиная со времени Бисмарка».

8 сентября генерал фон Штюльпнагель, первый оберквартирмейстер верховного командования сухопутных войск, участник заговора Гальдера, в беседе с Йодлем просил предоставить письменное уведомление от О КВ, что командование сухопутных войск будет оповещено о приказе Гитлера напасть на Чехословакию за пять дней до самого нападения. Йодль ответил, что из-за неустойчивой погоды он может гарантировать такое уведомление только за два дня. Этого заговорщикам было достаточно.

Но им нужны были гарантии и другого рода — правы ли они, полагая, что Англия и Франция объявят войну Германии, если та нападет на Чехословакию. Для этой цели они решили послать в Лондон доверенное лицо. Послать не только для того, чтобы узнать о намерениях английского правительства, но и для того, чтобы в случае необходимости повлиять на решение Лондона, сообщив о том, что Гитлер решил напасть на Чехословакию осенью и что генеральный штаб, которому известна дата нападения, не согласен с этим решением и собирается предпринять самые серьезные меры, чтобы это нападение предотвратить, если Англия будет противостоять Гитлеру до конца.

Первым таким посланником заговорщиков стал Эвальд фон Клейст, выбранный для этой цели сотрудником абвера полковником Остером. Клейст прибыл в лондон 18 августа. В Берлине английский посол Гендерсон уже готов был уступить Гитлеру все, что тот хотел получить от Чехословакии. Посол сообщил в свое министерство иностранных дел, что принимать Клейста в официальной обстановке нежелательно[113]. Несмотря на это, сэр Роберт Ванситтарт, главный дипломатический советник английского министерства иностранных дел и главный противник политики умиротворения Гитлера, принял Клейста в день его приезда. На следующий день его принял Уинстон Черчилль, как политик находившийся в то время в тени. И Ванситтарт, и Черчилль были поражены искренностью собеседника и его трезвым взглядом на положение дел. Клейст рассказал им о том, что Гитлер наметил точную дату нападения на Чехословакию, что генералы в большинстве своем с ним не согласны и готовы действовать, однако, если политика умиротворения Гитлера будет проводиться Лондоном и в дальнейшем, это выбьет у них почву из-под ног. Если Англия и Франция официально заявят, что не останутся пассивными в случае нападения армии Гитлера на Чехословакию, если кто-нибудь из видных общественных деятелей Британии официально предупредит Гитлера о последствиях такого нападения, немецкие генералы смогут решительными действиями удержать Гитлера от агрессии.

Черчилль передал с Клейстом пламенное послание, которое должно было бы подбодрить его соратников.

«Я уверен, что нарушение чешских границ немецкой армией или авиацией приведет к новой мировой войне. Я уверен, как я был уверен в конце июля 1914 года, что Англия выступит совместно с Францией….Умоляю вас не заблуждаться на этот счет…»[114]

Ванситтарт отнесся к предупреждению Клейста достаточно серьезно. Он послал сообщение об этом премьер-министру и министру иностранных дел. И хотя Чемберлен в письме к лорду Галифаксу писал, что не особенно доверяет

Клейсту, он все же добавил: «Я не уверен, что мы не должны предпринять определенных шагов». Один шаг он предпринял сразу — 28 августа вызвал в Лондон «для консультаций» посла Гендерсона и поручил ему, во-первых, достаточно сдержанно предупредить Гитлера и, во-вторых, тайно подготовить его, Чемберлена, встречу с фюрером. По словам Гендерсона, он уговорил премьер-министра отказаться от первой просьбы. Что же касается его второй просьбы, Гендерсон с удовольствием взялся ее выполнить[115].

Это был первый шаг к Мюнхену и величайшая бескровная победа Гитлера.

Не зная о перемене курса в политике Чемберлена, берлинские заговорщики продолжали предпринимать попытки предупредить британское правительство. 21 августа полковник Остер послал своего агента к британскому военному атташе в Берлине с сообщением, что Гитлер намерен совершить нападение на Чехословакию в конце сентября. «Если усилия других стран заставят Гитлера отказаться от своих намерений накануне намеченного срока, он не перенесет такого удара, сообщил агент англичанам. — Точно так же, если дело дойдет до войны, то немедленное вмешательство Англии и Франции может привести к падению режима». Сэр Невилл Гендерсон быстро препроводил это предупреждение в Лондон, снабдив его комментарием, в котором уверял, что «это все очень пристрастно и больше похоже на пропаганду». По мере того как назревал кризис, шоры на глазах у британского посла становились все более плотными.

Генерал Гальдер чувствовал, что письма заговорщиков не оказывают желаемого воздействия на англичан. 2 сентября он отправил в Лондон своего посланца, отставного подполковника Ганса Бема-Теттельбаха для установления контакта с министерством обороны и военной разведкой. Подполковник, по его собственным словам, виделся в Лондоне с некоторыми ответственными лицами, но, кажется, не произвел на них большого впечатления.

В конце концов заговорщики решили использовать министерство иностранных дел Германии и немецкое посольство в Лондоне, чтобы предпринять последнюю отчаянную попытку убедить англичан сохранить твердость. Советником посольства и поверенным в делах был тогда Теодор Кордт, чей младший брат Эрих возглавлял секретариат Риббентропа в министерстве иностранных дел. Обоим братьям протежировал барон фон Вайцзекер, государственный секретарь и несомненный мозговой центр министерства иностранных дел. Этот человек после войны громко кричал о своих якобы антинацистских воззрениях, что не мешало ему служить Гитлеру и Риббентропу до самого конца. Правда, из трофейных документов министерства иностранных дел явствует, что он выступал против агрессии, причем по тем же причинам, что и генералы: это могло привести к проигранной войне. С согласия Вайцзекера и после консультаций с Беком, Гальдером и Герделером было решено, что Теодор Кордт передаст последнее предупреждение на Даунинг-стрит, — его контакты как советника с британскими властями не вызовут подозрений.

Информация, с которой вечером 5 сентября он пришел к Горацию Вильсону, личному советнику Чемберлена, показалась последнему настолько важной и срочной, что он немедленно проводил Кордта через черный ход на Даунинг-стрит, в дом министра иностранных дел. Там Кордт прямо заявил лорду Галифаксу, что 16 сентября Гитлер планирует объявить всеобщую мобилизацию и что нападение на Чехословакию произойдет самое позднее 1 октября, что

германская армия готова выступить против Гитлера в тот момент, когда будет отдан приказ о нападении, и что выступление это окажется успешным, если Англия и Франция будут твердо стоять на своих позициях. Он предупредил также Галифакса, что речь Гитлера на закрытии партийного съезда в Нюрнберге 12 сентября может стать угрозой в адрес Чехословакии и что тогда Англии представится случай противостоять диктатору.

Несмотря на то что Кордт часто бывал на Даунинг-стрит, несмотря на то что на этот раз он был откровенен с министром иностранных дел, он все равно не узнал о намерениях Лондона. О них, как и всем остальным, ему стало известно через два дня, 7 сентября, когда лондонская «Таймс» опубликовала знаменитую передовую статью.

«Правительству Чехословакии стоит задуматься на предмет того, чтобы либо принять, либо отклонить получивший в определенных кругах распространение проект превращения Чехословакии в более однородное государство путем отделения Судетской области, где проживают чуждые Чехословакии немцы, стремящиеся слиться с нацией, к которой они принадлежат по расовому признаку… Преимущества от создания в Чехословакии однородного государства могут оказаться серьезнее, чем недостатки, которые повлечет за собой потеря населенной немцами приграничной Судетской области…»

В статье не говорилось ни слова о том, что отделение Судетской области от Чехословакии лишит последнюю природной горной преграды на границе и чешской линии Мажино, сделав ее беззащитной перед нацистской Германией.

Хотя министерство иностранных дел Англии поспешило опровергнуть тот факт, что в статье выражена точка зрения правительства, Кордт на следующий день телеграфировал в Берлин, что «статья, вероятно, основывалась на слухах, дошедших до редакции «Таймс» из окружения премьер-министра». Вполне вероятно!

В годы, предшествовавшие второй мировой войне, кризис сменялся кризисом. Обстановка в европейских столицах накалилась до предела к 12 сентября, когда на партийном съезде в Нюрнберге, открывшемся 6 сентября, должен был выступать Гитлер. Ожидалось, что в этой речи он скажет, быть или не быть войне с Чехословакией. Я в это время находился в Праге, то есть в самом центре кризиса. Может показаться странным, но, несмотря на выступления в Судетской области, несмотря на угрозы из Берлина, давление со стороны правительств Англии и Франции с требованием уступок и опасения, что они могут бросить Чехословакию в беде, — несмотря на все это, Прага казалась самой спокойной из всех европейских столиц, по крайней мере внешне.

5 сентября президент Бенеш понял, что для сохранения мира необходимы решительные действия с его стороны. Он вызвал в Градчаны судетских лидеров Кундта и Себековского и попросил их изложить свои требования на бумаге. Какими бы ни были эти требования, он их примет. «Боже мой! — воскликнул на следующий день Карл Герман Франк, заместитель судетского лидера. — Они дали нам все!» Но именно это меньше всего устраивало судетских политиков и их хозяев в Берлине. 7 сентября Генлейн по приказу из Берлина прекратил всякие переговоры с чешским правительством. В качестве объяснения были приведены надуманные столкновения с полицией в Моравска-Остраве.

10 сентября Геринг выступил на партийном съезде с воинственной речью: «Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы… Жалкая раса пигмеев — чехов угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола!» В тот же день с речью по радио выступил Бенеш. Он ни словом не обмолвился о злопыхательстве Геринга. В своей речи, спокойной и выдержанной, он призывал к проявлению доброй воли и выработке взаимного доверия.

Однако под маской спокойствия скрывалось огромное напряжение. Я встретился с доктором Бенешем в вестибюле здания радиовещания Чехословакии. Лицо его было озабоченным, он, казалось, полностью отдавал себе отчет в том сложном положении, в котором очутился. Железнодорожный вокзал Вильсон и аэропорт были заполнены евреями, которые искали способ перебраться в более безопасные части страны. В конце недели населению роздали противогазы. Из Парижа доходили слухи, что французское правительство в панике от перспективы войны. Из Лондона сообщали, что Чемберлен обдумывает рискованные шаги, направленные на удовлетворение требований Гитлера — за счет Чехословакии, конечно.

Итак, вся Европа ждала, что скажет Гитлер 12 сентября в Нюрнберге. Это была речь грубая, воинственная, пышущая ненавистью к Чехословакии, особенно к ее президенту. Она была произнесена в день закрытия съезда на огромном стадионе, где собрались тысячи нацистских фанатиков. Но это не было объявлением войны. Гитлер не сообщил о своем решении, по крайней мере публично, так как из трофейных документов известно, что срок перехода чешской границы был им уже назначен — 1 октября. В своей речи Гитлер требовал, чтобы правительство Чехословакии «справедливо» отнеслось к судетским немцам. Если этого не произойдет, то Германия позаботится о том, чтобы оно это сделало.

Гневная речь Гитлера привела к серьезным последствиям. В Судетской области вспыхнуло восстание, которое правительство Чехословакии подавило после двухдневных ожесточенных стычек, причем в Судетской области было объявлено военное положение и туда ввели войска. Генлейн перебрался в Берлин и заявил, что возможен единственный способ решения вопроса — присоединить Судетскую область к Германии.

Как известно, к такому же решению склонялся Лондон, но, чтобы выполнить его, необходимо было заручиться поддержкой Франции. 13 сентября, после произнесения речи Гитлером, французский кабинет заседал весь день, решая, должна ли Франция выполнить свои обязательства перед Чехословакией в случае нападения на нее Германии, которое казалось неизбежным. В тот вечер английский посол в Париже сэр Эрик Фиппс был вызван из Опера комик на срочное совещание к премьер-министру Даладье. Последний призывал Чемберлена постараться немедленно заключить сделку с немецким диктатором, по возможности наиболее выгодную.

Понятно, что господину Чемберлену не нужно было предлагать этого дважды. В тот же вечер, в 11 часов, британский премьер-министр направил Гитлеру срочную телеграмму:

«Ввиду крайне осложнившейся ситуации предлагаю немедленно встретиться с Вами, чтобы попытаться найти мирное решение. Согласен прибыть самолетом и

готов вылететь завтра же. Прошу назначить удобное для Вас место встречи в самое ближайшее время. Буду благодарен Вам за скорейший ответ».

За два часа до этого немецкий поверенный в делах в Лондоне Теодор Кордт телеграфировал в Берлин, что, по словам пресс-секретаря Чемберлена, премьер-министр «готов рассмотреть далеко идущие предложения Германии, включая плебисцит, готов помочь в их осуществлении и публично выступить в их защиту».

Началась полоса уступок, которая закончилась капитуляцией в Мюнхене.

Чемберлен в Берхтесгадене: 15 сентября 1938 года

«О боже! Удача как с неба свалилась!» — воскликнул Гитлер, прочитав телеграмму Чемберлена. Он был поражен, но крайне доволен тем фактом что вершитель судеб Британской империи летел к нему с просьбой. Ему ужасно льстило, что шестидесятидевятилетний государственный деятель, никогда ранее не пользовавшийся самолетом, был готов лететь семь часов в Берхтесгаден через всю Германию. У Гитлера не хватило такта предложить место встречи где-нибудь на Рейне, что сократило бы время перелета вдвое.

С каким бы энтузиазмом англичане[116] ни относились к вояжу своего премьер-министра, полагая, что он сделает то, чего не смогли сделать мистер Асквит и сэр Эдуард Грей в 1914 году, а именно предупредить Германию, что агрессия против маленькой страны повлечет за собой вмешательство не только Франции, но и Англии, Гитлер понимал, что для него приезд Чемберлена равнозначен подарку судьбы — это явствует из конфиденциальных бумаг и дальнейшего хода событий. Фюрер уже знал через немецкое посольство в Лондоне, что британский лидер готов выступить в защиту «далеко идущих предложений Германии». Приезд Чемберлена укреплял уверенность Гитлера в том, в чем он был уверен с самого начала — ни Англия, ни Франция не выступят в защиту Чехословакии. В течение первого часа встречи его уверенность подтвердилась.

Сначала шла обычная дипломатическая процедура, хотя говорил все время только Гитлер — по привычке. Самолет Чемберлена приземлился в аэропорту Мюнхена в полдень 15 сентября. Оттуда на открытом автомобиле премьер-министра отвезли на вокзал, где он пересел в специальный поезд, который за три часа доставил его в Берхтесгаден. От взора Чемберлена не ускользнули шедшие навстречу многочисленные поезда с солдатами и артиллерией. Гитлер не встретил высокого гостя на вокзале в Берхтесгадене, но приветствовал его, стоя на верхних ступеньках лестницы дома в Бергхофе. Как вспоминал позднее доктор Шмидт, немецкий переводчик, начинался дождь, небо потемнело, горы скрылись в облаках — было 4 часа дня, а в путь Чемберлен отправился на заре.

После чая фюрер и премьер-министр поднялись на второй этаж, в кабинет Гитлера, — в ту самую комнату, где семь месяцев назад он принимал Шушнига. По настоянию посла Гендерсона Риббентроп не присутствовал на беседе, что очень обозлило тщеславного министра иностранных дел. В отместку он на следующий день отказался передать премьер-министру запись беседы, сделанную Шмидтом, так что Чемберлен вынужден был, полагаясь на

собственную память, вспоминать, что говорил он, а что Гитлер. Это было проявлением крайней невежливости, впрочем, весьма типичным для немцев.

Гитлер начал свою речь как обычно. Он пустился в разглагольствования о том, как много сделал он для Германии, для дела мира, для англо-германского сближения. Теперь на повестке дня стояла одна проблема, которую он намерен решить «так или иначе». Три миллиона немцев, проживающих в Чехословакии, должны «вернуться» в лоно рейха[117].

«Он не желал (так записано в отчете Шмидта. — У. Ш.), чтобы оставались какие-либо сомнения относительно его решимости не мириться более с положением, при котором какая-то маленькая, второстепенная страна не считается с могущественным тысячелетним рейхом.

…Он сказал, что ему сорок девять лет и что он хочет, если Германии суждено быть вовлеченной в мировую войну из-за Чехословакии, провести страну через кризис, будучи еще в расцвете сил… Конечно, ему будет жаль, если из-за этой проблемы вспыхнет мировая война. Но даже такая опасность не поколеблет его решимости… Он готов к любой войне, даже мировой, ради достижения своей цели. Остальной мир пусть делает, что хочет. Он же не отступит назад ни на шаг».

Чемберлен не имел возможности вставить хотя бы слово. Он был человеком терпеливым, но всякому терпению приходит конец. В этот момент он решил вмешаться: «Если фюрер намерен решить этот вопрос с позиции силы, даже не дожидаясь его обсуждения, то зачем он позволил мне приехать? Я даром потеряю время».

Немецкий диктатор не привык, чтобы его перебивали, — к этому времени в Германии его уже никто не перебивал, — поэтому слова Чемберлена, казалось, возымели действие. Сбавив тон, он заявил, что они могли бы обсудить этот вопрос: а вдруг есть мирный способ его решения? И сразу выпалил свое предложение: «Согласится Англия на отделение Судетской области или не согласится… на отделение на основе права на самоопределение?..»

Чемберлен не возмутился. Он выразил лишь удовлетворение по поводу того, «что они перешли наконец к делу». Согласно отчету Чемберлена, сделанному по памяти, он ответил, что не может сказать ничего определенного, пока не проконсультируется с кабинетом и правительством Франции. Согласно версии Шмидта, который вел стенограмму параллельно с переводом, Чемберлен действительно так сказал, но добавил, что лично он признает принцип отделения Судетской области, но «должен вернуться в Англию, доложить об этом правительству и заручиться его поддержкой».

Все началось с этой уступки в Берхтесгадене.

Совершенно очевидно, что для немцев такой поворот событий не явился неожиданностью. В то самое время, когда в Берхтесгадене проходила эта встреча, Генлейн, находясь в Эгере, писал Гитлеру письмо. На письме стоит дата — 15 сентября. Это произошло как раз перед тем, как Генлейн пересек границу Германии.

«Мой фюрер!

Вчера я сказал англичанам (Ренсимену), что базой для дальнейших переговоров может быть… только воссоединение с Германией.

Вполне вероятно, Чемберлен предложит такое воссоединение». На следующий день, 16 сентября, министерство иностранных дел Германии отправило конфиденциальные телеграммы в свои посольства в Вашингтоне и некоторых других столицах.

«Фюрер заявил вчера Чемберлену, что намерен так или иначе положить конец противоестественной ситуации, сложившейся в Судетской области. Речь идет уже не об автономии для судетских немцев, но о присоединении Судетской области к Германии. Чемберлен высказался в поддержку такого решения проблемы. Сейчас он консультируется с британским кабинетом и связывается с Парижем. На ближайшее будущее запланирована новая встреча фюрера с Чемберленом».

К концу встречи Чемберлен вынудил Гитлера пообещать, что до следующей их встречи он не предпримет никаких военных действий, — Чемберлен все еще верил обещаниям фюрера. Через пару дней после их встречи он говорил в частной беседе: «Несмотря на твердость и жестокость, которые, как мне показалось, я прочел на его лице, у меня создалось впечатление, что передо мной человек, на слово которого можно положиться».

Пока британский лидер пребывал в плену иллюзий, Гитлер продолжал военные и политические приготовления для нападения на Чехословакию. Представитель ОКВ полковник Йодль и министерство пропаганды разрабатывали «совместные меры по оправданию нарушения нами международных законов», как он охарактеризовал это в своем дневнике. Война виделась грубой и жестокой, по крайней мере со стороны Германии, и задачей доктора Геббельса было оправдать излишнюю жестокость. Ложь планировалась очень тщательно. 17 сентября Гитлер откомандировал офицера ОКВ в помощь Генлейну, штаб которого располагался в это время в замке Дондорф, в пригороде Байрейта, для оказания помощи в создании «судетского добровольческого корпуса». Вооружить корпус предстояло австрийским оружием. В основную его задачу, согласно приказу Гитлера, входило создавать «напряженную обстановку и вступать в стычки» с чехами.

День 18 сентября, когда Чемберлен был занят тем, что склонял свой кабинет и французов принять предлагаемую им тактику уступок, для Гитлера и его генералов тоже выдался крайне напряженным. Был издан приказ о боевой готовности для пяти армий — 2, 8, 10, 12 и 14-й, которые имели в своем составе 36 дивизий, в том числе три танковые. Кроме того, Гитлер утвердил список офицеров на командные посты в десяти армиях. Генерал Адам, несмотря на свою несговорчивость, был оставлен на посту командующего западной армией. Любопытно, что двое из числа заговорщиков, находившиеся в отставке, были назначены на посты командующих армиями: генерал Бек — 1-й, а генерал фон Хаммерштейн — 4-й.

Продолжались также и политические приготовления нападения на Чехословакию. Трофейные документы министерства иностранных дел Германии изобилуют сообщениями об усилившемся нажиме на правительства Венгрии и Польши присоединиться к грабежу Чехословакии. Подвергалось нажиму даже правительство Словакии. 20 сентября Генлейн убеждал словаков «более

жестко» сформулировать свое требование о предоставлении автономии. В тот же день Гитлер принял премьер-министра Венгрии Имреди и министра иностранных дел Каню, которых отчитал за нерешительную позицию, занимаемую Будапештом. В меморандуме министерства иностранных дел содержится длинный отчет об этой встрече.

«Прежде всего фюрер упрекнул господ венгров за нерешительность. Он, фюрер, готов решить чешский вопрос даже рискуя развязать мировую войну… Он уверен тем не менее, что ни Англия, ни Франция не станут вмешиваться. Это последняя возможность для Венгрии присоединиться. Если она не присоединится, то Гитлер не сможет защищать ее интересы. По его мнению, лучшее, что можно сделать, — это уничтожить Чехословакию…

Он выдвинул перед венграми два требования: 1) Венгрия должна немедленно потребовать проведения плебисцита в тех районах, на которые она претендует; 2) она не должна гарантировать соблюдение предложенных новых границ Чехословакии».

Гитлер дал понять венграм: что бы ни решил Чемберлен, сам он не намерен долго мириться с существованием Чехословакии, даже в урезанном виде. Что же касается британского премьер-министра:

«Фюрер сказал, что предъявит Чемберлену свои требования совершенно откровенно. По его мнению, только действия армии могут дать удовлетворительный результат. Однако существует опасность, что Чехословакия все требования примет».

Последнее соображение не давало покоя фюреру во время его встреч с ничего не подозревающим британским премьером.

21 сентября польское правительство, подстегиваемое из Берлина, потребовало плебисцита в районе Тешина, где проживала большая польская колония, и стянуло свои войска к границе района. На следующий день с аналогичным требованием выступило венгерское правительство. В тот же день, 22 сентября, «судетский добровольческий корпус» при поддержке немецких подразделений СС занял пограничные чешские города Аш и Эгер, вклинивавшиеся в немецкую территорию.

22 сентября всю Европу охватило напряжение. Именно в этот день Чемберлен снова собрался на встречу с Гитлером. Теперь необходимо рассказать, чем же занимался британский премьер в промежутке между встречами с ним.

Вернувшись в Лондон вечером 16 сентября, Чемберлен собрал своих министров, чтобы ознакомить их с требованиями Гитлера. Из Праги был вызван лорд Ренсимен, рекомендации которого хотел услышать кабинет. Рекомендации эти были удивительными. В своем стремлении умиротворить Германию Ренсимен пошел даже дальше Гитлера. Он выступал за передачу Судетской области Германии без плебисцита. Он горячо рекомендовал пресекать легальными методами любые антигерманские выступления в Чехословакии «со стороны партий или отдельных лиц». Он настаивал, что Чехословакия, даже лишившись горных преград и укреплений и, следовательно, оказавшись беззащитной перед Германией, тем не менее должна «так строить свою внешнюю политику, чтобы дать гарантии соседям, что она ни при каких обстоятельствах не нападет на них и не предпримет

других агрессивных действий в соответствии с условиями договоров с другими государствами». Несмотря на то что мысль Ренсимена о возможном нападении Чехословакии на нацистскую Германию была в сложившейся ситуации до смешнооого нелепой, она произвела впечатление на британский кабинет и способствовала принятию предложения Чемберлена согласиться с требованиями Гитлера[118].

Премьер Даладье и его министр иностранных дел Жорж Бонне прибыли 18 сентября в Лондон для консультаций с британским кабинетом. Никому и в голову не пришло пригласить представителей Чехословакии. И англичане, и французы хотели любой ценой избежать войны, поэтому очень быстро договорились о совместных требованиях, которые предстояло принять Чехословакии. Все территории, население которых более чем на 50 процентов состояло из судетских немцев, отходили к Германии «для поддержания мира и охраны жизненных интересов Чехословакии». В свою очередь Англия и Франция выражали согласие объединиться для «международной гарантии новых границ… на случай неспровоцированной агрессии». Этой гарантии предназначалось заменить договоры о взаимопомощи, которые Чехословакия имела с Францией и Россией. Для французов это был чудесный выход из создавшегося положения. Под руководством Бонне, который, как показал дальнейший ход событий, в умиротворении Гитлера стремился перещеголять Чемберлена, они ухватились за такое решение. А потом было много лицемерных слов:

«Правительства Англии и Франции, как было сообщено в официальной ноте, понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира. Однако, поскольку дело это является общим для всей Европы и для Чехословакии, они считают своим долгом открыто изложить требования, необходимые для сохранения мира».

Они очень торопились. Немецкий диктатор ждать не мог. «Премьер-министр должен возобновить переговоры с герром Гитлером не позднее среды (22 сентября), а если возможно, и раньше. Убедительно просим Вас ответить как можно скорее».

Итак, в полдень 19 сентября английский и французский послы в Праге вручили англо-французские предложения чешскому правительству. Предложения эти были отвергнуты на следующий день. При этом пророчески объяснялось, что принятие таких условий поставит Чехословакию «рано или поздно в полную зависимость от Германии». После напоминания Франции о ее договорных обязательствах и о последствиях, с которыми она столкнется в случае, если Чехословакия примет требования, следовало предложение передать судетский вопрос в арбитраж в соответствии с германско-чешским договором от 16 октября 1925 года[119].

Но ни англичане, ни французы не хотели, чтобы от соблюдения каких-то договоров зависел избранный ими путь. Как только нота протеста была вручена послам в Праге (в 5 часов вечера 20-го числа), английский посол Ньютон предупредил министра иностранных дел Чехословакии доктора Камила Крофту, что если чешское правительство будет настаивать на своем отказе, то правительство Великобритании потеряет всякий интерес к дальнейшей

судьбе республики. Французский посол де Лакруа от имени своего правительства поддержал это заявление.

В Лондоне и Париже при получении чешских нот протеста особого удовольствия не испытали. Чемберлен созвал заседание своего кабинета и установил постоянную телефонную связь с Парижем для консультаций с Даладье и Бонне в течение всего вечера. Договорились, что оба правительства усилят нажим на правительство Чехословакии. Чехам нужно сказать, что если они будут упорствовать, то на помощь со стороны Англии и Франции могут не рассчитывать.

К этому времени президент Бенеш понял, что его предают те, кого он считал своими друзьями. Он предпринял последнюю попытку выяснить отношения хотя бы с Францией. Чуть позднее, в 8 часов утра 20 сентября, он потребовал, чтобы доктор Крофта поставил перед Лакруа жизненно важный вопрос: намерена Франция выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией в случае нападения на нее Германии или нет? В 2 часа 15 минут 21 сентября Ньютон и де Лакруа подняли президента Бенеша с постели. Они убедили его отозвать свою ноту протеста, заявляя при этом, что если англо-французские предложения не будут приняты Чехословакией, то в случае нападения на нее Германии она будет противостоять ей в одиночку. Президент попросил французского посла изложить это в письменном виде. Вероятно, он сдался еще раньше, но действовал с оглядкой на историю[120].

Весь следующий день Бенеш ходил разбитый. Он не спал всю ночь; на его глазах совершилось предательство, разыгралась катастрофа. Он созвал свой кабинет, лидеров политических партий и командование армии. Они проявили стойкость перед лицом опасности, но пали духом, узнав о предательстве друзей и союзников. А что же Россия? Именно в этот день советский наркоминдел Литвинов выступал в Женеве с речью, в которой заявил, что Россия намерена соблюдать свои обязательства в отношении Чехословакии. Бенеш вызвал русского посла в Праге, и тот подтвердил все сказанное народным комиссаром по иностранным делам. В Чехословакии с сожалением констатировали, что Россия сможет прийти на помощь только в том случае, если так же поступит и Франция. А Франция их предала[121].

Поздно вечером 21 сентября правительство Чехословакии капитулировало и приняло англо-французские условия. «У нас не было иного выхода, так как мы остались одни», — с горечью отмечалось в правительственном коммюнике по этому поводу. Бенеш в частном порядке объяснял это проще: «Нас подло предали». На следующий день кабинет подал в отставку. Генерал Ян Сыровы, генеральный инспектор армии, стал главой нового «правительства национального единства».

Чемберлен в Годесберге: 22–23 сентября

Хотя Чемберлен и предоставил Гитлеру все, о чем тот просил во время встречи в Берхтесгадене, тем не менее во время встречи, состоявшейся 22 сентября в небольшом рейнском городке Годесберг, оба чувствовали себя неловко. Германский поверенный в делах, проводив Чемберлена в лондонском аэропорту, направил в Берлин срочную телеграмму: «Чемберлен и сопровождающие его лица вылетели в Берлин с чувством глубокого

беспокойства. Несомненно, оппозиция политике Чемберлена в стране нарастает».

Гитлер заметно нервничал. Утром 22-го я завтракал на террасе гостиницы «Дризен», где должна была состояться встреча. Гитлер прошел мимо. Он направлялся на берег, чтобы взглянуть на свою яхту. Мне показалось, что у него тик. Через каждые несколько шагов у него странно подергивалось правое плечо и одновременно дергалась левая нога. Под глазами залегли неестественные синие круги. Похоже (об этом записано в моем дневнике), он находился на грани нервного срыва. «Teppichfresser», — пробормотал мой сосед-немец, редактор одной из газет, человек, втайне ненавидевший нацизм. Он объяснил, что события, разворачивающиеся вокруг Чехословакии, довели Гитлера до маниакального состояния, что за предшествующие несколько дней он не единожды терял контроль над собой, падал на пол и грыз угол ковра, отсюда и прозвище — Ковроед. Накануне вечером я беседовал в «Дризене» с некоторыми партийными функционерами и слышал, как фюрера называли этим прозвищем шепотом, конечно.

Несмотря на опасение по поводу оппозиции проводимой им политике у себя на родине, в Годесберге Чемберлен пребывал в прекрасном настроении. Он проследовал по улицам, украшенным не только свастиками, но и британскими флагами, в свою резиденцию — гостиницу «Петерсхоф», расположенную на вершине горы Петерсберг на правом берегу Рейна и похожую на замок. Он приехал, чтобы удовлетворить все просьбы Гитлера, высказанные в Берхтесгадене, и даже больше. Оставалось договориться только о деталях. Для этой цели Чемберлен привез с собой сэра Горация Вильсона, Уильяма Стрэнга, эксперта министерства иностранных дел по Восточной Европе, сэра Уильяма Малкина, главу юридической службы министерства иностранных дел.

Вечером премьер-министр пересек Рейн на пароме и направился в гостиницу «Дризен», где его ждал Гитлер[122]. На сей раз говорил только Чемберлен, по крайней мере сначала. Приблизительно в течение часа, если судить по записи, сделанной доктором Шмидтом, Чемберлен рассказывал о «трудных переговорах», которые он с большим успехом провел не только с английским и французским кабинетами, но и с Чехословакией, в результате чего последняя согласилась принять требования Гитлера. Потом он говорил о том, что нужно предпринять, чтобы эти требования были выполнены. Следуя совету Ренсимена, он готов был отдать Судетскую область Германии без плебисцита. Что касается других территорий, то их судьбу предстояло решить комиссии из трех человек — представителей Германии, Чехословакии и какой-нибудь нейтральной страны. Более того, договоры Чехословакии о взаимопомощи с Францией и Россией, которые очень не нравились Гитлеру, заменялись международной гарантией против неспровоцированного нападения на Чехословакию, которой в будущем «надлежит стать полностью нейтральной».

Все это казалось таким простым, разумным и логичным миролюбивому британскому бизнесмену, занимавшему пост премьер-министра. Как отметил один из очевидцев, в этом месте он прервал свою речь с видом крайнего самодовольства в ожидании ответной реакции Гитлера.

«Правильно ли я понял, что правительства Англии, Франции и Чехословакии согласны передать Судетскую область Германии?» — спросил Гитлер[123]. Согласно позднейшему признанию, его поразило, что уступки столь велики и что пошли на них так быстро. «Да», — ответил улыбаясь премьер-министр.

«Мне ужасно жаль, — заявил Гитлер, — но в свете событий последних дней предложенное решение уже утратило всякий смысл».

Доктор Шмидт вспоминал, что при этих словах Чемберлен даже подскочил от удивления и гнева, его совиное лицо покраснело. Но покраснело, очевидно, не от того, что Гитлер обманул его и, как обыкновенный шантажист, ужесточил требования, едва их приняли. Выступая в палате общин через несколько дней, премьер-министр рассказал, что он чувствовал в тот момент:

«Я не хочу, чтобы палата думала, будто Гитлер намеренно обманул меня, я сам так ни секунды не думаю. Но у был уверен, что еду в Годесберг, чтобы в спокойной обстановке обсудить наши предложения. И я был шокирован, когда мне сказали, что эти предложения уже не являются приемлемыми…»

Чемберлен увидел, что его «дом мира», с таким трудом построенный за счет Чехословакии, рассыпается, словно карточный домик. Он был «разочарован и озадачен одновременно» и мог с полной уверенностью сказать, что «фюрер получил от него все, что требовал».

«Чтобы добиться этого, он (Чемберлен) поставил на карту свою политическую карьеру… Некоторые круги в Великобритании обвиняли его в том, что он предает Чехословакию, торгует ею, идет на поводу у диктатора. Когда сегодня утром он улетал из Англии, его буквально освистали».

Однако фюрера не трогали беды британского премьер-министра. Он выдвигал требование немедленной оккупации Судетской области Германией, причем проблема эта «должна быть решена окончательно не позднее 1 октября». Под рукой оказалась карта, на которой фюрер отметил, какие именно территории подлежат немедленной оккупации.

После этого Чемберлен, «переполненный дурными предчувствиями», как он позднее заявил в палате общин, отправился в свою резиденцию на другой берег Рейна, чтобы решить, что же делать. В тот вечер ничто не вселяло надежд, и после консультаций со своими советниками и телефонных разговоров с французским правительством он нашел решение: правительства Англии и Франции сообщат чешскому правительству, что «не берут на себя ответственность советовать ему не проводить мобилизацию»[124].

В 7.20 вечера генерал Кейтель позвонил по телефону из Годесберга в штаб сухопутных войск: «Дату (день «Х») пока точно назвать нельзя. Продолжайте подготовку согласно плану. Операция «Грюн» начнется не раньше 30 сентября. Если она начнется раньше, то это будет, скорее всего, импровизация».

Перед Адольфом Гитлером стояла дилемма. Как он изложил в директиве ОКВ после «майского кризиса», его цель заключалась в том, чтобы «военными действиями уничтожить Чехословакию», о чем Чемберлен конечно не знал. Принять англо-французский план, с которым Чехословакия согласилась, хотя и неохотно, означало не только получить Судетскую область, но и нанести ощутимый удар Чехословакии, поскольку она становилась беззащитной. Но это не были военные действия. Фюрер же намеревался не только унизить президента Бенеша, который нанес ему обиду в мае, но и доказать бесхребетность правительств западных стран. Для этого была необходима

именно военная оккупация. Она могла оказаться и бескровной, как в случае с Австрией, но непременно должна была осуществиться. Он жаждал взять реванш над выскочками чехами.

Вечером 22 сентября два государственных деятеля больше не встречались. Чемберлен лег спать с нерешенной проблемой, а когда проснулся на следующее утро, то, постояв на балконе, полюбовавшись Рейном, позавтракав, написал Гитлеру письмо. Он передаст новые требования Германии чешскому правительству, но не уверен, что оно их примет. Более того, он не сомневается, что правительство Чехословакии будет сопротивляться немедленной оккупации. Но он готов предложить Праге, поскольку о передаче Судетской области Германии обе стороны уже договорились, до практического присоединения ее к рейху право поддерживать там закон и порядок предоставить судетским немцам.

О таком компромиссе Гитлер не хотел и слышать. Заставив премьер-министра прождать практически весь день, он послал ответ, опять перечислив все притеснения, которым будто бы подвергались немцы со стороны чехов. Он отказался умерить свои требования и заявил, что «речь теперь, вероятно, идет о войне». Ответ Чемберлена был краток. Он попросил Гитлера изложить все требования на бумаге и приложить карту, а на себя взял роль посредника в передаче этих требований Праге. «Я не вижу, что еще могу сделать, находясь здесь, — заявил он. — Я намерен возвратиться в Англию».

Перед отъездом он еще раз встретился с Гитлером в отеле «Дризен». Встреча состоялась в 10.30 вечера 23 сентября. Гитлер представил свои требования в виде меморандума и приложил карту. Чемберлен был поставлен в жесткие временные рамки. Чехословакия должна была начать эвакуацию населения с территорий, отходящих к Германии, в 8 часов утра 26 сентября, то есть через два дня, и завершить ее 28 сентября.

«Но это же ультиматум!» — воскликнул Чемберлен. «Ничего подобного!» живо возразил Гитлер. Когда Чемберлен заметил, что это нельзя назвать иначе как немецким словом «диктат», Гитлер сказал: «Это вовсе не диктат. Взгляните на документ, он озаглавлен словом «меморандум».

В этот момент адъютант принес фюреру срочную телеграмму. Гитлер пробежал ее глазами и передал переводчику Шмидту: «Прочтите господину Чемберлену». Шмидт прочитал: «Только что Бенеш объявил по радио всеобщую мобилизацию в Чехословакии».

Как вспоминал позднее Шмидт, в комнате воцарилась мертвая тишина. Потом заговорил Гитлер: «Теперь вопрос, конечно, закрыт. Чехословакия и не подумает отдать Германии какие-либо территории».

Согласно записям Шмидта, Чемберлен возражал. В действительности разгорелся жаркий спор.

«Чехи первыми объявили мобилизацию», — сказал Гитлер. Чемберлен возразил: «Первой объявила мобилизацию Германия…» Гитлер отрицал, что в Германии была проведена мобилизация.

Переговоры затянулись до утра. В конце концов Чемберлен спросил, является ли меморандум Гитлера его последним словом. Когда Гитлер ответил, что да,

является, премьер-министр сказал, что нет смысла продолжать переговоры. Он сделал все, что мог, но его попытки не увенчались успехом. Он уезжает с тяжелым чувством, потому что надежды, с которыми он приехал в Германию, разбиты.

Немецкий диктатор не хотел, чтобы Чемберлен сорвался с крючка, и пошел на «уступки». «Вы один из немногих, для кого я когда-либо делал подобное, с живостью заметил он. — Я готов установить окончательную дату для эвакуации чехов — 1 октября, если это упростит вашу задачу». Сказав это, он взял карандаш и сам исправил дату. В действительности это не было уступкой, ведь 1 октября было давно назначенным днем «Х»[125].

Это, казалось, подействовало на премьер-министра. Как вспоминал Шмидт, Чемберлен «высоко оценил соображения фюрера по этому вопросу». Тем не менее он добавил, что не готов принять или отвергнуть предложения, а может только передать их.

Лед, однако, был сломан. К половине второго ночи, когда встреча подошла к концу, несмотря на все разногласия, эти два человека были близки друг другу, как никогда. Я имел возможность наблюдать сцену их прощания у дверей отеля с расстояния двадцати пяти футов из своей импровизированной радиостудии, которую оборудовал в комнате портье. Сердечность их прощания поразила меня. Шмидт записывал слова прощания, которые мне не удалось расслышать.

«Чемберлен сердечно прощался с фюрером. Он сказал, что у него появилось чувство, будто между ним и фюрером установились отношения доверия в результате переговоров, прошедших в последние дни… Он не терял надежды, что существующие трудности будут преодолены. После этого он был бы рад обсудить оставшиеся проблемы с фюрером в том же духе.

Фюрер поблагодарил Чемберлена за эти слова и сказал, что тоже на это надеется. Как он неоднократно отмечал, чешская проблема — его последние территориальные притязания в Европе».

Отказ от дальнейших территориальных притязаний, казалось, произвел впечатление на премьер-министра; недаром, выступая в палате общин, он отметил, что Гитлер заявил об этом «со всей серьезностью».

Когда Чемберлен около двух часов ночи вернулся в гостиницу, один из журналистов спросил его: «Положение безнадежно, сэр?» «Я бы этого не сказал, — ответил премьер-министр. — Теперь все зависит от чехов». Ему, вероятно, не пришло в голову, что это зависело также и от немцев, выставлявших наглые требования.

Как только премьер-министр вернулся в Лондон, он сразу сделал то, чего, как он заявлял Гитлеру, делать не собирался: стал убеждать британский кабинет принять новые требования нацистов. Однако неожиданно ему пришлось столкнуться с сильной оппозицией. Ему твердо противостоял Дафф Купер, первый лорд адмиралтейства, и, как ни странно, такую же позицию занял лорд Галифакс, хотя и без явной охоты. Чемберлен не смог уговорить свой кабинет. Не убедил он и французское правительство, которое 24 сентября отвергло Годесбергский меморандум и в тот же день объявило частичную мобилизацию.

Когда в воскресенье, 25 сентября, в Лондон прибыли французские министры во главе с премьером Даладье, английское и французское правительства узнали, что Чехословакия отклонила Годесбергские предложения[126]. Франции не оставалось ничего, кроме как подтвердить свою верность союзническим обязательствам и обещать прийти на помощь Чехословакии в случае, если она подвергнется нападению. Но Франции нужно было знать, как поведет себя Англия. Окончательно загнанный в угол — по крайней мере, так казалось — Чемберлен согласился сообщить Гитлеру, что если Франция в силу союзнических обязательств по отношению к Чехословакии окажется в состоянии войны с Германией, то Британия будет считать себя обязанной поддержать ее.

Но сначала он обратился с последним воззванием к немецкому диктатору. 26 сентября Гитлер должен был выступать в берлинском Шпортпаласте. Чемберлен послал ему личное письмо, в котором убеждал не сжигать мостов. Вечером 26 сентября на специальном самолете письмо повез в Берлин верный помощник Чемберлена сэр Гораций Вильсон.

После отъезда Чемберлена из отеля «Дризен», рано утром 24 сентября, немцы пребывали в мрачном расположении духа. Теперь, когда они стояли практически на пороге войны, эта перспектива перестала им нравиться, по крайней мере некоторым из них. Поздно поужинав, я прохаживался по вестибюлю гостиницы. Там же находились Геринг, Геббельс, Риббентроп, генерал Кейтель и другие. Они были увлечены разговором. Перспектива войны, казалось, их озадачила.

Вечером того же дня в Берлине я заметил некоторое возрождение надежд. На Вильгельмштрассе считали, что если обладающий полномочиями Чемберлен согласился передать в Прагу новые требования Гитлера, то это значит, что он их поддерживает. Как стало известно впоследствии, предположение это было верным.

Воскресный день 25 сентября выдался чудесный. В Берлине стояло бабье лето, было тепло и солнечно. Берлинцы понимали, что больше таких погожих дней в этом году, вероятно, не будет, поэтому спешили в леса и на озера, которых вокруг Берлина множество. Несмотря на сообщения о ярости, охватившей Гитлера по поводу отвергнутого Годесбергского ультиматума, в Париже, Лондоне и Праге не чувствовалось, что наступил кризис, да и в Берлине не было заметно никакой военной лихорадки. «Трудно поверить, что будет война» такую запись сделал я в тот день в своем дневнике[127].

На следующий день, в понедельник, произошли внезапные перемены к худшему. В пять часов утра сэр Гораций Вильсон в сопровождении посла Гендерсона и первого секретаря британского посольства Киркпатрика привез в канцелярию письмо Чемберлена. Гитлера они застали в отвратительном расположении духа. Вероятно, он уже настраивался на речь, которую ему предстояло произнести через три часа в Шпортпаласте.

Когда доктор Шмидт начал переводить письмо Чемберлена, в котором премьер-министр сообщал, что Прага посчитала Годесбергский меморандум «абсолютно неприемлемым», о чем он предупреждал, Гитлер, по воспоминаниям переводчика, неожиданно вскочил и закричал: «Нет никакого смысла вести дальнейшие переговоры!» — после чего бросился к двери.

Вспоминая об этой жалкой сцене, немецкий переводчик отмечает:

«В первый, и единственный на моей памяти, раз Гитлер совершенно потерял голову». Согласно воспоминаниям присутствовавших англичан, фюрер вскоре сел в кресло, но во время чтения письма часто восклицал: «С немцами обходятся как с грязными неграми… 1 октября я поставлю Чехословакию на место! Если Франция и Англия хотят нападать, пусть нападают! Мне это совершенно безразлично!»

Чемберлен предлагал свой план. Так как Чехословакия готова отдать Гитлеру то, что он требует, а именно Судетскую область, необходимо срочно организовать встречу чешских и немецких представителей и «договориться о способе передачи территории». Чемберлен добавлял, что ему хотелось бы, чтобы на этой встрече присутствовали представители Англии. Гитлер ответил, что готов вступить в переговоры с чехами, если они примут Годесбергский ультиматум, только что ими отвергнутый, и согласятся на оккупацию Судетской области немецкими войсками 1 октября. Он заметил, что положительный ответ должен быть получен в течение сорока четырех часов, то есть к двум часам дня 28 сентября.

В тот вечер Гитлер сжег все мосты — по крайней мере, так казалось тем из нас, кто с удивлением слушал его безумное выступление в переполненном берлинском Шпортпаласте. Раньше я никогда не видел его таким. Он изрыгал проклятия и оскорбления в адрес Бенеша и повторял, что решение вопроса войны и мира зависит теперь всецело от президента Чехословакии, добавляя при этом, что в любом случае к 1 октября завладеет Судетской областью. Извергая потоки гневных слов, воодушевляемый возгласами толпы, Гитлер, проявив в достаточной мере расчетливость, воздал должное британскому премьеру. Он поблагодарил его за те усилия, которые тот прилагал в целях поддержания мира. Затем он пустился в рассуждения и заявил, что никаких иных территориальных притязаний в Европе не имеет. «Нам не нужны чехи!» — презрительно буркнул он.

Во время выступления фюрера я находился на балконе, расположенном прямо над ним. Я старался дать в эфир синхронный перевод его речи, но мне это плохо удавалось. В этот вечер я записал в своем дневнике:

«…Впервые за время моего пребывания в Германии я видел его таким — он в буквальном смысле утратил контроль над собой. Когда он сел, вскочил Геббельс и прокричал в микрофон: «Одно можно сказать наверняка: 1918 год никогда не повторится!» Гитлер взглянул на него дикими глазами, как будто Геббельс произнес именно те слова, которые он, Гитлер, искал весь вечер, но так и не нашел. Он приподнялся, дотянулся правой рукой до микрофона, прокричал во всю мощь своих легких: «Ja!» — и устало сел на место. Никогда не забуду того фанатичного огня, который горел в его глазах в этот момент».

Когда 27 сентября он во второй раз принимал Горация Вильсона, то уже вполне владел собой. Специальный посланник, человек без дипломатического образования, Вильсон не менее британского премьера, а может, и более был склонен отдать Гитлеру Судетскую область, если только немецкий диктатор возьмет ее мирным путем. Вильсон обратил внимание Гитлера на заявление, которое сделал в Лондоне Чемберлен в ответ на выступление фюрера в

Шпортпаласте. Ввиду того что канцлер не верил в обещания Чехословакии, британское правительство предлагало взять на себя «моральную ответственность» за то, чтобы обещания Чехословакии были выполнены «справедливо, полностью и быстро». Чемберлен рассчитывал, что канцлер такое предложение не отвергнет.

Однако Гитлера оно не заинтересовало. Он заявил, что ответа для господина Чемберлена не будет. Теперь все зависело от чехов: они могли принять или не принимать его предложения. Если они не примут его предложения, он уничтожит Чехословакию. С явным удовольствием он прокричал свою угрозу несколько раз.

Вероятно, это вывело из себя даже спокойного Вильсона. Он поднялся и сказал: «В таком случае я уполномочен премьер-министром сделать следующее заявление: «Если Франция вследствие своих союзнических обязательств окажется в состоянии войны с Германией, то Соединенное Королевство сочтет себя обязанным поддержать Францию».

«Я могу лишь принять к сведению, — парировал Гитлер с жаром, что если Франция решится напасть на Германию, то и Англия сочтет себя обязанной напасть на Германию».

Когда сэр Гораций заметил, что он этого не говорил, что только от Гитлера зависит, начнется война или нет, разгоряченный фюрер воскликнул: «Если Франция и Англия хотят напасть на нас, пусть нападают! Мне это совершенно безразлично! Сегодня вторник, в следующий понедельник мы уже будем в состоянии войны!»

Из записи, сделанной Шмидтом, ясно, что Вильсон хотел продолжить беседу, но посол Гендерсон отговорил его. Тем не менее неопытный посланник встретился с Гитлером с глазу на глаз по окончании встречи. «Я постараюсь образумить этих чехов»[128], уверял он Гитлера, на что тот отвечал, что будет «это приветствовать». Вероятно, фюрер решил, что еще можно уговорить Чемберлена «вразумить» чехов.

В тот же вечер он продиктовал на имя премьер-министра витиеватое письмо.

Для написания такого письма имелись серьезные основания. Многое произошло в Берлине — и не только в Берлине — в течение того дня, 27 сентября.

В час дня, сразу по прибытии Вильсона, Гитлер издал «совершенно секретный» приказ, в котором ударным частям — примерно 21 усиленный полк, или семь дивизий — предписывалось покинуть места проведения учений и выйти на рубеж атаки на чешской границе. «Они должны быть готовы, — говорилось в приказе, — начать действия против «зеленых» 30 сентября, уведомив об этом накануне не позднее полудня». Через несколько часов был издан приказ о дальнейшей скрытной мобилизации. В ходе ее было сформировано пять новых дивизий для размещения на западной границе.

Несмотря на то что Гитлер продолжал военные приготовления, события, произошедшие в течение этого дня, заставили его заколебаться. Чтобы повысить боевой дух населения, Гитлер приказал по окончании рабочего дня, когда сотни тысяч берлинцев выйдут из своих контор на улицу, провести в центре Берлина парад моторизованной дивизии. Затея эта обернулась полным

фиаско, по крайней мере для верховного главнокомандующего. Берлинцы не желали, чтобы им напоминали о войне. В тот вечер в дневнике я описал удивительную сцену, которую мне довелось наблюдать.

«Я вышел на угол Унтер-ден-Линден, когда колонна (войск) поворачивала на Вильгельмштрассе. Моему взору на основании прочитанного уже рисовалась одна из картин 1914 года, когда ликующие толпы на этой же улице осыпали марширующих солдат цветами, а девушки — поцелуями… Но сегодня люди ныряли в подземку — они не желали смотреть на все это. На обочине стояла молчаливая кучка людей… Это была самая поразительная антивоенная демонстрация, какую мне когда-либо приходилось видеть».

Руководствуясь указанием полицейского, я пошел вниз по Вильгельмштрассе до Рейхсканцлерплац, где Гитлер, стоя на балконе, производил смотр войскам.

«Там не было и двухсот человек. Гитлер казался угрюмым и рассерженным и очень скоро ушел с балкона… То, что я видел сегодня вечером, возрождает веру в немецкий народ. Он настроен против войны».

Очередные вести, поступавшие в канцелярию из-за границы, тоже не радовали. Из Будапешта сообщили: правительства Югославии и Румынии предупредили правительство Венгрии, что в случае нападения ее войск на Чехословакию они предпримут против Венгрии военные действия. В результате война могла распространиться на Балканы, а это в планы Гитлера не входило.

Новости из Парижа оказались и того хуже. От немецкого военного атташе пришла телеграмма с грифом «очень срочно». Адресована она была не только министерству иностранных дел, но и ОКВ и генеральному штабу. В ней атташе сообщал, что объявленная во Франции частичная мобилизация сильно смахивает на мобилизацию всеобщую и что «к шестому дню мобилизации можно ожидать развертывания первых 65 дивизий на границе с Германией». Этой силе, насколько было известно Гитлеру, Германия могла противопоставить лишь 10–12 дивизий. Половина из них состояла из резервистов, а их боеспособность вызывала тревогу. Более того, по мнению военного атташе, для Германии оставалась реальной угроза подвергнуться немедленному нападению из Нижнего Эльзаса и Лотарингии в направлении Майнца при первых же попытках с ее стороны предпринять военные действия.

И наконец, как докладывал атташе, итальянцы не делают абсолютно ничего, чтобы сковать французские войска на итало-французской границе. Казалось, что и доблестный союзник Муссолини покинул Гитлера в решающий момент.

Поступили новости от президента Соединенных Штатов и от короля Швеции. Накануне, 26 сентября, Рузвельт обратился к Гитлеру с призывом помочь сохранить мир, и хотя фюрер в течение двадцати четырех часов ответил, что сохранение мира зависит только от Чехословакии, Рузвельт в среду прислал еще одну телеграмму, в которой предлагал немедленно созвать конференцию всех заинтересованных сторон. В этой же телеграмме американский президент отмечал, что если разразится война, то ответственность за нее мировая общественность возложит на Гитлера.

Король Швеции, друг Германии, подтвердивший свою верность в ходе войны 1914–1918 годов, был более откровенен и прямолинеен. Как сообщалось в депеше немецкого посла из Стокгольма, король срочно вызвал его и заявил, что если Гитлер не оттянет указанный им срок (1 октября) на десять дней, то мировая война неминуема и виноват в этом будет фюрер. Более того, войну эту Германия бесспорно проиграет ввиду «расстановки сил между великими державами».

В своем нейтральном прохладном Стокгольме хитрый король мог более объективно оценить сложившуюся ситуацию, по крайней мере военную, чем главы правительств в Берлине, Лондоне и Париже.

Президент Рузвельт, что, вероятно, объяснялось эмоциональностью американцев, смягчил драматизм своих воззваний к Гитлеру отметив, что Соединенные Штаты не примут участия в войне и не возьмут на себя никаких обязательств «в ходе ведущихся переговоров». Немецкий посол в Вашингтоне Ганс Дикхофф тем не менее счел необходимым послать в Берлин «срочнейшую» телеграмму. В ней он предупреждал, что если Гитлер склоняется к войне, в которой ему будет противостоять Великобритания, то есть веские основания полагать, что «вся мощь Соединенных Штатов будет брошена на чашу весов Англии». Здесь посол, обычно робевший, когда доходило до споров с Гитлером, добавлял: «Считаю своим долгом обратить на это серьезное внимание». Он не хотел, чтобы правительство Германии допустило в отношении Америки ту же ошибку, что и в 1914 году.

А что же Прага? Наблюдались ли там проявления слабости? Вечером в ОКВ пришла телеграмма от немецкого военного атташе полковника Туссена: «В Праге спокойно… Завершены последние меры по мобилизации….Общее число призванных составляет около миллиона человек, в полевых войсках — 800 тысяч…» Примерно столько было у Германии на обоих фронтах. Войска Франции и Чехословакии, вместе взятые, превосходили по численности немецкую армию более чем в два раза.

Столкнувшись с этими фактами и учитывая развитие событии, а также прощальные слова Вильсона, характер Чемберлена и его страх перед войной, Гитлер вечером 27 сентября продиктовал премьер-министру письмо. Шмидту, которого вызвали, чтобы перевести письмо, показалось, что диктатор колебался, перед тем как сделать «решающий шаг». Трудно сказать, знал ли Гитлер, что в этот вечер будет издан приказ о мобилизации британского флота. В десять вечера к нему на прием пришел адмирал Редер. Вполне вероятно, что командующему немецкими ВМС было известно о решении англичан. Приказ был подписан в восемь вечера, а в 11.38 о нем было объявлено официально. Возможно, Редер сообщил об этом Гитлеру по телефону. Во всяком случае, прибыв к фюреру, адмирал убеждал его не начинать войну.

Какими сведениями располагал в тот момент Гитлер? Что Прага не покорилась, что в Париже ускоренными темпами идет мобилизация, что Лондон занял более жесткую позицию, что его собственный народ пребывает в состоянии апатии, что его генералы настроены против него, что срок Годесбергского ультиматума истекает в два часа следующего дня.

Его письмо-воззвание к Чемберлену было хорошо продумано. В сдержанных выражениях Гитлер отрицал тот факт, что его предложения полностью лишат

чехов гарантий на существование как нации, что немецкие войска продвинутся дальше демаркационной линии. Гитлер выражал готовность обсудить с чехами детали и «дать гарантии Чехословакии». Чехи держатся только потому, что надеются начать европейскую войну, заручившись поддержкой Англии и Франции, но он, Гитлер, все еще не теряет надежду сохранить мир.

«Я вынужден передать это дело на Ваш суд, — писал он в заключение. Учитывая все факты. Вы сами решите, следует ли Вам продолжать попытки … противодействовать этим маневрам и в последнюю минуту призвать правительство Чехословакии прислушаться к голосу разума».

Последняя минута

Послание Гитлера, отправленное в Лондон телеграфом, Чемберлен получил 27 сентября, в 10.30 вечера. Это произошло в конце напряженного для премьер-министра дня.

Возвратившийся в тот же вечер из Берлина Вильсон привез неутешительные новости, которые вынудили Чемберлена и его кабинет действовать. Было решено отдать приказ о мобилизации флота и вспомогательных сил ВВС, объявить чрезвычайное положение. В парках и на площадях начали рыть траншеи, чтобы укрываться там во время налетов, приступили к эвакуации школьников из Лондона.

Премьер-министр немедленно направил телеграмму президенту Бенешу, в которой приводил полученную из Берлина информацию, свидетельствующую о том, «что немецкая армия получит приказ пересечь границу Чехословакии, если завтра (28 сентября) к 14.00 правительство Чехословакии не примет предложения Германии». Честно предупредив правительство Чехословакии, Чемберлен не мог удержаться, чтобы в конце своего послания не запугать Бенеша: «Немецкая армия займет Богемию, и ни государство, ни группа государств не смогут ничего сделать для спасения Вашего народа и Вашей страны… Такова правда, каков бы ни был результат мировой войны».

Таким образом, Чемберлен возлагал ответственность за начало войны уже не на Гитлера, а на Бенеша. Он высказал о военном положении мнение, которое даже немецкие генералы, как известно, считали безответственным. Тем не менее, добавлял он, он не возьмет на себя ответственность советовать Чехословакии, как поступить. Это она должна решить сама.

Так ли все обстояло на самом деле? Бенеш еще не ответил на эту телеграмму, когда пришла следующая, в которой Чемберлен уже советовал чешскому правительству, как поступить. Он рекомендовал Чехословакии согласиться на ограниченную оккупацию немецкими войсками 1 октября района по берегам рек Эгер и Аш. Он предлагал также создать германо-чешско-британскую пограничную комиссию, которая быстро установит, какие территории отойдут в дальнейшем к Германии[129]. К этому премьер-министр присовокупил следующее предупреждение:

«Единственной альтернативой этому является вторжение и насильственное разделение Чехословакии. Если возникнет конфликт, то он приведет к

многочисленным жертвам; после этого восстановить прежние границы Чехословакии не удастся, каков бы ни был исход конфликта».

Таким образом, друзья предупредили чешское правительство (Франция согласилась с последними предложениями), что, даже если союзники и одержат победу в войне с Германией, Чехословакии придется передать ей Судетскую область. Подоплека была ясна: зачем втягивать Европу в войну, если Судетская область для вас все равно потеряна?

Покончив с этим вопросом, премьер-министр в 8.30 вечера выступил перед нацией по радио:

«Страшно, невероятно, немыслимо! Мы роем траншеи… здесь… из-за спора, разгоревшегося в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем…»

Гитлер получил «почти все, что требовал». Британия гарантировала, что Чехословакия примет предложения и выполнит их.

«Я, не раздумывая ни секунды, готов в третий раз отправиться в Германию, если это принесет пользу…

Как бы мы ни сочувствовали маленькому народу, вступившему в конфликт с сильным соседом, мы не можем только из-за этого вовлекать в войну всю Британскую империю. Если нам и придется воевать, то по более серьезному поводу…

Я сам — человек миролюбивый до глубины души. Мне страшно представить вооруженное столкновение между народами; но если я буду убежден в том, что какая-то нация решила господствовать над миром посредством силы, то соглашусь, что ей надо противостоять. Иначе людям, верящим в свободу, незачем жить; но война — вещь ужасная, поэтому мы должны тщательно все взвесить, прежде чем принять решение, — слишком многое ставится на карту».

Уилер-Беннет отметил, что, прослушав это выступление, большинство англичан легли спать с уверенностью, что в течение двадцати четырех часов Германия и Англия объявят друг другу войну. Однако они не знали, что происходило на Даунинг-стрит в то время, когда они спали.

В 10.30 было доставлено письмо от Гитлера. За эту соломинку премьер-министр радостно уцепился. Вот что ответил он Гитлеру:

«Прочитав Ваше письмо, я пришел к выводу, что Вы сможете достичь всего очень быстро и не прибегая к войне. — Я готов сам немедленно прибыть в Берлин, чтобы обсудить вместе с вами и с правительством Чехословакии подготовительные меры по передаче территорий в присутствии представителей Франции и Италии, если Вы того пожелаете. Я убежден, что в течение недели мы придем к соглашению. Я не поверю, что из-за задержки на несколько дней решения давно возникшей проблемы Вы возьмете на себя ответственность начать мировую войну, которая может привести к гибели цивилизации».

Была также отправлена телеграмма Муссолини, в которой содержалась просьба склонить фюрера принять изложенный план и согласиться прислать на планируемую встречу своего представителя,

Премьер-министр давно вынашивал идею этой конференции. Еще в июле в своем послании из Берлина сэр Невилл Гендерсон предложил организовать такую встречу. Он выражал надежду, что четыре державы — Германия, Италия, Англия и Франция решат судетский вопрос. Но министерство иностранных дел напомнило послу и премьер-министру, что будет трудно исключить «другие державы» из числа участников конференции. «Другие державы» — это Россия, у которой с Чехословакией был заключен пакт о взаимопомощи. Вернувшийся из Годесберга Чемберлен был убежден, причем вполне обоснованно, что Гитлер никогда не согласится на встречу, в которой будет принимать участие Советский Союз. Да и сам премьер-министр не жаждал встречаться с русскими. Хотя любой мало-мальски грамотный человек в Англии понимал, что участие Советского Союза на стороне западных держав в войне против Германии необычайно важно, о чем Черчилль неоднократно напоминал правительству, этот аспект, казалось, ускользнул из поля зрения премьер-министра. Как известно, он отверг предложение России созвать конференцию после аншлюса для выработки мер по обузданию дальнейшей агрессии Германии. Несмотря на гарантии, данные Москвой Чехословакии, и постоянные заверения Литвинова, что гарантии эти будут выполнены, Чемберлен не намеревался допускать вмешательства Советского Союза в выполнение плана по поддержанию мира путем передачи Судетской области Германии.

Но до среды 28 сентября он еще не думал о том, чтобы исключить из состава участников конференции и Чехословакию. 25 сентября, после того как Прага отклонила требования Годесбергского меморандума, премьер-министр вызвал к себе посла Чехословакии в Лондоне Яна Масарика и предложил Чехословакии согласиться на переговоры в рамках «международной конференции, в которой смогут принять участие Германия, Чехословакия и другие страны». На следующий день чешское правительство согласилось с этим предложением. Как мы знаем, в своем послании Гитлеру, отправленном поздно вечером 27 сентября, Чемберлен указывал, что представители Чехословакии должны быть включены в число участников конференции наряду с Германией, Италией, Францией и Великобританией.

«Черная среда» и заговор Гальдера против Гитлера

День 28 сентября — «Черная среда» — еще только занимался, а Берлин, Прага, Лондон и Париж уже были охвачены мрачными настроениями. Война казалась неизбежной.

«Вряд ли можно сейчас избежать большой войны, — записал Йодль слова Геринга, сказанные утром. — Она может продолжаться семь лет, и мы ее выиграем».

В Лондоне полным ходом шло рытье траншей, эвакуация школьников, больниц. На парижских вокзалах поезда брали штурмом, на дорогах, ведущих из столицы, образовывались пробки. Аналогичную картину можно было наблюдать на западе Германии. В то утро в дневнике Йодля появилась запись о беженцах из пограничных районов Германии. В два часа дня истекал срок

Годесбергского меморандума, и ничто еще не говорило о том, что его требования будут приняты Прагой. Однако активность на Вильгельмштрассе возросла: туда то и дело приезжали послы Франции, Англии и Италии. Но население об этом не знало, как не знали об этом и многие генералы.

Для некоторых из них, в том числе для Гальдера, начальника генерального штаба, настало время выполнить намеченный план и сместить Гитлера, не дав ему втянуть фатерланд в большую войну, которую, как они предчувствовали, Германия проиграет. Весь сентябрь заговорщики, согласно показаниям тех, кто остался жив, тщательно разрабатывали план[130].

Генерал Гальдер поддерживал тесные контакты с полковником Остером и его шефом в абвере адмиралом Канарисом, который сообщал ему обо всех предпринимаемых Гитлером в области политики шагах, а также знакомил с донесениями разведки. Как известно, заговорщики предупредили Лондон о том, что Гитлер намерен напасть на Чехословакию в конце сентября, и просили правительство Британии недвусмысленно дать понять, что в случае нападения Германии на Чехословакию Англия совместно с Францией откроют военные действия. В течение нескольких месяцев генерал фон Вицлебен, командующий Берлинским военным округом, который должен был выделить войска для переворота, испытывал некоторые колебания. Он подозревал, что Лондон и Париж тайно предоставили Гитлеру свободу действий на Востоке и, следовательно, не вступят в войну за Чехословакию, — точка зрения, которую разделяли некоторые генералы и усиленно пропагандировали Гитлер с Риббентропом. Если это было правдой, то, с точки зрения таких генералов, как Вицлебен и Гальдер, переворот с целью свержения Гитлера терял всякий смысл. На данном этапе они стремились свергнуть фюрера, чтобы избежать участия Германии в большой войне, которую она была не в состоянии выиграть. Однако опасности большой войны уже не существовало, если Чемберлен собирался отдать Гитлеру то, что он требовал от Чехословакии, без войны. Отпадала и необходимость свергать фюрера.

Чтобы разобраться в позиции Англии и Франции, полковник Остер и Гизевиус организовали встречу Гальдера и фон Вицлебена с Шахтом, который в военных верхах не только высоко котировался как человек, финансировавший перевооружение Германии, и до сих пор оставался членом кабинета, но и считался помимо всего прочего специалистом по Англии. Шахт уверил собравшихся, что Англия будет воевать, если Гитлер предпримет вооруженное нападение на Чехословакию.

Эрих Кордт, один из заговорщиков, сотрудник министерства иностранных дел, поздно вечером 13 сентября узнал, что Чемберлен готов «немедленно прибыть самолетом» для поисков мирного способа урегулирования чешского кризиса. Это сообщение посеяло ужас в среде заговорщиков. Они полагали, что с партийного съезда в Нюрнберге Гитлер вернется в Берлин, и планировали организовать путч тогда же или на другой день. Но фюрер в столицу не вернулся[131]. Вместо этого он уехал в Мюнхен, а оттуда 14 сентября в Берхтесгаден, где ждал британского премьера, который собирался прибыть на следующий день.

В ужас заговорщиков повергли два обстоятельства. Во-первых, их план мог быть реализован только при условии, если бы Гитлер находился в Берлине. Они были уверены, что после партийного съезда. в Нюрнберге чешский кризис обострится и фюрер сразу же вернется в столицу. Во-вторых, некоторые заговорщики, как и англичане, полагали, что Чемберлен летит в Берхтесгаден с целью предупредить Гитлера, чтобы он не повторял той ошибки, которую совершил Вильгельм II в 1914 году, и чтобы сообщить, как поступит Англия в случае германской агрессии. Но Кордт знал кое-что еще. Он видел текст срочного послания Чемберлена Гитлеру, в котором премьер-министр объяснял, что хочет увидеться с Гитлером, «чтобы постараться найти мирные способы решения проблемы». Более того, он видел телеграмму своего брата Теодора Кордта, советника немецкого посольства в Лондоне, датированную тем же днем, в которой тот заверял, что премьер готов поддержать все требования Гитлера относительно Судетской области.

«Это нанесло, — пишет Кордт, — сокрушительный удар по нашим планам. Было бы абсурдно устраивать путч и свергать Гитлера в тот момент, когда британский премьер прибывал в Германию, чтобы обсудить с ним проблему «мира во всем мире».

Между тем вечером 15 сентября, согласно воспоминаниям Эриха Кордта, Пауль Шмидт, тоже участник заговора, который, как известно, исполнял обязанности переводчика и был единственным очевидцем встречи Гитлера с Чемберленом, сообщил Кордту о намерении фюрера захватить всю Чехословакию и о выдвинутых им Чемберлену непомерных требованиях в надежде, что «они будут отклонены». После такого сообщения настроение у заговорщиков поднялось. В тот же вечер Кордт поведал об этом полковнику Остеру, после чего было решено привести план в исполнение, как только Гитлер приедет в Берлин. «Но прежде, — сказал Остер, — необходимо заполучить птичку в берлинскую клетку».

Птичка прилетела в «клетку» из Годесберга по окончании переговоров вечером 24 сентября. К утру «черной среды» (28 сентября) Гитлер находился в Берлине уже около четырех дней. 26-го он сжег все мосты во время своего выступления в Шпортпаласте, а 27 сентября отправил Вильсона назад в Лондон с пустыми руками. Британское правительство отреагировало мобилизацией флота и предупреждением, посланным в Прагу, о близящемся нападении Германии. В течение этого дня, как известно, он отдал приказ ударным частям занять рубежи на чешской границе и быть готовым к действиям 30 сентября, то есть через три дня.

Чего же ждали заговорщики? Все условия, которые они сами для себя определили, были соблюдены. Гитлер прибыл в Берлин. Он намеревался начать войну. Он назвал дату нападения на Чехословакию — 30 сентября. Нужно было немедленно организовать путч, иначе свергать диктатора и предотвращать войну оказалось бы поздно.

Кордт заявляет, что 27 сентября заговорщики определили точную дату действий — 29 сентября. Гизевиус в своих показаниях, данных в Нюрнберге, а позднее в своей книге утверждает, что генералы Гальдер и Вицлебен хотели действовать немедленно, то есть 28 сентября, после того, как накануне вечером получили «высокомерное письмо» Гитлера, в котором он предъявлял «оскорбительные требования» Чемберлену.

«Остер получил копию этого высокомерного письма поздно вечером 27 сентября, — пишет Гизевиус, — а утром 28 сентября отнес его Вицлебену. Вицлебен отправился с письмом к Галъдеру. Теперь наконец начальник генерального штаба имел желаемое доказательство того, что Гитлер не блефовал, а действительно стремился к войне.

По щекам Гальдера текли слезы негодования… Вицлебен настаивал, что пришло время действовать. Он уговорил Гальдера встретиться с Браухичем. Вскоре Гальдер вернулся и сказал, что у него хорошие новости: Браухич также возмущен и, вероятно, присоединится к путчу».

Напрашивается предположение, что в письме при переписывании появились добавления или генералы неверно поняли его смысл, ведь составлено оно было в таких умеренных тонах, изобиловало обещаниями «вступить в переговоры с Чехословакией относительно деталей» — даже предоставить ей «формальные гарантии», казалось, дышало жаждой примирения, побуждая Чемберлена не оставлять своих попыток, что премьер-министр немедленно дал телеграмму Гитлеру с предложением созвать конференцию великих держав для обсуждения деталей и одновременно Муссолини с просьбой поддержать это предложение.

Об этой попытке умиротворения, сделанной в последнюю минуту, генералы могли и не знать, но фон Браухич, будучи главнокомандующим сухопутными войсками, вероятно, о чем-то догадывался. Согласно Гизевиусу, Вицлебен позвонил Браухичу из кабинета Гальдера, сообщил, что все готово, и просил его возглавить восстание. Но главнокомандующий дал уклончивый ответ. Он сказал Гальдеру и Вицлебену, что сначала поедет в канцелярию фюрера, чтобы убедиться, верно ли разобрались в ситуации генералы. Гизевиус пишет, что Вицлебен поспешил в свой штаб. «Гизевиус, — взволнованно прокричал он, время пришло!»

В одиннадцать утра 28 сентября на столе у Кордта зазвенел телефон звонил Чиано из Рима, он хотел срочно переговорить с министром иностранных дел Германии. Риббентропа на месте не оказалось — он находился в рейхсканцелярии, — и итальянский министр иностранных дел попросил соединить его с послом Бернардо Аттолико. Немцы подслушали этот разговор и записали. Оказалось, что говорить собирался не зять Муссолини, а сам Муссолини.

Муссолини: Это говорит дуче. Вы слышите меня?

Аттолико: Да, я вас слышу.

Муссолини: Просите канцлера немедленно вас принять. Передайте ему, что британское правительство через лорда Перта[132] просило меня быть посредником в решении судетского вопроса. Разногласия очень незначительны. Передайте канцлеру, что я и фашистская Италия на его стороне. Конечно, он сам будет принимать решение, но скажите ему, что я за то, чтобы принять предложение англичан. Вы слышите меня?

Аттолико: Да, я вас слышу.

Муссолини: Поторопитесь!

Задыхаясь, с красным от волнения лицом (так описывает эту сцену переводчик Шмидт), посол Аттолико прибыл в канцелярию, где узнал, что у Гитлера в кабинете уже находится посол Франции. Господину Франсуа-Понсе нелегко было туда пробиться. Накануне, поздно вечером, Бонне, французский министр иностранных дел, вознамерившись превзойти Чемберлена, позвонил своему послу в Берлине и приказал при первой возможности встретиться с Гитлером и предложить французский план оккупации Судетской области, который был гораздо щедрее английского. Если в предложениях премьер-министра, переданных Гитлеру в одиннадцать вечера 27 сентября, оккупации до 1 октября подлежала зона I — территория крошечного анклава, то по французскому плану до 1 октября оккупации подле жали три большие зоны — почти все территории, о которых шла речь.

Это было заманчивое предложение, но французскому послу стоило больших трудов довести его до сведения Гитлера. 28 сентября, в 8 часов утра, он попросил по телефону аудиенции у канцлера. Не получив до 10 часов утра ответа, он спешно направил к немецким генералам своего военного атташе, чтобы тот сообщил им о предложении, которое никак не мог передать сам посол. Он даже призвал на помощь английского посла. Сэр Невилл Гендерсон, готовый услужить всем, кто стремился предотвратить войну, позвонил Герингу. Фельдмаршал пообещал, что постарается организовать встречу. Гендерсон, в общем-то, старался для себя, так как ему было велено представить Гитлеру «окончательное обращение премьер-министра», то самое, которое Чемберлен составил накануне вечером. В нем он уверял Гитлера, что тот сможет добиться всего, чего хочет, «очень быстро и не прибегая к войне», и предлагал созвать конференцию великих держав для разработки деталей.

Гитлер принял Франсуа-Понсе в 11.15 утра. Канцлер был напряжен и нервничал. Французский посол склонял его принять французские предложения, чтобы спасти Европу от войны. При этом он размахивал картой, где были отмечены большие куски чешской территории, которую главная союзница Чехословакии преподносила Гитлеру на блюдечке. Несмотря на отрицательные, по словам Франсуа-Понсе, комментарии Риббентропа, Гитлер был приятно поражен, особенно, как отмечает Шмидт, картой, на которой были обозначены щедрые подношения.

В 11.40 встреча неожиданно прервалась. Вошел курьер и сообщил, что прибыл посол Аттолико со срочным посланием от Муссолини. Гитлер и Шмидт вышли из кабинета, чтобы встретиться с запыхавшимся итальянцем.

? У меня для вас срочное послание от дуче! — прокричал Аттолико хриплым голосом, едва войдя в комнату. Вручая послание, он передал, что дуче умоляет Гитлера повременить с мобилизацией.

По рассказам Шмидта, единственного оставшегося в живых очевидца этой встречи, именно тогда было принято решение о мире. Наступил полдень — до истечения срока ультиматума, предъявленного чехам, оставалось два часа.

? Передайте дуче, — отвечил Гитлер Аттолико с заметным облегчением, что я принимаю его предложение.

Напряжение начало спадать. Вслед за Аттолико и Франсуа-Понсе к Гитлеру прибыл посол Гендерсон.

? По просьбе моего друга и союзника Муссолини, — сказал Гитлер Гендерсону, — я отложил мобилизацию на двадцать четыре часа[133].

Свое решение по другим вопросам, в частности по вопросу о созыве конференции держав, он обещал сообщить после того, как посоветуется с Муссолини.

Начались продолжительные телефонные переговоры между Римом и Берлином. Шмидт уверяет, что однажды два фашистских диктатора вели непосредственные переговоры. За несколько минут до истечения срока ультиматума Гитлер принял решение и распорядился быстро разослать приглашения главам правительств Англии, Франции и Италии встретиться с ним в Мюнхене завтра в полдень для обсуждения чешского вопроса. Ни в Прагу, ни в Москву приглашения не послали. Посчитали, что Россию, одного из гарантов целостности Чехословакии в случае нападения на нее Германии, допускать на конференцию нецелесообразно. Чехословакию не пригласили присутствовать даже во время подписания ей смертного приговора.

В своих воспоминаниях Невилл Чемберлен главную роль в умиротворении отводит Муссолини. В этом его поддерживают большинство историков, писавших о данном периоде истории Европы[134]. Это явное преувеличение. Италия была самой слабой из великих держав, а ее военная мощь настолько незначительна, что немецкие генералы, как видно из документов, относились к ней с юмором. Германия принимала в расчет только Англию и Францию. И именно британский премьер-министр с самого начала вознамерился убедить Гитлера в том, что он сможет получить Судетскую область, не прибегая к войне. Чемберлен, а не Муссолини сделал возможным Мюнхен, сохранив такой ценой мир ровно на одиннадцать месяцев. Во что обошелся этот его подвиг стране, союзникам и друзьям — мы выясним позднее, но с любой точки зрения последствия оказались ужасающими.

Без пяти три в «черную среду», которая уже не казалась такой черной, как утром, британский премьер-министр в палате общин начал свою речь, в которой давал детальный отчет о чешском кризисе, о своей роли и роли правительства в его урегулировании. Положение, которое он обрисовал, все еще оставалось неустойчивым, но улучшилось. Муссолини, сказал он, смог уговорить Гитлера отложить мобилизацию на двадцать четыре часа. В 4.15, когда Чемберлен, проговорив час и двадцать минут, готовился закончить свою речь, его прервали. Сэр Джон Саймон, лорд казначейства, вручил ему записку, которая была передана на переднюю скамью министров лордом Галифаксом, занимавшим место на галерее пэров.

«Какое бы мнение благородные члены палаты не имели о синьоре Муссолини, — говорил Чемберлен, — я верю, что каждый приветствует его мирный жест…»

Здесь премьер-министр остановился, заглянул в записку и улыбнулся:

«Это не все. У меня есть еще что сказать палате. Господин Гитлер приглашает меня встретиться с ним в Мюнхене завтра утром. Он пригласил также синьора Муссолини и месье Даладье. Синьор Муссолини приглашение принял. Не сомневаюсь, что и месье Даладье его примет. Излишне говорить, каков будет мой ответ…»

Действительно, об этом излишне было говорить. Древнее здание «матери парламентов» сотряслось от массовой истерии, которую в этих стенах не приходилось наблюдать за всю историю его существования. Собравшиеся громко кричали, подбрасывали в воздух свои бумаги, многие плакали. И в этот момент, перекрывая весь этот шум, раздался чей-то голос: «Благодарим тебя, боже, за нашего премьер-министра!»

Ян Масарик, чешский посол, сын основателя Чехословацкой республики, наблюдал за всем этим из дипломатической галереи и не верил собственным глазам. Позднее он нанес визит премьер-министру и министру иностранных дел на Даунинг-стрит, чтобы узнать, будут ли приглашены в Мюнхен представители его страны, приносящей такую жертву. Чемберлен и Галифакс ответили, что не будут, так как Гитлер этого не потерпит.

Масарик смотрел на двух благочестивых англичан и с трудом сдерживал себя. «Если вы принесли в жертву мой народ, чтобы сохранить мир, — сказал он наконец, — то я первый буду аплодировать вам. Но если нет, джентльмены, то пусть бог спасет ваши души!»

А что же заговорщики — генерал Гальдер, генерал фон Вицлебен, Шахт, Гизевиус, Кордт и другие? Ведь еще до полудня того рокового дня они, по словам Вицлебена, считали, что время настало. Ответить можно их же словами, правда сказанными гораздо позднее, когда все было кончено и они стремились доказать всему миру, будто всегда выступали против Гитлера и его безумной политики, способствовавшей превращению Германии после долгой и жестокой войны в руины. Они заявляли, что Невилл Чемберлен просто негодяй: согласившись приехать в Мюнхен, он заставил их в последнюю минуту отменить план свержения Гитлера и нацистского режима!

25 февраля 1946 года, когда долгий Нюрнбергский процесс уже близился к концу, генерала Гальдера допрашивал в частном порядке капитан Сэм Харрис, молодой юрист из Нью-Йорка, работавший тогда в составе американского обвинения.

«Планировалось, — рассказывал Гальдер, — занять силами войск рейхсканцелярию и те правительственные учреждения, в частности министерства, которыми руководили нацисты и сторонники Гитлера. Мы были намерены избежать кровопролития; потом арестованные должны были предстать перед судом всего немецкого народа.

…В тот день (28 сентября), в полдень, ко мне в кабинет зашел Вицлебен. Мы обсудили положение дел. Он хотел, чтобы я отдал приказ действовать. Мы обсудили, сколько ему понадобится времени и т. д. Во время нашего разговора пришло известие о том, что британский премьер-министр и французский премьер согласились приехать к Гитлеру для дальнейших переговоров. Это произошло в присутствии, Вицлебена. Тогда я отменил приказ, так как полученные новости ль шали наш план всякого смысла…

Мы были абсолютно уверены в успехе. Но вот приехал господин Чемберлен и одним махом ликвидировал опасность возникновения войны… Час для применения силы так и не настал… Оставалось ждать более подходящего случая…»

«Если я правильно вас понял, вы утверждаете, что, не прилети Чемберлен в Мюнхен, вы бы привели свой план в исполнение и Гитлер был бы свергнут?«уточнил капитан Харрис.

«Могу только сказать, что мы привели бы план в исполнение, — ответил Гальдер, — а увенчался бы он успехом — не знаю».

Доктор Шахт, и в показаниях, данных в Нюрнберге, и в своих послевоенных книгах преувеличивавший собственную роль в заговорах против Гитлера, тоже обвиняет в провале плана 28 сентября Чемберлена:

«Дальнейший ход истории наглядно показал, что первая попытка государственного переворота под моим и Вицлебена руководством была единственной, которая действительно могла бы стать поворотным пунктом в истории Германии. Только этот переворот планировалось предпринять в удобный момент… Осенью 1938 года еще можно было рассчитывать на то, что Гитлер предстанет перед верховным судом. Все последующие попытки избавиться от него были сопряжены с покушением на его жизнь… Я подготовил переворот в удобное время и обеспечил ему стопроцентный успех. Но история рассудила иначе. Вмешательство иностранных государственных деятелей явилось фактором, который я не мог предусмотреть».

Гизевиус, выступавший в Нюрнберге в роли твердого сторонника Шахта, добавил:

«Случилось невероятное — Чемберлен и Даладье летели в Мюнхен. Наше выступление было обречено. Несколько часов я еще полагал, что мы можем выступить. Но Вицлебен быстро доказал мне, что войска не захотят пойти против победоносного фюрера… Чемберлен спас Гитлера».

Спас ли? Или это послужило оправданием для немецких заговорщиков военных и гражданских?

На допросе в Нюрнберге Гальдер объяснял капитану Харрису, что для успешных «революционных действий» необходимы были три условия:

«Первое условие — четкое и решительное руководство. Второе условие готовность масс принять идею революции. Третье условие — верно выбранный момент. Нам казалось, что твердое руководство у нас есть, то есть первое условие выполнено. Второе условие тоже можно было считать выполненным, потому что… немецкий народ не хотел войны. Следовательно, народные массы могли поддержать революционную идею из страха перед войной. Третье условие выбор момента — тоже было соблюдено, так как мы ожидали приказа о начале боевых действий в течение ближайших сорока восьми часов. Исходя из этого, мы были уверены в успехе. Но вот приехал господин Чемберлен и одним махом ликвидировал опасность войны».

Утверждение генерала Гальдера, что первое условие было выполнено, вызывает сомнение. Если имелось «четкое и решительное руководство», то почему генералы пребывали в нерешительности целых четыре дня? В их распоряжении было достаточно войск, чтобы сбросить Гитлера и нацистский режим: у Вицлебена — целый армейский корпус, расквартированный в Берлине и его окрестностях, у Брокдорф-Алефельда — отборная пехотная дивизия в районе Потсдама, у Хефнера — танковая дивизия на юге, а в самой столице у

двух высокопоставленных полицейских чинов фон Хельдорфа и фон Шуленбурга крупные силы вооруженной полиции, которые могли прийти на помощь. Все эти офицеры, согласно показаниям самих же заговорщиков, ждали лишь приказа Гальдера, чтобы ринуться в бой, имея превосходство в силах. Что касается берлинцев, насмерть перепуганных тем, что Гитлер вот-вот начнет войну, то они спонтанно поддержали бы переворот — об этом автор судит не понаслышке.

Приступили бы к действиям Гальдер и Вицдебен, если бы Чемберлен не прилетел, или нет — ответить на этот вопрос категорично не представляется возможным. Если учесть настроение этих генералов в тот момент и предположить, что они стремились свергнуть Гитлера не с целью положить конец тирании и террору, а чтобы избежать войны, которую опасались проиграть, то можно согласиться, что они привели бы свой план в исполнение, если бы не состоялась встреча в Мюнхене. Пока мы не располагаем информацией о том, насколько хорошо был организован заговор, насколько готовы были войска, насколько Гальдер и Вицлебен были близки к тому, чтобы отдать приказ к выступлению. Все, чем мы располагаем, — это утверждения горстки участников заговора, которые после войны всеми силами старались доказать свою оппозиционность национал-социализму. В их показаниях и в том, что они написали в свою защиту, много противоречий и несоответствий[135].

Если, как утверждают заговорщики, они действительно готовы были осуществить свой план, то поездка Чемберлена в Мюнхен, конечно, выбивала у них почву из-под ног. Однако вряд ли генералы смогли бы арестовать Гитлера и судить его как военного преступника, когда было очевидно, что ему вот-вот удастся совершить крупные завоевания, не прибегая к войне. Впрочем, среди массы неясностей один момент не вызывает сомнений — ив этом доктор Шахт прав — другого такого случая свергнуть Гитлера, положить конец третьему рейху, спасти Германию и весь мир от войны немецким заговорщикам не представилось.

Немцы, если такое обобщение допустимо, имеют слабость: они очень любят обвинять в своих неудачах иностранцев. Ответственность Чемберлена и Галифакса, Даладье и Бонне за Мюнхен, а следовательно, и за все катастрофические последствия огромна. Но у них есть хотя бы частичное оправдание за то, что они не прислушались достаточно серьезно к предупреждениям группы «мятежных» немцев — военных и гражданских, которые ранее ревностно служили Гитлеру. Они сами или по крайней мере их советники в Лондоне и Париже могли припомнить факты из недавней истории Германии: армия помогла прийти к власти бывшему ефрейтору-австрийцу; армия радовалась представившейся возможности перевооружиться; армия не возражала против уничтожения свободы личности при национал-социализме; армия ничего не сделала, когда был убит генерал фон Шлейхер или когда был отправлен в отставку по сфабрикованному обвинению генерал фон Фрич; еще совсем недавно армия активно участвовала в акте насилия над Австрией, предоставив для этого войска. Поэтому, какой бы ни была вина архиумиротворителей из Лондона и Парижа, а она безусловно велика, факт остается фактом: немецкие генералы и их гражданские соратники по заговору не смогли выступить в нужный момент.

Капитуляция в Мюнхене: 29–30 сентября 1938 года

В маленьких кафе баварской столицы Гитлер начинал свою политическую деятельность. В Мюнхене он потерпел фиаско во время «пивного путча». Теперь он в качестве победителя встречал здесь глав правительств Англии и Франции. Было 12.30 29 сентября.

В этот день, рано утром, он отправился в Куфштейн, город на бывшей австро-германской границе, чтобы встретить Муссолини и договориться о совместных действиях во время конференции. По пути в Мюнхен Гитлер пребывал в воинственном настроении и по карте объяснял дуче, как он намерен «ликвидировать» Чехословакию. Или переговоры, которые должны начаться сегодня, пройдут успешно, или он вынужден будет прибегнуть к оружию. Чиано, присутствовавший при этом, вспоминает, что Гитлер добавил: «Наступит время, когда нам придется бок о бок сражаться против Франции и Англии». Муссолини согласился.

Чемберлен не предпринял аналогичной попытки — не искал встречи с Даладье, чтобы выработать политику противостояния двух западных демократий двум фашистским диктаторам. Многим из нас, кто общался с английской и французской делегациями, стало ясно: Чемберлен прибыл в Мюнхен в полной уверенности, что никто — ни чехи, ни даже французы не будут препятствовать его скорейшей договоренности с Гитлером[136]. Что касается Даладье, весь день пребывавшего словно в оцепенении, то вряд ли стоило его остерегаться, но премьер-министр решил все-таки не рисковать.

Переговоры, начавшиеся в 12.45 в так называемом Фюрерхаусе на Кенигплац, проходили спокойно и скорее напоминали формальную передачу Гитлеру того, что он хотел получить в назначенные им сроки. Шмидт, в обязанности которого входило осуществлять перевод переговоров на три языка немецкий, английский и французский, отмечает, что с самого начала на переговорах возникла «атмосфера всеобщей доброй воли». Посол Гендерсон впоследствии вспоминал, что «на переговорах не было момента, когда бы атмосфера накалялась». Председательствующего не выбирали. Общение носило неформальный характер и, согласно немецкому отчету, опубликованному после войны, британский и французский премьеры лезли из кожи вон, добиваясь взаимопонимания с Гитлером, даже после того, когда он в начале переговоров сказал: в своей речи в Шпортпаласте он объявил, что вторжение в любом случае начнется 1 октября. Ему ответили, что подобные действия будут расценены как акт агрессии. Отсюда вытекает задача действовать так, чтобы это не было расценено как акт агрессии, тем не менее начать действовать необходимо немедленно.

Собравшиеся перешли к делу после того, как выступил Муссолини. Он говорил третьим, Даладье — последним. Муссолини сказал, что, «чтобы способствовать практическому решению проблемы», он привез с собой четкие предложения в письменном виде. Я полагаю, что для Чемберлена источник этих предложений оставался неизвестным до самой смерти. Из мемуаров Франсуа-Понсе и Гендерсона явствует, что и они ничего не знали о предложениях. История их возникновения стала известна только после смерти обоих диктаторов.

То, что дуче от своего имени выдвинул в качестве компромиссного решения, на самом деле было в спешном порядке составлено в Берлине Герингом,

Нейратом и Вайцзекером за спиной министра иностранных дел фон Риббентропа, которому эти трое не доверяли. Геринг показал проект Гитлеру, и тот решил, что он может сработать. Тогда Шмидт спешно перевел текст проекта на французский, после чего он был передан итальянскому послу Аттолико, который на следующий день передал его по телефону в Рим итальянскому диктатору, незадолго до того, как дуче сел в поезд, чтобы отправиться в Мюнхен. Вот что представляли собой «итальянские предложения», которые не только предопределили повестку дня переговоров, но и легли в основу Мюнхенского соглашения. Все это было заранее состряпано в Берлине[137].

Это было видно из текста, который очень напоминал отвергнутый Годесбергский ультиматум. Но этого не поняли ни Даладье с Чембер леном, ни их послы, присутствовавшие на переговорах. В немецких записях отмечается, что премьер «приветствовал предложения дуче, составленные в реалистичном духе». Он заметил также, что «приветствует предложения дуче, так как видит в них решение проблемы». Посол Гендерсон позднее писал, что, по его мнению, Муссолини «тактично выдал за свое сочетание англо-французских предложений и предложений Гитлера». У посла Франсуа-Понсе сложилось впечатление, что собравшиеся положили в основу английский меморандум, составленный Горацием Вильсоном. Как легко было обмануть английских и французских государственных деятелей и дипломатов, добивавшихся умиротворения любой ценой!

Теперь, когда «итальянские» предложения были так тепло встречены собравшимися, оставалось уточнить незначительные детали. Чем-берлен, как бывший бизнесмен и министр финансов, захотел узнать, кто выплатит Чехословакии компенсацию за общественную собственность, которая перейдет к Германии вместе с Судетской областью. Гитлер, который, согласно воспоминаниям Франсуа-Понсе, был бледен и взволнован, так как в отличие от Муссолини не мог следить за переговорами на французском и английском, резко ответил, что никакой компенсации не будет. Когда премьер-министр, ссылаясь на положение, согласно которому чехи, покидающие Судетскую область, не могли брать с собой скот (это было одно из Годесбергских требований), воскликнул: «Значит ли это, что фермеров вышлют, а их скот оставят?» — Гитлер взорвался и закричал на Чемберлена: «Наше время слишком дорого, чтобы тратить его на такие мелочи!» Далее премьер-министр эту тему не развивал.

Сначала он настаивал на том, чтобы чешский представитель присутствовал на переговорах или, как он выразился, «находился в пределах досягаемости». Его страна, заявил он, «не может дать полной гарантии, что эвакуация с территории Судетской области будет закончена к 10 октября (такой срок был указан в предложениях Муссолини), если не будет заявлений об этом со стороны правительства Чехословакии». Даладье неохотно его поддержал. По его словам, французское правительство «не потерпит промедления со стороны чешского правительства», но он полагал, что «было бы желательно присутствие представителей Чехословакии, с которыми можно было бы при необходимости проконсультироваться».

Однако Гитлер был непреклонен. Он заявил, что не потерпит присутствия чехов. Даладье постепенно сдался, но Чемберлен выиграл в конце концов мелкую уступку. Договорились, что чешские представители смогут находиться «в соседней комнате», как выразился премьер-министр.

И действительно, во время вечернего заседания прибыли два представителя Чехословакии — доктор Войтех Мастны, посол Чехословакии в Берлине, и доктор Хуберт Масарик из министерства иностранных дел. Холодно встретив, их проводили в прилегающую к помещению переговоров комнату. Там они просидели в томительном ожидании с двух до семи, после чего на них, образно выражаясь, обвалилась Крыша. В семь часов к ним вошел Фрэнк Эштон-Гуэткин, член комиссии Ренсимена, а теперь человек из свиты Чемберлена, и обрушил на них дурные вести: достигнуто общее соглашение, о деталях которого он ничего сказать еще не может, но ясно одно — условия его гораздо жестче, чем франко-британские предложения. Когда Масарик спросил, получат ли возможность выступить представители Чехословакии, англичанин, как вспоминал впоследствии сам Масарик, заметил, что он, вероятно, не представляет, насколько тяжелое положение великих держав, и не понимает, как трудно вести переговоры с Гитлером.

В десять часов вечера двух несчастных чехов проводили к сэру Горацию Вильсону, верному советнику премьер-министра. Вильсон от имени Чемберлена ознакомил их с основными пунктами четырехстороннего соглашения и вручил карту Судетской области, на которой были отмечены территории с населением, подлежащим немедленной эвакуации. Когда чехи попытались протестовать, англичанин резко оборвал их, заметив, что ему больше нечего сказать, и быстро вышел из комнаты. Чехи заявили протест Эштон-Гуэткину, который находился с ними, но их протесты оказались тщетными.

«Если вы не примете условий, — уговаривал он их, — то вам придется улаживать свои дела с Германией один на один. Может быть, французы изложат вам то же самое в более мягкой форме, но, поверьте мне, они разделяют нашу точку зрения. Они — незаинтересованная сторона».

Это было правдой, какой бы горькой она ни оказалась для представителей Чехословакии. Во втором часу ночи 30 сентября[138] Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье (именно в таком порядке) поставили свои подписи под Мюнхенским соглашением, позволявшим немецкой армии вступить на территорию Чехословакии 1 октября, как и обещал Гитлер, и закончить оккупацию Судетской области к 10 октября. Гитлер получил то, в чем ему было отказано в Годесберге.

Оставался один болезненный момент — по крайней мере, для жертв сообщить чехам, с чем они должны расстаться и в какие сроки. Гитлера и Муссолини эта процедура не интересовала, они ушли, перепоручив сделать это союзникам Чехословакии — представителям Франции и Англии. Эта сцена живо описана Масариком в его отчете министерству иностранных дел Чехословакии.

«В половине второго утра нас проводили в зал заседаний, где находились господин Чемберлен, месье Даладье, сэр Гораций Вильсон, месье Леже (генеральный секретарь французского министерства иностранных дел), господин Эштон-Гуэткин… Атмосфера была гнетущей, вот-вот должны были зачитать приговор. Французы нервничали, заботясь о сохранении собственного престижа. Господин Чемберлен в длинной вступительной речи ссылался на соглашение, а затем вручил его текст доктору Мастны…»

Чехи начали задавать вопросы.

«…Господин Чемберлен все время зевал, даже не пытаясь прикрывать рот. Я спросил Даладье и Леже, ожидают ли они какого-либо ответа от нашего правительства или заявления по поводу соглашения. Даладье — очевидно, от растерянности — молчал. Леже объяснил, что главы четырех правительств не располагают временем, и поспешно добавил с нарочитой небрежностью, что ответа не требуется, что план принят и что нашему правительству необходимо в этот же день, самое позднее в три часа дня, прислать своего представителя в Берлин на заседание комиссии и что человек, которого правительство пришлет, должен быть в Берлине и в субботу, чтобы уточнить детали, связанные с эвакуацией из первой зоны. Он заметил, что атмосфера во всем мире все более накаляется.

Он говорил с нами довольно резко, и это француз… Господин Чемберлен не скрывал скуки. Нам передали вторую карту с небольшими поправками. После этого с нами было покончено и мы могли удалиться».

Я помню этот роковой вечер — победный блеск в глазах Гитлера, спускавшегося после встречи по широким ступенькам Фюрерхауса, напыщенность Муссолини, одетого в сшитую по специальному заказу форму, позевывание Чемберлена и его состояние блаженной сонливости по возвращении в отель «Регина Палас». В тот вечер я записал в своем дневнике:

«Даладье казался сломленным и подавленным. Он заехал в «Регину», чтобы попрощаться с Чемберленом… Кто-то спросил, вернее, начал спрашивать: «Месье президент, вы удовлетворены соглашением?» Он обернулся, словно хотел что-то ответить, но был слишком утомлен и подавлен, чтобы говорить, и предпочел уйти молча…»

Чемберлен еще не закончил дискуссию с Гитлером о всеобщем мире. Поэтому на следующий день, 30 сентября, после нескольких часов освежающего сна, довольный результатами своего труда, проделанного накануне, он встретился с Гитлером на его мюнхенской квартире, чтобы обсудить положение дел в Европе в будущем. Кроме того, он намеревался упрочить свое положение в политической жизни Англии, для чего хотел просить Гитлера о небольшой уступке.

Согласно воспоминаниям переводчика Шмидта, бывшего единственным свидетелем этой неожиданной встречи, Гитлер был не в настроении. Он рассеянно слушал разглагольствования главы британского правительства, выражавшего уверенность в том, что Германия «проявит великодушие при проведении в жизнь Мюнхенского соглашения», и надежду, что чехи «не будут столь неразумны, чтобы чинить препятствия», а если они все-таки будут создавать трудности, то Гитлер не подвергнет бомбардировке Прагу, так как это повлечет «многочисленные жертвы среди гражданского населения». Таково было начало длинной и путаной речи. Невозможно было бы поверить, что произнес ее британский премьер-министр, накануне заискивавший перед немецким диктатором, если бы речь эта не была записана в официальном меморандуме германского министерства иностранных дел. Даже сегодня, читая трофейные документы, трудно в это поверить.

Сказанное премьер-министром явилось только прелюдией к тому, что последовало дальше. После того, что угрюмому немецкому диктатору показалось нескончаемым потоком предложений о дальнейшем сотрудничестве в

деле прекращения гражданской войны в Испании, которую немецкие и итальянские «добровольцы» выигрывали для Франко, дальнейшем разоружении, экономическом процветании в мире, политическом спокойствии в Европе и даже о решении русского вопроса, премьер-министр извлек из кармана листок бумаги, на котором он изложил это в надежде, что они с Гитлером подпишут «документ» и немедленно его опубликуют.

«Мы, фюрер Германии и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих сторон и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англогерманское морское соглашение как символизирующие желание наших двух народов никогда больше не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, что метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочитал заявление и быстро его подписал, к большому удовлетворению Чемберлена, как отмечает Шмидт в официальном отчете о встрече. У переводчика создалось впечатление, что «фюрер подписал его с некоторой неохотой… скорее для того, чтобы доставить удовольствие Чемберлену», который, как вспоминает далее переводчик, «очень тепло поблагодарил фюрера… и подчеркнул, что ожидает от опубликования этого документа большого психологического эффекта».

Введенный в заблуждение премьер-министр не знал того, что стало позднее известно из трофейных немецких и итальянских документов, а именно, что на встрече в Мюнхене Гитлер и Муссолини договорились при необходимости сражаться «плечом к плечу» против Великобритании. Не разгадал он, в чем мы вскоре убедимся, и много другого, что уже зрело в мрачном мозгу фюрера.

Чемберлен вернулся в Лондон, а Даладье — в Париж с триумфом. Размахивая заявлением, которое он подписал совместно с Гитлером, ликующий премьер-министр приветствовал толпу, запрудившую Даунинг-стрит. Выслушав возгласы «Да здравствует старый добрый Невилл!» и песню «Потому что он веселый парень», Чемберлен, улыбаясь, произнес несколько слов из окна второго этажа дома номер десять: «Друзья мои! Во второй раз в нашей истории сюда, на Даунинг-стрит, из Германии прибывает почетный мир.[139] Я верю, что мы будем жить в мире».

«Таймс» заявила, что «ни один завоеватель, возвратившийся с победой с поля битвы, не был увенчан такими лаврами». Спонтанно возникло движение за основание «Национального фонда благодарения» в честь Чемберлена, но он великодушно отклонил это предложение. Только Дафф Купер, первый лорд адмиралтейства, покинул кабинет и подал в отставку, да еще Уинстон Черчилль во время дебатов в палате общин произнес исторические слова (тогда это был глас вопиющего в пустыне): «Мы потерпели полное и сокрушительное поражение». В этом месте, как вспоминал он позднее, ему

пришлось прерваться, чтобы переждать бурю протестов против такого заявления.

В Праге настроение было, естественно, совсем иным. В 6.20 утра 30 сентября германский поверенный в делах поднял с постели чешского министра иностранных дел доктора Крофту, вручил ему текст Мюнхенского соглашения и сообщил, что правительству Чехословакии надлежит к пяти вечера того же дня прислать в Берлин двух представителей на первое заседание «международной комиссии» по надзору за исполнением соглашения.

У президента Бенеша, который все утро совещался во дворце Градчаны с политическим и военным руководством, не оставалось другого выхода, кроме как подчиниться. Англия и Франция предали его страну, более того, они встали бы на сторону Гитлера, если бы ему вздумалось применить военную силу в случае непринятия Чехословакией условий Мюнхенского соглашения. В десять часов Чехословакия капитулировала. В официальном заявлении говорилось, что при этом был «выражен протест». В своем обращении к народу Чехословакии, сделанном по радио в пять утра, новый премьер генерал Сыровы с горечью говорил: «Все нас покинули. Мы боремся в одиночку».

До последней минуты Англия и Франция оказывали давление на страну, которую бросили на произвол судьбы и предали. В течение всего дня английский, французский и итальянский послы наезжали к доктору Крофте, чтобы убедиться, что чехи в последний момент не взбунтуются против капитуляции. Поверенный в делах Германии доктор Хенке так описывал это в своем послании в Берлин:

«Соболезнования французского посла были встречены резким ответом министра иностранных дел: «Нас просто поставили в безвыходное положение; теперь все подошло к концу; сегодня наш черед, завтра настанет черед для других». Английский посол старался уверить Крофту, что Чемберлен сделал все возможное, но получил такой же ответ, что и французский. Министр иностранных дел был совершенно подавлен и мечтал только об одном — чтобы все три посла скорее удалились».

По настоянию из Берлина президент Бенеш подал в отставку 5 октября. После того как стало ясно, что жизнь его находится в опасности, он вылетел в Англию. Его пост временно занял генерал Сыровы. 30 ноября президентом того, что осталось от Чехо-Словакии (с этого момента название государства писалось именно через дефис), Национальное собрание избрало 66-летнего доктора Эмиля Гаху, главного судью верховного суда.

Те территории Чехословакии, которые Чемберлен и Даладье не смогли передать Германии в Мюнхене, отдала ей так называемая международная комиссия. В этот спешно сформированный орган вошли итальянский, французский и английский послы, чешский посол в Берлине и барон фон Вайцзекер из германского министерства иностранных дел. Любой спорный вопрос о передаче дополнительных чехословацких территорий Германии разрешался в пользу последней. Нередко в таких случаях Гитлер и ОКВ угрожали применением военной силы. В конце концов 13 октября комиссия проголосовала за отмену плебисцита на территориях, где он должен был проводиться в соответствии с Мюнхенским соглашением. Нужда в нем отпала.

Польша и Венгрия, угрожая применением военной силы против беззащитной Чехословакии, словно стервятники, поспешили урвать свой кусок. Польше по настоянию министра иностранных дел Юзефа Бека (это имя будет часто встречаться на страницах книги, когда речь пойдет о событиях 1939 года) досталась территория в районе Тешина площадью 650 квадратных миль с населением 228 тысяч человек, из которых 133 тысячи были чехами. Венгрия отхватила кусок пожирнее — 7500 квадратных миль с населением 500 тысяч венгров и 272 тысячи словаков. Эта территория была выделена ей 2 ноября во время встречи Риббентропа и Чиано.

Более того, раздробленной и беззащитной стране по наущению Берлина надлежало создать пронемецкое правительство явно фашистского толка. Стало очевидно, что впредь существование Чехословакии будет всецело зависеть от вождя третьего рейха.

Последствия Мюнхена

По условиям Мюнхенского соглашения Гитлер получил все то, что он требовал в Годесберге, а международная комиссия под давлением его угроз дала ему еще больше. Окончательное соглашение, подписанное 20 ноября 1938 года, обязывало Чехословакию отдать Германии 11 тысяч квадратных миль своей территории, на которой проживало 2 миллиона 800 тысяч судетских немцев и 800 тысяч чехов. На этой территории размещалась широко разветвленная система чешских укреплений, считавшихся самыми неприступными в Европе, уступая разве что линии Мажино во Франции.

Но это еще не все. В Чехословакии была нарушена сложившаяся система железных и шоссейных дорог, телеграфная и телефонная связь. Согласно немецким данным, расчлененная страна лишилась 66 процентов своих запасов каменного угля, 80 процентов запасов бурого угля, 86 процентов запасов сырья для химической промышленности, 80 процентов цемента, 80 процентов текстильной промышленности, 70 процентов электроэнергии и 40 процентов леса. Процветающая индустриальная держава в одну ночь была разорена и разорвана на части.

Неудивительно, что Йодль в ночь подписания Мюнхенского соглашения радостно записал в своем дневнике:

«Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше не существует… Фюрер с его гением и целеустремленностью, которую не поколебала даже опасность возникновения мировой войны, опять одержал победу без применения силы. Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно».

Многие из сомневавшихся были переубеждены, а те немногие, кого переубедить не удалось, впали в отчаяние. Генералы Бек, Гальдер, Вицлебен и их гражданские советники опять ошиблись в своих расчетах. Гитлер получил то, что хотел, — совершил очередное великое завоевание без единого выстрела. Его престиж достиг высот необычайных. Никто из проживавших тогда в Германии, в том числе и автор данной книги, вероятно, не забыл того восторга, который охватил немцев после подписания Мюнхенского соглашения. Они вздохнули с облегчением — ведь опасность

войны миновала; они чрезвычайно гордились бескровной победой Гитлера не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией. Они не уставали повторять, что всего в течение полугода он завоевал Австрию и Судетскую область, увеличил население третьего рейха на 10 миллионов человек, захватил огромную, важную в стратегическом отношении территорию, после чего перед Германией открылась возможность добиваться господства в Юго-Восточной Европе. И при этом не погиб ни один немец! Интуиция гения помогла ему не только предугадать слабость малых государств Центральной Европы, но и провидеть поведение двух крупнейших государств Англии и Франции и заставить их подчиниться его воле. Он изобрел и применил на практике с невероятным успехом стратегию и методы «политической войны», сводившей на нет необходимость войны как таковой.

Примерно за четыре с половиной года этот человек, не отличавшийся знатностью происхождения, превратил безоружную, ввергнутую в хаос и практически разоренную Германию, которая считалась самой слабой из больших государств Европы, в самое сильное государство Старого Света, перед которым трепетали даже Англия и Франция.

Ни на одной ступени этого восхождения державы-победительницы не осмелились остановить его, даже когда у них имелись для этого силы. В Мюнхене, где была зафиксирована его величайшая победа, Англия и Франция наперебой старались поддержать Германию. Но больше всего удивляло Гитлера, как, впрочем, Бека, Хасселя и других членов немногочисленной оппозиции, одно: никто из высоких политических деятелей, входивших в состав правительств Англии и Франции («жалкие черви», как называл их Гитлер в частных беседах после Мюнхена), не осознавал, к каким последствиям приведет их попустительство каждому новому агрессивному шагу нацистского вождя.

В Англии это понимал, казалось, один Уинстон Черчилль. Никто не смог сформулировать последствия Мюнхена так сжато, как он в своей речи, произнесенной в палате общин 5 октября:

«Мы потерпели полное и сокрушительное поражение… Мы находимся в центре грандиозной катастрофы. Путь вниз по Дунаю… дорога к Черному морю открыты… Все государства Центральной Европы и бассейна Дуная одно за другим будут попадать в орбиту широкой системы нацистской политики… которая диктуется из Берлина… И не надо думать, что этим все кончится. Это только начало».

Но Черчилль не являлся членом правительства, и его предупреждения были оставлены без внимания.

Была ли неизбежна англо-французская капитуляция в Мюнхене? Блефовал Адольф Гитлер или нет?

Теперь мы знаем ответ на оба вопроса. Как это ни парадоксально, но в обоих случаях он отрицателен. Все генералы, близкие Гитлеру, которым удалось пережить войну, соглашаются с тем, что если бы не Мюнхенское

соглашение, то фюрер напал бы на Чехословакию 1 октября 1938 года. Они полагают, что вопреки сомнениям Лондона, Парижа и Москвы Англия, Франция и Россия все равно оказались бы втянуты в войну.

И, что особенно важно, немецкие генералы в один голос заявляли, что Германия проиграла бы эту войну, причем в кратчайшие сроки. Аргументы защитников Чемберлена и Даладье — а их в то время было подавляющее большинство — насчет того, что Мюнхен спас Запад не только от войны, но и от поражения в войне, в частности спас Лондон и Париж от полного разрушения в результате варварских бомбардировок люфтваффе, опровергают по двум последним пунктам те, кто знал положение дел лучше остальных, а именно сами немецкие генералы, особенно те, кто фанатично поддерживал Гитлера до самого конца.

Ориентиром для этих генералов служил Кейтель, беспредельно преданный Гитлеру и всегда принимавший его сторону. Когда в Нюрнберге его спросили, какова была реакция немецких генералов на подписание Мюнхенского соглашения, он ответил:

«Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому что… всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления чешских пограничных укреплений. С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию[140].

Военные эксперты союзников всегда считали, что немецкая армия прорвет рубежи чешской обороны. К показаниям Кейтеля, который утверждает, что все обстояло не так, нужно добавить свидетельство фельдмаршала Манштейна, ставшего впоследствии одним из крупнейших и талантливейших немецких военачальников. Когда он в свою очередь давал показания в Нюрнберге (в отличие от Кейтеля и Йодля ему не грозил смертный приговор), то на вопрос о немецкой позиции по поводу Мюнхена ответил:

«Если бы началась война, то ни наша западная граница, ни наша польская граница не могли быть защищены должным образом. Не вызывает сомнений, что если бы Чехословакия решилась защищаться, то ее укрепления устояли бы, так как у нас не было средств для их прорыва».

Йодль, считавшийся «мозговым трестом» ОКВ, пытаясь оправдаться в Нюрнберге, сформулировал это следующим образом:

«Несомненно, что пять боевых дивизий и семь резервных, находившихся на нашей западной границе, которая представляла собой всего лишь огромную строительную площадку, не смогли бы сдержать натиска ста французских дивизий. С военной точки зрения это невозможно».

Если, как утверждают эти генералы, гитлеровской армии не хватало средств для прорыва чешских укреплений, если французские войска на западной границе значительно превосходили по численности немецкие, что делало ситуацию «непредсказуемой с военной точки зрения», если настроения среди генералов были столь мрачными, что даже начальник генерального штаба готовил заговор против Гитлера, чтобы избежать безнадежной войны, то почему об этом не знали генштабисты Англии и Франции? Или знали? А если знали, то как случилось, что главы правительств Англии и Франции принесли

в Мюнхене в жертву жизненные интересы своих стран? В поисках ответа на эти вопросы мы сталкиваемся с тайной мюнхенского периода, которая до сих пор не раскрыта. Даже Черчилль, особенно скрупулезный в военных вопросах, едва касается этой темы в своих объемистых мемуарах.

Невозможно поверить, что английский и французский генеральные штабы и правительства этих стран не знали о нежелании генерального штаба немецких сухопутных войск участвовать в европейской войне. Как известно, берлинские заговорщики в августе — сентябре по крайней мере по четырем каналам предупреждали об этом англичан. Известно также, что информация эта поступила самому Чемберлену. В начале сентября в Париже и Лондоне, вероятно, узнали об отставке генерала Бека и о том, какие последствия повлечет для немецкой армии уход этого талантливого военачальника.

В то время в Берлине английская и французская разведки считались довольно осведомленными. Трудно поверить, что верховное командование в Лондоне и Париже не знало об очевидной слабости немецкой армии и авиации, о их неспособности вести войну на два фронта. Так что же, кроме врожденной мнительности, заставляло начальника штаба французских сухопутных войск генерала Гамелена сомневаться в том, что он, имея под началом почти сто дивизий, легко справится с пятью регулярными и семью резервистскими немецкими дивизиями, сметет их и глубоко проникнет на территорию Германии?

Как вспоминал позднее сам Гамелен, основания для сомнения были. 12 сентября, когда на заключительном заседании партийного съезда Гитлер метал громы и молнии в адрес Чехословакии, французский генерал уверял премьера Даладье, что если дело дойдет до войны, то «страны демократии продиктуют условия мира». Он утверждал, что даже написал письмо, в котором объяснял свой оптимизм. В разгар чешского кризиса, точнее, сразу после встречи в Годесберге Гамелен, сопровождавший главу своего правительства в Лондон, 26 сентября повторил свои заверения Чемберлену и постарался подкрепить их анализом военной обстановки. Он стремился расшевелить не только британского, но и своего премьер-министра. Это ему, по всей видимости, не удалось. В конце концов, перед тем как Даладье отбыл в Мюнхен, Гамелен объяснил ему, на какие территориальные уступки в Судетской области можно пойти, не опасаясь за безопасность Франции, объяснил, что основные чешские укрепления, важные в стратегическом отношении железные дороги, предприятия оборонной промышленности нельзя отдавать немцам. Кроме того, он добавлял, что ни в коем случае нельзя позволять немцам отрезать Моравский коридор. Совет сам по себе неплохой, но только в том случае, если Чехословакия понадобилась бы Франции в войне против Германии. А как известно, Даладье на это не решался.

Много говорили о том, что одной из причин капитуляции Чемберлена на мюнхенских переговорах явился страх: Лондон будет регулярно подвергаться бомбежкам. Несомненно, что и французов не радовала перспектива увидеть свою великолепную столицу в развалинах. Из того, что нам сегодня известно о мощи люфтваффе той поры, можно заключить, что лондонцы и парижане, а также английский и французский премьер-министры напрасно беспокоились. Военная авиация Германии так же, как и армия, была сосредоточена на границе с Чехословакией и так же, как и армия, была неспособна вести серьезные боевые действия на Западе. Даже если несколько бомбардировщиков и могли быть выделены для бомбардировок Лондона и Парижа, то мало

вероятно, чтобы они достигли цели. Истребительная авиация у англичан и французов была довольно слаба, немцы же не могли выделить истребители сопровождения своим бомбардировщикам, даже если бы таковые нашлись, поскольку базы их истребителей находились слишком далеко.

Выдвигался и другой аргумент — в основном послами Франсуа-Пенсе и Гендерсоном: Мюнхенское соглашение якобы помогло западным демократиям выиграть целый год, чтобы догнать по вооружению Германию. Факты опровергают такое утверждение. Черчилль, которого поддерживают все серьезные военные историки стран-союзниц, писал: «Промежуток длиной в год, якобы «выигранный» в Мюнхене, поставил Англию и Францию в положение худшее, чем то, в котором они находились во время мюнхенского кризиса». Как мы убедимся далее, немецкие военные расчеты, сделанные через год, подтвердят это положение, а дальнейший ход событий устранит всякие сомнения.

Сегодня, зная содержание секретных немецких документов и послевоенных показаний самих немцев, можно нарисовать картину во всей ее полноте, что было совершенно нереально в дни Мюнхена.

1 октября 1938 года Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и третьего рейха. Если бы войну удалось предотвратить в последний момент из-за вмешательства армии, то генералы Гальдер, Вицлебен и их сторонники свергли бы Гитлера, как и планировали, то есть в тот момент, когда он отдал бы приказ напасть на Чехословакию.

Гитлер, публично хвастаясь, что 1 октября в любом случае введет войска в Судетскую область, ставил себя в довольно опасное положение. Позиция его была «весьма уязвимой», как и предвидел генерал Бек. Если бы после всех своих категоричных заявлений он постарался самостоятельно выбраться из затруднительного положения, то долго не просуществовал бы, поскольку диктатура есть диктатура. Выпутаться из создавшейся ситуации Гитлеру было бы необычайно трудно, а то и просто невозможно, и если бы он попытался это сделать, то падение престижа в Европе, в собственной стране и среди его генералов стало бы для него роковым.

Фанатичное желание Чемберлена дать Гитлеру то, чего тот хотел, его поездки в Берхтесгаден, Годесберг и, наконец, его роковая поездка в Мюнхен спасли Гитлера, укрепили его позиции в Европе, в Германии, в армии настолько, насколько он и предположить не мог за несколько недель до Мюнхена. Мюнхен укрепил позиции Германии по отношению к западным демократиям и Советскому Союзу.

Для Франции Мюнхен обернулся катастрофой. Трудно понять, почему этого не поняли в Париже. Военное значение Франции в Европе было сведено на нет. По сравнению с полностью отмобилизованной немецкой армией французская армия составляла только половину. По производству оружия Франция также уступала Германии. Правда, Франция состояла в союзнических отношениях с малыми государствами Восточной Европы — Чехословакией, Польшей, Югославией и Румынией и эти страны, вместе взятые, имели военный потенциал «великой державы». Однако утрата 35 хорошо обученных и вооруженных чешских дивизий и укреплений, которые могли сдержать даже

превосходящую по мощи немецкую армию, значительно ослабила французскую армию. И это еще не все. Как могли восточные союзники Франции верить после Мюнхена подписанным ею договорам? Высоко ли ценился теперь союз с Францией? В Варшаве, Бухаресте, Белграде на этот вопрос отвечали однозначно: не очень высоко. В этих столицах старались, пока не поздно, заключить выгодную сделку с нацистским завоевателем.

Активность Москвы также повысилась. Хотя Советский Союз и состоял в военном союзе с Францией и Чехословакией, Франция вместе с Германией и Англией единодушно исключили Россию из числа участников встречи в Мюнхене. Это был выпад, который Сталин запомнил. Через несколько месяцев западным демократиям пришлось за это расплачиваться. 3 октября, через четыре дня после мюнхенской встречи, Вернер фон Типпельскирх, советник германского посольства в Москве, докладывал в Берлин о последствиях Мюнхена для политики Советского Союза. Он полагал, что «Сталин сделает выводы»; он был уверен, что Советский Союз «пересмотрит свою внешнюю политику»; отношение к союзной Франции станет менее дружественным, а отношение к Германии — более положительным. Немецкий дипломат считал, что «сложившиеся обстоятельства предоставляют возможность для нового, более широкого экономического соглашения с Советским Союзом». Впервые в секретных немецких архивах упоминается об изменениях в политическом курсе Берлина и Москвы, пока еще едва заметных, но через год приведших к важным последствиям.

Несмотря на свою удивительную победу и то унижение, которое он заставил испытать не только Чехословакию, но и Англию с Францией, Гитлер был разочарован результатами мюнхенской встречи. Шахт слышал, как на обратном пути в Берлин фюрер говорил сопровождавшим его эсэсовцам: «Этот парень (Чемберлен) испортил мое вступление в Прагу». А ведь именно этого Гитлер добивался, именно об этом твердил генералам начиная с 5 ноября минувшего года. По его мнению, захват Австрии и Чехословакии явился всего лишь предварительным шагом перед походом на Восток за «жизненным пространством» и решением военного вопроса на Западе. 20 сентября во время беседы с венгерским премьер-министром он заявил, что самое лучшее — «уничтожить Чехословакию». Это, по его мнению, было бы «единственным удовлетворительным решением». Он боялся только одного — чехи могли принять его требования.

И вдруг мистер Чемберлен хватает свой известный во всем мире зонт, отправляется в Мюнхен, заставляет чехов принять все требования и, таким образом, лишает его, Гитлера, военной победы. Так, согласно записям, думал Гитлер после Мюнхена. «Мне с самого начала было ясно, — признавался он позднее своим генералам, — что Судетско-Немецкая область меня не удовлетворит. Это решение половинчатое».

Через несколько дней после подписания Мюнхенского соглашения немецкий диктатор начал приводить в исполнение план, согласно которому следовало решить эту проблему окончательно.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ ПЕРЕСТАЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ

Не прошло и десяти дней с того момента, когда Адольф Гитлер поставил свою подпись под Мюнхенским соглашением, еще не завершилась мирная оккупация Судетской области, а фюрер уже направил генералу Кейтелю, начальнику штаба ОКБ, совершенно секретное послание.

1. Какие при сложившейся ситуации требуются пополнения, чтобы полностью подавить сопротивление чехов в Богемии и Моравии?

2. Сколько необходимо времени для перегруппировки или переброски новых сил?

3. Сколько времени понадобится для этой же цели после демобилизации и ответных мер?

4. Сколько потребуется времени, чтобы готовность войск была достигнута к 1 октября?

11 октября Кейтель послал Гитлеру срочную телеграмму, в которой давал на эти вопросы обстоятельные ответы. Он заверил фюрера, что понадобится не так много времени и не слишком крупные пополнения. В Судетской области к этому моменту дислоцировались 24 дивизии, в том числе три танковые и четыре моторизованные. «ОКВ полагает, — сообщал Кейтель, — что операцию можно будет начать, не дожидаясь подкреплений, ввиду имеющихся в настоящее время признаков слабости сопротивления чехов».

Получив такие заверения, Гитлер через десять дней высказал свое мнение высшему генералитету.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Берлин, 21 октября 1938 г.

Задачи, которые предстоит решать вооруженным силам, и указания, связанные с подготовкой к ведению войны, будут мной изложены в специальной директиве.

До вступления в силу этой директивы вооруженные силы должны быть во всяком случае готовы к выполнению следующих задач:

1) оборона границы германской империи и защита от внезапных воздушных налетов;

2) окончательная ликвидация остальной части Чехии;

3) овладение Мемельской областью.

Мемель[141], порт на Балтийском море с населением около 40 тысяч человек, был утрачен Германией в результате Версальского договора и вошел в состав Литвы. Поскольку Литва была меньше и слабее, чем Австрия и Чехословакия, захват одного из ее городов не составлял для вермахта проблемы. В своей

директиве Гитлер говорил просто о его «аннексии». Относительно Чехословакии он заявил:

«Необходимо обеспечить возможность в любой момент разгромить оставшуюся часть Чехии, если она попытается проводить враждебную Германии политику.

Меры подготовки, которые вооруженным силам надлежит принять с этой целью, будут по своему объему гораздо ограниченнее, чем те, которых в свое время потребовал план «Грюн». Но, не предусматривая планомерной мобилизации, они должны обеспечивать постоянную и значительно более высокую степень боевой готовности. Структура, организация и степень боевой готовности предусмотренных для выполнения упомянутых задач частей и соединений должны уже в мирное время учитывать предстоящее нападение на Чехию, чтобы лишить ее всякой возможности организованной защиты. Цель нападения: быстро овладеть территорией Чехии и выставить заслон на ее границе со Словакией».

Словакию, конечно, можно было отторгнуть и политическими средствами, что сделало бы необязательным привлечение немецкой армии. Такая задача была поставлена перед министерством иностранных дел Германии. В начале октября Риббентроп и его сотрудники оказывали давление на Венгрию, настоятельно рекомендуя ей требовать своей доли территории Словакии. Однако, когда Венгрия, аппетит которой не надо было подогревать, предложила захватить Словакию немедленно, на Вильгельмштрассе топнули ногой. Там вынашивали иные планы относительно будущего этой территории. Чешское правительство, сформированное в Праге сразу после Мюнхена, предоставило Словакии широкую автономию. Министерство иностранных дел Германии посоветовало относиться к сложившейся ситуации терпимо… до поры до времени. Немецкие планы касательно Словакии наиболее полно отразил д-р Эрнст Верман, директор политического отдела министерства иностранных дел, в своем меморандуме от 7 октября. «Независимая Словакия, — говорилось в меморандуме, — будет конституционно слабым государством, что облегчит Германии задачу проникновения и расселения на Востоке».

Наступил новый поворотный момент в истории третьего рейха. Впервые Гитлеру предстояло завоевать ненемецкие земли. На протяжении предшествующих шести недель он убеждал Чемберлена — публично и в частных беседах, — что Судетская область его последнее территориальное притязание в Европе. И хотя британский премьер, приняв слова Гитлера на веру, проявил непостижимую недальновидность, были тем не менее основания полагать, что немецкий диктатор остановится, только полностью «переварив» тех немцев, которые раньше жили за пределами рейха, а теперь оказались в пределах его границ. Разве Гитлер не повторял неоднократно, что не потерпит чехов в третьем рейхе? Разве не писал он в «Майн кампф», не упоминал в своих выступлениях, развивая нацистское учение, что для того, чтобы Германия была сильной, ей необходимо стать чистой в расовом отношении страной, избавившись от других народов, особенно славян? Упоминал. Но он заявлял также, о чем в Лондоне, вероятно, забыли, чуть ли не на каждой странице «Майн кампф», что будущее Германии связано с завоеванием «жизненного пространства» на Востоке завоеванием земель, более тысячи лет принадлежавших славянским народам.

«Неделя битых стекол»

Осень 1938 года в истории нацистской Германии стала еще одним поворотным моментом. Произошло событие, которое позднее в партийных кругах получило название «недели битых стекол».

7 ноября семнадцатилетний беженец Гершель Гриншпан, немец еврейского происхождения, стрелял в третьего секретаря немецкого посольства в Париже Эрнста фон Рата и смертельно ранил его. Отец этого юноши попал в число 10 тысяч евреев, подлежавших депортации в Польшу. Поступок Гриншпана явился актом мести за отца и всех преследуемых в нацистской Германии евреев. Он пришел в немецкое посольство с целью убить посла графа Иоганнеса фон Вельчека. Третий секретарь вышел узнать, что нужно молодому человеку, и Гриншпан выстрелил в него. Ситуация, как выяснилось, сложилась парадоксальная, так как Рат находился под наблюдением гестапо из-за своих антинацистских настроений. Во всяком случае, он никогда не разделял антисемитских воззрений правителей третьего рейха.

8 ночь на 10 ноября, вскоре после того, как партийные бонзы во главе с Гитлером и Герингом отпраздновали очередную годовщину «пивного путча» в Мюнхене, в стране начался погром, какого третий рейх еще не знал. Согласно заявлениям Геббельса и немецкой прессы, это были «стихийные» выступления немцев, узнавших об убийстве в Париже. После войны из захваченных секретных нацистских документов выяснилось, насколько эти выступления были «стихийными».

Согласно секретному донесению председателя партийного суда майора Вальтера Буха, д-р Геббельс издал инструкцию о «стихийных демонстрациях», которые необходимо было организовать и провести в течение ближайшей ночи. Истинным же организатором демонстраций был угрюмый Рейнхард Гейдрих, человек номер два в СС после Гиммлера, шеф секретной службы СД и гестапо. Среди трофейных документов обнаружены и его приказы, отправленные по телетайпу накануне вечером.

В 1.20 он отправил по телетайпу срочное послание в штабы и участки полиции и СД с приказом «обсудить организацию демонстрации» совместно с руководителями партии и СС.

«а) Должны приниматься только такие меры, которые не будут представлять опасности для жизни и имущества немцев (например, синагогу можно поджечь только в том случае, если не существует угрозы, что пожар перекинется на соседние дома).

б) Деловые и частные дома евреев могут быть разрушены, но не разграблены…

г) …

2) полиция не должна разгонять демонстрации…

5) арестовано может быть столько евреев, особенно богатых, сколько их поместится в имеющихся тюрьмах… После их ареста надлежит немедленно связаться с соответствующим концентрационным лагерем, чтобы препроводить их в этот лагерь в кратчайшие сроки».

Ужасной была эта ночь в Германии. Горели синагоги, дома евреев, магазины. Несколько мужчин, женщин и детей были застрелены или убиты иным способом при попытке выбраться из своих горящих жилищ. На следующий день, 11 ноября, Гейдрих конфиденциально докладывал Герингу о предварительных результатах.

«Результаты разрушения еврейских магазинов и домов пока сложно выразить в точных цифрах… 815 разрушенных магазинов, 171 сожженный или разрушенный дом — это только часть уничтоженного вследствие поджогов… 119 синагог было сожжено, 76 полностью разрушено… Арестовано 20 тысяч евреев. По донесениям, убито 36 человек, столько же серьезно ранено. Все убитые и раненые — евреи…»

Принято считать, что точная цифра, отражающая число убитых той ночью евреев, в несколько раз превосходит предварительные сведения. На следующий день в докладе Гейдриха фигурировала цифра 7500 — столько еврейских магазинов было разграблено. Имели место случаи изнасилования. Партийный суд под председательством майора Буха, по его собственному признанию, считал эти преступления более тяжкими, чем убийства, так как в этом случае нарушались Нюрнбергские расовые законы, по которым арийцам запрещалось вступать в сношения с евреями. Нарушителей этого закона исключали из партии, и они представали перед гражданским судом. Члены же партии, которые убивали евреев, не могли быть наказаны, как доказывал майор Бух, поскольку они просто выполняли приказ. «Абсолютно все, — писал он, — понимают, что политические движения, вроде событий 9 ноября, организовывались и проводились партией, признается это или нет».

Несчастья, обрушившиеся на ни в чем не повинных немецких евреев после убийства Рата в Париже, на убийствах, поджогах и мародерстве не закончились. Евреям пришлось платить за собственность, которой они лишились. Государство конфисковало причитающиеся им по закону страховые суммы. Более того, всем евреям предстояло уплатить штраф на общую сумму один миллиард марок в качестве наказания, по определению Геринга, «за их гнусные преступления». Решение об этом дополнительном наказании было принято на походившем на фарс заседании десятка министров и высших государственных деятелей под председательством тучного фельдмаршала, состоявшемся 12 ноября. Сохранилась часть стенограммы этого заседания.

Некоторые немецкие страховые агентства оказались бы на гран! банкротства, если бы выплатили свой долг владельцам пострадавших домов (хотя в домах размещались еврейские магазины, сами дома принадлежали неевреям). Одних только стекол, по сообщению Хилгарда, представлявшего интересы страховых компаний, было разбито на 5 миллионов марок. Он напомнил Герингу, что большую часть стекла придется ввозить из-за границы и платить за это валютой, которой у Германии не так уж много.

«Так не может продолжаться! — воскликнул Геринг, который являлся властелином германской экономики. — Если это случится, мы не выживем! Это невозможно!» Потом он повернулся к Гейдриху и закричал: «Лучше бы вы убили двести евреев, вместо того чтобы уничтожать столько ценностей!»[142]

«Было убито тридцать пять евреев», — напомнил Гейдрих.

Не весь разговор, сохранившаяся часть стенограммы которого насчитывает около 10 тысяч слов, носил столь серьезный характер. Геббельс и Геринг много шутили, рассуждая о новых способах унижения евреев. Министр пропаганды предложил использовать евреев на расчистке от обломков тех мест, где раньше стояли синагоги, а на расчищенных пространствах оборудовать автомобильные стоянки. Он настаивал на том, чтобы евреев изгоняли отовсюду: из школ, театров, кино, с курортов, пляжей, из парков и лесов Германии. Он предложил ввести на железной дороге специальные вагоны и купе для евреев, а также правило, в соответствии с которым они могли входить в вагон только после того, как займут свои места арийцы.

«…Если поезд окажется переполнен, — смеялся Геринг, — мы вышвырнем еврея вон — пусть всю дорогу сидит в клозете».

Когда Геббельс на полном серьезе потребовал, чтобы евреям запретили появляться в немецких лесах, Геринг предложил «отвести им часть лесных угодий и поселить их там вместе со зверями, которые чертовски похожи на евреев — например, у лося такой же горбатый нос…»

Вот в таких или примерно таких беседах проводили время руководители третьего рейха в переломном, 1938 году.

Но вопрос о том, кто будет платить 25 миллионов марок, — таков был ущерб, нанесенный экономике в результате организованного государством погрома, — стоял достаточно серьезно, особенно перед Герингом, который отвечал за экономическое благосостояние нацистской Германии. Хилгард от имени страховых компаний заявил, что если на евреев не будут распространены соответствующие законы, охраняющие интересы частных лиц, то уверенность людей в надежности немецких страховых компаний пошатнется и в стране и за ее пределами. Однако он не видел выхода, при котором мелкие компании могли бы произвести страховые выплаты и при этом не разориться.

Эту проблему быстро решил Геринг: страховые компании заплатят евреям сполна, но суммы эти у последних будут конфискованы государством — таким образом, потери страховым компаниям частично будут возмещены. Это не удовлетворило Хилгарда, который, судя по стенограмме, вероятно, решил, что имеет дело с сумасшедшими.

Геринг: Евреи получат страховку от компаний, но эти деньги будут у них конфискованы. Страховым компаниям это сулит некоторую выгоду, так как им не придется расплачиваться за все убытки. Можете считать, герр Хилгард, что вам чертовски повезло.

Хилгард: У меня нет для этого оснований. Вы называете выгодой то, что нам придется расплачиваться не за все убытки!

Фельдмаршал не привык, чтобы с ним так разговаривали. Он нанес пораженному бизнесмену сокрушительный удар.

Геринг: Минуточку! По закону вам надлежит выплатить пять миллионов, но тут вдруг к вам является ангел в моем весьма объемистом обличье и говорит, что один миллион вы можете оставить себе. Это ли не выгода?! Я готов войти в половинную долю или как там это называется! Что я вижу? Вы дрожите от удовольствия! Вы оторвали лакомый кусок!

Председатель страховых компаний не мог сразу уяснить суть дела. Хилгард: Все страховые компании в конечном счете проигрывают. Так было, и так будет. В обратном меня никто не сумеет убедить.

Геринг: Так почему же вы не позаботились о том, чтобы били меньше стекол?

Когда коммерсант надоел фельдмаршалу, его отпустили. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Представитель министерства иностранных дел заметил, что при разработке дальнейших мер в отношении евреев следует учитывать общественное мнение в Америке[143]. От этого замечания Геринг взорвался: «Это страна негодяев!.. Страна гангстеров!»

После долгих обсуждений было решено поступить следующим образом: изгнать евреев из германской экономики; передать все промышленные предприятия, принадлежащие евреям, их собственность, включая ювелирные изделия и произведения искусства, в руки арийцев с компенсацией в виде долговых обязательств, по которым евреи смогут получать только проценты, но не сам капитал. Практически меры по изгнанию евреев из школ, с курортов, из парков, лесов и т. д., а также вопрос о том, выдворять их из страны после того, как они будут лишены собственности, или заключать в гетто, предстояло решить на дальнейших заседаниях комитета.

В конце встречи Гейдрих суммировал все сказанное: «Несмотря на то что мы изгоним евреев из экономической сферы, нашей основной задачей остается вышибить их из Германии вообще». Граф Шверин фон Крозиг, министр финансов, гордившийся тем, что представляет в нацистском правительстве «старую добрую Германию», согласился, что придется сделать все, чтобы изгнать евреев в другие страны.

Когда же речь зашла о гетто, то он нерешительно заявил: «…Перспектива оказаться в гетто — не самая приятная…»

В 14.30, почти через четыре часа, Геринг прекратил совещание.

«Я закончу наше совещание такими словами: «Немецким евреям придется в качестве наказания за свои гнусные преступления и так далее уплатить один миллиард марок. Это сработает. Эти свиньи не совершат больше убийств. Кстати, должен заметить, что я не хотел бы сейчас быть евреем в Германии».

Много бед обрушилось со временем на евреев по воле этого человека, рейха и его фюрера. А время бежало быстро. В ночь на 9 ноября 1938 года — в ночь, разбуженную погромами и освещенную заревом пожаров, — третий рейх сознательно свернул на темную и страшную дорогу, возврата с которой уже не было. Многие евреи были убиты, замучены и ограблены и раньше, но эти преступления, за исключением тех, что творились в концлагерях, совершали головорезы в коричневых рубашках. Они орудовали, побуждаемые алчностью и желанием удовлетворить свои садистские наклонности, причем государство смотрело на это сквозь пальцы. Теперь само правительство Германии организовало и провело большой погром. Убийства, грабежи, поджоги синагог, домов, магазинов в ночь на 9 ноября — это преступление,

содеянное рейхом. Ему же принадлежат и декреты, опубликованные в официальной газете «Рейхсгезецблатт», — три таких декрета были опубликованы в тот день, когда состоялась встреча у Геринга. В соответствии с этими декретами евреев облагали штрафом в размере миллиарда марок, изгоняли из экономики страны, лишали той собственности, которая у них еще оставалась, и отправляли в гетто и еще более страшные места.

Мировая общественность была потрясена и возмущена варварством, происходившим в стране, хваставшейся своей многовековой христианской и гуманистической культурой. Гитлер в свою очередь был взбешен реакцией мировой общественности и еще раз убедил себя, что это доказывает наличие «всемирного еврейского заговора».

Теперь, в ретроспективе, очевидно, что жестокость, которую рейх обрушил на евреев в ночь на 9 ноября, и варварские методы, которые применялись по отношению к ним позднее, являлись признаками фатальной слабости, которая привела впоследствии диктатора, его режим и нацию к окончательному краху. На страницах этой книги мы встречали много примеров, подтверждающих наличие у Гитлера мании величия. Но до поры до времени он умел сдерживать себя для собственного же блага и для блага своей страны. Были периоды, когда его действия, не только смелые, но и тщательно рассчитанные, помогали ему одерживать одну головокружительную победу за другой. События 9 ноября и их последствия показали, что Гитлер начал терять контроль над собой. Мания величия брала в нем верх. После изучения стенограммы встречи у Геринга 12 ноября стало ясно, что именно Гитлер в ответе за катастрофу, происшедшую я тот ноябрьский вечер; именно с его одобрения была начата эта кампания; именно он требовал от Геринга, чтобы тот очистил Германию от евреев. С этого момента хозяин третьего рейха редко пытался сдерживаться, что спасало его прежде. И хотя в дальнейшем ему еще удавалось одерживать удивительные победы, семя самоуничтожения было посеяно.

Слабость Гитлера передавалась нации подобно вирусу. Будучи очевидцем, автор этих строк может подтвердить, что ад 9 ноября вселил в сердца многих немцев такой же ужас, как в сердца американцев, англичан и других иностранцев. Но при этом ни представители христианской церкви, ни генералы, ни представители «старой доброй» Германии не выступили с открытым протестом. Они смирились с тем, что генерал Фрич назвал «неизбежностью» и «судьбой Германии».

Эйфория, охватившая жителей Европы после подписания Мюнхенского соглашения, быстро улетучилась. Гитлер выступил с речами в Саарбрюкене, Веймаре, Мюнхене. В них он обращался ко всему миру, в частности к англичанам, с советом не лезть не в свои дела и не проявлять озабоченность «судьбой немцев, проживающих в рейхе». Как громогласно заявлял он, их судьба — удел Германии, и только ее. Понадобилось не очень много времени, чтобы даже Невилл Чемберлен понял, что представляет собой правительство Германии, которое он так рьяно умиротворял. Минул насыщенный событиями 1938 год. Наступил зловещий 1939-й. Чемберлен узнал, что у Гитлера, с которым он так истово соглашался в интересах мира в Европе, на уме совсем иное[144].

Вскоре после Мюнхена Риббентроп совершил поездку в Рим.

Чиано записал в своем дневнике, что мыслями Риббентроп уже «переключился» на войну.

«Фюрер убежден, — заявил германский министр иностранных дел Муссолини и Чиано, — что мы неизбежно вступим в войну с западными демократиями в ближайшее время — года через три или четыре… Чешский кризис показал нашу силу! У нас есть превосходство в инициативе, поэтому мы будем хозяевами положения. На нас не могут напасть. С военной точки зрения ситуация превосходная: уже в сентябре (1939 года) мы сможем вести войну с великими демократиями»[145].

Молодому итальянскому министру иностранных дел Риббентроп показался человеком «самовлюбленным, болтливым и пустым». Так записал он в своем дневнике, после чего добавил: «Дуче говорит, что достаточно взглянуть на его голову, чтобы понять, как мало у него мозгов». Германский министр иностранных дел приехал в Рим для того, чтобы убедить Муссолини подписать военный союз между Германией, Японией и Италией, проект которого итальянцам показывали в Мюнхене. Однако Муссолини не торопился. Как отмечает Чиано, он еще не был готов окончательно сбросить со счетов Англию и Францию.

Сам Гитлер в ту осень носился с идеей отколоть Францию от ее союзника, отделенного от нее проливом. 18 октября, принимая в «Орлином гнезде», расположенном высоко над Берхтесгаденом[146], французского посла Франсуа-Понсе, он яростно обрушился на Великобританию. Послу показалось, что лицо у фюрера бледное и усталое, но это нисколько не помешало ему обрушиться на Альбион. Фюрер утверждал, что от Британии исходит угроза, слышатся призывы к оружию, что она слишком эгоистична, высокомерна, что именно она хотела помешать духу Мюнхена. С Францией же все обстоит наоборот, и потому Гитлер хотел бы установить с ней более тесные дружеские связи. Чтобы доказать это, он готов подписать дружественный пакт, гарантирующий незыблемость существующих границ (это означало, что Германия не претендует на Эльзас и Лотарингию), а в будущем устранение разногласий путем консультаций.

Пакт был подписан в Париже 6 декабря 1938 года германским и французским министрами иностранных дел. К тому времени Франция несколько оправилась от приступа пораженческой паники, охватившей ее после Мюнхена. Автор этих строк в день подписания этого документа находился в Париже и может засвидетельствовать, что оно проходило в довольно холодной атмосфере. Проезжая по улицам, Риббентроп видел, что там безлюдно. Некоторые министры французского кабинета и ряд других политических деятелей обеих палат[147] отказались присутствовать на встрече с нацистским гостем.

Между Бонне и Риббентропом возникло некоторое недопонимание, определенным образом повлиявшее на дальнейший ход событий. Германский министр иностранных дел заявил: Бонне на встрече уверил его, что после Мюнхена Францию не интересует более ситуация в Восточной Европе. Риббентроп понял его таким образом: французы не будут связывать Германии руки в этом регионе, особенно в деле захвата Чехословакии и Польши. Бонне это отрицал. Из записи беседы, сделанной Шмидтом, следует: в ответ на требование Риббентропа признать сферу влияния Германии на Востоке Бонне заявил, что «после Мюнхена условия изменились коренным образом». Это

заявление было передано германским министром иностранных дел Гитлеру в несколько иной форме: «Бонне в Париже заявил, что его больше не интересуют вопросы, касающиеся Востока». Поспешная капитуляция Франции в Мюнхене убеждала Гитлера в этом. Но это была не полная правда.

Словакия «завоевывает» свою независимость

Как же обстояло дело с гарантиями Чехословакии, которые Гитлер торжественно пообещал в Мюнхене предоставить ей? Когда 21 декабря 1938 года новый французский посол в Берлине Робер Кулондр задал этот вопрос статс-секретарю Вайцзекеру, последний ответил, что судьба Чехословакии в руках Германии и что он отвергает саму идею англо-французских гарантий. Еще 14 октября, когда новый чешский министр иностранных дел Франтишек Хвалковски смиренно выпрашивал у Гитлера в Мюнхене жалкие подачки, он поинтересовался, присоединится ли Германия к англо-французским гарантиям измененных границ его страны, фюрер ответил, что «английские и французские гарантии ничего не стоят», что «единственной эффективной гарантией является гарантия Германии».

К началу 1939 года никаких гарантий Чехословакии еще не дали. Причина была довольно проста: Гитлер не собирался их давать, поскольку они не позволили бы ему осуществить те планы, к составлению которых он приступил сразу после Мюнхена. В ближайшем будущем с независимостью Чехословакии будет покончено — следовательно, давать гарантии не придется. Для начала же предстояло отколоть от нее Словакию.

17 октября Геринг принял двух словацких лидеров — Фердинанда Дурчанского и Маха, а также лидера немецкого меньшинства в Словакии Франца Кармазина. Дурчански, заместитель премьер-министра новой, автономной Словакии, уверил фельдмаршала, что в действительности словаки хотят «полной независимости и тесных политических, экономических и военных контактов с Германией». В секретном меморандуме министерства иностранных дел, датированном тем же числом, отмечается: Геринг прямо заявил, что требования Словакии о предоставлении ей независимости следует поддержать. «Чешское государство без Словакии будет полностью зависеть от нас… Авиационные базы в Словакии для операций на Востоке имеют огромное значение» — так считал Геринг в середине октября.

Таким образом, немецкий план относительно Чехословакии предусматривал достижение двух целей: отделение Словакии от Праги и подготовку к ликвидации остатков государственности посредством военной оккупации Богемии и Моравии. 21 октября 1938 года, как известно, Гитлер издал директиву для вермахта о готовности осуществить эту ликвидацию[148]. 17 декабря генерал Кейтель выпустил документ, который он назвал дополнением к директиве от 21 октября.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В отношении окончательной ликвидации остальной части Чехии фюрер дополнительно приказал:

Разработку вести исходя из предположения, что серьезного сопротивления оказано не будет.

Также и вне Германии всем должно быть совершенно ясно, что осуществляется лишь усмирительная акция, а не военная кампания. Поэтому акция должна проводиться только вооруженными силами мирного времени, без мобилизационных усилений…

К удовольствию Гитлера, новое, прогермански настроенное правительство Чехословакии ближе к Новому году начало сознавать, что вопрос с их страной уже решен. Незадолго до рождества 1938 года, чтобы еще больше ублажить Гитлера, чешский кабинет запретил Коммунистическую партию и уволил из немецких школ всех учителей-евреев. 12 января 1939 года министр иностранных дел Хвалковски в послании германскому министерству иностранных дел подчеркивал, что его правительство и впредь «будет делать все, чтобы доказать свою лояльность и добрую волю, и выполнять все пожелания Германии». В тот же день он обратил внимание немецкого поверенного в делах в Праге на усиленно распространявшиеся слухи о том, что «включение Чехословакии в состав рейха неизбежно».

Чтобы выяснить, возможно ли сохранить хоть остатки независимости, Хвалковски добился приема у Гитлера в Берлине 21 января. Встреча оказалась довольно мучительной для чешской стороны, хотя и не до такой степени, как события, вскоре последовавшие. Чешский министр иностранных дел раболепствовал перед немецким диктатором, который открыто запугивал его, заявляя, что от катастрофы Чехословакию спасла только «сдержанность Германии». Однако, если Чехословакия не переменит своего отношения к Германии, он, фюрер, «уничтожит» ее. Чехи должны забыть свою историю, которая не более чем «ученический вздор», и делать то, что велят немцы, — в этом их единственное спасение. Чехословакия должна выйти из Лиги Наций, значительно сократить свою армию («она все равно не играет никакой роли»), присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, позволить Германии диктовать внешнюю политику, подписать выгодное для нее экономическое соглашение, одно из условий которого заключается в том, что Чехословакия не должна без согласия Германии развивать новые отрасли промышленности[149], уволить всех официальных лиц и редакторов, не проявляющих дружественности к рейху, объявить вне закона евреев, как это сделала Германия в соответствии с Нюрнбергскими законами («У нас евреи будут просто уничтожены», — заявил Гитлер своему посетителю). В тот же день Риббентроп предъявил Хвалковскому ряд требований, угрожая «катастрофическими последствиями», если чехи не одумаются и не станут делать то, что им велят. Германский министр иностранных дел, предельно подобострастный в присутствии Гитлера и грубый и наглый с теми, кто от него зависел, запретил Хвалковскому сообщать о германских требованиях англичанам и французам и приказал немедленно приступить к их выполнению, не рассуждая о немецких гарантиях неприкосновенности чешских границ. Об этом, кстати, мало беспокоились в Париже и Лондоне. Четыре месяца прошло со времени мюнхенской встречи, а Гитлер не сдержал своего честного слова и не присоединился к гарантиям, данным Англией и Францией. В итоге 8 февраля английским правительством в Берлин была направлена вербальная нота, гласящая, что два правительства «были бы рады узнать точку зрения германского правительства относительно претворения в жизнь договоренности, достигнутой в Мюнхене в отношении гарантий Чехословакии».

Как явствует из трофейных документов, Гитлер сам составил проект ответа, который отправили только 28 февраля. В нем говорилось, что время для предоставления немецких гарантий еще не пришло, что Германии придется ждать «развития событий в самой Чехословакии».

Фюрер уже планировал финал этих событий. 12 февраля он принял в рейхсканцелярии д-ра Войтеха Туку, одного из словацких лидеров, который, проведя длительное время в заключении, был настроен против чехов. Апеллируя к Гитлеру, он, используя обращение «мой фюрер», просил, как явствует из секретных документов, предоставить Словакии независимость и свободу: «Мой фюрер, я вверяю в ваши руки судьбу своего народа! От вас мой народ ждет полного освобождения».

Гитлер ответил довольно уклончиво. Он уверял, что, к сожалению, незнаком со словацкой проблемой, а если бы знал, что словаки жаждут независимости, то устроил бы это в Мюнхене. Он был бы «рад видеть Словакию независимой», он мог бы гарантировать «независимость Словакии в любой момент, хоть сегодня». Эти слова очень понравились профессору Туке. «Это, говорил он позднее, — был самый светлый день моей жизни».

Пришла пора поднять занавес перед следующим действием чехословацкой трагедии. По иронии, которой изобилует данная книга, именно чехи и подняли этот занавес, причем несколько преждевременно. В начале марта 1938 года они стояли перед ужасной дилеммой: движения сепаратистов в Словакии и Рутении[150], подстрекаемых, как известно, немецким правительством (а в Рутении еще и Венгрией, которая жаждала захватить эту небольшую территорию), достигли такого накала, что стало очевидно: если их не подавить, то страна окажется разорванной на части. В этом случае Гитлер, несомненно, оккупирует Прагу. Если же сепаратистские движения будут подавлены центральным правительством, то Гитлер непременно воспользуется результатами волнений и опять-таки войдет в Прагу.

После долгих колебаний, когда провокации стали слишком явными, чешское правительство склонилось ко второму варианту. 6 марта д-р Гаха, президент Чехословакии, распустил автономное правительство Рутении, а к 10 марта автономное словацкое правительство. На следующий день он издал приказ об аресте монсеньера Тисо, словацкого премьера, д-ра Туки и Дурчанского и ввел в Словакии военное положение. Этот единственный смелый поступок правительства сыграл на руку Берлину и привел к гибели самого правительства.

Действия, предпринятые неустойчивым пражским правительством, оказались для Берлина неожиданностью. Геринг уехал отдыхать в солнечный Сан-Ремо. Гитлер собирался в Вену на празднование первой годовщины аншлюса. Пришлось мастеру импровизации лихорадочно обдумывать положение. 11 марта он решил заполучить Богемию и Моравию ультимативным путем. Проект ультиматума по его приказу был в тот же день составлен генералом Кейтелем и передан в министерство иностранных дел Германии. В нем чехам предлагалось согласиться на военную оккупацию без сопротивления. Однако пока это оставалось военной тайной.

Настало время для Гитлера «освобождать» Словакию. Карол Сидор, представлявший автономное словацкое правительство в Праге, был назначен президентом Гахой новым премьер-министром вместо Тисо. Вернувшись 11

марта в Братиславу, где находилось правительство Словакии, Сидор созвал новый кабинет. В десять вечера его заседание было прервано появлением непрошеных гостей — Зейсс-Инкварта, нацистского губернатора Австрии, и Йозефа Бюркеля, гауляйтера Австрии, в сопровождении пяти немецких генералов. Ворвавшись в здание кабинета, они приказали немедленно провозгласить независимость Словакии. В случае отказа Гитлер, вознамерившийся решить наконец словацкий вопрос, пригрозил, что вообще перестанет интересоваться судьбой Словакии.

Сидор, не желавший порывать связей с чехами, некоторое время сопротивлялся, но на следующее утро Тисо сбежал из монастыря, где он содержался под домашним арестом, и потребовал созыва кабинета, хотя сам уже членом кабинета не являлся. Чтобы избежать дальнейшего вмешательства со стороны немецких официальных лиц, Сидор созвал кабинет у себя на квартире, а когда и это стало небезопасно, поскольку немецкие штурмовые отряды начали хозяйничать в городе, перенес заседание в помещение редакции местной газеты. Там Тисо сообщил ему, что получил телеграмму от Бюркеля, в которой содержится приглашение немедленно прибыть в Берлин для встречи с фюрером. Бюркель угрожал, что если приглашение не будет принято, то две немецкие дивизии, дислоцировавшиеся на другом берегу Дуная, войдут в Словакию и она будет разделена между Германией и Венгрией. Тучный, низкорослый прелат[151] утром 13 марта прибыл в Вену, намереваясь сесть в поезд и ехать в Берлин. Но немцы перехватили его и посадили в самолет фюрер не мог себе позволить терять время.

Когда в 7.40 вечера 13 марта Тисо и Дурчански прибыли в рейхс-канцелярию, они встретили там помимо Гитлера Риббентропа, главнокомандующего сухопутными войсками Браухича и начальника штаба ОКБ Кейтеля. Гитлер пребывал в обычном настроении, хотя словаки могли этого и не осознавать. И опять-таки благодаря трофейным документам мы имеем возможность проникнуть в коварные замыслы немецкого диктатора, одержимого манией величия. Мы узнаем об обрушившихся на чехов потоках лжи и угроз, причем с такими подробностями, которые, как полагал Гитлер, никогда не станут достоянием гласности.

«Чехословакия, — говорил он, — обязана исключительно Германии тем, что ее не перекроили окончательно». Со стороны рейха «была проявлена удивительная сдержанность», но чехи этого не оценили. «За последние недели, — продолжал фюрер, все больше взвинчивая себя, — положение стало невыносимым. Опять возродился дух Бенеша».

Словаки его тоже расстроили. После Мюнхена он поссорился со своими друзьями — венграми, не позволив им захватить Словакию, поскольку полагал, что она хочет быть независимой.

Сейчас он вызвал Тисо, чтобы выяснить этот вопрос в самые короткие сроки… Вопрос ставился так: хочет Словакия быть независимой или нет? Это вопрос не дней, а часов. Если Словакия хочет быть независимой, он поддержит ее и даже даст ей гарантии… Если она будет колебаться и откажется отделиться от Праги, то судьба ее решится в результате событий, ответственность за которые он не несет.

Из немецких документов явствует, что в этот момент Риббентроп «вручил Гитлеру донесение, в котором говорилось, что венгерские войска начали

продвижение к границам Словакии. Фюрер прочитал донесение и сообщил Тисо о его содержании, после чего выразил надежду, что Словакия быстро примет решение».

Тисо попросил «извинить его, если после всего сказанного канцлером он не сможет дать ответ сразу», и поспешил добавить, что словаки докажут: они достойны благоволения фюрера.

Они доказали это на встрече в министерстве иностранных дел, завершившейся поздно ночью. Согласно показаниям Кепплера, который являлся секретным агентом Гитлера в Братиславе, а перед тем в Вене, немцы помогли Тисо составить проект телеграммы, которую премьер должен был отправить, как только вернется в Братиславу. В телеграмме провозглашалась независимость Словакии и содержалась просьба к фюреру взять новое государство под свою защиту. Она очень напоминала телеграмму, продиктованную Герингом год назад, в которой Зейсс-Инкварт просил ввести в Австрию немецкие войска. К моменту описываемых событий нацистская технология подготовки телеграмм была значительно усовершенствована. На этот раз телеграмма была более короткой. Тисо послушно отправил ее 16 марта, и Гитлер немедленно ответил, что будет рад «взять на себя защиту Словацкого государства».

В тот вечер в министерстве иностранных дел Риббентроп составил проект провозглашения словацкой «независимости» и повелел перевести его на словацкий язык к моменту отбытия Тисо в Братиславу. На следующий день, 14 марта, премьер зачитал ее текст в парламенте, причем, по сообщению немецкого агента, в несколько измененном виде. Попытки некоторых словацких депутатов обсудить текст жестоко пресекались Кармазином, лидером немецкого меньшинства, который предупредил, что в случае проволочек с провозглашением независимости немецкие войска войдут в страну. Перед лицом этой угрозы сомневающиеся депутаты сдались.

Так 14 марта 1939 года родилась «независимая» Словакия. Английские дипломаты срочно сообщили об этом в Лондон, и Чемберлен не замедлил воспользоваться «событиями» в Чехословакии, чтобы отказаться от выполнения данных Чехословакии гарантий. А Гитлер вечером 14 марта завершил наконец то, что не успел сделать в Мюнхене.

Существование Чехословацкой республики времен Масарика и Бенеша закончилось. Растерянные лидеры в Праге опять сыграли на руку Гитлеру начался последний акт чехословацкой трагедии. Стареющий и подавленный президент Гаха просил Гитлера о встрече[152], и тот милостиво согласился удовлетворить его просьбу. Эта встреча дала Гитлеру возможность осуществить одну из самых наглых акций за всю его карьеру.

Можно представить, как тщательно готовился диктатор к встрече с президентом Чехословакии вечером 14 марта. После провозглашения независимости Словакии и Рутении, так старательно им устроенного, под началом Праги остались только Богемия и Моравия. Разве не перестало существовать государство Чехословакия — государство, незыблемость границ которого на случай агрессии гарантировали Англия и Франция? Чемберлен и Даладье, партнеры Гитлера по Мюнхену, где были торжественно даны эти гарантии, уже «вышли» из игры. Гитлер не сомневался, что такое положение их устроит, и был прав. Это обезопасило его от вмешательства со стороны других держав. Однако, чтобы на двести процентов быть уверенным в том,

что его следующий шаг будет обоснованным с точки зрения расплывчатого международного права, по крайней мере на бумаге, он намеревался заставить слабовольного Гаху, слезно молившего о встрече, самого принять это решение и тем самым добиться того, чего раньше он хотел достичь военным путем. Если это удастся ему — ему, единственному в Европе мастеру бескровных завоеваний, подтверждением чему служили аншлюс и Мюнхен, — то он представит дело так, будто сам президент Чехословакии просил его об этом. Тогда окажется, что захват ненемецкой земли будет осуществлен с соблюдением тех юридических тонкостей, которые оправдали себя при захвате им власти в Германии.

Таким образом, Гитлер готовился обмануть немцев и другие доверчивые народы Европы. Уже в течение нескольких дней немецкие провокаторы пытались организовать волнения в разных городах Чехословакии. Особого успеха они не достигли, поскольку, как докладывала немецкая миссия в Праге, чешской полиции «был отдан приказ не предпринимать мер против немцев даже в случае провокаций». Но эти неудачи не могли остановить доктора Геббельса, развернувшего в прессе шумиху по поводу террора, якобы развязанного чехами против несчастных немцев. Французский посол Кулондр докладывал в Париж, что это те же россказни и те же заголовки, что и во времена судетского кризиса, вплоть до беременной немки, которую сбили с ног чешские звери, и «кровавой бани», которую чешские варвары устроили беззащитным немцам. Гитлер заверял гордый немецкий народ, что они не останутся беззащитными.

Таковы были ситуация и планы Гитлера (это известно нам из немецких архивов), когда 14 марта, в 10.40 вечера, на берлинский вокзал прибыл поезд с президентом Гахой и министром иностранных дел Чехословакии Хвалковским. Самолетом президент воспользоваться не мог из-за больного сердца.

Тяжкие испытания доктора Гахи

Протокольная часть была организована немцами безукоризненно. Чешского президента встретили так, как положено встречать главу государства. На вокзале был выстроен почетный караул, министр иностранных дел Германии лично приветствовал высокого гостя и даже вручил его дочери букет чудесных цветов. В отеле «Адлон», где были размещены гости, в одном из лучших номеров для мисс Гахи был приготовлен набор шоколадных конфет — личный подарок Адольфа Гитлера, полагавшего, что все разделяют его любовь к сладкому. Когда президент со своим министром иностранных дел прибыли в рейхсканцелярию, их встретил почетный караул СС.

К Гитлеру их не допускали до 1.15. Гаха, должно быть, догадывался, что его ожидает. Перед тем как поезд пересек чешскую границу, он получил из Праги сообщение, что немецкие войска оккупировали Моравску-Остраву, важный индустриальный центр Чехословакии, и встали на границе Богемии и Моравии, готовые к нападению. Войдя в этот поздний час в кабинет Гитлера, Гаха сразу заметил рядом с фюрером не только Риббентропа и Вайцзекера, но и фельдмаршала Геринга, срочно вызванного из Сан-Ремо, где он отдыхал, и генерала Кейтеля, однако не увидел врача Гитлера, шарлатана по имени Теодор Морелль. Доктор же находился там не без причины.

На основании секретных записей об этой встрече вырисовывается весьма жалкая картина. Несчастный доктор Гаха, несмотря на то что в прошлом был уважаемым судьей верховного суда, откровенно пресмыкался перед чванливым фюрером, позабыв о чувстве собственного достоинства. Президент, вероятно, полагал, что таким образом сможет добиться милости диктатора и спасти хоть что-нибудь для своего народа. Но вопреки благим намерениям его речь, записанная в ходе встречи, вызывает у читателя тошноту. Гаха уверял Гитлера, что никогда не занимался политикой, что редко встречался с основателями Чехословацкой республики Масариком и Бенешем и они никогда не нравились ему. Он говорил, что их режим был ему «настолько враждебен, что после смены власти (после Мюнхена) он сразу задался вопросом: следует ли вообще Чехословакии оставаться независимой?»

Он высказал твердое убеждение, что судьба Чехословакии всецело в руках фюрера и в таком случае за нее можно быть спокойным… Потом он перешел к тому, что волновало его больше всего, — к судьбе своего народа. Он чувствовал, что именно Гитлер поймет его, — Чехословакия имеет право на существование как нация… Чехословакия подвергается постоянным нападкам из-за того, что в стране осталось довольно много сторонников Бенеша. Правительство всеми средствами старается заставить их молчать. Вот и все, что он хотел сказать…

Потом заговорил Адольф Гитлер. Рассказав о том, какие трудности он испытывал, имея дело с Чехословакией Масарика и Бенеша, о том, какие обиды они нанесли немцам и Германии, поразглагольствовав о том, что после Мюнхена позиция чехов, к сожалению, нисколько не изменилась, он перешел к основному вопросу.

Он пришел к выводу, что приезд президента, несмотря на его преклонный возраст, может принести его стране большую пользу, так как всего несколько часов отделяет Чехословакию от вторжения немецких войск… Он не испытывает вражды ни к одной нации….То, что осталось от Чехословакии, еще существует как государство только благодаря его лояльному отношению… Осенью он не хотел делать окончательных выводов, потому что полагал, сосуществование все-таки возможно. Однако теперь у него не оставалось сомнения в том, что если дух Бенеша не будет уничтожен в стране окончательно, то придется уничтожить страну.

В подтверждение того, что дух Бенеша в стране не исчез, были приведены многочисленные «примеры».

Итак, в прошлое воскресенье, 12 марта, жребий был брошен. Он отдал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и присоединении ее к германскому рейху.

По воспоминаниям доктора Шмидта, Гаха и Хвалковски сидели словно каменные изваяния. Только по их глазам можно было догадаться, что они живые. Но Гитлер еще не закончил. Ему необходимо было унизить гостей угрозой тевтонского террора.

Он заявил, что немецкая армия уже вступила в пределы Чехословакии. Встреченное ею в казармах сопротивление было безжалостно подавлено.

В шесть утра немецкой армии предписано двинуться со всех сторон на территорию Чехии, а немецкой авиации занять чешские аэродромы. При этом возможны два варианта. Если вступление немецких войск встретит сопротивление, то это сопротивление будет подавлено путем применения грубой силы. Если же вступление немецких войск пройдет мирно, то фюреру будет легче предоставить Чехословакии автономию и определенную национальную свободу, а чехам — привычный для них образ жизни.

Делает он все это не из чувства ненависти, а в целях защиты Германии. Если бы прошлой осенью Чехословакия не пошла на уступки, чехи были бы уничтожены. И никто не смог бы помешать ему. Если дело дойдет до военных действий… то через два дня чешская армия перестанет существовать. Конечно, будут убитые и среди немцев, но это породит ненависть и вынудит его в целях самосохранения не предоставлять чехам автономии. Остальному миру до этого нет никакого дела. Он сочувствует чехам, когда читает газеты. У него сложилось мнение, которое можно выразить так: мавр сделал свое дело, мавр может уходить…

Поэтому он и просил доктора Гаху приехать. Это последняя добрая услуга, которую он может оказать чешскому народу… Возможно, визит Гахи предотвратит самое худшее…

Время идет. В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия. Он посоветовал бы сейчас Гахе с Хвалковским удалиться и обсудить, что делать.

А что оставалось делать? Старому, сломленному президенту не нужно было и удаляться, чтобы все решить. Он сразу сказал Гитлеру:

«Положение ясно. Сопротивление было бы безумием». Но что сейчас, в 2 часа ночи, когда до вторжения осталось всего четыре часа, он может предпринять, чтобы чешский народ не оказал сопротивления? Фюрер ответил, что об этом Гахе лучше всего посоветоваться со своими соратниками. Германская военная машина уже запущена, и остановить ее невозможно. Гахе необходимо немедленно связаться с Прагой. «Это ответственное решение», — сказал Гитлер, если верить секретным записям, но зато на горизонте ему виделся долгий период мира между двумя нациями. Если же будет принято другое решение, то уничтожение Чехословакии, очевидно, неминуемо.

Когда Гитлер отпустил своих гостей, было 2.15. В соседней комнате Геринг и Риббентроп усилили давление на несчастных чехов. Согласно докладу в Париж французского посла, ссылавшегося на достоверные с его точки зрения, источники, Гаха и Хвалковски протестовали против унижения своей нации. Они заявили, что не могут подписать документ о капитуляции, что в противном случае народ проклянет их.

«Немецкие министры (Геринг и Риббентроп) были неумолимы, — отмечал в своем докладе Кулондр. — Они буквально бегали за Гахом и Хвалковским вокруг стола, на котором лежал документ, стараясь вложить им перо в руки,

и предупреждали, что если те не подпишут документ, то через два часа половина Праги будет превращена бомбардировщиками в руины, причем это будет только начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа на взлет. Они получат его в шесть утра, если на документе не будет подписей»[153].

В это время доктор Шмидт, который, как может показаться, был очевидцем самых драматичных моментов истории третьего рейха, услышал, как Геринг крикнул: «Гахе плохо!» Позвали доктора Морелля.

По воспоминаниям Шмидта, нацистская верхушка на мгновение испугалась, что чешский президент скончается у них на руках, «а назавтра весь мир скажет, что его убили в канцелярии». Доктор Морелль считался специалистом по уколам — позднее он чуть не свел своими уколами в могилу Гитлера. Он сделал укол доктору Гахе, после чего тот пришел в себя. Президент почувствовал себя достаточно бодро, чтобы взять телефонную трубку, которую вложили ему в руку, и поговорить с Прагой по каналу, заказанному Риббентропом. Гаха рассказал чешскому правительству о том, что произошло, и дал совет подчиниться требованиям немцев. Потом, получив второй укрепляющий укол от доктора Морелля, президент республики, существование которой близилось к закату, снова встретился с Адольфом Гитлером и подписал смертный приговор собственной стране. Это случилось 15 марта 1939 года без пяти четыре утра.

Шмидт вспоминает, что текст был составлен Гитлером заранее. Пока Гахе было плохо, немецкий переводчик переписывал официальное коммюнике, также составленное заранее, которое Гаху и Хвалковского заставили подписать. Текст его гласил:

Берлин, 15 марта 1939 года

Сегодня фюрер принял президента Чехословакии доктора Гаху и министра иностранных дел Чехословакии доктора Хвалковского по их просьбе. На встрече присутствовал министр иностранных дел фон Риббентроп. На встрече, прошедшей в доверительной атмосфере, обсуждалось серьезное положение, сложившееся в Чехословакии в результате событий последних недель.

Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха. Фюрер выслушал это заявление и выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями.

Этот шаг стал, пожалуй, вершиной политической изворотливости Гитлера. Одна из секретарш Гитлера вспоминала, что после подписания документов он вбежал в комнату, обнял по очереди всех женщин, которые там находились, и воскликнул: «Дети мои, это величайший день в моей жизни! Я войду в историю как величайший деятель Германии!»

Ему не приходило в голову — да и как могло прийти? — что конец Чехословакии означает начало конца Германии. На рассвете 15 марта 1939 года Германия ступила на дорогу, ведущую к войне, и, как известно, к поражению, к катастрофе. Эта дорога была прямой и короткой. Встав на нее, Гитлер уже не мог остановиться, как не могли в свое время остановиться Александр Македонский и Наполеон.

В 6 утра 15 марта немецкие войска вошли на территорию Богемии и Моравии. Им не было оказано сопротивления, и к вечеру Гитлер с триумфом прибыл в Прагу. Он полагал, что в Мюнхене Чемберлен пытался лишить его этого триумфа. Перед отъездом из Берлина он обратился к народу Германии, повторив все ту же ложь о «страшных притеснениях» и «терроре» со стороны чехов, которым он был вынужден положить конец. Он гордо провозгласил: «Чехословакия перестала существовать!»

Ночевал он в Градчанах — древней резиденции чешских королей, вознесшейся на высоком берегу Влтавы. Еще недавно здесь жили Масарик и Бенеш, строившие первое в Центральной Европе демократическое государство. И вот месть фюрера свершилась. Свое удовлетворение по этому поводу он выразил в ряде заявлений. Он сполна отплатил чехам, жгучая ненависть к которым переполняла его, австрийца, еще 30 лет назад, в период бродяжничества в Вене, и которая вновь вспыхнула в нем, когда Бенеш осмелился противостоять ему, всемогущему диктатору Германии.

На следующий день он объявил о создании протектората Богемия и Моравия, который получит автономию и самоуправление, что на самом деле означало: чехи окончательно попали под пяту Германии. Вся полнота власти передавалась «рейхспротектору», его статс-секретарю и главе гражданской администрации, которые назначались фюрером. Чтобы успокоить общественное мнение Англии и Франции, Гитлер вновь вспомнил об «умеренном» Нейрате и назначил его протектором[154]. Два судетских лидера Конрад Генлейн и Карл Герман Франк получили возможность отомстить чехам, так как были назначены соответственно главой гражданской администрации статс-секретарем. Немного времени оставалось до того дня, когда Гиммлер, шеф германской полиции, полностью подчинил себе протекторат. С этой целью он назначил Франка главой полиции протектората и присвоил ему высокий эсэсовский чин[155].

В течение тысячелетий, по заявлению Гитлера, провинции Богемия и Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа… Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях… Сегодня, следуя закону самосохранения, он полон решимости восстановить основы разумного порядка в Центральной Европе. Тысячелетняя история доказала, что именно на немецкий народ благодаря величию его духа и отличительным качествам возложена эта миссия.

Долгая ночь германского варварства опустилась над Прагой и всей Чехословакией.

16 марта Гитлер взял Словакию под свою милостивую защиту в ответ на телеграмму премьера Тисо, составленную, как известно, в Берлине. Немецкие войска немедля вошли в Словакию для ее «защиты». 18 марта Гитлер прибыл в Вену, чтобы одобрить «Договор о защите», который 23 марта подписали в Берлине Риббентроп и Тука. В договор был включен секретный протокол, по

которому Германия получала право использовать мощности словацкой экономики. Что касается Рутении — восточной части Чехословакии, то она просуществовала как независимая Карпатско-Украинская республика только 24 часа со времени ее провозглашения 14 марта. Призывы к Гитлеру взять республику под свою защиту оказались тщетными, так как эта земля была обещана Венгрии. В трофейных немецких архивах было обнаружено интересное письмо, написанное от руки 13 марта регентом Венгрии Миклошем Хорти Адольфу Гитлеру.

«Ваше превосходительство, сердечно благодарю Вас! Не могу выразить, насколько я счастлив, поскольку эта земля (Рутения) для Венгрии — не хотелось бы употреблять высокие слова — жизненно необходима… Мы с энтузиазмом трудимся над решением этой задачи. Планы уже составлены. Во вторник, 16-го числа, произойдет пограничный инцидент, на который в субботу в качестве ответной меры последует мощный удар».

В действительности нужды в «инциденте» не было. Венгерские войска просто вошли в Рутению в шесть утра 15 марта — в то самое время, когда немецкие войска вторглись на территорию Чехословакии с запада. На следующий день Рутения была формально присоединена к Венгрии.

Итак, 15 марта началось с того, что в 1.15 Гаха прибыл в рейхсканцелярию, а закончилось тем, что Чехословакия, по заявлению Гитлера, перестала существовать.

Ни Англия, ни Франция не предприняли ни малейшей попытки спасти Чехословакию, хотя в Мюнхене торжественно давали ей гарантии на случай агрессии.

После этой встречи не только Гитлер, но и Муссолини понял: англичане настолько слабы, а их премьер-министр настолько податлив, что в дальнейшем на них можно не обращать внимания. 11 января 1939 года Чемберлен в сопровождении лорда Галифакса прибыл в Рим, чтобы нащупать пути улучшения англо-итальянских отношений. Автор этих строк присутствовал на вокзале в Риме, когда прибыли англичане, и в свой дневник занес тот факт, что на лице Муссолини при встрече гостей играла «глуповато-самодовольная улыбка». «Когда Муссолини проходил мимо меня, — записал я в дневнике, — я слышал, как он шутил со своим зятем (Чиано), острил». Я, конечно, не мог уловить все, о чем они говорили, но записи в дневнике Чиано передают его впечатления о встрече:

«Приезд Чемберлена. Как далеки мы от этих людей! Это другой мир. Мы говорили об этом с дуче после обеда. «Эти люди сделаны не из того теста, сказал он, — что их фрэнсисы дрейки и другие блистательные авантюристы, которые создали империю. Эти — просто утратившие вкус к жизни сыновья многих поколений богачей, они растеряют свою империю».

Англичане не хотят воевать. Они стараются отступать, отступать как можно медленнее, но не воевать… Наши беседы с англичанами подошли к концу. Мы ни до чего не договорились. Я позвонил Риббентропу и сказал, что это был «большой лимонад» (фарс)…»

14 января Чиано записал:

«Я был с дуче на вокзале, когда уезжал Чемберлен… Глаза его были полны слез, когда поезд тронулся и соотечественники запели «Потому что он хороший парень». «Что это за песенка?» — спросил дуче…»

Во время судетского кризиса Гитлер интересовался мнением Чемберлена, но в трофейных немецких документах нет ни слова о том, что его беспокоило мнение премьер-министра в связи с уничтожением остатков Чехословакии, несмотря на гарантии Англии и Мюнхенское соглашение. 14 марта, когда Гитлер ждал Гаху, чтобы унизить его, в палате общин в Лондоне обсуждался вопрос о планах Гитлера «отделить» Словакию и позиции Англии в свете этих планов. Чемберлен горячо заверял: «Никакой агрессии не было!»

Однако на следующий день, 15 марта, когда агрессия стала фактом, премьер-министр использовал провозглашение «независимости» Словакии в качестве оправдания за несдержанное Англией обещание. «Эта декларация, сказал он, — покончила изнутри с тем государством, незыблемость границ которого мы гарантировали. Правительство его величества не может считать себя далее связанным этим обещанием».

Таким образом, стратегия Гитлера полностью себя оправдала. Он предложил Чемберлену «выход», и тот его принял. Интересно, что премьер-министр даже не собирался обвинять Гитлера в нарушении слова. «Я так часто слышал обвинения в невыполнении обещаний, которые мне казались плохо обоснованными, — говорил он, — что не хотел бы сейчас выступать с обвинениями подобного рода». Он не высказал ни слова упрека в адрес фюрера, даже за прием Гахи и махинации, подробности о которых пока еще были неизвестны, но которые наверняка были сфабрикованы в рейхсканцелярии рано утром 15 марта.

Неудивительно, что протест, заявленный в тот день Англией, если это вообще можно назвать протестом, был настолько слаб, что немцы отнеслись к нему, а позднее и к англо-французскому протесту, с высокомерным презрением.

«Правительство его величества не имеет намерения вмешиваться в дела, в которых могут быть непосредственно заинтересованы правительства других стран… Тем не менее оно — этот факт правительство Германии непременно оценит — крайне заинтересовано в успехе мер, принимаемых для поддержания атмосферы доверия и ослабления напряженности в Центральной Европе. Оно будет сожалеть обо всех действиях, которые могут привести к нарушению атмосферы растущего всеобщего доверия…»

Нота была доставлена Риббентропу послом Гендерсоном 15 марта как официальное послание лорда Галифакса. О событиях текущего дня в ней не было сказано ни слова.

Французы, по крайней мере, были более решительны. Робер Кулондр, новый посол Франции в Берлине, не одобрял ни точку зрения англичан на нацизм, ни презрение Гендерсона по отношению к чехам. Утром 15-го числа он потребовал встречи с Риббентропом, но тщеславный и мстительный министр иностранных дел находился в это время на пути в Прагу, где намеревался вместе с Гитлером насладиться унижением сломленного народа. Вместо него в полдень посла принял статс-секретарь фон Вайцзекер. Посол сразу высказал то, о чем Чемберлен и Гендерсон еще не были готовы говорить: военное

вторжение в Богемию и Моравию — это нарушение Мюнхенского соглашения и нарушение франко-германского заявления от 6 декабря. Вайцзекер, который позднее лез из кожи вон, пытаясь доказать, что всегда был антинацистом, вел себя с таким высокомерием, которому мог бы позавидовать сам Риббентроп. Вот что он вспоминал об этом:

«Я говорил с послом довольно резко и просил его не упоминать о Мюнхенском соглашении, которое, как он считал, было нарушено, и не читать нам лекций… Я сказал ему, что в свете договоренности, достигнутой прошлой ночью с правительством Чехословакии, не вижу оснований для демарша, предпринятого французским послом… и выразил уверенность, что, вернувшись в посольство, он найдет там новые инструкции, которые его наверняка удовлетворят».

Когда через три дня, 18 марта, правительства Англии и Франции собрались-таки заявить протест, чтобы успокоить взбудораженное общественное мнение в своих странах, Вайцзекер превзошел по наглости даже своего шефа Риббентропа. В меморандуме, обнаруженном в бумагах министерства иностранных дел Германии, он не без юмора сообщает о том, как вообще отказался принять официальную ноту протеста Франции.

«Я немедленно вложил ноту обратно в конверт и отдал ее назад послу, сказав при этом, что не собираюсь принимать от него какой-либо протест касательно событий в Чеха-Словакии. Я пообещал оставить сам факт без внимания, а месье Кулондру посоветовал убедить свое правительство пересмотреть текст протеста…»

Кулондр в отличие от Гендерсона был не из тех послов, которые позволяли немцам дать запугать себя. Он ответил, что нота была написана его правительством после тщательного обсуждения и что он не видит оснований просить правительство о ее пересмотре. Статс-секретарь продолжал отказываться принять ноту, и посол, напомнив ему о дипломатической практике, стал настаивать на том, что Франция имеет право донести свои взгляды до правительства Германии. В конце концов Вайцзекер оставил ноту на столе, сказав, что будет «относиться к ней, как к пришедшей по почте». Но перед этим бесстыдным жестом он заявил следующее:

«С юридической точки зрения существует Декларация, выработанная фюрером и президентом Чехо-Словацкого государства. Чешский президент по собственной воле прибыл в Берлин и немедленно заявил, что хочет вручить судьбу своей страны фюреру. Не могу представить, что члены французского правительства большие католики, чем папа римский, чтобы вмешиваться в дела, которые уже должным образом улажены между Берлином и Прагой».[156]

Совершенно по-иному вел себя Вайцзекер, принимая английского посла, который доставил ноту протеста своего правительства во второй половине дня 18 марта. Теперь английское правительство заявляло, что «рассматривает события последних дней не иначе как полный отход от Мюнхенского соглашения» и что «военные действия Германии лишены каких-либо законных оснований». Вспоминая об этом, Вайцзекер замечает, что англичане не пошли так далеко, как французы, заявившие, что Франция «не признает законности немецкой оккупации».

17 марта Гендерсон посетил Вайцзекера и сообщил ему, что его отзывают в Лондон для «консультаций». По словам секретаря, посол пытался выудить у него факты, которые Чемберлен мог бы использовать против оппозиции… Гендерсон объяснил, что у Англии нет прямой заинтересованности в чешских территориях. Его, Гендерсона, больше волнует будущее.

Даже уничтожение Гитлером Чехословакии не помогло британскому послу понять, что представляет собой правительство, при котором он аккредитован; он не представлял также, что происходило в этот день в правительстве его собственной страны.

Совершенно неожиданно 17 марта, через два дня после ликвидации Чехословакии, на Невилла Чемберлена снизошло прозрение. Снизошло оно не само собой. К величайшему удивлению премьера, большинство английских газет (даже «Таймс», но не «Дейли мейл») и палата общин враждебно отнеслись к новой агрессии Гитлера. Более того, многие его сторонники в парламенте и половина членов кабинета восстали против продолжения курса на умиротворение Гитлера. Лорд Галифакс, как сообщал в Берлин немецкий посол, настаивал на всесторонней оценке премьер-министром случившегося и резком изменении курса. Чемберлену стало ясно, что его положение как главы правительства и лидера партии консерваторов под угрозой.

Перемена во взглядах произошла весьма неожиданно. Вечером 16 марта сэр Джон Саймон от имени правительства выступил в палате общин с настолько циничной по отношению к чехам и выдержанной в духе Мюнхена речью, что она вызвала, по сообщениям прессы, «невиданный взрыв негодования». На следующий день, накануне семидесятилетия, Чемберлен должен был выступать с речью в своем родном городе — Бирмингеме. Он подготовил проект речи, посвященной внутреннему положению, в которой делал особый акцент на социальном обеспечении. Из французских дипломатических кругов автор этих строк узнал, что в поезде по пути в Бирмингем Чемберлен решил отказаться от первого варианта своей речи и тут же набросал тезисы совершенно отличного от него варианта.

Перед всей Британией и почти перед всем миром, так как речь передавалась по радио, Чемберлен извинился за «очень сдержанное и осторожное… несколько прохладное и объективное заявление», которое он счел себя обязанным сделать двумя днями ранее в палате общин. «Я надеюсь сегодня вечером внести поправки в это заявление», — сказал он.

Премьер-министр наконец понял, что Адольф Гитлер его обманул. Он кратко повторил слова фюрера о том, что Судетская область его последнее территориальное притязание в Европе и что чехи его не интересуют. Теперь Гитлер добрался и до них.

«Нам говорят, что захват Чехословакии был продиктован беспорядками внутри этой страны… Если там и были беспорядки, то не стимулировали ли их извне?.. Конец ли это прежней авантюры или начало новой? Станет ли это нападение на малое государство последним или за ним произойдут и другие? Не является ли этот шаг попыткой добиться мирового господства при помощи силы? …Хотя я не готов связать нашу страну новыми довольно неопределенными обязательствами на случай непредвиденных обстоятельств, было бы большой ошибкой полагать, будто только потому, что наша нация считает войну бессмысленной жестокостью, она настолько утратила боевой

дух, что не приложит всех усилий, чтобы противостоять подобному вызову, если он последует».

Это был важнейший поворотный пункт для Чемберлена и всей Британии, о чем Гитлера уведомил на следующий же день проницательный германский посол в Лондоне. «Было бы иллюзорно считать, — писал Герберт фон Дирксен в длинном отчете в министерство иностранных дел 18 марта, — что в отношении Англии к Германии не произошло резкого поворота».

Для всех, кто читал «Майн кампф», кто, подойдя к карте, мог оценить позиции немецкой армии в Словакии, кто имел представление о дипломатических шагах Германии после Мюнхена, кто мог сделать верные выводы после бескровного завоевания Гитлером Австрии и Чехословакии в течение предыдущего года, было совершенно очевидно, какое «малое государство» стояло следующим в списке Гитлера. Как и все, прекрасно знал это и Чемберлен.

31 марта, через 16 дней после того, как Гитлер вошел в Прагу, премьер-министр сказал в палате общин:

«При открытии действий, которые, по мнению польского правительства, представят угрозу независимости Польши и которым оно сочтет необходимым дать отпор национальными силами, правительство его величества обязуется немедленно оказать польскому правительству поддержку всеми имеющимися у него силами. На этот случай правительство дает гарантии польскому правительству. Должен добавить, что правительство Франции уполномочило меня со всей определенностью заявить, что оно занимает такую же позицию».

Итак, настала очередь Польши.

НА ОЧЕРЕДИ ПОЛЬША

24 октября 1938 года, меньше чем через месяц после подписания Мюнхенского соглашения, Риббентроп устроил в честь посла Польши в Германии Юзефа Липского в «Гранд-отеле» в Берхтесгадене обед, длившийся три часа. Польша, следуя примеру Германии, точнее, при ее попустительстве только что захватила небольшой клочок чешской территории. Отчасти поэтому, как записано в меморандуме министерства иностранных дел Германии, обед проходил «в теплой, дружеской обстановке».

Тем не менее германский министр иностранных дел, чтобы не терять времени, приступил к главному, заявив, что пришла пора окончательно выяснить отношения между Польшей и Германией. Прежде всего, продолжал он, речь пойдет о Данциге, который необходимо «вернуть» Германии. По словам Риббентропа, рейх планирует построить шоссе и проложить двухколейную железную дорогу через Польский коридор, чтобы соединить Германию с Данцигом и Восточной Пруссией. Обе дороги будут экстерриториальными. И наконец, Гитлер требует, чтобы Польша присоединилась к

Антикоминтерновскому пакту, направленному против России. В обмен на это Германия готова продлить польско-германский договор на 10-20 лет и гарантировать незыблемость польских границ.

Риббентроп отметил, что все это он говорит «строго конфиденциально». Он предложил послу передать эту информацию министру иностранных дел Беку устно, так как опасность утечки информации, особенно на страницы прессы, чрезвычайно велика. Липский обещал доложить обо всем в Варшаву, но от себя добавил, что лично ему возвращение Данцига Германии не представляется возможным. Он напомнил немецкому министру иностранных дел о 5 ноября 1937 года и 14 января 1938 года, когда Гитлер заверял поляков, что не будет поддерживать проекты изменения статуса Данцига. Риббентроп на немедленном ответе не настаивал и посоветовал полякам хорошенько «все обдумать».

Правительству в Варшаве много времени на раздумья не понадобилось. 31 октября министр иностранных дел Бек направил послу в Берлин подробные инструкции, что отвечать немцам. Но послу удалось встретиться с Риббентропом только 19 ноября — вероятно, немцы хотели, чтобы поляки обдумали свой ответ обстоятельно. Ответ последовал отрицательный, однако, желая выразить немцам понимание, поляки предложили заменить гарантии, предоставленные Данцигу Лигой Наций, германо-польскими гарантиями, дающими Данцигу статус вольного города. «Любое другое решение, — писал Бек в меморандуме, который Липский зачитал Риббентропу, — как и любая попытка присоединить вольный город к рейху, неизбежно приведет к конфликту». Он добавил, что маршал Пилсудский, покойный диктатор Польши, в 1934 году во время переговоров, закончившихся подписанием пакта о ненападении, предупреждал немцев, что «вопрос о Данциге всегда будет критерием намерений Германии относительно Польши».

Такой ответ не удовлетворил Риббентропа. Он высказал сожаления по поводу позиции, занятой Беком, и посоветовал полякам «потрудиться и серьезно рассмотреть предложения Германии».

Гитлер отреагировал на сопротивление Польши более решительно. 24 ноября, через пять дней после встречи Липского с Риббентропом, он издал директиву главнокомандующим видами вооруженных сил.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Фюрер приказал:

1. Кроме трех перечисленных в директиве от 21.10.1938 г. задач необходимо также вести подготовку к внезапному захвату немецкими войсками свободного государства Данциг.

…При подготовке руководствоваться следующими основными положениями.

Действия строить с расчетом на захват Данцига быстрым ударом, используя благоприятную политическую обстановку. Война с Польшей в планы не входит….Сухопутным войскам осуществлять вторжение из Восточной Пруссии. Привлекаемые для этого силы не разрешается использовать также для овладения Мемельской областью, чтобы при необходимости можно было обе

операции провести одновременно. Военно-морскому флоту осуществлять с моря поддержку операций сухопутных войск…

Разработанные видами вооруженных сил решения представить мне к 10.1.1939 г.

Несмотря на предупреждение Бека о том, что любая попытка Германии захватить Данциг неизбежно приведет к конфликту, Гитлер убедил себя, что это можно сделать, не прибегая к войне. Данциг находился под контролем местных нацистов, а они выполнят любые приказы из Берлина, как раньше выполняли их судетские нацисты.

Таким образом, создать там «квазиреволюционную» ситуацию будет нетрудно. Заканчивался 1938 год — год, когда европейцы стали свидетелями бескровного захвата Австрии и Судетской области. Теперь Гитлера волновали будущие завоевания: остатки Чехословакии, Мемель и Данциг. Усмирить Шушнига и Бенеша оказалось несложно. Настала очередь Юзефа Бека.

Тем не менее когда 5 января 1939 года Гитлер встретился в Берхтесгадене с польским министром иностранных дел, он еще не был готов повести себя с ним так, как с Шушнигом. Сначала надо было уничтожить остатки Чехословакии. Согласно польским и немецким секретным документам с записью беседы, Гитлер пребывал в миролюбивом настроении и даже сказал, что «всегда к услугам Бека». А потом поинтересовался, что так тяготит польского министра иностранных дел. Бек ответил, что его мысли заняты Данцигом. Об этом, очевидно, думал и Гитлер.

«Данциг — немецкий город, — напомнил он гостю. — Таким он останется навсегда и рано или поздно станет частью Германии». При этом он старался заверить Польшу, что не будет пытаться захватить город силой.

Ему нужен Данциг, нужны железная дорога и шоссе, проложенное вдоль Польского коридора. Однако если он и Бек «отойдут от старых стереотипов и будут искать решение в совершенно ином направлении», то, он уверен, они придут к соглашению, которое окажется справедливым для обеих сторон.

Бек не разделял его уверенности. Хотя он и признался на следующий день Риббентропу, что не хотел бы показаться фюреру чересчур прямолинейным, он тем не менее сказал, что «Данциг — проблема очень сложная». По его мнению, в предложении канцлера не содержалось равноценной для Польши компенсации. Гитлер в ответ на это заметил, что Польша «имеет преимущество — общую границу с Германией, гарантированную договором». Вероятно, это не произвело впечатления на Бека, но в конце концов он согласился подумать над этим вопросом.

На следующий день польский министр иностранных дел имел в Мюнхене беседу с Риббентропом. Бек просил его передать Гитлеру, что, если все предыдущие переговоры с немцами внушали ему оптимизм, то последняя встреча впервые настроила его пессимистически. В частности, при той постановке вопроса, которую предлагает Гитлер, «он не видит путей для достижения соглашения» о Данциге.

Полковнику Беку, как и многим другим деятелям, чьи имена встречались на страницах этой книги, понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя и

утвердиться в своих пессимистических взглядах. Как большинство поляков, он был настроен против русских. Более того, он не любил французов, против которых затаил обиду еще в 1923 году, когда его выслали из Парижа, где он находился в качестве военного атташе, якобы за продажу документов, касающихся французской армии. Вполне естественно, что этот человек, став в ноябре 1932 года министром иностранных дел, склонялся в сторону Германии. Он с самого начала сочувствовал нацистской диктатуре и в течение последних шести лет старался сблизить свою страну с третьим рейхом, ослабляя при этом традиционные связи с Францией.

Из граничащих с Германией государств больше всего следовало беспокоиться Польше. Ей реальнее, чем какой-либо другой стране, угрожала опасность со стороны Германии, но правители Польши этого не понимали. Ни один из пунктов Версальского договора не раздражал Германию так, как тот, по которому был образован Польский коридор, дававший Польше выход к морю и отсекавший Восточную Пруссию от рейха. Отделение старого ганзейского порта Данциг и придание ему статуса вольного города под гарантией Лиги Наций и при экономическом господстве Польши задевало общественное мнение Германии. Даже слабая и миролюбивая Веймарская республика расценивала историю с Данцигом как ущемление прав Германии со стороны Польши. Еще в 1922 году генерал фон Сект определил отношение немецкой армии к этому вопросу:

«Существование Польши непереносимо и несовместимо с условиями существования Германии. Польша должна исчезнуть — и исчезнет с нашей помощью — из-за своей внутренней слабости и действий России… Уничтожение Польши должно стать основой политики Германии… Это будет достигнуто силами России и при помощи России».

Пророческие слова!

Немцы забыли или, может, просто не желали помнить, что почти все немецкие территории, отошедшие по Версальскому договору к Польше, включая провинцию Позен[157] и Польскую Померанию[158], которые и составили Польский коридор, были захвачены Пруссией во времена раздела Польши, когда Пруссия, Россия и Австрия ликвидировали польское государство. Более тысячи лет на этих землях проживали поляки, да и к тому времени, о котором идет речь, они составляли большинство населения.

После заключения Версальского договора ни одно государство не переживало столь бурного восстановления, как Польша. В первые годы своего возрождения она вела агрессивные войны против России, Литвы, Германии и даже Чехословакии — в последнем случае из-за богатого углем района Тешина. Лишенная в течение полутора веков политической свободы и самоуправления, Польша неспособна была создать стабильное правительство или решить проблемы промышленности и сельского хозяйства. В 1926 году маршал Пилсудский, герой революции 1918 года, вошел в Варшаву, захватил власть и, несмотря на то что был когда-то социалистом, заменил хаотичный демократический режим своей единоличной диктатурой. Одним из последних актов его правления было подписание примерно за полтора года до смерти — 26 января 1934 года пакта о ненападении с Гитлером, направленного на подрыв французской политики союзов с восточными соседями Германии, ослабление Лиги Наций и ее системы коллективной безопасности. После смерти Пилсудского Польшей управляла горстка полковников из Польского

легиона, сражавшегося против России на фронтах первой мировой войны. Во главе этой группы стоял маршал Рыдз-Смиглы — весьма способный военный, но никудышный государственный деятель. Внешней политикой ведал полковник Бек. И с 1934 года Польша неуклонно поддерживала Германию.

Такая политика была равносильна самоубийству. В самом деле, если взглянуть на положение Польши в Европе после Версальского договора, нетрудно прийти к выводу, что в 30-е годы, как и много веков назад, поляки из-за определенных черт национального характера толкали нацию к самоуничтожению. Пока Данциг и Польский коридор существовали в прежнем виде, не могло быть и речи о длительном мире между Польшей и нацистской Германией. Кроме того, Польша была недостаточно сильна, чтобы ссориться с обоими сильными соседями — Россией и Германией. Отношения между Польшей и Россией складывались неважно с 1920 года, когда Польша напала на Россию, ослабленную первой мировой и гражданской войнами, что привело к серьезному конфликту[159].

Чтобы заключить союз со страной, настроенной явно против России, и в то же время отколоть эту страну от Женевы и Парижа, подорвав таким образом систему Версальского договора, Гитлер в 1934 году выступил с инициативой по заключению польско-германского договора. В Германии этот шаг не вызвал восторгов. Не нашел он поддержки и в немецкой армии, которая со времен Секта была настроена прорусски и антипольски. Но со временем этот шаг очень пригодился Гитлеру. Дружественные отношения с Польшей помогли ему снова занять Рейнскую область, уничтожить независимость Австрии и Чехословакии. На эти действия, которые укрепили Германию, ослабили Запад и усилили угрозу для Востока, Бек и другие полковники в Варшаве смотрели благосклонно, проявляя непонятную слепоту.

Если польский министр иностранных дел, по его собственному признанию, в начале года пребывал в пессимистическом настроении из-за требований Гитлера, то с приходом весны его настроение еще больше ухудшилось. И хотя Гитлер в своей юбилейной речи в рейхстаге 30 января 1939 года тепло отозвался «о дружбе между Германией и Польшей», назвав эту дружбу одним из «самых важных факторов политической жизни Европы», Риббентроп, посетивший за четыре дня до этого с официальным визитом Варшаву, был более откровенен. Во время бесед с Беком он снова поднял вопрос о Данциге и коммуникациях вдоль коридора, отмечая, что предлагаемые немцами условия «необычайно скромны». Но ни на эти вопросы, ни на вопрос о присоединении Польши к Антикоминтерновскому пакту, направленному против России, польский министр иностранных дел удовлетворительного ответа не дал — очевидно, он опасался своих друзей. Он даже начал тревожиться. 26 февраля немецкий посол в Варшаве докладывал в Берлин, что Бек по собственной инициативе организует себе приглашение в Лондон в конце марта и что после этого, вероятно, посетит и Париж. Мольтке указывал в своем докладе, что Польша, хотя и слишком поздно, «решила вступить в контакт с западными демократиями… (так как) опасается, что из-за Данцига может возникнуть конфликт с Германией». Бек, как и многие другие, пытавшиеся умиротворить Гитлера с его неуемными аппетитами, начал прозревать.

Окончательно пелена упала с его глаз 15 марта, когда Гитлер оккупировал Богемию и Моравию и направил войска для защиты «независимой» Словакии. В то утро, проснувшись, Польша увидела немецкие армии на границе со Словакией, а с севера, со стороны Померании и Восточной Пруссии, она была

окружена немецкими армиями еще раньше. Ее военное положение стало безнадежным всего за одну ночь.

21 марта 1939 года занимает особое место в истории сползания Европы к войне. Этот день был отмечен необычайной дипломатической активностью в Берлине, Лондоне и Варшаве. Президент Французской республики в сопровождении министра иностранных дел Бонне прибыл в столицу Британии с официальным визитом. Чемберлен предложил французам совместно с Польшей и Советским Союзом официально заявить, что четыре страны немедленно соберутся для консультаций о дальнейших мерах по пресечению агрессии в Европе. За три дня до этого Литвинов, как и год назад после аншлюса, предложил собрать Европейскую конференцию, в которой на этот раз должны были принять участие Франция, Англия, Польша, Россия, Румыния и Турция. Этим странам предстояло объединиться, чтобы остановить Гитлера. Однако британский премьер-министр счел идею «преждевременной». Он не доверял Москве и считал, что совместное обращение четырех стран (в их число входила и Россия) является пределом, до которого он может пойти[160].

В тот же день это предложение было передано Беку британским послом в Варшаве. Реакция Бека на участие русских была довольно сдержанной. Польский министр иностранных дел доверял Советскому Союзу еще меньше, чем Чемберлен. Кроме того, он разделял точку зрения британского премьера относительно малой эффективности военной мощи русских. Он не пересмотрел своей позиции в этом вопросе и придерживался ее вплоть до момента катастрофы.

Однако самое печальное для Польши событие произошло 21 марта в Берлине. Риббентроп предложил польскому послу встретиться с ним в полдень. Как отметил в своем отчете Липский, во время этой встречи министр иностранных дел Германии впервые был с ним не просто холоден, а агрессивен. Он предупредил посла, что фюрер «необычайно удивлен отношением Польши» к его предложениям. Германия желает получить удовлетворительный ответ на вопросы о Данциге и шоссе и железной дороге вдоль коридора. От этого зависят дальнейшие дружественные отношения между Германией и Польшей. «Польша должна понять, — продолжал Риббентроп, — что она не может балансировать между Россией и Германией». Ее единственное спасение — в «разумных отношениях с Германией и ее фюрером». Это включает в себя проведение «совместной антисоветской политики». Более того, фюрер желает, чтобы «Бек в самое ближайшее время посетил Берлин». А пока Риббентроп настаивал, чтобы посол поторопился в Варшаву и разъяснил своему министру иностранных дел обстановку. «Он посоветовал, — докладывал Липский Беку, — не откладывать беседу (с Гитлером), иначе Гитлер может подумать, будто Польша отвергает все его предложения…»

Небольшая агрессия по ходу дела

Перед тем как покинуть Вильгельмштрассе, Липский спросил у Риббентропа, как проходят переговоры с министром иностранных дел Литвы. Немец ответил, что обсуждается вопрос о Мемеле, «который требует решения».

Накануне Риббентроп принял министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса, находившегося в Берлине проездом из Рима. Риббентроп потребовал, чтобы

Литва передала Германии навечно район Мемеля, в противном случае «фюрер будет действовать с молниеносной быстротой». Он предупредил, что литовцам не стоит тешить себя надеждой получить «какую-либо помощь из-за границы».

Несколькими месяцами ранее, 12 декабря 1938 года, французский посол в Берлине и британский поверенный в делах обратили внимание правительства Германии на многочисленные донесения, свидетельствовавшие о том, что немецкое население Мемеля готовит восстание, и апеллировали к немецкому правительству, призывая его повлиять на соотечественников в целях соблюдения статуса Мемеля, гарантами которого являлись и Англия, и Франция. Министерство иностранных дел в своем ответе выразило «удивление и недоумение» по поводу англо-французского демарша, а Риббентроп приказал на случай, если подобные заявления со стороны обоих посольств повторятся, ответить: «Мы с полным основанием ждали, что Франции и Англии надоест наконец вмешиваться в немецкие дела».

В течение некоторого времени правительство Германии, в частности лидеры партии и СС, вело работу среди немецкого населения. Мемеля уже знакомыми нам по Австрии и Судетской области методами. Были привлечены к этому и руководители вооруженных сил. Как известно, через три недели после Мюнхена Гитлер приказал генералитету разработать не только план уничтожения остатков Чехословакии, но и план оккупации Мемеля. Поскольку военно-морской флот не имел возможности отличиться и снискать славу при захвате сухопутной Австрии и Судетской области, Гитлер предусматривал взять Мемель с моря. В ноябре планы были разработаны и получили кодовое название «Транспортные учения «Штеттин». Гитлеру и адмиралу Редеру так хотелось провести демонстрацию военно-морской мощи, что 22 марта, через неделю после триумфального въезда фюрера в Прагу, они отправились в плавание на карманном линкоре «Дойчланд» из Свинемюнде в Мемель, и у беззащитной Литвы после получения германского ультиматума времени на размышление не оставалось.

21 марта Вайцзекер, впоследствии заявлявший, что ему всегда претили жестокие методы нацистов, уведомил литовское правительство, что во избежание пустой траты времени его полномочные представители должны прилететь в Берлин завтра специальным самолетом, чтобы подписать документ о передаче района Мемеля Германии. Литовцы прибыли в Берлин к вечеру 22 марта, но, несмотря на давление, оказанное на них с немецкой стороны Риббентропом, которого подстегивал Гитлер, страдавший от морской болезни, сдались не сразу. Из захваченных немецких документов очевидно, что дважды за ночь Гитлер посылал срочные радиограммы с борта линкора «Дойчланд», в которых спрашивал Риббентропа, не капитулировали ли литовцы. Диктатору и его адмиралу необходимо было знать, как входить в Мемельский порт — с применением силы или без. В конце концов в 1.30 ночи Риббентроп передал фюреру по радио, что литовцы документ подписали.

В 14.30 23 марта Гитлер с триумфом вошел в очередной завоеванный город — Мемель и выступил в «Штадттеатре» с речью перед неистовствовавшей толпой «освобожденных» немцев. Так был перечеркнут еще один пункт Версальского договора. Свершилось еще одно бескровное завоевание. Однако фюрер не мог предвидеть, что завоевание подобного рода окажется последним[161].

Давление на Польшу

Присоединение к Германии Мемеля и прилегающего к нему района явилось для правительства Польши «очень неприятным сюрпризом» — так на следующий день докладывал в Берлин посол Германии в Польше Ганс Адольф фон Мольтке, при этом добавляя: «Это в основном из-за опасения, что следующими на очереди будут Данциг и коридор». Он информировал также министерство иностранных дел Германии, что объявлена мобилизация польских резервистов.

На следующий день, 25 марта, адмирал Канарис, шеф абвера, докладывал, что в Польше мобилизованы три категории резервистов; и что войска стягиваются в район Данцига. Генерал Кейтель не верил, что этот шаг можно расценивать как «проявление агрессивных намерений со стороны поляков», однако генеральный штаб сухопутных войск, по его словам, «отнесся к этому сообщению серьезнее».

24 марта Гитлер вернулся из Мемеля и имел продолжительную беседу с главнокомандующим сухопутными войсками генералом фон Браухичем. Из записи беседы, сделанной Браухичем позднее, следует, что фюрер еще не пришел к окончательному решению относительно дальнейших действий против Польши. Его голова была полна противоречивых мыслей. На следующий день должен был вернуться посол Липский, но у Гитлера не было желания встречаться с ним.

«В воскресенье 26 марта Липский вернется из Варшавы, — записал Браухич. — Ему было поручено узнать, согласится ли Польша уладить вопрос с Данцигом. Ночью 25 марта фюрер уехал; он не хочет находиться здесь, когда вернется Липский. Пусть сначала с ним побеседует Риббентроп. Фюрер не хочет решать вопрос о Данциге с помощью силы, чтобы не толкнуть Польшу в объятия англичан.

О военном захвате Данцига речь пойдет только в том случае, если Липский даст понять, что польское правительство не сможет взяты на себя ответственность и объявить населению о том, что Данциг сдан добровольно, то есть если им удобнее будет представить это как свершившийся факт».

Здесь проявляется интересная черта характера Гитлера и своеобразие его ума. За три месяца до описываемых событий он лично уверял Бека, что в случае с Данцигом не будет использована сила. В то же время он помнил: польский министр иностранных дел предупреждал, что польский народ никогда не согласится с передачей Данцига Германии. Тогда, если немцы захватят Данциг, не проще ли будет польскому правительству представить это как свершившийся факт. До этого Гитлер гениально распознавал слабости своих иностранных оппонентов, но в данном случае его дар ему изменил. Полковники, управлявшие Польшей, хоть и являлись толпой заурядностей, менее всего были настроены воспринимать захват Данцига как свершившийся факт.

Размышляя о «вольном городе», Гитлер размышлял и о проблеме в целом, как делал это раньше в отношении Чехословакии, когда в результате Мюнхенского соглашения заполучил Судетскую область.

«В настоящее время, — писал Браухич, — фюрер не намерен решать польский вопрос. Тем не менее над ним придется работать. Решение его в будущем должно опираться на очень благоприятную политическую обстановку. В этом

случае Польше будет нанесен удар такой силы, что в ближайшие несколько десятилетий с ней перестанут считаться как с политической реальностью. Решится вопрос и о переносе границы с восточных рубежей Восточной Пруссии к восточной оконечности Верхней Силезии».

Браухич хорошо понимал, что означает такая граница. Это была довоенная восточная граница Германии, уничтоженная Версальским договором, — граница, существовавшая до образования Польши.

Если Гитлер и сомневался относительно того, каким будет ответ Польши, то его сомнения окончательно развеялись, когда в воскресенье 26 марта Липский вернулся в Берлин и привез в качестве ответа своего правительства письменный меморандум. Риббентроп немедленно его прочитал, отверг, разразился бранью по поводу мобилизации в Польше и предупредил посла о возможных последствиях. Он заявил также, что любые действия польских войск в районе Данцига будут расцениваться как агрессия против рейха.

В своем письменном ответе, хотя и составленном в примирительном тоне, польское правительство решительно отвергло немецкие требования. Выражая готовность обсудить предложения по строительству автострады и железной дороги вдоль коридора, оно категорически отрицало идею экстерриториальности. Что касается Данцига, то Польша соглашалась заменить гарантии Лиги Наций германо-польскими, но отказывалась считать «вольный город» частью рейха.

К этому времени нацистская Германия уже уверовала, что малая нация не способна дать ей отпор и отвергнуть ее требования, поэтому Риббентроп в разговоре с Липским заметил, что поведение Польши «напоминает некоторые рискованные шаги небезызвестного государства», явно намекая на Чехословакию, расчленить которую Германии помогла именно Польша. Когда на следующий день Риббентроп опять вызвал Липского в министерство иностранных дел, последнему стало ясно, что третий рейх применит к Польше ту же тактику, которая столь успешно сработала в отношении Австрии и Чехословакии. Министр иностранных дел Германии долго выражал сожаление по поводу преследования немецкого населения в Польше, что, по его словам, «произвело в Германии неблагоприятное впечатление».

«В заключение министр иностранных дел (Германии) сказал, что не понимает более польского правительства… Предложения, переданные вчера польским послом, не могут служить основой для достижения соглашения, поэтому отношения между двумя странами резко ухудшатся».

Но Варшаву было не так легко запугать, как Вену или Прагу. 28 марта Бек вызвал немецкого посла и заявил ему, что если действия польских войск в районе Данцига будут расцениваться Германией как акт агрессии, то и Польшей любые действия нацистского сената Данцига, направленные на подрыв статуса города, будут восприняты как акты агрессии.

«Вы стремитесь вести переговоры под дулом пистолета!» — воскликнул посол.

«Это и есть ваш метод», — ответил Бек.

Прозревший министр иностранных дел Польши мог позволить себе более твердо противостоять Берлину, чем Бенеш. Бек знал, что английское правительство,

еще год назад стремившееся удовлетворить запросы Гитлера в Чехословакии, в отношении Польши придерживается совершенно противоположной точки зрения. Бек сам торпедировал английское предложение о совместной декларации четырех держав, заявив, что Польша никоим образом не хочет быть связанной с Россией. Вместо этого 22 марта он предложил Говарду Кеннарду, английскому послу в Варшаве, немедленно заключить секретное англо-польское соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии со стороны третьей державы. Однако Чемберлен и Галифакс, обеспокоенные маневрами немецких войск в районе Данцига и Польского коридора и данными британской разведки о немецких требованиях, предъявляемых Польше (хитрый Бек умолчал о них в разговоре с англичанами), не хотели останавливаться на консультациях.

Вечером 30 марта Кеннард передал Беку англо-французские предложения о заключении договоров о взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии[162]. Но события опередили их. Последние данные, подтверждающие неизбежность нападения Германии на Польшу, заставили английское правительство в тот же вечер запросить Бека, имеются ли у него возражения против временной односторонней гарантии Англией независимости Польши. Чемберлен просил дать ответ до утра, так как ему необходимо ответить на парламентский запрос. Можно себе представить, какое облегчение испытал Бек, — он возражений не имел. Кеннарду он ответил, что «согласен без колебаний».

31 марта Чемберлен, как известно, сделал в палате общин историческое заявление о том, что Англия и Франция «предоставят польскому правительству всю возможную помощь, какую в силах оказать, если Польша подвергнется нападению».

Всем, кто, как автор этих строк, в тот мартовский день 1939 года находился в Берлине, внезапная односторонняя английская гарантия независимости Польши была непонятна, хотя ее и приветствовали страны, расположенные к востоку и к западу от Германии. Уже много раз Англия и Франция имели возможность при поддержке России остановить Гитлера: когда немцы вошли в демилитаризованную Рейнскую зону; когда они захватили Австрию и угрожали Европе войной, если не получат Судетскую область; когда за две недели до описываемых событий они захватили Чехословакию. Однако жаждущий мира Чемберлен уклонился от каких-либо конкретных шагов. Этим он не ограничился: отойдя, по его собственным словам, от своих принципов, поставив на карту политическую карьеру, он помог Адольфу Гитлеру получить в соседних с Германией странах все, что тот хотел. Чемберлен ничего не предпринял ради спасения независимости Австрии. Он не противился немецкому диктатору, когда тот уничтожил независимость Чехословакии — единственного граничащего с Германией демократического и дружественного западным демократиям государства, поддерживавшего Лигу Наций и ее систему коллективной безопасности. Он даже не учел военного значения для Запада 35 чехословацких хорошо обученных и вооруженных дивизий, размещенных за неприступными горными укреплениями, в то время как Англия могла отправить во Францию всего две дивизии, а немецкая армия, по свидетельству немецких генералов, была не способна вести войну на два фронта и даже преодолеть чешские укрепления.

Теперь, после того как Гитлер завладел остатками Чехословакии, реакцию Чемберлена нетрудно понять — британский премьер, намеренно упустивший

столько представлявшихся ранее возможностей, решился в одностороннем порядке дать гарантии восточной стране, управляемой горсткой незрелых в политическом отношении полковников, которые тесно сотрудничали до последнего времени с Гитлером и, словно гиены, набросились вместе с Германией на Чехословакию. Сегодня их собственная страна оказалась беззащитной с военной точки зрения в результате завоеваний Германии, совершить которые помогли ей Англия и Польша[163]. Чемберлен решился на этот рискованный шаг, даже не рассчитывая на помощь России, предложения которой о совместных действиях против Гитлера он отклонял дважды в течение последнего года.

В конце концов он сделал именно то, от чего решительно открещивался более года: он предоставил другой стране право решать, вступит ли в войну его страна.

Тем не менее этот поспешный шаг британского премьера, хотя и предпринятый с опозданием, поставил Гитлера в совершенно новую ситуацию. Стало очевидно, что впредь на пути его агрессии окажется Англия, что теперь он не сможет завоевывать одну страну за другой, в то время как западные демократии предаются размышлениям, что же им делать. Более того, заявление Чемберлена явилось, по сути дела, первым шагом на пути создания коалиции держав, направленной против Германии. Если этой коалиции не противостоять серьезно, то Германия окажется во враждебном кольце, что являлось кошмаром для рейха со времен Бисмарка.

Операция «Вайс»

Известие о гарантии, предоставленной Польше Чемберленом, вызвало у Гитлера один из характерных для него припадков ярости. Свидетелем этой сцены оказался адмирал Канарис, шеф абвера. Позднее он вспоминал, что Гитлер метался по комнате, стучал кулаками по мраморной крышке стола, лицо его перекосилось от злости, он постоянно выкрикивал угрозы в адрес англичан: «Я приготовлю им такое жаркое, что они подавятся!»

На следующий день, 1 апреля, он выступал с речью в Вильгельмсхафене, где спускали на воду линкор «Тирпиц». Фюрер находился в таком воинственном настроении, что, не будучи уверен в себе, приказал в последний момент отменить трансляцию своей речи по радио; он сказал, что речь можно будет дать в записи после редактирования[164]. Но даже отредактированная речь изобиловала угрозами в адрес Англии и Польши.

«Если они (западные союзники) полагают, что Германия будет сидеть сложа руки и ждать, пока они создадут государства-сателлиты и натравят их на нее, то они ошибаются, принимая Германию сегодняшнюю за Германию довоенную.

Если кто-то заявляет, что готов таскать для этих стран каштаны из огня, то он должен быть готов к тому, что придется обжечь пальцы…

Когда в других странах говорят, что будут вооружаться и еще раз вооружаться, я могу ответить таким государственным деятелям: «Вам не удастся измотать меня!» Я не намерен сворачивать с избранного пути».

Отменяя прямую трансляцию своей речи, Гитлер проявил осторожность — он не хотел слишком явно провоцировать общественное мнение за границей. В Берлине в тот день было объявлено, что в качестве ответа Чемберлену Гитлер денонсирует англо-германский морской договор, но в своей речи он просто сказал, что если Англия не желает более его соблюдать, то Германия «отнесется к этому совершенно спокойно».

Как часто случалось и ранее, Гитлер закончил речь на знакомой уже миролюбивой ноте: «Германия не намерена нападать на другие народы… Исходя из этого, я три недели назад решил назвать приближающийся съезд партии «съездом мира». Лозунг этот по мере дальнейшего развития событий летом 1939 года все чаще звучал как насмешка.

То были заявления для широкой публики. Через два дня, 3 апреля, в обстановке строжайшей секретности Гитлер дал настоящий ответ Чемберлену и полковнику Беку. Ответ этот содержался в совершенно секретной директиве видам вооруженных сил, существовавшей только в пяти экземплярах. Начиналась директива словами: «Операция «Вайс». Это кодовое название впоследствии всплывало в мировой истории довольно часто.

Операция «Вайс»

Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений, чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее.

1. Политические предпосылки и постановка задачи

…Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на Востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны. Свободное государство Данциг будет объявлено частью германской империи не позднее чем в момент начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, то есть ограничить войну исключительно польской территорией.

Ввиду приближающегося к кризисной точке развития событий во Франции и обусловленной этим сдержанности Англии обстановка, благоприятствующая решению польского вопроса, может возникнуть в недалеком будущем.

Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять…

Германия может рассчитывать, что в качестве ее союзника выступит Венгрия, однако этот вопрос окончательно еще не решен. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим.

2. Выводы военного характера

Главное направление дальнейшего строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция «Вайс»

составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне…

В период после начала войны изоляция Польши сохранится тем вернее, чем в большей мере нам удастся открыть военные действия внезапными мощными ударами и добиться быстрых успехов.

3. Задачи вооруженных сил

Задача вооруженных сил состоит в уничтожении польской армии.

С этой целью необходимо стремиться к внезапному началу наступательных действий и заранее готовить эти действия. Скрытная или явная всеобщая мобилизация будет назначена лишь в канун наступления, в самый последний момент.

О захвате Данцига в директиве говорится следующее:

Может представиться возможность захватить свободное государство Данциг внезапным ударом независимо от операции «Вайс», пользуясь благоприятной политической обстановкой.

…Сухопутные войска должны наступать на Данциг из Восточной Пруссии.

Военно-морской флот поддержит операцию сухопутных войск действиями с моря…

Операция «Вайс» — достаточно длинный документ с несколькими приложениями, дополнениями, специальными приказами, которые были изданы целиком 11 апреля. Конечно, число их увеличивалось по мере приближения военных действий. Но уже 3 апреля Гитлер составил следующие дополнения:

1. Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы обеспечить готовность к проведению операции не позднее 1 сентября 1939 года.

Как и дату захвата Судетской области — 1 октября 1938 года, Гитлер и эту, более важную дату — 1 сентября 1939 года объявил заранее, и она также была соблюдена.

2. Верховному главнокомандованию вооруженных сил поручено составить для операции «Вайс» календарный план мероприятий и, проведя совещание с участием всех трех видов вооруженных сил, организовать между ними взаимодействие по времени.

3. Соображения главнокомандующих видами вооруженных сил и данные с указанием продвижения по срокам представить в ОКБ к I мая 1939 года.

Вопрос теперь ставился так: сможет ли Гитлер измотать поляков настолько, что они примут его требования, как это сделали австрийцы и чехи (при помощи Чемберлена), или Польша будет стоять на своем и окажет противодействие немецкой агрессии, а если окажет, то какими силами. В поисках ответа на эти вопросы автор провел первую неделю апреля в Польше. Ответы были такие: поляки не поддадутся угрозам Гитлера и будут сражаться, если враг вторгнется на их территорию, но их положение с

военной и политической точек зрения ужасно. Авиация у Польши была отсталая, армия громоздкая и неманевренная, стратегическое положение — почти безнадежное, поскольку Польша с трех сторон была окружена немецкими войсками. Более того, укрепление Западного вала необычайно затрудняло наступление англичан и французов на Германию в случае ее нападения на Польшу. В довершение всего польские полковники ни за что не согласились бы принять помощь от России, даже если бы немцы стояли у ворот Варшавы.

События развивались стремительно. 6 апреля полковник Бек подписал в Лондоне соглашение с Англией, трансформировав одностороннюю английскую гарантию во временный договор о взаимопомощи.

Постоянный договор, как было объявлено, планировалось подписать после уточнения деталей.

На следующий день, 7 апреля, Муссолини двинул свои войска в Албанию и захватил эту маленькую горную страну, присовокупив ее к своим трофеям после Эфиопии. Тем самым он создал трамплин для нападения на Грецию и Югославию, что в обстановке напряженности в Европе заставило трепетать малые государства, бросавшие вызов оси. Как явствует из документов министерства иностранных дел Германии, действия эти совершались с ее одобрения. 13 апреля Франция и Англия в качестве ответного шага объявили о своих гарантиях Греции и Румынии. Группировки стали постепенно вырисовываться. В середине апреля Геринг прибыл в Рим и, к неудовольствию Риббентропа, имел две продолжительные беседы с Муссолини 15 и 16 апреля. Они согласились, что для подготовки к «всеобщему конфликту необходимо еще два-три года», однако Геринг заявил, что в случае, если война разразится раньше, «положение оси достаточно прочно» и она «может противостоять любому вероятному противнику».

В беседе упоминалось обращение президента Рузвельта, которое в Риме и Берлине было получено 15 апреля. Как вспоминал Чиано, дуче сначала отказался его читать, а Геринг заявил, что на него не стоит отвечать. Муссолини предположил, что такое мог прислать только пораженный «детским параличом», Герингу же казалось, что «Рузвельт страдает умственным расстройством».

В телеграмме, направленной Гитлеру и Муссолини, президент напрямик спрашивал, не нападут ли вооруженные силы Германии и Италии на указанные независимые государства, и далее следовал список из 31 государства, в который были включены Польша, Прибалтийские государства, Россия, Дания, Нидерланды, Бельгия, Франция и Англия. Президент полагал, что гарантия ненападения может быть дана по крайней мере лет на десять или «на четверть века, если позволительно заглядывать так далеко вперед». Если такие гарантии будут даны, он обещал, что Америка примет участие в обсуждении вопроса, как избавить мир «от тяжкого бремени вооружения» и как расширить международную торговлю.

«Вы неоднократно заверяли, — напоминал он Гитлеру, — что ни вы, ни немецкий народ не желаете войны. Если это правда, то войны не должно быть».

В свете известных фактов это воззвание может показаться наивным, но Гитлера оно смутило и он дал понять, что ответит на него. И он ответил,

но не непосредственно, а в речи, произнесенной 28 апреля на специально созванной сессии рейхстага.

До того, как явствует из трофейных документов германского министерства иностранных дел, 17 апреля, с Вильгельмштрассе ушла циркулярная телеграмма во все перечисленные страны, кроме Польши, России, Англии и Франции. В телеграмме содержалось два вопроса: считают ли в этих странах, что Германия каким-то образом им угрожает? уполномочивали ли они Рузвельта выступить с таким обращением?

«Мы не сомневаемся, — телеграфировал Риббентроп своим послам в этих странах, — что на оба вопроса будет дан отрицательный ответ. Но по ряду причин мы хотели бы немедленно получить подтверждение у вас». «Ряд причин» станет ясен из речи Гитлера, произнесенной 28 апреля.

К 22 апреля министерство иностранных дел Германии уже могло доложить фюреру: большинство стран, среди них Югославия, Бельгия, Дания, Норвегия, Голландия и Люксембург, ответили на оба вопроса отрицательно, что вскоре доказало, как недооценивали они третий рейх. Из Румынии, правда, пришел язвительный ответ, что «правительство рейха само должно знать, существует ли такая опасность». Маленькая Латвия вначале не поняла, какого ответа от нее ожидают, но министерство иностранных дел Германии быстро внесло ясность. 18 апреля Вайцзекер сам позвонил послу в Ригу, чтобы высказать ему, что ответ министерства иностранных дел Латвии на вопрос о телеграмме Рузвельта непонятен.

«В то время как практически все страны уже дали ответ — отрицательный, естественно, — господин Мунтерс считает, что по поводу этого нелепого выпада американской пропаганды надо совещаться с кабинетом. Если господин Мунтерс немедленно не ответит на наш вопрос «нет», мы будем вынуждены считать Латвию одной из тех стран, которые сделались добровольными союзниками господина Рузвельта. Я полагаю, что слова герра фон Котце (немецкого посла) будет достаточно, чтобы он (Мунтерс) дал нужный ответ».

Слова фон Котце оказалось достаточно.

Ответ Гитлера Рузвельту

Эти ответы стали мощным оружием Гитлера. Он мастерски воспользовался им, когда 28 апреля 1939 года начал свою речь. Мне кажется, это было самое продолжительное выступление фюрера — оно длилось два часа, а может, и дольше. Во многих отношениях, особенно по силе воздействия на немцев и сторонников нацистской Германии за рубежом, это была самая блестящая его речь — по крайней мере, мне не приходилось слышать более яркой. По красноречию, изворотливости, сарказму и лицемерию Гитлер в этой речи превзошел самого себя. Таких высот в дальнейшем он не достигал ни разу. Речь была заготовлена для немецкой аудитории, но кроме немецких станций ее транслировали сотни радиостанций по всему миру; в Соединенных Штатах ее передавали все ведущие сети. Ни до этой речи, ни после нее у Гитлера не было такой огромной аудитории[165].

Фюрер начал с привычных слов о несправедливости Версальского договора, о тех несправедливостях» и притеснениях, которые немецкий народ вынужден испытывать вследствие этого. Потом он перешел к ответам Англии и Польше, которые потрясли Европу.

Выразив чувство восхищения англичанами и поклявшись им в дружбе, Гитлер напал на Англию за недоверие, которое она питает к Германии, и за новую «политику окружения», которую она проводит против нее. После этого он денонсировал англо-германский морской договор 1935 года. «Основания для него, — заявил он, — более не существует».

Приблизительно так же обстояло дело с Польшей. Гитлер рассказал о сделанных Польше по поводу Данцига и коридора предложениях, которые раньше держались в секрете, назвав это «величайшей уступкой во имя мира в Европе, какую только можно представить», после чего довел до сведения рейхстага, что польское правительство отклонило это «замечательное предложение».

«Я сожалею о таком непонятном поведении польского правительства… Самое худшее, что теперь Польша, как год назад Чехословакия, под давлением лживой международной кампании полагает, что необходимо провести мобилизацию войск, хотя Германия не призвала ни одного солдата и не намерена вынашивать каких-либо планов против Польши. Это достойно сожаления, и потомки рассудят, правильно ли было отвергать мое предложение… этот поистине уникальный компромисс…»

Далее он заявил, что сообщение о том, что Германия собирается напасть на Польшу — «чистейшая выдумка международной прессы». (Никто из десятков миллионов, слушавших Гитлера, не знал, что за три недели до этого он отдал своей армии письменный приказ быть готовой уничтожить Польшу самое позднее к 1 сентября.) Эти выдумки газетчиков, продолжал Гитлер, привели к тому, что Польша заключила соглашение с Англией, которое «при определенных обстоятельствах вынудит Польшу предпринять военные действия против Германии». Польша нарушила польско-германский пакт о ненападении. Следовательно, пакт этот более не существует.

Разорвав, таким образом, в одностороннем порядке два официальных договора, Гитлер заявил рейхстагу, что готов обсудить возможность их замены: «Я не могу не приветствовать такую идею! — воскликнул он. — Я более других буду рад такому повороту событий!» Это был старый трюк, и раньше он, как известно, часто срабатывал. Однако Гитлер не мог предвидеть, что на этот раз номер не пройдет,

Затем он перешел к телеграмме Рузвельта. В этом месте немецкий диктатор достиг вершин ораторского искусства. Человек непредубежденный понимал, что речь его исполнена обмана и лицемерия. Но тщательно отобранных членов рейхстага и миллионы немцев сарказм и ирония этой речи приводили в восторг. Депутаты рейхстага покатывались со смеху, когда фюрер принялся насмехаться над американским президентом, причем казалось, насмешкам не будет конца. Гитлер зачитывал по порядку пункты телеграммы Рузвельта,

потом делал паузу, слегка улыбался и голосом школьного учителя тихо произносил: «Ответ», после чего отвечал. (Я, как сейчас, вижу: после паузы и слов Гитлера сидящий наверху в председательском кресле Геринг старается подавить усмешку, депутаты парламента настороженно прислушиваются, чтобы после того, как прозвучит ответ, разразиться хохотом.)

«Мистер Рузвельт заявляет, будто ему совершенно ясно, что все международные проблемы можно решить за столом переговоров.

Ответ:… Я был бы счастлив, если бы эти проблемы действительно могли решиться за столом переговоров. Скептицизм мой основан на том, что Америка сама продемонстрировала свое неверие в действенность конференций. Величайшая конференция всех времен — Лига Наций … представляющая все народы мира, была создана по желанию американского президента, однако первым государством, которое вышло из этой организации, были Соединенные Штаты… Я последовал примеру Америки только после долгих лет бесполезного членства…

Свобода Северной Америки была завоевана не за столом переговоров, не там решался конфликт между Севером и Югом. Я уже не говорю о многочисленных сражениях, предшествовавших полному покорению Североамериканского континента.

Я упомянул обо всем этом здесь только для того, мистер Рузвельт, чтобы показать, что ваши взгляды, безусловно заслуживающие уважения, не подтверждаются примерами ни из истории вашей собственной страны, ни из истории остального мира».

Гитлер напомнил президенту Рузвельту, что Германия однажды приняла участие в конференции в Версале, но не для обсуждений, а для того, чтобы выслушать, что ей делать, и именно там представители Германии «подвергались большему унижению, чем когда-то вожди племени сиу».

Наконец Гитлер дошел до просьбы президента дать гарантии ненападения на 31 государство.

«Ответ: Как господин Рузвельт узнал, какие нации видят для себя угрозу в политике Германии, а какие нет? Или, может быть, мистер Рузвельт, несмотря на огромный объем работы, который ему приходится выполнять в своей стране, имеет время вникать во внутренние проблемы других народов и их правительств?

Наконец, мистер Рузвельт просит заверений по поводу того, что вооруженные силы Германии не совершат нападение, более того, не вторгнутся в пределы и не будут покушаться на собственность следующих независимых государств…»

Гитлер очень медленно зачитал список стран, причем с каждым словом смех в рейхстаге нарастал. И никто из депутатов рейхстага и жителей Берлина, включая автора этих строк, не заметил, что фюрер опустил Польшу.

Гитлер вытащил туза из колоды — он, по крайней мере, так полагал.

«Ответ: Я потрудился выяснить у перечисленных государств, во-первых, считают ли они, что для них существует угроза, во-вторых, был ли запрос американского президента сделан по их просьбе или по крайней мере с их согласия.

Во всех случаях ответ был отрицательным… Правда, от некоторых государств, перечисленных в списке, я не мог получить ответа на свои вопросы, потому что в настоящее время они, как, например, Сирия, не являются свободными, а оккупированы и, следовательно, лишены прав армиями демократических государств.

Кроме того, все государства, граничащие с Германией, получили с ее стороны обязательства более четкие… чем те, о которых просит меня мистер Рузвельт в своей курьезной телеграмме…

Я вынужден обратить внимание мистера Рузвельта на пару исторических ошибок. Он упомянул Ирландию и просит от меня заверения, что Германия не нападет на нее. Так вот, я только что прочитал речь де Валера, ирландского премьер-министра, в которой он выражает мнение, противоречащее высказыванию мистера Рузвельта. Он не обвиняет Германию в притеснении Ирландии, а обвиняет Англию в постоянно совершаемой против Ирландии агрессии…

Точно так же, вероятно, от внимания мистера Рузвельта ускользнул тот факт, что Палестина в настоящее время оккупирована не немецкими, а английскими войсками и что свобода этой страны попирается жесточайшим образом с помощью оружия…»

Тем не менее Гитлер заявил, что готов дать каждой из перечисленных стран гарантии, как того хочет мистер Рузвельт, более того… Глаза его загорелись.

«Я не хотел бы упускать возможности дать помимо всего прочего президенту Соединенных Штатов заверения по поводу территорий, которые в конечном счете должны волновать его больше всего, — я имею в виду сами Соединенные Штаты и другие государства Американского континента.

Я клятвенно заявляю, что любые бытующие сейчас утверждения, так или иначе связанные с нападением Германии на Америку или вторжением Германии на ее территорию, являются чудовищной ложью. Я уже не говорю о том, что такие утверждения могут быть плодом больного воображения, если взглянуть на них с военной точки зрения».

Рейхстаг сотрясался от хохота, в то время как Гитлер сохранял серьезное выражение на лице. Затем последовало резюме, еще раз подтвердившее, что это было самое эффектное выступление фюрера, которое мне доводилось слышать.

«Мистер Рузвельт! Я прекрасно понимаю, что обширность вашего государства и несметность богатств вашей страны заставляют вас испытывать ответственность за историю всего мира, за историю каждого народа. Сэр, я вращаюсь в более скромных сферах…

Однажды я пришел к власти в стране, которая лежала в руинах, потому что поверила обещаниям остального мира и потому что ею плохо управляли демократические правительства… Я победил хаос в Германии, восстановил порядок, резко повысил выпуск продукции… развил транспорт, организовал строительство дорог и рытье каналов, способствовал созданию новых гигантских заводов и в то же время поощрял развитее образования и культуры нашего народа.

Мне удалось дать работу более чем семи миллионам безработных… Я не только политически объединил немцев, я их перевооружил. Я смог страницу за страницей уничтожить тот договор, все четыреста сорок восемь статей которого содержат величайшие и самые злодейские притеснения, с которыми когда-либо приходилось мириться человеку.

Я вернул рейху провинции, отнятые у нас в 1919 году. Я вернул на родину миллионы немцев, которые были от нее оторваны и жили в нищете… И все это, мистер Рузвельт, без кровопролития, не принеся ни своему народу, ни, следовательно, другим ужасов войны…

Ваша задача, мистер Рузвельт, по сравнению с моей гораздо проще. Вы стали президентом Соединенных Штатов в 1933 году, когда я был избран канцлером рейха. С самого начала вы стояли во главе одной из крупнейших и богатейших стран мира… У вас в стране имеются все условия для того, чтобы в свободное время вы могли уделить внимание мировым проблемам… Ваши помыслы и предложения распространяются гораздо шире, чем мои, потому что мой мир, мистер Рузвельт, в который поместило меня провидение и ради которого я считаю своим долгом трудиться, к сожалению, гораздо меньше, хотя для меня он дороже всего на свете, потому что это мир моего народа!

Я полагаю, что именно так лучше всего смогу служить всему тому, в чем мы все заинтересованы: справедливости, процветанию, прогрессу, миру на земле».

С точки зрения обмана немецкого народа эта речь Гитлера является шедевром. Но, путешествуя по Европе в дни, последовавшие за этим, легко было убедиться в том, что эта речь Гитлера в отличие от предыдущих не помогла ему одурачить народы других стран и их правительства. Другие народы в отличие от немцев сумели отличить правду от обмана. Они понимали, что, несмотря на все свое красноречие, несмотря на одержанную победу над Рузвельтом, фюрер Германии не ответил на основной вопрос президента: возможны ли впредь агрессии? нападет ли он на Польшу?

Как выяснилось в дальнейшем, это была последняя речь Гитлера, произнесенная им в мирное время. Бывший австрийский бродяга дошел до предела — идти дальше, опираясь на ораторское искусство, было невозможно. Теперь ему предстояло попытаться занять свое место в истории военным путем.

Удаляясь на летний отдых в горную резиденцию Берхтесгаден, Гитлер не отреагировал публично на ответ, данный Польшей. Полковник Бек дал его в своей речи в сейме 5 мая и в официальном меморандуме польского правительства, переданном Германии в тот же день. Ответ Польши и речь Бека были выдержаны в благородных, примирительных, но в то же время твердых тонах. В нем говорилось:

«Ясно, что переговоры, в ходе которых одна сторона формулирует требования, а другая обязана принимать эти требования без изменений, таковыми не являются».

Вмешательство России: I

В своей речи в рейхстаге 28 апреля Гитлер избежал традиционных нападок на Советский Союз. О России вообще не было сказано ни слова. Полковник Бек упомянул о «некоторых намеках», сделанных Германией, которые «выходили далеко за рамки обсуждаемых тем», и оставил за собой право «вернуться к обсуждению этого вопроса, если это будет необходимо», — здесь явно имелись в виду усилия Германии склонить Польшу присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, нацеленному против России. Однако Бек, как, впрочем, и Чемберлен, не знал, что от этого намерения в Берлине уже отказались. В Берлине и в Москве рождались новые идеи.

Трудно указать точно, когда в указанных двух столицах были предприняты попытки достичь взаимопонимания, которые имели столь серьезные последствия для всего мира. Первый намек на изменение отношений между двумя странами прозвучал еще 3 октября 1938 года, через четыре дня после встречи в Мюнхене. Советник германского посольства в Москве докладывал тогда в Берлин, что Сталин сделает определенные выводы после разрешения судетского конфликта, к урегулированию которого он не был привлечен, и впредь будет относиться к Германии, вероятно, «более положительно». Дипломат ратовал за расширение экономического сотрудничества между двумя странами, он повторил это в своем послании через неделю. В конце октября посол Германии в Москве граф Шуленбург уведомил министерство иностранных дел Германии, что «намерен в самом ближайшем будущем встретиться с Молотовым, Председателем Совета Народных Комиссаров, чтобы попытаться решить вопросы, осложняющие германо-советские отношения». Мало вероятно, что посол сам пришел к подобному решению, учитывая недавнее враждебное отношение Гитлера к Москве. Скорее всего, инструкция поступила из Берлина.

Из трофейных архивов министерства иностранных дел становится ясно, что так оно и было. Первым шагом, по мнению Германии, должно было стать улучшение торговых отношений между двумя странами. В меморандуме министерства иностранных дел от 4 ноября 1938 года говорится о «настойчивом требовании из ведомства фельдмаршала Геринга хотя бы попытаться реактивировать… торговлю с Россией, особенно в той части, где речь идет о русском сырье». Сроки советско-германских торговых соглашений истекали в конце года, и документы с Вильгельмштрассе изобилуют материалами о взлетах и падениях во время переговоров о их возобновлении. Каждая из сторон относилась к другой с большим подозрением, и все-таки они медленно, но неуклонно сближались. 22 ноября в Москве состоялись переговоры между представителями внешнеторговых организаций Советского Союза и известным немецким специалистом по урегулированию экономических конфликтов Юлиусом Шнурре.

Вскоре после Нового года посол СССР в Берлине Мерекалов прибыл на Вильгельмштрассе, что делал нечасто, чтобы сообщить:

«Советский Союз намерен положить начало новой эре в германо-советских экономических отношениях». В течение нескольких последующих недель велись многообещающие переговоры, но в феврале 1939 года они практически прекратились в основном из-за того, что стороны не могли решить, где их продолжать — в Москве или в Берлине. Однако подлинная причина стала ясна из меморандума директора отдела экономической политики министерства иностранных дел от 11 марта 1939 года: хотя Германии недостает русского сырья, хотя Геринг постоянно требует его закупки, рейх просто не в состоянии снабжать Советский Союз теми товарами, которые придется поставлять в обмен. Директор полагал, что свертывание переговоров «крайне прискорбно для Германии с точки зрения положения дел с сырьем».

Хотя первая попытка установить более тесные экономические отношения потерпела неудачу, не все еще было потеряно. 10 марта 1939 года Сталин выступил с большой речью на первом заседании XVIII съезда партии. Через три дня внимательный Шуленбург представил отчет об этой речи в Берлин. Он считал знаменательным тот факт, что «ирония Сталина и его критика были направлены в гораздо большей степени против Англии, чем против так называемых государств-агрессоров, в частности Германии». Посол выделял замечание Сталина о том, что слабость демократических держав со своей очевидностью подчеркивается тем фактом, что они отказались от политики коллективной безопасности, и переходом их на позицию невмешательства, на позицию нейтралитета. Подоплекой этой политики было стремление натравить государства-агрессоры на их жертвы. Далее он цитировал советского диктатора, который обвинял страны Запада в том, что они ведут двурушническую политику, «толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора… Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии… и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

В заключение Сталин сформулировал основные принципы в области внешней политики:

«I. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2….Не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками…»

Человек, принимавший в России окончательные решения, открыто предупреждал, что Советский Союз не намерен оказаться втянутым в войну с нацистской Германией во имя спасения Англии и Франции.

Если в Лондоне это предупреждение проигнорировали, то в Берлине на него обратили внимание[166].

Из речи Сталина и из некоторых дипломатических обменов, последовавших вскоре, явствует, что советская внешняя политика была очень осторожной, но вместе с тем открытой. 15 марта, через три дня после оккупации нацистами Чехословакии, правительство России предложило, о чем мы уже

рассказывали, созвать конференцию шести держав с целью обсудить меры по предотвращению дальнейшей агрессии. Это предложение Чемберлен назвал «преждевременным»[167]. Произошло это 18 марта. Через два дня в официальном коммюнике Москвы, которое было спешно передано по телеграфу немецким послом в Берлин, отрицался тот факт, что Советский Союз предлагал Польше и Румынии помощь «в случае, если они станут жертвами агрессии». Причина: «Ни Польша, ни Румыния не обращались к Советскому правительству за помощью и не информировали (его) об опасности, грозящей им».

Односторонняя гарантия, данная Англией Польше 31 марта, вероятно, помогла Сталину убедиться в том, что Англия предпочитает союз с поляками союзу с Россией и что Чемберлен, как и в случае с Мюнхеном, намерен отстранять Советский Союз от решения европейских проблем.

В сложившейся ситуации немцы и итальянцы увидели для себя некоторые перспективы. Геринг, к этому времени оказывавший серьезное влияние на Гитлера в вопросах внешней политики, 16 апреля встретился в Риме с Муссолини и обратил внимание дуче на речь Сталина на съезде коммунистической партии. Особенно сильное впечатление произвело на маршала заявление советского диктатора, что «русские не позволят делать из себя пушечное мясо для капиталистических государств». Он сказал, что поинтересуется у фюрера, нельзя ли осторожно выяснить перспективы сближения с Россией. Согласно немецкому меморандуму, дуче приветствовал сближение между государствами оси и Советским Союзом. Он также уловил, что в Москве происходят перемены, и полагал, что сближение может быть осуществлено «сравнительно легко».

«Нашей задачей, — говорил Муссолини, — будет убедить Россию холодно отреагировать на проводимую Англией политику окружения, что соответствует высказываниям Сталина в его речи… Более того, в своей идеологической борьбе против плутократии и капитализма державы оси в некотором роде имеют общие с русским режимом цели».

Это был радикальный поворот в политике держав оси. Чемберлен был бы крайне удивлен, узнав об этом. Удивило бы это, вероятно, и Литвинова.

16 апреля, в тот самый день, когда Геринг беседовал с Муссолини, советский Народный комиссар иностранных дел принял английского посла в Москве и выступил с официальным предложением заключить трехсторонний договор о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. Предлагалось подписать военную конвенцию трех государств, к которой могла при желании присоединиться Польша. Подписавшиеся должны были гарантировать безопасность всех государств Центральной и Восточной Европы, которые считают, что для них существует угроза со стороны нацистской Германии. Это была последняя попытка Литвинова организовать союз, направленный против третьего рейха. Народный комиссар по иностранным делам поставил на карту свою карьеру, пытаясь остановить Гитлера коллективными мерами; он полагал, что ему наконец-то удастся объединить для этой цели демократические страны Запада и Россию. Черчилль в своей речи от 4 мая, сожалея, что предложения России до сих пор не приняты в Лондоне, сказал, что «невозможно создать на Востоке фронт против нацистской агрессии без активной помощи со стороны России». Ни одно другое государство Восточной Европы — и уж, конечно, ни Польша — не

обладало достаточными силами, чтобы держать фронт в этом регионе. И все-таки предложения русских повергли Лондон и Париж в ужас.

Но еще до того, как они были отвергнуты, Сталин сделал серьезный шаг в ином направлении.

17 апреля, на следующий день после того, как Литвинов выступил со своим далеко идущим предложением, советский посол в Берлине нанес визит Вайцзекеру в министерстве иностранных дел. Как записал статс-секретарь, это был первый визит Мерекалова за все время пребывания на занимаемом посту. После обмена общими фразами о германо-русских экономических отношениях посол перешел к вопросам политики и напрямую спросил Вайцзекера, что он думает о русско-германских отношениях. Посол говорил приблизительно следующее:

«Русская политика всегда следовала прямым курсом. Идеологические разногласия мало повлияли на отношения между Россией и Италией, не должны они повлиять и на отношения с Германией.

Россия не воспользовалась существующими трениями между государствами Запада и Германией и не намерена ими воспользоваться, поэтому нет причин, по которым между нашими странами не могли бы существовать нормальные отношения. А нормальные отношения всегда могут улучшиться».

К этому, очевидно, и клонил Мерекалов, на этом он и закончил беседу, добавив, что через пару дней собирается в Москву.

В столице России, куда вернулся посол, что-то затевалось. Выяснилось это 3 мая, когда на последних страницах советских газет в разделе «Новости» появилось короткое сообщение о том, что Литвинов освобожден от должности Народного комиссара иностранных дел по собственной просьбе, а его место занял Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов.

Немецкий поверенный в делах на следующий день докладывал в Берлин:

«Внезапная замена вызвала здесь крайнее удивление, так как Литвинов вел переговоры с английской делегацией и на параде 1 мая стоял рядом со Сталиным…

Поскольку Литвинов принимал посла Британии 2 мая и был на параде, о чем сообщалось вчера в прессе, причиной его отставки могло явиться только внезапное решение Сталина… На последнем съезде партии Сталин говорил о том, что Советский Союз не должен оказаться втянутым в конфликт. Молотов не еврей, известен как «один из самых близких друзей и соратников» Сталина. Его назначение должно, вероятно, служить гарантией, что внешняя политика будет проводиться строго по предначертаниям Сталина».

Значение внезапной отставки Литвинова было понятно всем. Она свидетельствовала о крутом повороте в советской внешней политике. Литвинов ратовал за коллективную безопасность, за укрепление Лиги Наций, искал способ обезопасить Россию от агрессии со стороны нацистской Германии путем заключения военного союза с Англией и Францией. Колебания Чемберлена по поводу такого союза оказались роковыми для Народного комиссара иностранных дел. По мнению Сталина, — а это было единственное

мнение, с которым считались в Москве, — политика, проводимая Литвиновым, провалилась. Более того, над Советским Союзом нависла угроза войны с Германией — войны, в которой страны Запада, возможно, и не захотят принять участия. Сталин пришел к выводу, что настало время поменять политический курс. Если Чемберлен сумел умиротворить Гитлера, то почему этого не сможет сделать русский диктатор? Тот факт, что еврей Литвинов был заменен не евреем Молотовым (это особенно подчеркивалось в докладе, направленном в Берлин), должен был произвести определенное впечатление в нацистских кругах.

Чтобы удостовериться в том, что немцы оценили значение этой замены, советский поверенный в делах Георгий Астахов поднял этот вопрос в беседе с доктором Юлиусом Шнурре, экспертом министерства иностранных дел Германии по вопросам экономики Восточной Европы.

«Астахов коснулся вопроса об отставке Литвинова, — докладывал Шнурре, надеясь выяснить, повлияет ли смена министров на наше отношение к Советскому Союзу. Он подчеркивал значение личности Молотова, который не был специалистом в области внешней политики, но а будущем несомненно сыграет в ней большую роль».

Поверенный в делах предложил немцам возобновить торговые переговоры, прерванные в феврале.

На советские предложения о военном союзе, сделанные 16 апреля, английское правительство ответило только 8 мая. Предложения были фактически отклонены. Это укрепило Москву в подозрениях, что Чемберлен не хочет заключать военный пакт с Россией с целью воспрепятствовать захвату Гитлером Польши.

Неудивительно, что русские в связи с этим предприняли попытки сближения с Германией. 17 мая Астахов опять встретился со Шнурре в министерстве иностранных дел. Обсудив торговые проблемы, собеседники затронули более широкий круг вопросов.

«Астахов сказал, — докладывал Шнурре, — что во внешней политике Германии и Советского Союза противоречий нет, а следовательно, нет и повода для вражды между нашими странами. Действительно, в Советском Союзе ощущают угрозу со стороны Германии, однако эти ощущения могут несомненно исчезнуть, как и недоверие Москвы… В ответ на мой случайно оброненный вопрос он прокомментировал ход англо-советских переговоров, сказав, что в ситуации, сложившейся к настоящему «моменту, результат, к которому стремится Англия, вряд ли достижим».

Через три дня, 20 мая, посол Шуленбург имел в Москве продолжительную беседу с Молотовым. Новый комиссар по иностранным делам был настроен необычайно дружелюбно и сообщил немецкому послу, что экономические переговоры между двумя странами могут возобновиться, если для этого будут созданы необходимые политические предпосылки. Это был новый подход Кремля, осторожно изложенный Молотовым. Когда Шуленбург попытался уточнить, что имеет в виду Народный комиссар под «политическими предпосылками», он ответил, что над этим вопросом должны подумать оба правительства. Все попытки посла выяснить, на что намекает лукавый Народный комиссар, оказались безуспешны. «Он известен своим упрямством»,

— напоминал Шуленбург Берлину. По дороге из министерства иностранных дел посол зашел к Владимиру Потемкину, заместителю Народного комиссара по иностранным делам, и пожаловался, что не понимает, какие цели преследует Молотов в политическом плане. «Я попросил герра Потемкина выяснить это», — докладывал посол в Берлин.

Возобновление контактов между Берлином и Москвой не осталось незамеченным французским послом в немецкой столице. 7 мая, всего через четыре дня после отставки Литвинова, Кулондр информировал министерство иностранных дел Франции, что, согласно данным, полученным от лица из окружения Гитлера, Германия ищет контакта с Россией, в результате которого, помимо всего прочего, может произойти четвертый раздел Польши. Два дня спустя французский посол отправил в Париж еще одну телеграмму, в которой сообщал о циркулировавших по Берлину слухах о том, что Германия «сделала или собирается сделать России предложения, направленные на раздел Польши».

Стальной пакт

Хотя верхушка вермахта была невысокого мнения о военной мощи Италии, Гитлер настаивал на военном союзе с ней, однако Муссолини не спешил его заключать. Переговоры между двумя верховными командованиями начались в апреле. Кейтель докладывал в ОКБ о своих впечатлениях: и итальянские войска, и темпы их перевооружения оставляют желать лучшего. На войну, полагал он, нужно решаться быстро, иначе итальянцы не примут в ней участия.

Как явствует из дневников Чиано, в середине апреля он был сильно встревожен тем, что все ощутимее проявлялись признаки, что Германия в любой момент может напасть на Польшу и развязать европейскую войну, к которой Италия не готова. Когда 20 апреля посол Италии в Берлине Аттолико прислал в Рим телеграмму, в которой сообщал, что действия против Польши неизбежны, Чиано приказал ему ускорить подготовку встречи с Риббентропом, чтобы Италия не оказалась застигнутой врасплох.

Министры иностранных дел встретились в Милане 6 мая. Чиано прибыл с письменными инструкциями Муссолини, в которых упор делался на пожелание Италии в ближайшие три года избежать войны. К удивлению итальянца, Риббентроп заявил, что и Германия хотела бы сохранить мир на это время. Чиано впервые лицезрел немецкого министра иностранных дел «удивительно спокойным». Они обсудили положение в Европе, пришли к согласию, что необходимо улучшить отношения держав оси с Советским Союзом, после чего сделали перерыв на торжественный обед.

Когда после обеда позвонил Муссолини и поинтересовался, как прошли переговоры, Чиано ответил ему, что переговоры прошли хорошо, и дуче принял неожиданное решение: попросил своего зятя опубликовать в прессе коммюнике, в котором бы сообщалось, что Германия и Италия договорились заключить военный союз. Риббентроп сперва колебался. Потом согласился доложить об этом Гитлеру. Когда же ему удалось связаться по телефону с фюрером, то последний с готовностью откликнулся на предложение Муссолини.

Так, под воздействием внезапного порыва, Муссолини после более чем годового колебания безвозвратно вверил свою судьбу Гитлеру. Это было одним из первых признаков, свидетельствовавших о том, что итальянский диктатор, так же как немецкий фюрер, начал утрачивать тот железный самоконтроль, который помогал им обоим до 1939 года хладнокровно следовать интересам нации. Для Муссолини последствия этого шага вскоре обернулись катастрофой.

22 мая Стальной пакт (под таким названием он вошел в историю) в обстановке невообразимой шумихи был подписан в рейхсканцелярии в Берлине. Чиано повесил на Риббентропа цепь ордена Святой девы.

Это привело Геринга в такое бешенство, что он прослезился, — этот факт не ускользнул от итальянского министра иностранных дел. Тучный фельдмаршал закатил сцену: он сетовал на несправедливость и утверждал, что орден нужно было дать ему, так как именно он способствовал скорейшему заключению союза.

«Я обещал Макензену (послу Германии в Риме) попытаться сделать так, чтобы и Герингу дали орден», — рассказывал Чиано. Гитлера он нашел «прекрасно выглядевшим, совершенно безмятежным и менее агрессивным», хотя он заметно постарел и морщин у глаз прибавилось, вероятно от недосыпания[168]. Пребывая в великолепном настроении, фюрер наблюдал, как два министра иностранных дел подписывают документ о военном союзе.

Положения документа были сформулированы с военной прямотой. Его агрессивную сущность подчеркивало предложение, вставленное по настоянию Гитлера в преамбулу. В нем говорилось, что две страны, «спаянные внутренним родством идеологий …полны решимости действовать рука об руку объединенными силами в целях обеспечения жизненного пространства». Сущность договора содержалась в статье III:

«Если вопреки надеждам и пожеланиям Высоких Договаривающихся Сторон у одной из них возникнут осложнения военного характера с другой страной или странами, другая Высокая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет ей содействие в качестве союзника и поддержит всеми вооруженными силами на земле, на море и в воздухе».

Статья V гласила, что в случае войны ни одна из сторон не будет заключать сепаратного перемирия или мира.

Как показал дальнейший ход событий, сначала не выполнил первого пункта Муссолини, потом нарушила второй пункт Италия.

Гитлер сжигает корабли: 23 мая 1939 года

На следующий после подписания Стального пакта день, то есть 23 мая, Гитлер собрал в рейхсканцелярии военачальников и прямо заявил им, что дальнейшие успехи невозможны без кровопролития и что, следовательно, война неизбежна. На этой встрече было больше народу, чем на подобном собрании, состоявшемся 5 ноября 1937 года, на котором Гитлер сообщил

командующим трех видов вооруженных сил о своем решении держать курс на войну.

Всего присутствовало четырнадцать человек, среди них фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер, генерал фон Браухич, генерал Гальдер, генерал Кейтель, генерал-инспектор люфтваффе Эрхард Мильх, начальник штаба ВМС контр-адмирал Отто Шнивинд. Присутствовал также адъютант фюрера подполковник Рудольф Шмундт, который вел запись беседы (впоследствии она была обнаружена среди трофейных документов). Все, что говорил Гитлер на совещании, было настолько секретно, что копий с записи не делалось, поэтому запись Шмундта оказалась единственным документальным подтверждением.

Это один из наиболее важных секретных документов, которые позволяют проследить путь Гитлера к войне. Перед горсткой людей, которым предстояло руководить вооруженными силами в будущем военном конфликте, Гитлер не прибегает к пропагандистским трюкам и замаскированному обману. Он открыто говорит о том, почему должен напасть на Польшу, а если потребуется, то и на Англию и Францию. С невероятной точностью предсказывает он ход военных действий — по крайней мере, на первый год войны. Но, несмотря на всю прямоту, в докладе фюрера больше неуверенности, чем когда бы то ни было. Более того, Англия и англичане продолжали оставаться для него загадкой и остались таковыми до конца его дней.

Все, что касалось войны и ее целей, было ясно. Не было генерала или адмирала, который бы, покинув 23 мая канцелярию, не знал, что должно случиться к концу лета. Экономические проблемы Германии, начал фюрер, могут быть решены только путем расширения жизненного пространства, а это «невозможно без вторжения в другие страны».

«Дальнейшие успехи фюрера невозможны без кровопролития… Данциг вообще не предмет для обсуждения. Это вопрос расширения жизненного пространства на Востоке, вопрос обеспечения продовольствием, решение проблемы Прибалтийских государств… В Европе нет другой возможности… Если волею судеб нам предстоит испробовать силы на Западе, то очень важно иметь большие территории на Востоке. Во время войны надежд на рекордные урожаи значительно меньше, чем в мирное время».

Кроме того, добавляет Гитлер, население негерманских территорий станет источником рабочей силы — первый намек на рабовладельческую программу, которую он позже привел в исполнение.

Выбор первой жертвы очевиден. О том, чтобы щадить Польшу, вопрос не стоит. Решение уже принято: напасть на Польшу при первом удобном случае.

«Мы не можем ожидать, что события начнут разворачиваться так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. От успешной изоляции Польши зависит успех всего».

Итак, будет война. Только с «изолированной» Польшей? Здесь мысль фюрера не совсем ясна. Его высказывания становятся противоречивыми. Он говорит, что сам решит, когда отдать приказ о нападении.

«Это не должно случиться одновременно с пробой сил на Западе…

Не исключено, что германо-польский конфликт приведет к войне с Западом, тогда на первом месте будет борьба против Англии и Франции.

Следовательно, главное: конфликт с Польшей… завершится успешно только в том случае, если в нем не будут участвовать страны Запада.

Если это невозможно, лучше напасть на западные страны и одновременно покончить с Польшей».

От быстро следующих друг за другом противоречивых заявлений генералы, вероятно, смутились, может быть, даже вынули монокли, но в записи Шмундта об этом ничего не сказано, как и о том, что кто-либо осмелился выяснить, что же все-таки произойдет.

После этого Гитлер перешел к вопросу о России. «Не исключено, — заявил он, — что России судьба Польши окажется безразлична». Однако, если Советский Союз объединится с Англией и Францией, то это заставит его, фюрера, «напасть на Англию и Францию и нанести им несколько сокрушительных ударов». Это явилось бы повторением той ошибки, которую допустил в 1914 году Вильгельм II. Хотя в своей речи Гитлер анализировал ошибки мировой войны, уроков из них он, очевидно, не извлек. Теперь мысли его обратились к Англии:

«Фюрер сомневается в возможности мирного соглашения с Англией. Нужно быть готовыми к пробе сил. Англия усматривает в нашем развитии стремление установить гегемонию, которая ее ослабит, Следовательно, Англия — наш враг и борьба с ней является вопросом жизни и смерти.

В чем же будет заключаться этот конфликт?

Англия не может покончить с Германией несколькими мощными ударами, не может сокрушить нас силой. Для Англии необычайно важно вести боевые действия как можно ближе к Руру. Французской крови жалеть не будут. (Западный вал!) Наше существование зависит от того, будем ли мы владеть Руром».

Решив повторить одну ошибку кайзера — напасть на Францию и Англию в случае, если они вступят в союз с Россией, Гитлер объявил, что последует по стопам императора и в другом деле, потом обернувшемся для Германии катастрофой.

«Голландские и бельгийские авиационные базы должны быть заняты нашими войсками. Заявления о нейтралитете можно проигнорировать. Если Англия захочет вмешаться в польскую войну, мы должны молниеносно напасть на Голландию. Наша задача — создание новой линии обороны на территории Голландии. Война с Англией и Францией станет вопросом жизни и смерти.

Мысль о том, что мы можем дешево отделаться, вызывает опасение… Нам остается только сжечь корабли, и тогда вопрос будет ставиться не «правильно это или нет», а «быть или не быть восьмидесяти миллионам людей».

Хотя Гитлер заявил, что Германия нападет на Польшу «при первом удобном случае», и все присутствовавшие знали, что на это будет нацелена вся военная мощь Германии, по словам фюрера, он не мог не думать об Англии. «Англия, отмечал он, — ведущая антигерманская сила». После этого он перешел к обсуждению ее сильных и слабых сторон:

«Англичанин горд, смел, тверд, решителен, хороший организатор. Он умеет использовать любую ситуацию. У него в крови страсть к приключениям и отвага нордической расы…

Англия сама по себе — держава мирового масштаба. Она остается нерушимой на протяжении трех столетий. У нее есть союзники. Но держава — это не только нечто конкретное, нужно учитывать и ее психологическое воздействие на окружающий мир.

К этому нужно добавить несметные богатства и вытекающую отсюда платежеспособность.

Геополитическая безопасность, гарантированная Сильным флотом и храбрыми летчиками».

Затем Гитлер напомнил своим слушателям о слабых сторонах Британии, перечислив их:

«Если бы в минувшей войне у нас было на два броненосца и на два крейсера больше и Ютландское сражение началось утром, то английский флот был бы разбит, а Англия была бы поставлена на колени[169]. Это означало бы конец мировой войны. В давние времена… для того, чтобы завоевать Англию, необходимо было вторгнуться в ее пределы. Англия могла прокормить себя. Сегодня она уже не способна на это.

Как только Англия окажется отрезанной от источников снабжения, она вынуждена будет капитулировать. Ввоз продовольствия и топлива зависит от защищающего ее флота.

Налеты люфтваффе на Англию не заставят ее капитулировать. Но если будет уничтожен флот, тогда капитуляция последует немедленно. Нет сомнений в том, что внезапное нападение может привести к быстрому решению вопроса».

Внезапное нападение? Какими силами? Безусловно, адмирал Редер должен был воспринимать слова Гитлера как вздор. В соответствии с так называемым планом Z мощность немецких ВМС только приблизится к мощности английского флота к 1945 году. А в данный момент, весной 1939 года, у Германии не было тяжелых кораблей, чтобы потопить британский флот, даже внезапно его атаковав.

Вероятно, Англию можно было победить другим способом. Здесь Гитлер спустился на землю и изложил стратегический план, который через год был осуществлен с необычайным успехом.

«Задачей должно быть нанесение противнику сокрушительного или решающего удара с самого начала. Вопросов о правоте и неправоте, о договорах касаться в данном случае не следует. Это будет возможно только в случае, если мы не «скатимся» к войне с Англией из-за Польши.

Следует готовиться к длительной войне, но нужно готовить и внезапное нападение. Любые английские силы, вторгшиеся на континент, необходимо уничтожить.

Армия должна занять позиции, важные для флота и люфтваффе. Если мы успешно оккупируем и удержим Голландию с Бельгией и одолеем Францию, плацдарм для успешной войны против Англии будет создан.

Тогда люфтваффе смогут плотно блокировать Англию с западного побережья Франции, а флот будет осуществлять более широкую блокаду силами подводных лодок».

Все это было выполнено примерно через год. И еще один важный стратегический план, изложенный Гитлером 23 мая, был в дальнейшем реализован. Если бы в начале первой мировой войны немецкая армия продвигалась в направлении Ла-Манша, а не в направлении Парижа, то итог войны оказался бы другим. Может быть. Во всяком случае, он попробует сделать это в 1940 году.

«Наша задача, — сказал в заключение Гитлер, вероятно, забыв на время о Польше, — поставить Англию на колени».

Под конец было сделано еще одно замечание:

«Секретность — основное условие успеха. Наши планы необходимо держать в тайне как от Италии, так и от Японии».

Гитлер не доверял даже своему генеральному штабу, начальник которого, генерал Гальдер, находился в числе прочих слушателей. «Наши разработки, продолжал фюрер, — не должны вестись силами генерального штаба. Иначе не стоит говорить о полной секретности». По его приказу разработка военных операций была поручена небольшой группе офицеров ОКВ.

23 мая 1939 года Гитлер, по его собственному выражению, сжег корабли. Война казалась неминуемой. Германии требовалось жизненное пространство на Востоке. Для завоевания его нападение на Польшу необходимо осуществить при первой возможности. Данциг в данном случае ни при чем, он — просто предлог. На пути стоит Англия — она действительно является основной антигерманской силой — отлично! Достанется и ей, и Франции. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть.

Когда 5 ноября 1937 года фюрер впервые изложил свои агрессивные планы, фельдмаршал фон Бломберг и генерал фон Фрич протестовали, что Германия для участия в европейской войне слишком слаба. Летом следующего года из-за несогласия с Гитлером ушел в отставку начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Бек. Однако 23 мая 1939 года ни один из присутствовавших генералов и адмиралов не усомнился в мудрости выбранного Гитлером курса — по крайней мере, в записях о ходе встречи об этом ничего не говорится.

Их удел, как они понимали, беспрекословно подчиняться, а не задавать вопросы. Они применяли свои незаурядные способности для разработки планов агрессии. 7 мая сотрудником генерального штаба сухопутных войск

полковником Гюнтером Блюментритом, который вместе с генералами Рундштедтом и Манштейном вошел в состав небольшой рабочей группы, были представлены примерные разработки операции «Вайс». Фактически это был план завоевания Польши талантливый и смелый. Перед реализацией в него были внесены лишь незначительные поправки.

Адмирал Редер в директиве с грифом «совершенно секретно» от 16 мая изложил план действий ВМС в рамках операции «Вайс». Поскольку Польше принадлежало всего несколько миль побережья Балтийского моря к западу от Данцига и располагала она слабым флотом, проблем тут не предвиделось. Адмирала волновали больше Англия и Франция. Вход в Балтийское море предполагалось блокировать подводными лодками и двумя карманными линкорами, тогда как остальным подводным лодкам и линкорам предписывалось готовиться к войне в Атлантике. По приказу фюрера ВМС надлежало быть готовыми принять участие в операции «Вайс» к 1 сентября, но Редер торопил командиров, потому что «в свете последних политических событий» боевые действия могли начаться раньше.

В мае 1939 года в Германии полным ходом велись приготовления к войне, которая должна была начаться в конце лета. Глухо гудели большие военные заводы, выпуская пушки, танки, самолеты и военные корабли. Штабы армии, ВВС и ВМС вносили последние коррективы в свои планы. Численность вооруженных сил была увеличена за счет призванных на летние сборы. Гитлер мог быть доволен.

На следующий после его выступления день, 24 мая, генерал Георг Томас, начальник отдела экономики и вооружений ОКВ, подытожил достигнутое на закрытом совещании в министерстве иностранных дел. Генерал напомнил собравшимся, что императорской армии для того, чтобы увеличить свою численность с 43 до 50 дивизий, понадобилось шестнадцать лет — с 1898-го по 1914-й, тогда как армия третьего рейха увеличилась с семи дивизий до 41 всего за четыре года. В их число входили пять тяжелых танковых дивизий и четыре легких («современная кавалерия»), каких не было ни в одной армии мира. На флоте практически из ничего построили два линкора водоизмещением 26 тысяч тонн[170], два тяжелых крейсера, 17 эсминцев и 47 подводных лодок. На верфях строились два линкора водоизмещением 35 тысяч тонн, авианосец, четыре тяжелых крейсера, пять эсминцев, семь подводных лодок; планировалась постройка еще большего числа кораблей. Люфтваффе смогли создать 21 эскадрилью и имеют в своем составе 260 тысяч человек. Военная промышленность, говорил генерал Томас, производит на настоящий момент продукции больше, чем в период своего расцвета во время минувшей войны. Во многих ее отраслях показатели были более высокими, чем в любой другой стране мира. Перевооружение Германии, по заявлению генерала Томаса, стало беспрецедентным явлением.

Хотя военная мощь Германии к лету 1939 года неизмеримо возросла, успех в войне, которую Гитлер планировал начать осенью, зависел от того, какой характер примет эта война. Германия все еще не была и, вероятно, никогда бы не стала настолько сильна, чтобы воевать одновременно с Англией, Францией и Россией, не считая Польшу. В начале этого рокового лета все зависело от того, сможет ли Гитлер ограничить масштабы войны. Прежде всего нельзя было допустить, чтобы Россия заключила военный союз с Западом — а именно этим занимался Литвинов до своего падения, — союз,

который Чемберлен сначала отверг, но к мысли о котором вернулся в конце мая.

Вмешательство России: II

Во время дебатов, проходивших в палате общин 19 мая, британский премьер в очередной раз холодно, даже презрительно отнесся к предложениям России так, во всяком случае, показалось Черчиллю. Чемберлен долго и нудно объяснял, что «между двумя правительствами существует некая завеса, некая стена, преодолеть которую очень трудно». Черчилль, поддерживаемый Ллойд Джорджем, в свою очередь доказывал, что Москва сделала «предложение… более простое, более откровенное и более эффективное», чем предложения самого Чемберлена. Черчилль умолял правительство его величества «взглянуть горькой правде в глаза: без надежного фронта на Востоке невозможна надежная защита на Западе, а без России невозможно создать надежный Восточный фронт».

Учитывая бурю протестов, раздававшихся с обеих сторон, Чемберлен 27 мая отослал наконец инструкцию послу в Москве, предписывавшую согласиться на обсуждение пакта о взаимопомощи, военной конвенции и гарантий государствам, которым угрожает Гитлер[171]. Посол фон Дирксен извещал министерство иностранных дел Германии, что английское правительство пошло на этот шаг «крайне неохотно». Далее он отметил причины, побудившие Чемберлена пойти на такой шаг. Он срочно доложил в Берлин, что в британском министерстве иностранных дел циркулируют слухи, будто Германия прощупывает пути сближения с Москвой, что там «опасаются, что Германии удастся нейтрализовать Советскую Россию и даже убедить ее сделать заявление о своем благожелательном нейтралитете. Это будет равнозначно полному краху политики окружения».

В последний день мая Молотов впервые выступил с речью в качестве Народного комиссара по иностранным делам. Обращаясь к Верховному Совету СССР, он сурово заклеймил западные демократии за их колебания и предупредил, что если они всерьез намерены заключить соглашение с Советским Союзом, чтобы остановить агрессора, то должны перейти к решительным действиям и достичь договоренности по трем основным пунктам:

1. Заключить трехсторонний договор о взаимопомощи, носящий чисто оборонительный характер.

2. Дать гарантии всем государствам Центральной и Восточной Европы, включая все европейские государства, граничащие с Советским Союзом.

3. Заключить соглашения, определяющие форму и размеры немедленной и эффективной помощи сторон друг другу и малым государствам, над которыми нависла угроза агрессии.

Молотов заявил также, что переговоры с Западом не означают отказ России от «деловых отношений на практической основе» с Германией и Италией, не исключено, что торговые отношения с Германией будут возобновлены. Посол Шуленбург, докладывая об этом выступлении в Берлин, подчеркнул слова Молотова о готовности России подписать соглашение с Англией и Францией «при условии, если все ее требования будут приняты», и отметил, что из сказанного в докладе следует: до реального соглашения пока далеко. Шуленбург обратил внимание на то, что Молотов в своем выступлении «избегал нападок на Германию и проявлял готовность продолжить переговоры, начатые в Берлине и в Москве». Такую же готовность совершенно неожиданно выразил в Берлине Гитлер.

Всю последнюю декаду мая фюрер и его советники ломали голову над тем, как подступиться к России и сорвать англо-русские переговоры. В Берлине казалось, что Молотов во время беседы с Шуленбургом 20 мая достаточно холодно воспринял предложения Германии. Поэтому на следующий день Вайцзекер сообщил послу, что в свете всего сказанного Народным комиссаром «мы должны сидеть тихо и ждать, пока русские не выскажутся более откровенно».

Однако Гитлер, уже назначивший точную дату нападения на Польшу — 1 сентября, не мог сидеть тихо. Примерно 25 мая Вайцзекер и Фридрих Гаус, заведующий юридическим отделом министерства иностранных дел Германии, были вызваны в загородную резиденцию Риббентропа в Зонненбурге. Там, согласно письменным показаниям Гауса на Нюрнбергском процессе[172], им сообщили, что фюрер желает «установить более приемлемые отношения между Германией и Советским Союзом». Риббентроп составил проект инструкции Шуленбургу, в котором была детально разработана новая линия поведения и указывалось, что встречи с Молотовым следует добиваться «как можно скорее». Этот документ был обнаружен среди прочих трофейных документов министерства иностранных дел.

Судя по визе, документ был представлен Гитлеру 26 мая, что говорит о многом. Становится очевидно, что немецкое министерство иностранных дел было убеждено, что англо-русские переговоры успешно завершатся, если Германия не предпримет самые решительные меры. Риббентроп предложил Шуленбургу сказать Молотову следующее:

«Столкновений между внешнеполитическими интересами Германии и Советской России не существует… Настало время наладить нормальные мирные советско-германские отношения… Итало-германский союз направлен не против Советского Союза, а против англофранцузского союза…

Если вопреки нашим желаниям дело дойдет до столкновения с Польшей, то это никоим образом не затронет интересов Советского Союза. Более того, мы твердо заверяем, что при решении польско-германского вопроса — неважно, каким способом, — мы будем учитывать русские интересы, насколько это возможно».

Далее нужно было обратить внимание на опасность для России союза с Англией.

«Мы не можем понять, что заставляет Россию играть важную роль в политике окружения, проводимой Англией… Для России это будет означать

одностороннее обязательство без равноценной замены с британской стороны… Британия не в состоянии предложить России равноценной замены, как бы ни были сформулированы договоры. Существование Западного вала делает оказание помощи Европе невозможным… Мы убеждены, что Англия в очередной раз сохранит приверженность своей традиционной политике, при которой другие государства таскают для нее каштаны из огня».

Шуленбург должен был также подчеркнуть, что у Германии «нет агрессивных намерений по отношению к России». И наконец, ему предписывалось сообщить Молотову, что Германия готова не только обсудить с Советским Союзом экономические вопросы, но и «вернуться к нормальным политическим отношениям».

Гитлер полагал, что проект может завести слишком далеко и велел его придержать. На фюрера, как уверял Гаус, произвело впечатление недавнее оптимистичное заявление Чемберлена — 24 мая премьер-министр сказал в палате общин, что в результате новых английских предложений договор с Россией может быть подписан «в ближайшем будущем». Гитлер опасался, что его предложения будут отвергнуты. Он не оставил идеи сближения с Советским Союзом, но полагал, что искать подходы для этого следует более осторожно.

Все, что волновало фюрера в последнюю неделю мая, документально отражено в трофейных бумагах министерства иностранных дел. Примерно 25 мая точную дату установить трудно — он неожиданно пришел к выводу, что необходимо форсировать переговоры с Советским Союзом, чтобы сорвать англо-советские переговоры. Шуленбургу было предписано немедленно встретиться с Молотовым. Но инструкция Риббентропа, проект которой показали Гитлеру 26 мая, так и не была отослана Шуленбургу. Фюрер отменил ее. В тот вечер Вайцзекер отправил Шуленбургу телеграмму, в которой советовал проявлять сдержанность и не предпринимать никаких шагов без дальнейших инструкций.

Эта телеграмма, а также письмо, составленное статс-секретарем 27 мая, но отправленное в Москву только 30 мая с очень важным постскриптумом, во многом объясняют колебания Берлина. В письме от 27 мая Вайцзекер писал Шуленбургу, что, по мнению, циркулирующему в Берлине, англо-русские переговоры «не так легко будет сорвать» и Германия опасается решительно вмешиваться, чтобы не вызвать «раскатов татарского хохота» в Москве. Помимо того, статс-секретарь сообщил, что как Япония, так и Италия холодно отнеслись к планируемому сближению Германии с Москвой. Такое отношение союзников способствовало формированию в Берлине мнения, что лучше сидеть тихо. «Таким образом, — писал он в заключение, — мы хотим выждать и посмотреть, насколько Москва и Лондон с Парижем свяжут себя взаимными обязательствами».

По каким-то причинам Вайцзекер не отправил это письмо сразу — вероятно, он полагал, что Гитлер еще не принял, окончательного решения. Когда же 30 мая он все-таки отправил письмо, то добавил к нему постскриптум:

«P. S. К изложенному выше могу добавить, что с благословения фюрера подход к русским отыскать все-таки придется, но очень осторожно, во время беседы, которую мне надлежит провести сегодня с русским поверенным в делах».

Беседа с Георгием Астаховым дала немного, но для немцев она знаменовала начало нового этапа. Предлогом для вызова русского поверенного стало обсуждение вопроса о советском торговом представительстве в Праге, которое русские хотели сохранить. Беседа крутилась вокруг этого вопроса — каждый дипломат пытался выяснить, что на уме у другого. Вайцзекер выразил свое согласие с Молотовым в том, что экономические и политические вопросы нельзя разделять полностью, после чего проявил заинтересованность в «нормализации отношений между Советским Союзом и Германией». Астахов заверил коллегу, что Молотов не имеет намерения «закрыть дверь для дальнейших русско-германских переговоров».

Оба дипломата проявляли определенную осторожность, но немцев эта беседа вдохновила. В 10.40 вечера 30 мая Вайцзекер отправил сверхсрочную телеграмму Шуленбургу в Москву:

«Несмотря на разработанную ранее тактику, мы в конечном счете решили пойти на определенный контакт с Советским Союзом[173]".

Может быть, пространный секретный меморандум, который Муссолини направил Гитлеру 30 мая, укрепил решимость фюрера пойти на сближение с Советским Союзом, хотя и с оглядкой. К лету сомнения дуче относительно преждевременного начала войны возросли. Он писал Гитлеру, что убежден: «война между плутократами, консервативными нациями» и государствами оси неизбежна. Но «Италии необходимо время на подготовку, которая может продлиться до конца 1942 года… Только начиная с 1943 года можно рассчитывать на успешное ведение войны». Перечислив ряд причин, по которым «Италии необходим известный мирный период», дуче писал: «По вышеизложенным причинам Италия не хотела бы форсировать начало европейской войны, хотя она убеждена в ее неизбежности».

Гитлер, так и не открыв своему большому другу и союзнику, что уже наметил на 1 сентября нападение на Польшу, заверил, что прочел секретный меморандум «с большим интересом», и предложил организовать встречу глав правительств для обсуждения поднятых в нем вопросов. А пока что он решил выяснить, возможно ли пробить брешь в Кремлевской стене. В течение всего июня в Москве между посольством Германии и Анастасом Микояном, Народным комиссаром внешней торговли, велись предварительные переговоры о заключении торгового соглашения.

Советское правительство все еще относилось к Берлину с большой долей подозрительности. Как сообщал 27 июня Шуленбург, в Кремле полагают, что, настаивая на заключении торгового соглашения, немцы стремятся торпедировать переговоры русских с Англией и Францией. «Здесь боятся, — докладывал посол в Берлин, — что, как только мы получим это преимущество, переговоры прекратятся сами собой».

28 июня Шуленбург имел продолжительную беседу с Молотовым, которая, как он докладывал в срочной секретной телеграмме, прошла в дружественной обстановке. Тем не менее, когда немецкий посол уверенно сослался на договоры о ненападении, которые Германия совсем недавно заключила с Прибалтийскими государствами[174], советский комиссар иностранных дел язвительно заметил, что «должен усомниться в действенности таких договоров после опыта, приобретенного Польшей». В конце отчета о беседе Шуленбург писал:

«У меня сложилось впечатление, что Советское правительство внимательно следит за нашим политическим курсом и что оно заинтересовано в контакте с нами. Несмотря на то что недоверие очевидно, Молотов говорил о нормализации отношений с Германией как о деле желаемом и возможном».

Посол затребовал по телеграфу инструкции относительно своих последующих шагов. Он был одним из сторонников Секта, которые выступали за сближение Германии с Советской Россией после 1919 года и добились этого в Рапалло, и во всех его донесениях за 1939 год проглядывает искреннее стремление восстановить отношения, существовавшие во времена Веймарской республики. Но, как и многие другие дипломаты старой школы, он плохо знал Гитлера.

29 июня из своей горной резиденции Берхтесгаден Гитлер неожиданно приказал прервать переговоры с русскими.

Берхтесгаден, 29 июня 1939 года

…Фюрер решил так:

До сведения русских необходимо довести, что из их отношения мы поняли, что продолжение контактов они ставят в зависимость от того, устраивают ли их основы экономических переговоров, как было определено в январе. Поскольку эти основы не удовлетворяют нас, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с русскими.

Фюрер согласен, чтобы ответ был задержан на несколько дней.

В действительности же суть этого решения была передана в посольство Германии в Москве на следующий день. Вайцзекер телеграфировал:

«Министр иностранных дел придерживается мнения, что в части политической сказано достаточно много и что до получения дальнейших инструкций возобновлять переговоры не следует.

Что касается возможности экономических переговоров с русскими, то здесь окончательное мнение еще не выработано. В этой области Вас просят также ничего не предпринимать до получения инструкций».

В трофейных немецких документах невозможно найти объяснение столь резкой перемене в настроении Гитлера. Русские уже были готовы пойти на компромисс по части предложений, сделанных ими в январе и феврале. Шнурре предупреждал 15 июня, что срыв экономических переговоров будет означать для Германии неудачу и в экономическом и в политическом отношении.

Не мог заставить Гитлера принять столь обескураживающее решение и тернистый путь англо-франко-советских переговоров. Из сообщений посольства Германии в Москве он знал, что Советский Союз и западные демократии не сумели разрешить вопрос о гарантиях Польше, Румынии и Прибалтийским государствам. Польша и Румыния были рады получить гарантии Англии и Франции, которые вряд ли помогли бы им в случае немецкой агрессии, разве что косвенно способствовали бы созданию Западного фронта.

Но они отказывались от русских гарантий, даже отказывались пропускать через свою территорию советские войска для отражения немецкого нападения. Латвия, Эстония и Финляндия тоже наотрез отказались от русских гарантий. Как явствует из трофейных немецких документов, такое решение было принято не без участия министерства иностранных дел Германии, причем в ход шли самые обыкновенные угрозы на случай, если не будет проявлено должной решимости.

Попав в такое затруднительное положение, Молотов в начале июня предложил Англии прислать в Москву министра иностранных дел, чтобы тот принял участие в переговорах. По мнению русских, это, вероятно, не только помогло бы выйти из тупика, но и наглядно продемонстрировало бы серьезное желание Англии достичь договоренности с Советским Союзом. Лорд Галифакс ехать отказался[175]. Вместо него предложил свои услуги Антони Иден, бывший министр иностранных дел, но Чемберлен отклонил его кандидатуру. Было решено послать Уильяма Стрэнга, способного сотрудника министерства, работавшего ранее в посольстве в Москве и хорошо говорившего по-русски, но малоизвестного как у себя в стране, так и за ее пределами. Тот факт, что сотрудника столь низкого ранга поставили во главе миссии, которой предстояло вести переговоры напрямую с Молотовым и Сталиным, ясно давал понять русским, как они сами потом говорили, что Чемберлен не принимал всерьез идею создания союза, способного остановить Гитлера.

Стрэнг прибыл в Москву 14 июня. До этого он принимал участие в одиннадцати англо-французских встречах с Молотовым, тем не менее появление его мало повлияло на ход англо-советских переговоров. Через две недели, 29 июня, недоверие и раздражительность русских нашли отражение в статье, опубликованной Андреем Ждановым в «Правде». Статья называлась «Английское и французское правительства не хотят договора с Советским Союзом на основе равенства». Жданов пытался представить статью как «написанную рядовым гражданином, не выражающую официальную точку зрения Советского правительства», но он был не только членом Политбюро, не только председателем иностранной комиссии советского парламента, но и, что особенно отмечал Шуленбург в своем докладе в Берлин, «доверенным лицом Сталина; (его) статья была написана по приказу сверху».

«…Английское и французское правительства, — писал Жданов, — не хотят равного договора с СССР… Англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

Недоверие Сталина к Англии и Франции и опасение, что западные союзники могут в конце концов пойти на сделку с Гитлером, как они это сделали год назад в Мюнхене, было высказано, чтобы весь мир мог над этим задуматься. Посол Шуленбург, поразмыслив над статьей, доложил в Берлин, что, по его мнению, одним из мотивов написания ее было желание «обвинить Англию и Францию в возможном срыве переговоров».

Планы тотальной войны

Адольф Гитлер все еще не поддавался на русскую приманку — может, потому, что в течение всего июня он был занят в Берхтесгадене тем, что следил за подготовкой к вторжению в Польшу, которое намечалось на конец лета.

К 15 июня он уже имел на руках совершенно секретный план военных операций против Польши, составленный генералом Браухичем. «Целью операции, вторил своему хозяину главнокомандующий сухопутными войсками, — является уничтожение польских вооруженных сил. Политическое руководство требует начать войну внезапными, мощными ударами и добиться скорых успехов. Замысел главнокомандующего сухопутными войсками сводится к тому, чтобы внезапным вторжением на польскую территорию упредить организованную мобилизацию и сосредоточение польской армии и концентрическими ударами из Силезии, с одной стороны, из Померании — Восточной Пруссии, с другой, разгромить главные силы польской армии, находящиеся западнее линии рек Висла — Нарев».

Для реализации этого плана Браухич создал две группы армий — группу армий «Юг», в которую вошли 8, 10 и 14-я армии, и группу армий «Север», в состав которой вошли 3-я и 4-я армии. Группе армий «Юг» под командованием генерала Рундштедта предписывалось наступать из Силезии в направлении на Варшаву, сломить сопротивление польской армии и по возможности раньше и максимально крупными силами выйти к Висле по обе стороны Варшавы, имея целью во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить польские войска, еще находящиеся в Западной Польше. Главной задачей группы армий «Север» было установление связи между рейхом и Восточной Пруссией путем захвата коридора. Для каждой армии, так же как для ВВС и для флота, были разработаны и определены свои задачи. Данциг, по Браухичу, планировалось объявить территорией Германии в первый же день боевых действий, порядок там предполагалось поддерживать местными силами под командованием немцев.

Дополнительной директивой, изданной тогда же, предусматривалось, что приказ на проведение операции «Вайс» будет отдан войскам 20 августа. «Все приготовления, — говорилось в директиве, — должны быть закончены к этому числу».

Через неделю, 22 июня, генерал Кейтель представил Гитлеру предварительный график по операции «Вайс». Фюрер после ознакомления с документом в целом одобрил его, но приказал, «чтобы не будоражить население призывом большего, чем обычно, числа резервистов… отвечать гражданским учреждениям, предпринимателям, частным лицам, интересующимся этим вопросом, что резервисты призываются для осенних маневров». Гитлер приказал также в целях соблюдения секретности эвакуацию госпиталей в приграничной зоне, которую главное командование сухопутных войск планировало на середину июля, не проводить.

Война, которую собирался начать фюрер, должна была стать тотальной войной, она требовала не только военной мобилизации, но и мобилизации всей страны, всех ее ресурсов. В целях координации этих усилий на следующий день, 23 июня, был созван Совет обороны рейха под председательством Геринга. На заседании присутствовали тридцать пять высших государственных деятелей, в том числе военачальники Кейтель, Редер, Гальдер, Томас, Мильх и министры: внутренних дел, экономики, финансов, транспорта, а также Гиммлер. Это было лишь второе заседание совета, но Геринг объяснил, что он собирается только для принятия необычайно важных решений. Ни у кого из собравшихся, как явствует из трофейных документов, не осталось сомнений в том, что война не за горами, но предстоит сделать еще очень многое — обеспечить людскими ресурсами

промышленность и сельское хозяйство и решить другие вопросы по тотальной мобилизации.

Геринг сообщил собравшимся, что Гитлер планирует призвать в вооруженные силы семь миллионов человек. Поэтому доктору Функу, министру экономики, в целях увеличения людских ресурсов надлежало решить, «на каких видах работ будут использоваться военнопленные и лица, содержащиеся в тюрьмах и концлагерях». Здесь в разговор вступил Гиммлер и сказал, что «во время войны концентрационные лагеря будут использоваться с большей пользой». Геринг заметил, что могут быть привлечены сотни тысяч рабочих из протектората Чехия и Моравия. Они будут размещены в бараках и использованы на работах, в частности на сельскохозяйственных, под присмотром немецких специалистов. Уже тогда стало очевидно, в какие формы выльется нацистская программа использования подневольного труда.

Доктор Фрик, министр внутренних дел, обещал «изыскать рабочую силу в аппарате управления». Он внес некоторое оживление, заявив, что при нацистском режиме бюрократический аппарат «вырос в 20–40 раз, что просто невероятно». Была создана комиссия, которой поручили исправить положение.

Еще более пессимистично прозвучал доклад полковника Рудольфа Герке, начальника транспортного отдела генерального штаба сухопутных войск. «С точки зрения транспорта, — заявил он напрямик, — Германия в настоящий момент к войне не готова».

Вопрос о том, готова ли транспортная сеть Германии к войне, зависел от того, будет ли вестись война только с Польшей. Если предстояли боевые действия на Западе против Франции и Англии, то возникало опасение, что транспортная система просто не справится с задачей. В течение июля состоялись два экстренных заседания Совета обороны для обсуждения мер «по приведению Западного вала самое позднее к 25 августа в состояние повышенной готовности с помощью средств, которые могут быть раздобыты к этому сроку путем принятия чрезвычайных мер». Концерну Круппа и стальному картелю была поставлена задача изыскать необходимое количество металла для вооружения западного рубежа. Немцы понимали, что именно от мощи этих укреплений зависит, предпримут англо-французские войска серьезное наступление или нет, пока вермахт будет занят решением польского вопроса.

Хотя Гитлер с несвойственной откровенностью заявил своим генералам 23 мая, что вовсе не Данциг является предметом споров с Польшей, вольный город на протяжении нескольких недель в середине лета был пороховой бочкой, которая могла в любой момент взорваться и положить начало войне. В течение некоторого времени немцы нелегально переправляли в Данциг оружие и направляли офицеров обучать местные силы самообороны обращению с ним[176]. Оружие и офицеров переправляли через границу из Восточной Пруссии, и, чтобы этот процесс не вышел из-под контроля, поляки увеличили там число таможенников и пограничников. Местные власти Данцига, действовавшие теперь по указке из Берлина, в ответ на это старались всячески помешать полякам выполнять их обязанности.

Конфликт достиг кризиса 4 августа. Польский дипломатический представитель в Данциге известил местные власти о том, что польские таможенники получили приказ при выполнении своих обязанностей в случае необходимости применять оружие и что если им будут чинить препятствия, то это будет

расцениваться как акт насилия по отношению к польским официальным лицам, после чего польское правительство «незамедлительно применит санкции к вольному городу».

Поляки в очередной раз напомнили Гитлеру о том, что их не так-то просто запугать. Это напоминание было подкреплено сообщением немецкого посла в Варшаве, который 6 июля телеграфировал в Берлин:

«…Вряд ли стоит сомневаться, что поляки окажут сопротивление, если будет иметь место явное нарушение их прав (в Данциге)». Пометка, сделанная на полях этой телеграммы рукой Риббентропа, свидетельствует о том, что она была показана Гитлеру.

Фюрер пришел в ярость. 7 августа он вызвал в Берхтесгаден Альберта Форстера, нацистского гауляйтера Данцига, и заявил ему, что поляки вывели его из терпения. Произошел обмен сердитыми нотами между Берлином и Варшавой, причем такими резкими по тону, что ни одна из сторон не решилась их опубликовать. 9 августа правительство рейха предупредило Польшу, что повторение данцигского ультиматума «приведет к ухудшению германо-польских отношений… за что немецкая сторона ответственности нести не желает». На следующий день последовал дерзкий ответ польского правительства, в котором говорилось, что оно, как и прежде, будет реагировать на любые действия властей Данцига, направленные на ущемление прав и интересов Польши, любыми способами, которые сочтет допустимыми, а вмешательство правительства рейха будет расценивать как акт агрессии.

Ни одно малое государство, стоявшее на пути Гитлера, не говорило с ним таким языком. Он пребывал в дурном настроении, когда на следующий день, 11 августа, принимал швейцарца Карла Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, который давно шел навстречу требованиям немцев. Гитлер заявил своему гостю, что, «если поляки хоть что-нибудь предпримут, он как молния обрушится на них всеми силами, которые имеются в его распоряжении и о которых поляки не подозревают».

«Месье Буркхардт заметил, что это приведет к всеобщему конфликту. Герр Гитлер ответил, что если ему суждено начать войну, то лучше начать ее сегодня, а не завтра, что он не будет ее вести, как Вильгельм II, который не решался максимально использовать любое оружие, и что война эта будет беспощадной».

Против кого война? Против Польши конечно. Против Англии и Франции, если потребуется. И против России тоже? Гитлер наконец принял решение относительно Советского Союза.

Вмешательство России: III

Русские выступили с новой инициативой. 18 июля Е. Бабарин, советский торговый представитель в Берлине, в сопровождении двух своих помощников прибыл в министерство иностранных дел Германии и сообщил Юлиусу Шнурре, что Россия хотела бы улучшить германо-советские экономические отношения. Он принес с собой подробный меморандум о торговом соглашении, в котором фигурировал возросший список товаров для обмена между двумя странами, и

сообщил, что если незначительные разногласия между сторонами будут улажены, то он уполномочен подписать соглашение в Берлине. Из отчета о встрече, который представил доктор Шнурре, явствует, что немцы остались довольны. «Такой договор, — писал Шнурре, — неизбежно окажет влияние по крайней мере на Польшу и Англию». Через четыре дня, 22 июля, советская пресса сообщила, что в Берлине возобновлены советско-германские торговые переговоры.

В тот же день Вайцзекер с воодушевлением телеграфировал послу Шуленбургу в Москву новые инструкции. О торговых переговорах он писал: «…Мы будем действовать, так как заключение соглашения, причем, чем скорее, тем лучше, считают здесь необходимым из конъюнктурных соображений. Что же касается чисто политического аспекта наших переговоров с русскими, мы полагаем, что период ожидания, предписанный… в нашей телеграмме (от 30 июня), можно считать закончившимся. Вы уполномочены снова взять нити в свои руки, не оказывая, однако, никакого давления».

На самом деле все нити взяли в руки четыре дня спустя, 26 июля, в Берлине. Доктор Шнурре получил от Риббентропа указание устроить в шикарном берлинском ресторане обед для советского поверенного Астахова и Бабарина с целью прощупать их. Русских долго прощупывать не пришлось. В своем отчете Шнурре отмечал, что «русские просидели до половины первого ночи и очень оживленно и заинтересованно говорили о волнующих нас политических и экономических проблемах».

Астахов, горячо поддержанный Бабариным, сказал, что советско-германская политика сближения отвечает жизненным интересам обеих стран, что в Москве никак не могут понять, почему нацистская Германия так антагонистически настроена по отношению к Советскому Союзу. В ответ немецкий дипломат заявил, что «политика Германии на Востоке идет сейчас совершенно другим курсом».

«С нашей стороны вопрос об угрозе Советскому Союзу не стоит. Наши интересы лежат в совершенно другом направлении… Политика Германии нацелена против Англии… Мне видится далеко идущее соглашение, отражающее взаимные интересы и учитывающее жизненные интересы русских.

Однако такая возможность исчезнет, как только Советский Союз объединится с Англией против Германии. Сейчас имеется шанс достичь понимания между Германией и Советским Союзом, но он исчезнет, как только будет заключен пакт с Лондоном.

Что может предложить Англия России? В лучшем случае участие в европейской войне и враждебность по отношению к России со стороны Германии. Что можем предложить взамен мы? Нейтралитет и усилия, направленные на то, чтобы Россия не участвовала в возможном европейском конфликте, и, если пожелает Москва, германо-русское взаимопонимание, что, как в былые времена, послужит интересам обеих стран. Противоречий (между Германией и Россией), по-моему, не существует на пространствах от Балтийского моря до Черного и на Дальнем Востоке. Кроме того, несмотря на различия во взглядах, существует общность в идеологиях Германии, Италии и Советского Союза: оппозиция капиталистическим демократиям Запада».

Так поздно вечером 26 июля в небольшом берлинском ресторане за вином и закусками, которыми наслаждались второстепенные дипломаты, Германия сделала первый серьезный шаг к сближению с Советской Россией. Новый курс, которым пошел Шнурре, был указан самим Риббентропом. Астахов очень обрадовался, услышав об этом, и пообещал Шнурре немедленно доложить обо всем в Москву.

На Вильгельмштрассе с нетерпением ожидали, какова будет реакция в советской столице. Через три дня, 29 июля, Вайцзекер отправил Шуленбургу с курьером секретную депешу.

«Нам очень важно знать, какую реакцию вызвали в Москве соображения, высказанные Астахову и Бабарину. Если у вас появится возможность организовать еще одну беседу с Молотовым, прозондируйте почву по тем же направлениям. Если в результате Молотов откажется от сдержанной позиции, на которой стоял до сих пор, то можете сделать еще один шаг …Это относится, в частности, и к польской проблеме… Мы были бы готовы, как бы ни развивалась польская проблема, охранять интересы Советского Союза и прийти к соглашению с правительством в Москве. При решении прибалтийского вопроса, если переговоры будут развиваться успешно, можно сформулировать наше отношение так, чтобы не затрагивать интересы Советов на Балтийском море».

Два дня спустя, 31 июля, статс-секретарь «срочно и секретно»; телеграфировал Шуленбургу:

«Относительно нашего послания от 29 июля, которое должно прибыть в Москву сегодня с курьером: Просим сообщить телеграфом точную дату и время следующей встречи с Молотовым, как только это станет известно,

Мы заинтересованы в том, чтобы встреча состоялась как можну, скорее».

Впервые в посланиях из Берлина в Москву прозвучала нотка торопливости.

В Берлине имелись веские причины торопиться. 23 июля Франция и Англия приняли наконец предложение Советского Союза о штабных переговорах, на которых предстояло выработать военную конвенцию, конкретно предусматривающую, как три государства будут вести борьбу против гитлеровских армий. Хотя до 31 июля о достигнутом соглашении не упоминалось — в этот день Чемберлен объявил о нем в палате общин, — немцы уже обо всем знали. 28 июля посол Германии 1 в Париже фон Вельчек сообщил по телеграфу в Берлин, что из «прекрасно информированного источника» ему стало известно о том, что Франция и Англия направляют в Москву военные миссии и что французскую миссию возглавляет генерал Думенк, которого он охарактеризовал как «очень способного офицера», в прошлом заместителя начальника штаба у генерала Вейгана[177]. В дополнительном послании спустя два дня немецкий посол высказал свое мнение о происходящем. Он полагал, что Париж и Лондон согласились на военные переговоры, с Москвой, видя в них последнее средство, способное продлить переговоры.

Это предположение имело под собой достаточно веское основание.

Из секретных документов британского Форин оффис известно, что политические переговоры в Москве в последнюю неделю июля зашли в тупик в

основном из-за того, что стороны не смогли договориться о единой трактовке термина «косвенная агрессия». Для англичан и французов трактовка русских довольно широкая — была неприемлема. При такой трактовке Советы могли оправдать интервенцию в Финляндию и Прибалтийские государства даже при отсутствии серьезной угрозы со стороны нацистов. Лондон на это не соглашался, хотя французы готовы были пойти на уступки.

Кроме того, русские настаивали на том, чтобы военное соглашение, досконально определяющее «методы, формы и размеры» военной помощи, которую три государства окажут друг другу, вступило в силу одновременно с договором о взаимопомощи. Западные державы были невысокого мнения о военной мощи России[178] и пытались поколебать позиции Молотова. Они соглашались только на то, чтобы переговоры между представителями военных начались после подписания договора. Но русские были непреклонны. 17 июня англичане предложили пойти на компромисс: начать военные переговоры сразу, если Советский Союз не будет настаивать на одновременном подписании политического и военного договоров и согласится с английским определением «косвенной агрессии». Молотов ответил недвусмысленным отказом: пока французы и англичане не согласятся принять политический и военный договор в одном пакете, продолжать переговоры не имеет смысла. Угроза русских прервать переговоры вызвала переполох в Париже, где о советско-германском флирте знали больше, чем в Лондоне. Возможно, благодаря давлению французов английское правительство 23 июля неохотно согласилось на переговоры о заключении военной конвенции, хотя и не приняло русской трактовки «косвенной агрессии».

Чемберлен весьма прохладно относился к вопросу о военных переговорах[179]. 1 августа посол в Лондоне фон Дирксен сообщал в Берлин, что в английских правительственных кругах к ведущимся военным переговорам «относятся скептически».

«Об этом свидетельствует, — писал он, — состав английской военной миссии[180]: адмирал… практически находился в отставке и никогда не состоял в штате адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения».

В самом деле, английское правительство было настроено настолько скептически, что забыло дать адмиралу Драксу письменные полномочия на ведение переговоров, — недосмотр, если это был недосмотр, по поводу которого сокрушался маршал Ворошилов при первой встрече. Полномочия адмирала были подтверждены только 21 августа, когда в этом уже не было нужды.

Хотя у адмирала Дракса не было письменных полномочий, у него наверняка имелись тайные инструкции относительно того, какого курса придерживаться на переговорах в Москве. Много лет спустя из документов Форин оффис выяснилось, что предписывалось «продвигаться» с (военными) переговорами медленно, не упуская из вида развитие событий в области переговоров политических, пока не будет заключено политическое соглашение. Ему также объяснили, что до подписания политического договора не следует делиться с русскими секретной военной информацией.

Но политические переговоры застопорились 2 августа. Тогда Молотов ясно дал понять, что не согласится на их возобновление, пока не будет достигнут определенный прогресс на военных переговорах. Нетрудно сделать вывод, что правительство Чемберлена намеревалось тянуть время в деле выработки военных обязательств каждой страны в рамках предлагаемого договора о взаимопомощи[181]. Из документов британского министерства иностранных дел явствует, что к началу августа Чемберлен и Галифакс уже почти не надеялись достигнуть соглашения с Советским Союзом, чтобы остановить Гитлера, однако полагали, что, затягивая военные переговоры в Москве, они смогут какое-то время сдерживать немецкого диктатора и он в ближайшие четыре недели не сделает рокового шага к войне[182].

В отличие от английской и французской военных миссий в состав русской миссии входили представители высшего генералитета: Народный комиссар обороны маршал Ворошилов, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал Шапошников, главнокомандующие военно-морским флотом и военно-воздушными силами. Русские ничего не могли поделать с англичанами, которые в июле отправили в Варшаву для переговоров с польским генштабом начальника генерального штаба генерала Эдмунда Айронсайда, а на переговоры в Москву послать офицера такого высокого ранга не посчитали нужным.

Нельзя сказать, что с отправкой англо-французской миссии в Москву очень торопились, ведь на самолете она могла бы добраться туда за один день, но миссия добиралась пароходом — медленным, грузо-пассажирским, который доставил ее в Россию за такое же время, за какое на «Куин Мэри» она могла бы добраться до Америки. В Ленинград миссия отплыла 5 августа, а в Москву прибыла только 11-го.

Но было уже поздно. Гитлер ее опередил.

Пока английские и французские военные ждали парохода на Ленинград, немцы действовали. День 3 августа стал решающим для Берлина и Москвы. В этот день министр иностранных дел Риббентроп, который обычно предоставлял рассылку телеграмм статс-секретарю Вайцзекеру, сам отправил Шуленбургу в Москву телеграмму с пометкой «срочно, совершенно секретно».

«Вчера я имел продолжительную беседу с Астаховым, содержание которой изложу в отдельной телеграмме.

Выразив желание немцев улучшить германо-русские отношения, я сказал, что на всем протяжении от Балтийского до Черного моря не существует таких проблем, которые мы не могли бы решить к взаимному удовлетворению. В ответ на пожелание Астахова перейти к переговорам по конкретным вопросам …я заявил, что готов к таким переговорам, если Советское правительство сообщит мне через Астахова, что оно также стремится к установлению германо-русских отношений на новой основе».

В министерстве иностранных дел знали, что в тот же день, но чуть позже, Шуленбург встречается с Молотовым. Через час после того, как была отправлена телеграмма Риббентропа, Вайцзекер направил телеграмму от себя, также помеченную грифом «срочно, совершенно секретно»: «Ввиду сложившейся политической ситуации и в целях ускорения мы заинтересованы

безотносительно к вашему сегодняшнему разговору с Молотовым продолжить беседы по более конкретным вопросам в Берлине во имя нормализации германо-советских отношений. С этой целью Шнурре сегодня же встретится с Астаховым и сообщит ему, что мы готовы продолжать беседы по конкретным вопросам».

Неожиданное желание Риббентропа вести переговоры по «конкретным вопросам», вероятно, удивило русских. По крайней мере, в телеграмме Шуленбургу, отправленной в 15.47, он сообщал: «… Намекнул Астахову, что мы близки к тому, чтобы договориться с Россией о судьбе Польши». Министр подчеркивал, что сказал русскому поверенному: «… Мы не торопимся».

Это был блеф. И наблюдательный советский поверенный в делах во время встречи со Шнурре в министерстве иностранных дел в 12.45 отметил, что тот, казалось, торопил события, тогда как министр иностранных дел Германии накануне «не проявлял такой спешки». Шнурре воспользовался ситуацией.

«Я сказал господину Астахову, — отмечал он в секретном меморандуме, что, хотя министр иностранных дел накануне и не говорил о срочности, мы считаем, что это необходимо сделать в течение нескольких ближайших дней продолжить беседы, чтобы заложить фундамент как можно быстрее».

Немцам необходимо было решить вопрос в течение ближайших дней. Астахов сообщил Шнурре, что получил «промежуточный ответ» от Молотова по поводу германских предложений. По большей части это был ответ отрицательный. По сообщению Астахова, Молотов заверял, что Москва также желает улучшения отношений, «но пока что неизвестно ничего конкретного о намерениях Германии».

Народный комиссар иностранных дел изложил свою точку зрения непосредственно Шуленбургу в тот же вечер. Посол доложил о беседе в телеграмме, отправленной после полуночи. Он сообщал, что во время беседы, длившейся час с четвертью, Молотов «отошел от своей обычно сдержанной позиции и вел себя довольно открыто». Это бесспорно. Потому что после того, как Шуленбург еще раз изложил точку зрения Германии об отсутствии у двух стран противоречий и еще раз выразил пожелание достичь взаимопонимания, несгибаемый русский министр перечислил несколько акций рейха, враждебных Советскому Союзу: Антикоминтерновский пакт, поддержка Японии в ее антисоветской деятельности, невключение Советского Союза в число участников Мюнхенской конференции.

«Как согласуются утверждения о новой позиции Германии, — спрашивал Молотов, — с указанными тремя моментами? Пока что доказательств изменившейся точки зрения правительства Германии не существует».

Шуленбург, казалось, был немного обескуражен.

«У меня сложилось впечатление, — телеграфировал он в Берлин, — что Советское правительство в настоящее время намерено заключить соглашение с Англией и Францией, если они примут все требования Советов… Я уверен, что мои заявления произвели на Молотова впечатление, тем не менее с нашей стороны потребуются серьезные усилия, чтобы изменить курс Советского правительства».

Хотя ветеран дипломатической службы хорошо разбирался в делах Советского Союза, он явно переоценивал прогресс на переговорах Советского Союза с Англией и Францией. Не знал он и до каких пределов готов идти Берлин в «серьезных усилиях», которые, как он полагал, были необходимы, чтобы совершить поворот в политическом курсе советской дипломатии.

На Вильгельмштрассе зрела уверенность, что цель эта вполне достижима. Если удастся нейтрализовать Россию, то Англия и Франция не станут воевать за Польшу, а если и станут, их легко сдержать на западных рубежах, а за это время Польша будет уничтожена и немецкая армия сможет обрушить всю свою мощь на Запад.

Проницательный французский поверенный в делах в Берлине Жак Тарбе де Сэн-Хардуэн заметил перемену в атмосфере столицы Германии. 3 августа, когда была необычайно высока дипломатическая активность в Берлине и Москве, он докладывал в Париж: «В течение последней недели в политической атмосфере Берлина наблюдались определенные перемены… Период растерянности, колебаний, склонности к выжиданию и даже умиротворению, наблюдавшийся среди нацистской верхушки, перешел в новую фазу».

Колебания союзников Германии

Что касается союзников Германии — Италии и Венгрии, то к концу лета правительства в Будапеште и Риме все больше опасались, что их страны окажутся втянутыми Гитлером в войну на стороне Германии.

24 июля граф Телеки, премьер-министр Венгрии, направил одинаковые письма Гитлеру и Муссолини, в которых сообщал, что «в случае всеобщего конфликта Венгрия будет строить свою политику сообразно политике стран оси». Сделав такой шаг, он затем отступил. В тот же день он написал двум диктаторам еще одно письмо, в котором говорил: «…Во избежание неверного толкования моего письма от 24 июля я… повторяю, что Венгрия по моральным причинам не сможет предпринять вооруженные действия против Польши».

Второе письмо из Будапешта вызвало у Гитлера свойственный ему приступ ярости. Когда 8 августа он в присутствии Риббентропа принимал в Оберзальцберге министра иностранных дел Венгрии графа Чаки, то начал разговор с того, что он был шокирован письмом венгерского премьера. Согласно секретному меморандуму, составленному для министерства иностранных дел, он подчеркнул, что не ждал помощи ни от Венгрии, ни от какой-либо другой страны «в случае германо-польского конфликта». Письмо Телеки, по его словам, было «просто невыносимым». Потом он напомнил венгерскому гостю, что только благодаря щедрости Германии Венгрия смогла получить за счет Чехословакии такую большую территорию. Если Германия потерпит поражение в войне, заметил он, то «Венгрия будет уничтожена автоматически».

Этот секретный меморандум, оказавшийся в числе трофейных документов в руках союзников, отражает ход мысли Гитлера в тот роковой август. Польша, по его мнению, не представляла для Германии проблемы с военной точки зрения. Тем не менее он не забывал о возможности войны на два фронта.

«Никакая сила в мире, — хвастался он, — не сможет преодолеть укрепления на западных границах Германии. В жизни меня еще никто не смог напугать, не напугает и Англия. Не будет у меня и нервного срыва, который все предсказывают». Что касается России:

«Советское правительство не станет воевать против нас… Советы не повторят ошибки царского правительства и не станут лить потоки крови в угоду Англии. Они наверняка попытаются извлечь для себя выгоду за счет Прибалтийских государств или Польши, не прибегая при этом к боевым действиям».

Эта демагогия Гитлера так подействовала на графа Чаки, что в конце второй беседы, которая состоялась в тот же день, он попросил фюрера «относиться к двум письмам Телеки так, будто они вообще не были написаны», и заверил, что о том же самом попросит Муссолини.

Уже несколько недель дуче беспокоился, что Гитлер втянет Италию в войну. Аттолико, его посол в Берлине, слал все более тревожные телеграммы о намерении Гитлера напасть на Польшу[183]. С первых чисел июня Муссолини настойчиво добивался новой встречи с Гитлером. В июле было назначено место и время встречи: на Бреннерском перевале 4 августа. 24 июля через Аттолико Муссолини представил Гитлеру перечень основных вопросов, о которых пойдет речь. Если фюрер считает войну «неизбежной», то Италия будет стоять плечом к плечу с Германией. Но дуче напоминал ему, что война с Польшей не останется локальной, а перерастет в европейский конфликт. Муссолини не считал, что это самое удачное время для стран оси, чтобы начать такую войну. Взамен он предлагал «конструктивную миролюбивую политику в течение нескольких лет», за которые Германия решит свои проблемы с Польшей, а Италия дипломатическим путем свои проблемы с Францией. Он даже шел дальше: предлагал созвать еще одну международную конференцию великих держав.

Реакция фюрера, как отметил в своем дневнике 26 июля Чиано, была неблагоприятной, поэтому Муссолини решил, что встречу с ним целесообразнее отложить. Вместо нее 7 августа он предложил немедленно созвать встречу министров иностранных дел двух стран. Записи в дневнике Чиано, относящиеся к этому периоду, передают растущее беспокойство в Риме. 6 августа он записал:

«Нам нужно найти какой-то выход. Если мы последуем за немцами, то ввяжемся в войну при самых неблагоприятных для стран оси, особенно для Италии, обстоятельствах. Наш золотой запас сократился почти до нуля, так же как и наши запасы металла… Нам необходимо избежать войны. Я предложил дуче, чтобы я встретился с Риббентропом… Во время этой встречи я попытаюсь развить мысль Муссолини о созыве всемирной конференции».

Запись от 9 августа:

«Риббентроп поддерживает идею нашей встречи. Завтра вечером я намерен выехать на встречу с ним в Зальцбург. Дуче хочет, чтобы я документально доказал немцам, что начать войну сейчас было бы ошибкой».

10 августа:

«Дуче, как никогда, уверен в том, что конфликт необходимо отложить. Он сам разработал план выступления на встрече в Зальцбурге, который заканчивается ссылкой на международные переговоры, имеющие целью решить проблемы, так будоражащие Европу.

Перед отъездом он советует мне откровенно заявить немцам, что мы должны избежать конфликта с Польшей, так как не будет возможности его локализовать, а всеобщая война обернется катастрофой для всех».

Вооруженный такими рекомендациями — похвальными, но при сложившихся обстоятельствах наивными, — молодой фашистский министр иностранных дел отправился в Германию, где 11, 12 и 13 августа Риббентроп и Гитлер удивили его так, как никто в жизни.

Чиано в Зальцбурге и Оберзальцберге; 11, 12, 13 августа

Почти десять часов длилась встреча Чиано с Риббентропом 11 августа. Она проходила в имении Риббентропа Фушль, расположенном в пригороде Зальцбурга. Немецкий министр иностранных дел позаимствовал его у австрийского монархиста, причем хозяина как нельзя более кстати переправили в концентрационный лагерь. Темпераментному итальянцу атмосфера, как он писал позднее, показалась холодной и мрачной. Во время обеда министры не сказала друг другу ни слова. В этом, собственно, не было нужды. Еще раньше Риббентроп сообщил своему гостю, что решение напасть на Польшу непоколебимо.

«Хорошо, Риббентроп, — так, по словам Чиано, сказал он. — Что же вам нужно — Данциг или коридор?» «Уже ни то, ни другое, — ответил Риббентроп, глядя на него холодными, отливающими металлом глазами. — Нам нужна война!»

Возражения Чиано, что польский конфликт невозможно будет локализовать, что если напасть на Польшу, то в войну вступят западные державы, решительно отклонялись. Четыре года спустя, в 1943 году, в канун рождества, лежа в тюремной камере э 27 в Вероне в ожидании казни, к которой привели его подстрекательства немцев, Чиано вспоминал холодный день 11 августа и имение Фушль близ Зальцбурга. В своей последней дневниковой записи от 23 декабря 1943 года он отмечал, что Риббентроп «во время одного из обедов, проходившего в мрачной атмосфере Зальцбурга», предложил ему пари: он ставил коллекцию старинного немецкого оружия против старой итальянской картины, что Франция и Англия сохранят нейтралитет. И далее Чиано сокрушенно замечает, что своего проигрыша он так и не заплатил.

Чиано переехал в Оберзальцберг, где Гитлер в течение 12 и 13 августа распространялся по поводу того, что Англия и Франция в войну не вступят.

В отличие от министра иностранных дел Гитлер старался казаться сердечным и добродушным, но был также непреклонен. О его настроении можно судить не только по дневнику Чиано, но и по записи беседы, которую обнаружили среди трофейных документов.

Когда итальянский министр вошел, Гитлер стоял возле большого стола с военными картами. Он начал с того, что рассказал о мощи немецкого Западного вала. По его словам, вал был непреодолим. К тому же, добавил он пренебрежительно, Англия сможет переправить во Францию лишь три дивизии. Конечно, у Франции сил больше, но с Польшей будет покончено в очень сжатые сроки и Германия сможет сконцентрировать на Западе сто дивизий для «борьбы не на жизнь, а на смерть».

А начнется ли борьба? Некоторое время спустя Гитлер, раздраженный реакцией Чиано, стал противоречить самому себе. Итальянский министр, как и намеревался, высказал Гитлеру все. Согласно немецкой записи, он выразил «крайнее удивление Италии по поводу возникновения такой сложной ситуации». Он пожаловался, что Германия ничего не сообщила своей союзнице, «напротив, министр иностранных дел рейха утверждал в Милане и в Берлине в мае, что вопрос с Данцигом будет решен в свое время». Когда Чиано заявил, что конфликт с Польшей выльется в европейскую войну, хозяин перебил его: «Лично я абсолютно убежден в том, что западные демократии в любом случае воздержатся от развязывания всеобщей войны». На это Чиано, согласно немецким документам, возразил, что он «надеется, что фюрер окажется прав, но вряд ли так будет». Затем итальянский министр иностранных дел обстоятельно обрисовал слабость Италии. После этого скорбного повествования, как записано в немецких документах, Гитлер, должно быть, окончательно убедился, что в приближающейся войне от Италии ждать большой помощи не придется[184]. Чиано уверял, что одной из причин, по которой Муссолини стремится отсрочить войну, является Всемирная выставка, которая по плану должна состояться в 1942 году в Италии и которой дуче придавал большое значение. Это высказывание поразило Гитлера, все мысли которого были заняты военными картами и расчетами. Вероятно, не меньше поразила его наивность Чиано, предложившего текст коммюнике и потребовавшего его немедленного опубликования. В коммюнике говорилось, что на встрече министров стран оси «нашли свое подтверждение миролюбивые устремления их правительств» и их уверенность в том, что мир может быть сохранен «путем дипломатических переговоров». Чиано объяснил, что дуче имел в виду созыв мирной конференции с участием ведущих европейских держав, но, принимая во внимание опасения фюрера, он готов согласиться на очные дипломатические переговоры.

В первый день Гитлер не отверг окончательно идею созыва конференции, но предупредил Чиано, что «Россию долее нельзя исключать из числа участников будущей встречи». Это было первое упоминание о Советском Союзе, но не последнее.

Потом Чиано попытался узнать у хозяина точную дату нападения на Польшу. Гитлер ответил, что опасается осенней распутицы, которая не позволит использовать танковые и моторизованные соединения в стране, где всего две–три мощеные дороги, поэтому урегулирование польского вопроса должно так или иначе состояться в конце августа.

Наконец-то Чиано узнал дату нападения на Польшу. По крайней мере, самый поздний срок, так как через минуту Гитлер уже бушевал, что если поляки будут устраивать новые провокации, то он не преминет напасть на них «в течение сорока восьми часов». В общем, добавил он, «начала действий против Польши можно ожидать в любой момент». Этой вспышкой и завершился первый день встречи. Правда, Гитлер обещал подумать над предложениями итальянцев.

Обдумав их в течение суток, он заявил Чиано, что лучше никакого коммюнике по встрече не публиковать[185]. Ввиду того что погода осенью ожидается плохая, сейчас очень важно: во-первых, чтобы в течение самого короткого времени Польша ясно изложила свои намерения, и во-вторых, Германия не станет больше терпеть никаких провокаций.

Когда Чиано спросил, что стоит за словами «самое короткое время», Гитлер ответил: «Самое позднее — в конце августа». Для того чтобы победить Польшу, объяснял он, потребуется не больше двух недель, для окончательного уничтожения — еще недели три-четыре. Впоследствии выяснилось, что прогноз был абсолютно точен.

В конце беседы Гитлер по традиции произнес льстивые слова в адрес Муссолини, на которого, как, должно быть, убедил его Чиано, он не может больше рассчитывать. Однако он, Гитлер, счастлив, потому что живет в такое время, когда, кроме него самого, есть еще один государственный деятель, который войдет в историю как уникальная личность. Он просто счастлив, что может быть другом такого человека. Когда пробьет час всеобщей битвы, он будет рядом с дуче, что бы ни случилось.

Эти слова, вероятно, подействовали бы на Муссолини, но на его зятя они не подействовали. «Я вернулся в Рим, — записал Чиано в своем дневнике 13 августа, — с чувством отвращения к немцам, к их вождю и к тому, что и как они делают. Они предали нас и обманули. Теперь они хотят втянуть нас в авантюру, которая нам совершенно не нужна, которая может скомпрометировать режим и страну в целом».

Но Италия в данный момент волновала Гитлера меньше всего. Все его мысли были прикованы к России. 12 августа, когда встреча с Чиано подходила к концу, Гитлеру вручили «телеграмму из Москвы» — так это называется в немецких документах. Беседа была на время прервана, чтобы Гитлер и Риббентроп изучили телеграмму. Потом они сообщили Чиано ее содержание.

«Русские, — сказал Гитлер, — согласны принять в Москве представителя Германии для ведения политических переговоров».

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ПАКТ

«Телеграмма из Москвы», о содержании которой Гитлер рассказал Чиано 12 августа в Оберзальцберге, имела, как и многие другие «телеграммы», о

которых рассказывалось в этой книге, весьма сомнительное происхождение. Такая телеграмма из Москвы не была найдена в немецких архивах. Шуленбург действительно послал 12 августа телеграмму из Москвы, но в ней сообщалось только о прибытии в русскую столицу англо-французской военной миссии и о тостах, которыми обменялись русские и их гости.

И все-таки у Гитлера и Риббентропа были основания произвести «телеграммой» впечатление на Чиано. 12 августа с Вильгельмштрассе в Оберзальцберг по телетайпу было направлено сообщение о результатах встречи русского поверенного в делах и Шнурре, которая состоялась в тот же день в Берлине. Астахов сообщил министерству иностранных дел, что Молотов готов приступить к обсуждению вопросов, предложенных немцами, в том числе вопроса о Польше. Советское правительство предложило провести переговоры в Москве. Однако Астахов дал понять, что форсировать переговоры не следует. Он отметил, сообщал Шнурре в своем докладе, который, вероятно, был немедленно передан в Оберзальцберг, что «основной упор в инструкциях Молотова был сделан на слове «постепенно»… Обсуждения должны проходить постепенно».

Но Адольф Гитлер не мог ждать «постепенных» переговоров с Россией. Он только что сообщил Чиано, что самый поздний срок нападения на Польшу — 1 сентября, а была уже середина августа. Если добиваться срыва военных переговоров русских с англо-францу-зами и заключения сделки со Сталиным, то делать это нужно быстро: не постепенно, а одним большим скачком.

Понедельник 14 августа стал еще одним поворотным днем. В то время как посол Шуленбург, которому Гитлер и Риббентроп полностью не доверяли, сообщал в Берлин Вайцзекеру: Молотов — «странный человек с трудным характером», «я до сих пор придерживаюсь мнения, что в наших отношениях с Советским Союзом следует избегать поспешных шагов», ему несли «необычайно срочную» телеграмму из Берлина. Телеграмма была послана с Вильгельмштрассе, но подписана Риббентропом, хотя министр все еще находился в Фушле. Это произошло в 22.53 14 августа. В телеграмме послу предписывалось пойти к Молотову и зачитать ему длинное сообщение «дословно».

В послании Гитлер устанавливал наконец свою огромную цену. Германо-русские отношения, писал Риббентроп, «подошли к историческому поворотному моменту… Не существует противоречий в интересах Германии и России… История отношений между двумя странами показывает, что нам лучше быть друзьями, а не врагами».

«Кризис германо-польских отношений, спровоцированный политикой Англии, — продолжал Риббентроп, — и попытки организации союза на основе этой политики делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае… дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Правительства обеих стран не должны выпускать сложившуюся ситуацию из-под контроля и обязаны предпринять своевременные меры. Будет фатальной ошибкой, если вследствие незнания взглядов и намерений друг друга два народа не договорятся».

Министр иностранных дел Германии был готов к своевременным действиям «от имени фюрера».

«Как нам стало известно. Советское правительство также ратует за выяснение германо-русских отношений. Поскольку из предыдущего опыта известно, что такое выяснение может быть достигнуто постепенно посредством обычных дипломатических каналов, я готов прибыть с кратким визитом в Москву, чтобы от имени фюрера изложить его взгляды господину Сталину. По моему мнению, только посредством такого прямого обсуждения можно достигнуть перемен и тем самым заложить фундамент для окончательного урегулирования германо-русских отношений».

Британский министр иностранных дел не изъявлял горячего желания ехать в Москву, а его немецкий коллега не просто выражал желание, но стремился туда поехать — контраст, который, как точно рассчитали нацисты, должен был произвести впечатление на недоверчивого Сталина. Немцы полагали крайне важным, чтобы их идеи были доложены русскому диктатору лично. В связи с этим Риббентроп добавил к срочной телеграмме «приложение».

«Я прошу Вас не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему. Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Молотова об аудиенции с господином Сталиным, чтобы вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему. В дополнение к беседе с Молотовым условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным».

В предложении министра иностранных дел была замаскирована приманка. Немцы не без оснований полагали, что Кремль на эту приманку клюнет. Говоря о том, что «нет проблемы от Балтийского до Черного моря, которая не могла бы быть решена к взаимному удовлетворению сторон», Риббентроп выделял Прибалтийские государства, Польшу, юго-восточный вопрос и т. д. А кроме того, не забывал упомянуть о необходимости «совместного разрешения территориальных вопросов, связанных с Восточной Европой».

Германия была готова разделить Восточную Европу с Советским Союзом. Англия и Франция не могли ответить равноценным предложением, даже если бы и хотели. Сделав это предложение, Гитлер, уверенный, очевидно, в том, что оно не будет отвергнуто, в тот же день, 14 августа, еще раз собрал командующих видами вооруженных сил, чтобы поведать им о планах и перспективах будущей войны.

Военная конференция в Оберзальцберге: 14 августа[186]

«Величайшая драма, — сказал Гитлер своим слушателям, — приближается к кульминации». Для достижения политических и военных успехов необходимо пойти на риск. Он уверен, что Англия и Франция воевать не будут. Во-первых, в Англии «нет лидера настоящего калибра. Те люди, которых я видел в Мюнхене, не из тех, кто способен начать новую мировую войну». Как и во время предыдущих совещаний с генералами, Гитлер не мог не думать об Англии. Он обстоятельно рассказал о сильных и слабых ее сторонах, особенно о слабых.

В отличие от 1914 года, по словам Гитлера, записанным Гальдером, Англия не позволит себе участвовать в войне, которая продлится годы… Это удел богатых стран… Даже у Англии сегодня нет денег, чтобы вести мировую войну. За что же воевать Англии? Ради союзника умирать никто не захочет.

Задаваясь вопросом, какие военные меры могут предпринять Англия и Франция, Гитлер отвечал следующим образом:

«Наступление на Западный вал мало вероятно. Бросок на север через Бельгию и Голландию не принесет скорой победы. Ни то ни другое не поможет полякам.

Все эти факты говорят за то, что Англия и Франция в войну не вступят… Нет ничего, что может заставить их вступить в эту войну. Те, кто был в Мюнхене, просто побоятся рисковать… Английский и французский генеральный штабы довольно трезво оценивают перспективы военного конфликта и высказываются против него…

Все это укрепляет нас в убеждении, что Англия может угрожать на словах, даже может отозвать своего посла или наложить эмбарго на торговлю, но она никогда не склонится к участию в вооруженном конфликте».

Затем Гитлер объяснил, что, хотя предстоит сражаться только с Польшей, ее надо разгромить «в течение одной–двух недель», так, чтобы весь мир понял, что с ней покончено, и не пытался помогать ей.

В тот день Гитлер не был готов сообщить своим генералам, насколько далеко он зашел в переговорах с Россией, хотя генералы восприняли бы это с удовлетворением, так как были убеждены, что Германия не может вести большую войну на два фронта. Но Гитлер сказал вполне достаточно, чтобы у них разыгрался аппетит.

«Россия, — говорил фюрер, — ни в коей мере не расположена таскать для кого–то каштаны из огня». Он объяснил систему контактов с Москвой, сложившуюся после начала торговых переговоров. Теперь он рассуждал, «нужно ли посылать в Москву человека для ведения переговоров и должен ли этот человек быть влиятельным». Далее он заявил, что Россия, не связанная никакими обязательствами с Западом, осознала необходимость уничтожения Польши. Она заинтересована в «разграничении сфер влияния», а он, фюрер, «готов пойти на компромисс».

В длинной стенограмме, сделанной на встрече Гальдером, нет ни единого упоминания о том, что он, начальник генерального штаба сухопутных войск, или генерал Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, или Геринг подвергли сомнению курс Гитлера, который вел Германию к европейскому конфликту. Хотя Гитлер был уверен, что Англия и Франция не примут участия в войне, а Россия останется нейтральной, Геринг всего за неделю до этого получил прямое предупреждение, что в случае нападения Германии на Польшу Англия несомненно будет воевать.

Еще в июле друг Геринга, швед Биргер Далерус, пытался убедить его, что общественное мнение Англии не смирится с распространением нацистской агрессии. Шеф люфтваффе усомнился в этом, и тогда Далерус организовал 7

августа у себя дома в Шлезвиг-Гольштейне, неподалеку от датской границы, встречу Геринга с семью английскими бизнесменами. Британские бизнесмены в устной форме и в письменном меморандуме изо всех сил старались убедить Геринга в том, что в случае нападения Германии на Польшу Англия останется верна союзническим обязательствам. Мало вероятно, что их попытки увенчались успехом, но Далерус, сам бизнесмен, был склонен считать, что увенчались[187]. Этот швед вообще был интересной личностью. В течение нескольких следующих суматошных недель он выступил в роли миротворца между Германией и Англией. У него несомненно были солидные связи в Лондоне и Берлине. Он был вхож на Даунинг-стрит, где 20 июля его принял лорд Галифакс, чтобы обсудить предстоящую встречу английских бизнесменов с Герингом. Вскоре его приняли Гитлер и Чемберлен. Несмотря на благородные стремления сохранить мир, он был весьма наивен, а как дипломат в высшей степени некомпетентен. Через много лет на Нюрнбергском процессе при допросе, который вел сэр Дэвил Максвелл-Файф, шведский дипломат-любитель был вынужден с горечью признать, что Гитлер и Геринг его жестоко обманули.

Почему же генерал Гальдер, который одиннадцать месяцев назад возглавил заговор, имевший целью свергнуть Гитлера, не выступил 14 августа против него, хотя он намеревался начать войну? Или, если он считал такое выступление бесполезным, почему он не организовал заговор против диктатора по той же причине, что и накануне Мюнхена, ведь война в настоящее время грозила обернуться для Германии катастрофой? Гораздо позднее, на допросе в Нюрнберге, Гальдер объяснил, что даже в середине августа 1939 года он все еще не верил, будто Гитлер рискнет начать войну, несмотря на все, что он говорил. Запись, сделанная Гальдером в дневнике 15 августа, то есть на следующий день после совещания, гласит, что он также не верил в то, что Франция и Англия решатся воевать.

Что касается Браухича, то это был не тот человек, который мог поставить под сомнение планы Гитлера. Хассель, 15 августа узнав от Гизевиуса о военном совещании в Оберзальцберге, заявил командующему сухопутными войсками, что он «абсолютно уверен»: Англия и Франция вмешаются, если Германия нападет на Польшу. «С ним ничего нельзя поделать, — с грустью отмечал Хассель в своем дневнике. — Он боится или не понимает, о чем идет речь… На генералов надеяться не стоит… Лишь некоторые из них сохранили ясные головы — это Гальдер, Канарис, Томас».

Только генерал Томас, блестящий начальник отдела экономики и вооружения ОКВ, осмелился открыто возразить фюреру. Через несколько дней после совещания 14 августа он вместе с бывшими участниками заговора — Герделером, Беком и Шахтом составил меморандум, который лично зачитал шефу ОКВ генералу Кейтелю. «Скоротечная война и скоротечный мир, — писал он, — полнейшая иллюзия. Нападение на Польшу приведет к мировой войне, для ведения которой Германия не имеет ни сырья, ни продовольствия». Но Кейтель, в голове которого роились лишь мысли, заимствованные у Гитлера, отмел саму идею продолжительной войны. Англичане — декаденты, французы — дегенераты, у американцев в этом деле нет никакой заинтересованности. Никто из них за Польшу воевать не будет.

Итак, во второй половине августа 1939 года немецкие военачальники с лихорадочной поспешностью планировали уничтожение Польши и защиту западных границ рейха в случае, если западные державы вопреки ожиданиям

вступят в войну. 15 августа секретным распоряжением был отменен ежегодный партийный съезд в Нюрнберге, который должен был открыться в первых числах сентября и который Гитлер 1 апреля назвал «съездом мира». Четверть миллиона человек были призваны в армии, которым предстояло развернуться на западных границах. Мобилизованные приказы были разосланы по железным дорогам. Разрабатывались планы, согласно которым штабу сухопутных войск предстояло передислоцироваться в Цоссен, к востоку от Берлина. В тот же день, 15 августа, ВМС доложили, что карманные линкоры «Граф Шпее» и «Дойчланд», а также 21 подводная лодка готовы к действиям в Атлантическом океане.

17 августа генерал Гальдер сделал в своем дневнике странную запись: «Канарис сверил с первым управлением (оперативным). Гиммлер, Гейдрих, Оберзальцберг: 150 комплектов польской военной формы и снаряжения для Верхней Силезии».

Что бы это значило? Только после окончания войны выяснилось, что запись относилась к одному из самых тщательно спланированных инцидентов, которые когда-либо организовывали нацисты. Подобно тому как Гитлеру и его генералам были необходимы такие, например, «инциденты», как убийство немецкого посла, чтобы оправдать вторжение в Австрию и Чехословакию, так и теперь, когда времени оставалось совсем немного, они должны были устроить инцидент, который оправдал бы в глазах мировой общественности их нападение на Польшу.

Этой инсинуации было дано кодовое название «Операция «Гиммлер». Идея ее была груба и примитивна. СС и гестапо должны были организовать «нападение» на немецкую радиостанцию в Глейвице, неподалеку от польской границы. С этой целью предполагалось использовать заключенных концлагеря, переодетых в польскую военную форму. Тогда Польшу можно будет обвинить в нападении на Германию. Еще в начале августа адмирал Канарис, шеф абвера, получил личный приказ Гитлера доставить Гиммлеру и Гейдриху 150 комплектов польской военной формы и стрелковое оружие польского образца. Задание несколько удивило его, и 17 августа он спросил о нем у генерала Кейтеля. Шеф ОКВ стал уверять, что он плохо относится к делам «подобного рода», однако при этом заметил, что «делать нечего», ведь приказ исходит от самого фюрера. Канарис, испытывая чувство отвращения, подчинился приказу и доставил форму Гейдриху.

Руководство операцией шеф СД возложил на молодого, но уже опытного в тайных делах эсэсовца по имени Альфред Гельмут Нау-йокс. Для него это было не первое задание подобного рода. Не первое и не последнее. Еще в марте 1939 года Науйокс по поручению Гейдриха занимался доставкой взрывчатки в Словакию, где, согласно его собственным показаниям, данным позднее, она использовалась для «организации инцидентов».

Альфред Науйокс был типичным продуктом СС и гестапо — этакий интеллектуальный гангстер. Он учился на инженера в Кильском университете, где впервые приобщился к борьбе с антинацистами. Однажды в драке коммунисты сломали ему нос. В 1931 году он поступил на службу в СС, а со дня основания СД в 1934 году работал там. Как многие другие молодые люди из окружения Гейдриха, он старался выглядеть интеллектуалом, увлекался историей и философией, одновременно превращаясь в головореза (Скорцени был точно таким же), которому поручали выполнение наименее «грязных» дел,

спланированных Гиммлером и Гейдрихом[188]. 19 октября 1944 года Науйокс сдался американцам и через год на Нюрнбергском процессе дал ценные показания, в том числе рассказал правду об «инциденте», которым Гитлер воспользовался, чтобы оправдать нападение на Польшу.

«Приблизительно 10 августа 1939 года шеф СД Гейдрих приказал мне лично организовать ложное нападение на немецкую радиостанцию в районе Глейвица, неподалеку от польской границы, — писал Науйокс в своих показаниях, датированных 20 ноября 1945 года. — Предстояло подстроить все так, чтобы нападавших потом можно было выдать за поляков. Гейдрих сказал: «Нужны практические доказательства нападения поляков. Это потребуется для зарубежной прессы и немецкой пропаганды…»

Мне предписывалось захватить радиостанцию и удерживать ее достаточно долго, чтобы немец, говорящий по-польски, — а такой у меня в группе был мог выйти в эфир с речью на польском языке. Гейдрих сказал мне, что в речи должно быть утверждение, что настало время для конфликта между немцами и поляками… Гейдрих сказал также, что ожидает нападения Польши на Германию в ближайшие дни.

Я приехал в Глейвиц и прождал там две недели… Между 25 и 31 августа я встретился с Генрихом Мюллером, шефом гестапо, который находился тогда в Оппельне, неподалеку от нас. В моем присутствии Мюллер обсуждал с неким Мельхорном[189] план пограничного инцидента, смысл которого состоял в том, чтобы инсценировать нападение поляков на немцев… Мюллер сказал также, что направит в мое распоряжение человек 12–13 уголовников, которых переоденут в польскую военную форму; этих людей следует убить и оставить на месте инцидента, чтобы создалось впечатление, будто они убиты во время нападения. Для верности врач, присланный Гейдрихом, заранее сделает им смертельные инъекции, а уж потом нам предстояло изрешетить их пулями. По окончании операции Мюллер намеревался собрать на месте происшествия представителей прессы и свидетелей…

Мюллер сказал мне, что по приказу Гейдриха одного из этих преступников он передаст мне, чтобы я мог использовать его в Глейвице. Этих преступников мы условились называть «консервами».

Пока Гиммлер, Гейдрих и Мюллер по приказу Гитлера обдумывали, как лучше использовать «консервы», чтобы сфабриковать доказательства, подтверждающие агрессивные действия Польши против Германии, Гитлер сделал первый решительный шаг по развертыванию вооруженных сил для широкомасштабной войны. 19 августа — еще один роковой день — был издан приказ по ВМС Германии. Двадцать одна подводная лодка была сосредоточена на позиции севернее и северо-западнее Британских островов. Карманный линкор «Граф Шпее» получил приказ направиться к побережью Бразилии, а его близнец линкор «Дойчланд» курсировать в районе морских путей английских судов в Северной Атлантике[190].

Очень важна дата, когда был отдан приказ на выход военных кораблей в предвидении возможной войны с Англией. Именно 19 августа, после недели призывов из Берлина, Советское правительство дало Гитлеру ожидаемый им ответ.

Германо-советские переговоры: 15–21 августа 1939 года

Посол Шуленбург встретился с Молотовым 15 августа в 20.00, зачитал, как было приказано, срочную телеграмму Риббентропа и сказал, что министр иностранных дел рейха готов прибыть в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Как докладывал в тот же вечер в «сверхсрочной секретной» телеграмме в Берлин посол, советский комиссар иностранных дел выслушал информацию «с величайшим интересом» и «тепло приветствовал намерения Германии улучшить отношения с Советским Союзом». При этом искусный дипломат Молотов не подал виду, что дело это срочное. Визит, о котором упомянул Риббентроп, сказал он, «требует соответствующей подготовки, чтобы обмен мнениями оказался результативным».

Насколько результативным? Хитрый русский ограничился намеками: не заинтересует ли Германию пакт о ненападении между двумя странами, не сможет ли Германия использовать свое влияние на Японию для улучшения советско-японских отношений и «прекращения пограничных конфликтов» — речь шла о необъявленной войне, которая в течение всего лета велась на границе Монголии и Маньчжурии. Под конец Молотов спросил, как относится Германия к совместным гарантиям Прибалтийским государствам.

Все эти вопросы, сказал он в заключение, «необходимо обсудить конкретно, чтобы в случае приезда сюда германского министра иностранных дел речь шла не об обмене мнениями, а о принятии конкретных решений». И он опять подчеркнул, что «соответствующая подготовка этих вопросов совершенно необходима».

Итак, предложение о германо-советском пакте о ненападении исходило от русских — в то самое время, когда они вели переговоры с Францией и Англией о том, вступят ли они в войну с Германией для предотвращения дальнейшей агрессии[191]. Гитлер более чем горячо желал обсудить пакт «конкретно», поскольку, если такой пакт будет заключен, Россия не вступит в войну и он сможет напасть на Польшу, не опасаясь вмешательства с ее стороны. А если Россия не будет участвовать в конфликте, то Англия и Франция тоже не рискнут вмешаться — в этом он был убежден.

Молотов предлагал как раз то, что требовалось Гитлеру. Он даже предлагал то, что сам Гитлер предлагать не осмеливался. Возникла только одна трудность. Август близился к концу, а Гитлер не мог принять тех темпов, которые предлагал Молотов, говоря о «соответствующей подготовке» визита министра иностранных дел в Москву. Доклад Шуленбурга о встрече с Молотовым был передан по телефону с Вильгельмштрассе в Фушль Риббентропу в 6.40 утра 16 августа. Риббентроп сразу поспешил в Оберзальцберг к фюреру за дальнейшими инструкциями. Пополудни они уже составили ответ Молотову, который по телетайпу был передан Вайцзекеру в Берлин с указанием отправить его в Москву «самым срочным образом».

Нацистский диктатор безоговорочно принял советские предложения. Риббентроп приказывал Шуленбургу немедленно встретиться с Молотовым и сообщить ему, что Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает Советское правительство, не подлежащий изменению в течение двадцати пяти лет. Далее, Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность Прибалтийских государств. Наконец,

Германия готова, и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений.

Маска была сброшена. Стало очевидно, что правительство рейха торопится заключить договор с Москвой.

«Фюрер, — писал далее в телеграмме Риббентроп, — считает, что, принимая во внимание настоящую ситуацию и каждодневную возможность возникновения серьезных инцидентов (в этом месте, пожалуйста, объясните господину Молотову, что Германия не намерена бесконечно терпеть провокации со стороны поляков), желательно принципиальное и быстрое выяснение германо-русских отношений и взаимное урегулирование актуальных вопросов.

По этим причинам имперский министр иностранных дел заявляет, что начиная с пятницы 18 августа он готов в любое время прибыть самолетом в Москву, имея от фюрера полномочия на рассмотрение всего комплекса германо-советских отношений, а если представится возможность, то и для подписания соответствующих договоров».

И опять Риббентроп заканчивал телеграмму приложением, состоящим из его собственных инструкций послу:

«Я прошу вас немедленно зачитать это послание слово в слово господину Молотову и выяснить точку зрения по этому вопросу Советского правительства и господина Сталина. Строго конфиденциально, только для вашего сведения добавляется, что мы особенно заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву мог состояться в конце этой недели или в начале следующей».

На следующий день Гитлер и Риббентроп с нетерпением ждали ответа из Москвы. Около полудня 17 августа Риббентроп направил «очень срочную» телеграмму Шуленбургу, требуя доложить телеграммой, когда посол попросил Молотова о встрече, и сообщить время, на которое эта встреча назначена. К обеду пришел ответ от посла, сообщившего, что телеграмму министра иностранных дел он получил только в 11 часов вечера накануне, когда было поздно предпринимать какие-либо дипломатические шаги, но сегодня утром он первым делом попросил о встрече и она была назначена на восемь часов вечера.

Сгоравших от нетерпения нацистских лидеров эта встреча разочаровала. Несомненно, полностью сознавая причины лихорадочной спешки Гитлера, русский комиссар иностранных дел вел игру с немцами, дразня и подначивая их. После того как Шуленбург вечером 17 августа зачитал ему телеграмму Риббентропа, Молотов, не обращая особого внимания на ее содержание, передал письменный ответ Советского правительства на первое послание имперского министра иностранных дел от 15 августа.

В ответе не без сарказма говорилось о многолетнем враждебном отношении нацистского правительства к России, о том, что «до недавнего времени Советское правительство исходило из предпосылки, что правительство Германии ищет повода для столкновения с Советским Союзом…», в частности, оно «пыталось создать с помощью так называемого Антикоминтерновского пакта объединенный фронт ряда государств против Советского Союза». Именно по этой причине, указывалось в ноте, Россия «участвует в организации

оборонительного фронта против (немецкой) агрессии. Далее в ноте говорилось: «Тем не менее если правительство Германии готово отойти от прежней политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с Советским Союзом, Советское правительство может только приветствовать подобную перемену и со своей стороны готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения».

А затем в русской ноте подчеркивалось, что «это должны быть серьезные практические шаги», реализуемые поэтапно, а не за один раз, как предлагал Риббентроп.

Какие шаги? Первый — заключение торгового и кредитного соглашения, второй-заключение пакта о ненападении, он должен последовать вскоре после первого.

Одновременно со вторым шагом Советы предложили «заключить специальный протокол, уточняющий интересы договаривающихся сторон по тем или иным вопросам внешней политики», намекая на то, что в Москве отнеслись с пониманием к точке зрения Германии по вопросу раздела Восточной Европы, полагая, что сделка возможна.

Что касается визита Риббентропа, Молотов заявил, что Советское правительство с удовлетворением восприняло эту идею, поскольку «визит такого известного политического и государственного деятеля свидетельствует о серьезности намерений правительства Германии», и добавил, что это заметно отличается «от линии поведения» Англии, которая в лице Стрэнга прислала в Москву второстепенное официальное лицо. Тем не менее визит министра иностранных дел Германии требует тщательной подготовки. Советскому правительству хотелось бы избежать лишней шумихи, которая может его сопровождать. Оно желало бы, чтобы практическая работа по подготовке визита проходила без особого шума.

Молотов не упомянул о настойчивом предложении Риббентропа прибыть в Москву к концу недели, а Шуленбург, вероятно, ошеломленный ходом встречи, не настаивал на нем.

Это сделал на следующий день сам Риббентроп после того, как получил отчет посла. Очевидно, Гитлер начал приходить в отчаяние. Вечером 18 августа из его летней штаб-квартиры в Оберзальцберге Шуленбургу была послана еще одна «необычайно срочная» телеграмма за подписью Риббентропа. Посольством Германии в Москве она была получена в 5.45 утра 19 августа. В ней послу предписывалось «немедленно добиться второй встречи с Молотовым и сделать все, чтобы эта встреча состоялась без задержки». Времени терять было нельзя.

«Я прошу вас, — писал Риббентроп в телеграмме, — сообщить господину Молотову следующее:

…При нормальных обстоятельствах мы, конечно, тоже были бы готовы добиваться улучшения германо-русских отношений через дипломатические каналы и делать это традиционным путем. Но в сложившейся ситуации, по мнению фюрера, необходимо использовать другие методы, способные привести к быстрому результату.

Германо-польские отношения ухудшаются день ото дня. Мы не должны упускать из вида, что инциденты могут произойти в любой момент, что неминуемо приведет к открытому конфликту.

…Фюрер считает необычайно важным, чтобы возникновение германо-польского конфликта не застало нас врасплох, пока мы добиваемся выяснения германо-русских отношений. Поэтому он считает предварительное выяснение необходимым хотя бы для того, чтобы суметь учесть русские интересы в случае такого конфликта, что, конечно, будет сложно без проведения предварительного выяснения».

Послу предписывалось заявить, что первая стадия упомянутых Молотовым консультаций — заключение торгового соглашения — завершилась в Берлине в тот же день (18 августа) и что пришло время приступить ко второй стадии. С этой целью германский министр иностранных дел предполагал немедленно прибыть в Москву с полномочиями от фюрера решить «весь комплекс проблем». В Москве он «сможет принять в расчет русские пожелания». Какие пожелания? Наконец немцы перестали ходить вокруг да около.

«Я смогу также, — продолжал Риббентроп, — подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в решении той или иной внешнеполитической проблемы, например, согласовать сферы интересов в районе Балтики. Такое соглашение будет возможно, однако, только посредством (прямых) устных переговоров».

Теперь посол не должен был принимать русского «нет».

«Пожалуйста, подчеркните, — писал в заключение Риббентроп, — что внешняя политика Германии достигла сегодня исторического поворотного момента… Настаивайте, в духе предыдущих заявлений, на скорейшем осуществлении моей поездки и соответствующим образом противьтесь любым возможным советским возражениям. В этой связи вы должны иметь в виду главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского конфликта и что поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву состоялся немедленно».

День 19 августа действительно стал решающим. Приказы немецким подводным лодкам и карманным линкорам задерживались до получения ответа из Москвы. Боевые корабли должны были сняться с якоря сразу по получении приказа, чтобы успеть достичь указанных им районов действий в день, когда Гитлер планировал начать войну, — 1 сентября, до которого оставалось тринадцать дней. Две большие группы армий, которым ставилась задача напасть на Польшу, также должны были начать развертывание немедленно.

Напряжение в Берлине, а особенно в Оберзальцберге, где в ожидании ответа из Москвы нервничали Гитлер и Риббентроп, становилось невыносимым. Депеши и меморандумы министерства иностранных дел хорошо передают нервозную обстановку, царившую на Вильгельмштрассе. Доктор Шнурре докладывал, что переговоры с русскими по поводу торгового соглашения завершились накануне вечером к «полному обоюдному согласию», но Советы тянут с его подписанием. Подпись под соглашением нужно было поставить сего дня, 19 августа, но в полдень русские сообщили, что должны дождаться инструкций из Москвы. «Очевидно, они получили из Москвы инструкцию отложить подписание договора по политическим причинам», — предполагал Шнурре. Из

Оберзальцберга Риббентроп направил Шуленбургу «необычайно срочную» телеграмму, в которой просил максимально точно передавать слова Молотова или подробности, способные объяснить намерения русских. Но в течение дня от посла была получена только одна телеграмма, в которой приводилось опровержение ТАСС по поводу того, что переговоры между русской и англо-французской миссиями застопорились из-за вопроса о Дальнем Востоке. Правда, в сообщении ТАСС говорилось, что стороны расходятся во взглядах по совершенно другим вопросам. Это был сигнал Гитлеру, что есть еще время и надежда.

И вот 19 августа, в 19.10, пришла телеграмма, которую все с таким нетерпением ждали.

СЕКРЕТНО

ОЧЕНЬ СРОЧНО

Советское правительство согласно, чтобы имперский министр иностранных дел прибыл в Москву через неделю после опубликования сообщения о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о подписании экономического соглашения будет объявлено завтра, то имперский министр иностранных дел смог бы прибыть в Москву 26 или 27 августа.

Молотов передал мне проект пакта о ненападении. Подробный отчет о двух беседах, которые я имел с Молотовым сегодня, а также текст советского проекта передаются срочной телеграммой.

Шуленбург

Первая беседа, которая состоялась 19 августа в 14.00 и продолжалась час, прошла, по сообщению посла, не очень гладко. Русские, казалось, никак не соглашались принять министра иностранных дел. «Молотов отстаивал свое мнение, — сообщал Шуленбург, — что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить дату визита, поскольку к нему нужно тщательно подготовиться… На выдвигавшиеся мною неоднократно и весьма настойчиво доводы о необходимости спешить Молотов возразил, что пока даже первый шаг заключение экономического соглашения — не осуществлен. Прежде необходимо подписать и опубликовать это соглашение и получить отклики на него. Затем настанет очередь пакта о ненападении и протокола.

Мои возражения, видимо, не оказали влияния на Молотова, так что первая беседа закончилась его заявлением, что он изложил мне соображения Советского правительства и добавить к сказанному ему нечего».

Но кое-что добавить он смог. И даже очень скоро.

«Не прошло и получаса после окончания беседы, — сообщал Шуленбург, как Молотов попросил меня снова посетить его в Кремле в 16.30. Он извинился за доставленное мне беспокойство и объяснил, что докладывал Советскому правительству».

После этого комиссар иностранных дел передал удивленному, но обрадованному послу проект пакта о ненападении, сказав, что Риббентроп может приехать в Москву 26 или 27 августа, если экономическое соглашение будет подписано и опубликовано на следующий день.

«Молотов не назвал причин, — писал далее Шуленбург, — внезапного пересмотра им своего решения. Я полагаю, что вмешался Сталин».

Предположение было несомненно верным. Черчилль пишет, что о намерении Советов подписать пакт с Германией Сталин объявил на заседании Политбюро вечером 19 августа. В этот же день, между 15.00 и 16.30, он обсуждал это важное решение с Молотовым, что явствует из сообщения Шуленбурга.

Ровно через три года, в августе 1942 года, «в ранние утренние часы», советский диктатор объяснил британскому премьеру Черчиллю, находившемуся в то время с миссией в Москве, некоторые мотивы этого шага.

«У нас сложилось впечатление, — рассказывал Сталин, — что правительства Англии и Франции не решатся вступить в войну в случае нападения на Польшу, но при этом они полагают, что политическое единство Англии, Франции и России сможет сдержать Гитлера. Мы были уверены, что этого не случится. «Сколько дивизий, — спросил Сталин, — сможет мобилизовать Франция против Германии?» Ответ был: «Около ста». «А сколько пошлет Англия?» Ответ был: «Две, а позже еще две». «А! Две, и позже еще две, — повторил Сталин. — А знаете, сколько дивизий придется выставить на русском фронте, если мы вступим в войну с Германией? — Последовала пауза. — Более трехсот».

В своем сообщении о результатах бесед с Молотовым 19 августа Шуленбург добавлял, что все его попытки убедить комиссара иностранных дел согласиться на более раннюю дату приезда Риббентропа в Москву «к сожалению, не увенчались успехом».

Немцам же успех в этом деле был необходим. От этого зависели график вторжения в Польшу, более того, сама возможность проведения наступления до начала осенних дождей. Если Риббентроп не будет принят в Москве до 26–27 августа, если русские будут тянуть с визитом, чего опасались немцы, то Германия не сможет напасть на Польшу в намеченный срок — 1 сентября.

В этот критический момент Адольф Гитлер сам вступил в контакт со Сталиным. Поборов собственную гордость, он лично попросил Сталина, против которого яростно выступал раньше, немедленно принять его министра иностранных дел в Москве. Его телеграмма на имя Сталина была срочно отправлена в Москву в воскресенье 20 августа, в 18.45, через двенадцать часов после того, как было получено сообщение Шуленбурга. Фюрер приказал послу вручить телеграмму Молотову незамедлительно.

ГОСПОДИНУ СТАЛИНУ, МОСКВА

Я искренне приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения как первый шаг в перестройке германо-советских отношений[192].

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет

политический курс, который был выгоден обоим государствам в течение минувших столетий…

Я согласен с проектом пакта о ненападении, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, но считаю крайне необходимым как можно скорее выяснить ряд вопросов, связанных с ним.

Текст дополнительного протокола, желаемого Советским Союзом, может быть, я убежден, выработан в самые короткие сроки, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. Иначе правительство рейха не представляет, как можно в короткое время выработать и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой… Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять времени. Поэтому я еще раз предлагаю Вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один или самое большее два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить Ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер

В течение последующих суток — с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась телеграфом в Москву, до вечера следующего дня фюрер находился в состоянии, близком к срыву. Спать он не мог. Среди ночи позвонил Герингу и поделился с ним своими опасениями по поводу реакции Сталина на его послание и задержки ответа из Москвы. 21 августа, в три часа ночи, министерство иностранных дел получило «очень срочную» телеграмму от Шуленбурга, в которой сообщалось, что телеграмма Гитлера, о которой Вайцзекер известил ранее Шуленбурга, до сих пор не получена. «Официальные телеграммы из Берлина в Москву, — напоминал посол министерству иностранных дел, — идут от четырех до пяти часов с учетом разницы во времени в два часа. Надо учитывать также время на расшифровку». В понедельник 21 августа, в 10.15, взволнованный Риббентроп послал Шуленбургу срочную телеграмму:

«Прошу сделать все возможное, чтобы мой визит состоялся. Даты указаны в телеграмме». Вскоре после полудня посол сообщил в Берлин: «Я встречаюсь с Молотовым сегодня в 15.00».

Наконец, в 21.35 21 августа по телеграфу в Берлин пришел ответ Сталина.

КАНЦЛЕРУ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА А. ГИТЛЕРУ

Я благодарю Вас за письмо. Я надеюсь, что германо-советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные взаимоотношения. Согласие германского правительства заключить пакт о ненападении создаст фундамент для устранения политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин

По части неприкрытого цинизма нацистский диктатор в лице советского деспота нашел равного себе. Теперь они вдвоем могли расставить все точки над i в одной из самых грязных сделок нашей эпохи.

Ответ Сталина был передан Гитлеру в Бергхоф в 22.30. Через несколько минут, где-то сразу после одиннадцати, о чем автор очень хорошо помнит, музыкальная программа германского радио была прервана и последовало объявление: «Правительство рейха и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении друг с другом. Рейхсминистр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров».

На следующий день, 22 августа, Гитлер, получивший от Сталина гарантию, что Россия будет соблюдать дружественный нейтралитет, еще раз собрал высших военачальников в Оберзальцберге, где разлагольствовал о своем собственном величии, о необходимости вести войну беспощадно и безжалостно, а также сообщил, что, вероятно, отдаст приказ о нападении на Польшу через четыре дня, то есть в субботу 26 августа, на шесть дней ранее намеченного срока. Это стало возможным благодаря Сталину, смертельному врагу фюрера.

Военное совещание 22 августа 1939 года

Генералы застали Гитлера в настроении высокомерном и непримиримом[193]. «Я позвал вас, — сказал он присутствующим, — чтобы обрисовать политическую картину, дабы вы могли полнее оценить факторы, на которых я основываю свое непоколебимое решение действовать, а также для того, чтобы вселить в вас большую уверенность. После этого мы перейдем к обсуждению военных тонкостей».

Вначале он остановился на двух личных моментах.

«О моей личности и о личности Муссолини.

Все зависит от меня, от моего существования, от моих талантов как политика. Вряд ли кто-нибудь когда-нибудь будет пользоваться доверием всего немецкого народа в такой же степени, как я, — это факт. Вряд ли когда-либо появится человек, обладающий большей властью, чем я. Значит, сам факт моего существования необычайно важен. Но меня в любой момент может убить преступник или сумасшедший.

Следующий личный фактор — это дуче. Его существование тоже очень важно. Если что-нибудь случится с ним, то за лояльность Италии нельзя будет поручиться. Королевский двор настроен против дуче…»

Франко тоже союзник. Он гарантирует «благожелательный нейтралитет» Испании. Что касается «противной стороны», то он заверил собравшихся, что ни в Англии, ни во Франции выдающихся личностей нет.

Диктатор разглагольствовал в течение нескольких часов с перерывом на поздний завтрак. В записях этой встречи не упоминается о том, что Гитлера кто-то перебивал. Ни генералы, ни адмиралы, ни командиры люфтваффе не осмелились подвергнуть сомнениям его высказывания или опровергать ложь. Еще весной, по его словам, он понял, что конфликт с Польшей неизбежен, но полагал, что вначале придется повернуть оружие на Запад. Однако стало очевидно что в таком случае Польша нападет на Германию. Значит, ее необходимо уничтожить сейчас.

В таком случае пришло время войны.

«Решение принять очень легко. Нам нечего терять; мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сможем продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. У нас нет выбора, мы должны действовать…

Помимо личностного фактора благоприятно складывается для нас и политическая обстановка; в Средиземноморье соперничают Италия, Англия и Франция; на Востоке — напряженность-Англия находится в большой опасности. Положение Франции тоже ухудшилось. Снижение уровня рождаемости… Югославия на грани полного развала… Румыния сейчас слабее, чем раньше… После смерти Кемаля Ататюрка Турцией управляют ограниченные и слабые люди.

Такая благоприятная обстановка не продлится два или три года, Никто не знает, сколько проживу я. Так что пробу сил не стоит откладывать на четыре-пять лет, она необходима сейчас».

Таковы вкратце мысли, с жаром изложенные нацистским лидером. Он считал «вполне вероятным», что Запад не захочет воевать, однако некоторый риск все-таки существовал. А разве он не рисковал раньше, когда оккупировал Рейнскую зону, против чего возражали генералы? Разве не рисковал, когда присоединял Австрию, Судет-скую область, а потом и всю Чехословакию? «Ганнибал в Каннах, Фридрих Великий в Лейтене, Гинденбург и Людендорф в Танненберге — все рисковали, — говорил он. — Мы тоже должны рисковать, но мы должны обладать железной решимостью». Слабости нет места.

«Нам был нанесен вред, когда некоторые несогласные с нами немцы, находящиеся на высоких постах, вели переговоры с англичанами и писали им после решения чешского вопроса. Фюрер доказал свою правоту, когда у вас сдали нервы и вы слишком быстро капитулировали».

Гальдер, Вицлебен и Томас, а может, и другие участники мюнхенского заговора, вероятно, поморщились при этих словах. Очевидно, Гитлер знал больше, чем они предполагали.

В любом случае для них пришло время проявить свои бойцовские качества. Гитлер напомнил им, что он создал великую Германию посредством «политического блефа». Пришло время «испытать военную машину. Армия должна проявить себя в настоящем бою перед решающей пробой сил на Западе». Такая возможность предоставляется в Польше.

Потом он снова заговорил об Англии и Франции.

«У Запада есть только два пути борьбы против нас:

1. Блокада: она не будет эффективной из-за нашей самообеспеченности и наличия у нас источников снабжения на Востоке.

2. Нападение с Запада от линии Мажино. Я считаю это невероятным.

Еще одна возможность: нарушение нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. Англия и Франция не пойдут на это. Польше они помочь не смогут».

Будет ли война долгой?

«Никто не рассчитывает на затяжную войну. Если бы герр фон Браухич сказал, что для завоевания Польши мне понадобится четыре года, то я бы ответил ему, что это невозможно. Утверждения о том, что Англия хочет большой войны, — нонсенс».

«Разделавшись», к своему большому удовольствию, с Польшей, Англией и Францией, Гитлер вытащил из колоды туза. Он заговорил о России.

«Наши враги рассчитывали еще на то, что Россия станет нашим противником после завоевания Польши. Враги не учли моей решимости. Наши враги подобны маленьким червячкам. Я видел их Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не примет предложения англичан. Только безоглядные оптимисты могли думать, что Сталин настолько глуп, что не распознает их истинной цели. Россия не заинтересована в сохранении Польши… Отставка Литвинова явилась решающим фактором. После этого я моментально понял, что в Москве отношение, к западным державам изменилось.

Я предпринял шаги, направленные на изменение отношений с Россией. В связи с экономическим соглашением завязались политические переговоры. В конце концов от русских поступило предложение подписать пакт о ненападении. Четыре дня назад я предпринял специальный шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о своей готовности подписать пакт. Установлен личный контакт со Сталиным. Послезавтра Риббентроп заключит договор. Теперь Польша оказалась в положении, в котором я хотел ее видеть… Положено начало уничтожению гегемонии Англии. Теперь, когда я провел необходимые дипломатические приготовления, путь солдатам открыт».

Путь солдатам будет открыт, если Чемберлен не устроит очередной Мюнхен. «Я только боюсь, — сказал Гитлер военным, — что какая-нибудь Schweinehund[194] предложит свои услуги в качестве посредника».

После этого был объявлен перерыв на завтрак. Но к еде приступили только после того, как Геринг поблагодарил фюрера за указанный путь и заверил, что вооруженные силы выполнят свой долг[195].

Во второй части выступления Гитлер в основном внушал своим военачальникам важность стоящей перед ними задачи. По кратким записям, сделанным во время этой речи, можно судить о ее сути.

«Железная решимость с нашей стороны. Не отступать ни перед чем. Каждый должен осознавать, что мы с самого начала собирались воевать с западными демократиями. Борьба не на жизнь, а на смерть… Продолжительный мир не приведет ни к чему хорошему. Выше голову… Наши люди лучше… У них люди слабее… В 1918 году нация потерпела катастрофу только потому, что духовные предпосылки были недостаточны. Фридрих Великий выжил, потому что был силен духом.

Уничтожение Польши — первоочередная задача. Цель — уничтожить действующую армию, а не выйти на указанный рубеж. Даже если начнется война на Западе, уничтожение Польши останется первоочередной задачей. Это должно произойти быстро, учитывая время года.

Я найду пропагандистские причины для начала войны, пусть вас не волнует, правдоподобны они будут или нет. Победителя не будут потом спрашивать, правду он говорил или нет. Когда начинаешь и ведешь войну, главное не право, а победа.

Закройте ваши сердца для жалости! Действуйте жестоко! Восемьдесят миллионов человек должны получить то, на что они имеют право… Прав сильнейший… Будьте безжалостны! Пусть вам будет чуждо сострадание… Тот, кто размышлял о мире и порядке в нем, знает, что главное — успех, который достигнут лучшими при помощи силы…»

Выкрикивая ницшеанские лозунги, Гитлер довел себя до состояния крайней тевтонской ярости, но потом успокоился и дал несколько директив по поводу предстоящей кампании. Необычайно важна скорость. Он испытывает «непоколебимую веру» в немецкого солдата. Если что-нибудь произойдет, то только потому, что у командиров сдадут нервы. Прежде всего необходимо вбить клинья с юго-востока и с севера в направлении Вислы. При проведении военных операций не следует задумываться о том, что он намерен сделать с Польшей после ее поражения. На этот счет ничего конкретного он не сказал. Новая граница Германии, по его словам, будет основана «на здравом смысле». Не исключено, что он сделает из Польши маленькое буферное государство на границе Германии и России.

Приказ о начале военных действий, заявил Гитлер в заключение, будет отдан позднее, вероятно утром 26 августа.

На следующий день, 23 августа, после совещания начальников отделов ОКВ генерал Гальдер записал в своем дневнике: «День начала вторжения в Польшу определенно намечен на 26-е (суббота) ".

Совместное заявление в Москве

К середине августа военные переговоры в Москве между западными демократиями и Советским Союзом окончательно зашли в тупик — большей частью из-за упрямства Польши. Англо-французская военная миссия, как мы помним, приплыла сначала в Ленинград, а потом прибыла в Москву. Это случилось 11 августа, через неделю после того, как мистер Стрэнг покинул русскую столицу, с облегчением свалив на генералов и адмиралов трудное и неприятное дело переговоры с русскими[196].

Советский маршал Ворошилов задавал вполне конкретные вопросы. Существует ли договор, по которому определялись бы действия Польши? Какую помощь войсками сможет оказать Англия французской армии в начале войны? Как поведет себя Бельгия? Ответы были неутешительными. Думенк сказал, что планы Польши ему неизвестны. Генерал Хейвуд заверил, что Англия предполагает выделить «16 дивизий на ранней стадии ведения войны и 16 позднее». Под давлением Ворошилова, который хотел знать, какова будет численность войск Англии к началу войны, Хейвуд ответил: «В настоящий момент Англия располагает пятью регулярными дивизиями и одной механизированной дивизией». Такие цифры явились для русских неприятным сюрпризом. Они были готовы выставить 120 дивизий против агрессора в самом начале военных действий.

Что касается Бельгии, то генерал Думенк на вопрос русских ответил так: «Французские войска не могут войти в Бельгию, пока их об этом не попросят, но Франция с готовностью откликнется на подобную просьбу».

Такой ответ повлек за собой основной вопрос, ради которого и собрались в Москве стороны и которого английская и французская миссии старались избежать. Во время первой встречи и во время заседания 14 августа маршал Ворошилов настаивал, что самым главным является вопрос о том, согласится ли Польша пропустить через свою территорию советские войска для противодействия немецким армиям. Если нет, то как могут союзники предотвратить быстрый разгром Польши немецкой армией? 14 августа он спросил, полагают ли генеральные штабы Англии и Франции, что Красная Армия может пройти через территорию Польши, в частности через Вильно и Галицию, чтобы вступить в соприкосновение с вражескими войсками?

Это был вопрос по существу. Сидс телеграфировал в Лондон, что русские коснулись главной проблемы, от решения которой зависит успех или провал переговоров и которая лежит в основе трудностей, возникших с самого начала политических переговоров, а именно: как достичь полезного соглашения с Советским Союзом, если граничащие с ним страны объявили нечто вроде бойкота, который будет нарушен, когда уже будет поздно.

Итак, вопрос был поставлен. Да и можно ли было его избежать?

У адмирала Дракса имелись инструкции британского правительства, как вести себя в данном случае. Сегодня эти инструкции могут показаться наивными. Ввиду того что Польша и Румыния «отказались даже обсуждать планы возможного сотрудничества», ему предписывалось аргументировать свою

позицию следующим образом: Вторжение в Польшу и Румынию резко изменит их точку зрения. Более того, России крайне невыгодно, чтобы Германия заняла позиции прямо у ее границ, так что в интересах России иметь готовые планы оказания помощи Польше и Румынии на случай, если эти страны подвергнутся нападению.

Если русские предложат правительствам Англии и Франции передать Польше, Румынии и Прибалтийским государствам предложения о сотрудничестве с Советским правительством или Генеральным штабом, делегации не следует брать на себя ответственность, а следует обратиться за консультациями.

Так все и было.

На заседании 14 августа Ворошилов потребовал прямых ответов на его вопросы. «Без точного и прямого ответа, — сказал он, — продолжать переговоры не имеет смысла… Советская военная делегация, — добавил он, — не может рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, которое со всей очевидностью обречено на неудачу».

Генерал Гамелен посоветовал из Парижа генералу Думенку увести внимание русских от этого вопроса в сторону, но это не так-то легко было сделать.

Как докладывал позднее генерал Думенк, заседание 14 августа было драматическим. Английские и французские делегаты оказались загнаны в угол и понимали это. Они изворачивались, как могли. Драке и Думенк выражали уверенность в том, что поляки и румыны попросят русских о помощи, как только подвергнутся нападению. Думенк был уверен, что они будут «умолять маршала поддержать их». Драке считал, что они «неизбежно» попросят русской помощи. Он добавил — не очень дипломатично, как может показаться, — что «если они не попросят помощи в нужный момент и дадут завоевать себя, то можно ожидать, что они станут немецкими провинциями». Этого русские хотели меньше всего, потому что это означало бы присутствие нацистских армий на советской границе. Поэтому Ворошилов особо выделил замечание адмирала, сделанное так некстати.

В конце концов англо-французские представители, почувствовавшие себя не очень уютно, пришли к выводу, что Ворошилов затронул политические вопросы, в решении которых они не компетентны. Драке заявил, что, поскольку Польша является суверенным государством, ее правительство обязано сначала санкционировать проход русских войск по своей территории. Но поскольку это политический вопрос, он должен быть согласован между правительствами. Он предложил Советскому правительству задать свои вопросы правительству Польши. Русская делегация согласилась с тем, что это вопрос политический, но настаивала, чтобы английское и французское правительства также обратились к польскому правительству и призвали его реально взглянуть на создавшееся положение.

Были ли русские до конца откровенны с англо-французской делегацией, учитывая, что они вели переговоры с целью заключить сделку с Германией? Или они настаивали на пропуске своих войск Через Польшу только для того, чтобы затянуть переговоры и выяснить, нельзя ли договориться с Гитлером?[197] Именно к такому выводу пришли министерства иностранных дел Англии и Франции, не говоря уже об адмирале Драксе.

Вначале, как явствует из конфиденциальных английских и французских источников, западные союзники считали, что советская военная делегация вполне искренна, поскольку она относилась к работе слишком серьезно. 13 августа, после двух дней переговоров, посол Сидс телеграфировал в Лондон, что русские военачальники действительно «намерены серьезно работать». В результате инструкция «продвигаться медленно», данная адмиралу Драксу, была нарушена 15 августа. Британское правительство приказало ему поддерживать Думенка, чтобы завершить военные переговоры «как можно быстрее». Ограничения на предоставление русским секретной военной информации были частично сняты.

Если английскому адмиралу первоначально была дана инструкция затягивать переговоры, то генералу Думенку премьер Даладье лично приказал подписать военную конвенцию с Россией как можно скорее. Несмотря на то что англичане опасались утечки информации в Германию, Думенк уже на второй день переговоров сообщил русским такие «совершенно секретные цифры», касающиеся французской армии, что члены советской делегации обещали «забыть» их сразу же по окончании встречи.

До 17 августа адмирал Драке и генерал Думенк тщетно ждали от своих правительств инструкций, какую занять позицию при обсуждении польского вопроса. Тогда Думенк телеграфировал в Париж:

«СССР хочет военного пакта… Ему не нужен от нас листок бумаги, за которым не стоят конкретные действия. Маршал Ворошилов утверждает, что все проблемы… будут сняты, как только решится, как он говорит, основной вопрос». Думенк настоятельно советовал Парижу связаться с Варшавой и порекомендовать полякам согласиться принять русскую помощь.

Несмотря на распространенное в то время не только в Москве, но и в западных столицах мнение, что Англия и Франция ничего не предпринимали с целью склонить Польшу к тому, чтобы она пропустила через свою территорию советские войска для защиты от немцев, из опубликованных недавно документов следует, что это не так. Англия и Франция продвинулись в этом деле далеко, но не достаточно далеко. Из этих документов ясно также, что поляки проявили непостижимую глупость.

18 августа, после первой англо-французской попытки открыть полякам глаза, министр иностранных дел Польши Бек заявил французскому послу Леону Ноэлю, что русские «не заслуживают внимания с военной точки зрения», а генерал Стахевич, начальник польского главного штаба, поддержал его, заметив, что Польша не получит «никаких выгод от того, что Красная Армия будет действовать на ее территории».

На следующий день английский и французский послы снова встретились с Беком и снова уговаривали его принять предложения русских. Польский министр иностранных дел тянул время, но обещал завтра дать официальный ответ. Англо-французский демарш в Варшаве явился результатом разговора, состоявшегося в этот же день, но раньше, в Париже между министром иностранных дел Франции Бонне и британским поверенным в делах. К удивлению англичанина, бывший архиумиротворитель Гитлера очень опасался потерять в лице России союзника из-за упрямства поляков.

«Произойдет катастрофа, — говорил ему Бонне, — если из-за отказа Польши сорвутся переговоры с русскими. Поляки не в том положении, чтобы отказываться от единственной помощи, которая может прийти к ним в случае нападения Германии. Это поставит английское и французское правительства почти в немыслимое положение, если мы попросим каждый свою страну идти воевать за Польшу, которая отказалась от этой помощи».

Если дело обстояло так — а оно именно так и обстояло, — тогда почему правительства Англии и Франции в столь критический момент не оказали давления на Варшаву или не сказали просто польскому правительству, что, пока оно не примет помощи от русских, Англия и Франция не видят необходимости в защите Польши? И если официальный англо-польский договор о взаимной безопасности еще не был подписан, то разве не могло принятие Варшавой помощи России стать одним из пунктов этого договора?

19 августа Бонне в своей беседе с британским поверенным предложил этот вариант, но в Лондоне к такому «маневру», как окрестили его на Даунинг-стрит, отнеслись прохладно. На крайнюю меру Чемберлен и Галифакс не пошли.

Утром 20 августа польский начальник главного штаба сообщил британскому военному атташе, что «согласия на допуск в Польшу советских войск не будет». Вечером того же дня Бек официально отклонил англо-французскую просьбу. Тогда Галифакс через своего посла в Варшаве нажал на польского министра иностранных дел чтобы тот пересмотрел позицию Польши, поскольку она «торпедирует» военные переговоры в Москве. Но Бек оставался непреклонен. «Я не могу допустить, — говорил он французскому послу, — даже каких-либо обсуждений возможности предоставления части нашей территории в распоряжение иностранных войск. У нас нет военного соглашения с СССР. И мы не хотим такого соглашения».

Отчаявшись сломить слепое упрямство со стороны польского правительства, премьер Даладье, согласно отчету, который он дал учредительному собранию 18 июля 1946 года, взял дело в свои руки. После еще одной попытки призвать поляков взглянуть на вещи реалистично утром 21 августа он послал телеграмму генералу Думенку, в которой уполномочил его подписать военную конвенцию с Россией на самых выгодных условиях, которых тот сможет добиться, с оговоркой, что конвенция эта должна быть одобрена французским правительством. В то же самое время французский посол Поль-Эмиль Наджиар получил инструкцию от Бонне, в соответствии с которой он должен был сказать Молотову, что Франция в принципе согласна на проход советских войск через Польшу в случае нападения на нее Германии.

Это был только жест, так как Польша своего согласия на это не давала, к тому же, как мы знаем, жест бесполезный, имея в виду германо-русские отношения. Думенк получил телеграмму Даладье только вечером 21 августа. Когда он на следующий день вечером, накануне отъезда Риббентропа в Москву, показал ее Ворошилову, советский маршал отнесся к ней весьма скептически. Он захотел получить от французского генерала подтверждение, что французское правительство уполномочивает его подписать военный пакт, разрешающий проход русских войск через Польшу. Думенк, очевидно, отклонил просьбу. Тогда Ворошилов захотел узнать, каков ответ английского правительства и получено ли согласие Польши. На эти вопросы Думенк ответить не смог, заявив, что не располагает подобной информацией.

Но к этому времени ни вопросы, ни ответы не имели значения:

Риббентроп уже находился на пути в Москву. О визите было объявлено накануне вечером; была названа и причина визита: заключение пакта о ненападении между нацистской Германией и Советским Совдзом.

Ворошилов, которому, казалось, нравился французский генерал, старался мягко дать понять ему, что их общение скоро закончится.

«Я одного боюсь, — говорил Ворошилов. — Английская и французская стороны слишком долго затягивали политические и военные переговоры. Поэтому мы не исключаем, что за это время могли произойти важные политические события»[198].

Риббентроп в Москве: 23 августа 1939 года

«Важные политические события» как раз происходили.

Вооруженный письменными полномочиями фюрера, позволяющими ему подписать договор о ненападении «и другие соглашения» с Советским Союзом, которые вступают в силу с момента подписания, Риббентроп вылетел в Москву 22 августа. Многочисленная немецкая делегация провела ночь в Кенигсберге в Восточной Пруссии, где министр иностранных дел, согласно записям Шмидта, вел постоянные переговоры по телефону с Берлином и Берхтесгаденом и подготовку к переговорам со Сталиным и Молотовым.

Два больших транспортных «Кондора», на борту которых находилась немецкая делегация, приземлились в Москве в полдень 23 августа. Торопливо пообедав в посольстве, Риббентроп поспешил в Кремль на встречу с советским диктатором и комиссаром иностранных дел. Первая встреча продолжалась три часа и закончилась, как сообщал Риббентроп Гитлеру в «очень срочной» телеграмме, благоприятно для немцев. Судя по сообщению министра иностранных дел, вообще не было никаких проблем при обсуждении условий пакта о ненападении, предусматривающих, что Советский Союз не примет участия в войне, которую начнет Гитлер. Собственно говоря, он упоминал об одной небольшой проблеме, связанной с дележом. Русские, писал Риббентроп, потребовали, чтобы Германия признала маленькие порты Латвии Либау и Виндау «входящими в сферу их интересов». Поскольку вся Латвия при разграничении сфер интересов отходила к Советскому Союзу, это требование не составляло проблемы, и Гитлер быстро согласился. После первой встречи Риббентроп сообщил также фюреру, что «рассматривается вопрос о под писании секретного протокола по разграничению сфер интересов во всем Восточном регионе».

Оба документа — пакт о ненападении и секретный протокол — были подписаны во время второй встречи в Кремле в тот же вечер. Немцы и русские на этой встрече, которая продлилась до утра следующего дня, легко договорились обо всем. Жарких споров не было, были лишь обсуждения в теплой дружеской обстановке мировых проблем — страна за страной. Все это закончилось обильными тостами, без которых не обходилась ни одна встреча подобного

рода в Кремле. В секретном меморандуме, составленном одним из членов немецкой делегации, рассказывается об удивительной сцене.

На вопрос Сталина о целях партнеров Германии — Италии и Японии Риббентроп бойко давал убедительные ответы. По отношению к Англии советский диктатор и нацистский министр иностранных дел, пребывавший в прекрасном настроении, проявили редкое единодушие. Британская военная миссия, признался Сталин своему гостю, «так и не сказала Советскому правительству, что ей надо». Риббентроп ответил, что политика Англии всегда была направлена на подрыв отношений между Германией и Советским Союзом. «Англия слаба, хвастливо уверял он, — и хочет, чтобы другие сражались за ее претенциозные притязания на мировое господство».

«Сталин ему подыгрывал, — отмечается в меморандуме. — Он сказал: «Если Англия и господствовала в мире, то только по причине глупости других стран, которые позволяли себя обманывать».

К этому времени советский лидер и гитлеровский министр иностранных дел настолько нашли общий язык, что упоминание об Антикоминтерновском пакте их больше не смущало. Риббентроп объяснял, что Антикоминтерновский пакт направлен не против России, а против западных демократий. Сталин заметил, что «Антикоминтерновский пакт больше всего напугал лондонский Сити (то есть британских финансистов) и английских лавочников».

В немецком меморандуме записано: к этому моменту настроение Риббентропа настолько улучшилось, что он даже начал шутить, чего от него, начисто лишенного чувства юмора, трудно было ожидать.

«Рейхсминистр иностранных дел, — говорится далее в меморандуме, шутливо отметил, что господин Сталин наверняка меньше испугался Антикоминтерновского пакта, чем лондонский Сити и английские лавочники. Отношение к этому факту немцев хорошо просматривается в шутке, которая родилась среди берлинцев, известных своим чувством юмора. Они говорят, что Сталин вскоре сам присоединится к Антикоминтерновскому пакту».

Наконец нацистский министр иностранных дел заговорил о том, как горячо приветствует немецкий народ соглашение с Россией. «Господин Сталин сказал, говорится в документе, — что искренне верит в это. Немцы хотят мира».

То же самое продолжалось, когда подошло время тостов.

«Господин Сталин предложил тост за фюрера: «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье».

Господин Молотов выпил за здоровье рейхсминистра иностранных дел… Господин Молотов и господин Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, за новую эру в русско-германских отношениях, за немецкий народ.

Рейхсминистр иностранных дел в свою очередь предложил тост за господина Сталина, за Советское правительство, за улучшение отношений между Германией и Советским Союзом».

И все-таки, несмотря на теплую встречу смертельных врагов, Сталин не был до конца уверен, что немцы будут соблюдать договор. Когда Риббентроп уезжал, он отвел его в сторону и сказал: Советское правительство очень серьезно относится к пакту, он может дать честное слово, что Советский Союз не предаст своего партнера.

Так что же подписали партнеры?

В опубликованном договоре говорилось, что договаривающиеся стороны не будут нападать друг на друга. Если одна из сторон станет «объектом военного нападения» со стороны третьей державы, то другая сторона «ни в коей мере не будет оказывать поддержки этой третьей державе». Ни Германия, ни Россия не вступят в союз держав, прямо или косвенно нацеленный против другой стороны[199].

Таким образом, Гитлер добился того, чего хотел: немедленного договора с Россией, по которому она обязалась не присоединяться к Англии и Франции, если они выполнят свой союзнический долг в случае нападения на Польшу[200].

Цена, которую заплатил за это Гитлер, определялась в «Дополнительном секретном протоколе» к договору:

По случаю подписания Пакта о ненападении между Германским рейхом и Союзом Советских Социалистических республик уполномоченные представители обеих сторон, подписавшие документ, в ходе строго конфиденциального обмена мнениями обсудили вопрос о разграничении сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Этот обмен мнениями привел к следующему:

1. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих балтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы образует одновременно границу между сферами интересов Германии и СССР. При этом обеими сторонами признается заинтересованность Литвы в области Вильно (Вильнюса).

2. В случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих польскому государству, разграничение сфер интересов Германии и СССР будет проходить примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, явится ли в интересах обеих сторон желательным сохранение независимого польского государства, может быть окончательно решен только в ходе дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос на путях дружеского взаимопонимания.

Еще раз Германия и Россия, как во времена германских королей и российских императоров, договорились о разделе Польши. Кроме того, Гитлер предоставил Сталину свободу действий на Балтике.

3. Относительно Юго-Запада Европы советской стороной была подчеркнута заинтересованность в Бессарабии (утрачена Россией в 1919 году и отошла к Румынии). Германская сторона заявила о своей полной незаинтересованности

в этой территории (уступка, о которой Риббентроп впоследствии очень сожалел).

4. Обе стороны будут держать этот протокол в строгой тайне.

Действительно, содержание этого протокола стало известно только после войны, когда он обнаружился среди захваченных немецких документов.

На следующий день, 24 августа, когда торжествующий Риббентроп летел назад в Берлин, миссия союзников в Москве попросила Ворошилова о встрече. Адмирал Драке просто послал срочное письмо Ворошилову, в котором спрашивал о взглядах маршала относительно продолжения переговоров.

25 августа Ворошилов изложил свои взгляды представителям английской и французской делегаций: «Ввиду изменившейся политической обстановки нет смысла продолжать переговоры».

Два года спустя, когда немецкие войска, нарушив пакт о ненападении, вторглись в Россию, Сталин все еще продолжал оправдывать свою одиозную сделку с Гитлером, заключенную в Москве за спиной англо-французской делегации. «Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов, заявил он в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года, — и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Так ли это? Споры об этом ведутся с того самого времени. То, что в результате сделки с Гитлером Сталин получил передышку, — так же, как получил ее царь Александр I в Тильзите в 1807 году, договорившись с Наполеоном, и Ленин в Брест-Литовске в 1917 году, договорившись с немцами, — очевидно. Это позволило Советскому Союзу в течение короткого времени укрепить свои границы в ожидании нападения Германии, создать базы на Балтийском море в Прибалтийских республиках и в Финляндии — за счет интересов поляков, латышей, эстонцев и финнов. Но самое главное, что подчеркивалось потом в официально изданной «Истории дипломатии», — в Кремле возросла уверенность, что если Германия и нападет на Россию, то к этому времени западные демократии уже будут в состоянии войны с ней и Советскому Союзу не придется противостоять ей в одиночку, чего опасался Сталин летом 1939 года.

Это, безусловно, верно. Но есть и другая сторона. К тому времени, когда Гитлер готовился напасть на Россию, польская армия, французская армия и английский экспедиционный корпус были уже разгромлены и Германия располагала ресурсами всей Европы и не опасалась открытия фронта на западных границах, который мог бы оттянуть часть сил. В течение 1941, 1942 и 1943 годов Сталин постоянно сетовал, что в Европе нет второго фронта и что России приходится одной принимать на себя удар почти всех немецких сил. В 1939–1940 годах такой фронт имелся, и он мог бы оттянуть на себя часть сил Германии, и Польша не была бы завоевана в течении двух недель, если бы Россия поддержала ее, а не нанесла ей удар в спину. Более того, войны вообще могло бы не быть, если бы Гитлер знал, что, воюя с Польшей, ему придется воевать также с Россией, Англией и Францией. Даже робкие в политике немецкие генералы, что явствует из показаний в Нюрнберге, могли бы воспротивиться участию в войне с такой грозной

коалицией. К концу мая, как рассказывал французский посол в Берлине, и Кейтель и Браухич предупреждали Гитлера, что у Германии мало шансов выиграть войну, если Россия окажется на стороне ее врагов.

Никакие государственные деятели, даже диктаторы, не могут предвидеть ход событий. Как пишет Черчилль, вопрос, была ли хладнокровная сделка Сталина с Гитлером «в тот момент в высшей степени реалистичным шагом», является спорным. Главной целью Сталина как главы правительства было обеспечение безопасности своей страны. Летом 1939 года Сталин, как он признался позднее Черчиллю, был уверен в том, что Гитлер затевает войну. Он не хотел, чтобы Россия была поставлена в такое сложное положение, когда ей пришлось бы одной сдерживать натиск германской армии. Если заключение полноценного соглашения с западными союзниками стало невозможным, как было не повернуться к Гитлеру, который сам шел ему навстречу?

К концу июля 1939 года Сталин пришел к выводу, что Франция и Англия не хотят оборонительного союза, что правительство Чемберлена хочет склонить Гитлера к ведению войн в Восточной Европе. Он весьма скептически относился к выполнению Англией союзнического долга перед Польшей, полагая, что он будет выполнен не лучше, чем долг Франции перед Чехословакией. События, произошедшие на Западе в течение предшествующих двух лет, укрепляли его в этой мысли: отклонение Чемберленом после аншлюса и после оккупации нацистами Чехословакии советских предложений о созыве конференции для выработки мер по предотвращению дальнейшей агрессии; умиротворение Чемберленом Гитлера в Мюнхене, куда Россия не была приглашена; медлительность и колебания Чемберлена на переговорах о создании оборонительного союза против Германии, когда роковое лето 1939 года подходило к концу.

Практически всем, кроме Чемберлена, было ясно одно: англофранцузская дипломатия, которая бездействовала всякий раз, когда Германия предпринимала какие-то шаги, потерпела фиаско[201]. Шаг за шагом две эти западные державы отступали: первый раз, когда Гитлер бросил им вызов, введя в 1935 году воинскую повинность; второй раз, когда он оккупировал Рейнскую область в 1936 году; потом, в 1938 году, когда он захватил Австрию и потребовал Судетскую область; они отступили, когда в марте 1939 года он захватил всю Чехословакию. Имея на своей стороне Советский Союз, они могли бы отвратить немецкого диктатора от войны, а если бы это не удалось, то достаточно быстро разгромили бы его в вооруженной борьбе. Но они упустили эту последнюю возможность[202]. Теперь, при самых неблагоприятных обстоятельствах и в самое неподходящее время, им предстояло оказать помощь Польше в случае, если она подвергнется нападению.

В Лондоне и Париже горько сокрушались по поводу двойной игры Сталина. Многие годы советский деспот кричал о «фашистских зверях», призывая все миролюбивые государства сплотиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Теперь он сам становился ее пособником. В Кремле могли возразить, что, собственно, и сделали: Советский Союз сделал то, что Англия и Франция сделали год назад в Мюнхене — за счет маленького государства купили себе мирную передышку, необходимую на перевооружение, чтобы противостоять Германии. Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повел

себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?

О тайной циничной сделке Сталина с Гитлером, предусматривающей раздел Польши и предоставление свободы рук России, чтобы она могла захватить Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, знали только в Берлине и Москве. Правда, вскоре о ней узнали все по тем шагам, которые предприняла Россия и которые даже тогда поразили весь мир. Русские могли сказать — и говорили, что они только возвращают территории, утраченные ими в конце первой мировой войны. Но люди, жившие на этих территориях, не были русскими и не испытывали желания вернуться в состав России[203]. Только применение силы, чего Советы избегали во времена Литвинова, помогло возвращению этих территорий.

Вступив в Лигу Наций, Советский Союз завоевал репутацию поборника мира и ведущей силы, противостоявшей фашистской агрессии. Теперь этот моральный капитал он быстро терял.

Кроме всего прочего, заключив сделку с Гитлером, Сталин дал сигнал к началу войны, которой наверняка предстояло перерасти в конфликт мирового масштаба. Это он, несомненно, знал[204]. Как оказалось, это была величайшая ошибка в его жизни.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МИРА

Английское правительство не бездействовало в ожидании подписания германо-советского пакта в Москве. Объявление в Берлине вечером 21 августа о визите Риббентропа в Москву для подписания германо-советского пакта привело британский кабинет в движение. На заседании, состоявшемся 22 августа, в 15.00, было составлено коммюнике, в котором категорически заявлялось, что германо-советский пакт о ненападении «никоим образом не повлияет на обязательства в отношении Польши, о которых неоднократно публично заявлялось и которые Англия полна решимости выполнить».

На 24 августа было назначено заседание парламента, на котором предстояло принять закон об обороне; были предприняты мобилизационные меры превентивного характера.

Хотя заявление кабинета было сформулировано довольно четко, Чемберлен не хотел, чтобы у Гитлера оставались какие-либо сомнения на этот счет. Когда на заседании кабинета был объявлен перерыв, он написал личное письмо фюреру.

«…Вероятно, в некоторых кругах в Берлине полагают, что после объявления о германо-советском соглашении с обязательствами Англии по отношению к Польше уже не следует считаться. Думать так было бы грубейшей ошибкой. Что бы ни лежало в основе германо-советского соглашения, это не может повлиять на обязательства Англии по отношению к Польше.

Существует мнение, что если бы в 1914 году правительство его величества заняло более четкую позицию, то можно было бы избежать большой катастрофы. Что бы ни служило основой для такого утверждения, на этот раз правительство его величества не допустит такого недопонимания.

В любом случае оно полно решимости и готово употребить в дело все имеющиеся в его распоряжении силы. Трудно предсказать, чем закончатся военные действия, если они начнутся…»

Окончательно прояснив позицию правительства, премьер-министр еще раз призвал Гитлера найти мирные пути решения проблем с Польшей и предложил свои услуги в качестве посредника.

Письмо Гитлеру привез посол Гендерсон, который прилетел в Берхтесгаден из Берлина около часа дня 23 августа. Письмо повергло диктатора в ярость.

«Гитлер был взволнован и не шел ни на какие компромиссы, — писал Гендерсон лорду Галифаксу. — Речь его была грубой, в ней содержались выпады против Англии и Польши».

Доклад Гендерсона и немецкий меморандум о встрече — последний обнаружен среди трофейных документов — не расходятся в оценках. Англия, бушевал Гитлер, сама виновата в упрямстве Польши, так же как год назад она была виновата в неразумном поведении Чехословакии. Десятки тысяч фольксдойче в Польше подвергаются преследованиям. Имели место шесть случаев кастрации это стало для него навязчивой идеей. Он не намерен больше мириться с потерями. Дальнейшие преследования немцев со стороны поляков повлекут за собой немедленные действия.

«Я оспаривал каждый пункт, — телеграфировал Гендерсон Галифаксу, обращал внимание на то, что его данные неточны, но это вызывало только новые тирады».

В конце концов Гитлер согласился дать письменный ответ премьер-министру через два часа, и Гендерсон уехал в Зальцбург, чтобы немного передохнуть[205]. Через некоторое время Гитлер вызвал его и вручил ответ. Гендерсон сообщал в Лондон, что в отличие от первой встречи Гитлер «был спокоен и ни разу не повысил голоса», что он сказал: ему пятьдесят лет и он предпочитает начать войну сейчас, а не когда ему будет пятьдесят пять или шестьдесят.

Мания величия немецкого диктатора, восседающего на вершине пирамиды власти, проступает еще резче в немецком варианте отчета о встрече. После упоминания о том, что он охотнее начнет войну в пятьдесят лет, чем позднее, там написано:

«Англия хорошо сделает, если уяснит, что он, как бывший фронтовик, знает войну лучше и будет использовать все возможные средства. Всем, вероятно, понятно, что мировая война (1914–1918 гг.) не была бы проиграна, если бы канцлером в то время был он».

Ответ фюрера Чемберлену состоял из потока лжи и преувеличений, который он извергал на иностранцев и свой народ с тех пор, как Польша осмелилась

противостоять ему. Германия, говорил он, не ищет конфликта с Великобританией. Германия всегда была готова обсудить с Польшей вопрос о Данциге и коридоре на беспримерно великодушных условиях. Но объявление Англии о гарантии Польше воодушевило поляков, и они «развязали волну неприкрытого террора» против полутора миллионов немцев, проживающих в Польше. Такие зверства, по его заявлению, ужасны для жертв, но совершенно невыносимы для такой великой державы, как германский рейх. Германия не станет больше этого терпеть.

Под конец он отреагировал на уверения премьер-министра, что Англия будет верна обязательствам, данным Польше, и в свою очередь заверил Чемберлена, что это «ни в коей мере не повлияет на решимость правительства рейха стоять на страже интересов рейха… Если Германия подвергнется нападению со стороны Англии, то она к этому готова».

Чем же закончился обмен письмами? Гитлер удостоверился, что Англия вступит в войну, если Германия нападет на Польшу. Премьер-министр получил от Гитлера ответ, что он не придает этому значения. Но, как показали события последующих восьми дней, никто из них не считал, что противник сказал свое окончательное слово.

В большей степени это относилось к Гитлеру. Ободренный новостями из Москвы и уверенный в том, что Англия, а вслед за ней и Франция, несмотря на письмо Чемберлена, хорошо подумают, перед тем как реализовать свои обещания Польше, узнав о нейтралитете России, Гитлер вечером 23 августа, когда. Гендерсон улетал обратно в Берлин, назначил точную дату и время нападения на Польшу: суббота 26 августа, 4.30 утра.

«Дальнейших распоряжений относительно дня «Y» и часа «X» не будет, записал генерал Гальдер в своем дневнике. — События должны развиваться автоматически».

Но начальник штаба сухопутных войск ошибался. 25 августа произошли два события, которые заставили Гитлера отойти от той пропасти, в которую меньше чем через двадцать четыре часа должна была шагнуть его армия, перейдя границы Польши. Одно из них произошло в Лондоне, другое — в Риме.

Утром 25 августа Гитлер вернулся в Берлин, чтобы приветствовать возвратившегося из Москвы Риббентропа и выслушать доклад о переговорах с русскими. Тогда же он отправил письмо Муссолини. В письме содержались расплывчатые объяснения, почему он не мог сообщить своему партнеру по оси о переговорах с Советским Союзом: ему якобы «и в голову не приходило», что они так быстро и так далеко продвинутся. Далее он заявлял, что германо-советский пакт «следует считать величайшим выигрышем для стран оси».

Но настоящей причиной, которая побудила Гитлера написать письмо дуче, было желание предупредить своего союзника, что война с Польшей может начаться в любой момент. Однако точной даты нападения Гитлер ему не сообщил. «Если события-примут недопустимый характер, — писал он, — я буду действовать немедленно… В таком случае трудно будет сказать, что произойдет в течение следующего часа». Гитлер не просил помощи со стороны Италии. По итало-германскому договору она подразумевалась автоматически. Он ограничился тем, что выразил надежду на понимание со стороны

итальянского союзника. Тем не менее ответ он хотел получить незамедлительно. Письмо было продиктовано лично Риббентропом немецкому послу в Риме и вручено дуче в 15.20.

В тот же день, в 13.30, Гитлер принял в канцелярии посла Гендерсона. В своем намерении уничтожить Польшу фюрер не поколебался. Вместе с тем он гораздо сильнее, чем во время предыдущей встречи с Гендерсоном в Берхтесгадене, стремился предпринять последнюю попытку удержать Англию от участия в войне. Как сообщал посол в Лондон, он нашел Гитлера «совершенно спокойным»; фюрер «говорил серьезно и казался искренним». Несмотря на опыт, который Гендерсон приобрел в течение предыдущих лет, он даже в самый последний момент не разглядел, что скрывалось за «искренностью» немецкого вождя. Сказанное Гитлером было лишено всякого смысла, а он говорил послу, что «считается» с Британской империей, что готов поклясться: он ратует за ее существование и готов предоставить для этого все силы рейха».

Гитлер объяснял, что хочет сделать в направлении Англии такой же серьезный шаг, как и в направлении России. Он не только готов заключить договоры с Англией, гарантирующие существование Британской империи при любых обстоятельствах, насколько это будет зависеть от Германии, но и готов оказывать помощь, если таковая ей понадобится.

Он готов также, добавлял он, «согласиться с разумным ограничением в вооружении» и признать западные границы рейха незыблемыми. В какой-то момент Гитлер дал волю сентиментальным излияниям, хотя в своем докладе Гендерсон не изобразил их таковыми» Гитлер говорил, что он по натуре художник, а не политик, и, как только польский вопрос будет решен, он предпочтет жизнь художника, а не поджигателя войны.

Но закончил свою речь диктатор, как записано в отчете, сделанном немцами для Гендерсона, на другой ноте:

«Фюрер повторил, что он человек очень решительный… и что это его последнее предложение. Если они (английское правительство) отвернут его идеи, то будет война».

В течение всей встречи Гитлер неоднократно повторял, что «его всеобъемлющее предложение Англии», как он сам его называл, сможет стать предметом обсуждения только при одном условии: после решения германо-польского конфликта. Когда Гендерсон заметил, что Англия не сможет рассматривать его предложение, если оно не будет включать в себя мирного урегулирования вопроса с Польшей, Гитлер ответил: «Если вы считаете это бессмысленным, тогда вообще не передавайте мое предложение».

Тем не менее, как только Гендерсон вернулся в посольство, расположенное на Вильгельмштрассе, в двух шагах от канцелярии, его тут же посетил д-р Шмидт, который принес запись беседы с Гитлером — правда, с заметными сокращениями — и послание от него с просьбой посоветовать английскому правительству «отнестись к предложению со всей серьезностью». Он даже предлагал Гендерсону самому слетать в Лондон, обещая предоставить для этой цели немецкий самолет.

Читатели, вероятно, уже поняли, насколько трудно порой постичь работу воспаленного мозга Гитлера. Его нелепое «предложение» от 25 августа о гарантии Британской империи было, очевидно, сделано в состоянии какого-то временного умопомрачения, тем более что через два дня, когда он обсуждал с Гендерсоном письмо Чемберлена и составлял ответ на него, об этом речь не заходила. Даже учитывая приступы умопомрачения, случавшиеся у диктатора, трудно поверить, что сам он относился всерьез к этому предложению, как пытался внушить английскому послу. К тому же, как могло английское правительство «отнестись всерьез» к его предложению, если у Чемберлена практически не оставалось на это времени, поскольку немецкие армии должны были обрушиться на Польшу на рассвете следующего дня — ведь день «Х» никто не отменял?

Но «предложение» несомненно было продиктовано серьезными причинами. Гитлер, вероятно, полагал, что Чемберлен, как и Сталин, стремится уберечь свою страну от войны[206]. Сталинский дружественный нейтралитет он купил за два дня до этого, предоставив России полную свободу действий в Восточной Европе «от Балтийского до Черного моря». Не сможет ли он купить и невмешательство Англии, пообещав британскому премьер-министру, что третий рейх в отличие от Германии Гогенцоллернов никогда не станет угрожать Британской империи? Гитлер не понимал, как не понимал и Сталин, дорого заплативший за это, что у Чемберлена наконец открылись глаза и что для него господство Германии в Европе и есть самая грозная опасность для Британской империи, как, впрочем, и для России. На протяжении веков, как писал сам Гитлер в «Майн кампф», основой британской внешней политики было стремление не допустить господства какой-либо нации на континенте.

В 17.30 Гитлер принимал французского посла. Ничего нового он сказать ему не мог, кроме того, что «польские провокации, направленные против рейха», терпеть дольше невозможно, что он не станет нападать на Францию, но если Франция вступит с ним в конфликт, то он будет воевать с ней до победы. При этом Гитлер встал, давая понять французскому послу, что аудиенция закончена. Но Кулондру было что сказать фюреру третьего рейха, и он настоял на том, чтобы ему позволили это сделать. Он дал Гитлеру честное слово старого солдата, что «в случае нападения на Польшу Франция будет на стороне Польши со всеми своими силами».

«Мне горько думать, — сказал Гитлер, — что придется воевать с вашей страной. Но это от меня не зависит. Передайте это месье Даладье».

Все это происходило в шесть вечера 25 августа в Берлине. Напряженность в столице нарастала весь день. После полудня приказом с Вильгельмштрассе были запрещены все телеграфные и телефонные сношения с внешним миром. Накануне вечером оставшиеся английские и французские корреспонденты, а также неофициальные лица поспешно выехали в сторону ближайшей границы. Днем 25 августа стало известно, что министерство иностранных дел Германии направило телеграммы в свои посольства и консульства в Польше, Англии и Франции с требованием, чтобы все немцы покинули эти страны в кратчайший срок. Записи в моем дневнике, относящиеся к 24–25 августа, передают лихорадочную обстановку в Берлине. Погода стояла теплая и солнечная. Все были до предела напряжены. По всему городу расставлялись зенитные орудия, над городом то и дело пролетали бомбардировщики в сторону Польши. «Это похоже на войну», — записал я в дневнике вечером 24-го. «Война неизбежна», — записал я на следующий день. Помню, что вечерами 24-го и

25-го немцы, которых мы встречали на Вильгельмштрассе, перешептывались о том, что фюрер дал приказ армии на рассвете вторгнуться в Польшу.

Как известно, приказом предписывалось напасть на Польшу в 4.30 утра в субботу, 26 августа[207]. До шести вечера 25-го никакие события — даже заверения английского и французского послов, что Англия и Франция выполнят свои обязательства перед Польшей, — не могли поколебать решимости Гитлера начать войну в намеченный срок. Но в шесть вечера или около того были получены новости из Лондона и Рима, которые заставили этого человека с железной волей заколебаться.

Из немецких документов и послевоенных показаний сотрудников с Вильгельмштрассе неясно, когда именно Гитлер получил известие из Лондона о том, что официально подписан договор между Англией и Польшей, который превратил одностороннюю гарантию Англии в договор о взаимопомощи[208]. В дневнике Гальдера имеются упоминания о том, что в полдень 25 августа на Вильгельмштрассе стали поговаривать, что этот договор будет подписан в течение дня. Начальник генерального штаба пишет, что в полдень у него раздался звонок. Звонили из ОКВ: спрашивали, на сколько можно максимально отложить намеченный час нападения. На это он ответил: до 15.00. Документы штаба военно-морских сил свидетельствуют, что «известие от дуче» и сообщение об англо-польском договоре поступили в полдень. Но это невозможно. Письмо Муссолини, как свидетельствует немецкая запись, прибыло только в 18.00. О подписании англо-польского пакта Гитлер не мог узнать раньше этого времени, поскольку само подписание состоялось только в 17.35, через пятнадцать минут после того, как посол Польши в Англии граф Эдвард Рачиньский получил по телефону разрешение от министерства иностранных дел в Варшаве скрепить документ своей подписью[209].

Когда бы Гитлер ни получил эти сообщения из Лондона — а время 18.00 кажется вполне правдоподобным, — оно встревожило его. Его можно было расценивать как ответ Англии на «предложение», которое к этому времени уже могло быть передано в Лондон. Это означало, что его попытки купить невмешательство Англии, как он купил невмешательство России, провалились. Доктор Шмидт, находившийся в кабинете Гитлера, когда прибыло сообщение, пишет, что, прочитав его, фюрер в задумчивости сел за стол.

Муссолини трусит

Его размышления были очень скоро прерваны новостями из Рима, причем плохими. Согласно показаниям Шмидта, Гитлер весь вечер, «не скрывая нетерпения», ждал ответа дуче на свое послание. Вскоре после того как ушел Гендерсон, в 15.00 в канцелярию был вызван Аттолико, но он не смог сообщить ничего, кроме того, что ответ еще не получен. К этому времени нервы у Гитлера были уже на пределе. Он послал Риббентропа позвонить Чиано по телефону, но министр иностранных дел не смог дозвониться и Аттолико отпустили «не особенно вежливо».

Уже в течение нескольких дней Гитлер получал из Рима предупреждения о том, что его партнер по оси может отвернуться от него в момент нападения на Польшу, и эти сведения не были лишены оснований. Не успел Чиано вернуться в Рим после обескураживающих встреч с Гитлером и Риббентропом

11–13 августа, как принялся настраивать дуче против немцев. Его действия не ускользнули от бдительного ока немецкого посольства в Риме. По дневнику фашистского министра иностранных дел можно проследить все успехи и неудачи в его попытках открыть Муссолини глаза и побудить его вовремя отвернуться от Гитлера, который планирует начать войну. Вечером 13 августа, когда Чиано вернулся из Берхтесгадена, он встретился с дуче, описал ему ход переговоров с Гитлером и стал убеждать его, что немцы не раз предавали и обманывали их и теперь «втягивают в авантюру».

«Дуче все время меняет взгляды, — записал Чиано в дневнике в тот вечер. — Сначала он соглашается со мной. Потом говорит, что честь требует, чтобы он выступил вместе с Германией. В конце концов заявляет, что ему нужна его доля в Хорватии и Далмации.

14 августа. Я нашел Муссолини обеспокоенным. Я не колеблясь настраиваю его антигермански всеми доступными мне средствами. Я говорю о том, что падает его престиж, что он — вторая скрипка. Наконец, я показываю ему документы, из которых очевидно вероломство немцев в польском вопросе. В основе союза лежат обещания, которые они теперь отрицают; мы должны отделаться от них без всяких сомнений».

Но Муссолини еще колебался.

На следующий день Чиано проговорил с Муссолини около шести часов кряду.

«75 августа. Дуче …убежден, что мы не должны безоглядно следовать за немцами. Тем не менее… ему нужно время, чтобы подготовить разрыв с Германией….Он все более и более убеждается, что западные демократии будут драться… На сей раз это будет война. А наше положение не позволяет нам участвовать в войне.

18 августа. Разговор с дуче утром; настроение у него, как обычно, переменчивое. Он все еще считает, что западные страны все-таки не вступят в войну и Гитлер ловко провернет дело, а дуче не хочет, чтобы дело проворачивали без него. Кроме того, он боится гнева Гитлера. Он полагает, что расторжение договора или любой подобный шаг могут привести к тому, что Гитлер на время оставит Польшу и сведет счеты с Италией. Из-за всего этого дуче крайне обеспокоен и раздражен.

20 августа. Дуче сделал полный поворот кругом. Он всеми силами стремится поддерживать Германию в конфликте, который вот-вот начнется… Мы с Муссолини встретились с Аттолико. (Посол вернулся из Берлина в Рим для консультаций.) Суть разговора: уже слишком поздно порывать с немцами… Пресса всего мира обвинит Италию в трусости… Я пытаюсь обсудить этот вопрос, но все бесполезно. Муссолини упрямо придерживается своей точки зрения 21 августа. Сегодня я говорил очень откровенно… Когда я вошел в кабинет, Муссолини уверил меня, что утвердился в своем решении выступить совместно с немцами. «Вы, дуче, не можете этого сделать и не должны этого делать… Я ездил в Залъцбург, чтобы выработать общую линию поведения. Там я лично столкнулся с диктатом! Немцы, а не мы предали наш союз… Расторгните пакт. Разорвите его и бросьте Гитлеру в лицо…»

В результате было решено, что Чиано встретится на следующий день с Риббентропом на Бреннерском перевале и сообщит ему, что Италия не примет

участия в конфликте, вызванном нападением Германии на Польшу. В течение нескольких часов Чиано не мог застать Риббентропа, но в половине шестого Риббентроп подошел к телефону. Нацистский министр иностранных дел не мог сразу дать обещание встретиться, получив предложение столь неожиданно, потому что ждал «важного известия из Москвы». Он обещал перезвонить позже, что и сделал в 22.30. Чиано записал в своем дневнике:

«22 августа. Начался новый акт. Вечером в 22.30 позвонил Риббентроп и сказал, что хотел бы встретиться со мной в Инсбруке, а не на границе, потому что ему вскоре предстоит лететь в Москву для подписания политического пакта с Советским правительством».

Эта новость поразила Чиано и Муссолини. Они решили, что встреча двух министров иностранных дел «не является более актуальной». Еще раз немецкие союзники продемонстрировали свое презрение к ним, ничего не сообщив о договоре с Москвой.

Колебания дуче, антинемецкие настроения Чиано, вероятность того, что Италия не выполнит обязательство по пункту III Стального пакта, по которому она должна автоматически вступить в войну, если другая сторона «окажется вовлечена в военные действия с третьей стороной», — обо всем этом узнали в Берлине еще до того, как Риббентроп отправился в Москву 22 августа.

20 августа граф Массимо Магистрати, итальянский поверенный в делах в Берлине, встретился в министерстве иностранных дел с Вайцзекером. Статс-секретарь писал в конфиденциальном меморандуме Риббентропу, что итальянец сообщил ему о «том, что думают в Италии. Хотя меня это и не удивляет, но, по-моему, это нужно определенным образом учитывать». Магистрати выговорил Вайцзекеру, что Германия не соблюла условий договора, по которым должна была консультироваться со своим союзником по основным вопросам, посчитав польский вопрос делом чисто немецким. Таким образом, она отказывается от военной помощи Италии. И если вопреки расчетам Германии польский конфликт перерастет в большую войну, Италия будет считать, что «предпосылок» для военного союза с Германией нет. Короче говоря, Италия желала отколоться.

Через два дня, 23 августа, пришло еще одно предупреждение. Оно было прислано Гансом Георгом фон Макензеном, послом в Риме. Он пересказывал Вайцзекеру то, что слышал в кулуарах. Это письмо, оказавшееся среди трофейных документов, судя по отметке Вайцзекера, сделанной на полях, было передано Гитлеру и, вероятно, открыло ему глаза. Макензен писал, что после встреч Муссолини, Чиано и Аттолико позиция Италии выглядела следующим образом: если Германия нападет на Польшу, то тем самым нарушит Стальной пакт, предусматривающий воздерживаться от войны до 1942 года. Далее, Муссолини в отличие от немецкой точки зрения считает, что в случае нападения Германии на Польшу в борьбу вступят Англия и Франция, «а через пару месяцев и Соединенные Штаты». Пока Германия будет обороняться на западных границах, Англия и Франция, полагал дуче, смогут обрушиться на Италию всеми своими силами. В таком случае Италии придется принять на себя всю тяжесть войны и дать Германии возможность уладить свои дела на Востоке…

Зная обо всем этом, Гитлер утром 25 августа направил послание Муссолини и весь день с нарастающим нетерпением ждал ответа. Накануне, сразу после

полуночи, Риббентроп, который весь вечер рассказывал фюреру о своем триумфе в Москве, позвонил Чиано, чтобы предупредить его «по настоянию фюрера» о «необычайно сложном положении из-за польских провокаций»[210]. Из записи Вайцзекера ясно, что звонок был сделан с целью «не дать итальянцам возможности говорить о непредвиденных событиях».

К тому моменту, когда посол Макензен передал письмо Гитлера дуче — в 15.20 25 августа в Палаццо Венеция в Риме, — дуче уже знал, что до нападения Германии на Польшу осталось совсем немного, В отличие от Гитлера Муссолини был уверен, что Англия и Франция немедленно вступят в войну, что приведет к катастрофическим для Италии последствиям, поскольку ее ВМС заметно уступали английскому Средиземноморскому флоту, а итальянская армия по численности уступала французской[211]. Согласно донесению Макензена, отправленному в Берлин в 22.25, в котором он описывал свою встречу с Муссолини, дуче дважды внимательно прочитал послание в его присутствии, потом сказал, что «полностью согласен» с оценкой Гитлером германо-советского пакта и с тем, что «вооруженный конфликт с Польшей неизбежен». В конце встречи, как писал Макензен, Муссолини заявил, что он безоговорочно рядом с нами.

Но в письме Гитлеру, содержание которого не было известно послу, Муссолини писал совсем другое. Текст письма срочно продиктовал Аттолико, к тому времени уже вернувшемуся в Берлин, Чиано. Около шести часов вечера Аттолико прибыл в канцелярию, чтобы лично вручить это письмо Адольфу Гитлеру. Шмидт, при этом присутствовавший, вспоминает, что письмо произвело на Гитлера эффект разорвавшейся бомбы. После выражения «полного одобрения» германо-советского пакта и понимания причин конфликта с Польшей Муссолини переходил к главному: Что касается практического отношения Италии (слово это было выделено самим Муссолини) к возможным военным действиям, то, на мой взгляд, его можно сформулировать так: если Германия совершит нападение на Польшу и конфликт останется локальным, то Италия предоставит Германии любую политическую и экономическую помощь, которая от нее потребуется.

Если Германия нападет на Польшу[212] и союзники последней нападут на Германию, то должен предупредить Вас заранее, что для меня это будет невыгодный момент, чтобы проявить военную инициативу, учитывая состояние военных приготовлений Италии, о которых мы заблаговременно неоднократно информировали Вас, фюрер, и герра фон Риббентропа.

Тем не менее наше вмешательство может произойти незамедлительно, если Германия обеспечит нас военными и сырьевыми поставками, которые позволят нам сдерживать удары Англии и Франции, направленные главным образом против нас.

На наших встречах мы планировали начало войны на 1942 год. К тому времени в соответствии с разработанными планами я был бы готов к войне на суше, на море и в воздухе.

Я придерживаюсь мнения, что чисто военные меры, которые уже приняты, и меры, которые будут приняты позднее, смогут сдерживать — в Европе и в Африке — значительные французские и английские силы.

Как Ваш верный друг, я считаю своим святым долгом сказать Вам всю правду и предупредить заранее о реальном положении вещей. Если я этого не сделаю, то это может привести к печальным для всех нас последствиям. Такова моя точка зрения. Поскольку в ближайшем будущем мне предстоит созвать высшие правительственные органы, то мне хотелось бы знать и Вашу точку зрения.

Муссолини[213]

Итак, хотя Россия стала теперь дружественной и нейтральной и не надо было опасаться, что с ней придется воевать, союзница Германии по Стальному пакту пыталась из него выйти — и это в тот самый день, когда Англия, кажется, бесповоротно связала себя, подписав договор с Польшей о взаимопомощи на случай нападения Германии. Гитлер прочитал письмо дуче и холодно сказал Аттолико, что ответит на него немедленно.

«Итальянцы ведут себя так же, как в 1914 году» — такие слова услышал от Гитлера Шмидт после того, как Аттолико удалился. В тот вечер в канцелярии недобро поговаривали о «неверности партнера по оси». Но слов было недостаточно. Через десять часов — в 18.30 25 августа немецкой армии предстояло обрушиться на Польшу, а на 4.30 утра 26 августа было назначено вторжение. Немецкому диктатору предстояло принять решение: то ли твердо идти вперед, то ли после получения новостей из Лондона и Рима отложить агрессию, то ли вообще отменить ее.

Шмидт, провожавший Аттолико из кабинета Гитлера, столкнулся с генералом Кейтелем, который спешил к фюреру. Через несколько минут Кейтель выбежал из кабинета, крикнув своему адъютанту:

«Приказ о выступлении нужно снова задержать!»

Гитлер, загнанный в угол Муссолини и Чемберленом, быстро принял решение. «Фюрер испытал сильное потрясение», — отметил Гальдер в своем дневнике. Далее идет такая запись:

«19.30 — ратифицирован договор между Польшей и Англией. Военные действия не начинаются. Передвижения войск прекратить пусть даже на границе, если не найдется другого выхода.

20.35 — Кейтель сообщает о том, что приказ выполнен. Кана-рис: ограничение телефонной связи с Англией и Францией. Подтверждение развития событий».

Немецкий морской журнал дает более развернутое объяснение задержки с указанием причин:

«25 августа. Операция «Вайс», уже начавшаяся, должна быть приостановлена в 20.30 из-за изменений политической ситуации. (Англо-польский договор о взаимопомощи, подписанный в полдень 25 августа, информация от дуче о том, что он будет верен своему слову, но вынужден просить о поставках сырья в большом количестве.)»

Трое из числа главных обвиняемых на Нюрнбергском процессе представили каждый свою версию. Риббентроп заявил, что после того, как «услышал» об англо-польском договоре и узнал о ведущихся военных приготовлениях для нападения на Польшу (как будто он не знал об этом раньше!), он «немедленно» пошел к Гитлеру и потребовал отменить нападение, с чем «Гитлер сразу согласился». Это, разумеется, неправда.

Показания Кейтеля и Геринга представляются более правдивыми. «Неожиданно я был вызван в канцелярию к Гитлеру, — вспоминал Кейтель во время допроса в Нюрнберге, — и он сказал мне:

«Немедленно все прекратите. Срочно свяжитесь с Браухичем. Мне нужно время для переговоров».

То, что Гитлер до последнего момента верил, будто путем переговоров ему удастся найти выход из создавшегося положения, подтверждается в показаниях Геринга, данных во время предварительного следствия в Нюрнберге: «В тот день, когда Англия официально дала гарантии Польше, фюрер позвонил мне по телефону и сказал, что остановил запланированное нападение на Польшу. Я спросил, сделал ли он это на время или вообще отменил нападение. Он сказал: «Нет, я попытаюсь выяснить, сможем ли мы избежать вмешательства Англии».

Предательство Муссолини в последний момент было тяжелым ударом для Гитлера, но из свидетельства, приведенного выше, явствует, что именно подписание Англией договора о взаимопомощи с Польшей так сильно подействовало на немецкого фюрера, что он отложил срок нападения на последнюю. И все-таки странно, что после того, как посол Гендерсон в тот же день еще раз предупредил его, что Англия будет воевать, если Германия нападет на Польшу, и что британское правительство торжественно подкрепило свое слово письменным договором, Гитлер все еще был уверен, по словам Геринга, будто сможет «избежать вмешательства Англии». Вероятно, опыт его встреч с Чемберленом в Мюнхене позволял ему думать, что премьер-министр опять сдастся, если подбросить ему выход из положения. Опять-таки странно, что человек, который ранее так хорошо ориентировался в международной политике, не знал о переменах, произошедших во взглядах Чемберлена и английского правительства. В конце концов, Гитлер сам спровоцировал их на это.

Для того чтобы остановить немецкую армию вечером 25 августа, потребовались усилия, поскольку часть соединений уже находилась на марше. В первый корпус генерала Петцеля, дислоцированный в Восточной Пруссии, приказ пришел в 9.37 вечера, и только отчаянные усилия нескольких офицеров штаба, которые срочно отбыли в передовые части, помогли остановить войска. Моторизованные колонны корпуса генерала Клейста, в темноте подходившие к польской границе, были остановлены только на границе штабным офицером, который прилетел туда на легком разведывательном самолете. Некоторые подразделения получили приказ уже после того, как началась перестрелка. Но поскольку немцы постоянно провоцировали стычки на границе, польский главный штаб, вероятно, не подозревал, что происходит в действительности. В его сводке от 26 августа говорится, что «немецкие банды» перешли границу и атаковали блокгаузы и таможенные посты автоматным огнем и ручными гранатами и что в одном случае это «было регулярное армейское подразделение».

Ликование и замешательство заговорщиков

Сообщение о том, что вечером 25 августа Гитлер отменил нападение на Польшу, вызвало ликование среди заговорщиков абвера. Полковник Остер, сообщая об этом Шахту и Гизевиусу, воскликнул: «Теперь с Гитлером покончено!» На следующее утро адмирал Канарис был настроен весьма оптимистично. «Гитлер не перенесет этого удара, — заявил он. — Мир спасен на ближайшие двадцать лет». Оба эти человека считали, что более нет нужды сбрасывать немецкого диктатора, что с ним и без того покончено.

В течение нескольких недель, по мере того как роковое лето приближалось к концу, заговорщики, как они сами себя называли, были очень заняты правда, трудно понять, чем именно. Герделер, Адам фон Тротт, Гельмут фон Мольтке, Фабиан фон Шлабрендорф и Рудольф Пехель — все ездили в Лондон, где поставили в известность не только Чемберлена и Галифакса, но и Черчилля и других британских лидеров, что Гитлер планирует напасть на Польшу в конце августа. Эта немецкая оппозиция фюреру могла собственными глазами убедиться, что со времен Мюнхена Британия, во главе которой стоял Чемберлен с его неизменным зонтом, в немалой степени изменилась. Кроме того, они не могли не заметить, что условие, которое они ставили год назад, собираясь сбрасывать Гитлера, — заявление Англии и Франции о том, что они выступят на стороне Польши, если Германия на нее нападет, — выполнено. Чего же они могли желать? Из записок, которые они оставили, понять это невозможно, и складывается впечатление, что они сами этого толком не знали. Хотя ими руководили благородные помыслы, они находились в замешательстве и страдали от собственного бессилия. Гитлер крепко держал в руках Германию — армию, полицию, правительство, население, — и они не могли придумать ничего такого, что ослабило бы эту хватку.

15 августа Хассель нанес визит доктору Шахту на его новой холостяцкой квартире в Берлине. Отставной министр экономики только что вернулся из шестимесячной поездки в Индию и Бирму. «Шахт считает, — записал Хассель в своем дневнике, — что нам ничего не остается, как, широко раскрыв глаза, ждать, что события будут развиваться так, как было предопределено». В тот же день Хассель, о чем также свидетельствует дневниковая запись, говорил Гизевиусу, что он «тоже за то, чтобы отложить непосредственные действия».

Но какие «непосредственные действия» следовало отложить? Генерал Гальдер, который, как и Гитлер, желал разгрома Польши, в тот момент не был заинтересован в свержении диктатора. Генерал Вицлебен, который должен был год назад руководить войсками при свержении Гитлера, теперь командовал группой армий на западных границах и, следовательно, не мог предпринять никаких действий в Берлине, даже если бы хотел. А хотел ли он? Гизевиус навестил его в его штаб-квартире и застал слушающим Лондонское радио. Очень скоро он понял, что генералу просто интересно, что происходит вокруг.

Что касается генерала Гальдера, то он был занят разработкой окончательных планов нападения на Польшу, так что у него не оставалось времени на предательские мысли, направленные против Гитлера. На допросе 26 февраля 1946 года в Нюрнберге он очень неопределенно, как и другие вероятные

противники нацистского режима, отвечал на вопрос, почему ничего не предпринимал в последние дни августа, чтобы сместить фюрера и таким образом спасти Германию от вовлечения в войну. «Не было такой возможности», говорил он. Почему? Потому что генерала Вицлебена перевели на Запад, а без Вицлебена армия действовать не могла.

А простые немцы? Капитан Сэм Харрис, допрашивавший Гальдера с американской стороны, напомнил ему его же собственное замечание, что немецкий народ был настроен против войны, после чего спросил: «Если Гитлер бесповоротно встал на путь войны, почему в преддверии нападения на Польшу вы не обратились к поддержке народа?» Гальдер ответил: «Простите, но это вызывает улыбку. Когда я слышу, как применительно к Гитлеру употребляют слово «бесповоротно», мне хочется возразить, что ничто не казалось бесповоротным». И начальник генерального штаба стал объяснять, что даже 22 августа, когда на встрече в Оберзальцберге Гитлер сообщил своим генералам, что он «бесповоротно» принял решение напасть на Польшу и воевать, если это будет необходимо, с Западом, он, Гальдер, не поверил, что фюрер так и поступит. В свете записей в дневнике Гальдера, относящихся к тому периоду, это заявление действительно удивляет. Но подобной точки зрения придерживался не только Гальдер, но и другие участники заговора.

А где же был генерал Бек, предшественник Гальдера на посту начальника генерального штаба сухопутных войск, признанный руководитель заговорщиков? Гизевиус сообщает, что Бек отправил письмо Браухичу, но главнокомандующий сухопутными войсками даже не ответил на него. Потом, пишет Газевиус, Бек имел беседу с Гальдером, который согласился с тем, что большая война обернется катастрофой для Германии, но полагал при этом, что «Гитлер не допустит большой войны», а следовательно; в данный момент нет нужды его свергать.

14 августа Хассель обедал наедине с Беком, после чего описал в дневнике свои настроения:

«Бек — человек культурный, привлекательный и интеллигентный. К сожалению, он очень низкого мнения о тех, кто стоит во главе армии. Поэтому он не видит, где мы могли бы укрепиться. Он твердо убежден в том, что характер политики третьего рейха порочен».

Устремления Бека и тех, кто его окружал, были высоки и благородны, но никто из этих благородных людей ничего не сделал, чтобы остановить Гитлера, когда он готовился втянуть Германию в войну. Возможно, задача была не из легких, а возможно, в тот момент ее уже поздно было решать, но никто из них даже не попытался это сделать. Разве что генерал Томас. В продолжение идей своего меморандума, который он лично зачитал шефу ОКВ в середине августа, он прибыл к нему в воскресенье 27 августа и, согласно его собственному отчету, «представил ему графическое подтверждение статистических данных, которые наглядно показывали огромное военно-экономическое превосходство стран западной демократии и те беды, которые мы будем иметь в результате этого». Кейтель с несвойственной ему смелостью предъявил эти материалы Гитлеру, но фюрер заявил, что не разделяет опасений генерала Томаса по поводу мировой войны, особенно теперь, когда Советский Союз на его стороне.

На этом и закончились попытки заговорщиков помешать Гитлеру развязать вторую мировую войну, если не считать вялых поползновений доктора Шахта, на которых хитрый финансист строил свою защиту в Нюрнберге. Вернувшись в августе из Индии, он написал письма Гитлеру, Герингу и Риббентропу — в столь сложный момент никто из лидеров оппозиции не шел дальше того, чтобы писать письма и меморандумы, — но, к его величайшему удивлению, ни от кого не получил ответа. Тогда он решил поехать в Цоссен, расположенный в нескольких милях к юго-востоку от Берлина, где находилась штаб-квартира верховного командования сухопутных войск, задействованных для нападения на Польшу, чтобы встретиться с генералом Браухичем лично. И что же он собирался сказать генералу? Выступая в Нюрнберге, Шахт уверял, будто намеревался сказать командующему сухопутными войсками, что по конституции Германия может вступить в войну только с одобрения рейхстага и что генерал обязан выполнять клятву, данную конституции.

Увы! Доктор Шахт так и не встретился с Браухичем. Канарис предупредил Шахта, что, если тот приедет в Цоссен, командующий, «вероятно, прикажет его немедленно арестовать», — такая перспектива не прельщала бывшего приспешника Гитлера. Но о настоящей причине, по которой Шахт не совершил поездки в Цоссен со своей нелепой миссией (для Гитлера было бы просто детской забавой заставить бесхребетный рейхстаг одобрить войну, если бы он захотел связываться с формальностями), рассказал Гизевиус, выступая в Нюрнберге в защиту Шахта. Выходит, что Шахт действительно собирался поехать в Цоссен 25 августа, но не поехал, узнав, что Гитлер отменил нападение, планировавшееся на следующий день. Через три дня, согласно показаниям Гизевиуса, Шахт снова собрался в Цоссен, но Канарис предупредил его, что уже слишком поздно. Нельзя сказать, что от заговорщиков, как говорится, «поезд ушел», — они и не пытались на этот поезд успеть и даже не были на вокзале.

Такими же бесполезными, как протесты кучки антинацистов, были и попытки руководителей нейтральных стран обратиться к Гитлеру с призывом избежать войны. 24 августа президент Рузвельт направил срочные послания Гитлеру и президенту Польши, призывая их решить разногласия, не прибегая к оружию. Президент Мосьцицкий в веском ответе, который он послал на следующий день, напоминал Рузвельту, что Германия, а не Польша «выдвигает требования и требует уступок», тем не менее Польша готова решить вопросы путем прямых переговоров или путем примирения, как призвал американский президент. Гитлер на послание не ответил (президент напомнил, что он не ответил и на его апрельское послание), и на следующий день, 25 августа, Рузвельт направил ему еще одну телеграмму, в которой сообщал о миролюбивом ответе Мосьцицкого и призывал «согласиться с мирными мерами урегулирования, на которые правительство Польши согласно».

Второе послание также осталось без ответа, хотя вечером 26 августа Вайцзекер вызвал американского поверенного в делах в Берлине Александра Кэрка и просил его передать президенту, что фюрер обе телеграммы получил и передал их «в руки министра иностранных дел на рассмотрение правительства».

24 августа папа римский выступил по радио с призывом к миру:

«Во имя крови Христовой… сильные да услышат нас и не станут слабыми из-за несправедливости… Пусть захотят они, чтобы сила их не стала разрушающей».

Во второй половине дня 31 августа папа римский послал ноты одинакового содержания правительствам Германии, Польши, Италии и двух западных держав, «умоляя во имя господа правительства Польши и Германии избежать инцидента», прося английское и французское правительства поддержать его. При этом он добавлял: «Папа не теряет надежды на то, что переговоры, которые сейчас ведутся, приведут к мирному решению».

Его святейшество, как почти весь остальной мир, не осознавал, что «ведущиеся переговоры» — это пропагандистский трюк Гитлера для оправдания агрессии. На самом деле, как мы расскажем далее, в последний мирный вечер не велось вообще никаких переговоров.

За несколько дней до этого, 23 августа, король Бельгии от имени правителей ряда государств (Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Финляндии и трех Скандинавских стран) также выступил по радио с обращением, призвав «людей, от которых зависит ход событий, вынести их проблемы и претензии на открытые переговоры». 28 августа король Бельгии и королева Нидерландов совместно предложили свои услуги «в надежде предотвратить войну».

Как бы ни были благородны по форме и по содержанию эти призывы, сегодня они кажутся просто нереальными. Можно подумать, что президент Соединенных Штатов, папа римский и правители маленьких европейских государств жили не на той же планете, что и жители третьего рейха, и о том, что происходило в Берлине, знали не больше, чем о том, что происходит на Марсе. За такое незнание образа мыслей Гитлера, его характера, его целей, за незнание немцев, которые, за редким исключением, готовы были идти за фюрером куда угодно, невзирая на мораль, этику, честь, христианскую гуманность, — за все это людям, которые шли за Рузвельтом и монархами Бельгии, Голландии, Люксембурга, Норвегии и Дании, вскоре пришлось заплатить дорогой ценой.

Те из нас, кто находился в Берлине в те последние предвоенные дни и передавал миру новости из Германии, мало что знали о происходящем на Вильгельмштрассе, где располагались канцелярия и министерство иностранных дел, или на Бендлерштрассе, где располагались военные ведомства. Мы, как могли, старались фиксировать все поспешные посещения Вильгельмштрассе. Ежедневно нам приходилось фильтровать кучу сплетен и слухов. Мы замечали перемену в настроениях людей на улицах, государственных чиновников, партийных лидеров, дипломатов и военных из числа наших знакомых. Но что сказали друг другу посол Гендерсон и Гитлер во время их, как всегда, бурной встречи, о чем переписывались Гитлер и Чемберлен, Гитлер и Муссолини, Гитлер и Сталин, о чем говорили Риббентроп и Молотов, Риббентроп и Чиано, каково было содержание секретных депеш, которые растерянные дипломаты направляли в свои министерства иностранных дел, что планировали генералы — обо всем этом ни мы, ни широкая общественность тогда не знали абсолютно ничего.

Существовали, конечно, вещи, о которых мы и общественность были осведомлены. Нацистско-советский пакт превозносился в Германии до небес, хотя о секретном протоколе, по которому была поделена Польша и Восточная Европа, стало известно только после войны. Мы знали, что до подписания

пакта Гендерсон летал в Берхтесгаден, чтобы еще раз сказать Гитлеру, что подписание пакта не повлияет на гарантии, данные Англией Польше. Когда же наступила последняя неделя августа, мы в Берлине понимали, что война неизбежна, если не последует еще один Мюнхен, и что начнется она в ближайшие дни. К 25 августа из Берлина исчезли последние англичане и французы. Было отменено нацистское сборище в Танненберге, назначенное на 27 августа, на котором должен был выступать Гитлер, как раньше был отменен ежегодный съезд партии в Нюрнберге, который Гитлер провозглашал «съездом мира». Сборище было перенесено на первую неделю сентября. 27 августа правительство объявило, что со следующего дня вводятся карточки на продовольствие, мыло, обувь, ткани и уголь. Я помню, что это объявление, сделанное среди прочих, ясно дало понять немцам, что грядет война, и по этому поводу они довольно громко возмущались. В понедельник 28 августа берлинцы могли видеть на улицах колонны войск, двигавшихся на восток. Переправлялись они на грузовиках и других транспортных средствах, которые удалось наскрести.

Это тоже заставляло прохожих задуматься над тем, что их ждет. В субботу и воскресенье, помнится, было сухо и солнечно. Берлинцы, не очень обеспокоенные тем, близится война или нет, отправились в пригород, на озера и в леса. Вернувшись в воскресенье вечером, из сообщений по радио они узнали, что в канцелярии состоялась секретная встреча с членами рейхстага. В коммюнике ДНВ говорилось, что «фюрер подчеркнул серьезность ситуации» первое коммюнике, в котором Гитлер напомнил немецкому народу, что настал серьезный момент. О подробностях встречи не сообщалось. Никто, кроме членов рейхстага и окружения Гитлера, не знал, в каком настроении пребывал в тот день немецкий диктатор. В дневнике Гальдера — значительно позже — была обнаружена запись, датированная 28 августа, сделанная со слов полковника Остера из абвера:

«…Совещание в 17. 30 в имперской канцелярии… Положение очень серьезное. Фюрер исполнен желания так или иначе решить восточный вопрос. Минимальные требования: возвращение Данцига, решение вопроса о коридоре. Максимальные — «в зависимости от складывающейся военной обстановки».

Если минимальные требования не будут удовлетворены, тогда война. Жестокая! Он (Гитлер) сам будет в первых рядах. Поведение дуче послужит нам на пользу. Война очень тяжелая, возможно безнадежная. «Пока я жив, о капитуляции не будет и речи».

Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола… В конце речи — «аплодисменты по приказу, однако жидкие».

Внешний вид: крайне изнурен, голос хриплый, рассеян. Больше не выходит из рук своих эсэсовских советников».

В Берлине иностранный наблюдатель мог заметить, как пресса, умело руководимая Геббельсом, обманывала легковерную немецкую публику. Все шесть лет нацистской «унификации» ежедневных газет, что само по себе означало полное уничтожение свободной прессы, немцы совершенно не знали правды о том, что происходит в мире. Одно время можно было достать швейцарские газеты на немецком языке, в которых давалась объективная оценка событий. Но в последние годы их продажа в рейхе была запрещена или

продавалось всего несколько экземпляров. Немцы, читавшие по-английски или по-французски, могли время от времени получать лондонские или парижские журналы, но их поступало так мало, что они оставались доступны лишь горстке людей.

«В каком изолированном мире живут немцы, — записал я в своем дневнике 10 августа 1939 года, — об этом напоминают вчерашние и сегодняшние газеты». Я возвращался в Германию после короткого отпуска, проведенного в Вашингтоне, Нью-Йорке и Париже. Добираясь из Швейцарии поездом, я два дня назад купил стопку берлинских и рейнских газет. Они быстро вернули меня в мир нацизма, настолько непохожий на тот, который я только что покинул, что казалось, он находится на другой планете. 19 августа, прибыв в Берлин я записал:

«В то время как весь мир считает, что Германия вот-вот нарушит мирное спокойствие, что Германия не сегодня завтра нападет на Польшу… здесь, в Германии, местные газеты рисуют прямо противоположную картину… Вот что пишут нацистские газеты: это Польша подрывает мир в Европе; Польша угрожает Германии вооруженным вторжением…

«Берегись, Польша!» — предупреждает «Берлинер цайтунг». Или такой заголовок в «Дер фюрер», ежедневной газете Карлсруэ, которую я купил, путешествуя в поезде: «Варшава угрожает сбросить бомбы на Данциг — польская архиглупость».

Вы можете спросить: вероятно, немцы не верят этой лжи? Тогда поговорите с ними. Многие верят».

К субботе 26 августа, дню, на который Гитлером первоначально было назначено нападение на Польшу, газетная кампания, организованная Геббельсом, достигла апогея. Я переписал в дневник некоторые заголовки:

«Берлинер цайтунг»: «Полный хаос в Польше! Немецкие семьи бегут. Польские солдаты подошли вплотную к границе Германии!»

«12-ур блатт»: «Игра с огнем зашла слишком далеко. Поляки обстреляли три немецких пассажирских самолета. В коридоре фермы многих немцев объяты пламенем!»

В полночь, по дороге в Дом радиовещания, я купил воскресный выпуск «Фелькишер беобахтер» (за 27 августа). Во всю первую полосу огромными буквами было набрано: «ВСЯ ПОЛЬША В ВОЕННОЙ ЛИХОРАДКЕ! МОБИЛИЗОВАНО 1 500 000 ЧЕЛОВЕК! БЕСПЕРЕБОЙНО СЛЕДУЮТ В СТОРОНУ ГРАНИЦЫ ТРАНСПОРТЫ С ВОЙСКАМИ! ХАОС В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ!»

Конечно, о мобилизации в Германии не говорилось ни слова, хотя мы знали, что германские войска были отмобилизованы уже две недели назад.

Последние шесть дней мира

Письмо Муссолини, полученное Гитлером вечером 25 августа, подействовало на него словно холодный душ, а узнав, что англо-польский союз подписан,

он вынужден был отложить нападение на Польшу. Тогда он отправил дуче короткое письмо, в котором спрашивал, какие военные припасы и сырье нужны и в какое время, чтобы Италия смогла «вступить в крупный европейский конфликт». Письмо было продиктовано Риббентропом германскому послу в Риме в 19.40 и передано итальянскому диктатору в 21.30.

На следующее утро Муссолини встретился в Риме с командующими видами вооруженных сил, чтобы составить список минимальных поставок материалов для войны, рассчитанной на год. По словам Чиано, который помогал этот список составлять, «он мог бы убить быка, если бы бык умел читать». В нем фигурировали семь миллионов тонн нефти, шесть миллионов тонн угля, два миллиона тонн стали, миллион тонн леса. Список оказался очень длинным. Завершали его 600 тонн молибдена, 400 тонн титана, 20 тонн циркония. Кроме того, Муссолини требовал 150 зенитных батарей, чтобы защитить индустриальные районы на севере страны, находившиеся в нескольких минутах лета от французских баз, — обстоятельство, о котором дуче напоминал Гитлеру в письме. Это послание Чиано продиктовал в Берлин Аттолико 26 августа, пополудни, после чего оно было немедленно передано Гитлеру.

Послание являлось не просто списком материалов, в которых нуждался Муссолини. Фашистский лидер совершенно определенно вознамерился отвертеться от обязательств перед третьим рейхом. Фюрер, прочитав его письмо, перестал в этом сомневаться.

«Фюрер! — писал Муссолини своему другу. — Я не посылал бы Вам этого списка или он был бы короче и цифры в нем были бы не столь велики, если бы я заранее знал о сроках и имел бы время для накопления запасов материалов и ускорения темпов автократии.

Считаю своим долгом заявить Вам, что, пока я не буду уверен в том, что получу все эти материалы, те жертвы, принести которые я буду призывать итальянский народ… окажутся напрасными и могут скомпрометировать Ваше дело и мое тоже».

Посол Аттолико, не будучи сторонником войны и выступая против союза Италии с Германией в случае ее начала, вручая письмо Гитлеру, по собственной инициативе подчеркнул: решающее условие[214] — «все эти материалы должны быть в Италии до начала военных действий».

Муссолини все еще надеялся на очередной Мюнхен. Он сделал добавление к письму: если фюрер считает, что есть «хоть какая-то возможность добиться решения вопроса политическими средствами», то он, как и раньше, готов оказать своему немецкому соратнику активную помощь. Несмотря на близкие отношения, несмотря на Стальной пакт, несмотря на многочисленные публичные выражения солидарности, Гитлер даже в преддверии войны не открывал Муссолини своей истинной цели — уничтожение Польши. Муссолини об этом не знал. Только под вечер 26 августа этот пробел был наконец ликвидирован.

26-го же августа, три часа спустя, Гитлер отправил Муссолини пространный ответ. Риббентроп продиктовал его по телефону в 15.08 послу в Риме Макензену, который доставил письмо дуче сразу после 17.00. В то время как некоторые из потребностей Италии, например в угле и стали, могут быть удовлетворены полностью, писал Гитлер, многие другие требования

удовлетворены быть не могут. В любом случае требование Аттолико доставить материалы до начала военных действий выполнить невозможно.

Здесь Гитлер открыл наконец другу и союзнику свои ближайшие цели:

«Поскольку ни Франция, ни Англия не смогут добиться значительного успеха на Западе, Германия в результате договоренности, достигнутой с Россией, после разгрома Польши сможет высвободить свои силы на Востоке… Я полон решимости покончить с восточным вопросом, даже рискуя пойти на осложнения на Западе.

Дуче, я вхожу в Ваше положение. Я бы только просил Вас сковать англо-французские силы активной пропагандой и военными демонстрациями, которые Вы мне уже предлагали».

Это первое документальное подтверждение, что спустя двадцать четыре часа после отмены Гитлером приказа о наступлении на Польшу он вновь обрел решимость и собирался претворить в жизнь свои планы, даже «рискуя» ввязаться в войну с Западом.

В тот же вечер Муссолини предпринял своего рода попытку остановить Гитлера. Он снова написал ему, а Чиано снова звонил по телефону Аттолико. Послание дуче поступило в рейхсканцелярию около 19.00.

«Я полагаю, что то недоразумение, причиной которого невольно стал Аттолико, уже разъяснилось… То, о чем я Вас просил, кроме зенитных батарей, должно быть доставлено в течение двенадцати месяцев. Но даже несмотря на то, что недоразумение разъяснилось, очевидно, что вы не в состоянии прикрыть те бреши, которые сделала в вооружении итальянской армии война в Испании и Эфиопии.

В таком случае я поступлю так, как Вы советуете, по крайней мере на начальной стадии конфликта, то есть буду сдерживать как можно большее количество англо-французских сил, как делаю это сейчас, и максимально ускорю при этом военные приготовления».

Удрученный дуче — удрученный тем, что в столь сложный момент предстал в довольно жалком виде, — все еще надеялся изыскать возможность нового Мюнхена.

«Я хотел бы подчеркнуть еще раз, отнюдь не из пацифистских соображений, чуждых моему характеру, но исходя из интересов наших народов и наших режимов, что полагаю: существует и возможность политического решения вопроса, которое принесет Германии удовлетворение моральное и материальное».

Как явствует из этих записей, итальянский диктатор жаждал мира, потому что не был готов к войне. Его смущала отведенная ему роль. «Предоставляю Вам догадываться, — писал он в письме за 26 августа, — о моем душевном состоянии, когда силы, над которыми я не властен, не позволяют мне проявить подлинную солидарность с Вами в момент решительных действий».

Чиано после этого напряженного дня записал в своем дневнике, что «дуче совершенно рехнулся. Его воинственный дух и чувство чести вели его к

войне. Теперь и здравый смысл заставляет его остановиться. Это очень его угнетает… Ему пришлось столкнуться с горькой правдой. А это для дуче большой удар».

После столь интенсивного обмена посланиями Гитлер окончательно убедился, что Муссолини его покинул. Поздно ночью он продиктовал еще одно послание своему партнеру по оси. Оно было отправлено по телеграфу из Берлина в 00.10 27 августа. Муссолини получил его в 9 утра.

Я получил послание, в котором изложена Ваша окончательная точка зрения. Я понимаю причины и мотивы, которые заставили Вас принять именно такое решение. При определенных обстоятельствах и его можно обратить на пользу.

Я считаю необходимым, чтобы по крайней мере до начала боевых действий мир не знал, какое решение примет Италия. Поэтому искренне прошу Вас поддержать мою борьбу психологически — средствами прессы или любыми другими. Я бы даже попросил Вас, дуче, если это возможно, предпринять хотя бы действия демонстративного характера, чтобы принудить Англию и Францию отвлекать часть своих сил или держать их в неопределенности.

Дуче, самое главное — следующее: если, как я уже говорил, дело дойдет до большой войны, восточный вопрос все равно решится прежде, чем западные державы достигнут какого-либо успеха. Тогда этой зимой, а самое позднее весной, я нападу на Запад силами, которые будут по крайней мере равны силам Англии и Франции…

Я должен просить Вас, дуче, о большом одолжении. Вы и Ваш народ очень поможете мне в этой трудной борьбе, если согласитесь присылать мне итальянских рабочих для использования их в промышленности и сельском хозяйстве… Полагаясь в этой моей просьбе на Вашу щедрость, я благодарю Вас за все усилия, которые Вы предпринимаете во имя нашего общего дела.

Адольф Гитлер

В ответе, отправленном вечером, дуче смиренно уверял, что «до начала военных действий мир не узнает о позиции Италии», — он будет свято хранить тайну. Он также свяжет как можно больше англо-французских сил на суше и на море. Он будет посылать Гитлеру итальянских рабочих, о которых тот просит. Позднее, в этот же день, Муссолини повторил послу фон Макензену — «довольно решительно», как доложил тот в Берлин, — что «еще возможно достичь всех наших целей, не прибегая к войне», и добавил, что напишет об этом Гитлеру. Однако не написал. В тот момент он казался чересчур обескураженным, чтобы упоминать об этом.

Несмотря на то, что в случае войны Франция выставила бы большую армию на западной границе Германии, несмотря на то, что в первые недели войны ее численность намного превосходила бы численность противостоящей ей немецкой армии, Гитлер в конце августа, казалось, совершенно не задумывался об этом. 26 августа премьер Даладье направил ему красноречивое письмо, в котором напоминал, что Франция будет воевать, если Польша подвергнется нападению.

«Если вы только не полагаете, что чувство чести у французского народа ниже, чем у немецкого, то можете не сомневаться, что Франция останется верна обязательствам, данным другим государствам, например Польше…»

Попросив Гитлера найти мирный способ решения конфликта с Польшей, Даладье добавлял:

«Если снова, как двадцать пять лет назад, прольется кровь Франции и Германии в войне более долгой и более убийственной, каждый из народов будет драться с верой в свою победу, но совершенно очевидно, что победят силы разрушения и варварства».

Посол Кулондр, передавая письмо премьера, обратился к Гитлеру со страстным призывом «во имя человеколюбия и сохранения чистой совести не упустить последний шанс мирного урегулирования». Но посол вынужден был «с горечью» доложить в Париж, что письмо Даладье не тронуло Гитлера, что «он твердо придерживается своего решения».

Ответ Гитлера французскому премьер-министру был составлен с расчетом на то, что французы не захотят «умирать за Данциг», — иными словами, письмо было рассчитано на сторонников политики умиротворения. Гитлер уверял, что после того, как Германия вернула Рур, у нее нет территориальных претензий к Франции. Стало быть, у Франции нет никаких оснований вступать в войну. Если Франция будет воевать, то это произойдет не по его вине и он будет «крайне опечален».

Это был последний политический контакт между Германией и Францией в оставшиеся дни мира. После 26 августа Кулондр уже не встречался с Гитлером, пока все не было кончено. Больше всего канцлера Германии теперь волновала Англия. Вечером 25 августа Гитлер говорил Герингу, что, откладывая нападение на Польшу, он хотел выяснить, «можно ли избежать вмешательства Англии».

Германия и Великобритания в последние дни мира

«Фюрер весьма удручен» — такую запись сделал 26 августа в своем дневнике генерал Гальдер после того, как новости, полученные из Рима и Лондона, заставили Гитлера вопреки его планам отложить начало войны. Но через два дня начальник генерального штаба сообщает о переменах в поведении фюрера. «Фюрер очень спокоен и собран», — записал он в дневнике в 16.15. Для этого должна быть причина, и генерал о ней сообщает: «Генерал-полковник (фон Браухич): Подготовиться к утру 7-го дня к мобилизации (1.9)». (Сообщено по телефону из имперской канцелярии.)

Итак, Гитлер будет воевать с Польшей. Это вопрос решенный. А пока необходимо сделать все возможное, чтобы в войне не участвовала Англия. В дневнике Гальдера есть записи о том, что думал Гитлер в тот решающий день 28 августа.

«По слухам, Англия, по-видимому, склонна сделать серьезные встречные шаги. Подробности будут сообщены лишь Гендерсоном. Также по слухам, Англия подчеркивает, что само собой разумеется, жизненные интересы Польши

поставлены под угрозу. Во Франции в правительстве усиливаются антивоенные настроения…

Итог: мы требуем присоединения Данцига, прохода через Польский коридор и референдума (подобного проведенному в Саарской области). Англия, возможно, примет эти условия. Польша, по-видимому, нет. Раскол!»

Последнее слово Гальдером выделено. Нет сомнений в том, что это отражает точку зрения Гитлера. Он намеренно добивается раскола между Польшей и Англией, чтобы дать тем самым Чемберлену предлог для отказа от обязательств перед Варшавой. Отдав армии приказ быть готовой напасть на Польшу 1 сентября, он хотел теперь услышать мнение Англии о его грандиозных «гарантиях», предложенных Британской империи.

Гитлер имел два контакта с английским правительством кроме германского посольства в Лондоне. Посол Дирксен находился в отпуске, но все равно он не играл никакой роли в лихорадочных дипломатических переговорах, происходивших в эти последние дни. Первый канал — официальный, через посла Гендерсона, который вылетел в Лондон на специально предоставленном ему немецком самолете утром в субботу 26 августа с предложениями Гитлера. Второй канал неофициальный, скрытый и, как оказалось, совсем непрофессиональный, через шведского друга Геринга Биргера Далеруса, который прилетел в Лондон из Берлина днем раньше с посланием шефа люфтваффе правительству Англии.

«В это время, — говорил Геринг во время допроса в Нюрнберге, — я поддерживал контакт с Галифаксом через специального курьера, который действовал независимо от дипломатических каналов[215]. Именно к министру иностранных дел Англии и летел шведский «курьер» в 18.30 25 августа. Накануне Геринг вызвал Далеруса из Стокгольма в Берлин и сообщил ему, что, несмотря на подписание германо-советского пакта, Германия стремится к взаимопониманию с Англией. Он предоставил в распоряжение шведа один из своих личных самолетов, чтобы тот мог без промедления отправиться в Лондон и довести этот знаменательный факт до лорда Галифакса.

Министр иностранных дел, который всего за час до этого подписал англо-польский договор о взаимопомощи, поблагодарил Далеруса за хлопоты и сообщил ему, что Гендерсон только что встречался с Гитлером и сейчас находится на пути в Лондон с последними предложениями фюрера и что, следовательно, установлены официальные каналы связи между Берлином и Лондоном и в шведском посреднике более нет необходимости. Но очень скоро выяснилось что такая необходимость имеется. Позднее, этим же вечером, Далерус позвонил Герингу и рассказал о встрече с Галифаксом. Фельдмаршал сообщил Далерусу, что в результате подписания англопольского пакта положение значительно ухудшилось и что, вероятно только встреча представителей Англии и Германии может спасти мир. Как признавался позднее в Нюрнберге Геринг, он, как и Муссолини, надеялся на новый Мюнхен.

Еще позднее неутомимый швед проинформировал Форин оффис о своем разговоре с Герингом, а на следующее утро был снова приглашен Галифаксом на встречу. На этот раз Далерус уговорил министра иностранных дел написать письмо Герингу, которого он охарактеризовал как немца, способного предотвратить войну. Написанное общими фразами письмо оказалось коротким

и ни к чему не обязывающим. В нем опять говорилось о желании Англии достигнуть мирного урегулирования и подчеркивалось, что для достижения такого результата «необходимо несколько дней».

Тем не менее письмо показалось тучному фельдмаршалу «необычайно важным». Далерус доставил ему это письмо вечером 26 августа, когда фельдмаршал ехал в специальном поезде в штаб люфтваффе в Ораниенбург, пригород Берлина. На ближайшей станции поезд был остановлен, и они вдвоем помчались на автомобиле в канцелярию. Прибыли туда в полночь. Канцелярия была погружена во мрак. Гитлер уже спал. Геринг настоял на том, чтобы его разбудили. До этого момента Далерус, как и многие другие, верил, что Гитлер не лишен здравого смысла и что он готов согласиться на мирное урегулирование, как уже однажды сделал это год назад в Мюнхене. Теперь шведу предстояло ознакомиться с бредовыми фантазиями диктатора и его отвратительным характером. Это было необычайное зрелище.

Гитлер даже не взглянул на письмо, которое доставил Далерус и которое показалось Герингу настолько важным, что он счел возможным поднять диктатора среди ночи. Зато он в течение двадцати минут читал шведу лекцию о начальном периоде своей борьбы, о своих достижениях и попытках добиться взаимопонимания с Англией. Когда Далерусу удалось вставить слово, он сказал, что одно время проживал в Англии в качестве рабочего, и Гитлер принялся расспрашивать его об этом странном острове и странных людях, которые его населяют и которых он тщетно пытается понять. Последовал длинный и обстоятельный доклад о мощи немецкой армии, изобилующий техническими деталями. Именно тогда, как вспоминал Далерус, он подумал, что «от его визита пользы не будет». В конце концов швед все-таки улучил момент, чтобы рассказать Гитлеру об англичанах.

«Гитлер слушал меня не перебивая… потом, придя в крайнее возбуждение, вскочил и стал ходить по комнате из угла в угол и говорить самому себе, что Германия несокрушима.

…Он неожиданно остановился посередине комнаты и уставился в одну точку. Голос его стал глух, а сам он походил на сумасшедшего. Он заговорил рублеными фразами: «Если будет война, я стану строить подводные лодки, подводные лодки, подводные лодки». Он говорил все более неразборчиво, и его уже невозможно было понять. Потом он пришел в себя, повысил голос и, как бы обращаясь к большой аудитории, прокричал: «Я буду строить самолеты, самолеты, самолеты, я уничтожу своих врагов». Он походил больше на привидение, чем на живого человека. Я с удивлением смотрел на него, потом оглянулся на Геринга, чтобы узнать его реакцию на происходящее. Геринг оставался невозмутим».

Наконец возбужденный канцлер подошел к своему гостю и сказал: «Герр Далерус, вы хорошо знаете Англию. Можете ли вы сказать, почему кончаются неудачей все мои попытки достичь взаимопонимания с ней?» Далерус признается, что «сначала заколебался», не зная, что ответить, но потом изложил свою точку зрения: причина заключается в том, что «англичане не доверяют его правительству».

«Идиоты! — воскликнул Гитлер, выбросив в сторону правую руку, а левой ударив себя в грудь: — Разве я солгал хоть раз в жизни?»

Потом, когда нацистский диктатор успокоился, обсудили его предложения, с которыми Гендерсон улетел в Лондон. Было решено, что Далерус полетит в Лондон с дальнейшими предложениями британскому правительству. Геринг протестовал против того, чтобы предложения были переданы в письменном виде, поэтому услужливому шведу пришлось их запомнить. Состояли они из шести пунктов:

1. Германия желает союза с Англией.

2. Англия поможет Германии получить Данциг, при этом Польша будет иметь в Данциге свободную гавань, чтобы сохранить балтийский порт Гдыня и коридор к нему.

3. Германия гарантирует новые границы Польши.

4. Германии должны быть возвращены ее колонии или предоставлены равноценные территории.

5. Немецкому меньшинству в Польше должны быть предоставлены гарантии.

6. Германия возьмет на себя обязательство защищать Британскую империю.

Держа в голове эти предложения, Далерус отправился в Лондон утром в воскресенье, 27 августа. Вскоре после полудня его скрытно от вездесущих репортеров привезли на встречу с Чемберленом, лордом Галифаксом, сэром Горацием Вильсоном и сэром Александром Кадоганом. Было очевидно, что на этот раз английское правительство отнеслось к шведскому курьеру вполне серьезно.

Он привез с собой составленный наскоро в самолете отчет о встрече накануне ночью с Гитлером и Герингом. В этом отчете, представленном двум ведущим членам британского кабинета, которые его тут же просмотрели, поведение Гитлера во время встречи характеризовалось как «спокойное». Хотя в архивах Форин оффис документа об этой встрече не сохранилось, по документам английского министерства иностранных дел (том 7, серия 3), которые были составлены на основе данных, представленных лордом Галифаксом и Кадоганом, удалось восстановить ее ход. Английская версия несколько отличается от той, которую Далерус привел в своей книге и в Нюрнберге, но, сопоставив различные отчеты, изложенное ниже можно считать наиболее достоверным.

Чемберлен и Галифакс сразу поняли, что у них есть два набора предложений Гитлера: один — привезенный Гендерсоном, другой — привезенный Далерусом, и что эти варианты отличаются друг от друга. Если в первом варианте предлагалось дать гарантии Британской империи после того, как Гитлер уладит разногласия с Польшей, то во втором варианте предлагались переговоры с Англией по поводу Данцига и коридора, после чего Гитлер обещал «гарантировать» новые границы Польши. Это было знакомо Чемберлену по опыту Чехословакии, и он достаточно скептически отнесся к предложениям Гитлера в том виде, в каком их изложил Далерус. Он сказал шведу, что не видит возможности добиться урегулирования на этих условиях: «поляки, возможно, и уступят Данциг, но будут скорее драться, чем уступят коридор».

Наконец, было решено, что Далерус вернется в Берлин с предварительным неофициальным ответом и сообщит в Лондон о реакции Гитлера, прежде чем будет составлен официальный ответ, который Гендерсон на следующий вечер отвезет в Берлин. Как сказал, согласно английской версии, Галифакс, «дело может несколько усложниться вследствие неофициальной секретной связи через господина Далеруса. Было бы желательно, чтобы ответ, который вечером отвезет в Берлин Далерус, считался не ответом правительства его величества, а подготовкой к официальному ответу», который привезет Гендерсон.

Безвестный шведский бизнесмен стал играть такую важную роль в переговорах между правительствами двух сильнейших в Европе государств, что в этот критический момент он просил премьер-министра и министра иностранных дел «задержать Гендерсона до понедельника (то есть до следующего дня), чтобы ответ можно было дать после того, как станет известно мнение Гитлера о позиции Англии».

Какова же была позиция Англии, которую Далерус должен был сообщить Гитлеру? Здесь есть некоторые неясности. Согласно записям Галифакса об устных инструкциях, данных им Далерусу, позиция Англии была такова:

1. Торжественные заверения в желании добиться взаимопонимания между Германией и Великобританией. Ни один член правительства не думает по-другому.

2. Великобритания должна выполнить свои обязательства перед Польшей.

3. Германо-польские разногласия должны быть решены мирным путем.

По версии Далеруса, переданный ему неофициальный ответ англичан был более полным.

Естественно, пункт 6, в котором предлагалась защита Британской империи, был отвергнут. Точно так же они не собирались вести разговоров о колониях, пока Германия находится в состоянии мобилизационной готовности. Что касается польских границ, то им хотелось, чтобы они были гарантированы пятью великими державами. В отношении коридора они полагали необходимым немедленно начать переговоры с Польшей. Что касается первого пункта (предложений Гитлера), Англия в принципе склонялась к соглашению с Германией.

Далерус вылетел обратно в Берлин в воскресенье вечером и незадолго до полуночи встретился с Герингом. Фельдмаршал не воспринял ответ англичан как «очень благоприятный». Но после встречи с Гитлером, состоявшейся в полночь, он позвонил в гостиницу Далерусу и сообщил, что канцлер «примет английскую позицию», если официальный ответ будет основан на ней.

Геринг остался доволен, Далерус — в еще большей степени. В два часа ночи он поднял с постели советника британского посольства сэра Джорджа Огильви Форбса, чтобы сообщить ему приятные новости. И не только сообщить, но и посоветовать — так возросло его влияние или, по крайней мере, так он считал — английскому правительству, что именно необходимо сказать в официальном ответе. В ответе, который Гендерсону предстояло доставить в этот же день (в понедельник 28 августа), необходимо было сказать — на

этом Далерус настаивал, — что Англия убедит Польшу немедленно вступить в прямые переговоры с Германией.

Только что звонил Далерус от Геринга, указывается в докладе Форбса от 28 августа. Продиктовал следующие предложения, которые он считает необычайно важными:

1. В английском ответе Гитлеру не должно быть никаких ссылок на план Рузвельта[216].

2. Гитлер подозревает, что поляки захотят избежать переговоров. В ответе должно содержаться четкое заверение в том, что полякам настойчиво рекомендовано немедленно установить контакт с Германией и начать переговоры[217].

В течение дня швед, обретя уверенность, засыпал советами Форбса, который аккуратно передавал их по телеграфу в Лондон. Более того, Далерус сам позвонил в английское министерство иностранных дел и передал Галифаксу дальнейшие предложения.

В этот критический момент мировой истории шведский дипломат-любитель стал основным связующим звеном между Берлином и Лондоном. 28 августа, в два часа дня, Галифакс, который знал о совете шведа не только от самого Далеруса, звонившего ему по телефону, но и от своего берлинского посольства, телеграфировал английскому послу в Варшаве сэру Говарду Кеннарду, чтобы тот тотчас же встретился с министром иностранных дел Беком и просил его уполномочить правительство Великобритании ответить Гитлеру, «что Польша готова немедленно вступить в переговоры с Германией». Министр иностранных дел торопился. Он хотел включить это обстоятельство в официальный ответ, которого ожидал Гендерсон, чтобы в тот же день доставить его в Берлин. Галифакс просил посла в Варшаве продиктовать ответ Бека по телефону. Ближе к вечеру Бек предоставил полномочия английскому правительству, что было сразу же включено в официальный ответ.

Гендерсон прибыл с этим ответом в Берлин вечером 28 августа. В канцелярии его приветствовал почетный караул СС, после чего его проводили к Гитлеру, которому в 22.30 он вручил немецкий перевод английской ноты. Канцлер сразу же его прочитал.

В послании говорилось, что британское правительство «полностью согласно» с ним, что «сначала» надо устранить разногласия между Германией и Польшей. «Однако, — говорилось далее, — все зависит от того, каковы будут методы и способы урегулирования разногласий». Об этом, как отмечалось в ноте, канцлер умалчивает. Предложения Гитлера о «гарантии» Британской империи были в мягкой форме отклонены. Британское правительство «не может, несмотря ни на какие выгоды, принять участия в урегулировании, ставящем под угрозу независимость государства, которому оно дало гарантии».

Гарантии будут выполнены, и хотя английское правительство «скрупулезно» подходит к выполнению своих обязательств перед Польшей, канцлер не должен думать, что оно не заинтересовано в справедливом решении.

«Из этого явствует, что следующим шагом станет начало германо-польских переговоров на основе… сохранения жизненных интересов Польши и урегулирование конфликта путем международных гарантий.

Они (члены правительства Англии) уже получили весьма конкретный ответ правительства Польши, что оно готово вступить в переговоры на такой основе, и правительство его величества выражает надежду, что правительство Германии согласится с этим курсом.

Справедливое урегулирование …между Германией и Польшей откроет дорогу миру во всем мире. Если достичь договоренности не удастся, то рухнут надежды на взаимопонимание между Германией и Великобританией, что может привести к конфликту между нашими двумя странами и послужить началом мировой войны. Такой исход будет катастрофой, не имеющей себе равной в истории».

После того как Гитлер кончил читать послание, Гендерсон стал развивать его на основании записей, которые, как он сказал Гитлеру, были сделаны им во время беседы с Чемберленом и Галифаксом. Это была единственная встреча с Гитлером, рассказывал он позднее, когда говорил в основном посол. Суть его дополнений состояла в том, что Англия хочет дружбы с Германией, она хочет мира, но будет драться, если Германия нападет на Польшу. Гитлер (отнюдь не безмолвствовавший) принялся разглагольствовать по поводу вины Польши и своих «великодушных» предложений по части мирного урегулирования разногласий с ней, с которыми он выступал и к которым больше не вернется. Сегодня «он удовлетворится лишь Данцигом и коридором, а также исправлением границ в Силезии, где во время послевоенного плебисцита более 90 процентов населения проголосовало в пользу Германии». Это было неправдой, как и последующее утверждение Гитлера, будто миллион немцев был выселен из коридора после 1918 года. Там проживало, согласно немецкой переписи, всего 385 тысяч немцев, но нацистский диктатор полагал, что его лжи поверят. Это была последняя встреча Гендерсона с Гитлером, во время которой посол выслушал много лжи. В своей книге «Последний доклад» он писал: «Во время этой встречи герр Гитлер был настроен дружески, казался рассудительным. Нельзя было сказать, что он остался недоволен ответом, который я ему привез».

«В конце встречи я задал ему два прямых вопроса, — телеграфировал Гендерсон в Лондон в 2.35, описывая встречу с Гитлером, — собирается ли он вести прямые переговоры с Польшей и готов ли он обсудить вопрос, связанный с перемещением населения. На второй вопрос он ответил положительно (хотя не сомневаюсь, что в то же время думал об исправлении границ)».

Что касается первого вопроса, то фюрер обещал скрупулезно изучить ответ английского правительства. В этот момент, сообщал Гендерсон, канцлер обратился к Риббентропу: «Мы должны вызвать Геринга и обсудить этот вопрос с ним». Он обещал дать письменный ответ на послание британского правительства на следующий день, во вторник 29 августа.

«Беседа протекала, — сообщал Гендерсон, — в спокойной, дружественной обстановке, хотя обе стороны оставались тверды». Вероятно, Гендерсон, несмотря на богатый личный опыт общения с Гитлером, не понял, почему хозяин придал встрече дружеский характер. Фюрер все еще был полон

решимости начать в конце недели войну против Польши и все еще питал надежду, что Англия не примет участия в войне, несмотря на заявления английского правительства и Гендерсона.

Очевидно, Гитлер, поддерживаемый недалеким Риббентропом, просто не мог поверить, что англичане поступят так, как говорят, хотя и утверждал, что верил.

На следующий день Гендерсон прибавил к своему длинному отчету постскриптум:

«Гитлер подчеркивает, что он не блефует и что те, кто этого не донимают, совершают большую ошибку. Я ответил, что ничуть в этом не сомневаюсь, и сказал, что мы тоже не блефуем. Герр Гитлер заявил, что он прекрасно это понимает».

Так он сказал, но понимал ли? В своем ответе от 29 августа он намеренно пытался ввести в заблуждение британское правительство, полагая, будто ему удастся устроить так, что и волки будут сыты и овцы целы.

Ответ английского правительства и первая реакция на него фюрера вызвали в Берлине взрыв оптимизма, особенно в окружении Геринга, где Далерус проводил теперь большую часть времени. В половине второго 29 августа швед был разбужен телефонным звонком. Звонил один из адъютантов Геринга. Звонил из канцелярии, где Гитлер, Риббентроп и Геринг изучали после отъезда Гендерсона послание английского правительства. Далерусу его немецкий друг сказал, что ответом англичан «в высшей степени удовлетворен и есть надежда, что угроза войны миновала».

Далерус сообщил это приятное известие по телефону в Форин оффис, известив Галифакса: «Гитлер и Геринг полагают, что теперь существует реальная возможность мирного урегулирования». В 10.50 Далерус встретился с Герингом, который тепло его приветствовал, долго жал руку, восклицая: «Будет мир! Мы сохранили мир!» Воодушевленный такими заверениями, шведский «курьер» немедленно отправился в британское посольство, чтобы сообщить эту приятную новость Гендерсону, с которым раньше не встречался. Согласно отчету посла об этой встрече, Далерус заявил, что немцы настроены в высшей степени оптимистично. Они «одобряют» основной пункт британского послания. Далерус сообщил, что Гитлер просит только Данциг и коридор — не весь коридор, а только небольшое пространство вдоль железной дороги, ведущей в Данциг. В общем, заявил Далерус, Гитлер готов проявить максимум благоразумия. Он готов встретиться с поляками.

Сэр Невилл Гендерсон, который начал наконец понимать, что происходит, не был в этом уверен. Он сказал посетителю, как вспоминал впоследствии сам Далерус, что нельзя верить слову Гитлера. Это же относится и к другу Далеруса Герману Герингу, который обманывал посла «несчетное число раз». Гитлер, по мнению Гендерсона, вел нечестную, грязную игру.

Но шведа, который оказался в самом центре событий, трудно было переубедить. Прозрение пришло к нему даже позднее, чем к Гендерсону. Для того чтобы убедиться в том, что необъяснимый пессимизм посла не повредит его собственным усилиям, в 19.10 Далерус снова позвонил в Форин оффис и оставил послание Галифаксу, в котором сообщал, что министерство

иностранных дел «не столкнется с трудностями в ответе немцев». Однако при этом, советовал швед, британское правительство должно сказать полякам, чтобы они «вели себя соответствующим образом».

Через пять минут после этого, в 19.15, Гендерсон прибыл в канцелярию за ответом фюрера. Вскоре выяснилось, насколько беспочвенным был оптимизм Геринга и его шведского друга. Сразу по завершении встречи Галифакс докладывал в Лондон, что она «носила бурный характер, Гитлер был далеко не столь благоразумен, как накануне».

Официальный письменный ответ немцев повторял разглагольствования о желании дружбы с Великобританией, однако в нем подчеркивалось, что «эту дружбу нельзя купить ценой отказа Германии от своих жизненных интересов». После длинного и знакомого уже перечня злодеяний Польши, провокаций, «варварских актов, взывающих к отмщению», следовали требования Гитлера, впервые изложенные на бумаге: возврат Данцига и коридора, обеспечение безопасности немцев, проживающих в Польше. До того момента, когда будет уничтожено существующее положение вещей, говорилось в ноте, «остались не недели и даже не дни, а, быть может, считанные часы».

Германия, говорилось дальше, не может более разделять точку зрения Англии о достижении решения путем прямых переговоров с Польшей. Тем не менее «исключительно» для того, чтобы не портить отношения с английским правительством, и в интересах англогерманской дружбы Германия готова «принять предложение Англии и вступить в прямые переговоры» с Польшей. «В случае территориальных перемен в Польше» правительство Германии не может дать гарантий без согласия Советского Союза. (Английское правительство, конечно, не знало о секретном протоколе к советско-нацистскому пакту, предусматривающем раздел Польши.) Во всем остальном, говорилось далее в ноте, «выступая с такими предложениями, правительство Германии никогда не имело намерения затрагивать жизненные интересы Польши или ставить под вопрос ее существование как независимого государства».

А в самом конце таилась ловушка:

«Правительство Германии охотно принимает предложение британского правительства о посредничестве в организации приезда в Берлин польского представителя, наделенного полномочиями. Оно рассчитывает, что это лицо прибудет в среду, 30 августа 1939 года.

Правительство Германии немедленно представит все предложения по урегулированию разногласий, которые оно считает приемлемыми и, если возможно, передаст их в распоряжение британского правительства до приезда польского представителям.

Гендерсон читал ноту, Гитлер и Риббентроп, стоя рядом, смотрели на него. Посол читал молча, пока не дошел до параграфа, в котором говорилось, что немцы ждут представителя Польши на следующий день.

«Это похоже на ультиматум», — сказал он, но Гитлер с Риббентропом это яростно отрицали. Просто они сочли нужным подчеркнуть, сказали они, «важность момента, когда две готовые к бою армии стоят друг против друга».

Посол, который, несомненно, помнил, какой прием был оказан Шушнигу и Гахе, спросил, будет ли польский представитель, если он приедет, «хорошо принят» и будут ли обсуждения вестись «на основе полного равенства».

«Конечно!» — ответил Гитлер.

Затем последовала язвительная дискуссия, вызванная замечанием Гитлера о том, что посол напрочь забывает об огромном числе немцев, подвергающихся издевательствам в Польше. Гендерсон, как сообщил он в Лондон, «бурно возражал»[218].

«В тот вечер я покинул рейхсканцелярию переполненный дурными предчувствиями», — писал он позднее в своих мемуарах, хотя в докладе в Лондон об этом не сообщил. «Мои солдаты, — сказал ему Гитлер, — спрашивают меня: «Да или нет?» Они уже потеряли одну неделю и не могут себе позволить потерять еще одну, «иначе к их врагам в Польше прибавятся еще и осенние дожди».

Из официального доклада посла и из его книги очевидно, что он не разглядел ловушки, расставленной Гитлером, до следующего дня, когда была подстроена еще одна ловушка и обман Гитлера выявился. Игра диктатора становится ясна из текста официального ответа. Вечером 29 августа он потребовал, чтобы полномочный представитель Польши прибыл в Берлин на следующий день. Можно не сомневаться, что он собирался оказать ему такой же прием, как австрийскому канцлеру и президенту Чехословакии при аналогичных, как ему казалось, условиях. Если поляки срочно не пришлют своего представителя в Берлин — а в том, что они его не пришлют, он был уверен или если даже пришлют, но он не примет требований Гитлера, тогда Польшу можно будет обвинить в отказе от «мирного урегулирования», а Англию и Францию убедить не оказывать ей помощь. Примитивно, но коротко и ясно[219].

Однако Гендерсону вечером 29 августа это еще не было ясно. Когда он составлял для Лондона отчет о встрече с Гитлером, он пригласил в посольство польского посла. Рассказав ему о содержании немецкой ноты, он уже от себя добавил: «…Необходимо действовать быстро. Я убеждал его, что в интересах Польши следует немедленно просить правительство тотчас же назначить кого-либо, чтобы он представлял интересы Польши на предложенных переговорах».

В лондонском Форин оффис на этот вопрос смотрели по-другому. В два часа утра 29 августа Галифакс, изучив ответ правительства Германии и отчет Гендерсона о встрече с Гитлером, отправил послу телеграмму, в которой сообщал, что ответ немцев будет тщательно изучен правительством, но, «конечно, неразумно ожидать, что мы сможем сделать так, чтобы представитель Польши прибыл в Берлин сегодня, на это правительство Германии может не рассчитывать». Дипломаты и сотрудники министерства иностранных дел лихорадочно работали круглые сутки, так что Гендерсон уже в 4.30 утра доставил это послание на Вильгельмштрассе.

В течение 30 августа он передал еще четыре послания из Лондона. Одно поступило от Чемберлена лично Гитлеру. Премьер сообщал, что ответ Германии рассматривается «со всей срочностью» и что ответ на него последует в течение дня. А пока премьер-министр просил немецкое

правительство — с аналогичной просьбой он обратился и к правительству Польши — принять меры во избежание пограничных инцидентов. Во всем остальном он приветствовал «стремление к англо-германскому взаимопониманию, которое имело место при состоявшемся обмене мнениями». Второе послание — аналогичное первому — поступило от Галифакса, третье — тоже от министра иностранных дел. В нем говорилось о фактах саботажа со стороны немцев в Польше и содержалась просьба воздержаться от подобных действий. Четвертое послание Галифаксом было отправлено в 18.50. В нем отражалось ужесточение позиции по отношению к Германии как министерства иностранных дел, так и посла В Берлине.

Поразмыслив, Гендерсон в тот же день дал в Лондон телеграмму:

«Хотя я все еще рекомендую правительству Польши использовать эту последнюю возможность и установить прямой контакт с Гитлером, чтобы убедить мировую общественность, что Польша готова принести жертву ради сохранения мира, из ответа немцев можно заключить, что Гитлер твердо намерен достичь своей цели так называемым мирным и справедливым путем, если это ему удастся, а если не удастся — то при помощи силы».

К этому времени даже Гендерсон не думал о втором Мюнхене. Поляки о такой возможности для себя вообще никогда не помышляли. 30 августа, в 10 часов утра, английский посол в Варшаве прислал Галифаксу телеграмму, в которой сообщал, чю «невозможно будет убедить правительство Польши немедленно послать в Берлин Бека или другого представителя для обсуждения путей урегулирования конфликта на предложенной Гитлером основе. Они скорее будут драться и погибнут, чем согласятся на такое унижение, особенно после опыта Чехословакии, Литвы и Австрии». Он предлагал провести переговоры в нейтральной стране, если это будут переговоры «равных».

Ужесточение позиции Галифакса было подкреплено сообщениями его послов в Берлине и Варшаве. В телеграмме Гендерсону он указывал, что британское правительство не может «советовать» правительству Польши принять требование Гитлера и прислать полномочного эмиссара в Берлин. Министр иностранных дел считал это «совершенно необоснованным».

«Не могли бы вы предложить германскому правительству, — продолжал Галифакс, — прибегнуть к обычной в таких случаях процедуре: когда будут готовы их предложения, пригласить посла Польши, вручить ему предложения для передачи в Варшаву и попросить их высказать свои предложения по ведению переговоров».

В полночь 31 августа Гендерсон доставил Риббентропу обещанный ответ английского правительства. Единственным свидетелем этой встречи был д-р Шмидт, впоследствии вспоминавший о ней как о самой бурной за все двадцать три года его работы в качестве переводчика.

«Должен вам сказать, — телеграфировал посол Галифаксу сразу после встречи, — что Риббентроп во время этой неприятной встречи подражал Гитлеру в самых худших его проявлениях». Спустя три недели в своем

«Последнем докладе» посол вспоминал, что министр иностранных дел Германии вел себя «откровенно враждебно», причем чувство это перерастало в ненависть каждый раз, когда я переходил к следующему пункту. Он все время поднимался со стула и спрашивал, есть ли у меня еще что-нибудь, а я каждый раз отвечал, что есть». Шмидт вспоминал, что Гендерсон тоже встал. Несколько мгновений, вспоминал единственный свидетель, два этих человека смотрели друг на друга с такой ненавистью, что ему показалось, будто вот-вот начнется драка.

Но для истории важна не фарсовая сторона встречи между министром иностранных дел Германии и послом его величества в Берлине, проходившей в ночь на 31 августа, а событие, которое произошло во время этой бурной встречи и которое выявило последнее мошенничество Гитлера и открыло наконец сэру Невиллу Гендерсону, хотя и слишком поздно, глаза на третий рейх.

Риббентроп едва взглянул на ответ английского правительства, а пояснений Гендерсона и вовсе почти не слушал[220]. Когда Гендерсон спросил о предложениях Германии, которые Гитлер обещал представить английскому правительству в своем последнем послании, Риббентроп презрительно ответил, что уже поздно об этом говорить, так как польский эмиссар до полуночи не прибыл. Тем не менее предложения были подготовлены и Риббентроп стал их зачитывать.

Читал он по-немецки, очень быстро, невнятно произнося слова. «Тон его был раздраженным», — докладывал Гендерсон.

«Из шестнадцати пунктов я уловил содержание только шести, но совершенно невозможно гарантировать точность восприятия без тщательного изучения самого текста. Когда он закончил чтение, я попросил разрешения взглянуть на текст. Риббентроп категорически отказал, презрительным жестом швырнул текст на стол и сказал, что теперь предложения устарели, так как польский эмиссар не прибыл до полуночи»[221].

Может, они и устарели, поскольку немцы предпочли считать именно так. Важно другое — немецкие предложения не были рассчитаны на то, чтобы их воспринимали всерьез. Это был чистый обман. Он нужен был для того, чтобы убедить немецкий народ, а если удастся, то и общественное мнение, что Гитлер в самую последнюю минуту пытался добиться разумного урегулирования разногласий с Польшей. Фюрер фактически это признал. Д-р Шмидт слышал, как позднее он говорил: «Мне нужно было алиби, особенно в глазах немецкого народа, чтобы показать, что я сделал все ради сохранения мира. Этим объясняются мои великодушные предложения относительно урегулирования вопросов о Данциге и коридоре»[222].

В сравнении с требованиями последних дней эти требования действительно можно назвать на удивление великодушными. Гитлер требовал возвращения Германии Данцига и плебисцита на территории коридора, и то только через двенадцать месяцев после того, как улягутся страсти. Польше остается порт Гдыня. Какой бы из сторон ни достался коридор, она предоставляет другой стороне возможность иметь в коридоре шоссе и железную дорогу с правами экстерриториальности. Это означало пересмотр «предложения» Гитлера, выдвинутого весной прошлого года. Предполагалось перемещение населения, предоставление прав гражданам каждой страны, живущим в другой стране.

Напрашивается вывод, что если бы эти предложения выдвигались серьезно, то они несомненно составили бы по крайней мере основу для переговоров между Германией и Польшей, помогли бы избежать еще одной войны в течение жизни одного поколения. Немцы услышали эти предложения по радио в 21.00 31 августа, через восемь с половиной часов после того, как Гитлер отдал наконец приказ о нападении на Польшу. Насколько я могу судить, они сыграли свою роль в обмане немцев. Они ввели в заблуждение и автора этих строк, который слушал предложения по радио и на которого они произвели сильное впечатление, о чем он упомянул в радиопередаче на Америку в тот последний мирный вечер.

Гендерсон вернулся в посольство его величества в ночь на 31 августа убежденный, как он вспоминал позднее, что «последняя надежда сохранить мир испарилась». Но он не бездействовал. В два часа он поднял с постели польского посла и попросил его срочно приехать в посольство, где дал ему «объективный и достаточно сдержанный отчет» о своем разговоре с Риббентропом. Он сказал, что основные немецкие требования — передача Германии Данцига и плебисцит в коридоре и что эти требования не кажутся ему неправомерными. Он предложил Липскому рекомендовать своему правительству немедленно выступить с предложением об организации встречи между Рыдз-Смиглы и Герингом. «Я счел своим долгом добавить, — пишет Гендерсон, — что не могу поручиться за успешный исход переговоров, если их будет вести герр фон Риббентроп»[223].

Неутомимый Далерус тоже не бездействовал. В десять вечера 29 августа Геринг пригласил его к себе домой и рассказал о «неблагоприятном течении» только что закончившейся встречи Гитлера и Риббентропа с Гендерсоном. Тучный фельдмаршал пребывал в истерическом состоянии и обрушил на своего шведского друга проклятия по поводу поляков и англичан. Потом, успокоившись, он заверил гостя, что фюрер в настоящий момент готовит «великодушные» предложения Польше, по которым к Германии отойдет Дан-циг, а будущее коридора определится путем плебисцита «под международным контролем». Далерус осторожно поинтересовался, на каких территориях будет проводиться плебисцит. Тогда Геринг вырвал страницу из старого атласа и цветными карандашами обвел на ней «немецкую» и «польскую» зоны, включив в первую не только довоенную Прусскую Польшу, но и индустриальный город Лодзь, который от границы 1914 года находился в шестидесяти милях к востоку. Швед не мог не заметить, «с какой быстротой и безрассудством» решаются в третьем рейхе серьезные проблемы. Тем не менее он согласился исполнить просьбу Геринга и немедля вылететь в Лондон, чтобы убедить английское правительство в том, что Гитлер все еще стремится к миру, и намекнуть, что в настоящее время он разрабатывает самые великодушные предложения в отношении Польши.

Далерус, который, похоже, не знал, что такое усталость в четыре часа утра 30 августа вылетел в Лондон. По дороге с аэродрома он несколько раз пересаживался из одного автомобиля в другой, чтобы сбить со следа журналистов, которые вряд ли догадывались о его существовании. В десять утра он уже был на Даунинг-стрит, где его немедленно приняли Чемберлен, Галифакс, Вильсон и Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел.

Теперь три английских устроителя Мюнхена (Кадоган всегда был невосприимчив к нацистским чарам) уже не могли поддаться с прежней легкостью на уловки Гитлера и Геринга. Не очень впечатляли их и усилия Далеруса. Исполненному благими пожеланиями шведу показалось, что они «в высшей степени не доверяют» двум нацистским лидерам и «склонны думать, что теперь ничто уже не остановит Гитлера от нападения на Польшу». Более того, как ясно дали понять шведскому посреднику, английское правительство не попалось на уловку Гитлера, который требовал приезда в Берлин представителя Варшавы.

Далерус, как и Гендерсон в Берлине, целых двадцать четыре часа не прекращал усилий. Он позвонил в Берлин Герингу и предложил, чтобы представители Польши и Германии встретились «за пределами Германии», на что получил ответ, который вкратце можно сформулировать так: «Гитлер в Берлине, и встреча должна проходить там».

Таким образом, поездка шведского посредника ни к чему не привела. К полуночи он вернулся в Берлин, где ему еще раз представился случай оказаться полезным. В половине первого ночи он прибыл к Герингу, фельдмаршал опять был настроен благодушно. Фюрер, сказал он, только что через Риббентропа вручил Гендерсону «демократичное, справедливое и вполне реалистичное» предложение относительно Польши. Далерус, расстроенный результатами встречи на Даунинг-стрит, позвонил в британское посольство Форбсу, чтобы удостовериться в этом. Он узнал, что Риббентроп «зачитывал» пункты предложений так быстро и невнятно, что Гендерсон практически ничего не смог понять, а сам текст документа не попал ему в руки. Далерус пишет, что сказал Герингу: нельзя вести себя подобным образом с послом «такой империи, как Великобритания». Он предложил фельдмаршалу, у которого имелся экземпляр предложений Гитлера, позвонить в британское посольство и продиктовать пункты по телефону. После недолгих колебаний Геринг согласился[224].

Таким образом, с подачи безвестного шведского бизнесмена и не без помощи шефа люфтваффе, в обход Гитлера и Риббентропа, англичане ознакомились с «предложениями» Гитлера Польше. В этот момент фельдмаршал, о котором нельзя сказать, что он был неопытен в вопросах внешней политики, быстрее Гитлера и его министра иностранных дел понял, что, раскрыв англичанам тайну, можно добиться некоторых преимуществ.

Чтобы окончательно убедиться в том, что Гендерсон понял все правильно, на следующий день, 31 августа, Геринг в десять утра послал Далеруса в британское посольство с отпечатанным текстом всех шестнадцати пунктов. Гендерсон не оставлял попыток убедить польского посла установить «желаемый контакт» с немцами. В восемь утра он еще раз говорил с Липским — на этот раз по телефону — и предупредил его, что, если Польша не предпримет никаких действий до полудня, начнется война[225] Вскоре после того, как Далерус прибыл в британское посольство с текстом предложений, Гендерсон отправил его вместе с Форбсом в посольство Польши. Липский, ранее никогда не слышавший о Далерусе, был несколько смущен, встретив шведа, — к этому времени польский посол, как и все дипломаты в Берлине, находился в невероятном напряжении и чувствовал себя смертельно усталым. Он не скрыл раздражения, когда Далерус стал настаивать, чтобы польский посол немедленно поехал к Герингу и принял предложения фюрера. Отослав шведа в соседнюю комнату, чтобы последний продиктовал там секретарю текст

предложений, Липский высказал свое раздражение Форбсу, упрекнув его в том, что в такой момент и по такому важному делу он привел «незнакомца». Вероятно, польский посол испытывал давление со стороны Гендерсона, влиявшего на него и его правительство и призывавшего немедленно начать переговоры с немцами на основе предложений, которые только что были переданы ему неофициальным путем и о которых британский посол накануне сказал, что в целом они не кажутся ему неправомерными.[226] Липский не знал, что на Даунинг-стрит мнения Гендерсона не разделяли. Но он знал другое — он не намерен принимать советов неизвестного шведа, несмотря на то что его прислал британский посол, и идти к Герингу, чтобы принять предложения Гитлера. Этого он не сделает, даже если бы имелись на то полномочия, которых у него не было.[227]

Последний день мира

Уговорив, как им казалось, правительства Германии и Польши согласиться на прямые переговоры, английское и французское правительства, отчасти настроенные в отношении Гитлера скептически, сосредоточили свои усилия на том, чтобы эти переговоры состоялись. Англия в этом деле играла ведущую роль, Франция дипломатически поддерживала ее в Берлине и особенно в Варшаве. Хотя англичане и не дали полякам прямого совета принять ультиматум Гитлера и прислать 30 августа своего представителя в Берлин, считая, как телеграфировал Галифакс Гендерсону, что это требование «неразумно», они тем не менее уговорили полковника Бека заявить, что он готов «незамедлительно» начать переговоры с Берлином. Об этом сообщалось в депеше, которую 30 августа Галифакс направил своему послу в Варшаве. Кеннард должен был информировать Бека о содержании британской ноты, которую Гендерсон передал Риббентропу, и заверить польского министра, что Англия выполнит обещание, данное Польше, но при этом подчеркнуть важность немедленного контакта с Берлином.

«Мы считаем необычайно важным, — телеграфировал Гендерсон, — учитывая внутреннюю ситуацию в Германии и мнение мировой общественности, тот факт, что до тех пор, пока Германия открыто заявляет о своей готовности вести переговоры, нельзя давать ей возможность возложить вину за конфликт на Польшу».

Кеннард встретился с Беком в полночь. Министр иностранных дел обещал проконсультироваться со своим правительством и представить «продуманный ответ» к полудню 31 августа. Доклад Кеннарда об этой встрече был получен Форин оффис в восемь утра, но Галифакса он полностью не удовлетворил. В полдень — это был последний день августа — он направил Кеннарду телеграмму, в которой просил его проконсультироваться со своим французским коллегой в Варшаве (с Леоном Ноэлем, послом Франции) и предложить польскому правительству сообщить правительству Германии (желательно напрямую, а если это невозможно, то через посредство англичан), что ему известно содержание ответа Англии немцам и что оно подтверждает свое согласие на ведение прямых переговоров. Далее в телеграмме указывалось: «Французское правительство опасается, что правительство Германии может использовать молчание польского правительства в своих интересах».

Лорда Галифакса все еще беспокоила позиция польских союзников. Менее чем через два часа после отправки предыдущей телеграммы — в 13.45 — он снова телеграфировал Кеннарду:

«Прошу вас немедленно снестись с правительством Польши и предложить ему, учитывая, что оно согласилось с принципом прямых переговоров, тотчас проинструктировать польского посла в Берлине о необходимости сообщить правительству Германии, что, если оно имеет какие-либо предложения, он готов передать их своему правительству, чтобы оно могло рассмотреть и внести предложение по скорейшему открытию переговоров».

Однако незадолго до того, как эта телеграмма была отправлена, Бек в ответ на демарш, предпринятый в полночь, письменно информировал британского посла, что правительство Польши «подтверждает свою готовность принять участие в прямом обмене мнениями с правительством Германии». Он сообщил также (устно), что дал Липскому указание искать встречи с Риббентропом и передать последнему, что «Польша приняла британское предложение». Когда Кеннард спросил Бека, что станет делать Липский, если Риббентроп вручит ему предложения Германии, министр иностранных дел ответил, что польский посол в Берлине не уполномочен принять их, «так как опыт прошлого показывает, что они могут оказаться ультимативными». Важно возобновить контакт, считал Бек, а позднее будет установлено, кто, с кем и на какой основе начнет переговоры. В свете «опыта прошлого», о котором говорил некогда пронацистски настроенный министр иностранных дел, такая позиция была не лишена смысла. Как телеграфировал в Лондон Кеннард, Бек заявил, что «если он будет приглашен в Берлин, то конечно не поедет, потому что не желает пережить то, что пережил президент Гаха».

В действительности Бек отправил Липскому не совсем такую инструкцию. Липскому было приказано сказать немцам, что в Польше предложения Англии встретили «благоприятное отношение», вместо того, чтобы сказать, что правительство Польши эти предложения «приняло». Ему также надлежало сообщить, что официальный ответ польского правительства будет дан в течение нескольких часов.

Инструкция Бека Липскому содержала и другие пункты, и немцы, расшифровавшие код поляков, об этом узнали.

По ряду причин, которые вскоре станут ясны, немцы не спешили принять польского посла в Берлине. Было уже слишком поздно. В час дня, через несколько минут после получения по телеграфу инструкций из Варшавы, Липский попросил встречи с Риббентропом, чтобы вручить ему послание своего правительства. Последовало напряженное ожидание в течение двух часов, после чего раздался телефонный звонок. Звонил Вайцзекер. От имени министра иностранных дел он спрашивал, прибудет ли Липский как полномочный представитель или в другом качестве.

«Я ответил, — сообщал Липский в докладе, — что прошу о встрече как посол, чтобы передать послание своего правительства».

Опять последовало долгое ожидание. В пять вечера Риббентропу позвонил Аттолико и сообщил, что дуче просил фюрера принять Липского, чтобы «установить хотя бы минимальный контакт, который позволит избежать

окончательного разрыва». Министр иностранных дел Германии обещал передать фюреру пожелание дуче.

В последний день августа это была не первая попытка итальянского посла уведомить Вильгельмштрассе о своем желании сохранить мир. Еще в девять утра Аттолико звонил в Рим и сообщал, что ситуация «отчаянная» и что «если ничего нового не произойдет, то через несколько часов начнется война». В Риме Муссолини и Чиано пытались найти выход. В результате сначала Чиано позвонил Галифаксу и сказал, что Муссолини не вмешается, если не будет уверен, что сможет обеспечить Гитлеру «лакомый кусок — Данциг». Английский министр иностранных дел не попался на эту приманку. Он ответил Чиано, что вначале надо установить прямой контакт между немцами и поляками через Липского.

В 11.30 Аттолико встретился с Вайцзекером в министерстве иностранных дел и сообщил ему, что Муссолини вошел в контакт с Лондоном и предложил считать возврат Данцига первым шагом в урегулировании польско-германского конфликта. Он добавил также, что дуче необходимо некоторое время, чтобы довести до конца свой план сохранения мира, и поинтересовался, не сможет ли правительство Германии до тех пор принять Липского.

Риббентроп принял Липского в 18.15, то есть более чем через пять часов после того, как Липский просил о встрече. Продолжалась встреча недолго. Посол, несмотря на крайнюю усталость и нервное перенапряжение, держался с достоинством. Он зачитал министру иностранных дел текст послания:

«Прошлой ночью правительство Великобритании сообщило правительству Польши, что имело с правительством Германии обмен мнениями относительно возможности ведения прямых переговоров между польским и немецким правительством.

Правительство Польши намерено положительно отнестись к предложению Великобритании и направит официальный ответ по этому поводу в течение нескольких часов».

«Я добавил, — сообщал позже Липский, — что старался передать это послание начиная с часа дня». Когда Риббентроп уточнил, прибыл ли он в качестве полномочного представителя для ведения переговоров, посол ответил, что пока имеет лишь поручение передать министру иностранных дел послание своего правительства, что он и выполняет. Риббентроп сказал, будто надеялся, что Липский прибыл в качестве «делегата, имеющего полномочия». После того как посол еще раз заверил, что не наделен такими полномочиями, Риббентроп отпустил его, пообещав сообщить обо всем фюреру.

«Вернувшись в посольство, — рассказывал позднее Липский, — я обнаружил, что не могу связаться с Варшавой, так как немцы отключили мой телефон».

Вопросы Вайцзекера и Риббентропа относительно статуса посла носили чисто формальный характер — для протокола. С полудня, с того времени, когда Липский получил телеграмму из Варшавы, немцы уже знали, что он не будет выступать, как они того требовали, полномочным представителем. Телеграмма была немедленно ими расшифрована. Копию телеграммы отправили Герингу, который показал ее Далерусу. Фельдмаршал немедленно направил шведа с текстом телеграммы к Гендерсону, чтобы, как он позднее объяснял в

Нюрнберге, английское правительство «как можно скорее поняло, насколько непримиримую позицию занимали поляки». Геринг зачитал суду секретную инструкцию, направленную Липскому, в которой ему предписывалось "«при любых обстоятельствах» воздерживаться от официальных переговоров и настаивать на том, что он «не наделен подобными полномочиями» и что ему поручено лишь передать послание своего правительства. В Нюрнберге Геринг приводил немало подобных доводов, тщетно пытаясь убедить суд, что Польша «саботировала» предложения Гитлера спасти мир в последний момент. Геринг утверждал, что сам он войны не хотел и делал все, чтобы ее избежать. Такая правдивость немногим отличалась от правдивости Риббентропа. Примером тому может служить его утверждение, что только после встречи с Липским на Вильгельм-штрассе в 18.15 31 августа Гитлер принял решение «на следующий день начать вторжение».

В действительности все обстояло совершенно не так. Все попытки измотанных до предела дипломатов и тех, кто направлял их деятельность, сохранить мир в последний момент, 31 августа 1939 года свелись к сотрясанию воздуха, а со стороны немцев являлись к тому же сплошным обманом.

Дело в том, что в половине первого дня 31 августа, еще до того, как лорд Галифакс настаивал, чтобы поляки стали более сговорчивыми, до того, как Липский позвонил Риббентропу, до того, как немцы публично объявили о своих «великодушных» предложениях Польше, до того, как пытался вмешаться Муссолини, Адольф Гитлер принял окончательное решение и издал приказ, который вверг планету в самую кровопролитную в ее истории войну.

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Берлин, 31 августа 1939 года

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Директива №1 на ведение войны

1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирным путем положение на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой.

2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану «Вайс», учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершенного стратегического сосредоточения развертывания сухопутных войск.

Распределение задач и оперативная цель остаются без изменений.

Дата наступления: 1 сентября 1939 года.

Начало наступления: 04.45.

Это же время распространяется на операции против Гдыни и в Данцигской бухте и на захват моста у Диршау.

3. На Западе ответственность за открытие боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ следует вначале ликвидировать чисто местным порядком.

Строго соблюдать нейтралитет, гарантированный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии.

Германская сухопутная граница на западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится ко всем военно-морским операциям, а также к другим действиям на море, которые могут расцениваться как военные операции[228].

…4. Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задача действующих на западе войск будет состоять в том, чтобы, максимально экономя силы, создать предпосылки для победоносного завершения операции против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо нанести по возможности больший урон вооруженным силам противника и его военно-экономическому потенциалу. Приказ о начале наступления будет отдан мною.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае вступления западных держав на территорию Бельгии и Голландии…

Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским…

Военно-воздушные силы имеют своей задачей в первую очередь воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных войск и жизненного пространства Германии.

В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские коммуникации Англии, для нанесения ударов по военно-промышленным объектам и уничтожения транспортов с войсками, отправляемых во Францию.

Необходимо использовать благоприятные возможности для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских военно-морских сил, в особенности по линейным кораблям и авианосцам. Приказ о бомбардировке Лондона будет отдан мною.

Налеты на английскую метрополию должны быть подготовлены с таким расчетом, чтобы по возможности избежать незначительных успехов вследствие нанесения удара ограниченными силами.

Адольф Гитлер

Итак, 31 августа, вскоре после полудня, Гитлер отдал письменный приказ о нападении на Польшу на рассвете следующего дня. Из его первой директивы видно, что он не был уверен, как поведут себя Англия и Франция. Он не хотел нападать на них первым. Если они начнут военные действия, то он будет готов им противостоять. Вероятно, писал Гальдер в своем дневнике 28 августа, англичане, учитывая их обязательства перед Польшей, будут «вести мнимую войну». Если так случится, фюрер «не обидится».

Скорее всего, нацистский диктатор принял роковое решение даже раньше, чем в первой половине дня 31 августа. В 18.40 предыдущего дня Гальдер записал в дневнике сообщение подполковника Курта Зиверта, адъютанта генерала Браухича: «Подготовку осуществить таким образом, чтобы можно было начать наступление 1.9 в 4.30. В случае если переговоры в Лондоне вызовут необходимость отсрочки, начало наступления будет перенесено на 2.9. Тогда нам будет сообщено об этом завтра до 15.00… Фюрер: (Приказ о наступлении) либо 1.9, либо 2.9. После 2.9 уже ничего не будет». Из-за осенних дождей наступление надо было начинать немедленно или совсем его отменить.

Рано утром 31 августа, когда Гитлер все еще заявлял, что он ожидал польского представителя, германская армия уже получила приказ. В 6.30 утра Гальдер записал: «Хаузер сообщает, что из имперской канцелярии отдан приказ выступать 1.9… В 11.30:

Штюльпнагель доложил по вопросу урегулирования срока начала наступления — 4.45. Избежать выступления западных держав, по-видимому, нельзя. Тем не менее фюрер принял решение начать наступление». Через час была издана официальная Директива э 1.

Я помню, какой напряженной была атмосфера в Берлине в тот день. Казалось, все пребывали в каком-то трансе. В 7.25 утра Вайцзекер позвонил Ульриху фон Хасселю, одному из заговорщиков, и попросил приехать к нему немедленно. Статс-секретарь видел последнюю надежду в том, чтобы Гендерсон убедил Липского и его правительство немедленно прислать полномочного представителя или по крайней мере объявить о таком намерении. По мнению статс-секретаря, Хассель в этой связи мог бы навестить своего друга Гендер-сона, а заодно и Геринга. И Хассель постарался. Он дважды встретился с Гендерсоном и один раз с Герингом. Казалось, ветеран дипломатической службы и антинацист не понимает, что развитие событий зашло так далеко, что его жалкие усилия ничего не дадут. Не понял он и степени растерянности Вайцзекера, как и других «хороших» немцев, которые, конечно, хотели мира на немецких условиях, хотя 31 августа всем было ясно, что война неизбежна, если Гитлер или поляки не уступят, а об этом не шло и речи. И все же, как явствует из дневниковой записи, сделанной в этот день Хасселем, он полагал, что поляки уступят и пойдут по тому же гибельному пути, что Австрия и Чехословакия.

Когда Гендерсон пытался указать Хасселю на то, что основной трудностью в этом деле являются методы немцев, которые «хотят командовать поляками, как маленькими глупыми мальчиками», Хассель отвечал, что «упорное молчание поляков тоже вызывает возражения». Он говорил, что все зависит от Липского, «который должен не задавать вопросы, а заявить о готовности вести переговоры». Даже Хассель считал, что поляки, над которыми нависла угроза вторжения отмобилизованной армии, не должны задавать вопросов. Суммировав свою «окончательную точку зрения» по поводу начала войны, бывший посол не только обвинил в этом Гитлера и Риббентропа, которые «сознательно шли на развязывание войны с западными державами», но и возложил большую долю ответственности на поляков, а вместе с ними на французов и англичан. «В свою очередь поляки, — писал он, — с их польским чванством, славянской праздностью, уверенностью в помощи со стороны Англии и Франции упустили последний шанс избежать войны». Может возникнуть вопрос: какой шанс они упустили, кроме как подчиниться всем

требованиям Гитлера? «Правительство в Лондоне, — пишет далее Хассель, — прекратило свои попытки в последние дни и беззаботно взирало на развитие событий со стороны. Франция проделала такой же путь, но с большими колебаниями. Муссолини делал все, что было в его силах, чтобы избежать войны». Если так заблуждался высокообразованный и опытный дипломат Хассель, то совсем неудивительно, что Гитлеру легко удалось одурачить большинство немецкого народа.

В тревожный вечер последних мирных суток вплетается гротескная интерлюдия. Зная о решениях, принятых в течение дня, можно подумать, что главнокомандующий люфтваффе, которому назавтра " предстояло проводить все воздушные операции против Польши, был занят необычайно. Напротив, Далерус пригласил его в отель «Эспланада», где был организован шикарный стол с коньяком. Коньяк был настолько хорош, что Геринг, уходя, прихватил с собой две бутылки; Далерус, доведя фельдмаршала до нужного ему расположения духа, предложил пригласить для беседы Гендерсона. Получив на это разрешение Гитлера, Геринг так и сделал — пригласил Гендерсона и Форбса к себе на чашку чая к пяти часам. Далерус, о присутствии которого Гендерсон не упоминает ни в своем последнем докладе, ни в своей книге, предложил, чтобы Геринг от имени Германии встретился с представителем Польши в Голландии. Гендерсон обещал передать это предложение в Лондон. По версии английского посла во время беседы за чашкой чая Геринг «в течение двух часов говорил о прегрешениях Польши и о желании герра Гитлера и самого Геринга дружить с Англией. Это был разговор, который не мог к чему-либо привести… У меня сложилось впечатление, что это была последняя попытка отколоть Англию от Польши… Я догадался о самом худшем из того факта, что в столь ответственный момент он смог уделить нам так много времени… Вряд ли он мог бы потратить на нас столько времени, тем более в такой сложный момент, если бы все до мельчайших деталей не было подготовлено…»

Третье описание этого странного чаепития было сделано Форбсом по просьбе адвоката Геринга.

«Атмосфера была безнадежной, но вместе с тем дружественной.

…Геринг довел до сведения английского посла следующее: если поляки не сдадутся, Германия передавит их, как блох, а если Британия объявит Германии войну, то он будет очень сожалеть об этом, потому что это будет крайне неразумно со стороны Британии».

Вечером же Гендерсон направил в Лондон телеграмму, в которой говорилось: «Бесполезно будет с моей стороны делать дальнейшие предложения, поскольку события все равно обгонят их. Для нас остается один путь: мы должны со всей решительностью показать, что силе противопоставим силу»[229].

Иллюзии сэра Невилла Гендерсона, похоже, окончательно рассеялись. Несмотря на свои многолетние попытки умиротворить ненасытного нацистского диктатора, его миссия в Германии, по его собственным словам, провалилась. Этот недальновидный англичанин, чью дипломатическую деятельность в Берлине можно охарактеризовать как деятельность вслепую, вдруг трезво взглянул на свои разрушенные надежды и невыполненные планы. И хотя на следующий день, в первый день войны, он испытал еще один сокрушительный

удар, накануне ему в голову пришла древняя как мир истина: иногда силе надлежит противопоставить силу[230].

На Европу опускался вечер 31 августа 1939 года. В это время немецкая армия численностью в полтора миллиона человек начала движение к исходным рубежам на польской границе. Все было готово к нападению, и Гитлеру оставалось лишь состряпать пропагандистский трюк, чтобы оправдать в глазах немецкого народа агрессию.

Необходимо было дать людям объяснение. А Гитлер не без помощи Геббельса и Гиммлера слыл крупным специалистом в этом деле. Я был в это время на улице среди простых людей. Наутро я записал в своем дневнике: «Все против войны. Люди открыто об этом говорят. Как может страна, население которой против войны, начать войну?» Несмотря на мой опыт, приобретенный за годы жизни и работы в третьем рейхе, я задавался таким наивным вопросом! Гитлер прекрасно знал ответ на него. Разве не он неделей раньше обещал своим генералам, что «объяснит с пропагандистской точки зрения причины начала войны», и убеждал их не задумываться, будет это правдой или нет? «Победителя, — внушал он им тогда, — не будут спрашивать, правду он говорил или нет. Для войны важна победа, а не правота».

В 21.00, как мы знаем, все радиостанции Германии передали мирные предложения Гитлера. Во время радиопередачи они казались мне довольно разумными. О том, что предложения эти никогда не были представлены Польше, разве что неофициально в туманных выражениях о них сказали англичанам, и то менее чем за двадцать четыре часа до передачи, просто не упоминалось. И действительно, пространное заявление, которое было зачитано в передаче и объясняло населению Германии, как ее правительство исчерпало все политические средства сохранить мир, показало, что канцлер, опять-таки не без помощи Геббельса, нисколько не утратил искусства мистификации. Когда 28 августа британское правительство предложило свои посреднические услуги, правительство Германии на следующий день ответило:

«…Несмотря на скептическое отношение к желанию польского правительства прийти к взаимопониманию, оно объявляет о своей готовности во имя мира принять посреднические услуги Великобритании или ее предложение.

…Оно считает… чтобы избежать катастрофы, эти действия должны быть предприняты без промедления. Оно готово принять лицо, назначенное правительством Польши, до вечера 30 августа при условии, что это лицо будет уполномочено не только принять участие в обсуждениях, но и вести переговоры и подписать соглашение.

Вместо сообщения о том, что прибывает полномочный представитель, первым ответом на свое стремление к пониманию, который получило правительство рейха, было сообщение о мобилизации в Польше…

В то время как правительство рейха не только заявляло о своей готовности начать переговоры, но и действительно было готово вести переговоры, с польской стороны следовали увертки и ничего не значащие заявления.

После демарша, предпринятого послом Польши, стало еще яснее, что он не обладает полномочиями не только на ведение переговоров, но даже на обсуждение.

Таким образом, фюрер и правительство Германии в течение двух дней напрасно прождали представителя Польши.

При сложившихся обстоятельствах правительство Германии сочло, что его предложения были и на этот раз… отвергнуты, хотя оно считало эти предложения в той форме, в какой они были представлены правительству Великобритании, более чем справедливыми и вполне реальными».

Для того чтобы пропаганда была эффективной, нужно нечто большее, чем слова, — это Гитлер и Геббельс знали по опыту. Для этого нужны делая пусть даже сфабрикованные. Убедив немцев (а автор этих строк может подтвердить это как очевидец) в том, что поляки отклонили «великодушные» мирные предложения фюрера, ему оставалось только сфабриковать дело, чтобы «доказать», что первой на Германию напала Польша.

К этому, как известно, немцы тщательно готовились по приказу Гитлера. Уже шесть дней как Альфред Науйокс, интеллектуальный злодей-эсэсовец, ждал в Глейвице, близ польской границы, сигнала, чтобы организовать «нападение» поляков на расположенную там немецкую радиостанцию. План претерпел некоторые изменения. Эсэсовцы, переодетые в польскую военную форму, должны были спровоцировать стрельбу, а в качестве «жертв» предполагалось оставить на месте происшествия одурманенных наркотиками узников концлагеря, которым организаторы операции подобрали выразительное название «консервы». «Нападений поляков» планировалось организовать несколько, но главной призвана была стать операция в Глейвице.

Из письменных показаний Науйокса в Нюрнберге: «В полдень 31 августа я получил кодированный приказ Гейдриха, предписывавший произвести нападение в восемь часов того же вечера. Кроме того, для выполнения этого задания Гейдрих велел обратиться к Мюллеру за «консервами». Я так и поступил и попросил Мюллера доставить человека к радиостанции. Привезли мужчину — я приказал положить его возле входа. Он был жив, но находился без сознания… Я не обнаружил у него никаких огнестрельных ранений, но лицо его было вымазано кровью. Он был одет в гражданскую одежду.

Мы захватили, как было приказано, радиостанцию, вышли на три-четыре минуты в эфир[231], немного постреляли из пистолетов и ушли[232].

В тот вечер Берлин фактически оказался отрезанным от внешнего мира. Только из Берлина расходились новости о «предложениях» фюрера и ложь о «нападениях» поляков в пограничных районах. Я пытался связаться по телефону с Варшавой, Лондоном и Парижем, но мне было заявлено, что телефонная связь с ними нарушена. В самом Берлине внешне все было спокойно. Женщин и детей не эвакуировали, как в Париже и Лондоне, никто не закладывал мешками с песком витрины магазинов, как, судя по радиопередачам, это делалось в других столицах. В четыре часа утра 1 сентября я ехал из здания радиостанции в отель «Адлон». Машин на улицах не было. В окнах не горел свет. Люди спали. Кто знает, может, они ложились с надеждой на лучшее, с надеждой на мир.

Гитлер весь день был в прекрасном настроении. В шесть вечера 31 августа генерал Гальдер записал в дневнике: «Фюрер спокоен, хорошо выспался… Из

отмены эвакуации вытекает: он (Гитлер) рассчитывает на то, что французы и англичане не вступят на территорию Германии».[233]

Настроение у адмирала Канариса, шефа абвера в ОКВ и одного из ведущих заговорщиков, было совершенно иным.

Хотя Гитлер вовлек Германию в войну, то есть сделал то, чего заговорщики поклялись избежать путем устранения диктатора, теперь, в самый подходящий для этого момент, никакого заговора не последовало.

Позднее, в тот же вечер, Гизевиус был вызван полковником Остером в штаб ОКБ. В мозговом центре военной машины Германии кипела работа. Канарис вывел Гизевиуса в тускло освещенный коридор. Дрожащим от волнения голосом сказал: «Это конец Германии».

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На рассвете 1 сентября 1939 года, в тот самый день, который Гитлер еще 3 апреля выбрал для начала операции «Вайс», немецкая армия пересекла границы Польши и двинулась по направлению к Варшаве с севера, юга и запада.

В воздухе ревели немецкие самолеты, заходя на свои цели — колонны польских войск, эшелоны с боеприпасами, мосты, железные дороги, незащищенные города. Через несколько минут поляки — военные и гражданские — поняли, что такое смерть, внезапно обрушивающаяся с неба. Такого в мире еще не бывало, но в последующие шесть лет это чувство познали сотни миллионов мужчин, женщин и детей в Европе и Азии. Тень этого ужаса, особенно после создания атомной бомбы, будет преследовать человечество, напоминая ему об угрозе полного уничтожения.

В Берлине это утро выдалось душноватым и пасмурным. Облака, нависшие над городом, должны были послужить некоторой защитой от вражеских бомбардировщиков, которых так опасались, но которые так и не появились.

Люди на улицах казались мне апатичными, несмотря на важность сообщения по радио и экстренные выпуски утренних газет[234]. Напротив гостиницы «Адлон» находилось новое здание «И. Г. Фарбен». Рабочие утренней смены шли на работу как ни в чем не бывало; никто не остановился, чтобы купить у мальчишек-газетчиков утренние экстренные выпуски. И мне подумалось, вероятно, немцы еще находятся в полудреме и не осознают, что война, избежать которую так или иначе обещал им Гитлер, началась.

Какой разительный контраст между нынешней апатией и настроениями, с которыми немцы вступали в войну 1914 года. Тогда по улицам шли ликующие

толпы, колонны войск забрасывали цветами, все радостно приветствовали кайзера и верховного главнокомандующего Вильгельма II.

На этот раз не было никаких демонстраций, никто не приветствовал нацистского верховного главнокомандующего, после десяти часов утра ехавшего по пустынным улицам из канцелярии в рейхстаг, чтобы обратиться к немецкому народу по поводу событий, которые он сам хладнокровно спровоцировал. Даже послушные марионетки в рейхстаге, назначенные самим Гитлером, не проявили большого энтузиазма, слушая объяснения Гитлера о том, что произошло и почему Германия этим утром оказалась втянута в войну. Восторгов было гораздо меньше, чем во время прошлых выступлений диктатора по менее важным поводам в зале Оперы.

Временами он был резок, но в речи его странным образом проглядывало стремление оправдаться. Во время этой речи у меня складывалось впечатление, что Гитлер говорил с таким напряжением, будто его потрясло, что он попал в переделку и испытывал разочарование. Его объяснения по поводу того, почему союзная Италия нарушила свои обязательства и отказалась прийти на помощь Германии, что должна была сделать автоматически, не нашли понимания даже среди тщательно подобранной аудитории.

«Я бы хотел, — говорил он, — прежде всего поблагодарить Италию, которая всегда нас поддерживали. Вы должны понять, что для ведения борьбы нам не потребуется иностранная помощь. Мы выполним свою задачу сами».

Столько раз солгав на пути к власти и укреплению достигнутой власти, Гитлер и в такой важный момент истории не смог удержаться, чтобы не солгать еще раз доверчивому немецкому народу, дабы оправдать свои действия.

«Вам известны мои бесконечные попытки, которые я предпринимал для мирного урегулирования вопросов с Австрией, потом с Судетской областью, Богемией и Моравией. Все они оказались напрасны.

В разговоре с польскими государственными деятелями… я сформулировал наконец свои предложения. Нет на свете ничего более скромного и лояльного, чем эти предложения. Я хотел бы сказать всему миру, что только я мог сделать такие предложения, потому что знал, что, делая такие предложения, я противопоставляю себя миллионам немцев. Эти предложения были отвергнуты…

Два дня кряду я сидел со своим правительством и ждал, сочтет ли возможным правительство Польши послать полномочного представителя или не сочтет… Однако не прав окажется тот, кто станет расценивать мою любовь к миру и мое терпение как слабость или даже трусость… Я не вижу со стороны польского правительства желания вести серьезные переговоры… Тогда я решил прибегнуть к языку, который в разговоре с нами поляки употребляют в течение последних месяцев…

Прошедшей ночью польские солдаты впервые учинили стрельбу на нашей территории. До 5.45 утра мы отвечали огнем, теперь бомбам мы противопоставим бомбы».

Таким образом, инсценированное нападение на немецкую радиостанцию в Глейвице, которое, как известно, было организовано эсэсовцами в польской форме под руководством Науйокса, канцлер Германии использовал в качестве предлога для хладнокровной агрессии против Польши. Действительно, в первых коммюнике германского верховного командования эта военная операция называлась «контратакой». Даже Вайцзекер изо всех сил пытался поддержать эту гнусную ложь. В течение дня он разослал циркулярную телеграмму всем дипломатическим миссиям Германии за рубежом, ориентируя их на определенную линию поведения.

«Для отражения постоянных польских атак сегодня на рассвете германская армия начала военные действия против Польши. Эти действия нельзя охарактеризовать как войну, это просто действия, к которым привели постоянные польские атаки».

Даже на немецких солдат, видевших, кто на кого нападал на польской границе, обрушились потоки лжи Гитлера. 1 сентября в грандиозной прокламации Гитлера, обращенной к германской армии, говорилось:

«Польское государство отказалось от мирного урегулирования конфликта, как это предлагал сделать я, и взялось за оружие… Несколько нарушений границы, которые нестерпимы для великого государства, доказывают, что Польша не намерена с уважением относиться к границам рейха.

Чтобы прекратить это безумие, у меня нет другого выхода, кроме как отныне и впредь силе противопоставить силу».

В тот день Гитлер только однажды сказал правду.

«Я не прошу ни от одного немца, — заявил он в рейхстаге, — делать больше того, к чему я готовился все эти четыре года… С настоящего момента я — первый солдат германского рейха. Я снова надел форму, которая была для меня дорога и священна. Я не сниму ее до тех пор, пока не будет одержана победа, ибо поражение для меня равносильно смерти».

Свое обещание он выполнил. Но в тот день я не встретил в Берлине ни одного немца, который обратил бы внимание на слова Гитлера о том, что он и мысли не допускал о возможном поражении.

В своей речи Гитлер назвал своим преемником Геринга на случай, если с ним что-нибудь произойдет. Следующим в ряду единомышленников шел Гесс. «Если что-нибудь случится с Гессом, — добавил Гитлер, — тогда в соответствии с законом соберется сенат и выберет из числа членов сената наиболее достойного, наиболее храброго преемника». Какой закон? Какой сенат? Ни того ни другого в природе не существовало!

Сравнительно подавленное настроение Гитлера в рейхстаге сменилось злобой, едва он вернулся в рейхсканцелярию. Вездесущий Далерус, которого привел в рейхсканцелярию Геринг, застал Гитлера «необычайно нервозным и взволнованным».

«Он сказал мне, — рассказывал впоследствии шведский посредник, — что всегда подозревал, что Англия хочет войны. Потом он сказал, что разгромит Польшу и аннексирует всю страну. — Нервозность его нарастала, он начал

размахивать руками и кричать мне в лицо: «Если Англия хочет воевать год, я буду воевать год, если Англия хочет воевать два года, я буду воевать два года…» Он замолчал, но потом закричал так, что голос его превратился в визг, и при этом яростно размахивал руками: «Если Англия хочет воевать три года, я буду воевать три года…»

Теперь вслед за руками начало двигаться все его тело. В конце концов он завопил: «Если будет необходимо, я буду воевать десять лет». При этом он пригнулся и так сильно взмахнул кулаком, что кулак почти коснулся пола».

Несмотря на истерику, Гитлер совсем не был уверен, что ему вообще придется воевать с Англией. Перевалило за полдень. К этому времени немецкие войска продвинулись в глубь Польши на несколько миль. Темпы наступления были высокими. Большинство польских городов, включая Варшаву, подверглись бомбардировкам, что привело к большим жертвам среди гражданского населения. Но ни в Лондоне, ни в Париже не было произнесено ни слова о том, что Англия и Франция торопятся выполнить свои обязательства перед Польшей. Их курс был довольно ясен, но Далерус и Гендерсон делали все, чтобы ясности не было,

В 10.30 утра британский посол передал по телефону послание Галифаксу.

«Я узнал, — писал он, — что этой ночью поляки взорвали мост Диршау,[235] а также то, что имела место перестрелка с жителями Данцига. Получив эти известия, Гитлер отдал приказ отбросить поляков от границы, а Герингу приказал уничтожить польскую авиацию, размещенную вдоль границы».

Только в конце своего послания Гендерсон добавил:

«Эта информация получена лично от Геринга.

После заседания рейхстага Гитлер может назначить мне встречу, чтобы в последний раз попытаться сохранить мир».

Какой мир? Мир для Британии? Уже в течение шести часов Германия вела войну — всеми имеющимися силами — против союзника Великобритании.

Гитлер не вызвал Гендерсона после заседания рейхстага. Посол, услужливо передавший в Лондон ложь, которую выдал ему Геринг, был обескуражен, но не окончательно. В 10.50 утра он продиктовал по телефону еще одно послание Галифаксу. В его мозгу, плодовитом, но путаном, родилась еще одна идея.

«Считаю своим долгом сообщить, что последний способ спасти мир, как бы мала ни была вероятность положительного исхода, — объявление маршалом Рыдз-Смиглы о его готовности немедленно прибыть в Берлин в качестве военного и полномочного представителя и обсудить все вопросы с фельдмаршалом Герингом».

Похоже, английскому дипломату не приходило в голову, что маршал Рыдз-Смиглы в это время руководил отражением неспровоцированного нападения Германии, а если бы он бросил это занятие и приехал бы в Берлин в качестве «полномочного представителя», то в данных условиях это было бы

равносильно капитуляции. Поляков можно быстро разбить, но нельзя заставить их сдаться.

В первый день нападения Германии на Польшу Далерус вел себя еще активнее, чем Гендерсон. В восемь утра он встретился с Герингом, который заявил ему, что «война началась потому, что поляки напали на радиостанцию в Глейвице и взорвали мост недалеко от Диршау». Швед немедленно позвонил в Форин оффис, чтобы сообщить эти новости.

«Я сказал кому-то, — показывал он на допросе в Нюрнберге, — что согласно полученной мной информации поляки совершили нападение, и меня, естественно, спросили, что происходит в настоящий момент». В конечном счете его сообщение не отличалось от сведений, переданных послом его величества в Берлине двумя часами позже.

В секретном меморандуме Форин оффис отмечено время звонка шведа — 9.05 утра. Подобно Герингу, Далерус убеждал Лондон, что «поляки саботируют все» и что у него есть «доказательства того, что они никогда не собирались вести переговоры».

В половине первого Далерус снова звонил в Лондон и на этот раз разговаривал с Кадоганом. Он опять обвинял поляков в саботаже мирного решения и предлагал тотчас же прилететь в Лондон вместе с Форбсом. Но жесткий, неуступчивый Кадоган, которому швед изрядно надоел, тем более теперь, когда война, которую он всеми силами старался избежать, началась, заявил Далерусу, что уже «ничего нельзя поделать».

Однако Кадоган, будучи постоянным заместителем министра иностранных дел, не являлся членом кабинета. Далерус же настаивал, чтобы с его предложением был ознакомлен кабинет, после чего надменно сообщил Кадогану, что перезвонит через час. Он так и сделал. И получил ответ.

«Идея посредничества, — произнес Кадоган, — в то время как немецкие войска шагают по Польше, просто отпадает. Единственное, что может предотвратить мировую войну, это, во-первых, приостановка военных действий и, во-вторых, немедленный вывод немецких войск с территории Польши».

В десять часов утра польский посол в Лондоне граф Рачиньский встретился с лордом Галифаксом и официально сообщил ему об агрессии Германии, добавив, что «это как раз тот случай, который предусмотрен договором». Министр иностранных дел сказал, что не сомневается в правдивости изложенных фактов. В 10.50 он вызвал германского поверенного в делах Теодора Кордта в министерство иностранных дел и поинтересовался, располагает ли тот какой-либо информацией. Кордт ответил, что не располагает информацией о нападении Германии на Польшу и не имеет каких-либо инструкций по этому поводу. Галифакс заявил, что новости, полученные им, свидетельствуют об «очень серьезной ситуации». Однако дальше этого он не пошел. В 11.45 Кордт передал полученную информацию в Берлин.

Таким образом, к полудню Гитлер имел основания надеяться, что Англия, несмотря на то что она расценивает ситуацию как очень серьезную, может и не принять участия в войне. Но его надежды вскоре рухнули.

В 7.15 вечера сотрудник британского посольства в Берлине позвонил в министерство иностранных дел Германии и попросил Риббентропа принять Гендерсона и Кулондра «по срочному делу как можно скорее». Через несколько минут аналогичная просьба поступила из французского посольства, Риббентроп отказался встречаться с двумя послами одновременно. Гендерсона он принял в девять вечера, Кулондра — часом позже. Английский посол вручил Риббентропу официальную ноту правительства Великобритании.

«…Если правительство Германии, — говорилось в ноте, — не даст правительству его величества приемлемых гарантий, что остановит агрессивные действия против Польши и что оно готово немедленно вывести свои войска с польской территории, то правительство его величества без колебаний выполнит свои обязательства перед Польшей».

Французская нота была составлена в идентичных выражениях.

Обоим послам Риббентроп сказал, что передаст ноты их правительств Гитлеру, после чего пустился в пространные рассуждения по поводу того, что «нет вопроса германской агрессии», но можно говорить о польской агрессии, повторяя уже несколько затасканную ложь о том, как «регулярные» польские войска накануне напали на Германию. Тем не менее дипломатический этикет был соблюден. Сэр Невилл Гендерсон не преминул отметить в своем отчете о встрече с Риббентропом, что последний был «вежлив и любезен». Когда посол собирался уезжать, возник спор по поводу того, действительно ли министр иностранных дел Германии невнятно зачитал предложения Германии Польше два вечера назад. Гендерсон настаивал, что так оно и было; Риббентроп, возражая, уверял, что читал «медленно и отчетливо и даже давал устные разъяснения по ключевым пунктам, чтобы Гендерсон мог понять все до конца». Этот спор был не разрешен, да и какая теперь разница?

Вечером 1 сентября, когда германские войска продвигались в глубь Польши, а германская авиация бомбила польские города, Гитлер уже знал из английской и французской нот, что если не остановит продвижение своих армий и не выведет их быстро с польской территории — что было немыслимо, — то получит мировую войну. Или он до последнего момента надеялся, что удача будет сопутствовать ему, как в Мюнхене, или его друг Муссолини, который боялся войны и опасался, что превосходящие силы Англии и Франции нанесут удар по Италии, отчаянно старался организовать новый Мюнхен.

Муссолини вмешивается в последнюю минуту

Как известно, еще 26 августа дуче, пытаясь уклониться от выполнения союзнических обязательств Италии, вытекающих из Стального пакта, убеждал Гитлера, что еще есть «возможность решить вопрос политическими средствами», в результате чего Германия обретет «моральное и материальное удовлетворение». Гитлер даже не снизошел до возражений, что огорчило младшего партнера по оси. Тем не менее 31 августа, после получения сообщения от своего посла в Берлине о том, что ситуация ухудшилась, Муссолини и Чиано стремились убедить Гитлера встретиться с польским послом Липским и заверяли фюрера, что стараются склонить английское правительство отдать Германии Данциг в качестве «первого Шага» в переговорах о мире.

Но столь мелкая приманка Гитлера уже не соблазняла. Данциг был просто предлогом, о чем фюрер говорил своим генералам. Теперь он жаждал уничтожения Польши. Дуче же этого не знал. Утром 1 сентября перед ним самим стоял выбор: немедленно объявить Италию нетральной или подвергнуться риску нападения со стороны Англии и Франции. Запись в дневнике Чиано дает возможность понять, F-IK страшился подобной перспективы его тесть[236].

Рано утром 1 сентября несчастный итальянский диктатор позвонил в Берлин послу Аттолико и, по словам Чиано, «просил его умолить Гитлера послать ему, Муссолини, телеграмму, освобождающую его от союзнического долга». Фюрер на удивление быстро согласился. Перед тем как уехать в рейхстаг, приблизительно в 9.40 утра, он послал своему другу телеграмму — в целях экономии времени она была продиктована по телефону в немецкое посольство в Риме.

Дуче!

От всего сердца благодарю Вас за ту дипломатическую и политическую помощь, которую Вы оказываете Германии в ее справедливом деле. Я убежден, что мы сможем выполнить стоящую перед нами задачу силами германской армии. Таким образом, я не ожидаю при сложившихся обстоятельствах военной помощи со стороны Италии. Я также благодарю Вас, дуче, за все то, что Вы сделаете в будущем для общего дела фашизма и национал-социализма.

Адольф Гитлер[237]

В 12.45, выступив в рейхстаге и, вероятно, придя в себя после вспышки, свидетелем которой явился Далерус, Гитлер решил написать еще одно письмо Муссолини. В нем он заявлял, что был готов решить польский вопрос «путем переговоров», но «напрасно в течение двух дней прождал польского представителя», что «только в течение последней ночи произошло четырнадцать нарушений границы» и что теперь он «решил силе противопоставить силу». В заключение следовали выражения благодарности партнеру по оси:

Я благодарю Вас, дуче, за Ваши усилия, в частности за предложенное Вами посредничество. Но я с самого начала скептически относился к этим попыткам, потому что польское правительство, если оно вообще имело желание решить вопрос мирным путем, всегда могло это сделать. Но оно отказалось…

Поэтому, дуче, я не хотел подвергать Вас риску и возлагать на Вас роль посредника, чья деятельность ввиду неразумной позиции польского правительства, скорее всего, была бы обречена на провал.

Адольф Гитлер

Но Муссолини, поддерживаемый Чиано, предпринял еще одну отчаянную попытку взять на себя опасную роль посредника. Накануне, сразу после полудня, Чиано предложил английскому и французскому послам в Риме созвать 5 сентября, если дадут согласие их правительства, конференцию с участием

Германии для «изучения пунктов Версальского договора, из-за которых в настоящее время происходят все беды».

Можно было бы предположить, что поступившее на следующее утро сообщение о нападении Германии на Польшу сделает предложение Муссолини ненужным. Но, к удивлению итальянцев, Жорж Бонне, министр иностранных дел Франции и крупный специалист по умиротворению, позвонил Франсуа-Понсе, который был в то время послом в Риме, уже в 11.45 1 сентября и попросил его передать Чиано, что правительство Франции приветствует проведение такой конференции с тем условием, что на ней не будут обсуждаться проблемы, касающиеся государств, не представленных на конференции, и что участники конференции не ограничатся «поиском частичных и временных решений неотложных проблем». Бонне даже не упомянул о выводе немецких войск или приостановке их продвижения как условии проведения подобной конференции[238].

Но англичане настаивали на таком условии и смогли убедить французский кабинет, обуреваемый противоречиями, к вечеру 1 сентября направить в Берлин аналогичное предупреждение. Тексты нот, из которых явствовало, что Англия и Франция вступят в войну, если Германия не выведет свои войска из Польши, были опубликованы в тот же вечер. Муссолини, который хватался теперь за любую соломинку, даже за несуществующую, на следующее утро снова обратился с призывом к Гитлеру, будто он, дуче, не понимал сути англо-французских заявлений.

День 2 сентября, как писал об этом Гендерсон, выдался напряженным[239]. Он и Кулондр с волнением ждали, каков будет ответ Гитлера на ноты их правительств, однако его не последовало. Вскоре после полудня в британское посольство прибыл слегка запыхавшийся Аттолико и заявил, что ему необходимо немедленно узнать одну чрезвычайно важную вещь: была ли нота Британии, направленная накануне вечером, ультиматумом?

«Я сказал ему, — писал позже Гендерсон, — что мне было поручено передать министру иностранных дел, если он задаст такой вопрос — а он такого вопроса не задал, — что это не ультиматум, а предупреждение».

Получив ответ, итальянский посол поспешил на Вильгельмштрассе в министерство иностранных дел Германии, чтобы передать послание от Муссолини. Аттолико прибыл на Вильгельмштрассе в 10 утра, узнал, что Риббентроп нездоров, и вручил послание Вайцзекеру.

3 сентября 1939 года

Довожу до вашего сведения, оставляя право принимать решение за фюрером, что у Италии до сих пор имеется возможность созыва конференции с участием Англии, Франции и Польши при соблюдении следующих условий:

1. Перемирие, при котором войска остаются там, где они находятся в настоящий момент.

2. Созыв конференции в ближайшие 2-3 дня.

3. Решение польско-германского конфликта, что, учитывая сегодняшнее положение, будет, конечно, в пользу Германии.

Идея, выдвинутая первоначально дуче, теперь поддерживается и Францией[240].

Данциг уже немецкий, Германия уже получила заверения, которые гарантируют выполнение большей части ее требований. Более того, Германия уже получила «моральное удовлетворение». Если она согласится с условиями проведения конференции, то достигнет всех своих целей и избавит мир от войны, которая, насколько можно судить сейчас, будет всеобщей и очень продолжительной.

Дуче не настаивает, но для него очень важно, чтобы изложенное выше было немедленно доведено до герра фон Риббентропа и фюрера.

Неудивительно, что, когда поправившийся Риббентроп принял в 12.30 Аттолико, он отметил, что послание дуче «не увязывается» с полученными накануне вечером нотами Англии и Франции, которые «носят характер ультиматума».

Итальянский посол, который не меньше своего шефа хотел избежать мировой войны и был, безусловно, более искренен в этом желании, в этом месте перебил Риббентропа, сказав, что «последнее послание дуче сводит на нет» заявления Англии и Франции. Аттолико, конечно, не имел полномочий на такое заявление, тем более что оно было неправдой, но он рассудил, что терять ему нечего. Когда министр иностранных дел стал выражать сомнения, Аттолико твердо стоял на своем.

«Заявления Англии и Франции, — говорил он, — не принимаются более во внимание. Граф Чиано звонил по телефону сегодня утром, в 8.30, то есть в то время, когда тексты заявлений уже были переданы в Италии по радио. Значит, эти заявления можно считать утратившими свое значение. Более того, граф Чиано заявил, что Франция, в частности, активно поддерживает предложение дуче. Ее примеру последует и Англия».

Риббентроп продолжал относиться к этому скептически. Он только что обсудил послание Муссолини с фюрером. Гитлер сказал, что ему нужно знать следующее: являются ли английская и французская ноты ультиматумами? Министр иностранных дел в конце концов согласился с Аттолико, который предлагал немедленно выяснить этот вопрос у Гендерсона и Кулондра.

Именно в связи с этим Аттолико и прибыл в британское посольство. «Я, как сейчас, вижу Аттолико, человека не первой молодости, — писал позднее переводчик Шмидт, — выбегающего, тяжело дыша, из кабинета Риббентропа и сбегающего вниз по лестнице, чтобы проконсультироваться с Гендерсоном и Кулондром… Через полчаса Аттолико прибежал назад, все так же тяжело дыша».

Отдышавшись, итальянский посол сообщил, что, по заявлению Гендерсона, британская нота не является ультиматумом. Риббентроп ответил, что, поскольку «ответ на англо-французскую ноту может быть только отрицательным, Гитлер рассматривает сейчас предложение дуче. В случае если Рим подтвердит, что англо-французская нота ни в коей мере не

является ультиматумом, то проект ответа будет представлен дня через два». Аттолико стал настаивать на том, чтобы ответ был дан раньше, и Риббентроп согласился представить ответ на следующий день, в воскресенье 3 сентября, к полудню.

Тем временем в Риме рушились надежды Муссолини. В 2 часа дня Чиано встретился с английским и французским послами, в их присутствии позвонил Галифаксу и Бонне и сообщил им результаты переговоров Аттолико с министром иностранных дел Германии. Как записано во Французской желтой книге, экспансивный Бонне тепло поблагодарил Чиано за его усилия в деле спасения мира. Галифакс был более сдержан. Он подтвердил, что британская нота не является ультиматумом, — можно только удивляться, до чего государственные деятели любят цепляться за слова, ведь и английская, и французская ноты были сформулированы предельно ясно — и добавил, что, по его мнению, Англия не может принять предложение Муссолини о созыве конференции, пока немецкие войска не будут выведены с территории Польши. По этому поводу Бонне опять не проронил ни слова. Галифакс пообещал решение британского кабинета по этому вопросу сообщить Чиано по телефону.

Ответ пришел вскоре после семи вечера. Британия принимала предложение дуче при условии, если немецкие войска отойдут к границе Германии. Министр иностранных дел Италии понял, что Гитлер на такие условия никогда не пойдет и что «сделать ничего нельзя», как записал он в своем дневнике.

«Это не мое дело, — писал он далее, — давать Гитлеру совет, который он решительно отвергнет, может, даже с презрением. Я сказал это Галифаксу, обоим послам, дуче, я, наконец, позвонил в Берлин и передал, что, если немцы не изменят свою позицию, мы прекратим переговоры. Последняя надежда исчезла».

Итак, а 8.50 вечера 2 сентября усталый и подавленный Аттолико еще раз отправился на Вильгельмштрассе. На этот раз Риббентроп принял его в канцелярии, где он имел встречу с Гитлером. В трофейном секретном меморандуме министерства иностранных дел эта сцена описывается так:

«Итальянский посол передал министру иностранных дел информацию о том, что Англия не готова вступить в переговоры на основе итальянского предложения о посредничестве. Англичане требуют, чтобы до начала переговоров немецкие войска были срочно выведены с оккупированных польских территорий и из Данцига…

В заключение итальянский посол заявил, что дуче считает свое предложение о посредничестве более не действующим. Министр иностранных дел выслушал заявление итальянского посла без комментариев».

И ни слова благодарности неутомимому Аттолико за все его труды! Только презрительное молчание по отношению к союзнику, который хотел надуть Германию, лишив ее польской добычи.

Последний шанс предотвратить вторую мировую войну был упущен. Это, вероятно, понимали все действующие лица драмы, кроме одного В 9 вечера малодушный Бонне позвонил Чиано и еще раз подтвердил, что французская нота Германии «не носит характера ультиматума», и сообщил, что французское правительство готово ждать ответа немцев до полудня 3

сентября. Бонне заявил Чиано, что правительство Франции согласно с британским правительством в том, что немецкие войска должны быть «эвакуированы» из Польши. Этот вопрос Бонне затронул впервые, и то только потому, что на этом настояли англичане. Чиано ответил, что не думает, чтобы правительство рейха приняло такое условие. Но Бонне не сдавался. Всю ночь он размышлял, как избежать выполнения французских обязательств перед терзаемой Польшей. Чиано воспроизводит этот момент в дневниковой записи за 3 сентября:

«Ночью меня разбудил звонок из министерства. Бонне спросил итальянского посла в Париже, не можем ли мы добиться хотя бы символического вывода немецких войск с территории Польши… Я бросил это предложение в корзину и даже не стал докладывать о нем дуче. Но это показывает, что Франция приближается к серьезному испытанию без энтузиазма и в растерянности».

Польская война превращается во вторую мировую войну

В воскресенье 3 сентября в Берлине стояла прекрасная погода. Светило солнце, воздух был чист и прозрачен. В дневнике я записал: «Такой день берлинцы предпочитают проводить в окрестных лесах или на озерах».

На рассвете в британское посольство пришла телеграмма на имя сэра Невилла Гендерсона от лорда Галифакса. В ней послу предписывалось договориться о встрече с министром иностранных дел в 9 утра и передать ему заявление, текст которого приводился.

Правительство Чемберлена пришло к окончательному решению. Тридцать два часа назад оно сообщило Гитлеру, что если немецкие войска не будут выведены из Польши, то Англия вступит в войну. Ответа от Гитлера не последовало, и теперь английское правительство решило перейти от слов к делу. В течение минувшего дня английское правительство опасалось, что Гитлер намеренно тянет с ответом, чтобы оккупировать побольше польских территорий, после чего, захватив Данциг, коридор и другие районы, договориться о мире на базе своих «необычайно великодушных» шестнадцати пунктов. (Об этом Шарль Корбэн, французский посол в Лондоне, сообщил колеблющемуся Бонне в 14.30.)

Чтобы избежать этой ловушки, Галифакс предложил французам объявить, что если Германия в течение ближайших нескольких часов не даст положительного ответа на англо-французское заявление от 1 сентября, то Англия и Франция будут считать себя в состоянии войны с Германией. После заседания британского кабинета вечером 2 сентября, на котором было принято конкретное решение, Галифакс предложил в полночь объявить ультиматум, срок которого будет истекать в 6 часов утра 3 сентября. Бонне даже слышать не хотел о столь поспешных шагах.

Французский кабинет, раздираемый противоречиями, переживал трудные времена. Нужно было принять решение относительно выполнения обязательств перед Польшей и в первую очередь перед Англией. В роковой день 23 августа, ошеломленный известием о том, что Риббентроп прибыл в Москву для подписания нацистско-советского пакта о ненападении, Бонне убедил Даладье созвать заседание совета национальной обороны, чтобы решить, что должна

Франция делать дальше[241]. Кроме премьера Даладье и Бонне на заседании присутствовали командующие трех видов вооруженных сил, генерал Гамелен, командующие ВМС, ВВС и еще четыре генерала — всего 12 человек.

Из протокола совещания видно, что Даладье поставил три вопроса:

1. Может ли Франция пребывать в бездействии, если Польщу и Румынию (или одну из них) стирают с карты Европы?

2. Как она может противостоять этому?

3. Какие меры должны быть предприняты в настоящее время?

Сам Бонне, рассказав о мрачном повороте событий, поставил вопрос, который, как он считал, останется самым важным до конца:

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, должны ли мы оставаться верны своим обязательствам или нам следует пересмотреть их и получить, таким образом, короткую передышку?..

Ответ на этот вопрос носит преимущественно военный характер.

На этот вопрос адмирал Дарлан и генерал Гамелен ответили следующее:

«Армия и флот готовы. На ранней стадии войны с Германией мы сможем оказать лишь небольшую помощь. Но мобилизация во Франции сама по себе принесет некоторое облегчение Польше тем, что будет оттягивать на себя значительное число немецких войск.

…Генерал Гамелен спросил, как долго смогут сопротивляться Польша и Румыния. Добавил, что уверен: поляки будут защищаться доблестно. Это приведет к тому, что Германия не сможет перебросить свои основные силы для ведения войны против Франции до весны следующего года, а к тому времени к Франции присоединится и Англия»[242].

После продолжительных дебатов французы в конце концов пришли к решению, которое было тщательно зафиксировано в протоколе совещания.

«В ходе обсуждений отмечалось, что если мы и станем сильнее через несколько месяцев, то Германия все равно окажется сильнее нас, так как к тому времени будет располагать ресурсами Польши и Румынии.

Таким образом, у Франции нет выбора.

Возможно единственное решение — придерживаться обязательств относительно Польши, принятых до начала переговоров с СССР».

Приняв такое решение, французское правительство начало действовать. После заседания 23 августа была объявлена тревога, в результате чего все войска на границах были приведены в боевую готовность. На следующий день призвали 360 тысяч резервистов. 31 августа кабинет опубликовал коммюнике, в котором говорилось, что Франция «твердо выполнит» свои обязательства. На следующий день, в первый день немецкой агрессии против Польши,

Галифакс убедил Бонне предупредить Берлин, что обе страны выполнят свои союзнические обязательства.

Но когда 2 сентября англичане предложили предъявить Гитлеру в полночь ультиматум, генерал Гамелен и французский генеральный штаб заколебались. В конце концов именно Франции придется воевать, если Германия нападет на Запад. И ни один английский солдат не поможет французам. Генеральный штаб настоял на отсрочке всеобщей мобилизации на сорок восемь часов.

В шесть часов вечера Галифакс разговаривал по телефону с сэром Эриком Фиппсом, английским послом в Париже: «Британское правительство не может согласиться с отсрочкой на сорок восемь часов. Отношение французов вызывает недоумение в правительстве его величества».

Ситуация действительно могла оказаться угрожающей. Через два часа Чемберлен выступал в палате общин, большинство членов которой, несмотря на различие в партийной принадлежности, выражали нетерпение и недовольство тем, что Британия откладывает выполнение своих союзнических обязательств. После выступления премьер-министра их терпение окончательно истощилось. Он сообщил палате, что ответ из Берлина до сих пор не получен. Если ответа так и не последует и немцы не согласятся вывести свои войска из Польши, то правительство «сочтет себя обязанным действовать». Если же немцы согласятся вывести войска, то британское правительство, говорил Чемберлен, «будет склонно расценивать ситуацию как сходную с той, которая была до того, как немецкие войска пересекли границу Польши». В настоящее время британское правительство ведет переговоры с правительством Франции по поводу истечения срока их предупреждения, посланного Германии.

После тридцати девяти часов войны в Польше английское правительство не желало придерживаться только выжидательной тактики. В резиденции правительства, казалось, повеяло духом Мюнхена. «Говорите от имени Англии!» — прокричал со скамейки консерваторов Леопольд Эмери, когда поднялся, чтобы произнести речь, лидер лейбористской оппозиции Артур Гринвуд.

«Доколе мы будем заниматься пустой болтовней, — сказал Гринвуд, — когда Британия, все, что ей дорого, и сама цивилизация находятся под угрозой?.. Наш долг — выступить вместе с французами…»

В этом и состояла трудность. Выяснилось, что совсем нелегко заставить французов выступить. Чемберлен был так удручен сердитым настроением членов палаты, что вмешался в жаркий спор, заявив:

для того чтобы по телефону скоординировать с Парижем «мысли и поступки», требуется время. «Я пришел бы в ужас, если бы палата хоть на мгновение подумала, что заявление, которое я только что сделал, есть проявление слабости нашего правительства или правительства Франции». Далее он сказал, что правительство Франции как раз заседает по этому поводу и сообщения из Парижа можно ожидать «в течение ближайших часов». Во всяком случае, он пытался убедить взволнованных членов палаты: «…Уверен, что завтра смогу дать палате единственный ответ… Я убежден, что палата поверит мне …что я говорю от всего сердца…»

О неотвратимом приближении самого тяжелого в истории Англии испытания было объявлено, как написал потом Нэмир, со странными паузами.

Чемберлен прекрасно понимал, как явствует из секретных бумаг, что будет иметь проблемы внутри собственной страны, которая переживала критический момент, что в такой ситуации его правительство может быть лишено доверия.

Покинув палату общин, он немедля позвонил Даладье. Известно время звонка — 9.50 вечера. Кадоган, который тоже слушал разговор, сделал его запись.

Чемберлен: Положение очень серьезное… Только что в палате все яростно выражали свой гнев… Если Франция будет настаивать на 48-часовом ультиматуме, срок действия которого начнется с завтрашнего полудня, правительство не сможет справиться с ситуацией.

Премьер-министр сказал, что он прекрасно понимает, что именно Франции предстоит принять на себя главный удар Германии. Но он полагает, что сегодня же вечером необходимо принять какое-то решение.

Он предложил компромисс… Ультиматум, действие которого начнется в 8 утра и истечет к полудню…

Даладье ответил, что пока английские бомбардировщики не будут готовы немедленно вступить в бой, для французов лучше, если это возможно, отсрочить нападение на немецкие армии на несколько часов.

Менее чем через час, в 10.30 вечера, Галифакс позвонил Бонне. Он убеждал французов принять предложение Англии, то есть предъявить Германии в 8 часов 3 сентября ультиматум, срок которого будет истекать к полудню того же дня. Министр иностранных дел Франции не соглашался с английским предложением, он протестовал, заявляя, что столь поспешные действия произведут «удручающее впечатление». Он требовал от Лондона выждать хотя бы до полудня, прежде чем предъявлять Германии ультиматум.

Галифакс: Правительство его величества не может дожидаться указанного вами часа… Сомнительно, чтобы (английское) правительство смогло сохранить свои позиции.

Палата общин должна была собраться в воскресенье 3 сентября, в полдень. Чемберлену и Галифаксу после того, что произошло на предыдущем заседании, было ясно: чтобы кабинет остался у власти, необходимо дать палате ответ на поставленный ею вопрос. В 2 часа ночи французский посол в Лондоне Корбэн предупредил Бонне, что кабинет Чемберлена может быть низложен, если не даст парламенту конкретного ответа. Заканчивая разговор с Бонне, Галифакс заявил, что Англия предлагает действовать «на свой страх и риск».

Телеграмма Галифакса Гендерсону прибыла в Берлин в 4 утра[243]. В заявлении, которое он должен был сделать правительству Германии в 9 утра в воскресенье 3 сентября, упоминалось о британской ноте от 1 сентября, в которой Великобритания заявляла о своей готовности выполнить обязательства, данные Польше, если немецкие войска не будут быстро выведены оттуда.

«Хотя это сообщение было сделано более чем 24 часа назад, — говорилось далее, — на него не получено никакого ответа, более того, удары немецких войск в Польше продолжались и становились все более интенсивными. Имею честь сообщить вам, что если до 11 утра по британскому летнему времени сегодня, 3 сентября, правительство Германии не представит удовлетворительных гарантий правительству его величества в Лондоне, два государства будут находиться в состоянии войны, начиная с указанного выше времени»[244].

В предрассветные часы Гендерсону нелегко было связаться с Вильгельмштрассе. Ему сказали, что в 9 утра Риббентроп не сможет его принять, однако посол может оставить свое заявление официальному переводчику д-ру Шмидту.

В тот исторический день д-р Шмидт проспал. Когда он в спешке подъезжал на такси к министерству иностранных дел, то увидел, как британский посол уже поднимается по ступенькам. Вбежав через боковой вход, Шмидт умудрился ворваться в приемную Риббентропа как раз в тот момент, когда часы били девять, и принять Гендерсона минута в минуту. «Он вошел с очень серьезным видом, — вспоминал позднее Шмидт, — пожал мне руку, но отказался сесть, когда я ему предложил. Он так и стоял с торжественным видом посреди комнаты». Посол зачитал вслух британский ультиматум, вручил его копию Шмидту, попрощался и ушел.

Официальный переводчик поспешил с документом на Вильгельмштрассе. В приемной фюрера он застал многих членов кабинета, а также некоторых высших партийных деятелей, которые в тревоге ждали новостей.

«Когда я вошел в следующую комнату, — вспоминал Шмидт, — Гитлер сидел за столом, а Риббентроп стоял у окна. Оба выжидательно поглядели на меня. Я остановился в некотором отдалении от стола Гитлера и медленно перевел английский ультиматум. Когда я закончил, стояла абсолютная тишина.

Гитлер молча смотрел прямо перед собой… После недолгого молчания, показавшегося мне вечностью, он повернулся к Риббентропу, который так и остался стоять у окна. «Что теперь?» — спросил Гитлер, гневно глядя на него, как будто министр иностранных дел ввел его в заблуждение по поводу возможной реакции Англии.

Риббентроп чуть слышно произнес: «Я полагаю, Франция предъявит аналогичный ультиматум в течение часа».

Исполнив свой долг, Шмидт удалился, по дороге через приемную рассказав собравшимся, что произошло. Они тоже замолчали. Потом произошло следующее:

«Геринг повернулся ко мне и сказал: «Спаси нас боже, если мы проиграем войну!»

Геббельс стоял в углу, подавленный, погруженный в свои мысли. Все, кто находился в комнате, были крайне встревожены».

В это время вездесущий Далерус предпринимал дилетантские попытки предотвратить неизбежное. В 8 часов Форбс рассказал ему о британском

ультиматуме, который через час будет предъявлен правительству Германии. Он помчался в штаб-квартиру люфтваффе, чтобы встретиться с Герингом и призвать его позаботиться о том, чтобы ответ немцев на английский ультиматум был «разумным». Он предложил фельдмаршалу до 11 часов самому объявить о своей готовности прилететь в Лондон «для переговоров». В своей книге шведский бизнесмен утверждает, что Геринг принял его предложение, позвонил Гитлеру и тот тоже согласился. В немецких документах об этом не упоминается. Д-р Шмидт дает понять, что в начале десятого Геринг находился не в штаб-квартире люфтваффе, а в приемной Гитлера.

В любом случае не вызывает сомнений, что шведский посредник звонил в Форин оффис, причем не один раз, а два. В первый раз он позвонил в 10.15 утра и взял на себя смелость сообщить, что ответ немцев на ультиматум правительства Великобритании «на подходе» и что немцы все еще «очень хотят удовлетворить британское правительство и дать гарантии не покушаться на независимость Польши» (!). Он полагал, что Лондон рассмотрит ответ Гитлера «в самом благоприятном свете».

В 10.50, за 10 минут до истечения срока ультиматума, он снова позвонил в министерство иностранных дел в Лондон. На этот раз он изложил свое предложение, заключающееся в том, чтобы Геринг немедленно вылетел в английскую столицу. Он все еще не мог взять в толк, что время дипломатических маневров прошло. Однако ему сразу же дали это понять. Галифакс твердо заявил, что его предложение не может быть принято. Правительству Германии задан конкретный вопрос, на который «ждут конкретного ответа». Правительство его величества не может терять времени на переговоры с Герингом.

После этого Далерус повесил трубку и исчез с авансцены истории. Объявился он только после войны на Нюрнбергском процессе, чтобы рассказать, как, впрочем, и в своей книге, о своей эксцентричной попытке спасти человечество от войны[245]. У него были благородные устремления, он действительно хотел мира. На какое-то время он оказался в эпицентре удивительных событий мировой истории. Но, как это случалось со многими другими, все вокруг было слишком запутано, чтобы он мог в этом разобраться. В Нюрнберге он сказал, что никогда не подозревал, насколько был обманут немцами.

Вскоре после 11 часов, когда срок британского ультиматума истек, Риббентроп, за два часа до этого отказавшийся принять британского посла, послал за ним, чтобы вручить ему ответ правительства Германии. Правительство Германии, говорилось в нем, отказывается «принять, не говоря уже о том, чтобы выполнить», ультиматум Великобритании. За этим следовало пространное и гнусное пропагандистское заявление, состряпанное, вероятно, на скорую руку Гитлером и Риббентропом во время их двухчасового совещания. Ответ был призван одурачить легковерных немцев, поэтому включал в себя перечисление всех тех вымыслов, которые нам уже известны, в том числе «нападение» поляков, возлагал на Англию вину за то, что произошло, и отвергал попытку «заставить Германию вывести свои войска, которые приготовились к защите рейха». Далее следовало лживое заверение, что Германия приняла предложения Муссолини, сделанные в последний момент, а Англия эти предложения отклонила. После всех попыток Чемберлена умиротворить Гитлера он бросал обвинение в адрес правительства Британии в том, что оно «стремится уничтожить народ Германии»[246].

Гендерсон прочитал документ («это полностью фальсифицированное изложение событий», как он позднее назвал его) и заметил: «Предоставим истории рассудить, кто виноват на самом деле». Риббентроп ответил, что «история уже подтвердила факты».

Я стоял на Вильгельмштрассе, напротив рейхсканцелярии, когда по громкоговорителю вдруг сообщили о том, что Англия объявила Германии войну[247]. На улице, залитой солнцем, находилось человек двести пятьдесят, не больше. Они молча и внимательно слушали. Когда диктор кончил читать, никто не проронил ни звука. Люди стояли ошеломленные. Им трудно было осознать, что Гитлер вверг их в мировую войну.

Несмотря на то что был выходной, мальчишки-газетчики продавали экстренный выпуск. Точнее, я заметил, что они раздавали газеты бесплатно. Я взял одну. Это была «Дойче альгемайне цайтунг». Первая страница пестрела заголовками, набранными большими буквами: «Британский ультиматум отклонен», «Англия объявила о том, что находится в состоянии войны с Германией», «Английская нота требует вывода немецких войск на Востоке», «Сегодня фюрер отбывает на фронт».

Заголовок официального отчета, казалось, был просто продиктован Риббентропом: «Меморандум Германии подтверждает вину Англии».

Может, таким легковерным людям, какими были в то время немцы, и казалось, что меморандум что-то подтверждает, но в тот день это не породило враждебности по отношению к англичанам. Когда я проезжал мимо британского посольства, откуда Гендерсон и его сотрудники перебирались в гостиницу «Адлон», находившуюся за углом, я заметил одинокого полицейского у входа. Делать ему было нечего, и он прохаживался туда-сюда.

Французы выжидали немного дольше. Бонне до последнего момента старался выиграть время. Он все еще упорно надеялся, что Муссолини сумеет заключить с Гитлером сделку и это позволит Франции соскочить с крючка. Он даже настаивал, чтобы посол Бельгии убедил короля Леопольда, имевшего влияние на Муссолини, воздействовать на дуче, чтобы тот в свою очередь оказал влияние на Гитлера. Всю субботу 2 сентября он провел в спорах со своим кабинетом, как до этого спорил с британским кабинетом. Он говорил, что обещал Чиано ждать ответа немцев на англо-французское заявление от 1 сентября до полудня 3 сентября и что не может нарушить данное слово. Он даже позвонил по телефону министру иностранных дел Италии, чтобы подтвердить это, но позвонил только в 9 часов вечера 2 сентября. К этому времени предложение дуче о созыве конференции утратило всякий смысл, что Чиано и попытался объяснить. Англичане же оказывали давление на Бонне, принуждая его совместно выдвинуть в полночь ультиматум Берлину.

2 сентября, вскоре после полуночи, правительство Франции приняло решение. Ровно в полночь Бонне послал Кулондру телеграмму, где сообщалось, что утром он пришлет текст «нового демарша», который надлежит «представить в полдень на Вильгельмштрассе»[248].

Он сделал это 3 сентября, в 10.20 утра, за сорок минут до истечения срока британского ультиматума. Французский ультиматум был составлен практически в тех же выражениях, что и британский, с той только разницей, что в нем заявлялось, что Франция в случае отрицательного ответа выполнит свои обязательства по отношению к Польше, «которые известны правительству Германии», — даже в самый последний момент Бонне воздерживался от формального объявления войны.

В официальной Французской желтой книге приводится текст ультиматума, переданного по телеграфу Кулондру. В нем время истечения ультиматума обозначено 17.00. На самом деле в телеграмме было указано не это время. В 8.45 утра посол Фиппс сообщал Галифаксу из Парижа: «Бонне говорит, что срок французского ультиматума истекает в 5 часов утра в понедельник (4 сентября)». Это время Бонне и указал в телеграмме.

Хоть это и явилось уступкой, которую Даладье вырвал ранним воскресным утром у французского генерального штаба, о чем Бонне узнал по телефону (раньше генеральный штаб настаивал на том, чтобы срок ультиматума составил сорок восемь часов), у британского правительства оно вызвало раздражение, что и было высказано Бонне незадолго до полудня. Премьер Даладье еще раз попытался убедить военных. Он вызвал генерала Колстона из генерального штаба ив 11.30 утра постарался уговорить его сократить срок действия ультиматума. Генерал неохотно согласился передвинуть срок окончания ультиматума на двенадцать часов, то есть на 17 часов.

Таким образом, в тот момент, когда Кулондр выходил из здания французского посольства в Берлине, направляясь на Вильгельм-штрассе, Бонне позвонил ему по телефону и распорядился указать новое время.

В полдень Риббентроп не мог принять французского посла. В это время он участвовал в церемонии, которая происходила в рейхсканцелярии. Там фюрер тепло встречал нового советского посла Александра Шкварцева — это придало своеобразный оттенок тому историческому дню в Берлине. Кулондр, неуклонно следуя полученным инструкциям, прибыл на Вильгельмштрассе ровно в полдень и был принят там Вайцзекером. На вопрос посла, обладает ли статс-секретарь полномочиями дать «удовлетворительный» ответ Франции, Вайцзекер ответил, что находится в таком положении, которое не позволяет ему «вообще давать какой-либо ответ».

За этим последовала небольшая дипломатическая комедия. Когда Кулондр попытался истолковать ответ Вайцзекера как отрицательный, к чему он был готов, и вручить статс-секретарю официальный ультиматум, последний отказался его принять. Он предложил послу «любезно проявить еще немного терпения и встретиться с министром иностранных дел лично». Получив такой отпор, причем уже не впервые, Кулондр провел в напряженном ожидании еще полчаса. В 12.30 его проводили в канцелярию для встречи с Риббентропом.

Хотя министр иностранных дел прекрасно знал, с чем явился к нему Кулондр, он не мог упустить возможности — последней возможности — изложить французскому послу свойственный ему извращенный взгляд на происходящие события. Указав, что Муссолини, выступая в последнюю минуту с мирными предложениями, говорил, что Франция их одобрила, Риббентроп заявил, что «Германия сообщила о своем согласии с предложениями дуче. Однако через

несколько часов, продолжал он, дуче сообщил, что его предложения не могут быть выполнены из-за жесткой позиции британского правительства».

Но Кулондр в течение последних месяцев слишком часто слышал лживые заявления Риббентропа. Послушав еще немного министра иностранных дел, который говорил, что будет сожалеть, если Франция последует примеру Англии, и что Германия не имеет ни малейшего намерения нападать на Францию, посол сделал то, для чего и пришел, — задал вопрос: означает ли сказанное министром иностранных дел, что ответ на французское заявление от 1 сентября можно считать отрицательным?

«Да», — ответил Риббентроп.

Тогда посол вручил министру иностранных дел французский ультиматум, «в последний раз» отметив, что «на правительство рейха падает тяжелая ответственность» за нападение на Польшу «без объявления войны» и отказ выполнить пожелание, выраженное в англо-французском заявлении, — вывести войска.

«Тогда Франция станет агрессором», — заявил Риббентроп.

«История рассудит», — ответил Кулондр.

В это воскресенье все участники последнего акта драмы стремились призвать в судьи историю.

Хотя Франция проводила мобилизацию армии, которая по численности во много раз превосходила силы немцев на западной границе, не Франция, а Англия, чья армия была гораздо малочисленней, занимала мысли Гитлера. Фюрер хотел свалить на Англию всю вину за то положение, в котором оказался 3 сентября 1939 года. Это становится очевидно из двух заявлений, которые он сделал в тот вечер. Обращенные к немецкому народу и к армии, дислоцированной на западных рубежах, они были полны ненависти и истерической злобы по отношению к Англии.

«Великобритания, — говорилось в «Воззвании к немецкому народу», — в течение многих веков преследовала цель сделать народы Европы беззащитными против британской политики мирового господства… оставляла за собой право под ничтожным предлогом нападать на то европейское государство, которое в тот или иной момент было наиболее опасным…

Мы сами были свидетелями политики блокады, которую Великобритания проводила по отношению к Германии начиная с довоенных времен… Британские подстрекатели… подавили немецкий народ Версальским диктатом…»

«Солдаты Западной армии! — писал Гитлер в воззвании к солдатам, которые в течение многих недель могли противостоять только французской армии. Великобритания преследует политику блокады Германии… Правительство Великобритании, подстрекаемое поджигателями, которые известны нам со времен последней войны, решило сбросить маску и объявить войну под ничтожным предлогом…»

О Франции не говорилось ни слова.

В Лондоне спустя шесть минут пополудни Чемберлен выступил в палате общин и сообщил, что Англия находится в состоянии войны с Германией. Хотя Гитлер под страхом смерти запретил с 1 сентября слушать иностранные радиостанции, мы в Берлине узнали об этом заявлении премьер-министра из сообщений Би-би-си. Для нас, видевших, как он рисковал своей политической карьерой в Годесберге и Мюнхене, его слова прозвучали особенно трагично.

«Это печальный день для всех нас, для меня же он печальнее, чем для кого-либо другого. Все, во имя чего я работал, все, во что я верил на протяжении своей жизни в политике, все рухнуло. Мне остается только одно: употребить все силы и власть, которую я имею, для достижения победы в деле, в жертву которому я так много принес… Я верю, что доживу до того дня, когда гитлеризм будет уничтожен и освобожденная Европа будет восстановлена».

Чемберлену не было суждено дожить до этого дня. Он умер 9 ноября 1940 года, надломленный человек, но все еще член кабинета. В свете того, что было сказано о нем на страницах этой книги, я считаю, что должен привести слова Черчилля, которого Чемберлен в течение стольких лет не допускал к общественной жизни Великобритании и который сменил его на посту премьер-министра 10 мая 1940 года. Отдавая дань Чемберлену в палате общин 12 ноября 1940 года, Черчилль сказал:

«…Невиллу Чемберлену довелось столкнуться во время одного из тяжелейших мировых кризисов с противоречивыми событиями, разочароваться в своих надеждах, быть обманутым негодяем. Каковы же были те надежды, в которых он разочаровался? Каковы же были те желания, которые он не сумел осуществить? Какова была вера, которой злоупотребили? Несомненно, это были самые благородные порывы человеческого сердца — любовь к миру, труд во имя мира, стремление к миру, стремление к поддержанию мира даже в самое опасное время, даже несмотря на потерю популярности и возмущение».

Когда провалились дипломатические попытки Гитлера удержать Англию и Францию от вступления в войну, он во второй половине дня 3 сентября обратился к вопросам чисто военным, издав совершенно секретную Директиву э 2 для ведения войны. Несмотря на объявление Англией и Францией о состоянии войны с Германией, говорилось в директиве, «целью ведения войны Германией остается прежде всего победоносное завершение операций против Польши». После «возвещенного Англией открытия военных действий и объявления Францией состояния войны» разрешались наступательные операции против Англии на море. Люфтваффе разрешалось нападать на британские ВМС в том случае, если англичане предпримут аналогичные действия против немцев или же «будут иметься особенно благоприятные виды на успех». Был издан приказ о переводе всей промышленности Германии на рельсы «военной экономики».

В 9 часов вечера Гитлер и Риббентроп в двух разных специальных поездах выехали в ставку верховного главнокомандования на Восток. Но перед этим они предприняли два дипломатических хода. Британия и Франция находились теперь в состоянии войны с Германией. Однако были еще две великие европейские державы, поддержка которых сделала возможной авантюру Гитлера, а именно:

Италия, союзник, изменивший данному слову в последний момент, и Советская Россия, способствовавшая тому, что нацистский диктатор, не доверявший ей, счел возможным сделать ставку на войну.

Перед тем как покинуть столицу, Гитлер послал еще одно письмо Муссолини. Оно было отправлено телеграфом в 21.51, за девять минут до того, как поезд фюрера медленно отошел от перрона. Письмо это не вполне откровенное и даже не лишено лжи. Но оно дает самое полное представление об умонастроении Адольфа Гитлера, когда он в первый раз покинул затемненную столицу третьего рейха, чтобы взять на себя роль верховного главнокомандующего. Письмо это было обнаружено среди трофейных документов.

Дуче!

Прежде всего хочу поблагодарить Вас за Вашу последнюю попытку выступить в качестве посредника. Я был бы рад принять предложение, но только в том случае, если бы было возможно дать мне определенные гарантии, что исход конференции будет успешным. Уже два дня немецкие войска необычайно быстро продвигаются по Польше. Было бы недопустимо, если бы кровь, пролитая там, из-за дипломатических интриг оказалась напрасной.

Тем не менее я верю, что можно было бы найти решение, если бы Англия с самого начала не стремилась развязать войну в любом случае. Я не поддался на английские угрозы, дуче, потому что больше не верю, что мир можно было бы сохранить дольше чем шесть месяцев или, скажем, год. В этих обстоятельствах я решил, что настоящий момент, несмотря ни на что, самый подходящий, чтобы защищаться.

…Польская армия будет разбита в кратчайшие сроки. Я сомневаюсь, что можно было бы добиться такого успеха через год или через два. Англия и Франция продолжали бы вооружать своих союзников, и решающее техническое превосходство вермахта не было бы столь очевидным, как сейчас. Я понимаю, дуче, что борьба, в которую я вступил, это борьба не на жизнь, а на смерть… Но я также понимаю, что такой борьбы в конце концов не избежать и что момент для сопротивления должен быть выбран с холодным расчетом, чтобы с наибольшей вероятностью обеспечить успех; а моя вера в успех, дуче, тверда как камень.

Далее следовало предупреждение в адрес Муссолини:

Недавно Вы любезно заверили меня, что сможете оказывать мне помощь в некоторых областях. С искренней благодарностью заранее принимаю Вашу помощь. Я также верю, что несмотря на то, что сейчас мы с Вами идем разными путями, судьба еще крепко нас свяжет. Если национал-социалистская Германия будет уничтожена западными демократиями, то фашистскую Италию ждет трудное будущее. Лично я всегда был уверен, что будущее наших двух режимов тесно связано, и я знаю, дуче, что Вы придерживаетесь такого же мнения.

Перечислив первоначальные успехи немецкой армии в Польше, Гитлер писал:

…На Западе я буду обороняться. Франция может первой пролить свою кровь. Тогда настанет момент, когда мы сможем противостоять врагу силами всей нации.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас, дуче, за всю ту помощь, которую Вы оказывали мне в прошлом и в которой я прошу Вас не отказать мне в будущем.

Адольф Гитлер

Разочарование по поводу того, что Италия не сдержала своего слова даже после того, как Англия и Франция объявили войну, Гитлер таил глубоко в себе. Дружественная Италия, даже невоюющая, все еще могла оказать ему помощь.

Но еще большую помощь могла оказать ему Россия.

Уже в первый день нападения немецких войск на Польшу Советское правительство, как это явствует из немецких документов, оказало люфтваффе услугу. В то утро начальник главного штаба ВВС генерал Ганс Ешоннек позвонил в посольство Германии в Москве и сказал, что для оказания помощи пилотам бомбардировщиков при нанесении бомбовых ударов по Польше (в разговоре он назвал это «срочным навигационным испытанием») он просит русскую радиостанцию в Минске постоянно подавать позывные. Во второй половине дня посол Шуленбург уже сообщил в Берлин, что Советское правительство «готово пойти навстречу». Русские согласились подавать позывные со станции в Минске в программах возможно чаще и продлить время ее вещания на два часа, чтобы помочь немецким летчикам в ночное время.

Но, покидая Берлин вечером 3 сентября, Гитлер и Риббентроп имели в виду более существенную военную помощь России в завоевании Польши. В 18.50 Риббентроп отправил «совершенно секретную» телеграмму в посольство в Москве. Начиналась телеграмма словами: «Только для посла.. Главе миссии или его представителю лично. При работе предпринимать меры безопасности. Расшифровать лично. Абсолютно секретно».

В обстановке строжайшей секретности немцы предлагали Советскому Союзу напасть вместе с ними на Польшу!

Мы совершенно уверены в окончательном разгроме польской армии в течение ближайших недель. После этого мы оккупируем территорию, которая в Москве была определена как сфера интересов Германии. Вполне естественно по чисто военным причинам, что мы продолжим боевые действия против польских частей, которые к тому времени окажутся на территории, являющейся сферой интересов России.

Пожалуйста, обсудите немедленно с Молотовым, не предпочтительнее ли для русских выступить в нужный момент против Польши в сфере интересов русских и оккупировать эту территорию. Мы считаем, что это не только облегчит наше положение, но будет также в духе соглашения, подписанного в Москве, и в советских интересах.

Что такой циничный поступок «облегчит» положение — Гитлеру и Риббентропу казалось очевидным. Он помог бы не только избежать недопонимания и трений между Германией и Россией при дележе добычи, но и переложить часть ответственности за немецкую агрессию против Польши на Советский Союз. Если они поделят добычу, то почему бы не разделить и вину?

Самым мрачным немцем в Берлине в тот полдень, когда стало известно, что Англия находится в состоянии войны с Германией, казался гросс-адмирал Эрих Редер, главнокомандующий ВМС Германии. Он полагал, что война начата преждевременно, что требовалось еще 4–5 лет. К 1944–1945 годам был бы выполнен план Z, в результате чего Германия имела бы внушительный флот, который смог бы противостоять английскому. Но на дворе было 3 сентября 1939 года. Адмирал понимал, хотя Гитлер его и не слушал, что у него недостаточно боевых кораблей, а тем более подводных лодок, чтобы вести эффективную войну против Англии.

В своем дневнике адмирал писал:

«Сегодня началась война против Англии и Франции, война, которой нам не следовало по прежним заверениям фюрера опасаться до 1944 года. Фюрер до последней минуты уверял, что ее удастся избежать, даже если для этого придется отложить решение польского вопроса…

Что касается флота, совершенно очевидно, что он не оснащен в такой степени, чтобы вести большую войну против Великобритании… Силы подводного флота еще слишком малы, чтобы оказать решающее влияние на ход войны. Более того, надводный флот настолько уступает британскому по численности и мощи, что, даже если собрать его весь, он сможет лишь продемонстрировать, что моряки умеют погибать с честью…»

Тем не менее в 9 часов вечера 3 сентября 1939 года, в тот самый момент, когда Гитлер выезжал из Берлина, германский флот нанес удар. Немецкая подводная лодка «U-30» без предупреждения торпедировала и потопила в двухстах милях к западу от Гебридских островов британский лайнер «Атения». Лайнер шел из Ливерпуля в Монреаль, имея на борту 1400 пассажиров. Погибло 112 человек, среди них 28 американцев.

Вторая мировая война началась.

Примечания

1

См.: Ленин В. И. Собр. соч., т. 11., с. 292.

2

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 1980, с. 347.

3

Перевод из «Майи кампф» дается по английскому тексту Ширера. — Прим. ред.

4

Гитлер, очевидно, и сам понимал это. В юности он признался своему единственному другу Августу Кубичеку, что ничто его так не обрадовало, как перемена фамилии отцом. Он заявлял, что фамилия Шикльгрубер кажется ему «какой-то грубой, топорной, не говоря уже о том, что она громоздка и неудобна. Фамилию Гидлер он находил… слишком мягкой, а вот Гитлер звучит славно и легко запоминается». (Кубичек А. Каким я знал Гитлера в юности. Лондон, 1954, с. 40.) — Прим. авт.

5

Эту историю он рассказал, пребывая в благодушном настроении, в ночь на 9 января 1942 года в ставке верховного главнокомандующего. (Секретные беседы Гитлера. 1941–1944. Нью-Йорк, 1953, с. 160.) — Прим. авт.

6

«Это были самые счастливые дни моей жизни, так похожие на сон…» («Майн кампф», с. 18). В письме от 4 августа 1933 года, через полгода после того, как он стал рейхсканцлером, Гитлер писал другу детства Августу Кубичеку: «Мне бы очень хотелось… вспомнить вместе с тобой эти лучшие годы моей жизни». (Кубичек А. Каким я знал Гитлера в юности. Лондон, 1954, с. 273.) Прим. авт.

7

Кубичек, очевидно единственный друг Гитлера в юности, находившийся рядом с ним четыре года, пока в возрасте девятнадцати лет тот не отправился бродяжничать в Вену, в книге «Каким я знал Гитлера в юности» нарисовал интересный портрет своего приятеля, портрет, позволяющий не только заполнить пробелы в биографии германского фюрера, но и до некоторой степени корректировать бытовавшее ранее представление о характере молодого Гитлера. Кубичек был полной ему противоположностью. Он происходил из хорошей семьи, выучился, как отец, на драпировщика и с удовольствием занимался этим ремеслом, одновременно обучаясь музыке. Позднее он с отличием закончил Венскую консерваторию и, вероятно, сделал бы блестящую карьеру дирижера и композитора, если бы не грянула первая мировая война. — Прим. авт.

8

См.: Грейнер И. Конец гитлеровского мифа. Вена, 1947 (о периоде венской жизни Гитлера); Олден Р. Гитлер — ростовщик. Лондон, 1936 (в книге приводятся высказывания Рейнхольда Ханиша — судетского бродяги, одно время бывшего соседом Гитлера по мужскому общежитию и торговавшего его рисунками. Конрад Хайден в книге «Фюрер» также цитирует Ханиша, включая судебные показания по делу, которое Гитлер возбудил против бродяги, обвинив его в том, что он присвоил себе часть денег за проданную картину). — Прим. авт.

9

Во втором и всех последующих изданиях «Майн кампф» это слово было заменено выражением «заразных больных». — Прим. авт.

10

Начиная с 1910 года, по исполнении двадцати одного года, Гитлер вступил в призывной возраст. Как вспоминает Хайден, австрийские власти не могли добраться до него, пока он жил в Вене. Им удалось разыскать его лишь в Мюнхене, и молодому человеку было предписано явиться для освидетельствования в Линц. Йозеф Грейнер в книге «Конец гитлеровского мифа» приводит некоторые эпизоды переписки Гитлера с австрийскими военными властями, из которых явствует, что он отверг обвинение в том, что перебрался в Германию, чтобы избежать военной службы. Ссылаясь на отсутствие достаточных средств, он попросил разрешения пройти освидетельствование в Зальцбурге, который находился недалеко от Мюнхена. Он прошел освидетельствование 5 февраля 1914 года, и его признали негодным к строевой и даже вспомогательной службе по причине слабого здоровья — видимо, было не все в порядке с легкими. Тот факт, что он не стал призывником до тех пор, пока власти в конце концов не установили его местопребывание, а ему к тому времени исполнилось двадцать четыре года, очевидно, беспокоил Гитлера, когда взошла его звезда в Германии. Грейнер подтверждает слух, ходивший в антинацистских кругах, когда я работал в Берлине, относительного того, что после оккупации Австрии в 1938 году немецкими войсками Гитлер отдал распоряжение гестапо найти официальные документы, касающиеся его призыва на военную службу. Попытки обнаружить эти бумаги в Линце не увенчались успехом, отчего Гитлер пришел в бешеную ярость. Документы эти были изъяты одним из членов местного управления, который после войны показал их Грейнеру. — Прим. авт.

11

Гитлер использовал это выражение в первом издании «Майн кампф» в Германии, однако в последующих изданиях слово «злодеяние» было заменено словом «революция». — Прим. авт.

12

Заявление, что автором мифа является некий английский генерал, едва ли может быть подтверждено документально. Уилер-Беннет в своей книге «Деревянный титан Гинденбург» объяснял в этой связи, что по иронии судьбы два английских генерала все же в некоторой степени повинны в распространении ложного слуха:

«Первым был генерал-майор сэр Фредерик Морис, опубликовавший в 1919 году книгу «Последние четыре месяца». Содержание ее в немецкой прессе излагалось обозревателями в таком извращенном виде, что, согласно их утверждениям, выходило, будто немецкая армия не потерпела поражение на поле боя, а была предана социалистами в тылу».

Генерал выступил с опровержением подобной интерпретации его книги немецкой прессой, но все было напрасно. Людендорф воспользовался данными обзорами, чтобы убедить Гинденбурга занять его позицию.

«Вторым генералом, — писал Уилер-Беннет, — был генерал-майор Малькольм, глава британской военной миссии в Берлине. Как-то вечером Людендорф ужинал с генералом и в свойственной ему высокопарной манере говорил о том, что штаб верховного командования всегда страдал из-за отсутствия необходимой поддержки со стороны гражданского правительства и что революция предала армию. Пытаясь обобщить одной фразой смысл словесных излияний Людендорфа, генерал Малькольм спросил:

? Не хотите ли вы, генерал, сказать этим, что вам нанесли удар в спину?

Глаза Людендорфа заблестели, и он моментально, как голодная собака за кость, ухватился за эту фразу.

? Удар в спину? — переспросил он. — Да, совершенно верно, нам нанесли удар в спину». — Прим. авт.

13

У некоторых генералов хватило мужества откровенно признаться в этом. 23 августа 1924 года газета «Франкфуртер цайтунг» опубликовала статью генерала фон Шенайха, в которой анализировались причины поражения Германии в войне. Генерал пришел к неоспоримому выводу: «…Своим поражением мы обязаны превосходству армии над гражданскими инстанциями… Фактически германский милитаризм просто пошел на самоубийство». (Цит. по: Тейлор Т. Меч и свастика. Лондон, 1953, с. 16.) — Прим. авт.

14

Предводители наемных военных отрядов, находившихся на службе у отдельных государей и римских пап в Италии в XIV–XVI веках. — Прим. пер.

15

В конце войны Людендорф бежал в Швецию, изменив внешность: он наклеил фальшивые усы и. надел темные очки. Генерал вернулся в Германию в феврале 1919 года, предварительно прислав жене следующее письмо: «Революционеры сделают самую большую глупость, если оставят нас в живых. Поскольку, если мне удастся когда-либо вновь прийти к власти, я буду к ним беспощаден. Я с легкой совестью повесил бы тогда Эберта, Шейдемана и компанию и смотрел бы, как они болтаются на виселице» (Людендорф М. Когда я была женой Людендорфа. Мюнхен, 1929, С. — 229). Эберт был первым президентом Веймарской республики, Шейдеман — ее первым канцлером. Людендорф, хотя и подчинялся Гинденбургу, фактически являлся Диктатором Германии в последние два года войны. — Прим. авт.

16

Экарт умер от белой горячки в декабре 1923 года. — Прим. авт.

17

Харрер возражал также против ярого антисемитизма Гитлера, полагая, что тем самым он оттолкнет от партии рабочие массы. Эти причины вынудили его уйти отставку. — Прим, авт.

18

Дрекслер вышел из партии в 1923 году, однако находился на посту вице-председателя баварского ландтага с 1924 по 1928 год. В 1930 году он помирился с Гитлером, но политикой уже никогда не занимался. Как замечает Хайден, Дрекслеру выпала судьба всех первооткрывателей. — Прим. авт.

19

В своих мемуарах «Неслыханный свидетель» Ханфштенгль пишет о том, что впервые его направил к Гитлеру знакомый американец, капитан Трумэн Смит, состоявший в ту пору помощником военного атташе при американском посольстве в Берлине. В ноябре 1922 года посольство командировало Смита в Мюнхен навести справки о малоизвестном политическом деятеле по фамилии Адольф Гитлер и недавно созданной им национал-социалистской рабочей партии Германии. Выбор пал на Смита потому, что тот, как никто другой, умел анализировать политическую ситуацию.

За неделю пребывания в Мюнхене (с 15 по 22 ноября) ему удалось встретиться с Людендорфом, кронпринцем Рупрехтом и еще с десятком политических деятелей Баварии, которые сообщили капитану, что Гитлер восходящая звезда, что его движение стремительно набирает силу. Смит старался не терять времени даром и побывал на одном из нацистских сборищ, где выступал Гитлер. «Ничего подобного в жизни я не видел, — записал он в своем дневнике после посещения митинга. — Встретился с Гитлером, и он обещал побеседовать со мной в понедельник и изложить задачи партии».

В понедельник Смит направился в резиденцию Гитлера («небольшую, скудно обставленную спальню на втором этаже убогого строения») и имел продолжительную беседу с будущим диктатором, которого тогда мало кто знал за пределами Мюнхена. «Потрясающий демагог — такую запись сделал в своем дневнике вечером помощник военного атташе. — Редко приходилось встречать столь последовательную и фанатичную личность». Запись датирована 22 ноября 1922 года.

Перед отъездом в Берлин Смит увиделся с Ханфштенглем, рассказал о своей встрече с Гитлером и посоветовал ему присмотреться к этому человеку. Вечером нацистский вождь должен был выступать на митинге, и капитан Смит передал Ханфштенглю свой журналистский пропуск. Последнего, как и многих других, пора-зило красноречие Гитлера; он разыскал его после митинга и вскоре стал сторонником нацизма.

Вернувшись в Берлин, где не знали о деятельности Гитлера, капитан Смит составил подробное донесение, которое 25 ноября 1922 года было направлено посольством в Вашингтон. Принимая во внимание время написания донесения, его можно считать своего рода уникальным.

«Самой активной политической силой в Баварии в настоящее время, — писал Смит, — является национал-социалистская рабочая партия Германии. Так как это в меньшей степени политическая партия, нежели народное движение, ее следует рассматривать в качестве баварского двойника итальянского фашизма… За послед-ние месяцы партии удалось приобрести политическое влияние, явно не соответствующее ее численному составу…

С самого начала доминирующую роль в данном движении играл Адольф Гитлер. Не подлежит сомнению, что эта личность — один из важнейших факторов, содействующих успеху партии… Способность его воздействовать на широкие массы просто удивительна. В частной беседе Гитлер показал себя убежденным и последовательным, а в моменты откровенности производил весьма глубокое впечатление на нейтрального слушателя своей фанатичностью». — Прим. авт.

20

Какое-то время ходили слухи, что в период второй мировой войны Ханфштенгль был интернирован и находился в Вашингтоне, однако на самом деле он состоял при правительстве США советником по нацистской Германии. Американцам, знавшим Ханфштенгля и нацистскую Германию, такая его роль на склоне лет казалась нелепой. Очевидно, это забавляло и его самого. — Прим. авт.

21

9 ноября 1918 года Карл Либкнехт от имени революционного пролетариата провозгласил Германию социалистической республикой. — Прим. ред.

22

Речь идет о правых социал-демократических лидерах Эберте, Шейдемане, Ландсберге и других. — Прим. тит. ред.

23

Через год генерал Вальтер фон Лютвиц, реакционный офицер старой школы, сделает заявление, из которого станет ясно, насколько он был лоялен к республике в Целом и к Носке в частности, когда возглавляемый им добровольческий корпус, оказывая военную поддержку Капповскому путчу, захватил Берлин. Эберт, Носке и Другие члены правительства вынуждены были спасаться бегством в пять часов утра 30 марта 1920 года. Генерал фон Сект, начальник штаба сухопутных войск, формально подчинявшийся министру обороны Носке, отказался отдать приказ войскам защищать Республику. Та памятная ночь показала банкротство всей моей политики, — кричал Носке. — Моя вера в офицерский корпус пошатнулась. Вы все предали меня». (Цит. по: Уилер — Беннет И. Возмездие силы. С. 77.) — Прим. авт.»

24

Разумеется, она не была лишена недостатков, и некоторые из них в конечном счете привели к плачевным результатам. Система пропорционального представительства и голосования списком, возможно, предотвращала необоснованную потерю голосов, однако способствовала созданию многочисленных мелких партий, что со временем не позволило поддерживать постоянное большинство в рейхстаге и привело к частым сменам правительства. На национальных выборах 1930 года в списке значилось двадцать восемь политических партий.

Республика, очевидно, могла бы обладать большей стабильностью, если бы не были отвергнуты идеи профессора Гуго Пройса, разработавшего основные положения конституции. Пройс предложил превратить Германию в централизованное государство, а Пруссию и другие земли преобразовать в провинции. Однако Национальное собрание отклонило его предложение.

В довершение президент в соответствии со статьей 48 конституции наделялся диктаторскими полномочиями в случае введения чрезвычайного положения. Использование данной статьи канцлерами Брюнингом, Папеном и Шлейхером во время правления Гинденбурга позволяло им управлять страной без одобрения рейхстага и, таким образом, до прихода Гитлера к власти положило конец демократическому правлению в Германии. — Прим. авт.

25

Вооруженные силы Германии ограничивались стотысячной армией добровольцев, зачисляемых на долгосрочную службу; запрещалось иметь на вооружении самолеты и танки. Генеральный штаб подлежал роспуску. Военно-морской флот ограничивался небольшими силами; не допускалось строительство подводных лодок и судов водоизмещением более 10 тысяч тонн. — Прим. авт.

26

Войска «черного рейхсвера», насчитывающие примерно 20 тысяч человек, дислоцировались на восточной границе, обеспечивая ее охрану от поляков в тревожные дни 1920–1923 годов. Незаконная организация получила печальную известность после того, как возродила страшную средневековую процедуру тайных судов, которые произвольно выносили смертные приговоры жителям Германии, сообщавшим о деятельности «черного рейхсвера» контрольной комиссии союзников. Разбором некоторых дел по поводу жестоких убийств занялись суды. На одном из судебных процессов министр обороны Германии Отто Гесслер, сменивший на этом посту Носке, отрицал, что ему было что-либо известно о существовании подобной организации. Однако, когда кто-то из задававших ему вопросы усомнился в подобном неведении, министр обороны возмутился: «Те, кто говорят о «черном рейхсвере», совершают государственную измену!» — Прим. авт.

27

Спустя несколько лет, мотивируя назначение Штрейхера нацистским главарем Франконии, несмотря на возражения многих соратников по партии, Гитлер заявил:

«Возможно, найдутся один или два человека, которым не нравится форма носа Штрейхера. Но в тот день, когда он лежал рядом со мной на мостовой Фельдхернхалле, я поклялся, что не брошу его, пока он не бросит меня» (Хайден К. Биография Гитлера. Нью-Йорк, 1936, с. 157). — Прим. авт.

28

Людендорфа

29

До приезда Гесса предварительные записи под диктовку Гитлера вел Эмиль Морис, бывший заключенный, часовщик по специальности, первый командир нацистских боевых отрядов. — Прим. авт.

30

«Нет смысла, — писал он в конце второго тома, бередить раны, которые, судя по всему, еще не до конца зажили… нет нужды винить тех, кто в глубине души, вероятно, был не меньше предан своей стране и кто просто не нашел или не смог понять общий курс». Столь злопамятным человеком, каким был Гитлер, в данном случае проявлена неожиданная терпимость по отношению к тем, кто подавил поднятый им путч и упрятал его за решетку, либо, принимая во внимание то, что произошло позднее с Каром и другими его противниками, данное утверждение свидетельствует о силе воли Гитлера — способности сдерживаться на какое-то время по тактическим соображениям. В любом случае Гитлер воздержался от каких-либо встречных обвинений. — Прим. авт.

31

Как у большинства писателей, у Гитлера возникали определенные трудности с Уплатой налогов — по крайней мере, как мы увидим, до тех пор, пока он не стал диктатором. — Прим. авт.

32

«Если бы я не попал в тюрьму, — отмечал впоследствии Гитлер, — я никогда бы не написал «Майн кампф». В тот период у меня появилась возможность более глубоко осмыслить понятия, в отношении которых у меня имелись лишь чисто интуитивные догадки… В ту пору я пришел к убеждению, что нам уже не удастся взять власть силой, хотя многим моим сторонникам так и не было дано этого понять. Государство имело достаточно времени для консолидации сил, к тому же обладало боевыми средствами» (см. Секретные беседы Гитлера. 1941–1944. Нью-Йорк, 1953). Это высказывание сделано Гитлером в присутствии некоторых из его приближенных в ставке на Восточном фронте в ночь на 4 февраля 1942 года. — Прим. авт.

33

Название Русского государства в иностранных источниках XVI — XVII веков. Прим. пер.

34

В определенном смысле германский рабочий класс пошел на подобную сделку. В целях борьбы с социализмом Бисмарк в период с 1883 по 1889 год развернул программу социального обеспечения, не имеющую аналогов в других странах. Программа включала обязательное страхование рабочих по старости, по болезни, в связи с несчастными случаями и потерей трудоспособности. Хотя данная программа проводилась государством, финансировалась она за счет предпринимателей и рабочих. Нельзя утверждать, что программа приостановила влияние социал-демократов или профсоюзов, но она сильно отразилась на сознании рабочего, который постепенно стал придавать большее значение своей социальной обеспеченности, чем политическим свободам. В результате рабочие начали видеть в государстве, каким бы консервативным оно ни являлось, своего благодетеля и защитника.

Гитлер, как мы уже отмечали, в полной мере учел подобные настроения. В данном случае, как и в других вопросах, он многое почерпнул у Бисмарка. «Я изучил социалистическое законодательство Бисмарка, — писал он в «Майн кампф», — в частности, цели, сопротивление и успех данного законодательства». — Прим. авт.

35

Новоявленный приверженец какой-либо религии или учения. — Прим. тит. ред.

36

«Я часто испытывал, — сказал однажды Гете, — жгучую скорбь при мысли о немецком народе, отдельные представители которого в высшей степени достояны уважения, но в целом он производит жалкое впечатление. Сравнение немецкого народа с другими народами вызывает неприятное ощущение, которое я стараюсь преодолеть всеми возможными способами». (Цит. по: Репке В. Решение германской проблемы.) — Прим. авт.

37

Женщин Ницше безоговорочно относил к низшей социальной группе, как, прочем, и нацисты, заявлявшие, что место женщины на кухне, а основное ее предназначение в жизни — рожать детей немецким воинам. Ницше так излагал эту идею: мужчина должен готовиться к войне, а женщина — рожать воинов. Все остальное — глупость».

38

По поводу этого высказывания Бертран Рассел съязвил: «Девять женщин из десяти отобрали бы у него этот хлыст, и, понимая это, он избегал женщин…» — Прим. авт.

39

Мои наблюдения находят подтверждение в книге Отто Толишуса «Они жаждали войны» (Лондон, 1940). — Прим. авт.

40

Во Франции, однако, они не были популярны. — Прим. авт.

41

Позднее, в 1929 году, профессор М. А. Геротволь, редактор дневников лорда Д'Абернона дополняя воспоминания посла о «пивном путче» сноской, в которой после упоминания о заключении Гитлера в тюрьму писал: «Через полгода его выпустили на свободу с ограниченной возможностью передвижения до конца полученного срока, а затем о нем просто забыли».

Лорд Д'Абернон являлся послом Великобритании в Германии с 1920 по 1926 год Приложил немало усилий, чтобы поддержать Веймарскую республику. — Прим. авт.

42

Роман «Михель» был издан в 1929 году, когда Геббельс приобрел широкую известность как нацистский лидер. Пьесу «Скиталец» поставили после того, как Геббельс стал министром пропаганды и управителем театров. На сцене она продержалась недолго. — Прим. авт.

43

До свидания! (фр.)

44

Впоследствии он купил эту виллу, а когда стал канцлером, то реконструировал ее, превратив в огромный роскошный особняк, которому дал название «Бергхоф». — Прим. авт.

45

Портреты написаны после смерти Гели Адольфом Циглером, любимым художником Гитлера, — Прим. авт.

46

Оба окончили свои дни на виселице: Зака казнили за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, а Франка за его злодеяния в Польше. — Прим. авт.

47

Лейтенант Шерингер, обозленный на Гитлера за предательство, еще будучи в тюрьме, отрекся от нацистской партии и стал фанатиком коммунистом. Во время чистки 30 июня 1934 года он подлежал ликвидации (так поступали со всеми, кто стоял на пути фюрера), но каким-то образом спасся и пережил самого Гитлера. Лейтенант Лудин остался ревностным нацистом, в 1932 году был избран в рейхстаг, получил высокий чин в СА и СС, а впоследствии служил посланником Германии в марионеточном государстве Словакия. После освобождения Словакии был арестован и казнен. — Прим. авт.

48

Президент США в 1929–1933 годах. — Прим. тит. ред.

49

«Чувство презрения и гнева клокочет во мне, — писал Гренер Шлейхеру 27 ноября, — ибо я обманулся в вас, мой старый друг, ученик, приемный сын» (см. Крейг Г. Рейхсвер и национал-социализм: политика Вильгельма Гренера. — Политикал сайенс куортерли, 1948, июнь). — Прим. авт.

50

Удар милосердия (фр.).

51

В своих мемуарах Папен не указывает, что на беседе присутствовал Шлейхер, но, судя по другим источникам, он там был. Это важная деталь, если иметь в виду последующие события. — Прим. авт.

52

У меня был друг (нем.) — слова из популярной солдатской песни времен первой мировой войны. — Прим. ред.

53

Это заседание было, конечно, закрытым. Его протокол и принятые на нем резолюции, как и документы большинства других совещаний, проводимых Гитлером и его политическими и военными помощниками в обстановке строгой секретности, не были известны общественности, пока их не огласили на Нюрнбергском процессе. Таких совершенно секретных документов найдено великое множество, и все они считались государственной тайной. Они будут упоминаться в этой книге, поскольку вся она от начала до конца основана на документах того времени. Ссылки на эти документы будут делаться даже с риском перегрузить ими текст книги. Но не ссылаться на источники было невозможно. Поэтому ни одна летопись жизни народа не документирована так полно, как летопись третьего рейха; отсутствие ссылок на документы значительно обеднило бы книгу, которая утратила бы историческую достоверность. — Прим. авт.

54

На предварительном следствии и на суде в Нюрнберге Геринг отрицал свою Причастность к поджогу рейхстага. — Прим. авт.

55

Призыв к перевороту (исп.).

56

Документ, увидевший свет на Нюрнбергском процессе, свидетельствует, что нацисты давно намеревались уничтожить профсоюзы. Секретный приказ от 21

апреля, подписанный д-ром Леем, содержал подробные инструкции относительно «координации» профсоюзов 2 мая. Отряды СА и СС должны были осуществить «оккупацию владений профсоюзов» и взять под «превентивную охрану» всех профсоюзных руководителей. Профсоюзные фонды надлежало конфисковать. Христианские (католические) профсоюзы не были разогнаны 2 мая. С ними покончили 24 июня. — Прим. авт.

57

16 апреля 1922 года в Рапалло (Италия) между СССР и Германией был подписан договор о восстановлении дипломатических и торгово-экономических отношений, об отказе от взаимных претензий, получивший название Рапалльского. — Прим. тит. ред.

58

За несколько месяцев до этого, 11 мая, лорд Хейлшэм, военный министр Великобритании, публично предупредил, что всякая попытка Германии перевооружиться будет нарушением мирного договора и ответом на нее явятся санкции, предусмотренные указанным договором. В Германии полагали, что санкции подразумевают военное вторжение. — Прим. авт.

59

Локарнские договоры (1925 год) о неприкосновенности границ государств, граничащих с Германией на западе, являлись составной частью англо-французской концепции безопасности и в то же время открывали германскому империализму путь к агрессии на востоке против Польши и СССР. Прим. тит. ред.

60

Мюнхенский процесс, проходивший в мае 1957 года, был первым, на котором очевидцы и участники резни 30 июня 1934 года давали показания публично. В период существования третьего рейха это было невозможно. Зепп Дитрих, которого автор этих строк знал как одного из самых жестоких людей в третьем рейхе, в 1934 году был начальником охраны СС Гитлера и руководил казнями в тюрьме Штадельхайм. В годы войны он стал генерал-полковником СС, а затем был приговорен к двадцати пяти годам тюрьмы за соучастие в убийстве американских военнопленных, захваченных во время Арденнской операции в 1944 году. Через 10 лет его освободили и доставили в Мюнхен, где 14 мая он был приговорен судом к 18 месяцам заключения за участие в казнях 30 июня 1934 года. Этот приговор, а также приговор Михаэлю Липперту, одному из двух эсэсовцев, убивших Рема, явились первыми из вынесенных нацистским палачам за участие в резне. — Прим авт.

61

Кейт Эва Херлин, бывшая жена Вилли Шмида, 7 июля 1945 года описала историю убийства мужа в письменных показаниях под присягой в Бингхэмтоне, штат Нью-Йорк. В 1944 году она приняла американское подданство. Чтобы замять дело об этом зверском преступлении, Рудольф Гесс лично посетил вдову, извинился за «ошибку» и назначил ей пенсию за счет правительства Германии. Эти показания приобщены к документам Нюрнбергского процесса. — Прим. авт.

62

Эти двое военных не прекращали попыток смыть со Шлейхера и Бредова позорное пятно, пока не вынудили Гитлера признать на секретном совещании руководства партии и армии, состоявшемся в Берлине 3 января 1935 года, что убийство генералов было совершено «по ошибке», и дать обещание, что их имена будут возвращены в почетные списки личного состава полков. Официального подтверждения эта «реабилитация» не получила, однако офицерский корпус смирился и с этим фактом (см. Уилер-Беннет. Немезида власти, с. 337). Прим. авт.

63

С февраля 1933 года до весны 1937 года число безработных сократилось с шести до одного миллиона. — Прим. авт.

64

Опять же в противоположность Советской России нацистская Германия разрешала всем гражданам, кроме тех нескольких тысяч, что были занесены в черные списки тайной полиции, выезжать за границу, хотя этому и мешали в значительной мере финансовые ограничения из-за недостатка иностранной валюты. Однако финансовые ограничения для немцев в то время были не строже, чем для граждан Великобритании после 1945 года. Видимо, нацистские правители не опасались, что на среднего немца, посещающего демократическую страну, антинацистская идеология подействует разлагающе. — Прим. авт.

65

Я подвергся ожесточенным нападкам печати и радио; грозили даже выслать из страны за репортажи о том, что на время Олимпийских игр некоторые из надписей убрали. — Прим. авт.

66

2 июня 1945 года в обращении к собору кардиналов папа Пий XII защищал подписанный им конкордат, но заявил, что национал-социализм, каким он его увидел впоследствии, есть не что иное, как «неприкрытое отступничество от Иисуса Христа, отрицание его учения и его деяний во искупление людских грехов, проповедь культа насилия и расовой ненависти, пренебрежение свободой и достоинством человека». — Прим. авт.

67

Во избежание каких-либо недоразумений, вероятно, следует указать, что автор книги протестант. — Прим. авт.

68

Своим положением Циглер был обязан тому счастливому обстоятельству, что написал в свое время портрет Гели Раубал. — Прим. авт.

69

Личный доход Аманна подскочил со 108 тысяч марок в 1934 году до баснословной цифры 3 миллиона 800 тысяч — в 1942-м. (Из письма, полученного автором от профессора Орона Дж. Нейла, который изучал уцелевшие документы нацистского издательского треста.) — Прим. авт.

70

Точнее, за 18 дней до назначения. — Прим. пер.

71

Закон о реконструкции от 30 января 1934 года и три антисемитских закона, принятые в Нюрнберге 15 сентября 1935 года. — Прим. авт.

72

Убийство в Сараево 28 июня 1914 года наследника австро-венгерского престола Фердинанда и его жены было использовано австро-германскими империалистами как повод для развязывания первой мировой войны. — Прим, тит. ред.

73

С 1942 года генерал-фельдмаршал. — Прим. ред.

74

В тот же день, но немного раньше, Гитлер обнародовал секретный закон о защите рейха. По закону доктор Шахт должен был ведать военной промышленностью. По этому же закону армию необходимо было тщательно реорганизовать. Рейхсвер времен Веймарской республики стал вермахтом. Гитлер, как фюрер и канцлер, стал верховным главнокомандующим вооруженными силами. Бломберг, министр обороны, был назначен военным министром и одновременно главнокомандующим вооруженными силами. Такое назначение было произведено в Германии впервые. Каждый из трех видов вооруженных сил имея своего командующего и свой штаб. — Прим авт.

75

«Я стараюсь изо всех сил, сижу вечерами, чтобы только в газету не попало что-нибудь, что может задеть их (немцев) чувствительность, — писал 23 мая 1937 года редактор «Таймс» Джеффри Доусон женевскому корреспонденту своей газеты Х. Г. Дэниелсу, предшественнику Эббата в Берлине. — Я, честное слово, не припомню ни одного материала за последние месяцы, по поводу

которого они могли бы выступить с замечаниями» (Ренч Д. Э. Джеффри Доусон и наше время). — Прим. авт.

76

Согласно показаниям Йодля в Нюрнберге, Рейн перешли только три батальона, направляясь в Ахен, Трир и Саарбрюкен. Вся территория была занята одной дивизией. Данные разведки союзников оказались сильно завышены — 35 тысяч человек, приблизительно три дивизии. Позднее Гитлер говорил: «На самом деле у меня было только четыре бригады». — Прим. Авт.

77

Несмотря на предупреждение Франсуа-Понсе, действия Германии оказались полной неожиданностью для Франции, Англии и их генеральных штабов. — Прим. авт.

78

7 марта Гитлер распустил рейхстаг и объявил о новых выборах и референдуме по поводу занятия Рейнской зоны. По официальным данным за 29 марта, 99 процентов избирателей из 45 453 691 пришли на избирательные участки, и 98,8 процента из них одобрили деятельность Гитлера. Иностранные корреспонденты, посетившие участки, отметили некоторые нарушения — в частности, открытое голосование вместо тайного. И это естественно, так как некоторые немцы боялись, и не без основания, что гестапо возьмет их на заметку, если они проголосуют «против». Доктор Хьюго Экенер рассказывал мне, что на новом дирижабле, который по приказу Геббельса курсировал в целях пропаганды между городами Германии, под словом «да» стояла цифра сорок два, что было на два больше числа членов экипажа. Мне довелось писать репортажи о выборах в разных частях страны, и я могу с уверенностью сказать, что акцию Гитлера одобрило подавляющее большинство населения. А почему бы и нет? Разрыв Версальского договора, немецкие войска, марширующие фактически по немецкой территории, — это одобрил бы каждый немец. «Против» проголосовало 540 211 человек. — Прим. авт.

79

Более чем через год, 5 ноября 1937 года, Гитлер говорил о политике по отношению к Испании в конфиденциальной беседе со своими генералами и министром иностранных дел. «Полная победа Франко, — заявил он, — с точки зрения Германии нежелательна. Мы более заинтересованы в продолжении войны и сохранении напряженности в Средиземноморье». — Прим. авт.

80

На Вильгельмштрассе шутили, что Гитлер оттягивал все сюрпризы до субботы, так как официальные лица в Англии проводили выходные за городом. — Прим. авт.

81

В своих показаниях в Нюрнберге 14 марта 1946 года Геринг с гордостью говорил о том, какую возможность предоставила гражданская война в Испании для испытания люфтваффе: «С разрешения фюрера я послал туда значительную часть транспортной авиации, несколько экспериментальных истребителей, бомбардировщики и зенитные орудия; все это дало мне возможность выяснить в боевых условиях, насколько отвечала поставленной задаче техника. Чтобы личный состав смог приобрести опыт, я позаботился о периодическом обновлении. То и дело кого-то посылали в Испанию, а кого-то отзывали назад». — Прим. авт.

82

Чемберлен записал в своем дневнике: «Визит (Галифакса) в Германию, по моему мнению, был успешным, так как он достиг своей цели — создана

атмосфера, в которой вполне возможно обсуждать с Германией практические вопросы умиротворения в Европе» (Фейлинг К. Жизнь Невилла Чемберлена, с. 332).

83

Это первое из множества кодовых названий немецких военных операций, которые будут встречаться по ходу повествования. Немцы употребляли слово «Fall», что в переводе означает «случай» (Fall Rot случай «Красный», и Fall Griin — случай «Зеленый» — соответствующие названия операций на Западе и против Чехословакии). Сначала, как показывали в Нюрнберге немецкие генералы, эти названия использовались, как это принято у любого военного командования, для обозначения предположительных ситуаций. Однако, когда подлинный смысл этих документов стал ясен, они решили употреблять это слово для обозначения планов вооруженной агрессии. Поэтому более точно следовало бы перевести его как «операция», но для удобства я предпочел в дальнейшем употреблять слово «вариант». — Прим. авт.

84

Французский посол Франсуа-Понсе, хорошо его знавший, в своей книге «Роковые годы» писал, что одно время Шахт был полон надежд сменить президента Гинденбурга и даже Гитлера, «если дела у фюрера пойдут плохо». — Прим. авт.

85

1 марта 1935 года, когда Германия захватила Саар, незадолго до начала парада в Саарбрюкене я стоял на трибуне рядом с Фричем. Меня он если и знал, то только как одного из американских корреспондентов в Берлине. И все же мне пришлось выслушать немало саркастических замечаний по поводу СС, нацистов и их главарей, начиная с Гитлера. Он не скрывал своего презрения к ним. — Прим. авт.

86

Это стоило Хоссбаху места, но не жизни, как опасались многие. Он вернулся в генеральный штаб, во время войны получил звание генерала. На Русском фронте он командовал 4-й армией, пока не был внезапно смещен фюреров по телефону 28 января 1945 года за то, что отвел войска вопреки его приказу. — Прим. авт.

87

Это имя приводится в книге Гизевиуса «До печального конца». Прим, авт.

88

Как пишет Мильтон Шульман в книге «Поражение на Западе», Гитлер лично посетил первую фрау фон Браухич, чтобы убедить ее дать согласие на развод, а потом помог уладить ее финансовые дела. Таким образом, он оказал личную услугу главнокомандующему армией, чем ставил его в зависимость от себя. В качестве источника информации Шульман ссылается на канадскую военную разведку. — Прим. авт.

89

Чтобы отвлечь внимание от военного кризиса и не уронить престиж Нейрата в стране и за рубежом, Гитлер по совету Геринга создал так называемый «тайный совет». Как явствовало из декрета фюрера от 4 февраля, совет преследовал цель «вырабатывать направление внешней политики». Президентом совета стал Нейрат. В его состав входили Кейтель, главнокомандующие трех видов вооруженных сил, видные члены кабинета и деятели партии. Пропагандистская машина Геббельса подняла вокруг этого шум, утверждая, что это большое повышение, что Нейрат возглавил «сверхкабинет». На самом

деле «тайный совет» был чистой фикцией. Геринг в Нюрнберге говорил; «Я с уверенностью могу сказать, что такого совета не существовало. Но это красиво звучало, всем нравилось и потому имело значение. Я под присягой заявляю, что «тайный совет» ни разу не собирался даже на минуту». — Прим. авт.

90

Когда Папен через тридцать шесть часов после этих событий прибыл в берлинскую канцелярию, он застал Гитлера «на грани истерики» (Папен Ф. Воспоминания). — Прим. авт.

91

Четыре года назад в этот день правительство Дольфуса, в состав которого входил и Шушниг, устроило бойню австрийских социал-демократов. 12 февраля 1934 года 17 тысяч правительственных солдат и боевиков из фашистской милиции подвергли артиллерийскому обстрелу рабочие кварталы Вены. При этом было убито около тысячи мужчин, женщин и детей и около четырех тысяч ранено. С демократическими свободами в Австрии было покончено. Последовавшее за этим правление Дольфуса, а потом и Шушнига было клерикально-фашистской диктатурой. Она, конечно, была менее жестокой, чем диктатура нацистского варианта, и те, кто работал тогда в Берлине и Вене, могут это подтвердить. Тем не менее у народа Австрии отняли политическую свободу, на него обрушились репрессии, каких он не знал даже при Габсбургах. — Прим. авт.

92

Позднее доктор Шушниг записал по памяти в своих мемуарах то, что он назвал «важными отрывками» разговора. И хотя это не дословная запись, всякий, кто слышал или изучал нескончаемые высказывания Гитлера, поймет, что звучит это вполне правдоподобно. Ее правдивость подтверждают не только дальнейший ход событий, но и те, кто присутствовал в тот день в Бергхофе, в частности Папен, Йодль и Гвидо Шмидт. Я взял этот отчет

Шушнига из его книги «Реквием по Австрии» и письменных показаний в Нюрнберге. — Прим. авт.

93

Совершенно очевидно, что превратное представление Гитлера об австро-германской истории, полученное, как мы убедились в предыдущих главах, в юности во время пребывания в Линце и Вене, не изменилось. — Прим. авт.

94

Версия Папена несколько отличается от версии Шушнига, но последняя звучит правдоподобнее. — Прим. авт.

95

Вильгельм Канарис возглавлял военную разведку и контрразведку (абвер) ОКВ. — Прим. авт.

96

Согласно показаниям президента Микласа на суде над австрийскими нацистами в Вене, идея плебисцита была подсказана Шушнигу из Франции. Папен в своих мемуарах полагает, что «отцом» идеи плебисцита можно считать французского посла в Вене Пюо, личного друга канцлера, однако признает, что Шушниг воспринял эту идею как собственную. — Прим. авт.

97

Опущенный абзац был найден после войны в архивах министерства иностранных дел Италии. — Прим. авт.

98

Граница по Бреннеру была подачкой Муссолини. Это означало, что Гитлер не будет претендовать на Южный Тироль, отобранный у Австрии и переданный Италии в Версале. — Прим. авт.

99

Справедливости ради следует отметить, что плебисцит Шушнига прошел бы так же «свободно» и «демократично», как и плебисцит, устроенный Гитлером в Германии. Поскольку в Австрии с 1933 года свободные выборы не проводились, не уточнялись и списки избирателей. Голосовать могли только лица, достигшие двадцати четырех лет. О плебисците было объявлено всего за четыре дня, так что ни нацисты, ни социал-демократы, даже если бы им позволили, не смогли провести предвыборные кампании. Социал-демократы безусловно проголосовали бы «за», поскольку считали Шушнига меньшим злом, чем Гитлер, тем более что Шушниг обещал им политическую свободу. Нет сомнения в том, что их голоса обеспечили бы Шушнигу победу. — Прим. авт.

100

В своих послевоенных показаниях, на которые мы уже ссылались, Миклас отрицал, что говорил Шушнигу что-либо в этом роде. Он отрицал также, что дал согласие на выступление Шушнига по радио. Оспаривая бывшего канцлера, уверявшего, что президент не был готов противостоять силе, Миклас заявлял, будто сказал Шушнигу: «Дела еще не так плохи, чтобы капитулировать». Он только что отклонил второй немецкий ультиматум. Он был тверд. Однако выступление Шушнига подорвало его позицию. Как мы

увидим дальше, упрямый президент продержался еще несколько часов, прежде чем сдаться. 13 марта он отказался подписать закон об аншлюсе, который означал конец существования Австрии как независимого государства, о чем возвестил Зейсс-Инкварт. Миклас хоть и передал дела нацистскому канцлеру, поскольку его лишили возможности выполнять свои обязанности, но постоянно напоминал, что официально никогда не подавал в отставку. «Это было бы трусостью», — говорил он потом на суде в Вене. Это, однако, не помешало Зейсс-Инкварту 13 марта официально объявить, что «президент по просьбе канцлера покинул свой пост», передав дела. — Прим. авт.

101

Часть Директивы №2 с грифом «Совершенно секретно» об операции «Отто» гласила:

«Требования германского ультиматума австрийским правительством не выполнены… Во избежание дальнейшего кровопролития в австрийских городах марш германских вооруженных сил в Австрию начнется в соответствии с Директивой №1 на рассвете 12 марта. Полагаю, что поставленные задачи при максимальном использовании всех имеющихся сил будут выполнены в кратчайший срок. Адольф Гитлер». — Прим. авт.

102

На самом деле Зейсс-Инкварт до глубокой ночи пытался связаться с Гитлером, чтобы тот отменил вторжение. В меморандуме германского министерства иностранных дел записано, что в 2.10 ночи 12 марта позвонил генерал Муфф и сообщил, что по указанию канцлера Зейсс-Инкварта он просит, чтобы «войска оставались в состоянии боевой готовности, но не пересекали границу». Кепплер поддержал эту просьбу. Генерал Муфф, офицер старой школы, человек порядочный, был, вероятно, обескуражен ролью, выпавшей ему в Вене. Когда ему сообщили, что Гитлер отклонил просьбу не вводить войска, он заметил, что «сожалеет об этом». — Прим. авт.

103

Давая показания в Нюрнберге, Гвидо Шмидт клялся, что как он, так и Шушниг известили послов великих держав об ультиматуме Гитлера «во всех деталях». Более того, венские корреспонденты газет «Таймс» и «Дейли телеграф», насколько мне известно, также передали в свои газеты подробные отчеты. — Прим. авт.

104

Черчилль забавно описал этот обед в своей книге «Надвигающаяся буря». — Прим. авт.

105

Эта ложь была повторена в циркулярной телеграмме, разосланной 12 марта из министерства иностранных дел бароном фон Вайцзекером германским послам в зарубежных странах «для сведения и ориентации в разговорах». Вайцзекер утверждал, что заявление Шушнига о немецком ультиматуме «обыкновенная фальшивка», и информировал своих дипломатов: «Правда заключается в том, что вопрос о посылке немецких вооруженных сил… впервые был затронут в хорошо известной телеграмме нового австрийского правительства. Ввиду опасности гражданской войны, которая постоянно нарастала, правительство Германии решило выполнить эту просьбу». Таким образом, министерство иностранных дел Германии обманывало не только иностранных, но и своих дипломатов. В длинной и скучной книге, которую Вайцзекер написал после войны, он, как и многие другие, служившие Гитлеру, уверяет, что всегда был противником нацизма. — Прим. авт.

106

В своих показаниях в Нюрнберге 9 августа 1946 года фельдмаршал Манштейн утверждал: «…Когда Гитлер давал нам приказы относительно Австрии, больше всего его беспокоило не то, что могут вмешаться западные державы. Основным предметом его беспокойства было поведение Италии, потому что она всегда выступала заодно с Австрией и Габсбургами». — Прим. авт.

107

Дом авиаторов. — Прим. ред.

108

Папен мог не заметить, что фюрера обуревало желание отомстить этому городу и людям, которые не оценили его, Гитлера, в должной мере в молодые годы. В душе он презирал этих людей. Вероятно, поэтому он так недолго пробыл в Вене. Однако публично он заявил через несколько недель бургомистру Вены:

«Уверяю вас, этот город я считаю жемчужиной, я помещу его в оправу, которой он достоин». Скорее всего, это была фраза для предвыборной кампании, а не выражение истинных чувств. Об истинных же чувствах он поведал Бальдуру фон Ширахуу, нацистскому губернатору и гауляйтеру Вены, во время встречи в Бергхофе в 1943 году, что стало известно во время суда в Нюрнберге: «Тут фюрер начал с безграничной, я бы сказал, с невероятной злобой говорить о венцах… В четыре часа утра он произнес фразу, которую я хочу привести сейчас по историческим соображениям. Он сказал: «Никогда нельзя допускать Вену в союз великой Германии…»

Праздничное настроение Папена было испорчено в тот же день, 14 марта. Он узнал, что Вильгельм фон Кепплер, его старый друг по дипломатической миссии, исчез при странных обстоятельствах, которые наводили на мысль, что это работа гестапо. Через три года другой его друг и коллега по миссии, барон Чиршки, вынужден был укрыться в Англии, чтобы избежать расправы эсэсовцев. В конце апреля тело Кепплера было выловлено в Дунае, куда его бросили гестаповские головорезы. — Прим. авт.

109

Через несколько месяцев, 8 октября, толпа нацистских хулиганов ворвалась в резиденцию кардинала, расположенную против собора Святого Стефана. Пусть слишком поздно, но Иннитцер понял, что такое национал-социализм, и выступил с проповедью, в которой осуждал преследование нацистами церкви. — Прим. авт.

110

В то время Шушниг был вдовцом. — Прим. авт.

111

Генерал фон Браухич летом получил развод и 24 сентября женился на Шарлотте Шмидт. — Прим. авт.

112

Согласно дневнику Йодля, Гитлер употребил более крепкое слово. Телфорд Тейлор в своей книге «Меч и свастика» более подробно рассказывает об этом случае, ссылаясь на неопубликованные мемуары генерала Адама. — Прим, авт.

113

Согласно меморандуму министерства иностранных дел Германии от 6 августа, Гендерсон во время неофициальной встречи с немцами заявил: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии. Обо всем можно договориться, если не применять грубую силу». Прим. авт.

114

Клейст вернулся в Берлин 23 августа и показал письмо Черчилля Беку, Гальдеру, Хаммерштейну, Канарису, Остеру и другим участникам заговора. В своей книге «Немезида власти» Уилер-Беннет пишет, что согласно частному сообщению, сделанному ему Фабианом фон Шлабрендорфом после войны, Канарис снял с письма Две копии: одну — для себя, другую — для Бека и Клейста, после чего спрятал оригинал в своем загородном доме в Померании. Там письмо было найдено сотрудниками гестапо после покушения на Гитлера 20 июля 1944 года и сыграло главную роль в вынесении Клейсту смертного приговора, который был приведен в исполнение 16 апреля 1945 года. В действительности содержание письма Черчилля стало известно властям гораздо раньше, чем могли предположить заговорщики. Я нашел в министерстве иностранных дел Германии документ, который, хотя на нем и не стоит дата, предположительно написан 6 сентября 1938 года. На документе есть пометка: «Выдержка из письма Уинстона Черчилля доверенному лицу в Германии». — Прим. авт.

115

«Я искренне верю, писал посол лорду Галифаксу из Берлина 18 июля, — что настало время закрутить гайки в Праге… Если Бенеш не может удовлетворить Генлейна, он не сможет удовлетворить ни одного судетского лидера. Нам следует занять по отношению к чехам жесткую позицию». Кажется непостижимым, что в то время даже Гендерсон не знал, что Генлейн всего лишь орудие в руках Гитлера и что именно от Гитлера исходит приказ постоянно завышать требования, чтобы Бенеш не смог их удовлетворить. — Прим. авт.

116

Даже самые суровые критики внешней политики Чемберлена из числа журналистов аплодировали премьер-министру, когда он объявил, что отправляется в Берхтесгаден. Поэт Джон Мэйсфилд сочинил поэму, настоящую хвалебную песнь под названием «Невилл Чемберлен», которая была опубликована в «Таймс» 16 сентябри. — Прим. авт.

117

И в беседе с Гитлером, и во время выступления в палате общин Чемберлен проявил поверхностное знание немецкой истории. В обоих случаях он согласился с трактовкой слова «вернуться» в его прямом значении, хотя судетские немцы проживали на территории Австро-Венгрии, но никогда не входили в состав Германии. — Прим. авт.

118

Несмотря на то что с рекомендациями Ренсимена кабинет был ознакомлен вечером 16 сентября, сам доклад был представлен только 21 сентября, а опубликован 28 сентября, когда в свете развития событий уже имел интерес чисто академический. Уилер-Беннет замечает, что создается впечатление, будто некоторые части доклада написаны после 21 сентября. Когда Ренсимен покидал утром 16 сентября Прагу, никто — ни Гитлер, ни судетские лидеры не шли так далеко, чтобы настаивать на включении Судетской области в состав Германии без плебисцита. (Уилер-Беннет. Мюнхен. Текст доклада Ренсимена; Британская белая книга.) — Прим. авт.

119

Надо отметить, что ни английское, ни французское правительство не опубликовали текста этой чешской ноты при обнародовании документов, оправдывающих политику, приведшую их к Мюнхену. — Прим. авт.

120

Предательство Бонне очевидно. Между прочим он пытался убедить кабинеты Англии и Франции в том, что чехословацкое правительство якобы хочет, чтобы Франция заявила о своем нежелании сражаться за Чехословакию, — тогда у последней появится предлог для капитуляции. (См. Уилер-Беннет. Мюнхен; Рипка Г. Мюнхен: до и после; Пертинакс. Могильщики Франции.) — Прим. авт.

121

26 апреля 1938 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР, изложив формулировку договора, определяющую условия, при которых СССР и Чехословакия были обязаны оказывать помощь друг другу, сделал следующее важное заявление:

«Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции» (Калинин М. О международном положении. М., 1938, с. 14). В сложившейся конкретной ситуации требовалось официальное обращение правительства Чехословакии к правительству СССР с просьбой об оказании такой помощи. Однако правительство Бенеша предпочло капитулировать. — Прим. тит. ред.

122

Отель принадлежал старому другу Гитлера, нацисту Дризену. Именно отсюда Гитлер в ночь на 30 июня 1934 года отправился убивать Рема и проводить «кровавую чистку». Нацистский вождь часто приезжал в этот отель, чтобы собраться с мыслями и рассеять сомнения. — Прим. авт.

123

Гитлер знал, что Чехословакия приняла англо-французские предложения. Йодль отметил в своем дневнике, что 21 сентября, в 11.30 утра, за день до того, как Чемберлен прибыл в Годесберг, ему, Йодлю, позвонил адъютант фюрера и сказал: «Пять минут назад фюрер получил известие, что Прага, судя по всему, безоговорочно согласна». В 12.45, пишет Йодль, начальники отделов получили приказ продолжать подготовку операции «Грюн», но при этом не упускать из виду мирное проникновение. Вполне возможно, что Гитлер не знал англо-французских условий, пока ему не рассказал о них премьер-министр. Прим. авт.

124

Мобилизация в Чехословакии началась 23 сентября, в 10.30 утра. — Прим. авт.

125

Меморандум предписывал вывести все чешские войска, в том числе подразделения полиции, к 1 октября с больших территорий, заштрихованных на карте красным цветом. Судьбу территорий, заштрихованных зеленым цветом, предстояло решить в ходе плебисцита. Все военные сооружения на этих территориях предписывалось оставить нетронутыми. Коммерческие, транспортные материалы, особенно подвижной состав железных дорог, передавались немцам неповрежденными. Наконец, не должны были вывозиться продукты питания, товары, скот, сырье и т. д. Сотни тысяч чехов, проживавших в Судетской области, лишались права забрать с собой свой скарб или корову. — Прим. авт.

126

Ответ Чехословакии документ трогательный и пророческий. В нем говорилось, что Годесбергские предложения лишают ее «гарантий на существование как нации». — Прим. авт.

127

По окончании переговоров в Годесберге английские и французские корреспонденты, а среди них и главный европейский корреспондент нью-йоркской «Таймс», являвшийся гражданином Великобритании, поспешили к французской, бельгийской и голландской границам, чтобы не оказаться интернированными в случае объявления войны. — Прим. авт.

128

Заверения Вильсона приведены в записи беседы, которую Шмидт сделал на немецком языке, по-английски. — Прим. авт.

129

Эти предложения были переданы послом Гендерсоном в министерство иностранных дел Германии в 11 вечера с просьбой немедленно довести их до сведения Гитлера. — Прим. авт.

130

Имеются в виду написанные собственной рукой показания Гальдера, Гизевиуса и Шахта. В них много противоречий, по некоторым пунктам они полностью исключают друг друга. Не следует забывать, что все трое с самого начала служили нацистскому режиму, хотя после войны старались доказать, что всегда были противниками Гитлера и выступали за мир.

Эрих Кордт, начальник секретариата Риббентропа в министерстве иностранных дел, тоже был участником заговора — причем не последним — и пережил войну. В Нюрнберге он написал длинный меморандум о событиях сентября 1938 года, с которым автор имел возможность ознакомиться. — Прим. авт.

131

Ни историки, ни заговорщики не могут точно указать, где находился Гитлер 13 и 14 сентября. Черчилль, основываясь на меморандуме генерала Гальдера, утверждает, что фюрер прибыл в Берлин из Берхтесгадена утром 14 сентября и что Гальдер и Вицлебен, узнав об этом, «решили выступить в восемь вечера в тот же день». Они отменили операцию, согласно их показаниям, когда в четыре часа дня узнали, что Чемберлен летит в Берхтесгаден

(Черчилль У. Надвигающаяся буря). Но в воспоминания Гальдера, а следовательно, и в утверждение Черчилля вкралась ошибка. Дневник Гитлера с ежедневным расписанием, хранящийся сейчас в библиотеке Конгресса, содержит несколько записей, из которых явствует, что 13 и 14 сентября Гитлер провел в Мюнхене, где помимо всего прочего встречался с Риббентропом на квартире у Бормана и посетил кабаре «Зонненвинкель». Вечером 14 сентября он уехал в Оберзальцберг. — Прим. авт.

132

Британский посол В Риме. — Прим. авт.

133

Как известно, Гитлер уже мобилизовал все наличные войска. — Прим. авт.

134

Аллан Буллок в своей книге «Гитлер. Исследование тирании» пишет «Несомненно, что именно вмешательство Муссолини перевесило чашу весов». — Прим. авт.

135

Взять, например, объяснение провала заговора, данное одним из его участников генералом Георгом Томасом, умелым руководителем отдела экономики и вооружения ОКБ: «Исполнение этого плана было, к сожалению, сорвано, потому что, с точки зрения генерала, которому предписывалось командовать нашими силами (Вицлебена), на молодых офицеров нельзя было

положиться в политической акция такого рода». (См. Томас Г. Размышления и события.) Прим. авт.

136

Накануне, в 6.45 вечера, Чемберлен направил официальное послание президенту Бенешу, в котором сообщал о встрече в Мюнхене. Он писал: «Я буду во всем иметь в виду интересы Чехословакии. Я еду туда (в Мюнхен) с намерением попытаться найти компромисс между позициями чешского и немецкого правительств». Бенеш немедленно ответил: «Я прошу ничего не предпринимать в Мюнхене, пока не будет выслушана Чехословакия». Прим. авт.

137

О немецких корнях предложений Муссолини упоминает в своих свидетельских показаниях, данных 4 июня 1948 года в Нюрнберге перед военным трибуналом США IV по делу «США против Эрнста Вайцзекера», Эрих Кордт. В документах по германской внешней политике приводится краткое содержание официального судебного протокола. Кордт рассказывает также об этом в своей книге «Иллюзии и реальность». Доктор Шмидт, подтверждая слова Кордта, говорил, что переводить предложения дуче не составляло труда, поскольку он уже переводил их накануне в Берлине. Чиано, министр иностранных дел Италии, находясь в Мюнхене, записал в своем дневнике 29–30 сентября, что Муссолини представил документ, который на самом деле был продиктован накануне по телефону из итальянского посольства «как пожелания немецкого правительства». — Прим. авт.

138

Соглашение датировано 29 сентября, хотя подписано оно было рано утром 30 сентября. В соответствии с соглашением оккупация немцами «территорий с преобладающим немецким населением» должна была производиться немецкой армией в четыре этапа с 1 по 7 октября. Остальные территории немцы должны были занять к 10 октября, после разграничений, произведенных международной комиссией. Эта комиссия состояла из представителей четырех

великих держав и Чехословакии. Англия, Франция и Италия сошлись на том, что к 10 октября необходимо закончить эвакуацию, причем зданиям и сооружениям не должен быть причинен ущерб, и что правительство Чехословакии несет ответственность за сохранность вышеозначенных сооружений.

Далее, международной комиссии не позднее конца ноября предстояло организовать плебисцит в районах со смешанным этническим составом населения, после чего надлежало определить новые границы В приложении к соглашению Англия и Франция заявили, что они «не отказываются от своего предложения… о международных гарантиях новых границ Чехословацкого государства на случай неспровоцированной агрессии. Когда будет решен вопрос с польским и венгерским меньшинствами, Германия и Италия в свою очередь дадут гарантии Чехословакии».

Обещание провести плебисцит так и не было выполнено. Ни Германия, ни Италия не дали Чехословакии гарантий даже после того, как был разрешен вопрос о польском и венгерском меньшинствах. Как мы позднее убедимся, не стали выполнять своих гарантий и Англия и Франция. — Прим. авт.

139

Чемберлен имел в виду возвращение Дизраэли с Берлинского конгресса в 1878 году. — Прим авт.

140

Даже Гитлер в конце концов убедился в этом, проинспектировав чешские укрепления. Позднее он говорил доктору Карлу Буркхардту, верховному комиссару Лиги Наций в Данциге: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас — мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план. Только тогда я понял, почему мои генералы меня удерживали». (Пертинакс. Могильщики Франции.) — Прим. авт.

141

Немецкое название литовского порта Клайпеда. — Прим. ред.

142

Когда во время допроса в Нюрнберге мистер Джастин Джексон спросил Геринга, действительно ли он говорил так, тот ответил: «…Это было сказано в запальчивости, в волнении… Я не придавал этому значения». — Прим. авт.

143

Американский посол в Берлине Хью Вильсон был отозван президентом Рузвельтом 14 ноября, то есть через два дня после «консультаций» с Герингом. Больше он на этот пост не вернулся. Немецкий посол в Вашингтоне Ганс Дикхофф, который в тот же день доложил в Берлин о том, что в Штатах «поднялась буря негодования» из-за устроенного немцами погрома, был отозван 18 ноября и тоже не вернулся на свой пост. 30 ноября германский поверенный в делах в Вашингтоне сообщил в Берлин посредством кода, что «ввиду ухудшения отношений и недостаточных мер по обеспечению безопасности секретных материалов» в посольстве «секретные досье политического содержания» следует перевезти в Берлин. «Досье настолько объемны, — предупреждал он, — что их невозможно будет уничтожить сразу, если в том возникнет необходимость». Прим. авт.

144

28 января 1939 года лорд Галифакс тайно предупредил президента Рузвельта, что «еще в ноябре 1938 года появились подозрения, которые теперь почти переросли в уверенность, что Гитлер планирует дальнейшие захваты весной 1939 года». Министр иностранных дел Великобритании сообщал: «Донесения указывают на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, намеревается совершить нападение на страны Запада в качестве прелюдии к последующим действиям на Востоке». — Прим. авт.

145

В немецком варианте записи беседы Риббентропа и Чиано в Риме 28 октября, сделанной доктором Шмидтом, подтверждается воинственное настроение Риббентропа. Приводятся его слова о том, что Германия и Италия должны готовиться к «вооруженному конфликту с западными демократиями… здесь и сейчас». На этой встрече Риббентроп уверял Чиано, что Мюнхен показал силу изоляционистов в США, так что «Америки опасаться нечего». — Прим. авт.

146

Это удивительное сооружение возводилось в течение трех лет и обошлось очень дорого. Добираться туда было чрезвычайно трудно. Сперва надо было преодолеть десять миль по дороге, как бы прилепившейся к скале, потом — длинный туннель, прорубленный в горной породе, а оттуда подняться на лифте на 370 футов. В результате человек оказывался на горе высотой шесть тысяч футов, откуда открывалась захватывающая панорама Альп. Вдалеке виднелся Зальцбург. Описывая позднее это убежище, Франсуа-Понсе удивлялся: «Кем же было задумано это строение человеком, обладающим здравым умом, или человеком, обуреваемым манией величия, жаждой повелевать и одиночеством?» — Прим. авт.

147

Имеются в виду сенат и палата депутатов. — Прим. тит. ред.

148

24 ноября Гитлер издал еще одну секретную директиву, которая предписывала вермахту готовиться к военной оккупации Данцига, но об этом будет рассказано ниже. Уже тогда фюрер думал о том, что произойдет после окончательного завоевания Чехословакии, — Прим. авт.

149

Гитлер потребовал также, чтобы чехословацкий национальный банк передал часть своего золотого запаса в Рейхсбанк (он запросил 391,2 миллиона чешских крон золотом). 18 февраля Геринг писал в министерство иностранных дел: «Ввиду того что валютное положение все ухудшается, я настоятельно требую, чтобы 30–40 миллионов рейхсмарок золотом (из чехословацкого национального банка) были переданы нам немедленно. Они необходимы для выполнения важных заданий фюрера». — Прим. авт.

150

Немецкое название Закарпатской Украины. — Прим. тит. ред.

151

Монсеньер Тисо, насколько я его помню, имел одинаковые размеры как в высоту, так и в ширину. Он был невероятный обжора. «Когда я чувствую усталость, — признался он однажды Паулю Шмидту, — я съедаю полфунта ветчины, и это успокаивает мои нервы». Ему было суждено кончить жизнь на виселице. 8 июня 1945 года он был арестован американскими военными властями и передан вновь образовавшейся Чехословакии, где после четырехмесячного суда 15 апреля 1947 года его приговорили к смертной казни. 18 апреля приговор был приведен в исполнение. — Прим. авт.

152

На этот счет точки зрения историков расходятся. Некоторые убеждены, что немцы заставили Гаху приехать в Берлин. Их убежденность основана,

вероятно, на сообщении французского посла в Берлине, который ссылался на «надежные источники». Но из обнаруженных впоследствии документов министерства иностранных дел Германии очевидно, что инициатива исходила от Гахи. 13 марта через германскую миссию в Праге он обратился с просьбой о встрече с Гитлером, а потом повторил ее 14 марта. Во второй половине дня 14 марта Гитлер согласился встретиться с ним. — Прим. авт.

153

В Нюрнберге Геринг вспоминал, что сказал Гахе: «Мне будет жаль, если придется бомбить прекрасную Прагу». Выполнять свою угрозу, по его словам, он не собирался. «Этого и не требовалось, — объяснял он. — Но мне казалось, что такая фраза послужит хорошим аргументом и позволит быстрее закончить дело». — Прим. авт.

154

На Нюрнбергском процессе Нейрат говорил, что это назначение явилось него «полной неожиданностью» и что ему этот пост был «не по душе». Тем не мене он согласился, когда Гитлер объяснил ему; назначая его на этот пост, он хотел уверить Англию и Францию, будто «не собирается вести враждебную Чехословакии политику». — Прим. авт.

155

Вероятно, будет интересно, забегая несколько вперед, рассказать о том, что произошло с некоторыми действующими лицами этой драмы в дальнейшем. Франк был приговорен к смерти в послевоенной Чехословакии и публично повешен неподалеку от Праги 22 мая 1946 года. Генлейн покончил с собой после того, как в 1945 году его арестовали бойцы чешского Сопротивления. Хвалковски, который стал представителем протектората в Берлине, погиб во время бомбежки союзников в 1944 году. Гаха был арестован чехами 14 мая 1945 года, но умер, не дождавшись суда. — Прим. авт.

156

На суде в Нюрнберге статс-секретарь пытался доказывать, что в записях бесед и встреч подобного рода умышленно преувеличивал свои нацистские настроения, чтобы скрыть свою антинацистскую деятельность. Однако рассказ Кулондра свидетельствует, что в действительности Вайцзекер ничего не преувеличивал. — Прим. авт.

157

Немецкое название Познани. — Прим. ред.

158

Поморье. — Прим. ред.

159

В результате Польша отодвинула свою границу на 150 миль к востоку от линии Керзона за счет Советского Союза. После переноса границы 4,5 миллиона украинцев и 1,5 миллиона белорусов оказались в Польше. Таким образом, польская западная и восточная границы были неприемлемы для Германии и для Советского Союза соответственно. Этот факт странами Запада, очевидно, не учитывался. — Прим. авт.

160

В личном письме от 28 марта Чемберлен указывал: «Должен признаться, что я совершенно не доверяю России. Я не верю, что она сможет вести эффективные наступательные действия, даже если захочет… Более того, ее ненавидят и относятся к ней с подозрением многие маленькие государства, особенно Польша, Румыния и Финляндия». — Прим. авт.

161

Оккупировав в марте 1939 года порт Клайпеда (Мемель) и Клайпедский край, гитлеровцы навязали Литве соответствующий «договор». Правительства Англии и Франции не воспрепятствовали этому новому акту германской агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи (в 1924 году представители Франции, Англии, Италии и Японии подписали в Париже конвенцию, согласно которой Клайпедский край признавался составной частью Литвы). — Прим. тит. ред.

162

В инструкции, направленной Кеннарду по телеграфу, ясно давалось понять, что Россию привлекать к переговорам не следует. «Становится очевидно, говорилось в телеграмме, — что наши попытки укрепить положение будут сорваны, если в самом начале мы открыто привлечем Россию. Последние телеграммы из некоторых зарубежных миссий его величества содержат предупреждение о том, что участие России не только создаст опасность для наших конструктивных начинаний, но и будет способствовать сплочению членов Антикоминтерновского пакта, а также вызовет беспокойство правительств ряда дружественных стран». — Прим. авт.

163

Чемберлен не мог не знать о военной слабости Польши. Неделей ранее, 22 марта, британский военный атташе в Варшаве полковник Сорд отправил в Лондон пространный отчет о безнадежном стратегическом положении Польши, «окруженной с трех сторон Германией», о низкой боеспособности польской армии, испытывающей нехватку современного вооружения.

6 апреля, когда полковник Бек находился в Лондоне по вопросу обсуждения пакта о взаимопомощи, полковник Сорд и британский военно-воздушный атташе Вачелл составили новые доклады, которые оказались еще пессимистичнее. Вачелл отмечал, что ВВС Польши в течение ближайшего года «будут иметь не более 600 самолетов, которые не могут составить конкуренции немецким». Сорд докладывал, что польская армия и ВВС настолько плохо оснащены, что не смогут оказать значительного сопротивления массированному наступлению немцев. Посол Кеннард, суммируя доклады своих атташе, сообщал в Лондон, что в случае нападения со стороны Германии поляки не в состоянии защитить свой коридор или западные границы, что им придется отступать к Висле, в самое сердце Польши. «Дружественное отношение России, — добавлял он, — для Польши вопрос первостепенной важности». — Прим. авт.

164

[Трансляция речи Гитлера на Америку была прервана уже после того, как он начал говорить. Вследствие этого в Нью-Йорке стали распространяться слухи, будто на него совершено покушение. Я находился в аппаратной коротковолновой секции Германской радиовещательной компании в Берлине, когда передача внезапно прервалась. В ответ на мое возмущение немцы заявили, что приказ исходил от самого фюрера. В течение пятнадцати минут сотрудники Си-Би-Эс звонили мне из Нью-Йорка и справлялись о покушении. Я опровергал подобные домыслы, так как по телефонной линии, проложенной из Вильгельмсхафена, слышал, как кричал Гитлер. Застрелить его в тот день было вообще невозможно, поскольку выступал он, стоя за перегородкой из пуленепробиваемого стекла. — Прим. авт.

165

В день, когда фюрер должен был произнести речь, Вайцзекер отправил Гансу Томсену, немецкому поверенному в делах в Вашингтоне, телеграмму, в которой приказывал как можно шире рекламировать обращение Гитлера, добавив, что для этой цели будут выделены дополнительные средства. 1 мая Томсен отвечал: «Интерес к речи превосходит все, что мне доводилось видеть раньше. Я приказал разослать отпечатанный английский вариант речи… по десяткам тысяч адресов в соответствии с нашим планом. Счета будут высланы позднее». — Прим. авт.

166

Хотя в корреспонденции Ассошиэйтед Пресс из Москвы, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс» 12 марта, говорилось, что заявление Сталина о том, что Советский Союз не позволит втянуть себя в войну с Германией, дало повод для разговоров в дипломатических кругах, будто возможность сближения Германии и Советского Союза вполне реальна, однако британский посол в СССР сэр Уильям Сидс, вероятно не принимавший участия в подобных разговорах, в своем отчете, посланном в Лондон, не упомянул ни о них, ни о такой возможности. Джозеф Дэвис, бывший посол США в Москве, находившийся в то время в Брюсселе, сделал правильные выводы из речи Сталина. В своем дневнике 11 марта он отметил: «Это открытое предупреждение правительствам Англии и Франции, что Советы устали от «нереальной» оппозиции агрессору. Это… действительно представляет угрозу для переговоров… между британским Форин оффис и Советским Союзом. Это настоящий сигнал опасности…» 21 марта он писал сенатору Питтману: «… Гитлер предпринимает отчаянные попытки настроить Сталина против Англии и Франции. Если Англия и Франция не пробудятся, то, боюсь, ему это удастся». — Прим. авт.

167

19 марта, объясняя советскому послу в Лондоне Ивану Майскому, почему русские предложения о конференции (желательно в Бухаресте) неприемлемы, лорд Галифакс, в частности, сказал, что в настоящий момент ни один из министров его кабинета не может поехать в Бухарест по причине занятости. Очевидно, что желания вести дальнейшие переговоры с Англией после такого отказа у русских поубавилось. Позднее Майский говорил Роберту Бутби, члену парламента от партии консерваторов, что непринятие русских предложений было расценено как очередной сокрушительный удар по политике коллективной безопасности и что это решило судьбу Литвинова. — Прим. авт.

168

Дневник Чиано за 22 мая изобилует пикантными подробностями о жизни Гитлера и его окружения, фрау Геббельс, например, жаловалась, что Гитлер заставляет своих друзей бодрствовать по ночам, что «все время говорит один только Гитлер», что «он повторяется и надоедает гостям». До Чиано доходили слухи «о нежных чувствах фюрера по отношению к красивой девушке.

Ей двадцать два года, у нее большие глаза, правильные черты лица и великолепная фигура. Зовут ее Зигрид фон Лаппус. Они часто видятся наедине». Чиано, сам дамский угодник, был, несомненно, заинтригован. Вероятно, он еще ничего не слышал о Еве Браун, любовнице Гитлера, которой в то время не разрешалось часто наведываться в Берлин. — Прим. авт.

169

В Ютландском морском сражении (1916 год), крупнейшем в первой мировой войне, ни одна из сторон не достигла цели, однако английский флот, располагавший превосходящими силами, сохранил господствующее положение на море. — Прим. тит. ред.

170

Указывая тоннаж немецких линкоров, генерал Томас обманывал даже министра иностранных дел. Имеется интересный документ ВМС Германии, датированный 18 февраля 1938 года, из которого явствует, что фальшивые цифры тоннажа немецких линкоров публиковались специально, чтобы не было несоответствий англо-германскому морскому соглашению. В документе говорится, что в действительности водоизмещение линкоров составляло 31 300 тонн и 41 700 тонн. Любопытный образчик хитрости нацистов. — Прим. авт.

171

27 мая британский посол и французский поверенный в делах передали Молотову англо-франиузский проект предполагаемого соглашения. К удивлению западных послов, Молотов воспринял его довольно холодно. — Прим. авт.

172

Письменные показания не были приняты в качестве свидетельских, но это не лишает их достоверности. Все документы, касающиеся советско-германского сотрудничества, рассматривались трибуналом очень осторожно, поскольку один из четырех судей был русский. — Прим. авт.

173

В книге «Нацистско-советские отношения», представляющей собой подборку документов немецкого министерства иностранных дел по этой тематике и изданной в 1949 году госдепартаментом США, эта телеграмма в переводе на английский звучит более сильно: «…Мы решили пойти на вполне определенные переговоры с Советским Союзом». Это побудила многих историков, в том числе и Черчилля, сделать вывод, что телеграмма от 30 мая знаменовала поворотный пункт в усилиях Гитлера заключить сделку с Москвой. Этот поворотный пункт наметился позднее. Как писал Вайцзекер в постскриптуме к письму Шуленбургу, шаги, направленные на сближение, должны быть «очень осторожными». — Прим. авт.

174

Желая упредить предоставление англо-франко-русских гарантий Латвии и Эстонии, которые граничили с Советским Союзом, Германия 7 июня срочно заключила с ними пакты о ненападении. А 31 мая она заключила аналогичный пакт с Данией, которой, учитывая предшествующие события, казалось, была гарантирована безопасность. — Прим. авт.

175

Согласно документам британского министерства иностранных дел, 8 июня Галифакс сказал Майскому, что он предполагал просить премьер-министра послать его в Москву, но «вырваться было совершенно невозможно». 12 июня, после того как уехал Стрэнг, Майский сказал Галифаксу, что неплохо бы было министру иностранных дел поехать в Москву, «когда обстановка стала спокойнее», но Галифакс опять заявил о невозможности отлучиться в настоящее время из Лондона. — Прим. авт.

176

19 июня главное командование сухопутных войск сообщило в министерство иностранных дел, что 168 офицеров германской армии «получили разрешение на проезд через вольный город Данциг в гражданской одежде на учебу». В начале июля генерал Кейтель направил в министерство иностранных дел запрос, «целесообразно ли с политической точки зрения продемонстрировать публике 12 легких и 4 тяжелые пушки, которые находятся в Данциге, или лучше скрыть их при проведении учений». Из немецких документов неясно, как немцам удалось провезти тяжелую артиллерию мимо польских таможенников. — Прим. авт.

177

Вейган в состав миссии не входил. — Прим. тит. ред.

178

Британское верховное командование, как впоследствии и немецкое командование, сильно недооценивало мощь Красной Армии. По большей части это произошло, вероятно, из-за докладов военных атташе, поступавших из Москвы. 6 марта, например, военный атташе Файрбрейс и военно-воздушный атташе Хэллауэлл в пространном докладе в Лондон писали, что, хотя Красная Армия и ВВС способны достаточно хорошо обороняться, вести серьезные наступательные действия они не могут. Хэллауэлл полагал, что препятствием для советской авиации, так же как для армии, «будет отсутствие нормально функционирующих служб, равно как и действия противника». Файрбрейс находил, что чистка среди командного состава сильно ослабила Красную Армию, но отмечал, что «Красная Армия считает войну неизбежной и наверняка напряженно к ней готовится». Прим. авт.

179

2 Стрэнг, прибывший в Москву для переговоров с Молотовым, относился к этому вопросу еще сдержаннее. «Это просто невероятно, — писал он 20 июля в Форин оффис, — что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским правительством, даже не будучи уверенными в том, станет ли оно нашим союзником».

Взгляд русских на этот вопрос оказался прямо противоположным. Он был изложен Молотовым 27 июля членам англо-французской делегации» «Очень важно было увидеть, сколько дивизий сможет выделить каждая сторона для общего дела и где эти дивизии будут размещены». Еще не связав себя политическими обязательствами, русские хотели знать, на какую военную помощь Запада они могут рассчитывать. — Прим. авт.

180

В состав английской миссии входили адмирал сэр Реджинальд Дракс, который был комендантом военно-морской базы в Плимуте в 1935-1938 годах, маршал авиации сэр Чарльз Барнет и генерал-майор Хейвуд. — Прим. авт.

181

Вывод, к которому Арнольд Тойнби и его сотрудники приходят в книге «Канун войны», основан преимущественно на документах британского Форин оффис. Прим. авт.

182

16 августа маршал авиации сэр Чарльз Барнет писал из Москвы в Лондон: «Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый договор». Сидс, британский посол: в Москве, телеграфировал в Лондон 24 июля, то есть на следующий день после; того, как его правительство согласилось на военные

переговоры: «Я не могу смотреть с оптимизмом на переговоры и не верю, что они быстро завершатся, но если их начать, сейчас, то это будет неплохой встряской для стран оси и стимулом для наших друзей. Но переговоры можно затягивать и, таким образом, пережить несколько тревожных месяцев». Учитывая, что англо-французская разведка знала о встречах Молотова; с немецким послом и о попытках Германии заинтересовать Россию новым разделом Польши — Кулондр еще 7 мая предупреждал Париж о скоплении немецких войск на польской границе и о намерениях Гитлера, учитывая все это, трудна понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве. — Прим. авт.

183

Типичным можно назвать сообщение Аттолико о встрече с Риббентропом 6 июля. На этой встрече нацистский министр иностранных дел заявил, что если Польша осмелится напасть на Данциг, то Германия решит данцигский вопрос за сорок восемь часов (в Варшаве!). Если Франция вмешается в данцигский вопрос и начнет таким образом всеобщую войну, пусть ей же будет хуже. Германия только и ждет этого. Франция будет уничтожена. Если вмешается Англия, то это приведет к развалу Британской империи. Россия? Скоро будет подписан русско-германский договор и Россия не станет вмешиваться. Америка? Одной речи фюрера оказалось достаточно, чтобы поставить Рузвельта на место. Американцы в любом случае не станут вмешиваться. Сидеть спокойно их заставит страх перед Японией.

«Я с удивлением молча слушал, — писал Аттолико, — пока Риббентроп рисовал картину войны, угодной Германии, картину, которая крепко засела в его мозгу. Он не видит ничего, кроме своего удивительного плана, он уверен в победе Германии над кем угодно и где угодно… В конце беседы я заметил, что в моем понимании между фюрером и дуче, между Германией и Италией было достигнуто полное согласие по вопросу подготовки к войне, которая не может начаться немедленно».

Дальновидный Аттолико не верил в это. В течение июля он во всех посланиях предупреждал о неизбежности действий Германии против Польши. Прим. авт.

184

Риббентроп вдруг раздраженно сказал Чиано: «Вы нам не нужны!» «Время покажет», ответил Чиано. (Из неопубликованных дневников генерала Гальдера, запись от 14 августа. Гальдер пишет, что узнал об этом от Вайцзекера.)?Прим. авт.

185

Хотя в немецких документах ясно сказано, что Чиано договорился с Гитлером не публиковать «никакого коммюнике» после завершения переговоров, немцы не преминули обмануть своего итальянского союзника. Официальное информационное агентство Германии ДНБ опубликовало коммюнике через два часа после отъезда Чиано, не проведя никаких консультаций с итальянцами. В коммюнике говорилось, что в ходе переговоров были затронуты все злободневные проблемы, в частности проблема Данцига, и что по всем вопросам было достигнуто «стопроцентное» понимание. Более того, в коммюнике сообщалось, что не остался не рассмотренным ни один вопрос и что в будущем встреч не намечается, так как для этого нет необходимости. Аттолико был вне себя. Он заявил немцам протест, обвиняя их в нечестной игре. Он намекнул Гендерсону, что война неизбежна. В своем сердитом послании в Рим он говорил о немецком коммюнике как о документе, составленном «в духе Макиавелли», с помощью которого Германия намерена привязать к себе Италию после того, как сама нападет на Польшу. Он заклинал Муссолини проявить твердость и требовать от Гитлера соблюдения пункта Стального пакта о консультациях и настаивать при этом на месячной отсрочке, за время которой вопрос о Данциге можно будет решить дипломатическим путем. — Прим. авт.

186

Единственным источником, сообщающим, что же все-таки происходило на этом совещании, является дневник генерала Гальдера, начальника генерального штаба сухопутных войск. Первая запись в нем сделана 14 августа 1939 года. Гальдер делал записи в дневнике посредством габельсбергеровской системы стенографии. Этот документ чрезвычайно ценен — в нем нашли отражение военные и политические события, происходившие в Германии с 14 августа. 1939 года по 24 сентября 1942 года, когда Гальдер был смещен со своего поста.

Что касается совещания в Оберзальцберге, то в записных книжках Гитлера подтверждается дата его проведения. Из них также следует, что на совещании кроме главнокомандующих Браухича, Геринга и Редера присутствовал доктор Тодт, инженер, соорудивший Западный вал. — Прим. авт.

187

19 марта 1946 года Далерус выступал в Нюрнберге свидетелем по делу Геринга. Он рассказал, что фельдмаршал давал английским бизнесменам честное слово всеми силами стараться избежать войны. Однако точнее его настроения отразились в высказывании, сделанном два дня спустя после встречи с англичанами. Хвастаясь мощью люфтваффе, он говорил: «На Рур не упадет ни одна бомба! Если вражеский бомбардировщик долетит до Рура, то я — не Герман Геринг!» В своем хвастовстве ему вскоре пришлось раскаяться. — Прим. авт.

188

Науйокс был участником «инцидента Венло», о котором речь пойдет дальше. Он принимал участие в операции по переодеванию немецких солдат в голландскую и бельгийскую военную форму, когда в мае 1940 года осуществлялось вторжение на Запад. В начале войны он руководил отделом СД, который занимался изготовлением фальшивых паспортов. Тогда же он предложил провести операцию «Бернхард» — фантастический план, заключавшийся в том, чтобы наводнить Англию фальшивыми банкнотами. Гейдриху он в конце концов надоел, и тот отправил его в полк СС, дислоцированный в России. Там он был ранен. В 1944 году Науйокс объявился в Дании в качестве экономиста-администратора, на самом же деле его работа заключалась в расправе над участниками датского Сопротивления. Он сдался американцам, чтобы спасти свою шкуру. Как военнопленный содержался в специальном лагере в Германии, но в 1946 году сбежал при невыясненных обстоятельствах и избежал суда. — Прим. авт.

189

Оберфюрер СС доктор Мельхорн, сотрудник Гейдриха. Шелленберг в своих мемуарах вспоминает, как 26 августа Мельхорн сказал, что ему поручено подстроить нападение в Глейвице, но он не захотел участвовать в этом деле, симулировав болезнь. С годами его нервная система «окрепла», и во время войны он зарекомендовал себя как один из главных подстрекателей гестаповского террора в Польше. — Прим. авт.

190

Подводные лодки отплыли в период с 19 по 23 августа, «Граф Шпее» — 21 августа, а «Дойчланд» — 24 августа. — Прим. авт.

191

Английское правительство вскоре узнало об этом 17 августа Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря США, сообщил английскому послу в Вашингтоне о предложениях, сделанных Молотовым Шуленбургу Американский посол в Москве передал их телеграммой в Вашингтон накануне, и они были абсолютно точны. Посол Штейнгардт встретился с Молотовым 16 августа. — Прим. авт.

192

Соглашение было подписано в Берлине в воскресенье 20 августа, в 14.00. Прим. авт.

193

Официальная запись этого совещания не обнаружена, однако сохранились заметки, которые делали присутствовавшие на нем адмирал Бем и генерал Гальдер. — Прим. авт.

194

Грязная собака (нем.).

195

Согласно отчету, приводимому в Нюрнберге, Геринг вскочил на стол и стал «рассыпаться в благодарностях и выкрикивать клятвенные обещания. Он плясал, как дикарь. Сомневающиеся стояли рядом молча». Это описание очень обидело Геринга. Во время допроса в Нюрнберге 28 и 29 августа 1945 года он сказал: «Я оспариваю факт, что я стоял на столе. Довожу до вашего сведения, что речь произносилась в большом зале в доме Гитлера. У меня нет привычки вскакивать на стол в чужих домах. Такой поступок несовместим со званием немецкого офицера».

«Хорошо, — сказал полковник Джон Х. Эймен, допрашивавший Геринга с американской стороны. — Но вы первый начали аплодировать после речи, верно?» «Да, но не стоя на столе», — возразил Геринг. — Прим. авт.

196

«Унизительная процедура» — так характеризовал это Стрэнг в своем докладе в министерство иностранных дел 20 июля. — Прим. авт.

197

Здесь очень важно точно указать время. Молотов не принимал предложения нацистов о визите Риббентропа в Москву до вечера 15 августа. Не принимая его, он, однако, дал понять: Россия заинтересована в подписании пакта о ненападении с Германией, что, конечно, делало переговоры о военном союзе с Англией и Францией излишними. Самый верный вывод, к которому смог прийти автор книги, заключается в том, что до 14 августа, когда Ворошилов потребовал «прямого» ответа на вопрос о допуске советских войск в Польшу для соприкосновения с немцами, в Кремле еще не решили, в какую сторону склониться. К сожалению, русские документы, которые могли бы внести ясность в этом ключевом вопросе, не опубликованы. В любом случае Сталин,

по-моему, не принимал окончательного решения до вечера 19 августа. — Прим. авт.

198

Во время встречи военных делегаций 21 августа Ворошилов потребовал сделать перерыв в переговорах на неопределенный срок под тем предлогом, что он и его коллеги будут заняты на осенних маневрах. В ответ на протесты англо-французской стороны против такой задержки маршал сказал «Намерением советской делегации было и остается заключение договора о сотрудничестве вооруженных сил сторон….СССР, не имея общих границ с Германией, сможет оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии только при условии, что его войскам будет предоставлено право прохода через территории Польши и Румынии… Советские вооруженные силы не могут взаимодействовать с вооруженными силами Англии и Франции, если они не будут пропущены через польскую и румынскую территории… Советская военная делегация не представляет, как генеральные штабы Англии и Франции, посылая свои миссии в СССР …могли не дать им инструкции, какую занять позицию в этом элементарном вопросе… Из этого следует, что есть все основания сомневаться в искренности их желаний серьезно и эффективно сотрудничать с Советским Союзом».

Аргументы маршала логичны, а неспособность французского и особенно английского правительств ответить на них обернулась катастрофой. Но такой аргумент, приведенный 21 августа, когда Ворошилов не мог не знать о решении, принятом Сталиным 19 августа, был обманом. — Прим. авт.

199

Формулировка основных статей практически не отличалась от их формулировки в проекте, который Молотов передал Шуленбургу и с которым Гитлер в своей телеграмме на имя Сталина согласился. В русском проекте указывалось, что пакт о ненападении вступит в силу после одновременного подписания секретного протокола, который станет составной частью пакта.

Фридрих Гаус, присутствовавший на вечерней встрече, сообщал, что написанная Риббентропом в высоком стиле преамбула об установлении дружественных советско-германских отношений была вычеркнута по настоянию Сталина. Советский диктатор сказал, что «Советское правительство не может представить на суд общественности уверений в дружбе после того, как в течение шести лет нацистское правительство обливало СССР грязью». — Прим. авт.

200

В статье VII говорилось, что договор вступает в силу с момента подписания. Ратификация договора в двух тоталитарных государствах была, по сути, чистой формальностью. Тем не менее на это ушло несколько дней. На этом настоял Гитлер. — Прим. авт.

201

Это же можно сказать и о польской дипломатии. Посол Ноэль сообщал в Париж о реакции министра иностранных дел Бека на подписание германо-советского пакта: «Бек совершенно не изменился и не выглядит ни в коей мере обеспокоенным. Он полагает, что, в сущности, мало что изменилось». — Прим. авт.

202

И это несмотря на многочисленные предупреждения о том, что Гитлер заигрывает с Кремлем. 1 июня Кулондр, французский посол в Берлине, информировал своего министра иностранных дел Бонне, что Россия занимает все большее место в мыслях Гитлера. «Гитлер рискнет начать войну, — писал Кулондр, — если ему не придется воевать с Россией. Более того, если он будет знать, что с ней ему тоже придется воевать, он скорее отступит, чем ввергнет свою страну, свою партию и самого себя в катастрофу». Посол советовал поторопиться с завершением англо-французских переговоров в Москве и сообщал, что английский посол в Берлине обратился к своему правительству с таким же призывом. (Французская желтая книга, с. 180-181).

15 августа и Кулондр и Гендерсон побывали у Вайцзекера в министерстве иностранных дел. Британский посол сообщал в Лондон: статс-секретарь уверен, что Советский Союз «в конечном счете присоединится к разделу Польши» (Британская синяя книга, с. 91). Кулондр после беседы с Вайцзекером телеграфировал в Париж:

«Необходимо любой ценой допвогриться с русскими, и как можно скорее» (Французская желтая книга, с. 282).

Весь июнь и июль Лоренс Штейнгардт, американский посол в Москве, слал предупреждения о готовящейся советско-германской сделке. Президент передал эту информацию в английское, французское и польское посольства. Еще 5 июля, когда советский посол Константин Уманский направлялся в Москву в отпуск, он вез с собой послание Рузвельта Сталину, в котором президент предупреждал, что если «Советское правительство заключит союз с Гитлером, то ясно как божий день, что, как только Гитлер завоюет Францию, он двинет свои войска на Россию» (Дэвис Д. Е. Миссия в Москву, с. 450). Предупреждение президента было передано по телеграфу Штейнгардту вместе с инструкцией повторить его Молотову, что и было проделано послом 16 августа (Дипломатическая переписка США. 1939, т. 1, с 296-299). — Прим. авт.

203

Обстановка в Прибалтийских странах не была столь однозначной, как полагает автор. Значительная часть населения Прибалтийских стран ратовала за вхождение в состав СССР, но, несомненно, имелись и силы, не желавшие этого. — Прим. тит. ред.

204

В данном случае автор грешит против исторической истины. Нападение Германии на Польшу произошло бы независимо от подписания советско-германского I пакта о ненападении. — Прим. тит. ред.

205

Вайцзекер, присутствовавший при этой встрече, писал позднее «Как только дверь за послом закрылась, Гитлер усмехнулся и сказал «Чемберлен не перенесет этого разговора. Его кабинет падет сегодня вечером». (Вайцзекер. Мемуары, с. 203.) — Прим. авт.

206

Если не от войны, то от серьезного участия в ней. Генерал Гальдер в дневниковой записи, сделанной 28 августа, воспроизводит ход событий 25 августа. Он пишет, что в 13.30 Гитлер принял Гендерсона. При этом он добавляет: «Фюрер не обидится, если Англия будет делать вид, что ведет войну». — Прим. авт.

207

Хотя приказ Гитлера, который не был отменен, предписывал начать наступление в этот день и час и, как замечает Гальдер, действовал «автоматически», некоторые немецкие авторы пишут, что незадолго до 15.00 фюрер приказал начать операцию «Вайс» на следующее утро. (См Вайцзекер. Мемуары; Кордт Э. Иллюзия и реальность; Хофер У. Преднамеренная война.) Хофер пишет, что приказ был отдан в 15.02, и ссылается при этом на генерала фон Формана, который находился в тот момент в канцелярии. В официальных немецких документах об этом не упоминается. — Прим авт.

208

Вместе с договором был подписан секретный протокол, где в статье I указывалось, что «европейская держава», способная совершить агрессию, при которой будет оказана помощь, — это Германия. Это спасло английское правительство от катастрофы, так как Англии пришлось бы объявить войну Советскому Союзу, когда Красная Армия вступила в Восточную Польщу. — Прим. авт.

209

Германия не переходила на летнее время, как Англия. Таким образом, разницы во времени на один час между Лондоном и Берлином не существовало. — Прим авт.

210

Нельзя забывать, что «польские провокации», о которых Гитлер и Риббентроп кричали во время встреч и дипломатических переговоров с англичанами, французами, русскими и итальянцами в те дни, а также новости, которые подавались под кричащими заголовками в прессе, контролируемой нацистами, от начала до конца являлись выдумкой самих немцев. Большинство провокаций в Польше творилось немцами же по прямому приказу из Берлина. В трофейных немецких документах тому есть масса подтверждений. — Прим. авт.

211

Днем раньше, 24 августа, Чиано посетил короля в его резиденции в Пьемонте. Стареющий правитель, оттесненный Муссолини, презрительно отзывался об итальянской армии. «Армия находится в плачевном состоянии — так, по словам Чиано, сказал король. — Даже оборона границ неудовлетворительна. Я сам тридцать два раза выезжал туда с инспекцией и убежден, что французы пройдут сквозь пограничные заслоны довольно легко. Офицеры итальянской армии обладают низкой квалификацией, а вооружение у нас устаревшее» (Чиано. Дневник, с. 127). — Прим. авт.

212

В немецком переводе письма Муссолини, обнаруженном в архивах министерства иностранных дел, слово «Германия» зачеркнуто, а наверху впечатано «Польша», так что получается: «Если Польша нападет…» В итальянском оригинале, опубликованном после войны итальянским правительством, в этом месте написано: «Если Германия нападет на Польшу». Странно, что нацисты фальсифицировали даже секретные документы, хранящиеся в их архивах. — Прим. авт.

213

Вероятно, считая, что письмо Муссолини явилось недостаточной пилюлей Гитлеру, некоторые немецкие авторы, в большинстве своем очевидцы драматических событий тех дней, приводят вымышленный текст этого письма дуче фюреру. Эрих Кордт, один из антинацистов-заговорщиков, который возглавлял секретариат министерства иностранных дел, первым привел этот вымышленный текст в своей книге «Иллюзия и реальность», выпущенной в Штутгарте в 1947 году. Кордт не включил его во второе издание книги, но другие авторы продолжали цитировать текст первого издания. Этот текст фигурирует в книге Петера Клейста «Между Гитлером и Сталиным», выпущенной в 1950 году, и даже в английском переводе мемуаров Пауля Шмидта, вышедшем в Нью-Йорке и Лондоне в 1951 году. Подлинный же текст письма был опубликован в Италии в 1946 году, а его английский перевод был включен в сборник «Нацистско-советские отношения», выпущенный госдепартаментом в 1948 году. Д-р Шмидт, который находился рядом с Гитлером, когда Аттолико передал ему письмо, утверждает, что оно звучало так: «В один из самых мучительных моментов своей жизни должен сообщить вам, что Италия не готова к войне. Согласно тому, что говорят ответственные начальники служб, бензина у итальянских ВВС хватит только на три недели боевых действий. Так же обстоит дело с поставками для армии и с сырьем… Войдите, пожалуйста, в мое положение». Удивительно интересно о подделке текста письма рассказывается в книге Нэмира «В нацистскую эру». — Прим. авт.

214

Это еще больше усугубило неудовольствие Берлина и замешательство Рима, и ситуацию пришлось улаживать Чиано. Аттолико позднее рассказывал ему, что сделал это намеренно (то есть потребовал доставки перечисленных материалов до начала военных действий), чтобы «убить в немцах желание удовлетворять наши просьбы». Доставить 13 миллионов тонн грузов за несколько дней было, естественно, невозможно, и Муссолини извинился перед послом Макензеном за «недоразумение», заметив при этом, что даже сам господь бог не смог бы перевезти такое количество грузов за несколько дней и что ему никогда не приходила в голову такая абсурдная просьба. — Прим. авт.

215

«Риббентроп не знал о том, что был послан Далерус, — показал Геринг. — Я никогда не говорил о нем с Риббентропом, который не знал ничего о том, что Далерус курсирует туда и обратно между британским правительством и мной». Но Гитлера Геринг держал в курсе дела. — Прим. авт.

216

Вероятно, имеется в виду послание президента Рузвельта Гитлеру от 24–25 августа с требованием проведения прямых переговоров между Германией и Польшей. — Прим. авт.

217

Справедливости ради надо отметить, что Далерус был совсем не так прогермански настроен, как может показаться на основании ряда документов. Ночью в тот понедельник, после встречи с Герингом, состоявшейся в штаб-квартире люфтваффе в Ораниенбурге и длившейся два часа, он позвонил Форбсу и сказал: «Немецкая армия будет готова к нападению на Польшу в ночь на 31 августа». Форбс поспешил передать эту информацию в Лондон. — Прим. авт.

218

«Я старался перекричать Гитлера, — телеграфировал Гендерсон Галифаксу на следующий день. — …Я повышал голос до предела». Об этом проявлении эмоции не упоминалось в английских документах более раннего периода. — Прим. авт.

219

Генерал Гальдер изложил в своем дневнике 29 августа суть замысла Гитлера. «Фюрер надеется, что он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей… Основные идеи — выставить только демографические и демократические претензии… 30.8 — Поляки в Берлине. 31.8 — Разрыв. 1.9 — Применение силы». — Прим. авт.

220

Хотя и написанная в примирительном тоне, британская нота по сути оказалась жесткой. Правительство его величества «разделяет» желание Германии улучшить отношения, но оно не может жертвовать интересами своих друзей ради достижения этого улучшения. Оно отчетливо осознает, что правительство Германии «не может жертвовать интересами Германии, но и правительство Польши находится в таком же положении». Правительство Великобритании вынуждено сделать «небольшую оговорку» в отношении условий Германии и, выступая всецело за скорейшие прямые переговоры между Берлином и Варшавой, «считает невозможным установить контакт уже сегодня». (Текст из Британской синей книги, с. 142–143.) — Прим. авт.

221

Риббентроп, который, как показалось автору этих строк, являл собой в Нюрнберге весьма жалкое зрелище и хуже всех защищался, заявил, что Гитлер сам «лично продиктовал» все шестнадцать пунктов и «настрого запретил выпускать текст предложений из рук». Почему — он не объяснил, да ему и не было задано такого вопроса. «Гитлер сказал мне, — уверял Риббентроп, — что я могу довести до сведения британского посла только суть предложений, если сочту нужным. Я сделал намного больше: я зачитал предложения от начала до конца». Д-р Шмидт отрицает тот факт, что Риббентроп читал так быстро, что английский посол не мог ничего понять. Он утверждает, что министр иностранных дел читал, «не особенно торопясь». Гендерсон, по словам Шмидта, «не был большим знатоком немецкого языка», и от встречи было бы больше пользы, если бы он говорил на родном языке. Риббентроп прекрасно владел английским, но отказался говорить на этом языке во время встречи. Прим. авт.

222

Все шестнадцать пунктов предложений были переданы немецкому поверенному в делах в Лондоне в 21.15 30 августа, за четыре часа до того, как Риббентроп «невнятно» зачитал их Гендерсону. Однако немецкому послу в Лондоне был дан приказ держать предложения «в строжайшей тайне и не говорить о них никому до дальнейших распоряжений». Гитлер в ноте, направленной накануне, как мы помним, обещал предоставить предложения в распоряжение британского правительства до приезда представителя Польши. Прим. авт.

223

В послании Галифаксу, которое было зарегистрировано в 5.15 утра (31 августа), Гендерсон докладывал, что «в сильных выражениях» посоветовал Липскому «позвонить Риббентропу» и выяснить суть немецких предложений, чтобы передать их в Варшаву. «Польский посол, — писал далее Гендерсон, — обещал немедленно связаться по телефону со своим правительством, но он настолько инертен и настолько связан инструкциями… что я слабо верю, что его действия принесут успех». — Прим. авт.

224

В Нюрнберге Геринг заявил, что, передавая англичанам текст «предложения» фюрера, он «ужасно рисковал, так как Гитлер запретил предавать огласке эту информацию». «Только я, хвастался Геринг, — мог пойти на подобный риск». — Прим. авт.

225

Даже недальновидный французский посол поддержал в этом своего британского коллегу. Гендерсон позвонил ему в девять утра и сказал, что если поляки не согласятся к полудню прислать в Берлин своего полномочного представителя, то германская армия начнет наступление. Кулондр немедленно

отправился в польское посольство, чтобы заставить Липского связаться по телефону со своим правительством и просить разрешения на немедленную встречу с правительством Германии в качестве «полномочного представителя». (Французская желтая книга, с 366–367.) — Прим. авт.

К этому времени, то есть к полудню 31 августа, Гендерсон, предпринимавший отчаянные попытки сохранить мир, убедил самого себя в том, что условия немцев вполне разумны и даже умеренны. И хотя Риббентроп накануне в полночь сказал ему, что предложения Германии «уже устарели, так как представитель Польши не прибыл», хотя польское правительство не видело этих предложений, которые по сути своей являлись чистейшим обманом, Гендерсон весь день настойчиво призывал Галифакса оказать давление на поляков и потребовать прислать полномочного представителя, как того хотел Гитлер. В то же время он продолжал указывать на разумность шестнадцати пунктов предложений Гитлера.

В 12.30 (31 августа) Гендерсон отправил Галифаксу телеграмму, в которой «убедительно просил» его «настоять» на том, чтобы правительство Польши поручило Липскому запросить у немцев текст предложений для срочной передачи их на рассмотрение своему правительству с целью решения вопроса о направлении полномочного представителя. «Условия кажутся мне умеренными, писал Гендерсон. — Это не Мюнхен… Польше никогда больше не предложат таких выгодных условий…»

В то же самое время Гендерсон направил Галифаксу длинное письмо: «…Предложения Германии не угрожают независимости Польши… Похоже, что позже ей предстоит гораздо худшая сделка…»

Продолжая придерживаться этой точки зрения, Гендерсон послал Галифаксу телеграмму. Эта телеграмма была отправлена в половине первого 1 сентября, то есть за четыре часа до запланированного начала немецкого наступления, о чем Гендерсон не знал. В телеграмме он писал: «Немецкие предложения кажутся мне правомерными… Принятие их сделает войну неоправданной». Он снова настаивал на том, чтобы британское правительство «откровенно и четко» сказало полякам, что они должны заявить «о своем намерении послать в Берлин полномочного представителя».

Британский посол в Варшаве придерживался иной точки зрения. 31 августа в телеграмме Галифаксу он указывал: «Мне кажется, что посол его величества в Берлине считает предложения Германии разумными. С точки зрения Варшавы, я не могу с ним согласиться». — Прим. авт.

227

В последний день мира в дипломатических кругах произошло еще одно странное событие, о котором стоит упомянуть. Далерус вместе с Липским посетил британское посольство. Оттуда, из кабинета Гендерсона, он позвонил по телефону в Форин оффис сэру Горацию Вильсону и сказал, что предложения Германии необычайно либеральны, тем не менее польский посол только что отклонил их. «Очевидно, — сказал он, — что поляки отвергают возможность переговоров».

В этот момент Вильсону показалось, что он слышит странный шум в телефонной трубке. Он решил, что немцы прослушивают разговор, и постарался поскорее его закончить, но Далерус продолжал распространяться о неразумном поведении поляков. В меморандуме Форин оффис Вильсон записал: «Я снова посоветовал Далерусу заткнуться, а когда он этого не сделал, я просто положил трубку».

Об этой неосторожности, допущенной в кабинете посла его величества в Берлине, Вильсон доложил своему начальству. В час дня, то есть менее чем через час, Галифакс послал Гендерсону кодированную телеграмму: «Вы должны с большей осторожностью пользоваться телефоном. Звонок Д. (так именовался Далерус в переписке между Форин оффис и британским посольством в Берлине), который он сделал в полдень из посольства, был в высшей степени безрассуден и наверняка подслушан немцами». — Прим. авт.

228

Заметки на полях директивы проясняют этот пункт, который можно толковать двояко: «Таким образом, силы в Атлантике некоторое время будут занимать выжидательную позицию». — Прим. авт.

229

Он, возможно, составил проект доклада в тот же вечер, но отправил его в Лондон только а 15.45 на следующий день, то есть через двенадцать часов после нападения Германии на Польшу. Этому предшествовал ряд телеграмм и телефонных звонков, в которых он сообщал о начале военных действий. В докладе говорилось;

«Взаимное недоверие между немцами и поляками настолько велико, что я не думаю, что могу с пользой и против своей воли согласиться с любыми новыми предложениями, поскольку они окажутся опрокинуты дальнейшими событиями. Последней надеждой остается наша непримиримая позиция силе противопоставить силу». — Прим. авт.

230

Так как некоторые мои друзья, прочитав этот отрывок, поставили под сомнение мою объективность, вероятно, имеет смысл привести иное мнение о британском после в Берлине. Сэр Л. Б. Нэмир, английский историк, характеризует Гендерсона следующим образом: «Самодовольный и высокомерный, тщеславный, не признающий чужого мнения, строго придерживавшийся своих предвзятых суждений, он слал телеграммы, доклады и письма в огромных количествах и невероятной длины. В них сто раз повторялись его необоснованные взгляды и суждения. Достаточно глупый, чтобы считаться опасным, и достаточно неглупый, чтобы считаться неопасным, он был типичным неудачником». (Нэмир Л. Б. В нацистскую эру, с. 162.) — Прим. авт.

231

Текст речи на польском языке набросал Науйоксу Гейдрих. В ней содержались подстрекательские выпады против Германии и сообщалось, что поляки начали войну. — Прим. авт.

232

«Нападение поляков» на Глейвиц было использовано на следующий день Гитлером в его выступлении в рейхстаге и приводилось в качестве оправдания нацистской агрессии Риббентропом, Вайцзекером и другими работниками министерства иностранных дел в пропагандистских целях. Нью-йоркская «Таймс» и другие газеты сообщили об этом и похожих инцидентах, в своих выпусках 1 сентября 1939 года. Остается только добавить, что все эсэсовцы, переодетые в польскую форму и участвовавшие в «нападениях», были быстро ликвидированы. — Прим. авт.

233

В течение дня Гитлер выбрал время, чтобы послать телеграмму герцогу Виндзорскому в Антиб во Францию.

Берлин, 31 августа 1939 года

Благодарю Вас за Вашу телеграмму от 27 августа. Вы можете быть совершенно уверены в том, что мое отношение к Британии и мое желание избежать новой войны между нашими народами остается неизменным. Однако от Британии зависит, сможет ли осуществиться мое желание развивать германо-британские отношения.

Адольф Гитлер

Это первое, но не последнее упоминание о бывшем английском короле, встречающееся в трофейных немецких документах. Со временем, о чем будет рассказано далее, герцог Виндзорский будет занимать важное место в расчетах Гитлера и Риббентропа. — Прим. авт.

234

Обращение Гитлера к армии, в котором сообщалось о начале военных действий, было прочитано по радио в 5.40 утра. Вскоре на улицах появились экстренные выпуски газет. — Прим. авт.

235

Операция немцев по захвату моста Диршау через Вислу до того, как поляки смогут его взорвать, была разработана еще летом и часто встречается в документах, связанных с операцией «Вайс». Она особо упоминалась Гитлером в Директиве №1 от 31 августа. Операция провалилась, вероятно, из-за того, что утренний туман помешал выброске парашютистов, которые должны были захватить мост. Поляки смогли взорвать его как раз вовремя. — Прим. авт.

236

О решении Муссолини англичанам стало известно накануне ночью. 31 августа, в 23.15, Форин оффис получило сообщение из Рима от сэра Перси Лорэйна: «Итальянское правительство приняло решение: Италия не будет воевать ни против Англии, ни против Франции… Об этом сообщил мне в 21.15 Чиано, сказав, что это совершенно секретно».

В тот вечер англичане напугали итальянцев, отключив в 20.00 телефонную связь с Римом. Чиано опасался, что это преддверие англо-французского нападения. — Прим. авт.

237

В 16.30, после заседания в Риме, итальянское радио передало сообщение совета министров итальянскому народу о том, что «Италия не станет инициатором военных действий». Сразу после этого было передано послание Гитлера Муссолини, в котором Италия освобождалась от обязательств. — Прим. авт.

238

1 сентября Бонне дважды в течение второй половины дня просил Ноэля, посла Франции в Варшаве, справиться у Бека, принимает ли Польша предложение Италии о конференции. Ближе к вечеру он получил от него ответ: «Мы ведем войну в результате неспровоцированного нападения. Теперь речь идет не о конференции, а о совместных с союзниками действиях, чтобы противостоять нападению». Послание Бонне и ответ Бека приведены во Французской желтой книге.

Британское правительство не присоединилось к усилиям Бонне. В меморандуме Форин оффис говорится, что британское правительство «не было поставлено в известность о таком демарше и консультации с ним не проводились». — Прим. авт.

239

Накануне, во второй половине дня, во исполнение инструкций, полученных от Галифакса, Гендерсон сжег свой шифр, секретные документы и обратился к поверенному в делах Соединенных Штатов с просьбой «принять на себя заботу об интересах Великобритании в случае войны». (Британская синяя книга, с. 21.) Прим. авт.

240

Чиано заявляет, что нота была составлена «под давлением Франции». (Дневники Чиано, с. 136.) Но это не так. Хотя Бонне и делал все, чтобы созвать конференцию, Муссолини действовал еще более настойчиво. — Прим. авт.

241

Стенограмма этой встречи, сделанная генералом Деканом, шефом военного кабинета премьера Даладье, впервые была обнародована на суде в Риоме. Этот документ никогда не предоставлялся другим участникам встречи для внесения уточнений. Генерал Гамелен в своей книге «Служить» заявляет, что запись сделана настолько сокращенно, что может ввести в заблуждение. Но основное содержание встречи подтверждает даже пугливый «генералиссимус», Прим. авт.

242

В своей книге «Служить» Гамелен отмечает, что он не хотел поднимать на встрече вопрос о военной слабости Франции, потому что не верил Бонне. Он пишет, что Даладье позднее сказал ему: «Вы поступили правильно. Если бы вы раскрыли нашу слабость, то немцы знали бы об этом на следующий день».

Гамелен утверждает также, что на конференции он не упоминал о невыгодном военном положении Франции, а только объяснил, что если Германия «уничтожит Польшу» и обрушится всей мощью на Францию, то Франция окажется в «трудном положении». «В этом положении, — пишет он, — Франции невозможно будет вступить в борьбу… Я полагал, что весной при поддержке английских войск и американского снаряжения мы смогли бы вести оборонительные действия (если, конечно, возникнет необходимость). Я добавлял также, что мы не можем надеяться на победу, разве что в затяжной войне. Я всегда считал, что мы будем неспособны вести наступательные действия раньше 1941–1942 годов».

Робость французского генерала во многом объясняет последующее развитие событий. — Прим. авт.

243

В течение ночи министр иностранных дел послал Гендерсону две телеграммы с предупреждением. В первой, отправленной в 23.30, говорилось:

«Может случиться, что этой ночью я пришлю инструкции, в соответствии с которыми вам придется немедленно сделать заявление правительству Германии. Прошу вас быть готовым к действиям. Лучше предупредить министра иностранных дел, что вы можете попросить его принять вас в любой момент».

Из этой телеграммы может показаться, что правительство Британии еще не приняло окончательного решения действовать в одиночку, невзирая на Францию. Но через 35 минут, в 00.05 3 сентября, Галифакс писал Гендерсону:

«Вам надлежит просить министра иностранных дел принять вас в 9 утра в воскресенье. Инструкции последуют».

Эта решающая телеграмма от Галифакса была отправлена в 5 утра по лондонскому времени. Гендерсон в своей книге указывает, что получил ее в четыре утра. — Прим авт.

244

В пять часов утра Галифакс послал еще одну, дополнительную, телеграмму, в которой сообщал послу, что Кулондр «не сделает аналогичного заявления правительству Германии до сегодняшнего (воскресенье) полудня» Он не знал,

когда истекает срок французского ультиматума, но полагал, что, вероятнее всего, между шестью и девятью. — Прим. авт.

245

Он объявился ненадолго 24 сентября. В этот день он встретился с Форбсом в Осло, чтобы выяснить, как он заявил на Нюрнбергском процессе, «не осталось ли все-таки возможности избежать мировой войны». Прим. авт.

246

Этот наспех состряпанный документ заканчивался следующим заявлением:

«Намерение Англии, переданное нам по приказу английского правительства господином Кинг-Холлом, нанести немецкому народу еще больший урон, чем нанес ему Версальский договор, принято нами к сведению, и на любой акт агрессии со стороны Англии мы ответим тем же оружием и тем же способом». Разумеется, британское правительство никогда не разделяло намерений Стивена Кинг-Холла, отставного морского офицера. Выпускаемый им бюллетень носил частый характер. Тем не менее Гендерсон послал в министерство иностранных дел протест против распространения издания Кинг-Холла в Германии, и британское правительство рекомендовало издателю воздержаться от подобного. — Прим. авт.

247

В Лондоне в 11.15 утра Галифакс вручил поверенному в делах Германии официальную ноту, в которой говорилось, что, поскольку гарантий от Германии не получено, он имеет честь объявить, что «два наших государства находятся в состоянии войны начиная с 11 часов 3 сентября». — Прим. авт.

248

Даже после этого, как известно, Бонне предпринял последнюю попытку удержать Францию от вступления в войну, предложив ночью итальянцам убедить немцев вывести войска из Польши «символически». — Прим. авт.